

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

**ЭССЕИСТИКА РАЗНЫХ ЛЕТ
(ОБЩЕСТВО, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА)**

Александр Маркович Беленицкий (1904–1993) — выдающийся российский востоковед и археолог, автор многих важнейших работ по истории и культуре древних и средневековых народов Центральной Азии и Среднего Востока, среди которых особое место занимают комментированный перевод трактата ал-Бируни «Минералогия» (М., 1963; СПб., 2011) и монографии «Central Asia [серия "Archaeologia Mundi"]» (Cleveland; New York, 1968; издана также на французском и немецком языках), «Монументальное искусство Пенджикента: Живопись. Скульптура» (М., 1973), «Средневековый город Средней Азии» (Л., 1973; в соавторстве с И. Б. Бентович и О. Г. Большаковым), «Mittelasien: Kunst der Sogden» (Leipzig, 1980), а также раздел «The Paintings of Sogdiana» (в соавторстве с Б. И. Маршаком) в книге: Azarpay G. Sogdian Painting. The Pictorial Epic in Oriental Art. Berkeley; Los Angeles; London, 1981. Всю свою научную жизнь (1936–1993) Александр Маркович проработал в главном археологическом учреждении Ленинграда / Санкт-Петербурга, называвшемся до 1937 г. Государственной Академией истории материальной культуры, затем — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР, с 1943 г. — Ленинградским отделением Института истории материальной культуры Академии наук СССР, с 1959 г. — Ленинградским отделением Института археологии Академии наук СССР, а в 1991 г. переименованном в Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. С 1954 по 1979 гг. А. М. Беленицкий руководил раскопками в древнем согдийском городе Пенджикенте — всемирно известном памятнике эпохи раннего средневековья, эталонном для всего ареала обитания древних иранских народов. При нем школу Пенджикентской экспедиции — одной из крупнейших советских археологических экспедиций в Средней Азии — прошли многие видные исследователи из Российской Федерации и других республик бывшего Советского Союза.

ISBN 978-5-8064-2628-5

9 785806 426285

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ЭССЕИСТИКА РАЗНЫХ ЛЕТ**

HERZEN

А. М. Беленицкий

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ДРЕВНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

**ЭССЕИСТИКА РАЗНЫХ ЛЕТ
(ОБЩЕСТВО, ИСТОРИЯ,
КУЛЬТУРА)**

HERZEN

Александр Маркович Беленицкий
(24.03.1904 — 15.06.1993)
за камеральной обработкой находок с городища
древнего Пенджикента, 1952 г.

С е р и я
«ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Редакционный совет:

С. И. Богданов (Санкт-Петербург), Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург),
О. Л. Габелко (Москва), В. А. Горончаровский (Санкт-Петербург), В. А. Дмитриев (Псков),
Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург), О. Ю. Климов (Санкт-Петербург), А. И. Колесников
(Санкт-Петербург), Ю. Н. Кузьмин (Самара), С. Ю. Монахов (Саратов), В. П. Никоноров
(Санкт-Петербург), И. В. Пьянков (Великий Новгород), Э. В. Рунг (Казань),
Р. В. Светлов (Санкт-Петербург), А. А. Сеницын (Санкт-Петербург),
Х. Туманс (Рига), М. М. Холод (Санкт-Петербург)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
ORIENTAL ARCHAEOLOGICAL SOCIETY
PROCEEDINGS OF THE INSTITUTE FOR THE HISTORY
OF MATERIAL CULTURE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Volume LII
PROCEEDINGS OF THE ORIENTAL ARCHAEOLOGICAL SOCIETY
Volume I

HISTORY AND CULTURE OF CENTRAL ASIA IN ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES

ESSAYS OF VARIOUS YEARS
(SOCIETY, HISTORY, CULTURE)

by Aleksandr M. Belenitskii

Edited by Valerii P. Nikonorov

Publishing House
of the Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg
2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ВОСТОЧНОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ТРУДЫ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
Том II

ТРУДЫ ВОСТОЧНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
Том I

А. М. Беленицкий

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
ЭССЕИСТИКА РАЗНЫХ ЛЕТ
(ОБЩЕСТВО, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА)**

Под общей редакцией В. П. Никонорова

Издательство Российского государственного педагогического
университета имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург
2019

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 18-19-00299. Не подлежит продаже*

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории материальной культуры РАН*

Беленицкий А. М.

- Б43 История и культура Центральной Азии в древности и средневековье. Эссеистика разных лет (общество, история, культура) / Под общей редакцией В. П. Никонорова; составители: В. П. Никоноров и Г. А. Беленицкая. — СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. — 740 с., ил. — (Исторические исследования; Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. LII; Труды Восточного археологического общества. Т. I).

ISBN 978-5-8064-2628-5

Книга представляет собой сборник работ выдающего российского востоковеда и археолога Александра Марковича Беленицкого (1904–1993) и состоит из двух частей: научных статей и эссе. В первую часть входят опубликованные в самых разных изданиях статьи по важным проблемам истории и культуры древних и средневековых народов Центральной Азии и Ирана, во вторую — никогда прежде не публиковавшиеся эссе по общественно значимой тематике.

Книга рассчитана как на профессиональных исследователей (востоковедов, историков, археологов, искусствоведов, культурологов, социологов), так и на самый широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой древнего и средневекового Среднего Востока.

ББК 63.3(5)

Belenitskii A. M.

History and Culture of Central Asia in Antiquity and the Middle Ages. Essays of Various Years (Society, History, Culture) / Edited by Valerii P. Nikonorov; composed by Valerii P. Nikonorov and Galina A. Belenitskaya. — St. Petersburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2019. — 740 p., ill. — (Historical Studies; Proceedings of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Vol. LII; Proceedings of the Oriental Archaeological Society. Vol. I).

The book is a collection of works by the outstanding Russian orientalist and archaeologist, Aleksandr M. Belenitskii (1904–1906), and consists of two parts: scientific papers and essays. The first part includes papers having to do with considerable problems of the history and culture of the ancient and medieval peoples of Central Asia and Iran, the second one — essays on socially significant themes never published before.

The book is intended both for professional researchers (orientalists, historians, archeologists, art historians, culturologists, sociologists) and for a wide range of those readers who are interested in the history and culture of the ancient and medieval Middle East.

- © А. М. Беленицкий (Г. А. Беленицкая), 2019
- © И. Б. Бентович (наследники), 2019
- © В. А. Лившиц (Н. Г. Птицына), 2019
- © Б. И. Маршак (В. И. Распопова), 2019
- © В. А. Мешкерис, 2019
- © В. И. Распопова, 2019
- © В. П. Никоноров, предисловие, 2019
- © Г. А. Беленицкая, материалы к биографии А. М. Беленицкого, 2019
- © Л. М. Всевиов, библиография А. М. Беленицкого, 2019
- © Институт истории материальной культуры РАН, 2019
- © Восточное археологическое общество, 2019
- © Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019
- © С. В. Лебединский, оформление обложки, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. П. Никоноров. Об этой книге и ее авторе</i>	7
Материалы к биографии А. М. Беленицкого (Из семейного архива).	
<i>Подготовлены к печати Г. А. Беленицкой</i>	25
<i>Л. М. Всевиов. Библиография А. М. Беленицкого</i>	30

ЧАСТЬ I. ИЗБРАННЫЕ НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Р а з д е л 1. Древность и раннее средневековье	43
1. Хутталская лошадь в легенде и историческом предании	43
2. Историко-географический очерк Хуттала с древнейших времен до X в. н. э.	52
3. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (К идентификации ткани «занданечи»)	84
4. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии	98
5. Камчатные ткани с горы Муг	112
6. Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье	125
7. О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии	136
8. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье	143
9. Хорезмийский всадник — царь или бог?	153
10. Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии	158
11. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов	174
12. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Опыт иконографического истолкования	230
13. Клад серебряных монет из Пенджикента	311
14. К вопросу об уточнении датировок согдийских монет	320
15. Ранняя арабская надпись на черепке из Пенджикента	328
16. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента	332
17. Социальная структура населения древнего Пенджикента	363
18. К характеристике товарно-денежных отношений в раннесредневековом Согде	370
19. Древнейшее изображение осадной машины в Средней Азии	381
20. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда	390
21. Изображение быка на памятниках искусства древнего Пенджикента (К истории зооморфизма в древнем изобразительном искусстве Средней Азии)	401
22. Согдийские «золотые пояса»	409
23. Согдийский город в начале средних веков (Итоги и методы исследования древнего Пенджикента)	415
Р а з д е л 2. Развитие средневековье	430
24. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV–XV вв.	430

25. Организация ремесла в Самарканде XV–XVI вв.	440
26. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху (XIV–XV вв.) (Образование института «суюргал»)	445
27. Историческая топография Герата XV в.	464
28. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV–XVI веках	495
29. Геолого-минералогический трактат Ибн Сины	509
30. Ибн Сина и Бируни (Опыт сравнительной характеристики)	525

ЧАСТЬ II. ЭССЕ (ЗАМЕТКИ)

О «Заметках» от автора	545
О традиции военной истории России	547
Космос и война	558
Народ-дитя	561
«Народ-дитя» (вариант 2)	563
О естественных науках	566
Свобода	571
Традиция в судьбах интеллигенции.	577
О Споке, Достоевском и Толстом	586
Традиции имперской политики, или К идее «Третьего Рима»	590
Последний акт	594
К пьянству.	599
О пьянстве на Руси.	606
Диссидентство на Руси и традиции борьбы с ним.	614
Из истории ораторского искусства	626
О лжи	633
Об учении Павлова.	638
О голоде	641
Ораторское искусство — риторика в России до 1861 г.	644
Ораторское искусство в России.	645
Традиции. К «Адвокатуре»	646
Апокалипсис.	649
Апокалипсис. Христианская эра	655
К Апокалипсису. Россия XIX в.	659
Апокалипсис. XX в.	668
Апокалипсис и НТР	671
О Сахарове	676
Восток — Запад	689
К энтропии марксизма в Советском Союзе.	706
История и НТР	709
А что скажут иностранцы?	712
Поденные записки	715
Россия и США. Вторая половина XIX в.	734
Список сокращений	738

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

В 2018 году минуло 25 лет, как ушел из жизни Александр Маркович Беленицкий (24.03.1904 — 15.06.1993) — выдающийся советский и российский востоковед, незаурядный и проницательнейший мыслитель и просто замечательный человек. Настоящая книга, представляющая собой дань уважения его памяти, состоит из двух частей. В первую, большую по объему, вошли 30 научных статей Александра Марковича, подобранных с таким расчетом, чтобы, во-первых, наиболее полно охарактеризовать его многогранное научное творчество и, во-вторых, продемонстрировать его серьезный научный вклад в изучение истории и культуры древних и средневековых народов западной части Центральной Азии и Ирана. Необходимо подчеркнуть, что исследовательский талант А. М. Беленицкого проявился в самых разных областях исторического знания — в археологии, социально-экономической истории, материальной и духовной культуре, источниковедении, нумизматике и эпиграфике. Несмотря на тот факт, что статьи, включенные в представляемую книгу, написаны достаточно давно, в хронологическом диапазоне 1940–1986 гг., вовсе не приходится говорить, что они уже устарели. Они подпадают под категорию «классика», т. е. содержащаяся в них информация до сих пор остается актуальной (а порой даже уникальной) для нынешних исследователей, изучающих историю и культуру древнего и средневекового Среднего Востока. И дело здесь не только в том, что при написании своих работ Александр Маркович превосходно использовал основные методы историко-археологического исследования — комплексный источниковедческий и сравнительно-типологический, благодаря чему его публикации продолжают оставаться образцовыми с методологической точки зрения. Вдобавок к этому он был первоклассным исследователем-востоковедом в истинном значении этого слова, скрупулезно изучавшим оригинальные арабские и персидские рукописи. Его перу принадлежит целый ряд публикаций, написанных на основе глубокого знания средневековых текстов, значительную часть важнейшей информации из которых он, по сути, первым ввел в научный оборот (см. статьи, вошедшие в раздел 2 части I). Важной составляющей его исследовательской процедуры являлось превосходное знание иностранной научной литературы на всех основных европейских языках по изучаемым им проблемам и темам.

Особо подчеркну, что многие издания, в которых были первоначально опубликованы статьи, вошедшие в данную книгу, уже давно стали библиографической редкостью.

Во вторую часть нашего издания вошли критические заметки-эссе общественно значимого характера, содержащие отклики А. М. Беленицкого на явления окружающей жизни, а также излагающие его взгляды на историческое, культурное и духовное развитие России и т. д. Эти эссе были написаны в период с 1960-х по 1980-е гг., причем вовсе не для опубликования, абсолютно неосуществимого в то время по причине содержащихся в них крамольных (т. е. так называемых

А. М. Беленицкий на занятиях в Ташкенте, 1928 (?) г.

идеологически вредных) мыслей, а, как говорится, «в стол» — для самого себя и небольшого, но надежного круга людей. Некоторые из этих заметок имеют не вполне завершенный вид, что в общем-то естественно: Александр Маркович, с одной стороны, время от времени возвращался к работе над ними

и что-то менял или дописывал, а с другой, он по тем или иным причинам так и не смог придать им законченную форму. Впрочем, это обстоятельство вовсе не мешает читателю целостно воспринять суть размышлений автора, который демонстрирует в своих заметках блестящее знание русской и советской художественной и публицистической литературы, широчайший общественно-политический кругозор и энциклопедический склад ума.

Важно отметить, что многое в эссе А. М. Беленицкого очень созвучно реалиям сегодняшней жизни, а упомянутые в них события и люди достаточно хорошо известны современному читателю. Являясь документами эпохи, не столь уж отдаленной от нынешней, эти заметки, на мой взгляд, вовсе не нуждаются в каких-либо дополнительных сторонних комментариях.

С любезного позволения Александра Марковича я впервые ознакомился с его эссе, напечатанными на печатной машинке и сложенными в две картонные папки белого цвета, где-то на рубеже 1980-х — 1990-х гг., и с тех пор меня не оставляла мысль об их публикации. Теперь же, благодаря гранту Российского фонда фундаментальных исследований, она наконец-то материализовалась. Более того, воплотилась в жизнь и моя давняя мечта издать заметки А. М. Беленицкого под одной обложкой с его избранными научными статьями.

А. М. Беленицкий прожил долгую и непростую, но в то же время чрезвычайно богатую на события и — главное — очень достойную жизнь. Он родился 24 марта 1904 г. в деревне Лобино Велижского уезда Витебской губернии (ныне — Усятский район Смоленской области)¹ в крестьянской семье. Когда ему было всего шесть лет, умер его отец, и совсем юный Александр начал трудиться в унасле-

¹ Эта информация о месте рождения А. М. Беленицкого приведена согласно данным его личного дела, хранящегося в рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, Оп. 1, д. 466), см.: Алёкишин В. А. Расширенное заседание Ученого совета и Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, посвященное 110-летию со дня рождения А. М. Беленицкого (1904–1993) — крупнейшего исследователя в области средневековой археологии Центральной Азии // ЗИИМК. Вып. 10. 2014. С. 199.

дованном от отца хозяйстве, середнячком по меркам того времени. В 1920 г. в связи с пожаром вся семья Беленицких переехала в Смоленск. Здесь Александр Маркович устроился чернорабочим на лесопильном заводе и одновременно поступил учиться на вечерний рабфак при Смоленском государственном университете. Завершив обучение на рабфаке в 1923 г., он в течение четырех лет работал сельским учителем в различных областях СССР.

В 1927 г. А. М. Беленицкий поступил на Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета (САГУ) в г. Ташкенте (Узбекистан), куда его привели тяга к знаниям и особый интерес к истории средневекового Востока. Окончив САГУ в 1930 г. по специальности преподавателя таджикско-персидского языка, он до 1934 г. работал преподавателем в средних и высших учебных заведениях таджикских городов Сталинабад и Ленинабад (ныне — соответственно Душанбе и Худжанд) и одновременно вел организационно-методическую работу в органах Наркомпроса Таджикской ССР. В частности, Александр Маркович стал автором первого таджикского букваря. Эти четыре года «определили его научные интересы и навсегда связали его как ученого с Таджикистаном»².

В 1934 г. А. М. Беленицкий поступил в аспирантуру при Историческом факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ), которую окончил в 1937 г. Под влиянием своего научного руководителя А. Ю. Якубовского он начал заниматься исследованиями в области социально-экономической истории народов Среднего Востока, в итоге подготовив на основе глубокого изучения рукописных источников кандидатскую диссертацию о движении сербдаров в Иране, которая была успешно защищена в 1938 г. Но еще будучи аспирантом, в 1936 г. Александр Маркович был принят на работу в сектор Средней Азии Института истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР (переименованный в 1959 г. в Ленинградское отделение Института археологии [ЛЮИА] АН СССР, а в 1991 г. — в Институт истории материальной культуры РАН), где и проработал до конца своей жизни. В 1938–1941 гг. он продолжал свою педагогическую деятельность, читая на Филологическом факультете ЛГУ ряд курсов по истории Ирана и Средней Азии. В 1940 и 1941 гг. вышли в свет его первые

А. М. Беленицкий (слева) и его товарищ Сулейман в день прихода из Таджикистана в Ташкент (10.08.1929)

² Грязнов М. П. К 60-летию Александра Марковича Беленицкого // СА. 1964. № 3. С. 170.

Пенджикент, 1946 г. В первом ряду сидят (слева направо): А. М. Беленицкий, Е. М. Пещерева и А. Ю. Якубовский (снимок сделан В. А. Лившицем)

статьи, продемонстрировавшие несомненный исследовательский талант их автора: «Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV–XV вв.», «Организация ремесла в Самарканде XV–XVI вв.» и «К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху (XIV–XV вв.) (Образование института “суюргал”)»³.

Начало Великой Отечественной войны Александр Маркович встретил в Ленинграде. Утром 22 июня 1941 г. вместе с С. С. Черниковым А. М. Беленицкий собирался купить кое-какие ножи для экспедиции. В 12 ч, услышав объявление о начале войны, оба пошли в институт. Записались в Народное ополчение и летом несколько месяцев занимались на курсах, но осенью Александр Маркович был направлен военкомом в институт для проведения работ по эвакуации⁴. В сентябре 1941 г. вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо фашистской блокады. Первую блокадную зиму А. М. Беленицкий перенес очень тяжело, едва выжив. По его собственному признанию, до осени 1942 г. он фактически не мог заниматься научной работой из-за дистрофии. В марте — апреле 1942 г. он был переправлен сначала в Тихвин, а оттуда — на Кубань, куда ему пришел вызов из ИИМК, эвакуированного к тому времени в Ташкент.

В ташкентской эвакуации Александр Маркович пробыл с осени 1942 г. по июль 1943 г. Там он работал в местном архиве над разбором фонда документов бухарских эмиров XIX в. По результатам этой работы он выступил с двумя докладами: «Городская жизнь феодальной Бухары в XIX в.» и «Амляки и формы

³ См. ниже, статьи № 24–26.

⁴ Записано со слов А. М. Беленицкого, см.: *Бобровская Е. В., Медведева М. В.* «Более радостно-го дня не было у меня...» Из воспоминаний военных лет // *АВ.* № 21. СПб., 2015. С. 441.

А. М. Беленицкий (слева) и Б. А. Литвинский в Кайрак-Кумах
(Таджикистан) в 1955 г.

землевладения в Бухарском ханстве XVIII–XIX вв.». Кроме того, подготовил научно-популярную статью «Из истории революционного движения в Средней Азии (Самаркандское восстание 1335/6 гг.)» (так и неопубликованную?).

Затем А. М. Беленицкий был мобилизован в РККА и находился в ее рядах с июля 1943 г. по сентябрь 1945 г. В городе Ставрополе Куйбышевской области (ныне — Тольятти) он прошел курс военных переводчиков и был направлен в спецразведку. В то время советские войска уже перешли в наступление по всей линии фронта.

Вот что вспоминает Александр Маркович об одном из самых ярких эпизодов его красноармейской службы: «На передовую линию фронта я впервые попал весной 1944 г. в составе особой разведывательной группы в качестве переводчика. Такие группы, снабженные спецрадиоаппаратурой, были тогда вновь организованы. Специальные радиоприемники позволяли ловить радиопередачи противника и определять “вектор” расположения самого передатчика. Обычно в периоды стабильности фронтовой обстановки ловились шифрованные передачи со стороны противника, дешифровкой которых занималась особая служба. Непосредственное оперативное значение приобретали открытые передачи по радио со стороны противника, когда последний явно не был в состоянии шифровать свои распоряжения.

И вот именно такая возможность выпала на долю нашей группы, когда мы впервые оказались на передовой линии фронта. Это было в день, когда началась крупная операция наших войск в районе Полоцк — Витебск, приведшая к освобождению почти всей Прибалтики. Помню этот теплый весенний вечер. Группу нашу в порядке “перебазирования” на грузовике повезли “куда-то вперед”, и когда уже стемнело, высадили в перелеске вблизи каких-то построек типа

А. М. Беленицкий
(1950-е гг.)

сараев. Небо заволокло, явно надвигался дождь. Забравшись в сарай, где были кучи сена, мы вскоре задремали. Ночью разразилась сильная гроза. И вдруг очень близко от нашего сарая началась другая “гроза”. В полный голос заговорила наша артиллерия — началась артподготовка “на полном серьезе”. Зрелище оказалось внушительным — точно состязались небо с землей. Верх явно брала земля.

Перед самым рассветом, когда и земная и небесная грозы замолкли, нашу группу отвели в просторную землянку, недавно оставленную немецкими солдатами. Вскоре в землянке был установлен телефон. Между тем заговорил и приемник. Послышались явно немецкие голоса. И вдруг очень четко характерным немецким приказным голосом было предложено “Матильде” немедленно перебазироваться в

пункт с вполне разборчивым названием населенного пункта, известного по карте. Об услышанном было немедленно передано на КП армии по нитке телефона. В ответ было приказано следить за “Матильдой”. Она весьма часто меняла свое местонахождение, что естественно становилось известным на КП.

Кажется, на завтра к нашей землянке прибыл начальник армейской разведки и передал благодарность от имени командующего армией. Позже при вручении группе орденов и медалей начальник армейской разведки особо помянул имя “Матильды”.

А. М. Беленицкий на отдыхе в Kisловодске (1955 г.)

А в 1982 г. имя «Матильды» — крупной артиллерийской части немецкой армии — встретилось в документальной повести советского писателя⁵, описавшего боевые действия Второго Прибалтийского фронта весной 1944 года»⁶.

Со своей частью А. М. Беленицкий дошел до Курляндии (Западная Латвия), где по линии городов Тукумс — Либава (Лиепая) с сентября 1944 г. по май 1945 г. шли ожесточенные бои с остатками германской группы армий «Север» (т. н. Курляндский котел). Там он и встретил День Победы. За свои боевые заслуги он был награжден Орденом Красной звезды и медалью «За участие в Отечественной войне», а 11 марта 1985 г. — Орденом Отечественной войны II степени.

Демобилизовавшись в сентябре 1945 г., Александр Маркович вернулся на работу в ИИМК АН СССР. Именно в первые послевоенные годы начинается его плодотворная научная деятельность. Он много пишет по истории и исторической географии Среднего Востока. В частности, 1946 г. вышла из печати его фундаментальная статья по топографии афганского города Герата в XV в.⁷, в 1950 г. — историко-географический очерк Хутталя (Хутталаяна) — области между реками Пяндж и Вахш в Южном Таджикистане⁸. Эти публикации до сих пор сохраняют свое значение для науки.

После возвращения из армии А. М. Беленицкий также активно включается в полевые исследования в составе Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (СТАЭ), организованной А. Ю. Якубовским. С этого времени археология и история культуры Таджикистана стали основной темой его работ. С 1946 г. он возглавлял Вахшский отряд СТАЭ, работавший в Южном Таджикистане, и участвовал в раскопках древнего Пенджикента на севере Таджикистана.

В 1954 г., после ухода из жизни его коллег, выдающихся ученых А. Ю. Якубовского (1886–1953) и М. М. Дьяконова (1907–1954), Александр Маркович встал во главе Пенджикентской археологической экспедиции и лично руководил ее полевыми исследованиями до 1979 г. включительно. Благодаря его неутомимой деятельности всему миру открылись замечательные памятники материаль-

А. М. Беленицкий на прогулке
(1950-е гг.)

⁵ Имеется в виду роман В. О. Богомолова «В августе сорок четвертого», впервые опубликованный в журнале «Новый мир» в 1974 г. Под названием «Момент истины» он вышел в Ставрополе в 1982 г.

⁶ Бобровская Е. В., Медведева М. В. «Более радостного дня не было у меня...»... С. 441–442.

⁷ См. ниже, статья № 27.

⁸ См. ниже, статья № 2.

А. М. Беленицкий близ города Мюнхена в Западной Германии (1957 г.)

ной культуры этого раннесредневекового согдийского города. А. М. Беленицкий наряду с таким крупнейшими организаторами археологической науки 1940-х и 1950-х гг., как А. Ю. Якубовский, М. М. Дьяконов, С. П. Толстов, М. Е. Массон и Б. А. Литвинский, стоял у истоков блестящей советской школы среднеазиатской археологии. Именно при нем Пенджикент превратился во всемирно известный, эталонный памятник эпохи раннего средневековья для Средней и Центральной Азии и Ирана.

Однако даже, казалось бы, уйдя с головой в археологию, Александр Маркович сохранил приверженность к исследованию письменных источников. Так, в течение многих лет параллельно с изучением материальной и духовной культуры древнего Согда он вел кропотливую и сложную работу над комментированным переводом одного из интереснейших памятников средневековой науки — «Минералогия». Этот поистине эпохальный труд был опубликован двумя изданиями с интервалом в 48 лет⁹. В его создании также принимал самое активное участие известный ученый-минеролог Г. Г. Леммлейн (1901–1962)¹⁰, к сожалению, не доживший до выхода этой книги в свет.

На первый взгляд может показаться, что А. М. Беленицкий как историк-востоковед по своему университетскому образованию и первоначальным на-

⁹ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого; редакция Г. Г. Леммлейна, Х. К. Баранова и А. А. Долининой; статьи и примеч. А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. М., 1963 (2-е изд.: СПб., 2011 — см. следующее примеч.).

¹⁰ О нем см.: Юшкин Н. П. Георгий Глебович Леммлейн (1901–1962) // Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого; статьи и примеч. А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. 2-е изд., доп. и испр. СПб., 2011. С. 22–28.

учным интересам стал археологом благодаря определенному стечению обстоятельств. Впрочем, нет никаких оснований всерьез сомневаться в профессиональных и организаторских качествах человека, который двадцать шесть лет (!) стоял у руля одной из лучших советских среднеазиатских археологических экспедиций и самым прямым образом повлиял на судьбы очень многих ученых, прошедших славную школу Пенджикента.

Отдавая должное высочайшему уровню академической подготовленности Александра Марковича, коллеги-востоковеды в шутку называли его «лучшим археологом среди востоковедов», а коллеги-археологи — «лучшим востоковедом среди археологов».

Всего за время своей научной деятельности Александр Маркович опубликовал более 180 научных работ, посвященных различным проблемам археологии, истории и культуры древнего и средневекового Среднего Востока, включая четыре монографии: по археологии Средней Азии в известной международной серии «*Archaeologia Mundi*», изданную на французском, английском и немецком языках и впоследствии переведенную на персидский язык¹¹, а также по искусству Пенджикента на русском языке¹² и Тогда на немецком¹³ и — в соавторстве с И. Б. Бентович и О. Г. Большаковым — о средневековом городе Средней Азии в свете данных археологии и письменной традиции¹⁴.

В 1967 г. ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук по совокупности его публикаций, посвященных изучению древнего Пенджикента.

А. М. Беленицкий неоднократно представлял советскую науку на самом высоком международном уровне. Он был участником XXIV и XXV Международных конгрессов востоковедов, которые проходили в Мюнхене (1957) и Москве (1960), а также V Международного конгресса по археологии и искусству Ирана в Тегеране (1968) и Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху в Душанбе (1968).

Александр Маркович очень большое внимание уделял воспитанию научных кадров, руководил аспирантами и стажерами. В настоящее время его ученики

А. М. Беленицкий
(конец 1950-х гг.)

¹¹ *Belenitsky A. M. Asie Centrale. Paris; Genève; Munich, 1968; Belenitsky A. M. Central Asia. Cleveland; New York, 1968; Belenitskiy A. M. Zentralasien. München; Genf; Paris, 1968; Belenitski A. M. Xurāsān va Māvaraʾun-nahr (Āsiyā-yi Miyāna). Tehrān, 1992.*

¹² *Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента: Живопись. Скульптура. М., 1973.*

¹³ *Belenizki A. M. Mittelasiien: Kunst der Sogden. Leipzig, 1980.*

¹⁴ *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.*

А. М. Беленицкий в Пенджикенте
(лето 1959 г.)

успешно работают в научных учреждениях России и бывших союзных среднеазиатских республик, ныне — независимых государств. Следует подчеркнуть, что особенно весомый вклад он внес в воспитание научных кадров для Таджикистана. Он неоднократно награждался почетными грамотами Президиума Верховного Совета и Президиума АН Таджикской ССР. 29 мая 1975 г. Указом Президиума Верховного Совета Таджикской ССР за заслуги в развитии исторической науки и подготовке научных кадров для республики ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Таджикистана».

В знак глубокого уважения к научным заслугам Александра Марковича Беленицкого 2–5 ноября 2004 г. на базе Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН в Санкт-Петербурге, в котором Александр Маркович проработал всю свою жизнь, прошла международная научная конференция «Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история,

этнология, культура», посвященная его 100-летию. В ее работе приняли участие более пятидесяти ученых из Российской Федерации, Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Франции, Италии, Испании, США, Англии, Германии, Венгрии, Израиля и Японии. В первом разделе сборника материалов этой конференции собраны статьи и заметки о жизни и научном творчестве А. М. Беленицкого¹⁵.

Таковы в общих чертах основные вехи биографии А. М. Беленицкого. Ниже я хотел бы поделиться своими личными воспоминаниями об этом незаурядном человеке. Так уж получилось, что мы были хорошими друзьями в последние пять лет его жизни, несмотря на весьма внушительную разницу в возрасте (почти 50 лет!). Толчком к этому послужило то обстоятельство, что в 1987 г. после завершения аспирантуры я был принят на работу в Отдел Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР и готовился к защите кандидатской диссертации «Вооружение и военное дело в Парфии». Александр Маркович, будучи в то время уже на должности старшего научного сотрудника-консультанта и оставаясь членом Ученого совета ЛОИА, проявил большой интерес к моей работе, одобрил ее и оказал мне всяческую поддержку. После моей успешной защиты в апреле 1988 г.

¹⁵ См.: Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб., 2005. С. 8–54.

О. И. Смирнова, А. М. Беленицкий (в центре) и С. И. Руденко
(начало 1960-х гг.)

я стал частым гостем в квартире Александра Марковича и его дочери Галины Александровны. Как сказала мне потом Галина Александровна, обычно аспиранты частенько навещали Александра Марковича до защиты своих диссертаций и затем исчезали, а я оказался едва ли не первым, кто стал это делать уже после своей защиты.

Конечно, нашему сближению в известной мере поспособствовал географический фактор: как оказалось, мы жили на соседних улицах в ленинградском спальном районе Ржевка-Пороховые. Но это, само собой разумеется, не было главным в завязавшей между нами дружбе, тем более что я с детства был привычен к дальним перемещениям по Ленинграду и его пригородам и не думаю, что намного реже бывал бы у Александра Марковича, живи он где-то далеко от места моего собственного проживания.

Итак, я часто и с большим удовольствием навещал Александра Марковича, который был также искренне рад моим визитам. Мы вели долгие разговоры на самые разнообразные темы, иногда в присутствии моего еще маленького тогда сына Андрея, которого я забирал из детского сада по дороге к Беленицким. Александр Маркович был интереснейшим собеседником, который в том числе рассказывал и о своей богатой на события жизни. Сейчас я сожалею, что не записывал тогда его любопытнейшие рассказы, от которых в моей памяти остались только разрозненные эпизоды. Ниже я перечислю только некоторые из них в качестве дополнительных штрихов к его известной биографии, вкратце изложенной выше.

Так, Александр Марковичу очень запомнилась случайная встреча в Смоленске в годы Гражданской войны с легендарным полководцем Михаилом

А. М. Беленицкий за письменным столом
(1960-е гг.)

Тухачевским (расстрелян в 1937 г.), когда он совершенно случайно оказался на городской улице совсем рядом с последним, восседавшим на своем боевом коне. Можно только предположить (но я в этом не уверен. — В. Н.), что этот приезд Тухачевского (кстати, выходяца из Смоленской губернии) в Смоленск был как-то связан с Советско-польской войной 1920 г., в которой он командовал Западным фронтом.

В самом начале 1930-х гг. Александр Маркович, уже работая после окончания САГУ в Таджикистане, оказался в руках участников басмаческого движения на юге Средней Азии, которые не предали его смерти (как это они обычно делали с представителями советской власти любого уровня), а отпустили по той причине, что он мог читать суры Корана по-арабски. Справедливости ради следует отметить, что Александр Маркович говорил также и о том, что жесткостью по отношению к местному мирному населению отличались не только басмачи, но и красноармейцы, особо выделив среди них латышских стрелков.

В 1937 г. А. М. Беленицкий был арестован НКВД (надо полагать, по доносу какого-то «бдительного» коллеги по работе в ИИМК или ЛГУ) и оказался в печально известном Большом доме на Литейном, д. 4. Его допрашивал молоденький лейтенант, явно недавно пришедший в органы по какой-нибудь очередной комсомольской разнарядке. Желая сломить волю своего подследственного, он обращался к нему нарочито на «ты» и угрожал всякими страшными карами (о пытках Александр Маркович не упоминал). Но угрозы не подействовали, и Беленицкий как не признавший свою вину был выпущен на свободу. Вернувшись на работу в Институт, он сразу же почувствовал, что оказался как бы в социальном вакууме — никто из коллег демонстративно с ним не общался. По всей очевидности, они попросту боялись: поскольку «у нас без вины органы никого не арестовывают», то в народе существовало твердое убеждение, что быть выпущенным на волю из застенков НКВД можно было только при условии согласия сотрудничать с органами, т. е. доносить на других. «Вы знаете, — сказал мне Александр Маркович, — а ведь некоторые из освобожденных из-под следствия не выдерживали такой пытки одиночеством и кончали жизнь самоубийством».

Следующий известный мне интересный эпизод из жизни А. М. Беленицкого связан с Великой Отечественной войной. Уже шла битва за Берлин, и Александр Маркович, в служебные обязанности которого как военного переводчика с немецкого входило прослушивание радиопередач германского командования,

Б. И. Маршак, В. И. Распопова и А. М. Беленицкий (в первом ряду, слева направо) в знаменитом «Зале послов» на городище Афрасиаб в Самарканде в 1965 г.

своими ушами слышал, как Йозеф Геббельс — главный нацистский пропагандист — призывал берлинцев проявить такое же беспримерное мужество, какое проявили жители блокадного Ленинграда.

Еще об одном важном эпизоде из своей жизни А. М. Беленицкий рассказал мне и моему коллеге А. И. Наймарку, когда мы вместе посетили его ранней весной 1991 г. Этот эпизод имел самое прямое отношение к чрезвычайно принципиальной жизненной позиции нашего гостеприимного хозяина. Так вот, в конце 1940-х гг. известный советский исламовед и «научный атеист» Л. И. Климович (один из авторов «Атеистического словаря») делал доклад в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Речь его, закамуфлированная под научную лекцию, на самом деле представляла собой политическую инвективу, направленную против выдающегося арабиста Ю. И. Крачковского, одного из самых уважаемых представителей старой академической элиты. Тон выступления Климовича безошибочно означал, что невидимые «они» уже приняли решение уничтожить Крачковского. Что касается внимавшей ему аудитории, то от нее ожидалась если не явная поддержка в виде «бурных аплодисментов, переходящих в овацию», то, в крайнем случае, что-то вроде «молчания ягнят». Однако как только истинный смысл речи Климовича стал очевиден, присутствовавший на этом заседании И. М. Дьяконов демонстративно встал и покинул зал со словами: «Это не имеет ничего общего с наукой!» Вслед за ним покинул «высокое собрание» и А. М. Беленицкий.

В. А. Лившиц (слева) и А. М. Беленицкий (1973 г.)

Тут следует особо подчеркнуть, что оба этих выдающихся ученых и человека в обстановке конца 1940-х гг., когда еще был жив И. В. Сталин и продолжал крутиться маховик политических репрессий, совершили очень смелый гражданский поступок, который мог иметь для них самые непредсказуемые последствия вплоть до фатальных¹⁶.

Другой подобный пример проявления Александром Марковичем принципиальной гражданской позиции, о котором я знаю по рассказам моих старших коллег, приходится на 1972 и 1973 гг., когда в ЛОИА АН СССР проходила подержанная руководством головного Института археологии в Москве кампания по увольнению известных археологов Я. А. Шера и А. Д. Грача. В созданных по данному поводу двух открытых собраниях А. М. Беленицкий оказался единственным из сотрудников ЛОИА, кто публично выступил против изгнания Шера и Грача. Смысл его речей свелся к тому, что в результате принятия этих позорных решений проигрывают все: и гонимые, и их гонители, и Институт, в котором начнутся разброд и шатания. К Александру Марковичу тогда никто не прислушался, а ведь он оказался пророческим...

Конечно же, обстановка в стране в начале 1970-х гг. отличалась от обстановки в конце 1940-х, однако и в 1970-е гг. за проявление честности и гражданского мужества можно было очень серьезно пострадать. А. М. Беленицкий все это прекрасно осознавал, но тем не менее не пошел наперекор своей совести.

Надо сказать, что при первой встрече (да и не только при первой) Александр Маркович производил впечатление очень строгого, если не сказать сурового человека — наверное, не случайно его жена, Ядвига Константиновна Писарчик, подарила мужу в день его рождения, 24 марта 1939 г., знаменитую книгу И. А. Орбели и К. В. Тревер «Сасанидский металл» (М.; Л., 1935), написав на авантитуле:

¹⁶ См.: *Naymark A. I. The Meaning of «Tamghas» on Sogdian Coins // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов... Р. 225.*

А. М. Беленицкий (крайний слева) знакомит гостей с результатами раскопок на городище древнего Пенджикента (1970-е гг.)

«Сердитому Александру». Впрочем, строгость эта была лишь внешней, ибо трудно себе представить более доброго и более душевно щедрого человека, чем Александр Маркович Беленицкий.

Как человек принципиальный, честный, исключительно порядочный и безгранично добрый, Александр Маркович пользовался огромным уважением и искренней любовью со стороны если не всех, то большинства своих коллег. Примеров этого множество, поэтому ограничусь только двумя. Так, сотрудники отдела Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН в течение многих лет приходили к нему в гости на день его рождения (24 марта), и эта традиция продолжалась вплоть до его ухода из жизни в 1993 г. Такие визиты всегда были радостным событием для всех нас, а щедрый и гостеприимный виновник торжества, несмотря на свой почтенный возраст, выглядел в те дни как-то по-особенному — очень довольным оказанным ему большим (и заслуженным!) вниманием и потому счастливым.

Другой пример: 1986 г. я приехал на советско-французский colloquium по археологии Бактрии и Согда. Узнав, что я из Ленинграда, сотрудники Института археологии АН Узбекской ССР (М. И. Филанович, Ю. Ф. Буряков

А. М. Беленицкий в конце 1970-х гг.

и др.), не сговариваясь, задавали мне один и тот же вопрос: «Ну как там поживает Александр Маркович?»

С 1950-х гг. за А. М. Беленицким закрепилось почетное прозвище *муаллим* — «учитель» (арабск.), которое на Востоке означает самую высокую степень уважения. Вне всякого сомнения, он являлся одним из тех непререкаемых научных и духовных авторитетов, вокруг которых собирался весь цвет ленинградского / петербургского востоковедения в лице В. Г. Луконина, О. Ф. Акимушкина, С. Г. Кляшторного, В. А. Лившица, М. А. Дандамаева, И. М. Стеблин-Каменского и других. От них можно было услышать только самые теплые и восторженные отзывы об Александре Марковиче. На это исключительно уважительное отношение никак не влияли некоторые проявления его непростого характера, когда он, казалось бы, в ущерб добрым и дружеским отношениям с близким кругом своих младших коллег проявлял повышенную требовательность и строгость, особенно если дело касалось дисциплины во вверенном ему коллективе. В этом смысле чрезвычайно показателен рассказ Владимира Ароновича Лившица о происшествии, случившемся во время полевого сезона 1963 г. в Пенджикенте. В один из дней пенджикентскую экспедицию пригласил в гости известный таджикский археолог Н. Н. Негматов, работавший тогда в городе Ленинабаде (ныне — Худжанд). Приглашение было с благодарностью принято, и сотрудники во главе с А. М. Беленицким, погрузившись на экспедиционную машину, двинулись в путь. Дорога была неблизкой — примерно 400 км по горным перевалам. Когда большая часть пути уже была преодолена и весь собравшийся в кузове машины люд пребывал в предвкушении скорого прибытия в расположение экспедиции Н. Н. Негматова, где гостей, в частности, ждал самый настоящий среднеазиатский плов, Владимиру Ароновичу пришла в голову мысль предложить мужской части

Дружеское общение коллег на научной конференции в Пенджикенте в 1977 г.
Слева направо: Г. Ф. Коробкова, Н. Н. Гурина, В. М. Массон, А. М. Беленицкий,
Г. А. Федоров-Давыдов

Чествование 80-летнего юбилея А. М. Беленицкого в 1984 г.
в ленинградском Доме ученых. Стоят юбиляр (справа) и М. Н. Боголюбов

коллектива согреться алкоголем (а был действительно прохладный вечер) на ближайшей кратковременной остановке. Мужчины так и поступили, но Александр Маркович, сидевший как начальник экспедиции в водительской кабине, каким-то образом об этом сразу же прознал и тут же отдал приказ шоферу развернуть машину и двинуться обратно в Пенджикент, к величайшему разочарованию остальных участников этой поездки.

По свидетельству Г. А. Беленицкой, ее отец действительно мог в определенных ситуациях серьезно вспылить и впасть в сильное раздражение со всеми вытекающими из этого последствиями, однако довольно быстро остывал, а если к тому же ощущал собственную неправоту, то очень сильно переживал о случившемся.

В связи с предлагаемой первой публикацией эссе А. М. Беленицкого, во многих из которых он открыто демонстрирует свое неприятие сложившейся в СССР политической системы, я вспоминаю наш с ним разговор у него дома в 1989 или 1990 г. Тогда все мое поколение, включая, разумеется, меня самого, находилось в эйфории от приятных слуху лозунгов перестройки, первых свободных многопартийных выборов и т. п. И вот в присутствии Александра Марковича я позволил себе чрезмерные восторги по этому поводу. Внимательно выслушав меня, мой намного более старший и многоопытный собеседник сказал с некоторой укоризной, но в то же время с очень доброй улыбкой следующее: «Миленький мой! Неужели вы не понимаете, что на ваших глазах гибнет великое государство, исчезновение которого не несет ничего хорошего входящим в его состав республикам и живущим там людям?!» Хотя я и остался тогда при своем мнении, но спорить все же не стал, при этом, правда, про себя очень удивившись такой позиции Александра Марковича, поскольку знал о его весьма скептическом

А. М. Беленицкий в домашней обстановке (конец 1980-х гг.)

отношении к советской власти¹⁷. Примечательно, что значительную часть информации о том, что происходило в Советском Союзе и за границей, он, никогда не состоявший в рядах КПСС, черпал из двух официальных партийных газет — центральной «Правды» и «Ленинградской правды», что, впрочем, совсем не мешало ему делать собственные выводы из прочитанного там. Должен признать, что по прошествии очень немногих лет я понял, насколько был прав в тот раз (да и не только в тот) Александр Маркович.

Таким вот я и запомнил Александра Марковича Беленицкого, с которым мне посчастливилось дружески общаться пусть и не очень долгий период времени: как выдающегося Ученого и как замечательнейшего и мудрого Человека, всегда готового прийти на помощь нуждающимся и, невзирая на последствия, встать на защиту несправедливо обиженных и гонимых.

В заключение я хочу поблагодарить Российский фонд фундаментальных исследований за финансовую поддержку проекта по изданию этой книги, Г. А. Беленицкую — за всестороннюю помощь в ее подготовке и дружный коллектив издательства Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена в лице директора Б. В. Ерохина, технических редакторов Е. М. Денисовой и Д. В. Лаптухиной и художника С. В. Лебединского — за превосходно выполненную техническую и художественно-оформительскую работу. Также выражаю признательность Г. А. Беленицкой, И. Н. Медведской и А. В. Сильнову за предоставление иллюстративных материалов, использованных в настоящем издании. Особую благодарность адресую А. И. Колесникову, взявшему на себя труд проверить слова и цитаты из средневековых арабоязычных текстов, которые приведены в некоторых из публикуемых статей А. М. Беленицкого.

В. П. Никоноров
Санкт-Петербург, 30.11.2018

¹⁷ Тут необходимо оговориться, что А. М. Беленицкий, будучи критиком советского строя, никогда не был антисоветчиком, а свои отношения с властью строил скорее с позиций собственной внутренней свободы.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

А. М. БЕЛЕНИЦКОГО

(Из семейного архива)

1. Автобиография¹

*Беленицкий Александр Маркович
кандидат исторических наук
г. рождения 1904.*

До 1920 года я проживал в деревне Лобино Великолукской области Усвятского района, работал в своем хозяйстве, унаследованном от отца (ум. в 1910 г.), принадлежавшем к середняцкому типу хозяйств (10 десятин земли, 1 лошадь, 2 коровы).

В 1920 г., в связи с пожаром, вся семья переселилась в г. Смоленск. Здесь я поступил чернорабочим на лесопильный завод. Одновременно я поступил учиться на вечерний рабфак при Смоленском Государственном Университете. По окончании рабфака в 1923 году я в течение 4-х лет работал учителем в сельских школах различных районов СССР.

В 1927 году я поступил в Среднеазиатский Государственный Университет (г. Ташкент) на восточный факультет, который окончил в 1930 г., после чего работал преподавателем в средних и высших учебных заведениях Таджикской ССР (в Сталинабаде и Ленинабаде) до 1934 г. Одновременно я вел организационно-методическую работу в органах Наркомпроса Тадж. ССР.

В 1934 г. я поступил в аспирантуру при Истфаке Лен. Гос. Ун-та, которую окончил в 1937 г. В начале 1938 г. защитил диссертацию на звание кандидата исторических наук. С 1936 г. я работал в Институте Истории Материальной Культуры АН СССР, где в настоящее время являюсь старшим научным сотрудником Среднеазиатского сектора.

С 1938 г. по 1941 г. я вел на Филфаке Лен. Гос. Ун-та ряд курсов по истории Ирана и Средней Азии.

С июля 1943 г. по сентябрь 1945 г. был мобилизован в РККА и находился на фронте. Награжден орденом Красной звезды и медалью «За участие в Отечественной войне».

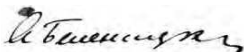
Семейное положение: женат, имею двоих детей.

Партийная принадлежность: беспартийный.

Ближайшие родственники: мать на моем иждивении, брат и сестра — в рядах РККА.

13.12.45 г.

Дом. адрес: Ленинград, Басков пер. д. 13/15 кв. 43.

¹ Оригинал этого документа воспроизведен на с. 26–27.

Автобиография

Билимджин А. Др. Маркова
Кандидат исторических наук.
Родился 1904.

До 1920 года я проживал в деревне Мадина Вешколуцкой волости Ташкентского района, работал в своем хозяйстве, участвовал в общественной жизни (уч. в 1907), принадлежал к Среднеазиатскому Гитму (Всероссийский, Земельный, Земельный). В 1920 г. в связи с походом, был принят переселенцем в г. Смоленск. Здесь я поступил на работу на текстильный завод. Одновременно я поступил учиться на вечерний рабфак при Смоленском Государственном Университете. По окончании рабфака в 1923 году, я в течение 4х лет работал учителем в сельских школах различных районов СССР.

В 1924 году я поступил в Среднеазиатский Государственный Университет (Ташкент) на исторический факультет, который окончил в 1930 г., после чего я работал преподавателем в Средних и Высших учебных заведениях Ташкентского СССР (Восточная и Средняя Азия). До 1934 г. одновременно я был организатором-методиком школ рабфака в органах Наркомпроса Ташк. СССР.

В 1934 г. я поступил в аспирантуру при кафедре Ист. и Фил. Ташк. Гос. Ун-та, которую и окончил в 1937 г. В начале 1938 г. защитил диссертацию на звание кандидата исторических наук. С 1936 г. я работал в Институте Востоковедения Академии Наук СССР, где я в последние время секретарем старшего научного сотрудника Среднеазиатского сектора. С 1938 г. по 1941 г. я был в составе на Фронт в Ленинградском рабфаке по инициативе Академии и Средней Азии. С июля 1943 г. по сентябрь 1945 г. был мобилизован в РККА и находился на фронте. Награжден орденом „Красная звезда“.

медалью „за участие в антифашистской войне“.

Семейные похороны: отец, много друзей друзей.

Патриархальный принадлежность: белорусский.

Белорусские родственники: мать не имеет родственников, брат
и сестра — в рядах РККА.

13.12.45.

А. М. Беленицкий

Адрес: Ленинград, Басков ул. д. 13/а кв. 43.

2. Награды А. М. Беленицкого

Орден КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ № 523762

Орден ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ № 280412

Медаль «ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.»

Медаль «ЗА УЧАСТИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ»

Медаль «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.» Д № 0403605. 4 февраля 1946 г.

Медаль «ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ» Д № 447301. 13 сентября 1955 г.

Медаль «В ПАМЯТЬ 250-летия ЛЕНИНГРАДА» А № 063985. 18 июля 1957 г.

Медаль участнику войны «ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.» Б № 5802286. 7 мая 1965 г.

Медаль «50 ЛЕТ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР». 26 декабря 1967 г.

Памятный знак «НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ ЛЕНИНГРАДА» № 5503. 12 сентября 1971 г.

Знак «ПОБЕДИТЕЛЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ 1973 г.». 29 января 1974 г.

Медаль участнику войны «ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.». 25 апреля 1975 г.

Медаль «60 ЛЕТ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР». 16 июня 1978 г.

Медаль «ВETERАН ТРУДА» № 392. От 18 июня 1979 г.

Удостоверение УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. Д № 182596. 25 января 1982 г.

Орден ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ II СТЕПЕНИ № 811832. 11 марта 1985 г.

Медаль участнику войны «СОРОК ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.» 14 октября 1985 г.

Медаль «70 ЛЕТ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР». 28 января 1988 г.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ ТАДЖИКСКОЙ ССР № 101. 29 мая 1975 г.

3. Приказ № 33

по Ленинградскому отделению Института археологии АН СССР
г. Ленинград,
29 марта 1974 г.

§ 1

24 марта 1974 г. исполнилось 70 лет одному из ведущих наших работников, старшему научному сотруднику ЛОИА АН СССР, доктору исторических наук Александру Марковичу БЕЛЕНИЦКОМУ.

Оглядываясь на годы, прожитые Александром Марковичем, мы видим его сначала деревенским подростком, с 12-летнего возраста занятым тяжелым земледельческим трудом; затем — рабочим лесопильного завода в Смоленске и раб-

факовцем; затем — учителем; потом — студентом Среднеазиатского университета в Ташкенте; далее — преподавателем и методистом Наркомпроса Таджикской ССР; аспирантом исторического факультета Ленинградского университета; с 1936 г. — сотрудником ГАИМК; с 1938 г. — кандидатом исторических наук; в 1941 г. — бойцом народного ополчения; затем — офицером Советской армии; снова — сотрудником нашего института, высококвалифицированным археологом и историком Средней Азии и Ирана, владеющим персидским, таджикским, арабским и несколькими европейскими языками; с 1946 г. — ведущим сотрудником Таджикской археологической экспедиции, а затем — многолетним руководителем прославленной Пенджикентской экспедиции; с 1967 г. — доктором исторических наук, блестящим переводчиком Бируни; автором многочисленных научных трудов, принесших ему известность и вошедших в основные фонды советского и мирового востоковедения. Совсем недавно вышли две большие работы А. М. Беленицкого: «Монументальное искусство Пенджикента» и написанная им часть коллективной монографии «Средневековый город Средней Азии».

Как ученого А. М. Беленицкого характеризует исключительная добросовестность и тщательность в исследовательской работе, основанное на живом интересе и не замутненное никакими побочными влияниями чистое стремление к истине, трудолюбие и благородная неудовлетворенность достигнутым. Но мы все знаем А. М. Беленицкого еще и как доброго, отзывчивого, честного и хорошего человека.

А. М. Беленицкий
на фото с документа военного
времени (1943 или 1944 г.)

§ 2

В связи с исполнившимся 70-летием от имени всего коллектива ЛОИА АН СССР горячо поздравляю дорогого Александра Марковича Беленицкого, желаю ему здоровья, творческих успехов и за долгую безупречную научную деятельность объявляю ему благодарность.

A handwritten signature in dark ink, appearing to read 'В. С. Сорокин'.

(В. С. Сорокин)

Вр. и. о. заведующего Ленинградским отделением
Института археологии АН СССР

Документы подготовлены к печати Г. А. Беленицкой

БИБЛИОГРАФИЯ А. М. БЕЛЕНИЦКОГО

1. Публикации А. М. Беленицкого

1940 г.

1. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV–XV вв. // ТОВЭ. Т. 2. С. 189–201. Рез. фр.
2. Организация ремесла в Самарканде XV–XVI вв. // КСИИМК. Вып. 6. С. 43–47.
3. Рец.: Материалы по истории туркмен в Туркмении. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л. 1939 // ВАН. № 8–9. С. 86–90.

1941 г.

4. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху (XIV–XV вв.) (Образование института «суюргал») // Историк-марксист. М. № 4. С. 43–58.

1946 г.

5. Историческая топография Герата XV в. // Алишер Навои: Сборник статей. М.; Л. С. 176–202.

1948 г.

6. Из мусульманской эпиграфики в Таласской долине // ЭВ. Вып. 2. С. 16–18: ил.
7. К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху // СВ. Т. 5. С. 111–128.
8. Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании // СЭ. № 4. С. 162–167: ил.

1949 г.

9. Великий средневековый энциклопедист XV в. ал-Бируни о горных богатствах Средней Азии // Природа. М. № 8. С. 73–77.
10. Картина мира по Бируни // УЗЛГУ. СВН. № 98. Вып. 1. С. 203–214.
11. О домусульманских культах Средней Азии // КСИИМК. Вып. 28. С. 83–85.
12. Находка железного ключа в Пянджикенте // КСИИМК. Вып. 29. С. 100–105.
13. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV–XVI веках // Известия Таджикского филиала АН СССР. № 15. Сталинабад. С. 21–35.
14. О «Минералогии» ал-Бируни // ВЛГУ. № 11. С. 43–54.

1950 г.

15. Мавзолей у селения Саят // КСИИМК. Вып. 33. С. 134–138: ил.
16. Глава «О железе» минералогического трактата Бируни // Там же. С. 139–144.
17. Раскопки здания № 1 на шахристане Пянджикента // МИА. № 15. С. 100–108: ил.

18. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. // Там же. С. 109–127.
19. Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г. // Там же. С. 128–129; ил.
20. Отчет о работе Вашхского отряда в 1947 г. // Там же. С. 140–146; ил.
21. Мавзолей у селения Саят // Там же. С. 207–209; ил.
22. Железный ключ из Пянджикента // Там же. С. 221–223; ил.
23. О «Минералогии» Бируни // Бируни. М.; Л. С. 88–105.
24. О янтаре (кахруба) [Перевод] // Там же. С. 131–139 (комментарии совместно с Г. Г. Леммлейном).

1952 г.

25. О пянджикентских храмах // КСИИМК. Вып. 45. С. 119–126; ил.

1953 г.

26. Бадахшанский лал // ТАН. Т. 17. С. 25–31.
27. Геолого-минералогический трактат Ибн-Сины // ИООН. Вып. 4. С. 41–54.
28. Из археологических работ в Пянджикенте в 1951 году // СА. Т. 18. С. 326–341; ил.
29. Памяти Александра Юрьевича Якубовского // КСИИМК. Вып. 51. С. 166–172; портр. (совместно с М. М. Дьяконовым).
30. Раскопки согдийских храмов в 1949–1950 гг. // МИА. № 37. С. 21–58; ил.

1954 г.

31. Археологические работы в Пянджикенте // КСИИМК. Вып. 55. С. 31–47; ил.
32. Памяти Михаила Михайловича Дьяконова // Там же. С. 155–162; портр.
33. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. М. С. 25–82; ил.
34. Предварительный отчет о работах Пянджикентского отряда в 1953 г. // ДАН. Вып. 11. С. 17–29; ил.
35. Раскопки в Пянджикенте // Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана, Армении и Средней Азии. М. С. 25–47.

1955 г.

36. Раскопки на городище древнего Пянджикента (в 1953 г.) // КСИИМК. Вып. 60. С. 80–96; ил.

1956 г.

37. Арабская надпись из Пянджикента // ЭВ. Вып. 11. С. 27–29; ил.
38. О некоторых сюжетах пянджикентской живописи // КСИИМК. Вып. 61. С. 56–62; ил.
39. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1954 г. // ТАН. Т. 37. С. 3–4.
40. Предварительный отчет о работах Пянджикентского отряда в 1954 г. // Там же. С. 19–32; ил.
41. Раскопки на городище древнего Пянджикента в 1955 г. // ТАН. Т. 63. С. 47–56; ил.
42. Сардоба около Куляба // Там же. С. 101–102; ил. (совместно с Е. А. Давидович).

1957 г.

43. [Belenickij A. M.] Neue Denkmäler der vorislamischen monumentalen sogdischen Kunst: Vortrag auf dem 24 Internationalen Orientalistenkongress / Akademie der Wissenschaften der U. d. SSR. М. 8 S.
44. Александр Натанович Бернштам [Некролог] // СА. № 1. С. 289–290.
45. Археологические заметки: 1. К вопросу о переходной обрядности в домусульманской Средней Азии [о брактеатах Средней Азии]. 2. О сосудах с клеймами из Пянджикента // ИООН. № 14. С. 3–15: ил.
46. Новые памятники искусства Пянджикента // ТД на сессии Отделения исторических наук и на пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических и этнографических исследований 1956 г. М. С. 35–37.
47. Рец.: Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955. 436 с. : ил., карт. // СА. № 3. С. 296–297 (совместно с В. М. Массоном).

1958 г.

48. Важнейшие открытия в области изучения искусства Средней Азии // Материалы научной конференции, посвященной 40-летию советского искусствознания. М. С. 138–144.
49. Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1951–1953 гг. // МИА. № 66. С. 5–10.
50. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951–1953 гг.) // Там же. С. 104–154: ил.
51. Развитие феодальное общество в Иране (начало X — начало XIII вв.) // История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л. С. 154–160.
52. [Belenitski A. M.] Nouvelles découvertes de sculptures et de peintures murales a Piandjikent // AAs. T. 5/3. P. 163–182: il.

1959 г.

53. Древний Пенджикент (Основные итоги раскопок 1954–1957 гг.) // СА. № 1. С. 195–217.
54. Новое о древнем Пенджикенте // Археологи рассказывают. Сталинабад. С. 50–66: ил. (совместно с Б. Я. Стависким).
55. Предисловие // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М. С. 5–10.
56. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования // Там же. М. С. 13–87: ил.
57. О раскопках городища древнего Пенджикента в 1956 г. // ТАН. Т. 91. С. 87–114.
58. Работы Таджикской археологической экспедиции в 1956 году // КСИИМК. Вып. 73. С. 92–98: ил.
59. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1956 г. // Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л. С. 197–204: ил.
60. Результаты работ пенджикентского отряда в 1957 г. // ТАН. Т. 103. С. 43–63: ил.

1960 г.

61. Древнее изобразительное искусство и «Шахнаме». М. 10 с. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).

62. Новые изображения ритуальных предметов на стенных росписях древнего Пенджикента // ТАН. Т. 120. С. 39–46.
63. О коралловой подвеске из Пенджикента // ИООН. Вып. 1. С. 67–68. Рез. тадж.
64. По поводу каменной гири из Пенджикента // Там же. С. 95–97: ил. Рез. тадж.

1961 г.

65. Бронзовая пластинка из Кара-Булакского могильника // КСИА. Вып. 86. С. 21–27: ил. (совместно с Ю. Д. Баруздиным).
66. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (К идентификации ткани «занданечи») // СА. № 2. С. 66–78: ил. (совместно с И. Б. Бентович).
67. Надписи на деревянных колоннах Хивинской соборной мечети // ЭВ. Вып. 14. С. 3–8 (совместно с В. Л. Ворониной).
68. Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г. // ТИИ. Т. 27. С. 81–99: ил.
69. О работе Пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г. // ТИИ. Т. 31. С. 73–100: ил.
70. Об исследовании Бируни удельных весов металлов // КСИНА. Т. 44. С. 59–66.

1962 г.

71. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии // ИООН. Вып. 1. С. 14–28. Рез. тадж.
72. Результаты раскопок на городище древнего Пенджикента в 1960 г. // ТИИ. Т. 34. С. 90–117.

1963 г.

73. *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия)* / Пер. А. М. Беленицкого; редакция Г. Г. Леммлейна, Х. К. Баранова и А. А. Долининой; статьи и примеч. А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. М. 520 с. (Классики науки).
74. Краткий очерк жизни и трудов Бируни // Там же. С. 271–291.
75. Место минералогического трактата Бируни в истории восточной минералогии // Там же. С. 402–418.
76. Камчатные ткани с горы Муг // СЭ. № 4. С. 108–119 : ил. (совместно с И. Б. Бентович и В. А. Лившицем).
77. Ancient Pictorial and Plastic Arts and the Shah-nama // Труды 25-го Международного конгресса востоковедов. Т. 3. М. С. 96–101.

1964 г.

78. Вопросы топографии и социально-экономической структуры раннефеодального города Средней Азии (По данным раскопок городища древнего Пенджикента в последние годы) // ТД на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. М. С. 56–59.
79. Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье // КСИА. Вып. 98. С. 33–42: ил.
80. К истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннее средневековье // Индия в древности. М. С. 188–198: ил.
81. Работы Пенджикентского отряда в 1961 г. // ТИИ. Т. 42 (= АРТ. Вып. 9). С. 53–75: ил.

1965 г.

82. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента // СА. № 3. С. 178–195: ил.
83. Круг сюжетов раннесредневекового искусства Средней Азии // ТД сессии, посвященной истории живописи стран Азии. Л. С. 3–5.
84. Монументальное искусство древнего Пенджикента // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР: ТД. Баку. С. 130–131.

1966 г.

85. Клад серебряных монет из Пенджикента // ЭВ. Вып. 17. С. 92–100: ил.
86. Раскопки на городище древнего Пенджикента // АО 1965 г. С. 182–184.

1967 г.

87. Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии: Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л. 31 с.
88. Раскопки древнего Пенджикента // АО 1966 г. С. 321–322.

1968 г.

- 89–91. [Belenitsky A.] *Asie Centrale*. Paris; Genive; Munich. 253 p.: il., cart. (Archaeologia Mundi) [то же на англ. и нем. яз.: *Belenitsky A. Central Asia; Belenickij A. Zentralasien*; см. также перс. пер.: № 174).
92. Кушанское наследие в раннесредневековом искусстве // Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху: Каталог выставки. Л. С. 57–59.
93. О рабовладельческой формации в истории Средней Азии // Проблемы археологии Средней Азии: ТД. Л. С. 37–39.
94. Результаты раскопок древнего Пенджикента // АО 1967 г. С. 352–353.
95. Среднеазиатское искусство преарабского времени и его связь с кушанским // ТД и сообщений советских ученых [на Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху]. М. С. 5–7.

1969 г.

96. О генезисе и связях раннесредневекового искусства Средней Азии // ТД на сессии Отделения истории АН СССР, посвящ. итогам полевых археологических и этнографических исследований 1968 г. Л. С. 40–44.
97. Ранняя арабская надпись на черепке из Пенджикента // ЭВ. Вып. 19. С. 38–41: ил. (совместно с А. Исаковым).
98. Раскопки на городище древнего Пенджикента // АО 1968 г. С. 447–448.

1970 г.

99. О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии // КСИА. Вып. 122. С. 71–75.
100. Раскопки древнего Пенджикента // АО 1969 г. С. 429–430.
101. Рец.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. 368 с.: ил. // СА. № 4. С. 245–247.

1971 г.

102. Древний Пенджикент. Душанбе. 32 с.: ил. (совместно с В. И. Распоповой).
103. Пенджикент // Наука и жизнь. М. № 8. С. 120–129: ил. (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).
104. Раскопки древнего Пенджикента // АО 1970 г. С. 441–443.
105. Средняя Азия и Кавказ в раннем средневековье // ТД сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси. С. 93–95.
106. [Belenitski A. M.] L'art de Piandjikent a la lumière des dernieres fouilles (1958–1968) // ArAs. T. 23. P. 3–39: ил. (совместно с Б. И. Маршаком).
107. Общественные науки в Узбекистане. 1969. № 8–9 [Обзор] // СА. № 4. С. 274–275.

1972 г.

108. Об эфталитском этапе в истории среднеазиатского искусства // Краткие ТД к пленуму, посвященному итогам археологических исследований. Л. С. 19–20.
109. Об эфталитском этапе в истории среднеазиатского искусства // ТД на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М. С. 36–37.
110. Раскопки древнего Пенджикента // АО 1971 г. С. 543–545: ил.

1973 г.

111. Монументальное искусство Пенджикента: Живопись. Скульптура. М. 68 с.; 54 л. ил. (Памятники древнего искусства). Рез. англ.
112. Средневековый город Средней Азии. Л. 390 с.: ил., карт.; 1 л. план; библиография: С. 353–370 (совместно с И. Б. Бентович и О. Г. Большаковым).
113. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 г. // СГЭ. Вып. 37. С. 54–58: ил. Рез. англ. (совместно с Б. И. Маршаком).
114. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 г. на городище древнего Пенджикента // Там же. С. 58–64: ил. (совместно с Б. И. Маршаком).
115. Пенджикентские храмы и развитие согдийского культового искусства в V–VII вв. // ТД сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент. С. 157–160 (совместно с Л. Л. Гуревичем и Б. И. Маршаком).
116. Раскопки на городище древнего Пенджикента (1970 г.) // АРТ. Вып. 10. С. 106–129.
117. Раскопки на городище древнего Пенджикента // АО 1972 г. С. 487–488.
118. Рец.: Акишев К. А., Байтаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар (Топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972. 216 с.: ил. // ИАН Казахской ССР. СОН. Алма-Ата. № 3. С. 71–73.

1974 г.

119. Раскопки древнего Пенджикента // АО 1973 г. С. 514–515 (совместно с Б. И. Маршаком, В. И. Распоповой и А. Исаковым)
120. Рец.: Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М.: Наука, 1971. 128 с: ил.; 1 л. ил. (ТХАЭЭ. Т. 6) // СА. № 2. С. 306–307.

1975 г.

121. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье (по материалам погребений,

История и культура Центральной Азии в древности и средневековье

- памятников изобразительного искусства и письменным источникам) // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л. С. 61–64.
122. Памятники искусства из раскопок в Пенджикенте: 1970–1974 гг. // Новейшие открытия советских археологов: ТД конференции. Киев. С. 114–115.
123. Раскопки в Пенджикенте // АО 1974 г. С. 534–535 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).
124. Раскопки городища древнего Пенджикента // АРТ. Вып. 11. С. 119–142; ил.
125. Среднеазиатское искусство преарабского времени и его связь с кушанским // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М. С. 392–395. Рез. англ.

1976 г.

126. Отчет о раскопках на городище древнего Пенджикента в 1972 г. // АРТ. Вып. 12. С. 85–102.
127. Раскопки в Пенджикенте // АО 1975 г. С. 561 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).
128. Социальная структура населения древнего Пенджикента // Бартольдовские чтения. С. 14–16 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).
129. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии. М. С. 75–89, 179–186; ил.; рез. англ. (совместно с Б. И. Маршаком).

1977 г.

130. Искусство античных и средневековых городов Средней Азии // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М. С. 104–157; ил.
131. Раннесредневековая археология Средней Азии в свете раскопок в Пенджикенте // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: Тезисы Всесоюзной конференции. Душанбе. С. 9–12 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).
132. Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1973 г. // АРТ. Вып. 13. С. 155–188; ил. (совместно с Б. И. Маршаком, В. И. Распоповой и А. Исаковым).
133. Росписи древнего Пенджикента // Декоративное искусство СССР. М. № 9. С. 38–39; ил.
134. Новые раскопки в Пенджикенте // АО 1976 г. С. 559 (совместно с Б. И. Маршаком, В. И. Распоповой и А. Исаковым).

1978 г.

135. Древнейшее изображение осадной машины в Средней Азии // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л. С. 215–221; ил.; рез. англ. (совместно с Б. И. Маршаком).
136. К характеристике товарно-денежных отношений в раннесредневековом Согде // Бартольдовские чтения. М. С. 11–12 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).
137. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. Вып. 154. С. 31–39; ил.
138. Работы в Пенджикенте // АО 1977 г. С. 553–554 (совместно с Б. И. Маршаком, В. И. Распоповой и А. Исаковым).

139. Сочинения ал-Бируни как источник для интерпретации искусства древности // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л. С. 47–55.

1979 г.

140. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда // УСА. Вып. 45. С. 32–37 (совместно с Б. И. Маршаком).
141. Изображение быка на памятниках искусства древнего Пенджикента: (К истории зооморфизма в древнем изобразительном искусстве Средней Азии) // Этнография и археология Средней Азии. М. С. 88–94; ил.
142. Раскопки в Пенджикенте // АО 1978 г. С. 574–575 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Расповой).
143. Раскопки древнего Пенджикента в 1974 г. // АРТ. Вып. 14. С. 257–294; ил. (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Расповой).
144. Социальная структура населения древнего Пенджикента // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М. С. 19–26 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Расповой).

1980 г.

145. [Belenizki A. M.] *Mittelasiens: Kunst der Sogden*. Leipzig. 240 S.: Abb.
146. Ибн Сино и Бируни: (Опыт сравнительной характеристики) // Абуали ибн Сино и его эпоха. Душанбе. С. 161–180.
147. К характеристике товарно-денежных отношений в раннесредневековом Согде // Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме М. С. 15–26 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Расповой).
148. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 г. // АРТ. Вып. 15. С. 213–245; ил. (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Расповой).
149. Согдийские «золотые пояса» // СНВ. Вып. 22. С. 213–218; ил. (совместно с В. И. Расповой).

1981 г.

150. К вопросу об уточнении датировок согдийских монет // КСИА. Вып. 167. С. 9–15 (совместно с В. И. Расповой).
151. Согдийский город в начале средних веков (Итоги и методы исследования древнего Пенджикента) // СА. № 2. С. 94–110; ил. (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Расповой).
152. Хорезмийский всадник — царь или бог? // Культура и искусство древнего Хорезма. М. С. 213–218.
153. [Belenitskii A. M.] *The Paintings of Sogdiana* // *Azarpay G. Sogdian Painting. The Pictorial Epic in Oriental Art* / With contributions by A. M. Belenitskii, B. I. Marshak, and M. J. Dresden. Berkeley; Los Angeles; London. P. 13–77; ill. (совместно с Б. И. Маршаком).

1982 г.

154. Раскопки древнего Пенджикента в 1976 г. // АРТ. Вып. 16. С. 197–221; ил. (совместно с Б. И. Маршаком, В. И. Расповой и А. И. Исаковым).

1983 г.

155. Работы в Пенджикенте // АО 1981 г. С. 484–485: ил. (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).
156. Раскопки древнего Пенджикента в 1977 г. // АРТ. Вып. 17. С. 187–209: ил. (совместно с Б. И. Маршаком, В. И. Распоповой и А. И. Исаковым).

1984 г.

157. Памяти Анатолия Максимилиановича Мандельштама // СА. № 4. С. 315 (совместно с Ю. А. Заднепровским).
158. Работы в Пенджикенте // АО 1982 г. С. 493–494: ил.
159. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1978 г. // АРТ. Вып. 18. С. 223–262: ил. (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой)
160. Рец.: *Пугаченкова Г. А.* Искусство Гандхары. М. 1982. 196 с.: ил. (Из истории мирового искусства) // ВДИ. № 2. С. 195–198 (совместно с В. А. Мешкерис).

1985 г.

161. Основные результаты раскопок на городище древнего Пенджикента в 1983–1984 гг. // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Баку. С. 84–85 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).
162. Раскопки городища древнего Пенджикента // АО 1983 г. С. 562–563 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).
163. Рукописное наследие Я. И. Смирнова // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л. С. 9–24 (совместно с Е. В. Зеймалем).

1986 г.

164. Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии // СА. № 3. С. 16–27: ил. Рез. англ. (совместно с В. А. Мешекрис).
165. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1979 г. // АРТ. Вып. 19. С. 293–333: ил. (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).
166. Раскопки городища Пенджикента // АО 1984 г. С. 477 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).

1987 г.

167. Монументальная сырцовая архитектура городищ Средней Азии и проблема ее музеефикации // ИБМАИКИЦА. Спец. вып. С. 95–96 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).
168. Основные результаты раскопок на городище древнего Пенджикента в 1985–1986 гг. // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюзной конференции. М. С. 5–6 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).
169. Основные результаты раскопок древнего Пенджикента в 1970–1980 гг. // АРТ. Вып. 20. С. 229–254 (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).
170. Раскопки древнего Пенджикента в 1980 г. // Там же. С. 255–268: ил. (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).

1988 г.

171. Раскопки древнего Пенджикента в 1981 г. // АРТ. Вып. 21. С. 149–185: ил. (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).

1990 г.

172. Работы на городище древнего Пенджикента в 1982 г. // АРТ. Вып. 22. С. 105–143: ил. (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).

1991 г.

173. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1983 г. // АРТ. Вып. 23. С. 363–400: ил. (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).

1992 г.

174. [Belenitski A. M.] Xurâsân va Mâvarâ'un-nahr (Âsiyâ-yi Miyâna): Mutarjem: duktur Parviz Varjâvand. Tehrân (перс. пер. № 89).
175. Основные этапы жизни и научной деятельности Михаила Петровича Грязнова (1902–1984 гг.) // Северная Евразия от древности до средневековья: ТД. СПб. С. 5–9.

1993 г.

176. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1984 г. // АРТ. Вып. 24. С. 131–169: ил. (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).

1994 г.

177. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1986 г. // АРТ. Вып. 25. С. 100–130: ил. (совместно с Б. И. Маршаком и В. И. Распоповой).

2004 г.

178. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. Душанбе. 104 с.

2011 г.

179. *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия)* / Пер. А. М. Беленицкого; статьи и примеч. А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. 2-е изд., доп. и испр. / Под ред. И. М. Стеблин-Каменского и В. П. Никонорова; вступ. статьи И. М. Стеблин-Каменского, Д. Абдуллоева, В. П. Никонорова и Н. П. Юшкина. СПб. 600 с. (Серия «Fontes Scripti Antiqui»).
180. Краткий очерк жизни и трудов Бируни // Там же. С. 323–347.
181. Место минералогического трактата Бируни в истории восточной минералогии // Там же. С. 470–488.

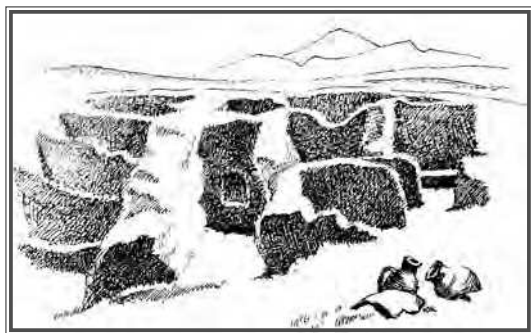
2. Публикации об А. М. Беленицком

1. *Грязнов М. П.* К 60-летию Александра Марковича Беленицкого // СА. 1964. № 3. С. 170–171: ил.
2. *Никоноров В. П.* От ответственного редактора // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб., 2005. С. 9.

3. Абдуллоев Д. Основные вехи жизненного пути А. М. Беленицкого // Там же. 2005. С. 11–12: ил.
4. Беленицкая Г. А. Материалы к биографии А. М. Беленицкого (из семейного архива) // Там же. С. 13–15: ил.
5. Ливищ В. А. Из воспоминаний об Александре Марковиче Беленицком // Там же. С. 16–17: ил.
6. Маршак Б. И., Распопова В. И. Александр Маркович Беленицкий и Пенджикент // Там же. С. 18–22: ил.
7. Массон В. М. А. М. Беленицкий как эталон творческого союза востоковедения и археологии // Там же. С. 23–24: ил.
8. Медведская И. Н. День археолога в пенджикентской экспедиции эпохи Муаллима // Там же. С. 25–26: ил.
9. Мешкерис В. А. А. М. Беленицкий и проблема изучения доарабской художественной культуры Средней Азии // Там же. С. 27–28.
10. Ставиский Б. Я. Работа А. М. Беленицкого в Средней Азии // Там же. С. 29–30: ил.
11. Стеблин-Каменский И. М. Философия Муаллима // Там же. С. 31–35: ил.
12. Стеблин-Каменский И. М. Стихи, посвященные Муаллиму (Александру Марковичу Беленицкому) // Там же. С. 35–37.
13. Шкода В. Г. Несколько встреч с Александром Марковичем Беленицким // Там же. С. 38–40: ил.
14. Frye R. N. Aleksandr Markovich Belenitsky and Al-Biruni // Там же. Р. 41–45: ill.
15. Длужневская Г. В. Беленицкий Александр Маркович (1904–1993) // Длужневская Г. В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2011. С. 161–162.
16. Стеблин-Каменский И. М. Слово об Александре Марковиче Беленицком // Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого; статьи и примеч. А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. 2-е изд., доп. и испр. СПб., 2011. С. 5–16: ил.
17. Абдуллоев Д., Никоноров В. П. Александр Маркович Беленицкий: Человек и Ученый // Там же. С. 17–21: ил.
18. Алёкишин В. А. Беленицкий Александр Маркович (1904–1993) // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 331.
19. Алёкишин В. А. Расширенное заседание Ученого совета и Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, посвященное 110-летию со дня рождения А. М. Беленицкого (1904–1993) — крупнейшего исследователя в области средневековой археологии Центральной Азии // ЗИИМК. 2014. Вып. 10. С. 199–202: ил.
20. Из воспоминаний А. М. Беленицкого // Бобровская Е. В., Медведева М. В. «Более радостного дня не было у меня...» Из воспоминаний военных лет // АВ. № 21. 2015. С. 440–442: ил.
21. Abdulloev D., Nikonorov V. P., Soloshcheva M. A. Sogdiana of A. M. Belenitskii // St. Petersburg Annual of Asian and African Studies. Vol. IV [2015]. Würzburg, 2016. P. 209–219: ill.

Часть I

**ИЗБРАННЫЕ
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ**

Раздел 1

ДРЕВНОСТЬ И РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

1

ХУТТАЛЬСКАЯ ЛОШАДЬ В ЛЕГЕНДЕ И ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕДАНИИ¹

А. М. Беленицкий

Сведения о большом значении, которое имело коневодство для хозяйственной жизни приамударьинских областей, входивших в состав древней Бактрианы, восходят к глубокой древности. Говорят об этом данные древней топонимики, имена мифических персонажей, относимых легендой к этой стране, и, наконец, прямые свидетельства источников. Не ставя перед собой специальной задачи исследования этого вопроса для Бактрии в целом, ограничусь указанием на факты, хорошо известные в специальной литературе. Так, столица Бактрии, как и река, на которой она стояла, носили название Зариаспа (современный Балх). Аурватаспа и Виштапа — имена мифических царей этой страны². Успех деятельности Заратустры в легендарной истории его проповеди, как известно, также связан с излечением им любимой лошади царя Бактрии (Балха) Гиштаспа³. Об этом же говорят и сведения исторические.

В ахеменидское время лучшие конные отряды войска, служившие под знаменами царей этой династии, набирались именно из бактрийской сатрапии⁴. В Бактриане же производил ремонт конского состава и Александр Македонский⁵.

Лошади этой страны, позже получившей название Тохаристан, были известны китайским хроникам⁶.

Не остался незамеченным интересующий нас факт и в ранней летописи арабов. В этом отношении весьма характерен один рассказ Табари, свидетель-

¹ Первая публикация: СЭ, 1948. № 4. С. 162–167.

² Ср.: Tomaschek W. Baktriane // RE. Hlbbd. IV. 1896. Sp. 2805 (*асп* по-персидски обозначает лошадь).

³ Rosenberg F. Le livre de Zoroastre (Zartusht Nâma) de Zartusht-i Bahram ben Pajdu. St.-Petersburg, 1904. P. 49 f.

⁴ Tomaschek W. Baktrianoi // RE. Hlbbd. IV. 1896. Sp. 2807.

⁵ Древние авторы о Средней Азии. Ташкент, 1940. С. 48.

⁶ См. ниже.

ствующий о высокой ценности происходивших из Тохаристана лошадей, который относится ко времени правления халифа Хишама ибн Абдал-Мелика (725–744).

«Рассказал мне ал-Валид ибн Хулайд. Однажды увидел меня Хишам ибн Абдал-Мелик, когда я ехал верхом на тохаристанском коне. И сказал он: “О, Валид ибн Хулайд, что это за скакун?” И ответил я, что его привез мне Джунайид. И позавидовал он мне и сказал: “Клянусь Аллахом, слишком много стало тохарских лошадей”. Когда умер Абдал-Мелик, то среди его лошадей нашли лишь одного тохаристанского скакуна. И стали ссориться сыновья Абдал-Мелика по поводу того, кому должна достаться эта тохаристанская лошадь. И не было среди них (сыновей) ни одного, кто бы ни думал, что если он не получит ее, то не наследует ничего (существенного)»⁷.

Нет сомнения в том, что и в памятниках материальной культуры древней Бактрии, когда они в полной мере станут достоянием науки, найдет свое отражение интересующий нас вопрос. Но и то небольшое, что и сейчас можно отнести к этой области, говорит об этом с полной определенностью. Я имею в виду в первую очередь знаменитый Амударьинский клад золотых вещей. Среди изображений животных, представленных на вещах этого клада, лошадь занимает в количественном отношении первое место. Характерно, что лошадь же представлена и наиболее разнообразной техникой исполнения (скульптура, чекан, гравирование и пр.). Такое сугубое внимание к этому животному, конечно, не является случайным. Оно свидетельствует о большом значении, которое имела лошадь для страны, где эти вещи были созданы⁸. Лошадь нашла определенное место и в изобразительном искусстве греко-бактрийского времени⁹.

Непосредственно интересующая нас область Хутталъ, соответствующая современным Кулябской и Курган-Тюбинской областям Таджикской ССР (в середине века границами области считались Пяндж и Вахш), в древности входила в состав Бактрии¹⁰. И те факты, которые были приведены выше, в определенной мере могут быть отнесены к нашей области. Это мне кажется тем более законным, что и указанный клад, по наиболее вероятной версии, был найден на правом берегу Амударьи, в местности Тахт-и-Кувад на самой границе с Хутталем¹¹. И если принять, что указанные памятники в определенной мере характеризуют материальную культуру древней Бактрии, то мы должны это суждение отнести и к правобережным областям, в том числе и Хутталю.

О Хуттале, как стране по преимуществу коневодческой, говорят и свидетельства более непосредственные. Уже Томашек, а затем и Маркварт обращали

⁷ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari* / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879–1901. Ser. II. P. 1735.

⁸ *Dalton O. M. Franks Bequest. The Treasure of the Oxus, with Other Objects from Ancient Persia and India, bequeathed to the Trustees of the British Museum by Sir Augustus Wollaston Franks*. London, 1905 (см.: Plates).

⁹ *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940 (Памятники культуры и искусства в собрании Эрмитажа. I). С. 9, 92 и табл.

¹⁰ *Tomaschek W.* *Baktriane*. Sp. 2805.

¹¹ *Dalton O. M. Franks Bequest*... P. 1.

внимание на следующий рассказ из эпической поэмы индусов «Махабхарата». По случаю устроенного героем поэмы Юдхштрой праздника к нему прибыли представители многих народов дальних и ближних стран, которые принесли с собой в виде даров, как это было во всеобщем обычае, лучшие произведения своих стран. Среди этих посольств были и представители страны Ванксу. В этом названии указанные исследователи справедливо видят передачу имени реки Вахш, а страна, которая была представлена, — считается именно Хутталем. Дар, который они привели с собой, для нас крайне интересен. Они привезли с собой, как говорится в поэме, «лошадей диких, очень быстрых, цвета кошенели, пегих (buntfarbige) и цвета утренней зари»¹².

Это описание, интересное само по себе, важно для нас и по тому элементу легендарности, который в нем чувствуется. Обстоятельство это безусловно не случайно. Оно свидетельствует о том, что с этими лошадьми связывались какие-то необычные представления. И действительно, в отношении происхождения лошадей приамурьинских областей, и особенно Хутталя, сохранились и в других источниках соответствующие рассказы. Так, в китайских хрониках Суй-шу и Тан-шу сохранилась легенда о «божественном» коне, который живет на вершине одной из гор (или в пещере) Тохаристана. К местопребыванию этого коня местные жители пригоняют пасти кобылиц, от которых и происходят потокровные лошади¹³. Здесь мы видим легенду, аналогичную известной легенде о даваньских (ферганских) небесных лошадях, «потееющих кровью», которую мы находим у китайского историка Сыма Цяня (II в. до н. э.)¹⁴.

С циклом этих легенд безусловно связан и нижеприводимый рассказ арабского географа IX в. ибн Хордадбега, специально посвященный мифу о происхождении породы лошадей, известной в средние века под именем хуттальской (или хутталейской).

«В городе, — рассказывает наш автор, — носящем название Хутталей, принадлежащем ал-Харису ибн Асаду, двоюродному брату Абу-Давуда ибн Аббаса, совершившего нападение на Фируза, имеется тысяча с лишним источников, и среди них два — один у нижних ворот, а второй — у верхних ворот (города). Верхний носит название Назкуль. Рассказал Абу-л-Фадл, объездчик лошадей ибн ал-Хариса ибн Асада, что происхождение хутталейских скакунов, порода которых славится, из этого источника. И было это во время тамошнего царя по имени Бик. У него было множество кобыл, табуны которых паслись на пастбищах. В часы полудневной жары они прибывали к этому источнику на водопой под тень дерева, которое там было. И так собирал пастух к источнику своих лошадей, а тот источник был обширный, имел 400 на 400 локтей. Вода в нем была спокойная и чистая. И однажды увидел пастух, когда он проснулся от сна, среди табуна своих лошадей какую-то лошадь, более высокую чем другие.

¹² Tomaschek W. Centralasiatische Studien. I. Sogdiana // SKAW. Bd. LXXVII/1 (Jahrg. 1877). 1877. S. 46; ср.: Marquart J. Wehrot und Arang: Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran / Hrsg. von H. H. Schaeder. Leiden, 1938. S. 31.

¹³ Бичурин Н. Я. (о. Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. III. СПб., 1851. С. 255.

¹⁴ Там же. С. 4.

И показалось ему это видение страшным. И стал он следить за этим, пока не настало утро, и тогда (лошадь эта) спустилась в источник. И остался пастух удивленным. И не переставал он следить за этим, когда он возвращался к источнику. И вот однажды появился тот конь из источника, а с ним кобылицы и много таких же жеребцов, и смешались они с его лошадьми, и паслись они постоянно вместе на пастбище, и привыкли они к его лошадям. И оплодотворили эти жеребцы кобыл из царского табуна, за которым смотрел тот пастух. Жеребята, которые родились, были крупные, превосходные, красивые станом. И когда это увидел пастух, обрадовало его это. И уведомил он об этом своего господина, и сильно обрадовался этому царь. И отправился он со своими дружинниками на охоту в сторону пастбищ его табунов и стад. И прибыли они к загонам того пастуха, и приказал он своему наезднику, чтобы он поймал жеребенка из жеребят, которые происходили от жеребца, вышедшего из источника. И поймал он арканом одного из жеребят и, оседлав его, обуздал. И он точно летал между небом и землей, послушный узде, легкий в беге. И когда он вернулся и слез с него и расседлал его, то все те лошади вышли с пастбища вместе с теми жеребятами, которые пришли с ними, но исключая тех, которые родились (среди табуна). И вернулись остальные в источник. И до сих пор не появлялось из источника ни одной лошади больше. От (оставшихся) пошла порода хутта-ляньских скакунов.

И рассказывал мне этот рассказчик со слов купца Абдаллаха аш-Шахмы, человека известного в Балхе и его окрестностях, что он купил одну лошадь этой породы ростом в три рыночных локтя и в ширину один локоть»¹⁵.

Миф, связывающий лошадь с водой, конечно, не случаен. Маркварт, который неоднократно касался вопроса о месте кони в мифологии ирано-индийских народов, возводит его к представлению, согласно которому жеребец «олицетворяет божество воды и растительности» и является одновременно символом «молнии, рожденной из воды»¹⁶. Но особый интерес этот миф представляет еще и потому, что в нем заключено одно из звеньев той цепи представлений, которая была установлена Н. Я. Марром между водой — небом — солнцем (утренняя заря) и лошадью, притом на материалах, очень далеких от приведенного выше¹⁷.

Мне представляется совершенно несомненным, что соответствующие лингвистические исследования на местном материале могли бы стать в интересующем нас аспекте чрезвычайно плодотворными. Автор данной заметки, не будучи лингвистом, понятно, за такую задачу не может взяться. Я хотел бы лишь здесь привести несколько фактов из области фольклора и этнографии и некоторые другие материалы, безусловно стоящие в связи с этими представлениями.

¹⁵ BGA. Ps. VI. P. 180, 140.

¹⁶ Marquart J. Wehrot und Arang... S. 88. Связь лошади с водой и специально с Амударьей нашла свое отражение и в фольклоре среднеазиатских народов. Так, в узбекском цикле эпических сказаний о Кёроглы жеребцы Дюр-ат и Гыр-ат, служащие герою поэм, принесены двумя кобылицами-матками «от двух водяных коней», вышедших из реки Джейхун (Амудары). См.: Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. М., 1947. С. 169.

¹⁷ См.: Марр Н. Я. Приволжские и соседящие с ними народности // Марр Н. Я. Избранные работы. Т. V. М.; Л., 1935. С. 238–308.

Так, в современном таджикском фольклоре существует представление о «водяном коне» (*оси-и-оби*), имеющем пребывание в определенных озерах, откуда он выходит по временам на поверхность¹⁸. В Хорезме лодка называется, как и лошадь, словом «ат». Фольклорные записи из Хорезма свидетельствуют о существовавшем в древности обычае бросания в Амударью лошади¹⁹. М. М. Дьяконов обратил внимание на рассказ о гибели сасанидского царя Иездагерда I, согласно которому чудесная лошадь, ставшая причиной смерти этого царя, вышла из источника и туда же вернулась²⁰. Для нас это тем более интересно, что местом гибели царя был Хорасан (у Табари — Гурген, у Фирдоуси — окрестности Туса), в культурно-историческом отношении находившийся в тесной связи с приамударьинскими областями. Наконец, я хотел бы обратить внимание на один известный памятник изобразительного искусства, который, как мне представляется, связан по сюжету именно с указанной легендой о хутталльской лошади. Я имею в виду серебряную чашу, найденную в 1896 г. близ дер. Квацпилеевой Пермского края и опубликованную Я. И. Смирновым²¹. Описание ее дано в работе К. В. Тревер «Памятники греко-бактрийского искусства», где убедительно доказывается принадлежность этой чаши к кругу дошедших до нас памятников греко-бактрийского царства. Сюжет, представленный на чаше, К. В. Тревер связывает с определенными мифами греческого и индо-иранского мира, согласно которым лошадь олицетворяла собой Митру-солнце²².

Мне представляется, что в отдельных чертах сюжета, изображенного на этой чаше, можно видеть и намеки на приведенные выше мифы, связывающие лошадь с водой. Об этом говорят прежде всего «болотистые» растения, изображенные на чаше и напоминающие не то камыш, не то тростник. Мне кажется также, что и розетка в виде раскрытого лотоса или другого водяного растения, помещенная в круге на дне чаши, может означать водный бассейн, озеро или источник.

Не связана ли и «необычность» изображения рядом двух жеребцов», как пишет К. В. Тревер, с тем обстоятельством, отмечаемым легендой, что жеребец, выходящий из воды, появляется среди табуна наземных лошадей, где должен был быть и свой жеребец. Мне кажется, что именно с этим кругом представлений, зафиксированных в рассказе о хутталльской породе лошадей, и связан этот памятник, приамударьинское (бактрийское) происхождение которого, таким образом, становится еще более осязательным.

Наряду с приведенными выше материалами легендарного характера мы имеем целый ряд исторически вполне достоверных данных относительно хутталльской

¹⁸ Такое поверье записано А. З. Розенфельд в селении Самсалык Комсомолобадского района, недалеко от Об-и Гарма, т. е. несколько севернее Хуттала; по этому поверью, «водяной конь» живет в озере вблизи указанного селения. Пользуясь случаем, приношу здесь благодарность А. З. Розенфельд за указанное сообщение.

¹⁹ Эти два факта сообщены мне К. Л. Задыхиной, за что приношу ей свою благодарность.

²⁰ Nöldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden / Aus der Arabischen Chronik des Tabari... Leyden, 1879. S. 77, Anm. 1.

²¹ Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909. Табл. X.

²² Тревер К. В. Памятники... С. 95.

Фрагмент серебряной чаши с изображением коней,
найденной вблизи дер. Квацпилеевой (Пермский край).
Гос. Эрмитаж

породы лошадей, свидетельствующих об устойчивой славе этой породы на протяжении ряда веков, по крайней мере вплоть до монгольского завоевания. Так, в китайской хронике Тан-шу о Хуттале (Ку-то-ло) говорится, что он «имеет много великолепных лошадей»²³. Арабо-персидские географы IX и X вв. также, как правило, говоря о Хуттале, отмечают в качестве особенности экономической жизни Хутталя развитое скотоводство. Так, Истахри пишет, что «в Хуттале разводится множество лошадей, которых вывозят во все страны»²⁴. Другой географ X в., ал-Макдиси, пишет, что из Хутталя вывозят лошадей и мулов²⁵. То же сообщает и анонимный автор персидского географического сочинения X в. «Худуд ал-Алам», говоря, что «из этой (страны) вывозят много хороших лошадей»²⁶. Аль-Якуби называет породу хуттальянских коней «Бикийя» — бикийскими по имени их владельца, царя Хутталя²⁷, о котором упоминает и легенда ибн-Хордадбега. Однако впоследствии за ними закрепляется название «хуттальские» или «хуттальянские». Так, в рассказе Утби о посылке даров Махмудом Газневи караханидскому правителю Средней Азии упоминаются и «хуттальянские лошади»²⁸.

Особый интерес представляет рассказ Низами-Арузи-Самарканди, составителя сборника «Чахар-макала» из биографии поэта XI в. Фаррухи. Последнему в награду за касыду (оду), написанную по случаю таврировки лошадей в табунах чаганианского правителя, было разрешено взять столько годовалых жеребят, сколько он сумеет сам поймать. «По распоряжению кетхудо эмира, — рассказывает наш автор, — была пригнана тысяча голов жеребят — все они были белолобые и белонogie хуттальской породы»²⁹. Это замечание о преобладающей, видимо, масти лошадей этой породы чрезвычайно любопытно в связи с приведенным выше рассказом из «Махабхараты», в котором пегие (buntfarbige) лошади перечислены среди лошадей других мастей, привезенных из страны Ванксу.

Отмечу, наконец, что Закарья Казвини — автор XIII в., писавший в Иране, также отмечает, что из Хутталя «вывозятся быстроходные лошади, подобных которым нет ни в одной из других стран»³⁰.

Хуттальская лошадь пользовалась популярностью в арабско-персидской поэзии. Так, один из ранних поэтов, писавших в Средней Азии, некий Муради, обиженный чем-то на правителя Хутталя и его жителей, в эпиграмме пишет:

О, тот кто расспрашивает о низком Харисе
И о его грязном народе,

²³ Бичури Н. Я. (о. Иакинф). Собрание сведений... С. 168.

²⁴ BGA. Ps. I. P. 279.

²⁵ BGA. Ps. III. P. 325.

²⁶ Худуд ал-'Алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930. Л. 25-а.

²⁷ BGA. Ps. VII. P. 290.

²⁸ Китаб-ал-Йамини. Каир, 1286 X. С. 232.

²⁹ Chahār maqāla («The Four Discourses») of Aḥmad ibn Umar ibn 'Alī an-Nizām al-'Arūdī as-Samarqandī / Ed., with introduction, notes and indices, by Mīrzā Muḥammad ibn 'Abdu 'l-Wahhāb of Qazwīn. Leyden; London, 1910 (GMS. Vol. XI). P. 40.

³⁰ El-Cazwīnī's Kosmographie. II / Hrsq. von F. Wstenfeld. Güttingen, 1848. S. 352.

Знай, что они из Хутталя. Хутталь же страна,
Прославленная лошадьми, но не людьми.

Поэт Азраки, прославляя подвиги своего героя, пишет:

Он бросил (мощной) рукой острое копье
И оседлал хуттальянского (необъезженного) жеребца.

Знаменитые поэты XII в. Хакани и Низами, писавшие в Азербайджане, также находят случай прославить хуттальскую лошадь. Так, Хакани пишет в оде, посвященной одному из феодалов:

Когда он верхом на хуттальском скакуне гарцует,
То конюший его кажется правителем (всего) Хуттальяна.

И наконец, Низами дает хуттальянского скакуна Александру Македонскому:

Сел Искандер на того хуттальского скакуна,
Точно гора поднялась и (помчался) точно молния сверкнула³¹.

Здесь своим поэтическим сравнением Низами невольно связал древнее представление о лошади, олицетворяющей молнию, с хуттальским конем, предок которого, согласно легенде, вышел из воды. Добавочный интерес представляется и в том, что конь нашей породы дается историческому лицу — Александру Македонскому и, таким образом, миф связывается с историческим преданием.

* * *

Заканчивая эту небольшую заметку, я хотел бы подчеркнуть, что приведенный материал может иметь, помимо его культурно-исторического интереса, и некоторое практическое значение. Дело в том, что вопрос о происхождении и истории той или иной породы лошадей в практической иппологии, в коневодстве имеет первостепенную важность. В особенности большое значение имеет эта сторона дела при изучении вопросов, связанных с коневодством в Средней Азии. Сошлюсь на следующие слова из предисловия к специальному сборнику, посвященному коневодству Средней Азии: «Одно отношение, например, к ахалтекинской лошади будет у нас, если мы будем считать ее за “помесь арабской лошади и персидской”, за какой-то боковой придаток малой ценности. И совершенно иное будет отношение, если мы на основе изучения всех доступных нам материалов должны будем прийти к выводу, что в ахалтекинской лошади мы имеем современного представителя древнейшей в мире культурной породы»³². В сборнике, откуда взято приведенное положение, среди других

³¹ Стихотворные отрывки взяты мной из примечаний издателя к изд.: Chahár maqála... P. 167.

³² Бумт В. О. (ред). Конские породы Средней Азии. М., 1937. С. 7.

статей помещена специальная работа Г. Г. Хитенкова, посвященная современной локайской лошади, имеющей центром своего распространения ту область, которая, главным образом, и интересует нас в данной заметке, а именно Хуттал (совр. Кулябская и Курган-Тюбинская области).

Некоторые результаты произведенного Г. Г. Хитенковым специального обследования представляются нам крайне любопытными, поскольку они повторяют те попутные и случайные замечания иппологического характера, которые оставили и наши древние авторы. Так, Г. Г. Хитенков пишет: «На основании индексов сложения локайскую лошадь следует отнести к лошадям быстрых аллюров верхового назначения»³³. А в другом месте: «Локайская лошадь обладает прекрасными свободными движениями на шаг и на галопе»³⁴. Однако попытку автора установить историю происхождения этой породы надо признать, по-видимому, несостоятельной. Так, автор статьи делает заключение, что локайские лошади происходят из некрупной узбекской лошади монгольского корня и что «представляется вероятным, что локайские лошади в прошлом испытали влияние арабских лошадей»³⁵.

В неопубликованной, к сожалению, статье М. Е. Массона «К истории происхождения локайской лошади», намеченной к изданию Институтом востоковедения Академии наук СССР, на которую указал мне ее автор, за что приношу ему здесь свою благодарность, с большой обстоятельностью опровергается указанный вывод Г. Г. Хитенкова. Из выводов, к которым пришел сам М. Е. Массон, для нас особенно интересен следующий: «Локайская лошадь несет в себе кровь издревле славившихся хутталских верхово-вьючных лошадей горного типа, очевидно родственных также бадахшанским и другим лошадям Аму-Дарьи и известных еще до арабского завоевания». Свои заключения М. Е. Массон основывает на обширном и разнообразном историческом материале вплоть до наблюдений нашего времени (например, периода Гражданской войны). М. Е. Массон, между прочим, привлекает ряд сообщений тех источников, которые использованы и в этой заметке, как-то: рассказы из «Махабхараты», сообщения Истахири и Макдиси, а также данные китайских хроник. Относительно последних М. Е. Массон замечает, что для него неясно лишь сообщение о феномене кровопотения. В связи с этим разрешу себе привести следующий рассказ путешественника начала XIX в. Борнса, который имел возможность наблюдать это необычайное явление в Средней Азии. Характеризуя туркменскую лошадь, он, между прочим, сообщает следующее: «Если случится, что лошадь через меру разгорячена или если она совершила какую-нибудь трудную работу, то природа сама открывает ей вену на шее и таким образом пускает животному кровь. Я этому не верил, пока собственными глазами не убедился в справедливости сказанного»³⁶. Это сообщение Борнса особо убедительно подтверждает упомянутый вывод М. Е. Массона, с которым мы можем только солидаризироваться.

³³ Хитенков Г. Г. Локайская лошадь // Конские породы Средней Азии. М., 1937. С. 207.

³⁴ Там же. С. 216.

³⁵ Там же. С. 230.

³⁶ Борнс А. Путешествие в Бухару. Ч. III. М., 1850. С. 381.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ХУТТАЛЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН до X в. н. э.¹

А. М. Беленицкий

Реки Вахш и Пяндж, воды которых при слиянии дают начало собственно Амударье, образуют границы значительной по величине области южного Таджикистана, в средние века известной под именем Хутталь, или Хутталян. Первая из этих рек служит границей области на севере и западе, вторая — с востока и юга. Северо-восточный угол этой области занят высокими отрогами горной системы. Горы эти в виде резко приподнятого барьера возвышаются над равнинной частью области, прилегающей к нижнему течению названных рек. В древности это обстоятельство в известной мере и предопределило то, что Хутталь оказался тесно связанным с областями, лежащими к югу от него.

В древнейший период своей истории Хутталь входил в состав Бактрии². Поэтому мы вправе рассматривать сведения, которые имеются о Бактрии в целом, в определенной мере относящимися и к интересующей нас области — к Хутталю. Так, известные сообщения о Бактрии как стране, где добывалось много золота и где разводили лошадей³, должны быть отнесены, безусловно, и к интересующей нас области, если не считать, что именно за счет Хутталя Бактрия эту известность получила.

В качестве памятника материальной культуры древней Бактрии, рисующего именно эти особенности хозяйственной жизни и нашей области, мы должны назвать знаменитый Амударьинский клад золотых вещей. Об этом говорит, прежде всего, место его находки — на правом берегу Пянджа, у самой границы области. Наличие большого количества изображений лошади с весьма четкими особенностями породы свидетельствует о том, что вещи эти сделаны в области коневодческой по преимуществу. Материал же — золото, из которого сделана большая часть предметов, — вероятней всего также был местной добычей⁴.

¹ Первая публикация: МИА. № 15. 1950. С. 109–127.

² Tomaschek W. Baktriane // RE. Hlbbd. IV. 1896. Sp. 2805.

³ Ibid.

⁴ Dalton O. M. Franks Bequest. The Treasure of the Oxus, with Other Objects from Ancient Persia and India, bequeathed to the Trustees of the British Museum by Sir Augustus Wollaston Franks. London, 1905. P. 1.

2. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.

К собственно Хутталю мы вправе отнести и целый ряд известий о походах Александра Македонского в приамударьинские области. В них мы находим первые, правда, еще весьма неопределенные, географические данные об этой области.

Таков рассказ Арриана о пленении Роксаны — дочери Оксиарта, предводителя восстания бактрийцев против Александра; в этом рассказе упоминается впервые «каменный мост», по ту сторону которого находились горы Сисиметры — убежище Роксаны; к области Хутталяна относит Маркварт и местность Бубасену, где повстанцы во время борьбы против Александра дольше всего держались. Локализацию Бубасены в районе Куляба и Бальджуана надо признать вполне вероятной. Горный характер этих районов, особенно последнего, благоприятствовал повстанцам⁵.

В связи с этими обстоятельствами надо признать достоверным сообщение об основании в Хутталяне Александром города-форпоста, которому было дано название, по примеру многих других аналогично возникших городов, Александрия (Александрия на Оксе). Как увидим ниже, еще в X в. в Хутталяне был известен город под именем Сикандра — восточная форма имени Александр⁶.

Из других сообщений, относящихся к походам Александра Македонского и представляющих для нас интерес, следует упомянуть рассказ о наборе лошадей, который был произведен Александром в Бактрии после перехода через горы Парапамисады⁷.

В письменных памятниках античного мира, относящихся ко времени после походов Александра Македонского, сведений, которые можно было бы отнести к Хутталю, также немного. Из географических названий, которые встречаются у географов эллинистического и римского времени, надо отнести к Хутталю название города Хульбисса (Χολβίσσα, Χόλβυσσα), приводимое Птоломеем⁸.

Город этот идентифицируется, на наш взгляд, с полным основанием, с будущей столицей Хутталя — Хульбуком. Идентификация эта тем более законна, что в средневековых мусульманских источниках наряду с формой Хульбук мы встречаем Хульбик — форму, очень близкую греческой, — Хульбисса.

Бесспорно, относится к Хутталю и сообщение Плиния о соли, которая содержится в воде Окса в Бактрии. Воды этой реки, по словам римского писателя, несут с собой соль светло-красного цвета, размытую в прилегающих горах⁹.

⁵ Последней работой, где разбирается вопрос об этих пунктах, является труд Й. Маркварта: *Marquart J. Wehrot und Arang: Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran* / Hrsg. von H. N. Schaefer. Leiden, 1938. S. 74–75.

⁶ В. Томашек (*Tomaschek W. Centralasiatische Studien. I. Sogdiana* // SKAW. Bd. LXXXVII/1 [Jahrg. 1877]. 1877. S. 100) идентифицирует эту Александрию с известной Александрией Дальней, но с этим едва ли можно согласиться, поскольку о последней определенно говорится как о городе на Яксарте, т. е. Сырдарье. Сомнение, высказанное В. В. Тарном по поводу постройки этого города «rather dubious Alexandria of the Oxus» (*Tarn W. W. Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938. P. 189*), кажется также неосновательным, так как им не учитывается свидетельство арабских географов.

⁷ Древние авторы о Средней Азии. Ташкент, 1940. С. 43.

⁸ *Tomaschek W. Centralasiatische Studien. I. ... S. 100.*

⁹ Древние авторы... С. 86.

Наконец, к Хутталю мы вправе отнести и некоторые памятники так называемого греко-бактрийского искусства, на которых изображена лошадь очень четко выраженной породы, по всей вероятности именно хуттальской¹⁰.

* * *

Со времени путешествия Чжан Цяня в 30-х гг. II в. до н. э. сведения о Средней Азии и в том числе о приамударьинских областях начинают накапливаться и в китайских источниках. Однако конкретные сообщения, которые можно было бы отнести специально к Хутталю, восходят лишь ко времени значительно более позднему, а именно к VII в. н. э.

Произошедшие за этот длительный промежуток времени важнейшие перемены в Средней Азии, связанные в первую очередь с движениями кочевников, нашли свое отражение и в области географической номенклатуры. К этому времени исчезает и название Бактрия, взамен которой китайские источники употребляют слово Ту-хо-ло в арабо-персидской передаче — Тохаристан.

В китайских источниках впервые в это время мы встречаем и название нашей области в транскрипции, в достаточной мере близкой к той форме, которая за ней и закрепилась, а именно: Ку-ту-ло. Название это впервые появляется в истории Танской династии — «Тан-шу» (618–907 г. н. э.), и, по всей вероятности, появилось оно в обращении незадолго до этого времени. Так, Минорский склонен считать слово это тохарского или эфталитского происхождения (V–VI вв. н. э.)¹¹.

В «Тан-шу» Хутталю посвящается небольшая заметка; в ней говорится, что область Хутталь имеет в длину, как и в ширину, 1000 миль. В стране этой четыре большие горы, где добывается горная соль. Страна богата великолепными лошадьми, и в ней водятся красные (рыжие) леопарды. Столицей царю служит город Се-чу-кянь. Дальше приводятся лишь некоторые факты из взаимоотношений между этой областью и китайским двором¹². Сюаньцзан приводит некоторые географические названия, имеющие отношение к Хутталю. К ним относится О-ли-ни (Архен), Poh-li-hoh (Паргар)¹³, а также Ноу-ча (Вахш)¹⁴.

¹⁰ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940 (Памятники культуры и искусства в собрании Эрмитажа. I). Табл. 25. О связи этого памятника с Хутталем см.: Беленицкий А. М. Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании // СЭ. 1948. № 4. С. 162–167.

¹¹ Minorsky V. *Hudūd-al-'Ālam*, «The Regions of the World»: A Persian Geography, 372 A.H. — 982 A.D. Oxford; London, 1937 (GMS. NS. Vol. XI). P. 359, n. 1.

¹² Бичурин Н. Я. (о. Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. III. СПб., 1851. С. 262. Название города пока не поддается идентификации (транскрипция по Э. Шаванну).

¹³ Ср.: Marquart J. *Eränsäht nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaç'i*. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen. Berlin, 1901 (Abhandlungen der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philosophisch-historische Klasse. NF. Bd. III/2). S. 233–234. Перенесение Марквартом Паргара на левый берег Амударьи (Кокча) безусловно неверно — см. ниже.

¹⁴ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. St.-Petersbourg, 1903 (Сборник трудов Орхонской экспедиции. VI). P. 276.

2. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.

Эти сообщения восполняются важными географическими данными, сохранившимися в более поздних китайских источниках, но также относящимися ко времени Танской династии. Так, сохранился полный перечень областей и округов («губернаторств и районов»), на которые был разделен китайцами «Западный край» после победы последних над тюрками в 657 г.

Хутталь был выделен в качестве отдельного губернаторства, а именно пятого, под названием Као-фу с центром в городе У-ща. В состав этого губернаторства входили два округа — У-лин с центром в городе Ко-ло-кян и Хю-ми с центром в городе У-шеке¹⁵.

Шаванн, который впервые привлек этот источник, находит возможным идентифицировать лишь одно название, а именно У-ша, в котором он видит слово Вахш. Мне кажется, что без особых натяжек можно и в названии Ко-ло-кян видеть передачу имени города Хульбук. И в китайской транскрипции, и в более поздней арабо-персидской последние слоги (кян, бук) не принадлежат к корню собственного имени. Кян является, вероятно, передачей в среднеазиатской топонимике обычного окончания названий «канд», а слог «бук», вероятнее всего, заменил собой «бик», прилагавшийся и к другим географическим терминам, например Рустак-бик. Таким образом, первые два слога китайской транскрипции Ко-ло и передают первый слог арабо-персидской транскрипции Хуль.

Сохранившиеся в позднем источнике, энциклопедии XIII в., другие, важные для нашей области сообщения, касаются политических событий VII–VIII вв. и являются весьма важным дополнением к материалам других источников (арабских). Они будут рассмотрены ниже.

* * *

Для времени доарабского завоевания в мусульманских источниках имеются лишь единичные упоминания Хутталя. Так, у Мас'уди имеется короткая заметка, согласно которой сасанидский царь Ануширван во время войны с эфталитским царем Ахушнавазом перешел за реку Балха (Амударья) и дошел до Хутталя, где он Ахушнаваза и убил¹⁶.

Другая заметка имеется в персидском переводе Табари, согласно которому сасанидский царь Кобад основал на территории Хутталя город Кобадабад, причем автор перевода Балами добавляет, что в его время город этот назывался Кобадан.

Кроме того, автор сообщает и о другом городе, основанном тем же Кобадом на берегу Джейхуна, который называется то также Кобаданом, то Кобад-абад (в разных рукописях). Последний назван им также Везм или Безм (Земм?)¹⁷.

¹⁵ Ibid. P. 70, n.

¹⁶ Masoudi. Les prairies d'or. T. II / Éd. B. de Meynard et P. de Courteille. Paris, 1863. P. 203.

¹⁷ Рукописи Института востоковедения АН СССР: Д 182. Л. 161-а и Д 223. Л. 136-в; ср.: Zotenberg H. Chronique de Abou Djafar-Mohammed-ben Djarir-ben-Yezid Tabari. T. II. Paris, 1869. P. 147. В арабском оригинале Табари об этом ничего не говорится. Текст рукописей персидского перевода в этом месте не совсем ясен.

Но относятся ли эти названия к современному городу Кобадияну (Кувадиан), расположенному на правом берегу Кафирнигана, сказать трудно, учитывая, что в непосредственном соседстве с Хутталем на правом берегу Вахша имеется местность под названием Тахт-и-кобад.

Особое место занимают упоминания интересующей нас области в «Шахнаме». Фирдоуси о Хуттале (в форме Хутталян или Хутлян) говорит в легендарной части поэмы, а также в исторической; в первой части Хутталь упоминается дважды, в первом случае, когда речь идет об упорной борьбе между Рустемом и Афрасиабом, в которую были вовлечены народы и цари, не заинтересованные в исходе этих распрей. От имени этих народов и царей, согласно Фирдоуси, выступает хахан Чина, который обращается к Рустему с предложением прекратить бесполезную борьбу. Среди этих царей мы видим и царя Хутталя.

[Цари] Чаганиана, Шикнана, Чина и Вахра —
Никто из них не причастен к этой вражде.
Сам по себе шах Хутлана [Хутталь], сам по себе шах Чина.
У тебя [к этим] посторонним людям нет вражды.
Это только владыка Афрасиаб
В своем упорстве не хочет отличить воды от огня¹⁸.

Таким образом он выделяет указанные области из числа стран, кровно заинтересованных в разрешении спора, и считает, что интересы их независимы от главных участников борьбы. Здесь, конечно, вполне возможно, что сам по себе перечень случайный, отобранный автором для целей стихотворной формы. Тем не менее в целом, как мне представляется, здесь налицо определенная традиция в отношении областей, прилегающих к Амударье, в борьбе между Ираном и Тураном они занимают особое место.

Второе упоминание о Хуттале относится ко времени царствования династии Каянидов. Герой рассказа Пиран, военачальник тюрок и правитель (шах) Висагирда (Вашгирда), во время переговоров с иранским витязем Гударзом предлагает восстановить старинную границу между Ираном и Тураном в том виде, как она проходила во времена мифического царя Минучихра. Граница, пройдя

От равнин Амуя и Земма,
А затем дойдя до Хутляна, должна [включить],
Подобно Шикнану, Термезу и Виса-гирду,
Бухару и города, ее окружающие¹⁹.

Положение Хутталя, а также и других областей, примыкающих к Амударье, в сасанидское время рисуется в нескольких отрывках, изображающих обстановку и действующих лиц в более конкретных, реальных чертах.

Против шаха Нарсе ведет острую борьбу знать. Последняя призвала на помощь хакана Китая. Но после поражения хакана положение знати сильно по-

¹⁸ Mohl J. Le livre des rois par Abou'lkasim Firdousi. T. III. Paris, 1876. P. 198.

¹⁹ Ibid. P. 506.

2. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.

шатнулось. Лишь благодаря шагам, предпринятым главным жрецом (мобедом), дело не дошло до столкновения. Мобедом, говорит поэт, шах остался доволен. Тот сильный огонь дыма не дал.

Знатные люди чаганийские, хуттальские и балхские,
Бухарцы, а также мобеда от гарчей
Прибыли с данью и с барсамом в руках,
Прославляя этого служителя огня [мобеда].
И так ежегодно с данью и приношениями
Отправлялись ко двору все, кто имел на то средства²⁰.

Любопытные упоминания Хутталя также вместе с другими соседними областями мы находим в главе, посвященной времени Ануширвана. В этом интересующем нас месте обстановка рисуется в таком виде. Между Ануширваном и китайским императором происходит обмен дружественными посольствами и подарками. Это вызывает беспокойство царя эфталитов Гатифара. Он велел задержать посла из Китая, а затем и убить его. Ответом был поход китайского хакана против эфталитов. Гатифар, в свою очередь, начинает собирать войска из областей, ему подчиненных.

От Балха, Шикнана, Амуля и Земма
Оружие и войско, сокровища дирхемов потребовал он
[То же] от Хуттальяна, из Термеза и Виса-гирда
Со всех сторон стал он собирать войско²¹.

А в результате произошедших военных действий

В Чаче, Тереке, Самарканде и Сугде
Много [мест] было разорено и стало
местопребыванием сов.
Для жителей Чаганиана, Вами, Хутлана и Балха,
Для всех их наступили дни черные и горькие²².

Дошедшие до нас исторические сочинения, в которых излагается ход борьбы между арабами-завоевателями и народами Средней Азии, Хутталю отводят вполне самостоятельное место. Из данных этих источников мы узнаем, что область наша оказывала сопротивление арабам наиболее длительное время и что закрепиться им удалось в ней значительно позже, чем в других областях Средней Азии. Из этих рассказов, хотя и дающих одностороннее освещение событиям, мы получаем и ряд сведений, позволяющих в некоторой мере

²⁰ Ibid. T. V. Paris, 1877. P. 586.

²¹ Ibid. T. VI. Paris, 1877. P. 312.

²² Ibid. P. 354. Приведенное в этом отрывке географическое название «Терек» следует читать «Барак» или «Парак», как называлась река Чирчик. Название это сохранилось в имени города Паркент, находящегося недалеко от Ташкента, ср.: *Птицын Г. В.* К вопросу о географии «Шахнам» // ТОВЭ. Т. IV. 1947. С. 302.

представить себе и внутреннюю обстановку в Хуттале. Правда, для полноты картины материала далеко недостаточно.

Если верить ал-Белазури, первым из арабских военачальников, вошедших в сношения с Хутталем, был Саид ибн Осман (676–681), заключивший мир с правителем этой области²³.

Однако, по-видимому, первым наместником арабов, при котором был совершен поход к границам Хутталя, был Мухаллаб ибн Суфра; ал-Белазури об этом походе рассказывает как о карательной экспедиции: «и совершил он многочисленные походы и завоевал он Хутталь, который до того отложился»²⁴.

Однако следует считать более достоверным рассказ об этом Табари, в котором ничего не говорится об отложении Хутталя. Позволю себе передать его в переводе полностью, поскольку это первое сообщение, в котором даются и некоторые подробности об обстановке в Хуттале. Сообщение это приводится под 80 г. хиджры (699–700 гг. н. э.).

«И прибыл к Мухаллабу в то время, когда он стоял лагерем у Кеша, племянник мелика Хутталя. Он призвал его совершить поход на Хутталь. И послал он [Мухаллаб] сына своего Йезида. У границы Хутталя остановился он [отдельным] лагерем, а племянник мелика — мелик тогда был по имени ас-Сабаль — остановился [своим] лагерем, и совершил ас-Сабаль ночное нападение на [лагерь] племянника. [Его воины] подняли [арабский] клич. Племянник [мелика] подумал, что арабы его предали. А они [арабы], когда он оставил их лагерь, боялись, что он их предаст. И захватил ас-Сабаль своего [племянника], и привез его в свою крепость, и убил его. Передают, что Йезид ибн ал-Мухаллаб осадил крепость ас-Сабаля. И заключил он с ним мир на условии уплаты контрибуции, которая была доставлена ему, и вернулся он к ал-Мухаллабу»²⁵.

С именем этого правителя Хутталя мы впоследствии встречаемся неоднократно. Так, весьма интересно его участие в событиях, связанных с известным антиправительственным (против арабского наместника в Хорасане) выступлением Мусы ибн Абдаллаха, захватившего Термез в 689 г., где он держался в течение 15 лет²⁶.

В это время в Средней Азии (Мавераннахре) против арабского наместника выступил и другой араб — Сабит ибн Кутба, клиент племени ал-Хуз'а, который приобрел большую популярность среди туземного населения²⁷. Согласно сообщению Табари под 85 г. хиджры (704 г. н. э.), к Сабиту присоединились Тархун, Низак, ас-Сабаль, жители Бухары и Саганиана. Они прибыли к Мусе, чтобы совместно действовать против наместника. Однако Муса отклонил их предложение, и они вернулись в свои области»²⁸.

²³ *Al-Belâdsorî. Liber expugnationis regionum / Quem e codice Leidensi et codice Musei Britannici ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866 (далее — Belâdsorî). P. 417.*

²⁴ *Ibid.* P. 417.

²⁵ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879–1901 (далее — Tabari). Ser. II. P. 140.*

²⁶ *Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I–II. СПб., 1898–1900. Ч. II. С. 187.*

²⁷ Там же. С. 185, 187.

²⁸ *Tabari. Ser. II. P. 1152 sq.*

2. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.

Вслед за этим источники наши упоминают об ас-Сабале лишь под 90 г. хиджры = 708/9 г. н. э., уже во время наместничества знаменитого Кутейбы ибн Муслима. В указанном году против арабов организовал коалицию из правителей прибрежных областей Амударьи упомянутый Низак, фигурирующий в рассказе Табари под титулом тархан, бывший в это время меликом Бадгиса. После длительной борьбы Низак вынужден был сдаться Кутейбе. Как передает Табари, Кутейба во время допроса спросил у Низака: как он полагает, явятся ли по его, Кутейбы, вызову добровольно к нему ас-Сабаль и аш-шид?²⁹ Низак ответил отрицательно. Однако через несколько дней Кутейба снова вызвал к себе Низака, причем ас-Сабаль и аш-шид были уже налицо. Сцена, которая при этом произошла, весьма любопытна. Вместе с Низаком был и общетохаристанский правитель джабгуя. Увидев последнего, аш-шид и ас-Сабаль попросили разрешения поцеловать руку джабгуя и сесть ниже его. Причем аш-шид сказал Кутейбе: «Джабгуя хотя и мой враг, но он старше меня, он — мелик [царь], а я наподобие его раба».

Вслед за этим Кутейба дал разрешение аш-шиду и ас-Сабалу вернуться в их страны. Причем, как сообщает Табари, вместе с аш-шидом Кутейба послал некоего ал-Хаджаджа ал-Кайни, видимо, в качестве своего уполномоченного. Но о посылке арабского представителя и в Хутталь ничего не сообщается³⁰. Таким образом, о прямой форме зависимости Хутталя от арабов, даже во время правления Кутейбы, не говорится.

Ближайшее по времени сообщение источников о взаимоотношениях арабов с Хутталем подтверждает, что область эта пользовалась независимостью и после Кутейбы.

Для арабских властей вопрос о завоевании этой страны на ближайшие годы, видимо, не стоял на очереди. Сообщение о предпринятом походе против Хутталя, которое мы находим у Табари под 100 г. хиджры = 718/9 г. н. э., по обстоятельствам, вызвавшим его, да и по той форме, в которую он вылился, говорит скорее о какой-то авантюре, чем о серьезном военном походе.

Для указанных лет имеются некоторые сообщения о Хуттале и в китайских источниках. Так, под 718 г. сообщается, что царь Хутталя (Коу-т'оу) имеет 50 тысяч войска³¹. В 720 г. был послан императорский диплом царю Хутталя в виде награды за сопротивление арабам³².

Более активными становятся действия арабов против Хутталя при наместнике Асаде ибн Абдаллахе. В 725 г. им был с целью создания опорной базы восстановлен Балх — город, расположенный в непосредственной близости от нашей области. И уже в следующем году он предпринимает поход против Хутталя. Однако военные действия приняли далеко не тот оборот, на который, видимо, арабы надеялись. Борьба за эту область затянулась более чем на двадцать лет и была, собственно, завершена уже после падения Омейядов,

²⁹ Аш-шид — титул мелкого правителя одной из областей Тохаристана (возможно, следует читать аш-шад).

³⁰ Tabari. Ser. II. P. 1224.

³¹ Chavannes E. Documents... P. 200.

³² Ibid. P. 292.

при знаменитом Абу-Муслиме, действовавшем уже в качестве наместника от имени новой династии Аббасидов. Рассказы источников о военных действиях арабов в Хуттале хотя и не дают полной картины хода их, тем не менее свидетельствуют о стремлении и правителей области, и жителей ее всеми возможными средствами сохранить независимость. Краткие сообщения о военных действиях Асада в Хуттале сохранил ал-Белазури. Согласно его сообщению, Асад после перевода в Балх диванов (канцелярий) и отстройки города «отправился в Хутталь, но не смог ничем овладеть из него, а людей его настиг урон и голод»³³. Как и в других случаях, Табари рассказывает об этих действиях Асада более подробно, причем приводит несколько вариантов. Согласно первому варианту, взятому Табари у основного своего источника — ал-Мадаини, когда Асад выступил в поход на Хутталь, ему навстречу двинулся хакан (тюрок), но между ними сражения не произошло». Однако другие источники Табари свидетельствуют об обратном, причем детали, приводимые при этом, заставляют принять последние за более достоверные. Так, опираясь на свидетельство Абу-Убейды, Табари передает, что хакан и хуттальский правитель «обратили Асада в бегство и весть о его поражении они широко разгласили». При этом сообщается, что в связи с поражением Асада «юноши» из местного населения высмеивали Асада в песенке-четверостишии на местном языке, перевод которой несколько затруднен из-за искажений текста в рукописях. Впрочем, смысл ее вполне определенно говорит о поражении Асада³⁴.

Еще один источник Табари, не названный по имени, также говорит о возвращении Асада в Балх «в жалком виде»³⁵.

После этих событий более чем десятилетие Хутталь не подвергался нападениям со стороны арабов. Во всяком случае, в арабских источниках ничего не говорится об этом.

На это время падает сообщение китайской хроники о прибытии ко двору китайского императора двух посольств из Хутталя. Первое имело место в 729 г., второе в 733 г. Факт прибытия посольств также свидетельствует о том, что Хутталь остался независимым от арабов; к сожалению, китайская хроника говорит об этих посольствах в очень лаконичных выражениях, изображая их как присылку очередной дани и изъявление вассальной зависимости, о первом

³³ Beládsorí. P. 428.

³⁴ Четверостишие это привлекло к себе внимание в качестве одного из ранних образцов, дошедших до нас, персидской, точнее таджикской, народной поэзии (см.: Март Ю. Н. Забытая заметка акад. В. В. Бартольда // ИАН. Сер. VII. 1933. № 3. С. 265 сл.). Четверостишие это может быть переведено сугубо приблизительно так:

Ты из Хутталляна прибыл [вернулся],
Опозоренным ты прибыл [вернулся],
Сокрушенным ты вернулся,
Источенным, растерянным ты прибыл
(Tabari. Ser. II. P. 1492, 1494, 1603).

³⁵ Tabari. Ser. II. P. 1492–1494.

2. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.

посольстве говорится лишь, что «владелец [Хутталя] Се-кин прислал ко двору сына своего Ку-ту-ше»³⁶.

Немногом более пространно и сообщение о втором посольстве: «Владелец Хутталя Хе-ли-фе, — говорится в нем, — прислал труппу танцовщиц и еще отправил главного старейшину То-по-ле Таркана ко двору с данью»³⁷. В этих сообщениях интерес представляют упоминаемые имена и титулы, но об этом придется говорить несколько ниже. Надо полагать, что целью посольства было получение у Китая помощи против арабов, однако официальная хроника об этом ничего не говорит. Во всяком случае, такой помощи оказано не было, когда арабы возобновили военные действия против Хутталя. Новое наступление на эту область было предпринято тем же наместником Хорасана, как и в первый раз, Асадом ибн Абдаллахом, который был вторично назначен на этот пост в 735 г. Вскоре после своего прибытия он переносит свою резиденцию в Балх. О походе на Хутталь сообщается под 119 г. хиджры = 737 г. н. э. Обстановка к этому времени в Тохаристане в целом для арабского наместника усложнилась в связи с антиправительственным движением в среде арабов, возглавлявшимся Харисом ибн Сурейджем³⁸. Последний в это время действовал в той части Тохаристана, которая не подчинялась арабам и, между прочим, в Хуттале.

О начале военных действий Табари кратко сообщает: «В этом году [119 г. хиджры = 737 г. н. э.] Асад ибн Абдаллах совершил поход на Хутталь. И овладел он крепостью Загарзак, и дошел он от нее до Хадаш. Захватил он [много] пленных и стада баранов. Ал-Джейш бежал в Син [Китай]»³⁹.

Географические пункты, здесь названные, к сожалению, не поддаются точной локализации, особенно Хадаш, и поэтому трудно сказать, как глубоко проникли арабы на территорию Хутталя. Что касается имени бежавшего в Китай ал-Джейша⁴⁰, то его положение в Хуттале выясняется из рассказа о последующих событиях. В передаче Табари дальнейшие события развернулись в следующем порядке. Некий ибн ас-Саиджи написал хакану тюрков⁴¹, ставка которого тогда находилась в Семиречье в местности Навакат на р. Чу, о «вступлении Асада в Хутталь» и о том, «что его [Асада] войска рассеялись по его [ибн ас-Саиджа] территории и что он [Асад, вследствие этого] в положении уязвимом». Хакан немедленно собрал войска и двинулся в Хутталь через местность Хушвараг. В Хутталь он прибыл через 17 дней.

Согласно дальнейшему рассказу, ибн ас-Саиджи, «почувствовав прибытие хакана», якобы послал сказать Асаду: «Уйди из Хутталя, тень от хакана уже над тобой». Асад ему не поверил, и тогда «владелец Хутталя» вторично послал сказать Асаду следующее: «Я тебя не обманываю. Это я его уведомил о твоём вступлении [в страну] и о рассеянии твоих войск и что это удобный случай для

³⁶ *Chavannes E. Documents...* P. 168. Ср.: Бичурин Н. Я. (о. Иакинф). Собрание сведений... Ч. III. С. 262.

³⁷ Там же.

³⁸ Ср.: Бартольд В. В. Туркестан... Ч. II. С. 194 сл.

³⁹ Tabari. Ser. III. P. 1593.

⁴⁰ Чтение этого имени весьма сомнительно. См. ниже.

⁴¹ Подразумевается хакан тюркшей.

него, и просил я его помощи, помимо того, что я сообщил ему о разорении тобой страны и захвате добычи, и если он тебя встретит в этом твоём положении, то он тебя победит. И вернут арабы мне то, что я оставил. И распространит хакан свои милости на меня. Его средства увеличились, и он их предоставит в мое [распоряжение] согласно его слов: «Я изгоню арабов из твоей страны и верну я тебе твоё царство». Трудно сейчас судить о реальном содержании и смысле всего этого сообщения. Во всяком случае, согласно рассказу, Асад на этот раз поверил посланию и отдал приказ об отводе обозов.

Подробный рассказ об отступлении арабов здесь нас мало интересует. Следует отметить лишь, что вместе с войском арабов были и войска Саганиана во главе с Саган-худатом, а на стороне хакана были согдийцы.

В сообщении о переправе арабов через Амударью («река Балха») вброд упоминается «соляная гора», которая, судя по рассказу, находилась в пределах Хутталя у места переправы.

Вместе с хаканом были люди и Хариса ибн Суреиджа. Через одного из них хакан якобы велел сказать Асаду:

«[Не достаточно ли] было у тебя места, для походов за рекой? Но тебя жадность одолела, необходимости тебе в Хуттале не было. Эта страна [досталась мне] от моих отцов и дедов».

Отступление Асада кончилось потерей всего обоза, который попал в руки хакана.

После этого военные действия были перенесены на левый берег Амударьи. К хакану присоединился Харис ибн Суреидж. Он также вызвал на помощь «из-за реки людей Тохаристана, тохарского джабгуя, с их меликами и шакирами, которых собралось 30 тысяч человек».

Положение арабов оказалось критическим. Асад даже решил уйти в Мерв. Однако хакан не сумел воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Его войско рассеялось мелкими отрядами по стране. Хакан достиг Асада недалеко от известного пункта Харистан, где произошло знаменательное для истории борьбы между арабами и тюрками сражение. Отряд хакана оказался не только недостаточным для захвата Асада, но потерпел поражение от арабов, которые сражались с храбростью отчаяния. Как явствует из рассказа, они вполне осознавали, что на карту была поставлена судьба всех арабских владений в Хорасане.

Сам хакан с бывшим при нем Харисом еле спаслись бегством. След за этим были уничтожены и остальные отряды тюрков, рассеявшихся по области⁴². Это поражение имело и дальнейшие последствия. Хакан, вернувшийся в Семиречье, вскоре был убит, что и привело к распаду тюркешского каганата⁴³.

К вышеприведённому сообщению о ходе военных действий Табари добавляет любопытный рассказ о завещании известного нам ас-Сабаля, которое бросает свет на странное поведение ибн ас-Саиджи, выразившееся в предупреждении Асада о прибытии хакана, а также несколько разъясняет положение действующих лиц. Привожу весь этот рассказ полностью:

⁴² Tabari. Ser. II. P. 1593 sq.

⁴³ Бартольд В. В. Туркестан... Ч. II. С. 196.

«Ас-Сабаль перед смертью дал наставление ибн ас-Саиджи, которого он оставил своим преемником, [содержавшее] три совета. Сказал он: “Не проявляй самовластья по отношению к жителям Хутталя [в той мере, как это делал я]. Ты человек из их числа, и они не будут переносить от тебя того, что они переносят от царей; не прекращай [попыток] разыскать ал-Джейша, пока ты не вернешь его в нашу страну. Он [законный] царь после меня. А цари — это порядок. Люди же, пока среди них нет порядка, это беспорядочная толпа. Не ведай войны с арабами. Изобретите любые ухищрения, которые в вашей власти, для того чтобы их [арабов] от себя отвратить”. Ибн ас-Саиджи ответил ему: “То, что ты сказал о воздержании от проявлений самовластья, я понял, а что касается возвращения ал-Джейша, то царь прав. Однако твои слова: не войуй с арабами, то как уклонишься от войны с ними, ты сам из числа тех царей, которые больше всего воевали с ними”. Сказал [ас-Сабаль]: “Ты прекрасно сделал, спросив о том, чего не понял. Я испытал вашу силу и мою. И я не нашел, чтобы вы меня [превосходили] в чем-либо. Я же, когда воевал с ними [арабами], то не уходил от них иначе, как опечаленным. Вы же, когда будете с ними воевать, то в первом же сражении погибнете”. В конце этого сообщения Табари замечает: «Ал-Джейш бежал в Китай, а ибн ас-Саиджи, сообщивший Асаду ибн Абдаллаху о прибытии к нему хакана, испытывал отвращение от войны с Асадом»⁴⁴.

О том, что происходило вслед за поражением хакана в Хуттале, Табари ничего не говорит. Но под тем же годом он сообщает о новом походе Асада против Хутталя. Здесь мы находим в качестве правителя (мелика) новое лицо, о котором до того не упоминалось. Имя его в передаче арабского источника Бадр Тархан.

Вкратце рассказ сводится к следующему. Во главе войска Асада в поход был направлен некий Мус’аб ибн Амр ал-Хуза. «Он двигался не останавливаясь, пока не встал лагерем вблизи [местонахождения] Бадр Тархана». Бадр Тархан, выговорив себе обещание неприкосновенности, вышел из крепости и отправился для переговоров с Асадом. Из передачи содержания этих переговоров мы узнаем, что этот Бадр Тархан был выходцем из Бамияна. Во время переговоров Бадр Тархан о чем-то просил Асада, в чем ему было отказано. Тогда Бадр Тархан предложил дать Асаду миллион дирхемов. Асад в свою очередь предложил ему оставить Хутталь в том состоянии, в каком он туда прибыл, т. е. потребовал, чтобы он оставил все свое имущество на месте. На это Бадр Тархан ответил: «Ты вступил в Хорасан, имея десяток вьючных животных, а если бы ты сейчас стал уходить из него, то понадобилось бы не меньше 500 верблюдов. Кроме того, и я кое-что принес с собой, когда прибыл в Хутталь. Верни мне это, дабы я ушел с тем, с чем я прибыл». На вопрос: «Что это?» — он ответил: «Я вступил молодым и с помощью меча добыл богатство. Аллах дал мне семью и детей. Верни мне молодость, и я уйду из нее [страны]».

Конец Бадр Тархана был печален. Хотя он и был вначале отпущен в силу данного ему обещания неприкосновенности, однако Асад вскоре раскаялся

⁴⁴ Tabari. Ser. II. P. 1618.

в этом и, вернув его, стал его всячески поносить. Поняв, что Асад решил нарушить обещание, Бадр Тархан, по словам Табари, поднял камень и, бросив его к небу, воскликнул: «Таков договор Аллаха»; второй камень он бросил, назвав Мухаммеда, затем халифа и, наконец, всех мусульман. Асад велел ему отрубить руку. Затем отыскиали человека, который якобы имел право на кровную месть, и ему было приказано убить Бадра Тархана.

Вслед за этим, согласно рассказу Табари, Асад овладел «большой крепостью», а меньшая, выше ее, в которой находились сын [Бадра Тархана] и имущество, осталась незанятой. Заканчивается все сообщение словами: «И рассеял Асад свои конные отряды по долине Хуттала»⁴⁵.

Из этого рассказа можно заключить, что территория Хуттала была занята арабскими войсками.

Небольшая заметка, помещенная Табари под 121 г. хиджры = 738/9 г. н. э., подтверждает сказанное, в этом году наместник Хорасана Наср ибн Сейар назначил правителем в Фергану некоего Мухаммеда ибн Халида ал-Азди. Последний, по словам Табари, «изгнал из Ферганы брата Джейша вместе с бывшими с ним дехканами и другими лицами, и ушли они оттуда, унося с собой множество идолов, и установили их в Осрушане»⁴⁶. Вернуться в Хутталь, видимо, для них возможности уже не представлялось.

Однако закончилась ли указанными событиями борьба арабов за Хутталь? Для сороковых годов у нас прямых данных для ответа на этот вопрос не имеется. Лишь для самого начала 50-х гг. появляются в источниках сведения о Хуттале, которые говорят об обратном. Здесь снова обосновался некий Ханаш⁴⁷, названный сыном ас-Сабаля. События, о которых идет речь, относятся ко времени восстания Абу-Муслима, которое положило конец омейядскому Халифату.

Победившему в центре Хорасанского наместничества в Мерве Абу-Муслиму пришлось подавить весьма упорное сопротивление, которое было ему оказано в Балхе. В этой области события происходили следующим образом: сразу же после того как Абу-Муслим поднял восстание, в Балх был послан ближайший его помощник Абу-Давуд Халид ибн Ибрахим, которому и удалось захватить город. Здесь был оставлен им в качестве наместника некий Яхья ибн Ну'айм Абу-ал-Майла. Последний, однако, перешел в лагерь противников Абу-Муслима. К ним, как сообщает Табари, присоединились «люди Балха, Термеза, мелики Тохаристана и областей, что за рекой, и тех, что ниже ее»⁴⁸.

⁴⁵ Ibid. P. 1629 sq.

⁴⁶ Ibid. P. 1694.

⁴⁷ О его имени см. ниже.

⁴⁸ Tabari. Ser. II. P. 1997. Под тем же годом автор этот сообщает о том, что в Хутталь арабскими властями был назначен наместником (амилем) Хасан ибн Джудей. Но назначение это было сделано с целью удаления его от центров развивавшихся событий. По дороге он и бывшие с ним люди, принадлежавшие к племенам, враждебным движению Абу-Муслима, были схвачены и перебиты. Из рассказа, собственно, не видно, предполагалось ли занятие Хуттала посредством военных действий или же это была посылка наместника в обычном порядке. Во всяком случае, о назначении другого наместника в Хутталь ничего не говорится (Ibid. P. 1999–2000).

2. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.

Не приходится сомневаться в том, что среди них (меликов) был и правитель (местный) Хутталя. Это подтверждается сообщением о военных действиях ставленника Абу-Муслима в Хуттале, которые имели место в 133 г. хиджры (70 г. н. э.).

«В этом году, — сообщает Табари, — Абу-Давуд Халид ибн Ибрахим направился из Вахша в Хутталь и вступил в него, и не препятствовал его [продвижению] Ханаш, сын ас-Сабалы, мелик его. И прибыли к нему [Ханашу] дехкане Хутталя и заперлись вместе с ним. А некоторые из них оказали сопротивление в ущельях, горных проходах и крепостях. Когда Абу-Давуд направился против Ханаша, он ушел ночью из крепости, и с ним его дехкане и его шакиры, в Фергану. Отсюда он ушел в страну тюрок, пока не прибыл к мелику Китая, и забрал Абу-Давуд тех, кого он захватил, и прибыл с ними в Балх, а затем отправил их к Абу-Муслиму»⁴⁹.

С этим событием стоит в связи сообщение китайской хроники относительно пожалования китайским императором титула джабгуя царю Хутталя, в китайской передаче названном Ло-кинше (Lo = ts'iu'en = tsie). Сообщение это приводится под 752 г.; в дипломе, выданном по этому поводу, между прочим, говорится:

«Вы себя поставили в качестве защитника наших границ, ваши усилия были блестящи. Теперь, когда банды отвратительных людей возбудили беспокойство [в стране] и намеревались сделать и вас своим последователем, вы обнаружили преданность и не изменили верности. С начала и до конца вы проявили все увеличивающуюся твердость»⁵⁰.

Трудно судить о том, кто подразумевается в дипломе под словами «банды отвратительных людей»: арабы — сторонники Абу-Муслима или же арабы вообще. Китайская хроника, как известно, содержит сведения о движении людей в черных одеждах, как обозначались сторонники аббасидов. Но относится ли это уже к данному моменту, сказать невозможно⁵¹.

Как бы то ни было, именно указанные события знаменуют собой заключительный момент в борьбе Хутталя с арабами.

Вышеприведенные данные взяты в основном из арабских источников. Данные китайских хроник, как мы видели, значительно более скудны; в общем следует отметить, что последние не противоречат арабским, а в некоторых случаях по содержанию дополняют их. Это дает основание думать, что, несмотря на всю разницу в написании имен (или званий) действующих лиц, которые приводятся теми и другими, попытка их идентифицировать может оказаться не бесплодной⁵².

Табари приводит всего пять имен правителей Хутталя. Китайские хроники также называют пять имен и титулов. В нижеприведенной табличке они перечислены с указанием дат, когда они упоминаются.

⁴⁹ Ibid. Ser. III. P. 74. Передача имени мелика Хутталя в этом сообщении сомнительна. Вероятно, это то же имя, которое фигурировало раньше и форме Джейш. См. ниже.

⁵⁰ Chavannes E. Documents... P. 216.

⁵¹ Бичурин Н. Я. (о. Иакинф). Собрание сведений... Ч. III. С. 272.

⁵² Ср.: Marquart J. *Erānšahr*... S. 303.

Табари

1. Ас-Сабаль (699–727/8 гг.)
2. Ас-Саиджи (737 г.)
3. Бадр Тархан (737 г.)
4. Брат Джейша (738/9 г.)
5. Ханаш (751 г.)

Китайские хроники

1. Се-гин (729 г.)
2. Ку-ту-ше (729 г.)
3. Хе-ли-фе (733 г.)
4. То-по-ле Тархан (733 г.)
5. Ло-кин-це (752 г.)

Остановимся прежде всего на имени ас-Сабаля. Этот царь Хутталя упоминается в арабских источниках в качестве противника арабов между 699 и 727/8 гг. Рассказ Табари о его завещании, приводимый под 737 г., говорит о нем как об умершем. Причем дата его смерти не приводится. В сообщении китайской хроники о посольстве 729 г. царь Хутталя назван Се-гин. В сообщении же 733 г. он назван Хе-ли-фе. Хотя и то и другое (Се-гин и Хе-ли-фе) являются титулами, принадлежность их одному лицу невероятна, поскольку последний титул является ниже по достоинству, чем первый⁵³.

Мне представляется, таким образом, что в 733 г. правителем Хутталя было другое лицо, а именно ас-Саиджи. Его положение в качестве человека, не принадлежавшего к династии, как это видно из завещания ас-Сабаля, вполне позволяет считать именно его носителем второго титула.

Кто же был посол То-по-ле Тархан? О том, кто был этим послом, названным «старейшиной», по Бичурину (Grosswürdenträger — по Маркварту и haut dignitaire — по Шаванну), говорит прежде всего его звание тархан. Им был, по всей вероятности, не кто иной, как упоминаемый у Табари Бадр Тархан. Собственное его имя также не противоречит этому, в форме Бадр это слово является конъектурой издателя: в рукописях приводится целый ряд разночтений. Из отдельных написаний имеются и такие, которые начинаются на «Т». Полагаю, что будет близким к действительности предположить, что имя его звучало Табар⁵⁴. Слово это вполне могло быть передано китайцами в форме То-по-ле. Его карьера в Хуттале, как это видно из рассказа Табари, говорит о том, что он был выходцем из низов и, видимо, местного населения. Он добился личными усилиями звания тархана — звания, которое, видимо, издревле давалось за заслуги, так же как это было позже и при монголах. В 733 г., за четыре года до его упоминания в качестве «царя» («мелика», по Табари) Хутталя, он мог вполне быть послом от хутталеского правителя, вероятно ас-Саиджи.

Несколько сложнее стоит вопрос с идентификацией имени ал-Джейша. У Табари о нем говорится под 737 г. в сообщении о походе Асада и в рассказе о завещании ас-Сабаля. Оба раза о нем говорится как о человеке, который бежал в Китай, но, собственно, когда это произошло — неясно (см. выше). Вопрос этот становится несколько более определенным, если предположить, что завещание было сделано до 733 г.

⁵³ Ср.: Chavannes E. Documents... P. 164, n. 3.

⁵⁴ «Табар» — на персидском и таджикском языках обозначает топор. Имена по названиям такого рода орудий труда встречаются нередко и в современном таджикском языке, напр. «теша» — также топор. Впрочем, возможно, что в этом имени надо видеть тот же корень, как и в слове «Табаристан».

2. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.

В китайской хронике под 729 г. говорится о прибытии ко двору сына правителя Хутталя Ку-ту-ше. Слово это принято считать титулом хутталь-шах⁵⁵. Вероятно, не случайно то, что в китайской хронике он назван по местному иранскому титулу, а не тюркскому, как это было обычно в то время при дворе китайских императоров в отношении представителей династии Хутталя и других княжеств приамударьинских областей. Видимо, он и прибыл в Китай не в качестве посла, а беглеца, который по какой-то причине был вынужден оставить свою страну, в Китае он и выдавал себя за «хутталь-шаха». В китайской же официальной хронике по принятому шаблону записали об этом событии как о посольстве. Известно, что в китайской хронике даже прибывавших ко двору купцов нередко называли послами.

Имя это встречается затем в 738–739 г., когда говорится о «брате Джейша», изгнанного из Ферганы и обосновавшегося в Осрушане.

Наконец, имя Джейша мы должны видеть в имени последнего из упоминаемых у Табари персонажей, выступающих в качестве правителя Хутталя в 751 г., — Ханаша, сына ас-Сабаля. Здесь опять следует прежде всего отметить, что и то и другое написание (Ханаш и Джейш) являются лишь одними из возможных вариантов тех разночтений, которые имеются в рукописях. Сами издатели в примечаниях связывают между собой эти два имени. Мне также представляется, что это одно и то же имя. Согласно китайской хронике, как выше мы видели, царь Хутталя получил в 752 г. звание джабгу, причем имя его названо Ло-кин-це. Содержание и дата диплома говорят о том, что только Ханаш, или Джейш (или другое возможное звучание этого имени), мог быть этим лицом.

В последних двух слогах китайского начертания, мне кажется, можно видеть передачу арабской формы Джейш — Гейш (арабское «дж» передает иноязычное «г»). Однако появление слога «ло» остается при этом для меня необъяснимым, так как наличие иногда в арабском источнике формы с определенным членом (ал-Джейш) в китайской транскрипции не могло найти отражения, кроме того, при идентификации имен Ханаш и Джейш встречается трудность в связи с тем, что у Табари Джейш (Ханаш) назван сыном ас-Сабаля. В то же время из всего тона завешания последнего ясно следует, что он не был его сыном, поэтому мне кажется, что Джейшем был один из братьев или сыновей того племянника ас-Сабаля, который так неудачно для себя поднял мятеж против дяди своего еще в 699 г. Вынужденный бежать от ас-Сабаля, он скитался по Фергане и Осрушане, побывал в Китае, где выдавал себя за законного владельца Хутталя. И наконец, в 40-х гг. он нашел удобный случай вернуться в Хутталь, чему смута в Хорасане в это время вполне благоприятствовала. Но в 751 г. он снова вынужден был бежать из родной страны.

Таким образом вышеприведенный список, если предположения наши верны, несколько видоизменится и будет состоять из следующих четырех лиц:

1. Ас-Сабаль —
передано в китайской хронике	Сегин (?)
2. Ас-Саиджи — " " "	Хелифе (?)

⁵⁵ Chavannes E. Documents... P. 168, 297.

3. Табар Тархан — ” ” ” ”

То-по-ле
Тархан

4. Ал-Джейш-Ханаш — ” ” ” ”

Ку-ту-ше и
Ло-кин-це

Для времени правления аббасидских халифов сообщения о Хуттале более скудны, чем для предшествующего омейядского периода. Весьма любопытным представляется вопрос об участии Хутталя в самом движении Абу-Муслима. Из вышеприведенных сообщений Табари о военных действиях в Хуттале его наместника Абу-Давуда можно заключить, что хуттальские правители не являлись сторонниками Абу-Муслима, так же как и местные дехканы. Однако другие сообщения позволяют говорить об обратном в отношении жителей Хутталя в целом, в этом смысле особый интерес представляют сообщения ад-Динавери. У этого автора мы находим дважды упоминания Хутталя в его обширном повествовании о движении Абу-Муслима. Первое относится ко времени подпольной деятельности так называемых да'и (подпольных пропагандистов) аббасидской партии. Согласно рассказу ад-Динавери, при наместнике ад-Джунаиде (731/2 г.) группа таких да'и была захвачена представителями власти, но после допроса отпущена. «И пошли они, — сообщает наш автор, — из Мерва в Бухару, а оттуда в Самарканд. Из Самарканда они направились в Кеш и Несеф, затем повернули к Саганиану и прошли через него к Хутталю, [откуда] вернулись в МERV-ар-руд и Талкан»⁵⁶.

Подтверждением этого сообщения может служить то, что, согласно Табари, один из важнейших деятелей аббасидского движения, упомянутый Абу-Давуд, еще до начала восстания руководил подпольной пропагандой в Тохаристане и за «рекой Балха»⁵⁷.

Другое сообщение ад-Динавери относится ко времени, когда Абу-Муслим открыто поднял знамя восстания. В его лагерь устремились люди из многих областей Восточного Ирана и Средней Азии, среди которых мы видим и людей Хутталя.

«И стали прибывать, — говорит ад-Динавери, — толпами к Абу-Муслиму люди из Герата, Бушенджа, МERV-ар-руда, Таликана, Мерва, Нисы, Абиверда, Туса, Нишапура, Сарахса, Балха, Саганиана, Тохаристана и Хутталя. И собирались они вместе, одетые в черные одежды»⁵⁸. Несмотря на это, определенно утверждать о присоединении широких масс населения к движению Абу-Муслима нельзя. Как мы видели, для подчинения Хутталя Абу-Муслиму пришлось снарядить военную экспедицию, и лишь после военных действий Хутталь подчинился наместнику новой династии.

Для последующего времени правления халифов аббасидской династии упоминания Хутталя в источниках случайны. Особенно приходится сожалеть о том, что нет никаких данных относительно 70-х гг. VIII в., когда Средняя Азия была

⁵⁶ *Abu-Hanifa ad-Dinaweri*. Kitab al-ahbar at-tiwal. Vol. I / Texte arabe publiй par. V. Guirgass. Leide, 1888 (далее — *Dinaweri*). P. 338.

⁵⁷ Tabari. Ser. II. P. 1690, 1694.

⁵⁸ *Dinaweri*. P. 360.

2. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.

охвачена мощным движением «людей в белых одеждах» под предводительством Муканны. Движение это, несомненно, должно было найти сочувственный отклик в приамударьинских районах, где прежние верования сохранились в гораздо большей мере, чем в остальных районах Средней Азии⁵⁹.

Тем больший интерес представляет сообщение ал-Якуби о несомненном участии Хутталя в восстании Рафи ибн Лейса против аббасидских наместников, которое распространилось в тех же областях Средней Азии, как и движение Муканны.

Об этом мы читаем у ал-Якуби следующее: «Рафи' склонил на свою сторону Шаш и Фергану, людей Ходжента, Осурушаны и Саганьяна, Бухары, Хорезма и Хутталя, а также [жителей] областей Балха, Тохаристана, Согда и Мавераннах-ра и тюрок, харлухов, тогуз-огузов и войска Тибета и других стран и призвал их себе на помощь и на сражение с властью и убийство мусульман»⁶⁰.

Небольшую заметку, имеющую отношение к Хутталю, мы находим для времени правления Ма'муна у ал-Белазури. Известный впоследствии военачальник при Му'тасиме, Афшин, еще во время своего пребывания на родине в Осурушане вследствие убийства, совершенного им, вынужден был бежать в Хутталь. Здесь, по словам автора, как видно, незадолго до этого стал царем некий Хашим ибн ал-М...джур ал-Хуттали⁶¹. Лицо это было основателем местной династии, о которой источники упоминают неоднократно. Однако прежде чем перейти к обзору политической истории Хутталя в IX и X вв., связанной с этой династией, будет уместным предварительно привести весьма интересный и в достаточной мере обильный материал, который мы находим в географической литературе, дающей представление о географическом облике этой области и ее экономической жизни в указанные века.

Наиболее раннее из дошедших до нас географических сочинений на арабском языке «Книга путей и государств» ибн Хордадбеха, написанная между 846–885 гг., систематических данных относительно Хутталя не приводит. Особенно приходится сожалеть о том, что его дорожники по соседним с Хутталем областям обрываются у границ последней или обходят ее. Специально Хутталю посвящены три рассказа, помещенные в приложение, в конце его сочинения, в связи с этим издатель этого труда де-Гуе даже высказал сомнение в принадлежности ибн Хордадбеху этого приложения в целом⁶². Следует еще отметить, что, хотя рассказы передаются от имени лиц, «заслуживающих доверия» и посещавших

⁵⁹ Ср. у Макдиси (BGA. Ps. III. P. 323): «В сельских местностях Хайталя многие жители ["аквам"] называются [людьми] в белых одеждах».

⁶⁰ *Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja'qubi*. Historiae / Ed. M. Th. Houtsma. T. II. Lugduni Batavorum, 1883 (далее — Ja'qubi). P. 528.

⁶¹ Beládsori. P. 430.

⁶² Данные географической литературы в отношении приамударьинских областей, в том числе и Хутталя, использованы неоднократно исследователями. Несмотря на это, далеко не весь материал может считаться разработанным, и до сих пор налицо много неясностей. В настоящей работе, имеющей справочный характер, дается в основном лишь перевод из соответствующих сочинений. Окончательная работа по идентификации географических названий и установлению их местонахождения сможет быть сделана, как показал пример с городом Мунком (см. ниже), лишь после того, как область эта будет детально обследована археологами.

эти страны, в них немало неясностей⁶³. Тем не менее они представляют в целом весьма большой интерес; в первом из них речь идет о международном торговом пути, который, судя по контексту, в Хуттале имел свое начало и затем проходил через горные области верховий Амударьи. Об этом отрезке пути у ибн Хордадбеха рассказывается следующее:

«И они [купцы] отправляются из города Хутталаяна к рибату, расположенному в фарсах от него [города]⁶⁴. Затем они прибывают к горе у берега этой большой реки. Никто, кроме местных жителей, не в состоянии подняться на ту гору, а они [местные жители] к этому привычны. Когда купцы останавливаются здесь, они нанимают их [жителей] для переноски грузов и товаров на вершину этой горы. И те поднимаются, неся на себе по тридцать манов груза каждый. Достигнув вершины горы, они устанавливают условные знаки, которые между ними и жителями Шикинана, видимые как с той, так и с другой стороны. И когда они [жители Шикинана] увидят эти знаки, то убеждаются в прибытии купцов на вершину горы. Дорога, по которой они идут, шириной в человеческую ступню. По прибытии купцов к ним является туземец и сводит их с вершины горы, к самой реке, вместе с тем, что на них [нагружено]. А когда местные жители встречают купцов, то с ними верблюды, обученные переходу через эту реку, и переправляются они на них, имея с собой охрану. Прибыв к купцам, они заключают с ними соглашение и закрепляют его письменным договором. Затем они погружают товары и грузы купцов и переправляются на верблюдах через реку. [Отсюда] каждый из купцов идет своей дорогой. Одни направляются в сторону Китая, другие — в Мультан».

Непосредственно за этим приводится рассказ о местной добыче золота.

«А на той же реке ниже [упомянутой] переправы есть деревня, называемая Вахад, [мимо которой] проходит проток, [вытекающий] из области Вашджирда, называемой рекой Бахшу и впадающей в Джейхун. Жители Бахшу прибывают к берегу Джейхуна. На его берегу они расстилают козлиные шкуры шерстью наружу и прикрепляют их к кольям, вбитым вокруг них. Один из них спускается у берега в реку, черпает воду и льет ее на шкуру. А другой перемешивает ее и затем сливает. Вода та мутная и тяжелая. Когда они обнаруживают, что в шерсти набралось много песка и золота, то они берут [шкуры] и расстилают их на земле и держат на солнце, пока они не высохнут. Затем они вытряхивают их на разостланные кожаные подстилки и отбирают [накопившееся] золото. В Балхе говорят, что это лучшее золото, наиболее червонное и чистое».

Третий рассказ, следующий непосредственно за приведенным, посвящен легенде о происхождении местной породы лошадей.

«В городе, — рассказывает автор, — носящем название Хутталаян, принадлежащем ал-Харису ибн Асаду, двоюродному брату Абу-Давуда ибн Аббаса, совершившему нападение на Фируза, имеется тысяча с лишним источников, и среди них два — один у нижних ворот, а второй у верхних ворот [города]. Верхний носит название Наз-куль. Рассказал Абу-л-Фадл, объездчик лошадей ибн ал-Ха-

⁶³ BGA. Ps. VI. P. 138, n. 1. (франц. пер.).

⁶⁴ В тексте «рибат фулан», т. е. некий рибат.

риса ибн Асада, что происхождение хутталейских скакунов, порода которых славится, из этого источника. И было это во время тамошнего царя по имени Бик. У него было множество кобыл, табуны которых паслись на пастбищах. В часы полудневной жары они прибывали к этому источнику на водопой под тень дерева, которое там было. И так собирал пастух к источнику своих лошадей, а тот источник был обширным, имел 400 на 400 локтей. Вода в нем была спокойная и чистая. И однажды увидел пастух, когда он проснулся от сна, среди табуна своих лошадей какую-то лошадь, более высокую, чем другие, и показалось ему это видение страшным. И стал он следить за этим, пока не настало утро, и тогда [лошадь эта] спустилась в источник, и остался пастух удивленным, и не переставал он следить за этим, когда он возвращался к источнику.

И вот однажды появился тот конь из источника, а с ним кобылицы и много таких же жеребцов, и смешались они с его лошадьми, и паслись они постоянно вместе на пастбище, и привыкли они к его лошадям. И оплодотворили эти жеребцы кобыл из царского табуна, за которым смотрел тот пастух. Жеребята, которые родились, были крупные, превосходные, красивые станом, и когда это увидел пастух, обрадовало его это. И уведомил он об этом своего господина, и сильно обрадовался этому царь. И отправился он со своими дружинниками на охоту в сторону пастбищ его табунов и стад. И прибыли они к загонам того пастуха и приказал он своему наезднику, чтобы он поймал жеребенка из жеребят, которые происходили от жеребца, вышедшего из источника, и поймал он арканом одного из жеребят и, оседлав его, объездил. И он [конь], точно летал между небом и землей, послушный узде, легкий в беге. И когда он [наездник] вернулся и слез с него и расседлал его, то все те лошади ушли с пастбища вместе с теми жеребятами, которые пришли с ними, но исключая тех, которые родились [среди табуна]. И вернулись остальные в источник. И до сих пор не появлялось из источника ни одной лошади больше. От [оставшихся] пошла порода хутталейских скакунов.

И рассказывал мне этот рассказчик со слов купца Абдаллаха аш-Шахши, человека, известного в Балхе и его окрестностях, что он купил одну лошадь этой породы ростом три рыночных локтя и в ширину один локоть»⁶⁵.

Помимо этих рассказов у ибн Хордадбега, мы находим сообщение о сумме хараджа, которую уплачивал Хутталь, а также относительно титулов, которые носили правители Хутталя.

Систематическое и сравнительно подробное описание Хутталя дает ал-Истахри, автор сочинения «Книга путей государств», написанного в 930–933 гг. Автор этот определяет географические границы Хутталя течением рек Джарьяб (Пяндж) и Вашхаб (Вахш). Справедливо считая Пяндж главным притоком Амударьи, он включает Хутталь в состав Мавераннахра. В пределах географических границ области он выделяет наряду с собственно Хутталем область Вахш. Обе эти области были объединены, по словам ал-Истахри, в один «податной участок». Одновременно он отмечает, что Вахшем называется только та часть долины этой реки, которая тянется к востоку от нее. Относительно

⁶⁵ BGA. Ps. VI. P. 178–181.

границы между Хутталем и Вахшем ничего не говорится. Он лишь отмечает, что вся область Хутталь гориста, а часть, принадлежащая к Вахшу, равнинная, в пределах этих двух областей протекают следующие пять рек, не считая Джарьяба: Бахшу, ближайшая к Пянджу (Джарьябу), затем Барбан, Паргар и Андиджараг. Пятой рекой он называет Вахш. Первые четыре реки впадают в Пяндж выше пункта, носившего название Архен. В свою очередь, объединенное русло их соединяется с Вахшем выше Кобадияна.

Ал-Истахри дает также перечень городов интересующей нас области. К собственному Хутталю он относит города: Мунк, Тамлийат, Паргар, Карбандж, Андиджарг, Рустак-бик и Сикандара. К области Вахша принадлежали города Халаверд и Левакенд⁶⁶.

Местоположение (понятно, сугубо ориентировочное) отдельных городов определяется приводимым нашим автором дорожником и рядом попутных замечаний, которые он при этом делает. Отсчет расстояний дается от двух главных переправ на Пяндже, через которые лежали дороги в Хутталь. Первая из них названа Бадахшанской, вторая Архен. Местонахождение последней определяется вышеприведенным указанием автора о впадении вблизи этого пункта в Пяндж упомянутых рек Хутталь.

О месте Бадахшанской переправы точных указаний не дается.

Приводим дорожник:

От Архенской переправы до Халаверда	2 перехода
От этой же переправы до Хульбука	2 дня пути
От Хульбука до Мунка	2 дня пути
От переправы до Карабанджа вверх по Пянджу	1 фарсах
От второй переправы (Бадахшанской) до Мунка	6 переходов
От Мунка до Каменного моста на Вахше	2 перехода
От моста до Левакенда	2 перехода
От Левакенда до Халаверда	1 переход
От переправы до Рустак-бика	2 перехода
От Рустак-бика до Андиджарага	2 перехода
От Андиджарага до Паргара	1 день пути
От моста до Тамлията по дороге на Мунк	2 фарсаха ⁶⁷

О Левакенде и Халаверде говорится, что оба города были расположены на берегу реки (Вахш). Андиджараг находился на левом западном берегу одноименной реки. Также и город Паргар находился на западном берегу реки Паргар. Столицей области, «местопребыванием власти», по словам ал-Истахри, был Хульбук⁶⁸.

Исключая город Сикандара, расположенный в горах, все остальные города Хутталь находились в долинах, несмотря на то (как отмечает ал-Истахри), что весь Хутталь занят горами.

⁶⁶ BGA. Ps. I. P. 295–297; Сикандара упоминается отдельно (P. 279).

⁶⁷ Ibid. P. 339.

⁶⁸ Ibid.

2. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.

Самым большим городом области считался Мунк, превосходивший по размерам столицу — Хульбук. Больше последнего были также Хелаверд и Левакенд. Постройки Мунка и Хульбука были из жженого кирпича⁶⁹. Городские стены первого были сложены из камня на извести.

Давая общую характеристику городам Хутталя, ал-Истахри пишет: «Все города Хутталя имеют каналы и [богаты] деревьями»⁷⁰.

Область имела развитое сельское хозяйство, обязанное плодородию почв, наличию обильных водных ресурсов, о чем автор говорит дважды⁷¹. Хутталь был страной, славившейся скотоводством: «В нем [Хуттале] разводят множество лошадей и [другого] скота». Лошади являлись предметом вывоза, по словам нашего автора, «во все страны горизонта»⁷².

Также отмечает он и золотодобычу: «В долинах рек Хутталя имеется золото, которое собирается в них из потоков, текущих со стороны Вахана»⁷³.

Другие дошедшие до нас географические сочинения X в. во многом повторяют данные, приведенные в отношении Хутталя ал-Истахри. Но одновременно мы у них находим и ряд новых сведений. На первом месте после «Книги путей государства» следует поставить географический труд ал-Макдиси и анонимное географическое сочинение «Худуд ал-Алам». Ал-Макдиси, как и ал-Истахри, относит Хутталь к областям Мавераннахра, или, как он говорит, «отнесение ее к Хайталию более обязательно» и считает ошибочным мнение тех, «кто относит ее [область] к Балху». Сравнивая область Хутталь с Саганианом, он пишет, что она больше по величине и более обильна благами, чем последняя, однако столица Хутталя — Хульбук, — по его словам, меньше города Саганиана. Перечень городов, приводимый им, как и характеристика их, в общем совпадает с данными ал-Истахри, за одним исключением. Ал-Макдиси приводит название города Меренд, которого у ал-Истахри нет. Об этом последнем городе ал-Макдиси говорит, что он многолюден и в цветущем состоянии. Об Андижараге, наоборот, он говорит как о небольшом городе, расположенном вблизи Джейхуна. Питиевая вода, которой пользуются жители городов, — из рек, впадающих в Джейхун. Хульбук пользовался питьевой водой из «реки с пресной [сладкой] водой и других [источников]». Об этом же городе он замечает, что соборная мечеть находилась в середине города. Им также подтверждается сказанное ал-Истахри о Мунке, что это «большой город»⁷⁴. Из особенностей хозяйственной жизни ал-Макдиси также отмечает развитое коневодство, говоря, что из Хутталя, как и из Туркестана, вывозятся лошади и мулы⁷⁵.

В отличие от ал-Истахри и ал-Макдиси, автор географического сочинения «Худуд ал-Алам»⁷⁶ не включает Хутталь в число областей, входивших в состав

⁶⁹ Возможно, что это замечание относится и к другим городам Хутталя; в тексте это место не совсем ясно.

⁷⁰ BGA. Ps. I. P. 279.

⁷¹ Ibid. P. 279, 297.

⁷² Ibid. P. 279, 297.

⁷³ Ibid. P. 297.

⁷⁴ BGA. Ps. III. P. 290–291.

⁷⁵ Ibid. P. 325.

⁷⁶ Худуд ал-Алам. Рукопись Туманского с введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930.

собственно Мавераннахра. Это тем более неожиданно, что и он считает главными истоками Амударьи Пяндж и «реку, вытекающую из пределов Вахана», т. е. Вахандарью⁷⁷, а не Вахш, как можно было бы предположить.

Автор этот, как предполагает В. В. Бартольд, в отношении Мавераннахра и Хорасана придерживался специфического принципа распределения областей, по которому учитывается и политическое положение областей в смысле степени их зависимости от Саманидов. В связи с этим вассальные владения последних, в том числе и Хутталъ, им перечисляются в особом разделе⁷⁸. Этим, видимо, объясняется и то, что единство географическое Хутталъ и Вахша им не подчеркивается, и обе эти области описываются особо. Также этим следует объяснить и некоторые другие несоответствия между ним и вышеупомянутыми географами.

Автор «Худуд ал-Алам» делает впервые попытку дать орографическую характеристику области. Хутталъ, по его словам, — область, расположенная среди гор. Горы эти являются отрогами горных цепей Вахана и Рашта (Каратегина). Посредством одного из хребтов, проходящего вдоль Хутталъ, последние соединяются с системой гор Буттама, т. е. Гиссарским и Зарафшанским хребтами.

Значительно слабее, чем у других авторов, у него отражена гидрография Хутталъ.

Автор «Худуд ал-Алам», помимо Бахша (Вахшаб) и Пянджа (Харнаб-Джарьяб), упоминает лишь одну реку, которую он по имени не называет. «Река эта течет на протяжении 60 фарсахов по ту сторону Буттама. По выходе из этих гор она направляется с севера на юг и достигает Мунка и Хульбука. Дойдя затем до Паргара, она [здесь] впадает в Джейхун»⁷⁹. Речь здесь идет, судя по описанию среднего течения реки, о реке Аксу (Бахшу). Что касается верхнего и нижнего течения этой реки, то, судя по описанию, у автора четкого представления об этой реке не было.

Перечень городов Хутталъ у этого автора также менее полный, чем у вышеприведенных географов, при этом перечень несколько отличается и в характеристике их. Автор сочинения «Худуд ал-Алам» называет, собственно, шесть городов: Хульбук, Нучара, Паргар, Барсарыг, Мунк и Тамлийат. Из этих городов Нучара, как можно полагать, соответствует Андиждаругу⁸⁰ вышеназванных авторов. Город Барсарыг у нашего автора назван впервые. Город этот, как и города Тамлийат и Мунк, характеризуется как «маленький город». В то же время, как мы видели, ал-Истахри и ал-Макдиси называют последний из этих трех городов наиболее крупным из городов Хутталъ. Несомненно, что последним авторам следует отдать предпочтение. Сведения о местоположении Нучара весьма неясны. Нучара, по его определению, город укрепленный, расположен «между двумя реками — Харнабом [Пяндж] и Джейхуном, и округа его [нахийат] простираются до пределов Бадахшана». Дальше он пишет: «Его называют Рустак-бик, и это город, который имеет с одной стороны Джейхун и с другой гору». Здесь не ясно,

⁷⁷ Там же. Л. 9-а. Река Пяндж у него названа «Харнаб»; по начертанию арабских букв это слово, если переставить диакритические точки, может читаться как «Джарьяб».

⁷⁸ Там же. С. 21 (предисловие В. В. Бартольда).

⁷⁹ Там же. Л. 9-а.

⁸⁰ Там же. Л. 25-а (на этом листе помещены и нижеприведенные данные о Хутталъ и Вахше).

относится ли второе название к округу или это второе название города Нучара. Для Хутталяна он служил, по словам автора, складочным местом. Это говорит больше о том, что город этот находился на Хутталянской стороне реки. В отношении других городов автор «Худуд ал-Алам» не расходится с арабскими географами. Хульбук им назван столицей Хутталя и «местопребыванием царя». Город этот многолюдный и с большой округой: Паргар — город цветущий, [имеет] много посевов и многолюден». Хутталь в целом им характеризуется как страна с многочисленным населением, обильная благами, с развитым земледелием. В горах его — рудники золота и серебра. Здесь разводят хороших лошадей.

Вахш, как указывалось, описывается им в качестве отдельной области (нахийат), но более кратко, чем Хутталь. Эта область расположена вдоль реки Вахшаба. Столица Вахша — Халаверд. Другой город Вахша — Левакенд. Область эта богатая, цветущая. Халаверд — центр обширной сельской земледельческой округи. В Левакенде разводят овец особой породы, названной вахшской.

Из других авторов географических сочинений, которые дают сведения о Хуттале, следует упомянуть ибн Русте и ал-Якуби, хотя данные их ограничиваются лишь перечнем отдельных пунктов и не всегда четким описанием их местоположения. Ибн Русте, описывая течение Вахшаба, сообщает, что по выходе этой реки из страны Кумед она проходит среди гор, образующих границу между Вашгирдом и рустаком Темилийат, входящим в состав Хутталя. В этом месте находится известный Каменный мост, по которому «проходят от Вашгирда в Хутталь». Область эта для человека, стоящего против течения, будет по правую руку, область Вашгирд будет с левой стороны⁸¹.

Продолжая описание течения Вахша, ибн Русте пишет, что он доходит до конца Хутталя, где впадает в Джейхун «в местности, известной под названием Мела, выше Термеза». Для человека, «стоящего напротив гор востока, — справа река Вахаб, а слева Вахшаб. В свою очередь, справа от реки Вахаба — рустак Паргар, принадлежащий к Верхнему Тохаристану»⁸². Из этого описания следует, что названный рустак находился вне географических границ Хутталя, но это безусловно неверно. Впрочем, следует отметить, что и в этом месте рукописи текст дефектен.

У географа ал-Якуби сведения о Хуттале, как и о других районах, прилегающих к Амударье, также слабо систематизированы. В своем перечне отдельных пунктов ал-Якуби ориентируется, как и ибн Русте, единственно по одному признаку: находится ли данный пункт справа или слева, если смотреть на восток от Балха или «реки Балха», т. е. Амударьи, направление течения которой он себе здесь довольно смутно представляет. Однако список городов, которые он приводит, довольно полный. Из городов Хутталя он называет Вахш (Левакенд?), Халаверд, Карбанг (Карбандж), Андишараг (Андиджараг), Рустакбик, Хульбук, Мунк. Следует отметить, что Рустак-бик он включает в число

⁸¹ BGA. Ps. VII. P. 92. Здесь текст может читаться различно. Издатель предпочитает читать вместо «левой стороны» область «Басар», ссылаясь при этом на ибн Хордадбега, где упоминается область под этим названием; В. В. Бартольд соглашается с этим (*Бартольд В. В. Туркестан... Ч. II. С. 71, примеч. 5*). Однако здесь следует читать именно «левая сторона».

⁸² Ibid. P. 92–93.

«левосторонних» городов, в отличие от ибн Русте, который считал этот пункт, как мы видели, расположенным к югу от реки.

О городе Мунке он говорит, что он граничит с областью тюрок, в которую входят Рашт, Кумед и Памир⁸³.

В заключение приведу сведения о Хуттале, которые мы находим в некоторых сочинениях знаменитого ученого Бируни, написанных, главным образом, в начале XI в. Большой интерес представляет в этом отношении, прежде всего, недавно опубликованная таблица из известного его сочинения «Канун ал-Мас'уди». В ней приводится обширный список географических пунктов земной поверхности с указанием их широт и долгот. Одновременно им указывается, к какой области тот или иной пункт относится, что дает возможность выделить, в частности, и те пункты, которые входили, по его представлениям, в состав Хуттала.

Ниже приводится список этих пунктов и их координаты:

	Долгота	Широта
1. Город Вахт в долине Вахшаба	92°20г	37°40г
2. Тамлийат	93 40	38 40
3. Мунк	93 50	38 05
4. Халаверд	94 05	38 50
5. Хульбук	94 10	37 35
6. Барахшар	94 30	38 10
7. Паргар	94 35	37 50
8. Андиджараг	94 40	37 35
9. Бадахшан, область	95 10	39 5
10. Керран ⁸⁴	95 20	34 50
Кроме того, к Хутталю отнесены:		
Памир	92 35	41 10
Жашт ⁸⁵	93 25	40 20

Но отнесение последних четырех пунктов к Хутталю, видимо, следует объяснить неопределенностью политической обстановки времени написания этого сочинения, когда о каких-либо четких границах было трудно говорить.

В другом специальном сочинении по минералогии Бируни упоминает нигде в других источниках не названные горы Махатан, находящиеся в пределах Хуттала, где добывается каменная соль разных цветов (белого, красного, черного, желтого и зеленого)⁸⁶. Там же в большом разделе, посвященном золоту, он дает любопытное описание золотодобычи в Хуттале. Согласно его описанию, «золото Хуттала не жильное», по цвету желтое. Добывается золото в пределах Хуттала и в Джейхуне (Амударье). Отсюда оно извлекается вместе с илом и песком

⁸³ BGA. Ps. VII. P. 290.

⁸⁴ Birūnī's Picture of the World / Ed. by A. Z. V. Togan. Delhi, 1937 (Memoirs of the Archeological Survey of India. No. 53). P. 44–45.

⁸⁵ Ibid. P. 49. Следует читать «Рашт».

⁸⁶ Китаб ал-джамахир фи ма'рифат ал-джавахир. Хайдарабад, 1355/1937. С. 233 сл.

2. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.

и отделяется затем посредством промывания. Нахождение золота в реке он объясняет тем, что река вблизи Хутталя проходит мимо гор, где находятся его месторождения. Вода реки, которая несет золото, здесь «ослабевает» и дальше не в состоянии нести его. Вследствие этого оно оседает на дно реки⁸⁷.

Специальный интерес представляет рассказ о золотом промысле в одном селении в горах Хутталя, не названном, к сожалению, по имени. Золотодобыча служила для жителей селения единственным средством к существованию. Жители этого селения, как он сообщает, добывают золото во время весенних силей. После того как силь пройдет, жители с помощью ножей и специальных железных палок прощупывали слой образовавшегося ила. Находилось здесь золото, похожее на куски яичной скорлупы или на нити, «как бы вытянутые инструментами ювелиров». Дальше он добавляет, что на золото они выменивают все необходимое им для жизни, и к ним никто не заглядывает, кроме как за этим металлом⁸⁸.

Не безинтересны упоминания некоторых плодовых и лекарственных растений, характерных для флоры Хутталя, которые мы находим в сочинении этого автора, посвященном фармакогнозии.

Так, по словам Бируни, «слива [махляб] больше всего попадает к нам из Хутталя»⁸⁹. Относительно лекарственного растения черемиды (харбак) он пишет: «Белая идет из Хутталя, в то время как зеленая из Мавераннахра»⁹⁰. О сельдерее (карфас) он замечает, что в Хуттале и других соседних областях его называют сунбулом (гиацинт — по словарям)⁹¹.

Картина политической жизни Хутталя IX–X вв. может быть представлена, к сожалению, лишь в весьма отрывочных чертах. В особенности это относится к IX в.

При Тахиридах, как можно полагать, Хутталь в административно-финансовом отношении был связан с соседними областями, в том числе и с районами левобережья Амударьи. Так, известная роспись налогов, составленная при Абдаллахе ибн Тахире в 211 г. хиджры (826/27 г. н. э.)⁹², говорит о том, что Хутталь в первый период правления этой династии в административно-налоговом отношении составлял один податный участок вместе с районами правого берега Амударьи, в том числе с Балхом⁹³. К сожалению, в связи с этим мы не можем судить о том, сколько из общей суммы налогов этого объединенного участка, равнявшейся 193 000 дирхемов, падало собственно на Хутталь. Для сравнения некоторый интерес может представить сумма налогов Саганиана, поскольку,

⁸⁷ Там же. С. 236.

⁸⁸ Там же. С. 237.

⁸⁹ Birūnī's Picture... P. 135.

⁹⁰ Ibid. P. 117.

⁹¹ Ibid. P. 133.

⁹² BGA. Ps. VI. P. 36. Текст отдельных рукописей не совпадает (см. примеч.). В одном из них Балх опущен, однако отсутствие отдельного упоминания этого города в росписи говорит о том, что следует верить основному тексту.

⁹³ У ибн Хордабеха (BGA. Ps. VI. P. 34) 211–212 гг. хиджры. В анонимной «Истории Сеистана», изданной в 1936 г. в Тегеране (С. 26), говорится также о 211 г. хиджры. Дата 221 г. хиджры, приписываемая ибн Кудамой (BGA. Ps. VI. P. 243), явно не верна, так как в это время Абдаллах уже умер.

как мы видели, ал-Макдиси сопоставляет Хутталь в экономическом отношении именно с этой областью. Согласно той же росписи налогов, Саганиан уплачивал 48 500 дирхемов⁹⁴. Хутталь, будучи богаче Саганиана, вносил, безусловно, большую сумму, но на сколько больше, остается все же под вопросом. Не имеется данных для того, чтобы говорить о том, как долго длилось такое положение. Падение Тахиридов в связи с приходом к власти Саффаридов, а затем смена последних Саманидами привели к весьма существенным переменам в политической обстановке в приамударьинских областях, в том числе и в Хуттале.

Наши источники X в. чаще всего называют правителя области меликом, а саму область — «мамлякат»⁹⁵, — термины, свидетельствующие об определенной автономии Хутталя. Автор «Худуд ал-Алам» пишет, что «падишах его [Хутталя] принадлежит к меликам окраин»⁹⁶. Однако титулы прежних хуттальских владетелей, о которых говорит ибн Хордадбех, а именно — Хутталян-шах (Хутталян-худат), или шер-и-Хутталян⁹⁷, в рассматриваемое время официально не присваивались правителям. О взаимоотношениях, которые сложились между хуттальскими правителями и центральной властью в Бухаре, можно лишь судить главным образом по данным географов. Наиболее определенно об этом говорит ал-Макдиси, хорошо осведомленный о положении дел при Саманидах. По его словам, «Верховная власть [ал-валайат] и хутба во всем климате»⁹⁸ принадлежит семье Самана, и им вносят харадж, исключая правителей Седжистана, Хорезма, Гарджа Шар, Джудждана, Буста, Газнин [Газны] и Хутталя, которые посылают [лишь] установленные [или соответственные] дары». При этом автор добавляет, что «дружбу эмиров этих областей [Саманиды] приобретают посредством расходов»⁹⁹. Таким образом, как можно судить, зависимость Хутталя была лишь вассальная, и во внутренней жизни область эта пользовалась автономией.

Из вышеприведенного перечня вассальных правителей, между прочим, видно, что на левобережной стороне Амударьи Хутталь являлся единственной областью, пользовавшейся автономией. Помимо значительных экономических ресурсов, благоприятным в этом смысле обстоятельством являлось то, что хуттальские правители имели возможность набирать крупные отряды войск из пограничных с Хутталем горных районов. Значительные людские ресурсы имелись и в самом Хуттале, население которого, по свидетельству источников, было многочисленным и отличалось воинственностью. Весьма интересные сведения о пограничных областях сообщает анонимный автор «Худуд ал-Алам». «Люди этой области [Хутталя], — пишет он, — воинственные». То же сообщает он о Вахше. «Люди [здесь] стрелки [хорошие] и воинственные»¹⁰⁰.

⁹⁴ BGA. Ps. VI. P. 37.

⁹⁵ BGA. Ps. VII. P. 180.

⁹⁶ Худуд ал-'Алем... Л. 25-а.

⁹⁷ BGA. Ps. VI. P. 40.

⁹⁸ «Хутба» — молитва в честь главы государства. «Клим» означает географическую зону. Арабские географы делили землю на семь зон.

⁹⁹ BGA. Ps. III. P. 337.

¹⁰⁰ Худуд ал-'Алем... Л. 25-а.

2. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.

Из числа соседних народностей автор этот выделяет кумеджиев. «Они живут в пределах Хутталя и Чаганиана. Люди эти смелые и воинственные... Те из них, что в пределах Хутталя, занимают [районы] между Тамлийатом и Мунком... Каждая группа их подчиняется эмиру своего района (нахийат)... А эмиры Хутталяна и Чаганиана, когда им нужно, призывают их на помощь». То же говорится о другой народности — «тюрки-кунджина», обитавшей между Хутталяном и Чаганианом, что «у них близкие связи с правителями Хутталяна и Чаганиана»¹⁰¹.

Мы видим здесь на протяжении почти двух столетий устойчивую династию правителей, принадлежащих к одному роду. Власть в Хуттале в IX–X вв. принадлежала династии Баниджурид — по имени родоначальника ее, некоего Баниджура¹⁰².

Генеалогическую таблицу ее пытался составить впервые Маркварт. Однако, по замечанию Фасмера, эта таблица имеет ряд погрешностей. Фасмер на основании нумизматического материала и более полного привлечения письменных источников значительно дополнил эту таблицу¹⁰³. Ниже дается изложение тех исторических событий, в связи с которыми фигурируют отдельные лица этой династии.

О Баниджуре сохранилось небольшое сообщение в историческом сочинении ал-Якуби. Во время правления второго халифа Аббасидов, ал-Мансура (755–775), некий Баниджур был отправлен в качестве посла тогдашним царем Ферганы, резиденция которого была в Кашгаре, для переговоров с арабским военачальником, действовавшим в Средней Азии. Послу было предложено принять ислам, но он наотрез отказался. За это он был заключен в тюрьму, где находился до времени правления Махди¹⁰⁴. О связях этого Баниджура с Хутталем ничего не говорится. Его сын носит уже мусульманское имя — Хашим. Последний упоминается в связи с Хутталем. Сообщение о нем, сохранившееся у Балазури, было приведено выше¹⁰⁵. Из текста сообщения можно заключить, что он овладел этой областью незадолго до 818 г.¹⁰⁶ Однако не ясно, каким образом это произошло. В обстановке происходившей тогда гражданской войны в халифате захват власти на далекой окраине был вполне возможен. В таком случае, по всей вероятности, дело не обошлось без выходцев из Хутталя, которые, как мы видели, в период борьбы с арабами искали убежища обычно именно в Фергане и ждали лишь удобного момента для возвращения на родину. Не исключена, таким образом, возможность того, как мне кажется, что и сам Баниджур был одним из таких хутталских выходцев. Однако это могло произойти и легальным

¹⁰¹ Там же. Л. 25-а, 26-б.

¹⁰² В источниках имя это пишется таким образом, что допускает самое разнообразное чтение, в особенности первых двух слогов. Так, можно читать, напр., Батиджур. Масджур, Нахджур или Масхур и мн. др.

¹⁰³ *Fasmer R. Beiträge zur muchammedanischen Münzkunde // Numismatische Zeitschrift. NF. Bd. 58. Wien, 1925. S. 49 sq.*

¹⁰⁴ Jaqubi. T. II. P. 465.

¹⁰⁵ См. с. 119.

¹⁰⁶ До въезда ал-Мамуна в Багдад.

путем, поскольку в этот период имело место всеобщее выдвижение восточно-иранских и среднеазиатских элементов на руководящие посты как в центре халифата, так, тем более, и в восточных провинциях. Во всяком случае, в это же время мы видим ближайших родственников Хашима в качестве видных деятелей в центре халифата. Так, брат Хашима Давуд в 821 г. был назначен наместником южного Ирана, а также Бахрейна и Иемамы¹⁰⁷. Сын Хашима Аббас несколько позже находился под начальством Абдаллаха ибн Тахира и в 211 г. хиджры (826–827 гг.) был назначен наместником в Фустате (Египте)¹⁰⁸.

О самом Хашиме мы находим сообщения, говорящие о том, что он позже также принимал личное участие в делах халифата далеко за пределами Хутталя. Так, в 218 г. хиджры (833 г.), уже при Мутасиме, он был назначен во главе армии для борьбы со сторонниками знаменитого Бабека в Джибале (Западный Иран) так называемыми ал-мухаммара, от которых он, кстати, понес поражение¹⁰⁹. Он упоминается также среди лиц, получивших при постройке Самарры земельные участки (катиа). Его имя идет первым среди хорасанских военачальников¹¹⁰.

О крупной роли, которую Хашим играл в последние годы своей жизни, говорит и то, что Табари в своей хронике отмечает год и месяц его смерти, постигшей его в зульхидже 243 г. хиджры (март 858 г.)¹¹¹.

О том, кто был ближайшим преемником Хашима в Хуттале, источники ничего не говорят. Видимо, им был его внук Давуд ибн ал-Аббас, о котором известно лишь как о правителе Балха, где он правил между 233–259 гг. хиджры (847/8–872/3 гг.). Незадолго до своей смерти (870 г.) Давуд подвергся нападению Якуба ибн Лейса и бежал в Самарканд. Но в связи с уходом Якуба ибн Лейса из Балха, он снова вернулся в город, где и умер через 17 дней.

В Балхе после смерти Давуда власть перешла к представителю другой линии Баниджуридов, а именно к Абу-Давуду, сыну Ахмеда, брата Хашима¹¹². Ему удалось, видимо, значительно расширить свои владения, и около 279 г. хиджры (892/3 г.) о нем говорится как о правителе Тохаристана, Джудждана, Хутталя и Термеза¹¹³.

Для конца IX в. некоторые упоминания о правителях династии Баниджур мы находим в географических сочинениях, но без указания точных дат. По словам ал-Якуби, Вахш и Халаверд являлись владением Хашима ибн Баниджура¹¹⁴. Помимо этого, говоря о Шумане, городе между Саганианом и Хутталем, ал-Якуби замечает, что он присоединен к владениям Хашима и его семьи¹¹⁵. Одновременно он пишет о Рустак-бике, что он принадлежал некоему ал-Харису ибн

¹⁰⁷ Tabari. Ser. III. P. 1044–1045.

¹⁰⁸ Ja'qubi. T. II. P. 561

¹⁰⁹ Ibid. P. 575.

¹¹⁰ BGA. Ps. VII. P. 260.

¹¹¹ Tabari. Ser. III. P. 1435.

¹¹² Fasmer R. Beiträge... S. 53. Ср.: Бартольд В. В. Туркестан... Ч. I. С. 4, 64 (сообщения Гардизи и Самани); Ч. II. С. 69, 70.

¹¹³ Fasmer R. Beiträge... S. 53 (со ссылкой на Хамсу Исфгани).

¹¹⁴ BGA. Ps. VII. P. 291.

¹¹⁵ Ibid.

Асаду ибн Бику. Несомненно, об этом лице говорится и у ибн Хордадбеха как о правителе Хуттала. Ибн Хордадбех называет его двоюродным братом Давуда ибн Абу-Давуда ибн Аббаса; к сожалению, сочинение ибн Хордадбеха не позволяет даже приблизительно датировать это сообщение, поскольку принадлежность этой части труда собственно ибн Хордадбеку сомнительна¹¹⁶. Особенно вызывает сомнение имя деда ал-Хариса. Но принадлежность этого правителя к Баниджуридам не вызывает сомнения¹¹⁷. Монеты ал-Хариса ибн Асада, с указанием места чекана (Хутталь), известны под 292–296 г. хиджры (904/5–908/9 гг.). Но правил он значительно дольше, учитывая вышеприведенные сообщения географа ал-Якуби¹¹⁸.

Как письменные источники, так и имеющиеся монетные данные X в. дают возможность установить несколько имен правителей, принадлежавших к этой ветви династии.

Преемником Абу-Давуда был его сын Ахмед. Дошедшие с его именем монеты чеканены в разных местах. В Андерабе — 288, 290, 292, 293, 294 гг., Балхе — 292 г., Бамиане — 292–293 гг. и Термезе — 293 г.¹¹⁹ в письменных источниках каких-либо данных о нем не имеется, и, по-видимому, непосредственно к Хутталю он отношения не имел, поскольку в это время в Хуттале, как указывалось, правил ал-Харис ибн Асад. В то же время, судя по монетным данным, сын этого Ахмеда, Абу-Джафар, был, несомненно, правителем Хуттала. Монеты с его именем чеканены в Хуттале между 310–313 гг. хиджры (922/3–925/6 гг.)¹²⁰. Одновременно имеются монеты с именем Абу-Джафара, чеканенные в Андерабе в 288 г. хиджры (900/901 г.), но без указания имени отца. По предположению Фасмера, и те и другие принадлежат одному лицу. К сожалению, отсутствие в письменных источниках данных и об Абу-Джафаре не позволяет говорить о событиях, которые с переменой места чекана, несомненно, были связаны. Во всяком случае, видимо, с появлением в Хуттале Абу-Джафара и связано исчезновение правителей линии ал-Хариса ибн Асада.

Более конкретные факты мы имеем о сыне и внуке Абу-Джафара. О первом сохранился рассказ ибн ал-Асира под 318 г. хиджры (930 г.). По словам этого автора, Джафар ибн Абу-Джафар ибн Абу-Давуд¹²¹ был правителем в хуттале от имени Саманидов. Он предпринял какие-то действия, приведшие к открытому мятежу. Против него был послан военачальник Саманидов Абу-Али

¹¹⁶ См. выше.

¹¹⁷ Р. Фасмер, однако, считает сомнительным принадлежность этой ветви к Баниджуридам (*Fasmer R. Beiträge...* S. 53, Taf.).

¹¹⁸ Если считать, что сведения ал-Якуби относятся к году окончания его книги (891 г.), то он правил по меньшей мере 20 лет. Но если предположить, что его сведения относятся ко времени его пребывания в Хорасане (873 г.), тогда надо считать длительность правления ал-Хариса еще большей. Ибн Хордадбех закончил свой труд в 886 г. Судя по этой дате, ал-Харис также правил больше 20 лет, что, видимо, близко к действительности, хотя, как указывалось, о датировке написания этой части сочинения ибн Хордадбеха определенно говорить не приходится.

¹¹⁹ *Fasmer R. Beiträge...* S. 5–57, 58.

¹²⁰ *Ibid.* S. 59.

¹²¹ Здесь Абу-Джафар назван сыном Абу-Давуда, что противоречит вышеприведенным монетным данным, согласно которым он был внуком последнего.

Мухаммед ибн Мухаммед ибн Музаффар, который нанес ему поражение и захватил его в плен. Доставленный в Бухару, он был заключен в тюрьму, где находился до мятежа Абу-Закарьи Яхьи¹²². Последний его освободил из тюрьмы и приблизил к себе. Затем Джафар вернулся в Хутталъ «для набора войска на помощь ему [Яхье]», где он и остался. Ибн ал-Асир дальше сообщает, что Джафар оставался в подчинении Насра ибн Ахмеда, т. е. саманидского эмира, против которого упомянутый Яхья поднял мятеж¹²³. Таким образом, положение в Хуттале в связи с этим мятежом осталось без перемены.

С именем сына Абу-Джафара, Ахмеда, мы встречаемся во время антисаманидского движения в 947 г., во главе которого встал Абу-Али-Ахмед ибн Мухаммед, сын того Абу-Али-Мухаммеда, с помощью которого восстание Абу-Джафара было подавлено. Об обстоятельствах, связанных с выступлением Абу-Али второго, подробно рассказано у Бартольда¹²⁴. Как видно из сообщений источников, роль хутталянского правителя в этих событиях была весьма крупной.

Ибн ал-Асир об этом рассказывает следующее. После имевших место военных действий между Абу-Али и правительственными войсками, «войска Абу-Али рассеялись, и он бежал и вернулся в Саганиан. Затем до него дошли известия, что эмир Нух [Саманид] приказал войску двинуться против него из Бухары, Балха и других [областей] и что владетель Хутталя подготовился оказать его [Абу-Али] последователям помощь. И направился Абу-Али со своим войском к Термезу, переправился через Джейхун, остановился в Балхе и овладел им и Тохаристаном»¹²⁵. Имя хутталянского правителя ибн ал-Асир не называет. Он назван у историка Гардизи, оставившего описание указанных событий. Последний рассказывает, что после своего поражения «Абу-Али запросил помощи у эмира Хутталя, а сам, собрав войско, прибыл в Термез и, перейдя Джейхун, прибыл в Балх и отсюда направился в сторону Гузганан. В пути, в Симгане, он встретился с эмиром Хутталя». После этого Абу-Али перешел через переправу Мела на правый берег Амударьи, где он снова потерпел поражение от правительственных войск. В связи с этими неудачами Гардизи сообщает: «Затем к Абу-Али прибыло войско от кумиджиев, эмира Рашта Джафара ибн Шамо-ника, [которое] за один день дошло до Вашгирда. Ахмед ибн Джафар, эмир Хутталяна, также прислал Бачкама, который был его великим серкенгом, с многочисленным войском, и дорога войскам Бухары была преграждена, и прервалась связь с его величеством [эмиром Нухом]. Но дело до сражения не дошло, и был заключен мир»¹²⁶.

Упадок могущества Саманидов во второй половине X в. привел к тому, что приамударьинские области стали испытывать сильнейшее давление со стороны возникшего в это время Газневидского государства, в состав владений которого они и вошли к концу этого века. К сожалению, источники не приводят

¹²² См.: Бартольд В. В. Туркестан... Ч. II. С. 252–253.

¹²³ *Ibn-el-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur* / Ed. C. J. Tornberg. Vol. VIII. Lugduni Batavorum, 1862. P. 163 (далее — *Ibn-el-Athiri*).

¹²⁴ См.: Бартольд В. В. Туркестан... Ч. II. С. 257 сл.

¹²⁵ *Ibn-el-Athiri*. Vol. VIII. P. 347.

¹²⁶ Бартольд В. В. Туркестан... Ч. I. С. 8–9.

2. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.

никаких данных для этого времени в отношении Хутталя. Видимо, Хутталь потерял свою самостоятельность при Махмуде, о чем свидетельствуют следующие стихи знаменитого поэта-философа Насир-и-Хосрова:

Где тот [Махамуд], от страха перед которым Феригуниды
Выпустили из рук своих Гузганан,
[Который] копытами тюрских коней растоптал Индию
И бросил под ноги слонов землю Хутталян¹²⁷.

Заканчивая на этом наш очерк, мы можем подвести некоторый итог.

Несмотря на скудость, а во многих случаях односторонность сведений о Хуттале, область эта рисуется как хозяйственно развитая, обладающая значительными естественными ресурсами, как область с определенным экономическим обликом. Указанное обстоятельство содействовало тому, что на протяжении всей истории, особенно в критические моменты ее, население Хутталя упорно сопротивлялось внешним завоевателям. Это мы ощущаем и в рассказах о завоевании Александра Македонского и, в еще большей мере, в сообщениях об арабском нашествии. Область Хутталь подчинилась арабам одной из последних, после долгого и отважного сопротивления.

Свою автономию Хутталь сумел сохранить и в период могущества Саманидов. Подчинение области, как это явствует из приведенных выше полных горечи слов Насир-и-хосрова войскам Махмуда, потребовало от последнего посылки наиболее грозного в то время рода войск-отрядов, которым были приданы слоны.

Дальнейшее всестороннее изучение истории этой области, несомненно, вскроет много новых фактов для восстановления в полном объеме истории Таджикистана, одной из важных областей которого является Хутталь.

¹²⁷ Chahār maqāla («The Four Discourses») of Aḥmad ibn Umar ibn 'Alī an-Nizāmī al-'Arūḍī as-Samarqandī / Ed., with introduction, notes and indices, by Mīrzā Muḥammad ibn 'Abdu 'l-Wahhāb of Qazwīn. Leyden; London, 1910 (GMS. Vol. XI). P. 167.

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ШЕЛКОТКАЧЕСТВА (К идентификации ткани «занданечи»)¹

А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович

«Идентифицировано ли “занданечи”? Под таким названием «недавно» опубликована статья Д. Шеперд и В. Хеннинга в сборнике, посвященном известному искусствоведу Э. Кюнелю².

Конкретно речь идет о давно известной ткани, хранящейся в соборе г. Юи, в Бельгии, уже несколько раз опубликованной³ (рис. 1). При осмотре обратной стороны ткани Д. Шеперд обнаружила надпись тушью (рис. 2). Сначала предполагалось, что надпись сделана по-арабски, но дальнейшее изучение ее иранистом В. Хеннингом показало, что она написана на согдийском языке. Результаты дешифровки и анализа этой краткой надписи, изложенные в приложении к статье Д. Шеперд, представляют исключительный интерес. Надпись состоит из двух строк. Несмотря на трудность дешифровки, отмеченной Б. Хеннингом, чтение надписи едва ли вызывает сомнение. В переводе надпись означает: «длина 61 пядей занданечи...» Правда, следующее за «занданечи» слово осталось непереведенным, но, как полагает В. Хеннинг, оно означает «материя», «ткань» или «одежда»⁴.

Важной параллелью к тексту надписи является неизданный отрывок, приведенный В. Хеннингом из хорезмийского юридического сочинения, написанного накануне монгольского завоевания: «(Некто) купил кусок занданечи,

¹ Первая публикация: С.А. 1961. № 2. С. 66–78.

² *Shepherd D., Henning W. B. Zandaniji identified? // Aus der Welt der islamischen Kunst: Festschrift für Ernst Kühnel zum 75. Geburtstag am 26. 10. 1957 Berlin, 1959. P. 15–40.* Указанием на эту статью мы обязаны В. А. Лившицу, за что и приносим ему глубокую благодарность.

³ *Falke O. von. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1921. S. 17, Abb. 106.*

⁴ Предположение В. Хеннинга кажется нам бесспорным. Ниже приводится сообщение, говорящее о том, что в раннесредневековых арабских и персидских источниках в качестве единицы измерения тканей употребляются слова, обозначающие «платье», «одежда». Среди таджикского населения Средней Азии до настоящего времени в кустарном ткацком производстве употребляется слово «либос» (платье, одежда) в значении куска ткани определенных размеров, необходимого для изготовления комплекта одежды.

Рис. 1. Ткань из г. Юи (деталь)

(рассчитывая), что в каждом куске должно быть 16 локтей (в длину). А занданечи бухарская и хорезмийская — два разных сорта».

Как полагает В. Хеннинг, приведенные на ткани и в отрывке рукописи меры приблизительно равны.

В заключение В. Хеннинг отмечает (и это особенно для нас важно), что шрифт надписи сходен со шрифтом документов с горы Муг, относящимся к началу VIII в., и что он может быть несколько более ранним, но не более поздним. Небольшое отличие от согдийского-самаркандского наблюдается в написании цифровых знаков.

Что касается назначения надписи, то, как полагает Д. Шеперд, это таможенная или торговая пометка. Такие пометки на тканях известны исследователям. Содержание надписи этому предположению вполне соответствует. Следовательно, благодаря дешифровке надписи, мы узнаем, что в VII в. н. э. на согдийском языке существовало название «занданечи», несомненно означающее

Рис. 2. Согдийская надпись на обратной стороне ткани из г. Юи

название ткани. Если учесть, что это название было известно по источникам только с X в., то факт существования этого названия уже в VII в. представляет незаурядный интерес. Но, естественно, что главное значение дешифровки в другом, а именно в том, что надпись сделана на определенной ткани. Едва ли приходится сомневаться, что данная шелковая ткань из г. Юи, на обратной стороне которой сделана надпись, и носила название «занданечи»

Но и этим не ограничивается общее значение этого уникального в истории изучения древних восточных тканей открытия. Дело в том, что в музеях и других

хранилищах, главным образом церковных реликвариях Европы, хранится еще целый ряд кусков шелковых тканей, по технике, характеру и стилю узора очень близких к ткани из г. Юи. Еще в начале текущего столетия О. Фальке объединил их в одну группу, установив их общее происхождение («Восточный Иран»), и датировал VIII–X вв.

Д. Шеперд в связи с дешифровкой надписи на ткани из г. Юи включила в эту группу два фрагмента ткани, найденных А. Стейном, П. Пельо в Чен-фо-туне, вблизи Дунь-Хуана. Все эти ткани Д. Шеперд делит на две подгруппы, хотя и относящиеся, по ее мнению, к одному времени и одному месту производства, но несколько отличающиеся по технике производства. Она их обозначила, как «занданечи I» и «занданечи II». Второй подгруппы Д. Шеперд в рассматриваемой публикации не касается. Ниже дается перечень II кусков тканей, относящихся к группе занданечи I.

1. Шелк со львами. Хранится в музее г. Нанси. Перенесен, как предполагается, вместе с другими реликвиями в собор г. Туля (вблизи Нанси) в 820 г. (рис. 3).

2. Шелк со львами. Хранится с 823 г. в сокровищнице собора г. Санс. Состоит из двух кусков.

3. Шелк со львами. Один кусок находится в музее Виктории и Альберта (рис. 4). Два других куска того же шелка находятся в музеях в Нью-Йорке и во Флоренции.

4. Шелк со львами. Хранится в Берлинском музее. Кусок составлен из нескольких вертикально нарезанных фрагментов, соединенных вместе. Имеются и другие, неопубликованные, фрагменты этой же ткани.

5. Шелк со львами из музея Виктории и Альберта. Нарезан вертикальными полосами, как и предыдущий. Очень близок ему по рисунку. Возможно, что оба куска одного происхождения.

Рис. 3. Ткань из г. Нанси (деталь)

Рис. 4. Ткань из музея Виктории и Альберта (деталь)

Рис. 5. Ткань из г. Льежа (деталь)

6. Шелк со львами из Брюсселя. Состоит из двух фрагментов, происходящих из гробниц VII–IX вв.

7. Шелк со львами из собора в г. Туль. Предполагается, что он одновременен с шелком из г. Нанси.

8. Шелк с баранами из собора Богоматери в г. Юи.

9. Шелк с розетками в музее г. Льежа (рис. 5).

10. Шелк со львами из Чен-фо-туна. Находится в Британском музее и в музее Гиме в Париже.

11. Шелк с баранами из Чен-фо-туна. Также хранится в Британском музее и в музее Гиме в Париже.

Изучение перечисленных образцов тканей позволило Д. Шеперд сделать ряд весьма интересных наблюдений.

В современном состоянии ткани группы «занданечи I» имеют характерные блеклые цвета: рыжеватокоричневый, тускло-желтый и темно-синий. Автору статьи удалось восстановить оригинальные цвета ткани по шелку со львами из Чен-фо-туна. Дело в том, что когда ткань была расправлена, то в местах, скрытых швами и складками, открылись первоначальные яркие цвета: темно-зеленый, серо-голубой, ярко-розовый, оранжевый и белый. Сравнение других тканей этой группы с шелком со львами из Чен-фо-туна убеждает в том, что и они имели подобную или близкую расцветку. Д. Шеперд приходит к выводу, что все краски, за исключением синей, сильно блекнут. Эта блеклость особенно обращает на себя внимание, если сравнить эти ткани с китайскими, находившимися в аналогичных условиях, но сохранившими первоначальную яркость красок. Автор объясняет это тем, что среднеазиатские ткачи не знали для красок соответствующей протравы. Отмечая, что краски тканей занданечи близки к окраске китайских тканей (серо-синий, оранжевый и розовый), автор делает вывод, что согдийские ткачи получали у китайцев не только шелк, но и краски. Очевидно, китайцы скрывали свои секреты закрепления красок, поэтому на китайских тканях они сохраняются свежими и яркими.

Не останавливаясь на разобранной Д. Шеперд технике тканья в целом, характерной именно для группы «занданечи I», отметим лишь, что все ткани исполнены киперным переплетением.

Три куска — шелк из Санса, Юи и Льежа (№ 2, 8, 9) — представляют собой цельные или штучные изделия, что является весьма необычным для тканей раннего средневековья. Кусок, имеющий кромки, позволяет установить ширину

ткацкого станка. Шелк из Санса имеет размеры:— 1,16 × 2,415 м, шелк из Юи — 1,22 × 1,95 м и шелк из Льежа — 1,18 × 1,9 м.

Изучение орнамента указывает, что исполнение узоров на ткацком станке было еще далеко не совершенным. Например, на шелке из Санса варьируют диаметры кругов (от 28,7 до 24,3 м); в вертикальном, верхнем и нижнем раппорте этого же шелка также имеются различия. Есть неточности раппорта и на каймах (в шелках из Юи, Льежа и Нанси).

По имеющимся цельным кускам шелка мы узнаем, что полный рисунок состоял из повторяющихся несколько раз рядов орнаментальных кругов, обрамленных со всех сторон узорным бордюром. Бордюры обычно состоят из нескольких орнаментальных полос. Анализ деталей узора и технических особенностей тканей группы «занданечи I» привел Д. Шеперд к заключению, что наиболее ранней тканью следует считать шелк из Нанси, который можно датировать VI в. Остальные же, включая и ткань из Юи, в соответствии с установленным В. Хеннингом временем надписи датируются эпохой арабского завоевания Средней Азии, т. е. рубежом VII–VIII вв. н. э.

Изучение шелков занданечи с точки зрения стиля позволило Д. Шеперд сделать вывод о связи узоров на шелках занданечи с узорами сасанидского Ирана. Правда, она считает рисунок на тканях несколько варваризированным. Взяв для сравнения ткани на росписях Пенджикента, Д. Шеперд и в изображении рисунка тканей также видит сильное сасанидское влияние.

Значение открытия Д. Шеперд и В. Хеннинга, конечно, трудно переоценить, и оно не исчерпывается наблюдениями, о которых только что говорилось. Идентификация ткани занданечи возбудит еще ряд дополнительных проблем общего характера, а также частных вопросов, касающихся художественного ткачества в домусульманское время.

Остановимся на нескольких вопросах, связанных с археологическими открытиями последнего времени в Средней Азии.

Тот факт, что целая группа шелковых тканей является произведением среднеазиатского ремесла, заставляет поставить вопрос о местном шелкоткачестве и о связи его с родиной шелкового производства — Китаем. То, что было известно до сих пор в этом отношении, восходило часто к неясным по своему значению отрывочным сообщениям письменных источников. В частности, это относится к сведениям китайских источников. Трудность установления происхождения и точного значения технических терминов и названий реальных, приводимых в древних китайских сочинениях, является главным препятствием. Однако первые попытки выяснить значение этих терминов, сделанные известным исследователем этого вопроса Д. Лауфером, говорят о том, что шелковые ткани среднеазиатского производства были хорошо известны в Китае и, очевидно, ценились там достаточно высоко. Так, хроника Суй-шу (VII в.) называет изготовлявшуюся в княжестве Кан (Самарканд, Согд) ткань *kin sin po-tie*.

Это название, означающее золототканное *po-tie*, как показал анализ этого слова, восходит к согдийскому термину (*bak-dib*).

Тан-шу сообщает, что в 713 г. из Самарканда была привезена ткань уе-по. Термин этот означает парчу. В другом сообщении, датированном 718–719 гг., говорится о присылке из Маймурага (район Самарканда) и Бухары ткани tso-pi⁵.

Следует полагать, что общий отзыв этой же китайской официальной хроники о высоком уровне ремесленного производства в Согде относится и к ткачеству, в частности к шелководу⁶.

Немногочисленные сведения по этому вопросу имеются и в арабских источниках, восходящих ко времени арабского завоевания, т. е. синхронных вышеприведенным сообщениям китайских хроник. Сообщения, которые известны по литературе, говорят главным образом о привозе китайских тканей в Среднюю Азию.

Так, у историка Табари в рассказе, датированном 751 г., об убийстве дехкана Кеша (ныне Шахрисабз) сообщается о разграблении его имущества, причем упоминаются и «ткани (мата) китайские все сорта дибаджа...»⁷.

О. И. Смирнова в несколько неточной передаче сообщения Табари об одном из эпизодов, имевшем место при взятии в 706 г. арабами г. Пайкенда, пишет: «...Арабы при взятии Пайкенда... получили... пять тысяч кусков китайского шелка, цена которого тысяча тысяч дирхемов»⁸.

Весь смысл рассказа Табари заключается в том, что арабский военачальник Кутейба отказался взять якобы предложенный ему в виде выкупа за пленного старика шелк стоимостью в миллион дирхемов и казнил его⁹. Характер рассказа делает несколько сомнительной точность сообщения о количестве этих шелковых тканей и их цене.

Для нас, однако, представляет больший интерес ряд других сообщений Табари, относящихся также ко времени арабского завоевания. В них ничего не говорится о происхождении шелковых тканей, которые, однако, можно считать изделиями местного производства. В данном случае исключительно важен сохранившийся текст договора, заключенного в 713 г. между Кутейбой и правителем Согда Гуреком. Этот договор в сокращенном изложении персидского переводчика Табари — Бал'ами, недавно впервые опубликованный О. И. Смирновой, содержит в перечне условий контрибуции, которую обязался выплатить Гурек, поставку разных товаров натурой с указанием их цен. Среди этих товаров упоминается и шелковая ткань «диба», о которой говорится «...А каждый кусок (ткани) диба — большой, — за сто дирхемов»¹⁰.

В настоящее время благодаря открытию в Турции рукописи исторического сочинения раннего арабского автора Ибн Асама ал-Куфи мы имеем полный

⁵ *Laufer B. Sino-Iranica: Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran. With Special Reference to the History of Cultivated Plants and Products. Chicago, 1919 (Publications of Field Museum of Natural History. Anthropological Series. Vol. 15/3). P. 493.*

⁶ См.: *Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. II. С. 310.*

⁷ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879–1901 (далее — Tabari). Ser. III. P. 79.*

⁸ *Смирнова О. И. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии // СБ. 1957. № 2. С. 131.*

⁹ *Tabari. Ser. II. P. 1188.*

¹⁰ *Смирнова О. И. Из истории... С. 122.*

текст договора на арабском языке. В нем интересующий нас пункт изложен следующим образом: «Что касается больших одежд, то каждая (будет оценена) в сто дирхемов, а малая в шестьдесят дирхемов, каждый кусок шелка — (пойдет) за 28 дирхемов»¹¹.

Ниже мы вернемся к этим интересным деталям договора. Здесь отметим, что и в сообщении о договоре Кутейбы с Хорезмским правителем также предусматривалась поставка тканей мата¹², к сожалению, без указания подробностей.

Помимо приведенных данных, Табари сохранил еще два сообщения, имеющих для нас также большое значение. Так, под 121 г. х. (= 737 г. н. э.) в рассказе о совместных действиях против арабов среднеазиатских правителей и их союзника, кагана тюргешей известного Курсуля, Табари, между прочим, сообщает, что Курсуль выдавал в виде жалованья каждому воину «кусок шелка, а каждый (кусок) стоил 25 дирхемов»¹³. Второе сообщение, для нас не менее интересное, касается одежды самого Курсуля, о которой Табари пишет: «На нем были штаны из дибаджа, украшенные кругами, и плащ (каба) из атласа (фиринда), обшитого каймой из дибаджа...»¹⁴.

Насколько нам известно, эти сообщения до сих пор не привлекли к себе внимания специалистов. Важность их очевидна, и мы позволим себе остановиться на них подробнее. Здесь очень интересны приводимые данные относительно цен на шелковые ткани и связанные с ними термины.

При анализе персидского текста договора Кутейбы с Гуреком О. И. Смирнова, приводя сомнительные, как указывалось, сообщения Табари о пайкендском эпизоде, согласно которым 5000 кусков стоили один миллион дирхемов, замечает: «...Откуда следует, что в 706 г. (за шесть лет до взятия Самарканда) в Бухарских владениях кусок китайского шелка стоил 200 дирхемов, т. е. в два раза дороже куска ткани диба»¹⁵.

В полном арабском тексте договора, аутентичность которого не вызывает сомнения, термина «диба» нет совсем и, таким образом, с выводом О. И. Смирновой о ценах куска диба и китайского шелка едва ли можно согласиться. Но особенно интересно сопоставление цены на кусок шелка в договоре и в сообщении Табари об оплате воинов Курсулем. В сообщении говорится о его стоимости в 25 дирхемов, а в договоре он оценивается в 28. Это незначительное несоответствие, может быть, наиболее ярко свидетельствует о точности этих данных.

Примечательны приводимые термины для обозначения единиц измерения шелковых тканей. В персидском тексте приводится нумеративный термин «джома», обозначающий не столько кусок, как перевела О. И. Смирнова, сколько «одежда». То же и в арабском тексте, в котором отмечается «большая одежда» и «малая одежда». Очевидно, мы имеем дело с кусками разных размеров, предназначенных для шитья различных комплектов одежды.

¹¹ Kurat A. N. Kuteybe Bin Müslim'in Hvârizm ve Semerkand'ı Zabtı (Hicri 93–94 — Milâdi 712) // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. C. VI/5. Ankara, 1948. S. 419.

¹² Смирнова О. И. Из истории... С. 123.

¹³ Tabari. Ser. II. P. 1688.

¹⁴ Ibid. P. 1690.

¹⁵ Смирнова О. И. Из истории... С. 131.

Приведенные сообщения в совокупности, как нам представляется, дают дополнительный материал для вывода о том, что в Средней Азии в доарабское время наряду с импортом китайского шелка существовало и развитое местное его производство¹⁶.

Шелковые ткани, которыми расплачивался Гурек по договору с арабами, едва ли были китайскими. Курсуль для оплаты своих воинов, как мы можем это предположить, получал их у своих союзников — среднеазиатских владетелей. Поставку тканей, учитывая беспокойное время, когда это происходило, могли обеспечить, конечно, лишь местные ткачи, а не купеческие караваны, шедшие из Китая. Наконец, мы не можем пройти и мимо тех внешних деталей, которые приведены Табари и при описании одежды Курсуля. Именно эти детали являются как бы связующим звеном между данными письменных источников и образцами занданечи, с одной стороны, и археологическими материалами, с другой. Отмеченная в арабском сочинении особенность узора (круг), а также и наличие каймы как нельзя лучше совпадают с тем, что мы сейчас знаем об орнаменте ткани и покрое одежды.

Рассмотрим подробнее археологические материалы.

Особый интерес представляют, прежде всего, ткани, найденные на горе Мут. Большинство их, правда, хлопчатобумажные, полотняного переплетения, однако имеется и несколько шелковых. В связи с идентификацией тканей занданечи особенно интересным становится для нас фрагмент шелковой ткани, исполненный киперным переплетением с характерным орнаментом: на зеленом поле круглая розетка желтоватого цвета, обрамленная кругом перлов. Промежуток между кругами заполнен цветочным мотивом (рис. 6).

М. П. Винокурова на основании сравнения этого фрагмента ткани с тканью, найденной В. В. Радловым при раскопках курганов в Сибири, и на основании определения ее В. Клейном считает, что она китайского происхождения¹⁷. Сходство мутского шелка с шелками группы занданечи (с шелком из Льежа) несомненно, особенно в построении орнамента — ряды обрамленных перлами розеток и четырехугольный цветочный мотив, заполняющий промежутки между ними. Поэтому мы сочли бы возможным ткань с торы Мут отнести к местному среднеазиатскому производству.

Нам представляется, что опубликованный Н. В. Дьяконовой фрагмент китайской набойки на шелке по характеру орнамента — стоящие перед деревом два оленя в круге, а в промежутках между кругами — сложные розетки — следует признать изготовленным под влиянием согдийских образцов. Особенно это становится очевидным при сравнении орнамента набойки с орнаментом ткани занданечи из Чен-фо-туна¹⁸. К этому же типу орнаментальных мотивов мы должны отнести и орнамент на изображении ткани на раскрашенной скульптуре из Дунь-Хуана¹⁹.

¹⁶ Данные о шелководстве в Средней Азии приведены в книге: Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV в. М.; Л., 1960. С. 166.

¹⁷ Винокурова М. П. Камни из замка на горе Мут // ИООН. Вып. 14. 1957. С. 21.

¹⁸ Дьяконова Н. В. Китайская шелковая набойка из Дуньхуана // СГЭ. Вып. VI. 1954. С. 28.

¹⁹ Gray V. Buddhist Cave Paintings at Tun-huang. London, 1959. Fig. 33 b.

Рис. 6. Ткань с горы Муг

Для орнамента тканей занданечи много параллелей в деталях и общем характере орнамента мы находим в известных среднеазиатских памятниках живописи раннего средневековья. Частично это отмечено и Д. Шеперд. В первую очередь это относится к живописи Пенджикента. В изображении некоторых тканей, ковров и покрывал мы имеем элементы, очень близкие орнаменту на тканях занданечи.

Так, сходны узоры на ткани в виде кругов перлов и особенно каймы ковров в виде полукружий с перлами²⁰. Для тканей занданечи, как мы уже видели по образцам, приведенным Д. Шеперд, очень характерно изображение внутри круга животных. В пенджикентской росписи мы имеем несколько случаев изображения животных на ткани. В двух случаях это изображения животных — льва и слона, единичные, в неповторяющемся узоре. В другом случае перед нами непосредственная параллель — птица в обрамлении перлов²¹. Очень интересные параллели дают изображения тканей на росписях Балалык-Тепе. Мы видим здесь близкий орнамент в виде кругов перлов, в которые вписано изображение, в одном случае — мужской головы с бородой, в другом — головы кабана²².

²⁰ Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. Табл. X, XXVII.

²¹ Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. Табл. XIV, XVIII; Живопись... Табл. XXIV.

²² Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960. Рис. 109, 116, 120.

Аналогии к тканям занданечи мы находим в стенной росписи Варахши. Таковы одежды на сидящих фигурах и, особенно, покрывало на троне в «восточном зале»: в кругах изображены птицы, а в промежутках между кругами — растительный мотив²³.

Таким образом, среднеазиатские памятники дают достаточно большое количество аналогий тканям занданечи.

Далее остановимся еще на одном образце древних тканей, близость которого к тканям занданечи кажется несомненной, хотя с уверенностью сказать, что она также называлась занданечи, мы не можем. Имеется в виду так называемая ткань со слонами Бухтегина, хранящаяся в Лувре (рис. 7). Сравнительно давно известная в науке ткань эта благодаря имеющейся на ней арабской надписи с именем владельца — известного военачальника Саманидов — Бухтегина точно датируется серединой X в.²⁴

Ткань сохранилась не полностью, в двух фрагментах, но реконструкция ее вполне возможна. Исполнена ткань киперным переплетением, так же как и ткани занданечи. Особенно интересна для нас эта ткань по сюжету рисунка и деталям орнамента.

Центральное поле ткани занимает изображение двух слонов, стоящих друг против друга. Особенно примечательны под каждым слоном изображения фантастических животных, типа крылатых грифонов. Кайма ткани состоит

Рис. 7. Ткань Бухтегина из Лувра

²³ Шишкин В. А. Варахша (Предварительное сообщение о работах 1949–1953 гг.) // СА. Т. XXIII. 1955. С. 110–111.

²⁴ SPA. Vol. VI, pl. 981; ср.: SPA. Vol. III. P. 2002.

из нескольких орнаментальных поясов. Между двумя такими поясами — идущие верблюды. По углам — изображения птиц.

Даже самое поверхностное наблюдение над орнаментом приводит нас к тому, что мы можем установить непосредственную близость и сходство его с многочисленными образцами орнамента древнего Согда и, в частности Пенджикента и Варахши.

Возьмем некоторые конкретные мотивы. Так, орнаментальная лента под ногами слонов в виде «сердечек» находит полную аналогию на росписи Пенджикента²⁵. Несколько раз повторяющаяся узкая полоса в виде бегущей лозы имеет близкие параллели в живописи и резном дереве Согда²⁶. Не случайно и большое сходство этого орнамента с бордюром на известной серебряной чаше из сел. Слудки²⁷. Но особенно близок он к орнаменту костяной рукоятки ножа, найденной в Пенджикенте в 1959 г.

Σ-образный мотив в третьей орнаментальной полосе широко представлен в штампованных орнаментах на глиняных ассуриях. Имеется он и в архитектурном орнаменте, изображенном на стенной росписи²⁸. Кстати отметим, что знак в виде т мы видим на туловище львов на шелке из Нанси.

Приведенные детали орнамента говорят о том, что в X в. сохранилась традиция, восходящая к домусульманскому искусству Средней Азии. Однако наиболее наглядно это можно видеть на сюжете центрального поля ткани, который непосредственно связывается с мотивами росписи Варахши VII в. В варахшинской росписи красного зала мы видим двух грифонов, бросающихся на слонов (рис. 8).

Сопоставляя варахшинскую роспись с тканью Бухтегина, мы убеждаемся в бесспорной связи основных элементов их сюжетов, несмотря на различие в теме. На варахшинской росписи мы имеем живую сцену борьбы грифонов, нападающих на слона, в то время как на ткани Бухтегина те же животные изображены в статичном положении. Грифон, очень маленького размера, помещен под брюхом слона как бы только для того, чтобы заполнить гладкое поле фона. Но при этом нельзя не обратить внимание на тождество в трактовке этого фантастического зверя в Варахше и на ткани Бухтегина.

Здесь мы наглядно видим замечательный случай эволюции сюжета: на варахшинской росписи изображения грифонов очень динамичны и сюжетно оправданы, а на ткани мы видим изображение тех же животных, но вне всякой сюжетной связи.

В заключение остановимся на дальнейшей судьбе ткани занданечи. Насколько известно, до открытия согдийской надписи на ткани из Юи ткань под этим названием впервые упоминалась у историка Бухары Нершахн, писавшего в конце X в. На это сообщение обратил внимание еще в 1901 г. К. А. Инostrанцев,

²⁵ Живопись... Табл. XXXIX.

²⁶ Воронина В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента // Скульптура и живопись... С. 118, 127, рис. 17, 19, 26, б.

²⁷ Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909. Табл. XLV.

²⁸ Живопись... Табл. XX.

Рис. 8. Варахша. Стенная живопись

ограничившийся, впрочем, лишь частичной его передачей и приведением некоторых других более поздних источников»²⁹.

Позволим себе привести эти данные письменных источников в несколько более полном виде, чем это сделал К. А. Иностранцев. Нершахи в перечне селений, окружавших Бухару, называет и селение Зандана, о котором он пишет: «Вывозятся отсюда так называемые «занданечи», т. е. бумажные материи, названные так потому, что выделяются в этом селении. Материя хороша и в то же время выделяется в большом количестве. Во многих селениях Бухары ткнут такую же материю и называют ее «занданечи», потому что раньше всех начали выделять эту материю жители этого селения. Бумажные материи отсюда вывозят во все области: в Ирак, Фарс, Кирман, Индустан и другие. Все вельможи и цари шьют из нее себе одеж-

ды и покупают ее по той же цене, как парчу. Да сохранит Бог это селение цветущим»³⁰. Этот же автор пишет о другом Бухарском селении — Вардана, что из него вывозилась тоже ткань «занданечи», хорошо сделанная»³¹.

Третий раз он упоминает эту ткань в связи с рассказом о тиразе — ткацкой мастерской Бухары, в которой изготавливались особо ценные ткани. О занданечи в этом месте Нершахи говорит, что «теперь занданечи более известна во всех областях, чем эти ткани» (изделия тиразной мастерской)³². К. А. Иностранцев приводит также упоминание занданечи в Сиясет-наме Низам-аль Мулька (XI в.). «Еще во времена Саманидов выполнялось такое правило: гулямам увеличивали чин постепенно, по размеру службы, заслуг, достоинств; вот покупали гуляма, приказывали ему один год службы пехотинца и он ходил в свите, одетый в каба из зинданиджи»³³.

Эта ткань упоминается еще у ряда авторов, но мы ограничимся лишь сообщениями Рашид-ад-Дина, относящимися к 1218 г., т. е. к самому кануну монгольского завоевания.

«...Трое купцов из Бухары направились в те области с различными родами товаров, состоящих из тканей зарбафт (букв. золототканная. — А. Б. и И. Б.),

²⁹ Иностранцев К. А. Из истории старинных тканей // ЗВОРАО. Т. XIII. 1901. С. 085.

³⁰ Мухаммад Наршахи. История Бухары / Пер. с перс. Н. Лыкошина под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897. С. 23.

³¹ Там же. С. 24.

³² Там же. С. 29.

³³ Низам-ал-Мульк. Сиясет-Наме. М.:Л., 1949. С. 110.

зенданачи, карбас и других сортов, которые ими считались подходящими и годными для этого народа»³⁴. И далее: «Их слова понравились Чингис-хану, и он приказал дать за каждую штуку зарбафта один балыш золота, а за карбас и зенданачи по балышу серебра»³⁵.

Как это очевидно вытекает из приведенных сообщений, по крайней мере начиная с конца X в., ткань занданечи уже была тканью хлопчатобумажной. Но вместе с тем в приведенных сообщениях говорится о том, что она очень высоко ценилась. К сожалению, в известных нам источниках мы не находим ни причины смены материала, ни указания на время, когда это могло произойти. Нам представляется, что в результате арабского завоевания поступление шелка-сырца из Китая если совсем не прекратилось, то, безусловно, значительно уменьшилось. Вполне вероятно, что этим и объясняется перевод массового ткачества на хлопчатую бумагу.

Но как бы то ни было и в дальнейшем, т. е. после монгольского завоевания, ткань занданечи, как можно полагать, оставалась в основном хлопчатобумажной.

Любопытно отметить, что в послемонгольское время сведения о ткани занданечи мы получаем главным образом из русских источников.

Так, рубежом XIV и XV вв. датируется Новгородская берестяная грамота, в которой говорится: «Поклон от Марины к сыну моему, к Григорию. Купи мне зенданцу хорошую...»³⁶. Издатель рукописи справедливо отмечает, что в грамоте речь идет о бухарской хлопчатой ткани, которая позже в Московской Руси известна под укороченным названием «зендень».

В XVI–XVII вв. эта ткань под названием «зендень» ввозилась из Средней Азии в большом количестве, о чем говорят многие документы, относящиеся к торговле между русским государством и Средней Азией³⁷.

В. Савваитов полагал, что зендень была тканью шелковой³⁸, но В. Клейн, специально исследовавший эти ткани, приходит к выводу, что ткань не шелковая, а чисто бумажная и что «В XVII в. зендень расценивалась очень дешево»³⁹.

Для последующих веков сведений о производстве этой ткани в литературе не имеется.

Таким образом, благодаря идентификации «занданечи» для тканей VII в. мы получили возможность проследить историю этой ткани на протяжении почти целого тысячелетия — факт, исключительное значение которого для истории древнего текстиля Средней Азии неоспоримо.

³⁴ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.; Л., 1958. С. 187–188.

³⁵ Там же. С. 188.

³⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. С. 59.

³⁷ Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1952 (ТГИМ. Вып. XXI). С. 91.

³⁸ Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896.

³⁹ Клейн В. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. М., 1925. С. 62.

ЗООМОРФНЫЕ ТРОНЫ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

А. М. Беленицкий

Впервые изображения зооморфных тронов в монументальном искусстве Средней Азии преарабского времени были открыты В. А. Шишкиным в 1937 г. во дворце Варахши, на крупном фрагменте живописи так называемого Восточного зала. Согласно краткому описанию этой росписи, на ней «была некогда изображена многофигурная композиция, представлявшая сидящего на троне царя со свитой. От фигуры царя сохранились только нижние части ног и меч, поставленный между ними. Царь сидел на троне, украшенном золотыми (желтые с моделировкой красными линиями) грифонами — крылатыми верблюдами»². Судя по опубликованной части изображения трона, последний представляет собой скамью, подножиями которой служат две фигуры крылатых верблюдов в профиль, обращенные головами в разные стороны. Там же было открыто и второе изображение сидящего на троне царя. Этот второй трон представляет собой одного лежащего верблюда, на спине которого непосредственно сидит «человек в короне»³.

Вслед за Варахшой ряд изображений зооморфных тронов был открыт на памятниках искусства Пенджикента. К ним относятся три изображения тронов в виде львов — на стенных росписях. К сожалению, в двух случаях сохранность росписей мало удовлетворительная, хотя оснований для сомнений в том, что перед нами троны в виде животного, не имеется. Первое изображение было открыто на фрагменте живописи в помещении 7 объекта III. Трон представлен в виде лежащего льва, спина которого покрыта богато орнаментированным ковром. От сидевшей на нем фигуры сохранилась лишь ступня ноги⁴. На втором фрагменте стеной живописи (объект VI, помещение 1) сохранилась часть

¹ Первая публикация: ИООН. 1962. Вып. 1. С. 14–28.

² Шишкин В. А. Варахша (Предварительное сообщение о работах 1949–1953 гг.) // СА. Т. XXIII. 1955. С. 109.

³ Там же. С. 110.

⁴ Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. Табл. XXVI, XXVII.

4. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии

крупна льва, по которому можно судить, что трон был изображен в виде стоящего или идущего животного. От человеческой фигуры сохранились лишь остатки красочной одежды⁵. Несколько лучшим по сохранности является третий фрагмент живописи, на котором хорошо различается лежащая фигура льва; спина его покрыта ковром, на котором заметны, к сожалению, лишь незначительные следы сидевшего на нем персонажа (рис. 1).

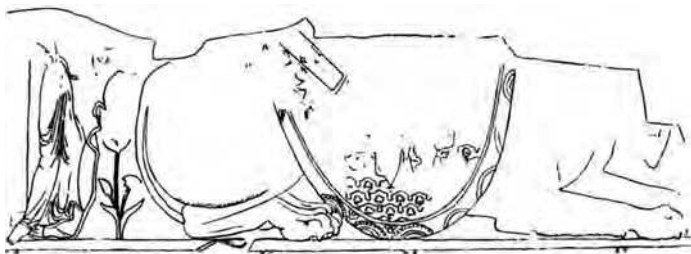

Рис. 1. Степная роспись (прорисовка). Пенджикент

Аналогичное изображение трона в виде лежащего животного (верблюда) имеется и на интересной терракотовой плитке, найденной в Пенджикенте в 1958 г. (рис. 2). На плитке сохранилась полностью фигура животного и нижняя часть фигуры персонажа, сидящего в характерной позе с опущенной правой ногой и согнутой в колене левой. Иной характер имеет трон, изображенной на крупном фрагменте стенной росписи на объекте III, в помещении 6, где он реконструируется вполне удовлетворительно и имеет вид скамьи, поддерживаемой двумя фронтально стоящими крылатыми баранами⁶.

Рис. 2. Терракотовая пластинка. Пенджикент

Исключительно большой интерес представляет изображение трона на обуглившейся резной деревянной пласке, найденной при раскопках в Пенджикенте в 1960 г. (помещение 11, объект VII). На этом памятнике трон имеет форму как бы сросшихся спинами двух фантастических рогатых львиноподобных животных с головами в профиль, обращенными в противоположные стороны (рис. 3).

Сохранилась и вся фигура сидящего на троне персонажа, поза которого сходна с позой фигуры на упомянутой глиняной плитке (рис. 3).

⁵ Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. VII.

⁶ АРТ. Вып. V, 1958 (ТАН. Т. XXVII). 1961. С. 96, рис. 7.

Рис. 3. Резное дерево. Пенджикент

В связи с названными формами трона, особенно последнего, небезынтересно отметить найденную в Пенджикенте бронзовую поделку в виде стержня, заканчивающегося львиными протомами, несомненно, являющуюся имитацией трона. Приведенный перечень изображений тронов сам по себе весьма красноречив. Он с полной очевидностью свидетельствует о том, что на перечисленных памятниках искусства троны передают реально существовавшие предметы. Одновременно эти памятники блестяще подтверждают прямые сообщения китайских источников о том, что троны ряда среднеазиатских владений имели форму различных животных. Уже при опубликовании указанного фрагмента живописи Варахши В. А. Шишкин напомнил о сообщении китайской хроники Бей-ши, согласно которому «владелец Бухары (Ань) сидит на золотом престоле, представляющем верблюдов, вышиной от 7 до 8 футов»⁷. На содержащееся в китайских источниках упоминания зооморфных тронов указал и М. М. Дьяконов по поводу открытия первого из названных изображений трона в виде льва на пенджикентских росписях⁸. Ввиду интереса этих сообщений позволю себе привести их по названной хронике Бей-ши. Так, о владельце Кучи говорится, что он «сидит на диване, представляющем вид золотого льва»⁹. О владетеле Ань (Бухара), как выше указывалось, сообщается, что его трон имел вид верблюда. Престол владетеля Бохань (Ферганы) представлял собой

⁷ МИА. № 15. Табл. 53, 2.

⁸ Шишкин В. А. Варахша... С. 140.

⁹ Живопись... С. 116.

4. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии

золотого барана¹⁰. Такой же вид имели троны владетелей Хэ (Кушания)¹¹ и Унагэ (Мерв?)¹². И наконец, о владетеле Цао (Кабул) говорится, что его престол представлял золотого коня¹³.

Таким образом, китайские хроники в полном соответствии с указанными произведениями изобразительного искусства свидетельствуют не только об общем характере тронов среднеазиатских владетелей, их зооморфности, но и вполне точно указывают на те виды животных, которые они изображали.

Имеется и еще один письменный источник, в котором данный характер тронов нашел свое отражение, правда, не столь точное, как в китайской хронике. Имею в виду «Шахнаме». В этой поэме мы также неоднократно встречаем упоминание о тронах мифических царей, имевших форму животного.

Так, о троне, подаренном Рустему Кейкаусом, говорится, что это был «бирюзовый трон (тахт) в виде барана»¹⁴. В другом месте при описании траурных церемоний по поводу смерти Сухраба говорится, что среди других предметов в огонь был брошен

трон (тахт) на ножках
(в виде) золотого леопарда¹⁵.

При описании трона паря Андалуса Кайдафа специально отмечается, что «верх их (ножек) подобен голове дракона»¹⁶.

О встрече Афрасиаба с Сиявучем говорится:

Поставили перед ним золотой трон,
ножки его подобны голове буйвола¹⁷.

В целом, повторяя вышесказанное, мы едва ли имеем основание сомневаться в том, что в дворцах среднеазиатских правителей имелись троны в виде разнообразных животных. Естественно, встает вопрос о происхождении этих тронов, которые, как можно полагать, были изготовлены из драгоценных металлов и представляли собой, очевидно, незаурядные художественные изделия.

Приведенные памятники рисуют нам троны двух видов: одни имели вид животного, спина которого служила сиденьем, а другие представляли собой скамьи, подножками для которых служили фигуры животных; третьей — промежуточной — формой зооморфного трона являлись сооружения, имевшие вид как бы сросшихся спинами пар животных, обращенные головами в разные стороны.

¹⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 274.

¹¹ Там же. С. 275.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 276 (приведенные сведения повторены и в хронике Суй-шу).

¹⁴ The Shah Nameh. An Heroic Poem... by Abool Kasim Firdousee / Carefully collated... by T. Macan. Vol. I. Calcutta, 1829. P. 275.

¹⁵ Ibid. P. 371.

¹⁶ Ibid. Vol. III. 1829. P. 1325.

¹⁷ Ibid. P. 429.

Остановимся на первом виде тронов. В связи с открытием первых изображений тронов на пенджикентских росписях М. М. Дьяконов указал в качестве аналогий к ним на две серебряные чаши, опубликованные Я. И. Смирновым, на которых изображены троны в виде животных¹⁸.

К этим двум чашам следует присоединить найденную в 1947 г. чашу в дер. Бартым и опубликованную О. Н. Бадером¹⁹. Не касаясь вопроса о точной локализации места изготовления названных чаш, по поводу чего существуют различные точки зрения, их среднеазиатское происхождение в настоящее время следует признать достаточно убедительно доказанным, так же как и их датировку в пределах VII–VIII вв. н. э.²⁰, т. е. тем же временем, что и памятники изобразительного искусства Варахши и Пенджикента.

Значение этих чаш определяется тем фактом, что на них, помимо собственно трона, сохранилась и вся композиция в целом в отличие от памятников искусства Варахши и Пенджикента, на которых персонажи, сидящие на этих тронах, или вовсе не сохранились, или сохранились плохо. Композиция на чашах имеет культовый характер, представляя собой изображение женского божества, сидящего на спине животного. В свое время К. В. Тревер отметила связь этих изображений женского божества на серебряных блюдах с аналогичным изображением на монете кушанского царя Хувишки, реверс которой содержит «изображение божества, сидящего на льве, свесив обе ноги в одну сторону с надписью “Нано”»²¹ (рис. 4). Эти моменты датируются II в. н. э. Отметим, что аналогичная композиция с изображением божества индуистского пантеона (Лакшми) имеется и на монете Чандрапупты, датируемой началом IV в.²² Все эти памятники свидетельствуют о сравнительно раннем появлении и широком распространении в изобразительном искусстве львиных тронов, однако не разрешают вопроса о том, передают ли эти изображения какие-то реальные прототипы, поскольку в данном случае более вероятным является толкование фигуры льва как символического животного атрибута божества. Именно в этом аспекте и разрешает вопрос о характере композиции на чашах и на монетах К. В. Тревер, возводя ее происхождение к образу греческой богини Земли — богине-матери Рее-Кибеле, которая «изображалась верхом на льве или на троне со львами по сторонам его»²³. Таким образом, изображение животных в виде трона-сиденья на интересующих нас среднеазиатских памятниках можно объяснить и как отражение лишь определенной культовой иконографической традиции. Отметим, однако, что наличие таких деталей, как ковер на спине

¹⁸ Живопись... С. 139–140, рис. 11, 12. Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909. Табл. XVII, № 42; CX, № 285.

¹⁹ Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. 55. 1954. С. 127, рис. 50.

²⁰ Ср.: Скульптура и живопись... С. 53 и др.

²¹ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940 (Памятники культуры и искусства в собрании Эрмитажа. I). С. 98.

²² Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhâra: étude sur les origines de l'influence classique dans l'art bouddhique de l'Inde et de l'Extrême-Orient. T. II. Paris, 1905. Pl. V, 24.

²³ Тревер К. В. Памятники... С. 98.

животного, почти всегда различаемый на наших памятниках, говорит о том, что рассматривали этих животных в качестве реального сиденья. Об этом же говорит и поза персонажей, сидящих свесив ноги в одну сторону. Любопытно отметить, что в композициях, аналогичных тем, которые мы видим на рассматриваемых чашах, лев, изображенный как сиденье, может быть заменен обычным трон-скамьей. Такова чаша из Британского музея, изданная также Я. И. Смирновым²⁴. Наконец, нельзя не учитывать и того, что буквальный смысл сообщений китайских хроник о среднеазиатских тронах заставляет видеть в них изменен трон в форме животного.

Рис. 4. Кушанская монета

В целом, однако, мы все же вынуждены оставить открытым вопрос о том, действительно ли существовали троны в том виде, в каком их изображают рассматриваемые памятники искусства.

С гораздо большей уверенностью мы можем дать положительный ответ в отношении тронов второго типа, представлявших собой скамьи, опиравшиеся на подножия в виде животных или же в виде как бы сросшихся спинами пары животных. В этом отношении следует прежде всего указать на хранящиеся в различных музеях бронзовые ножки в виде протомов грифонов, структура которых говорит с полной несомненностью о том, что они некогда служили подножиями для сидений тронов²⁵.

Троны-скамьи, поддерживаемые животными, мы видим и на ряде известных произведений художественной тореvтики, к ним принадлежат следующие блюда:

1. Золотое блюдо Национальной библиотеки в Париже. На центральном медальоне этого блюда из горного хрусталя вырезана фигура царя, сидящего на троне, поддерживаемом двумя крылатыми показанными в профиль головами, обращенными в противоположные стороны²⁶.

2. Серебряное блюдо Британского музея. На нем наряду с другими персонажами изображена фигура царя, который сидит на троне. Подножиями трона служат два грифона, также изображенные в профиль, головами в разные стороны²⁷.

3. Серебряное блюдо Государственного Эрмитажа, происходящее из деревни Стрелка бывшей Пермской губернии, на котором среди придворных изображен царь, сидящий на троне, поддерживаемом фронтально стоящими крылатыми конями²⁸.

²⁴ Смирнов Я. И. Восточное серебро... Табл. XVII, № 42.

²⁵ SPA. Vol. I. P. 720; Vol. IV. Pl. 240, в, с.

²⁶ Смирнов Я. И. Восточное серебро... Табл. XXIV, № 52.

²⁷ Там же. Табл. XVI.

²⁸ Там же.

4. Чаша из галереи Вальтера в Балтиморе, на которой дважды изображен царь, сидящий на троне, поддерживаемом фронтально стоящими орлами²⁹.

На названных предметах структура трона передана с достаточной четкостью в виде сравнительно узкой скамьи, подножиями для которой служат фигуры животных.

В определенной близости с перечисленной группой изделий находятся еще три художественных блюда, на которых имеются парные изображения животных (львов), принимаемых в качестве подножий трона, хотя структурная связь их с самим сиденьем передана или крайне условно, или вовсе отсутствует. Блюда эти следующие:

1. Блюдо неизвестного происхождения из Государственного Эрмитажа, на котором царь сидит на ковре. Перед царем — два льва в симметричных позах, обращенные головами в разные стороны³⁰.

2. Блюдо Тегеранского музея, найденное вблизи Казвина, с изображением царя, стоящего под аркой, у скамьи (?) неясной конструкции, впереди которой находятся изображения двух львов также в симметричных позах³¹.

3. Недавно приобретенное Государственным Эрмитажем бронзовое блюдо, на котором, как и на первом блюде, пара львов изображена в симметричных позах перед царем, сидящим на ковре³².

Бесспорная близость изображений тронов на блюдах, во всяком случае, первой группы с тронами Варахиш и Пенджикента, едва ли может быть признана случайной; в связи с этим представляется уместным остановиться хотя бы вкратце на вопросе об атрибуции этих блюд.

Большинство перечисленных блюд, как известно, признаются в науке изделиями сасанидского художественного ремесла, причем отдельные блюда связываются с именем определенного царя сасанидской династии. Но, как это также хорошо известно, основания для такой их атрибуции, по поводу которой существует, кстати, большой разбой во мнениях, весьма шаткие; в качестве примера можно указать на золотое блюдо Национальной библиотеки Парижа. На нем видели обычно изображение царя Хосрова I. Однако в недавно опубликованной специальной работе, посвященной этому блюду, автор приходит к выводу, что оно должно быть датировано временем правления последнего из сасанидских царей — Иездигерда III³³. Такую же неопределенность мы видим и в отношении других блюд. Нет надежных данных для установления места их изготовления, в связи с этим (важным для нас является вывод исследователя

²⁹ Ghirshman R. Notes Iraniennes V. Scènes de banquet sur l'argenterie sassanide // *ArtAsiae*. Vol. XVI/1–2. 1953.

³⁰ Смирнов Я. И. Восточное серебро... Табл. XXXV, № 64.

³¹ Vanden Berghe L. Archéologie de l'Irân ancien. Leiden, 1959 (Documenta et monumenta Orientis Antiqui. Vol. VI). Pl. 1959.

³² Тревер К. В. Новое «сасанидское» блюдо Эрмитажа (Из истории культуры народов Средней Азии) // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.; Л., 1960. С. 257, рис. 1.

³³ Cotteville-Giraudet R. Coupes et camée sassanides du Cabinet de France // *RAA*. T. XII/1. 1938. P. 52.

4. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии

по поводу блюда из Галереи Вальтера в Балтиморе о том, что оно может быть отнесено к изделиям одной из областей «к югу от Гиндукуша»³⁴.

Представляется, что такая деталь, как зооморфные троны, может служить в свете рассматриваемых нами памятников Варахши и Пенджикента в такой же мере веским аргументом в пользу отнесения этого блюда, как и ряда других блюд, на которых мы видим такие троны, и к областям к северу от Гиндукуша. Но как бы то ни было, действительно, на монументальных памятниках собственноручно Сасанидского Ирана, как и вообще на памятниках искусства бесспорно сасанидских, не имеется ни одного изображения трона такого типа³⁵.

Иную картину мы наблюдаем, обратившись к памятникам искусства собственноручно Афганистана и Северной Индии.

В искусстве этих стран, в первую очередь в буддийском искусстве, начиная с первых веков н. э. изображения тронов, поддерживаемых или украшенных животными, преимущественно львами, стало каноническим. Почетное звание Будды «Сакия Сиха» — Лев из рода Сакиев — было перенесено и на его сиденье «симха-сана» — львиный трон.

Среди громадного количества памятников буддийского искусства с изображениями тронов Будды³⁶ рассматриваемого нами типа можно найти очень близкие параллели и к изображениям животных на тронах Средней Азии. Важно отметить при этом, что выработанные в индийском изобразительном искусстве схемы таких тронов воспроизводились и буддийским искусством Дальнего Востока, среди памятников которого мы находим также поразительно близкие параллели к среднеазиатским тронам. Укажу, например, на точно датированную стелу из Северного Китая, на которой трон Будды поддерживается парой львиных протомов (рис. 5), очень близок к таковым на пенджикентской деревянной плахе.

³⁴ Ghirshman R. Notes Iraniennes V... P. 56.

Широко распространенное мнение о том, что в Сасанидском Иране троны царей были зооморфными, базируется едва ли не исключительно на приведенных серебряных блюдах (см.: SPA. Vol. I. P. 720; Grabar A. Trônes épiscopaux du XIème et XIIème siècles en Italie méridionale // Wallraf-Richartz-Jahrbuch. Bd. 16. Köln, 1954. P. 22 [отд. оттиск]). Однако ни на одном бесспорно сасанидском памятнике с изображением царей, сидящих на тронах, нет признаков того, что троны включали зооморфные элементы. Таковы, например, наскальные рельефы (Herzfeld E. Iran in the Ancient East. Archaeological Studies presented in the Lowell Lectures at Boston. London; New York, 1941. Pl. CXX). Что касается памятников искусства Ирана предшествующих эпох, то на них зооморфные троны известны, но при этом сама структура тронов совершенно иная, а именно — в виде кресла со спинкой, и часть еще с подлокотниками. Для парфянской эпохи таким памятником является стела, найденная в Сузах, точно датированная 221 г. н. э. (см.: Vanden Berghe L. Archéologie... P. 106, с.). Такие же троны-кресла без зооморфных подножий фигурируют на многих типах монет парфянских царей (см.: Herzfeld E. Iran in the Ancient East... P. 296, fig. 388). Такой же характер имеют и троны ахеменидского времени, множество воспроизведений которых хорошо известно (см., например: Vanden Berghe L. Archéologie... Pl. 42, b–d).

³⁵ Большое количество тронов на львах и других животных на ранних скульптурах Индии воспроизведено в кн.: Lohuizen-de Leeuw J. van. The «Scythian» Period: an Approach to the History, Art, Epigraphy and Palaeography of North India from the 1st Century B.C. to the 3rd Century A.D. Leiden, 1949. Pl. III, 3; IV, 5; X, 16; XIII, 21; XVII, 27; XIX, 31.

³⁶ Ingersoll Gatling E. A Dated Buddhist Stele of 461 A.D. and Its Connections with Yün Kang and Kansu Province // ArtAsiae. Vol. XX/4. 1957. P. 247, fig. 4.

Рис. 5. Стела из Северного Китая

Однако при несомненной близости, которую мы можем установить между изображениями зооморфных тронов на памятниках искусства Средней Азии с таковыми на памятниках буддизма, было бы неверным сделать отсюда вывод о прямой зависимости первых от последних. Следует прежде всего отметить тот бесспорный факт, что канонизация образа Будды, сидящего на зооморфном троне, имела место сравнительно поздно, а именно лишь в кушанскую эпоху. Наиболее ранним из таких памятников является скульптура, хранящаяся в Матхуре и происходящая из Катра, имеющая дату 3-го года эры Канишки, что соответствует 81 г. н. э.³⁷ (рис. 6). Остальные ранние буддийские скульптуры Индии (стиля Матхуры) имеют более позднюю дату³⁸. Но именно к этому времени в царском обиходе Кушанской династии, несомненно, уже были известны зооморфные троны. Во всяком случае, хранящаяся в музее Матхуры скульптура приписывается одному из предшественников Канишки, а именно Виме Кадфизу ($\pm 35 \pm 62$), и изображает царя сидящим на троне, поддерживаемом львами³⁹ (рис. 7). В настоящее время известны еще два памятника эпохи кушан с изображением царей, в обоих случаях показанных сидящими на зооморфных тронах. Один из них был открыт в 1952 г. в Сурх-Котале, восточнее Балха, в южной Бактрии

³⁷ Lohuizen-de Leeuw J. van. The «Scythian» Period... P. 150, pl. XIX, 31.

³⁸ Ibid. P. 150, 190 etc.

³⁹ Vogel J. Ph. La sculpture de Mathurâ. Paris; Bruxelles, 1930 (Ars Asiatica. XV). P. 22, pl. 11.

4. Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии

на территории Северного Афганистана при раскопках храмового комплекса, связанного с именем кушанского царя Канишки. Позволю себе привести описание этой структуры, данное Д. Шлюмберже, руководителем раскопок этого замечательного памятника: «Что касается горельефа, — пишет он, — то, несмотря на наличие многих деталей, остающихся непонятными и которые останутся таковыми навсегда, ясно, однако, по меньшей мере то, что он изображает персонажа, сидящего на троне, поддерживаемом животными кошачьей породы»⁴⁰. В другом месте автор приводит добавочные детали: так, различаются контуры головы, покрытой тиарой, с ниспадающими на плечи локонами. Из-за плеч видны языки пламени. Лапа животного, поддерживающего трон, изображена в фас⁴¹. Все это позволило с полным основанием Д. Шлюмберже видеть в сурх-кутальской скульптуре памятник, аналогичный скульптуре Вимы Кадфиза из Матхуры⁴².

Но едва ли не наибольший интерес для нас представляет пока неопубликованная находка в 1960 г. при раскопках городища Халчиан, расположенного вблизи города Денау, Сурхандарьинской области Узбекской ССР, терракотовой плитки, на которой изображена группа из трех лиц, причем центральная фигура сидит на троне, поддерживаемом двумя фигурами львов. Замечательно, что трон на этой плитке точно повторяет схему трона на скульптуре Вимы Кадфиза. Хотя до публикации материалов раскопок о точной дате этой терракоты не приходится говорить, но совершенно бесспорно, что она принадлежит к той же эпохе и иконографически тесно связана с названными скульптурам⁴³. Сам

Рис. 6. Скульптура Будды (Музей Матхуры)

Рис. 7. Скульптура кушанского царя (Музей Матхуры)

⁴⁰ Schlumberger D. Descendants non-méditerranéens de l'art grec // Syria. T. XXXVII, fasc. 1-2. 1960. P. 147.

⁴¹ Schlumberger D. Le temple de Surkh Kotal en Bactriane // JA. T. CCXL/4. 1952. P. 442, pl. VII, 2.

⁴² Schlumberger D. Descendants... P. 147.

⁴³ Раскопки на городище Халчиан производятся Г. А. Пугаченковой. Доклад о раскопках с демонстра-

факт находки этой терракоты на территории левобережья Амударьи, исконной метрополии кушанской державы, позволяет утверждать, что именно здесь был создан статуарный прообраз для перечисленных памятников, и в частности для формы трона.

Для темы настоящей работы большой интерес представляет то, что по своей форме трон кушанских царей — особо это хорошо видно на скульптуре Матхуры — представляет простую скамью или табурет. Появление такой упрощенной формы сиденья мы также вправе связывать с кушанской династией, в этом отношении показательным является имеющийся нумизматический материал. Наиболее раннее изображение царского трона в искусстве Средней Азии, Афганистана и Северной Индии мы видим на монетах греко-бактрийских царей, где трон четко представлен в виде кресла с высокой спинкой (рис. 8) и иногда с подлокотниками⁴⁴. Монеты наследовавших греко-бактрийским царям династий (индопарфянской и др.) (рис. 9) сохраняют эту форму трона⁴⁵. И лишь при кушанах на монетах появляется совершенно иной тип сиденья — в виде низкой скамьи (рис. 10). Любопытно отметить, что и в кушанской нумизматике на некоторых типах монет встречается еще прежний вид трона⁴⁶ (рис. 11), но он, бесспорно, уступает новому типу сиденья — скамье. Очевидно, что в данном случае унаследованная традиция столкнулась с привычками и вкусами среды, для которой прежний вид мебели был чужд. Действительно, первые цари кушанской династии, выходяцы из среды кочевых или полукочевых племен, едва ли были привычны к громоздким креслам, в их обиходе, как об этом можно судить по археологическим данным о ранних кочевнических погребениях Средней Азии, преобладала портативная деревянная легко разбираемая мебель⁴⁷. Медальерам — резчикам штампов для монет пришлось подчиниться воздействию реальной обстановки и изображать царя сидящим на привычном для него сиденье.

Обстоятельство это не осталось незамеченным в специальной литературе, правда, в связи с другим вопросом, а именно о происхождении своеобразной позы на ряде художественных блюд, на которых главные персонажи изображены сидящими в необычной для искусства Востока позе. Э. Херцфельд, посвятивший вопросу о происхождении позы этих персонажей, которых он назвал «Hockende... Gestalten», специальный экскурс, считает, что она восходит к позе царя на кушанских монетах, сидящего на низком табурете (Hocker)⁴⁸ (рис. 12). Из того, что было выше сказано, очевидно, что с последним положением немецкого исследователя мы не можем согласиться, тем более что «греко-бактрийская

ций терракотовой плитки был сделан ею на пленуме Института археологии АН СССР в Москве в апреле 1961 г.

⁴⁴ Whitehead R. B. Catalogue of Coins in the Panjab Museum, Lahore. Vol. I: Indo-Greek Coins Oxford, 1914. Pl. II, 41; III, 170, 189: VIII, 640; IX, 649, 657, 666.

⁴⁵ Ibid. Pl. XI, 217; XIII, 325, 326; XV, 1.

⁴⁶ Ibid. Pl. XIX, 236.

⁴⁷ Многочисленны образцы деревянной мебели в кочевнических погребениях, начиная с курганов Алтая V–IV вв. до н. э. (см.: Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время, М.; Л., 1953. С. 82 и др.).

⁴⁸ Herzfeld E. Die Malereien von Samarra. Berlin, 1917. S. 40–42, Abb. 25.

Рис. 8. Греко-бактрийская монета

Рис. 9. Индо-парфянская монета

живопись» отнюдь не реальный факт, а нечто проецируемое автором по наблюдениям над памятниками искусства значительно более позднего времени. Тем не менее бесспорным фактом следует считать появление именно в кушанском изобразительном искусстве этой свободной позы, которая была обусловлена, как сказано, новым видом сиденья — низким табуретом или скамьей. Именно к этому типу сиденья мы, как мне кажется, и вправе отнести в конечном счете и те троны-скамьи, которые мы видим на рассматриваемых нами памятниках искусства Средней Азии. Исторически такая преемственность традиции, учитывая общее влияние кушанской культуры, вполне закономерна. Но в интересующем нас аспекте для сохранения типа кушанского трона в Средней Азии имелся один добавочный немаловажный стимул, заключающийся в том, что правители местных династий Согда и других областей Средней Азии рассматривали себя как потомков предводителей ю-эчжей⁴⁹, т. е. тех же племен, к которым принадлежали и кушанские цари. Поэтому вполне естественно, что в этой среде традиции, касающиеся такой важной регалии, какой является трон, бережно хранились.

Рис. 10. Монета кушанского царя Вимы Кадфиза

Рис. 11. Кушанская монета

⁴⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 310.

Рис. 12. Сидящие на тронах кушанские цари (по Э. Херцфельду)

Нам остается рассмотреть разновидность трона в виде как бы сросшихся спинами фигур животных. Очевидно, что такие троны, являющиеся редуцированной формой тронов-скамей на зооморфных подножиях, более позднего происхождения, чем последние. Действительно, имеющиеся в нашем распоряжении параллели датируются временем не ранее V в. н. э. Такова упомянутая выше буддийская стела из Северного Китая, точно датируемая 461 г. н. э.⁵⁰ Еще более близкий по своей форме трон есть в известной стенной росписи грота Духтар-и-Нуширван (V в. н. э.)⁵¹ в Северном Афганистане (рис. 13).

Таким образом, привлеченный нами сравнительный материал позволяет сделать тот существенный вывод, что зафиксированные на памятниках изобразительного искусства Варахши и Пенджикента разновидности зооморфных тронов восходят к кушанским царским тронам, форма которых послужила прообразом и для изображений тронов в буддийском искусстве.

В данной работе мы не смогли затронуть вопроса о том символическом значении, которое придавалось животным, которые служили подножием для тронов. Вопрос этот подробно разработан в отношении зооморфных элемен-

⁵⁰ См. выше, рис. 5.

⁵¹ Godard A., Godard Y., Hackin J. *Les antiquités bouddhiques de Bāmīyān*. Paris; Bruxelles, 1928 (MDAFA. T. II). P. 65, fig. 25.

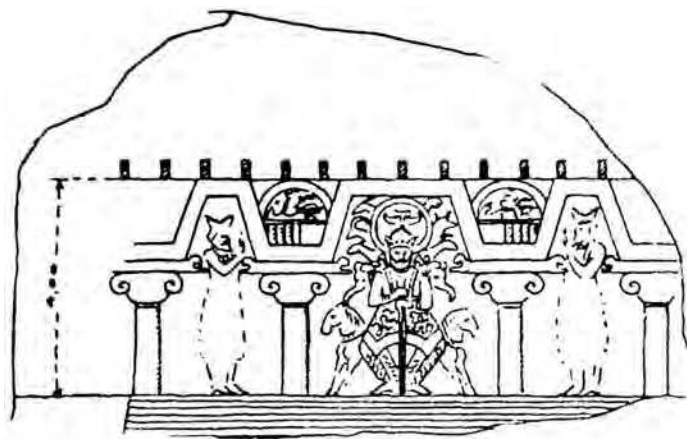

Рис. 13. Фрагмент росписи грота Духтар-и-Нуширван

тов на тронах в буддийском искусстве. В них исследователи видят олицетворения солнечного мифа, который был перенесен на образ Будды⁵². Были ли связаны с аналогичными представлениями и те животные, которых мы видим на тронах кушанских царей, а затем и более поздних среднеазиатских правителей, о которых говорят китайские хроники и которых мы видим на памятниках искусства Варахши и Пенджикента, в настоящее время с уверенностью сказать не можем. Нам кажется более вероятной связь их с пережитками тотемных представлений. Однако этот вопрос должен быть оставлен как тема для специального исследования.

⁵² См.: *Auboyer J.* Un aspect du symbolisme de la souveraineté dans l'Inde d'après l'iconographie des trônes // RAA. T. XI/2. 1937. Книга этого же автора на ту же тему — *Auboyer J.* Le trône et son symbolisme dans l'Inde ancienne. Paris, 1949 (*Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'Études*. T. 55) — осталась мне недоступной. Ср.: *Hallade M.* Arts de l'Asie ancienne. Thèmes et motifs. I: l'Inde. Paris, 1954. P. 25.

КАМЧАТНЫЕ ТКАНИ С ГОРЫ МУГ¹

А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, В. А. Лившиц

Большая роль Средней Азии на так называемом Великом шелковом пути, шедшем из Китая на Запад начиная с рубежа н. э. до средневековья, хорошо известна и часто отмечается в специальных и общих исторических работах. Установлено также, что в Средней Азии довольно рано появилось местное шелкоткачество. В настоящее время в результате археологических работ накопилось значительное число образцов тканей, найденных как на территории Средней Азии, так и в районах, издревле связанных с нею. В письменных источниках содержится большое количество данных о шелковых тканях с указанием их названий, а иногда и их характерных особенностей (окраска, характер узора и т. п.). Настоятельно встает вопрос об идентификации таких тканей, определении их названий и места их производства.

В настоящей статье делается попытка идентификации одной группы фрагментов шелковых тканей с горы Муг, найденных во время раскопок в 1933 г.

Коллекция мугских шелковых тканей, хранящаяся в Государственном Эрмитаже, состоит из 44 фрагментов. Она может быть разделена на несколько групп. Более половины их (24 фрагмента) отнесены к так называемым камчатым тканям, которые характеризуются следующими чертами²:

1. Нити утка и основы одинаковы по тонкости и цвету отлогой крутки, чуть уплощенные.

2. Все образцы исполнены тщательно, без пробросов, полотняным и киперным переплетением.

3. Плотность плетения определяется в 39–40 нитей основы, 39–40 нитей утка на 1 см².

4. Орнамент исполнен изменением полотняного переплетения, создающего фон ткани, на киперное — орнаментирующее; в исполнении орнамента участвуют уточные и основные нити.

Таким образом, выделяется большая группа одноцветных тканей, орнамент которых образован изменением вида переплетения — полотняного на киперное

¹ Первая публикация: СЭ. 1963. № 4. С. 108–119.

² *Винокурова М. П.* Камни из замка на горе Муг // ИООН. Вып. 14. 1957. С. 21; *Бентович И. Б.* Находки на горе Муг // МИА. № 66. М. 377 сл. Пользуемся случаем выразить благодарность М. П. Винокуровой за помощь в работе над настоящей статьей.

или саржевое. Наиболее распространенным и характерным является узор в виде различных ромбических розеток, расположенных в шахматном порядке. По расцветке в этой коллекции преобладают ткани синих и зеленых тонов: зеленого — 8 фрагментов, синего — 7, голубого — 2, белого — 3, красного — 2, желтого — 2.

Шелковые ткани аналогичного типа найдены в различных районах Восточного Туркестана экспедициями А. Стейна, С. Гедина и Ф. Бергмана, работавшими в начале нашего века.

Так, в хорошо датированных погребениях VII–VIII вв. вблизи Астаны (Хотан) А. Стейном среди различных памятников материальной культуры обнаружено и большое количество тканей, в том числе и фрагменты дамы (дамаска)

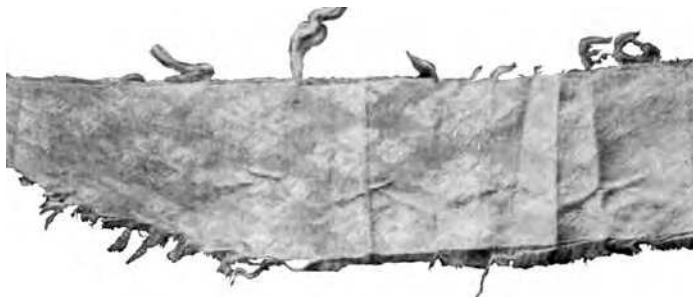

Рис. 1. Шелковая камчатная ткань с горы Муг (фрагмент СА 8958)

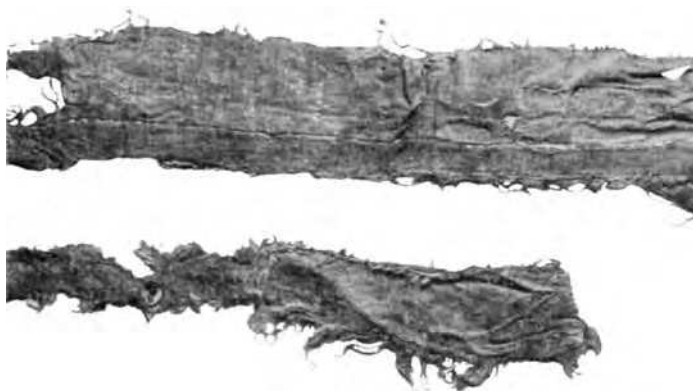

Рис. 2. Шелковая камчатная ткань с горы Муг (фрагмент СА 9172)

китайского происхождения³. Вблизи Лоуланя этим же исследователем обнаружены фрагменты дамы также китайского происхождения⁴. В районе Эдзен-гола шведской экспедицией найдены камчатные ткани, тщательно исследованные затем В. Сильван⁵.

Камчатные ткани появились в Китае в глубокой древности. Известны отпечатки шелковых тканей этого типа на культовом топоре времени XV–XI вв. до н. э.; по отпечатку шелка на сосуде этого же периода прослеживается узор киперного переплетения. В период Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.) производство камчатных тканей получает широкое развитие и распространение, в раннетанский период продолжают существовать камчатные ткани, где узор выполняется утком в саржевой технике⁶.

Некоторые исследователи делали попытки идентифицировать найденные образцы с древними китайскими названиями тканей. Так, Е. И. Лубо-Лесниченко отождествляет китайские термины *ци* и *лин* с камчатыми тканями эпохи

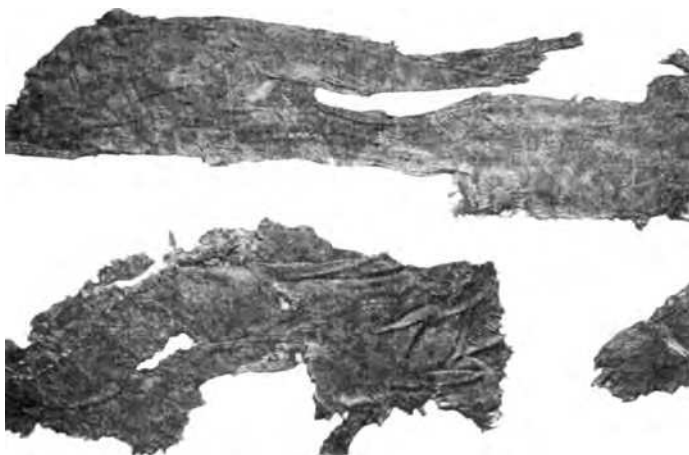

Рис. 3. Шелковая камчатная ткань с горы Муг (фрагмент СА 8955)

³ Stein A. Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Irân carried out and described under the Orders of H. M. Indian Government. Vol. III. Oxford, 1928. Pl. LXXXIV, *Ast. i. 5. a. 01. c.*

⁴ Ibid. Pl. XLIII, *L.C. iv. 01. a.*

⁵ Sylwan V. Investigation of Silk from Edsen-gol and Lop-nor, and a Survey of Wool and Vegetable Materials. Stockholm, 1949 (Reports from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish Expedition. Publication 32. VII. Archaeology. 6).

⁶ Лубо-Лесниченко Е. И. Древние китайские шелковые ткани и вышивки. Л., 1961. С. 9; Sylwan V. Investigation... Fig. 56.

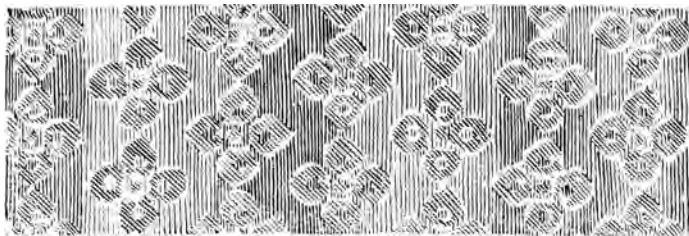

Рис. 4. Камчатная ткань из Астаны

Хань. Различие между этими тканями, по мнению автора, заключается лишь в технике исполнения узора⁷.

Русские исследователи называют эти ткани камчатыми (камка), европейские ученые придерживаются термина дама (damast).

Оба эти термина — восточного происхождения, однако взяты из европейского обихода, куда они проникли в позднем средневековье, очевидно, не ранее крестовых походов, а скорее всего лишь после монгольского завоевания. Эти названия засвидетельствованы и в Московской Руси. В XVII в. русские торговые книги называют разнообразные сорта камки, в частности, по месту выработки: бурскую, адамашку, виницейскую, горейскую, есскую (от названия г. Иезда), индейскую, кизилбашскую, китайскую, царегородскую, астрадамскую, мисюрскую и немецкую⁸.

Русское название *камка*, а также соответствующие наименования в других европейских языках (итал. *camtossa*, *camosa* — уже в XIV в.; польск. *kamcha*, *chamcha*, *kamka* — с конца XVI в.; болг. *камуха*; словенское — *katuka*, ср. также англ. *kingob*, *kincob*, *keemcob*) отражают персидское *кемхаб*, *кимхаб*⁹.

Что касается термина *дамá*, то он, несомненно, происходит от названия города Дамаска: итал. *damasco* (засвидетельствовано впервые в текстах середины XIV в.)¹⁰, франц. *damas*, нем. *damast*, англ. *damask* (это слово обозначает также сорт стали; ср. ниже с перс. *parind*, араб. *farind*); в славянских языках —

⁷ Лубо-Лесниченко Е. И. Некоторые термины для шелковых тканей в древнем Китае // ТГЭ. Т. V. 1961. С. 254.

⁸ Клейн В. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. М., 1925. С. 56.

⁹ См.: Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. I, М., 1910–1914. С. 290; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. T. I. Heidelberg, 1953. S. 514 (в качестве промежуточной формы приводятся тюркские варианты *kamka*, *qamqa* и др.); Корш Ф. Е. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. Т. VIII/4. СПб., 1903. С. 43; Korsch Th. Rez.: Mikloschich Fr. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. Wien, 1884 // Archiv für slavische Philologie. Bd. 9. Berlin, 1886. S. 51; Yule H., Burnell A. C. Hobson-Jobson: A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms, Etymological, Historical, Geographical and Discursive. New edition / Ed. by W. Crooke. London, 1903. P. 484–485.

¹⁰ Battisti C., Alessio G. Dizionario etimologico italiano. II. Firenze, 1951. P. 1206–1207.

польск. *adamaszek, damaszek* (из итальянского)¹¹, русск. *адамашка, одомашка, дамашка*¹², ср. также *дамá* (из франц.)¹³.

Насколько известно, Дамаск как место, в котором производилась особая ткань, или как название определенного вида ткани, в восточных источниках не фигурирует — термин *дамаск* в применении к ткани является чисто европейским образованием, связанным с ролью Дамаска в торговле Европы с Востоком. Судя по имеющимся материалам, в европейском и русском обиходе ни «камка», ни «дама» не имели строго ограниченного значения — они применялись первоначально к различным тканям.

Что касается современной научной литературы, то оба эти термина употребляются как синонимы для обозначения одноцветной узорчатой шелковой ткани. Таким образом, называя *камкой* или *дамá* интересующие нас ткани, исследователи, в сущности, прилагают к ним современные термины, взятые из европейской номенклатуры, создавая одновременно иллюзию того, что эти термины являются в этом значении искони восточными и что именно так эти ткани и назывались на Востоке. Во всяком случае, в литературе не ставился вопрос о том, как в действительности назывались эти ткани в древности. Попутно отметим, что европейские переводчики древних китайских текстов, как правило, не применяли эти термины. Исключение составляет Н. Я. Бичурин, который в своих переводах употребляет термин *камка*. Так, в переводе из Цянь Хань-шу, в рассказе о браке китайской царевны с усуньским Гунь-мо, говорится, что царевна «ехала в камчатной коляске»¹⁴ (как видно из примечания, это относится к верху коляски). В другом месте Бичурин применяет этот термин в переводе отрывка из Бэй-ши, владении Кан (Самарканд), где упоминается одяние местного владельца «из шитых шелковых тканей, камки и белого полотна»¹⁵. В китайском тексте, как указал нам К. В. Васильев, стоит *цзинь* — «шелковая узорчатая ткань».

Выше уже отмечалось, что в европейские языки термин *камка* проник, очевидно, из районов Ближнего Востока, вероятнее всего из Персии, где он засвидетельствован в форме *кемхаб, кимхаб* или *кимхав*. Б. Лауфер пришел к выводу, что перс. *кимхаб* восходит к китайскому слову *kim-hwa*, означающему «златотканная материя», «парча»¹⁶.

Можно предполагать, что кит. *kim-hwa*, попавшее (возможно, через посредство одного из языков Центральной Азии) в персидский, изменило свое значение: для парчи в персидских источниках употребляется обычно наименование *даба* (известное уже в сасанидское время, ср. арабизованную форму *дибадж*).

¹¹ Słownik staropolski. T. III/3 (16). Wrocław; Kraków; Warszawa, 1961. S. v.

¹² Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896. С. 4.

¹³ Толль Ф. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. I. СПб., 1863. С. 785.

¹⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 196 и примеч.

¹⁵ Там же. С. 271.

¹⁶ Laufer B. Loan-Words in Tibetan // T'P. 2nd Ser. Vol. XVII/4–5. 1916. P. 477–478; *idem*. Sino-Iranica: Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran. With Special Reference to the History of Cultivated Plants and Products. Chicago, 1919 (Publications of Field Museum of Natural History. Anthropological Series. Vol. 15/3). P. 539.

Имеющиеся в настоящее время данные письменных источников позволяют поставить вопрос о действительном наименовании камчатной ткани на Ближнем Востоке и в Средней Азии в домонгольский период.

На Ближнем Востоке название этой ткани впервые засвидетельствовано в арабских источниках, где оно выступает (вследствие искажений в рукописях) в различных написаниях. Видимо, уже первоначально оно произносилось *кимхав* или *кимхав*, как оно широко известно, по преимуществу в Персии, и в позднейшее время.

Наиболее раннее упоминание камки, насколько можно судить, датируется достаточно точно: это название отмечено в стихотворении неизвестного арабского поэта, посвященном событиям в Багдаде в 835 г. при халифе Мутасиме. В этом году в Багдаде вспыхнуло движение зуттов (арабизованного индийского племени)¹⁷. По словам Табари, «их поэт» сложил интересующее нас стихотворение; в нем говорится, между прочим, о тех группах, к которым зутты тщетно обращались за помощью. Среди них были, как их называет поэт, «одевающиеся в китайскую камку (в тексте *кмхан* чит. *кмхав*), которая (как бы) выточена»¹⁸. Близкие по времени упоминания этой ткани мы находим у арабского географа Ибн-Хордадбега в его сочинении «Книга путей и государств», написанном в Багдаде между 846–886 гг. Говоря о товарах, идущих по Восточному морю, он пишет, что из Китая приходит среди других шелковых тканей и *камхав* (или *кимхав*)¹⁹. В отрывке к «Романа об Александре» тот же Ибн-Хордадбек говорит о походе Александра против Китая, который закончился согласием китайского императора уплатить дань шелковыми тканями, в том числе 500 тысячами кусков *камхава*²⁰.

Из других ранних арабских сочинений отметим упоминание этой ткани у Ибн ал-Факиха, согласно которому византийский император послал в дар сасанидскому царю «большой шатер из *камхава*»²¹. Наконец, упоминание этой ткани имеется в сочинении ас-Саалиби «Латаиф ал-Маариф», написанном в конце X или в начале XI в. Говоря о Китае, Саалиби пишет между прочим, что у китайцев имеется погребенная ткань, у которой рисунок скрыт (по другой рукописи: «то скрывается, то обнаруживается»), называемая *ал-кимджар*²² (чит. *кимхав*).

Приведенные известия, наиболее раннее из которых восходит к первой половине IX в., вполне определенно связывающие название шелковой ткани *кимхав* (*кимхав*) с Китаем, подтверждают высказанное Б. Лауфером мнение о китайском происхождении этого термина. Вместе с тем пояснения, которые сопровождают упоминания этой ткани у арабских авторов, несомненно говорят о том, что эта ткань к парчовым не имела отношения. Уже эпитет «выточенный»

¹⁷ Мюллер А. История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. Т. II. СПб., 1895–1896. С. 213 сл.

¹⁸ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879–1901 (далее — Tabari). Ser. III. P. 1169. Ср. ниже.

¹⁹ BGA. Ps. VI. P. 70; Laufer B. Loan-Words... P. 477.

²⁰ BGA. Ps. VI. P. 263.

²¹ BGA Ps. V. P. 137.

²² 'Abd al-Malik ibn Muḥammad Tha'ālībī. Laṭā'if al-ma'ārif / Ed. by P. de Jong. Lugduni Batavorum, 1867. P. 128.

خرط, который мы встречаем у безымянного поэта, к парчовым тканям (кстати, имевшим вполне устойчивое название в арабском языке — *ад-биба* или *ал-дибадж*) не мог быть применен. Он должен относиться к узору на тканях, причем к узору, сделанному не при помощи разноцветных нитей. Реальное значение он может иметь только одно, а именно узор, сделанный особой техникой тканья; в этом отношении следует признать, что поэт передает особенность, присущую технике узора камки, весьма удачно²³.

Можно предположить, что поэт использовал обиходный народный эпитет — мы встречаемся с этим термином и позже у Фирдоуси, едва ли знавшего стихотворение багдадского поэта. Но еще более определенно именно эта особенность узора ткани *кимхаб* выражена в пояснении, которое дает Саалиби. По его словам, это китайская ткань, «у которой рисунок “то скрывается, то обнаруживается”». Это может относиться только к узорам интересующего нас вида тканей.

Таким образом, мы видим, что на Ближнем Востоке уже в IX в. была известна китайская ткань под названием *кимхаб*, которую по техническим ее особенностям мы вправе идентифицировать с камкой в современном понимании слова. Однако, анализируя сообщения арабских источников, нельзя не отметить редкость упоминания в них термина *кимхаб*. Примечательно, что мы не встречаем в ранних источниках этого названия в связи со Средней Азией. Приведенное выше сообщение Ибн-Хордадбега дает основание думать, что в арабском мире в IX в. термин *кимхаб* стал известным благодаря морской торговле с Китаем.

Вместе с тем некоторые из названных авторов в сообщениях о китайских тканях приводят еще одно название, которое с китайской номенклатурой не имеет никакой связи.

Так, у Ибн-Хордадбега говорится: «а то, что привозится из Китая по Восточному морю — шелк (ал-харир), ал-фаринд и ал-кимхаб»²⁴. В его же отрывке из романа об Александре помимо 500 000 кусков *кимхаба* упомянуты также один миллион кусков *фаринда* и столько же *шелка* (харир).

У Саалиби текст, приведенный выше, предвьяется словами: «а у них (китайцев) производится превосходный *фаринд*...»

Из ранних авторов, сообщающих о торговле с Китаем, следует отметить упоминания *фаринда* у ал-Джахиза в его интересном справочнике о торговле, составленном в начале 60-х гг. IX в. Здесь сообщается: «из Китая привозят ал-фаринд и шелк (харир)...»²⁵. Во всех этих сообщениях наше внимание привлекает сейчас термин *ал-фаринд*. Другие названия (харир, *дибадж*) по своему значению не вызывают сомнения. Что касается слова *фаринд*, то на него, насколько известно, до сих пор не обращалось должного внимания исследователями истории тканей. Однако именно этот термин, как мы увидим, представляет особенно большой интерес для ранней истории среднеазиатской (а также

²³ В связи с. этим эпитетом небезынтересно отметить, что исследователи китайского шелко-ткачества связывают технику камчатного тканья со скальными барельефами и техникой орнаментации известного вида китайских зеркал (так называемого типа D), где гладкий рельефный рисунок делается на шероховатой поверхности (*Sylwan V. Investigation... P. 106*).

²⁴ BGA. Ps. VI. P. 70.

²⁵ La Revue de l'Académie arabe. Revue de l'Académie Arabe. Damas, 1932. No 5–6. P. 341.

и ближневосточной вообще) торговли шелком и шелкоткачества. Для Средней Азии прежде всего весьма важно упоминание фаринда в анонимном географическом сочинении «Худуд ал-Алам», связанном в первую очередь со среднеазиатским культурным миром. Здесь о фаринде говорится следующее: «Из Китая вывозится много золота, шелка (харир), паринд, китайский хавхир (?) и дибба (парча)»²⁶. С названием *паринд* мы встречаемся и в исторических сочинениях, касающихся непосредственно Средней Азии, прежде всего в хронике Табари, главным нашим источником для времени арабского завоевания.

Первое из этих сообщений датируется 101 г. х. = 719/720 г. н. э. и связано с теми событиями, которые привели в конечном счете к разрушению крепости на горе Муг. В антиарабском движении согдийцев 720–722 гг. видную роль играл Карзандж, правитель Фая (селение около современного Катта-Кургана). Его судьба, как и Деваштича, оказалась трагичной: вместе со своим отрядом Карзандж попал в плен к арабам. В связи с этими событиями Табари приводит следующий любопытный рассказ. Уже будучи пленником и не сомневаясь в ожидавшей его участи, Карзандж обратился к арабскому военачальнику с просьбой послать к своему племяннику Джиланджу за новыми шароварами, объясняя это желание тем, что он не хотел бы умереть в рваной одежде. А это было условным знаком между Карзанджем и его племянником, обозначавшим сообщение о его предстоящей смерти. «И когда, — продолжает автор хроники, — был послан человек за шароварами, он (Карзандж) взял кусок зеленого фаринда, разорвал его на куски и повязал ими головы своих шакиров (воинов)»²⁷.

Другое сообщение датируется 737 г. Речь идет о Курсуле, кагане тюркешей, который в этом году возглавлял антиарабское выступление в Средней Азии. В хронике Табари дается следующее описание его одежды: «На нем были штаны из дибаджа, украшенные кругами, и плащ из фаринда, обшитый каймой из дибаджа»²⁸. Третье сообщение относится к 40-м гг. VIII в. Здесь сообщается о том, что эмиссары Аббасидов скупали в Хорасане разные товары, в том числе и фаринд²⁹.

Названная в приведенных сообщениях ткань *фаринд* — то же, что и *паринд* в «Худуд ал-Алам». Это слово хорошо известно в персидской литературе. Оно продолжает пехлевийское (среднеперсидское) *pring*, которое, в свою очередь, является заимствованием из согдийского. История этого слова детально исследована В. Б. Хеннингом, показавшим широкое его распространение в ряде языков как Центральной Азии, так и Переднего Востока³⁰. В согдийских текстах, как установил В. Б. Хеннинг, *pring* обозначает монохромную шелковую ткань.

²⁶ Худуд ал-Алам. Рукопись Туманского с введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930. Л. 13-а. Ср.: Там же. Л. 30-а.

²⁷ Tabari. Ser. II. P. 1445. Ср. сообщение китайских источников (Тан-Шу): «От города на реке Суй-ши (Токмака) и до царства Кеш [жители] одеваются в шерстяные ткани; они обязывают вокруг лба кусок шелковой ткани» (Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. St.-Petersbourg, 1903 [Сборник трудов Орхонской экспедиции. VI]. P. 120).

²⁸ Tabari. Ser. II. P. 1690.

²⁹ Ibid. P. 1962.

³⁰ Henning W. B. Two Central Asian Words // Transactions of the Philological Society. 1945. London; Hertford, 1946. P. 150–157.

В изданных до сих пор согдийских текстах были отмечены три разновидности этой ткани: *kr'wtk pr'yunk* «темно-синий принг», *'smn'n'ynwn kr'wtk pr'yunk* «светло-синий (или «голубой») принг» и *sp'utyu prung* «белый принг» (*sp'utyu prung n'wδn'* «одежда из белого принга») ³¹. Четвертый вид этой ткани — «зеленый принг» — упоминается в одном из неопубликованных до сих пор согдийских документов, найденных в развалинах крепости на горе Мут. Это — документ В-16, письмо (на китайской бумаге), адресованное Афаруну, правителю селения Хахсар (два фарсаха от Самарканда) ³², вассалу пенджикентского государя Деваштича. Как и подавляющее большинство других документов мутского собрания, письмо В-16 относится к периоду 708–722 гг. Текст документа (см. рис. 5) гласит:

- (1) 't βyw ywβw RBch 'nwth MN wyspn'cy 'nwtu 'msy'tr γ'ysrcw ywβw pr'wn
- (2) pyšt MN γypδ kstr 100 RYPW myk βntk
- (3) ryw'kk ptškw'n'h ZY βyy ZKn RBprn γrβy
- (4) nmčyw rtkδ tyw 'yw βyy ywβw pr prnw šyr'kk
- (5) ZY wyzc't škwy rtβy 'zw βntk mrty ZKw srw
- (6) nwš'kw myn'm rtβy c'nkwy mδy wš'tym rtβy ZKw βyw γypδ'w'ntw rm
- (7) RBk' šyr'n'm ptγwštδ'rm rtmy ZKw'h m'ny przr RBk' yws'ntyh
- (8) 'krty rtβy ZKn tw' ZKn ³³ βyy ³⁴ wyn w'nkwy cyšty m'tym ZY βyw MN prtr
- (9) wyn'tw rtβy tδy 'yš'y"δ š'ykny' w'yyzw rtβy tyw γ βyy tδy
- (10) L' m'tyš rtβy nys cytyδ pyδ'r 'kw βyw s'r ptškw'n'h p [w]st[k] rtβy
- (11) pršyw ZKn ttwr ³⁵ z'tk δsty pnc 'wz'r zrywn'k pr'ynk
- (12) mnt ZY ZKw βyw MN [p]rtr wyn'n
- (13) ³⁶ [t' βyw ywβw RBch 'nwth MN wyspn'cy] y 'nwtu 'msy'tr γ'ysrcw
- (14) [ywβw pr'wn MN γypδ kstr 100 RYPW] myk β[n]tk ryw'kk ptškw'n'h

Перевод:

- (1) Господину, государю, великому оплоту, величайшему из всех оплотов, хахсарскому
- (2) государю Афаруну — отправлено ³⁷ от его презренного, ничтожнейшего («миллионного») раба
- (3) Ревака послание, и, господин (тебе), великославному, много
- (4) почтения, и если ты, господин, государь, во славе благополуным
- (5) и благоденствующим ³⁸ пребываешь, то, господин, я, холоп («рабский человек»), себя

³¹ Тексты Р 3 ¹²⁸, 146 и М 137 II, см.: *Henning W. B. Two Central Asian...* P. 151.

³² См.: Йакүт. II. 385–386 (Хахаср вместо Хахсар); ас-Сам'ани. Л. 183-b; см.: *Barthold W. Turkestan down to the Mongol Invasion*. 2nd ed. / Transl. from the Original Russian and Revised by the Author, with the Assistance of H. A. R. Gibb. London, 1958 (GMS. NS. Vol. V). P. 125.

³³ Дописано сверху.

³⁴ Дописано сверху.

³⁵ От первого знака сохранились лишь слабые следы.

³⁶ Стк. 13 и 14 написаны в обратном направлении по отношению к остальному тексту.

³⁷ Ср. *pyšt* «отправлено» в согдийских «Старых письмах» (начало IV в. н. э.).

³⁸ *wyzc't* связано, по-видимому, со словом *'zcy't* «благополучный, хорошо живущий», засвидетельствованным в документах В-18 и Nova 2 и объясняемым И. Гершевичем из авестийского *hujuāti* = «хорошо живущий».

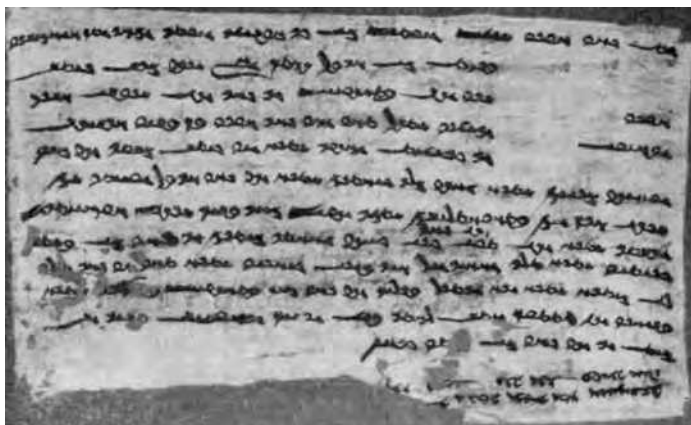

Рис. 5. Документ В-16 с горы Муг

(6) считаю счастливым («бессмертным»)³⁹. И, господин, когда мы прибыли сюда, то, господин, о тебе («господине»), владыке,

(7) я выслушал великую похвалу⁴⁰, и (это) мне⁴¹ огромную радость

(8) доставило. И, господин, встреча с тобой, господином⁴², так меня захватила⁴³ — снова тебя («господина»)

(9) как бы мне увидеть!⁴⁴ И, господин, к тебе в государев дворцов⁴⁵ я спустил-ся⁴⁶, но тебя, господина, там

(10) не было. И, господин, вот об этом тебе (я отправил) письмо. И, господин,

(11) я послал через сына Агура (?) пять, (штук) плотной⁴⁷ зеленой⁴⁸ шелковой ткани —

³⁹ Ср. «Старые письма». II, стк. 4–5; 'XRZY ZNH ɣɣwɪh nɔʃkw muɪ'm «тогда считаю я себя счастливым (буквально «бессмертным»)». Ср. также «Старые письма». III, стк. 3–4.

⁴⁰ Буквально «с великим одобрением».

⁴¹ «Моему разуму».

⁴² Букв. «лицезрение тебя, господина».

⁴³ cʏʃty, mʏtʏm — «я стал взятным», «меня захватило»; «мне захотелось», ср. согд. ptcxš-, pɔcxš- «принимать», «получать».

⁴⁴ wɪnɪ'w — 1 л. ед. ч. прекатива от wɪp- «видеть».

⁴⁵ 'ɣʃ'ɣ'δ s'ɣkɪɪ. Речь идет либо о резиденции Афаруна в Хахсаре, либо о дворце Деваштича в Пенджикенте, где Афарун бывал, конечно, не раз. Слово 'ɣʃ'ɣ'δ, впервые засвидетельствованное в согдийском, связано с 'ɣʃ'ɣ- «править, повелевать» и поразительно напоминает древнеперсидское xšāraβiua- «царский», «царь» (согд. 'ɣʃ'ɣ'δ = xšāraθ).

⁴⁶ w'ɣʊzw- 1 л. ед. ч. имперфекта от 'wɣʊz- «спускаться, приходить» (медио-пассив к 'wɣz- «спускаться»).

⁴⁷ wɣz'ɣ «тугой, плотный» (?), ср. wɣzg- «несгибаемый», «негнувшийся».

⁴⁸ zɣwɪn'k «зеленый», авестийское zairi. gaona.

(12) до тех пор, пока я вновь увижу тебя («господина»).

(13) [Господину, государю, великому оплоту], величайшему из [все]х оплотов, хахсарскому

(14) [государю Афаруну от его презренного, ничтожай]шего раба Ревака — послание.

Этимологически согдийское *pring*, как показал В. Б. Хеннинг⁴⁹, восходит к древнеиранскому **ura-ringa-*, букв. «(украшенный) знаками», «узорчатый»: ср. авестийское *Нартō. iringa-* «созвездие Большой Медведицы», букв. «Семь знаков». Во всех случаях употребления *pring* в согдийских текстах ясно, что речь идет о монохромной шелковой ткани; этимология слова указывает на то, что ткань — узорчатая. Именно таковы те образцы тканей, которые могут быть охарактеризованы как *pring*.

Как уже было отмечено, согдийское слово *pring* в период первого тысячелетия н. э. получило широкое распространение на территории Центральной Азии, в районах, лежащих на трассах Шелкового пути, контролировавшегося согдийцами. Наиболее ранним является упоминание этого слова в пракритских документах (письмом кхарошти), найденных в районе Нийя и относящихся к периоду I–III вв. н. э. В двух из этих документов (№ 316, 318) говорится о ткани *prigha* — пракритская форма согдийского *pring*; в док. № 319, стк. 6, упоминается *śpeta prigha* «белый *pring*», ср. *spytyu prung* в согдийском манихейском тексте⁵⁰. Из согдийского название ткани проникло и в центральноазиатские памятники санскрита (примечательно, что в памятниках санскрита, происходящих с территории самой Индии, этого слова, насколько известно, нет, как нет его и в других индийских языках) — *rgṅga* в тексте *Mahāvaiyutpatti* (232, 26); в китайской версии это слово, объясняется как *цай-цзюань*, где *цай* — «пестрый шелк», *цзюань* — «тонкий шелк», «тафта»; в тибетском санскр. *rgṅga* объясняется как *dar-ri-mo-can* — «шелк, украшенный фигурами»⁵¹.

Согдийское *pring* проникло и в иранские языки Западного Ирана. Оно отмечено в манихейских среднеперсидских текстах в сочетании *pring* и *parnagān* (*prung w prng'n*) — «монохромные и полихромные, шелковые ткани», в пехлевийских текстах — *parand ud parniyān*, соответствующем новоперсидскому *parind* (вариант *parand*) и *parniyān*. Оба эти слова были заимствованы и в семитские языки: *parind*//*parand* (из согд. *pring*) дало арабское *farind*//*birind*; среднеперс. **parnikān*, *parnagān*, *parniyān*, перс. *parniyān* отразилось в арабском *barnakān*, евр. *parnagān* — «*est sericum Parnaginum optimum*»⁵².

В новоперсидском (персидском, таджикском) языке, в памятниках домонгольского периода *piring* и *parind*//*parand* выступают еще как два варианта одного слова (переход -ng в -nd отмечен В. Б. Хеннингом в персидском и в ряде других слов), причем первоначальное значение этого слова — то же, что и в сог-

⁴⁹ Henning W. B. Two Central Asian... P. 156–157.

⁵⁰ См.: Lüders H. Textilien im alten Turkestan // APAW. Jhg. 1936. Nr. 3. 1936. S. 29–30; Burrow T. A Translation of the Kharosthi Documents from Chinese Turkestan London, 1940 (James G. Forlong Fund. Vol. XX). P. 59; Henning W. B. Two Central Asian... P. 150–151.

⁵¹ См.: Lüders H. Textilien... S. 30.

⁵² Henning W. B. Two Central Asian... P. 153.

дийском — одноцветная узорчатая шелковая ткань. Это значение выступает совершенно четко в «Шахнаме» Фирдоуси, а также у других ранних поэтов.

Так, у Фирдоуси (X–XI вв.):

Меня шах Ирана послал в Индию,
И (чтобы) я отправился в Китай за китайским *париндом*;
Владыка Ирана, Турана и Индии,
Благодаря его сиянию мир уподобился
румасому (византийскому) *париндуу*.

У поэта Фаррухи (XI в.):

Когда луг оделся в светло-зеленый *паранд* (= покрылся зеленью).
Вершины гор покрылись семицветным *парнийаном*
(= засверкали всеми красками).

Встречается несколько видов *паринда*: зеленый, фиолетовый, черный, светло-синий, пурпурный и др., причем во всех таких случаях, несомненно, речь идет об одноцветной шелковой ткани.

В то же время довольно рано (уже с X–XI вв.) наблюдается и смешение понятий *паринд* и *парнийан*, так что оба эти термина обозначают шелковые ткани как монохромные, так и полихромные. Подробный анализ всех оттенков употребления этих названий в персидских текстах (главным образом поэтических) выходит за рамки данной статьи. Для нас важно лишь подчеркнуть, что, во-первых, первоначально название *принг*//*паринд*, араб. *фаринд* обозначало одноцветную узорчатую ткань, причем выполненную в определенной технике («скрытый» узор); во-вторых, что название это — согдийское.

Особый характер узора ткани *паринд* явился причиной применения этого названия и для обозначения определенного вида стали. Речь идет о дамастированной стали. *Паринд* в этом значении широко употреблялся уже у ранних персидских поэтов, в том числе у Фирдоуси.

О стали *фаринд* и ее особенностях исчерпывающие данные мы находим у знаменитого хорезмийского ученого Бируни в его «Минералогии» (раздел «О железе»)⁵³. Говоря о способах варки стали (*фулада* — булата) из различных видов железа, Бируни пишет: «Плавка [этих видов железа] в тигле проводится последовательно и между ними не происходит полного [химического] слияния, а частицы их располагаются вперемешку, так что каждая в отдельности ясно видна по их двум [различным] оттенкам; называется [этот вид стали] *фаринд*». В качестве иллюстрации Бируни приводит ряд отрывков из стихотворений ранних арабских поэтов; в отрывке из Ибн-Мутаза (род. в 861 г.) говорится:

Пятью пальцами руки он держит острую
Сталь, на поверхности которой точно веснушки.

⁵³ Беленицкий А. М. Глава «О железе» минералогического трактата Бируни // КСИИМК. Вып. XXXIII. 1950. С. 141.

[Это] — чистое железо, и точно шлифовщик
Нанес на нем резьбою *фаринд*.

Название *фаринд* с его синонимом *джаухар* выступает в двустиих мало-известного поэта Абу л-Хаула ал-Химйари:

Фаринд и *джаухар*, растекающиеся словно вода источника
По обоим сторонам меча.

Любопытно отметить, что средневековые мастера наряду с термином *фаринд* применяли и *паринд*, придавая ему особый оттенок, хотя это несомненно одно и то же слово. Так, Бируни пишет: «Говорит ал-Бахили в “Китаб ас-силах” (“Книга об оружии”): “*фаринд* — разводы, которые бывают на поверхности мечей, а *паринд* — блеск, в котором *фаринд* создает переменчивые оттенки”».

Бируни специально выделяет *фаринд* йеменских мечей, который, по его словам, «волнистый, с одинаковыми светлыми (букв. “белыми”) узлами на красном или зеленом (“сером”?) поле».

По словам Бируни, *фаринд* в Хорасане называется и *джаухар*, причем *джаухар* исчезает при нагревании и шлифовке. Сталь *фаринд* шла прежде всего для изготовления мечей. Не останавливаясь на ряде технических деталей обработки таких мечей, отметим лишь описание собственно рисунков на них. «Из новизнностей *джаухара*, — пишет Бируни, — имеются такие, рисунок которых тонок как муравьиная дорожка, и такие, рисунок которых груб и расплывчат, и в нем можно видеть различные фигуры, какие возникают случайно из облаков, или какие образует вода, растекающаяся по земле». Бируни сравнивает их с полосчатыми рисунками на ониксе. Интересно отметить, что, по мнению Бируни, именно под влиянием знакомства русов с восточными мечами, с *фариндом*, русы изобрели особый сорт стали с «удивительными рисунками», которые получались у них на клинках соответственно желанию мастеров, тогда как рисунки на стали *фаринд* получались случайными.

* * *

Приведенный материал говорит о том, что в Средней Азии уже в древности существовал особый термин для обозначения камчатных тканей — согдийское слово *принг*, в персидском языке давшее *паринд* или *фаринд* и другие производные варианты. В арабском мире в связи с морской торговлей с Китаем начиная с IX в. с этим термином стало соперничать название *кимхаб* китайского происхождения, которое первоначально в среднеазиатский обиход не проникло. Однако позже, видимо после монгольского завоевания, слово *кимхаб* полностью вытеснило *паринд* и распространилось вплоть до европейских стран.

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИНДИИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ¹

А. М. Беленицкий

Археологические исследования и литература, освещающая экономические, политические и культурные связи народов Средней Азии с народами Индии с древних времен, раскрывают предпосылки, которыми объясняются эти связи. Они обуславливались в значительной мере тем движением народов с севера на юг, проходившим через территорию Средней Азии, начало которого восходит к эпохам еще доклассового общества и также хорошо известным в историческое время. Это движение, по словам В. В. Бартольда, «не могло не отразиться на сближении (среднеазиатской. — А. Б.) с индийской культурой»².

Задача настоящей статьи — показать конкретное отражение этих связей в области изобразительного искусства в период становления феодальных отношений в Средней Азии в VI–VIII вв. Накопленный материал уже весьма значителен, и охватить его полностью в статье, естественно, нет возможности³. Мы рассмотрим лишь некоторые произведения монументального изобразительного искусства, открытые на территории Средней Азии в последние десятилетия.

Но прежде чем приступить к их рассмотрению, необходимо сделать следующие замечания. Когда говорят об Индии, имеют в виду в основном северную часть Индостанского п-ова и прилегающие к ней территории современного Афганистана к югу от Гиндукуша. Районы к северу от этого горного барьера в древности вместе с южными районами Средней Азии составляли единую культурную область в продолжение многих веков, известную под названием Бактрия —

¹ Первая публикация: КСИА. Вып. 98. 1964. С. 33–42. Эта статья представляет собой доклад на группе иностранной археологии ЛОИА АН СССР 13 февраля 1963 г.

² Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 10.

³ По вопросу о культурных связях Средней Азии с Индией по данным памятников изобразительных искусств см.: Шишкин В. А. К вопросу о древних культурных связях Средней Азии с другими странами и народами // Материалы второго совещания археологов и антропологов Средней Азии. М.; Л., 1959. С. 22–23; Ставинский Б. Я. О международных связях Средней Азии в V — середине VIII в. (в свете данных советской археологии) // ПВ. 1960. № 5. С. 114–116.

в античную пору или Тохаристан — в средние века. Таким образом, постоянные связи с Индией этой области определялись и географическим положением — непосредственной общностью границ. Но помимо территориальной близости были и особые факторы, содействовавшие культурным взаимоотношениям между Индией и Средней Азией. Из них весьма большое значение придается миссионерской деятельности буддистов, оказавшей влияние и на развитие изобразительного искусства. Однако реальная история распространения буддизма на территории Средней Азии изучена крайне слабо. Некоторые исследователи полагают, что начало распространения буддизма в Бактрии восходит еще к III в. до н. э.⁴, что едва ли подтверждается достоверными источниками. Другие склонны связывать проникновение буддизма с образованием кушанского государства⁵.

Если обратиться к археологическим памятникам, которые безоговорочно можно считать буддийскими, то наиболее ранние из них датируются едва ли раньше начала нашей эры и встречаются лишь в районе Термеза⁶.

Открытые совсем недавно в некоторых пунктах Средней Азии буддийские храмы позволяют говорить о том, что в периферийных районах Средней Азии буддизм был распространен значительно позднее, по крайней мере, вплоть до исламизации населения после арабского завоевания⁷.

Сложнее обстояло дело в центральных районах Средней Азии, в особенности в долинах рек Заравшана (Согд, Бухара), Кашка-Дарьи (Кеш) и среднего течения Сырдарьи (Чач), где пока достоверных остатков буддийских культовых сооружений археологами не вскрыто⁸. Для этих районов мы вынуждены ограничиться письменными источниками.

Первое прямое сообщение о буддизме в Согде принадлежит хронике VI в., согласно которой во владении Кан (Согд, Самарканд) поклоняются Будде. Это же сообщение повторено и в другой хронике⁹. Но уже рассказ о посещении путешественником Сюаньцзаном Самарканда (630 г. н. э.) рисует положение в совершенно ином свете. Бывшие здесь монастыри буддистов фактически не функционировали, а население относилось к буддистам враждебно¹⁰. Другой

⁴ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940 (Памятники культуры и искусства в собрании Эрмитажа. I). С. 24.

⁵ Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 199; Ср.: Бартольд В. В. История культурной жизни... С. 10 сл.

⁶ Массон М. Е. Скульптура Айртама // Искусство. М., 1935. № 2. Ср.: Тревер К. В. Памятники... С. 29 и др. (см. указатель к словам «Айртам», «Термез»).

⁷ Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. Т. II. 1959. С. 155 сл.; Зяблин Л. П. Второй буддийский храм Акбешимского городища. Фрунзе, 1961; Булатова-Левина В. А. Буддийский храм в Куве // СА. 1961. № 3. С. 241 сл.

⁸ Остатки каких-то сооружений, первично обследованных Л. И. Альбаумом в долине р. Саназар к северу от Самарканда и определенных им как руины буддийского храма едва ли можно считать таковыми (Альбаум Л. И. Буддийский храм в долине Саназара // Доклады Академии наук Узбекской ССР. Ташкент, 1955. № 8).

⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 272, 281.

¹⁰ Бартольд В. В. История культурной жизни... С. 11.

путешественник начала VIII в., Хай-Чао, сообщает, что учение Будды в Согде неизвестно, и только в Самарканде был один буддийский монастырь с одним монахом¹¹.

Факт исчезновения буддизма подтверждается и анализом произведений монументального изобразительного искусства изучаемого периода, открытых на территории центральных районов Средней Азии. В них мы действительно не находим данных, которые говорили бы о непосредственной связи их с буддизмом как с религиозной системой.

Между тем понять эти памятники без привлечения художественного наследия Индии, и в первую очередь буддийского искусства, разобраться в их истоках мы не можем.

Таким образом, мы как будто оказываемся перед лицом явно противоречащих друг другу положений. С одной стороны, мы не имеем основания связывать интересующие нас произведения искусства с буддийским, а с другой — в такой же мере мы вынуждены при их анализе постоянно обращаться к индийскому искусству. Однако в действительности положение не столь противоречиво, как это может показаться на первый взгляд. На помощь нам приходят археологические открытия в последнее десятилетие на территории Афганистана и южной Средней Азии. Речь идет о раскопках, произведенных в местности Сурх-Котал (Северный Афганистан) французским археологом Д. Шлюмберже¹² и в Хонакоте на территории Сурхандарьинской области (Южный Узбекистан) — Г. А. Пугаченковой¹³. Оба эти памятника принадлежат одной эпохе и датируются приблизительно первыми двумя веками нашей эры. Открытые в Сурх-Котале памятники искусства послужили Д. Шлюмберже основанием для радикального пересмотра существовавших взглядов на так называемую гандхарскую, или греко-буддийскую школу, которая рассматривалась как главная, если не единственная, школа искусства этого времени. Основной важный для нас вывод, к которому пришел исследователь, заключается в том, что понятие греко-буддийского, или гандхарского, искусства не охватывает полностью искусство этой эпохи, что параллельно с ним развивалось и другое направление, связанное с местными традициями. Сейчас, конечно, еще рано определять все особенности этого течения. Главное, что его отличает от современного ему буддийского искусства, — это, условно говоря, его светский характер, или, по выражению Д. Шлюмберже, «династический» характер, а также то, что оно отражает и другие, не буддийские, местные верования. Это искусство не было отгорожено непродолимой стеной от буддийского. Несмотря на очевидную общность стилистических приемов, характерных для всей эпохи, по характеру своих сюжетов это искусство обладало определенной спецификой и независимостью от буддийских

¹¹ Fuchs W. Hui-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726 // SPAW. Jhg. 1938. XXX. 1938. S. 452.

¹² Schlumberger D. Descendants non-méditerranéens de l'art grec // Syria. T. XXXVII, fasc. 1–2. 1960.

¹³ Пугаченкова Г. А. Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН УзССР в 1960 г. // ОНУз. 1960. № 3. С. 66 сл.; ср.: она же. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна // ВДИ. 1962. № 2. С. 88 сл.

сюжетов. Впрочем, и в этом отношении приходится делать оговорку: по сюжетной линии могло быть и определенное взаимовлияние. Нам представляется весьма удачным и обозначение этого искусства кушанским¹⁴. На наш взгляд, без учета этих особенностей искусства кушанского времени понять ход дальнейшего развития среднеазиатского искусства невозможно, так же как невозможно понять характер связующих элементов с собственно индийским, в том числе и гандхарским, искусством.

Среди памятников изобразительного искусства Средней Азии, датируемых достаточно точно в пределах VI–VIII вв. н. э., важное место по праву принадлежит живописи замка Балалык-тепе (Сурхандарьинская область Узбекской ССР). В одном из помещений на трех стенах сохранились крупные фрагменты замечательной по своей красочности сцены пиршества, в которой принимает участие множество мужчин и женщин. Открывший этот памятник Л. И. Альбаум справедливо подметил в них много элементов или, по его словам, «моментов», общих с росписями одного из гротов Бамиана (в Афганистане), где представлена сцена подношения даров перед изображением Будды и других буддийских святых¹⁵. Элементы сходства с буддийской живописью Бамиана ограничиваются, однако, лишь отдельными особенностями одежды, украшений и других внешних деталей. Но в целом сюжет росписей Балалык-тепе в буддийском искусстве не находит параллелей.

Очевидно художники, расписывавшие стены в этом небольшом замке, следовали другому, хорошо им известному прообразу, созданному в более крупном, вероятно, столичном центре, в апартаментах царского дворца. Показательны аналогичные сцены пиршества на стеновых росписях древнего Пенджикента¹⁶. Особо интересны пиршественные сцены в помещении I объема VI, в которых центральное место занимают персонажи в царских коронах¹⁷. Вместе с тем в Пенджикенте есть и другие сходные сцены пиршества, в которых участвуют и представители военно-феодалной верхушки¹⁸, как и в росписях Балалык-тепе, и представители высшего купечества¹⁹. К сожалению, мы не можем указать на более ранние образцы с таким же сюжетом. Но вполне светский характер сцен заставляет вспомнить художественную резную кость Беграма, датируемую раннекушанским временем. Замечательные в своем роде, эти произведения (почти не привлекавшие внимания советских исследователей)

¹⁴ Schlumberger D. Descendants non-méditerranéens...; ср.: Кошеленко Г. А. Культура Парфии в современной зарубежной литературе // ВДИ. 1962. № 3. С. 166 сл.

¹⁵ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960. С. 171.

¹⁶ По всему тексту данной книги название этого всемирно известного археологического памятника дается в форме «Пенджикент» (как это принято в русскоязычной научной и научно-популярной литературе, начиная с конца 1950-х гг.), тогда как в 1940-е и 1950-е гг. оно в основном писалось как «Пянджикент». Исключения составляют лишь библиографические описания публикаций, в заглавиях которых это слово написано через букву «я» в первом слоге. — *Примеч. ред.*

¹⁷ Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. Табл. XXXVI, XXVIII, XXXIX.

¹⁸ Там же. Табл. IX, X.

¹⁹ О живописной сцене пиршества, участниками которой являются знатные купцы, см.: Белецкий А. М. Отчет о раскопках в Пенджикенте в 1961 г. (в печати).

демонстрируют как раз мощную светскую струю в изобразительном искусстве эпохи, правда, выраженную главным образом в специфическом дворцово-гаремном аспекте²⁰.

Говоря о дворцовом изобразительном искусстве Средней Азии, нельзя также не упомянуть скульптуру и живопись Топрак-кала (Хорезм)²¹, хотя фрагментарность сохранившихся на этом памятнике остатков не позволяет говорить о целых композициях и сюжетах.

С рассматриваемой нами точки зрения весьма интересны широко известные стенные росписи так называемого «Красного зала» дворца Варахши. На стенах зала в разных вариациях повторяется одна и та же тема борьбы сидящего верхом на слоне царя-охотника с дикими зверями или фантастическими существами²². В. А. Шишкин, анализируя живопись «Красного зала», указывает прежде всего на ее связь с индийским искусством. По его словам, «весь облик всадников на слонах с несвойственной им легкой одеждой и украшениями как бы срисован с росписей Аджанты»²³. Это наблюдение верно. Но вместе с тем аналогию для всего сюжета мы не находим ни в Аджанте, ни в другом буддийском памятнике.

Тема охоты в реалистическом своем преломлении и в мифологическом (эпическом) отражении, несомненно, должна была пользоваться популярностью в придворных кругах царей Кушанской династии и зависимых от них владетелей. Отражение эта тема нашла, между прочим, и в упомянутой выше художественной резной кости Беграма, причем объектами охоты были и фантастические животные²⁴, хотя всю трактовку варахшинской живописи поставить в прямую связь с беграмской резной костью нельзя. Но что бесспорно следует признать специально индийским заимствованием — это саму идею охоты верхом на слонах. Такой способ охоты в Средней Азии едва ли когда-нибудь был распространен. Отметим одновременно, что и в пенджикентских росписях неоднократно встречается изображение слона, хотя сюжетно и не связанное с темой охоты²⁵.

Многочисленные нити связывают стенные росписи Пенджикента с искусством Индии и Афганистана по сюжетной линии и по признакам стиля. Не останавливаясь здесь на уже изданных памятниках Пенджикента, при публикации которых на это обстоятельство указывается постоянно²⁶, позволю себе подробнее рассмотреть интересный фрагмент живописи, открытый в 1962 г. (рис. 1). Содержание его таково: в обрамлении арки, опирающейся на две колонны, изображена группа, состоящая из трех мужских фигур. Центральное место занимает обнаженная фигура танцора в полный рост, в динамической позе.

²⁰ Hackin J. et al. Nouvelles recherches archéologiques à Bégram (1939–1940). Paris, 1954 (MDAFA. T. XI). Planches.

²¹ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 176 сл.

²² См.: Шишкин В. А. Варахша (Предварительное сообщение о работах 1949–1953 гг.) // СА. Т. XXIII. 1955. С. 113 сл.

²³ Шишкин В. А. Варахша: АДД. Ташкент, 1961. С. 27.

²⁴ Hackin J. et al. Nouvelles recherches... Fig. 104–106.

²⁵ Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. Табл. XII, XVIII.

²⁶ Дьяконов М. М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. С. 147 сл.; Беленицкий А. М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. С. 49, 57 и др.

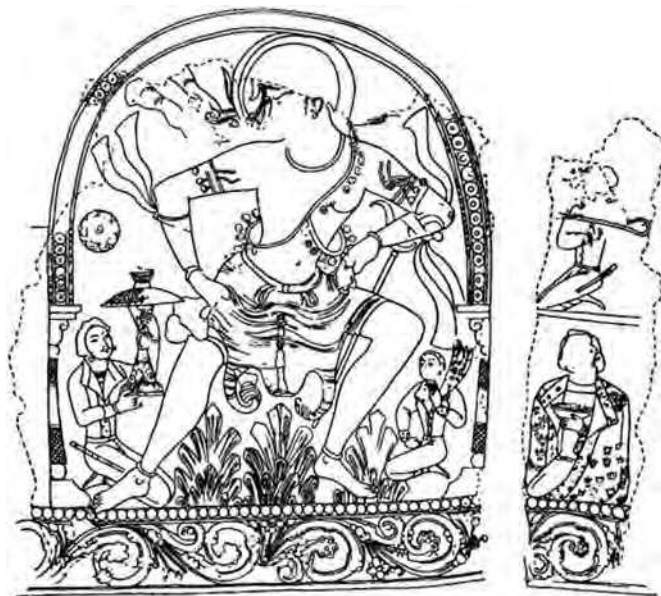

Рис. 1. Стенная роспись. Пенджикент. Объект VII. Раскопки 1962 г.

Бедра его покрыты шкурой полосатого зверя, вероятно тигровой; руки и ноги украшены браслетами, шея — гривной. Развевающиеся ленты, которыми повязаны руки и головной убор, подчеркивают стремительность движения. С плеч свисают, спускаясь по туловищу, шнуры с бубенцами. Изображение головы, к сожалению, сильно повреждено. Сохранился частично нимб и следы языков пламени над плечами. Слева, позади фигуры, находится предмет в виде дву- или трезубца. По обеим сторонам у ног танцующего в сильно уменьшенном масштабе изображены две коленопреклоненные фигуры; одна из них держит в руках жертвенник, а другая — предмет, напоминающий ритон. На переднем плане между колоннами — геометризированные изображения акантовидных листьев. Справа за аркой, на встречной стене, сохранился фрагмент живописи в два яруса. На нижнем мы видим также коленопреклоненного мужчину с чашей в руках, лицом обращенного к арке. К сожалению, живопись верхнего яруса сильно пострадала. Однако художнику П. И. Кострову удалось выявить контуры еще одной человеческой фигуры с музыкальным инструментом в руках. Вполне очевидно, что игра музыканта должна служить сопровождением танца центрального персонажа под аркой.

В этой росписи привлекает к себе особое внимание то, что фигура танцора — главного персонажа композиции — окрашена в синий цвет, особо резко контрастирующий на светло-красном фоне росписи. Такая необычная окраска тела в живописи Пенджикента уже встречалась в помещении 8 объекта VI, открытом еще в 1952 г.²⁷ Плохая сохранность росписи не позволила автору полностью понять и весь сюжет. Очевидно, главная фигура была также представлена в момент танца. На основании аналогий из росписей Восточного Туркестана автор счел возможным объяснить эту фигуру в качестве персонажа дионисийского культа²⁸. Несравненно лучшая сохранность живописи, открытой в 1962 г., позволяет предложить более близкую параллель. Вероятно, что этот образ возник под определенным влиянием иконографии Шивы²⁹. Так, именно это божество изображается очень часто танцующим, отсюда и его эпитет *pataraja* — «танцующий царь». Одеждой Шивы служит шкура тигра или другого хищного животного; в качестве постоянного атрибута — трезубец, излюбленное оружие индийских воинственных божеств. Для нас очень интересна легенда, согласно которой Шива в детстве выпил змеиного яда, его шея посинела, и поэтому одним из его постоянных эпитетов стал *nilocantha*, т. е. синешей.

Необходимо отметить, что указанные признаки отнюдь не исчерпывают атрибутов этого божества в собственно индуистической иконографии. Они, очевидно, и не главные. Шива еще изображается многоруким, трехглазым, с ожерельем из черепов, обвитый змеями, и с другими атрибутами, которых мы на пенджикентской росписи не видим³⁰. Тем не менее и те из них, которые нами выше отмечены, позволяют предположить, что пенджикентские художники при создании публикуемой композиции отталкивались от образа Шивы. Живописные воспроизведения этого божества в раннем искусстве Индии, близкие по времени пенджикентским росписям, мне не известны. Что касается скульптурных изображений Шивы, то они обладают многими близкими пенджикентской росписи чертами. Было бы, однако, неверно утверждать, что «синий человек» пенджикентской живописи передает канонический образ индуистического божества. Тем более нет основания предполагать, что это изображение — свидетельство наличия в Пенджикенте почитателей культа Шивы. Перед нами, очевидно, пример основательной переработки заимствованного художественного образа независимо от культового, религиозного его содержания.

В такой же мере, как и живопись, близкую связь с индийским искусством демонстрирует и скульптура Средней Азии рассматриваемых веков, наиболее

²⁷ Скульптура и живопись... Табл. IX.

²⁸ Там же. С. 39 сл.

²⁹ Такая интерпретация «синего человека» на фрагменте живописи Пенджикента, открытого в 1953 г., была предложена Н. В. Дьяконовой вскоре после ознакомления с оригиналом в Ленинграде. Позже она свои соображения по этому поводу изложила в статье: Дьяконова Н. В. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода // ТГЭ. Т. V. 1962. С. 264.

³⁰ Об иконографии Шивы см: *Copinatha Rao T. A. Elements of Hindu Iconography. Vol. II. Pt. 1. Madras, 1916. P. 9, 39.*

важные памятники которой найдены при раскопках Варахши (штук) и Пенджикента (глина и дерево).

Весьма интересный для нашей темы памятник Варахши — это выполненная в штуче скульптурная фигура птицы-женщины, так называемой сирены или сирина в средневековом русском искусстве. Этому памятнику В. А. Шишкин посвятил специальную работу³¹. Как и весь замечательный резной штук, остатки фигуры сирены обнаружены не *in situ*, а в виде фрагментов в свалке. Остается не выясненным, была ли первоначально одна фигура или же их было две. Это обстоятельство имеет существенное значение, поскольку от этого зависят истолкование образа и установление прототипа. Находка двух аналогичных фантастических фигур (выполненных в глине) в Пенджикенте (рис. 2), позволяет разрешить вопросы с большей определенностью, чем это сделано в упомянутой работе В. А. Шишкина. Фигуры сирен Пенджикента были найдены также не *in situ*, однако в обстановке, позволяющей восстановить их первоначальное местонахождение. Они обнаружены в погибшем от пожара небольшом помещении типа домашней часовенки. В таких помещениях главным элементом интерьера служит очажная площадка у одной из стен, обрамленная приставной к стене глиняной нишей, образованной двумя колонками с арочным перекрытием³². В помещении, о котором идет речь, арка ниши была украшена орнаментальной глиняной лепниной. Несомненно, фигуры сирен украшали арку и находились или в тимпанах, или же под аркой. Но как бы то ни было, именно парное изображение сирен под аркой или по бокам ее характерно для искусства Индии и Афганистана и встречается очень часто, начиная от знаменитых ступ Санчи и Бхархаты (I в. до н. э.)³³ и до гротов Бамиана³⁴ включительно.

Не приводя здесь других примеров, отметим, что изображения такой пары сирен мы находим и в резной кости Беграма³⁵. Нет недостатка и в упоминаниях этих мифических существ в буддийской письменности, в которой они фигурируют в качестве мужской и женской пары под названием Кинара и Кинари³⁶. Поэтому кажется неубедительным отождествление В. А. Шишкиным этих существ с птицей хумо³⁷ персидского эпоса, для чего, кстати, не приводятся данных ни из памятников письменности, ни изобразительного искусства.

С большой наглядностью прослеживается связь с индийским искусством в скульптурной панели айвана второго храма Пенджикента, открытой в 1953 г.

³¹ Шишкин В. А. К вопросу о древних традициях в народном искусстве Узбекистана // Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института. Вып. 1. Ташкент, 1947. С. 33 сл.

³² Об этом типе помещений см.: Воронина В. Л. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества // Архитектурное наследство. М., 1957. № 8. С. 120, рис. 4.

³³ Grünwedel A. Buddhistische Kunst in Indien / Unter Mitarbeit von R. L. Waldschmidt völlig neugestaltet von E. Waldschmidt. T. I. Berlin, 1932. Abb. 55, 57.

³⁴ Godard A., Godard Y., Hackin J. Les antiquités bouddhiques de Bâmiyân. Paris; Bruxelles, 1928 (MDAFA. T. II). P. 21, fig. 6, pl. XXII.

³⁵ Hackin J. et al. Nouvelles recherches... Fig. 100.

³⁶ Ольденбург С. Ф. Гандхарские скульптурные памятники // Записки Коллегии востоковедов. V. Л., 1925. С. 175 и далее.

³⁷ Шишкин В. А. Варахша: АДД. С. 23.

Рис. 2. Глиняная скульптура
(1 и 2). Пенджикент. Объект XV.
Раскопки 1960 г.

Наиболее характерные фигуры панели — макара и тритон — широко известны в искусстве Индии³⁸. Отметим лишь, что особо близкие параллели названных фигур дают памятники Беграма, в том числе и беграмская резная кость.

Связи с индийской художественной культурой отражаются и в такой замечательной отрасли пенджикентского изобразительного искусства, как деревянная скульптура. Открытия в Пенджикенте сейчас не оставляют сомнений в том, что эта отрасль искусства была исключительно широко развита и популярна. Это же признается исследователями и в отношении Индии³⁹. Для Индии, так же как и для Средней Азии, есть и прямые указания письменных источников⁴⁰. Но собственно памятников деревянной скульптуры в Индии интересующего нас времени и более ранних периодов до нас почти не дошло, что объясняется разрушительным действием на изделия из дерева климата Индии. Таково же и положение в Средней Азии. Резное дерево Пенджикента сохранилось в обуглившемся состоянии в тех зданиях, которые погибли от пожара. Поэтому в большинстве своем они дефектны и фрагментарны. Тем не менее во многих

³⁸ Скульптура и живопись... С. 73 сл.

³⁹ Smith V. A. A History of Fine Art in India and Ceylon from the Earliest Times to the Present Day. Oxford, 1911. P. 364.

⁴⁰ Beal S. Si-yu-ki: Buddhist Records of the Western World / Transl. from the Chinese of Hiuen Tsiang (A.D. 629) by S. Beal. Vol. I. London, 1884. P. XXIX; *idem*. The Life of Hiuen-Tsiang by the Shaman Hwui Li / With an Introduction Containing an Account of the Works of I-tsing, by S. Beal. With a preface by L. Cranmer-Byng. London, 1914. P. 47.

случаях сохранились превосходные произведения, художественная ценность которых неоспорима⁴¹.

Позволю себе остановиться подробнее на одном из наиболее замечательных памятников резного дерева, открытом в 1960 г. и полностью не изданном. Это крупный фрагмент плахи длиной около 2 м при ширине 0,6 м (рис. 3). Лицевая поверхность обработана рельефной резьбой в виде двух неодинаковых по ширине ярусов. На нижнем, более узком ярусе (ширина 0,2 м) изображено шествие крылатых львов, на верхнем (ширина 0,4 м) помещены три композиции, каждая из которых заключена внутри полукруглой арочки. К сожалению, одна из композиций (крайняя слева) не поддается дешифровке. Остальные две хотя и повреждены, но их содержание вполне ясно. Сюжетом одной из них служит изображение небесной (?) фигуры, сидящей на троне в виде двух сросшихся спинами зверей⁴². Для нас главный интерес представляет композиция внутри второй арки, где помещена человеческая фигура, сидящая в колеснице, запряженной двумя вздыбленными конями, обращенными головами в разные стороны. Вся трактовка композиции позволяет утверждать, что перед нами изображение небесного светила — солнца. Этот сюжет, как известно, широко представлен в искусстве многих стран — античной Греции, Византии, Ирана. Однако пенджикентский памятник находит наиболее близкие параллели в живописи и скульптуре Индии. Таковы изображения солнечной колесницы в скульптуре Бод-Гайи (I в. до н. э.)⁴³ и Хайр-Ханэ (V в. н. э.)⁴⁴ и в живописи Ба-миана (V в. н. э.)⁴⁵.

Наконец, отметим, что в индийском искусстве мы находим и близкие параллели изображению шествия крылатых львов на нижнем ярусе пенджикентской плахи. Скульптурный диск из Бхархута мне кажется особенно близким нашему памятнику⁴⁶.

Приведенными выше примерами далеко не исчерпываются факты, свидетельствующие о близких связях изобразительного искусства Средней Азии и Индии в VI–VIII вв. н. э. Мы намеренно остановились преимущественно на тех из них, которые говорят, по нашему мнению, о существовании давнишней, вполне определенной общей традиции в искусстве этих стран. Однако это не значит, что такие связи определялись тогда только общностью художественной традиции. В этом отношении показательна находка на городище древнего Пенджикента в 1957 г. фрагмента крупного глиняного сосуда с надписью индийским шрифтом нагари. Надпись прочерчена по сырой глине до обжига сосуда, т. е., несомненно, сделана на месте. И сама надпись, и сосуд датируются началом

⁴¹ Скульптура и живопись... С. 85.

⁴² Эта композиция послужила предметом специальной работы, в которой указываются и параллели в индийском изобразительном искусстве. См.: *Беленицкий А. М.* Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии // ИООН. 1962. Вып. 1. С. 17, рис. 3.

⁴³ *Grünwedel A.* Buddhistische Kunst... Abb. 27.

⁴⁴ *Hackin J., Carl J.* Recherches archéologiques au col de Khair-Khaneh près de Kâboul. Paris, 1936 (MDAFA. T. VII). Pl. XIV.

⁴⁵ *Godard A., Godard Y., Hackin J.* Les antiquités bouddhiques...

⁴⁶ *Bénisti M.* A propos de «La Sculpture de Bharhut» // AAs. T. V/2, 1958. P. 135, fig. 9

Рис. 3. Резное дерево. Пенджикент. Объект VII. Раскопки 1960 г.

VIII в. Ее сделал, очевидно, индус, находившийся в Пенджикенте. Едва ли вызывает сомнение то, что и согдийцы в это время посещали Индию. Цели, которые преследовались при этом и индусами и согдийцами, могли быть самыми разнообразными. В результате этого живого общения возникло и взаимное знакомство с художественными достижениями каждой из стран.

Обсуждение доклада. В нем принимали участие сотрудники ЛОИА и Государственного Эрмитажа: А. М. Мандельштам, Н. В. Дьяконова, Б. И. Маршак, Т. В. Грек и Б. Я. Ставиский. Были предложены уточненные датировки привлеченных в качестве аналогий памятников искусства (беграмской резной кости, скульптуры Сурх-Котала). Отмечено, что в отдельных случаях следует говорить не о зависимости памятников Средней Азии от памятников Индии или наоборот, а об общем генезисе религиозных представлений, породивших их. Было также указано на возможность интерпретации некоторых фигур на рассматриваемых росписях Пенджикента в качестве представителей разных народов Средней Азии и на необходимость привлечения терракот при анализе памятников монументального искусства.

О «РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ» В ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

А. М. Беленицкий

Проблема рабовладельческой формации на Востоке в последние годы стала темой оживленных дискуссий как в советской исторической литературе, так и в коммунистической печати зарубежных стран. Проблеме этой справедливо придается помимо теоретического весьма актуальное значение в связи с настоятельной необходимостью разработки истории бывших колониальных стран, ставших ныне независимыми².

В обсуждении этой проблемы представители среднеазиатской историко-археологической науки, к сожалению, не приняли участия, хотя в свое время вопросам, связанным с ней, уделялось ими большое внимание. По существу вопроса в среде историков и археологов разногласий не имеется. Общепринятой является концепция (схема) о смене общественных формаций в историческое время с достаточно определенными хронологическими рамками для каждой из них. Длительность рабовладельческой формации определяется приблизительно в целое тысячелетие с середины I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. Аргументы и факты в пользу этой концепции приведены в «Истории таджикского народа», в которой этому вопросу посвящен особый раздел³. Автор раздела собрал имеющиеся в источниках сведения, говорящие о том, что в древности среднеазиатское общество знало институт рабства. С этим едва ли приходится спорить. Однако имеющиеся факты не дают никакого представления о роли рабов в процессе классовообразования. Представляется, что сторонники теории о рабовладельческой формации в античной Средней Азии при анализе сведений письменных источников не учли главного экономического фактора в истории классовообразования, классовой дифференциации общества. Речь идет о форме (едва ли не самой важной) отчуждения

¹ Первая публикация: КСИА. Вып. 122. 1970. С. 71–76.

² См.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966; Античное общество: Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967; Шено Ж. Дискуссия о раннеклассовых обществах на страницах журнала «La pensée» // Вопросы истории. М., 1967. № 9; и др.

³ История таджикского народа. Т. I. М., 1963. С. 464 сл.

прибавочного продукта у производящего слоя населения, нашедшей свое выражение во взимании регулярных податей-налогов.

В истории среднеазиатских народов взимание податей впервые засвидетельствовано в ахеменидское время. Первые реальные сведения о том, что с основных земледельческих областей Средней Азии, как-то: Согд, Бактрия, Хорезм и др. — взималась постоянная подать, как известно, приводятся Геродотом, который связывает свое сообщение с административной реформой Ахеменидского царства, проведенной Дарием, а именно делением всего государства на сатрапии. Можно считать, однако, что подать эта была введена до Дария, поскольку Гаумата (Лжебардия), захвативший власть в государстве до воцарения Дария, объявил о снятии налогов на три года⁴. Исчислялись они в талантах и взимались как драгоценным металлом, так и в натуре, продуктами. О том, какова была организация и в каком размере взималась подать с населения — с земледельцев и скотоводов, — данных нет. Геродот называет подать «форос». В ахеменидской практике подать носила название «базиш». Этимологически слово это восходит к понятию «часть», в глагольной форме «делить»⁵. Очевидно, что налог взимался в виде определенной части от урожая, от величины стада. Однако какова была эта доля, не установлено. Общий же размер налоговых изъятий, учитывая уровень производительных сил страны, следует признать весьма большим. Он равнялся для основных областей Средней Азии, по Геродоту, в весовом исчислении 910 талантам серебра, т. е. более чем 30 000 килограммов — сумма, безусловно, очень большая⁶. В этой установленной при Ахеменидах практике взимания регулярной подати следует видеть и начальную ступень в сложении института земельного налога-ренты, который на всем протяжении древней и средневековой истории народов Ближнего Востока, меняясь по названию и по размерам, становится основной формой эксплуатации общинного крестьянства вплоть до Нового времени.

Именно эта практика взимания регулярного налога имела решающее значение, как нам представляется, для всего процесса классообразования; она лежит в основе классовой дифференциации общества, являясь основным фактором в процессе поляризации реальных классовых групп общества с особыми противоположными друг другу экономическими интересами.

Мы мало знаем о подлинной организации налогового аппарата в сатрапиях Ахеменидского государства. Известно лишь, что сами сатрапы назначались из числа приближенных к царю лиц, в ряде случаев из числа ближайших родственников. Известно и то, что при сатрапах имелись военные гарнизоны. Однако ничто не говорит о том, что для непосредственного управления, в том

⁴ Вопрос этот подробно исследован М. А. Дандамаевым. См.: Дандамаев М. А. Иран при персидских Ахеменидах (VI в. до н. э.). М., 1963. С. 147 сл.

⁵ Налоговая система при Ахеменидах в советской исторической науке исследована подробно рядом авторов. О размере налогов-податей см.: История таджикского народа. Т. I. С. 206 сл. Из последних исследований см.: Пьянков И. В. Восточные сатрапии державы Ахеменидов в сочинениях Ктесия: АКД. М., 1966. С. 5 сл. О термине «базиш» см.: Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Bd. I. Halle (Saale), 1947. S. 148.

⁶ См. предыдущее примеч.

числе и для сбора налогов с населения, входившего в состав сатрапий, был создан особый бюрократический аппарат. Можно считать бесспорным, что громоздкое дело обложения налогом и сбор его были переданы в руки уже существовавших органов: общин, племен и более крупных объединений. Именно верхушка должна была войти в непосредственный контакт с сатрапами и их окружением. Двухсотлетнее владычество Ахеменидов было достаточным для того, чтобы весь характер взаимоотношений между этой общинно-племенной (условно говоря) верхушкой с производящими слоями населения, с одной стороны, и с собственно аппаратами власти сатрапий — с другой, претерпел глубокие изменения.

Яркой иллюстрацией этих перемен и их характера могут служить факты, характеризующие начальный и последний периоды владычества Ахеменидов в Средней Азии. На начальном этапе, уже в 520–518 гг. до н. э., через десять с небольшим лет после завоевания страны Киrom, имеют место такие антиахеменидские движения, как известные восстания в Маргиане, Парфии и среди племен саков. Во главе этих восстаний, как показали исследования В. В. Струве, стояли представители общинно-племенной верхушки⁷. Для конца же ахеменидского владычества господствующая верхушка местного населения, имена которой нам известны⁸, представляется теснейшим образом связанной с ахеменидской властью, фактически образуя с ней единый господствующий слой общества. Экономической базой для такой консолидации (если не слияния) интересов ахеменидской власти и местной верхушки и служила система налогов, ставшая основным инструментом эксплуатации общинников-крестьян и скотоводов. Здесь необходимо отметить, что нельзя рассматривать налоговую систему как единственный канал, по которому протекал процесс слияния местной верхушки с господствующим слоем Ахеменидской державы. Очень важным фактором в этом процессе явилось то, что Ахемениды привлекали в состав своих войск значительные воинские контингенты из местного населения. Об этом имеется достаточно много сведений в источниках, начиная от Геродота и до авторов, описывающих походы Александра Македонского⁹.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на истории развития этих процессов в постлахеменидское время и вынуждены ограничиться лишь указанием на некоторые моменты. Так, известно, что Александр Македонский в своей политике сближения с местной верхушкой общества, в сущности, продолжал политику ахеменидских царей, только в еще более четких формах. Продолжать эту политику были вынуждены и цари Греко-Бактрийского государства, поскольку собственно греческие элементы, на которые они могли бы опираться, были весьма ограничены¹⁰. Для Парфянского царства, занимавшего период почти в полтысячелетия, в качестве важного факта, свидетельствующего

⁷ Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I // ВДИ. 1949. № 2. С. 27 сл.

⁸ Как, например, Спитамен, Оксидарт, Сизимитр и др. О них подробно см.: История таджикского народа. Т. I. С. 236 сл. Большинству их связь с Ахеменидами не помешала позже перейти на сторону Александра.

⁹ История таджикского народа. Т. I. С. 208 сл., где имеются ссылки на первоисточники.

¹⁰ Вопрос этот подробно рассмотрен в работе: *Altheim F. Weltgeschichte Asiens...* S. 269 сл.

7. О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии

о рабовладельческом характере общественного строя, приводятся сообщения Юстина и Плутарха о рабских контингентах в составе войска знаменитого полководца Сурена в битве при Каррах¹¹. Аргумент этот крайне уязвим, поскольку говорит об использовании рабов не в хозяйственной сфере. В данном случае уместно напомнить о роли рабской гвардии, так называемого гулямства, в Средней Азии и других странах Ближнего Востока в средние века. Гулямство не только не может рассматриваться как антагонистичный класс по отношению к господствующему классу, но, наоборот, являлось опорой последнего. Особый интерес представляют нисийские документы (остраконы), характеризующие дворцовое хозяйство парфянских царей, поскольку они уже рисуют реальные черты налогообложения и в определенной мере земельные отношения в Средней Азии в античное время (на рубеже н. э.). Нельзя не отметить то обстоятельство, что эти хозяйственные документы, принадлежавшие дворцовой канцелярии, вовсе не упоминают рабов. Они относятся к поступлениям с земель по линии налогов и одновременно характеризуют разветвленный слой чиновников, связанных с их взиманием¹².

Если сопоставить все факты о земельных и налоговых отношениях древности с данными средневековья, то мы без труда установим, что основа их одна и та же. И хотя можно оспаривать как слишком прямолинейное сопоставление В. В. Бартольдом представителей знати владетелей «скал» времени походов Александра Македонского с дехканами — землевладельческой аристократией периода арабского завоевания¹³, генетически мы имеем дело с одним и тем же социальным слоем общества. Сторонники концепции о рабовладельческой формации приводят и ряд косвенных аргументов. Таким аргументом является утверждение о том, что без применения массового рабского труда нельзя себе представить в условиях Средней Азии сооружение крупных оросительных систем, городских укреплений и т. п. трудоемких работ. Особенно на этом настаивают археологи¹⁴. Это соображение едва ли подтверждается фактами.

Гораздо более вероятным является предположение о том, что такого рода работы могли производиться в порядке трудовой повинности — института, который исторически был введен в Средней Азии вместе с податями при ахеменидском владычестве. Для западных областей Ахеменидской империи у нас имеется об этом положительное свидетельство источника. Так, согласно известной строительной надписи на золотой пластине из Суз, при постройке дворца такие трудоемкие работы, как изготовление кирпича, выполнялись по разverstке жителями Вавилона, доставка леса — ассирийцами, кузнечные работы —

¹¹ История таджикского народа. Т. I. С. 469 сл.

¹² Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы. М., 1960.

¹³ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 192.

¹⁴ См., например: Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // ТХАЭЭ. Т. II. 1958. С. 100 сл.; Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // ТЮТАКЭ. Т. V. 1955. С. 37 сл.

ионийцами¹⁵. Мы вправе себе представить, как это осуществлялось на практике. По указу царя сатрапы направляли в столицу соответствующие контингенты работников, что едва ли шло по линии обращения их в рабское состояние. Исключительно интересное сообщение в этом плане сохранил известный арабский историк Табари для времени арабского завоевания. Когда в 726 г. наместник Хорасана решил отстроить город Балх, он распределил работников для постройки по каждому округу в «соответствии с размером причитающегося с данного округа хараджа (земельного налога)»¹⁶. Едва ли сам наместник придумал такую систему. Скорее всего это было традиционной системой трудовой повинности, которая издревле практиковалась. Эта система, как это хорошо известно, сохранилась и до Нового времени¹⁷.

В качестве специально археологического аргумента в пользу концепции рабовладельческой формации археологи Средней Азии указывают на расцвет городов в античное время и что именно упадок городов в конце античности знаменует собой кризис рабовладельческой формации и переход к новой, феодальной формации¹⁸. Однако анализ собственно археологических данных показывает, что заключения, сделанные на основе первичных разведок, до производства раскопок в достаточном для обоснованных выводов объеме, малоосновательны. В тех же случаях, когда раскопками удалось вскрыть более или менее значительную территорию памятника, они показали полное несоответствие предполагаемой картины с реальностью (раскопки Калала-гыра, Кой-Крылган-Калы, Древнего Пенджикента). Надо отметить, что история городской культуры Средней Азии в целом весьма слабо исследована. Последние археологические работы в Южной Туркмении показали, что уже в эпоху бронзы можно говорить о возникновении городской цивилизации, о «городской революции»¹⁹. Изучение роли городов в истории классовобразования — одна из назревших проблем историко-археологической науки в Средней Азии.

Общий вывод: при современном состоянии письменных и археологических источников по истории Средней Азии нет никаких данных, говорящих в пользу существования «рабовладельческой формации» в марксистском понимании этого термина. На всем протяжении исторических периодов рабство играло в основном роль паразитарного нароста, задерживавшего поступательное развитие социально-экономического строя общества. Следует учесть и слова

¹⁵ *Altheim F. Weltgeschichte Asiens...* S. 145 sq.

¹⁶ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari* / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879–1901. Ser. II. P. 1695.

¹⁷ *Иванов П. И.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1968. С. 122, 162 сл. Разумеется, практика трудовой повинности не исключала и применения рабского труда. О наличии значительных контингентов рабов в среднеазиатских ханствах до русского завоевания хорошо известно. См.: там же. С. 125 и др.

¹⁸ О кризисе городской жизни см.: *История таджикского народа*. Т. I. С. 420, где приводятся соответствующие ссылки.

¹⁹ *Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА. 1967. № 3: он же. К вопросу о «городской революции» // ТД четвертой сессии по Древнему Востоку. М., 1968. С. 15–16.

В. И. Ленина о том, что рабы являлись пешками в руках господствующих классов²⁰. В истории Средней Азии это нашло особо яркое воплощение в роли рабской гвардии (гулямства).

Более конкретные исследования форм зависимости в докапиталистических обществах²¹ и постановка во главу угла тезиса о том, что «марксистская философская мысль подразумевает под общественно-экономической формацией общество в целом, всю сумму общественных явлений на определенной ступени развития»²², помогут преодолеть схематизм существующей концепции, бесспорно мешающий подлинному изучению исторического прошлого народов Средней Азии.

Обсуждение доклада. Все выступавшие признали правильным и своевременным постановку поднятых в нем дискуссионных вопросов. Б. В. Андрианов сказал, что о древних социально-экономических отношениях нужно судить по количественным показателям; нужно выяснить, было ли земледелие орошаемым, каковы были трудовые затраты на строительство оросительных систем, на полеводство и в зависимости от этого решать, какие группы населения были заняты в той или иной области. Археологический материал должен быть использован для установления трудовых затрат на единицу поливной площади.

В. А. Лившиц выступил с сообщением о новых данных письменных источников для обозначения термина «раб». Он отметил, что Ахеменидская империя не была единой ни в экономическом, ни в культурном отношении, но общность административной системы была значительна, и это повлияло и на жизнь народов Средней Азии. Судя по мутским документам, двор князя Диваштича был своеобразным «слепком» с двора «царя царей». Парфянские документы из Нисы (I в. до н. э.) указывают на то, что в державе Аршакидов в восточных областях продолжали жить институты податной системы ахеменидского времени.

В хорезмийских документах содержатся списки домов-семей, в которых указаны только лица мужского пола. Здесь перечисляются свободные члены семьи, рабы домовладыки и рабы членов его семьи. Наиболее употребительное обозначение раба — «хун», для рабыни — «хунана». Это наследие тех времен, когда хорезмийцы сталкивались с хуннами. До арабского завоевания «хун» имело значение «раб-иноплеменник». В этой связи В. А. Лившиц считает, что для раба-одноплеменника у иранских народов был один термин — «bandaka», а для раба-иноплеменника в разных языках выступают разные основы. Кроме того, на основе документов можно судить о том, как соотносился труд рабов и труд свободных общинников.

Б. Я. Ставиский говорил о том, что постановка вопроса о рабовладельческой формации сыграла в свое время положительную роль, но сейчас уже

²⁰ Ленин В. И. О государстве // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М., 1970. С. 82.

²¹ Зельин К. К. Принципы морфологической классификации форм зависимости // ВДИ. 1962. № 2.

²² Никифоров В. Н. Концепция азиатского способа производства и современная советская историография // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1967.

Часть I. Избранные научные статьи

нужно отказаться от старых формулировок, и А. М. Беленицкий прав, подвергая эти формулировки сомнению.

Ю. А. Заднепровский отметил, что если мы сейчас можем согласиться с тем, что «античного» рабовладения в Средней Азии не было, то установить характер общественных отношений в дофеодальный период пока нельзя.

В. М. Массон считает, что сложная и развитая терминология для рабства имела свою динамику. Общий иранский термин для раба был единым, а для «чужака» — изменился: очевидно, это связано с различным социально-экономическим положением этих лиц в общей системе структуры общества. Историки стараются историю периодизировать, представить ее как сумму определенных этапов различных периодов. Различия в явлениях культуры восходят к социально-экономическим изменениям; периодизация, построенная внешне на критериях культуры, экономически и политически основывается на социально-экономическом базисе.

КОНЬ В КУЛЬТАХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ¹

А. М. Беленицкий

Роль коня в истории цивилизации Старого Света вполне оценена в науке. Один из видных современных исследователей по истории domestикации животных, венгерский ученый С. Бёкёни, отмечает революционную роль коня в развитии транспорта. Благодаря приручению коня практически стала возможной кочевая форма животноводства. «Волна кочевых народов», разгромившая Римскую империю, придала «новый облик всему континенту»². Этот пример, приведенный Бёкёни, не случаен. Хотя роль и значение коня надежно вырисовываются и в другие, более ранние эпохи, и в других регионах, например во II тысячелетии до н. э. на Ближнем Востоке, передвижения коневодческих племен на просторах евразийских степей в эпоху так называемого Великого переселения народов следует признать исторически особо важным. Археологические памятники, оставленные здесь коневодческими кочевыми племенами этой эпохи, занимают исключительно большое место при исследовании проблем, связанных с историей коня. Основное внимание исследователей, когда речь идет об истории коня, концентрировалось на практическом его использовании в хозяйственно-экономической или военной областях. Но роль коня в идеологических представлениях народов степной зоны выяснена недостаточно.

Археологическими исследованиями погребальных памятников кочевых коневодческих племен установлен обычай помещать в могилу вместе с умершим то или иное количество коней или частей их, а также предметы конской сбруи, которые символически заменяли самое животное. Этот обычай засвидетельствован с энеолита до недавнего времени.

Не миновал он и Средней Азии, хотя в условиях распространения земледельческой культуры он выражен не столь ярко, как это наблюдается в степи.

¹ Первая публикация: КСИА. Вып. 154. 1978. С. 31–39.

² Bökönyi S. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest, 1974. P. 230.

Наиболее выразительно представлен он на памятниках Казахстана и соседних с ним северных районах Средней Азии.

В литературе давно дано объяснение этому обычаю. В основе его лежала вера в загробный мир, в котором покойного необходимо было снабдить всем тем, чем он пользовался при жизни. Конь, таким образом, являлся одним из предметов погребального инвентаря.

Это объяснение присутствия коня или того, что его заменяет, в могильном инвентаре стало хрестоматийным.

Некоторые исследователи пришли к заключению, что погребение вместе с покойником коня является отголоском, реликтом древнейшей тотемической идеологии³. Следы весьма определенных тотемических представлений, связанных с конем, обнаруживают исследователи фольклора и этнографии народов Средней Азии и соседних областей.

Однако в целом тотемическая теория встретила веские возражения. Так, по мнению М. И. Артамонова, лошадь символизировала иные идеологические, культовые представления⁴. Весьма решительно отрицает возможность истолкования пазырыкского искусства в духе тотемической идеологии С. И. Руденко, считающий, что тотемическая идеология свойственна более примитивным, чем пазырыкские, племенам с господствующим охотничьим укладом хозяйства. Как только животное приобретает устойчивое хозяйственное и иное значение, оно не может рассматриваться в общественном сознании в качестве тотема⁵. М. П. Грязнов придерживается довольно близкой точки зрения, относя тотемические представления к глубокой древности, когда животные представлялись «родоначальниками и покровителями племени»⁶. Л. Р. Кызласов тоже сдержанно относится к тотемической теории применительно к раннесредневековым памятникам, например Кудырге⁷.

Параллельно с тотемической теорией выдвинута так называемая хтоническая теория, согласно которой конь в погребальном ритуале, а также на многих памятниках изобразительного искусства олицетворял божество подземного царства, потустороннего мира.

О связи образа коня с хтоническими божествами подробно писал Е. Г. Кагаров⁸. Последние специальные исследования некоторых зарубежных ученых, склоняющихся к хтонической теории относительно культа коня, рассмотрены Е. М. Штаерман⁹.

Этой точки зрения придерживается и С. Бёкёни. По его словам, на протяжении всех веков от неолита до принятия христианства обычай помещать коня вместе с покойником в могилу связан с хтоническими представлениями¹⁰.

³ Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 303 сл.

⁴ Артамонов М. И. Скифо-сибирское искусство звериного стиля // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 33.

⁵ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 336.

⁶ Грязнов М. П. Древнее искусство Алтая. Л., 1958. С. 12.

⁷ Кызласов Л. Р. К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК. Вып. XXIX. 1949. С. 48.

⁸ Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913. С. 254.

⁹ Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961. С. 254.

¹⁰ Bökönyi S. History of Domestic Mammals... P. 230.

8. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии...

Отзвуком аналогичных хтонических представлений о коне следует признать донные существующее название похоронных носилок у горных таджиков — «деревянный конь» (аспи-чубин). Исследователь похоронных обычаев Таджикистана А. К. Писарчик отмечает, что это образное название для похоронных носилок обычно в фольклоре таджиков. Известно оно и в Каракалпакии¹¹.

Хтонические божества воспринимались в древности не только как персонажи подземного мира, связанные с умершим. В них видели божества, от которых зависело и благополучие оставшихся в живых. По-видимому, именно в этом смысле следует интерпретировать описываемый С. В. Ивановым обычай манси. В один из дней конца декабря дети лепили из теста разных животных, в том числе и коней. На следующий день разрезали тестяные фигуры, что, согласно С. В. Иванову, символизировало акт убиения зверей. Затем их съедали, что должно было способствовать благополучию домашнего скота. Примечательно, что среди вылепленных из теста животных имелся конь, хотя современные манси в хозяйстве лошадей не пользуют¹². Аналогичный обычай изготовления из теста животных, а затем их поедания отмечен М. С. Андреевым на Памире¹³.

Образ коня был связан с космогонической идеологией и в первую очередь с солярным культом. Многочисленные памятники искусства, изображающие крылатых коней и так называемые солнечные колесницы, запряженные конями, открыты в Средней Азии и Казахстане (рис. 1, 1–3; 2, 1).

Представления о конской колеснице, символизирующей дневное светило, связаны с приручением коня коневодческими степными племенами и развитием колесного транспорта.

Вероятно, не случайно, что именно одно из кочевых коневодческих племен Средней Азии — массагеты — обоготворяли дневное светило, символом которого являлся конь. Речь идет о часто приводимом исследователями сообщении Геродота (I, 216) о массагетах, которое гласит, что они «чтут только солнце, которому приносят в жертву коней». Смысл такого жертвоприношения, по словам Геродота, заключался в том, «что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее из всех животных». Согласно сообщению Ксенофонта, у армян жертвенный конь был посвящен Гелиосу-солнцу¹⁴. Павсаний сообщает, что сарматы приносят своим богам коней. По мнению К. Ф. Смирнова, это относится к солнцу (по другим источникам, солнцу, помимо коня, были посвящены также орел и олень)¹⁵.

Роль коня в солярном культе нашла отражение в авестийских текстах. Так, в Яште (гимне), посвященном Митре, божеству утреннего солнца, говорится, что ему поклоняются «сидящие на крупе своих коней, прося силы для них (коней)»¹⁶.

В Яште, посвященном самому солнцу, говорится, что оно обладает быстрыми конями.

¹¹ Писарчик А. К. Смерть, похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3. Душанбе, 1976. С. 186, примеч. 99.

¹² Иванов С. В. Скульптура народов Сибири XIX — первая половина XX в. Л., 1970. С. 61.

¹³ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Вып. II / Подг. к печати и снабжен примеч. и доп. А. К. Писарчик. Сталинабад, 1958 (ТАН. Т. LXI). С. 128.

¹⁴ Ксенофонт. Анабасис / Пер. М. И. Максимовой. М., 1951. С. 113.

¹⁵ Смирнов К. Ф. Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 251.

¹⁶ Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956. С. 105.

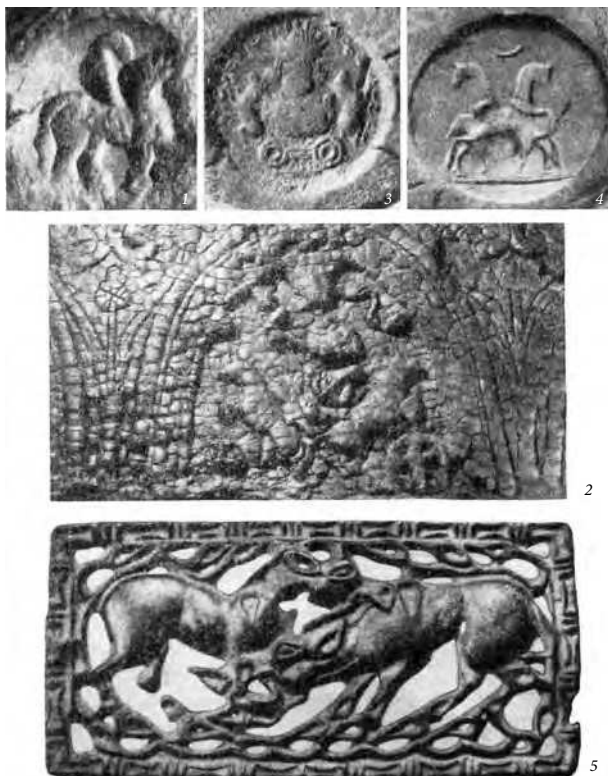

Рис. 1. Изображения коней и «солнечных» колесниц:

1 — оттиск печати на глиняной булле (древний Пенджикент); 2 — обуглившееся резное дерево (древний Пенджикент); 3 — оттиск печати на глиняной булле (Ак-тепе); 4 — оттиск печати (Ташкент, Музей истории УзССР); 5 — бронзовая бляха (Ордос)

Как и Митра, солнце представляется в Авесте в виде «сверкающей повозки, в которую впряжены небесные кони». Последние слова авестийского текста о «небесных конях» особенно интересны для понимания роли коня в космогоническом культе иранцев.

Посол и путешественник Чжан Цянь, посетивший в 20-х гг. II в. до н. э. Среднюю Азию, описывая область Давань, сообщает, что там много аргамков, которые якобы имеют кровавый пот и происходят от породы небесных

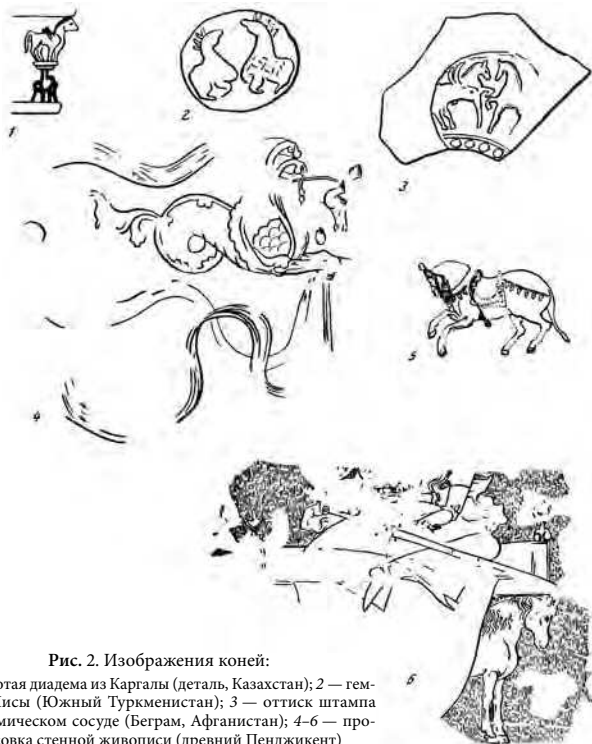

Рис. 2. Изображения коней:

1 — золотая диадема из Каргалы (деталь, Казахстан); 2 — гемма из Нисы (Южный Туркменистан); 3 — оттиск штампа на керамическом сосуде (Беграм, Афганистан); 4-6 — про-
рисовка стенной живописи (древний Пенджикент)

лошадей¹⁷. Название Давань и сообщение о даванских небесных лошадях связывают с Ферганой. А. Н. Бернштам, посвятивший специальный экскурс этой породе ферганских лошадей, сопоставил с ними наскальные изображения группы коней в местности Араван¹⁸, а Ю. А. Заднепровский — недавно открытые наскальные изображения коней в местности Курис-Тау¹⁹. Миф о ферганских небесных конях неоднократно упоминался в работах историков.

¹⁷ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952 (МИА. № 26). С. 226.

¹⁸ Там же. С. 222 сл.

¹⁹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л., 1962 (МИА. № 118). С. 179 сл.

Однако, по мнению Э. Г. Пуллейblank, Давань является китайской поздней передаточной термина То-хар. Таким образом, речь может идти о тохарской (или тохаристанской) породе коней. Именно с этой породой коней связан целый клубок достоверных исторических преданий и легенд, в котором переплелись культ коня со сведениями о реально существовавшей породе лошадей.

В связи с сообщениями о небесных конях Э. Г. Пуллейblank приводит мнение английского ученого Уайли о том, что кони светло-золотистой масти, найденные в Пазырыкских склепах, принадлежат к породе тохаристанских небесных коней, а сами погребенные в курганах были тохарами²⁰. Синонимом названия тохары признается известный термин «юечжи», который был применен С. И. Руденко для населения, оставившего курганы Пазырыка²¹.

Добавочные интересные для нас сведения из китайских источников приводит китаист Шафер²².

Характерно, что согдийское слово «черпад» — четырехногий — вошло в обиход китайского языка, и этим словом обозначали коней, которых покупали в Средней Азии для танских императоров. Сведения об особо замечательной породе коней Тохаристана имеются и в арабских сочинениях. Эти сведения приведены нами в специальной статье о хутталянской (одна из областей Тохаристана) породе лошадей, пользовавшейся большой славой в первые века мусульманской эры²³.

С мифом о небесных конях связано представление о крылатом коне, популярном образе в фольклоре оседлых и кочевых народов Средней Азии. Так, в героическом эпосе узбеков в судьбах и похождениях героев большую роль играет крылатый конь — Тульпар. В полете он преодолевает высокие горы, достигает облаков²⁴. Крылатые кони выступают в легендах, записанных в Хорезме²⁵. В эпосе бурят кони героев всегда спускаются с неба. В алтайском эпосе говорится: «Не я благословляю тебя, а конь на небе»²⁶.

Култ коня был тесно связан с культом огня. На замечательных серебряных блюдах из Грузии конь изображен у алтаря огня²⁷. В одном сообщении, относящемся ко времени арабского завоевания, описывается храм в Кобадии (Южный Таджикистан): «В здании (храма)... находились малые и большие алтари огня и бронзовый конь небольшого размера. Жители считали его сошедшим

²⁰ Pulleyblank E. G. Chinese and Indo-Europeans // JRAS. 1966. No. 1-2. P. 22.

²¹ Ibid.

²² Schafer E. H. The Golden Peaches of Samarkand: A Study of T'ang Exotics. Berkeley; Los Angeles, 1963. P. 58.

²³ Беленицкий А. М. Хутталяская лошадь в легенде и историческом предании // СЭ. 1948. № 4. С. 163.

²⁴ Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. М., 1947. С. 351 сл.

²⁵ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 323.

²⁶ Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974. С. 211, 235, 253.

²⁷ Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909. Табл. СХХI, 305; Сатулашвили Д. М. Материалы к истории быта и культуры грузинского народа. Тбилиси, 1964. С. 224–241, табл. XVI–XVII.

8. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии...

с неба. Он изображен в состоянии движения с поднятыми передними ногами, как бы обращенными к богу... В день нового года конь золотистой масти выходит из реки и приближается к бронзовому. Когда последний откликается на его ржание, он возвращается снова в воду»²⁸. Далее рассказывается, что когда арабы прибыли к этому святилищу, чтобы его уничтожить, то внезапно оттуда вывалился огонь, который сжег прибывших воинов.

Вполне определено устанавливается связь коня с водной стихией в греческой мифологии в образе божества океана Посейдона²⁹. Считалось, что некогда он был конем, его величали «владыкой коней». Связь коня с морем прослеживается в индийской мифологии. Так, белый конь Индры Уччайхшраваса, согласно «Махабхарате», появляется из моря³⁰. В Китае эта связь выражена в образе коня-дракона. Сюаньцзан сообщает, что перед одним из храмов города Кучи находилось «озеро драконов». Драконы, «изменяя свой облик (т. е. превращаясь в коней), соединяются с кобылами. Их потомство — порода диких коней — кони-драконы. Это трудная для приручения, свирепая порода коней. Однако потомки этих коней-драконов становятся послушными». По преданию, одна из пород коней, которую разводили на побережье так называемого Западного моря (т. е. Аральского или Каспийского), произошла от соединения живших в море драконов с местными кобылами³¹.

В фольклоре и этнографии как среднеазиатских, так и других народов, имевших развитое коневодство, широко распространено представление о связи коня с водоемами. Так, например, крылатый конь армянского эпического героя Давида Сасунского был добыт на дне морском³². Г. П. Снесарев приводит ряд этнографических сообщений о связи крылатого коня с водной стихией у населения Хорезма. Аспи-оби — сказочный персонаж — фигурирует повсеместно в Средней Азии³³. В алтайской эпической поэме «Маадай-кара» говорится о темномгнедом коне героя, созданном «духом воды»³⁴. Весьма важным показателем популярности представления о «водном коне» является знакомство с этим образом в фольклоре народностей Северной Сибири, не знающих ныне коневодства. По данным С. В. Иванова, конь наряду с медведем считается помощником «хозяйки воды»³⁵.

Идею о связи коня с водной стихией выразительно передает образ гиппокампа, известный в античном искусстве. Из Греции это гибридное существо проникло в искусство коневодческих племен далеко на восток. Изображения гиппокампов часты среди находок в скифских курганах. С. В. Киселев приводит изображения гиппокампов на зеркалах из Алтая (Берельский курган) и Китая.

²⁸ Soper A. C. Aspects of Light Symbolism in Gandhāran Sculpture (Continuation) // *ArtAsiae*. Vol. XIII/1–2. 1950. P. 67–68, n. 129.

²⁹ Кагаров Е. Г. Культ фетишей... С. 238.

³⁰ Махабхарата. Адипарва. I / Пер. В. И. Кальянова. М.; Л., 1950. С. 29.

³¹ Schafer E. H. The Golden Peaches... P. 68.

³² Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный... С. 354.

³³ Снесарев Г. П. Реликты домульманских верований... С. 323.

³⁴ Маадай-кара: Алтайский героический эпос. М., 1973. С. 260.

³⁵ Иванов С. В. Скульптура народов Сибири... С. 56.

Своим происхождением этот сюжет, по мнению С. В. Киселева, обязан искусству Греко-Бактрии³⁶. Изображение гиппокампа имеется среди хорезмийских находок³⁷, на памятниках искусства Пенджикента (рис. 2, 4).

Магическая роль коня нашла выражение в интересном изобразительном сюжете, а именно в борьбе коней между собой. Этот мотив известен по золотым и бронзовым пряжкам из Сибирской коллекции и из Ордоса, где эта сцена изображена с большой экспрессией (рис. 1, 5).

В Средней Азии и Афганистане этот же мотив, но менее динамично, представлен в мелкой пластике и прикладном искусстве (рис. 1; 2, 3). В авестийском тексте — гимне, посвященном звезде Тиштрии (Сириус), появление которой знаменует собой начало дождей, начало сезона дождей рисуется как борьба и победа белой лошади (звезды Тиштрии) над черной лошастью (символом засухи). Эта мифологическая картина относится к глубокой древности, но встреченное в раннесредневековом источнике сообщение о почитаемом в Средней Азии божестве Дэси, с которым идентифицируется звезда Тиштрия, быть может, свидетельствует о длительной живучести древних представлений, восходящих к авестийскому мифу³⁸.

Весьма интересен сохранившийся на согдийском языке текст, описывающий способ магического вызывания дождя, для чего наряду с другими операциями «следует вырезать из бруска белого сандала, (как) верблюд борется с верблюдом, конь с конем, осел с ослом, бык с быком»³⁹. Арабский географ Ибн-Хаукаль приводит сообщение об изображениях животных на площадях Самарканда. В переводе В. В. Бартольда оно звучит так: «Из кипариса вырезаны удивительные изображения лошадей, быков, верблюдов и диких коз, они стоят одно против другого, будто осматривают друг друга и хотят вступить в бой или в состязание»⁴⁰. Хорошо известно, что реальная борьба животных с магической целью — распространенный обычай, засвидетельствованный и письменными источниками, и в этнографических материалах. Так, о жителях Кучи Тан-шу сообщает: «В новый год семь дней увеселяют боем баранов, лошадей, верблюдов, чтобы по их драке угадать урожаен или неурожаен будет год»⁴¹.

Об устройстве боев животных в Средней Азии (горные районы) и специально коней-жеребцов в Дарвазе сообщает М. С. Андреев⁴².

Советские археологи, исследующие памятники древности кочевнических, коневодческих племен, называют нередко религию этих племен шаманизмом.

Большой интерес в данном аспекте представляют наблюдения над костными остатками коней, находимыми в могилах. В. И. Цалкин отметил, что у некоторых

³⁶ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. 2-е изд. М., 1951. С. 338, 371.

³⁷ Толстов С. П. Древний Хорезм... С. 204, 304.

³⁸ Брагинский И. С. Из истории... С. 115.

³⁹ Benveniste E. Textes Sogdiens / Éd., trad. et comment. par E. Benveniste. Paris, 1940 (Mission Pel-liot en Asie Centrale. Série in-quarto. III). P. 134.

⁴⁰ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М., 1963. С. 142.

⁴¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1951. С. 149.

⁴² Андреев М. С. Таджики... Вып. II. С. 117.

8. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии...

лошадей в скифских захоронениях обнаруживается определенная органическая ненормальность — например лишний зуб или позвонок, а также явная хромота. Такие кони не были пригодны для нормального использования. С аналогичными дефектными особями коней С. Бёкёни столкнулся при исследовании скелетов лошадей в аварских захоронениях Венгрии. Для объяснения причины помещения таких коней вместе с покойниками были выдвинуты два соображения. Во-первых, эти кони могли быть при жизни особенно ценны для владельца и поэтому предназначались в качестве спутников в загробный мир.

Другое объяснение, более обоснованное, С. Бёкёни находит в этнографических и фольклорных материалах. Бёкёни особо подчеркивает пристрастие сказочного фольклора к неполноценным, дефектным коням, волшебные свойства которых помогают герою достичь желанного. Знаменитая сказка о коньке-горбунке является одним из многих таких сказочных сюжетов⁴³. Достаточно убедительны данные о роли коня и в шаманизме. Так, например, хотя угры Северного Урала давно не разводят коней, они сохранили память о коне в религии, фольклоре и изобразительном искусстве, и в частности в шаманском ритуале⁴⁴. Аналогичные сведения приводит и Л. П. Потапов о кумандинцах Северного Алтая, ныне утративших навыки коневодства⁴⁵.

Значение коня в идеологии нашло глубокое отражение в сфере социальных отношений. Конь очень рано становится прерогативой господствующих слоев древних племен, символом и знаком их социального престижа, их привилегий⁴⁶. И. В. Пьянков указал на культовую связь коня с представлениями о святости царской власти в ахеменидской Персии⁴⁷. Знаменателен рассказ Геродота о роли коня в избрании царем Дария. Претенденты на царский престол после подавления восстания Лжебардия решили передать царскую корону тому, чей конь поутру заржет первым. Чрезвычайно интересной аналогией этому рассказу Геродота может служить записанный у манси мифический рассказ о божестве Нуми Торуме. У этого божества было семь сыновей, которые между собой не ладили. Отец собрал их и сказал: «Приезжайте завтра ко мне, и кто первый привяжет своего коня к серебряному столбу, стоящему у моего дома, тот будет старшим не только над людьми, но и над своими братьями»⁴⁸. Характерное выражение нашло представление о социальном престиже, связанном с конем, в Китае при Танской династии. Указом одного из императоров было запрещено торговцам и ремесленникам ездить верхом на конях⁴⁹.

Значение коня в сфере социальных отношений нашло выражение в археологическом материале. Конские гекатомбы, сопровождающие захоронения скифских

⁴³ Bökönyi S. History of Domestic Mammals... P. 290.

⁴⁴ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. М., 1954. С. 52.

⁴⁵ Потапов Л. П. Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, профессора С. П. Толстова. М., 1968. С. 321 сл.

⁴⁶ Штаерман Е. М. Мораль и религия... С. 254.

⁴⁷ Пьянков И. В. Образование державы Ахеменидов по данным античных источников // История Иранского государства и культуры: к 2500-летию Иранского государства. М., 1971. С. 91.

⁴⁸ Анисимов А. Ф. Этапы развития первобытной религии. М.; Л., 1967. С. 148.

⁴⁹ Schafer E. H. The Golden Peaches... P. 59.

«царей», хорошо известны. Упомянем последний в советской археологической практике поразительный пример такой грандиозной гекатомбы — Аржан. С. И. Руденко в количестве лошадей, захороненных вместе с покойником, видел едва ли не главный признак социального ранга последнего. Конское погребение в качестве признака «социального престижа», принадлежности погребенного к «верхушке племени» не вызывает сомнения. Отметим, что в этом же плане интерпретируется и конский убор, богатство и пышность которого должен был служить в первую очередь целям социального престижа владельца. На эту сторону значения конского убора давно обратил внимание М. И. Ростовцев. Аналогичное наблюдение сделал недавно А. П. Окладников, специально указавший на значение кисти в конском уборе в качестве признака высокого социального ранга¹. Социальное значение конской сбруи ярко отражено в фигурах аристократов-всадников на памятниках искусства раннесредневековой Средней Азии (рис. 2, 5).

Наконец, отметим, что изображение коня появляется и в качестве украшения царского трона, становясь одним из атрибутов царского достоинства. О троне царя эфталитов в Забуле с подножиями в виде коня сообщается в записках Сюаньцзана. И далеко не случайно, что изображения такого трона мы находим среди памятников искусства Ирана, Афганистана и Средней Азии (рис. 2, 6). По мнению С. П. Толстова, схема такого трона положена в основу ряда царских тамг: «Чтение семантики хорезмийских, боспорских и родственных им тамг сармато-массагетских династов первых веков н. э. может быть дано с достаточной определенностью ... Исходной является ... схематизированное изображение женской фигуры... со слившимися с ней двумя протомами коней, повернутых головами в стороны. Прекрасный образец этой композиции в виде миниатюрной бронзовой фигурки женщины, сидящей на соединенных протомах коней, найден в Армении»². Эта же схема сохранилась в предметах прикладного искусства как древности, так и недавнего времени. Но этот сюжет заслужил бы специального разбора.

Итак, связанные с конем различные идеологические представления распространились в древности и в средневековье на чрезвычайно обширной территории. Археологи склонны усматривать или искать в этом разнообразии, особенно в обрядах, в первую очередь отражение различных этнических общностей. Мы постарались показать, что значение образа коня было полисемантическим у разных народов зоны евразийских степей и Средней Азии.

¹ Окладников А. П. Конь и знамя // Тюркологический сборник. I. М.; Л., 1951. С. 143 сл.

² Толстов С. П. Древний Хорезм... С. 186, рис. 111.

ХОРЕЗМИЙСКИЙ ВСАДНИК — ЦАРЬ ИЛИ БОГ?³

А. М. Беленицкий

С выходом в свет книги «Монеты древнего Хорезма» Б. И. Вайнберг⁴ нумизматическая наука Средней Азии отмечает свой незаурядный успех. Действительно, как по заключенному в ней фактическому материалу — по объему информации, по тщательности его обработки и в такой же степени по интересу его интерпретации — можно без преувеличения сказать об этой книге как о сочинении выдающемся. Нельзя вообще не отметить того общего большого места, которое заняла и продолжает занимать в историографии Средней Азии советская нумизматическая литература, и ее роли в воссоздании исторического прошлого страны в древности.

Мое сообщение, посвященное только одному сюжету, затронутому в книге, понуждает меня ограничиться лишь самыми необходимыми замечаниями по поводу всей книги.

Книга представляет собой солидный монографический труд. Она состоит из двух исследовательских разделов и полного каталога известных до настоящего времени монетных находок. О непреходящей ценности последнего нет необходимости особо упоминать. Что касается исследовательских разделов, то о них представление может дать оглавление.

Приведенный перечень разделов книги показывает серьезность и значительный исторический интерес затрагиваемых автором проблем. Все они исторически достаточно важны и актуальны, и по каждой из этих проблем автором книги сказано новое слово.

В своей статье я хочу коснуться раздела, озаглавленного «Хорезмийский всадник».

Понятие «Хорезмийский всадник», как известно, было введено в науку С. П. Толстовым. Если не ошибаюсь, впервые о хорезмийском всаднике им сделан доклад в 1938 г.⁵

³ Первая публикация: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 213–218.

⁴ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

⁵ Толстов С. П. Хорезмийский всадник // КСИИМК. Вып. I. 1939. С. 7–9.

Этот доклад вызвал немало толков. Пафос доклада сводился к указанию на важность всадника для реконструкции обширных связей Хорезма как на юге — с кушанами, Индией, так и на севере — с Казахстаном и Сибирью, а также с Восточной Европой, но не с сасанидским Ираном. Этот последний момент был сформулирован так: «Хорезмийский всадник отразил сасанидский жертвенник огня». Имеется в виду наличие на реверсе хорезмийских монет вместо жертвенника сасанидских монет изображения всадника. В развернутом виде С. П. Толстов свои взгляды по поводу хорезмийского всадника изложил в одном из экскурсов в «Древнем Хорезме»⁶.

Основные положения С. П. Толстова в отношении хорезмийских монет с всадником на реверсе в самом кратком изложении сводятся к следующему: наиболее ранние монеты Хорезма имеют своим прототипом монеты, чеканенные греко-бактрийским царем Евкратидом, с конными Диоскурами на реверсе. Но именно в реверсе хорезмийских монет, по словам С. П. Толстова, тип монет пережил глубокое изменение: место греческих Диоскуров занял хорезмийский всадник — символ божественного предка династии Сиявуша.

Вслед за этим С. П. Толстов обращается к монетам, известным под именем Герая, которые незадолго до этого были исследованы в специальной работе А. Н. Зографом⁷. Согласно Толстову, такие типы хорезмийских монет, как монета с Топрак-калы и из коллекции Кастальского, являются связующим звеном между монетами Герая и основным господствующим типом хорезмийских монет с всадником на реверсе в III–VIII вв. Вместе с тем анализ греческой надписи заставил С. П. Толстова выдвинуть теорию, что именно монета топраккалинского типа является прототипом монет Герая.

Эти положения С. П. Толстова вызвали возражение Б. И. Вайнберг. По ее мнению, всадник на хорезмийских монетах должен рассматриваться не как бог Сиявуш, а как царь⁸. Возражает она и по поводу зависимости чекана монет Герая от монет Хорезма. Впервые с критикой этого положения С. П. Толстова выступила еще в 1965 г. Г. А. Пугаченкова⁹. Б. И. Вайнберг, соглашаясь с мнением Г. А. Пугаченковой, пишет: «Ее основной вывод о том, что чекан Герая возник как самостоятельная эмиссия, независимая от хорезмийской, должен быть нами принят»¹⁰. Отметим, что к критическим замечаниям Г. А. Пугаченковой Б. И. Вайнберг добавляет от себя еще и следующее: «...скорее всего, именно монеты Герая, чеканившиеся в Бактрии, откуда пришел исходный тип монет Хорезма, послужили прототипом монет Хорезма в изображении всадника на оборотной стороне»¹¹.

В приводимых названными авторами выражениях С. П. Толстову фигурирует вопрос об искажении греческих надписей на монетах. Первоначально

⁶ Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 173–211.

⁷ Зограф А. Н. Монеты Герая. Ташкент, 1937.

⁸ Вайнберг Б. И. Монеты... С. 44–47.

⁹ Пугаченкова Г. А. К иконографии Герая (О некоторых вопросах раннекушанской истории) // ВДИ. 1965. № 1. С. 130.

¹⁰ Вайнберг Б. И. Монеты... С. 45.

¹¹ Там же.

С. П. Толстов хотел видеть в искаженной легенде на хорезмийских монетах «идеограмму» собственного титула хорезмийских царей. Оспаривая это мнение, его оппоненты справедливо утверждают, что в данном случае перед нами просту одна из форм искажения первоначальной греческой легенды¹².

Собственные титулы и имена хорезмийских царей проявляются на реверсах монет начертанными арамейским шрифтом. Основываясь в значительной степени на этом факте, Б. И. Вайнберг полагает, что всадник должен изображать собой, вопреки мнению С. П. Толстова, как указано выше, не бога-всадника, а самого царя.

Б. И. Вайнберг пытается десакрализировать всадника, привлекая и другие наблюдения и соображения. С иконографической точки зрения, по ее мнению, об этом говорит характер короны на всаднике, на ряде типов монет сходной с короной царя на аверсе монет. Довод малоубедительный, хотя бы из-за миниатюрности и потому неясности изображения мелких деталей на реверсах монет. То же самое можно сказать и в отношении других мелких и мельчайших деталей, рассматриваемых Б. И. Вайнберг, которым она придает явно излишнее значение в своем анализе.

Между тем Б. И. Вайнберг упускает из виду при анализе хорезмийского чекана тот бесспорный и фундаментальный факт, что в основе монетарных систем, сложившихся в государствах, наследовавших греческим государствам, и в интересующем нас регионе — греко-бактрийскому царству, прообразом для их чеканов послужил чекан именно греко-бактрийского государства в лице тех или иных царей (Евкратид или Геолиокл). И если отвлечься от частных иконографических деталей, для всех типов монет Греко-Бактрии характерна следующая организация монетного кружка: на аверсе изображается портрет царя, а на реверсе или божество, или символическая фигура, заменяющая его (например, фригийские колпаки Диоскуров).

Именно эта особенность греко-бактрийского чекана является наиболее очевидной на всех типах монет государств — наследников греко-бактрийского царства. Меняются имена царей, меняются и фигуры их божественных покровителей, но принцип размещения их остается устойчивым, как и в хорезмийском чекане. И поэтому положение Б. И. Вайнберг о наличии повторного портрета царя на реверсе, после того как его можно было видеть на аверсе, неубедительно. Для прокламации престижа царя отсутствие его божественного покровителя и замена последнего своей собственной персоной явно было бы невыгодным. Таким образом, уже теоретически трудно согласиться с оппонентами С. П. Толстова о том, что в образе всадника следует видеть повторное изображение царя.

Но обратимся к образу самого всадника. На греко-бактрийских монетах искать прообраз для аналогичного конного всадника, подобного хорезмийскому, было бы тщетно. Каково же его происхождение, откуда он появился? Пожалуй, наиболее удивительно то, что этот образ всадника продержался в течение почти целого тысячелетия.

¹² Там же.

Здесь мы снова должны вернуться к теории С. П. Толстова. К важной заслуге С. П. Толстова в данном вопросе следует отнести то, что он с полной определенностью указал на связь изображения хорезмийского всадника с миром искусства Причерноморья. Исходным моментом в его построении послужил установленный им факт общности сходства тамг на монетах Хорезма с таковыми на монетах Боспорского царства. Связь эта, разумеется, не случайна. О древних скифо-сарматских связях с сако-массагетским миром, а позже об алано-хорезмийских связях писалось достаточно много, и здесь нет необходимости повторно об этом говорить. Для нас важно другое, а именно что Причерноморье оставило нам целый мир памятников искусства, одним из ведущих персонажей которого на протяжении многих веков оставался конный всадник. Заслугой С. П. Толстова и является то, что он указал на связь хорезмийского всадника с последним, хотя он, несомненно, несколько переоценивал роль Хорезма. Это увлечение объясняется общим прохорезмийским энтузиазмом автора. Для нас важна данная связь сюжета всадника потому, что на основании причерноморского материала семантика образа конного всадника получает адекватное разъяснение.

Литература, посвященная образу всадника в областях Причерноморья, чрезвычайно обильна, и, разумеется, в настоящем сообщении ее касаться не представляется возможным. Основополагающими исследованиями остаются замечательные работы М. И. Ростовцева, имеющие прямое отношение к нашей теме, хотя, когда писал Ростовцев, собственно о хорезмийском всаднике речи быть и не могло. Напомню его работу: «Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае»¹³. Нет ничего более оправданного, чем привлечение С. П. Толстовым именно этой работы в первую очередь. Однако С. П. Толстов не остановился на положениях, выдвинутых Ростовцевым. С. П. Толстов дал, как мы видим, собственное имя всаднику Хорезма. Заслугу или вину за это наречение собственным именем всадника — Сиявущем — С. П. Толстов должен разделить с Бируни. Следует ли окончательно отказаться от такой идентификации хорезмийского всадника с популярным мифическим героем среднеазиатской мифологии? Оставим под вопросом. Но, разумеется, мнение С. П. Толстова о том, что именно Хорезм является исходным пунктом сложения образа всадника и его семантики, не может быть признано убедительным. Однако, по моему мнению, хорезмийский всадник принадлежит к миру образов, сложившихся в обширной зоне, охватываемой географическими пунктами, названными в работе Ростовцева. Поэтому мне кажется недостаточно убедительным, когда оппоненты С. П. Толстова при обсуждении его теории, касающейся Сиявуща и его «хорезмоцентризма», оставили вне поля рассмотрения саму идею толкования образа, предложенного С. П. Толстовым, именно как божественного всадника, воплощенного в «предке-герое».

В связи со сказанным особо большой интерес представляет оставшееся не замеченным оппонентами сопоставление С. П. Толстовым имени фракийского всадника «Герой» с именем царя на монетах кушанского правителя Герая.

¹³ Ростовцев М. И. Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае // *Seminarum Kondakovianum*. 1. Praha, 1927. С. 141–146; ср. также: *он же*. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49. 1913. С. 1–62; *он же*. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. Вып. 40. 1911. С. 1–42.

В нумизматической литературе в отношении имени Герая, известном только по монетным легендам, написанным греческим алфавитом, существуют различные мнения как в смысле прочтения легенды, так и ее значения¹⁴.

Действительно, имя это не вписывается в нумизматическую ономастику династий эпохи. По словам А. Н. Зографа: «Герай — одно из наиболее вероятных чтений, но наряду с Герай можно прочесть “Эрий”. Не следует увлекаться внешним сходством с греческим словом и не считать Герая греком». Это последнее замечание относится к мнению нумизмата Отто Вальтера о том, что Герай — грек по имени.

Но, как мне кажется, к разъяснению этого имени следует подойти с другой стороны и рассматривать его не как собственное имя, а как нарицательное. Уже при самом поверхностном знакомстве с нумизматикой эпохи обращает на себя внимание появление анонимных монет так называемых «безымянных царей»; такие монеты известны в Хорезме, известны в кушанской нумизматике. На них вместо имен собственных фигурируют такие эпитеты, как «бог великий, спаситель»¹⁵. На западе, в Причерноморье, параллельно можно указать на эпитет «Бог высочайший», и, что для нас наиболее важно, на западе наиболее широкое распространение получили эпитет «Герой» в качестве обозначения обожевленного или героизированного предка. Именно такими эпитетами обозначаются изображения всадников¹⁶.

С моей точки зрения, такие обозначения характеризуют переходную стадию, когда имена греческого пантеона сошли со сцены и новые боги получают вместо собственного имени тот или иной эпитет, будь то «Великий спаситель», «Бог величайший» или «Герой», но неизменно сочетающийся с образом конного всадника. Нет нужды отмечать при этом, что иконография последнего может оказаться в разных областях весьма различной.

Хорезмийский всадник является одним из таких божеств. И не лишено вероятности, что в Хорезме его называли «Сиявущем».

Заканчивая на этом свое краткое сообщение, считаю необходимым подчеркнуть, что мои замечания касаются в общем частного вопроса и едва ли очень существенного с точки зрения собственно нумизматики как науки, которой посвящена книга Б. И. Вайнберг. На взгляд автора этих строк, сам нумизматический анализ материала и его историческая интерпретация, особенно в отношении его хронологического упрядочения, заслуживают самой высокой оценки и признательности.

В заключение я хочу сказать следующее: выход в свет книги Б. И. Вайнберг «Монеты древнего Хорезма» достойно отмечает юбилей экспедиции и вместе с тем отражает чувство долга автора книги перед памятью С. П. Толстова, основателя экспедиции и хорезмийской нумизматики.

¹⁴ Зограф А. Н. Монеты... С. 15 сл.

¹⁵ Массон М. Е. Происхождение безымянного «царя царей — великого спасителя» // ТСАГУ. НС. Вып. XI. ГН. Кн. 3. 1950. С. 11–49.

¹⁶ Из недавно опубликованных работ обширная литература по этому вопросу приведена в работе: Щеглов А. Н. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969. С. 135–177.

ЗМЕИ-ДРАКОНЫ В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

А. М. Беленицкий, В. А. Мешкерис

Интерес исследователей к культу змей в древней Средней Азии проявился с момента находки каменного изваяния змей в Фергане (кишлак Сох). Г. Кастанье в 1913 г., публикуя памятник, впервые попытался на основе мифов народов мира раскрыть некоторые семантические аспекты культа змей, которые могли иметь место в Средней Азии. С обычаем офилатрии (приношение жертв змее) он связал уникальное глиняное скульптурное изображение пятнистой двуголовой змеи, найденное под Ташкентом в начале XX в.²

Попытку интерпретации этого зооморфного образа на материалах среднеазиатской археологии предпринял в 1956 г. М. Э. Воронец³. Он видит в изображениях из Соха определенный вид распространенных в Средней Азии змей — эфы, главной отличительной особенностью которой является пятнистость. Этот и некоторые другие признаки дали повод сопоставить сохских змей не только с изображением рептилий на памятниках эпохи бронзы Средней Азии, но и с некоторыми памятниками древности Месопотамии, относимыми к эпохе Шумера. Приведенные аналогии позволили последователю датировать изваяние из Соха эпохой бронзы II тыс. до н. э.⁴

М. Э. Воронец отмечает, что в качестве объекта изобразительного искусства змея характерна для искусства оседлого населения и что в Средней Азии ее изображения относятся ко времени еще до широкого проникновения сюда «кочевых и полукочевых элементов» — к периоду до VI–VII вв. н. э. Позже «изображения змей хотя и встречаются в изобразительном искусстве и в фольклоре, но утрачивают самостоятельное значение». Упомянутая Г. Кастанье скульптура двуголовой змеи датируется исследователем VI–VII вв. на основании сопоставления с позднесогдийскими керамическими поделками⁵.

¹ Первая публикация: СА. 1986. № 3. С. 16–27.

² Кастанье 1913: 17–24.

³ Воронец 1956.

⁴ Датировка и переднеазиатский генезис каменного изваяния змей из Соха подтвердились дальнейшими исследованиями американского ученого Ф. Коля в области изучения интенсивных торговых связей Средней и Передней Азии в эпоху бронзы [Kohl 1978: 465, fig. 4].

⁵ Воронец 1956.

В статье 1940 г. Н. В. Дьяконова раскрыла вспомогательное семантическое значение змей. Антропоморфный образ со змеями, запечатленный в скульптуре, автор отождествил со знаменитым героем эпоса — Зохаком⁶.

В широком аспекте рассматривает идеологические представления, связанные с образом змеи, С. П. Толстов в монографии, изданной в 1948 г.⁷ Однако нельзя не отметить, что в «глобальном» сравнительном анализе, проведенном исследователем, собственно среднеазиатский изобразительный материал занимает незначительное место. Тем не менее привлекаемые им письменные, этнографические и фольклорные источники представляют значительный интерес. В связи с образом змеи С. П. Толстов выдвигает на первый план так называемый близнечный миф, подчеркивая, что последний связан с тотемистической идеологией, отражает фратрийное деление рода в первобытной общине. В образе змеи исследователь видит также отражение и космогонических представлений многих древних народов⁸.

В 1970–1980-е гг. в связи с публикацией печатей-амулетов из поселений дельты Мургаба⁹, а затем и близких по характеру памятников Северного Афганистана¹⁰ В. И. Сариниди приводит весьма широкий круг аналогий в искусстве Древнего Востока, Ирана и Индии и привлекает общетнографическую литературу. Главные символические моменты образа змеи-дракона, по его истолкованию, следующие. Змеи — прежде всего «священные животные», олицетворяющие «положительное начало», «не враждебное людям». Они связаны с плодотворностью, «плодородием в его хтоническом аспекте». Автор подчеркивает фаллический аспект образа змеи и отмечает, что они изображены нападающими на других животных (быка), в связи с чем исследователь пишет: «Рептилии пытаются похитить какие-то могущественные, сверхъестественные силы, присущие животным»¹¹. Та же тема отражена на ритуальных сосудах эпохи бронзы из Пархайского могильника¹² и поселения Тоголок¹³. В. И. Сариниди указывает при этом на «авестийскую традицию». В данном аспекте представило бы значительный интерес сопоставление мургабских амулетов в качестве генетических прототипов с памятниками искусства западноевропейского митраизма позднеримской эпохи, где этот момент выступает с особой наглядностью¹⁴.

Опыт интерпретации культа змеи на основе изобразительного материала эпохи энеолита и бронзы юга Туркмении осуществили в специальной статье П. М. Кожина и В. И. Сариниди¹⁵.

В исследовании семантики изобразительных мотивов мургабских печатей-штампов Е. А. Антонова значительное место уделяет образу змеи, змееподобных

⁶ Дьяконова 1940: 195, 209.

⁷ Толстов 1948.

⁸ Там же: 196–209.

⁹ Сариниди 1976.

¹⁰ Сариниди 1977: 89, рис. 47.

¹¹ Сариниди 1976: 66.

¹² Хлопин, Хлопина 1983: 104, 105, рис. 3.

¹³ Сариниди 1980: 167–179.

¹⁴ Зотовић хубице... 1972: 93, табл. 1–3, 6–8, 11, 17, 18.

¹⁵ Кожин, Сариниди 1968: 35–40.

и драконоподобных существ. Очень ценно, что в основе реконструкции древних мифологических представлений земледельцев юга Средней Азии, Ирана, Месопотамии, Малой Азии, Индии лежит комплексный анализ древневосточной иконографии, письменных текстов и фольклорно-этнографических данных, построенный на обширной источниковедческой базе. Приведенные подробные комментарии, раскрывающие сакральный смысл изображений змей как символа плодородия, представляют важный дополнительный материал к изучению древнеземледельческих культов¹⁶.

Б. А. Литвинский также пишет о сакральном значении изображения змей, считая основной их функцией охрану дома¹⁷. Большое значение в понимании смыслового содержания древнего культа змей имеют и работы, основанные целиком на материалах этнографии¹⁸.

В настоящее время общий фонд памятников искусства различных категорий, на которых изображены змеи или усложненные змеевидные образы, прежде всего драконы, достаточно велик: он включает памятники каменного века, эпохи бронзы и вплоть до раннего средневековья. Наиболее древними следует признать изображения змей на наскальных памятниках Зараут-сая¹⁹, Саймалы-Таша²⁰, Илян-сая²¹ и Могол-Тау²². Некоторые из них, надо полагать, принадлежат к эпохе неолита или даже мезолита (рис. 1).

В Южной Туркмении истоки культа змей, связанного с универсальной идеей плодородия, восходят к эпохе энеолита. В IV тыс. до н. э. изображения змей встречаются на сосудах; слитность культа женского божества плодородия с культом змей наблюдается с III тыс. до н. э. К этому периоду относится статуэтка со змеей на бедре, фрагмент сосуда из Алтын-депе с живописной сценой, где представлена женская фигурка в непосредственной связи со змеей²³.

В большом изобилии изображения драконов и змей в сочетании с людьми и животными можно видеть на амулетах Мургаба эпохи бронзы²⁴ (рис. 2, 7), на ритуальном сосуде из поселения Тоголок. Змеи поднимаются с земли, присасываются к животу животных и похищают живительное семя²⁵. Изображения змей зафиксированы в керамике III тыс. до н. э. Намазга-депе²⁶. Из слоя Анау III происходит глиняная кружка на которой налепная змея, выполняя роль оберега, как бы ползет, поднимаясь к венчику сосуда²⁷.

Слитность культа змей и женского божества плодородия получает своеобразное воплощение в многочисленных статуэтках II тыс. до н. э. Некоторые

¹⁶ Антонова 1983: 13–31.

¹⁷ Литвинский 1968: 100.

¹⁸ Хамиджанова 1960: 215–223; Писарчик 1976: 178; Снесарев 1969: 114, 115; Чвырь 1983: 130, 131.

¹⁹ Материалы поездки Г. В. Парфенова...: рис. 1.

²⁰ Бернштам 1952б: 62, рис. 12.

²¹ Сухарев 1938.

²² Маджи 1957.

²³ Кожин, Сарияниди 1968: 35–40.

²⁴ Sarianidi 1981: 224, fig. 1; Masimov 1981: 210, 211, fig. 10.

²⁵ Сарияниди 1980: 167–179.

²⁶ Литвинский 1952: 42.

²⁷ Pumpelly 1908: pl. 13, 2.

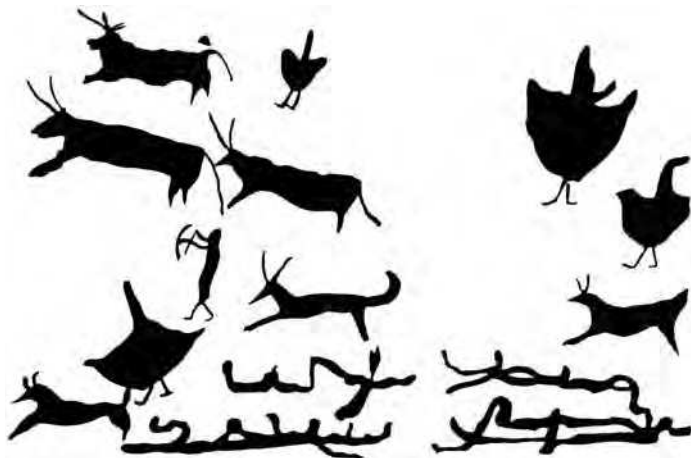

Рис. 1. Изображение змей в сцене охоты Зараут-сая. Фототека ЛОИА, 1481 (4)

Рис. 2. 1 — композиция со змеями в сочетании с людьми и животными на амулете из Мургаба; 2, 3 — женские статуэтки II тыс. до н. э. с юга Туркмении

экземпляры имеют символический атрибут в виде наклепной змейки, располагающийся между грудями (рис. 2, 2). Лица типичных богинь (рис. 2, 2, 3) обрамлены косами-змеями, спускающимися на плечи и грудь (Намазга-депе, Алтын-депе, Хопуз-депе)²⁸.

²⁸ Массон В., Сарианиди 1973.

Эпохой бронзы датируется упомянутая каменная скульптура пары змей, найденная в Сохе.

Изображения змей на памятниках искусства малых форм бронзового века встречаются в Туркмении, Узбекистане, Афганистане. На городище Сапалли-депе (юг Узбекистана) обнаружена печать с изображением четырех змей²⁹. На перегородчатой печати из Северного Афганистана ясно различается фигура божества, сидящего не то на змее, не то на драконе³⁰.

Традиция изображения змей на культовых предметах юга Туркмении сохраняется и в эпоху железа: таковы композиции из четырех змей на металлических печатях Намазга-депе³¹; носик сосуда в виде головы змеи из поселения Тахирбой-3 середины — второй половины II тыс. до н. э.³²

Начиная с сако-ахеменидской эпохи и до кушанской включительно, изображения змей часто служат в качестве элемента украшения бытовых предметов прикладного искусства. Так, на ножнах VII–VI вв. до н. э. из Амударьинского клада в композицию сцен индийского стиля включено изображение змеи³³. Змея вместе с другими животными также воспроизведена на золотых ножнах меча V в. до н. э. из сакского кургана Иссык. Извивающиеся туловища рептилий показаны на острых окончаниях пластинок кинжала схематичными вертикальными волнистыми линиями с утолщенными концами, напоминающими змеиные головки³⁴. Весьма распространены браслеты из золота и бронзы, заканчивающиеся головками змей. Таковы золотые браслеты Амударьинского клада, на которых стилизованные головки, вполне возможно, не козьи, а змеиные³⁵. Таковы браслеты, связанные с сакской традицией³⁶. Символические изображения змей в виде накладных волнистых и изгибающихся лент встречаются на керамике греко-бактрийского³⁷ и кушанского³⁸ времени. В кушанское время продолжают традиции изготовления браслетов со змеиными головками, бронзовые браслеты найдены при раскопках могильника в Кую-Мазаре в районе Бухары³⁹ и Тулхарском могильнике в Бишкентской долине на юге Таджикистана⁴⁰ (рис. 3).

Для кушанской эпохи довольно типичен образ гиппокампа — фантастического гибридного существа коне-змея, коне-дракона, который встречен на хорезмийских печатях из Беркут-калы и на театитовых палетках, обнаруженных в основном в Афганистане⁴¹. Одна театитовая палетка найдена также и на юге

²⁹ Аскаров 1977: 78, табл. XLIV.

³⁰ Сарианиди 1977: 89, рис. 47.

³¹ Куфтин 1956: 278, рис. 23.

³² Массон В. 1959: табл. XII, I; XV, I.

³³ Зеймаль Е. 1979: 43, 44.

³⁴ Акишев К. 1978: 29, 69, табл. 24.

³⁵ Зеймаль Е. 1979: 43, 44.

³⁶ Акишев К., Кушаев 1963: рис. 80, 81.

³⁷ Fouilles d'Aï Khanoum 1973: 118, fig. 18.

³⁸ Кругликова, Пугаченкова 1977: 36, рис. 29.

³⁹ Обельченко 1974: 205–207.

⁴⁰ Мандельштам 1975: 51, табл. XVII, 6, XVIII, 26, Мандельштам 1966: 119, 120, табл. LIV, 5; LV, 4.

⁴¹ Francfort 1979: 19, 39, pl. VI, 12, XIX, 57.

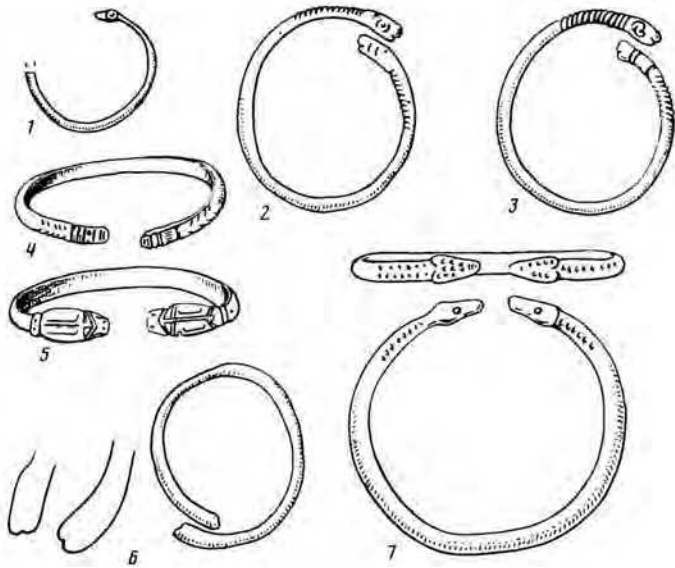

Рис. 3. Бронзовые браслеты, найденные в сако-усуньских погребениях и в могильниках Бактрии кушанского времени:

1-3 — находки из сако-усуньских погребений долины Или IV-II вв. до н. э. [Акишев К., Кушаев 1963: рис. 80-81 (курр. 12, 14)]; 4, 5 — браслеты раннекушанского времени из Бактрии II в. до н. э. — I в. н. э. (Тулхарский могильник) [Мандельштам 1966: табл. LIV, 5; LV, 4]; 6 — позднеусуньские браслеты с утолщенными концами — обобщенными зооморфными головками (возможно, змеиными) [Кушаев 1955: 209, 214, табл. I]; 7 — браслеты раннекушанского времени из Бактрии II в. до н. э. — I в. н. э. (Тулхарский могильник) [Мандельштам 1975: табл. XVII]

Таджикистана, на городище Яван в кушанском слое⁴². Всадник в кирбасии держит поводья, сидя на гиппокампе верхом. Гиппокамп изображен в летящем галопе. Передняя часть коня с характерным изгибом шеи моделирована тщательно, с хорошим знанием анатомической пластики. Туловище коня переходит в гибкий змеиный хвост, свернутый двойной петлей с круто загнутым кверху концом. Э. А. Юркевич с помощью аналогий подтвердил популярность образа гиппокампа в искусстве Среднего Востока, на территории Бактрии, ирано-парфянского региона (Дура-Европос), Восточного Туркестана⁴³. Следует отметить, что дракон

⁴² Юркевич 1965: 165, рис. 4; Francfort 1979: pl. XLVI, 93.

⁴³ Тревер 1940: 45-48; Bernard et al. 1976: 20-21, pl. 3; Rostovzeff 1935; Grünwedel 1912: 106, 107.

и драконоподобные гибридные существа — одни из излюбленных сюжетов мастеров кушанских палеток⁴⁴. С монетами кушано-сасанидских правителей в Дильберджине обнаружен стеклянный флакончик, обвитый лентой в виде змеи⁴⁵.

В парфянскую эпоху (в первые века нашей эры) изображения змей и змееподобных существ встречаются в Маргиане на статуэтках женского божества с зеркалом. Змея в качестве атрибута, явно восходящая к древнейшим культам этой страны, одновременно является своеобразным признаком иконографии женского божества, наиболее характерным для этого региона. Змеи и драконоподобные двуголовые змеевидные существа изображались у ног богини. Средства изображения этих животных довольно примитивны. Толстые и тонкие извивающиеся туловища рептилий показаны то в виде тонких и толстых плавных извивающихся рельефных лент, то ломаными прерывистыми угловыми линиями, похожими на рисунок молнии. Молниеподобная змея наводит на мысль о космогоническом толковании рассматриваемой детали. Змеи в наиболее реалистической трактовке изображены поднимающимися вверх в стойке на загнутом хвосте. Различаются на статуэтках и бескрылые драконы с длинным уплощенным туловищем, с протянутыми вперед ногами и поднятым хвостом, с длинной змееподобной шеей либо с двумя головами (одна голова как бы вырастает из другой), либо с одной головой, увенчанной ветвистым рогом в виде пальметки-трилистника. Драконам всегда сопутствуют змеи (рис. 4). К этой категории вполне возможно отнести и бактрийскую статуэтку богини-матери с ребенком, на которой схематично обозначены по бокам две змеи, олицетворяющие плодотворящие силы природы⁴⁶.

Такова небольшая сводка памятников, связанных с культом змеи-дракона в Средней Азии в кушано-парфянскую эпоху.

Обратимся к памятникам изобразительного искусства Средней Азии раннего средневековья. Они представляют для нас особый интерес, поскольку открывают перед нами новый важный этап в идеологии, связанный с образом змеи-дракона, а именно эпический.

Ко времени раннего средневековья следует отнести опубликованную Р. Гёблем группу монет, на которых змеи изображены вокруг головы правителя⁴⁷.

Для раннего средневековья сравнительно многочисленный изобразительный материал, представляющий змей и драконов, дают систематически исследуемые согдийско-уструшанские археологические памятники: древний Пенджикент, Варакша, дворцовый комплекс Шахристана. Из числа находок на городище древнего Пенджикента отметим прежде всего происходящую из местной мастерской группу стеклянных сосудов, тулово которых обвито сверху донизу змеевидными налепами⁴⁸ (рис. 5). Аналогичный стеклянный сосудик найден на городище Аджина-депе⁴⁹. Головками змей заканчиваются ручки глиняных сосудов. На концах некоторых бронзовых браслетов Пенджикента также следует

⁴⁴ Francfort 1979: pl. XII. XVII, XVIII, XX, XXVI, XXVII, XXXIII, XXXIV.

⁴⁵ Кругликова, Пугаченкова 1977: 80, рис. 77.

⁴⁶ Бабаев 1982: 32, 33, рис. 1.

⁴⁷ Göbl 1967: Bd. I: 165; Bd. II: 228; Bd. III: 242 (1–3), Taf. 66; Bd. IV: Taf. 2, 50.

⁴⁸ Беленицкий и др. 1973: 66, 67.

⁴⁹ Литвинский, Зеймаль 1971: 23, 24.

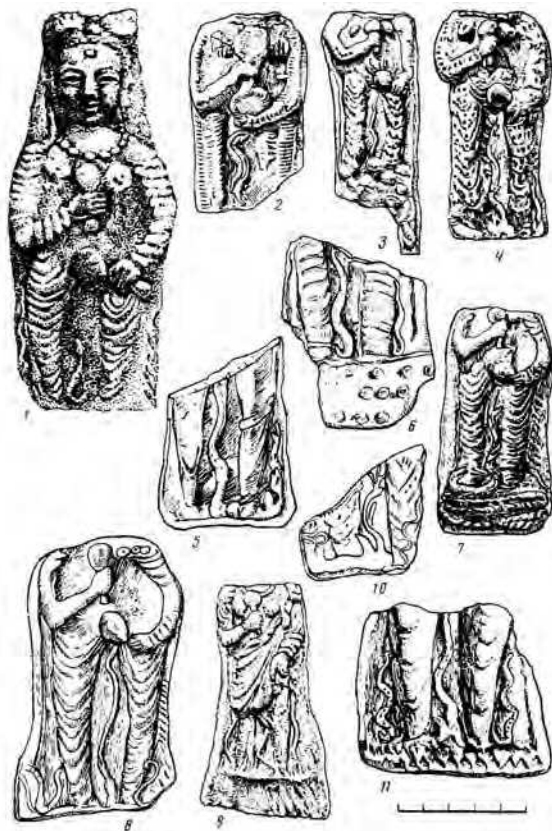

Рис. 4. Змеи и драконы в иконографии маргианской богини.
Богиня с изображением змей:

1 — оттиск из формочки — богиня с двумя зеркалами (Гиуркала — МГК); 2 — с зеркалом и сосудом (МГК, Р-6 $\frac{1}{IX}$); 3 — с двумя зеркалами, одно из них с лучами, змея в виде ломаной линии (Чиркоу-депе); 5 — № 80 (МГК) — Институт искусствознания АН УзССР, Ташкент; 6 — фрагмент статуэтки с изображением ног богини и двух змей (Чанглы-депе) — Историко-краеведческий музей, г. Ашхабад, опись 147, № 3), инв. 2366. Богиня с драконом и сопутствующими змеями; 4, 7, 11 — МГК, Р-6 $\frac{1}{XI}$ $\frac{10}{VII}$ (67), Р-6 $\frac{1}{IX}$ $\frac{6}{83}$ В, XVII) — Институт искусствознания АН УзССР, г. Ташкент; 10 — Крылатый и рогатый дракон у ног богини (Гебеклы-депе, Историко-краеведческий музей, г. Ашхабад) $\frac{0-137}{28}$, инв. список коллекций № 2002, опись № 137, инв. 2356

Рис. 5. Стекланный сосуд с изображением змеи. Пенджикент

видеть схематически выполненные головки змей. Выразительно и разнообразно переданы образы драконов на памятниках монументального искусства, особенно в скульптуре и живописи древнего Пенджикента. Таковы отдельно найденные глиняные фигуры драконов с характерными крокодильими головами и изогнутыми спинами⁵⁰. Замечательным по исполнению представляется изображение двух драконов на частично сохранившейся глиняной скульптуре, условно названной «тиарой»⁵¹ (рис. 6). Эти существа с крокодильими головами и перевитыми длинными хвостами, лапами и крыльями расположены в позе яростной схватки. Вероятно, от аналогичного существа сохранилась голова дракона на глиняной рельефной панели в айване второго храма, рядом с тритоном⁵² (рис. 7). Скульптурный образ дракона (не полностью сохранившийся), выполненный

в штуче, найден в Варахше. По описанию В. А. Шишкина, это «чудовище с разинутой пастью и острыми зубами. На голове у него небольшие загнутые вперед рога. Уши прижаты к длинной изогнутой шее с гривой, обозначенной завитками с шерстью. Щека обрамлена треугольной бородкой»⁵³. Сходными по своему характеру и сюжету являются изображения драконов, выполненные в дереве, которые были открыты во дворце афшинов Уструшаны в Шахристане. В одном случае у дракона, по словам Н. Н. Негматова, «человеческие черты головы и корпуса» и ему навстречу «скачут две группы всадников». Другое изображение представляет дракона, поверженного воином-всадником⁵⁴. Фантастический образ двуголовой змеи также соответствует средневековому этапу развитого мировоззрения эпического содержания⁵⁵.

Исключительно большой интерес представляют изображения змеи и драконовидных существ в живописи Пенджикента. Замечательно живописное изображение дракона с головой крокодила и телом в виде следующих друг за другом мощных колец, служащего сидалищем-троном для женской четырехрукой богини⁵⁶.

⁵⁰ Беленицкий 1959: 68, 72, табл. XXXVI, XXXVIII; 1973: табл. 75.

⁵¹ Беленицкий 1959: табл. XXV; 1973: табл. 76.

⁵² Belenizki 1980: Taf. 96.

⁵³ Шишкин 1963: 183, рис. 105.

⁵⁴ Негматов 1977: 353, 362.

⁵⁵ Воронец 1956: 51, рис. 7.

⁵⁶ Беленицкий 1973: 13, 14, табл. 1.

Рис. 6. Изображение двух драконов в схватке. Пенджикент

Рис. 7. Композиция на рельефной панели из Пенджикента

Несомненно, наибольший интерес представляет изображение фантастического существа, которое мы вправе назвать драконом, открытое в многокадровой повествовательной живописной композиции, вошедшей в литературу под именем «Рустемиада». Здесь дракон представлен в наиболее сложном виде в трех кадрах. В двух из них у него голова львицы, верхняя часть туловища и руки человека, с плеч выступают крылья. Остальная часть его в виде мощного змеиного хвоста. Дракон как бы весь начинен огнем, который вырывается из многих нанесенных ему ран. К сожалению, от третьего кадра сохранилась только голова чудовища. У него голова льва с руками человека. Но, безусловно, в полном

виде он был сходен с изображением в первых двух кадрах⁵⁷. Наконец, отметим, что на памятниках монументального искусства при изображении предметов материальной культуры последним приданы змее- или драконообразные формы. Таковы, например, изображения мечей и кинжалов в пенджикентской живописи, рукояти которых заканчиваются головой дракона⁵⁸. Так же оформлены и некоторые наплечья доспехов⁵⁹. Головой дракона украшена арфа⁶⁰. Так же оформлены рукояти мечей на известном биянайманском оссуарии⁶¹.

Упомянутую глиняную статуэтку Эрмитажа, изображающую человеческую фигуру с выступающими из плеч двумя змеями, Н. В. Дьяконова с полным основанием отождествила с образом знаменитого персидского эпоса — Зохаком⁶². Едва ли вызывает сомнение, что пенджикентский живописный памятник, изображающий персонаж в короне и с нимбом с вырастающими из плеч змеями, следует также идентифицировать с тем же эпическим героем, Зохаком — царем-тираном, как его рисует Фирдоуси в «Шахнаме»⁶³ (рис. 8). Н. Н. Негматов видит так же образ Зохака на резном дереве Шахристана, трактуя композицию в целом как эпизод борьбы героя Феридуна — славного героя «Шахнаме», освободителя страны от тирана — с узурпатором трона Зохаком⁶⁴.

Особый интерес с точки зрения семантической символики представляет скульптурная голова Зохака со змеями, функционально выполняющая роль ручки крышки оссуария из Тараза, который датируется, как и весь оссуарный таразский комплекс, временем раннего средневековья — VI–VII вв. н. э.⁶⁵ Образ дракона запечатлен на костяном сосуде (для хранения трута) из Сукулукского городища (слой V–VII вв. н. э.)⁶⁶. Изображение рептилий встречается и в искусстве зрелого средневековья: змеи на керамике Туркмении⁶⁷ и дракон на медальоне из Отрара XII–XIII вв.⁶⁸

Образы змей, драконов Зохака сохранились в этнографии Средней Азии не случайно. Запись, сделанная Г. П. Снесаревым в Хорезме, в этом отношении представляет значительный интерес. Приведем в сокращенной форме его сообщение: «В 50 км от Куны-Ургенча издавна почитался мазар святого с весьма оригинальным именем Аждар-Бобо; аждар, аждархо — так народная традиция повсюду в Средней Азии именвала сказочного дракона с огнедышащей пастью, образ которого восходит к авестийскому Ажи-Дахаке, ипостаси божества зла Ангро-Майнью». Г. П. Снесарев приводит легенду, услышанную им от местного жителя — ответ на вопрос о том, почему так назван мазар: «Да потому, что

⁵⁷ Беленицкий 1973: табл. 7.

⁵⁸ Беленицкий 1973: 82, 128.

⁵⁹ Belenizki 1980: 82, 109.

⁶⁰ Живопись... 1954: табл. XXXIV.

⁶¹ Ставиский 1961: 168.

⁶² Дьяконова 1940: 196–209.

⁶³ Belenizki 1980: 203, 204.

⁶⁴ Воронина, Негматов 1975: 64–66.

⁶⁵ Ремпель 1957: 106, 107, рис. 40.

⁶⁶ Бернштам 1952а: 146–147.

⁶⁷ Лунина 1960: 84, 85.

⁶⁸ Акишев А., Байпаков 1981: 229.

этот святой все сметал на своем пути, пусть даже миллион людей ему встретится... Ажда-бобо на всех наводил ужас одним своим видом»⁶⁹.

Мы можем с полным основанием отнести к определенному эпическому сюжету сцены борьбы героя с драконом, как они воплощены в пенджикентской живописи, в композиции, названной Рустемпадой. Сопоставление данного сюжета в целом со знаменитой эпической поэмой «Шахнаме» Фирдоуси сделано в ряде публикаций. Не повторяя сказанного, приведем значительный материал из таджикской этнографии, характеризующий образ дракона, записанный А. А. Семеновым: «По берегам горных рек, в мрачных ущельях гор, где зарождаются шумные потоки, обитают драконы (аждахоры) — чудовища в виде больших змей без ног, с длинной гривой, с громадной головой и страшной пастью, которая усажена острыми и крепкими зубами. Из пасти дракона выходит дым и огонь и постоянно истекает желтая ядовитая слюна. Пасть дракона и глотка так велики, что проглотить человека для него ничего не значит. Драконы очень любят лакомиться человеческим мясом и потому, как только завидят человека, стараются втянуть его в себя, с необыкновенной силой вбирая в себя воздух. Попав в эту воздушную струю, человек, как перо, летит к пасти дракона и отуманенный зловонными испарениями, выходящими изо рта последнего, обожженный его огнем, без чувств падает в рот аждахора, который и пожирает его. Все драконы и змеи гор подчиняются живущему в недоступных для людей заоблачных высях гор “Змеиному Царю” (Шохи-Моро), который обитает в своей столице — “Змеином городе”. Он великий волшебник, и окружающая его свита старается превзойти друг друга в совершении различных невиданных и небывалых проявлений волшебной силы»⁷⁰. Сходство этого описания с художественным образом, созданным неведомым художником на пенджикентской росписи, следует признать

Рис. 8. Изображение Зохака в живописи Пенджикента

⁶⁹ Снесарев 1969: 291, 292.

⁷⁰ Семенов 1903: 77.

поразительным. Вместе с тем при сравнении всего сюжета в целом с трактовкой его в «Шахнаме» и в приведенном этнографическом материале о полном тождестве их не приходится, разумеется, говорить.

В пенджикентской росписи, очевидно, отражен мотив подвига. В росписи представлена женская фигура с челом, украшенным повязкой типа диадемы. Женщина помещена позади горы, у подножия которой лежит поверженный змей. По всей вероятности, речь идет об освобождении царской дочери, оказавшейся в плену у чудовища в горах. Было высказано предположение, согласно которому в трактовке пенджикентской живописи нашли отражение и элементы легенды о Георгии Победоносце, распространенные в странах Ближнего Востока в эпоху раннего средневековья. Подтверждением тому является ряд деталей в иконописной христианской трактовке этой легенды и также в изобразительной ее передаче⁷¹.

Этнографический материал указывает на двойственное отношение к змее в Средней Азии. На Памире змея почиталась как благодетельное существо. Согласно М. С. Андрееву, помещение змеи в стойле для скота уже должно было содействовать умножению скота⁷². В Хорезме, по наблюдениям Г. П. Снесарева, к змее было и положительное и отрицательное отношение⁷³.

Весьма значительный интерес представляют записи этнографа А. К. Писарчик⁷⁴, сделанные в Канибадаме и Бухаре. Так, в записи из Канибадама читаем: «Душа человека воплощается после смерти в птице, драконе или змее. Запрет убивать змею в доме, кладбище, мазаре распространяется и на ядовитых. Эрони Бухары делают змей на вредных и безвредных — последние воплощение душ умерших». Таджикский этнограф М. Хамиджанова опубликовала специальную статью, сопроводив ее интереснейшими иллюстративными материалами по апотропейному характеру изображений змей на предметах детской одежды⁷⁵.

Трактовка дошедших до нас памятников искусства Средней Азии не покрывает собой, разумеется, весь круг идеологических представлений, с которыми были связаны образы змей и дракона в Средней Азии на протяжении многих веков развития культуры ее народов. Ограничимся указанием на основные смысловые расщепления образов змей и змееподобных существ на среднеазиатском материале. Это прежде всего связь змеи и дракона с загробным миром. В отношении среднеазиатских народов хтоническое начало, связанное с образом змеи-дракона, отмечают большинство исследователей. В еще большей степени, чем ряд других представителей мира животных, змея и дракон связаны с водной стихией. Об этом свидетельствуют прямые сообщения дошедших до нас письменных источников. Различные водоемы, озера, реки и даже колодцы являются излюбленным местопребыванием змей и драконов. Письменные источники называют конкретные водоемы, которые служат местопребыванием дракона.

⁷¹ Belenitskii, Marshak 1981: 100.

⁷² Андреев 1953: 222.

⁷³ Снесарев 1983: 46–49.

⁷⁴ Писарчик 1976: 173.

⁷⁵ Хамиджанова 1960: 220, рис. 53.

Змеи и драконы олицетворяют идею плодородия и являются существенным атрибутом иконографии женского божества юга Средней Азии (в древнейшей архаической Туркмении) и в кушано-парфянскую эпоху (в Маргиане и Бактрии). Этот аспект змеи нашел отражение и в среднеазиатском фольклоре⁷⁶. Змеемолния — понятие, хорошо известное в древнеарийских воззрениях⁷⁷. Символика образа змеи связана с космогоническим началом, с представлением о «бесконечности времени». Она нашла отражение в иконографии Зрвана — важнейшего персонажа пантеона митраизма⁷⁸.

В средневековый период, с момента коренной ломки мировоззрения, преобладающим образом становится дракон, олицетворяющий темные, злые силы. Тема победного сражения героя эпоса с драконом становится традиционной. Тематика некоторые аспекты расшифровки семантики с тенденцией эволюции образа змеи-дракона на основе обзора имеющихся в нашем распоряжении в настоящий момент памятников изобразительного искусства Средней Азии. Они пополняют источниковедческую базу исследования столь популярного зооморфного сюжета на материалах Средней Азии в широких хронологических пределах от мезолита до раннего средневековья.

Цитированная литература

- Акишев А. К., Байпаков К. М. Медальон с изображением борьбы с драконом из Отрара // СА. 1981. № 4.
- Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
- Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Вып. I. Сталинабад, 1953 (ТАН. Т. 7).
- Антонова Е. В. Мургабские печати в свете религиозно-мифологических представлений первобытных обитателей юга Средней Азии и их соседей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.
- Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
- Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1983.
- Бабаев А. Д. Киропластика Чим-Кургана (Северный Таджикистан) // СА. 1982. № 4.
- Беленицкий А. М. Находка железного ключа в Пенджикенте // КСИИМК. Вып. XXIX. 1949.
- Беленицкий А. М. Железный ключ из Пенджикента // МИА. № 15. 1950.
- Беленицкий А. М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959.
- Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973.
- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

⁷⁶ Андреев 1953: 49.

⁷⁷ Афанасьев 1983: 99.

⁷⁸ Беленицкий 1949: 103, рис. 25; 1950: 222.

- Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952а (МИА. № 26).
- Бернштам А. Н.* Наскальные изображения Саймалы-таш // СЭ. 1952б. № 2.
- Воронец М. Э.* Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской области // КСИИМК. Вып. 61. 1956.
- Воронина В. Л., Негматов Н. Н.* Открытие Уструшаны // Наука и человечество. М., 1975.
- Дьяконова Н. В.* Терракотовая фигурка Зохака // ТОВЭ. Т. III. 1940.
- Живопись древнего Пянджикента.* М., 1954.
- Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад. Л., 1979.
- Кастанье Г.* Культ змей у различных народов и следы его в Туркестане // ПТКЛА. Год 17-й. 1913.
- Кожин П. М., Сарияниди В. И.* Змея в культовой символике анауских племен // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджин. М., 1977.
- Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // ТЮТАКЭ. Т. 7. 1956.
- Кушаев Г. А.* Два типа погребений правобережья р. Или // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата, 1955.
- Литвинский Б. А.* Намазга-тепе по данным раскопок 1949–1950 гг. // СЭ. 1952. № 4.
- Литвинский Б. А.* Кангойско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968.
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Аджина-Тепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971.
- Лунина С. В.* Зооморфные сюжеты в керамике со штампованной орнаментацией из гончарной мастерской XII — начала XIII в. квартала керамистов Старого Мерва // ТашГУ. Вып. 172. 1960.
- Маджи А. Е.* Наскальные рисунки в горах Могол-тау // ИООН. Вып. 14. 1957.
- Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.; Л., 1966 (МИАСССР. № 136; ТТАЭ. Т. V).
- Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975 (ТТАЭ. Т. VII).
- Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959 (МИА. № 73).
- Массон В. М., Сарияниди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973.
- Материалы поездки Г. В. Парфенова в Зараут-сай УзССР // Фототека ЛОИА АН СССР. Инв. 1481–62 (4).*
- Негматов Н. Н.* Резное дерево дворца афшинов Уструшаны // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1976 г. М., 1977.
- Обельченко О. В.* Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе // Центральная Азия в эпоху кушан. Т. I. М., 1974.
- Писарчик А. К.* Смерть и похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3. Душанбе, 1976.
- Ремпель Л. И.* Некрополь древнего Тараза // КСИИМК. Вып. 69. 1957.
- Сарияниди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля // СА. 1976. № 1.
- Сарияниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Сарияниди В. И.* Культовый сосуд из Маргианы // СА. 1980. № 2.
- Семенов А. А.* Этнографические очерки Зеравшанских гор Каратегина и Дарваза. М., 1903.

10. Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии

Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

Снесарев Г. П. Как вы относитесь к змеям? // Наука и религия. М., 1983. № 3.

Ставиский Б. Я. Оссуарии из Бия-Наймана // ТГЭ. Т. 6. 1961.

Сухарев И. А. Наскальные изображения Илян-сая // Социалистическая наука и техника. Ташкент, 1938. № 3.

Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940 (Памятники культуры и искусства в собрании Эрмитажа. I).

Хамиджанова М. Некоторые представления таджиков, связанные со змеей // ТАН. Т. 120. 1960.

Хлопин И. Н., Хлопина Л. И. Второй сезон раскопок могильника Пархай-II // КСИА. Вып. 176. 1983.

Чவர் Л. А. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.

Шишкин В. А. Варакша. М., 1963.

Юркевич Э. А. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии // СА. 1965. № 4.

Belenizki [Belenitskii] A. M. Mittelasien — Kunst der Sogden. Leipzig, 1980.

Belenitskii A. M., Marshak B. J. Theme: Subject Matter and Iconography in Secular Imagery // Azarpay G. Sogdian Painting. The Pictorial Epic in Oriental Art / With contributions by A. M. Belenitskii, B. I. Marshak, and M. J. Dresden. Berkeley; Los Angeles; London. 1981.

Bernard P., Francfort H. P., Gardin J. C. Fouilles d'Aï Khanoum (Afghanistan) campagne de 1974 // BEFEO. T. 63. 1976.

Fouilles d'Aï Khanoum. 1. Paris, 1973 (MDAFA T. XXI).

Francfort H. P. Les palettes du Candhara. Paris, 1979 (MDAFA. T. XXIII).

Göbl R. Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Bactria and Indien. Bd. I-IV. Wiesbaden, 1967.

Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesische Turkestan. Berlin, 1912.

Kohl Ph. L. The Balance of Trade in Southwestern Asia in the Mid-Third Millennium B.C. // Current Anthropology. Vol. 19/3. Chicago, 1978.

Masimov I. S. The Study of Bronze Age Sites in the Lower Murghab // The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries. New York, 1981.

Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilizations of Anau: Origins, Growth, and Influence of Environment. Vol. 1. Washington, 1908 (Carnegie Institution of Washington. Publication No. 73).

Rostovzeff M. Dura and the Problem of Parthian Art // YCS. Vol. V. 1935.

Sarianidi V. I. Seal Amulets of the Murghab Style // The Bronze Age Civilizing of Central Asia: Recent Soviet Discoveries. New York, 1981.

Зотовић хубице. Митраизам на тлу Југославије. Београд, 1972.

ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТОВ СОГДА ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНДЖИКЕНТСКИХ ХРАМОВ¹

А. М. Беленицкий

В результате систематических раскопочных работ на одном из участков шахристана Пенджикента, начатых в 1947 г., раскрыты два больших здания, сходных по плану. На их стенах сохранились остатки замечательной по своим живописным достоинствам росписи, чрезвычайно интересной и по своему содержанию. Оба здания, несомненно, представляют собой храмы какого-то домусульманского культа.

Судя по современному топографическому облику шахристана Пенджикента, центральным пунктом города была площадь, расположенная в его северо-восточной части (рис. 1). Вокруг нее, как можно полагать, группировались главные общественные постройки города. К западу от площади, непосредственно примыкая к ней, находятся остатки зданий храмов. Их положение в центральной части города свидетельствует прежде всего о том, что и культ, который они представляли, несомненно господствовал в городе.

Чрезвычайно интересны планы зданий. Сейчас мы можем представить себе почти полностью план первого здания (рис. 2). Во втором здании (рис. 3) работы еще не закончены. Оба здания в своем первоначальном виде построены по единому плану. Разница между ними состоит лишь в появлении добавочных помещений, которые предназначались для служебных и хозяйственных целей или же служили чем-то вроде приделов, где также производились обрядовые действия. Основные помещения этих храмов несколько отличаются друг от друга по своим пропорциям.

Главные помещения обоих зданий состоит из открытых на восток четырехколонных залов, к которым с западной стороны примыкают закрытые помещения. С восточной стороны они переходят в портики, образующие их фасады. Характерной особенностью плана этих помещений и обоих зданий является то, что они, последовательно уменьшаясь в ширину (с востока на запад), образуют в плане своеобразный ступенчатый контур.

¹Первая публикация: Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. С. 25–82.

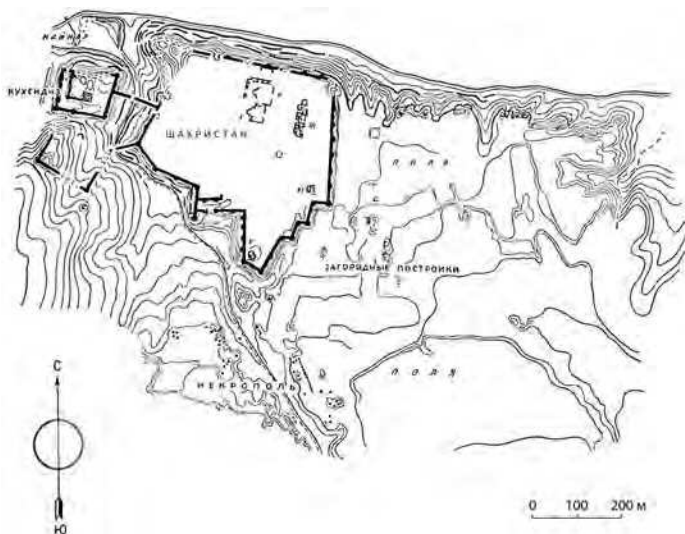

Рис. 1. Общий план городища древнего Пянджикента и его окрестностей.
Съемка 1952 г.

К основному массиву помещения с трех нефасадных сторон примыкали узкие удлиненные помещения — коридоры. Однако эти помещения в обоих зданиях различны. Подробно не останавливаясь здесь на этом вопросе, хотя и имеющем, на мой взгляд, существенное значение, отмечу, что в здании I эти коридоры в результате перестроек превратились в закрытые помещения хозяйственного назначения. Из них два коридора (южный и западный) в последний период своего существования между собой не сообщались. Что касается северного и южного, то они, по-видимому, соединялись дверным проемом. Иная картина в здании II: здесь эти помещения представляются в виде открытых галерей с перекрытиями, покоившимися на столбах. Здание I имеет и другие помещения, пристроенные к нему позже с южной стороны.

Восточными фасадами оба здания выходят на сравнительно обширные дворы, окруженные оградами. Обследована полностью лишь ограда здания I. С северной и восточной сторон ограда состояла из системы помещений культового и хозяйственного назначения. Особый интерес представляет небольшой «придел» к северной стене ограды, состоящий из двух помещений, план которых повторяет план главного зала и закрытого помещения. В ограде выявлен план ворот, расположенных в самой середине южной ограды на одной оси с главными помещениями храма. При обследовании этой ограды со стороны второго

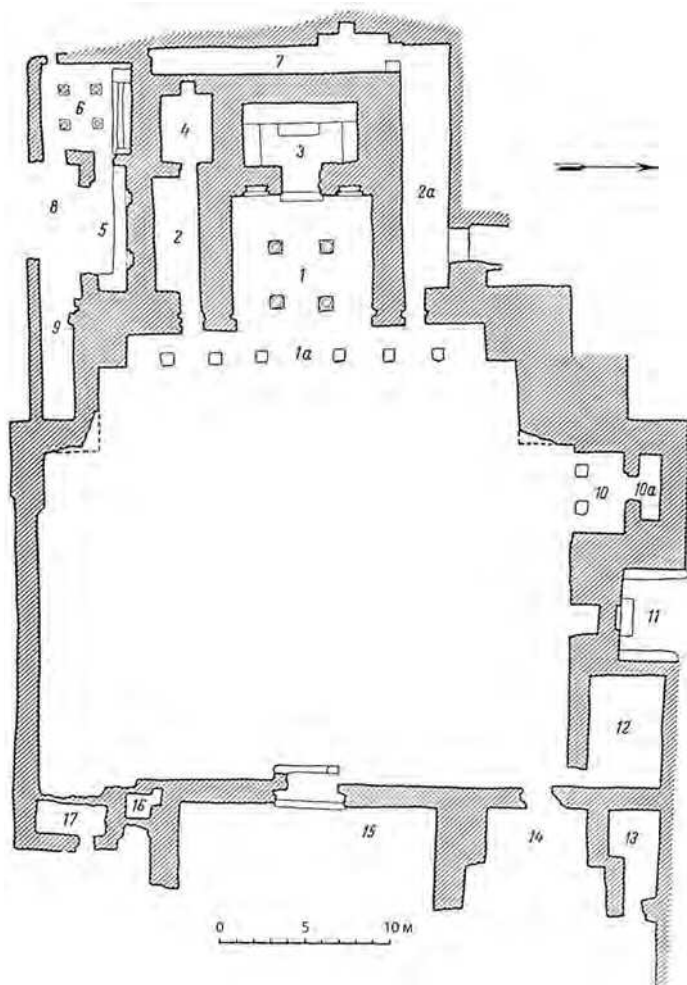

Рис. 2. Пенджикент. План объекта I

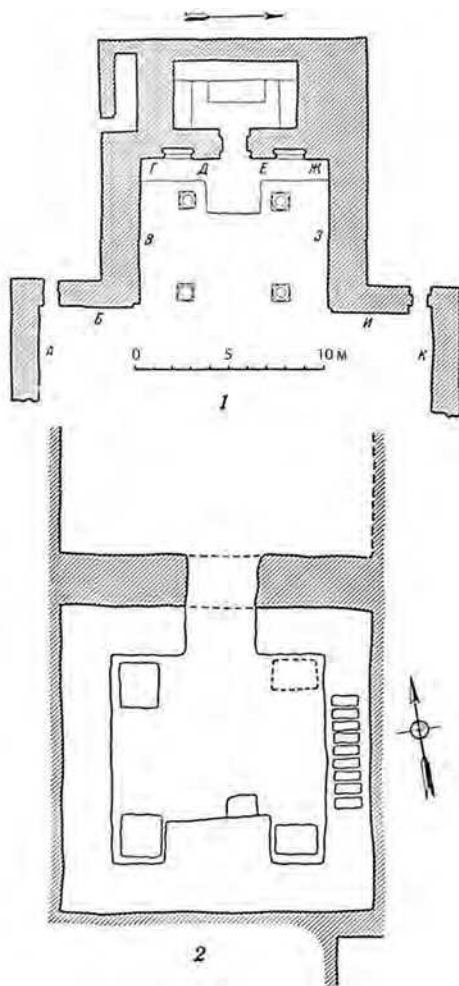

Рис. 3. Пенджикент:
1 — план объекта II; 2 — план объекта VI

двора в юго-восточном ее углу открыты ниже уровня поверхности двора два помещения, принадлежавших ко времени, более раннему по сравнению с временем возведения храмов. Открытие этих помещений выдвигает проблему истории города в целом, а также истории сооружения храмов. Прежнее представление об однослынности городища и кратковременности существования города приходится поставить под сомнение.

Из сохранившихся внутренних архитектурных деталей храмов следует отметить наличие в главных залах по две большие ниши — по одной в каждом из простенков западной стены. Ниши предназначались для помещения крупных скульптур, не дошедших до нас. Лишь в одной из ниш храма II (северной) снизу сохранился небольшой скульптурный фрагмент из глины, который, как видно, представляет собою остаток одежды несохранившейся статуи. Ниши меньшего размера обнаружены в северной стене пятого помещения. Главные помещения храма I — четырехколонный зал, прилегающее к нему закрытое помещение и портик — погибли при пожаре. Большое количество горелого дерева, обнаруженного при раскопках в этих помещениях, говорит о том, что во внутреннем оформлении деревянные архитектурные детали играли большую роль.

Из находок наиболее интересна значительная коллекция монет, которые, за исключением единичных экземпляров, относятся к ограниченному отрезку времени, охватывающему приблизительно одно столетие, а именно от середины VII до середины VIII в. Благодаря им в последний период существования зданий может быть датирован вполне определенно этим временем. Подавляющее же большинство находок состоит из разнообразных предметов украшения в виде поделок из металла (меди, золота), драгоценных и полудрагоценных камней.

Найдено большое количество костей животных и птиц, которые, судя по их обилию, накопились в течение длительного времени. Вместе с ними найдено значительное количество фрагментов сосудов, по преимуществу типа столовой посуды — чаш, блюд, кувшинов, и меньше находок кухонной посуды.

Подавляющая масса находок сделана в боковых помещениях храма I.

Общий характер открытых зданий не оставляет сомнения в их культовом назначении: это — храмы, что подтверждается особенностями их плана в целом и устройством отдельных помещений. Однако наиболее наглядным свидетельством их назначения служат открытые в них настенные росписи. В свое время росписи покрывали, по-видимому, все внутренние стены, получавшие достаточное солнечное освещение. К сожалению, в здании I росписи главного зала и портика погибли во время пожара. В тех помещениях, которых пожар не коснулся, сохранность росписей неодинакова. Многие участки погибли от воздействия климатических или иных условий, в результате многовекового пребывания под землей. Немало, видимо, уничтожено и человеком.

Общей и наиболее характерной чертой живописи, открытой в храмах, является то, что она сюжетна, изображает целые сцены с большим количеством персонажей, в них участвующих. Сцены, в свою очередь, входили в состав сложных композиций. То, что дошло до нас, представляет лишь небольшую часть фрагментов этих сцен и композиций. Однако, несмотря на это, мы все же в состоянии как восстановить содержание отдельных сцен, так в общих чертах

11. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

раскрыть, правда весьма предположительно, и сюжеты в целом. Ниже дано краткое описание отдельных фрагментов.

На фрагменте росписи на стене помещения 5 здания I (I, 5) представлены три мужские головы в профиль, без головных уборов. Четвертая угадывается по отдельным линиям. Все они смотрят вправо. Головы принадлежали фигурам, изображенным во весь рост. Третья справа фигура держала в руках какой-то предмет с витой ручкой, вероятно, факел. У отдельных фигур различимы кисти рук, поднятые вверх в жесте адорации почти на уровень лица. Вправо от указанных голов сохранились остатки изображения божества в виде человеческой фигуры, отличающейся более крупными размерами по сравнению с фигурами людей (цв. вклейка 1). Отличительным признаком «божественности» этой фигуры, помимо ее размеров, служат лучистый венец и нимб вокруг головы. Роспись сохранилась здесь очень плохо, черты лица различимы только в нижней части. Можно, однако, считать несомненным, что лицо божества молодое, безбородое и также обращено вправо. Эта деталь весьма важна, так как позволяет предположить, что сохранившийся фрагмент представляет часть сюжета, которым была занята вся поверхность стены. Действительно, явные следы большой картины в виде разноцветных нитей были различимы и центральной части стены между нишами. Здесь находилось, как можно полагать, изображение божества, в сторону которого обращены фигуры на сохранившемся фрагменте живописи. Очевидно, что и на участке стены справа от восточной ниши также имелись изображения, дополнившие общий сюжет сцены. О характере этих изображений судить нет никакой возможности.

Роспись на стенах придела в северной ограде сохранилась несколько лучше, чем только что охарактеризованная, хотя и здесь часть изображений полностью исчезла, а среди сохранившихся многое дошло до нас в сильно пострадавшем виде. Так, на западной стене айвана вся штукатурка отпала, а вместе с нею погибла и бывшая здесь роспись. Очень пострадала роспись и на одной стене внутреннего помещения. Однако на остальных трех стенках обнаружены сравнительно хорошо сохранившиеся крупные фрагменты, содержание которых поддается расшифровке. На каждой из стен придела представлена отдельная законченная сцена, но в целом все сцены составляли единую композицию, которая, несмотря на значительные лакуны, о которых сказано выше, восстанавливается с достаточной определенностью. Роспись в приделе сохранилась на четырех стенах — на лицевой стене внутреннего помещения (I, 10а) и на трех стенах айвана. На первой из указанных стен была изображена, как можно полагать, центральная сцена всей композиции. К сожалению, именно она сохранилась хуже остальных. Срединная часть ее полностью уничтожена, вероятно преднамеренно. Эта часть стены против входа была ооконтурена двцветной рамкой, от которой остался нижний правый угол. По всей вероятности, рамка должна была изображать бордюр ковра, на котором сидело божество или, во всяком случае, главный персонаж всей композиции. Верхний слой штукатурки внутри рамки содран здесь почти целиком, и поэтому судить о характере изображений невозможно. На остальной части композиции с обеих сторон центральной рамки расположены группы людей, каждая из которых состоит из пяти

персонажей. От большинства изображенных фигур сохранились лишь фрагменты, но благодаря четкости рисунка содержание сюжета росписи восстанавливается в достаточной степени определенно.

Изгибы линий сохранившихся частей голов, туловищ, положение рук и ног, безусловно, говорят о том, что здесь изображена сцена пляски. В руках некоторых фигур распознаются и музыкальные инструменты. Как мне кажется, по формам могут быть определены три таких инструмента: один — типа бубна — находится в руках второй фигуры, считая от западной стены. Находящаяся рядом с ней третья фигура держит односторонний барабан типа литавр. Инструмент, который держит на груди первая фигура справа от центральной рамки, — известный и по памятникам изобразительного искусства, а также в этнографии, биконический барабан с перехватом посредине. Чрезвычайно интересно, что найденная на городище Пенджикента статуэтка изображает музыканта с таким же инструментом, который он держит точно так же на груди.

Таким образом, можно считать несомненным, что на лицевой стене внутреннего помещения находилась сцена культовой пляски, сопровождаемой игрой на музыкальных инструментах, перед изображением божества или божеств, которые помещались в середине картины. Три остальные сцены помещены на стенках айвана (I, 10): две — в простенках северной стены, слева и справа от дверного проема, и одна — на восточной стене. На западном простенке большую часть сохранившегося фрагмента росписи занимают две мужские фигуры, сидящие на ковре (или на кошме) со скрещенными ногами (цв. вклейка 3). Лица у обоих уничтожены, по всей вероятности, преднамеренно. Особенно пострадала правая фигура. Повторенный в середине стены знак, процарапанный острым предметом, в котором можно видеть арабское слово «ла» («нет»), выдаст того, кто это сделал, а именно завоевателя-мусульманина. Фигуры и покроя одежды совершенно одинаковы у обоих. Они одеты в узкие в талии, глухо застегнутые кафтаны, перетянутые поясами, к которым привешены длинные мечи, свободно лежащие у них на коленях. Однако окраска одежды различна: у правой фигуры — темная (черная), у левой — светлая (розовая). Правая фигура держит в левой руке пиалобразную чашу. Рядом слева же стоит на ковре плоское блюдо с плодами. В правой руке, опущенной к бедру, находится ветка лиственного дерева, поднимающаяся выше плеча. Такая же ветка находится у левой фигуры в левой руке. У нее от правой руки осталась лишь часть предплечья; тем не менее, судя по положению, можно полагать, что она была так же поднята, как и левая рука правой фигуры, и, вероятно, держала так же чашу. На лице этой фигуры сохранились частично черная борода клином и тонкая черная бровь. Чрезвычайно своеобразны головные уборы в виде белых островерхих колпаков с разрезами по бокам. Закинутае назад длинные ленты вместе с заткнутыми за повязку пучками веток такого же дерева, как и в руках, придают фигурам праздничный вид. Из-под головных уборов опускаются на плечи длинные вьющиеся черные волосы. За головой каждой фигуры находится по табличке, на одной из которых заметны следы надписи, шедшей сверху вниз.

Дополняют картину три одинаковых изображения фантастических животных, которые парят над человеческими фигурами. Из-за плохой сохранности не все

11. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

элементы, соединенные в этих фантастических животных, могут быть точно определены. Крылья птицы, туловище и хвост водяного существа совершенно несомненны, но голова и передние ноги животного не ясны; они, возможно, принадлежат лошади, собаке или другому животному. Все эти существа обращены вправо. Выброшенные вперед ноги придают динамичность их позам, что еще более подчеркивается развевающимися белыми лентами, прикрепленными к их груди: они как бы находятся в стремительном полете.

Аналогичный сюжет представлен и на восточной стене айвана. Большие размеры стены дали художнику разместить большее число фигур. Здесь первоначально были изображены четыре сидящие фигуры (от крайней справа сохранилось лишь изображение части ноги). Фигуры расположены парно; в каждой паре они обращены лицами друг к другу. Характерно, что и здесь лица больше всего пострадали и также, по-видимому, преднамеренно уничтожены. Но в остальном сохранность этих фигур удовлетворительная. Превосходно сохранился рисунок тканей одежды, так же как и ковра, на котором они сидят. На головах у них, видимо, были такие же головные уборы, как и у фигур на северном простенке (сохранился только у одной). В руках они также держат по ветке и чаше. На столике, стоящем между первой слева и второй фигурами, находится блюдо с плодами. Над фигурами сохранилось изображение парящего фантастического существа, но плохой сохранности (цв. вклейка 4).

Особенно интересна роспись на северной стене, справа от двери (цв. вклейка 2). Здесь изображена сцена жертвоприношения, в котором принимает участие целая группа служителей во главе с жрецом. Вся сцена композиционно разделена на две части. В левой от зрителя изображен жрец перед жертвенником. В правой части изображены пять других участников обряда, помощников главного жреца. Исключительно большой интерес представляет прежде всего изображение самого жертвенника. Это сложное металлическое (из бронзы) сооружение, состоящее, как можно полагать, из трех отдельных частей: высокой подставки в виде усеченного конуса; непропорционально широкого закрытого (?) сверху цилиндра или барабана, прикрепленного к подставке; овальной металлической чаши на высокой ножке, установленной внутри цилиндра. Чаша наполнена плодами, над которыми поднимаются языки пламени.

Перед жертвенником на небольшом коврике стоит на коленях жрец. Лицо его уничтожено. От изображения черных, спускающихся к плечам волнистых волос сохранились отдельные мазки черной краски. Следов головного убора не заметно. Другие лица, участвующие в сцене, изображены также без головных уборов. В левой руке жрец держит металлическую чашу. В правой руке, высоко поднятой над жертвенником, он держит металлическую ложечку, которой совершает возлияние (маслом?) над чашей с плодами.

Между жрецом и жертвенником стоит металлический кувшин, от которого сохранились очертания ручки, крышки и частично тулова.

Во второй части сцены, как указывалось, изображено пять фигур. Сохранность росписи здесь в целом худшая, и фигуры улавливаются лишь по контурам отдельных частей тела. Первая фигура наиболее крупная, но все же меньше жреца, представляет также бородатого мужчину в коленопреклоненной позе.

У этой фигуры сохранились отдельные черты лица, борода и волосы. Однако верхняя часть тела, в частности руки, не сохранилась. Вторая фигура помещена позади него. У нее лицо также не сохранилось. Судя по пропорциям и отсутствию следов бороды, фигура изображает юношу. Это единственный участник сцены, стоящий во весь рост. В левой руке он держит чашу, правая не видна. Тонкая талия затянута узким поясом. Оружия нет. Сохранность фигур нижнего ряда крайне плоха. Фигуры мелкие, по-видимому, изображают юношей, все они коленопреклоненные. У них, так же как у стоящего юноши, нет оружия. Крайняя справа фигура держит в левой руке чашу. Справа от нее помещен металлический кувшин, к которому она протягивает руку. Что делают остальные две фигуры — неясно. Из других деталей сцены следует отметить табличку с письменами, помещенную позади головы жреца. Письмена и здесь сильно пострадали. Можно лишь определить, что строки шли сверху вниз. В верхней части композиции сохранилось сильно попорченное изображение крылатого животного с развевающимися длинными лентами. Снизу стена по всей длине была окаймлена бордюром такого же рисунка, как и на других стенах айвана, представляющим, вероятно, кайму с бахромой ковра.

В целом композиция на стенках всего придела изображает божество, перед которым совершаются ритуальная пляска и жертвоприношение. Здесь же присутствуют «миряне», участие которых в обряде также несомненно.

Из фрагментов здания II я коснусь здесь трех. Первый фрагмент находится на южной стене айвана (II, А) (рис. 4, цв. вклейка 5). Сюжет сцены восстанавливается вполне ясно и сам по себе весьма прост. Картина изображает группу всадников, направляющихся вправо. Сохранившиеся на головах некоторых из них короны свидетельствуют, что перед нами владетельные лица. Жесты адорации (вытянутые руки с поднятыми вверх указательными пальцами) говорят о том, что они приближаются к цели своей поездки — к святилищу.

Второй фрагмент находится на противоположной, северной стене портика (II, К). Роспись на этой стене сохранилась крайне неудовлетворительно. Здесь различимы три конские головы, обращенные в ту же сторону, что и на южной стене, т. е. на запад. Изображенная группа всадников направляется, по-видимому, к тому же пункту, что и всадники на первом фрагменте. Следует отметить наличие здесь деталей каких-то архитектурных сооружений, остатки фигур людей, расположенных выше, т. е. на втором плане, а также другие детали, которые пока не поддаются опознанию.

Последний из рассматриваемых фрагментов росписи находится на центральной части южной стены главного зала здания II (II, В) (рис. 5, цв. вклейки 6–9). Это, бесспорно, наиболее интересная по содержанию композиция из всех открытых в храмах Пенджикента. Изображенная здесь сцена — лишь часть более сложной композиции, тем не менее она передает вполне законченный эпизод. Положение участников и содержание сцены не вызывают сомнения. Сохранившаяся часть композиции изображает оплакивание покойника. Последний помещен внутри какого-то купольного сооружения, видимая часть которого представляется в виде двухъярусной аркатуры. Верхний ярус состоит из трех крупных арок, в нижнем ярусе намечаются пять арок. Общий характер этого сооружения

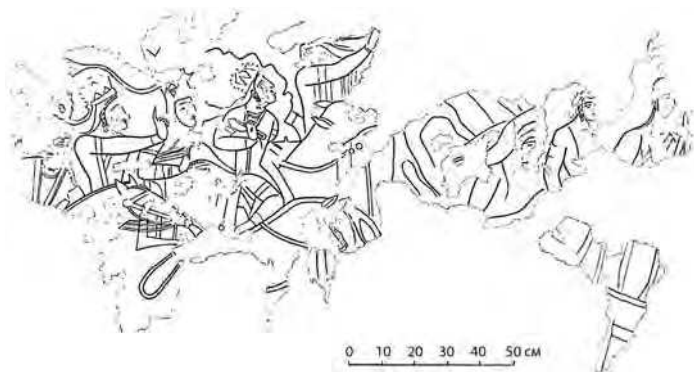

Рис. 4. Пенджикент. Схема композиции росписи простенка А объекта II

в архитектурном отношении крайне необычен. Неясно, является ли это сооружение постройкой постоянного типа или типа временного павильона. Возможно, однако, видеть в нем и палатку с матерчатым, сшитым из отдельных полос куполом. В этом сооружении за пролетами арок видна фигура покойника с молодым безбородым лицом и распущенными полосами, лежащего головой вправо. Позади него в каждой из арок видны фигуры женщин, наносящих себе удары по голове. На переднем плане перед этим сооружением расположена большая группа других участников оплакивания. У самого сооружения помещены три фигуры в белой одежде. Две из них, стоящие по краям, обращены лицами друг к другу и держат в руках по одинаковому предмету на толстой витой ручке, вероятно факелы. Третья фигура, стоящая посредине, держит обеими руками кувшинообразный сосуд без ручек с высоким горлом. Ниже их расположен другой ряд участников, состоящий из четырех мужчин и одной женщины. Мужчины с явно выраженными тюркскими чертами лица стоят по двое, одна пара против другой, женщина посредине как бы смыкает этот ряд фигур. Наконец, впереди видна еще одна фигура, по всей вероятности также мужская. В этой части роспись находится в плохом состоянии; можно предположить, что здесь были и другие участники.

Помимо указанных фигур, представляющих в совокупности весьма компактную композицию, справа изображено еще одно лицо, которое несколько нарушает симметричность композиции, хотя, несомненно, и оно участвует в оплакивании. Скорбь всех этих людей, переданная чрезвычайно выразительно позами, распущенными волосами, еще больше подчеркивается самоистязанием. У многих на полуобнаженных телах и на лицах — следы царапин и порезов. Особо замечательны в этом отношении две мужские фигуры в одинаковых позах, изображенные в момент, когда они длинными ножами надрезают мочки своих ушей.

Рис. 5. Пенджикент. Схема центральной части композиции росписи простенка В объекта II

Интересную деталь картины представляет находящийся справа от купольного сооружения столб, раскрашенный зигзагообразными разноцветными полосами и линиями, с диском наверху. Выше идет рисунок зубцов крепостной стены.

Слева от описанной группы изображены три женские фигуры божеств, принимающих участие в оплакивании. Одно из них, четверорукое, с большим лучистым венцом вокруг головы, стоит позади. Одну из правых рук божество держит поднятой, видимо для удара по голове; в другой, прижатой к груди, оно держит какой-то предмет. Левая пара рук не видна. Это самая крупная фигура во всей сцене. Несколько меньшими изображены два других божества, вероятнее всего, богини. При этом фигура, стоящая на переднем плане, имеет вокруг головы такой же венец, как у первой. Она стоит, наклонившись к ногам первой богини, и держит в руках лопаткообразный (?) инструмент. Третья фигура, хотя и изображенная без венца, представляет, судя по ее величине, также божество. В правой руке она держит чашу, а левую подняла для удара по голове.

Как указывалось, описанная сцена занимает только часть стены. Роспись имела продолжение вправо и влево, но очень плохо сохранилась. По всей вероятности, смогут быть реконструированы некоторые детали росписи справа, шедшей в сторону западной стены зала. С этой стороны намечается передняя часть красной лошади (?), дальше идет изображение четырехрукой фигуры божества в лучистом венце, затем какие-то прямолинейные ломаные полосы архитектурного сооружения, под которым несколько человеческих фигур изображены падающими вниз головой.

1.1. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

Таково в самых общих чертах содержание тех сцен, которые поддаются расшифровке. В заключение необходимо подчеркнуть, что сохранившиеся и поддающиеся расшифровке сцены представляют лишь очень небольшую часть тех композиций, которые когда-то украшали стены храмов. Однако и описанные нами фрагментарные остатки свидетельствуют о высоком развитии религиозного культа.

* * *

Для истории культов Средней Азии, идеологии ее населения в предшествующее распространению ислама время открытие пенджикентских храмов представляется фактом исключительной важности. Памятники Пенджикента явились первыми в археологии Средней Азии образцами доарабского культового зодчества, назначение которых не вызывает никакого сомнения.

При их изучении одним из первых, естественно, возникает вопрос о том, какому религиозному культу они обязаны своим появлением.

Внешний облик пенджикентских храмов, их крупные размеры, богатое внутреннее оформление, положение их в центре города исключают возможность отнесения их к числу более или менее случайных, локальных святилищ. Несомненно, что община, которой принадлежали эти храмы, имела определенную организацию и была в данном пункте господствующей. В публикациях материалов раскопок в Пенджикенте высказаны лишь некоторые предварительные соображения на этот счет, не дающие удовлетворительного ответа². Поэтому представляется уместным рассмотреть вопрос в более широком аспекте, а именно выяснить, какие культы имели в Средней Азии и, в частности, в Согде распространение в доарабское время, т. е. во время существования изучаемых храмов. Хотя литература о домусульманских культах Средней Азии довольно обширна, тем не менее, до сих пор специальных исследований по данному вопросу в целом в историографии Средней Азии нет. Подавляющее большинство работ, в которых разбирается интересующая нас проблема, посвящено отдельным памятникам, имеющим отношение к культам, как, например, погребальным сооружениям, в первую очередь таким специфически среднеазиатским памятникам, как костехранилища — оссуарии. В связи с изучением главным образом последних привлекались и известия письменных источников. В кратком изложении вопрос о домусульманских культах Средней Азии нашел свое отражение и в общеисторических работах³.

В целом имеющаяся литература позволяет сделать общий вывод о том, что, начиная с первых веков нашей эры и до арабского завоевания, Средняя Азия была ареной весьма усиленной борьбы так называемых «мировых» религий того времени. Здесь сталкивались и конкурировали между собой зороастризм и буддизм, христианство и манихейство. Каждая из этих религиозных систем имела свои культовые сооружения и вполне определенную организацию. Наряду с ними часто упоминается и культ идолов, о котором говорят главным

² Беленицкий А. М. Раскопки здания № 1 на шахристане Пянджикента // МИА. № 15. 1950. С. 104 сл.

³ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 39–49.

образом китайские и так называемые мусульманские источники. Вместе с тем реальное положение, которое занимала каждая из перечисленных выше религиозных систем, и их влияние на местное население не могут считаться в какой-либо мере удовлетворительно освещенными. Поэтому мы сочли необходимым, прежде чем приступить к истолкованию содержания интересующих нас памятников Пенджикента и определению их культовой принадлежности, выяснить, насколько возможно, положение каждой из вышеупомянутых религиозных систем, исходя главным образом из свидетельств письменных источников. При этом особое внимание обращено нами на сведения о тех культах, которые остались в тени, — о манихействе и культе идолов.

Единственная сводная работа, специально посвященная одному из культов Средней Азии того времени, касается христианства. Работа эта, принадлежащая В. В. Бартольд, хотя и имеет полувековую давность, но в отношении содержащегося в ней фактического материала не потеряла своего значения⁴. В частности, положение христианства рисуется в ней вполне определенно.

Для распространения христианства в странах Востока, и в том числе в Средней Азии, решающее значение имели, как справедливо отмечает В. В. Бартольд, два обстоятельства: направление торговых путей и те преследования, которым подвергались отдельные религиозные толки в христианских странах (Византия). Появление в различных пунктах купеческих факторий сопровождалось основанием целых общин, влияние которых, естественно, не ограничивалось одной торговлей, но распространялось и на культуру и религию. В международном обмене ряд городов Средней Азии в предшествовавшее арабскому завоеванию время бесспорно занимал выдающееся место, и появление в этих городах христианских общин указанного происхождения представляется весьма вероятным. Однако исторически в этом отношении, по-видимому, большую роль сыграл второй фактор. Ожесточенное преследование в Византии отдельных христианских толков, объявленных господствующей церковью еретическими, имело своим последствием эмиграцию, в первую очередь в Иран, больших масс принадлежавших к этим толкам христиан, оседавших здесь компактными общинами. Для Средней Азии особое значение должны были приобрести те общины христиан, которые оседали в местностях, непосредственно граничащих с нею. К ним относятся прежде всего такие города, как Герат и, особенно, Мерв. О значении христианской общины в Мерве говорит тот факт, что уже в первой трети IV в. здесь имелся христианский (несторианский) епископ. Прямые известия о деятельности общины в Мерве имеются и для более позднего периода, в частности, для конца сасанидского времени, когда она занимала здесь бесспорно весьма видное место.

К началу VI в. христианско-несторианская община во главе с епископом была и в Самарканде. Значение ее в следующем веке усилилось, и в начале VIII в. сюда был назначен вместо епископа митрополит. Приведенные факты восходят к сирийским источникам. В отношении Самарканда и Согды в целом весьма

⁴ Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // ЗВОРАО. Т. VIII. 1893–1894. С. 1–32. Эта работа переиздана с дополнениями на немецком языке: Barthold W. Zur Christentums in Mittel-Asien bis zur mongolischen Eroberung. Berichtigte und verm. deutsche Bearbeitung nach dem russischen Original / Hrsg. von R. Stübe. Tübingen; Leipzig, 1901.

1.1. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

интересны свидетельства многих мусульманских авторов. Так, ан-Надим (X в.) в сообщении, относящемся к первым векам хиджры, пишет, что жители Согда были дуалистами и христианами. Нершахи сообщает о перестройке в Бухаре христианской церкви в мусульманскую мечеть. Особый интерес представляют сообщения географа Ибн-Хаукаля (X в.) о местности к югу от Самарканда — Шавдаре, где, по словам этого автора, находились «поселения, монастыри и места собраний общин». Одновременно этот же автор сообщает о поселениях христиан и в районе Ташкента. Эти и ряд других сведений свидетельствуют о том, что христианство здесь заняло, несомненно, видное место. Бесспорным надо считать и то, что христианские общины состояли не только из иноземцев. О миссионерской деятельности христиан в Средней Азии говорят известные факты принадлежности к христианству представителей тюркских кочевых племен, как, например, племен гузов, тогузогузов, впоследствии некоторых монгольских племен.

Нельзя не отметить вместе с тем следующее: для предшествовавшего арабскому завоеванию времени у нас нет никаких данных о том, что христианство как религия приобрело в Средней Азии, в оседлых районах по крайней мере, господствующее положение или преобладающее влияние и значение. Как и позже, во время вхождения Средней Азии в халифат, влияние христианских общин шло в большей мере, как это подчеркивает В. В. Бартольд, по линии культурного воздействия, поскольку в христианской среде интенсивно развивались традиции эллинистической учености, в особенности в ее практическом преломлении, как, например, в медицине.

Иным представляется положение буддизма. Прямых письменных известий о появлении в Средней Азии буддизма не имеется. Однако, несомненно, что широкое проникновение этого учения к северу от Индии — его родины — началось весьма рано, приблизительно в I в. н. э., вскоре после того, как оно было принято царем кушанской династии Канишкой. Это подтверждается и традицией, сохранившейся у арабоязычных авторов. Так, например, ан-Надим пишет, что буддисты в Средней Азии были уже до того, как туда стали проникать манихеи, которые впервые здесь появились в III или в начале IV в.⁵ Свидетельством, правда косвенным, о том, что в VI в. в Средней Азии буддизм имел распространение, могут служить подтвержденные археологическими данными сообщения китайских источников о Восточном Туркестане, где в конце IV в. буддизм был в полном расцвете. Нет оснований думать, что положение в Средней Азии было менее благоприятным для распространения учения Будды, чем в Восточном Туркестане (Синьцзяне). Археологические памятники, связанные с буддизмом, особенно на юге Средней Азии, и датируемые первыми веками нашей эры, говорят об этом вполне убедительно⁶.

⁵ Flügel G. Mani, seine Lehre und seine Schriften: Ein Beitrag zur Geschichte des Manichäismus. Aus dem Fihrist... Leipzig, 1862. S. 76.

⁶ Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение // ТАКЭ-I. 1940. С. 29. сл.; он же. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг. // ТАКЭ-II. 1945. С. 5; он же. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. // Материалы Узкомстарица. Вып. I. Ташкент, 1933. С. 11 сл.

В отношении собственно Суй-шу и Вей-шу, в которых хотя и лаконично, но вполне определенно говорится, что жители «поклоняются Будде»⁷. Положение государственной религии, которое занимал буддизм в Кушанском государстве, должно было способствовать по крайней мере его внешнему преобладанию. Но, вероятно, это же обстоятельство привело к тому, что когда государственная поддержка прекратилась в связи с изменением политической обстановки в Средней Азии, обусловленным возникновением сперва эфталитской, а затем и тюркской держав, буддизм быстро пришел в упадок. Весьма выразительно рисует положение очевидец, китайский путешественник, буддист Сюаньцзан, посетивший Среднюю Азию около 630 г. Большое значение для нас имеет рассказ о Самарканде, сохранившийся в его биографии. Местные монастыри оказались без монахов. Но особенно интересно, что к буддизму в это время местное население проявляло открытую вражду. Так, по словам биографа Сюаньцзана, в это время жители Самарканда изгоняли появлявшихся буддийских монахов горящими головешками⁸. Попытка восстановить значение буддизма в Самарканде, предпринятая Сюаньцзаном, хотя и встретила содействие со стороны местного правителя, однако, как отмечает В. В. Бартольд, навряд ли дала существенные результаты⁹. В самом начале VIII в. другой китайский путешественник, буддист Хой Чао, говоря о Согде в целом, сообщает, что учение Будды здесь неизвестно, и только в Самарканде имелся один буддийский монастырь с одним монахом¹⁰. В сообщениях мусульманских авторов, относящихся ко времени завоевания страны арабами, также не встречается никаких определенных упоминаний о том, что завоеватели-мусульмане встретились здесь — имею и виду главным образом Согд — с буддизмом как организованной религией. Таким образом, можно констатировать, что к периоду существования пенджикентских ханов VII в. буддизм был весьма основательно оттеснен другими верованиями.

Третья из религиозных систем, получивших распространение в Средней Азии, — это манихейство. Сведения, которые мы в состоянии почерпнуть из источников относительного его появления и распространения в Средней Азии, сравнительно многочисленны и в достаточной мере разнообразны. Наряду с известиями, заключенными в общеисторической литературе, имеются важные документы, написанные на различных языках Ближнего и Дальнего Востока, в том числе и на языках среднеазиатских народов (согдийском, уйгурском, парфянском). В этом отношении для изучения истории манихейства в Средней Азии исследователи имеют в своем распоряжении более прочную базу, чем, например, для изучения зороастризма, письменность которого до сих пор в Средней Азии не обнаружена. Правда, в смысле историко-хронологическом источники распределены крайне неравномерно. Мы имеем достаточно яркие сведения о начальном

⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 272, 281.

⁸ Julien S. Histoire de la vie de Hiouen-Tsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu'en 645, par Hœi-li et Yen-tsong. Suivie de documents et de éclaircissements géographiques tirés de la relation originale de Hiouen-Tsang... Paris, 1853. P. 55.

⁹ Бартольд В. В. О христианстве... С. 5.

¹⁰ Fuchs W. Hui-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726 // SPAW. Jhg. 1938. XXX. 1938. S. 452.

этапе распространения манихейства в Средней Азии, т. е. для конца III и начала IV в. Однако для последующего времени, охватывающего более чем двухсотлетний период и остающегося до сих пор одним из самых темных периодов в истории Средней Азии вообще, мы не имеем никаких сведений. И только с конца VI в. в источниках вновь появляются известия о деятельности манихеев. Эти-то сообщения и представляют для нас главный интерес.

Согласно историческим преданиям, Мани (216–276 гг.), по имени которого названо это религиозное учение, родился в Месопотамии, неподалеку от тогдашней ее столицы — Ктесифона. Однако историческая традиция, в том числе традиция, восходящая к западным источникам, связывает зарождение манихейства не с Западным Ираном, где Мани впервые провозгласил свое учение, а с Востоком. Так, согласно известному антиманихейскому сочинению «Акты Архелая», автором главных сочинений, на которых зиждется манихейство, был не сам Мани, а некий скиф (Скифианус)¹¹. Сообщение это отражает тот факт, что в религиозную систему манихеев включено много восточных элементов. В деятельности Мани его личные связи с Востоком выступают весьма отчетливо. Последними открытиями подтверждаются известные сообщения о его длительном путешествии в Индию и другие восточные страны. Такой хорошо осведомленный автор, как ан-Надим, сведения которого в отношении манихейства почерпнуты из оригинальных сочинений манихеев, пишет, что «Мани проповедовал народам Индии, Китая и Хорасана и оставил в каждой (из стран) своего сподвижника»¹². Другой осведомленный средневековый автор по вопросам истории религии, Абуль Фарадж бар-Хебреус, сообщает, что Мани при жизни отправил двенадцать своих учеников во все восточные страны — до Индии и Китая включительно¹³.

Эти сообщения подтверждаются манихейскими книгами IV в.¹⁴ на коптском языке, открытыми сравнительно недавно в Египте, а также документами из Восточного Туркестана. Последние свидетельствуют, между прочим, о том, что уже при жизни Мани в Мерве имелась община его последователей¹⁵. Казнь Мани и начавшиеся жестокие преследования его сторонников приобрели большое значение для распространения учения манихеев дальше на Восток. Ан-Надим говорит об этом очень ясно: «Первой религией, помимо саманства (буддизма), которая проникла в Мавераннахр, было манихейство. Причиной было то, что когда Хосров убил Мани и распял его и запретил людям в своем государстве участвовать в распрах по вопросам религии, он приступил к избиению последователей Мани, где бы он их ни находил. И они (манихеи) бежали от него, пока не перешли реку Балха (Амударью) и не вступили в страну Хана, и оставались они при нем»¹⁶.

¹¹ Flügel G. Mani... S. 14.

¹² Ibid. S. 52.

¹³ Kessler K. Mani: Forschungen über die Manichäische Religion. Ein Beitrag zur vergleichenden Religionsgeschichte des Orients. Bd. 1. Voruntersuchungen und Quellen. Berlin, 1889. S. 401.

¹⁴ Schmidt C., Polotsky H. J. Ein Mani-Fund in Ägypten: Originalschriften des Mani und seiner Schüler / Mit einem Beitrag von H. Ibscher // SPAW. Jhg. 1933. I. 1933. S. 48.

¹⁵ Andreas F. C., Henning W. Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan. II // SPAW. Jhg. 1933. VII. 1933. S. 302.

¹⁶ Flügel G. Mani... S. 76.

Два манихейских документа, найденные в Восточном Туркестане и также сравнительно недавно опубликованные, содержат исключительно интересные детали, позволяющие уловить важные черты манихейского движения на начальном этапе его распространения. Оба эти документа связаны с одним и тем же лицом — Мар-Амо (Фома), первым апостолом манихейства на Востоке, начавшим свою деятельность еще при жизни Мани; выдающаяся роль его заведительствована многочисленными данными манихейской письменности.

Первый из этих документов представляет письмо, или послание, написанное, как можно полагать, первым преемником Мани — Сисионом, ставшим во главе манихеев после смерти основателя учения. Отправитель письма находился в Мерве, адресат — в Зембе (позже Земм) — известной переправе на Амударье. Написано оно на парфянском языке, распространенном здесь в то время, и адресовано Мар-Амо. Письмо это, не вызывая сомнений в своей достоверности, дает живое представление об энергичной пропагандистской деятельности проповедников новой религии в Средней Азии.

Письмо сопровождала группа миссионеров. Имена этих лиц указывают на их местное происхождение: Зурвандад, Хусрав, Фриадар, Раштин (Рустам?). Отправитель письма выражает свое удовлетворение состоянием общины в Мерве, деятельностью отдельных братьев. Вместе с тем он настоятельно напоминает о необходимости активно действовать, не медлить. Характерно требование привлечения возможно большего числа «слушателей»), т. е. рядовых членов общин. «Действуй так, — говорится в письме, — чтобы, насколько это в твоих силах, привлечь слушателей, и тем самым, когда я пришлю братьев, они нашли бы достойный прием». Не менее замечательны наставления автора письма в отношении воспитания миссионеров-«учеников». Он рекомендует их обучать терпеливо, как своих собственных детей. «Пусть тебя не затрудняет ответ, — пишет он, — если они повторно будут спрашивать о самых обычных вещах»¹⁷.

Документ этот рисует картину целеустремленной деятельности организации, управляемой энергичной волей. Упоминаемые в документах термины «учителя, братья, слушатели» отражают вполне определенную иерархию, которая впоследствии приняла еще более четкие формы. Несомненно, благодаря своей стройной организационной структуре манихейство и заняло такое выдающееся положение среди других, более или менее близких ему дуалистических учений и сект, вообще весьма распространенных на Ближнем Востоке в ту эпоху.

Второй манихейский документ также связан с Мар-Амо, но по своему характеру отличается от предыдущего. Это рассказ, составленный в духе сказания из жития святых, несомненно позднего происхождения, и носящий вполне легендарный характер. Однако он чрезвычайно интересен в том отношении, что в нем начальный этап деятельности манихеев в Хорасане у границ Средней Азии изображен в разрезе взаимоотношений нового религиозного учения с местными культами. Мар-Амо, согласно рассказу, как человек, знавший парфянское письмо и язык, был послан самим Мани для проповеди учения в Хо-

¹⁷ *Andreas F., Henning W. Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan. III // SPAW. Jhg. 1934. XXVII. 1934. S. 860.*

расан. Вместе с ним направлялись писцы и художник. Когда они прибыли к «границам Кушана», перед Мар-Амо появилось божество — «дух хорасанской границы» в образе «девы», которое отказалось пропустить его дальше. Потребовались длительные переговоры, соответствующие молитвы, посты, пока божество приняло его, что и открыло для миссионера «врата всего Хорасана»¹⁸. Если отбросить специфический легендарный тон этого рассказа, то в основе его лежит, как мне представляется, какой-то реальный факт соглашения проповедников манихейства с представителями местного культа. При том совершенно очевидно, что речь идет о культе народном, который символизируется в образе девы, стража границы — «Духа Ард».

Манихейство, сохраняя отвлеченные принципы учения и одновременно свою организацию, при формировании культа в каждой стране, куда его приносили миссионеры, ориентировалось на народные верования, на те местные культы, которые пользовались в местной народной среде наибольшим влиянием. Так, на Западе — в Сирии, Египте, где ко времени выступления манихеев уже было распространено христианское учение, — ими были широко использованы христианские символы, имена и понятия. На Дальнем Востоке, куда достигло их учение, манихеи в значительной мере воспользовались буддийскими представлениями. В Иране их терминология проникла в первую очередь древнеавестийскими именами. Вот почему в манихейских сочинениях и документах бок о бок встречаются Христос, Митра, Будда и другие божества.

Включение в теогонию манихеев местных богов — наиболее характерная особенность этого учения, придающая ему, по крайней мере внешне, чрезвычайно эклектическую форму. Нет основания сомневаться в том, что и в Средней Азии манихейство приспособлялось к местным верованиям, одновременно приспособляя их к своей системе.

Указанные известия характеризуют начальный этап проникновения манихейства в Среднюю Азию. Для последующего длительного периода времени, который охватывает более двух столетий, относительно манихеев мы никаких прямых сведений не имеем. Но несомненно, что манихейское движение здесь развивалось и, по-видимому, развивалось успешно. Об этом свидетельствует роль, которую манихеи играли впоследствии; есть основания связывать некоторые весьма важные общеисторические события с активностью манихеев. Я имею в виду в первую очередь знаменитое движение Маздака в конце V и начале VI в. Исследования истории маздакитского движения, наиболее крупного народного движения в Иране и на Ближнем Востоке в начале средних веков, совершенно бесспорно показали, что идеология его представляет собою модификацию манихейского учения. Действительно, манихейство, несмотря на казнь Мани и жестокие преследования его первых последователей в Иране, отнюдь не было искоренено. Господствующим классам Ирана и позже приходилось неоднократно вести борьбу с их сторонниками¹⁹. Загнанное в подполье, преследуемое, учение это, естественно, становилось со временем все более радикальным

¹⁸ *Andreas F. C., Henning W. Mitteliranische Manichaica... II. S. 302.*

¹⁹ *Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. 2ème éd. rev. et augm. Copenhague, 1944. P. 195.*

и социально заостренным. Можно считать доказанным, что организационно «секта» маздакитов зародилась в манихейской среде²⁰. Сирийские источники, хорошо осведомленные в делах Ирана вообще, не видят между манихеями и маздакитами почти никакой разницы²¹. Однако здесь мы не можем подробно останавливаться на этом вопросе. Для нас важен один из эпизодов маздакитского движения, имевший решающее для него значение: бегство к эфталтскому хакану в Среднюю Азию сасанидского царя Кавада и та помощь, которая была оказана ему в Средней Азии. Сам факт бегства Кавада именно в Среднюю Азию кажется далеко не случайным, учитывал то, что в организации побега главную роль играли, несомненно, маздакиты. Можно полагать, что они были хорошо осведомлены о положении в Средней Азии, и, по-видимому, у них были основания рассчитывать на благоприятный прием. Такие расчеты могли основываться в первую очередь на влиянии, которым пользовались здесь манихеи. Позже, во время движения Муканны, такая же ситуация повторилась, и руководители движения обратились за помощью к хакану тюрок, среди которых в это время манихеи также пользовались большим влиянием.

Об активности манихеев и их успешной деятельности свидетельствует и другое, косвенное, но тем не менее весьма важное обстоятельство — несомненный упадок буддизма, а затем и полная потеря им своих позиций в Средней Азии. Предположение, что в данном случае решающую роль сыграли манихеи, хорошо иллюстрируется борьбой манихеев с буддизмом в Восточном Туркестане. Известный исследователь истории буддизма на Дальнем Востоке Франке объясняет тот факт, что в V в. буддизм не сумел утвердиться в Восточном Туркестане, именно пропагандой манихеев. Позже, оттеснив буддизм, манихейство, как известно, утвердилось в качестве государственной религии в первом уйгурском царстве (VIII в.).

Дальнейшие известия о деятельности манихеев в Средней Азии датируются концом VI в. От этого времени сохранились документированные сведения о манихействе в Китае. Уже то, что проповедь этого учения достигла Дальнего Востока, крайне примечательно. Хотя первые сообщения и весьма отрывочны, тем не менее они представляют значительный интерес. Так, согласно косвенным китайским известиям, можно полагать, что первые манихейские храмы были построены в Китае в 584 г.²² Вероятно, с этим обстоятельством связано любопытное сообщение о том, что в Китае стала распространяться музыкальная мелодия с припевом «джан-джан-Мани»²³. Факт этот показателен в том отношении, что в Средней Азии первые слова припева «джан-джан» до настоящего времени служат излюбленным рефреном народных песен, а также обычным, как бы хоровым, одобрительным восклицанием слушателей во время пения.

Прямое сообщение, касающееся среднеазиатских манихеев, принадлежит Сюаньцзану, писавшему о крайней многочисленности «святилищ богов», принадлежавших последователям «ереси тинапа»²⁴. «Тинап» — китайская передача

²⁰ Ibid. P. 335.

²¹ Пигулевская Н. В. Маздакитское движение // ИАН СССР. СИФ. Т. I/4. М., 1944. С. 172 сл.

²² Chavannes E., Pelliot P. Un traité manichéen retrouvé en Chine. Paris, 1912. P. 172.

²³ Ibid. P. 174, n. 1.

²⁴ Ibid. P. 174.

11. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

манихейского термина «динавар» — названия манихеев Средней Азии и восточных областей вообще. Обстоятельства возникновения этого термина показательны. Он появился около 600 г. в связи с расколом в движении манихеев, о причинах которого сообщает ан-Надим. Раскол тот представляет особо большой интерес для понимания положения среднеазиатских манихеев. Согласно рассказу ан-Надима, раскол произошел по вопросу о местопребывании главы манихейской религии — «имама», по словам автора. Вначале, как он пишет, «имамат не признавался законным иначе, как в Вавилоне, и не разрешалось иметь имама нигде в другом месте. Эта же община (динаварийцы) говорила противоположное этому и не отступала от (своих слов)»²⁵. Из дальнейших сообщений видно, что центр динаварийцев находился в Мавераннахре (Самарканде)²⁶. Рассказ ан-Надима позволяет установить еще одну причину, вызвавшую раскол среди манихеев, или, вернее, углубившую его. Как утверждает ан-Надим, одна партия манихеев упрекала руководителей другой в том, что они «находились в связи с властями и выполняли их поручения»²⁷. Упрек этот, несомненно, имел прямое отношение к среднеазиатским манихеям. Приведу прежде всего известие, сохранившееся в китайских источниках и характеризующее взаимоотношения между манихеями и местными правителями. Оно точно датируется 719 г. В этом году правитель Чаганиана направил к китайскому двору манихейского иерарха в качестве посла и проповедника учения. Подробности, которые при этом передают, настолько важны, что весь текст этого сообщения я привожу полностью:

«В седьмой год царствования Кай Юаня (719 г.) страна Та-ши, страна Тухоло и страна Южная Индия прислали послов, доставивших дань. Что касается страны Тухоло, то царь Чеханна (Чаганиана) представил императору просьбу принять великого мо-джо (мо-шо) — человека, искусного в астрономии. Этот человек, говорится в ней (просьбе), обладает глубокой мудростью. Не существует ни одного вопроса, на который он не смог бы дать ответа. Я надеюсь, что император милостиво призовет его к себе, этого мо-джо, и расспросит его лично о состоянии дел вашего подданного, а также относительно наших религиозных учений. Император признает, что этот человек обладает этими способностями; я выражаю желание и прошу, чтобы по указу (императора) ему было дано содержание и (разрешение) построить храм, в котором он смог бы выполнить служение, согласно предписаниям его религии»²⁸. О том, что этот посол был манихеем, говорит термин «мо-джо» (содг. Mwčk), обозначающий манихейского учителя. Таким образом, здесь связь манихеев в лице мо-джо с властями рисуется вполне наглядно²⁹. Для восточного манихейства данное обстоятельство, по-видимому, и наиболее характерно. Достаточно напомнить,

²⁵ Flügel G. Mani... S. 66.

²⁶ Ibid. S. 67.

²⁷ Ibid. S. 69.

²⁸ Chavannes E., Pelliot P. Un traité... P. 176–177.

²⁹ О термине «мо-джо», означавшем по-согдийски манихейского иерарха, см.: Chavannes E., Pelliot P. Un traité... P. 176, n. 1; Le Coq A. von. Ein manichäisches Buch-Fragment aus Chotscho // Festschrift Vilhelm Thomsen zur Vollendung des Siebzigsten Lebensjahres am 25. Januar 1912, dargebracht von Freunden und Schülern. Leipzig, 1912. S. 150.

что обращение уйгуров в манихейство произошло через посредство их хакана. Знаменитая Кара-балгасунская надпись, в которой это событие изложено с особой выразительностью, подчеркивает именно данное обстоятельство, указывая, что религия манихеев была введена после того, как «высшие чины государства» признали это учение. При этом делается крайне интересное добавление: «как действуют высшие, так поступают и низшие»³⁰.

Большинство конкретных сообщений, касающихся манихейства среди кочевых племен в первую очередь, говорят о его связи с верхушкой племен во главе с их предводителями. Напомню легенду о происхождении Кюр-Тегина, согласно которой манихеи были его воспитателями³¹. Знаменитый рассказ о заступничестве за самаркандских манихеев хакана тогузогузов³² свидетельствует об этом же. Не менее характерным представляется и факт участия в народном манихейско-маздакитском движении «людей в белых одеждах» (VIII в.) под предводительством Мукаллы, как хакана тюрок, так и бухар-худата Буниата³³.

Все эти факты не могут считаться случайными. Они заставляют полагать, что в Средней Азии манихейству и его руководителям удалось установить тесные связи с представителями ряда местных династий.

Не вызывает сомнения, что в начальный период своего развития манихейство идеологически выражало недовольство народных масс, в первую очередь крестьянства, своим экономически бедственным и социально угнетенным положением. Достаточно напомнить то, что мощное народное движение маздакитов зародилось в манихейской среде. Вместе с тем было бы безусловно неправильным ставить знак равенства между манихейством и маздакитством. Маздакиты имели с манихеями общие взгляды в области религии, придерживались одних с ними культов, одинаково дуалистически воспринимали мир как борьбу двух начал — света (добра) и тьмы (зла), одинаково верили в победу добра, но резко расходились политически. Манихеи не разрешали пролития крови, т. е. не допускали резких классовых столкновений, в то время как маздакиты единственный выход из тяжелого положения крестьянства, все более попадавшего в феодальную кабалу, видели в политической борьбе и прибегали к восстанию и захвату власти. Выделившись как самостоятельное политическое течение, выражавшее более всего интересы крестьянства, которое мечтало избавиться от все растущего нажима феодалов, маздакитизм в особо острые моменты мог увлечь и круги манихеев на свою сторону, если эти манихеи имели своих последователей в рядах крестьян. Маздакитское движение, имевшее на Западе свое отражение в форме павликианства (в Армении и Византии), богумильства (на Балканах) или катарства (в странах Западной Европы), свиде-

³⁰ Ср.: Васильев В. П. Китайские надписи в орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. СПб., 1897 (Сборник трудов Орхонской экспедиции. III). С. 23.

³¹ Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–94 гг. СПб., 1897. С. 114.

³² Flügel G. Mani... S. 395 (рассказ принадлежит Масуди).

³³ Якубовский А. Ю. Восстание Мукаллы. Движение «людей в белых одеждах» // СВ. Кн. V. 1948. С. 38, 48.

тельствует об этом вполне убедительно³⁴. То же положение отмечается и на Востоке. Маздакитское движение в Иране — первое звено той же цепи, и мы можем установить весьма наглядно классовую сущность этого движения.

В Иране в первые века нашей эры, и особенно в сасанидское время, шел усиленный процесс феодализации, образования мощного землевладельческого класса, который захватывал в свои руки основные экономические ресурсы страны, в первую очередь землю. В условиях Ирана процесс этот сопровождался сословно-кастовыми установлениями, делавшими положение трудовых масс особо тяжелым. Вместе с тем сплочение землевладельческой знати, захват ею командных высот наносил ущерб и царской власти, которая в ходе возникших острых распрей время от времени искала себе союзника в народной среде. Для времени до арабского завоевания мы в отношении Средней Азии не имеем прямых данных, которые характеризовали бы эту сторону вопроса. Однако материалы раннеарабского времени свидетельствуют о том, что и в Средней Азии наряду с манихеями были также маздакиты. В этом смысле привлекает к себе внимание ряд народных движений в начальный период после арабского завоевания, среди которых особо мощным было охватившее всю Среднюю Азию народное движение «людей в белых одеждах» во главе с Муканной. Опубликованная А. Ю. Якубовским специальная работа осветила достаточно полно, насколько это возможно по состоянию источников, обстоятельства этого движения³⁵. Тем не менее многие важные моменты предистории этого движения и, в частности, роль манихеев в нем (хотя автор упоминает о них) остались в тени, несмотря на наличие определенных известий в источниках. Для читателя работы А. Ю. Якубовского становится совершенно очевидным, что движение «людей в белых одеждах» возникло в связи с деятельностью маздакита Муканны. Между тем это далеко не так. Все обстоятельства движения на его начальном этапе говорят о том, что в Средней Азии «люди в белых одеждах» были известны и до восстания Муканны и пользовались влиянием на население. Когда маздакит Муканна переправился в Мавераннахр, как говорит один из главных источников, «люди в белых одеждах» к нему «присоединились», но нигде не говорится, что Муканна был создателем партии «людей в белых одеждах».

Крайне интересно и происхождение названия движения «люди в белых одеждах». Оно, несомненно, связано прежде всего с тем, что участники его были манихеями. Действительно, отличительным признаком манихеев было то, что они, во всяком случае основное ядро их, так называемые «избранные», были обязаны носить белую одежду без украшений. Любопытно, что и в Китае, где несколько позже вспыхнуло народное движение, в котором руководящую

³⁴ В качестве иллюстрации приведу следующую характеристику богумилов, данную автором X в. Козьмой Пресвитером: они учили, согласно его словам, «не повиноваться властям своим; хулили богатых, царей ненавидели, ругались старейшинами, укоряли бояры... и всякому рабу не велели работать господину своему» (*Голубинский Е.* Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валашской. М., 1871. С. 163).

³⁵ *Якубовский А. Ю.* Восстание Муканны... С. 35 сл.

роль играли манихеи, оно называлось восстанием «одетых в белое»³⁶. Известно, что географ Мукаддаси (X в.) знал в Средней Азии «людей в белых одеждах»³⁷, в которых можно предположить манихеев.

Отмечу также, что в указанной работе А. Ю. Якубовского ничего не говорится о чрезвычайно показательных сообщениях относительно мероприятий халифа Махди в связи с восстанием Муканны. Именно в это время халифом было организовано специальное судилище — «инквизиция», направленное против еретиков — зиндигов, прежде всего маздакитов, а затем и манихеев. Особый интерес представляет реакция халифа на известие о смерти маздакита Муканны. Вот что передает по этому поводу Табари: «Когда к нему (халифу Махди) прибыло известие об убийстве Муканны, он был в Халебе (Алеппо), и послал он Абд ал-Джаббара мухтасиба (главный инквизитор), приказав привести (всех) тех зиндигов, которые проживали в этой области. И сделал он это. Он их доставил (к халифу), когда он находился в Дабике. И убил он их и (велел) распять. И доставили ему книги из их писаний, и они были разрублены ножами...»³⁸. Другой автор, ал-Якуби, пишет также, что «Махди упорно преследовал зиндигов и избивал их, казнив много народа»³⁹. Озлобление халифа против маздакитов и манихеев становится понятным, если вспомнить, что именно ему лично приходилось вести военные действия против народного движения «людей в белых одеждах», которое ему так и не удалось подавить⁴⁰.

Таким образом, крупная роль манихеев в движении Муканны не вызывает сомнений. Это могло произойти лишь в результате длительного влияния, которым пользовались среди народных масс манихейство и маздакизм.

Исторические известия, рисуящие главным образом общее положение манихейства в Средней Азии, содержат и некоторые данные, характеризующие влияние манихейского религиозного учения. В этом смысле важна одна деталь из вышеприведенного сообщения китайского источника относительно посылки в Китай чаганианским правителем манихейского проповедника, а именно, что проповедник манихейства в то же время был астрономом. Очевидно, что сочетание в одном лице проповедника и астронома неслучайно. Об этом убедительно говорят те результаты, которые имело в Китае появление манихеев. С их деятельностью связываются весьма важные перемены в календаре Китая и в астрономических и астрологических представлениях. Эти перемены заключались в том, что вместо прежней теории о девяти планетах была принята теория о семи планетах и о семидневной неделе⁴¹. Важно отметить, что новые календарные термины восходят к согдийским названиям планет и соответствуют согдийской номенклатуре дней недели, которая сейчас полностью подтвержде-

³⁶ Народное движение «одетых в белое» происходило в провинции Чанчю (Tch'en-tcheau) в 920 г., во главе с Бу И. Об этом движении см.: *Chavannes E., Pelliot P. Un traité...* P. 282 sq.

³⁷ BGA. III. P. 323.

³⁸ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari* / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879–1901 (далее — Tabari). Ser. III. P. 499.

³⁹ *Ibn Wadhīh qui dicitur al-Jaqubi. Historiae...* / Ed. M. Th. Houtsma. T. II. Lugduni Batavorum, 1883. P. 482.

⁴⁰ Якубовский А. Ю. Восстание Муканны... С. 49.

⁴¹ *Chavannes E., Pelliot P. Un traité...* P. 185 sq.

1.1. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

на замечательными календарными документами с горы Муг. Эти документы, как мы увидим, чрезвычайно интересны для нас, особенно так называемый астрологический документ, поэтому я привожу следующее общее замечание А. А. Фреймана, издавшего этот документ.

«Наличие в нашем документе 27–28 названий лунных станций, — пишет А. А. Фрейман, — наряду с 30 названиями дней солнечного месяца и семью названиями планет может свидетельствовать, с одной стороны, о пережитках лунного календаря, своими корнями ведущих нас в Ассирию-Вавилонию и хорошо засвидетельствованных в среднеперсидской зороастрийской литературе, и, быть может, о наличии манихейских и христианских влияний, сказавшихся в семи названиях планет (семядневной неделе), — с другой. Название согдийского месяца Нисан, вероятно, также своими корнями восходит к Ассирии-Вавилонии, скорее, чем к позднейшим христианским влияниям, шедшим в иранские земли из Сирии»⁴². Интересно и другое замечание А. А. Фреймана: «Дни недели были посвящены у согдийцев планетам... Они имеют согдийскую форму, а не заимствованную из персидско-парфянского языка»⁴³.

Связь манихейства с астрологическими учениями нашла свое отражение и в среднеазиатских письменных источниках послепарабского времени. Мне представляется, прежде всего, чрезвычайно важным факт, что в Средней Азии манихеи были известны под именем «сабейцев». Об этом, например, совершенно определенно сообщает Бируни. Этот автор, прекрасно знавший учение манихеев по их сочинениям, а также и более непосредственно, поскольку в Средней Азии в его время еще существовали манихейские общины, пишет в «Хронологии» следующее: «Они (в настоящее время) рассеяны по всем странам. В странах ислама они не имеют возможности собираться в одно место (образовать общину) помимо общины, которая проживает в Самарканде и известна под именем сабейцев»⁴⁴. Как известно, сабейцами во время Бируни назывались по преимуществу последователи астрального культа северной Месопотамии, центром которого был Харран. Очевидно, что такое наименование манихеев не случайно.

Дело заключается в том, что для манихейства, сложившегося в качестве самостоятельного учения в Месопотамии, астральный культ стал одним из основных компонентов. Такие существенные элементы манихейства, как космогония, эсхатология, непосредственная обрядность и ритуал (последние для нас особенно важны), восходят главным образом именно к звездопоклонническому культу Месопотамии. Отмечу, что в буржуазной науке одно время господствовала точка зрения о том, что манихейство вообще — лишь модификация древнемесопотамской астральной религии. И хотя эта точка зрения сейчас в своей прямолинейной форме оставлена, так как манихейство, несомненно, подверглось влиянию и других религиозных систем, тем не менее остается и до сих пор неопороченное положение о существенном месте, которое занимали в этой системе

⁴² Фрейман А. А. Согдийский рукописный документ астрологического содержания (календарь) (Рукопись 34 А 12 собрания согдийских рукописных документов с горы Муг в Таджикистане) // ВДИ. 1938. № 2. С. 36.

⁴³ Там же. С. 49.

⁴⁴ Chronologie orientalischer Völker von Albêrûni / Hrsg. von C. E. Sachau. Leipzig, 1878 (далее — *Alberuni. Chronologie...*). С. 209.

астральные представления⁴⁵. Я не останавливаюсь на этом вопросе детально, так как он освещен в весьма обширной литературе. Лишь в качестве иллюстрации привлеку два свидетельства источников. Так, христианская формула отречения от манихейства, с которым христианская церковь вела ожесточенную борьбу, предаёт манихеев анафеме за то, что «они призывают в молитвах солнце, луну и звезды, считая их божествами, и называют “лучезарные боги”»⁴⁶. Бируни приводит в «Индии» текст, который, по его словам, восходит к самому Мани, но, видимо, является более поздним манихейским апокрифом: «Люди других религий упрекают нас в том, что мы поклоняемся солнцу и луне и устанавливаем нечто подобное идолам. Однако они не знают истинное наше (отношение). Это только наши символы и врата, через которые мы вступаем в мир нашего существа»⁴⁷. Характерно, что в тексте, несомненно манихейском, сам факт поклонения светилам не отрицается, хотя ему придается лишь символическое толкование. Таким образом, надо полагать, что в культе манихеев звездопоклонничество занимало весьма существенное место.

Термин «сабейцы», примененный Бируни в отношении манихеев, представляет для нас и самостоятельный интерес. С этим термином связана любопытная историческая традиция, имеющая непосредственное отношение к древним верованиям в Средней Азии и других странах Ближнего Востока, вне зависимости от манихеев. Хотя на этой традиции лежит печать теоретизирования, тем не менее она заслуживает внимания. Она вводит нас в круг тех представлений по истории домусульманских религий, которые существовали в первые века хиджры. Традиция эта передана у ряда авторов. Так, у Хамзы Исфагани она сводится к следующему. Все народы до появления религий откровения имели одинаковые верования. Однако этот первоначальный культ носил два разных названия: на западе он назывался халдейским, а на востоке шаманским (буддизм?). Для времени жизни автора остатками халдеев считались сабейцы⁴⁸.

У ал-Хорезми, автора сочинения «Ключи наук», говорится: «В древности люди были шаманистами и халдеями. Шаманисты — это служители идолов, а халдеи — те, что называются сабейцами...»⁴⁹ Об эволюции древних культов пишет и Шахристиани, известный историк религий: «До Виштаспа цари держались веры сабейцев. Они поклонялись звездам и особенно почитали оба светила...

Зардушт вначале также поклонялся им, но затем он обнаружил в этом множество путаницы и бессмыслицы, и возвеличил он культ (“дело”) огня, (считая) его близким к богу, так как огонь (свет) из его (бога) света и принадлежит к величай-

⁴⁵ По этому вопросу см.: Widengren G. Mesopotamian Elements in Manichaeism (King and Saviour II): Studies in Manichaeism, Mandaean, and Syrian-gnostic Religion. Uppsala; Leipzig, 1946 (Uppsala Universitets Årsskrift. 1946: 3). P. 8 sq.

⁴⁶ Alfariq P. Les écritures manichéennes. II: Étude analytique. Paris, 1918. P. 125.

⁴⁷ Alberuni's India: An Account of the Religion, Philosophy, Literature, Chronology, Astronomy, Customs, Laws and Astrology of India about A.D. 1030 / Ed. in the Arabic Original by E. Sachau. London, 1887 (далее — Alberuni's India). P. 283.

⁴⁸ Hamzae Ispahanensis Annalium libri X / Ed. I. M. E. Gottwaldt. Petropoli; Lipsiae, 1844. P. 4 sq.

⁴⁹ Liber Mafatih al-olûm: explicans vocabula technica scientiarum tam arabum quam peregrinorum auctore Abû Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jûsof al-Kâtib al-Khowarezmi / Ed., indices adjecit G. van Vloten. Lugduni Batavorum, 1895. P. 175.

11. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

шему и превосходнейшему из стихий. Он также приказал почитать воду, так как она основа творения и причина процветания земли»⁵⁰. Отмечу, что последний отрывок совпадает с тем, что пишет и Бируни в «Хронологии»: «А некоторые из царей династий Пешдадиян (и) Киян, имевшие пребывание в Балхе, почитали светила, звезды и все стихии и считали их священными до прихода Зардушта»⁵¹.

Мне представляется, что в этой концепции можно усмотреть вполне реальное отражение истории смены верований и у народов Средней Азии. Ключ к пониманию этой теории и ее сущности дает согдийский календарь. Он же разъясняет и роль, которую сыграли в этой смене манихеи. Выше об этом частично уже говорилось попутно, в связи с деятельностью манихеев в Китае. Вопрос представляется весьма важным, и я остановлюсь на нем подробнее. О согдийском календаре до недавнего времени судили по тому, как он изложен в «Хронологии» Бируни, а именно как о календаре авестийском, где год имел членение только на месяцы, с отдельными названиями для каждого из 30 дней месяца. Находка на горе Муг документа астрологического содержания показывает, что накануне арабского завоевания в древней календарной системе согдийцев было сделано существенное нововведение, а именно введено членение месяца на недели и даны соответствующие названия семи дням недели по именам планет. Кому обязан был согдийский словарь этим нововведениям, показало исследование китайских источников по манихейству.

Вот что говорится в одном из китайских текстов (VIII в.), посвященных этому вопросу: «Семь светил — это солнце, луна и пять планет, которые предводительствуют людьми. Ежедневно они сменяются. В конце семи дней (цикл их) начинается снова. Их названия (следует) помнить (учитывать), потому что каждое (из светил) имеет на то или иное предприятие влияние благоприятное или неблагоприятное. Я рекомендую вам тщательно об этом заботиться. Если вы не в состоянии вспомнить (название дней недели), вам достаточно спросить об этом *согдийцев*, персов или *людей пяти Индий*, которые их хорошо знают. Еретики-манихейцы соблюдают пост в день Ми (Митра — понедельник). Они, считая этот день «великим днем», почитают его (специальными) обрядами. Они не забывают ни этот пост, ни обряды». Китайский источник приводит названия этих дней и соответственно планет. Анализ китайской передачи их показал, что они являются несомненно согдийскими⁵². Сейчас об этом можно говорить с еще большей уверенностью, так как они полностью совпадают с соответствующими названиями дней недели, приводимыми в упомянутом выше согдийском документе астрологического содержания с горы Муг. Отсюда понятно, почему автор китайского текста прежде всего рекомендует обратиться к согдийцам по этому вопросу.

Сообщение китайского источника представляет очень большой интерес и в том отношении, что оно свидетельствует о связи новой календарной системы с определенными астрологическими представлениями. Крайне показательно пояснение влияния планет, а именно, что они «предводительствуют людьми»,

⁵⁰ *Al-Shahrastāni. Kitāb al-milāl wa-al-nihāl: Book of Religious and Philosophical Sects. Pt. I / Ed. by W. Cureton. London, 1846. P. 431.*

⁵¹ *Alberuni. Chronologie... S. 204.*

⁵² *Chavannes E., Pelliot P. Un traité... P. 191.*

что почти дословно соответствует краткой характеристике, данной одним из авторов сабейцам Харрана, согласно которой последние называют планеты «господами (арбаб) и божествами»⁵³. В наименьшей мере примечательно, что эта характеристика влияния планет точно совпадает с сообщением в одном христианском источнике о манихеях, где говорится, что у манихеев существует культ семи планет, которые, согласно их мнению, предводительствуют семью днями недели⁵⁴.

Сказанное, как мне представляется, делает очевидным, что проводниками этого календаря были манихеи, которые одновременно распространяли и определенные астрологические представления, приспособленные к новому календарю. Но вместе с тем очевидно и то, что для введения в календарь такого важного нового элемента одни только астрологические цели не могли быть определяющими. Имели значение другие причины, более существенные. Подобная реформа календаря могла быть обусловлена в первую очередь требованиями культа и обрядности.

Слова текста: «еретики-манихейцы соблюдают пост в день Ми (Митры). Они, считая этот день великим днем, почитают его (специальными) обрядами. Они не забывают ни этот пост, ни обряды» — указывают на тот культ, требования которого определили это нововведение. Им было манихейство, обрядность которого сообразовалась с семидневной неделей. Действительно, одним из главных установлений манихейского культа было одну седьмую часть года, т. е. один день в неделю, проводить в посте. Весь приведенный выше материал, которым далеко не исчерпываются данные источников относительно среднеазиатского манихейства, все же свидетельствует об исключительно большом влиянии этого учения в среде согдийцев, а также и других народов Средней Азии.

* * *

Решение вопроса о том, какое место занимал в интересующее нас время в Средней Азии зороастризм, бесспорно принадлежит к одним из самых трудных проблем в истории среднеазиатских домусульманских верований. Так же как и в вопросе о культуре среднеазиатских народов вообще, представление об идентичности верований, распространенных в Средней Азии, с верованиями Ирана внесло много путаницы. В частности, до сих пор существует представление, что в Средней Азии преобладал зороастризм, представление, разделяемое многими историками и археологами. Между тем совершенно очевидно, что в Средней Азии зороастризм в то время не мог занять в какой-либо мере господствующее положение. Уже одно то обстоятельство, что в эту эпоху Средняя Азия находилась в состоянии постоянной военной борьбы с Ираном, где зороастризм был государственной религией, а зороастрийское духовенство — одним из главных устоев всего социального строя, говорит против возможности подобного утверждения. Внутренний политический строй Средней Азии с его явно выраженной тенденцией к сепаратизму отдельных областей не был благоприятен для рас-

⁵³ Chwolson D. Die Ssabier und der Ssabismus. Bd. II. St. Petersburg, 1856. S. 610.

⁵⁴ Alfarić P. Les écritures... P. 15–16.

1.1. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

пространения зороастризма — религии, своей догматикой и организационными формами тесно связанной с потребностями централизованного сасанидского государства, в свою очередь служившего его укреплению. Нельзя не подчеркнуть и политического влияния, принадлежавшего кочевым народам Средней Азии, которые возглавляли почти непрерывные военные столкновения с Ираном. Все эти факторы, несомненно, препятствовали установлению преобладающего влияния зороастризма. Нельзя не обратить внимания и на тот очень важный факт, что до сих пор ни в самой Средней Азии, ни в соседнем Восточном Туркестане не обнаружено ни одного письменного документа, связанного с зороастризмом⁵⁵. В то же время, как известно, памятники манихейской и буддийской письменности и — что особенно для нас важно — именно на согдийском языке открыты в очень большом количестве.

Было бы, однако, неправильным видеть в сказанном отрицание наличия в Средней Азии существенных элементов зороастризма. Явные свидетельства весьма достоверных письменных источников говорят о том, что организованный культ огня, служащий наиболее очевидным выражением зороастризма, несомненно, занимал определенное место среди других среднеазиатских верований. Этот культ нашел свое отражение и в легендарной традиции, и в прямых сообщениях исторических сочинений, а также, в пережиточных своих формах, и в этнографическом материале Средней Азии.

В данной работе я не могу касаться всех тех прямых или косвенных известий, которые так или иначе можно привлечь в качестве показателя распространенности культа огня, тем более что далеко не все такие свидетельства, будь то эпическая традиция или этнографические факты, следует относить именно к зороастризму, как он оформился в Иране. Например, знаменитый рассказ о Шираке, герое сакских племен, который призывает «вечный огонь и священную воду»⁵⁶, вероятно, не обязательно рассматривать в качестве свидетельства о зороастризме. Поэтому остановлюсь только на сообщениях о храмах огня как наиболее выразительных свидетелях культа. К древней традиции, по-видимому, следует отнести известное сообщение «Бундахишна» о местонахождении трех наиболее почитаемых, так называемых огнях (храмов). Первый из этих огней, считавшийся наиболее почитаемым, а именно Фробак, или, как он называется в других источниках, Хурдад, зажженный первым мифическим царем эпохи — Джемшидом, находился сначала в Хорезме. Но любопытно, что этот огонь был впоследствии (по одной версии — другим мифическим царем, Виштаспом, покровителем Зороастра, а по другой, для нас особо интересной, сасанидским царем Ануширваном) перенесен в Западный Иран. То, что именно иранское предание связывает наиболее почитаемый огонь с Хорезмом, несомненно, весьма важно. Однако не менее интересно и то, что это же предание не оставляет его на месте, а переносит в Иран, далеко от среднеазиатских границ. О храмах огня в Средней Азии любопытная традиция сохранилась в «Шахнаме». Так,

⁵⁵ Ср.: Бартольд В. В. К вопросу о языках согдийском и тохарском // Иран. Т. 1. Л., 1927. С. 35: «В колонизаторской деятельности согдийцев, следовательно, принимали участие и зороастрийцы, хотя до сих пор ни одного зороастрийского фрагмента ни одной из экспедиций найдено не было».

⁵⁶ Полиен. Военные хитрости. XII. 12 // Древние авторы о Средней Азии. Ташкент, 1940. С. 35.

в поэме конкретно упоминаются храмы огня в Бухаре Пайкенде, постройка которых приписывается легендарным царям Феридуно и Туру.

Рассказывая о возвращении Кай-Хосрова из похода против Афрасиаба, Фирдоуси пишет, в связи с его остановкой в Бухаре, следующее:

Прибыл он с громкими восклицаниями в храм огня,
Который был возведен Туром (сыном) Феридуна.
Золото и серебро роздал он мобедам.
В огонь рассыпал он драгоценные камни.

Несколько раньше говорится о храме огня в Пайкенде, который называется Фирдоуси Кандиз:

(Тот) Кандиз был построен Феридуном,
А в Кандизе он построил храм огня,
Всю Зенд-Авесту золотом начертал.
Имя было ему (городу) Кандиз по-пехлевийски.
Но сейчас имя Кандиз стало Пайкенд⁵⁷.

К этим преданиям можно отнести и рассказ автора пехлевийского географического сочинения, составленного в IX в. в Нишапуре под названием «Шах-растанхай-и Иран», о храме огня в Самарканде.

«В области Востока, — сообщается здесь, — Кавус, сын Кавата, заложил основание столицы Самарканда. Сиявахш, сын Кавуса, закончил его. Хосров, сын Сиявахша, родился и установил чудотворный огонь Врхран. После этого Заратуштра принес религию. По повелению Виштаспа он начертал 1200 глав письмом писания (авестийскими буквами) на золотых (позолоченных) пластинках и положил в сокровищницу того (храма) огня. После этого проклятый Сакандар сжег их и бросил в море (реку) религиозные писания семи владык. Семь владык означает: семь владык было там (в Самарканде): Джам, Фретон, Манчихр, Кавус, Кай-Хосров, Лохрасп и Виштасп. После этого проклятый Тур Фрасиак сделал местопребывание богов капищами девов»⁵⁸. Отмечу прежде всего одно недоразумение, которое в связи с этим текстом проникло в литературу. Первый издатель его перевел вместо «семи владык» — «семь храмов»⁵⁹. К. А. Иностранцев ввел эту ошибку и в русскую литературу⁶⁰. Вслед за ним и С. П. Толстов повторяет версию о семи храмах огня в Самарканде⁶¹. В действительности речь идет об одном храме. Чрезвычайно характерно, что, согласно легенде, он был Афрасиабом превращен в «капище девов».

Таким образом, хотя древняя легендарная история, несомненно, связывала отдельные пункты Средней Азии с культом огня, тем не менее очевидно, что

⁵⁷ *Le Livre des Rois* par Abou'lkasim Firdousi / Trad. et commenté par J. Mohl. Paris, 1876–1878. T. IV. P. 22 (далее — Firdousi).

⁵⁸ *Markwart I. A Catalogue of the Provincial Capitals of Ērānshahr* / Ed. by G. Messina. Roma, 1931 (*Analecta Orientalia*. 3). P. 8.

⁵⁹ *Bloch E. Liste géographique des villes de l'Iran* // *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes: pour servir de bulletin à la Mission Française du Caire*. Vol. XVII/3–4. Paris, 1895. P. 165.

⁶⁰ *Иностранцев К. А. О домусульманской культуре Хивинского оазиса* // *ЖМНП*. НС. Ч. XXXI (февраль). 1911. II. С. 290.

⁶¹ *Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования*. М., 1948. С. 98.

1.1. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

в историческое время, когда составлялись указанные сочинения («Бундахишн» и «Шахрастанхай-и Иран»), эти пункты отнюдь уже не считались цитаделями этого культа и не сохраняли своего прежнего значения.

К этой же категории легенд отчасти относятся и сообщения историка Бухары относительно «дома огня» в одном из селений Бухары, которые также связываются с именем Афрасиаба. Однако характерно, что роль этого легендарного героя в отношении культа огня рисуется в противоположном свете, чем в названном пехлевийском сочинении. У Нершахи мы читаем: «Афрасиаб в селении Ромитан построил дом огня, а муги так говорят, что этот дом огня стариннее, чем дома огня Бухары»⁶². Тон сообщения свидетельствует, что в данном случае речь идет, по-видимому, о храме, о котором не только сохранились смутные предания, но имелись и реальные сведения. В этом смысле сообщение Нершахи может служить звеном, связывающим легенду с исторически достоверными известиями.

Сообщения о существенных элементах зороастризма в Средней Азии находят-ся в китайских источниках. Однако следует отметить, что терминология китайских авторов в отношении верований народов стран, расположенных к западу от Китая, и в том числе народов Средней Азии, отличается крайней неопределенностью. Первоисточниками этих сведений, как правило, являются сообщения буддийских паломников, интересовавшихся главным образом буддизмом. В отношении других верований они ограничиваются часто общими смутными выражениями, реальное значение которых не всегда ясно. Тем не менее эти известия не приходится игнорировать. Так, сообщение Вей-шу, где говорится о жителях Турфана, поклоняющихся «духу неба», свидетельствует о наличии элементов зороастризма⁶³.

Для всего Согда наиболее определенное сообщение в этом смысле мы находим у путешественника Хой Чао, который пишет, что в шести владениях Кана (Согда) «во всеобщем почитании дух неба»⁶⁴. Весьма характерно, что китайские авторы нигде не упоминают конкретно для Средней Азии «храмов огня», хотя известия их о храмах другого типа более определены.

Несомненно большее значение имеют сведения о храмах огня в Средней Азии, приводимые в так называемых «мусульманских» исторических сочинениях. Особенно важны сообщения, относящиеся ко времени завоевания страны арабами и передающие свидетельства очевидцев. Этих сообщений, впрочем, также весьма немного. Первые из них относятся ко времени походов известного военачальника арабов Кутейбы (705–715). В одном из рассказов Табари относительно движения арабских войск упоминается селение, названное впоследствии Тававис, о котором говорится, что там находились «дом огня и дом божеств»⁶⁵.

О храмах огня Самарканда краткое сообщение имеется у историка арабского завоевания — Белазори. В рассказе этого автора об осаде Кутейбой Самарканда, которая закончилась заключением договора между арабским военачальником и жителями города, говорится, что в договоре имелся пункт о передаче арабам

⁶² Нершахи. История Бухары. Бухарское литограф. изд. 1322 г. х. (1904 г. н. э.). С. 20. Ср. также выше, с. 202.

⁶³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 250.

⁶⁴ Fuchs W. Hui-ch'ao's Pilgerreise... S. 452.

⁶⁵ Tabari. Ser. II. P. 1230.

«домов идолов и огня»⁶⁶. Несмотря на краткость приведенных сообщений, они свидетельствуют о том, что с такими храмами арабские завоеватели действительно столкнулись. Это подтверждается и сообщениями других авторов, которым у нас также нет основания не доверять, — Нершахи и Бируни (X–XI вв.).

Из вышеприведенного сообщения Нершахи о Ромитанском храме огня вытекает, что в самой Бухаре было, вероятно, несколько храмов огня, о которых автор имел достоверные сведения. Во всяком случае, рассказ об одном из них не вызывает никакого сомнения. В рассказе о базаре Мах мы читаем у Нершахи следующее: «Затем на этом месте (базаре) появился дом огня... и тот дом огня во время ислама остался на месте, а когда мусульманство укрепилось, там построили мечеть. Сейчас это одна из мечетей Бухары»⁶⁷. Весь рассказ, таким образом, свидетельствует о реальном сооружении, действительно находившемся в определенном месте в Бухаре.

Не менее важны сообщения Бируни, бесспорно лучшего знатока среднеазиатских древностей. В своей «Хронологии» Бируни в связи с исследованием календарных систем приводит очень много данных относительно верований разных народов, в том числе согдийцев и хорезмийцев. Говоря о 28-м дне первого месяца согдийского календаря, он пишет, что «этот день — праздник магов (маджус) Бухары, который называется «рамуш-агам». Они собираются тогда в дом огня селения Рамуш (селение вблизи Бухары)»⁶⁸. Бируни еще раз упоминает о домах огня (во множественном числе), однако без указания конкретно какой-либо местности. Говоря о начале седьмого месяца, он отмечает, что согдийцы (маги) празднуют второй день этого месяца, называемый ими «маргандхора» (?), когда «они собираются в их домах огня и едят нечто изготовленное из просяной муки, жира и сахара»⁶⁹.

Очень важно при этом отметить, что терминология Бируни не вызывает сомнения. Он попутно разъясняет вообще неясный термин «маги», который он совершенно недвусмысленно связывает с зороастризмом. Важна и другая попутная деталь, которую он приводит в отношении согдийских зороастрийцев. В рассказе об уничтожении Кутейбой согдийских книг и жрецов он называет последних «харабид» (мн. ч. от «хирбад») — термином, обозначающим именно жреца огня⁷⁰. Касаясь Хорезма, Бируни при описании праздников хорезмийцев называет последних также «маджус»⁷¹, т. е. магами-зороастрийцами. Однако он не упоминает для Хорезма конкретно ни одного храма огня. Нельзя, наконец, не вспомнить, что в Самарканде существовала община магов еще во второй половине X в., что видно из слов Истахри⁷² и Ибн-Хаукаля⁷³.

Таким образом, как ни отрывочны приведенные сведения, они свидетельствуют, что культ огня с элементами зороастризма играл в Средней Азии и,

⁶⁶ *Al-Beladsori. Liber Expugnationis Regionum* / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866. P. 424. Ср.: Tabari. Ser. II. P. 1246, где говорится только о «домах огня и украшениях идолов».

⁶⁷ *Нершахи. История Бухары*. С. 26.

⁶⁸ *Alberuni. Chronologie...* S. 234.

⁶⁹ *Ibid.* S. 235.

⁷⁰ *Ibid.* S. 48.

⁷¹ *Ibid.* S. 235.

⁷² BGA. Vol. I. P. 314.

⁷³ BGA. Vol. II. P. 366.

11. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

в частности, в Согде определенную роль до проникновения сюда ислама. Однако ничто не говорит о его преобладающем значении.

* * *

Некоторые из вышеприведенных известий относительно храмов огня, в частности рассказы, связанные с арабским завоеванием, содержат упоминания и относительно «идолов» или «домов идолов».

Исторические сочинения первых веков хиджры хорошо знают этот культ. Они даже пытались создать теорию о его происхождении и эволюции. Историки обычно считают его предшествующим культу огня и одновременно антагонистическим последнему.

Любопытные данные в отношении культа идолов мы находим в ряде источников. Враждебность этого культа зороастризму отмечает «Шах-Наме». Для нас небезынтересен тот факт, что раздел, в котором об этом говорится, написан бухарским поэтом Дакики, как это известно из его собственного признания, весьма горячего поклонника учения Зороастра. Приводимые ниже отрывки помещены в главе, рассказывающей о принятии Гуштаспом (Виштаспом) зороастризма. В изложении Дакики переход этого царя к новой религии в первую очередь знаменуется строительством храмов огня:

Разослал он (Гуштасп) по всему миру мобедов,
Воздвиг над тем огнем он купола.
Сперва воздвиг он храм, (посвященный) огню Михрбарзин.
Посмотри, какой закон ввел он в стране⁷⁴.

Что касается культов, против которых было направлено это новое учение, то в качестве враждебного, подлежащего уничтожению культа выдвигается культ идолов:

Когда цари узнали об его хорошей вере,
Они переняли от него путь и закон.
Идолов в капищах они пожгли,
Вместо идолов огонь они зажгли⁷⁵.

Ревностным прозелитом рисуется сын Гуштаспа — Исфендияр. Он также дает клятву: «В мире я построю сто храмов огня». Противников новой веры он клеймит прозвищем «идолопоклонники»⁷⁶.

В связи с этим любопытно отметить, что Турам (т. е. главным образом Средняя Азия) рисуется враждебным культу огня. И туранский царь Арджасп, захватив Балх, местопребывание Гуштаспа, как говорится в «Шахнаме», прежде всего разрушает храмы огня и избивает жрецов последних⁷⁷. Для нас крайне интересно и то, что «Шахнаме» переносит эту враждебность и на историческое время. Так, в рассказе о войне тюркского хакана Сава с Бахрамом Чубина Фирдоуси вкладывает в уста первому следующие слова о намерениях тюркского предводителя:

⁷⁴ Firdousi. T. IV. P. 362.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Ibid. P. 556.

⁷⁷ Ibid. P. 452.

В Иран с тем намерением направился Сава-шах,
Чтобы не оставить ни трона, ни печати, ни кулаха (царских),
Чтобы сравнять с землей храмы огня,
Не оставить ни праздников ноуруза, ни сада⁷⁸.

Автор «Шахнаме» не сообщает о верованиях ни туранцев, предводительствуемых Арджаспом, ни тюрок во главе с Сава. Примечательно, однако, что они изображаются враждебными культу огня.

Исторические источники приводят также конкретные сообщения о культе идолов в Средней Азии. К таким сообщениям надо отнести прежде всего известный рассказ китайской хроники Вей-шу (VI в.) о культе божества Дэ-си во «владении Цао», занимавшем в то время, когда составлялась хроника, небольшой район к западу от Самарканда и соответствовавшем Иштихану более поздних географических сочинений (X в.): «В сем владении, — говорится в Вей-шу, — есть дух Дэ-си, которому поклоняются во всех владениях, лежащих от западного моря на восток. Он представлен в образе золотого истукана в 15 футов в объеме, с соразмерной вышиною. Ежедневно в жертву ему закалывают 5 верблюдов, 10 лошадей и 100 баранов. Число жертвующих иногда доходит до нескольких тысяч и не могут съедать всего»⁷⁹.

К несколько более позднему времени, а именно к началу VIII в., относится известный рассказ Нершахи о храме идолов в Пайкенде. Рассказ приводится в связи с историей походов арабского полководца Кутейбы. Согласно этому рассказу, в пайкендском храме идолов арабы нашли серебряный идол весом в 400 мискалей⁸⁰. Также ко времени походов арабов относится и сообщение Белазори об идолах в Буттеме — горной области в верховьях Зеравшана. Автор этот, рассказывая о походе арабского военачальника Мухалляба в Буттем, сообщает, что арабы вывезли оттуда «добычу и золотых идолов»⁸¹.

Представляет интерес и сообщение Табари об одном из хуттальских (Южный Таджикистан) владетелей, который сперва бежал от арабов в Фергану, но потом под их давлением был вынужден искать новое убежище. «Направился он из нее (Ферганы), — говорится в этом сообщении, — в Уструшану с множеством изображений (*тамасиль*) и установил он их в Уструшане»⁸².

Бегство в Уструшану и то, что он там установил идолов, по-видимому, были не случайными. О значении культа идолов в этой области может свидетельствовать следующий эпизод. О нем мы узнаем из сообщений Табари о процессе Афшина, знаменитого полководца халифа Мутасима, происходившего из Уструшаны. Преданный в 30-х гг. IX в. в Уструшане суду по обвинению в заговоре, Афшин обвинялся и в отступничестве от ислама. В связи с этим ему было вменено в вину избиение по его приказу двух мусульман — муэдзина и имама одной мечети в Уструшане. Его ответ на это обвинение я привожу полностью: «Это (произошло) из-за того, — ответил, согласно Табари, Афшин, — что между мною и царями Согды имеется договор на условии, что я оставляю каждую общину (*каум* — племя) в их

⁷⁸ Шахнаме. Тегеранское изд. IX. Р. 2697.

⁷⁹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 275.

⁸⁰ Нершахи. История Бухары. С. 56.

⁸¹ Al-Beladorsi. Liber... Р. 425.

⁸² Tabari. Ser. II. Р. 1694.

1.1. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

вере и в том чего они (придерживаются), а эти два (мусульманина) совершили нападение на дом (храм), в котором находились их идолы (*аснамахум*), т. е. (идолы) жителей Уструшаны. И выбросили они идолов и превратили его (храм) в мечеть. За это я (велел) им дать по тысяче ударов каждому, — за их своеволие и за запрещение (пользоваться населению своим храмом)»⁸³.

Таким образом, мы видим, что еще почти до середины IX в., несмотря на победу ислама, этот культ идолов удерживался в полной силе.

Приведенные нами сообщения о культах, связанных с идолопоклонством, не могли не обратить на себя внимание исследователей.

В. В. Бартольд, разбирая данный вопрос, высказал предположение о том, что этот культ входил составной частью в зороастризм; по его словам: «Остается поэтому спорным, действительно ли упоминаемые в Туркестане “дома идолов”, например храмы в Самарканде и Бухаре, впоследствии обращенные в мечети, принадлежат буддистам и вообще не зороастрийцам»⁸⁴. Это заключение В. В. Бартольд делает на основе сообщений цитированных нами выше авторов и в качестве основного довода приводит рассказ Нершахи о продаже идолов в Бухаре вблизи храма огня. Однако при внимательном разборе текстов видно, что они не говорят о внутренней связи между этими двумя культами. Действительно, Белазори в рассказе о самаркандских святилищах называет во множественном числе «дома огня и идолов». Однако очевидно, что это отнюдь не обязательно понимать в том смысле, что в одних и тех же святилищах предметом почитания являлись и огонь, и идолы.

Рассказ Нершахи, на мой взгляд, не подкрепляет указанного вывода. Он прежде всего говорит о предании, согласно которому базар идолов существовал до появления культа огня, или, точнее, до постройки «дома огня». При этом ничего не говорится о том, что сам «дом огня» имел идолов или был украшен ими. В «доме огня», согласно рассказу, брали лишь огонь, а после этого покупали идолов, которых уносили по домам. Ничего не говорится в рассказе относительно участия в этом деле жрецов огня. Главная роль принадлежала царю, своим примером поддерживавшему рвение к приобретению идолов. Бесспорно только то, что жрецам огня приходилось мириться с этим обычаем. Но это лишь бросает свет на положение, которое занимал здесь зороастризм. Оно, как видно, было далеко не господствующим.

О том, что поклонение идолам отнюдь не сливалось с культом огня, по крайней мере в представлении автора «Истории Бухары», говорят известное сообщение о приезде дочери царя Китая, которая привезла с собой «дом идолов из Китая»⁸⁵, а также рассказ о постройке первой соборной мечети в Бухаре, под которую был взят «дом идолов»⁸⁶, а не «дом огня». Последнее обстоятельство бросает некоторый свет на разницу в устройстве святилищ этих двух культов. Закрытые, темные внутри «дома огня», видимо, мало подходили для молитвенных собраний мусульман.

⁸³ Ibid. P. 1309.

⁸⁴ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. С. 41.

⁸⁵ Бартольд В. В. Места домусульманского культа в Бухаре и в ее окрестностях // Восточные записки. Т. I. Л., 1927. С. 20.

⁸⁶ Там же. С. 61.

Но каков был характер культа идолов, кого, собственно, изображали идо­лы — об этом вышеприведенные источники почти ничего не говорят. Из сооб­щения китайской хроники относительно идола Дэ-си, по-видимому, следует заключить, что они изображались в виде человеческих фигур. Это видно также из рассказа Нершахи о дверях первой соборной мечети в Бухаре, которая, как указывалось, была перестроена из «дома идолов». Сообщение это особенно интересно в связи с тем, что оно передается автором-очевидцем. Оно гласит: «Мухаммед Джафар (автор «Истории Бухары» — Нершахи) так говорит: «Я ви­дел соборную мечеть Бухары. Двери ее покрыты изображениями, лица которых соскоблены, остальное же оставлено на месте»⁸⁷. Что это были изображения именно идолов, видно из дальнейшего изложения, согласно которому эти две­ри находились когда-то в загородных замках «богачей», не желавших признать ислам, но когда «руки мусульман усилились», замки были уничтожены, а двери перенесены в соборную мечеть. При этом подчеркивается, что «на дверях (каж­дого замка владельцем) были вырезаны изображения своего идола»⁸⁸ и повто­ряется, что именно лица при перенесении в мечеть были соскоблены. Следова­тельно, и в Бухаре идо­лы имели вид человекообразных фигур.

В рассказе Нершахи о базаре, где производилась торговля идолами, обращает на себя внимание и само название базара. Слово «Мах» означает луна. В связи с этим уже было высказано предположение о том, что здесь речь идет о месте, имею­щем отношение к культу луны⁸⁹. Правдоподобность такого заключения вполне очевидна. Характерно и то, что Нершахи передает это название не в таджикской, а в согдийской форме, так же, как это слово приводится в согдийском календаре Бируни⁹⁰. Вероятность именно такого объяснения происхождения названия и связи его с культом лунного божества может быть подтверждена другим аналогич­ным топографическим термином, приводимым Нершахи, а именно названием одних из ворот Бухары — М-хра. Переводчик «Истории Бухары» Н. И. Лыкошин, а также В. В. Бартольд и другие авторы почему-то читают это слово «мухра» (пе­чать). Мне представляется, что в этом слове следует видеть не «мухра», не имеюще­го никакого смысла в данном случае, а имя солнечного божества Михра (Митра), святилище которого, по всей вероятности, находилось в данном месте⁹¹.

Два факта, приводимых Нершахи и Табари, с одной стороны, получают при таком толковании этого термина объяснение, а с другой — служат и подтверж­дением сказанному. Я имею в виду известные рассказы этих двух авторов о разве­дении в окрестностях Бухары павлинов⁹² и сообщение первого из них о жертво­приношении петуха при восходе солнца в день ноуруза. Связь этих двух птиц с культом солнца навряд ли подлежит сомнению.

Суммируя все приведенные выше сообщения исторических источников о куль­те идолов, в частности сообщения о бухарских культах, мы должны прийти

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 62.

⁸⁹ Там же. С. 17.

⁹⁰ Alberuni. Chronologie... S. 46.

⁹¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. II. СПб., 1900. С. 103.

⁹² Нершахи. История Бухары С. 14; Tabari. Ser. II. P. 1230. Ср.: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху... С. 21.

11. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

к выводу о том, что речь идет о культе светил и что описанная традиция мусульманских авторов о нем базировалась в отношении Средней Азии на реальных фактах. В указанных сообщениях, кроме того, содержится весьма важное для нас указание, что изображения божеств имели вид человеческих фигур.

* * *

Подводя общий итог всему приведенному нами материалу из письменных источников, мы, несмотря на его разрозненность и неполноту, можем все же утверждать, что он показывает положение, которое занимали среди населения Средней Азии отдельные религиозные системы в доарабское время, когда существовали рассматриваемые нами храмы Пенджикента. Тем самым материал этот дает первоначальные опорные точки и для определения культовой принадлежности этих храмов. Совершенно несомненно, что в таком пункте, как Пенджикент, расположенном в стороне от Самарканда и, следовательно, в стороне от главного торгового тракта, в это время навряд ли могла бы появиться христианская община, которая получила бы в нем господствующее положение. Для этого никаких данных не имеется. Нельзя также ожидать, чтобы в это время здесь преобладал буддизм, поскольку в Согде в целом, как об этом свидетельствуют источники, буддизм потерял свое значение. Но полностью сбросить со счетов влияние этих двух религий на отдельные проявления культа, по-видимому, нельзя, так как сосуществование различных религиозных систем в Средней Азии до вторжения арабов давало широкий простор для синкретизации отдельных культов и их взаимного воздействия.

* * *

Обращаясь к устройству пенджикентских храмов — их планов и содержания настенных росписей, мы в полном соответствии со сделанными нами из письменных источников выводами должны прийти к заключению, что они не были христианскими церквями. Каких-либо точек соприкосновения с христианским зодчеством в плане этих зданий мы не обнаруживаем. Нет элементов и христианской иконографии в росписях.

Сравнивая пенджикентские храмы с сооружениями буддистов, относительно хорошо известными, например по Восточному Туркестану, мы также не находим в них достаточно ярко выраженных сходных черт. Некоторые элементы сходства в общем контуре плана, которые могут быть отмечены между планами пенджикентских храмов и планами монастырских ансамблей Дунхуана, снятыми экспедицией С. Ф. Ольденбурга, далеко недостаточны для отнесения их к одному типу сооружений⁹³. Несомненное наличие некоторых общих композиционных, сюжетных, а вероятно, и стилистических деталей в буддийской живописи Восточного Туркестана с росписями на стенах пенджикентских храмов в такой же мере не дает оснований видеть в них доказательство общности

⁹³ Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 гг. СПб., 1914. С. 41, рис. 41 (план монастыря № 7 в Сенгим-агызе); с. 42, рис. 42 (план монастыря № 8 там же). Речь идет об общей ориентации главных помещений по странам света и их расположению.

их содержания в целом, так как элементы общности наблюдаются только во второстепенных внешних деталях. В своих наиболее существенных чертах (устройство главных святилищ, иконография) храмы Пенджикента ничего общего не имеют с буддийскими культовыми сооружениями и буддийским изобразительным искусством.

Рассмотрим, в какой мере пенджикентские храмы могут соответствовать храму огня как основному святилищу зороастризма. Начнем с их планов.

В настоящее время каноническая планировка зороастрийских храмов хорошо известна главным образом по довольно многочисленным памятникам, открытым в Иране. Здесь, в соответствии с требованиями культа, выработался точно определенный тип построек. Обычно это квадратные в плане здания, состоящие из одного помещения — святилища, обведенного двойными стенами, пространство между которыми служит обходным коридором. Этот тип сооружений особенно хорошо представлен храмом, раскопанным в Шапуре⁹⁴. Он представляет для нас особый интерес, поскольку, как пишет С. П. Толстов, с ним почти тождественны и планы некоторых открытых им храмов в Хорезме⁹⁵. В Средней Азии в целом храмы огня, можно полагать, имели аналогичный план. При непосредственном сопоставлении планов пенджикентских зданий с типичным зороастрийским храмом огня приходится констатировать отсутствие каких-либо общих элементов. Действительно, если основная забота строителей храмов огня была направлена на преграждение доступа дневного света в центральное помещение, где стоял алтарь с огнем, то пенджикентские храмы были рассчитаны на максимальный доступ солнечных лучей.

Предположение, что для этой цели могло служить внутреннее помещение, примыкающее к четырехколонному залу, также навряд ли может быть принято. План этих помещений в виде суженного прямоугольника, наличие сплошных лежанок (суф) вдоль стен, а также очень широкие двери, их парадный характер — очень мало напоминают помещения для алтарей огня. Придел в северной ограде, план которого повторяет план главных помещений, особенно наглядно противоречит указанному предположению вследствие наличия на стенке внутреннего помещения росписей, присутствие которых в затемненном помещении не может быть оправданным. По всей вероятности, здесь производились церемонии иного порядка, чем в святилищах огня.

Исходя из проведенного сопоставления, мы должны признать, что обычным «домом огня» здания эти служить не могли.

В такой же, если не в большей, мере против предположения о принадлежности храмов зороастризму говорят и росписи, и признаки несомненного наличия когда-то скульптурных изображений в них. Зороастризму, во всяком случае в той форме, какую он принял в сасанидском Иране, а именно в форме огнепоклонничества по преимуществу, была абсолютно чужда храмовая иконография в каком бы то ни было проявлении. До сих пор ни в одном из храмов

⁹⁴ Ghirshman R. Le fouilles de Châpour (Iran) // RAA. T. XII/1. 1938. P. 14 sq., а также pl. 4 (план храма). Сведения относительно других храмов огня, открытых на территории Ирана, приводятся в кн.: Herzfeld E. Archaeological History of Iran. London, 1935.

⁹⁵ Толстов С. П. Древний Хорезм... С. 98.

11. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

огня не найдено ни одного живописного или скульптурного культового изображения. Скульптурные изображения Ахурамазды вне храмов на наскальных рельефах сасанидского Ирана или редкие изображения этого верховного божества на монетах сасанидских царей (обычно в пламени алтаря) настолько лишены специфических черт религиозной иконографии, что нет никаких оснований принимать их в качестве канонических культовых образов. Имеющиеся также вне связи с храмами изображения таких божеств, как Митра или Анахита, встречаются в единичных случаях, лишь подчеркивающих общее правило. Взгляд на зороастризм как на религию без культовых изображений, без иконографии, как известно, общепринят в литературе. В этом смысле реальные данные археологии вполне подтверждают традиции письменных источников относительно враждебности зороастризма культу идолов.

Итак, из четырех названных религиозных систем остается манихейство, как наиболее вероятный «претендент» на пенджикентские храмы. Эту гипотезу я и выдвигаю, и дальнейшее изложение посвящено посильному обоснованию ее.

Обратимся к планам храмов. В отношении манихейства вопрос этот имеет особое значение в связи с тем, что первоначально учение манихеев отвергало сооружение специальных храмов. Мани приписываются слова о том, что «молитва, обращенная к богу, не нуждается в храме»⁹⁶. Действительно, в источниках, относящихся к первоначальному манихейству, нет никаких данных о существовании специальных культовых сооружений. Насколько мне известно, западное манихейство не создало специально храмового зодчества. Но на Востоке, в том числе в Средней Азии, положение было иным. Несомненно манихейские храмовые постройки обнаружены во время раскопок и Восточном Туркестане⁹⁷, но планы их, насколько я знаю, или не зафиксированы, или же до сих пор не опубликованы. Письменные источники, как собственно манихейские, так и общеисторические, также свидетельствуют с полной определенностью о том, что здесь манихеи имели специальные культовые здания. Но, к сожалению, помимо названий, письменные источники не содержат почти никаких сведений относительно характера этих храмов. Единственным исключением служит сохранившийся на китайском языке известный фрагмент манихейского «катехизиса», в котором приводится перечень помещений, которые должны были быть, по-видимому, при каждом храме. Согласно этому документу, храм должен был иметь пять помещений. Они характеризуются только по их назначению, а именно: одно для священных книг и изображений, одно для поста и толкований, одно для молитвы и покаяния, одно для обучения и одно для больных верующих⁹⁸. Из этого описания В. В. Бартольд сделал вывод, что манихеи, в отличие от буддистов, не жили при храмах⁹⁹. С этой точки зрения пенджикентские храмы не противоречат указанному описанию. Действительно, судя по размерам, они не имели помещений, приспособленных для постоянного проживания более или менее значительного числа лиц.

⁹⁶ Alfarc P. Les écritures... P. 121.

⁹⁷ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. С. 45.

⁹⁸ Chavannes E., Pelliot P. Un traité... P. 132.

⁹⁹ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. С. 45.

Для понимания характерных особенностей планов пенджикентских зданий, особенно центральной их части, интерес представляет описание храмов звездопоклонников. Сабейцы придавали внешней планировке храмов символическое значение, и храмы, посвященные отдельным божествам и светилам, строились по определенному плану. Наиболее компактное и раннее описание сабейских храмов мы находим у Масуди. «А к храмам сабейцев, — пишет он, — относятся храм Миропорядка, храм Необходимости и храм Души, — это здания, круглые по форме. Храм Сатурна — шестиугольный, храм Юпитера — треугольный, храм Марса — прямоугольный, храм Солнца — квадратный, храм Венеры (имеет форму) треугольника внутри квадрата. Храм Меркурия имеет треугольную форму внутри удлинненного прямоугольника, а храм Луны — восьмиугольной формы. Сабейцы в этом видят символы и тайну, которые они скрывают»¹⁰⁰.

Шахрестани приводит сообщение о храме Солнца (или Меркурия) в столице Ферганы, согласно которому он был «удивительным сооружением»¹⁰¹. Последние слова, как мне кажется, указывают на аналогичную особенность его плана. С этой точки зрения интерес представляет рассказ Нершахи о дворце, построенном на площади Регистан в Бухаре в санидское время. Согласно его рассказу, дворец этот пришлось несколько раз перестраивать, так как всякий раз после его постройки он вскоре разрушался. И только после того, как колонны, на которые здание опиралось, были расставлены в виде фигуры Большой Медведицы, оно получило устойчивость¹⁰².

Не лишено интереса сообщение путешественника XIX в. Лайарда, посетившего в Северной Месопотамии святилище секты езидов, сохранивших верования, восходившие к древнему астральному культу. Согласно его рассказу, храм секты был построен с таким расчетом, чтобы в утренние часы он освещался с максимальной интенсивностью¹⁰³.

Такое же впечатление производит и планировка пенджикентских храмов. Их открытые на восток фасады дают возможность первым лучам восходящего солнца проникать в центральную залу и портик и освещать их с наибольшей интенсивностью в утренние часы. Однако этим я вовсе не хочу сказать, что манихеи принесли с собой особую зодческую традицию или твердый канон. Наоборот, наблюдения над остатками храмов Пенджикента говорят об обратном. Например, здание первого храма получило свою окончательную форму в результате весьма существенных перестроек, следы которых устанавливаются вполне отчетливо. Вполне вероятно, что перестройки явились результатом приспособления здания более раннего культа к потребностям другой общины. Аналогичные факты засвидетельствованы хорошо в источниках и не требуют особых доказательств. Укажу, например, на приспособление в Средней Азии старых храмов под мусульманские мечети. Для пенджикентского храма заме-

¹⁰⁰ Chwolsohn D. Die Ssabier und der Ssabismus. Bd. I. St. Petersburg, 1856. S. 367.

¹⁰¹ Al-Shahrastani. Kitāb... P. 431. Автор, сообщая о ряде храмов, посвященных светилам, пишет: «К ним относится дом Кавусан, который был построен царем Кавусом. Это было удивительное здание, посвященное солнцу в столице Ферганы. Его разрушил (халиф) Мутасим (833–842 гг.).»

¹⁰² Нершахи. История Бухары. С. 21.

¹⁰³ Chwolsohn D. Die Ssabier... Bd. I. S. 298.

11. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

чательным подтверждением сказанному может служить, помимо указанных его перестроек, открытие негативного отпечатка изображения на внутренней стороне слоя штукатурки в приделе (см. рис. 6). Хотя по открытому фрагменту, очень неясному по деталям, трудно сделать заключение о конкретном культовом образе, тем не менее стиль и характер изображения, сохранившегося от более раннего времени, настолько отличен от комплекса росписей, созданных на последнем этапе жизни здания, что можно вполне считать его принадлежащим к другому культу. Само собой понятно, что указанные наблюдения не говорят ничего относительно принадлежности храмов именно манихейству, но вместе с тем они и не противоречат этому предположению.

Нам остается рассмотреть, наконец, настенные росписи. Само наличие росписей заставляет вспомнить прежде всего манихеев. В этом отношении манихейство, как и буддизм, представляло прямую противоположность зороастризму. Все то, что известно о деятельности манихеев, в такой же мере, как и сами памятники манихейства, дошедшие до нас, говорит об исключительно большом значении, которое придавалось последователями Мани изобразительной стороне культа. Привожу несколько наиболее важных подтверждений.

Рис. 6. Пенджикент. Изображение мужчины в нимбе.
Из нижнего слоя живописи на северной стене помещения 10 объекта I

Прежде всего нельзя не напомнить об очень хорошо известной всеобщей традиции в средневековой литературе, согласно которой Мани был художником. Мани рисуется не как обычный, но как совершенный художник, а его искусство — неповторимым, почти недостижимым идеалом. Следует подчеркнуть один момент этой традиции, а именно, что, согласно преданию, своему живописному искусству Мани научился во время своего пребывания на Востоке¹⁰⁴.

Чрезвычайно, на мой взгляд, важен в литературной традиции тот факт, что Фирдоуси в своем рассказе о Мани в «Шахнаме» избрал этот момент деятельности Мани как бы центральным. Мани фигурирует в поэме под эпитетом «картинопоклонник». Вот слова, с которыми во время суда или диспута противник Мани — жрец (мобед) обращается к нему:

Сказал он (мобед) ему (Мани): «О ты, человек, поклоняющийся картине!
Зачем ты протянул свои (нечистые) руки к Яздану?

.....
Зачем ты в качестве доказательств приводишь картину?

Если же ты нарисовал ее, то заставь же и двигаться ее (т. е. сделай ее живой)»¹⁰⁵.

Не менее примечательно и то, что вместе с первыми миссионерами манихейства в Среднюю Азию направлялись и художники. Напомню отрывок из упомянутого манихейского документа, найденного в Восточном Туркестане: «Когда посланник света (Мани) находился в столице области Хульвана, он призвал к себе Мар-Амо, учителя, который знал парфянское письмо и язык... Он послал его в Абаршахр вместе с царевичем Ардабаном и братьями-писцами и одним (книжным) живописцем»¹⁰⁶.

Из многочисленных сообщений исторических источников приведу замечание Бируни, которое также определенно об этом свидетельствует: «Многие из людей разных религий склонны к деланию изображений в книгах, в храмах, как то: евреи, христиане и затем особенно манихеи»¹⁰⁷.

Известные памятники изобразительного искусства в Восточном Туркестане, принадлежащие манихеям, — книжные миниатюры и настенные росписи — вполне согласуются с приведенной традицией письменных памятников.

Очевидно, что большое место, которое занимало изобразительное искусство в манихействе, определялось причинами не только эстетического порядка. В их миссионерской деятельности живопись, безусловно, играла определенную пропагандистскую роль. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в Средней Азии манихеи столкнулись с древней и очень распространенной художественной традицией, которую они, очевидно, не преминули воспользоваться¹⁰⁸.

Миссионеры, проповедники религии Мани, усиленно и целеустремленно добивавшиеся влияния на самые широкие массы населения, не могли пренебречь

¹⁰⁴ Kessler K. Mani... S. 377 sq.

¹⁰⁵ Firdousi. T. V. P. 272.

¹⁰⁶ SPAW. 1933. S. 303.

¹⁰⁷ Alberuni's India. P. 53.

¹⁰⁸ См.: Якубовский А. Ю. Живопись древнего Пенджикента по материалам Таджикско-Согдийской археологической экспедиции 1948–1949 гг. // ИАН СССР. СИФ. Т. VII/5. М., 1950. С. 473.

1.1. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

этой традицией, тем более что она, несомненно, была теснейшим образом сплетена и с местными верованиями. Точно так же они использовали и эпические мотивы в своей письменности. Обнаруженные в последнее время среди манихейских сочинений из Восточного Туркестана отрывки эпических преданий местного населения говорят об этом вполне наглядно¹⁰⁹.

* * *

Для того чтобы разобраться в стенных росписях и правильно их истолковать, следует прежде всего рассмотреть символические атрибуты и отдельные признаки, заставляющие видеть в некоторых фигурах изображения божеств. К ним относится в первую очередь такой несомненный признак «божественности», как наличие лучистого венца над головой. Одна фигура с лучистым венцом имеется на стене пятого помещения первого храма и две — на южной стене зала второго храма. Этот атрибут божества наряду с нимбом широко распространен в иконографии ближневосточных религий. Но особенно характерен он для иконографии Митры. Лучистый венец — постоянный или почти постоянный атрибут его изображений. Так же изображен Митра на надгробии Антиоха Коммагенского и других многочисленных рельефах западного митраизма¹¹⁰. Митра с лучистым венцом изображен на ранних кушанских монетах¹¹¹ и на некоторых монетах Аршакидов¹¹². Интересно отметить, что изображения венцов на пенджикентских росписях различны по форме. В композиции в первом из названных помещений лучи, образующие венец божества, изображены в виде тесно друг к другу примыкающих слабо заостренных полос, отходящих от головы. Ближайшие аналогии этому типу венца мы находим на монетах Аршакидов и в изображениях Митры в западном митраизме. Лучистый венец другого типа представлен в сцене оплакивания в виде неполного круга, над которым лучи изображены в виде правильных, редко расположенных острых треугольников; этот тип венца особенно характерен для изображений Митры на монетах кушанских царей.

Идентификация пенджикентских изображений с солнечным божеством Митрой, одним из древнейших объектов поклонения в Средней Азии, представляется наиболее заманчивой. Однако Митра везде выступает в виде мужского божества, между тем на южной стене второго храма, несомненно, представлены в таком венце женские божества. В пятом помещении сохранилось только изображение части лица, и судить, какому полу принадлежит изображенное божество, трудно. Но и здесь лицо, безусловно, молодое и безбородое.

¹⁰⁹ Cp.: Henning W. Neue Materialien zur Geschichte des Manichäismus // ZDMG. Bd. 90 (NF. Bd. 15). 1936. S. 13.

¹¹⁰ SPA. Vol. IV. 1938. Pl. 133. Cp.: Cumont F. Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. I. Bruxelles, 1899.

¹¹¹ Gardner P. The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886. Pl. XXVIII.

¹¹² Herzfeld E. Iran in the Ancient East. Archaeological Studies presented in the Lowell Lectures at Boston. London; New York, 1941. P. 299 (монета Фраата IV).

Впрочем, и лицо Митры чаще всего, хотя и не всегда, представлено юным и безбородым. Сказанное заставляет рассматривать этот атрибут несколько шире, в качестве признака целого пантеона, а не отдельного божества. И этом смысле манихеи, в догматике которых «свет» занимал такое важное место, конечно, должны были изображать свои божества именно с таким атрибутом (нельзя забывать при этом и близость их учения к астральному культу). В связи с этим для нас весьма существенно следующее замечание одного из видных специалистов в области ближневосточной иконографии, исследователя буддизма А. Грюнведеля: «По своему происхождению, — пишет он, — нимбы вместе с родственным им лучистым венцом принадлежат астральным культам»¹¹³. Появление изображения Митры в манихейской иконографии вполне допустимо, поскольку Митра в теологии манихеев занимал вполне определенное место¹¹⁴.

Четко представлен в живописи пенджикентских храмов другой атрибут, служащий признаком божества, — четверорукость по крайней мере двух фигур на южной стене второго храма. Объяснить этот атрибут несколько более затруднительно. Обнаружение на территории Хорезма (Тешик-Кала) отливок больших печатей с изображением четырехрукого божества дало основание С. П. Толстову связать эти изображения с четвероруким божеством на серебряных чашах, опубликованных в атласе Я. И. Смирнова. Приняв сначала эти изображения за образы одного из бодисатв, С. П. Толстов позже пересмотрел свою точку зрения; он полагает, что «здесь мы имеем образ хорезмийской Анахиты афритидской эпохи, прошедшей через этап синкретизации с индо-буддийскими образами в кушанскую эпоху»¹¹⁵. Для пенджикентской четырехрукой богини мы можем предложить более непосредственную аналогию, а именно известное изображение на кушанских монетах четырехрукого женского божества Окшо. По-видимому, это то самое божество «Баг-Ард» или «Ард-вахш», с культом которого, как рассказывает выше легенда о Мар-Амо, манихейство столкнулось на границах Средней Азии. Включение манихеями этого божества в свой пантеон представляется вполне вероятным. Вместе с тем нельзя не отметить, что сам по себе атрибут этот, т. е. многорукость, находит аналогии и в астральном культе сабейцев. Так, в «Космографии» Димишки при описании одного из храмов сабейцев говорится, что в нем имелось изображение человека, у которого было много голов, рук и ног¹¹⁶. Реминисценцией астрологической иконографии надо считать средневековые изображения отдельных планет в виде человеческих фигур с многими руками, как, например, изображение Сатурна в ранних рукописях известной космографии Закарьи Казвини¹¹⁷. Показательным является изображение четверорукого божества на астрологических иконах Хара-Хото (Монголия). Здесь четверорукой изображена планета Марс. Как выяснено исследователем этих икон, некоторые другие атрибуты астральных божеств, представленных на иконах из Хара-Хото, в том числе

¹¹³ Grünwedel A. *Buddhistische Kunst in Indien*. Zweite Auflage. Berlin; Leipzig. 1920. S. 83.

¹¹⁴ Ср.: SPAW. 1932. S. 177 sq.

¹¹⁵ Толстов С. П. Древний Хорезм... С. 200.

¹¹⁶ Chwolsohn D. *Die Ssabier...* Bd. II. S. 382.

¹¹⁷ Ср. рукописи Института востоковедения АН СССР: Д 370. Л. 146 и Е 7. Л. 156.

11. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

и Марса, находят объяснение по преимуществу в астрологических представлениях Ирана и Месопотамии¹¹⁸. Очевидно, что эти представления проникли на Дальний Восток через Среднюю Азию.

Одной из резко бросающихся в глаза деталей на росписях стен айвана придела являются ветки в руках и на головных уборах сидящих участников трапезы. Символическое значение этих веток совершенно ясно. Оно хорошо зафиксировано многочисленными памятниками изобразительного искусства, хотя и не в такой пышной форме, как в Пенджикенте. Часто ветка, обычно пальмовая, встречается на реверсах монет аршакидского времени. Интересно, что в головном уборе сасанидского царя Нарсе корона изображена в виде ряда веток¹¹⁹. Но наиболее близким к пенджикентским изображениям надо считать головной убор одного из персонажей, изображенных на росписи Кух-и Ходжо, где к головному убору прикреплена свежая ветка¹²⁰. При этом и здесь человек находится перед изображением божества. Корни этого символа восходят к очень древним временам. В той или иной форме ветка дерева в качестве культового символа могла применяться во время различных обрядов в разных религиях. Не чужд этот символ и верованиям поздних звездопоклонников, как и манихеев.

Согласно Димишки, стены сабейского храма, посвященного Меркурию (Утарид), «были расписаны изображениями красивых юношей, в руках у которых находились зеленые ветви»¹²¹. Чрезвычайно интересна и еще одна деталь, которую он приводит, а именно, что у них (юношей) имелись также «свитки с известными славословиями». Не являются ли таблички за головами фигур с ветками на росписи храма в Пенджикенте заменой свитков? Вместе с тем символика рассматриваемого атрибута может быть объяснена и более непосредственно с точки зрения манихейства. Ветки растений заменяют образ дерева, занимающий в манихейской символике весьма видное место.

Приведу небольшой отрывок из манихейской молитвы:

Хвала тебе, ты, светящий Мани, наш вождь,
Корень света и ветвь славы.
Ты могучее дерево, дающее полное спасение¹²².

Из других отдельных элементов иконографии росписей, требующих своего истолкования, остановимся на изображении фантастических существ. Широкая распространенность изображений аналогичных чудовищ, именуемых обычно сэнмурв или паскудж, хорошо известна¹²³. Встречаясь в самых разнообразных

¹¹⁸ Кочетова С. М. Божества светил в живописи Хара-Хото. Синкретизм астрологического пантеона в иконографии // ТОВЭ. Т. IV. 1947. С. 485, 488 и др.

¹¹⁹ Орбели И., Тревер К. Сасанидский металл: Художественные изделия из золота, серебра и бронзы. М.; Л., 1935. Табл. 2.

¹²⁰ Herzfeld E. Iran in the Ancient East... Pl. CII.

¹²¹ Chwolsohn D. Die Ssabier... Bd. I. S. 394.

¹²² Flügel G. Mani... S. 65.

¹²³ Многочисленные изображения сэнмурвов или паскуджей см.: К. В. Тревер. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937.

формах, подобные существа имеют и различную символику. Судя по письменным данным, образ этот не был чужд и манихеям. Так, они рисовали сатану «с головой льва, с телом дракона, с крыльями птицы, с хвостом рыбы и ногами ползающего животного»¹²⁴. Изображения в пенджикентском храме, очевидно, такого значения иметь не могли хотя бы уж потому, что общий облик, приданный художником этим существам, не вяжется с представлением о враждебной человеку силе. Мне представляется, что его интерпретацию надо искать в символике стихии, которая в манихейском учении играла существенную роль.

Как выше указывалось, эти существа состоят из трех элементов. Символическое значение двух из них — а именно крыльев птиц и туловища водяного существа — кажется в достаточной мере ясным. Они изображают воздушную и водную стихии. По всей вероятности, третий элемент представляет собою символ третьей стихии — огня. Если это предположение верно, то объяснение значения этих изображений с точки зрения манихейства не представляется затруднительным. Целый ряд текстов дает возможность удовлетворительно увязать их с общей системой манихейских представлений. Ограничусь следующим отрывком из «Фихриста», в котором излагается судьба тела праведника после смерти. «Его тело, — читаем мы в этом отрывке, — остается лежать, и солнце, луна и божества светил (алихат ун-нирун) притягивают к себе силы его (тела), т. е. воду, огонь и воздух, и они поднимаются к солнцу и становятся божеством»¹²⁵.

Для объяснения характера этих существ большое значение имеют опубликованные Хеннингом манихейские документы магического содержания. Один из них — заговор против духа лихорадки. В нем говорится, между прочим, следующее: «Его имя Индра. Он имеет три формы и крылья подобно паскуджу. Он сидит в теле и в мозгу человека. Он называется лихорадка. Он рожден в воде и пепле... И если он (дух лихорадки) не уйдет (по своей воле), то пусть он уйдет (из тела) во имя сына имярек, и исчезнет во имя господина Иисуса — друга, во имя его отца всевышнего, во имя святого духа... во имя... Михаила, Рафаеля, Габриеля...» Второй — заговор против злого гения, угрожающего дому. В нем дается следующее описание стража-защитника дома: «Три формы заключены во мне и внутренности (наполнены) огнем. В руках я держу острый и поражающий топор, я опоясан отточенным мечом и ножом из чистого алмаза (или стали)»¹²⁶.

В приведенных текстах для нас особый интерес представляет, естественно, то, что эти гении с «тремя формами» сравниваются с паскуджем — собакой-птицей и тем самым свидетельствуют о том, как они представлялись манихеям. Несомненно, что многочисленные известные образы паскуджей-сэзмурвов близки к изображенным на стенах храма. Вместе с тем я воздерживаюсь от непосредственной идентификации фантастических существ на росписях с упоминаемыми в заговорах духами, будь то опасный дух лихорадки Индра или благотворный гений, защитник и страж дома. Последнего нельзя, впрочем,

¹²⁴ Flügel G. Mani... S. 53.

¹²⁵ Chwolsohn D. Die Ssabier... Bd. I. S. 70.

¹²⁶ Henning W. Two Manichaean Magical Texts with an Excursus on the Parthian Ending -ēndēh // BSOAS. Vol. XII/1. 1947. P. 40.

не признать уместным и на стенах пенджикентского храма. Не считаю себя компетентным судить и о том, почему в первом заговоре дух лихорадки назван Индрой — именем индийского божества. Следует лишь подчеркнуть самый факт знакомства в манихейской среде с этими образами.

Перейдем к истолкованию отдельных сцен. В какой мере они подтверждают заключения, которые вытекают из нашего анализа деталей? Правда, фрагментарность дошедших до нас росписей делает эту задачу значительно более трудной, чем разбор отдельных атрибутов. Однако некоторые выводы все же удастся добавить. Рассмотрим отдельные сцены в том порядке, как они были описаны нами.

Первая сцена, а именно из росписи в здании I (помещение 5) особенно сильно пострадала. От очень большой по размерам композиции сохранился незначительный фрагмент (рис. 7–9). На нем представлена группа людей, стоящих в молитвенной позе перед божеством с лучистым нимбом вокруг головы. Для понимания сцены важно, что божество обращено лицом не к фигурам людей, а в обратную сторону, т. е. в сторону центральной части стены. Такое положение фигуры можно объяснить только тем, что в центре сцены находилось не дошедшее до нас изображение божества, занимавшего в пантеоне данного культа более высокое положение, чем принадлежавшее упомянутому выше божеству. Множественность и ступенчатость теогонической системы весьма характерны для учения манихеев.

Композиция сюжета на стенках придела первого храма представляется гораздо более ясной по содержанию. Она состоит из трех отдельных сцен — ритуальной пляски, сцены жертвоприношения и сцены пиршества или трапезы. А. Ю. Якубовский полагает, что в данной сцене надо видеть изображение «праздника весны»¹²⁷. Праздник этот, или, вернее, ноуруз (буквально «новый день» или «новый год»), которым отмечалось начало весны, был действительно одним из наиболее популярных народных празднеств в Средней Азии. Обширный материал письменных источников, использованный К. А. Иностранцевым в работе «Древнейшие арабские известия о праздновании ноуруза в сасанидской Персии», даст возможность в достаточной мере отчетливо представить себе характер

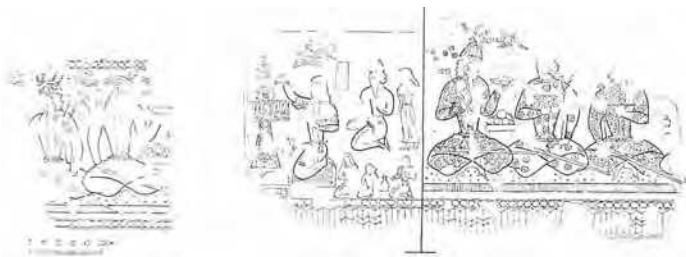

Рис. 7. Пенджикент. Схема расположения росписи в помещении 10 объекта I

¹²⁷ Якубовский А. Ю. Пенджикент // По следам древних культур. М., 1951. С. 248.

этого праздника. Несомненно, что некоторые детали интересующих нас сцен созвучны обрядам, выполнявшимся во время празднования ноуруза. Так, отдельные обряды этого праздника, по крайней мере в Иране, сопровождаются пением, музыкой, играми. Фигурируют и ветви деревьев, блюда с фруктами и т. д. Но вместе с тем приходится признать, что приводимые К. А. Иностранцевым тексты имеют мало общего с содержанием росписей Пенджикента. Например, текст главного источника — сочинения Кисрави, относящийся к ветвям: «И по середине его (стола) клали семь ветвей (тех) деревьев, по которым и по именам которых предсказывали, вид которых считали хорошим знаком, как то: ива, маслина, айва, гранат, срезанные в один, два и три сустава»¹²⁸. Вряд ли, таким образом, символику этих ветвей можно сравнивать со значением, которое могли иметь ветви на головных уборах и в руках фигур рассматриваемой сцены.

На мой взгляд, в еще большей мере против идентификации этих сцен с празднованием ноуруза говорит нехрамовый характер последнего, что очень выразительно выступает почти во всех сообщениях об этом празднике. В частности, нигде не упоминается об участии в нем жрецов. Бируни, сведения которого о праздновании ноуруза в Средней Азии до распространения там ислама особо важны и достоверны, прямо относит этот праздник, во всяком случае для Хорезма, к числу не связанных с зороастрийской религией. Так, он пишет: «а их (хорезмийцев) праздники, которые не связаны с повелениями их религии, следующие...»¹²⁹ И вслед за этим называет первым из этих праздников «новый год». В отношении Согда Бируни первый день нового года называет «Великий новый год», но не говорит о характере празднования. Он отмечает лишь, что на двадцать восьмой день первого месяца «маги (зороастрийцы) Бухары справляют праздник по имени рамуш-агам». В этот день они «собираются в храм огня селения Рамуш». Одновременно он сообщает, что агамы считают у них наиболее почитаемыми праздниками. Во время этих праздников «они (бухарские зороастрийцы) в каждом селении собираются у райиса (старейшины) для еды и питья. И это делается у них по очереди»¹³⁰. О культовом пиршестве, связанном с новым годом, не говорится ничего. Что касается изображения пиршества на интересующей нас сцене, то культовый характер его подчеркнут вполне определенно сценой жертвоприношения на третьей стене.

Таким образом, полагать, что на композиции изображено празднование ноуруза, нет основания. Прежде всего, очевидно, что оно связано с обрядностью, посвященной какому-то божеству, которое было изображено в центре стены внутреннего помещения. Необходимо отметить, что обрядность, здесь представленная, несовместима с зороастризмом. Насколько известно, зороастрийская обрядность не сопровождалась музыкой и пляской. Молитва перед алтарем огня произносилась шепотом, вследствие чего получила характерное название «земзем» — бормотанье. Трудно признать зороастрийской и сцену жертвоприношения. В частности, коленопреклоненная поза жрецов перед жертвенником

¹²⁸ *Иностранцев К. А. Сасанидские этюды.* СПб., 1909. С. 88.

¹²⁹ *Alberuni. Chronologie...* S. 235.

¹³⁰ *Ibid.* S. 234.

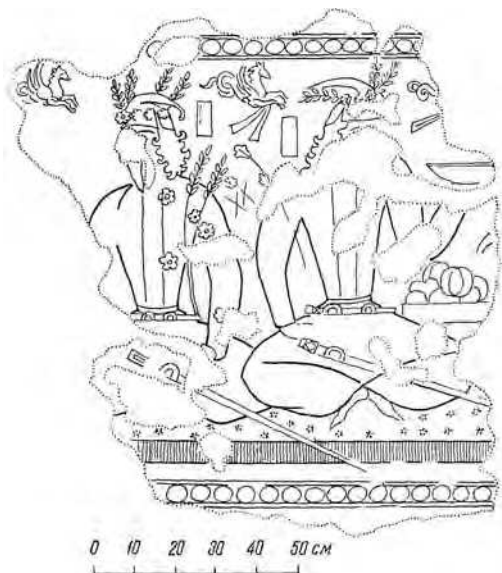

Рис. 8. Фрагмент росписи на рис. 7

никак не вяжется с зороастрийским обрядом¹³¹. Насколько известно, не имеет ни одного изображения зороастрийского жреца в такой позе, не говоря уже о том, что сама форма жертвенника совершенно непохожа на очень хорошо известные алтари огня.

В отличие от зороастрийской, в обрядности манихеев и тем более звездопоклоннических сект мы находим много элементов, перекликающихся со сценами храмовой живописи Пенджикента. Прежде всего следует отметить, что среди манихейских фрагментов живописи из Восточного Туркестана часто встречаются изображения музыкантов и музыкальных инструментов¹³². В гимнах и псалмах манихеев также постоянно упоминаются музыкальные инструменты¹³³.

¹³¹ Примечание ответственного редактора книги «Живопись древнего Пянджикента» (М., 1954. С. 74, примеч. 2): «А. Ю. Якубовский не рассматривал “праздник весны”, или “ноуруз”, как праздник только зороастрийский. Согласно его мнению, это древнейший культ, тесно связанный с культом умирающих и воскресающих сил природы».

¹³² Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan: Bericht über archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. Berlin, 1912. S. 335.

¹³³ SPAW. 1934. S. 870. О большом месте музыки в культе манихеев говорит, например, Августин. В частности, Мани приписывается изобретение лютни. См.: Alfari P. Les écritures... P. 133.

Можно считать вероятным, что культ манихеев, сформировавшийся в Месопотамии, включал, как впоследствии и дервишизм, экстатические пляски.

Весьма любопытные аналогии для композиции в целом мы находим в культе, посвященном планете Венере. Известно, что постоянно сопровождающим ее изображение атрибутом служил музыкальный инструмент. Как выше упоминалось, в таком виде находят ее изображения и на Дальнем, и на Ближнем Востоке. В связи с этим особый интерес представляет краткое описание храма, посвященного этой планете, у харранских сабейцев.

«В нем, — говорит автор описания, — находятся всякого рода музыкальные инструменты для игры и веселья. Служители (храма) играют на них и танцуют. И большая часть их (служителей) молодые девушки»¹³⁴.

Для характеристики культа, представляемого на рассматриваемой композиции, чрезвычайно большой интерес имеет сцена жертвоприношения. Сцена представляет тот момент, когда главный жрец, стоящий на коленях, совершает возлияние, вероятно, масла или какой-то ароматической жидкости, над жертвенными плодами. Вместе со жрецом в сцене принимают участие еще пять человек, из которых четверо бесспорно молодые люди. Эта последняя деталь для нас крайне важна. В письменных источниках мы находим определенное указание на то, что представителям манихейской иерархии прислуживали юноши, которые таким образом входили в состав храмового капитула. Этот момент отчетливо отражен в сцене.

В такой же мере интересно, с нашей точки зрения, что в качестве предметов жертвоприношения фигурируют плоды. Как известно, одним из основных предписаний учения манихеев был запрет мясной пищи. Все служители культа, начиная от низшей ступени («избранных»), должны были питаться исключительно растительной пищей¹³⁵. Естественно, что жертвоприношения их состояли из плодов и растений. Сжигание в виде жертвоприношения плодов в ритуале зороастризма, как мне кажется, неизвестно. Надо отметить, что всякого рода жертвоприношения подобного рода и особенно разных ароматических веществ — характерная особенность ритуала переднеазиатских культов. Сохранилось специальное сочинение, составленное в первые века хиджры на арабском языке, в котором излагаются способы приготовления таких веществ сабейцами Харрана.

С этими культами, т. е. манихейством и сабеизмом, не находится в противоречии и составляющая часть рассматриваемой композиции, сцена храмовой трапезы или пиршества, в котором принимают участие миряне. Одновременно можно отметить, что данных, касающихся трапез в храмах огня, в письменных источниках для Средней Азии не имеется. Утверждение С. П. Толстова в отношении Хорезма, со ссылкой на Бируни, что в храмах огня происходили пиршества, основано на неправильно понятом тексте. Вместе с тем нельзя не отметить, что такие трапезы весьма характерны для культа митраизма. В найденных в западных областях его распространения рельефах подобные сцены зафиксированы неоднократно.

¹³⁴ Chwolsohn D. Die Ssabier... Bd. I. S. 392.

¹³⁵ Chavannes E., Pelliot P. Un traité... P. 134, 226 sq.

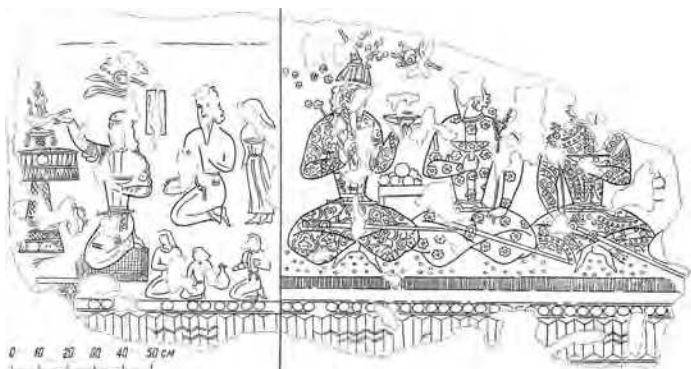

Рис. 9. Фрагмент росписи на рис. 7

Фрагменты живописи на стенах портика здания II в том состоянии, в котором они дошли до нас, не содержат в себе специфических деталей, по которым их можно было бы отнести к определенному культу. Аналогичные сцены имеются, например, в росписях буддийских монастырей Восточного Туркестана. В них обращает на себя внимание выразительный жест адорации в виде вытянутой руки с поднятым указательным пальцем, который так подчеркнуто передан в росписи на южной стене портика. Могу только отметить, что манихейские религиозные тексты содержат указания на специальные уставные предписания, касающиеся обрядовых жестов¹³⁶. Вполне вероятно, что жест в виде поднятой руки, который изображен на этой росписи, был одним из таких обрядовых жестов.

Обращаясь к последней из рассматриваемых сцен, т. е. к сцене оплакивания, следует сказать, что она в значительной мере является решающей для нашей задачи. Для суждения о культе эта сцена в целом и в деталях содержит наиболее наглядный и определенный материал. Перед нами — реальный похоронный обряд, вернее один из моментов этого обряда (оплакивание). Но вместе с тем присутствие божеств свидетельствует о том, что картине придавался и иной смысл. Очевидно, что в данном случае речь может идти об отображении эсхатологических представлений или же о сюжете мифологического содержания. Рассмотрим сцену с обеих точек зрения.

О том, как представляли себе манихеи загробную жизнь, имеются достаточно определенные сведения. В «Фихристе» мы находим специальную главу, излагающую учение манихеев о будущей жизни. В ней говорится следующее: «Когда наступает смерть истинно верующего, первочеловек посылает к нему

¹³⁶ SPAW. 1933. S. 312: «И мы протягиваем руку, вознося молитву, и обращаем глаза к твоему образу».

божество света в образе мудреца-проводника, а вместе с ним три божества и с ними сосуд, одежду, посох, корону и лучезарный венец. Приходит с ним девушка, подобная душе этого праведника... И они берут этого праведника, и надевают на него корону, венец и одежду, и дают ему сосуд в руки. Затем вместе с ним они восходят по столбу утренней зари (или "столбу славы") и лунному небу к первочеловеку и к Нахнахе, матери всего живущего, пока не достигают до места, в котором он был вначале в раю света»¹³⁷.

Сопоставляя рассматриваемую сцену с приведенным текстом, нельзя не признать, что в них действительно имеется много моментов, которые должны быть признаны весьма близкими между собой. В то же время очевидно, что картина не адекватно иллюстрирует текст. Приходится учитывать и то обстоятельство, что до нас дошла не вся композиция. Поэтому и частичное совпадение текста и картины имеет немаловажное значение. В этом смысле уже одно присутствие на картине группы из трех божеств может служить весьма важным свидетельством в пользу их общности. Мне кажется в еще большей мере интересным упоминание в тексте некоторых реалий, а именно кувшина, столба («утренней зари») и венца света. На росписи в пенджикентском храме фигура с кувшином в руке занимает среди участников сцены центральное место перед «киоском» с покойником. Не есть ли странный по своей раскраске столб с диском наверху изображение «столба утренней зари», по которому душа поднимается к сферам светил? Нельзя не отметить и того, что название «венец света» (лучистый венец) весьма подходит к венцам, окружающим головы божеств на данной росписи.

Наряду с приведенным текстом мы находим данные, указывающие на возможность и мифологического объяснения исследуемой сцены. При этом и здесь исходными служат сведения, относящиеся к сабеизму. Так, в «Фихристе» приводится следующее описание праздника сабейцев, падающего на месяц таммуз (седьмой месяц солнечного летоисчисления). «В середине его, — пишет автор "Фихриста", — праздник *ал-букат*, что значит «Плачущие женщины». Это праздник *тавуз*, посвященный божеству Тавуз. И оплакивают его женщины (причитая) о том, как его убил его господин и размолот его кости в мельнице, а затем развеял их по ветру. И женщины ничего не едят размолотого в мельнице (в это время)»¹³⁸. Другой вариант этого же мифа приводится у известного средневекового арабско-еврейского ученого Маймонида: некий Таммуз, пророк идолопоклонников, выступил с проповедью новой религии, призывая поклоняться планетам и знакам зодиака. «Но царь, к которому он обратился, убил его самым жестоким образом. В ночь смерти собрались божества со всех концов земли в храме Вавилона к золотому идолу, посвященному солнцу, который висел между небом и землей. Это божество (Солнце) затем спустилось в середину храма, и когда остальные божества собрались вокруг него, оно начало оплакивать (убитого) и рассказывать о его страданиях. Божества оплакивали его всю ночь. Но когда поднялась утренняя звезда, все божества вернулись в свои храмы назад. Отсюда

¹³⁷ Flügel G. Mani... S. 70.

¹³⁸ Chwolsohn D. Die Ssabier... Bd. I. S. 27.

11. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

и возник обычай у людей в первый день таммуза поднимать плач по Таммузу, горевать и оплакивать его»¹³⁹.

Эти рассказы, являющиеся вариантами, или, вернее, фрагментами, древнейшего передневносточного мифа об умершем и воскресшем боге, представляют для нас громадный интерес, потому что почти аналогичный миф записал в Самарканде Вей Цзе, китайский путешественник начала VII в. Этот человек, несомненно, не был знаком с ближневосточными мифологическими представлениями. «Они (жители Самарканда), — сообщает Вей Цзе, — поклоняются небесному богу и в высшей степени его почитают. Они говорят, что божественное дитя умерло в седьмом месяце и что кости его потеряны. Служители бога, когда наступает этот месяц, одевают черные одежды со складками. Они ходят босиком, ударяют себя в грудь и плачут, и на лицах их мокрота сливается со слезами. Мужчины и женщины расходятся, чтобы искать тело божественного ребенка. На седьмой день обряд приходит к концу»¹⁴⁰.

С. П. Толстов, подробно разобравший рассказ Вей Цзе, считает его отражением мифа об умирающем и воскресающем божестве растительного царства. При этом С. П. Толстов связал этот миф с именем Сиявуша, известного героям среднеазиатского эпоса, каким он рисуется главным образом по «Шахнаме» и рассказу историка Бухары X в. — Нершахи¹⁴¹.

Сюжет эпического сказания, согласно рассказам упомянутых авторов, сводится вкратце к следующему. Сиявуш, сын царя Ирана Кай-Кауса, вследствие преследований отца по наговорам мачехи бежит к царю Гурана Афрасиабу. Здесь он находит убежище, женится на дочери царя. Но вследствие клеветы недоброжелателей Сиявуша Афрасиаб отдаст приказ убить его. Бежавший в Иран сын Сиявуша, Кай-Хосров, во главе иранских войск совершает поход в Туран в отомщение за отца.

В память об убийстве Сиявуша, как сообщает Нершахи, в Бухаре, где якобы находилась его могила, установился специальный культ. «Ежегодно в день нового года, еще до восхода солнца, — пишет он, — каждый мужчина по обычаю закалывает здесь в память Сиявуша одного петуха. У жителей Бухары есть песни об убийстве Сиявуша, известные во всех областях; музыканты сочинили к ним мотив и поют их; декламаторы называют эти песни плачем магов»¹⁴². Образ Сиявуша в этом рассказе представляет для нас исключительно большой интерес, так как с его именем связывается и сюжет рассматриваемой нами сцены.

Отрывок мифа о Сиявуше сохранился и в Авесте, хотя и в очень сокращенной форме, и связан с эпизодом о мести Кай-Хосрова. Так, в яште Быка Хаома (божество растительного мира) обращается к Ахурамазде с молитвой, «прося оказать ей благодеяние и дать возможность связать убийцу — туранца Франграспана (Афрасиаба), чтобы его связанного потащить и передать царю Хусраву, которым убил бы его в отомщение за убийство им отца его Сияваршана

¹³⁹ Ibid. С. 206.

¹⁴⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 296.

¹⁴¹ Толстов С. П. Древний Хорезм... С. 203 сл. Ср.: Дьяконов М. М. Образ Сиявуша и среднеазиатской мифологии // КСИИМК. Вып. XL. 1951. С. 34 сл.

¹⁴² Нершахи. История Бухары. С. 28.

Сиявуша)»¹⁴³. При этом, согласно яшту, этот акт отмщения должен был совершаться за озером Чачашта (оз. Урмия в Азербайджане). Интересно отметить, что эпизод, как и название места действия, передан в своеобразной форме и в «Шахнаме». Так, по рассказу Фирдоуси, Афрасиаб, преследуемый Кай-Хосровом, бежит к озеру Чачашта. Здесь он ищет убежище в пещере отшельника по имени Хум (= Хаома). Но последний, связав его, передает в руки врага¹⁴⁴.

Известный сирийский автор Теодор бар-Кони, сохранивший много древнеиранских легенд, также знает и этот момент борьбы мстителя за убийство Сиявуша, которому помогает Хаома. При этом он приводит новые подробности. Хаома, завлекая Афрасиаба в сторону Кай-Хосрова, принимала различные образы, в том числе дельфина и петуха¹⁴⁵. В этих легендах наиболее для нас интересна связь Хаомы, божества растительного мира, с Сиявушем, в судьбе которого она принимает близкое участие. Также весьма любопытно и превращение этого божества, в частности принятие им образа петуха.

В связи со сказанным относительно участия Хаомы в легенде о Сиявуше большой интерес представляет то, что в Средней Азии именем этого героя назывались растения. Так, автор фармакологического сочинения Абу-Мансур Муваффах, гератец, живший в X в., пишет о растении под названием «бар-сиявушан», что оно растет на краю колодцев и берегах рек¹⁴⁶. В известном сочинении хорезмийского ученого того же века ал-Хорезми «Ключи наук» растение барсиявушан имело и другие названия: «волосы джина», «волосы свиньи» и «злак колодца», так как оно растет в колодцах между его камнями¹⁴⁷. В Казвине, как сообщает географ Ибн ал-Факих, «ал-сиявушан» назывался сорт винограда¹⁴⁸.

Бируни в своей минералогии, упоминая известный растительный краситель — «драконову кровь» (андам), которая по-арабски называлась «кровь двух братьев», отмечает, что персидское (таджикское) название его было «кровь Сиявуша». При этом он сопровождает свою идентификацию следующим разъяснением: «Согласно их верованию, растение это произрастало из крови Сиявуша, сына Кай-Кавуса, пролитой на землю». Дальше он делает весьма любопытное сравнение: «Близко к этому название этих растений у индусов — пандурат, т. е. кровь Панду. Панду — это племя, которое вело непрерывную войну с родственным племенем по имени Куру. Причиной, разделявшей оба племени, было также убийство»¹⁴⁹.

Но еще более показательным представляется то, что имя Сиявуша было перенесено и в астральную сферу. Согласно Закарьи Казвини, одно из созвездий носило такое же название, как растение: «Кар (или Пар) Сиявуш». При этом он дает следующее описание этого созвездия в духе древней астрологической

¹⁴³ Яшт IX.

¹⁴⁴ Firdousi. T. IV. P. 202.

¹⁴⁵ Marquart I. Wehrot und Arang; untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen landeskunde von Ostiran. Leiden, 1938. S. 15 sq.

¹⁴⁶ Codex Vindobonensis sive medicis Abu Mansur Muwaffak. Vienna, 1859. S. 46.

¹⁴⁷ Liber Mafâth al-olûm... P. 175.

¹⁴⁸ BGA. Vol. V. P. 120.

¹⁴⁹ Kitab-al-djamaхир fi ма'рифат ал джавахир. Хайдарабад, 1353 г. х. (1937 г. н. э.). С. 38.

иконографии: «Созвездие Кар-Сиявуш — оно несет голову Гуля. — Оно (имеет) образ человека, стоящего на левой ноге и с приподнятой правой. Правая рука его поднята над головой, а в левой руке голова Гуля. Оно состоит из 26 звезд, помещающихся в рисунок, и трех вне рисунка»¹⁵⁰.

Приводимое в рукописях этого сочинения изображение созвездия наглядно показывает, как представляли себе этот образ в средние века¹⁵¹. Сам факт названия созвездия именем Сиявуша для нас, естественно, представляет исключительный интерес. Значение этого факта усиливается благодаря тому, что и описание, данное Казвини, и изображение находят близкую аналогию в одном из документальных памятников изобразительного искусства Средней Азии, а именно в известном лицевом оссуарии, найденном Н. И. Веселовским на городище Афрасиаб. Лицевая стенка оссуария украшена рельефными отпечатками изображений льва и молодого человека в короне (царя) с мечом и отрубленной головой в руках. Этому оссуарию А. Я. Борисов посвятил специальный доклад на научной сессии Эрмитажа. Сам доклад не был опубликован, напечатано лишь краткое резюме. А. Я. Борисов, полагая, что на оссуарии изображен в образах гороскоп, пришел к выводу, что в образе юного царя с мечом и отрубленной головой в руках следует видеть планету Марс¹⁵². Основным подтверждением этому выводу явилось свидетельство космографии Димишки. Действительно в этом сочинении при описании храма сабейцев, посвященного Марсу, говорится следующее: «В середине его (храма) стоит подножье с семью ступеньками, а наверху его идол из железа, и в одной его руке меч, а в другой голова, прицепленная за волосы. И меч, и голова окрашены кровью»¹⁵³. Не берусь судить о том, кто именно представлен на оссуарии — Марс или упомянутое созвездие. Но совершенно очевидно, что речь идет об одном и том же астральном (или астрологическом) представлении. То, что оно в одном случае относится к созвездию, а в другом к отдельной планете, особого значения не имеет, так как это, по-видимому, зависит от местных литературных традиций. Мы можем, однако, предположить с большой долей уверенности, что изображение на среднеазиатском оссуарии связывалось скорее всего с именем Сиявуша.

Таким образом, цикл представлений, с которым переплеталось имя Сиявуша, оказывается чрезвычайно обширным. Но в данном случае для нас весьма важна связь этого образа с мифами астрального культа. Тем самым большое влияние, которое имел астральный культ в Средней Азии, так как Сиявуш — герой по преимуществу среднеазиатского эпоса, становится еще более ощутимым.

Возвращаясь к интересующей нас композиции в пенджикентском храме, следует отметить, что еще во время раскопок А. И. Тереножкин, под наблюдением которого велись работы, когда росписи были открыты, а также А. Ю. Якубовский, руководитель экспедиции, высказали предположение, что на ней

¹⁵⁰ Zakarija-ben-Muhammed-ben-Mahmud-el-Cazwini's Kosmographie / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. II. Göttingen, 1847. S. 33.

¹⁵¹ Рукопись Института востоковедения АН СССР Е 4. Л. 18а.

¹⁵² Секция истории культуры и искусства доклассового общества и античного мира // СГЭ. Вып. III. 1945. С. 10.

¹⁵³ Chwolsohn D. Die Sabier... Bd. II. S. 388.

изображен миф о Сиявуше. Цикл сабейских астральных мифов вносит ряд важных добавочных моментов (например, участие божеств в оплакивании), делающих эту идентификацию картины с мифом о Сиявуше весьма вероятной. Такое объяснение не противоречит общей гипотезе о принадлежности храмов манихеев, так как именно последние, как мы видели, несомненно, были главными распространителями сабейских астрологических представлений. Кроме того, в манихейской среде, как это сейчас выяснено на основании изучения дальневосточных документов, усиленно культивировался интерес к народной мифологии¹⁵⁴.

Заканчивая на этом разбор росписей с точки зрения их культовой принадлежности, я хочу отметить одну деталь композиции, реалистическая передача которой подтверждается сообщениями письменных источников.

В сцене оплакивания обращает на себя внимание подчеркнутое изображение самоистязания ее участников. Обычай этот, действительно существовавший в Средней Азии, подтверждается рядом известий. Бируни сообщает, что согдийцы и хорезмийцы сопровождали оплакивание умерших причитаниями и поранениями лица¹⁵⁵. Эта сторона ритуала передана чрезвычайно выразительно. Большинство участников сцены изображено наносящими себе удары по голове. У многих на лицах и теле — следы порезов и царапин. Но особенное внимание обращают на себя некоторые участники сцены с тюркскими чертами лица, которые изображены в момент, когда они отрезают мочки собственных ушей. Документальная достоверность этой детали подтверждается двумя сообщениями Табари. Ценность их особенно велика в связи с тем, что они синхронны времени существования пенджикентских храмов. Так, под 110 г. х. (728/729 г. н. э.) В рассказе о столкновении между арабами и тюрками Средней Азии сообщается о ранении, а затем о смерти одного из тюркских предводителей. В связи с этим автор говорит: «И начали они обрезать свои уши и наносить безжалостные удары по своим головам, оплакивая его»¹⁵⁶. Другое сообщение относится к 121 г. х. (738/739 г. н. э.), когда был убит известный тюркский хакан Курсуль. Об оплакивании его воинами Табари рассказывает почти теми же словами. «Они, — пишет он, — обрезают свои уши, царапали лица и горестно оплакивали его». Но автор добавляет деталь, чрезвычайно для нас интересную: «Когда был убит Курсуль, турки привезли какое-то сооружение (в смысле здания) и сожгли его»¹⁵⁷.

Вполне вероятно, что именно такое сооружение изображено на композиции. Если это так, то можно сделать и дальнейший вывод, а именно, что похоронный обряд, здесь представленный, заключался в сожжении трупa. Хорошо известно, что в это время в Средней Азии трупосожжение производилось. Так, китайская хроника сообщает о владении Ши (Кеш — современный Шахрисабз): «По юго-восточную сторону резиденции — здание, в середине его седалище, в 6-е число

¹⁵⁴ Bang W. Manichäische Erzähler // Le Muséon: Revue d'Études Orientales. T. XLIV/1. Louvain, 1931. S. 20.

¹⁵⁵ Alberuni. Chronologie... S. 235.

¹⁵⁶ Tabari. Ser. II. P. 1520.

¹⁵⁷ Ibid. P. 1694.

11. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов

первой луны поставляют на престол золотую урну с пеплом сожженных костей покойных родителей владетели. Потом обходят кругом престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды»¹⁵⁸.

В «Шахнаме» также содержится рассказ о таком же ритуале, связанном с сожжением трупа в палатке. Так, и поэме после описания оплакивания Зохраба говорится:

С того поля понесли его гроб,
И в сторону своего шатра направился (Рустем),
В ограде (парда — сарай) разожгли огонь,
И все войско его (Рустема) посыпало головы прахом.
Ту палатку, и разноцветные ткани (парчи),
Тот трон драгоценный, украшенный золотом,
Бросили в огонь. И поднялся плач¹⁵⁹.

В связи с этим можно дать несколько иное, чем выше, объяснение двум факелам в руках женщин, стоящих перед павильоном с покойником. По всей вероятности, и сосуд изображает не кувшин, а урну для пепла. И этим объясняется отсутствие ручки, которая для кувшина была бы обязательной.

Рассмотренная сцена росписи составляет лишь часть большой композиции. Остальные детали или безнадежно погибли, или пока не разобраны. Фрагментарность дошедшей до нас композиции не позволяет с полной уверенностью остановиться окончательно на одном из предложенных истолкований.

Само собой разумеется, что по мере того, как будут получены новые материалы, вероятно, окажется возможным дать и новое, более точное истолкование этой росписи и всей храмовой живописи Пенджикента, окончательно определить ее культовую принадлежность. И связи с этим автор считает, что представленная работа должна рассматриваться в качестве первого опыта разрешения этой проблемы.

В связи с археологическими открытиями последних лет в Средней Азии перед советскими историками встает задача изучения таких важных надстроечных явлений, как идеология и верования народов Средней Азии в период, непосредственно предшествовавший арабскому завоеванию и насаждению ислама. При решении этих еще недостаточно разработанных в советской науке проблем должен быть учтен и материал, приведенный в данной статье.

¹⁵⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 272–273.

¹⁵⁹ Firdousi. Т. II. P. 180.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА. Опыт иконографического истолкования¹

А. М. Беленицкий

I. Живопись

В 1952–1954 гг. новые памятники живописи были открыты в основном лишь в объекте VI (рис. 1), крупном жилом доме, расположенном в юго-восточной части шахристана Пенджикента. Раскопки этого дома были начаты в 1951 г., и хотя в настоящее время они еще не завершены, план значительной его части, включая и фасад, вполне установлен. Дом этот первоначально имел два этажа. От верхнего сохранились лишь незначительные остатки, которые, тем не менее, позволяют утверждать, что помещения второго этажа имели большое значение в повседневном быту обитателей дома. Однако каких-либо следов декоративного убранства стен во втором этаже не обнаружено. Нижний этаж состоял из ряда парадных комнат, к которым примыкали вспомогательные, в большинстве случаев коридорного типа помещения. Остатки живописи были обнаружены главным образом в парадных помещениях, служивших, судя по их планам, для торжественных приемов, пиршеств.

Дом этот принадлежал представителю военно-земледельческой знати, аристократу-феодалу. Об этом говорят само устройство дома, его размеры, но в еще большей мере содержание открытых здесь стенных росписей. Сохранившиеся на них живописные изображения дают достаточно наглядное представление о внешнем облике, быте и в определенной мере идеологии этого господствующего слоя местного населения. Остатки стеной живописи были открыты в следующих помещениях этого здания.

Помещение 1 (VI, 1)

Помещение это квадратное в плане, площадью около 50 м². Вдоль всех стен шла глинобитная суфа, значительно расширявшаяся в срединной части у южной стены против входа, расположенного в северной стене.

¹ Первая публикация: Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. С. 13–87.

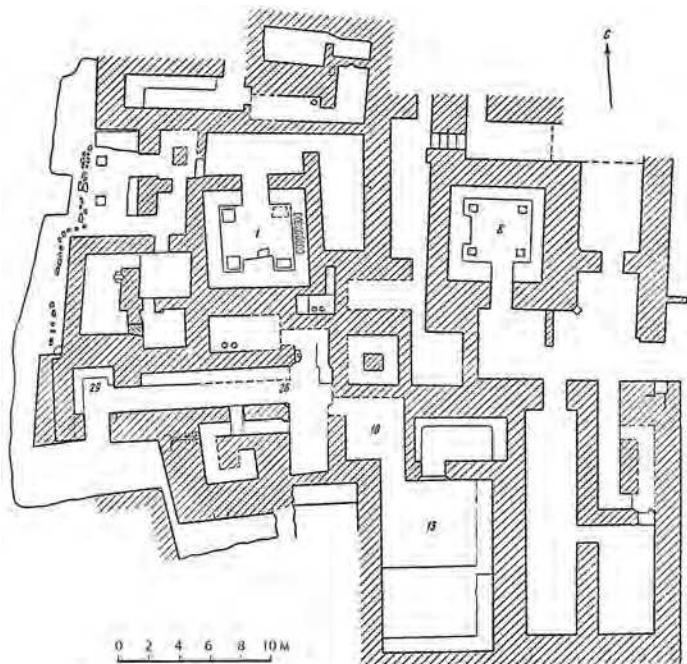

Рис. 1. Пенджикент. План объекта VI

Перекрытие этого помещения покоилось на четырех столбах, причем в середине его имелся, очевидно, световой люк. Таким образом, в этом помещении мы узнаем тот тип парадных зал, который характерен для объекта III.

Раскопки этого помещения были произведены еще в 1951 г.² Однако в этом году была вскрыта и обработана лишь часть стенных росписей, которая и была опубликована в сборнике «Живопись древнего Пенджикента»³. Остальные фрагменты живописи этого помещения были обработаны и скопированы в 1952–1953 гг.⁴ В лучшей сохранности оказались фрагменты, открытые в 1951 г. Тем не менее и другие остатки росписей представляют весьма значительный интерес.

² Беленицкий А. М. Из археологических работ в Пенджикенте 1951 г. // СА. Т. XVIII. 1953. С. 322 сл.

³ Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. Табл. XXXIV–XXXIX.

⁴ Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пенджикента (в 1953 г.) // КСИИМК. Вып. 60. С. 91.

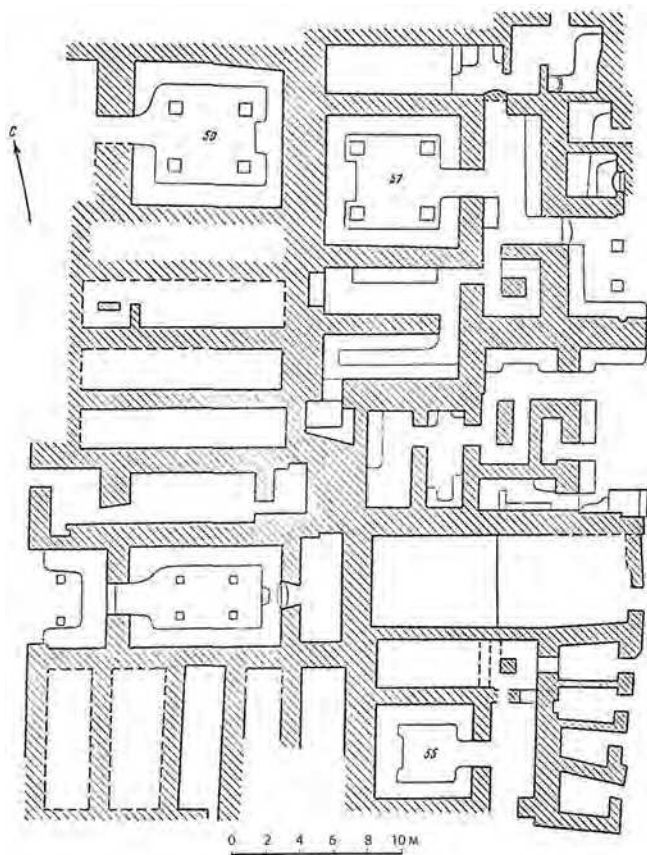

Рис. 2. Пенджикент. План объекта III

Ниже дается описание, главным образом, вновь открытых фрагментов живописи. Однако для более полного представления об их содержании вкратце следует повторить и содержание уже опубликованных фрагментов.

Судя по планировке помещения, южная суфа рассматривалась как наиболее почетная, и следует полагать, что и живописным сценам, которыми была украшена эта стена, также придавалось особое значение. К сожалению, роспись

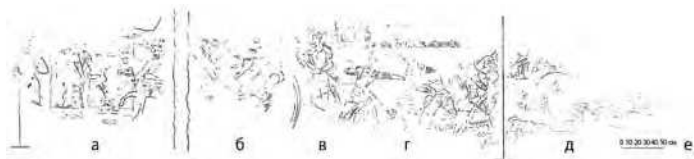

Рис. 3. Пенджикент. Схема расположения росписей южной и западной стены (а–е) помещения 1 объекта VI

на центральной части этой стены сильно пострадала. По сохранившимся остаткам можно лишь говорить о том, что эта часть стены была занята изображением обращенного головой влево (от зрителя) крупного животного. По предположению М. М. Дьяконова, животное это, вероятно лев, служило тронем, на котором сидел главный персонаж сцены. Более подробно о нем мы, к сожалению, судить не можем. Очевидно лишь, что он был одет в пышную узорчатую одежду и сидел на богато украшенном ковре.

Композиция слева от той фигуры восстанавливается вполне определенно (цв. вклейка 10). Непосредственно позади животного изображена играющая на арфе молодая женщина, обращенная вправо в сторону трона. Дальше, слева от арфистки, разворачивается сцена, в которой принимают участие три одетых

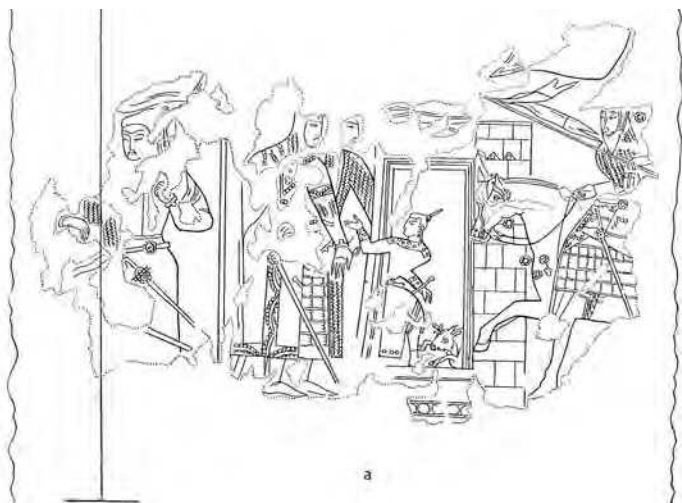

Рис. 4. Фрагмент росписей на рис. 3

Рис. 5. Фрагмент росписей на рис. 3

в тяжелые доспехи пеших воина. Из них двое изображены в момент единоборства, третий не принимает участия в борьбе. Здесь же присутствует и знаменосец, изображенный в меньшем, чем остальные участники сцены, масштабе.

Над этой сценой сохранился небольшой фрагмент второго яруса живописи, на котором видны линии, ноги от стоящих человеческих фигур, отдельно руки, небольшой кусок ковра и какие-то другие детали, но дающие представления об общем содержании росписи этого яруса.

Справа от трона разворачивается сцена (рис. 3; 4; цв. вклейка 11), содержание которой трудно расшифровать. Действие происходит около ворот или, вернее, открытого дверного проема в стене здания, сложенного из крупных блоков.

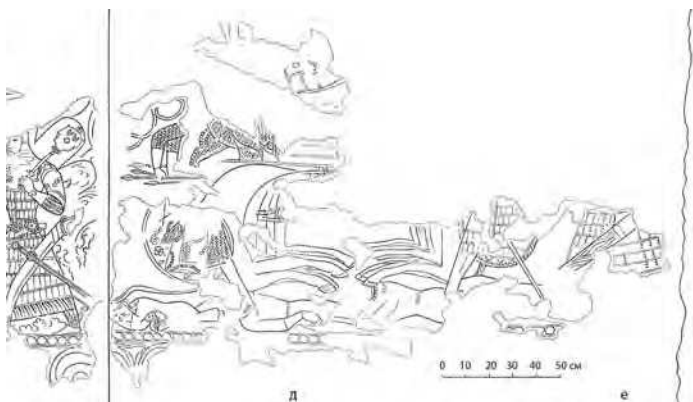

Рис. 6. Фрагмент росписей на рис. 3

Из проема устремляется наружу бегущий молодой человек с протянутой вперед правой рукой. Вслед за ним бежит какое-то разъяренное животное (бык?), высунувшее в проем ворот голову и одну поднятую ногу. К воротам справа (от зрителя) подъезжает бородатый всадник — воин в пластинчатом доспехе со знаменем в руке. Слева же от дверного проема стоят два высоких пеших воина, изображенных в более крупном масштабе, чем фигура бегущего юноши.

Дальше влево, как можно полагать, начиналась новая композиция, от которой сохранилось лишь одно изображение воина, обращенного лицом влево и спиной к высоким воинам.

Живопись на восточной стене почти целиком уничтожена, за исключением небольшого участка на северном конце ее (рис. 7–9; цв. вклейка 12), где хорошо сохранилось изображение части туловища и двух рук воинов, видимо, пеших, в кольчужных доспехах, один из которых держит обнаженный меч, поднятый острием вверх. Это первое изображение меча без ножен на пенджикентских росписях. Хорошо передан способ держания меча. Клинок сравнительно короткий, широкий у основания, отличающийся от других мечей, которые, судя по ножнам, имеют сравнительно узкие, но длинные клинки.

Северная стена помещения делится дверным проемом на два простенка. Росписи восточного простенка оказались в очень плохом состоянии. Участок сохранившейся росписи занимает восточный край стены (цв. вклейка 12). Здесь можно различить лишь остатки изображений одетых в кольчуги воинов-всадников, скачущих влево. Они изображены в момент сражения на копьях, луки находятся в налучьях с опущенной тетивой. Хорошо сохранилось изображение некоторых деталей сбруи, в частности подхвостного ремня с характерными подвесками. На этом фрагменте особое внимание привлекает изображение двухколесной повозки типа арбы, с кузовом, огражденным решеткой, в котором сидит человеческая фигура. Факт изображения ее представляет незаурядный интерес. Для периода раннего феодализма мы не знаем другого памятника изобразительного искусства, который свидетельствовал бы о существовании колесного транспорта в Согде⁵.

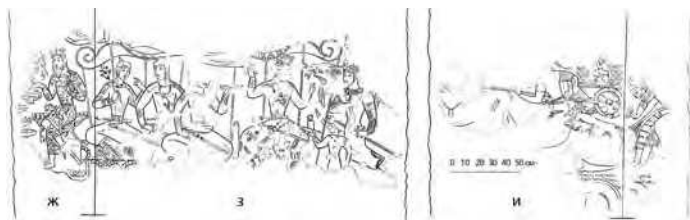

Рис. 7. Пенджикент. Схема расположения росписей западной, северной и восточной стены (ж–и) помещения 1 объекта VI

⁵ Известия письменных источников о наличии в древности в Средней Азии колесного транспорта см.: Бартольд В. В. О колесном и верховом движении в Средней Азии (Конспект последнего доклада, сделанного 10 мая 1930 г. в ГАИМК) // Записки Института востоковедения АН СССР. VI. М.; Л., 1937. С. 5–7.

Рис. 8. Фрагмент росписей на рис. 7

Над изображением арбы выступает контурный рисунок лежащей человеческой фигуры, не имеющей отношения к композиции основной росписи.

На западном простенке северной стены росписи (рис. 7–9) сохранились сравнительно удовлетворительно⁶. Общее содержание сцены не вызывает особого сомнения. Под открытым шатром или балдахином, натянутым на высоких тонких шестах, изображена группа пирующих лиц. Ближе к восточному краю простенка на троне сидит человек в золотой короне с чашей в правой руке. Справа от этой фигуры находится воин в чешуйчатом шлеме, в кафтане, надетом поверх доспеха, склонившийся перед царем на одно колено. Между воином и царем на уровне их голов изображена птица в полете, несущая и клюве кольцо с лентами. Справа же перед царем изображена маленькая фигура виночерпия, подающего царю чашу с напитком.

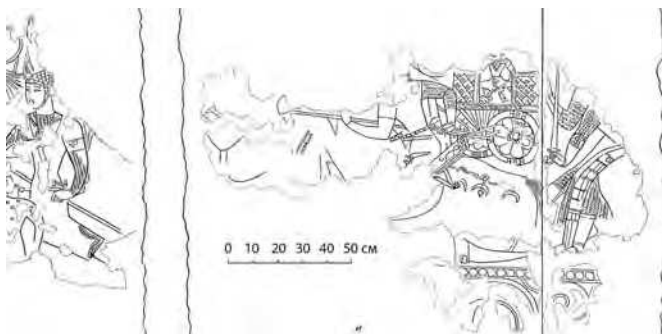

Рис. 9. Фрагмент росписей на рис. 7

⁶ Живопись древнего Пянджикента. Табл. XXXVI–XXXVIII.

Слева от царя под балдахином на ковре сидят три молодых человека, вооруженных мечами и кинжалами. У первого и второго в руках чаши. Третий держит в правой руке любопытный жезл с навершием в виде симметрично расположенных дисков или колец, украшенных перлами. У этой фигуры хорошо сохранилось изображение головного убора, состоящего из черной (кожаной?) тульи с шишаком, увенчанным шариком. Конец балдахина, часть ковра, на котором сидят участники сцены, а также локоть и колено крайней слева фигуры, не помещившиеся на северной стене, перенесены на западную. Над этой сценой сохранился незначительный фрагмент росписи верхнего яруса, на котором видны ступни ног стоящих фигур.

На западной стене сразу же, без перерыва, начинается новая сцена⁷, от которой сохранились только одна фигура. Сцена эта, по всей видимости, была близкой по содержанию к сцене на северной стене. Здесь также под балдахином сидит на узкой скамейке царь в крылатой короне, держа в руке парадный топорик-секиру. От другой фигуры, находящейся слева от царя, сохранилось только изображение протянутой руки. Слева от фигуры царя изображено несколько блюд с яствами. Выше над ними находится изображение какого-то существа, видимо, разновидности сэнмурва, несущего венки с лентами. Дальше, слева — живописный покров совершенно исчез на значительном участке стены. На южном конце стены сохранились остатки многофигурной композиции, изображавшей столкновение двух групп воинов-всадников.

Фигуры воинов, а также изображения лошадей сильно повреждены, особенно правая (от зрителя) группа всадников. От последней остались лишь изображения части туловищ лошадей, скачущих «в ногу». Так же скачущими «в ногу» изображены лошади и противной стороны. Этот прием изображения боя сомкнутым строем применен и в других батальных сценах, как, например, в помещении 6 объекта III, а также, как мы увидим, и в помещении 13 объекта VI. На описываемом фрагменте хорошо сохранились изображения ряда деталей: предметов сбруи, оружия, тканей. Любопытна фигура лежащего под ногами лошадей павшего воина, сохранившаяся наиболее удовлетворительно (рис. 3–6; цв. вклейка 13). Поясные по характеру остатки росписи второго яруса заметны и на западной стене.

Таково в общих чертах содержание росписей, открытых в этом помещении.

Все описанные едины занимают нижнюю часть стон. Поверх этого яруса имелся, по крайней мере на некоторых участках, второй ярус росписей, от которого сохранилось, как отмечено выше, очень немного.

Помещение 8 (VI, 8)

Это помещение, раскопанное в 1953 г.⁸, представляет собой такой же квадратный зал (7 × 7 м), как и помещение 1, имен аналогичную внутреннюю планировку. Единственная особенность, которая отличает помещение 8 от других подобных зал, заключается в расположении почетной суфы. В зале 8 она расположена

⁷ См: там же. Табл. XXXVI, XXXIX.

⁸ См.: *Беленицкий А. М.* Раскопки... С. 91.

не против дверного проема, а сбоку, у западной стоны, тогда как дверной проем пробит в южной. Остатки живописи в этом помещении сохранились лишь на северной и западной стенах. На западной они представляют собой отдельные неясные красочные пятна с остатками орнаментальных узоров (тканей?). Содержание бывшей здесь росписи восстановить невозможно.

Сравнительно крупный фрагмент росписи сохранился лишь на западном конце северной стены (рис. 10; цв. вклейка 14). Следов росписей на остальных стенах не обнаружено.

Живопись на северной стене расположена в два разномасштабных яруса, причем нижний ярус представляет собой сравнительно невысокий фриз. Верхний ярус живописи дан в крупном масштабе, обычном для росписей и в других помещениях пенджикентских зданий. В этом отношении живопись помещения 8 близка к фрагменту живописи, открытому в помещении 7 объекта III⁹.

Состояние фриза мало удовлетворительное. Здесь улавливаются лишь слабые контуры изображений двух животных (хищника и обезьяны?) и человеческой фигуры, сюжетная связь между которыми неясна.

В верхнем ярусе этого фрагмента сохранились четыре фигуры, причем от крайней справа осталась лишь средняя часть (голова и ноги отсутствуют).

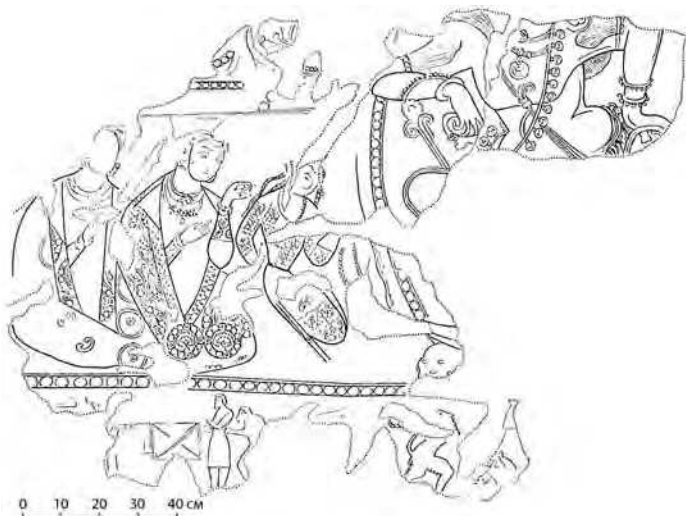

Рис. 10. Пенджикент. Схема росписи северной стены помещения 8 объекта VI

⁹ Живопись древнего Пенджикента. Табл. XXVI.

Штукатурка с частью изображения этой фигуры еще в древности откололась от остальной живописи и сместилась. Написанная синей краской фигура (собственно туловище) изображена до пояса обнаженной. Она помещена на каком-то сиденье, от которого сохранились спирально изогнутые подлокотники (?). На ее груди перекрещиваются украшенная пышным бантом перевязь и шнур, увешанный бубенцами шаровидной формы с прорезью снизу. Точно такую форму имеют бубенцы, находимые при раскопках¹⁰. Кроме того, отдельно на шее этой фигуры подвешен крупный бубенчик или колокольчик. Справа от этого персонажа изображены три женские фигуры в богатых одеждах, стоящие на коленях и держащие в протянутых руках ожерелья и другие предметы, предназначенные, вероятно, и качестве подношения «синей фигуре».

Помещение 10 (VI, 10)

Помещение 10, раскопанное в 1953 г., представляет собой небольшую комнату со сводчатым перекрытием. Штукатурка стен этого помещения очень сильно пострадала, и от бывшей на ней живописи остались лишь пятна красок. Если не считать небольшой ниши, открытой в помещении 5 храма I, на сводике которой были обнаружены остатки декоративной росписи¹¹, мы впервые встречаемся и этом помещении с плафонной живописью (цв. вклейка 15). Здесь удалось выяснить основной раппорт росписи. Свод был расписан по белому фону сеткой крупных ромбовидных фигур, и центре которых располагалось схематическое изображение бутона цветка, переданного черной, красной и желтой красками.

Отметим, что и на сводике указанной ниши в помещении 5 храма I применена та же схема расположения орнамента. К сожалению, росписи на стенах помещения VI, 10 почти совершенно уничтожены, хотя следы красочного слоя здесь достаточно многочисленны. Лишь на западной стене, под пятой свода, сохранилось фрагментарное изображение человеческой головы.

Помещение 13 (VI, 13)

Помещение это, раскопанное также в 1953 г., значительно отличается своей планировкой и размерами от других помещений с росписями. Это весьма крупное прямоугольное помещение размером 11,25 × 7,25 м. Южная часть его занята возвышением в виде невысокой «эстрады». Суфы расположены вдоль восточной стены помещения, включая и «эстраду». У западной и южной стен суф нет. Помещение это соединено проходами с северной стороны с двумя сводчатыми помещениями. Одно из них — упомянутое выше помещение 10, а другое — помещение 9 является единственной комнатой среди помещений нижнего этажа, стены и пол которого были покрыты ганчевой штукатуркой.

¹⁰ См.: *Беленицкий А. М.* Археологические работы в Пенджикенте / КСИИМК. Вып. 55. 1954. С. 39, рис. 5, 1–4.

¹¹ Об этой росписи см.: *Воронина В. Л.* Архитектурный орнамент древнего Пенджикента // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. С. 87–138.

Рис. 11. Пенджикент. Схема росписи северной стены помещения 13 объекта VI

Наличие возвышения типа эстрады в помещении 13 позволяет думать, что оно имело какое-то особое назначение. Вполне вероятно, что оно было предназначено для проведения каких-то театрализованных действий, музыкальных или танцевальных представлений, вернее, и тех и других, выполнявшихся несомненно одновременно. Остатки живописи в этом помещении были открыты на северной и западной стенах. Следы красочного слоя были найдены также и в северной части восточной стены. Однако участки стен вдоль возвышения не были покрыты росписями. На северной стене росписи сохранились на сравнительно крупном участке и занимают почти весь восточный от прохода в помещение 9 простенок (рис. 11; цв. вклейка 16). Несмотря на мало удовлетворительное состояние росписей этого участка, их содержание постанавливается достаточно ясно.

Здесь можно установить наличие двух сцен, видимо, не связанных между собой по содержанию. На первой из них (справа) изображена группа музыкантов, состоящая из трех человек. Вторая сцена изображает ряд направляющихся сомкнутым строем вправо всадников, за которыми следует слон. Между музыкантами и всадниками остатки нескольких фигур пешеходов (?). К сожалению, роспись последней сцены особенно сильно испорчена и в деталях неясна.

Фигуры музыкантов и их музыкальные инструменты видны значительно определеннее. Форма двух инструментов не вызывает сомнения. Один из них струнный инструмент типа лютни. Другой — известен нам по изображению в зале 1 этого же объекта: это своеобразный тип арфы. Форма третьего инструмента, к сожалению, неясна. Однако судя по тому, что музыкант держит его у рта, он, по-видимому, принадлежит по типу к флейте Пана.

Особенный интерес представляет большой двухъярусный фрагмент росписи, открытый на северном конце западной стены зала 13. Это один из лучших образцов пенджикентской живописи (цв. вклейки 17–19).

Центральную часть нижнего яруса занимают три фигуры, из которых две заняты игрой на доске типа нард. От четвертой, крайней справа от зрителя сохранилась лишь часть головы и рук. Игрок, сидящий слева, резко выделяется своим костюмом, представляющим собой безрукавный накинутый на плечи полосатый плащ, из-под которого видна обнаженная верхняя половина туловища. Костюм его дополняет неясная по покрою одежда (юбка или штаны?), доходящая до щиколоток; в своей верхней части она украшена изображением льва с поднятой лапой. Отличает эту фигуру от других участников сцены и отсутствие головного убора, который заменен повязкой, перехватывающей длинные, гладко зачесанные назад волосы. Остальные персонажи одеты в обычную для пенджикентских росписей плотно облегающую одежду. Головы покрыты сложными головными уборами типа царских корон. Особенно характерна корона второго игрока, снабженная крыльями. Головы всех фигур окружены нимбами. Кроме того, у фигуры с крылатой короной из-за плеч поднимаются длинные языки пламени. Указанные детали говорят о том, что это не обычная бытовая сцена. Расшифровка ее усложняется еще тем, что персонажи этой сцены показаны и на других участках фрагмента, в иных ситуациях. Так, крайняя слева фигура в описанной сцене изображена повторно ниже игроков держащей в руках доску или картину. Также повторно изображен игрок с царской короной. Игрок в плаще встречается в трех местах. К сожалению, живопись на этих участках фрагмента настолько попорчена, что установить содержание других сцен, в которых принимают участие персонажи основной сцены, не представляется возможным. Можно лишь полагать, что на них представлен ряд добавочных эпизодов, связанных сюжетно с основной сценой. Большой интерес представляют отдельные детали. Отметим лишь наиболее важные. Так, и первую очередь следует назвать изображение замка или башни слева от сцены игроков. По этому изображению мы впервые можем судить об оформлении фасада определенного типа архитектурного сооружения. Исключительно интересны отдельные архитектурные детали на башне: изображения балкона, решетчатых оградок второго этажа, колонны, фигурной кладки кирпича, зубцов с бойницами и пр. Особо отметим изображение головы чудовища над аркой входного проема, ведущего в башню. Такая же голова, вылепленная из глины, была найдена у входа в айван храма II (см. ниже).

На этом же участке росписи, слева от башни, помимо фрагмента фигуры в полосатом плаще, о которой уже говорилось, сохранилось изображение головы воина в трехрогом шлеме. Средний рог, вернее шишак, увенчан полумесяцем. Ниже, у самой башни прослеживается изображение головы лошади, принадлежащей, очевидно, всаднику, направляющемуся к входу в башню.

Дальше, после значительных лакун, сохранилось два сильно попорченных фрагмента с изображением воинов к доспехам; второй воин-всадник направляется влево, и, видимо, не принадлежит к сцене у башни (цв. вклейка 20)¹².

¹² Ставинский Б. Я. О двух памятниках согдийского изобразительного искусства (Всадник с мутского щита и конный воин из объекта VI древнего Пенджикента) // КСИИМК. Вып. 61. 1956. С. 63.

Рис. 12. Пенджикент:

а — голова в крылатой короне;

б — пленник со связанными руками

Очень большой интерес представляет сохранившийся на рассматриваемом фрагменте участок живописи, где впервые встречена многофигурная сцена верхнего яруса. Композиция в сохранившейся части состоит из четырех фигур, причем у трех из них отсутствуют головы. Неповрежденной оказалась одна фигура. Она занимает в этой сцене первое слева место и играет, видимо, главную роль. Примечательна поза, которая придана ей художником. Она сидит, откинувшись назад, небрежно подняв в колене одну ногу и поджав под себя другую. Кафтан распахнут, обнажая грудь. Перед этой фигурой стоит человек на коленях. Голова этого персонажа не сохранилась. Дальше находятся дно другие фигуры, обретенные влево, в длинной, ниже колен, одежде, у которых верхняя часть туловища также не сохранилась. Сцена, видимо, изображает пленника перед лицом, от которого зависит его судьба. Стоящая во весь рост фигура, вероятно, страж. На правом конце фрагмента имеется еще одна фигура, направляющаяся

вправо, видимо, не принадлежавшая к предыдущей сцене. На полу, у западной же стены, среди мелких обломков штукатурки с остатками живописи обнаружены два более крупных фрагмента, которые, видимо, принадлежат к рассматриваемой сцене. На одном из них изображен человек (голова не сохранилась) со связанными на спине руками (рис. 12б; цв. вклейка 21). Очень интересна его верхняя одежда, состоящая из полотнищ разного цвета (красного сверху и синего снизу), причем на нижнем изображен слон в богатой попоне. Судя по одежде, лицо это было весьма высокопоставленным. Видимо, и на этом фрагменте представлен пленник, который первоначально принадлежал к группе лиц, изображенных на сцене верхнего яруса.

На втором фрагменте изображено мужское лицо в профиль с крылатой короной на голове (рис. 12а; цв. вклейка 22). Рядом с мужской головой, частично заслоняя ее, видна передняя часть другого профильного изображения, очевидно женщины, с прической в виде крупных завитков, выполненных коричневой краской.

Помещение 26 (VI, 26)

Помещение это, необычное по своей конфигурации, состоит из двух сводчатых, расположенных перпендикулярно друг к другу комнат, образующих и плане Т-образную фигуру. Восточная часть помещения размером 9×2,5 м, вытянутая с севера на юг, была раскопана в 1954 г. Остатки росписи были обнаружены на всех стенах, однако лишь очень незначительная часть бывшей здесь некогда живописи сохранилась на месте. Большое количество кусков штукатурки с остатками росписи было обнаружено на полу и в завале, но они, к сожалению, оказались очень сильно измельченными. Наиболее крупные остатки живописи открыты на южной торцевой стене помещения (рис. 13; цв. вклейки 23, 24). Росписью была покрыта вся стена. В верхней части она была ограничена живописной аркой, которая непосредственно примыкала к дуге свода. Хотя состояние раскрытой части живописной сцены оставляет желать многого, сюжет

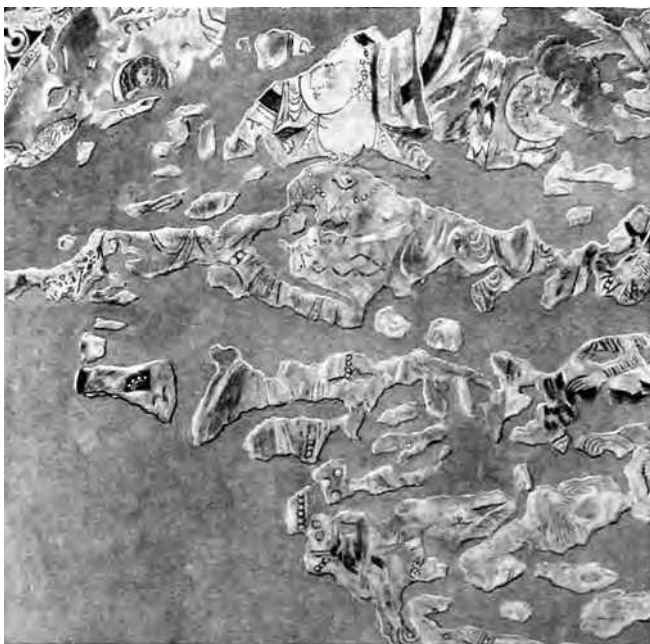

Рис. 13. Пенджикент. Божество с солнечным и лунным дисками. Роспись южной стены помещения 26 объекта VI. По цветной копии худ. Ю. Гремячинской

ее вполне определен. Центр стены занимает изображенная в крупном масштабе фигура женщины (?) в сине-белой одежде. От головного убора сохранились спускающиеся на спину складчатые широкие лепты. Позади головы изображен темной краской нимб. Над плечами языки пламени. Шея украшена двумя низкими ожерелиями. Фигура изображена с распростертыми руками, в которых она держит по диску. В правой руке — диск светло-синего цвета с изображением в серовато-голубом тоне человеческой головы (женской), за которой виден силуэт полумесяца. В левой — диск золотистого цвета, поверхность которого, к сожалению, очень сильно пострадала. От бывшего изображения человеческой головы (?) на этом диске сохранились лишь отдельные штрихи.

Справа и слева от главной фигуры, на уровне ее груди, сохранились фрагменты изображения, в которых можно видеть остатки двух человеческих фигур. Так, от левой фигуры сохранилось частично туловище и рука, от правой — верхняя часть головного убора (?).

Общий характер всей композиции вполне очевиден: фигура, олицетворяющая собой какое-то божество, держит в руках символические изображения главных небесных светил — Солнца и Луны. Фрагментарность двух добавочных фигур не позволяет более точно определить их роль в композиции.

В помещении 20, помимо указанной композиции на южной стене, сохранились два фрагмента, представляющие также определенный интерес. Так, крупный фрагмент росписи сохранился на северном конце восточной стены. На нем изображена часть торса одетого в черное воина, держащего в правой руке щит, с мечом и кинжалом, прикрепленным к поясу.

Следует отметить, что изображение щита (цв. вклейка 25) на пенджикентских росписях встречено впервые. Интересны изображения золотых рукоятей меча и кинжала, украшенных инкрустацией, переданной белыми крапинками.

На этой же стене у южного конца сохранился фрагмент живописи (цв. вклейка 26) с изображением в профиль мужской головы, отличающейся резко очерченными чертами лица. Длинные полосы спускаются на плечи. Голова эта, насколько можно судить, была изображена без головного убора.

Наконец, чрезвычайно интересны сохранившиеся в этом помещении остатки живописного украшения свода. Они позволяют полностью реконструировать весь орнамент (цв. вклейка 15). Вся поверхность свода, как и в помещении 10, была разделена на крупные ромбовидные ячейки, стороны которых образованы челнокообразными фигурами, исполненными черной и желтой красками. В центре каждой ячейки вписан красочный тюльпанообразный бутон на высоком стебле с отходящими в обе стороны «усами». Таким образом, можно говорить о твердо установившемся приеме орнаментации сводчатых плафонов, которые делились на ромбы с цветком в центре каждого из них.

* * *

Приступая к анализу описанных образцов живописи, автор настоящей статьи вынужден ограничить свою задачу лишь вопросами истолкования их содержания. Не считая себя компетентным в решении стилистических проблем

во всей их сложности, он ограничивается только общими соображениями на этот счет. При этом он исходит из того, что решение вопроса об основных стилистических особенностях пенджикентской живописи, которое было намечено М. М. Дьяконовым в его статье «Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии», остается в силе. Публикуемые росписи в целом могут быть отнесены, по классификации М. М. Дьяконова, к третьему стилю Пенджикента.

К главным признакам этого стиля следует отнести условность и каноничность приемов в передаче человеческих фигур, изысканность и манерность в их позах и жестах.

Эти черты характерны и для вновь открытых памятников. Вместе с тем, и это следует особо подчеркнуть, вновь открытые фрагменты живописи отличаются и рядом своеобразных черт. На многих новых фрагментах мы постоянно сталкиваемся с деталями, а в некоторых случаях с общей трактовкой, которые не укладываются в схему, предложенную М. М. Дьяконовым.

Сравнительно недавно стилистических особенностей пенджикентских росписей в сравнении с варахшинскими коснулся В. А. Шишкин. По его словам, в последних — «строже и монументальнее композиция, тщательнее и каллиграфичнее рисунок», «росписи Варахши являются произведением более зрелого и изощренного мастерства, чем росписи Пенджикента»¹³.

Кажется, однако, что между живописью Варахши и Пенджикента в художественно-стилистическом отношении имеются и другие, быть может, более существенные различия. В настоящее время, когда значительная часть варахшинских росписей стала вполне доступной для обозрения¹⁴, особо четко выясняются ее своеобразные черты, и, в частности, то, что отличает ее от пенджикентской живописи. Несомненно, живописцы Варахши и Пенджикента ставили перед собой в художественном плане совершенно различные задачи. Если для первых главным представлялся момент декоративный, то для художников Пенджикента эта сторона занимала бесспорно подчиненное место. В остатках живописи, открытых и Пенджикента как в 1952–1954 гг., так и в предшествующие годы, четко выясняется насыщенность росписей содержанием, их повествовательность, причем декоративный момент отступает на второй план. В этом отношении характерной представляется живопись зала 1 объекта VI, где художник свободно переносит часть изображения, не уместившуюся на одной стене, на соседнюю. Более близкими к пенджикентской росписи с этой точки зрения следует признать недавно открытые росписи Балалык-тепе близ Термеза, в центре древнего Тохаристана. На этих росписях участники сцен размещены очень компактно и почти целиком заполняют фон живописи. К сожалению, памятники живописи Балалык-тепе до сих пор не опубликованы и более детальное сопоставление с ними росписей Пенджикента не представляется возможным.

¹³ Шишкин В. А. Варахша (Предварительное сообщение о работах 1949–1953 гг.) // СА. Т. XXIII. 1955. С. 113.

¹⁴ Панели со сценами охоты из Красного зала дворца Варахши после обработки их в реставрационных мастерских Гос. Эрмитажа выставлены на постоянной выставке «Культура и искусство народов Средней Азии» Гос. Эрмитажа.

Хочется лишь оттенить одно важное обстоятельство в связи с открытием нового памятника живописной культуры древнего Тохаристана. Не говоря о том, что благодаря этому открытию общая картина истории развития изобразительного искусства в Средней Азии становится полнее, живопись Балалык-тепе имеет громадное значение и в другом отношении: она является тем важным звеном, которое соединяет с особой наглядностью среднеазиатское искусство с искусством сопредельных стран, в первую очередь Афганистана и Восточного Туркестана. Для изучения живописи последнего живопись Балалык-тепе приобретает значение совершенно исключительное. Так называемые тохарские элементы в искусстве Восточного Туркестана, которые были выделены исследователями лишь на основе различных догадок, приобретают и росписях Балалык-тепе, т. е. собственно Тохаристана, твердую документальную основу¹⁵.

Ограничиваясь указанными общими соображениями относительно характера стиля новых росписей из Пенджикента, перехожу к более детальной их иконографической интерпретации.

Наиболее характерной особенностью открытых в 1952–1954 гг. остатков живописи является, как отмечено, разнообразие сюжетов, которые на них представлены. Фрагментарность дошедших до нас сцен весьма затрудняет расшифровку их содержания. Каждый новый фрагмент живописи представляет собой самостоятельную проблему для исследования и в определенной степени является загадкой, решение которой требует больших усилий. Трудность точного истолкования живописных композиций в значительной мере обуславливается еще общей неполнотой наших знаний всей культуры, художественной культуры, в особенности народов Средней Азии в доарабское время, особенно в области идеологии этого времени. Обстоятельство это очень хорошо отметил в свое время один из талантливых советских исследователей среднеазиатского искусства А. Я. Борисов, который еще в 1940 г. писал по поводу тогда недавно открытых первых памятников живописи Варахши: «Глядя на эти немногие фрагменты, мы уже сейчас можем предчувствовать, какой узел самых неожиданных, головоломных проблем поставит перед историком искусства согдийская живопись, когда она будет лучше нам известна. Можно предполагать, что она значительно изменит укоренившиеся представления о живописи сасанидского Ирана, известной, впрочем, лишь отраженно в памятниках мусульманской эпохи, а также о буддийской живописи центральноазиатских оазисов и отчасти Китая, что не должно казаться невероятным, если вспомнить о широкой согдийской колонизации, захватившей и китайские пределы. Вообще стенопись Варахшинского дворца сулит нам много непредвиденного и совершенно нового»¹⁶.

¹⁵ Вопроса о тохарских элементах в живописи Восточного Туркестана касался ряд исследователей. См.: Grünwedel A. Alt-Kutscha: archäologische und religionsgeschichtliche Forschungen an Tempera-Gemälden aus buddhistischen Höhlen der ersten acht Jahrhunderte nach Christi Geburt. Textbd. Berlin, 1920. S. 1, 16, 56; Goetz H. The History of Persian Costume // SPA. Vol. III. P. 2233 sq.; Le Coq A. von. Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin, 1925. S. 5.

¹⁶ Борисов А. Я. Мифологические изображения в искусстве древнего Согда (цитирую по любезно предоставленной мне К. Б. Старковой машинописной копии этой статьи, оригинал которой находится в Институте искусствознания АН Узбекской ССР; работа не опубликована. — А. Б.)

Правда, было бы совершенно неверным утверждать, что со времени, когда были написаны приведенные выше слова А. Я. Борисова, положение дела осталось неизменным. Открытие и прошедшие с тех пор годы на территории Средней Азии многих новых памятников изобразительного искусства неизмеримо расширило наши горизонты, а исследования, которые уже появились, расчитили в какой-то мере путь к пониманию их особенностей. Вместе с тем несомненно и то, что с каждым новым открытием перед нами возникают проблемы, из которых многие действительно все еще представляют «головоломные» загадки. Трудно поэтому предполагать, что решения, которые могут быть предложены на данном этапе изучения, окажутся исчерпывающими и окончательными. Те попытки, которые делаются ниже в расшифровке и истолковании наших памятников, должны рассматриваться поэтому как предварительные. Новые открытия могут совершенно по-новому осветить то, что в настоящий момент кажется более или менее ясным.

Рассмотрим ближе содержание наших росписей по каждому помещению в отдельности.

Как уже указывалось, часть остатков живописи, которые были открыты и помещении 1 объекта VI в 1951 г., рассмотрена в работе М. М. Дяконова. Последний, однако, ограничился в основном лишь их стилистической характеристикой. Детальный разбор их содержания не входил в его задачу, тем более что в то время, когда писалась его работа, значительная часть поверхности стен не была еще вскрыта.

Росписи, открытые после 1951 г., в определенной степени принесли разочарование. Несмотря на то, что взятый в отдельности каждый из вновь открытых фрагментов представляет вполне определенный интерес, они оказались в общем разрозненными столь большими лакунами, что решать вопрос о содержании сцен, частью которых они являются, представляется чрезвычайно затруднительным.

Такое состояние живописи не позволяет решить вопрос прежде всего о том, следует ли дошедшие до нас фрагменты рассматривать, вслед за М. М. Дяконовым, как части одного общего сюжета, или же они являются отрывками не связанных между собой сцен. При том состоянии, в котором находятся наши росписи в настоящее время, можно уловить лишь весьма слабые нити, связывающие между собой отдельные фрагменты. Так, несомненно, для росписей этого помещения наиболее характерна батальная тематика: она в какой-то мере может рассматриваться в качестве объединяющего элемента для всей живописи этого помещения в целом. В этом отношении особенно интересными для нас являются сцены на западном конце южной стены и на примыкающей к ней южной половине западной. Первая сцена изображает поединок двух тяжело вооруженных пеших воинов, на второй изображена стычка двух конных отрядов. Вполне возможно, что эти две сцены имеют между собой внутреннюю связь в том смысле, что художник изобразил два эпизода одного сражения — начало его в виде поединка и затем главный момент сражения — столкновение отрядов всадников. Имеющиеся у нас сведения о военном искусстве среднеазиатских народов в доарабское время свидетельствуют о том, что эти живописные сцены

верно передают основные его особенности. Как поединок, так и бой конных отрядов являлись основными элементами военных действий. Мне представляется очень интересной сцена поединка, на которой остановлюсь подробнее.

М. М. Дьяконов указал уже на близость этой сцены к изображению двух сражающихся бойцов на известном блюде Эрмитажа, происходящем из дер. Кулагыш (цв. вклейка 29)¹⁷. По поводу последнего любопытные для нас соображения были высказаны в свое время Э. Херцфельдом. Он приводит, между прочим, некоторые, хотя и весьма, на наш взгляд, отдаленные параллели к очень характерному головному убору сражающихся бойцов — трехроговому шлему. Более существенным является его указание на наличие в раннесасанидской монументальной наскальной скульптуре «картин турнира», которые он считает по содержанию близкими к поединку на упомянутом блюде. К ним он относит поединки всадников на рельефах из Накши-Рустема и из Рея, а также на известном резном камне из Национальной библиотеки в Париже¹⁸.

Принадлежность названных памятников сасанидскому искусству не вызывает сомнения. Однако вполне очевидно, что сцены на них имеют главным образом аллегорическое значение, символизируя борьбу сасанидского Ирана и Рима, причем воинам-всадникам придан соответствующий внешний обобщенный облик.

Э. Херцфельд одновременно приводит и ряд сообщений из письменных источников относительно конкретных фактов единоборства, имевших место в военной истории Ирана. Вместе с тем он считает, что сцену на блюде из дер. Кулагыш нельзя рассматривать в качестве отражения реального момента военного строя сасанидского Ирана, и что она к сасанидским мотивам не принадлежит, будучи «бесспорно мифом»¹⁹.

Действительно, военная история сасанидского Ирана свидетельствует о том, что ни в военной теории, ни в практике поединку особое значение не придавалось. Обстоятельство это было отчасти отмечено раньше крупным исследователем древней культуры Персии Нёльдеке в работе, посвященной иранскому эпосу. Нёльдеке подчеркивает тот факт, что в главном произведении последнего — «Шахнаме», отражающем, по мнению этого исследователя, сасанидский быт, особенно большое место отводится описанию поединков между отдельными героями-витазями. Полагая, как это видно из изложения, что данное обстоятельство не соответствует реальной военной практике сасанидского Ирана, Нёльдеке относит приверженность к описанию поединков автора «Шахнаме» Фирдоуси за счет его поэтической фантазии²⁰. Следует, однако, отметить, что это мнение Нёльдеке сейчас едва ли может быть принято. Для Нёльдеке, как, впрочем, и для большинства европейских ученых того времени, научный горизонт был ограничен сасанидской цивилизацией по преимуществу. Фактически ими

¹⁷ Живопись древнего Пянджикента. С. 137.

¹⁸ Herzfeld E. Khusrāu Parwēz und der Tāq i Vastān // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Bd. IX/2. Berlin, 1938. S. 136, Abb. 19, 40; Sarre F. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1923, Taf. 82, 83.

¹⁹ Herzfeld E. Khusrāu Parwēz... S. 136.

²⁰ Nöldeke Th. Das iranische Nationalepos. Zweite Auf. Berlin; Leipzig. 1920. Ср.: Иностранцев К. А. Сасанидские этюды. СПб., 1909. С. 51 сл.

игнорировались культурные явления за границами этого государства. Между тем при более тщательном анализе оказывается, что автор «Шахнаме» отразил в своей поэме не только (а может быть, и не столько) собственно сасанидский мир, но и культурные явления народов Средней Азии или, вернее, восточноиранских народов²¹, пути развития которых отличались определенным своеобразием.

С этой точки зрения для нас представляется весьма заманчивым связать изображение поединка на пенджикентской росписи, так же как и на серебряном блюде из дер. Кулагыш, с эпическими мотивами поэмы Фирдоуси. Композиция на этом блюде позволяет видеть в ней изображение воспетого автором «Шахнаме» поединка Рустема, этого «сакского», т. е. среднеазиатского, героя, с его собственным сыном Зохрабом. Как известно, этот поединок длился очень долго и отличался большой жестокостью. В частности, прежде чем отцу досталась его трагическая победа, бойцам пришлось испробовать все имевшиеся у них виды оружия²². Не это ли имел в виду мастер-чеканщик, изготавливавший блюдо, когда он изобразил у ног сражающихся поломанные предметы вооружения? Совершенно одинаковый облик сражающихся, их доспехов также должны подчеркнуть, вероятно, их физическое родство.

Вполне возможным представляется, что на пенджикентской росписи, изображающей двух одинаково вооруженных и одетых в одинаковые доспехи воинов, следует видеть передачу этого же эпического предания или его местного варианта.

Однако в таком сужении темы поединка на нашей росписи, придания ему только эпического содержания нет необходимости. Письменные источники содержат ряд сообщений, свидетельствующих о том, что и Средней Азии поединки являлись очень популярным видом военизированных соревнований и что они занимал видное место и быту и военной практике. Так, в китайской хронике Тан-Шу имеется известный рассказ о Фергане, где существовал обычай гадания на Новый год посредством поединка двух одетых в доспехи воинов²³.

Не менее показательным является и рассказ о состязаниях, которые ежегодно проводились в Самарканде, на которых определялся на очередной год наиболее искусный воин²⁴.

В военной истории среднеазиатских народов мы также находим сообщения о поединках, свидетельствующие о том, что им придавалось большое значение. В этом отношении большой интерес представляет сообщение армянского историка Себеоса о походе против эфталитов сасанидских войск во главе

²¹ См., например: *Птицын Г. В.* К вопросу о географии Шах-Намэ // ТОВЭ. Т. IV. 1947. С. 293 сл. На то, что к «Шахнаме» нельзя относиться безоговорочно как к источнику только сасанидского Ирана, обратил внимание и К. А. Иностранцев (*Иностранцев К. А.* Сасанидские этюды. С. 51).

²² В описании поединка у Фердоуси, между прочим, говорится следующее: «...К месту схватки он [Рустем] отправился и влился за копье. Не осталось на копье ни колец, ни наконечника, [Тогда] они [Рустем и Зохраб] обратились к индийским мечам. Во время боя меч распался на куски. После этого они взяли тяжелые палицы...» (*Le Livre des rois, par Abou'l Kasim Firdonsi / Trad. et comm. par J. Mohr. T. II. Paris, 1876–1878. P. 148*).

²³ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 319. Ср.: *Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux. St.-Petersbourg, 1903* (Сборник трудов Орхонской экспедиции. VI). P. 148.

²⁴ *Chavannes E. Documents... P. 133, n.*

с армянского военачальником Смбатом. Последнему пришлось принять вызов эфталтского царя и вступить с ним в единоборство²⁵.

Находим мы рассказы о поединках и в сообщениях о походах арабов в Среднюю Азию, причем вызов на поединок исходил от туземных воинов. О таком поединке сообщает, например, Табари под 701–702 гг. в описании сражения под Рабинджаном, т. е. в самом сердце Согда²⁶.

Все это подтверждает сказанное о том, что поединок, который художник изобразил на нашей росписи, отражает определенный элемент военной практики народов Средней Азии накануне арабского завоевания, что одновременно не исключает возможной связи этой картины с популярным эпическим преданием.

Изображение другой батальной сцены на западной стене показывает стычку двух отрядов. К сожалению, дефектность росписи здесь не позволяет дать более или менее подробный анализ этой сцены. Можно лишь отметить, что трактовка боя отрядами дана условно, в виде выступающих сомкнутым строем друг против друга двух рядов воинов. Строго «по линейке» изображаются как воины, так и кони. Особенно характерно показан «синхронный» аллюр лошадей. Оба ряда всадников скачут «в ногу». Характерно, что именно такая трактовка стычки отрядами дана и в других батальных сценах в пенджикентских росписях. Так изображена сцена боя в помещении 6 объекта III. Аналогичным образом трактовано движение отрядов воинов, конных и пеших, на росписи помещения 13 объекта VI. Здесь, однако, сам бой не показан. Воины изображены в обстановке, напоминающей больше парадный строй. Близкие по времени памятники изобразительного искусства, на которых в такой манере изображались бы батальные сцены, мне неизвестны. В какой-то мере в наших сценах, возможно, отражена значительно более древняя иконографическая традиция, которая исходит к древневосточному искусству. Но вместе с тем, при всей условности такой трактовки сражений, рассматриваемая нами роспись, как и другие аналогичные сцены, видимо, отражают и реальные моменты военной тактики. Состав войска мелких правителей отдельных небольших владений, на которые распадалась Средняя Азия, рисуется, согласно дошедшим до нас известиям письменных источников, в виде небольших отрядов всадников, комплектовавшихся из аристократической землевладельческой среды²⁷. Очевидно, что эти отряды стремились действовать во время сражений сомкнутыми рядами, что и передано на нашей росписи.

Фрагменты живописи на восточном простенке северной стены и на примыкающем к ней участке восточной также принадлежат к батальным сценам. К сожалению, эти фрагменты настолько плохой сохранности, что о конкретном содержании первоначальных композиций здесь едва ли можно говорить.

²⁵ Marquart J. *Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenacci. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen.* Berlin, 1901 (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philosophisch-historische Klasse. NF. Bd. III/2). S. 66; ср.: Herzfeld E. *Khusrau Parwēz...* S. 137.

²⁶ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari* / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879–1901. Ser. III. P. 499 (далее — Tabari). Ser. II. P. 1041.

²⁷ См.: Бартольд В. В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия.* II. СПб., 1900. С. 182.

Еще большее сожаление вызывает плохая сохранность участка живописи на восточном конце южной стены (цв. вклейка 11). Хотя персонажи этой сцены являются воинами, сюжет, видимо, не был, строго говоря, батальным. Своеобразие этой композиции заставляет полагать, что перед нами эпизод мифологического содержания. Отнюдь не претендуя на его полную дешифровку, я хочу привести лишь некоторые материалы в связи с наличием там изображения быка, занимающего, видимо, во всем эпизоде большое место.

То, что образ быка в мифологии Средней Азии и, в частности, Согда играл значительную роль, не вызывает сомнения. Некоторые аспекты этого вопроса, исследованные К. В. Тревер в связи с находкой изображения человека-быка в Тали-барзу под Самаркандом²⁸, а также и С. П. Толстовым²⁹, свидетельствуют об этом с достаточной убедительностью. Имеете с тем нельзя не отметить, что в таком массовом для Средней Азии археологическом материале, каким является мелкая глиняная пластика, изображения быка встречаются сравнительно редко, несравненно реже, чем, например, изображения лошади. Это обстоятельство наблюдается почти повсеместно. Особенно показательны археологические материалы из Хорезма, где при исключительно частых находках статуэток лошадей, изображения корон или быков очень редки³⁰. Впрочем, и в других пунктах Средней Азии мы наблюдаем то же положение. Несколько иную картину рисуют находки в Пенджикенте. Здесь терракотовые статуэтки животных, в том числе и лошадей, встречаются лишь в виде редкого исключения. Однако при этом мы находим весьма значительное число сосудов, по преимуществу кружек с носиками, оформленными, как правило, в виде головы коровы или быка. Характерно, что наряду с прекрасно выполненными образцами таких сосудов мы встречаем и такие, где головы животного только намечены весьма примитивным образом. Факт этот свидетельствует, как кажется, о том, что изображению этому придавалось какое-то особое значение, что его наличие, даже в виде намека, считалось необходимым. Можно полагать, что такие сосуды применялись в каких-то ритуальных целях. Что касается характера культа, то о нем можно высказать лишь некоторые предположительные соображения. Хорошо известно, что в древности почитание быка очень тесно переплетается с культом водной стихии, с одной стороны, и культом Луны — с другим. В фольклоре таджиков дождевое облако олицетворяется в образе коровы³¹. Одновременно можно с большой уверенностью говорить о том, что в Согде и, в частности, в Пенджикенте, как мы увидим

²⁸ Тревер К. В. Гопатшах — пастух-царь // ТОВЭ. Т. II. 1940. С. 71 сл. В выводы этой интересной по приводимым материалам работы следует внести, однако, существенный корректив в отношении датировки самого памятника (см.: Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу // ТОВЭ. Т. II. 1940. С. 91). Отнесение его к ахеменидскому времени, бесспорно, неверно. Слой, в котором был найден обломок сосуда с изображением человека-быка (ТБ-II), должен быть датирован первыми веками н. э. — см.: Тереножкин А. И. Согд и Чач (Автореферат кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 28 апреля 1948 г. // КСИИМК. Вып. XXXIII. 1950. С. 153 (табл.)).

²⁹ Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 309 и др.

³⁰ Толстой С. П. Древний Хорезм... Табл. 78–81.

³¹ Андреев М. С. Из материалов по мифологии таджиков // По Таджикистану. Вып. 1. Ташкент, 1927. С. 78.

ниже, пользовалось религиозным почитанием лунное божество. Одним из внешних выражений этого служило то, что изображение полумесяца являлось одной из наиболее выразительных эмблем на головных уборах и в царских коронах, где оно встречается особенно часто. Чрезвычайно любопытным фактом следует признать поэтому наличие монет эфталитских царей, на коронах которых вместе с изображением полумесяца имеется изображение головы быка³² (рис. 27, 1). Представляется очевидным, что в образе быка слились, с одной стороны, представления астрального порядка, а с другой — представления, связанные с почитанием водной стихии. Изобразительному искусству Ближнего Востока хорошо известен образ быка — в качестве символа лунного божества. Укажу, например, на тессеры из Пальмиры, где над рогами быка изображен полумесяц (рис. 27, 2). Очень интересно, что бык с полумесяцем над головой изображен на некоторых монетах парфянских царей³³. Вокруг этих переплетающихся друг с другом культовых символов складывались различные фантастические мифы, один из которых, вероятно, и отражен на рассматриваемой нами росписи. О том, что такие мифы действительно имели распространение, говорит любопытный текст в известном астрологическом сочинении Танкалуша, которое уже успешно привлекалось для разъяснения среднеазиатских древностей и иконографии³⁴. В этом сочинении при описании одного из градусов небесной сферы мы читаем: «В этом градусе... появляется изображение идолов из камня, справа от них человека с огромным телом, намеревающегося заковать быка, но бессильного одолеть его...»³⁵ Этот астрологический миф, сложившийся в среде, далекой от Средней Азии, естественно, в условиях последней мог подвергнуться самой неожиданной трансформации, один из вариантов которой, быть может, и представлен на рассматриваемом фрагменте нашей росписи.

Вполне законченная сцена представлена на западном простенке северной стены. По своему содержанию она достаточно ясна: перед нами изображение

пира, в котором принимает участие группа молодых людей, вооруженных кинжалами и мечами, во главе с царем в крылатой короне. Воин в шлеме и кольчуге,

Рис. 14:

1 — изображение быка на короне, эфталитская монета; 2 — тессера из Пальмиры

³² См.: Herzfeld E. Kushano-Sasanian Coins. Calcutta, 1930 (Memoirs of the Archaeological Survey of India. No. 38). P. 21, fig. 5; а также: Chirshman R. Les Chionites-Hephthalites. Le Caire, 1948 (Mémoires de l'Institut Français d'archéologie orientale du Caire. T. LXXX; MDAFA. T. XIII). P. 22, fig. 18, 19; p. 52, fig. 57.

³³ Gardner P. The Parthian Coinage. London, 1877. P. 55, pl. VI, 28.

³⁴ См.: Борисов А. Я. К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях // ТОВЭ. Т. II. 1940. С. 44; а также: Борисов А. Я. О значении слова «наус» // ТОВЭ. Т. III. 1940. С. 303 сл.

³⁵ Рукопись ИВАН СССР С 1680, с. 40. Об авторе этой книги см.: Борисов А. Я. О значении... С. 303, примеч. 2, а также: III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград, сентябрь, 1935. М.; Л., 1939. С. 31 сл.

стоящий в коленопреклоненной позе перед царем, заставляет полагать, что пир этот связан с каким-то, видимо, важным событием.

Можно предположить, что воин этот является вестником победы и служит связующим звеном между батальными сценами и сценой пира.

Наиболее интересной иконографической деталью этой сцены является наличие на ней изображения летящей птицы с венком и лентами. Появление ее на росписях едва ли случайно: по всей вероятности, именно она придавала особый смысл всей сцене. Надо полагать, что для зрителей был вполне ясен круг представлений, связанный с изображением птицы, и, соответственно, то значение, которое благодаря ее присутствию приобретала вся сцена и целом.

Птица с венком или кольцом в клюве является символическим образом, хорошо известным в эллинистическом искусстве, особенно в римское время. Насколько я знаю, появление этого символического образа на востоке восходит к парфянскому времени. Иконографический образ птицы, держащей кольцо или венок с лентами, представленный в пенджикентской росписи, не является первоначальным. Его следует считать результатом определенной эволюции различных античных образов — Ники и орла Зевса. Как установлено на основании монетных данных Гарднером, образ Ники появился на востоке раньше орла и впервые зафиксирован на парфянских монетах Митридата I³⁶. При этом Ника изображается с венком и лентами в руках (рис. 15, 1). Позже, при Вардане II, появляется изображение Зевса с орлом, но без венка³⁷. Птица без Зевса появляется на монетах парфянского царя Фраата IV (рис. 15, 2), причем она держит венок в клюве³⁸. Небезынтересно отметить, что одновременно меняется и место, которое занимают на монетах рассматриваемые фигуры божества и птицы. Так, первоначально Ника занимала весь реверс, но начиная с Фраата III ее помещают позади головы царя, причем она изображена низлагающей ему на голову венок³⁹. Именно это место занимает орел на монетах Фраата IV, таким образом замещая Нику.

В парфянском искусстве образ Ники, как и орла с венками, широко представлен и помимо монет. В этом отношении весьма интересные материалы дают нам памятники скульптуры Хатры⁴⁰ (рис. 16, 1) и живописные памятники Дур-Европоса⁴¹, где мы видим и орла и Нику несущими венки с лентами и без них (рис. 16, 2, 3).

Рис. 15. Изображения Ники и орла с венком на парфянских монетах

³⁶ Gardner P. The Parthian Coinage. P. 20.

³⁷ Ibid. P. 21.

³⁸ Ibid. P. 42.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Sarre F. Die Kunst... Taf. 62.

⁴¹ The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report of the 2nd Season of Work. New Haven, 1931. Frontispiece;

Рис. 16:

1 — архитектурный фриз из Хатры; 2, 3 — фрески из Дура-Европос

В целом едва ли вызывает сомнение символическое значение, которое придавалось в парфянском искусстве фигурам Ники и орла. Так же как в греческом и римском мире, это были само божество (Ника) или крылатый посланец божества (орел), которые приносят божественную награду тому лицу, которому предназначен венок.

Preliminary Report of the 5th Season of Work. 1934. Pl. XXXVI, 3; Preliminary Report of the 6th Season of Work. 1936. Frontispiece, pl. XXX, 1; pl. XLI, 1.

Из числа памятников изобразительного искусства собственно Средней Азии известны лишь монеты, на которых изображена только Ника. Имею в виду так называемые монеты «Герая»⁴² и ранние хорезмийские монеты, на некоторых образцах которых изображена Ника с венком позади головы царя⁴³. Насколько известно, только на росписях Пенджикента мы находим орла (или другую хищную птицу), несущего в сторону царя знаки царского достоинства. В этом, по-видимому, и заключается смысл всей рассматриваемой сцены. Подтверждением сказанному может служить распространенная в Средней Азии народная сказка о соколе, приносящем царство (*боз-и-давлат*). Привожу отрывок сказки, записанной М. С. Андреевым у жителей высокогорной долины р. Ягноб — верхнего притока Зеравшана, — говорящих до настоящего времени на диалекте древнесогдийского языка. В нем сохранился с наибольшей непосредственностью древний сюжет, хотя он, очевидно, в течение ряда столетий подвергался значительной переработке. В сказке рассказывается о странствиях героев и их приключениях. В интересующем нас отрывке говорится следующее: «Ехали (они) по дороге три дня и три ночи. Им встретился один человек. Спросили они его. Сказали: какие в этом городе новости. Сказал: умер царь этого города. Вышли, чтобы пустить летать птицу (охотничью птицу). Говорят они (народ): «На чью голову эта птица сядет, того мы сделаем царем»⁴⁴.

Родство представлений, выраженных в приведенной сказке, с нашей сценой едва ли вызывает сомнение.

Иконографически весьма интересным представляется и небольшой фрагмент росписи на западной стене, который непосредственно примыкает к только что рассмотренной сцене пиршества. На нем сохранилась, как мы видели, одна фигура царя и изображение ряда сосудов с яствами, а также частичное изображение сэнмурва (?), несущего знаки царского достоинства. При первом знакомстве с этим фрагментом возникает мысль о том, что он является частью такой же пиршественной сцены, как и та, которую мы видели на северной стене. Вполне вероятно, что это и было действительно так. Вместе с тем ряд деталей в трактовке фигуры на нашем фрагменте, по всей вероятности, занимавшей главное место во всей композиции, делает ее весьма интересной независимо от общего содержания сцены. Интересующая нас фигура изображает сидящего на своеобразном табурете царя в крылатой короне.

Прежде всего обращает на себя внимание поза царя, резко отличающаяся от обычных для пенджикентских росписей изображений сидящих фигур. Живопись Пенджикента показывает вполне определенную манеру сидения на скрещенных ногах. Здесь же царь изображается сидящим на табурете, свободно заложив одну ногу на колено другой. Табурет, на котором сидит царь, также необычен. Он представляет собой узкую скамью на скрещенных ножках, напоминающую по устройству античные кресла. Отличает фигуру царя от других

⁴² Зограф А. Н. Монеты «Герая». Ташкент, 1937. С. 5 сл., табл. на с. 33.

⁴³ Толстов С. П. Древний Хорезм... Табл. 84, 2, 8.

⁴⁴ Андреев М. С., Пещерева Е. М. Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик. М.; Л., 1957. С. 22.

аналогичных изображений и интересный предмет вооружения, который он держит в левой руке, а именно топорик очень парадного облика.

Поразительно близкую параллель для фигуры царя мы находим на одном обломке оссуария, происходящего из Бия-Наймана, который был впервые опубликован и подробно разобран с иконографической точки зрения А. Я. Борисовым⁴⁵. На оссуарии (рис. 17), как и на нашей росписи, мы видим фигуру бородатого царя, сидящего заложив одну ногу на колено другой. Совпадают изображения корон и вооружения. Однако особенно характерно то, что и на обломке оссуария царь держит в руке также секиру-топор. При внимательном рассмотрении оказывается совершенно сходными также и табуреты, на которых сидят фигуры. Правда, на обломке оссуария нижняя часть табурета не сохранилась. Однако доска изображена такой же узкой, как и на росписях. В обоих случаях доска орнаментирована почти аналогичным образом. Разница заключается лишь в том, что на росписи доска орнаментирована полосой сердцевидных фигур, в то время как на оссуарии — полосой кружков.

Указанные общие элементы делают эти два памятника настолько близкими друг к другу, что мы безусловно вправе видеть в них один и тот же иконографический образ. Сам факт совпадения изображений на столь не сходных памятниках, как роспись на стене парадного помещения и на стенке костехранилища, представляется, несомненно, исключительно важным. Это тем более интересно, что наблюдаемый нами случай является уже не первым. Такое же полное совпадение изображений на оссуарном фрагменте из Афрасиаба и на пенджикентских росписях было ранее установлено М. М. Дьяконовым⁴⁶.

Рис. 17. Рельеф на оссуарии из Бия-Наймана

⁴⁵ Борисов А. Я. К истолкованию изображений... Табл. II.

⁴⁶ Живопись древнего Пенджикента. С. 133, рис. 5.

Помимо того, что такие совпадения говорят о наличии общего иконографического канона, они свидетельствуют о том, что этому образу придавалось особое и вполне определенное символическое значение. Иначе вряд ли такое изображение стали бы помещать на стенках оссуариев. Во всяком случае, сюжеты, а также и отдельные фигуры на среднеазиатских оссуариях, значение которых поддается истолкованию, не оставляют в этом смысле никакого сомнения.

К сожалению, как интересующая нас фигура на пенджикентской росписи, так и ее двойник на оссуарном обломке являются лишь фрагментами более сложных композиций, содержание которых остается для нас неизвестным.

А. Я. Борисов, давший подробное истолкование фигуры на обломке бия-найманского оссуария, видит в ней продолжение тех четырех символических фигур, которые в реконструированном виде были опубликованы Б. Н. Кастальским⁴⁷. Однако такое объединение в одну композицию разрозненных фрагментов едва ли обосновано. Но общее толкование реконструированной им композиции заслуживает, бесспорно, внимания. А. Я. Борисов предложил общее объяснение всем этим фигурам, исходя из космогонических и хтонических представлений, приписываемых зороастризму. Объяснение это сводится к тому, что четыре фигуры на оссуарии, опубликованном Б. П. Кастальским, символизируют четыре элемента-стихии, царь же с топориком в руках является изображенным божеством планеты Сатурна, отождествляемого в иранской зороастрийской мифологии с божеством Зрваном, который, в свою очередь, является символом «всепоглощающего времени». Это божество пожирает человека, тело которого состоит из четырех элементов, после его смерти. То обстоятельство, что на пенджикентской росписи сохранилось изображение только одной фигуры, не позволяет нам, естественно, применить к нему толкование А. Я. Борисовым оссуарных изображений в целом. Можно лишь указать на одну добавочную деталь, которая характерна как для изображения фигур на оссуариях, опубликованных Б. П. Кастальским, так и на пенджикентской росписи рассматриваемого помещения, а именно на изображение мечей с загнутыми рукоятками, заканчивающимися головами змей, которые, кстати, на других известных памятниках изобразительного искусства Средней Азии не встречаются. Впрочем, очевидно, что одна эта деталь не является достаточной для вывода о том, что на сравниваемых памятниках была одинаковая композиция. Что касается фигуры сидящего царя, в котором А. Я. Борисов видит олицетворение божества Зрвана, то близость иконографической трактовки изображения царя на фрагменте нашей росписи с фигурой на обломке оссуария заставляет самым внимательным образом рассмотреть доказательства, которые привели А. Я. Борисова к данному ее истолкованию. В качестве исходного момента для интерпретации послужила в первую очередь поза царя. Объяснение ее специфичности было обнаружено А. Я. Борисовым в интересном тексте указанного арабского астрологического сочинения X в. «Книги Танкалуша», являющейся переводом с греческого или сирийского оригинала более раннего времени. В этом тексте при описании одного из градусов небесной

⁴⁷ Кастальский Б. Н. Бия-найманские оссуарии. Самарканд, 1908 (отд. оттиск).

сферы говорится, между прочим, следующее: «В этом градусе восходит Сатурн в образе величия своего. Он сидит на парчовом ложе, положив одну ногу на ляжку другой... И борода его большая, белая как снег»⁴⁸.

Соответствующий текст другого осведомленного и области древних астро-логических представлений автора ад-Димишки (XIV в.) позволил уточнить иконографические черты этого божества. Согласно ад-Димишки, в одном из храмов харранских сабиев — последователей древнемесопотамского астрологического культа, посвященного Сатурну, последний был изображен в виде боро-датого старца с топором в руках⁴⁹. Эти тексты, а также некоторые привлекаемые добавочно памятники изобразительного искусства позволили А. Я. Борисову прийти к указанному выводу о том, что «царь с топором на бия-найманском

оссуарии является определенной разновидностью изображения Кевана-Крона-Сатурна»⁵⁰, т. е. Зрвана. Из числа памятников изобрази-тельного искусства, на которые указывает А. Я. Борисов, следует особо выделить извест-ное блюдо, происходящее из деревни Климово. Этот замечательный памятник астрологического культа с изображением лунного божества, сидящего на повозке, в которую впряжены быки, интересен для нас в связи с тем, что одним из атрибутов этого божества является топорик такого же типа, как и на бия-найманском оссуа-рии. Памятник этот, таким образом, свидетель-ствует, что данный атрибут служил в качестве символа ряда астральных божеств. В связи с этим представляет интерес еще один памятник изобразительного искусства — рисунок гра-фитти, который был обнаружен при раскопках в Дуре-Европос на Ефрате, расположенном вблизи Харрана — этого древнего центра астро-логических культов⁵¹.

На этом рисунке мы видим изображение сидящей мужской фигуры с топориком тако-го же типа, как и на рассматриваемых на-ми памятниках изобразительного искусства (рис. 18).

Ф. Кюмон, опубликовавший интересующий нас рисунок, замечает лишь, что на нем изоб-ражен позднепарфянский или раннесасанид-

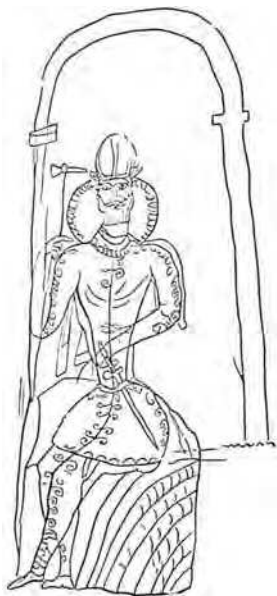

Рис. 18. Граффити из Дуре-Европос

⁴⁸ Борисов А. Я. К истолкованию изображений... С. 44. Текст приводится в несколько сокра-щенном виде.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Chwolsohn D. Die Ssabier und der Ssabismus. Bd. I. St. Petersburg, 1856. S. 156 sq.

ский царь⁵². Надо отметить, что в самом рисунке и в особенности в изображении головного убора не имеется специфических деталей, которые говорили бы в пользу предположений Ф. Кюмона. Представляется более вероятным, что данный рисунок является подражанием, сделанным малоопытной рукой, скорее всего изображению какого-то божества, принадлежавшего к астрологическому пантеону. Вышеприведенный сравнительный материал, таким образом, позволяет, как мне представляется, отнести к последнему и интересующую нас фигуру царя с топориком на фрагменте пенджикентской живописи. Для толкования нашего фрагмента в этом аспекте представляет добавочный интерес и изображение зооморфного существа, которое мы видим над фигурой царя.

М. М. Дьяконов назвал его «козлоногим». К сожалению, верхняя часть головы и часть туловища животного отсутствуют, и мы не можем с полной уверенностью определить, какое именно животное было здесь изображено.

Кажется, однако, более вероятным предположение о том, что здесь находилось изображение быка, чему сохранившаяся часть фигуры отнюдь не противоречит. Косвенным подтверждением для такого предположения может служить то, что это же животное изображено и на южной стене данного помещения. При таком определении этого животного, связь которого в мифологии с лунным божеством вполне бесспорна, общее толкование фигуры царя в качестве персонажа астральной мифологии приобретает добавочное обоснование.

В помещении 8 объекта VI сохранился относительно небольшой фрагмент живописи. Едва ли он может дать представление о содержании всех росписей, которые некогда украшали стены этого крупного зала. Тем не менее следует полагать, что фрагмент этот отражает общий их характер в том отношении, что они существенно отличались от содержания росписей других помещений этого здания. Как указывалось, состояние сохранившейся росписи также нельзя считать удовлетворительным. Особенно пострадал нижний фриз, где лишь слабо угадываются контуры отдельных фигур человека и животного. Сам факт наличия фриза при основной композиции сближает наш фрагмент с росписью помещения III, 7. Однако в содержании росписей мы не находим объединяющих их черт.

Сюжет композиции в достаточной степени ясен. Перед нами изображение трех женщин, приносящих дары персонажу, занимающему в композиции центральное место. Аналогичные сцены с изображением дароносцев встречаются достаточно часто в живописи и вообще в искусстве раннего средневековья на Востоке, особенно в буддийской иконографии⁵³. В пенджикентской живописи тема эта, однако, встречается впервые. Новизне темы сопутствует и ряд новых элементов в изображении отдельных фигур. Так, на двух фигурах женщин-донаторов мы видим новый тип верхней женской одежды — безрукавную мантию-накидку с отогнутыми отороченными широкими бортами. Близкий тип одежды

⁵² Cumont F. Fouilles de Doura-Europos (1922–1923). Texte et atlas. Paris, 1926 (Bibliothèque Archéologique et Historique. T. IX). P. 267, pl. XCIX, 2.

⁵³ Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan: Bericht über archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. Berlin, 1912. Fig. 216, 231, 232 et al.; и особенно: Le Coq A. von. Bilderatlas... S. 37 sq.

мы находим на некоторых памятниках торевтики⁵⁴, а также в монументальном изобразительном искусстве Афганистана⁵⁵ и Восточного Туркестана⁵⁶. Прекрасные образцы такой одежды представлены на росписях Балалык-тепе.

Но, бесспорно, наибольший интерес для истолкования этой сцены представляет крайняя справа фигура, занимающая центральное место во всей композиции и изображенная в большем масштабе, чем остальные. Следует считать более чем вероятным, что первоначально композиция продолжалась и влево от нее, где находилась другая группа фигур, приносящих дары, симметрично расположенная по отношению к первой. Во всяком случае, нельзя сомневаться в том, что именно этой фигуре предназначены дары. Кого же она изображает и чем вызвано ее почитание? Выше указывалось, что аналогичные по содержанию композиции встречаются в буддийском изобразительном искусстве. Однако совершенно очевидно, что в буддийских сценах объекты почитания — будды или бодисатвы — едва ли имеют что-нибудь общее с главной фигурой нашей композиции.

Рассмотрим отличительные особенности, которые ее характеризуют. Бесспорно, самой выдающейся и бросающейся в глаза ее особенностью является окраска тела в синий цвет. Этой краской передана почти вся та часть фигуры, которая сохранилась на нашем фрагменте, т. е. руки и вся верхняя часть туловища до бедер.

Едва ли можно сомневаться в том, что такой замене естественного цвета человеческой кожи искусственным синим цветом придавалось определенное символическое значение. Материалы Пенджикента и даже, больше того, Средней Азии в целом не дают пока ключа к пониманию этой символики. Однако, судя по ряду параллелей, которые мы находим в росписях Восточного Туркестана, можно установить то значение, которое придавалось этому цвету в применении к изображению человеческих фигур в буддийской иконографии. В синий цвет, как правило, окрашивались фигуры демонические, в которых следует видеть главным образом божества иноверческих для буддизма культов. Из числа известных мне таких изображений некоторые черты сходства с пенджикентской фигурой обнаруживают две фигуры, происходящие из одной пещеры в Минг-ой (№ 19) близ Кумтуры. Фрески эти в цвете не изданы, но достаточно подробно описаны А. Грюнведем. Обе они изображают один и тот же персонаж и по общей трактовке мало отличаются друг от друга. Они представляют собой безбородых молодых людей с ореолом вокруг головы, стоящих в одинаковой позе, скрестив ноги, опираясь на кончики пальцев. До бедер тело у них обнажено и окрашено в темно-синий цвет. Верхняя часть тела украшена ювелирными цепями. Головные уборы заканчиваются лентами, «напоминающими, — по словам А. Грюнведела, — сасанидские изображения». На одной из фигур надета короткая юбка, повязанная матерчатым поясом с длинными развевающимися концами, и длинные узкие шаровары. Другая — в одних шарова-

⁵⁴ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940 (Памятники культуры и искусства в собрании Эрмитажа. I). Табл. 19.

⁵⁵ Godard A., Godard Y., Hackin J. Les antiquités bouddhiques de Bâmiyân. Paris, 1928 (MDAFA. T. II). Pl. XXIII.

⁵⁶ Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten... Fig. 426, 427, а также: Le Coq A. von. Bilderatlas... S. 37–46.

рах, но с накинутым на плечи длинным шарфом также с развевающимися концами. Одна из фигур держит руки сложенными на груди, причем с одной руки (?) свешивается окрашенный в красный цвет большой колокольчик. Другая опирается левой рукой на палицу. У этой фигуры голова лучше сохранилась, и на ней отчетливо видим заостренные кверху звериные уши.

По словам А. Грюнwedеля, он нигде в другом месте не встречал подобные изображения и их значение ему неизвестно, но их общий облик говорит о том, что они изображают «князей демонов»⁵⁷.

Применимо ли такое толкование фигур с фресок из Минг-ой для интересующего нас персонажа пенджикентской росписи?

Наиболее характерной особенностью, которая сближает фрески из Минг-ой с росписью из Пенджикента, является окраска их тела в синий цвет. Можно ответить и другие близкие детали, хотя общность последних менее четко выражена. Так, пенджикентская фигура, по-видимому, одета в такую же юбку, как и одно из изображений фрески Минг-ой. Длинные ювелирные цепи на последних в какой-то степени можно считать близкими к перевязи, украшающей фигуру пенджикентской росписи. Бросается в глаза наличие у одной из фигур из Минг-ой колокольчика, сходного с колокольчиком, подвешенным на шее у пенджикентской фигуры⁵⁸. Однако все это едва ли можно считать достаточным для положительного ответа на поставленный выше вопрос. Мне представляется, что близость между собой сравниваемых нами изображений выявляется в большей мере, если попытаться более конкретно установить их иконографическое значение. Определение, которое дано А. Грюнwedелем для фигур фресок Минг-ой, в сущности, очень общо. То, что известно относительно подобного рода изображений в буддийской иконографии, свидетельствует о том, что перед нами отнюдь не анонимные «демоны», а олицетворение определенного культового образа, взятого из пантеона небуддийских религий.

Если внимательно проанализировать изображения фигур с фресок Минг-ой, то, как мне кажется, мы можем обнаружить и тот культ, который они олицетворяют.

В этом отношении прежде всего следует считать характерной позу, которая придана им художником. Как указывалось, обе фигуры изображены в одинаковой позе, стоящими со скрещенными ногами. Ниже мы будем иметь возможность подробнее остановиться на этом вопросе. Здесь отметим лишь, что в большинстве случаев такая поза является характерной при изображении или музыкантов, или танцоров, чаще последних. Этому толкованию вполне соответствует характер их одежды, развевающиеся концы поясов, шарфы и т. п.

Если принять данное толкование и одновременно учесть, что фигурам этим придан демонический облик, то в целом мне представляется, что они связаны с культом, в ритуале которого танцы и пляски, видимо, занимали главное место.

⁵⁷ Grünwedel A. *Altbuddhistische Kultstätten...* S. 25.

⁵⁸ Женская фигура, обвешенная бубенцами, была открыта на стеной росписи в спятилище Дандан-Ойлика в Хотане. См.: Andrews F. H. *Wall Paintings from Ancient Shrines in Central Asia*. London, 1948. P. 109.

Учитывая то разнообразное влияние, которое оказало на буддизм и особенно на его иконографию эллинистическое искусство, а вместе с ним и эллинистические верования, мы, как мне кажется, имеем основания предположить, что в рассматриваемых фигурах «князей демонов» следует видеть реминисценцию вакхического божества.

В этом отношении небезынтересно указать на палицу и руках одной из фигур, которая вообще мало вяжется с общим обликом последней. Не следует ли видеть в ней, правда в сильно трансформированном виде, тирс Диониса?

В какой мере такое толкование изображений с фресок Минг-ой может быть отнесено к «синей» фигуре пенджикентской росписи? Помимо синего цвета, которым окрашено тело этой фигуры, вторым наиболее характерным ее атрибутом является, бесспорно, шнур с бубенцами, обвивающий ее туловище, и колокольчик на шее. Последний мы видели подношенным у одной из синих фигур на фреске Минг-ой. Шнур с бубенцами, помимо Пенджикента, насколько мне известно, в изобразительном искусстве Средней Азии не отмечен. Однако его назначение вряд ли может вызвать особое сомнение. Звон бубенчиков, как это очевидно, служил добавочным музыкальным сопровождением для танцующего. Что касается самой фигуры, то в ней следует видеть изображение танцора, что, как мы увидим ниже, находит подтверждение в других произведениях изобразительного искусства Пенджикента — деревянной резной скульптуре.

Таким образом, принимая во внимание перечисленные особенности в изображении этого персонажа — синюю окраску тела, наличие шнура с бубенцами, а также изображение жезла со сложным навершием, который, возможно, также следует понимать как трансформированный тирс, — мы должны будем признать в ней культовый образ того же дионисийского круга, как и в фигурах на фресках Минг-ой.

Такое толкование требует, однако, ответа на вопрос, почему в отличие от фигур на фресках из Минг-ой наша фигура изображена сидящей. К сожалению, при том состоянии, в котором дошла до нас роспись, на этот вопрос едва ли может быть дан прямой ответ. Однако среди памятников искусства Пенджикента мы находим для нашей фигуры достаточно интересную аналогию, говорящую о том, что местная художественная традиция была знакома с образом сидящей фигуры танцора или танцовщицы. Имею в виду интересную терракотовую пластинку, которая была найдена в помещении VI, 1, с рельефным изображением сидящей женской фигуры танцовщицы (рис. 19)⁵⁹. Наиболее интересной особенностью ее трактовки является то, что она держит в одной руке чашу, а в другой — горловину меха с вином. Анализ этой терракоты показывает, что она иконографически связана с рядом памятников искусства среднеазиатской античности дионисийского круга⁶⁰, когда этот культ в Средней Азии, несомненно, имел широкое распространение⁶¹. Таким образом, терракота эта может служить

⁵⁹ См.: Беленицкий А. М. Из археологических работ... С. 338, рис. 9.

⁶⁰ Ср.: Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909. Табл. XVII, 41.

⁶¹ Об этом см.: Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. С. 23 сл.; Пугаченкова Г. А. Сосуд из Термеза с вакхической сценой // ВДИ. 1951. № 1. С. 128.

добавочным доказательством правильности изложенного выше толкования синей фигуры. Вместе с тем очевидно, что толкование это не должно ни в коей мере закрывать для нас и чисто жанровый или светский характер сцены в целом. Рассматриваемая роспись свидетельствует, несомненно, о большом месте в быту населения искусства танца, представители которого пользовались популярностью, что, как мы увидим ниже, находит свое подтверждение в других памятниках искусства Пенджикента, а также и в письменных источниках.

Ряд интересных иконографических проблем ставят остатки живописных сцен в помещении 13 объекта VI. Стенные росписи этого помещения представляют большой интерес и в смысле стилистическом, поскольку наряду с хорошо нам знакомыми приемами в трактовке отдельных фигур мы сталкиваемся здесь с фактами, говорящими о новых способах в разрешении тематических задач, а также о возрождении более ранних художественных традиций.

В духе того стиля, который обозначен М. М. Дьяконовым третьим пенджикентским стилем, исполнена роспись на северной стене.

Плохая сохранность росписи, к сожалению, не дает возможности установить с полной уверенностью, представлена ли здесь единая композиция или же отдельные, сюжетно не связанные между собой сцены. Для живописи этой стены особенно характерна группа музыкантов. Они изображены в совершенно одинаковых позах и в одинаковой по покрою одежде. Манера, в которой они трактованы, полностью повторяет групповые сцены в помещениях I, 10 и в особенности VI, 1 (западный простенок северной стены)⁶². Группы воинов повторяют публикуемые в настоящем сборнике сцены в помещениях III, 6 и VI, 1 (западная стена). Новым элементом в росписи этой стены является наличие изображения слона, которое в какой-то мере может служить связующим звеном между живописью Пенджикента и Варахши, хотя тематическую связь между ними мы едва ли можем установить.

Из отдельных деталей представляет интерес изображение музыкальных инструментов. С одним из этих инструментов — арфой — мы уже знакомы

Рис. 19. Сидящая танцовщица.
Терракота, найденная в Пенджикенте

⁶² Живопись древнего Пенджикента. Табл. X, XXXVII.

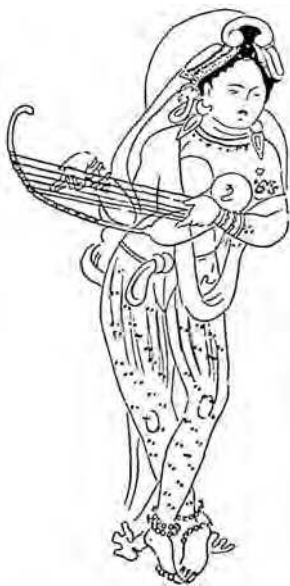

Рис. 20. Изображение арфистки из Минг-ой

по росписи помещения 1 данного объекта. Два других — лютия и флейта Пана — встречены впервые.

По всей вероятности, следует считать не случайным то обстоятельство, что на памятниках изобразительного искусства более раннего времени, как, например, на айртамском фризе или в живописи Топрак-калы, мы видим другого типа музыкальные инструменты. Особенно это характерно в отношении типа арфы. Судя по пенджикентским изображениям, можно констатировать смену арфы западноазиатского типа на тип индийский.

Вполне закономерно, что полную аналогию нашим изображениям музыкальных инструментов мы находим в изобразительном искусстве Восточного Туркестана. При этом совпадают не только отдельные инструменты, но и их сочетания (рис. 20)⁶³.

Совершенно особое место занимает среди открытых до сих пор памятников живописи Пенджикента роспись западной стены рассматриваемого помещения. Это один из лучших фрагментов по сохранности и один из наиболее интересных по содержанию. Отметим, прежде всего, что на фрагменте западной стены мы впервые видим крупный участок живописи второго яруса. Правда,

небольшие участки верхних ярусов сохранились, как мы видели, в первом помещении этого же объекта, однако они фактически не дали никакого представления о том, каково было содержание росписи. На рассматриваемом фрагменте мы видим сцену с определенным сюжетом. Уже это одно делает данный фрагмент живописи весьма важным, поскольку он позволяет судить более полно о расположении на стенах живописных композиций. Вместе с тем и сам по себе сюжет росписи на данном участке второго яруса следует признать весьма интересным. Напомним его содержание. Перед сидящим в свободной позе персонажем находится ряд фигур, одна из которых стоит на коленях, изображая, по всей видимости, пленника. Рядом стоящая фигура изображает, надо полагать, стража. К этой же сцене, вероятно, принадлежала фигура человека со связанными руками, обнаруженная на полу помещения, среди остатков штукатурки с росписью, вблизи стены. Близкую аналогию к данной композиции следует

⁶³ Ср.: Grünwedel A. *Alt buddhistische Kultstätten...* Fig. 64, 111, 237, 244, 245 et al.; *idem*. *Alt-Kutscha...* Taf. XXX–XXXI et al.

видеть в единственном до сих пор известном фрагменте росписи, происходящем из Афрасиаба, на котором, несмотря на его дефектность, мы имеем достаточно оснований видеть аналогичный сюжет.

Фрагмент афрасиабской росписи, о котором идет речь, открытый в 1913 г., был впервые опубликован М. М. Дьяконовым⁶⁴. Им была установлена стилистическая близость афрасиабского фрагмента к пенджикентским росписям. С открытием интересующей нас композиции второго яруса мы вправе говорить и о сюжетном родстве афрасиабской росписи с пенджикентской. На фрагменте живописи с Афрасиаба мы видим две коленопреклоненные фигуры с завязанными руками, позади которых стоит в полный рост третья фигура, вероятно, стража или конвоира. К сожалению, то лицо, перед которым стоят пленники на афрасиабском фрагменте, не сохранилось, однако едва ли есть основание сомневаться в его наличии. Такое совпадение сюжетов разбираемых памятников изобразительного искусства нельзя приписать только случайности. Мне представляется, что это совпадение следует объяснять более существенными обстоятельствами. Фрагмент живописи с Афрасиаба указывает на то, что центр художественной школы Когда находился в Самарканде, где и вырабатывались сюжеты и стилистические нормы. Полагать, что влияние было обратным, едва ли есть основание. С другой стороны, совпадение сюжета на двух наших памятниках изобразительного искусства указывает на его популярность, что может быть объяснено или эпическим, или же историческим его содержанием. Общая трактовка фигур на пенджикентской росписи заставляет склоняться больше ко второму предположению, а именно что перед нами изображение конкретного исторического эпизода, которому придавалось более или менее крупное значение. В этом смысле определенный интерес представляет сообщение китайской хроники «Бей-ши», в которой говорится о походе китайского императора против западного княжества Шаньшань, причем специально подчеркивается, что «владелец Шаньшаня Чжанда со связанными спереди руками вышел и покорился»⁶⁵. Этот или аналогичный популярный эпизод из местной военной истории, естественно, мог стать сюжетом для росписей в домах аристократии⁶⁶.

Помимо сказанного, рассматриваемый нами фрагмент пенджикентской росписи обращает на себя внимание и благодаря весьма своеобразной общей трактовке главной фигуры сцены — лица, перед которым склонился пленник. Поза, которую ему придал художник, резко отличает его от большинства сидящих фигур пенджикентских росписей. Весьма близкую параллель ей мы находим на группе серебряных блюд, на которых главные персонажи изображены сидящими аналогичным образом. Э. Херцфельд, специально исследовавший эту группу памятников (рис. 21), пришел к выводу, что такая трактовка имеет своим прообразом изображения на монетах первых кушанских царей и восходит,

⁶⁴ Живопись древнего Пенджикента. С. 92.

⁶⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 245, 292.

⁶⁶ О близком сюжете, нашедшем отражение в буддийских легендах (джатаках) и искусстве, см.: Le Coq A. von, Waldschmidt E. Buddhistische Spätantike aus Mittelasien. Bd. VI: Neue Bildwerke II. Mit einem Beitrag über die Darstellungen und den Stil der Wandgemälde aus Qyzil bei Kutscha. Berlin, 1928. S. 23, Fig. 54–56),

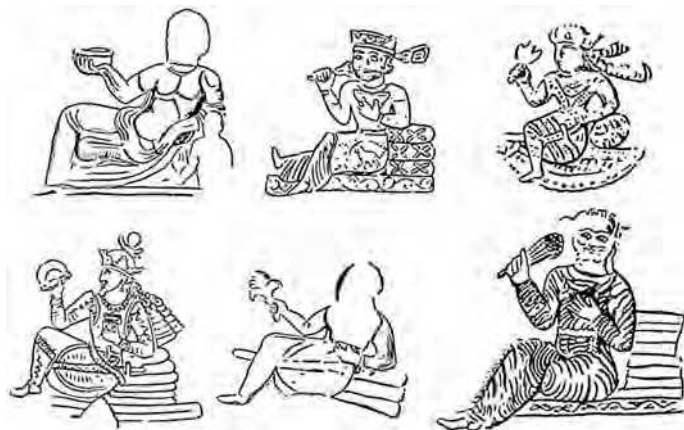

Рис. 21. Прорисовка деталей на серебряных сосудах

по его мнению, к греко-бактрийскому искусству. Обстоятельство это служит ему основанием считать эти изделия произведениями «Восточного Ирана»⁶⁷. Пенджикентская роспись может служить указанием на то, что одним из центров, где рассматриваемая художественная традиция была хорошо известна, являлся Согд. В качестве добавочного момента, подтверждающего сказанное, отмечу следующую деталь одежды одной из фигур на блюде из данной группы (рис. 21, вторая фигура верхнего ряда). Пола одежды главного персонажа украшена медальоном с изображением животного, какой мы видели на двух фигурах пенджикентской росписи, одна из которых принадлежит к рассматриваемой нами сцене.

Особый интерес представляет фрагмент живописи нижнего яруса, к рассмотрению которого мы переходим. На этом фрагменте с большой наглядностью проявилась наиболее характерная черта пенджикентской художественной школы — разнообразие ее сюжетов. Однако в отличие от всех других живописных остатков, которые были открыты в Пенджикенте, на рассматриваемом фрагменте мы наблюдаем и очень интересный новый прием в развитии сюжета. Вместо отдельной законченной сцены перед нами целая цепь эпизодов, в которых принимают участие одни и те же персонажи. Совершенно очевидно, что художник сделал попытку передать какое-то сложное, развивающееся событие. К сожалению, при вполне удовлетворительном состоянии росписи с изображением, вероятно, главного эпизода, остальные сцены сохранились лишь в сильно фрагментированном виде, и их содержание не поддается восстановлению. Однако изображения отдельных лиц, которые мы видим на них, не оставляют

⁶⁷ Herzfeld E. Die Malereien von Samarra. Berlin, 1927. S. 40.

сомнения в том, что перед нами те же персонажи, что и участники главного эпизода. Данный эпизод этой сложной композиции представляет собой сцену игры на доске типа нарда. Как известно, игры подобного рода были чрезвычайно популярны на Ближнем Востоке, начиная с древности и в течение всего средневековья. Об этом говорят письменные источники и дошедшие до нас некоторые предметы, связанные с этими играми, например древние шахматные фигуры. В частности, известны шахматные фигуры, происходящие из Средней Азии⁶⁸. Что касается нарда, то отметим, что в Пенджикенте при раскопках помещения 13 объекта VI, роспись которого является предметом нашего рассмотрения, была найдена часть игровой кости. Среди находок с горы Муг имеется также целая игральная кость (деревянная).

О том, что в это время игра в нарды в Средней Азии была распространена и велась с большим азартом, вызывая сильные страсти, мы имеем очень любопытное свидетельство, современное нашим росписям, относящееся ко времени арабского нашествия. В рассказе Табари об известном сражении между арабами и тюркским хаканом в 737 г. на берегу Амударьи в местности Харистан сообщается, между прочим, следующее: «Однажды хакан играл с Курсулем в нарды (поставив на кон) фазана. Курсуль туркеш выиграл. И потребовал он от него (хакана) фазана. И сказал он (бери) самку. Сказал другой — самца. И возникла у них ссора (во время которой) Курсуль переломал руку хакану. Хакан поклялся, что он обязательно переломит руку Курсулю. Об этом узнал Курсуль и удалился (из ставки). Затем он собрал группу из своих сторонников и, напав ночью на хакана, убил его»⁶⁹. Несомненно, что в рассматриваемой композиции нашло отражение характерное бытовое явление. Но вместе с тем считать ее только бытовой сценой не приходится. Этого не позволяет сделать, прежде всего, ряд деталей в изображении самих игроков.

Правая от зрителя фигура игрока изображает, несомненно, царя, о чем свидетельствует его головной убор в виде короны с крыльями. Форма такой короны хорошо засвидетельствована на монетах и в росписях Пенджикента. Наиболее важными иконографическими деталями этой фигуры являются два языка пламени, поднимающиеся по обе стороны головы из-за ее плеч, и нимб вокруг головы. Эти атрибуты резко отличают ее от изображения аналогичных фигур на других живописных сценах, открытых в Пенджикенте. Характерна также внешность его партнера, прежде всего по одежде. Вместо обычного для персонажей пенджикентских росписей плотно облегающего тело кафтана верхняя одежда этой фигуры представлена в виде ниспадающего свободными складками плаща, из-под которого видна обнаженная грудь. Длинные волосы на голове в виде правильных прядей зачесаны назад и повязаны лентой. Вокруг головы также имеется нимб. Характерно и то, что фигура эта показана сидящей с вытянутыми ногами, в отличие от остальных фигур, сидящих на скрещенных ногах.

Таким образом, все говорит о том, что композицию эту рассматривать в качестве жанровой бытовой картины не приходится.

⁶⁸ Орбели И., Тревер К. Шатранг: Книга о шахматах. Л., 1936. С. 144, рис. 14, 16.

⁶⁹ Tabari. Ser. II. P. 1613.

Игры в шахматы и нарды нашли очень яркое отражение в раннесредневековой письменности на Ближнем Востоке. Интересный материал по истории этих игр собран в работе И. А. Орбели и К. В. Тренер «Шатранг». Один из рассказов, включенный в это сочинение, касающийся игры в нарды, свидетельствует о том, что с этой игрой связывались весьма сложные космогонические представления. Рассказ этот взят из пехлевийского сочинения о шахматной игре. Здесь между прочим говорится следующее: «Важургмихр [изобретатель игры в нарды] ска- зал... Доску Неварташира [т. е. нард] и уподобляю земле Спандармед, и тридцать камней я уподобляю тридцати дням и ночам, пятнадцать белых я уподобляю дню и 15 черных уподобляю ночи. Каждую кость — гарданак — уподобляю движению небосвода»⁷⁰. С этими играми, как известно, связываются и судьбы героев эпических сочинений. Достаточно напомнить индийскую поэму о Нале и Дамаянти из «Махабхараты»⁷¹.

Однако, несмотря на заманчивость установления связи темы пенджикентской росписи с содержанием указанного круга сочинений, мы в действительности не смогли найти в последних каких-либо элементов, которые сделали бы эту связь очевидной. Более близким к теме нашей росписи, особенно учитывая указанные иконографические ее детали, является сказочный материал, заключенный в буддийской письменности и в первую очередь в сборниках «джатак», т. е. рассказов о перерождениях будды. И действительно, среди джатак удалось обнаружить ряд рассказов, стержнем которых является игра и кости. В одной джатаке рассказывается о будде, который, родившись в богатой семье, по достижении зрелого возраста сделался игроком и кости. Его партнером был человек, который играл нечестно и в конце концов был жестоко за это наказан буддой⁷².

Согласно другой джатаке, будда во время одного из перерождений был царем и часто играл в кости с главным жрецом своего царства (пругитой). Эпизоды, о которых рассказано в этой джатаке, также заключают и себе морализирующее начало⁷³.

Третья из известных мне джатак, в которых центральное место занимает игра в кости, известна под названием «Vidhurapandita jataka». Содержание ее в интересующей нас части сводится к следующему. У царя (раджи) страны Куру, азартного игрока в кости, был министр по имени Видхурапандита. О необычайной мудрости последнего узнала жена царя наг Варуны, пожелавшая получить его сердце. Добыть сердце министра берется предводитель якшей Пурнака. Он обыгрывает раджу в кости и в виде выигрыша получает самого министра, которого он намеревается убить, а сердце доставить жене Варуны.

Особый интерес для нас этой джатаки заключается в том, что сюжет ее мы находим в живописной передаче на фреске одной из пещер знаменитой Аджан-

⁷⁰ Орбели И. А., Тренер К. В. Шатранг... С. 51.

⁷¹ См.: Петров и П. Я. Песнь Налы из Махабхараты. Кн. 1 // Телескоп. Ч. XXVI/7. М., 1835. С. 342 сл.; а также: известный стихотворный перевод В. А. Жуковского. Ср.: Махабхарата / Пер. В. И. Кальянова. М.; Л., 1950. С. 694 сл.

⁷² Минаев И. П. Несколько рассказов из перерождений Будды // ЖМНП. 1871. № 11. С. 95.

⁷³ Минаев И. П. Индийские сказки // ЖМНП. 1874. № 6. С. 85.

ты. Чрезвычайно характерным является и то, что джатака передана также в ряде эпизодов. В эпизоде, изображающем игру в кости между царем и Пурнака, мы видим также доску, разделенную на клетки, причем игроки окружены другими лицами⁷⁴.

Мне кажется, что иконографические черты в изображении игроков на пенджикентской росписи ближе всего подходят к главным действующим лицам второй и третьей джатак. В этом отношении надо признать для изображения царя весьма характерными поднимающиеся из-за его спины два языка пламени, которые являются атрибутом, особенно часто встречающимся в буддийской иконографии. Весь облик, приданный художником партнеру царя, заставляет предполагать также, что мы имеем дело с брахманом-жрецом или с министром.

Само собой понятно, что быть уверенным в том, что и остальное содержание нашей сцены совпадает с содержанием той или иной джатаки, мы не можем ввиду плохой ее сохранности. Однако существенного значения это не имеет, потому что при тех же основных действующих лицах сюжет джатаки мог иметь, видимо, различные варианты и отклонения. Тем более содержание рассказа могло измениться после того, как оно подверглось переработке в течение длительного времени, притом в инородной среде, в которой действующие лица получали, естественно, и свой особенный облик.

Следует также подчеркнуть, что такому толкованию нашей сцены не противоречат те исторические данные, которые мы имеем относительно распространения буддизма на территории Средней Азии.

Письменные источники и археологические данные говорят о том, что, начиная с первых веков н. э. и приблизительно по V в., буддизм получил сравнительно широкое распространение на территории Средней Азии, в том числе и Согда. Напомню прямые известия китайских хроник, факт наличия обширной буддийской письменности на согдийском языке, находки на территории Средней Азии памятников буддийского культа и искусства.

Правда, позже влияние буддизма, по крайней мере в Согде, резко падает. Известный рассказ биографа буддийского паломника Сюаньцзана (ок. 630 г.) об опустевших буддийских монастырях в Самарканде, а также о враждебности населения к буддийским монахам свидетельствует об этом вполне недвусмысленно. Но одновременно со слов биографа Сюаньцзана известно, что этот паломник, заручившись покровительством местного правителя, предпринял шаги к восстановлению монастырей⁷⁵. В. В. Бартольд весьма скептически оценивает результаты, достигнутые Сюаньцзаном⁷⁶. С этой оценкой в целом можно вполне согласиться. Но все же не исключена возможность, что в среде некоторой части местных жителей, особенно в среде господствующего класса,

⁷⁴ Yazdani G., Allan J. Ajanta. The Colour and Monochrome Reproductions of the Ajanta Frescoes based on Photography. Pt. II: Text. Oxford, 1933. P. 40; pl. XXXV. На эту сцену в живописи Аджанты мне указал А. Г. Подольский.

⁷⁵ Julien St. Histoire de la vie de Hiouen-tsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu'en 645. Paris, 1853. P. 59.

⁷⁶ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 43; он же. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // ЗВОРАО. Т. VIII. 1893–1894. С. 5.

буддийские миссионеры сумели снова приобрести некоторое влияние. В этом смысле представляет интерес упоминание какого-то буддиста в одном из документов с горы Муг⁷⁷.

К сожалению, текст этого документа до сих пор не опубликован, и неизвестно, какую роль этот буддист играет в событиях. Но вряд ли это случайный факт. Во всяком случае, он говорит о том, что еще в период арабского завоевания буддисты и Согде проявляли определенную деятельность. Об этом же говорит и происходящий из Пенджикента нумизматический материал. Так, имена некоторых правителей Пенджикента, как это установлено О. И. Смирновой, имеют явно буддийскую этимологию.

Рассматриваемый фрагмент живописи одновременно заслуживает внимание и благодаря некоторым отдельным его деталям. К ним относится в первую очередь изображение крупного архитектурного сооружения, которое занимает центральное место на дошедшем до нас участке живописи. Изображение это представляет, прежде всего, большой интерес в качестве документа по истории архитектуры, поскольку оно передает внешний облик определенного типа здания.

В этом сооружении, как представляется, мы вправе видеть тот тип укрепленного жилища знатного лица, который хорошо известен под названием «кешк», — что обычно переводится словом «замок».

Ближайшую параллель к этому изображению мы видим на известном блюде из Эрмитажа, которое происходит из дер. Аниковская Пермского края (цв. вклейки 32, 33). На нем центральную часть композиции занимает изображение замка. Блюдо это сравнительно давно привлекает к себе внимание исследователей благодаря главным образом сюжету изображенной на нем сцены. Здесь нет нужды повторять все, нередко фантастические, как правило, ничем, кроме простой догадки, не подкрепляемые толкования этой сцены, которые были предложены рядом ученых. То же относится и к ее датировке. Отметим, что последний колеблется между III–IV вв. («раннесасанидское время») и X в.⁷⁸ Общим для многих исследователей до недавнего времени было отнесение этого блюда к произведениям сасанидского Ирана. Еще в 1935 г. в известной работе И. А. Орбели и К. В. Тревер «Сасанидский металл» сюжет этого блюда был истолкован, как «занятие крепости иранцами» и внос «священного огня»⁷⁹. Впервые указанная точка зрения была пересмотрена в 1939 г. А. И. Тереножкиным, который на основании сходства ряда архитектурных элементов в зодчестве древнего Хорезма (гофрированные стены, скошенный цоколь) с таковыми на замке аниковского блюда высказался в пользу хорезмийского происхождения самого блюда, датировав его VII в. н. э.⁸⁰

Мнение А. И. Тереножкина было энергично поддержано С. П. Толстовым. Им, кроме того, было дано подробное истолкование всей композиции, в которой он хочет видеть сцену мести за убийство героя среднеазиатского эпоса Сияву-

⁷⁷ Фрейман А. А. Опись рукописных документов // Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Л., 1934. С. 39.

⁷⁸ См.: Sarre F. Die Kunst... S. 53, 69.

⁷⁹ Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл: Художественные изделия из золота, серебра и бронзы. М.; Л., 1935. С. XXXIII, табл. 20.

⁸⁰ Тереножкин А. И. К истории искусства Хорезма // Искусство. М., 1939, № 2.

ша. Исследователь этот считает, что войны на данном блюде изображают хорезмийских тяжеловооруженных всадников⁸¹. Однако, несмотря на общий интерес высказанных последними авторами соображений, которые впервые внесли элемент доказательности в вопрос о происхождении и датировке этого памятника, их точка зрения не стала во всем общепризнанной. Как отметил М. М. Дьяконов, основания, приведенные ими для заключения об узко хорезмийском происхождении блюда, не могут считаться достаточными⁸². Действительно, отдельные архитектурные элементы, присущие изображению замка на блюде, обнаруживаются при археологических исследованиях в ряде районов Средней Азии, в том числе в Мерве, Бухаре, а также в районах Ташкента вплоть до Семиречья. Таким образом, если основываться только на общности отдельных архитектурных элементов, имеется полная возможность отнесения этого памятника к большинству районов Средней Азии.

С открытием изображения замка на росписи Пенджикента в этот вопрос может быть внесена большая определенность.

По целому ряду особенностей нашего изображения можно считать вполне очевидным, что художник, который рисовал замок, передавал с большой точностью виденное им в натуре здание.

Очень характерна в этом отношении следующая деталь. Под аркой входа художник нарисовал голову чудовища (киртимукхи). Глиняный налеп, изображающий такое же фантастическое существо, был обнаружен в Пенджикенте при раскопках привратного участка ограды второго храма. Его первоначальное местонахождение над воротами не вызывает сомнения (см. ниже).

Несомненно, что художник, создавший пенджикентскую роспись, изобразил реальный тип согдийского замка. Очевидно, этот же тип замка представлен и на аниковском блюде: на нем, как и на пенджикентской росписи, изображено высокое двухэтажное здание башенного типа, оформленное по фасаду арочным входом. Общим является такой важный элемент, как выносные балкончики, декоративные фриз в виде ряда поставленных на ребро кирпичей. Совершенно одинаковыми являются зубцы, венчающие стены.

Вместе с тем нельзя не отметить и те отличия, которые имеются в изображениях замка на блюде в пенджикентской росписи. Эти отличия весьма специфичны. Прежде всего, в изображении замка на аниковском блюде несравненно богаче и разнообразнее представлены декоративно-орнаментальные элементы. Одновременно изображение кешка, как и вся композиция на блюде, включая и людей, целиком выдержано в духе симметрии. По всему чувствуется, что мастер-модельер создал идеализированный тип здания. Большая изощренность его орнаментальных деталей должна быть в определенной мере отнесена за счет его фантазии. Впрочем, нельзя не считаться с тем, что характер внешнего декора зданий несомненно зависел также от социального ранга их владельцев. Примером такого же богатого внешнего декора зданий, правда, более позднего времени, может служить знаменитый мавзолей Исмаила Саманида в Бухаре (X в.).

⁸¹ Толстов С. П. Древний Хорезм... С. 215 и др.

⁸² Живопись древнего Пенджикента. С. 139.

К сожалению, о содержании сцены на нашей росписи, центром которой являлся замок, мы едва ли можем что-либо сказать ввиду сильной испорченности живописи на прилегающем к кешку участке стены, и поэтому нет возможности сравнить ее со сценой на аниковском блюде. Однако небезынтересно отметить, что на голове воина, изображенного вблизи замка на пенджикентской росписи, надет такой же трехрогий шлем, какой мы видим на одном из воинов, окружающих замок на аниковском блюде. В такой же мере представляет интерес и изображение всадника несколько поодаль от замка, в котором мы разбираем, несмотря на плохую сохранность живописи, фигуру воина в тяжелом доспехе, напоминающем тяжелооруженных воинов аниковского блюда⁸³. Сказанное, таким образом, дает основание с большим правом причислить последнее к произведениям искусства Согда, чем к другому району Средней Азии.

Из произведений живописи нам остается разобрать композицию на южной торцевой стене помещения 26 объекта VI. Этот фрагмент живописи прежде всего имеет параллели в произведениях торевтики.

Лучше всего сохранившееся изображение лунного божества следует сопоставить в первую очередь с блюдом из Кабинета древностей Национальной библиотеки в Париже⁸⁴, на котором аналогичное изображение также охвачено снизу полумесяцем. Иконографически очень близкой к данному изображению представляется терракотовая фигурка из Средней Азии, опубликованная в «Survey of Persian Art»⁸⁵. Точное место находки этой фигурки неизвестно, но происходит она, по всей вероятности, из Афрасиаба (рис. 22). По композиции ближе всего к нашей росписи стоит группа серебряных сосудов, изданных Я. И. Смирновым в атласе «Восточное серебро» под № 42, 43 и 44⁸⁶. На первых двух, наиболее близких друг к другу по сюжету, изображено женское четырехрукое божество, держащее в одной паре поднятых вверх рук эмблемы солнца и луны, а в двух других руках — различные предметы. Так, на блюде № 42 божество держит в нижней паре рук жезл и цветок, а на блюде № 43 в этих же руках божества — жезл и чаша.

Третье блюдо (№ 44) — дефектное. На нем отсутствует изображение верхней части фигуры божества, но и здесь, несомненно, общая композиция такая же, как и на первых. На этом блюде, как и на блюде № 42, божество сидит на спине льва, в то время как на чаше № 43 божество изображено сидящим на тахте (троне).

Сравнительно недавно была опубликована еще одна серебряная чаша с аналогичным сюжетом. Чаша эта была найдена в 1947 г. в Пермской области вблизи дер. Бартым Березовского района⁸⁷. На ней также изображено четырехрукое

⁸³ Ставинский Б. Я. О двух памятниках... С. 63.

⁸⁴ Смирнов Я. И. Восточное серебро... Табл. XVII, 40.

⁸⁵ SPA. Vol. IV. Pl. 145, H.

⁸⁶ Смирнов Я. И. Восточное серебро... Табл. XVIII, XIX.

⁸⁷ Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. 55. С. 127, рис. 50; Бадер О. Н., Смирнов А. П. «Серебро закамское» первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение. М., 1954 (Труды Государственного Исторического музея. Вып. XIII). С. 7.

женское божество, сидящее на спине льва. В нижней паре рук оно держит по жезлу в каждой руке, а в верхней — эмблемы солнца и луны. Особенностью композиции этой чаши является стоящая на коленях перед божеством женская фигура с нелепым предметом в руках.

Уже сам по себе тот факт, что до нас дошло такое количество сосудов с одинаковым по содержанию сюжетом, является красноречивым. Он выразительно свидетельствует о том, что в среде, в которой бытовали эти сосуды, сюжет, изображенный на них, пользовался большой популярностью, что ему придавалось особое значение. Я. И. Смирнов в своем незавершенном, к сожалению, труде, посвященном анализу опубликованных им в атласе памятников, насколько я знаю, первый попытался разяснить содержание изображений и установить происхождение сосудов. Несмотря на почти полувековую давность труда Я. И. Смирнова, его главные соображения по поводу этих памятников в основном до сих пор сохраняют свое значение.

Общий анализ сюжета на рассматриваемых сосудах привел Я. И. Смирнова к заключению о том, что отдельным деталям следует искать «аналогии в Индии (четыре руки с атрибутами, зверь вместо трона) и в сасанидском Иране (поза, детали костюма, орнаментация бордюра)». Одновременно он указывает, что и в греческом изобразительном искусстве имеются определенные параллели, например к изображениям льва в виде трона.

Однако, несмотря на наличия указанных параллелей, Я. И. Смирнов отказался признать эти блюда произведениями искусства названных выше стран — Персии и Индии, хотя именно в эти страны ведут наиболее наглядные, с его точки зрения, аналогии. Так, относительно чаши № 42 он пишет: «Ни той, ни другой (т. е. ни Персии, ни Индии) стране приписать изготовление чаши, на наш взгляд, нет основания, а потому более вероятным местом ее происхождения нам представляется, как, вероятно, и прочих сосудов этой группы, Средняя Азия (Бактриана или Согдиана), хотя божество и принадлежит, быть может, индийскому (буддийскому) пантеону»⁸⁸.

Я. И. Смирнов бесспорно правильно установил и время их изготовления. В одном случае блюда датируются V–VIII вв., а в другом — более узким про-

Рис. 22. Божество луны.
Терракота из Средней Азии

⁸⁸ Архив ИИМК АН СССР. Ф. 11, № 329.

межутком — VI–VII вв. н. э.⁸⁹ К сожалению, эти интересные соображения Я. И. Смирнова остаются до сих пор неопубликованными.

Значительно позже Я. И. Смирнова изображения божества на одном из указанных сосудов касался Э. Херцфельд в связи с вопросом о происхождении образа «всадниц на хищном звере». По его мнению, прообразом последних являются стоящие на зверях древневосточные божества. Впоследствии в эллинистическое время они изображаются в виде сидящих на зверях всадниц. «По преимуществу же это образ сидящей на льве восточной Анахиты, Паны, появляющейся на золотых монетах кушанских царей»⁹⁰. Специально относительно изображения божества на сосуде № 43 Э. Херцфельд замечает, что это подобная (Анахите — Нане), но по-индийски переосмысленная богиня⁹¹.

В конце 1930-х гг. большое внимание было уделено интересующим нас сосудам С. П. Толстовым. Так, в 1938 г. С. П. Толстов на основании анализа почерка надписи, имеющейся на одной из чаш, пришел к заключению о хорезмийском происхождении всей группы сосудов⁹². В следующем году он снова касается происхождения этих блюд в связи с находкой во время археологических работ в Хорезме (Тешик-кала) оттисков печати на глине с изображением четырехрукого божества. По словам С. П. Толстова, эти находки подтвердили его гипотезу о хорезмийском происхождении серебряных чаш Эрмитажа и Британского музея с изображением четверорукого божества. Находка изображения четверорукого божества в культурном слое Тешик-кала решает вопрос окончательно в пользу хорезмийского происхождения этих серебряных изделий⁹³.

Одновременно С. П. Толстовым было высказано мнение о том, что в четырехруком божестве на оттиске следует видеть одного из бодисатв и что эта «находка позволяет установить до сих пор неизвестный факт распространения буддизма столь далеко на северо-запад и влияние этой религии на культуру древнего Хорезма»⁹⁴. Позже, в 1948 г., он даст этим фигурам божеств несколько иное толкование.

«Анализ изображения четверорукого божества на чашах № 42, 43, 44 атласа Смирнова и на двух оттисках больших печатей из Тешик-Калы, — пишет он, — приводит нас к выводу, что здесь мы имеем образец хорезмийской Анахиты афригидской эпохи, прошедший через этап синкретизации с индобуддийскими образами в кушанскую эпоху. Могучая богиня, увенчанная царской короной, держащая в руках скипетр и символы солнца и луны, попирающая поверженного льва или леопарда, — этот образ, богато отраженный в афригидской торевтике, говорит об исключительно крупном месте, занимаемом Анахитой в хорезмийском пантеоне»⁹⁵.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ *Herzfeld E. Die Malereien...* S. 17.

⁹¹ *Ibid.*

⁹² Толстов С. П. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийского алфавит // ВДИ. 1938. № 4. С. 120–145; он же. Древний Хорезм... С. 193.

⁹³ Толстов С. П. Древнехорезмийские памятники Кара-Калпаки // ВДИ. 1939. № 3. С. 196.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Толстов С. П. Древний Хорезм... С. 200.

Новое толкование образа четырехрукого божества С. П. Толстовым, как видим, весьма близко совпадает с мнением Э. Херцфельда. Необходимо отметить, что в этом труде С. П. Толстов с еще большей убежденностью отстаивает высказанное им мнение о хорезмийском происхождении этих чаш. Против этого тезиса С. П. Толстова определенно высказался французский ученый Р. Гиршман, который, хотя прямо об этом не говорит, но, судя по контексту, считает их происходящими, видимо, из Индии. По его мнению, «предметы, которые держат в руках эти божества, принадлежат к культу Митры в Индии, к циклу которого и следует отнести эти памятники»⁹⁶.

М. М. Дьяконов также полагал, что доказательства С. П. Толстова в пользу узкохорезмийского происхождения чаш с четырехрукими божествами недостаточны⁹⁷.

В свою очередь, он отметил наличие в росписях Пенджикента изображений четырехруких божеств, а также тронов в виде зверей, в которых можно усмотреть близкие аналогии к изображениям на чашах.

С открытием росписи помещения 26 близость изображений на чашах с таковыми на пенджикентских росписях становится гораздо более очевидной. Сам собой напрашивается вывод о том, что чаши по своему происхождению принадлежат той же согдийской среде, как и памятники живописи Пенджикента. Во всяком случае, едва ли могут быть указаны более близкие параллели к изображениям на чашах, чем те, которые дают наши росписи.

Однако значение последних заключается не только в том, что они позволяют уточнить вопрос о месте происхождения серебряных чаш. Очень важно то, что они помогают в истолковании всего сюжета, представленного на тех и других.

Выше были приведены некоторые толкования изображений божеств на серебряных сосудах. При несомненном интересе этих объяснений они мне представляются далеко недостаточными. Совершенно бесспорно, что перед нами очень ярко выраженные синкретические культовые образы. Вместе с тем, мне кажется, что упомянутые авторы в основу своего толкования положили признаки не первостепенного порядка, оставляя в тени наиболее, на мой взгляд, важные иконографические моменты. Так, они почти не касаются вопроса о значении таких важных эмблем, как изображения солнца и луны. Между тем, очевидно, что смысл всего изображения в значительной степени определяется этими эмблемами. Сказанное становится вполне очевидным при первом же сопоставлении между собой изображений на серебряных сосудах. Действительно, в то время, как изображения светил имеются на всех названных памятниках, остальные атрибуты представлены в произвольных сочетаниях. Так, на чаше № 42 вместо зверя, на котором сидит божество, изображен трон (*тахт*). В нижней паре рук мы видим также различные предметы: на блюде из дер. Бартым — два жезла, а на блюде № 43 — чаша и жезл. Между тем светила имеются в руках у всех. Представляется поэтому вполне очевидным, что в изображениях светил следует видеть не столько эмблемы божества в прямом смысле слова, сколько

⁹⁶ Ghirschman R. Les Chionites-Hephtalites. P. 57.

⁹⁷ Живопись древнего Пенджикента. С. 139.

сами божества. Перед нами композиция, представляющая три божества, или, иначе говоря, божественную триаду. Именно этот характер изображений особенно подчеркивается пенджикентской росписью, где изображениям светил придан выразительный антропоморфный вид.

Вопрос о божественной триаде в изобразительном искусстве Востока не новый. В связи с важными археологическими открытиями сравнительно недавнего времени он встал и по отношению к культам, которые представляют весьма большой интерес и для истории Средней Азии.

Рассматривая с этой точки зрения наши памятники, мы сможем ближе подойти к реальному генезису культа, воплощенного в рассматриваемых произведениях изобразительного искусства, и тем самым установить те культурно-исторические связи, которые ими отражены.

Одно из наиболее интересных открытий в этом отношении — обнаруженная при раскопках вблизи Кабула в Афганистане в местности Хайр-Ханэ замечательная мраморная скульптурная группа, изображающая так называемую квадригу солнечного божества. Датируется этот памятник V в. н. э. (рис. 23)⁹⁸. От других хорошо известных в изобразительном искусстве памятников этого типа квадрига из Хайр-Ханэ отличается тем, что, помимо главного божества, справа и слева от него помещены две других фигуры, образующие триаду.

Ж. Акэн, открывший этот памятник, обратил на последний момент особое внимание. Для его интерпретации он привлек ряд аналогичных, по преимуществу скульптурных, изображений, происходящих из различных районов Индии.

Особенно интересной является скульптурная триада, происходящая из Бхумары (рис. 24), в которой главное божество имеет вокруг головы изображение полумесяца. В другой триаде из Ориссы сопровождающие главное божество фигуры снабжены одна полумесяцем со звездой, а другая — цветком, символизирующим солнце. Акэн, основываясь на материалах индий-

Рис. 23. Мраморная скульптурная группа из Хайр-Ханэ

⁹⁸ Hackin J., Carl J. Recherches archéologiques au col de Khair Khaneh près de Kâbul. Paris, 1936 (MDAFA. T. VII). P. 19, pl. XIV.

ской мифологии, трактует все эти триады как изображения солнечного божества Сурьи и его двух «спутников»⁹⁹.

Исследование генезиса иконографической трактовки солнечного божества в виде триады привело Акэна к заключению о том, что в индийской мифологии и соответственно в иконографии фигуры двух «спутников» главного божества появляются поздно и что их «западное происхождение... не вызывает сомнения»¹⁰⁰. Для нас представляет несомненный интерес высказанное Акэном мнение о том, что широкое распространение культа солнечного божества в Индии и соответственно воплощение его в определенный иконографический образ связано с движением среднеазиатских сакских племен, среди которых культ солнца был главенствующим с древнейших времен¹⁰¹.

В несколько ином аспекте вопроса о триаде божеств в индийской мифологии, но также в связи с культом солнечного божества касается и Р. Гиршман. Поводом для этого послужил известный резной камень Николо, на котором изображено четырехрукое божество, сопровождаемое подписью «Михира, Вишну и (?) Шива». По мнению Р. Гиршмана, в этих трех именах следует видеть три аспекта солнечного божества — Митры — Михиры¹⁰². Изображение божества на камне в виде четырехрукого фигуры дает основание Р. Гиршману привлечь в качестве аналогии ряд соответствующих памятников изобразительного искусства, в том числе и изображения четырехруких божеств на упомянутых сосудах, изданных Я. И. Смирновым, в которых он, таким образом, видит образ Митры.

Р. Гиршман, так же как и Акэн, опираясь отчасти на одни и те же материалы, например, на индийский письменный источник «Bhavisya Purana», считает, что именно сакам, или, вернее, жрецам-магам саков, Индия обязана распространением культа солнечного божества¹⁰³.

Я не берусь судить о том, насколько прав Р. Гиршман, считающий, как видно из сказанного, что главным признаком в изображении солнечного божества в индийской иконографии является его четырехрукость. Известно, например, что на монетах кушанских царей имеются четырехрукие божества, которых нет основания связывать с почитанием солнца¹⁰⁴. Однако мне кажется, что автор этот

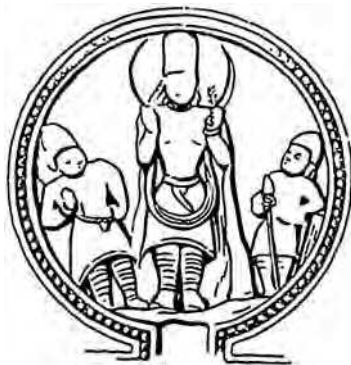

Рис. 24. Скульптура из Бхумари (Индия)

⁹⁹ Ibid. P. 14.

¹⁰⁰ Ibid. C. 21.

¹⁰¹ Ibid. Ср.: Геродот, VII, 216.

¹⁰² Ghirshman R. Les Chionites-Hephtalites. P.

¹⁰³ Ibid. P. 122.

¹⁰⁴ Gardner P. The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum. London, 1886. Pl. XXVI, 12, XXVII, 7 et al.

прав, видя в трех именах божеств на резном камне триаду, появление которой связано с развитием культа солнечного божества.

С представлением о триаде божеств мы встречаемся также и в буддизме. Появление божественной триады в последнем также связано с проникновением в буддийское учение в качестве важнейшего компонента культа солнечного божества. Не касаясь проблемы этой и целом, отметим лишь, что большинство исследователей указывает при этом специально на влияние культа Митры. Взгляд этот нашел свое убедительное подтверждение в результате изучения догматики северного буддизма. Так, в исследованиях известного польского ученого Я. Пшиблицкого показано, что занимающий столь большое место в северо-буддийском толке образ бодисатвы Майтрейи восходит к образу Митры-Спасителя¹⁰⁵.

Култ солнечного божества нашел отражение и в буддийской иконографии. Для нас наибольший интерес представляет то, что в последней мы встречаемся с определенным стремлением придать этому культу внешнее выражение в форме триады. Так, в одном из гротов Бамиана была открыта живописная композиция, где «справа и слева от лежащего будды изображены солнечное и лунное божества»¹⁰⁶. В этой трактовке триада получила, видимо, большое распространение и проникла, в частности, далеко на восток. С. М. Кочетова отмечает, например, что в Дун-Хуане на ряде памятников «солнце и луна сопровождают колесницу будды, держа диски с эмблемами и руках»¹⁰⁷.

То же явление мы наблюдаем и в трактовке Майтрейи, занимающего в пантеоне буддизма особое место именно в качестве носителя культа солнечного божества. В этом отношении чрезвычайно характерным является, например, головной убор бодисатвы на росписях Бамиана, где он украшен тремя пирами эмблем солнца и луны¹⁰⁸. Очень показательны и скульптурные композиции, как, например, скульптуры Шоторака, где сидящий под аркой бодисатва Майтрейя изображен в сопровождении двух персонажей в виде поясных фигур, высеченных на уровне его плеч. Эти фигуры, таким образом, составляют также триаду¹⁰⁹ (рис. 25).

Возвращаясь к интересующему нас памятнику пенджикенской живописи и к названным серебряным изделиям, следует сказать, что для их иконографического истолкования все же не следует преувеличивать значения приведенных параллелей из брахманских культов, а также буддизма. За несомненными чертами сходства нельзя упустить из виду и то, что их различает. Так, ни в одном из названных, а также и в других известных памятниках указанных культов южных по отношению к Средней Азии стран, мы, в сущности, иконографически аналогичной трактовки божеств не встречаем. Ни на одном из памятников

¹⁰⁵ *Przyłuski J.* Un dieu iranien dans l'Inde // *Rocznik Orientalistyczny*. VII [1929–1930]. Lwów; Kraków; Warszawa, 1931. P. 9.

¹⁰⁶ *Godard A., Godard Y., Hackin J.* Les antiquités...

¹⁰⁷ *Кочетова С. М.* Божества светил в живописи Хара-Хото. Синкретизм астрологического пантеона в иконографии // *ТОБЭ*. Т. IV. 1947. С. 477.

¹⁰⁸ *Hackin J., Bruhl O.* Derniers travaux de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan // *RAA*. T. VIII/2. 1934. P. 118, fig. 1.

¹⁰⁹ *Meunié J.* Shotorak. Paris, 1942 (MDAFA. T. X.). Pl. XIV, XV.

Рис. 25. Изображение бодисатвы из Шоторака

не встретилось композиции, в которой главная фигура держала бы в руках изображение небесных светил будь то в виде антропоморфных образов или условных эмблем.

Однако именно в буддийской иконографии мы находим композицию, которая может служить близкой параллелью нашим памятникам и с этой точки зрения. Речь идет о памятнике буддийского искусства Восточного Туркестана — фреске из так называемой пещеры Майя в Кизыле (рис. 26)¹¹⁰. На фреске изображен будда, окруженный рядом различных божеств. Среди последних на первом плане мы видим шестирукое божество, которое в поднятой верхней паре рук держит диски солнца и луны. Согласно описанию А. Грюнведеля, солнце изображено в виде красного диска с радиальными лучами, а луна белым цветом с изображением зайца — издревле известного символа луны¹¹¹. Фреска эта представляет для нас интерес и в другой своей части. На ней, как пишет А. Грюнведель, «непосредственно над буддой [изображены] солнце и луна. Солнце с красными лучами, луна в виде белого диска. На дисках сидят Сурья и Чандра

¹¹⁰ Grünwedel A. *Alt buddhistische Kultstätten...* Fig. 397b.

¹¹¹ Ср.: Ольденбург С. Ф. Буддийский сборник «Гирлянда джатак» и заметки о джатаках // ЗВРОАО. Т. VII. 1893. С. 215; Кочетова С. М. Божества светил... С. 477.

Рис. 26. Часть фрески из пещеры Майя в Кизиле

(т. е. божества солнца и луны), каждое в доспехах со сложными руками, причем перед каждым из них монах, молящийся богу»¹¹².

Изображенные на этой фреске другие божества, как это специально подчеркивает А. Грюнведель, носят также ярко выраженный астрологический характер. Их появление, по мнению этого ученого, знаменует собой поворотный пункт в буддийской иконографии («Kunstmythologie»). Он объясняет это «иранским» влиянием и специально влиянием манихеев¹¹³. Последним А. Грюнведель вообще приписывает исключительно большую роль в сложении тех форм буддизма, которые приняло это религиозное учение в Центральной Азии. Именно им он приписывает и появление «своеобразных, в буддийских картинах неслыханных изображений солнца и луны»¹¹⁴.

Выше мы видели, что к аналогичному выводу пришли и исследователи иконографии памятников брахманских культов и буддизма в Афганистане и Северной Индии, которые объясняют появление в иконографии этих религий изображений солнечного божества влиянием западно- и центральноазиатских религий.

Следует признать, что выводы эти имеют действительно достаточное основание. Хорошо известно исключительное значение астрологических учений и культов в таких важнейших культурных центрах древнего мира, как Месопотамия и Сирия. Также хорошо известно продолжавшееся влияние этих учений и на идеологию и культы поздней античности и раннего средневековья многих стран не только Западной Азии, но и Европы. Достаточно назвать культ «непобедимого солнца» — Митры, в лице которого, по словам известного русского историка Н. А. Тураева, «Иран был близок к духовному господству над человечеством»¹¹⁵.

В данной работе, естественно, нет возможности касаться всей этой большой проблемы или подробно останавливаться на комплексе иконографических вопросов, связанных с этой темой. Я позволю лишь привести некоторые памятники западной астрологической иконографии, в которых на первый план вы-

¹¹² Grünwedel A. *Altbuddhistische Kultstätten...*

¹¹³ Grünwedel A. *Alt-Kutscha...* S. 1–40.

¹¹⁴ Ibid.

¹¹⁵ Тураев Б. А. *История Древнего Востока*. Т. II. М.; Л., 1035. С. 286.

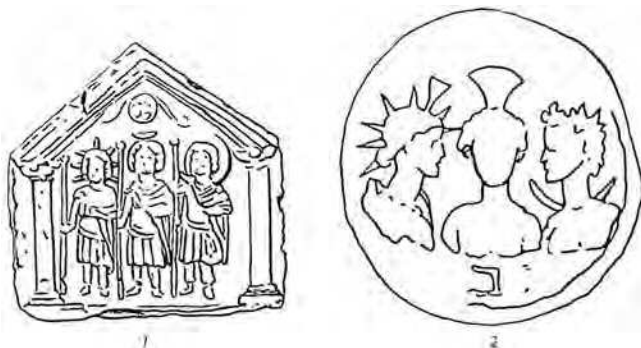

Рис. 27. Тессеры из Пальмиры

ступает триада божеств, в том числе изображения солнца и луны, которые, как мне представляется, имеют прямое отношение к занимающему нас вопросу. В этом отношении очень характерны памятники первых веков н. э., происходящие из Пальмиры, где астрологические культы были господствующими. Среди этих памятников большой интерес имеют так называемые тессеры. На них триада божеств представлена в разнообразных иконографических вариантах, но при неизменной композиционной схеме, которая сводится к тому, что в центре изображается главное божество, а по обеим его сторонам находятся солнечное и лунное божества. Последние изображаются в виде человеческих фигур в полный рост или в виде погрудных изображений (рис. 27, 1, 2) с соответствующими эмблемами¹¹⁶. Вместе с тем имеются и такие тессеры, где божества солнца и луны изображаются только в виде эмблем, но и в этом случае композиционная схема остается обычно неизменной.

Такую же схему мы встречаем и в митраистической иконографии, где солнце и луна сопутствуют изображению Митры (рис. 28)¹¹⁷.

Выше было приведено мнение А. Грюнведела о том, что в появлении астрологических божеств в иконографии буддизма Восточного Туркестана главную роль сыграли манихеи, деятельность которых засвидетельствована здесь самыми разнообразными документами. Действительно, вся сложная мифология манихейства построена на троичной схеме. Так, например, божества манихейского учения — Первочеловек, Христос или так называемый третий посланец представляются и сопровождении двух небесных тел, которые символизируются различным образом, например, в виде двух лодок, двух дворцов и т. п. Обращение к солнцу и луне составляет постоянный элемент их гимнов. Правда,

¹¹⁶ Champdor A. Les ruines de Palmyre. 3e éd. Paris, 1953 (Les Hauts lieux de l'histoire; 3). P. 125, 126.

¹¹⁷ The Excavations at Dura-Europos... Preliminary Report of the 7-8 Seasons of Work. 1939. Pl. XXIX.

Рис. 28. Изображение Митры из Дура-Европос

собственная иконография манихеев выявлена недостаточно. Однако то, что известно, вполне подтверждает роль их в качестве распространителей астрологической иконографии. В этом отношении небезынтересным представляется любопытный памятник деятельности манихеев в Испании — манихейская церковь в дер. Квитанила де-ла Винас вблизи Бургаса. Здесь на устоях арки, ведущей к алтарю, было обнаружено рельефное изображение двух светил в виде погрудных человеческих фигур, заключенных в нимбы. Бесспорность значения этих двух фигур засвидетельствована также соответствующими надписями — «Sol» и «Luna» (рис. 29, 1, 2)¹¹⁸.

Подводя итог вышеприведенным данным, мы вправе, как кажется, сделать вывод о том, что истоками иконографической трактовки божеств, связанных с почитанием небесных светил в виде триады, являются астрологические культы западной Азии.

Однако при таком общем выводе все же остается нерешенным вопрос о происхождении окончательной «редакции» композиции, которую мы видим в пенджикентской живописи и на серебряных сосудах. К документированным памятникам этого типа, помимо пенджикентской росписи, относится только фреска из пещеры Майя. Других памятников, место происхождения которых

¹¹⁸ Grondijs L. Une église manichéenne en Espagne // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 96e année. No 3 (Juli — Octobre). Paris, 1952. P. 490–497.

Рис. 29. Божества солнца и луны из храма в Квитанила де ла Винас (Испания)

было бы так же определенно известно, мы не знаем. Факт этот, по крайней мере при настоящем уровне наших знаний, дает основание полагать, что именно здесь, т. е. в Средней Азии или Восточном Туркестане, и надо искать тот культовый и художественный центр, где впервые сложилась интересующая нас композиция. Для дальнейшего уточнения вопроса у нас, к сожалению, данных недостаточно. Однако то, что мы знаем относительно связей Средней Азии с Восточным Туркестаном в тот период, когда были созданы наши памятники, говорит о том, что активное воздействие шло со стороны Средней Азии, а не наоборот. В частности, нам хорошо известны художники из Согда, работавшие в Восточном Туркестане¹¹⁹. На факты обратного порядка мы едва ли можем указать. Таким образом, у нас есть основание думать, что Средняя Азия, если не более узко именно Согд, была тем исходным пунктом, где сложилась окончательная форма рассматриваемой композиции. Сказанное может быть отнесено и к указанным серебряным сосудам, которые должны быть признаны произведениями согдийского художественного ремесла.

II. Скульптура

Памятники монументальной глиняной скульптуры

Памятники монументальной скульптуры были открыты на городище древнего Пенджикента в 1951 г., на пятый год раскопок. Однако еще до их открытия имелось достаточно основания утверждать наличие в Пенджикенте произведений скульптуры. Прежде всего об этом свидетельствовали ниши в храмовых помещениях, назначение которых не вызывало сомнений. Они могли служить только в качестве места для объемных, в большинстве случаев крупных

¹¹⁹ Дьяконова Н. В. Буддийские памятники Дунь-Хуана // ТОВЭ. Т. IV. 1947. С. 454.

Рис. 30. Изображение волос.
Фрагмент скульптуры
на Пенджикенте

скульптурных фигур. Сказанное нашло свое подтверждение, когда у основания одной из ниш в храме II был обнаружен небольшой остаток самой скульптуры¹²⁰. Этот небольшой обломок полы одежды, сам по себе слишком незначительный для суждения о характере скульптуры ниш, указывал, однако, на то, что в них помещались изображения человеческих фигур. Следует еще отметить находку в одном из служебных помещений храма I лепного гипсового изображения человеческого лица со следами окраски¹²¹. Однако происхождение этой скульптуры неясно. Во всяком случае, к произведениям монументальной пластики ее отнести нельзя.

Первые небольшие фрагменты скульптуры были найдены на территории храма II. Они были обнаружены с наружной стороны ограды в слое завала приблизительно на высоте 1,0–1,5 м от пола и представляли собой небольшие куски необожженной, пластически обработанной двухслойной глины зеленоватого и светложелтого цвета¹²², со следами окраски другими цветами. В отдельных кусках, окрашенных в черный цвет, можно было признать остатки волнистых прядей длинных волос (рис. 30). На поверхности одной из стен ограды оказались на месте небольшие налепы, не ясные по своему назначению.

По техническим причинам раскопки на этом участке в 1951 г. были приостановлены и возобновлены лишь и следующем году, когда они и были доведены до конца. Было установлено, что в данном месте находился айван, открытый на восток, который двумя крылами прилегал к главным воротам ограды, ведущим во двор храма. Во время раскопок 1952 г. в нижних слоях завала, а также на полу главным образом южной части айвана было обнаружено значительное количество скульптурных фрагментов. Из них, однако, большая часть оказалась сильно измельченной и в отдельных случаях деформированной настолько, что в них невозможно узнать определенную форму. Вместе с тем часть открытых фрагментов сохранилась достаточно удовлетворительно.

Одновременно с разрозненными скульптурными фрагментами, которые в беспорядке валялись на полу айвана, были открыты значительные остатки скульптуры *in situ* в виде рельефной панели у стен айвана (рис. 31–38).

¹²⁰ Тереножкин А. И. Отчет о раскопках храма II в 1948 г. // МИА. № 37. 1953. С. 36.

¹²¹ МИА. № 15. 1950. Табл. 53, 1.

¹²² Глина эта представляет собой особый вид местной сланцевой глины, носящей название гиль-мая. Эта глина примешивалась к лёссу и при изготовлении древней посуды. См.: Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище древнего Самарканда. Ташкент, 1926. С. 32.

Рис. 31. Пенджикент. Общий вид южного крыла внешнего айвана объекта II со скульптурной панелью *in situ*. Раскопки 1952 г.

Рис. 32. Пенджикент. Голова чудовища с южной стены внешнего айвана объекта II. Деталь скульптурной панели. Раскопки 1952 г.

Рис. 33. Пенджикент. Фигура тритона с южной стены внешнего айвана объекта II. Деталь скульптурной панели. Раскопки 1952 г.

Рис. 34. Пенджикент. Мужская фигура с постаментом (?) с западной стены внешнего айвана объекта II. Деталь скульптурной панели. Раскопки 1952 г.

Рис. 35. Пенджикент. Общий вид скульптурной панели южного крыла (южная и западная стена) внешнего айвана объекта II после реставрации

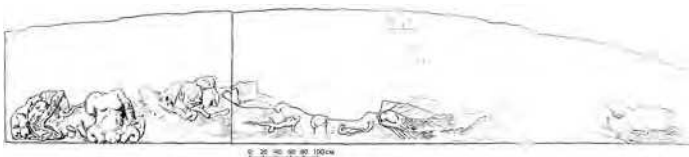

Рис. 36. Пенджикент. Схема расположения изображений на скульптурной панели внешнего айвана объекта II (южная и западная стены)

Рис. 37. Пенджикент. Постамент глиняной статуи у северной стены внешнего айвана объекта II. Раскопки 1952 г.

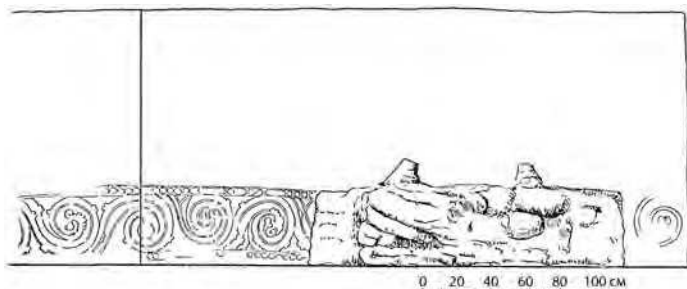

Рис. 38. Пенджикент. Схема расположения орнаментальной панели и постамента статуи у северной стены внешнего айвана объекта II

Рис. 39. Пенджикент. «Тиара» с изображением драконов. Скульптурный фрагмент из завала во внешнем айване объекта II. Раскопки 1952 г.

Рассмотрим прежде всего разрозненные остатки скульптуры, которые были обнаружены на полу и в завале. Они могут быть разделены на две группы — скульптурные фрагменты, принадлежащие человеческим фигурам, и фрагменты, представляющие в основном остатки изображений фантастических существ, главным образом драконов.

К последним принадлежит фрагмент скульптуры в виде блюда с лежащей на дне рыбой, выполненной высоким рельефом (рис. 41, 2). Рыба изображена с петлевидно изогнутым хвостом. Передняя часть головы и хвостовое оперение не сохранились. Интересно моделирован спинной плавник в форме листка. Очевидно, что изображена не реальная рыба, а какое-то фантастическое речное или морское существо.

На двух других фрагментах скульптуры сохранились в значительно более низком рельефе изображения голов драконов с хищными раскрытыми пастьми (рис. 40, 1–2). На одном сохранилась только голова чудовища.

На другом фрагменте сохранились голова и передняя часть туловища, а также одна трехпалая лапа. От плеча вверх отходит небольшое крыло, прижатое к туловищу. С большой выразительностью передана на изогнутой шее голова чудовища, изображенного в момент броска на свою жертву. Громадные клыки раскрытой пасти, толстые складки кожи на морде должны подчеркнуть его свирепость.

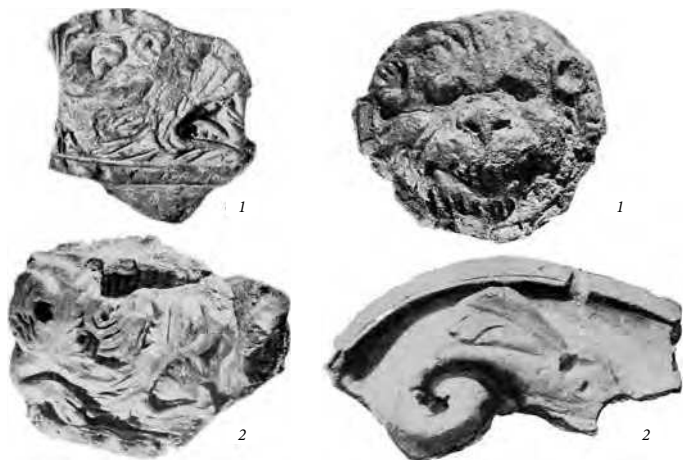

Рис. 40. Пенджикент.
Головы драконов.
Скульптурные фрагменты из завала
во внешнем айване объекта II.
Раскопки 1952 г.

Рис. 41. Пенджикент. Скульптурные фрагменты
из завала во внешнем айване объекта II.
Раскопки 1952 г.:

1 — налп с изображением киртмукки; 2 — обломок
блюда с рельефным изображением рыбы

В сравнительно хорошей сохранности найден круглый налеп с изображением получеловеческой-полуживотиной (львиной) маски. В ней без труда узнается изображение так называемого киртимукхи (рис. 41, 1). Налеп этот был обнаружен несколько в стороне от других фрагментов скульптуры, а именно против ворот. Можно считать вполне бесспорным, что налеп этот первоначально находился над воротами ограды. Это вполне подтвердилось позже, когда на объекте VI было открыто живописное изображение замка, над входом в который, как выше указывалось, художник поместил такое же изображение головы чудовища.

Из числа фрагментов этой группы скульптур большой интерес представляет крупный предмет в виде полуцилиндра (высотой 27 см и диаметром 18 см), на сохранившейся части которого изображены в геральдической позе смотрящие друг на друга два крылатых дракона (рис. 39). Их длинные змеевидные хвосты переплетены в сложный симметричный узел. Фигуры драконов помещены в подковообразную широкую рамку с отогнутыми концами. Поверхность рамки украшена плоскими налепами различной геометрической формы, часть которых выпала, оставив соответствующей формы отпечатки. Нижний край предмета окаймлен горизонтальным рельефным поиском с глубокими вертикальными насечками, делящими его на отдельные прямоугольники. Значение этого предмета крайне неясно. Возможно, что он изображал головной убор типа тиары, некоторым подтверждением чему может служить указанный поясок с насечками, идущий по его нижнему краю. Как мы увидим, точно так же передана головная повязка на другом скульптурном фрагменте человеческой головы.

Количество фрагментов скульптуры, являющихся остатками человеческих фигур, несколько больше, чем в только что описанной группе. К ним следует отнести, прежде всего, три крупных скульптурных фрагмента верхней одежды, причем все они несомненно принадлежат различным фигурам (рис. 43). На двух фрагментах сохранились рельефные изображения поясов, очень своеобразных по форме. Один из них состоит из трех витых шнуров, обмотанных наискось жгутовидной толстой лентой. На этом фрагменте ткань самой одежды трактована в виде гладкой поверхности, покроя одежды не ясен. Пояс на втором фрагменте изображен в виде четырех рядов налепных шариков-перлов, разделенных прямоугольной пластинкой. На этом фрагменте, в отличие от первого, ткань одежды трактована в виде нерегулярных складок. Характер самой одежды также не ясен. Весьма интересен третий фрагмент одежды, представляющий собой бортовую часть кафтана. Ткань здесь от борта расходится четко профилированным веером складок. Большой интерес представляет оторочка борта в виде широкой каймы, украшенной двумя рядами сферических перлов и полосой изящных листовидных налепов между ними.

Два скульптурных фрагмента представляют кисти рук — в одном случае рука сжата в кулак (рис. 42), в другом рука изображена с вытянутыми пальцами.

Наиболее интересными в рассматриваемой группе являются два фрагмента человеческих голов. Один из них изображает затылочную часть головы; волосы трактованы в виде коротких волнистых прядей, уложенных беспорядочно, напоминая трактовку волос мужских голов в античном искусстве (рис. 42, 1).

Другой представляет собой часть человеческого лица, которое первоначально было вылеплено, видимо, в трехчетвертном повороте (рис. 42, 3). Сохранилась левая половина лица без подбородка. От носа сохранились только остатки широко расставленных ноздрей. Уцелевший небольшой уголок верхней губы говорит о том, что губы были тонкие, а размер рта умеренный. Характерна передача брови в виде волнисто изогнутого валика, идущего от переносицы к виску. Волосы спускаются толстыми локонами, концы которых отбиты. Тщательно выделен глубоко сидящий в орбите глаз миндалевидной формы с четкой моделировкой век.

Следует особо подчеркнуть пластичность перехода от скулы к щеке. Последняя кажется несколько впалой, что, возможно, снизано с желанием придать лицу аскетическое выражение.

От головного убора сохранился лишь небольшой поясик, изображающий диадему или повязку, переданную точно так же, как и на фрагменте, изображающем «тиару». В целом, несмотря на поврежденность скульптуры, она отличается большой выразительностью, свидетельствуя, несомненно, о мастерстве ее исполнители.

Перехожу к описанию тех остатков скульптуры, которые были обнаружены *in situ*. Остатки эти были открыты как в северной части айвана, так и в южной. Впрочем, от скульптуры в северной части сохранилось весьма немного. Так, у западной стены на расстоянии 0,5 м от проема ворот обнаружено лепное сооружение, напоминающее своей формой базу колонны вогнутого профиля. Большой интерес представляет крупный постамент, обнаруженный у северной стены (рис. 37–38). В отличие от указанного сооружения у западной стены,

Рис. 42. Пенджикент. Скульптурные фрагменты из завала во внешнем айване объекта II. Раскопки 1952 г.:

1 — затылочная часть человеческой головы; 2 — рука, сжатая в кулак; 3 — фрагмент лица

Рис. 43. Пенджикент. Детали одежды. Скульптурные фрагменты из завала во внешнем айване объекта II. Раскопки 1952 г.

являющегося рельефным выступом в стене, постамент у северной стены сооружен независимо от нее. Прямоугольный в плане, он был оформлен с фасадной стороны скульптурными украшениями, к сожалению, сильно поврежденными. Выполненные углубленным рельефом, украшения эти представляли собой, как можно предположить, переплетенные змеевидные существа, заключенные в прямоугольную рамку. На этом постаменте стояла крупная человеческая фигура, от которой сохранились остатки ног. Судя по величине ступней, фигура значительно превышала человеческий рост. Постамент вместе со стоявшей на нем фигурой был сооружен после того, как стопа была покрыта росписью, остатки которой сохранились позади постамента в виде многокрасочного фриза, который переходит и на западную стену (см. статью: *Воронина В. Л.* Архитектурный орнамент...).

Иной характер имеют остатки скульптуры, обнаруженные *in situ* на южном крыле айвана. Здесь скульптура представляет панель, которая идет по низу западной и южной стен. Высота сохранившейся части панели неодинакова. Отдельные участки сохранились на высоту 0,90–1,0 м. Но на некоторых участках высота скульптуры не превышает 0,30–0,40 м. О первоначальной высоте всей скульптуры на стене приходится говорить лишь предположительно. К указанной наибольшей высоте следует прибавить, по крайней мере, размер человеческой головы соответствующего масштаба. К сожалению, ни одной полностью сохранившейся человеческой фигуры на месте не сохранилось.

Вся панель южного крыла айвана состоит из двух неодинаковых по своей величине частей, разделенных между собой небольшим свободным пространством. Скульптура начинается в 0,5 м от северного края западной стены с поясного изображения человеческой фигуры (рис. 34). Фигура эта держит в правой руке сооружение, аналогичное тому, которое находится на западной же стене по другую сторону от проема ворот. Рука, держащая постамент, непропорционально длинна по сравнению с общим масштабом фигуры. Мастер, изготовлявший скульптуру, вероятно, имел в виду уравновесить как-то размер руки с величиной сооружения; однако этим он нарушил пропорции всей композиции. Голова и левая рука не сохранились. Одежда на фигуре представляет собой безрукавную, слегка складчатую рубашку, стянутую в талии. На открытой шее резко выступают ключицы. Скульптура окрашена в светлорозовый цвет.

На расстоянии 0,5 м от фигуры с постаментом в руке начинается основная композиция панели, тянущаяся вдоль западной и южной стен айвана без прерыва, общей длиной около 8 м (рис. 35). Вся композиция изображает фантастический речной (или морской) пейзаж. Начало напоминает вход в скалистый грот. Здесь как бы среди нагромождения камней (так, во всяком случае, можно понять бесформенные выступы на стене) зарождается тот водный поток, который и является фоном для всей композиции. Водная поверхность показана в виде рельефных волн, развертывающихся сперва правильной спиралью, а затем идущих в горизонтальном направлении. Волнистый фон был первоначально окрашен в синий цвет, который сохранился в ряде мест на панели. На этом фоне высоким рельефом выполнены фантастические животные, рыбы, человеческие

или человекообразные фигуры. Видимо, большинство этих фигур было окрашено в светло-розовый цвет, который, впрочем, и большей части стерт. Скульптурные фигуры на обеих стенах сгруппированы таким образом, что их можно рассматривать в виде двух различных композиции — одной на западной стене, другой — на южной.

Композиция на западной стене имеет в центре человекообразную фигуру, как бы выходящую из воды, к которой с обеих сторон направляются рыбы и морские фантастические животные. Первой (справа от зрителя) помещена очень крупная рыба, покрытая чешуей, с широкой тупой массивной головой. Плавники изображены сверху и снизу вдоль всего туловища от головы до хвоста в виде косых глубоких насечек. Чешуи переданы ромбовидными насечками. Цвет рыбы светло-розовый. Конец хвоста отбит. Впечатление такое, что это гибридное существо с головой морского зверя и туловищем рыбы. Она обращена головой влево (на юг). Дальше головой в ту же сторону помещено другое, явно фантастическое гибридное существо, очевидно, морской конек. Упомянутая человеческая или человекообразная фигура (голова не сохранилась), занимающая центральное место в композиции, изображена по пояс, со сложенными на груди руками или ластами. Голова была выполнена в фас. Справа от нее расположены две крупные рыбы — одна над другой, при этом хвостовая часть верхней рыбы переходит на южную стену.

Значительно более компактна композиция на южной стене (рис. 32, 33, 35). Здесь на пространстве трех метров помещены следующие фигуры: на западном конце стены — две рядом расположенные человеческие фигуры по пояс, выходящие из воды. Головы у них также не сохранились. Они находятся позади рыбы или морского существа с завитым хвостом, обращенного головой влево (на восток). Человеческие фигуры одеты в легкие складчатые одежды. Одна из них держит в правой руке небольшой жезл, упирающийся в спину рыбы, а в левой — мелкое животное — козленка или ягненка. Изображение последнего повреждено, однако хорошо видна голова и один загнутый назад рог животного. Не совсем ясно, связаны ли человеческие фигуры с рыбой в одну группу или же они независимы друг от друга. Впечатление такое, что первая фигура направляет движение рыбы своим жезлом.

Центр панели занят крупной человекообразной фигурой, туловище которой заканчивается двумя петлеобразно завитыми хвостами, обращенными в разные стороны (рис. 33). Это самая крупная и мощная скульптурная фигура панели. Голоса и обе руки по локоть отбиты. Туловище обнажено. Лишь вокруг бедер слабым рельефом нанесен узор пальметок, образующий набедренную повязку. От этой фигуры, вправо (рис. 32), изображены две рыбки, которые плывут в сторону широко раскрытой пасти расположенного дальше чудовища. Верхняя и нижняя челюсти последнего снабжены мощными клыками и большими зубами. Изогнутый язык был первоначально окрашен в красный цвет, толстые нависающие складки кожи над глазами и на шее с большей выразительностью придают особо свирепый облик этому чудовищу, готовому проглотить плывущих в его сторону рыб. Головой этого хищного существа заканчивается сохранившаяся часть композиции. Дальше край стены с находившейся на ней

скульптурой очень сильно попорчен, и с уверенностью говорить, было ли изображено и туловище этого чудовища, невозможно.

Таков общий характер открытой в Пенджикенте скульптуры.

На фоне большого обилия памятников живописи скульптурные произведения, открытые на городище до настоящего времени, количественно представляются сравнительно скромными. В этом отношении Пенджикент достаточно резко отличается от некоторых других центров искусства Средней Азии, как, например, Варахша или Топрак-кала. В первой штукковая скульптура, а во второй глиняная едва ли уступают в количественном отношении произведениям живописи. Обстоятельство это для Пенджикента является, как мы можем полагать, не случайным. Вместе с тем уже при первом знакомстве с пенджикентской монументальной скульптурой мы вынуждены констатировать, что и по своему содержанию она стоит особняком, имея с сюжетами живописи очень мало точек соприкосновения.

Исследования, проведенные до настоящего времени на городище Пенджикента, заставляют полагать, что вне храмовых помещений скульптура не применялась. Следов наличия скульптурного декора из глины в жилых помещениях до сих пор не найдено. По всей вероятности, объяснение этому следует искать в том, что скульптура должна рассматриваться как памятник несколько более раннего времени, чем живопись, и в период расцвета последней занимала явно второстепенное место. Не исключена возможность того, что явное преобладание живописи отражает косвенно и перемены, происшедшие в области верований.

При анализе содержания найденных в завале остатков скульптуры прежде всего встает вопрос о том, откуда они происходят. В этом отношении наибольший интерес представляют, естественно, остатки человеческих фигур.

Общее число скульптурных человеческих фигур, которым принадлежали перечисленные выше обломки, мы едва ли можем сейчас точно установить. Судя по фрагментам верхней одежды, можно заключить, что таких фигур было не меньше трех. На айване, на уровне панели для всех этих фигур мы места не находим. Нет основания предполагать, что помимо панели имелся еще другой, верхний ярус скульптуры. Таким образом, следует думать, что эти скульптуры были принесены сюда из другого места. С этим вполне согласуется и наличие среди фрагментов затылочной части головы, которая, естественно, не могла принадлежать к рельефной скульптуре панели.

Наиболее вероятным представляется предположение, что фигуры, которым принадлежат остатки скульптуры, некогда находились в нишах главных помещений храмов. Перенесенные оттуда при неясных для нас обстоятельствах, фигуры эти были брошены или оставлены на айване, где были окончательно разбиты, когда рухнула крыша помещения.

При бесспорном интересе отдельных деталей, которые мы видим на фрагментах человеческих фигур, они в целом не позволяют сделать каких-либо существенных заключений более общего порядка. Исключением служит лишь фрагмент человеческого лица. Несмотря на сильную его поврежденность, оно важно потому, что дает ясное представление о типе лица. Особенно характерна трактовка глаз. Большие, глубоко сидящие в орбите глаза являются одной из тех

антропологический черт, по которой мы можем установить этническую принадлежность их обладателя. Как известно, китайцы при знакомстве со страной отметили, что согдийское мужское население отличается густой растительностью на лице и глубоко сидящими глазами¹²³.

Приходится особенно сожалеть о том, что эта скульптура дошла до нас в виде фрагмента. В полном виде она бесспорно дала бы наиболее адекватное представление о типе лица согдийца. Некоторая сухощавость, впалость щек указывают, возможно, на аскетический характер фигуры, предположительно изображавшей монаха.

Второй фрагмент — затылочная часть мужской головы — обращает на себя внимание трактовкой волос, которая очень резко отличается от характера причесок, изображенных на росписях. На этом фрагменте волосы уложены короткими прядями в манере, отражающей «античные» традиции, в то время как на росписях мы всегда имеем дело с длинными, ниспадающими к плечам локонами.

Из остатков одежды представляется весьма характерным фрагмент кафтана с отороченным бортом и тщательно выполненными складками. Такая складчатость одежды также имеет аналогии в пенджикентской росписи, где, как правило, верхняя одежда всегда изображается плотно облегающей тело, без складок.

Некоторые фрагменты скульптуры, не принадлежащие человеческим фигурам, должны быть отнесены к скульптуре панели. Так, изображения отдельных драконов, как об этом можно судить по их размерам, вероятнее всего, служили в качестве фриза, окаймлявшего скульптурную капель сверху. В этом отношении характерной является сохранившаяся на одном из фрагментов (рис. 40, 1) рельефная каемка, которая, вероятно, отделяла фриз от самой панели.

Уникальной представляется «тиара» с изображением драконов, своеобразная геральдическая поза которых не находит аналогии и известных мне близких по времени к пенджикентской скульптуре памятниках искусства Средней Азии, а также зарубежных стран Ближнего Востока. Сам мотив драконов со сплетенными хвостами в геральдической позе известен среди памятников более позднего времени¹²⁴. Предмет этот, вероятно, также принадлежал к скульптуре панели, служа голодным убором для одной из человеческих или человекообразных фигур.

¹²³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 271, 281.

¹²⁴ В рукописных материалах Я. И. Смирнова, хранящихся в архиве ИИМК (Ф. 11, д. 133), имеется подборка, в которой указываются изобразительные параллели для данного мотива. Так, указывается на то, что «два дракона со сплетающимися хвостами и черепаха являющиеся фамильным гербом Чингисова дома». Я. И. Смирнов ссылается при этом на сообщение А. М. Позднева, отчет о котором напечатан в ЗВОРАО. Т. I. С. III. Здесь, между прочим, говорится, что «А. М. Позднеев предъявил собранию снимок с надписи на одной гробнице в развалинах г. Шан-ду... На ней вокруг надписи изображены для дракона со сплетающимися хвостами и черепаха внизу... Означенное изображение есть формальный герб Чингисова дома». Датируется памятник 1270–1296 гг. Кроме того, в подборке Я. И. Смирнова упоминается рельеф над воротами Бахчисарайского дворца, щит с куфической надписью в Сванетии и некоторые другие памятники.

Рис. 44. Коленопреклоненная фигура, держащая блюдо с рыбой из Идикут-шахри

В изображении рыбы на блюде, для которой характерен петлеобразно загнутый хвост, повторен прием, который мы видим на южной стене панели в изображении крупной рыбы с двумя человеческими фигурами, а также хвостов тритона. Таким образом, вполне возможно, что и этот предмет принадлежит к скульптуре панели. Однако указать первоначальное местонахождение этой интересной скульптуры невозможно даже предположительно. Сам по себе сюжет данной скульптуры весьма интересен и в имеющихся аналогиях может найти свое объяснение. Так, в виде параллели можно указать на блюдо своеобразной формы, опубликованное Я. И. Смирновым в атласе «Восточное серебро» под № 75, на дне которого изображена рыба. Назначение серебряного блюда в качестве ритуального предмета вряд ли вызывает сомнение. В еще большей мере для нас интересна фреска, происходящая из развалин небольшого манихейского храма в Идикут-шахри (рис. 44), где изображена коленопреклоненная фигура в нимбе, держащая в руках блюдо с лежащей в нем рыбой¹²⁵. По всей вероятности, в этом же плане мы должны объяснить и наш фрагмент скульптуры.

В смысле своего первоначального местонахождения не вызывает сомнения круглая маска с изображением полужвериного-получеловеческого лица. Не вызывает также особого сомнения и то значение, которое ему придавалось. Перед нами изображение так называемого киртимукха, хорошо известного в индийской мифологии образа, служившего талисманом или оберегом, обычно помещавшимся над входом в здания¹²⁶. Это применение его прекрасно под-

тверждает изображение замка на росписи VI, 13, где подобная маска украшает арку над дверным проемом.

Своеобразие пенджикентской скульптуры, которое вполне чувствуется при знакомстве с разрозненными фрагментами, особенно наглядно выявляется при рассмотрении скульптурной панели в целом. Водный пейзаж, заполненный главным образом фигурами различных фантастических существ, является новой темой в изобразительном искусстве Средней Азии. Правда, такие существа

¹²⁵ Grünwedel A. Alt-Kutscha... S. 1–54, Fig. 74.

¹²⁶ Сп.: МИА. № 37. 1953. С. 87, примеч. 1.

не совсем чужды и ранее известным памятникам древнего среднеазиатского искусства. В частности, такого типа чудовища встречаются в живописи и скульптуре Варахши¹²⁷. Отдельные гибридные существа были отмечены и в пенджикентской живописи. Но в целом композиция панели не находит себе аналогии в собственно среднеазиатском материале.

При настоящем состоянии скульптур на панели наиболее выразительными фигурами являются изображенные на южной стене голова чудовища с разинутой пастью и находящаяся рядом с ним фигура тритона. Если в отдельности взятая фигура тритона ведет нас в мир образов античного искусства¹²⁸, то иначе обстоит дело, если мы будем рассматривать эти две фигуры вместе.

При таком подходе к данной скульптурной группе, и именно так она должна рассматриваться, эти две фигуры находят разъяснение в многочисленных памятниках искусства Индии и связанных культурно с нею в древности стран, как, например, Афганистана. В изображении чудовища с разинутой пастью мы, вне всякого сомнения, должны признать один из наиболее распространенных в индийском искусстве мифических образов, известный под названием «макара». Как показывают исследования, очень рано вместе с последним в качестве сопутствующей ему фигуры появляется и изображение тритона. При этом обе эти фигуры трактуются в самых разнообразных сочетаниях, часто сливаясь в один причудливый образ (рис. 45–47).

Изображение этих существ получило, в частности, широкое распространение в буддийском искусстве и специально в зодчестве, являясь одним из любимых мотивов в скульптурном декоре ступ и других культовых буддийских сооружений (рис. 20). Одновременно их изображения мы видим в мелкой пластике, например, в изделиях из слоновой кости (рис. 21). Следует отметить, что памятники скульптуры с изображениями этих фигур открыты археологическими работами в Афганистане¹²⁹. Из них некоторые представляются особо близкими к трактовке пенджикентских фигур.

Рис. 45. Макара и Тритон

¹²⁷ Шишкин В. А. Архитектурная декорация дворца в Варахше // ТОВЭ. Т. IV. 1947. С. 254, 257.

¹²⁸ Впрочем, исследователями античного искусства установлено, что образ тритона проник в Третию из Малой Азии. См.: *Daremberg Ch. V., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments.* T. V: T à Z. Paris, 1919. P. 464–465.

¹²⁹ Hackin J. Hackin J.-R. *Recherches archéologiques à Bégram (chantier no 2, 1937).* Paris, 1939 (MDAFA. T. IX). P. 63, 85, pl. XXXIII, fig. 73, 74; pl. LXV, fig. 199; *Meunie J. Shotorak.* P. 64, pl. XXXVII; *Hackin J., Hackin J.-R., Carl J., Hamelin P. Nouvelles recherches archéologiques à Bégram (1939–1940).* Paris, 1954 (MDAFA. T. XI). Fig. 521–525.

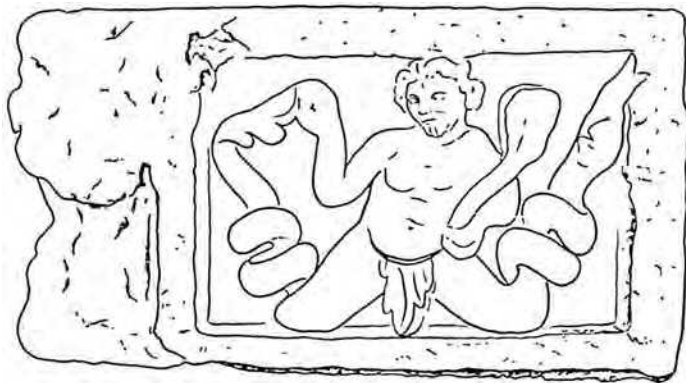

Рис. 46. Скульптурное изображение тритона из Шоторака

Образ макара в индийском искусстве и мифологии давно привлекает к себе внимание исследователей и ему посвящена большая литература¹³⁰. В нашу задачу не входит рассмотрение вопросов генезиса или его типологии. Здесь важно отметить, что общепринятым является толкование этого образа как олицетворения водной стихии и водных потоков, в особенности его связь с божествами воды, так называемых якши и др.

В искусстве Индии и соседних с нею стран мы без труда находим параллели и для характерной фигуры нашей панели на западной стене айвана, а именно для гиппокампа¹³¹. Одновременно для композиции этой части панели в целом близкие аналогии дают живописные памятники Восточного Туркестана. Среди них особо интересными представляются фриз «пещеры гиппокампа» в Минг-ой у Кызыла¹³². Здесь на светло-золотом фоне, изображающем водный поток, мы видим ряд разнообразных как фантастических, так и реально трактованных животных и человеческих фигур. Последние изображены по пояс. А. Грюнведель видит в них изображения божеств. Хронологически росписи из Минг-ой должны быть отнесены приблизительно к тому же времени, что и пенджикентские памятники.

Приведенные параллели показывают, что наша скульптурная панель отражает верования, связанные с почитанием водной стихии. Наличие такого

¹³⁰ См.: *Cousens H.* Le makara dans l'art decoratif. Paris, 1903–1904; *Vogel Ph.* Le makara dans la sculpture de l'Inde. Paris, 1930; *Coomaraswamy A. K.* Yakṣas. Pt. II. Washington, 1931 (Smithsonian Institution. Freer Gallery of Art. Publ. 3059); *Hallade M.* Arts de l'Asie ancienne, Thèmes et motifs. I. L'Inde. Paris, 1954 (Publications du Musée Guimet. Recherches et documents d'art et d'archéologie. T. V). Pl. XI; *Viennot O.* Typologie du makara et essai de chronologie // AAs. T. I/3. 1954. P. 189–208.

¹³¹ *Hallade M.* Arts... Pl. XI; *Coomaraswamy A. K.* Yakṣas. P. 50, 66.

¹³² *Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten.... S. 106–107, Fig. 237b, 238b.

Рис. 47. Макара и тритон. Резная кость

культу в Средней Азии, где зависимость земледельческого населения от воды являлась с древнейших времен важнейшим фактором мифотворчества, естественно, не представляет ничего неожиданного. Указанные аналогии могут свидетельствовать лишь о том, что в мифологии и в культе имелись черты, близкие к таким же культам других земледельческих районов восточных стран. Следует также отметить, что эти образы глубоко проникли в народную среду и в какой-то мере дожили до недавнего времени, что нашло свое отражение в фольклоре. Так, в сказках среднеазиатских народов одним из популярных образов является аждаха — чудовище, дракон, охраняющий водный поток. В такой же мере распространенным образом является и «водный конь» (аспи-оби).

Трактуя указанным образом отдельные фигуры нашей скульптуры, следует подчеркнуть, что было бы неверным видеть в них только отдельные разрозненные фигуры фантастических существ, олицетворяющих водную стихию вообще. В панели в целом чувствуется несомненное единство и законченность. Имеется основание предположить, что панель пенджикентского храма изображала и конкретный, определенный водный поток. С этой точки зрения большой интерес представляет скульптурная группа на западном крае южной стены

айвана. Напомним, что здесь одна из человеческих фигур жезлом направляет движение водного существа и держит на руках какое-то животное. Для этой группы письма близкую параллель мы находим в опубликованных А. К. Кумарасами рельефных скульптурах, происходящих из Гвалиора. Они также изображают водную поверхность, на фоне которой расположены человеческие фигуры, стоящие на водных существах. Трактовка водной поверхности поразительно близка к таковой на пенджикентской панели. Что касается человеческих фигур, то они, в отличие от фигур на нашей панели, изображены в полный рост. Характерным отличием гвалиорской скульптуры является также то, что на ней изображены четко два отдельных потока, устья которых слипаются вместе. Общее содержание гвалиорской скульптуры не вызывает никакого сомнения: она изображает реки Ганг и Джамну, впадающие в океан (рис. 48). Человеческие фигуры изображают божества этих рек. Характерны и водные существа, на которых стоят фигуры божеств. В одном случае это макара, а в другом — морская черепаха¹³³. По аналогии с гвалиорской скульптурой можно думать, что и в Пенджикенте мы имеем также изображение определенной реки, а именно Зеравшана. Можно идти и дальше в объяснении нашей группы. На ней мы видим, как указывалось, две человеческие фигуры. Возможно, что они так же, как и в изображении Ганга и Джамны, олицетворяют, помимо собственно Зеравшана, один из его крупных притоков, протекающих вблизи Пенджикента. Правдоподобность такого толкования подтверждается отчасти и древними названиями Зеравшана. Засвидетельствованное письменными источниками первоначальное имя этой реки, переданное в греческой форме — Политимет, означающее «многопочитаемый», и согдийское Намик — слово, передающее понятие «прославлять», — достаточно красноречиво говорят о том, что река эта являлась объектом культового почитания и прославления.

В этой связи крайне интересно наличие на руках одной из человеческих фигур на нашей панели козленка или ягненка. Полагаю, что в этом животном следует видеть жертвенное животное, принесенное водному потоку. Жертвоприношение водным потокам животных, главным образом мелких, хорошо известно в этнографии Средней Азии.

Все изложенное свидетельствует о том, что на описанной скульптурной панели в образной форме отражены представления о Зеравшане как о божественном источнике воды, существовавшие в Согде в определенный исторический период.

В заключение отметим, что основные параллели к пенджикентской скульптуре, особенно скульптурные памятники Индии и Афганистана, датируются временем не позже IV–V вв. н. э. Видимо, и пенджикентская скульптура относится ко времени, близкому к этой дате, вероятно, к VI в. Таким образом, в ней следует видеть памятник более раннего времени, чем живопись, что и объясняет бросающееся в глаза несходство в содержании скульптуры с сюжетами росписи, о чем уже говорилось.

¹³³ Об этих скульптурах см.: Coomaraswamy A. K. *Yakṣas*. P. 66, 76, pl. 20.

Памятники деревянной скульптуры

Среди памятников изобразительного искусства, открытых на городище древнего Пенджикента, особое место занимают остатки резного дерева. Они сохранились лишь потому, что оказались обуглившимися в результате пожаров, которые сопровождали общее разрушение и опустение города. Многочисленные наблюдения во время раскопок на городище показали, что дерево, не подвергшееся обугливанию, в условиях грунта пенджикентского городища безвозвратно погибло, превратившись в труху.

Помещений, уничтоженных пожарами, в которых были обнаружены обуглившиеся остатки дерева, на городище уже открыто значительное количество. Однако в большинстве остатки дерева представляли собой сильно разрушенные части архитектурных конструкций. Наиболее интересной архитектурной деталью явилась нижняя часть ствола деревянной колонны, открытой *in situ* в 1948 г. в главном зале храма I¹³⁴. В этой части колонна оказалась фигурно обработанной, однако без следов резной орнамента. Остатки собственно резного дерева обнаружены в ряде погибших от пожара жилых помещений объекта III. Помещения эти имели плоские деревянные перекрытия, к деталям которых и принадлежала большая часть сохранившихся остатков резного дерева. Резьбой украшались также капители колонн, двери и какие-то предметы мебели.

Резное дерево было найдено в сильно фрагментированном виде и в очень хрупком состоянии. При малейшем

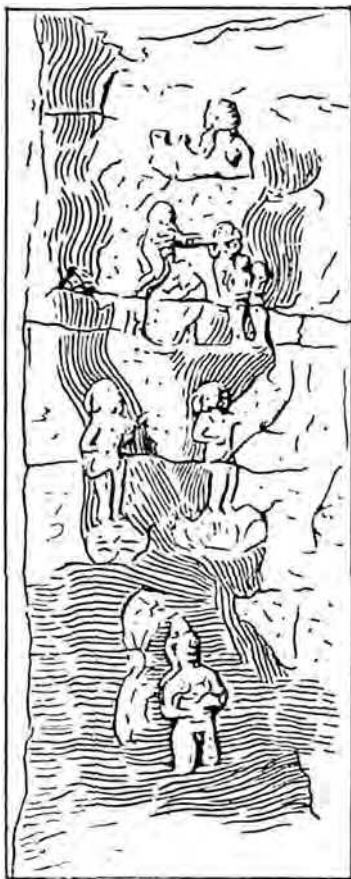

Рис. 48. Изображение рек Ганга и Джамны

¹³⁴ МИА. № 15. 1950. Табл. 47.

неосторожном прикосновении дерево тут же распадалось на отдельные угольки. Лишь благодаря очень большим усилиям и скрупулезной работе сотрудников экспедиции удалось очистить обломки дерева от земли, закрепить и извлечь их из завалов. Следует признать выдающейся в археологии Средней Азии удачей, что при таких условиях удалось извлечь сравнительно большое количество остатков высокохудожественных памятников¹³⁵.

Первые образцы деревянных резных изделий были открыты в 1952 г. в помещении 47, но основная работа по их извлечению была проведена в 1954 г., когда, помимо указанного помещения, резное дерево было открыто и в помещениях 50 и 55 (рис. 2)¹³⁶.

Самый факт открытия в Пенджикенте художественного резного дерева представляет первостепенное научное значение, поскольку найденные памятники являются самыми ранними образцами, происходящими из Средней Азии. Среди остатков резного дерева представлены три вида его художественной обработки — архитектурный орнамент, фигурная рельефная резьба и почти объемная скульптура. Наиболее многочисленной является первая категория, подробная характеристика которой дана в статье В. Л. Ворониной (см.: *Воронина В. Л. Архитектурный орнамент...*). Два других типа резного дерева представлены единичными образцами, имеющими тем не менее выдающийся интерес. Ниже дана их описание.

О фигурной рельефной резьбе по дереву мы можем судить по одному фрагменту, представляющему обломок доски или крупной плахи.

Плаха лежала на полу, резной стороной книзу. К сожалению, при извлечении плаха распалась на две части, причем у излома резная поверхность сильно пострадала. Вследствие этого, а также из-за общей ее поврежденности восстановить полностью композицию не представляется возможным. Однако по отдельным деталям удастся уловить общее ее содержание. Здесь, видимо, представлена сцена борьбы со львом или иным хищным животным. Во всяком случае, остатки изображения человека, в том числе и некоторые детали одежды, а также детали фигуры животного вполне различимы¹³⁷.

Таким образом, можно говорить о достаточно сложной композиции¹³⁸.

Три крупных фрагмента человеческих фигур различной степени сохранности характеризуют третью категорию резного дерева — объемную деревянную скульптуру. Все фигуры выполнены в одинаковом масштабе, приблизительно

¹³⁵ Единственное сообщение о находке при раскопках обуглившегося резного дерева имеется в отчете В. Л. Вяткина о раскопках на Афрасиабе в 1905 г. Однако он не датирует их, а сообщает лишь, что «попадались большие куски угля с резным растительным и линейным орнаментом» (*Вяткин В. Л. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. № 8. СПб., 1908. С. 35*). Сохранились ли эти остатки дерева, мне неизвестно.

¹³⁶ Закрепление и извлечение первых открытых образцов резного дерева к 1952 г. было проведено П. И. Костровым, Е. Г. Шейниной и И. Б. Бентович. В 1954 г. работа по извлечению резного дерева проведена В. Л. Ворониной, Б. И. Маршаком и И. Б. Бентович.

¹³⁷ Такая трактовка этого фрагмента была высказана Н. В. Дьяконовой.

¹³⁸ Среди находок резного дерева имеется еще одна доска с рельефной фигурной резьбой, но она требует добавочной лабораторной обработки, без которой характер изображений не удалось выявить.

Рис. 49. Пенджикент. Фигура танцовщицы № 1. Резная деревянная скульптура из помещения 47 объекта III. Фотография после реставрации

Рис. 50. Пенджикент. Фигура танцовщицы № 2. Резная деревянная скульптура из помещения 47 объекта III.

Рисунок с натуры худ. Ю. Гремячинской

в $\frac{3}{4}$ натуральной величины. От одной из них сохранилась лишь верхняя погрудная часть (высота ок. 40 см), резная поверхность ее сильно пострадала (рис. 51). Две другие скульптуры сохранились почти в своем первоначальном размере. У обеих отсутствуют лишь ступни ног до щиколоток, без которых одна имеет высоту 1,18 м, а другая 1,20 м (рис. 49, 50). Обработанная поверхность и у них не могла не пострадать. Однако степень их дефектности не одинаковая. Первая скульптура, учитывая обстоятельства, в которых она находилась, должна быть признана исключительно хорошей сохранности.

По характеру пластической обработки их следует отнести к круглой скульптуре. Лишь со стороны спины не тронута резцом узкая вертикальная полоса в несколько сантиметров ширины. Руки не сохранились, за исключением лежащих на бедре пальцев левой руки у одной из фигур. Безвозвратно погибли у всех фигур выступающие части лица. Лишь общий характер овала лица у первой скульптуры может быть установлен достаточно определенно. Прическа у каждой фигуры отличалась лишь некоторыми деталями, но общий характер ее у всех был, как можно полагать, одинаковый. Волосы были уложены крупными завитками, отдельные пряди спускались спереди к плечам волнистыми локонами. Над макушкой волосы были перехвачены широкой лентой.

Видимо, все три фигуры (о двух, более полно сохранившихся, мы можем говорить вполне определенно) изображены по пояс обнаженными. Юбка из легкой ткани в регулярных складках поддерживается на бедрах матерчатым длинным поясом, концы которого и виде трех удлиненных полукружий гирляндой опускаются спереди и по бокам. Украшении у всех одинаковые. Они состоят из низок ожерелий и длинных шнурков с бубенцами, которые свешивались на грудь и обвивали всю фигуру. Шнуры с бубенцами на плечах и на груди были схвачены круглыми пластинками, на одной из которых изображена рельефная полузвериная-получеловеческая маска.

Поза фигур восстанавливается достаточно убедительно: левая рука опирается о бедро, согнутая в колене правая нога, перекинутая через прямо поставленную левую ногу, опиралась, как можно предположить, на кончики пальцев. О положении правой руки можно лишь строить догадки. Однако наиболее близкие аналогии говорят о том, что она была поднята вверх.

Моделировка фигуры отличается большой пластичностью и мягкостью, свидетельствуя о высоком мастерстве скульптора. Впрочем, общехудожественные достоинства их заслуживают особой оценки, которую оставляем на долю специалистов-искусствоведов. Мне представляется необходимым лишь особо подчеркнуть в их трактовке стройность, некоторую даже спортивность, натренированность фигур, свидетельствующих о их профессии танцовщиц.

Общее значение открытых в Пенджикенте памятников резного дерева, бесспорно, чрезвычайно велико. Напомним, что наиболее ранние из известных до настоящего времени образцов художественного резного дерева датируются не раньше X в. н. э.¹³⁹ Наши памятники, принадлежащие к VII–VIII вв., отодвигают, таким образом, начало развития этой замечательной отрасли среднеазиатского изобразительного искусства по крайней мере на два века в глубь истории. При этом памятники деревянной резьбы выступают перед нами в художественно совершенной форме, что несомненно говорит о длительной предшествующей традиции.

Открытие пенджикентских памятников резного дерева, особенно скульптуры, блестящим образом подтверждает свидетельства

Рис. 51. Пенджикент. Женская голова № 3. Фрагмент резной деревянной скульптуры из помещения 47 объекта III. Рисунок с натуры худ. Ю. Гремьячинской

¹³⁹ Наиболее ранними образцами резного дерева в Средней Азии считались до последнего времени несколько колонн и михраб, открытых в селениях верховий Зеравшана. О них см.: Андреев М. С. Деревянная колонна в Матче // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Т. IV. Л., 1925. С. 115–118; Массон М. Е. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых М. С. Андреевым в горах Самаркандской области // По Таджикистану. Вып. 1. Ташкент, 1927; Воронина В. Л. Резное дерево Зерафшанской долины // МИА. № 15. 1950. С. 210 сл.

ряда авторов уже мусульманского времени, сообщающих о резьбе по дереву и, в частности, деревянной скульптуре, как о массовом явлении в быту жителей. Напомним известный рассказ Табари о сожжении громадного костра из деревянных «идолов», совершенном арабским полководцем Кутейбой, известным своим вандализмом по отношению к памятникам древней культуры Средней Азии.

Наши памятники вполне подтверждают и ряд рассказов историка Нершахи, в которых говорится о массовом изготовлении деревянных скульптур (идолов), скульптурных украшениях дверей в Бухаре (в предмусульманское время). К этой же категории известий необходимо отнести и сообщения Ибн-Хаукаля (X в.) о деревянных скульптурных изображениях животных, украшавших самаркандские площади.

Повсеместность распространения этого народного вида изобразительного искусства как в Согде, так и в сопредельных с ним областях нашла свое замечательное подтверждение в 1955 г. при раскопках на территории древней Уструшаны, на городище Шахристана, где также были найдены замечательные остатки резного дерева, датируемые VII–VIII вв. н. э. Характерно, что здесь, как и в Пенджикенте, резное дерево найдено в погребении от пожара здания.

В настоящее время, пока эти образцы резного дерева не опубликованы, естественно, трудно сравнивать их в деталях с пенджикентскими памятниками, однако можно уже сейчас указать на наличие общих элементов в орнаменте и в сюжетах с произведениями искусства Пенджикента. Так, например, на одном из фрагментов резного дерева Шахристана изображен в рельефе тритон, трактованный так же, как и тритон на панели айвана пенджикентского храма. На другом фрагменте изображен воин, очень сходный с фигурами воинов пенджикентских росписей¹⁴⁰.

Рассмотрим некоторые особенности наших памятников. Выше отмечалось, что глиняная скульптура по своему содержанию не находит себе параллелей в произведениях пенджикентской живописи. В этом отношении иными представляются образцы резного дерева.

Едва ли не самой замечательной особенностью деревянных скульптур, как отмечено выше, является стройность их фигур и характерность их поз. В этом отношении близкой параллелью может служить изображение арфистки на росписях помещения VI, 1. Тонкая талия, слабо выдающиеся бедра, вся поза музыкантши говорят о том, что живописец, так же как и резчик по дереву, имели перед собой один и тот же художественный прообраз. Близость между собой сравниваемых произведений искусства еще больше подчеркивается и сходством их костюма, наиболее характерным элементом которого является узкая юбка, повязанная низко на бедрах длинным матерчатым поясом.

Другая выразительная деталь в изображении женских фигур — украшающие их шнуры с бубенцами — находит себе прямую апологию также в пенджикентской живописи, а именно в росписях помещения VI, 8, в изображении персонажа, выполненного синим цветом. Особый интерес данной детали заключается в том, что она свидетельствует и об их профессиональной общности. В обоих случаях перед нами изображения танцовщиц.

¹⁴⁰ Зарисовки резного дерева из Шахристана находятся на выставке при Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР в Сталинабаде.

При такой интерпретации деревянных скульптур становятся понятными и те черты сходства, которые объединяют их с изображениями музыкантши-арфистки. Нет оснований сомневаться в том, что музыкантши и танцовщицы едва ли представляли собой резко дифференцированные профессиональные группы. Одно и то же лицо могло являться одновременным исполнителем в обоих видах искусства. В этом смысле характерна сцена пляски, которая была открыта в помещении I, 10a¹⁴¹, где танцующие персонажи снабжены различными музыкальными инструментами. Как известно, и в настоящее время танцы сопровождаются игрой исполнителей на музыкальных инструментах (бубнах).

В связи со сказанным укажу на весьма характерную деталь в изображении арфистки, а именно на украшающий ее шарф с длинными развевающимися концами. Такой шарф особенно характерен именно для изображения танцовщиц. Чрезвычайно любопытный пример, показывающий применение шарфа во время танца, мы имеем на одном из лицевых оссуариев, найденных в Пенджикенте в 1952 г. (рис. 52). На оссуарии изображена в виде налепа, выполненного от руки, женщина, совершающая ритуальную пляску, держа в поднятых руках развевающийся шарф. При всей примитивности его выполнения этот налеп представляет большой иконографический интерес. Он может служить соединительным звеном между пенджикентскими изображениями танцовщиц и музыкантш, с одной стороны, и распространенным в искусстве всего Ближнего Востока художественным образом танцовщицы с шарфом — с другой.

Если не ошибаюсь, специальное внимание на этот образ в искусстве Ближнего Востока впервые обратил Э. Херцфельд. Поводом для его исследования послужило открытие им ряда живописных изображений танцовщиц среди памятников живописи Самарры¹⁴². Танцовщицы Самарры держат шарфы так же,

Рис. 52. Изображение танцовщицы на оссуарии. Пенджикент

¹⁴¹ Живопись древнего Пенджикента. Табл. XIV.

¹⁴² Herzfeld E. Die Malereien... S. 30.

как женская фигура на пенджикентском оссуарии. В то же время они повторяют позу пенджикентских танцовщиц и арфисток, изображенных стоящими скрестив ноги.

Сходство распространяется и на их костюмы. Костюм танцовщиц Самарры состоит тоже из юбки, повязанной на бедрах поясом, при обнаженной верхней половине туловища. В связи с этими особенностями изображения танцовщиц на фресках Самарры и приводимые для них Э. Херцфельдом аналогии могут служить прямыми параллелями и для интересующих нас произведений изобразительного искусства Пенджикента. К таким параллелям относятся интересная золотая фигурка танцовщицы из Сибири, изданная Я. И. Смирновым¹⁴³, и изображение танцовщицы на чаше из села Слудки, изданная им же¹⁴⁴. Кроме того, Э. Херцфельд указывает на близость костюма самаррских танцовщиц с одеждой танцовщиц на одной из буддийских фресок Восточного Туркестана, изданных А. Грюнведем¹⁴⁵.

Следует отметить, что указанными памятниками изобразительного искусства число параллелей отнюдь не ограничивается. Так, весьма близкой аналогией к нашим памятникам может служить изданное Ф. Зарре рельефное изображение женщины с развевающимся шарфом над головой на обломке поливного саркофага (оссуария) парфянского времени¹⁴⁶ (рис. 53). Такого же типа изображение имеем на резном камне, изданном Ф. Акерман¹⁴⁷ (рис. 54), причисляемом последней к произведениям сасанидского искусства.

Разбирая вопрос о генезисе образа танцовщицы с шарфом, Э. Херцфельд отмечает, что по своему происхождению костюм танцовщиц является одним из восточных вариантов одежды греческой танцовщицы, переосмысленной в индийском духе, что «за всеми этими, по месту своего происхождения далеко отстоящими друг от друга, фактами должна стоять в качестве прообраза греко-бактрийская танцовщица с шарфом»¹⁴⁸. Думаю, что в основном точка зрения Э. Херцфельда имеет под собой достаточные основания. Открытия за последнее десятилетие многочисленных памятников изобразительного искусства на территории, которая некогда входила в состав греко-бактрийского государства, дают обильный материал, подтверждающий его заключение. Именно в Северной Индии и Афганистане мы находим наиболее близкие аналогии и для интересующих нас произведений изобразительного искусства. Сходство распространяется как на особенности костюма¹⁴⁹, так и на характер позы и другие детали.

В этом отношении мне представляются очень близкими по общему своему характеру скульптурные изображения женских фигур (рис. 55), открытые в 1937 г.

¹⁴³ Смирнов Я. И. Восточное серебро... Табл. XVII, 3.

¹⁴⁴ Там же. Табл. XLV, 78.

¹⁴⁵ Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten... S. 210.

¹⁴⁶ Sarre F. Die Kunst... Taf. 64.

¹⁴⁷ Ackerman Ph. The Sasanian Coins // SPA. Vol. I. P. 808, fig. 281c.

¹⁴⁸ Herzfeld E. Die Malereien... S. 31.

¹⁴⁹ Ср. опубликованную А. фон Лекоком женскую деревянную фигуру в «индийской одежде» из Ходжо: Le Coq A. von. Chotscho: Facsimile-Wiedergaben der wichtigeren Funde der Ersten Königlich Preussischen Expedition nach Turfan in Ost-Turkistan. Berlin, 1913. Taf. 57d.

французским археологом Ж. Менье в Афганистане, в местности Шоторак (Беграм).

Трактовка позы шоторакских фигур чрезвычайно близка к пенджикентским скульптурам танцовщиц. Благодаря своей хорошей сохранности, скульптуры из Шоторака дают возможность реконструировать недостающие детали пенджикентских изображений танцовщиц, особенно положение рук и ног. Близкое сходство обнаруживают между собой и их костюмы. Характерна также и такая деталь: шарфы, накинутые на плечи скульптур Шоторака, живо напоминают шарф арфистки Пенджикента.

Характеризуя стилистические особенности интересующих нас шоторакских скульптур, Ж. Менье признает их костюм индийским. Однако он одновременно подчеркивает одну важную общую особенность в их трактовке, которая существенно отличает их от аналогичных произведений индийского изобразительного искусства. В то время, как в последнем женские фигуры, как правило, изображаются с утрированно полными формами, шоторакские скульптуры отличаются тонкой талией и общей стройностью фигур¹⁵⁰. Эта черта, как было выше отмечено, является для стиля пенджикентских изображений женских фигур (арфистки и танцовщиц) в высшей степени характерной.

Таким образом, деревянные скульптуры Пенджикента, помимо своего общехудожественного интереса, представляют памятники, важные в культурно-историческом отношении, отражающие весьма древнюю художественную местную традицию, восходящую, по крайней мере, к эпохе Греко-бактрийского государства. Они одновременно указывают и на те художественные связи, которые существовали между центрами искусства Средней Азии и зарубежных стран, и в первую очередь, естественно, на связи с Северной Индией и Афганистаном. Весьма значительный интерес представляют наши памятники еще в одном отношении. Они

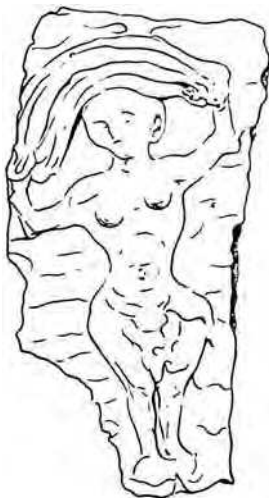

Рис. 53. Изображение танцовщицы на обломке огурия парфянского времени

Рис. 54. Танцовщица с шарфом, резной камень

¹⁵⁰ Meunier J. Shotorak. Pl. XXXIII, 107.

Рис. 55. Изображение танцовщицы из Шоторака

являются свидетельством популярности в среде согдийского населения и Средней Азии вообще музыки и танцев. Факт этот отражен и в письменных источниках. В этом отношении весьма характерными являются повторные сообщения китайских хроник о присылке в Китай в виде даров танцовщиц. Такое сообщение мы находим в хронике «Суй-Шу», датируемой временем правления императора Ян-ди (605–616), когда послы китайского императора привезли в виде дара из среднеазиатского владения Ши (Шаш) десять девушек-танцовщиц¹⁵¹. Для нас еще больший интерес представляет сообщение хроники Тан-Шу, датируемое точно 713 г., о присылке в Китай из Самарканда (владение Кан) различных даров, среди которых были «тюркистанские танцовщицы»¹⁵². В китайских исторических сочинениях мы находим и общие указания о любви среднеазиатских народов к музыке и танцам¹⁵³.

С этими сообщениями совпадают и известия, относящиеся ко времени завоевания Средней Азии арабами (начало VIII в.), которые мы находим у известного историка Табари. Автор этот под 737 г., сообщая о торжественной встрече, которая была устроена в Уструшане тюрокскому хакану, специально отмечает, что в ней принимали участие «танцовщицы и музыканты»¹⁵⁴. В другом рассказе, датируемом также 737 г., рассказывается о том, что в захваченном арабами военном лагере среднеазиатских правителей находились «тюркские танцовщицы»¹⁵⁵.

Слава, которой пользовались служительницы искусства танцев и музыки, дошла и до столицы арабского халифата. В 743 г. халиф Валид II потребовал от хорасанского наместника, которому подчинялась и Средняя Азия, прислать ему в Дамаск музыкантов и танцовщиц¹⁵⁶.

Облик последних и сохранила для нас древняя живопись и скульптура Пенджикента.

¹⁵¹ Бичурин И. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 278.

¹⁵² Там же. С. 244.

¹⁵³ Chavannes E. Documents... P. 133, 134, 136, n° 3.

¹⁵⁴ Tabari. Ser. II. P. 1613.

¹⁵⁵ Ibid. P. 1611.

¹⁵⁶ Ibid. P. 1766.

КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА¹

А. М. Беленицкий

Монеты клада, о которых пойдет речь в настоящей заметке, были найдены при раскопках на городище Древнего Пенджикента в 1962 г. Место находки — небольшое помещение нижнего этажа (№ 33) объекта XIII, расположенного в восточной части города. Монеты были обнаружены рассыпанными, но в одном месте, в северо-восточном углу помещения, в грунте завала, в 25–30 см над поверхностью пола. Несколько экземпляров лежали слипшиеся, в виде стопки. Вблизи монет были найдены фрагменты небольшого кувшинчика, в котором, очевидно, монеты находились. Первоначально монеты были завернуты в кусок шелковой ткани, от которой сохранились пропитанные металлической окисью миниатюрные кусочки на поверхности одной из монет между выступами знаков (рис. 1). В завальный грунт клад монет попал из помещения верхнего этажа, стены которого частично сохранились. Судя по местонахождению, клад был спрятан под стеной помещения верхнего этажа над пазухой свода, которым было перекрыто нижнее помещение.

Клад состоит из 18 серебряных монет. Из них 6 с арабской легендой и 12 с легендой на согдийском языке. Первые превосходной сохранности, почти не нуждались в очистке, и легенды на них были прочтены на месте. Все монеты с арабской легендой оказались дирхемами омейядского чекана, выпущены различными монетными дворами. Каких-либо отклонений от известных по различным каталогам типов соответствующих омейядских дирхемов на них не имеется. Поэтому ниже приводится только место и год их чекана.

1. Дамаск 85 г. х. = 704 г. н. э.
2. Васит 90 г. х. = 708/9 г. н. э.
3. Васит 91 г. х. = 709/10 г. н. э.
4. Кирман 90 г. х. = 708/9 г. н. э.
5. Истахр 91 г. х. = 709/10 г. н. э.
6. Ал-Баб 117 г. х. = 735 г.² (рис. 2).

¹ Первая публикация: ЭВ. Вып. XVII. 1966. С. 92–100.

² См.: *Тизенгаузен В.* Монеты Восточного Халифата. СПб., 1878.

Рис. 1. Монета с остатками ткани.
Увеличено

Рис. 2, а–б. Дирхем, чеканенный
в Ал-Баб

Как видим, за исключением дирхема 735 г., выпущенного монетным двором Ал-Баба, как называли арабы Дербент на Северном Кавказе, остальные 5 дирхемов по времени выпуска близки друг к другу и принадлежат чекану хорошо известных монетных дворов основных владений омейядского Халифата — Сирии, Ирака и Ирана.

Разрыв по времени выпуска в 25 лет между монетами № 1–5 и монетой № 6 заставил первоначально предположить, что монета, чеканенная в Ал-Бабе, попала в завал независимо от остальных монет. Однако анализ остальных монет клада снимает сомнения в принадлежности клада и этой монеты. Как увидим, клад не мог быть спрятан раньше 730-х гг. Кроме того, следует отметить, что находки на городище Древнего Пенджикента дирхемов омейядского времени весьма редки, и мало вероятно, чтобы в одном и том же месте оказались и клад, и случайно оброненная серебряная монета.

Следует также отметить, что находки омейядских дирхемов на территории Средней Азии вообще исключительно редки, в кладе при археологических раскопках, насколько мне известно, — встречены впервые. Обстоятельство это придает нашей находке особый интерес.

Видимо, не случайно, что годы выпуска основной группы дирхемов падают на время наместничества известного Кутейбы ибн Муслима, с именем которого связано завоевание арабами основных областей Средней Азии, в том числе и Согда, в состав которого входил и Пенджикент.

Очень хорошая сохранность дирхемов свидетельствует о том, что они почти не находились в обращении. Возможно, что первые 5 монет попали в руки их последнего владельца вскоре после их выпуска, но, очевидно, не раньше 712 г., когда Кутейба овладел Самаркандом. Если такое предположение верно, то наши монеты свидетельствуют одновременно и о том, что

монеты с арабской легендой не вошли в широкий торговый обиход, по крайней мере в Согде, где серебро в качестве средства обращения было представлено монетами местного чекана.

В связи с этим представляется уместным привести следующее сообщение историка Табари. Под 115 г. х. он, рассказывая о прибытии известного арабского наместника Асада в день праздника Михрджан в Бухару, специально отмечает, что перед ним разбрасывали «бухарские дирхемы»³. Едва ли придется сомневаться в том, что речь идет именно о серебряных монетах с согдийской легендой, составляющих большинство и в нашем кладе, к рассмотрению которых мы и приходим.

В отличие от арабских дирхемов остальные 12 монет клада были сильно окислены, однако после очистки общая их сохранность оказалась вполне удовлетворительной. За исключением одной, все остальные 11 монет принадлежат к одному типу, известному в литературе под названием «бухархударских».

На этих одиннадцати монетах центральная часть кружка лицевой стороны занята изображением головы царя, в профиль обращенным вправо. На голове зубчатая «городовая», или «крепостная», корона в фас. Перед лицом надпись согдийским шрифтом из 3 слов. Кроме того, позади головы остатки знаков другой надписи, сильно искаженной (см. ниже).

На оборотной стороне этих монет изображен жертвенник с контурным, сильно схематизированным изображением человеческой головы, над которой поднимаются языки пламени. По сторонам от жертвенника — также сильно схематизированные очертания 2 человеческих фигур в полный рост, с копьями (?) в руках, обращенные лицами к жертвеннику. При общей однотипности этих монет могут быть отмечены некоторые отличия на отдельных экземплярах, которые приводятся в нижеследующем перечне (л. с. — лицевая сторона, о. с. — оборотная).

7. Л. с. Над короной полумесяц с шариком внутри. Позади головы искаженная надпись в виде вертикальной линии с зубцами и с загнутым вправо крючком на конце. О. с. Голова над жертвенником вправо (рис. 3, а).

8. Л. с. То же. О. с. Голова над жертвенником влево.

9. Л. с. То же. О. с. Как № 7.

10. Л. с. То же. О. с. Как № 8.

11. Л. с. То же. О. с. Как № 8.

12. Л. с. То же. О. с. Как № 8.

13. Л. с. То же. О. с. Как № 8.

14. Л. с. То же. О. с. Как № 7.

15. Л. с. То же. О. с. Как № 8.

16. Л. с. Над короной вместо полумесяца кружок. В надписи позади головы крючок оторван от линии с зубцами. О. с. Как № 7 (рис. 3, б).

17. Л. с. Как № 16. Надпись позади головы сильно стерта. О. с. Как № 8 (рис. 3, в).

³ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879–1901 (далее — Tabari). Ser. II. P. 1563

Рис. 3. а–е. Бухархудатские дирхемы

18. Л. с. такая же, как на остальных, т. е. лицо в профиль, вправо. Корона как у № 16 и 17. Позади головы остатки искаженной надписи, состоят из двух угловатых знаков. О. с. Голова над жертвенником повернута влево (рис. 4, а).

Последняя монета клада отличается от предыдущих согдоязычных монет в основном лишь своей легендой, состоящей всего из одного слова.

До недавнего времени в нумизматической литературе была известна лишь основная группа согдоязычных монет нашего клада (7–17). П. И. Лерх, которому принадлежит главная заслуга в определении этих монет, дал им название бухархудатских соответственно с прочтенным им титулом на легендах этих монет⁴. Сама дешифровка надписей на этих монетах, как показали последующие исследования, была не точной, однако бесспорно, что местом их чекана была Бухара. Здесь нет необходимости останавливаться на ходе дальнейшего изучения этих монет. В настоящее время принято чтение этой легенды, предложенное В. Хеннингом, а именно $\beta\omega\gamma'v\ \gamma\omega\beta\ k'\gamma$ — «государь царь Бухары»⁵. Отметим, что чтение первого титула ($\gamma\omega\beta$) вполне подтверждается независимыми от монетных легенд данными письменных источников на согдийском языке, в первую очередь известными документами с горы Мут⁶. Что касается второго титула ($k'\gamma$), кажущегося для времени выпуска монет несколько архаическим, — он возводится к названию древней легендарной династии Кавиев или Кеянидов, — то его бытование в Средней Азии в начале VIII в. подтверждается сообщением письменного источника. Укажу на не отмеченное в нумизматических исследованиях упоминание его Табари.

⁴ Лерх П. И. Монеты Бухар-худатов // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч. XVII. СПб., 1909 (отд. оттиск).

⁵ См.: Frye R. N. Notes on the Early Coinage of Transoxiana. New York, 1949 (Numismatic Notes and Monographs. No 113). P. 24 sq.

⁶ Фрейман А. А. Описание, публикации и исследование документов с горы Мут. М., 1962 (Согдийские документы с горы Мут. Вып. I). С. 9, 74, 81.

Царь небольшого владения Шумана в сообщении под 91 г. х. назван им Кай Гиштасп⁷, и, таким образом, наличие титула «кай» на монетах Бухары не представляется фактом исключительным.

П. И. Лерхом была предложена и классификация разных вариантов бухархударских монет. При этом одним из критериев для него послужила степень искаженности упомянутой легенды на лицевой стороне монет позади головы царя, восходящей к пехлевийской надписи. Монеты того типа, к которым принадлежит рассматриваемая группа монет нашего клада, по классификации П. И. Лерха, относится ко «второму виду». К первому виду он отнес монеты, на которых прослеживается отчетливое начертание пехлевийской легенды,

а к третьему — монеты, на которых на месте пехлевийской легенды появляется уже арабское слово, имя «эль Мегди»⁸ (ал-Махди — халиф аббасидской династии).

Дж. Уокер в каталоге монет Британского музея несколько по-иному классифицирует разновидности этих монет. Все монеты первого и второго «видов» П. И. Лерха он объединил в одну группу, под общим названием «промежуточные бухарские подражания», имея в виду подражания их прототипу — монетам сасанидского царя Варахрана V. Внутри этой группы он выделил разновидность по наличию на лицевой стороне упомянутых искаженных знаков в виде черты с зубцами. Эту разновидность он, в свою очередь, делит на два варианта, по реверсу, а именно, в какую сторону обращено профильное изображение лица над алтарем, которую он называет вслед за другими авторами изображением Ахура-Мазды. Во вторую группу он помещает монеты с «двуязычной легендой», т. е. те, на которых, помимо основной согдийской надписи, появляется арабское имя⁹. В отличие от П. И. Лерха он первой такой двуязычной монетой считает монеты с именем «Мухаммед», но относит ее также к чекану ал-Махди, собственное имя которого было Мухаммед. В отношении датировки этих монет Уокер полагает, что они чеканились или во время пребывания ал-Махди наместником в Хорасане (759 г. н. э.), или же после того, как он стал халифом (775 г. н. э.), очевидно, склоняясь больше к первой дате¹⁰.

Рис. 4, а–з. Бухархударские драхмы

⁷ Tabari. Ser. II. P. 1227. Ср.: Altheim F. Geschichte der Hunnen. Bd. II: Die Hephthaliten in Iran. Berlin, 1960. S. 92.

⁸ Лерх П. И. Монеты Бухар-хударов. С. 46, 122.

⁹ Walker J. A Catalogue of the Muhammadan Coins in the British Museum: A Catalogue of the Arab-Sassanian Coins. London, 1941. P. 162 sq.

¹⁰ Ibid. P. XC.

Последней работой, в которой рассматриваются монеты бухархудатов, аналогичные монетам нашегоклада, и дается их классификация, является статья О. И. Смирновой «Монеты Древнего Пенджикента»¹¹.

В этой статье ею учтено всего 9 серебряных экземпляров; они названы монетами «сасанидского типа». Две из них (№ 8–9) она датирует второй половиной VII — первой четвертью VIII в., считая их «бухарским подражанием, восходящим к драхмам Варахрана V». Остальные экземпляры (7–16) она обозначила как «аббасидское подражание» тем же драхмам Варахрана V и датирует их второй половиной VIII в. Отличия, которые она видит между этими двумя разновидностями монет, заключаются в том, что на монетах первого типа знаки позади головы царя она считает искаженной пехлевийской надписью, а те же знаки на монетах второго типа читает как арабское слово **بسمي**¹². Надо отметить, что возможность чтения этих знаков в качестве арабского слова рассматривалась и другими нумизматами. Особенно подробно на этом вопросе останавливается Дж. Уокер. Однако составленная им таблица постепенного искажения пехлевийской надписи показывает, что эти знаки не больше как одна из форм такого искажения и что принимать ее за арабскую надпись нет основания¹³. Признать ее арабской невозможно и потому, что она не имеет вразумительного значения. О. И. Смирнова переводит все слово в соответствии со своим чтением этих знаков — «во имя мое» и полагает, что оно будто означает «во имя мое — Аллах и его общины». Такое толкование — чисто произвольное и не подтверждается параллелями в арабоязычной нумизматике. Да и трудно предположить, чтобы халифы или их наместники на монетах вместо имени Аллаха употребили местоименную форму. Как известно, на монетах имя Аллаха употребляется в совершенно иной формуле: или в полном символе веры, или сокращенно — «во имя Аллаха», иногда просто «Аллах».

Таким образом, нет основания в этой искаженной пехлевийской надписи предполагать арабское слово. Тем самым отпадает и уверенная датировка этих монет аббасидским временем, когда на других монетах бухархудатов действительно появляются арабские легенды. Нам кажется гораздо более вероятным, что монеты с этой искаженной легендой находятся в одном ряду с другими бухархудатскими монетами, чеканенными до прихода к власти Аббасидов.

Подтверждается это и анализом монет пенджикентскогоклада в целом. Но прежде чем заняться рассмотрениемклада в данном аспекте, необходимо подробнее остановиться на последней монете нашегоклада.

Дешифровка согдийской легенды на этой монете является заслугой О. И. Смирновой. Надпись состоит из одного имени. Оно было первоначально прочтено ею на бронзовых монетах в форме $\text{twy}^{\text{v}}\text{k}$. Позже, благодаря находке серебряной драхмы в Пенджикенте с этой же легендой, чтение было ею уточнено в форме $\text{twy}^{\text{v}}\text{h}$. Одновременно ею же была обнаружена аналогичная монета в нумизматическом собрании Гос. Эрмитажа, на которую предшествующие авторы не обратили внимания.

¹¹ МИА. № 66. 1958. С. 216 сл.

¹² Там же. С. 218 сл.; а также 241 сл.

¹³ Walker J. A Catalog... P. LXXXV.

Привлеченные О. И. Смирновой данные письменных источников относительно этого правителя представляют, несмотря на их скудость, значительный интерес. Как правильно установлено О. И. Смирновой, имя Тургара фигурирует в ряде источников в форме Tou-ho (по Шаванну) или «До-хэ» (по Бичуруну)¹⁴. Сведения о нем сводятся к следующему.

В 731 г. царь Самарканда Гурек просит утвердить одного из своих сыновей, Tou-ho, наместником Кабудана. В 738 г. этот же Tou-ho утверждается царем Самарканда вместо умершего Гурека¹⁵. Таким образом, время наместничества Tou-ho / Тургара определяется как будто точно между 731 и 738 гг. Впрочем, последняя дата для правления Тургара остается сомнительной. Дел о том, что тем же указом 738 г. Асада был назначен Sou Tou-pu-lo, преемник своего умершего брата Mo-sien¹⁶. Таким образом, Mo-sien к 738 г. был царем Кабудана, и, следовательно, в это время Тургар уже таковым не был. Иначе говоря, правление Тургара, возможно, прекратилось до 738 г.

Следующее упоминание Тургара относится к 750 г., когда сообщается о прибытии от его имени некоего Мо-уе-те с дарами¹⁶.

О. И. Смирнова полагает возможным отождествить с именем Тургара, упоминаемого у Нершахи под 782 г., «Язида, сына Гурека»¹⁷. Однако такое предположение едва ли приемлемо, если учесть, что к этому времени с начала карьеры Тургара прошло более чем 50 лет. Для того беспокойного, изобиловавшего политическими и социальными потрясениями времени такое длительное царствование маловероятно. При этом О. И. Смирнова, помимо Нершахи, ссылается на Табари¹⁸, но эта ссылка непонятна, поскольку последний в указываемом месте говорит о событиях 712–713 гг. и упоминает при этом только Гурека¹⁹. Во всяком случае, об активной политической деятельности Тургара = Дохэ пока можно говорить лишь для периода между 730–750 гг.

Выше указывалось, что в распоряжении О. И. Смирновой имелось всего 2 монеты Тургара²⁰. Монета нашего клада является третьей монетой этого типа. Но, кроме того, в 1962 г. была найдена на городище еще одна монета Тургара (рис. 4, б). Таким образом, в настоящее время имеется четыре экземпляра этой монеты. Из них опубликована одна в виде фотографии и прорисовки (не очень точной). Рассмотрим несколько ближе датировку серебряных монет Тургара.

О. И. Смирнова полагает, что монеты Тургара — это «Самаркандское подражание образцу, восходящему к драхмам Варахрана V (время правления

¹⁴ Смирнова О. И. Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии // СВ. VI. 1949. С. 364 сл.

¹⁵ Chavannes Ed. Notes additionnelles sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux // T'oung pao. Sér. II. Vol. V/1. Leide, 1904. P. 53; *idem*. Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux. St.-Petersbourg, 1903 (Сборник трудов Орхонской экспедиции. VI). P. 136; Бичурин Н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. II. М., 1950. С. 311.

¹⁶ Chavannes Ed. Notes additionnelles... P. 83.

¹⁷ Смирнова О. И. Согдийские монеты как новый источник... С. 365.

¹⁸ Смирнова О. И. К вопросу о двух группах монет владетелей Согда VII–VIII вв. // ИООН. Вып. 14. 1957. С. 116, примеч. 1.

¹⁹ Tabari. Ser. II. P. 1274.

²⁰ МИА. № 66. С. 219, рис. 4, табл. I, 7.

421–438 гг.) не ранее 738 г.»²¹. Едва ли можно сомневаться в том, что драхмы с именем Тургара чеканились по образцу бухарских монет, именно того их варианта, на котором корона имеет наверху в виде колечка или кружка. Эта форма короны выдержана на всех трех драхмах Тургара из Пенджикента. Однако надписи позади головы претерпела явные изменения. На монете, опубликованной О. И. Смирновой, и на отдельной, найденной в 1962 г., мы вполне различаем еще начертания всего знака. На монете из нашего клада от этого сплошного знака осталось лишь два разорванных значка. По всей вероятности, мы вправе говорить, что первые две монеты принадлежат к более раннему выпуску, когда резчик штампа более внимательно следовал своему прообразу, т. е. собственно бухархудатской монете. Резчик второго штампа пренебрег этой деталью, на которую едва ли обращали особое внимание.

О. И. Смирнова, устанавливая дату выпуска драхм Тургара не ранее 738 г., опирается при этом на приведенное выше сообщение об утверждении Тургара царем Самарканда. Однако особенности монеты Тургара, как мне представляется, могут свидетельствовать об обратном, а именно, что она чеканилась не позже 738 г. Дело в том, что О. И. Смирнова не обратила внимания на важную особенность основной легенды. Она состоит всего из одного слова — имени Тургара — и не сопровождается его титулами.

В то же время на бронзовых монетах, выпущенных от его же имени, как об этом можно судить по очень большому количеству экземпляров, титул его всегда сопутствует имени, так же как и на монетах других правителей²². Объяснить пренебрежение к своему титулу со стороны Тургара тем обстоятельством, что монеты эти имели определенный прообраз, которому слепо подражал резчик штампа, мы не можем. Наоборот, собственно бухарские драхмы не содержат в легенде имени, ограничиваясь лишь титулом.

На мой взгляд, положение это может объясниться лишь тем фактом, что Тургар в своей карьере правителя прошел две вполне определенные ступени. С 730 по 738 г. он был наместником от имени отца Гурека в Кабудане, а уже после 738 г. вступил на престол отца, приняв и соответствующие титулы — *малка* (царь) и *хуб* (государь). Исходя из этого, напрашивается вывод: серебряные драхмы Тургар выпускал только в период своего пребывания наместником в Кабудане. Очевидно, этим обстоятельством и следует объяснять редкость находок этих монет, в частности, и то, что в нашем кладе на 11 бухархудатских монет приходится всего одна монета Тургара. Существенным фактом, подтверждающим такую ограниченную по времени датировку драхм с именем Тургара, может служить и наличие в составе нашего клада упомянутой омейядской монеты, чеканенной в Ал-Бабе в 735 г. Это показывает, что клад не мог быть запрятан ранее последней даты; дирхем этот одновременно может свидетельствовать и о том, что клад был запрятан не намного позже, в противном случае мы имели бы, очевидно, в составе клада и более поздние арабоязычные дирхемы.

²¹ Там же. С. 212.

²² Там же. С. 244 и т. д.

Что именно к этому времени следует относить дату захоронения клада, подтверждает и общая обстановка в Средней Азии, сложившаяся во второй половине 730-х гг. Это один из наиболее острых периодов антиарабской борьбы, когда против завоевателей образовалась могущественная коалиция, состоявшая почти из всех среднеазиатских владетелей во главе с тюркешским хаканом. В результате успешных военных действий этой коалиции едва ли не все гарнизоны арабов были вынуждены оставить свои опорные пункты, в том числе и главные из них — Бухару и Самарканд. В окрестностях последнего города происходили наиболее крупные военные столкновения. Как известно, арабы вернули свою власть над территорией Мавераннахра лишь после того, как наместнику арабов Асаду удалось в 737 г. выиграть известное сражение у местечка Харистан на южном берегу Амударьи.

Из числа отдельных эпизодов этой борьбы определенный интерес для нас представляет упоминаемый источниками поход Асада к востоку от Самарканда, к Варагсару, где находились головные сооружения главного канала, питавшего водой Самарканд. Варагсар находится приблизительно на полпути между Самаркандом и Пенджикентом. И хотя последний при описании похода не упоминается, но едва ли он остался в стороне от этих военных событий²³.

Таким образом, анализ собственно самих монет клада и общесторической обстановки делает вполне вероятным указанное предположение, что клад был оставлен в конце 730-х гг. Заключение это важно и в отношении истории самого Пенджикента, если датировать один из моментов его запустения. Очевидно, клад был захоронен не случайно. Мы знаем о ценности серебряных монет того времени, а это показывает, что 18 драхм нашего клада составляли если и не очень большую, то все же значительную ценность.

Нам трудно судить о конкретных обстоятельствах захоронения клада. Владелец клада при его захоронении вполне очевидно намеревался достать его обратно. Почему он этого не сделал? Ответы могут быть, естественно, разные. Раскопки помещения, где был найден клад, да и большей части всего строительного массива (объект XIII) свидетельствуют о том, что после разрушения его восстановительные работы не производились. Если бы таковые производились, то монеты клада не остались бы на месте. Очевидно также, что лицо или лица, знавшие о захоронении клада, или погибли, или же оставили город и не вернулись в него. Все это говорит о явлениях катастрофических для города в целом.

Но была ли эта катастрофа окончательной для Пенджикента? Ряд других данных, в том числе и находка многих других датированных более поздним временем монет, свидетельствует о том, что жизнь в городе продолжалась. Однако автору представляется несомненным, что именно конец 730-х гг. явился одним из моментов его постепенного разрушения.

В целом наш небольшой клад дает весьма важные данные для уточнения датировки бухархудатских монет и в то же время для истории самого города.

²³ Об этих событиях см.: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. II. СПб., 1900. С. 194 сл.; *он же.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. I. М., 1963. С. 249.

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ДАТИРОВОК СОГДИЙСКИХ МОНЕТ¹

А. М. Беленицкий, В. И. Распопова

Пенджикентская коллекция монет заняла в деле изучения преарабской и раннеарабской нумизматики Средней Азии весьма важное место. Как по общему количеству найденных монет, так и по очень большому количеству отдельных типов пенджикентская коллекция не имеет себе равных. Подавляющее большинство монетных находок принадлежит ко времени от середины VII до третьей четверти VIII в. Собственно, на основе находок согдийских монет в Пенджикенте О. И. Смирновой и создана новая отрасль нумизматики Средней Азии — согдийская. Опубликованный ею в 1963 г. «Каталог монет с городища Пенджикент» является первой сводной работой в этой области нумизматики. Несмотря на то что в каталог включены находки только первых лет раскопок (1949–1956), они отражают состав монет, обращавшихся в Пенджикенте, весьма полно. Новые типы монет встречаются крайне редко.

В состав пенджикентской коллекции среднеазиатских монет входят монеты с надписью согдийским шрифтом, двуязычные, т. е. с согдийско-арабской легендой, и монеты с арабскими легендами. Датировка последних определяется вполне точно благодаря обозначению на монетах года выпуска или имени правителя, при котором монеты чеканились. Имена правителей в большинстве случаев хорошо известны по письменным источникам. Значительно сложнее обстоит дело с определением точного времени выпуска согдоязычных монет, поскольку на них дата выпуска никогда не обозначалась.

Относительно ряда типов О. И. Смирнова установила время выпуска для тех монет, имена на которых удалось отождествить с именами согдийских правителей, фигурирующих в китайских исторических хрониках или в арабских сочинениях.

В настоящее время вскрыта почти четверть городища древнего Пенджикента, исследованы крупные жилые комплексы, торгово-ремесленные постройки, базары. Почти все они относятся к периоду конца VII — третьей четверти VIII в., в котором теперь четко выделяются три стратиграфических этапа: 1) конец VII — первая четверть VIII в.; 2) 40–50-е гг. VIII в.; 3) 60–70-е гг. VIII в.

¹ Первая публикация: КСИА. Вып. 167. 1981. С. 9–15.

Кроме того, на городище вскрыты значительные участки, относящиеся ко времени от V до середины VII в.

Сейчас мы уже обладаем достаточным количеством данных, которые позволяют поставить вопрос о датировке, правда, только приблизительной, целого ряда недатированных типов монет.

Монета неизвестного ихсида с двустрочной надписью согдийским полукурсивом (MLK'tnwk (типа № 298–300)² была найдена в Пенджикенте при раскопках нижнего здания объекта XII в слое, относящемся к середине VII в. (Т-П-63/МХП-5). Дата слоя устанавливается на основании его стратиграфии, комплекса керамики и находки фрагмента хума с оттиском пряжки византийского типа³.

Из этого же слоя происходят три монеты в виде тонкого кружка с большим отверстием без надписей — деградировавшего типа у-шу (Т-П-63/МХП-6-8). Монеты деградировавшего типа у-шу были найдены на полу помещения 35 верхнего здания объекта XII. Это помещение по керамике, найденной на полу, и стратиграфии датируется VII в.

При раскопках городища Чилек монета деградировавшего типа у-шу была найдена ниже уровня пола здания, которое датируется второй половиной VII в., и выше пола здания конца VI — начала VII в. В Китае выпуск монет достоинством в 5 шу небольшого размера и без надписей, так как «иероглифы не могли поместиться в узких сегментах по сторонам квадратного отверстия», приходится на начало III в.⁴

В Согде в слоях старше VII в. бронзовые монеты с отверстием не обнаружены, кроме монеты «у-шу цян», типа у-ди похожей на образец 118 г. до н. э.» (Т-П-6/МХП-1)⁵. Монета найдена при раскопках нижнего здания объекта XII Пенджикента в слое с керамикой V в.

Интересные данные о совместном обращении монет в VII в. получены при раскопках третьего здания в Чилеке, где была найдена небольшая серия медных монет: четыре монеты Вархумана (вторая половина VII в.): одна — в завале, вторая — на полу, третья — в переулке, четвертая — под перегнившей базой деревянной колонны; одна монета MLK'tnwk (?) (VIII в.) — в позднем перекопе; одна монета «Мастан-Навийана» (до 700 г.?) — в кладке стены, пристроенной при ремонте третьего здания; монета «Укара»⁶ — в слое плотного завала или забутовки; монета «деградирующего типа у-шу» — ниже уровня пола; обломок монеты правителя в крылатой короне (новый тип) — в переулке⁷. Керамика из этого

² Здесь и далее номера приводятся по книге: Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1949–1956 гг.). М., 1963.

³ Маршак Б. И. Керамика Согда V–VII вв. как историко-культурный памятник: АКД. Л., 1965. С. 20; Распопова В. И. Византийские поясные пряжки в Согде // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 34–36.

⁴ Быков А. А. Монеты Китая. Л., 1969. С. 15, 60, табл. X, 60.

⁵ Определение М. В. Воробьева.

⁶ Чтения имен правителей на многих согдийских монетах постоянно подвергаются пересмотру в работах согдологов. Мы приводим для удобства пользования чтения, предложенные О. И. Смирновой в каталоге, кроме имени Укара, которое в такой форме вошло в опубликованные отчеты о раскопках в Пенджикенте.

⁷ Маршак Б. И., Крикис Я. К. Чилекские чаши // ТГЭ. Т. X. 1969. С. 58.

здания характерна для слоев VII в. В конце VII — первой четверти VIII в. в Согде, в том числе и в самом Чилеке, распространяется керамика другого стиля⁸.

Находка монеты Укара (типа № 301–341) в этом комплексе и ее облик заставляют считать, что такие монеты отливались не позже второй половины VII в. Отметим находку небольшого клада (пять) таких монет (Т-П-68/МХХІ-2/5) при раскопках помещения 10 объекта ХХІ Пенджикента, которое стратиграфически датируется рубежом VII–VIII вв.

Слой конца VII — первой четверти VIII в. прослежен на всех участках городища. Он богат монетными находками. Точные данные о залегании части монет опубликованы⁹. Приведем здесь те из них, которые относятся к монетам Бидйана. О. И. Смирнова рассматривает два возможных отождествления «Бидйана» — с Деваштичем или с его предшественником, упоминаемым в документе В-8 с горы Муг. В помещении 27 верхнего здания объекта XII монета Бидйана была найдена ниже пола, который относится ко времени не позднее первой четверти VIII в. Находка монеты Бидйана на объекте VI в слое, перекрытом постройками четвертого комплекса, который относится к VIII в., также скорее свидетельствует в пользу отождествления Бидйана с предшественником Деваштича. Таким образом, монеты Бидйана, вероятно, относятся ко времени не позже, чем рубеж VII–VIII вв. Вместо Бидйана предложено и другое чтение. Чтение *бүдк*¹⁰ вместо *бүдүп* на монетах позволяет отождествить правителя, выпускавшего их, с упоминаемым в документе В-8 *ск'уноуег б'үлк*, правившим до Деваштича¹⁰.

Монеты Бидйана находились в обращении еще в 60–70-е гг. VIII в. вместе с появившимися в то время фельсами.

О. Г. Большаков в результате раскопок объекта III установил, что «монеты с именем Гурека и изображением квадратного отверстия по стратиграфическим данным определенно относятся ко времени до Тургара, совпадая, таким образом, с правлением Гурека», и предположил, что они являются монетами самого Гурека¹¹. Находки таких монет при раскопках на Афрасиабе (6 экз.)¹² и Кафыркале близ Самарканда (4 экз.)¹³ показывают, что эти монеты широко обращались в самаркандском Согде при Гуреке.

Раскопки последних лет Пенджикента дали новые материалы, характеризующие обращение разменной монеты в первой четверти VIII в. Наиболее ценны в этом отношении клады и комплекс монет торгово-ремесленного центра, расположенного вдоль улицы, ведущей от южных ворот города к площади перед

⁸ Там же. С. 58, 59.

⁹ Большаков О. Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (комплексы I и II, раскопки 1952–1956 гг.) // МИА. № 124. 1964. С. 116 сл.; Зеймаль Е. В. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.) // Там же. С. 27 сл.; Ставиский Б. Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) 1951–1959 гг. // Там же. С. 176 сл.; Распопова В. И. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII–VIII вв. // СА. 1969. № 1. С. 175.

¹⁰ Livshitz V. A. A Sogdian alphabet from Panjikant // W. B. Henning Memorial Volume. London, 1970. P. 257, n. 5.

¹¹ Большаков О. Г. Отчет... С. 118.

¹² Ерназарова Т. С. О монетных находках на Афрасиабе в 1965 г. // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969. С. 323, 324.

¹³ Смирнова О. И. Материалы к сводному каталогу согдийских монет // ЭВ. 1952. Вып. VI. С. 34.

храмами. Поверх мастерских и лавок, которые погибли от пожара, на отдельных участках проходят горизонты с монетами Тургара. На полах мастерских и лавок базара, а также мастерских, находящихся к югу от базара, было найдено 106 бронзовых монет, не считая тех, которые не могут быть определены из-за плохой сохранности. Состав их следующий: одна монета — деградировавшего типа у-шу; четыре — Вархумана; одна — Укара; пять — Тархуна; 19 — Бидиана; 27 — пенджикентской царицы; 43 — Гурека типа II; одна — анепиграфная типа № 741; одна — с изображением коня на аверсе типа № 734; одна — Сатачари; одна — вариант типа № 777–781; одна — нового типа с согдийскими надписями на обеих сторонах. Монет, имеющих твердую дату VII в., всего шесть, т. е. 5,5 % от общего числа. Таким образом, в первой четверти VIII в. основу денежного обращения составляли монеты недавних выпусков, среди которых примерно поровну пенджикентских и самаркандских монет. Интересно отметить, что монеты одного правителя Гурека составляют 40 % от общего числа всех определимых монет, причем это монеты только одного типа — чеканенные с изображением квадратного отверстия. Эти монеты отличаются от монет других самаркандских правителей техникой (чеканенные, а не литые), почерком и одним из знаков. Монеты Гурека другого (I) типа близки как к монетам его предшественника Тархуна, так и к монетам его преемника Тургара. Видимо, монеты Гурека типов I и II выпускались разными монетными дворами. Отсутствие монет Гурека типа I в названном комплексе едва ли случайно. В Кафыркале при раскопках наусов и квартала гончаров, синхронных пенджикентскому базару, также были найдены монеты Гурека только типа II.

Монеты Гурека типа I в Пенджикенте чрезвычайно редки, причем находки их в четких стратиграфических условиях как будто свидетельствуют о том, что этот тип поступил в обращение уже после восстановления города около 740 г.¹⁴ Отметим, что при раскопках цитадели были найдены монеты Гурека обоих типов, причем монеты типа II — в слое первой четверти VIII в., а монета типа I — в слое вместе с монетами Тургара.

Наличие двух типов монет с именем Гурека, весьма существенно различающихся между собой, естественно, обратило на себя внимание О. И. Смирновой, которая объясняет этот факт тем, что второй тип монет с именем Гурека является поздним подражанием монетам Гурека, и предлагает следующие даты: третья (?) четверть VIII в.¹⁵; синхронны монетам Тургара¹⁶; первая четверть VIII в.¹⁷; середина VIII в. (вторая четверть?)¹⁸. Их выпуск приписывается неизвестному правителю, а местом выпуска предположительно называются то Самарканд¹⁹, то Пенджикент²⁰. Правда, О. И. Смирнова допускает и возможность выпуска

¹⁴ Тереножкин А. И. Раскопки в кухендизе Пенджикента // МИА. № 15. 1950. С. 83. Табл. 40; Большаков О. Г., Нагматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // МИА. № 66. 1958. С. 166.

¹⁵ Смирнова О. И. Монеты древнего Пенджикента // МИА. № 66. 1958. С. 221.

¹⁶ Там же. С. 273.

¹⁷ Там же. С. 275.

¹⁸ Смирнова О. И. Каталог... С. 123.

¹⁹ Там же. С. 221.

²⁰ Там же. С. 123.

этих монет самим Гуреком²¹. Такая неопределенность суждений об этом типе заставляет с особым вниманием отнестись к стратиграфии и топографии находок. Необходимо пересмотреть вопрос о времени, месте и последовательности выпуска монет Гурека обоих типов.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, надо проследить за карьерой самого Гурека. Источники, учтенные в литературе, позволяют наметить некоторые основные этапы его царствования²².

Гурек пришел к власти в Самарканде после самоубийства или убийства своего предшественника Тархуна в 710 или 711 г. В 712 г. Гуреку в качестве царя Согда пришлось выдержать тяжелую борьбу с арабами во главе с Кутейбой. Война закончилась поражением Гурека. Согласно заключенному договору, о котором имеются сейчас бесспорные свидетельства источников — до нас дошел полный текст договора Кутейбы с Гуреком, Гурек был оставлен в качестве царя Согда под покровительством арабов. Однако со своей столицей Самаркандом Гурек должен был распрощаться. Арабы, вероломно нарушив условия договора, предусматривавшего оставление города в руках Гурека, заняли его своим гарнизоном. Как установил еще в конце прошлого века В. В. Бартольд, Гурек вынужден был перенести место своего пребывания в Иштихан или в заново им отстроенную резиденцию, названную Фаренкент. Дальнейшие известия о Гуреке разрозненны. Как отмечают исследователи, Гурек то примыкал к арабам, то выступал против них.

В 713 г. произошло восстание против арабов в Самарканде и одновременно развернулись военные действия арабов с тюрками в его окрестностях, окончившиеся неудачей для тюрков. В том же и в следующих годах Кутейба совершил поход в Фергану.

В 715 г. Кутейба оставляет семью в Самарканде во время повторного похода в Фергану. По сообщениям источников, не подлежит сомнению, что Гурек в это время находился вне Самарканда.

В том же году был убит сам Кутейба в результате мятежа в его собственной войске в результате смены халифов в Дамаске. В связи с этим важным для истории арабского завоевания Средней Азии событием источники отмечают, что согдийцы (знать) были на стороне Кутейбы, но о позиции самого Гурека ничего не известно.

После убийства Кутейбы политика арабов в Хорасане в целом и в Согде, в частности, претерпевала значительные колебания от «кнута к прянику» и наоборот.

До 717 г. в Самарканде начальствуют сыновья наместника Хорасана Иезида — Муавия и Мухаллад. Но в том же году или в начале следующего был назначен Джеррах — сторонник политики «меча и кнута». В Дамаске халифом

²¹ Там же. С. 43.

²² О Гуреке см.: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского завоевания // Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М., 1963. С. 243 сл.; он же. Древнетюркские надписи и арабские источники // Там же. Т. V. 1968. С. 284–311; Крачковская В. А., Крачковский И. Ю. Древнейший арабский документ из Средней Азии // Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Л., 1934. С. 50 сл.

стал Омар II, с именем которого связана общая «либерализация» арабской политики в Хорасане. Джеррах был отозван. Но сразу после прибытия следующего наместника происходит восстание согдийцев. Именно к этому времени в источниках снова всплывает имя Гурека. В 718–719 гг. он послал письмо китайскому императору, «крайне характерное для всей его политики», по словам И. Ю. Крачковского, и имевшее целью просьбу о помощи. В последующие годы (720–721) происходит крупнейшее восстание согдийцев, в котором участвовал Деваштич — правитель Пенджикента. И тут обнаружился сугубо эгоистический характер политики Гурека. Он к восстанию не примкнул. Движение потерпело поражение, и арабам удалось стабилизировать положение. До 728 г. Гурек, очевидно, был лоялен к арабской власти.

В 728–729 гг. согдийцы снова восстали в связи с изменившейся политикой арабских наместников по вопросу об обращении местного населения в ислам. В руках арабов остались только Самарканд и Дабусия. В 730–731 гг. в антиарабскую борьбу снова включились тюрки, к которым примкнул Гурек. Одновременно шли мятежи среди самих арабов. Под 735 (?) г. имеется сообщение о том, что Самарканд находится в руках неверных. В том же году в Хорасан был назначен наместником известный полководец Асад Ибн-Абдаллах, с именем которого и особенно с именем его преемника Наср Ибн-Сеййара, назначенного в 738 г., связан поворот в политике арабов в сторону к примирению со среднеазиатской знатью. В 738 г. Гурек умер.

На основании всего сказанного можно предположить, что монеты с изображением квадратного отверстия Гурек выпускал во время своего вынужденного пребывания в Иштихане или Ференкете. Эти монеты ходили по всему Согду. Как показывают находки в Пенджикенте, именно они являлись основной эмиссией Гурека по крайней мере до 720-х гг.

Монеты Гурека с квадратным отверстием весьма близки, как это уже отмечалось, к монетам Тархуна — предыдущего самаркандского царя. Несомненно, эти монеты Гурека выпускались в Самарканде.

В районе базарчика и прилегающих к нему мастерских было найдено три клада бронзовых монет — XVI/62, XVI/41, XVI/41 (табл.). Два из них обнаружены под полом мастерских (помещение 41 объекта XVI), неподалеку один от другого. Они, вероятно, были спрятаны кузнецом, который здесь работал. Оба клада состоят в основном из монет пенджикентских правителей.

Напротив базарчика, на другой стороне улицы, в помещении 62 объекта XVI, которое, видимо, было мастерской, в юго-западном углу, на полу, неподалеку от нишки в западной стене, были найдены 20 монет Гурека с изображением квадратного отверстия и одна монета Тархуна. Видимо, эти монеты входили в один клад, который вывалился из нишки. Пол, на котором найдены монеты, стратиграфически соответствует полу базара и прилегающих к нему мастерских.

Найденные в Пенджикенте клады бронзовых монет хронологически делятся на три группы: второй половины VII в. — два (I, II); первой четверти VIII в. — восемь (III–X); фельсов — третья четверть VIII в. — два (XI, XII).

По составу клады согдийских монет делятся на пенджикентские — четыре (VII–X), самаркандские — три (I–III), смешанные — три (IV–VI). Почти во все

Часть I. Избранные научные статьи

Тип монет	XXI/10*	XIV/11	XVI/72	XVI/72	XVI/62	XIV/5	XX/11	VII/11	XVII/11	II/5	XVI/41	XVI/41	XXIII/1	XX/7	Всего
Вархуман				1			5	1							7
Укар	5	2		1		1	3	1							13
Мастан-Навийан		6				2	1								9
Тукаспадак				12			5			1					18
Тархун					1	2	2								5
Гурек (тип II)					20		1								21
Пенджикентское литье						3			5						8
Амогийн								1							1
Бидйан			16			14	9	6	73	125	19	30			292
Пенджикентская царица			8			1	6	10	139	1	23	41			229
«у-шу»						2									2
Рамчитак				12		1	11								24
Самитан				1		2	4	1	1			2			11
Типа № 689									4			1			5
Сатачари								2							2
Типов № 747–774								2							2
Новый тип								2	7		1				10
Серебро									3		1				4
Самарканд, 761–762 гг.													2	7	9
Балх, 766–767 гг.														2	2
Бухара, 768 г.													2		2
Самарканд, 770 г.														7	7
Новый тип фельсов													1		1
Неопределенные согдийские с квадратным отверстием				4		15	13	3	7	2	2	12			58
Неопределенные фельсы													2		2
Всего монет в кладе	5	8	24	31	21	47	70	25	231	129	44	86	7	16	744

* Римской цифрой обозначен номер объекта, арабской — помещения.

клады входят в небольшом количестве монеты редких типов. Необходимо отметить, что клад фельсов — без примеси согдийских монет. Состав кладов как будто свидетельствует о том, что монеты в них специально подбирались. Серебро в кладах бронзовых монет было только в двух случаях. В большом кладе пенджикентских монет (XVII/11) встретила одна монета бухархудатов

(типа № 7–8). Интересно отметить, что этот клад был найден в глиняном водоносном кувшине. Все остальные были, вероятно, завернуты в тряпочки, следы которых в некоторых случаях отмечены. В другом кладе, большом по количеству монет и очень разнообразном по составу (XX/11), найдены три серебряные драхмы: Пероза — последнего периода его правления, Хосрова I и монета, относящаяся к эмиссии 295 г. по Р. Гёблю²³.

Приведенные данные показывают, что монеты Рамчитака, Самитана, неизвестного правителя (типа № 689), Сатачари, типов № 747–774, анэпиграфные, с изображением коня (типа № 734), с трезубцем на одной стороне и надписью — на другой, монеты с портретом правителя на аверсе и лирообразным знаком и надписью на реверсе найдены в кладах и слоях с четкой стратиграфией, относящихся к первой четверти VIII в. Таким образом, выпуск всех этих монет не может быть отнесен ко времени позже этой даты.

В кладах первой четверти VIII в. монеты ранних самаркандских правителей (до Тукаспадака) и пенджикентского правителя Амогйана очень редки. Таких монет в этих кладах не более 19, тогда как монет Бидйана, пенджикентской царицы, Тукаспадака, Тархуна и Гурека — 564. Это показывает, что пенджикентские и самаркандские монеты, которые составляли основу обращения мелкой монеты в Пенджикенте, почти полностью выходили из обращения через несколько десятилетий после их выпуска. Поэтому нам кажется маловероятным, чтобы сравнительно редкие монеты более отдаленных центров сохранялись в обращении дольше, чем местные, т. е. пенджикентские и самаркандские. Таким образом, перечисленные выше монеты Рамчитака, Самитана и т. д., скорее всего, были выпущены во второй половине VII — начале VIII в.

Надо отметить, что в шести кладах согдийских монет из 12 наблюдается небольшая примесь «самитанских» монет. Видимо, эти монеты территориально имели широкое хождение, так как пять таких монет найдено в Вахшской долине²⁴, а две — в Чилеке²⁵.

Археологи обычно датируют слой по монетам. Однако далеко не всегда сами монеты датированы. Отдельные типы монет приходится датировать на основании стратиграфии наслоений. В последнее время такая работа была начата исследователями раннесредневековых памятников Средней Азии²⁶. Древний Пенджикент — памятник этого периода, открывающий широкие возможности для установления дат различных типов монет. В этой статье мы затронули лишь часть вопросов, для решения которых важны стратиграфия и совместная встречаемость монет. Пенджикентские нумизматические находки важны и для решения многих других вопросов, связанных с денежным обращением и вообще с экономической жизнью Средней Азии в раннем средневековье.

²³ Эту миссию Р. Гёбль относит к Восточному Систану (?) или к Западной Арахозии (?) и датирует второй половиной VII в. См.: *Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*. Wiesbaden, 1967. Bd. I. S. 203–205; Bd. II. S. 95, 96; Bd. III. Taf. 81, *Em.* 295, 1, 12; 82, *Em.* 295, 13–16.

²⁴ Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье: АКД. Л., 1969. С. 5.

²⁵ Смирнова О. И. Нумизматические заметки // ЭВ. Вып. XVII. 1967. С. 36, 37.

²⁶ Кабанов С. К. Нахшебские монеты в V–VI вв. // ВДИ. 1961. № 1. С. 137–144.

РАННЯЯ АРАБСКАЯ НАДПИСЬ НА ЧЕРЕПКЕ ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА¹

А. М. Беленицкий, А. Исаков

Публикуемая арабская надпись была обнаружена на фрагменте керамического сосуда, найденного в 1964 г. при раскопках цитадели городища древнего Пенджикента (руководитель раскопок А. Исаков). Черепок этот находился на глубине 3,50 м от поверхности на полу внутреннего двора цитадели (в 0,80 м от южной и 5,70 м от западной стен) среди скопления обломков глиняной посуды, валявшихся вокруг очажного устройства. Пол и надпольный слой в этом месте сильно обгорели. Черепок с надписью также оказался закопченным (см. рисунок).

Черепок был отбит от тулова водоносного кувшина, который по форме и характеру теста, как и остальная найденная на полу двора посуда, хорошо датируется

первой половиной VIII в., что подтверждается также находкой в этом слое монет самаркандского царя Гурека (710–738).

Дошедший до нас фрагмент является частью более крупного черепка, разбитого в древности. Раскол прошел поперек всей надписи таким образом, что остались только концы строк.

В сохранившейся части надписи 11 строк. Вероятно, это количество строк содержала надпись и в своем первоначальном виде².

(1) امر موسى بن
(2) ...لرحمن بن الديبر
(3) ...عبد السلام
(4) ...د و جعفر بن سليمان
(5) ...
(6) حميد و يحيى ايداهم [?] ميمون
(7) هو بن مول محمد و سهم
(8) ...سميعيل و ...مول
(9) ...
(10) ...لو بن ميمون مول
(11) ...سلم [?]

¹ Первая публикация: ЭВ. XIX. 1969. С. 38–41.

² Скобки, многоточия и знаки вопроса применены нами в том же значении, что и в статье: Крачковская В. А., Крачковский И. Ю. Древнейший арабский документ из Средней Азии // Крачковский И. Ю. Избранные произведения. Т. I. М.; Л., 1955. С. 184, 185 (далее — Древнейший арабский документ...).

Строка 1. «...по приказу Мұсы сына». В первом слове вызывает сомнение написание мйма; в других словах его начертание несколько иное, особенно в рядом стоящем слове, начинающемся также с мйма. Однако и в написании других букв заметны различные отклонения.

Строка 2. «[‘Абд ар]-Рахман сын ал-Дабыра». Конъектура первого имени, от которого сохранились только последние буквы (نمحرل), единственно возможная и представляется вполне надежной. Два остальных слова читаются уверенно. В третьем слове обращает внимание широкий пробел между алифом и лāмом, но такие пробелы обычны в ранних памятниках арабской эпиграфики и, в частности, они имеются в арабском документе с горы Муг³.

Строка 3. «и ‘Абд ас-салām» вāв (и) сильно стерт, но следы от него заметны.

Строка 4. «и Джа‘фар сын (?) Сулеймана». Слово ڤ сильно стерто. Возможно, что следует читать ڤ ‘и.

Строка 5. Не читается.

Строка 6. «Хумайд и Йахйа, [которым] оказал помощь Маймўн».

Строка 7. «...Маулā Мухаммада и доля». Для первых четырех знаков, которые могут входить в одно слово, удовлетворительного чтения или конъектуры предложить не можем. Следующее слово с некоторой натяжкой читается маулā. Верх лāма очень сильно стерт, и не заметен переход его к йā. Это же слово встречено в надписи еще два раза, но оба раза буква йā не прослеживается. Таким образом, в правильности чтения быть полностью уверенным трудно. Имя собственное Мухаммед читается удовлетворительно, несмотря на стертость краски. Последние два слова хорошо сохранились. В знаке сйн последнего слова отсутствует третий зубец, но едва ли можно предложить другое чтение.

Строка 8. «[И]сма‘ил и Джа‘фар маулā [?]...» Чтение первого слова, несмотря на отсутствие айфа, не вызывает сомнения. В имени Джа‘фар верхняя наклонная палочка джима стерта, но след от нее заметен. Лām в слове «маулā» сохранился яснее, чем в предыдущей строке, но переход к йā также не улавливается.

Строка 9. Буквы, сохранившиеся в этой строке, графически четкие, но принадлежат к тем знакам арабского алфавита, которые могут иметь много значений. Предложить определенное чтение не можем.

Строка 10. «если от Маймўна Маулā». Чтение первого слова предположительное. Сохранившиеся в начале два знака могут быть и концом другого слова.

Строка 11. Знак, которым заканчивается 11-я строка, вероятно, означает конец текста.

Дать связный перевод публикуемой надписи, разумеется, невозможно. Можно лишь высказать некоторые соображения по поводу ее содержания, отталкиваясь от отдельных слов и терминов. Первое слово, если верно его предлагаемое чтение, означающее «по приказу, по распоряжению», указывает, что эта надпись

³ Древнейший арабский документ... С. 205.

содержит не сам приказ, а исполнение устного или письменного распоряжения некоего Мусы, касающегося определенной группы лиц. Но в чем заключалось распоряжение?

Среди других слов надписи, если не считать союза *вāv*, только три имеют смысловое значение: «оказал им помощь» (строка 6), «маулā» и «доля» (строка 7). Последнее из них обозначало в период арабского завоевания долю, которую получал каждый воин, участник сражений, при разделе военной добычи. Наличие этого слова подсказывает предположение, что надпись эта является списком лиц, получавших такие «доли». Может быть, список этот добавочный.

Для времени арабского завоевания характерно и второе слово — «маулā». Оно обычно переводится словом «клиент». В качестве социального понятия этот термин давно привлек внимание исследователей, и ему посвящена большая литература. Краткая характеристика его значения, как и роли маулā в составе

войск арабов, дана И. Ю. Крачковским при анализе содержания письма Диваштича. «Под этим словом, — пишет И. Ю. Крачковский, — в истории халифата разумеются обыкновенно лица не арабского или не свободного происхождения, принятые в покровительство, как бы в клиентуру какого-нибудь арабского племени или отдельного лица». Значение маулā в войске арабов, действовавших в Хорасане и Средней Азии, было весьма велико (на 47 тысяч арабов указывается 7 тысячмаулā)⁴.

Как мы видели, слово «маулā» трижды встречается в надписи: один раз перед именем Джа'фар, два раза перед именем Маймун. Первое имя, как и все остальные собственные имена, обычно для арабов и встречается постоянно в источниках времени арабских завоеваний. Что касается второго, то оно несколько специфично. Точное значение его — «преуспевающий, счастливый», а в обиходе получило значение «обезьяна». Представляется, что Маймун был неарабом. Вполне вероятно, что будучи маулā, он, для того чтобы получить «долю», должен был особо отличиться и на это, вероятно, и указывают слова «он оказал им помощь» при его первом упоминании (строка 6).

Надпись на черепке из Пенджикента

⁴ Там же. С. 69.

Из других собственных имен особняком стоит имя отца 'Абд ар-Рахмāна, ад-Дабйр (строка 2). В персидском и согдийском оно означает «писец, секретарь». Мы не знаем, сопровождалось ли это звание другим собственным именем. Но вполне вероятно, что 'Абд ар-Рахмāн был сыном персидского или согдийского писца и, таким образом, принадлежал к первому поколению местного населения, принявшего ислам, что вполне согласуется с датировкой нашей надписи.

Имея ограниченное значение по своему содержанию, рассматриваемая надпись представляет определенный интерес в качестве памятника ранней арабской палеографии.

Даже при самом первом сличении нашей надписи с письмом Диваштича бросается в глаза близость их почерков между собой. Разумеется, написанный на черепке наш документ не может претендовать на «изящество», отличающее, по словам В. А. Крачковской, шрифт письма Диваштича⁵. Однако основные особенности вполне выработанного арабского письма, которые демонстрирует письмо Диваштича, присущи и нашему документу. Это прежде всего четкость в написании почти всех знаков. Надписи на черепке присущи и другие качества, например округлость знаков, а также и тенденция к наклону влево. Особенно характерно написание такой буквы, как *lām*.

Естественно, что могут быть установлены и некоторые особенности в шрифтах обоих памятников, но они обусловлены индивидуальными качествами писцов и характером материала, на котором они написаны. Едва ли также писец при написании документа на черепке имел в виду каллиграфическую сторону шрифта, что так ярко выступает в письме Диваштича. Тем не менее и почерк нашего документа выдает руку квалифицированного профессионального писца-канцеляриста. О том, что он был канцеляристом, притом ведавшим приходно-расходной документацией, свидетельствует разграфленность черепка — признак того, что в канцелярии составлялись приходно-расходные ведомости. Эта деталь может служить подтверждением сказанному о содержании нашего документа, т. е. что это распоряжение о включении определенного количества лиц в общие списки воинов, получавших «долю» добычи. Видимо, не случайно и то, что надпись найдена в цитадели. Арабский гарнизон, естественно, помещался в этой наиболее укрепленной части города.

Таким образом, палеографические признаки в целом вполне согласуются с собственно археологическими наблюдениями в отношении датировки нашего памятника. Надпись на черепке была сделана около 720/721 г., когда было написано письмо Диваштича, но скорее всего после поражения Диваштича в долине горной речки Кум и занятия Пенджикента арабами, поместившими в цитадели гарнизон.

В общем наш документ, несмотря на фрагментарность, скромный размер и такое же непритязательное содержание, будучи вторым, но очень близким по времени к своему прославленному собрату, заслуживает занять место в истории ранней арабской эпиграфики Средней Азии.

⁵ Там же. С. 211.

ЧЕРТЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СОГДИЙЦЕВ VII–VIII вв. В ИСКУССТВЕ ПЕНДЖИКЕНТА¹

А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак

Памяти Бенджамина Роуланда

Отражение мировоззрения эпохи в памятниках искусства обычно изучается с точки зрения истории искусств, когда произведения живописи и скульптуры истолковываются с помощью письменных источников. Для домусульманской Средней Азии памятники искусства в связи со скудостью письменных источников сами приобретают решающее значение для исследования мировоззрения живших здесь народов.

Однако в большинстве случаев эти памятники характеризовали религиозные представления, причем чаще всего не специфически местные, а связанные с такой мировой религией, как буддизм. Были открыты и дворцы со скульптурным и живописным декором, но оставалось неясным, во-первых, насколько эти дворцы связаны с древневосточной, пережившей эллинизм традицией династического искусства, а во-вторых, насколько в них отразились вкусы и воззрения широких кругов общества.

Памятником, который впервые познакомил нас с кругом интересов и представлений сравнительно широких слоев местного городского населения, стал древний Пенджикент, самый восточный из городов самаркандского Согда, на городище которого вот уже тридцать лет ведутся археологические раскопки.

Сейчас раскопками вскрыто более четверти всей территории древнего города, и поэтому появилась возможность судить о той обстановке, в которой создавались произведения искусства. Пенджикент был столицей небольшого согдийского княжества, владетель которого Деваштич в начале VIII в. стал настолько влиятельным, что сделал попытку овладеть престолом государя всего Согда. Город, как показали археологические работы, возник в V в. и пережил свой расцвет на рубеже VII–VIII вв. В VIII в. город перенес неоднократные

¹ Первая публикация: История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 75–89, 179–186.

нападения арабов и в 70–80-е гг. этого века полностью опустел, чтобы позже возродиться уже на другой территории. Большинство стенных росписей Пенджикента относится к концу VII или началу VIII в., хотя некоторые из них датируются V–VI вв., а некоторые другие, возможно, относятся к началу второй трети VIII в.

Несмотря на свою небольшую площадь — около 13,5 га в пределах городской стены (без цитадели), Пенджикент был настоящим городом. Его территория была застроена кварталами двух- и трехэтажных домов, вплотную примыкавших друг к другу. Вдоль узких улиц раскопаны тянувшиеся рядами торговые и ремесленные заведения. Сейчас открыто более ста многоквартирных жилищ, принадлежавших древним пенджикентцам. Около трети из них, т. е. почти все дома состоятельных горожан, а не только жилища аристократов, имеют парадные залы с росписями и скульптурой. Раскопки показали широкое распространение монументального искусства, которое трудно было даже предполагать: не только храмы (их в Пенджикенте два), не только недавно открытый дворец государя, но и десятки частных жилых домов рядового городского обитателя оказались настоящими «музеями» согдийской живописи и скульптуры.

В доме знатного согдийца обычно было несколько помещений, украшенных живописью: это квадратный зал, ведущий к нему коридор, а также домашняя «капелла» с алтарем, пол которой был расположен несколько выше, чем пол зала и коридора (рис. 1). В расположении живописи была определенная система, которая лучше всего прослеживается в росписи квадратных залов. Прямо против входа, нередко в нише, помещали большую фигуру божества, иногда в сопровождении других божественных персонажей. Рядом с божеством были изображены стоящие или коленопреклоненные согдийцы — участники обряда. Если божество помещалось на задней стене ниши, то эти фигуры могли быть и по ее боковым стенам. По сторонам всей центральной группы несколькими лентами высотой около 1 м шли росписи с батальными или пиршественными сценами, часто целые эпические повествования. Высота нижнего ряда росписи, проходившего и под фигурой божества, и под эпическими сценами, была не более 50 см. Эта полоса заполнялась орнаментом, однако нередко ее делили вертикальными полосами на прямоугольники, в которых помещали фигурные композиции иного характера, чем в верхних рядах: здесь обычны сказочные, басенные или жанровые сюжеты.

Убранство залов не ограничивалось живописью: по верху стен, видимо, размещались деревянные кариатиды, под потолком шел резной фриз с изображениями богов в декоративных арках, а сам потолок состоял из балок и досок, также украшенных резьбой.

В целом росписи и скульптура пенджикентского дома — это не только декор, не только произведения выдающихся художников, но и отражение взглядов владельца дома на мир и на свое место в этом мире. Входя в дом, гость видел перед собой божество, которому поклонялся хозяин дома (а это были разные боги в разных домах), видел изображения самого хозяина и его близких около божества. Менее знатные люди были нарисованы мельче, более знатные — крупнее. Так воспроизводилась иерархия этих людей в обществе и их место

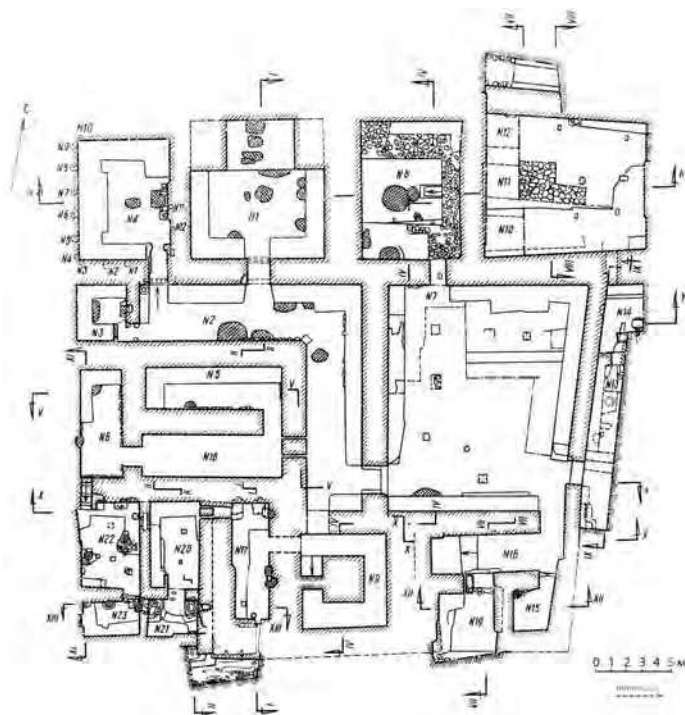

Рис. 1. План аристократического дома, объект XXI
(помещения № 1, 2, 3, 4 с живописью; помещение № 1 — зал, помещение № 4 — «капелла»)

по отношению к миру богов. К сожалению, современный исследователь не может увидеть полностью картину, открывавшуюся глазам согдийцев.

В развалинах отдельных домов сохранились только части центральной композиции, обычно более всего разрушенной. Восстановить такую композицию как единое целое трудно. Приходится сопоставлять фрагменты росписей из разных зданий, что, безусловно, нивелирует их индивидуальные особенности. Сразу отметим, что изучение росписей еще не дает возможности реконструировать религию Согда. Однако оно позволяет выявить некоторые соотношения между изображениями, отражающие специфику мифологии, ритуалов, общественной жизни согдийцев. В этой статье для нас главное — выявление (и по возможности объяснение) соотношений, а не поиск иконографических прото-

типов, который часто ведет к подмене осмысления самих образов сведением их семантики к значениям прототипов в системе другой культуры. Как это обычно в исследованиях, построенных на основе археологических материалов, конкретность описаний будет контрастировать с обобщенным, предположительным характером выводов. Расшифровка содержания — длительный процесс, в ходе которого изучение соотношений образов и их места в репертуаре согдийского искусства — один из неизбежных этапов.

Наиболее древние сцены поклонения божеству открыты в северной капелле храма II, разрушенной в VII в. при перепланировке двора этого храма. Росписи относятся к двум строительным периодам (V — начало VI и VI в.). От первого периода сохранились остатки двух расположенных лицом друг к другу сцен поклонения² — с богиней на львином троне и с богиней на троне с «сенмурвом». Обе богини со знаменем. Эти росписи были застроены стенами второго периода, к которому относится ниша с изображением четверорукой богини, сидящей на драконе. Образ богини со львом угадывается только по остаткам линий складок одежды, части трона и полотнища знамени, а у богини с «сенмурвом» художник наметил четыре руки и меч, но в окончательном варианте нарисовал две руки (со знаменем и музыкальным инструментом). Датировке помогает керамика V — начала VI в. в заполнении суфы второго периода.

Остановимся подробнее на росписях ниши. Ее стены сохранились далеко не полностью. Глубина ниши 1,50 м, ширина 1,10 м, открытая сторона обращена на восток. Северная боковая стенка при высоте 2 м сохранила живописный покров на высоту около 1,50 м, но с очень большими лакунами и выбоинами. Южная стенка сохранилась всего на 0,50 м. В лучшем состоянии оказалась западная стена, где была изображена центральная фигура, однако здесь полностью утрачен верх стены, на которой помещалась голова этой фигуры. Божество женское, четверорукое, изображено сидящим на спине фантастического животного. От плеч поднимаются языки пламени. Заметны остатки от нимба и от лент головного убора. Концы двух толстых черных кос спускаются на плечи к груди. На груди и руках богини богатые украшения. Многие из них выполнены золотой фольгой.

Кисти обеих правых рук не сохранились. П. И. Костров, сделавший прорисовку росписи, подметил небольшой фрагмент рисунка — сегмент кольца или шарика, по всей вероятности, конец жезла или другого предмета, который божество держало в правой нижней руке.

В нижней левой руке с золотым перстнем богиня держит конец накидки, в верхней левой руке — древко знамени. Полотнище его длинное, несколько расширяющееся книзу, украшено рядами разноцветных треугольников. К низу полотнища привешены бубенцы.

У фантастического животного, на спине которого сидит богиня, голова дракона с острыми клыками. Верхняя челюсть заканчивается коротким, спиралевидным, загнутым вверх хоботом. Над большими, прячущимися в складках кожи глазами густые черные брови. Опушенные книзу уши похожи на широкие стилизованные листья. Тело змеинное, свернувшееся кольцами.

² Беленицкий, Маршак 1973: 58–61.

Оно заканчивается веерообразным хвостом. Чудовище лежит на овальном ковре, обрамленном красной каймой³.

В изобразительном искусстве Средней Азии четверорукие женские божества представлены давно привлекавшими к себе внимание исследователей изображениями на группе серебряных чаш. Они держат в руках эмблемы луны и солнца. Сейчас не вызывает сомнения, что названные чаши — изделия среднеазиатских мастеров, изготовленные в Хорезме, — это следует из сохранившихся на них надписей хорезмийским письмом⁴. Пенджикентские четверорукие божества (в том числе и описанное выше) свидетельствуют, что этот образ был хорошо известен и в Согде. Четверорукие божества также занимают определенное место в близкой по времени культовой буддийской иконографии Восточного Туркестана.

Останавливаться здесь на всей обширной литературе, посвященной их интерпретации, мы не можем. Однако несомненно, что иконография этих культовых образов зародилась в Индии, проникла в Среднюю Азию и Восточный Туркестан именно из этой страны. Вместе с тем прямой аналогии пенджикентской богине со всеми ее атрибутами в индийской иконографии мы не находим.

В недавно опубликованной статье Н. В. Дьяконовой и О. И. Смирновой ранее открытое в Пенджикенте изображение четверорукого женского божества интерпретируется как образ Нанайи⁵. Действительно, есть основания считать, что в Средней Азии, в частности в Согде, существовал культ этой богини. Однако новая находка осложнила вопрос об интерпретации.

Сравнивая иконографию ранее открытых хорезмийских и согдийских четвероруких божеств с богиней, о которой идет речь, обнаруживаем большие различия в атрибутах: у последней нет эмблем солнца и луны, кроме того, она сидит на драконе (усложненный образ индийского «макары»), а не на льве, как это обычно для среднеазиатских изображений четверорукой богини. Многие детали связывают сидящую богиню со скульптурной панелью из того же объекта II, где изображен водный поток, в котором размещены различные существа, и в том числе «макара»⁶. Представляется вероятным, что и в данном случае речь идет о божестве, связанном с водной стихией, и прежде всего с почитавшейся согдийцами рекой Зеравшан, протекающей у Пенджикента.

И глиняная скульптура, и живописное изображение водных божеств в Пенджикенте находят аналогии в двух недавно исследованных памятниках Хадды. Это т. н. Fish Porch, обнаруженный афганским археологом Мустаминди⁷, где стены и пол покрыты глиняной скульптурой с изображением струй воды и плывущих в ней существ, а также и опубликованная Б. Роуллендом капитель пилястра, на которой у ног богини представлены фантастические существа со змеиным телом, олицетворяющие местные реки⁸. Б. Роулленд убедительно объ-

³ Беленицкий 1973: табл. 1–3.

⁴ Смирнов 1909: табл. XVIII, 42–44; Бадер 1954: рис. 50; Livshits 1968: 434–435.

⁵ Дьяконова, Смирнова 1967.

⁶ Скульптура и живопись... 1959: табл. XXVII–XXXII.

⁷ Mustamindi 1968.

⁸ Rowland 1966.

ясняет иконографию этого божества эллинистической традицией изображения городских богинь, восходящих к статуе знаменитой Тюхе Антиохии, у подножия которой было изображено плывущее божество реки Оронт. При несомненном отличии в деталях иконографии семантика пенджикентского изображения представляется близкой к семантике рельефа из Хадды.

Вместе с тем пенджикентская четверорукая богиня не может быть полностью понята, так как не сохранились ее голова и корона, а также две правые руки, в которых, как можно полагать, находились эмблемы, раскрывавшие смысл всего изображения.

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о значении нового изображения, отличающегося рядом деталей от ранее открытых, следует лишь добавить, что, как показывает их сравнение, одного признака — четверорукости — недостаточно для отождествления с определенным божеством, поскольку теперь мы знаем уже два разных образа с этим признаком.

На боковых стенах ниши, в глубине которой находилось изображение богини, были представлены шесть мужских фигур, по три с каждой стороны. Ни одна из них не сохранилась полностью. Только на северной боковой стене контуры прослеживаются до уровня шеи. Ниша была заложена кладкой из необожженного кирпича уже в VII в., во время постройки стены двора храма II. По своим техническим особенностям и по деталям костюма поклоняющихся богине согдийцев эта живопись археологически датируется не позже начала VII в. Она напоминает росписи храма II, сравнительный архаизм которых отмечал уже М. М. Дьяконов⁹. Детали одежды и оружия находят аналогии в сасанидском искусстве и отчасти в ранних росписях Кызыла (а не в более поздних пенджикентских изображениях второй половины VII и начала VIII в.). Видимо, V–VI вв. — наиболее подходящая дата и для остального декора храма II.

Ниша относилась к боковой капелле храма. Похожая композиция была характерна и для его главного зала¹⁰: фигуры мужчин на пилонах у входа в целлу, где когда-то стояли статуи богов, — не «стражи», как это ранее предполагали, а донаторы. На простенках в обоих случаях помещены по три стоящие фигуры, из которых ближайшая к божеству гораздо меньше остальных. На росписи главного зала видно, что в руке одного из персонажей типичный согдийский жертвенник.

В Пенджикенте открыты и более поздние композиции такого же рода. К VII в., по-видимому, относятся две сцены поклонения одному и тому же божеству с синим телом. Общая датировка сцен подтверждается чрезвычайно сходными фигурами молящихся и особенно их прическами и покроем костюмов, несколько отличающимся от обычного для других росписей Пенджикента, но похожим на костюм из Балалык-тепе¹¹. Открытая в 1952 г. композиция¹² обнаружена в раннем доме квартала (объект VI), к которому пристраивались соседние

⁹ Живопись... 1954: 128–129.

¹⁰ Там же: табл. XVII.

¹¹ Альбаум 1960.

¹² Скульптура и живопись... 1959: табл. IX.

дома. Композиция, открытая в 1962 г. на объекте VII¹³, находилась в помещении, перестроенном из остатков более ранней городской стены V–VI вв. Можно предполагать, что оба фрагмента несколько старше других росписей VI и III объектов.

Фигура божества лучше видна на фрагменте, открытом на объекте VII (рис. 2). Полуобнаженный мужчина с тигровой шкурой на бедрах изображен в бурном движении, от повязок на его руках отходят развевающиеся ленты. На груди виден шнур с бубенцами. Положение ног и корпуса несколько напоминает «позу стрелка из лука» в индийском искусстве, но здесь, вероятно, эта поза передает лишь фигуру танца. Голова окружена нимбом, от плеч отходят языки пламени. Черты лица с крутым изгибом бровей и синий цвет обнаженного тела характерны для иконографии некоторых божеств Индии. Жезл у правого локтя похож на трезубец, но плохая сохранность живописи не позволяет настаивать на этом отождествлении. У ног божества скорее всего стилизованные листья аканта.

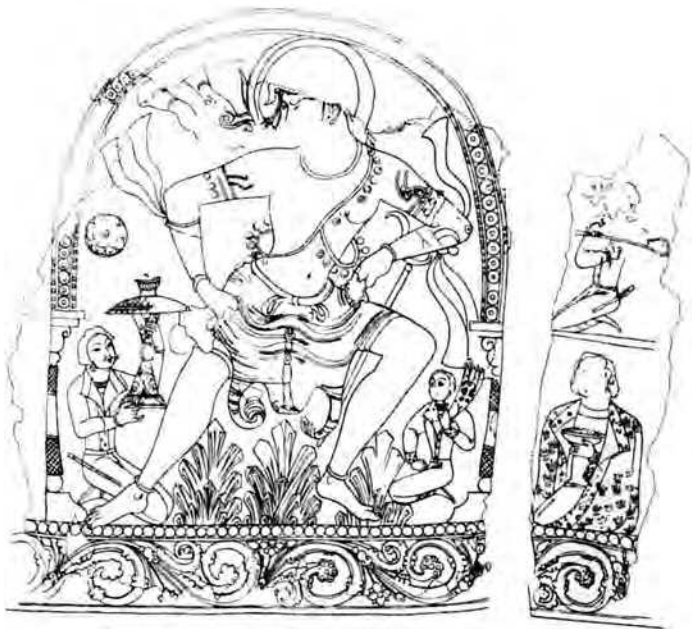

Рис. 2. Синетелое божество. Прорисовка П. И. Кострова

¹³ Беленицкий 1964: 36–37, рис. 8.

Сходство с иконографией Шивы бесспорно, хотя трудно подыскать в искусстве Индии прямой прототип для нашего изображения.

Шиваитские черты еще более определены в изображении, открытом в 1967–1968 гг. на объекте XXII, в алтарной нише парадного зала дома, принадлежавшего представителю городской знати. Стена с росписью рухнула, и композицию приходится восстанавливать из отдельных фрагментов¹⁴. На небесносинем фоне была изображена стоящая фигура трехголового и шестирукого божества (рис. 3). Все лица с тремя глазами. Среднее из них — мужское, по его правую сторону — женское лицо, а на противоположной стороне — синее демоническое лицо. Из плеч поднимается пламя. Оплечья одежды в виде голов разных животных, из пасти которых как бы выходят рукава. Из атрибутов хорошо видны трезубец, меч и рог, в который трубит женская голова.

По правую сторону стоящего божества помещена сидящая фигура богини, окруженная ореолом из ветвящихся языков пламени. Богиня сидит на складном

Рис. 3. Трехглавый бог. Прорисовка В. М. Соколовского

¹⁴ Оригинал в настоящее время реставрируется, на рис. 3 воспроизведена схематическая прорисовка части композиции.

табурете с пересекающимися ножками. Табурет украшен протомами крылатых львов. На синем фоне изображены также второстепенные персонажи, выполненные в более мелком масштабе. Насколько можно судить по фрагментам, это были рыба, «нага» с человеческим телом и змеиным хвостом и орел, несущий в когтях женщину. Последнее изображение напоминает сюжеты известного сасанидского блюда, золотого кувшина из Надь Сент-Миклоша и нескольких памятников исламского искусства X–XII вв.

Трехголовый бог находит аналогии в шиваитской иконографии, заставляя вспомнить в первую очередь так называемого Шиву Элефантины¹⁵. В живописи очень сходный образ трехголового божества имеется на фрагментах стенных росписей и на иконах Восточного Туркестана. Особенно близко к нашему изображению на иконе VIII в. из Дандан-Уйлика в Хотане, изданной М. А. Стеином¹⁶. Здесь, однако, бог сидит на троне в виде двух быков, его тело синее, а на бедрах шкура тигра. В руках у него ваджра, плод и, насколько можно различить, эмблемы луны и солнца. На другой хотанской иконе трехголовый и девятиглазый бог сопровождается своей шакти¹⁷. Еще на одной из хотанских икон у трехголового бога другие атрибуты, а эмблемы солнца и луны переданы женскому четверорукому божеству, тогда как ваджру держит мужское божество с тремя глазами и двумя руками¹⁸.

О богине с эмблемами солнца и луны в руках, сидящей на троне в виде льва, хорошо известной по хорезмским серебряным чашам и по пенджикентским росписям¹⁹, уже упоминалось выше. Возникает вопрос, не считалась ли эта богиня в Согде, как и в Хотане, супругой бога, которого изображали трехликим и многоруким, и нельзя ли тогда считать другим иконографическим вариантом того же божества богиню, которая в росписи объекта XXII помещена рядом с трехликим богом? Примечательно, что престол этой богини украшен протомами крылатых львов.

Не исключено, что навеянные иконографией Шивы образы танцующего и трехглавого божества в Пенджикенте оба относятся к какому-то одному богу. Если справедливо предположение, что хотанские и согдийские изображения близки не только иконографически, но и по содержанию, то за отождествление богов будут общие признаки образов пенджикентского танцующего и хотанского трехликого божеств — синее тело и тигровая шкура на бедрах. Однако индийские иконографические параллели не дают еще оснований для отождествления самих божеств, тем более что многие детали чужды индийским прототипам. Все, что мы знаем о религии Согда, не позволяет считать согдийцев шиваистами.

Хотанские иконы с изображениями похожего на Шиву бога почитались буддистами. На оборотной стороне одной из тех икон, в композицию лицевой стороны которой включен трехголовый бог, находилось изображение Будды.

¹⁵ Banerjee 1956: 123.

¹⁶ Stein 1907: pl. LX, D. VII; cp.: Stein, Andrews 1948: pl. V, Bal. 0200.

¹⁷ Stein 1907: pl. LXII, D. X. 8.

¹⁸ Ibid.: pl. LXIV, D. X. 3.

¹⁹ Живопись... 1954: табл. XX–XXV.

Но в хотанских иконах, по установившемуся в науке мнению, как-то отразились и небуддийские верования местных иранцев.

По-видимому, согдийцы, как и другие иранские народы, в течение долгого времени не имели устойчивой письменной и иконографической религиозной традиции. Не случайно до нас дошли тексты на согдийском языке с буддийскими, христианскими и манихейскими сочинениями, но нет текстов, относящихся к национальной религии Согда. Не случайно, видимо, и то, что богатая иконография согдийских и хорезмийских культов VI–VIII вв. находит гораздо больше аналогий за пределами Средней Азии, чем в ранних местных памятниках. Многочисленные согдийские терракоты первых веков нашей эры не имеют ничего общего с иконографией монументального искусства VI–VIII вв., которая, однако, близка к иконографии терракот раннего средневековья.

В условиях конкуренции с буддизмом, манихейством и христианством — религиями с развитым культовым искусством — местные жрецы в IV–VI вв. могли приспособить индийские образы для передачи своих религиозных представлений. Уже в IV в. сасанидские правители бывших кушанских владений в Бактрии, сохранив кушанское изображение Шивы на своих монетах, заменили легенду: «вместо имени божества *vəša* “Шива”, как на позднекушанских монетах, среднеперсидская легенда знаками кушанского письма *borzoondo yozdo* “высокий (великий) бог”». По мнению В. Г. Луконина, «Шива на кушано-сасанидских монетах понимался как Ахура Мазда», что стало возможным именно из-за отсутствия исконной иконографии индийских божеств²⁰.

Однако если при дворе сасанидских наместников в Бактрии IV в. и существовало такое понимание одного типа изображений Шивы, то в Согде VII в. понимание других типов изображений Шивы могло быть отличным. Изображения богини с предстоящими²¹ и четы богов (Шива и Парвати?) на троне в виде быка²², обнаруженные советской экспедицией на городище Дальверзин в Северном Афганистане, показывают, что на территории Бактрии в IV–V вв. не только на монетах, но и в живописи применялась иконография, во многом связанная с индийской, но, с другой стороны, похожая и на раннюю согдийскую V–VI вв. Значение связей Согда с Тохаристаном и Ираном в кушано-сасанидский и эфталтский периоды для сложения раннесредневекового согдийского искусства, безусловно, было очень велико, однако, возвращаясь от искусства к культам, снова приходится отметить, что нам все еще слишком мало известно о верованиях согдийцев, несомненно отличавшихся от сасанидского зороастризма, чтобы определять имена богов по их изображениям.

Индийские влияния своеобразно преломлялись в согдийской среде. В. А. Лившиц, любезно ознакомивший нас со своей еще не опубликованной работой, недавно прочитал согдийскую надпись, нанесенную тушью на одежде трехглавого бога из Пенджикента. Таким образом, ему впервые удалось сопоставить изображение и имя божества: *wšprkr* (или *wyšprkr*) надписи — согдийская

²⁰ Луконин 1967: 20, 26.

²¹ Кругликова, Сариниди 1971: 171–174, рис. 13.

²² Кругликова 1973: 13.

передача санскритского Вишвакарман, буквально «творец всего». Это имя встречается в согдийских буддийских и в одном манихейском текстах. Как отмечает В. А. Лившиц, в согдийской версии «Вессантара-джатаки» упоминается трехликий Вишвакарман, что соответствует живописному изображению. Явно небуддийская иконография Пенджикента заставляет считать, что в данном случае индуистское божество, видимо, через буддизм было включено в местную религиозную систему. На этом пути как будто изменилась под воздействием новых условий и его иконография, включившая признаки образа Шивы.

Обзор памятников культового искусства, недавно открытых в Пенджикенте, показывает, что в начале средних веков местная религия Согда обладала богатой и детально разработанной иконографией. На данном этапе можно утверждать, что в состав пантеона входили божества стихий, божества небесных светил. Безусловно, большую роль играл культ предков, о котором хорошо известно и по письменным источникам.

К сожалению, сами культовые памятники дают нам слишком мало материала об иерархии богов. Только в нескольких случаях совместно изображены два божества. Для изучения согдийского пантеона важны росписи Шахристана²³, которые показывают, что согдийское население Уструшаны почитало тех же богов, что и пенджикентцы. В одном зале Шахристана были нарисованы четверорукая богиня на льве и трехглавый бог, тогда как в Пенджикенте такие изображения найдены только в разных жилищах. Эта новая находка подтверждает, что божества из росписей пенджикентских домов входили в один пантеон.

Трехликий *wyšprk* шахристанской живописи возглавляет целое войско, сражающееся с полчищем демонов, тогда как индуистский и буддийский Вишвакарман — это прежде всего божественный строитель.

Напротив входа в зал находилась огромная фигура мужского божества на троне с опорами в виде коней. Другие божества, в том числе богиня на льве, показаны в меньшем масштабе. Наоборот, в Пенджикенте в одном из залов (объект XXVI, раскопки 1972 г.) эта богиня была изображена на середине стены и в большем масштабе, чем другие боги, один из которых — на троне с двумя конями. В обоих случаях, видимо, отражается не иерархия богов в пантеоне, а предпочтение того или иного божества в домашнем культе разных семей. Однако Шахристан дает с эмблемой солнца (аналогичная сцена в 1974 г. найдена в Пенджикенте) и материалы по иерархии божеств. Там один из богов на колеснице, запряженной, как у бамианского «Митры», крылатыми конями, приближается к едущей ему навстречу четверорукой богине, сидящей на льве. В сторону этого бога обращена рука богини. На хорезмийской чаше богиня тоже едет на льве, но здесь перед ней (снова со стороны эмблемы солнца) коленопреклоненная фигурка. На чаше поза этой фигуры явно свидетельствует о поклонении, а такая же поза бога в сходной композиции поэтому может говорить о более низком месте этого бога по сравнению с богиней на льве в иерархии согдийских божеств.

Наблюдаются как будто некоторые изменения обряда поклонения (или манеры его изображать). В сценах с синетелым божеством в отличие от еще более

²³ Негматов 1973.

ранних росписей храма II молящиеся изображены коленопреклоненными, и, кроме того, наряду с мужчинами показаны и женщины. На фрагменте из объекта VII (рис. 2) жертвенник держит в руке коленопреклоненный юноша. Этот юноша и другой юноша с пучком ветвей (?), помещенный напротив него, введены внутрь арки, изображающей нишу со статуей божества, подобную нишам храма. Пространство здесь передано весьма условно. Юноша, который стоит перед нишей, показан позади ноги статуи бога, помещавшейся в нише. Это, возможно, объясняется тем, что художник не смел заслонять даже небольшую часть изображения божества фигурой человека. Кроме обоих юношей к той же сцене относятся показанные на боковой стене музыкант и какая-то знатная женщина (?) в плаще, украшенном знаками в виде трезубца. В открытой в 1952 г. росписи парадного зала 8 из жилого дома квартала VI нет ниши, даже рисованной, все молящиеся изображены на той же стене, что и объект поклонения, который, однако, выделен мандорлой. Хорошо видны дары в руках женщин. В обеих росписях фигуры, расположенные дальше от божества, переданы в более крупном масштабе.

В зале 7 жилого дома квартала III²⁴, в помещении 10 первого храма²⁵, а вне Пенджикента — в Восточном зале дворца бухарских правителей в Варахше в росписях рубежа VII–VIII вв. жертвенники изображены уже установленными²⁶. Перед огнем в одинаковых позах коленопреклоненные мужчины с чашей в левой руке и с напоминающим ложку предметом в правой, протянутой к огню руке. В парадном зале 7 живопись плохо сохранилась. Видно только, что объектом поклонения было божество, сидевшее на троне в виде льва.

Во дворце Варахши мужское божество было представлено крупномасштабной фигурой, сидящей на троне, опирающемся на две статуи крылатых верблюдов²⁷. Около трона, с его левой стороны, показан маленький коленопреклоненный музыкант — почти такой же, как в сцене поклонения из объекта VII Пенджикента. В храме, в помещении 10, жертвенник стоит перед дверью в помещение 10а, расположенное в глубине, в котором, видимо, и был когда-то изображен объект поклонения.

Эти три сцены относятся к разным по их месту в общественной жизни культурам: к обрядам, совершавшимся в боковой капелле, пристроенной к городскому храму, в доме городского аристократа и во дворце государя. Каждый из этих памятников представляет собой как бы запись отношений между людьми и богами, а также запись отношений между людьми, участвовавшими в обряде.

В жилых домах Пенджикента, к сожалению, сохранились только фрагменты композиции. В Варахше у жертвенника сидит мужчина в богатой одежде с мечом и кинжалом, позади него — женщина, а за ней — две фигуры меньшего роста, видимо, дети этой четы. Головы мужчины и женщины окружены нимбами.

²⁴ Живопись... 1954: табл. XXVI, XXVIII.

²⁵ Там же: табл. VII, VIII.

²⁶ Шишкин 1963: табл. XIV, XV.

²⁷ В своей книге В. А. Шишкин объясняет фигуру на троне как изображение государя [Шишкин 1963: 159]. Однако аналогичные композиции из Пенджикента дают основания видеть в этой фигуре изображение божества и соответственно понимать сцену как культовую.

По другую сторону жертвенника, у подножия трона божества, изображен музыкант (?) с неясным изображением инструмента у левого плеча. У него нет меча, но есть княжал. Масштаб этой фигуры меньше, чем масштаб фигуры мужчины. За головой мужчины помещен крылатый верблюд, несущий кольцо (?) с длинными лентами. Видимо, это символ покровительства со стороны бога, который был изображен сидящим на троне, украшенном крылатыми верблюдами. На ножке жертвенника есть еще одно изображение этого же бога, но в другом иконографическом варианте — в арочном обрамлении и на престоле в виде лежащего верблюда. Скорее всего мы видим здесь семью правителя Бухарского оазиса, причем дата росписи делает вероятным предположение, что фигура женщины — это портрет знаменитой бухарской хатун, о которой сообщают арабские и персидские историки. Бог, атрибутом которого был крылатый верблюд, вероятно, покровитель бухарского владетеля, сидевшего на троне в виде верблюда, упоминаемом в «Суй-шу».

Следует отметить, что памятники, свидетельствующие о почитании этого бога, обнаружены и в Пенджикенте, и даже в согдийской колонии в Семиречье на городище Ак-Бешим²⁸. Таким образом, особое почитание какого-то божества отдельной семьей или общиной не исключает существования его общесогдийского культа.

В росписи Варахи показано, что наиболее постоянный атрибут одного и того же божества, сохраняющийся при изменении иконографии, — связанный с ним животное, а это, в свою очередь, подкрепляет отождествление богини, сидящей на льве, и богини на табурете с протомами львов. Связь трехголового бога с несколькими видами животных может восприниматься как указание

²⁸ Belenitski 1968: pl. 66, 102; Кызласов 1959: 201–209, рис. 29, 39/1. В Пенджикенте в 1970 и 1972 гг. в росписях двух соседних домов (объект XXIV) были обнаружены изображения четы божеств, сидящих вместе на широком троне с опорами в виде верблюда и горного барана. В одной композиции [Беленицкий, Маршак 1973: 62] на той части трона, которая опирается на фигуру верблюда, сидит бог с эмблемой солнца на одежде, а на стороне с фигурой барана — богиня в одежде, украшенной эмблемой луны. В зале того же дома около голов пирующих согдийцев помещены зооморфные символы, в том числе несколько крылатых верблюдов и крылатый горный баран, все с хвостами драконов. Этой чете богов, судя по знакам светил, также приписывается космическое значение. В другом случае (объект XXIV, помещение 13) нет таких эмблем, но зато добавлены две как бы парящие в воздухе небольшие мужские фигуры, держащие мехи, из которых клубятся облака. В поднятых руках сидящих на троне божеств — плоские подносы со статуэтками животных, из которых удастся определить стоящего верблюда на подносе мужского божества.

На Афрасиабе найдено живописное изображение божественной четы с чашами в руках [Шишкин 1966: 20]. Над чашами не пламя, как это предполагалось, а, как это стало видно на реставрированном фрагменте стенописи, такие же статуэтки животных, причем над чашей мужского божества снова помещен верблюд.

Чета, изображенная на бронзовом рельефе из Ак-Бешима, сопровождается фигуркой лежащего верблюда, игравшей, видимо, роль важного символа.

К сожалению, пока нет совместного изображения обоих богов или обеих богинь на одной композиции, трудно судить, были ли в согдийской религии две четы божеств или это разные ипостаси одной божественной пары. Как показывает, например, Авеста, одно божество может быть связано с несколькими видами зверей. В иконографии образ зверя был важнейшим различительным признаком, но мы не знаем уровень этого различия в согдийском религиозном мышлении.

на универсальность этого божества, объединявшего также, подобно Зрвану, мужское и женское начала.

То, что в разных домах Пенджикента были изображены сцены поклонения разным богам, показывает, что частные семьи, как и династии, имели своих богов-покровителей. Бедные люди, дома которых не были расписаны, могли приобретать небольшие иконы, которые в VI в. часто делали терракотовыми (это благодаря прочности материала позволило им сохраниться в климатических условиях Пенджикента, где дерево и ткань истлевают почти бесследно). Среди терракотовых икон есть и изображения бога с фигуркой верблюда в поднятой руке, сидящего на троне в виде верблюда.

Иконки оттискивались с помощью штампа и иногда раскрашивались. Они производились серийно, и обычно на них нет изображений заказчиков. Но на одном из образков Афрасиаба (древнего Самарканда)²⁹ по сторонам богини помещены коленопреклоненные фигуры мужчины и женщины, лица и одежды которых настолько лишены индивидуальных признаков, что любая чета, которая приобрела бы икону, могла считать эти изображения своими «портретами». Афрасиабский образок относят к кушанскому периоду, и действительно, его круглая форма напоминает кушанский медальон из Халчаяна, но многие детали, и особенно изображенные на афрасиабской иконе жертвенники, во всем подобные пенджикентским, заставляют датировать ее не древнее IV в.

Связь определенного божества с отдельной семьей или даже с отдельным человеком прослеживается в среднеазиатском искусстве не только в сценах поклонения. На росписи помещения 26 объекта VI кроме богини, сидящей на троне в виде льва и держащей в руках диски луны и солнца, есть еще две небольшие фигуры. Под диском луны помещен воин в одеянии из шкуры леопарда, а под диском солнца — воин в одеянии из шкуры тигра³⁰. В Фундукистане открыта фреска с изображениями двух воинов с эмблемами солнца и луны. Воин с эмблемой луны одет в кафтан из шкуры леопарда и сапоги из шкуры тигра. Около него изображен крылатый лев³¹.

Второй снизу ярус живописи зала 41 объекта VI в Пенджикенте посвящен подвигам героя, одетого в кафтан из шкуры леопарда и шаровары из шкуры тигра. Около головы героя трижды показан крылатый лев с хвостом дракона, слетающий к нему с неба³². В согдийском отрывке о Рустаме упоминается его одежда из шкуры леопарда³³, на персидских миниатюрах Рустам обычно одет в кафтан из тигровой шкуры. В Пенджикенте и в Фундукистане другие воины той же композиции одеты в тяжелые доспехи, тогда как воин в леопардовом кафтане, вероятно, считался неуязвимым и без брони. Герой росписи зала 41 объекта VI, видимо, Рустам; напомним, однако, что в «Шахнаме» в роли его небесного покровителя выступает Симург. В середине композиции стенописи зала 41, насколько можно судить по сохранившемуся фрагменту с тронном в виде

²⁹ Пугаченкова, Ремпель 1960: 59, рис. 10.

³⁰ Скульптура и живопись... 1959: табл. 30.

³¹ Hackin 1959: 195, 199, fig. H2.

³² Беленицкий 1959a: 209–213; Belenitski 1968: pl. 136–137.

³³ Benveniste 1940: 134.

льва (рис. 4), находилось крупномасштабное изображение той же богини, которая была написана в помещении 26³⁴.

Таким образом, допустимо предположение, что богиню, державшую в руках солнце и луну, на росписи помещения 26 сопровождали герои, находившиеся под ее покровительством.

В Тохаристане, и в частности в Фундукистане, витязь в леопардовой шкуре, возможно, считался как-то связанным с Махом — мужским божеством Луны, известным по кушанским монетам. Мах изображался с таким же полумесяцем за плечами, как у фундукистанского воина. На лицевой стороне многих эфталитских монет вычеканены профильные изображения, сочетающие суженные вверху очертания головы, тяжелый подбородок, прямой наклонный ус и высокую бровь с изломом, т. е. те черты, которые отличают «Рустама» от других пенджикентских персонажей, с характерным для фундукистанского витязя полумесяцем за плечами³⁵. Согдийские художники едва ли могли избрать для своего героя монетный портрет эфталитских князей. Более вероятно, что для лицевой стороны части эфталитских монет (нередко анонимных) использовали иконографию эпического героя, когда-то владевшего доставшимися эфталитам землями. Таким героем был прежде всего Рустам. На некоторых поздних монетах эфталитского круга изображали даже одного из самых одиозных персонажей эпоса — легендарного предка царей Кабула (а по женской линии и Рустама) тирана Заххака с его змеями, выросшими из плеч³⁶.

Оставляя пока в стороне вопрос, на каком материале сложилась иконография героев, вернемся к представлениям древних пенджикентцев об отношениях богов и людей, насколько эти представления можно реконструировать по остаткам росписей. В том же зале 41 в ярусе росписей, проходящем над регистром «Рустама», были изображены подвиги другого героя, около головы которого парил уже не львиный дракон, а дракон с протомой грифона³⁷, выше шел еще один плохо сохранившийся ярус росписей. Здесь прослеживаются несколько человеческих фигур и, кажется, контуры обнаженной ноги какого-то танцующего божества, изображенного в более крупном масштабе, чем люди. Насколько можно судить по размерам этой ноги, высота верхнего ряда изображений была гораздо выше, чем у ярусов с эпическими сценами. Видимо, на этом уровне были изображены боги, не имевшие особо сильной связи с владельцами дома. Над живописью шел когда-то рельефный деревянный фриз, который в этом зале не сохранился. Обугленные фрагменты такого фриза были открыты в погребении от пожара помещении 11 объекта (здания) VII. По низу фриза шли один за другим крылатые львы — существа одновременно земные и небесные, видимо, связанные с богиней, в руках которой показаны эмблемы солнца и луны. Выше находилась аркада, причем в каждую арку было помещено изображение одного из небесных богов. Изображения были небольшими,

³⁴ Изображение льва в росписи помещения 26 стало заметным в ходе реставрации.

³⁵ Göbl 1967: Em. 49–53, 56, 63, etc.

³⁶ Ibid.: Em. 243.

³⁷ Беленицкий 1959а: 209, рис. 18.

Рис. 4. Трон в виде льва. Прорисовка П. И. Кострова

и фриз, если он обходил вокруг всего зала, первоначально включал в себя десятки таких рельефов. На сохранившемся фрагменте легко опознается изображение бога Солнца на колеснице (рис. 5). У него перед грудью прослеживаются контуры лука, повернутого горизонтально, как у царя-стрелка известной фрески в Какраке.

Возможно, что изображение бога Солнца является ключом к пониманию всего фриза, в котором особую роль играли изображения олицетворенных небесных светил. Олицетворения планет Марса и Сатурна известны по рельефам на согдийских оссуариях³⁸. Живописный фриз с шествием реальных и фантастических оседланных животных, остатки нижней части которого обнаружены в Варахше³⁹, видимо, тоже отражает стремление представить весь пантеон. К сожалению, сохранность фриза не позволяет судить, были ли там изображены и сами боги. В Пенджикенте шествие одних только крылатых львов дополнено аркадой с образами многих богов.

Культовые сцены в живописи Пенджикента нередко перерастали в своего рода групповые портреты. Это изображения процессий, движущихся к месту, где будет совершен обряд (такие процессии мы знаем по росписям храма II⁴⁰), а также картины обрядовых пиров. Изображения пиров особенно ярко характеризуют общественное положение их участников.

Искусство Пенджикента показывает нам главным образом представителей высших слоев согдийского общества, включавших сословие знатных землевладельцев, известных арабо-персидским авторам под названием дехкан, и богатое купечество, а также жречество. Для представителей этих групп населения было важно зафиксировать свое положение в обществе, свое социальное лицо, что нашло отражение в точности передачи художниками сословных атрибутов и места каждого персонажа в той или иной церемонии.

В помещении 10 объекта I, т. е. в боковой капелле храма, изображены не только приносящий жертву жрец и его прислужники, но и пирующие знатные

³⁸ Борисов 1940: с. 44; Belenitski 1968: pl. 78.

³⁹ Шишкин 1963: табл. II–IX; Belenitski 1968: pl. 141.

⁴⁰ См.: Живопись... 1954: табл. XV–XVII.

Рис. 5. Бог Солнца. Обугленное резное дерево

согдийцы с цветущими ветками и чашами в руках⁴¹. Около головы каждого — прямоугольное поле, в котором прослеживаются остатки согдийской надписи и летящее фантастическое существо. Кажется, эти существа — разные у каждого персонажа, но плохая сохранность росписей не позволяет утверждать это. Ранговые различия особенно четко видны на этой росписи. Жрецы изображены в большем масштабе, чем служки. Пирующие, в свою очередь, больше жреца. Жрец вооружен одним кинжалом, его помощники безоружны. Только кинжалом вооружен также музыкант, сидящий у жертвенника в росписи Варахши. Пирующие, как и правитель Варахши, вооружены кинжалом и мечом, но и эти представители воинского сословия неравны между собой. Фигуры слева от двери скромнее одеты и чуть меньше по масштабу, чем три фигуры на восточной стене, из всех пирующих выделяется богатой одеждой и особым кулахом, высоким головным убором, один вельможа. Возможно, что вся роспись фиксирует иерархию двора пенджикентского владетеля. Вельможа в кулахе и многоцветном кафтане мог быть самим правителем княжества. В найденных в 1968 г. во дворце на цитадели фрагментах росписей вокруг точно такого же высокого кулаха повязывают диадему с полумесяцем и крыльями по сторонам от него, т. е. царскую корону того типа, который в VI–VII вв. выработался у эфталитов под сасанидским влиянием. Из документов с горы Муг известно, что владетель Пенджикента Деваштич в течение трех лет считал себя царем Согда,

⁴¹ Там же: табл. VII–X.

до того именуясь лишь «господином Пенджикента»⁴². В Варахше правитель также изображен без короны. И он был только «господином Бухары», но не имел титула MLK' как царь Согда.

На объекте XVI в богатом жилище в помещении 10 был открыт большой фрагмент росписи с изображением пирующих, около голов которых также находились прямоугольные поля с надписями, от которых, однако, остались только следы⁴³. Разнообразные одежды пирующих особенно богаты. Тщательно переданы художником малейшие детали орнаментированных шелковых тканей, наборных поясов с позолоченными бляхами, кинжалов, золотых чеканных чаш и т. д. Но, несмотря на все их богатство, изображенные здесь люди не были представителями воинской знати: у них, как и у жрецов, есть только кинжалы, но нет мечей. Зато у каждого, в отличие от жрецов, был повешен к поясу небольшой черный кошелек. Чувствуется, что эти отличия в костюме не случайны. Из документов с горы Мут мы знаем, что согдийцы делили гражданскую общину на три сословия: знать, купцы и работники⁴⁴. Вероятнее всего, в росписи объекта XVI, в отличие от объекта I, изображены именно пирующие купцы. Помещение 10 было своего рода капеллой одного из самых больших домов Пенджикента.

Такие капеллы с постоянным пристенным алтарем, напоминающим камин, имелись во всех богатых домах. Если в залах объект поклонения изображался вместе с молящимися, которые совершали жертвоприношения на переносных жертвенниках, то в капеллах изображения богов, как правило, не встречаются. Можно думать, что алтари были связаны с семейными культами.

В помещении 10 на выступе стены у алтаря изображен старик, опирающийся на посох, кинжала у него нет. Не исключено, что это жрец. Рядом с выступом помещен человек в плаще с каймой из полихромного шелка и темно-красной подкладкой, надетом поверх не менее роскошного кафтана. У него и у остальных семи пирующих есть кинжал, но только на нем надет плащ. Как и в боковой капелле храма I, изображение того, кто одет богаче других, помещено ближе к алтарю. Однако здесь алтарь не нарисованный переносный жертвенник, а реальное постоянное сооружение из сырцового кирпича.

Украшенная живописью домовая капелла была обнаружена в 1965 г. на объекте XXI, самом большом из открытых в Пенджикенте аристократических домов. На стене около алтаря здесь были помещены батальные сцены, а напротив алтаря изображен балдахин, под которым сидят знатный согдиец и его супруга (рис. 6). Около балдахина нарисованы стоящие воины с мечами и кинжалами у пояса, а за ними — танцовщицы с длинными косами. Знатный согдиец — старик с окладистой бородой и длинными, лежащими по плечам прядями волос. Поворот его головы и жест правой руки с поднятым указательным пальцем свидетельствуют, что старик обращается к своей жене с какой-то речью. Ее поднятая к уху ладонь передает внимание, с которым она слушает его слова.

⁴² Лившиц 1962: 90–91, 110.

⁴³ Belenitski 1968: pl. 143–145.

⁴⁴ Лившиц 1962: 94–95, 100.

Рис. 6. Чета знатных согдийцев. Прорисовка П. И. Кострова

Сцена в целом кажется живой и непосредственной, но мужская фигура, если присмотреться к ней внимательно, оказывается составленной из нескольких плохо связанных друг с другом частей: голова несколько мала для плеч и корпуса, корпус непропорционален ногам, переход от показанных в фас ног к показанной в профиль талии прорисован весьма неловко. Руки и корпус как будто перенесены с изображения всадника (например, «Рустама» после победы над драконом). Наружный контур бедра и голени более похож на контуры ног у коленопреклоненных фигур, чем у фигур, сидящих со скрещенными ногами. Поза женщины сложнее, но здесь нет таких неувязок в компоновке. Обе фигуры (особенно женщина) напоминают скульптурный портрет княжеской четы из Фундукистана⁴⁵. Пенджикентский портрет несколько менее совершенен по композиции, но зато более динамичен. Согдийский художник не работал с натуры, но он стремился, комбинируя части разных канонических образцов, несколько отойти от стандартов.

Был ли это портрет заказчиков — владельцев дома? Такое предположение возможно, но нельзя исключить и другой вариант. Обе фигуры помещены напротив алтаря. Сложенное из сырцового кирпича возвышение (суфа) обходит вдоль стен и делает выступ около этого места (см. рис. 1, помещение № 4).

⁴⁵ Hackin 1959: fig. 189–194.

В залах такой выступ суфы находится перед изображением божества на троне. Здесь ни масштаб, ни иконография изображений не позволяют видеть образы богов, но, с другой стороны, маловероятно, что владелец дома поместил свой портрет на том месте, где должен находиться объект почитания. Поэтому скорее здесь в семейном святилище мы видим изображения почитаемых предков. Это могли быть, например, умершие родители владельца, основавшие дом. По некоторым археологическим наблюдениям, между постройкой дома и нанесением этой росписи прошло около двух десятилетий.

Знатный вельможа объекта XXI одет скромнее, чем купцы. Надо, впрочем, отметить ковер из полихромной танской ткани, на котором сидят вельможа и его жена.

Если в империи шахиншахов Ирана искусство в своих основных памятниках предстает перед нами как официальное искусство династии Сасанидов, то в Согде, где не было централизованной монархии, существовало репрезентативное искусство таких ячеек общества, как отдельные семьи знати и купечества, а также целые городские общины без принципиальных различий между росписями в частных домах и во дворцах правителей. Осуарии из некрополя Токкалы — скромного поселка северной окраины Хорезма — с их росписями, на которых изображен обряд оплакивания⁴⁶, показывают, что такое искусство проникало и в народную среду Средней Азии.

Полного цикла сцен со всеми церемониями, имевшими место в религиозной и общественной жизни Согда, дошедшие до нас памятники искусства еще не дали. Парадоксально, что наиболее цельное представление о таком цикле дает памятник, связанный с согдийцами, жившими далеко от своей родины. Это каменное погребальное сооружение, состоящее из пьедестала, украшенного статуями и рельефами, а также прямоугольных плит, карнизов и двух боковых пилонов ворот, украшенных только рельефами⁴⁷. Все эти части, хранящиеся в разных музеях, были найдены в Северной Хэнани неподалеку от Чжандэфу. Подлинную дату рельефов (третья четверть VI в.) и их связь с согдийцами установила Г. Скалья в 1958 г., хотя из согдийского искусства ей были известны лишь осуарии из Бия-Наймана и несколько теракотовых статуэток. Сейчас широко известны многие произведения согдийского искусства, и все они подтверждают правильность определения Г. Скалья.

Рельефы плит и пилонов выполнены местным мастером, но по согдийским образцам. На пилонах ворот была изображена процессия вооруженных мечами людей, во главе которых идет какой-то вельможа в похожем на шлем головном уборе; фигура вельможи выполнена в более крупном масштабе, чем остальные.

За ним следуют две пары людей с обнаженными головами и еще два человека, также в шлемоподобных головных уборах, но меньшего масштаба, чем первый вельможа. Далее идут еще пятеро людей с обнаженными головами. Позади ведут пару оседланных коней. На торцовой стене пилона со стороны прохода композиция заканчивается сценой жертвоприношения. Перед

⁴⁶ Гудкова 1964: 85–112.

⁴⁷ Scaglia 1958.

пенджикентского типа жертвенником, на котором горит огонь, стоит жрец с высоким посохом. Рот жреца прикрыт особой повязкой, меча у него нет.

На плитах рельефы разделены на три поля, в среднем — процессия всадников и пеших с флагами и музыкальными инструментами. По высоте композиция среднего поля делится на горизонтальные пояса, каждый из которых занят рядом фигур со ступнями ног, помещенными на одном уровне. На каждом рельефе один из всадников выделен тем, что над его головой держат зонтик. На боковых полях внизу показаны пешие участники процессии, направляющиеся к дверям какой-то галереи. Некоторые из них ведут в поводу коней и держат зонтик, один несет блюдо с подношениями. Средняя часть бокового поля занята изображением павильона или виноградной беседки, внутри которой идет пир. Скрестив ноги (или подогнув одну ногу под себя), сидит с чашей вина хозяин пира, окруженный коленопреклоненными (точнее, сидящими на собственных пятках), а также стоящими и идущими к нему мужчинами и женщинами свиты. В свите много музыкантов и людей, несущих кувшины и подносы с угощениями или какими-то другими дарами. Над крышей павильонов летят птицы, голы которых окружены нимбом, а на шее — ленты.

Интересно, что в иконографии тех общественных церемоний, которые представлены на рельефах, нет никакой буддийской специфики, хотя, по мнению Г. Скалья, это буддийский памятник.

Канон изображений был связан не с ритуалом какой-то конкретной религии, а с обычаями, следы которых отмечаются в среднеазиатской этнографии. Процессия всадников и пеших, жрецы с переносным жертвенником, оседланный конь, которого ведут в поводу, есть и на росписи храма II Пенджикента, где роль собственно религиозной иконографии довольно скромна. Для художника и для зрителя отношения между участниками обряда, отражающие общественное положение людей, были важны и сами по себе, независимо от религиозного содержания ритуала.

Поминальные обряды, изображенные на каменных рельефах погребального сооружения, по своим видимым проявлениям не отличаются от процессий, жертвоприношений, торжественных приемов и пиров, которые устраивались по другим поводам. Поминальный характер обряда и пира, изображенных в помещении 10 храма I, где, как мы уже говорили, можно предполагать изображение правителя Пенджикента и его двора, устанавливается, хотя и предположительно, по ветвям с желтыми цветами в руках и на головных уборах пирующих. В недавнем прошлом таджики некоторых горных районов, сохранившие в своем быту много обычаев доисламской Средней Азии, втыкали желтый цветок в чалму умершего, если умерший был молод. Причем желтый цветок считался знаком печали. Не только пиры, но и пляски входили в погребальный обряд, так же как они входили и в другие церемонии. Об этом свидетельствуют прежде всего изображения пирующих с цветами в руках и танцовщиц на стенках оссуариев.

Процессия и торжественный прием — сюжеты росписей VII в., недавно открытых на Афрасиабе в Самарканде⁴⁸. Стиль этих росписей отличается

⁴⁸ Шишкин 1966: 12–22; Пугаченкова 1968: рис. 11, 12.

от обоих стилей живописи Пенджикента. Их композиция и некоторые особенности иконографии входят параллели в каменных рельефах. Здесь тоже ряды фигур расположены один над другим так, что ноги коней верхнего ряда помещены над головами персонажей нижнего ряда. И здесь есть люди с повязкой около рта, есть оседланный конь, есть павильон, к которому подходит процессия, а на другой стене, в сцене приема, в нижней части композиции стоят с дарами в руках или идут друг за другом, направляясь в глубину изображенного пространства (т. е. зрительно поднимаясь к сидящим в коленопреклоненной позе участникам обряда, показанным в верхнем ряду), представители разных народов, прибывшие к государю Самарканда. Некоторых из них можно узнать по характерным костюмам и типу лица, других — по согдийским надписям, поясняющим живопись. Судя по фрагментам, на Афрасиабе были и изображения воинов в доспехах. В надписи от имени одного из послов упоминается, что он осведомлен о богах Самарканда. Возможно, что вся композиция была посвящена не царскому приему посольств, а церемонии в храме с участием иноземных послов. Верх середины сцены не сохранился, между тем именно здесь были основные персонажи, к которым обращены остальные фигуры. В Пенджикенте это место, середина стены над выступом суфы, почти во всех залах было отведено для изображения божеств с предстоящими.

Убранство дворца должно было показать как гостям, так и потомкам место его хозяина в мире, которое определялось по отношению к богам и людям, к сородичам и чужестранцам, к чтимым героям прошлого и современникам. Знаменитый рассказ «Тан-шу» о здании в городе Кушании на Зеравшане, на северной стене которого были изображены императоры срединного государства, на восточной — ханы тюрок и владельцы Индии, а на западной — государи Ирана и Византии, частично находит материальное подтверждение в Красном зале Варахши с фигурами индийских царей, сидящих на слонах⁴⁹. Правитель Кушании совершал обряд преклонения перед росписями этого здания. Стремление к точной передаче физического типа и одежды иноземцев видно в изображениях как танских чиновников в Пенджикенте⁵⁰ и на Афрасиабе, так и индийских брахманов в Пенджикенте⁵¹. Для согдийцев — народа, который был знаменит своей торговой и колонизационной деятельностью, — естествен такой интерес к чужестранцам.

Мир, представленный на согдийских росписях, имел не только пространственное, но и временное измерение. Если в династийном искусстве прошлое — это деяния предков царя, то городское искусство Пенджикента чаще искало «образцы доблести» в литературных эпических произведениях, как оригинальных, так, видимо, и переводных. Наряду с современниками художники изображали героев прошлого, которых показывали богоподобными. Выражалось это по-разному: большими масштабами фигур, нимбами вокруг головы, языками пламени у плеч или особым типом лица, восходящим к иконографии грозных

⁴⁹ Шишкин 1963: табл. II–X.

⁵⁰ Белицкий 1961: 94, рис. 6.

⁵¹ Скульптура и живопись... 1959: табл. XIII–XV.

божеств. Есть много градаций этих признаков, которые создают постепенный переход от образа божества к образу простого человека. Некоторые из таких признаков есть у изображений современных художнику государей, но более характерны они для эпических композиций. В Пенджикенте в сводчатых помещениях 55 и 42 объекта VI, которые принадлежали к тому же жилищу, что и зал 41 с росписями, посвященными подвигам «Рустама», на всю высоту их боковых стен под сводами и на торцовых стенах были изображены фигуры спешившихся воинов высотой около 2,5 м⁵².

Иконография героев здесь отличается от той, которая принята в зале 41. Улучше других сохранившейся фигуры воина на северной стене (рис. 7) не меньше атрибутов божественности, чем у такого бесспорного изображения бога, как танцующий синий «Шива»: над плечами героя поднимаются языки пламени, голова окружена нимбом. В то же время поза воина, который делает выпад мечом, придерживая ножны левой рукой, его доспехи из прошнурованных стальных пластинок, оплечье в виде головы дракона, шлем с наушниками, кольчужная сетка на затылке и на предплечьях, наборный пояс, кинжал — все эти особенности достоверно и подробно передают облик согдийского воина, который мы знаем и по росписям залов, где, однако, у воинов нет нимбов и пламени за плечами.

Воин из сцены поединка на восточной стене того же помещения 55 направил копьё в своего противника, но сам он поражен стрелой, которая пробилась ему грудь и вышла из спины. Сердце воина пронзено на древко стрелы. Победа стрелка из лука над воином с копьём в руках — эпизод какого-то сказания, которое было популярно в Согде. Этот эпизод известен по рельефу серебряной чаши, найденной в селении Кулагыш (цв. вклейка 29), и по росписям помещения 1 объекта VI в Пенджикенте, где он входит в цикл из нескольких сцен, иллюстрирующий целую эпопею.

На южной стене помещения 55 была дверь; рядом с нею в том же масштабе, что и фигуры на восточной и северной стенах, о которых уже шла речь, изображена женщина с мечом в руке и кинжалом у пояса⁵³. Одета женщина в платье с пышными складками. За проходом на той же стене, но на ее противоположной поверхности, обращенной в соседнее помещение 42, в таком же крупном масштабе изображен поединок воинов в тяжелом вооружении. Один из этих воинов, сражающийся мечом, — молодая женщина с волосами, заплетенными в две длинные косы. Вероятно, это та же амазонка, что и в помещении 55. Здесь снова мы сталкиваемся с сюжетом, который засвидетельствован в Пенджикенте дважды.

В 1964 г. на объекте XXI были открыты росписи главного зала — помещения 1. Второй снизу регистр живописи был посвящен битве с амазонками⁵⁴. В мировом эпосе известно немало женщин-воительниц. Характерен этот мотив и для эпического творчества народов Ирана и Средней Азии. Можно привести немало примеров из «Шахнаме», тюркского эпоса «Огузنامه», каракалпакской эпопеи «Кырк-кыз», узбекской поэмы об Алпамыше и т. д.

⁵² Беленицкий 1962: 105, рис. 15.

⁵³ Беленицкий 1962: 106, рис. 16.

⁵⁴ Беленицкий 1973: табл. 29–32.

Рис. 7. Воин. Прорисовка П. И. Кострова

На росписи объекта XXI, к сожалению, сохранилась только нижняя половина композиции, изображавшей сражение всадников и всадниц. Мы видим лежащих под ногами скачущих коней убитых и раненых, беспомощные позы которых переданы разнообразно и с сочувствием. Среди поверженных есть и женщины. Одна из них уже мертва, она упала навзничь, голова ее закинута назад; другая, раненная, пытается опереться на локоть; третью несут на ковре два пеших воина. Освобожденное от доспехов полуобнаженное тело с кровавой раной на груди и бессильно лежащие руки, контрастирующие с сильными руками воинов, которые держат ковер за углы, прекрасно передают основную идею амазонкомахи в классическом изобразительном искусстве: сожаление о красоте, погубленной грубой силой, и одновременно восхищение идущими на встречу гибели амазонками.

В согдийском искусстве мы видим не только воспевание побед, без которого не может быть героического эпоса, но и прославление доблестной смерти, свойственное самым возвышенным из эпических произведений. Согдийцы, собиравшиеся на пир в зале с эпическими росписями, видели на стенах вокруг себя воплощение идеала воинской доблести и самопожертвования.

Но в некоторых залах, например в зале 41 объекта VI, украшенном росписями с подвигами «Рустама», и в зале 1 объекта XXI, где были размещены росписи с амазонками, внимательный гость увидел бы внизу стен отчасти заслоненные сосудами с вином и корзинами с фруктами росписи, отражающие совсем другие этические критерии, которые, по-видимому, не входили в официальную мораль. Нижний ярус росписей иллюстрирует хитрость, недоверчивость и осторожность, которые, несомненно, помогали согдийцам в их деловой жизни. Краски здесь гораздо скромнее, чем в верхних ярусах, одежда передана обобщенно, масштаб изображений гораздо меньше, чем наверху. Есть и композиционные отличия: для каждого небольшого рассказа, иногда даже для отдельного эпизода отведено прямоугольное поле, ограниченное не только горизонтальными, но и вертикальными рамками. Далеко не все сюжеты этих росписей могут быть определены, но ясно, что в упомянутых залах представлены иллюстрации к двум знаменитым сборникам притч: басням Эзопа и «Панчатантре». В открытом в 1964 г. помещении 1 объекта XXI изображен сюжет басни Эзопа о гусыне, которая несла золотые яйца⁵⁵. В рамку включены три эпизода (рис. 8). Справа показан сидящий мужчина, который держит в руке золотое яйцо. Рядом — еще несколько таких яиц. Перед мужчиной стоит гусыня (или, скорее, утка). В центре композиции человек режет птицу, чтобы достать все то золото, которое в ней есть. Слева он сидит, грустно опустив голову и приложив руку ко лбу, — размышляет о своей неудаче, поскольку золота в птице не оказалось⁵⁶.

Неподалеку от этой сцены на той же стене проиллюстрирована притча из «Панчатантры» о льве и зайце. Перед сидящим львом изображен заяц, который, подняв лапу, обращается к льву (рис. 9)⁵⁷. За спиной зайца снова показан лев,

⁵⁵ Perry 1952: no. 87.

⁵⁶ Беленицкий 1973: табл. 33, 34.

⁵⁷ Прилагаемый рис. 17 — лишь схема композиции. Оригиналы еще проходят реставрацию.

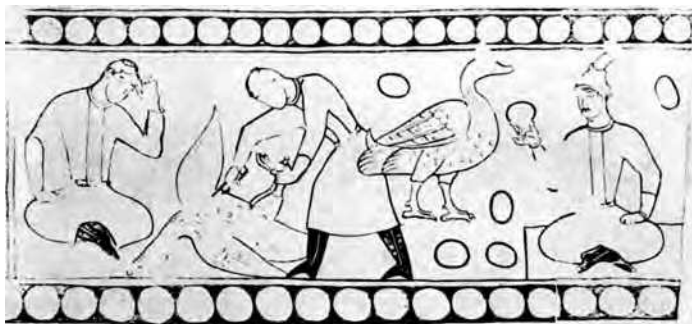

Рис. 8. Басня о птице с золотыми яйцами. Прорисовка П. И. Кострова

который прыгает куда-то вниз головой. По притче, заяц ловким обманом освободил зверей от льва, которому каждый день приводили на съедение какое-нибудь животное. Когда очередь дошла до зайца, он пошел без провожатого и сказал льву, что он не тот заяц, который был назначен на съедение, а другой, провожатый. По дороге им якобы встретился другой лев, отнявший предназначенного на съедение зайца. Заяц обещал показать льву его соперника, а затем подвел его к водоему и показал отражение в воде. Приняв свое отражение за конкурента, лев прыгнул в воду и утонул.

В зале 41 объекта VI в живописи нижнего яруса также имеются сюжеты из «Панчатантры». В частности, здесь представлен и основной сюжет первого раздела «Панчатантры» о шакале, поссорившем друживших между собой льва и быка.

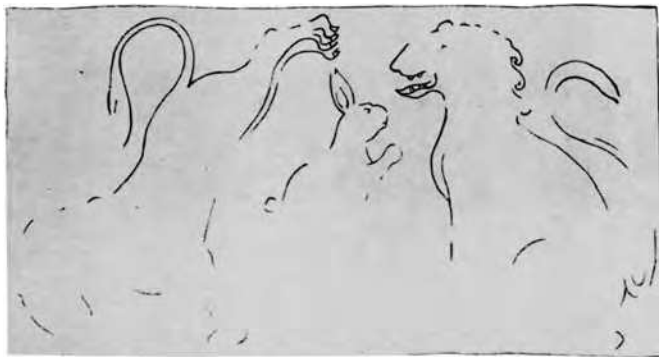

Рис. 9. Притча о льве и зайце. Эскизная прорисовка

Интереснейшая проблема для историка культуры Средней Азии — вопрос о том, что иллюстрировали художники Согда: устные рассказы или литературные произведения. Светская литература Согда известна по небольшим отрывкам из эпоса о Рустаме, эзоповских басен и притч из «Панчатантры»⁵⁸. Одна из притч известна по предисловию сасанидского переводчика Барзое к «Калиле и Димне», но не по индийской «Панчатантре». Все эти литературные произведения, хотя и не по другим, чем в согдийских текстах, эпизодам, опознаются в росписях Пенджикента. Такое совпадение данных текстов и живописи, относящихся к светской культуре, особенно подчеркивает поразительное несоответствие между согдийскими религиозными текстами, связанными с мировыми религиями, и своеобразной пенджикентской культовой иконографией. На согдийской почве с ее богатыми местными традициями встретились мудрость Запада и мудрость Востока. В религиозной жизни христианство соседствовало с буддизмом, в литературе — классические басни Эзопа с притчами «Панчатантры». Особенно популярны были индийские сюжеты сказок и басен, поэтому много раз появляется в росписях нижнего яруса образ индийского аскета.

Возможно, что стенные росписи Пенджикента в ряде случаев отражают раннюю традицию иллюстрирования книг, о которой мы знаем по остаткам манихейских книг из Восточного Туркестана и по литературным свидетельствам. В древнейших рукописях «Калилы и Димны», относящихся к XIV в., имеются иллюстрации к тем же эпизодам, что и в росписях Пенджикента. Судя по предисловию Ибн ал-Мукаффы, жившего в VIII в., переводчика этого сборника на арабский язык, книга уже тогда имела иллюстрации.

Сюжеты пенджикентской живописи гораздо разнообразнее того репертуара, о котором можно судить по сохранившимся отрывкам произведений литературы. В композициях нижнего яруса встречаются и фривольные сцены (полуголый босой юноша, опрокинув светильник, убегает от ложа, на котором под одеялом лежит женщина⁵⁹), и фантастические сюжеты (охота на семиглавого волка, появление дриады из ствола срубленного дерева)⁶⁰, и сюжеты бытовых сказок (судья-аскет, перед которым находятся эталоны мер: линейка, кувшин, весы-безмен — разбирает спор двух тяжущихся, причем первый из них передает судье что-то похожее на слиток золота или золотую монету⁶¹).

Эпическое творчество согдийцев также не исчерпывается сказаниями о Рустаме, которые были известны и другим иранским народам. В 1966–1967 гг. на объекте XXII в том же помещении, где в нише напротив входа был открыт образ трехглавого бога, на стенах по сторонам ниши обнаружена полоса росписей, связанных с эпосом (рис. 10). Два воина — один в кольчуге, а другой в кафтане поверх кольчуги — вступили в поединок. Из последовательных сцен росписи видно, что они дважды сталкивались на конях, затем на коне остался

⁵⁸ Henning 1965.

⁵⁹ Такого рода сцены очень редки в строгом репертуаре пенджикентских росписей. Тратовка этой сцены как эпизода из «Шахнаме» не соответствует изображенной ситуации [см.: Живопись... 1954: табл. XXX].

⁶⁰ См.: Беленицкий 1959б: 58–61.

⁶¹ См.: Беленицкий 1973: табл. 15.

Рис. 10. Эпизоды эпоса. Прорисовка П. И. Кострова

только воин в кольчуге, а его противник попытался продолжить бой пешим, но удар копьем в грудь помешал ему вытащить меч. Воин в кафтане упал, а воин в кольчуге спешился и пытается связать своего противника, несмотря на то что ему на спину с крыши замка сбрасывают камни. На крыше показаны две человеческие фигуры, из которых одна похожа на женскую. В воротах замка вместо изображения створок ворот помещена многострочная надпись, поясняющая изображение. В. А. Лившиц, который работает над расшифровкой этой надписи, допускает, что она представляет собой отрывок стихотворного текста. Име- на героев не находят аналогий в иранском эпосе. Архитектура замка очень близка к архитектуре реальных зданий Средней Азии VII–VIII вв., а также и к изображению крепости на знаменитом серебряном блюде со сценой осады⁶². Роспись объекта XXII может служить еще одним подтверждением принятой в советской науке среднеазиатской атрибуции блюда.

Обилие точных деталей при особенно тщательной передаче оружия и предметов роскоши, замедленность действия и повторы сходных ситуаций в иллюстрациях к эпосу контрастируют со скупостью деталей и общим лаконизмом иллюстраций к басням и притчам. Живопись здесь полностью сохраняет особенности литературных жанров, а преобладание в росписях эпических мотивов показывает нам иерархию этих жанров в Согде. Гедонистическая лирика в ранней новоперсидской литературе выступает как в виде отрывков, включенных в эпос, так и самостоятельно. В более древней согдийской живописи мы находим в нижнем ярусе зала 41 объекта VI рядом с иллюстрациями к сказкам и притчам несколько композиций, на каждой из которых показаны беседующие юноша и девушка⁶³. Эти композиции, как и аналогичные им по общей схеме

⁶² Орбели, Тревер 1935: табл. 20.

⁶³ Беленицкий 1959а: 215, рис. 21.

росписи более поздней персидской керамики XII–XIII вв., не иллюстрируют конкретное сказание, но отражают любовную тему обобщенно. Небольшие фигурки музыкантов и танцовщиц на фризе из помещения 42 объекта VI⁶⁴ находились над огромными изображениями сражающихся воинов, о которых шла речь выше. В системе росписей помещения 42 особенно ясно видна подчиненная роль лирических мотивов в искусстве Согда. Есть и другие примеры мелкомасштабных изображений, которым не придавалось значения в общей композиции зала. Таковы, в частности, динамичная сцена танца из помещения 11 объекта VII и сцена «спортивной борьбы» из объекта XVII (рис. 11).

Живопись Пенджикента отражает не только и не столько ритуалы определенного культа или этикет двора местных правителей, сколько духовные запросы горожан (в том числе их литературные интересы и проникнутую обрядовой торжественностью общественную жизнь). Отсюда такой интерес

Рис. 11. Спортивная борьба. Прорисовка П. И. Кострова

⁶⁴ Беленицкий 1961: 91, рис. 5.

к изображениям донаторов в храмах и в домах, отсюда и повествовательность живописи с ее преимущественно светским характером, с ее четко выраженной иерархией жанров. Росписи дворца и храмов предстают в Пенджикенте как закономерные варианты более широкого культурного явления — искусства согдийского города.

В этой статье, посвященной новым памятникам, открытым в Пенджикенте, нам хотелось показать, как по мере роста числа найденных произведений намечается переход от изучения отдельных частных к более общему пониманию согдийской системы представлений о мире и о человеке, системы, которая отразилась в росписях домов и храмов.

Цитированная литература

- Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.
- Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. 55. 1954.
- Беленицкий А. М. Древний Пенджикент (основные итоги раскопок 1954–1957 гг.) // СА. 1959а. № 1.
- Беленицкий А. М. Результаты работы Пенджикентского отряда в 1957 г. // ТАН. Т. 103. 1959б.
- Беленицкий А. М. Об археологических работах Пенджикентского отряда 1958 г. // ТИИ. Т. XXVII. 1961.
- Беленицкий А. М. Результаты раскопок на городище древнего Пенджикента в 1960 г. // ТИИ. Т. XXXIV. 1962.
- Беленицкий А. М. Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье // КСИА. Вып. 98. 1964.
- Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973.
- Беленицкий А. М., Маришак Б. И. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 году на городище древнего Пенджикента // СГЭ. Вып. XXXVI. 1973.
- Борисов А. Я. К истолкованию изображений на Бия-Найманских оссуариях // ТОВЭ. Т. II. 1940.
- Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964.
- Дьяконова Н. В., Смирнова О. И. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде // СА. 1967. № 1.
- Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
- Кругликова И. Т. Раскопки советской археологической экспедиции в Северном Афганистане // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973.
- Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий // СА. 1971. № 4.
- Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. Т. II. 1959.
- Ливизиц В. А. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II: Юридические документы и письма. М., 1962.
- Луконин В. Г. Кушано-сасанидские монеты // ЭВ. Вып. XVIII. 1967.
- Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны (предварительное сообщение) // СА. 1973. № 3.

Часть I. Избранные научные статьи

- Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл: Художественные изделия из золота, серебра и бронзы. М.; Л., 1935.
- Пугаченкова Г. А. Самарканд, Бухара. М., 1968.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960.
- Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959.
- Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.
- Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
- Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966.
- Banerjee J. N. The Development of Hindu Iconography. Calcutta, 1956.
- Belenitski A. Asie Centrale. Paris; Genève, 1968.
- Benveniste E. Textes Sogdiens / Éd., trad. et comment. par E. Benveniste. Paris, 1940 (Mission Pelliot en Asie Centrale. Série in-quarto. III).
- Göbl B. Documente zur Geschichte der iranischen Hunnen. Bd. I–IV. Wiesbaden, 1967.
- Hackin J. La monastère bouddhique de Fondukistân (fouilles de J. Carl, 1937) // MDAFA. T. VIII. 1959.
- Henning W. B. Sogdian Tales // BSOAS. Vol. XI/3. 1965.
- Livshits V. A. The Khwarasmian Calendar and the Eras of Ancient Chorasmia // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XV/1–4. 1968.
- Mustamindi Sh. The Fish Porch. Kabul, 1968.
- Perry B. E. Aesopica: A Series of Texts relating to Aesop or ascribed to Him or closely connected with the Literary Tradition that bears His Name. Vol. 1: Greek and Latin Texts / Collected and critically edited, in part translated from Oriental Languages, with a Commentary and Historical Essay, by B. E. Perry. Urbana, 1952.
- Rowland B. The Tyche of Hadda // Oriental Art. Vol. XII/3. 1966.
- Scaglia G. Central Asians on a Northern Ch'i Gate Shrine // Artibus Asiae. Vol. XXI/1. 1958.
- Stein M. A. Ancient Khotan: Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan carried out and described under the Orders of H. M. Indian Government. Vol. II: Plates. Oxford, 1907.
- Stein M. A., Andrews H. Wall-Painting from Ancient Shrines in Central Asia. London, 1948.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА¹

А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак, В. И. Распопова

Население раннесредневекового согдийского города составляло городскую общину η'β, некоторые сведения о которой содержатся в документах с горы Муг². Наиболее ярко городская община отражена в документе А-13. «От пенджикентского сборщика податей и от [пенджикентского] народа — тархану, и, господин, вот когда [это] извещение получите, то выдайте от седьмого числа Чаку [из Суммы] годичной пошлыны за [пользование] мостом 150 драхм и это извещение имейте оправдательным документом [“ответом”]. Государя Панча Деваштича 14 лет есть, месяц хурежанич. И запечатал глиняной печатью и написал... по приказу...»³.

В. Б. Хеннинг считает, что письмо адресовано двум лицам — Тархану и Багифарну, которые являлись банкирами, и что в тексте соответственно нет обращения «и, господин»⁴.

Комментируя этот текст, О. Г. Большаков отметил, что здесь город — как «самостоятельный политический организм, представленный каким-то советом. Сама формулировка напоминает формуляры документов, касающихся самоуправляющихся эллинистических городов»⁵.

В хорезмском языке соответствующее слово η'f иногда означало просто город⁶.

Пенджикентскую городскую общину можно представить себе в двух аспектах: 1) члениющуюся на три социальных, слоя — знать, купцы и работники⁷;

¹ Первая публикация: Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С. 19–26.

² Лившиц В. А. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II: Юридические документы и письма. М., 1962. С. 69–70 (док. А–13), 91–96 (док. А-9), 149 (док. Б-6).

³ Там же. С. 69–70.

⁴ Henning W. B. A Sogdian God // BSOAS. Vol. XXVIII/2. 1965. P. 249.

⁵ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековой город Средней Азии. Л., 1973. С. 150.

⁶ Боголюбов М. Н., Смирнова О. И. Согдийские документы с горы Муг. Вып. III: Хозяйственные документы. М., 1963. С. 72.

⁷ Лившиц В. А. Лившиц В. А. Согдийские документы... С. 91–96 (док. А-9); Распопова В. И. Квартал рядовых горожан Пенджикента VII–VIII вв. // СА. 1969. № 1. С. 70–71.

2) представляющую собой совокупность групп агнатов, каждая из которых, как показала на основании брачного контракта с горы Муг А. Г. Периханян, также именовалась $\eta^{\prime}\beta^8$. А. Г. Периханян отмечает, что согдийское $\eta^{\prime}\beta$ в значении «гражданской общины вообще, от малой до большой, общины-города» представляет собой расширительное употребление этого термина, первоначально обозначавшего агнатическую группу⁹.

Рассмотрим, в какой мере увязываются эти данные письменных источников с наблюдениями над характером открытой раскопками застройки древнего Пенджикента. В Пенджикенте раскопаны цитадель с дворцом правителя¹⁰, два храма, жилые кварталы, включающие около 130 исследованных целиком или частично многоквартирных жилищ, ремесленные мастерские, лавки или даже целые базарчики. Очень четко выделяются крупнейшие жилища земельной и купеческой аристократии и скромные жилища «работников» (ремесленников и торговцев). По характеру помещений и их декору к жилищам знати близки достаточно многочисленные дома значительно меньшей площади. Основная часть этих домов, видимо, принадлежала землевладельцам и купечеству среднего достатка.

На территории шахристана выделяются из общей застройки два дома, которые по размеру и составу помещений приближаются к дворцу правителя Пенджикента. Это — жилище, занимающее северо-западную часть объекта XVI, и объект XXI¹¹. Объект XXI расположен позади храма II, а северная часть объекта XVI выходит на улицу, проходящую вдоль южной ограды храма I. Площадь, занятая домовладением объекта XXI, около 1200 кв. м, тогда как домовладение на объекте XVI занимало более 2000 кв. м. Отметим, что вся территория окруженного стеной шахристана не превышала 13,5 га. План каждого из этих домов делился на функционально различные части: 1) сравнительно небольшое жилище семьи из нескольких помещений первого и второго этажа (сюда включены и кладовые); 2) парадная часть с квадратным (или прямоугольным с прямоугольной же апсидой) залом, коридором перед ним, помещением с пристенным очагом-алтарем и одной-двумя дополнительными комнатами; 3) выходящие на улицу лавки и мастерские, построенные вместе с остальными частями домов, но не сообщавшиеся с внутренними помещениями. Кроме этих трех частей имеется четвертая, функции которой менее очевидны, она расположена между входом и парадной частью. На объекте XXI в нее входит многоколонный зал площадью 177 кв. м и примыкающие к нему помещения, а на объекте XVI — зал площадью 250 кв. м и большой двор (не менее 270 кв. м). Для сравнения отметим, что и тронный зал во дворце имел площадь 300 кв. м. Именно дополнительные большие залы сверх обычных в богатых домах парадных залов являются наиболее специфической чертой двух самых обширных домовладений. Эти залы

⁸ Периханян А. Г. Агнатические группы в древнем Иране // ВДИ. 1968. № 3. С. 49–50.

⁹ Там же. С. 37–38.

¹⁰ Исаков А. Дворец правителей древнего Пенджикента // СНВ. Вып. X. 1971.

¹¹ Белицкий А. М., Мариаш Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 179, рис. 9.

могли служить для многолюдных собраний. Некоторые помещения четвертой внешней части домовладений могли играть роль «людских» для слуг хозяев.

Следующий уровень по степени богатства представлен двумя домовладениями (на объектах III, VII, XVI) площадью 575–800 кв. м. В этих домах жилая и парадная части такие же, как в самых больших, но зато у них нет дополнительных залов. Затем следуют домовладения площадью 160–500 кв. м, у них, как правило, меньше парадная часть. Самые маленькие парадные залы с живописью имеют площадь всего 30 кв. м. У ряда домов этой группы есть торгово-ремесленные помещения, не сообщающиеся с внутренними комнатами дома. С уменьшением общей площади, естественно, оказывается меньше и жилая часть, которая при этом уменьшается не так сильно.

Таким образом, размеры жилищ определялись не столько составом семьи, сколько социальным рангом их владельцев. Поэтому, видимо, прав О. Г. Большаков, считавший, что семьи знатных пенджикентцев отличались не столько по числу совместно обитавших родственников, сколько по числу слуг и домоладцев¹². Конечно, в Согде могла существовать наряду с малой семьей семья неразделенных братьев (как это было в Иране)¹³ или семья, включавшая женатых сыновей, как это было в Хорезме III–IV вв.¹⁴, но эти явления не прослеживаются при исследовании жилищ. Не только пригородные дома, что сейчас общепризнано¹⁵, но и сходные с ними дома рядовых горожан¹⁶ были жилищами одной малой семьи. Богатые дома горожан, отличаясь от рядовых развитием парадной и торгово-ремесленной частей домовладения, в то же время при всей сложности и разработанности плана никогда не делились на самостоятельные хотя бы в какой-то степени жилые ячейки, которые могли бы соответствовать малым семьям, входившим в большую семью.

Планы жилищ пенджикентцев представляли собой более или менее упрощенный вариант структуры, нашедшей полное воплощение в планах богатых домов. В первой четверти VIII в. рядовое домовладение занимало среднюю площадь — 60 кв. м, хотя и были дома в 1,5 раза большего размера. Рядовые дома также были двухэтажными и состояли из нескольких помещений. Парадные комнаты здесь обычно были одновременно и жилыми. Только в одном таком доме с тремя комнатами по первому этажу открыты следы живописи в специальной нише. Некоторые помещения снабжены четырьмя столбами, имитируя план парадных залов, они гораздо меньше и лишены декора. Характерный пример такой комнаты с колоннами — помещение 25 (верхнего здания объекта XII) площадью всего 12 кв. м.¹⁷ Более или менее богатые жилища с живописью составляют почти треть исследованных домовладений. Показательно, что, как правило, рядовые горожане не имели при домах ни лавок, ни мастерских.

¹² Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековой город... С. 280.

¹³ Периханян А. Г. Агнатические группы... С. 51.

¹⁴ Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки М., 1976 (ТХАЭЭ. Т. IX). С. 214.

¹⁵ Там же. С. 222–223.

¹⁶ См.: Распопова В. И. Квартал рядовых горожан...

¹⁷ Там же. С. 177, рис. 2.

Торгово-ремесленные помещения они, вероятно, были вынуждены арендовать у своих богатых сограждан.

Основное членение населения по образу жизни не совпадало с членением на феодалов и торгово-ремесленные слои. Четкая граница проходила между знатью и крупным купечеством, с одной стороны, и ремесленниками вместе с мелкими торговцами, входившими в состав «работников» (*k'yr'k't*), — с другой.

Структура застройки пенджикентского городища отражает развитую общественную жизнь. Контраст между плотностью застройки с ее высокой этажностью, отсутствием дворов в огромном большинстве домовладений, теснотой лавок и мастерских, узостью улиц, часть которых даже перекрывали сводами, чтобы возвести над ними вторые и третьи этажи, и простором парадных залов сразу обращает на себя внимание. Зажиточные пенджикентцы, выделявшие часть своего участка под лавки и мастерские для получения дохода, гораздо большую часть несомненно дорогой городской земли отводили под парадные помещения с их богатым убранством живописью и скульптурой. Очевидно, от пышности происходивших в залах приемов и обрядов зависело общественное лицо владельцев домов. Однако парадные залы частных граждан вмещали едва ли более 20–30 гостей одновременно.

Владельцы домов на объектах XVI и XXI, как и государь Пенджикента Деваштич, предусмотрели во время строительства не только обычные для всех зажиточных людей помещения для приемов, но и особые залы, вмещавшие в несколько раз больше людей. Бируни отметил, что согдийцы по праздникам собирались у своих раисов (т. е. предводителей, старост). Он пишет, что в каждой деревне «собираются у всякого раиса, едят и пьют. Это происходит у них по очереди»¹⁸. Обычай, ко времени Бируни сохранившийся в деревне, в домусульманское время, вероятно, бытовал и в городах. В Пенджикенте около 720 г. был государь Деваштич, который, однако, судя по мутским документам, получал доходы не с города и его округи, а со своего домена в горах. Можно предположить, что наряду с ним существовали раисы каких-то частей городской общины.

Топография и рельеф городища показывают, что осталось мало шансов обнаружить на еще не раскопанных участках постройки, подобные крупнейшим домам объектов XVI и XXI. Поэтому мы можем допустить, хотя пока еще без полной уверенности, что подобных домов больше не было. Если мы принимаем это допущение, то напрашивается сопоставление этих двух домов с двумя храмами города, которые были его культовым и общественным центром.

Пенджикентская живопись показывает, что хотя у согдийцев был общий пантеон, отдельные семьи особо почитали своих богов-покровителей¹⁹. Так, в залах нескольких домов напротив входа изображена сцена поклонения богине, сидящей на троне в виде льва, а в других домах на соответствующем месте изображено поклонение божественной чете на троне, украшенном протомами верблюда и горного козла. Можно думать, что родственные семьи были близки между собой и в культовом отношении. В таком случае, сопоставив жилища

¹⁸ Абурейхан Бируни. Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 1957. С. 254.

¹⁹ Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев... С. 76–83, 180–181.

по подобным сценам, мы получим некоторые данные о расселении в городе групп родичей.

В восточной части города на объектах III, VI, XXVI четыре раза над выступом суфы в парадном зале были обнаружены остатки сцены поклонения богине на льве — Нанае. Правда, в этой части городища есть и росписи со сценами поклонения другим богам, но они расположены или на боковых стенах залов, или во вращающихся помещениях. В западной части городища в двух соседних домах объекта XXIV поклонялись прежде всего божественной чете на троне с протомами верблюда и горного козла, но в расположенном через переулок объекте XXV мы обнаруживаем уже богиню на льве в сопровождении мужского божества с короной, украшенной протомой дракона. В доме, открытом на объекте XXII, на торцовой стене ниши-апсиды помещены трехликий Вешпаркар и богиня на складном стуле, украшенном львиными протомами²⁰.

Таким образом, можно говорить только о тенденции к проживанию по соседству семей, сходных в культовом отношении, но отнюдь не об обязательном правиле. Кроме того, можно сказать, что некоторые культы охватывали большие группы семей, а другие меньшие. Каждая из таких групп, возможно, соответствовала $\eta\beta$ агнатов брачного контракта. Наличие двух храмов и двух домов с большими залами может быть связано с двумя наиболее влиятельными $\eta\beta$ или же с какими-то объединениями более общего характера и, возможно, по иному принципу. Каждое подразделение социального организма было в известной мере уподоблено остальным, поскольку на уровне семьи, $\eta\beta$ агнатов и городского $\eta\beta$ общественная жизнь воплощалась в схожих формах обрядов, пиров, празднеств, торжественных собраний. Если городской $\eta\beta$ собирался для всего этого на территории храмов, то $\eta\beta$ правителя (т. е. его родичи и служилые люди) собирался в парадных залах, дворца, а члены семей городской знати и купечества — в аналогичных по архитектуре парадных залах своих домов. Именно поэтому во всех трех видах зданий упорно повторяются одинаковые по тематике сцены росписей: подношение огня в специальном сосуде к изображению божества и жертвоприношение на таком переносном алтаре, при этом варьируются число, пол, возраст донаторов, а также их одежда. И в храмах, и в залах домов наряду с такими сценами есть сцены пиров и плясок, иллюстрации к мифологическому эпосу. Надо отметить, однако, что иллюстраций к литературным произведениям немифологического характера в храмах не найдено.

В бедных домах стенных росписей не было, но, видимо, там были иконы. В VI в. их делали из глины, обжигали и расписывали. На них встречаются образы тех же богов, что и в стенных росписях. В VIII в. таких терракот нет, но могли быть деревянные иконы, подобные хотанским. В пенджикентском климате такие иконы не могли сохраниться.

Культовое искусство городского $\eta\beta$ в масштабах всего города соответствовало культовому искусству отдельных ячеек, из которых состояла городская община. В связи с этим заслуживает пересмотра укоренившийся тезис о феодально-аристократическом характере живописи Пенджикента. Это искусство,

²⁰ Там же. С. 78–79, 180.

произведения которого находились в домах всех состоятельных горожан, было прежде всего искусством верхов городской общины, хотя росписи (причем несколько не более совершенные) были и во дворцах государей.

Раскопанный на цитадели дворец пенджикентского владельца Деваштича по своей структуре подобен богатым городским жилищам, отличаясь от них только числом помещений. Деваштич не был полновластным деспотом, поскольку, как это было отмечено выше, город имел свои доходы и своих должностных лиц.

Экономическая структура городской общины определялась взаимоотношениями производительного и непроизводительного населения. Городские ремесленники свободно реализовали на рынке продукт своего труда, но платежеспособный спрос на их изделия в значительной степени обеспечивался наличием в городах богатой знати с ее воинскими отрядами и слугами, а также купечества, которое вело внешнюю торговлю. Получены материалы, свидетельствующие о том, что в городах существовали ремесленные мастерские по выпечке хлеба, тогда как запасы зерна концентрировались в домах богатей (землевладельцев или хлеботорговцев). На объекте XXIII И. Рахматуллаев раскопал в 1974–1975 гг. зернохранилище в виде настоящего бункера из двух отсеков в сводчатом помещении богатого жилого дома. Зерно насыпали в трубу вверху свода, а высыпалось оно через специальное отверстие внизу, в этот амбар входило до 1000 пудов пшеницы. Небольшие лари, ямы и хумы с зерном были, конечно, в ряде домов. На городском базаре обнаружена лавка, где осуществлялся развес зерна. Судя по архиву с горы Муг, в руках феодалов концентрировались как большие запасы зерна, так и сырьё, необходимого ремесленникам.

Положение с запасами продовольствия в городе VIII в. отражено в рассказе Бал'ами о попытке сторонников Муканны овладеть Нахшебом. Все жители поклялись обороняться до последнего, а богачи раздали запасы продовольствия²¹. Таким образом, у рядового населения в критический момент запасов не оказалось. О. Г. Большаков предполагает, что это событие относится к концу весны или к началу лета, когда кончаются запасы зерна²². Безусловно, в это время года зерно из амбаров богатей наиболее высоко ценилось, однако обнаружившаяся в Пенджикенте картина показывает, что рядовые горожане вообще не имели сколько-нибудь значительных зернохранилищ.

Эксплуатация ремесла осуществлялась путем арендных отношений, поскольку мастерские и лавки располагались в помещениях, входивших в домовладения городской знати. Несмотря на большое развитие ремесла и розничной торговли, градообразующим слоем населения древнего Пенджикента первой четверти VIII в. являлась городская знать, от которой всецело зависело рядовое торговое-ремесленное население.

Древний Пенджикент существовал на одном месте с V в. по 70-е гг. VIII в. Коротко остановимся на динамике перемены, имеющих значение для истории

²¹ Большаков О. Г. Хронология восстания Муканны // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 95–96.

²² Там же. С. 96.

социальной структуры Пенджикента. За это время он пережил ряд изменений. Уже в V в. город был обнесен крепостной стеной²³, имел цитадель на отдельном холме и два храма. Не позднее конца V в. Пенджикент был обнесен еще одной, более обширной стеной. Первоначальные стены неоднократно перестраивались и сохранялись в качестве внутреннего кольца укрепления вплоть до начала VIII в. В VI — первой половине VII в. внутренние стены были снабжены специальными казарменными помещениями для гарнизона. В пределах внешнего города уже в VI в. существовал по крайней мере один дом с живописью (объект VI). Надо отметить, то, судя по участкам, где удастся проследить характер ранней социальной облик частей города, сложившийся к VI в. (храмы, квартал жилищ рядовых горожан — объект XII, богатое жилище — объект VI), сохранился до VIII в. Мощное строительство новых домов, торгово-ремесленных помещений и дворца правителя приходится на время правления Деваштича, когда после падения Самарканда Пенджикент становится центром общесогдийской значимости, в то время была снесена внутренняя стена, а занятая ею и прилегавшие к ней с востока территории сплошь застроены.

После разгрома города арабами в 722 г. наступило почти 20-летнее запустение. Около 740 г. была восстановлена значительная часть рядовых и аристократических жилищ, осуществлена попытка возродить прежний облик ряда жилых кварталов, тогда как храмы не были восстановлены, а на месте дворца Деваштича были устроены казармы арабского (?) гарнизона. Структура населения заметно изменилась в 50–60-х гг. VIII в., когда проходила исламизация и одновременно демократизация города. Парадные залы пришли в упадок, живопись намеренно была разрушена. Однако вплоть до гибели города во время восстания Муканны в нем продолжал функционировать ряд ремесленных мастерских.

В заключение остановимся еще на одном частном вопросе: занимались ли горожане земледелием? Рядом с древним Пенджикентом, несомненно, были сады, куда на лето могли переезжать и многие горожане, но в самом городе их нет, кроме деревьев и лоз винограда во дворе храма. В домах горожан нередко находят садовые кривые ножи, но находки подлинных серпов большая редкость, а пахотных орудий нет вовсе. Помещения для содержания животных на вскрытой трети территории города насчитываются единицами.

Раскопки Пенджикента показывают высокий уровень урбанизации, достигнутый согдийским обществом к VII–VIII вв.

²³ *Маришак Б. И.* Городская стена V–VII вв. в Пенджикенте // Новейшие открытия советских археологов (ТД конференции). Ч. II. Киев, 1975. С. 115–117.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ СОГДЕ¹

А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак, В. И. Распопова

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. в науке преобладало представление о почти безраздельном господстве натурального хозяйства в Средней Азии VII–VIII вв.² Однако находки тысяч медных монет в Пенджикенте, открытие там лавок-мастерских и даже целых базаров³, а также прочтение документов с горы Муг⁴ совершенно изменили картину. Исследователи пришли к выводу о значительной степени развития товарно-денежных отношений в Согде пред-арабского времени⁵. Материалы, полученные при раскопках городища древнего Пенджикента в 1960–1970 гг., позволяют в какой-то степени конкретизировать это общее положение. Некоторые аспекты согдийской экономики были рассмотрены в нашем докладе на Бартольдовских чтениях 1976 г. Здесь мы попытаемся показать, каким образом результаты археологического исследования города и деревни Согда помогают изучать проблемы денежного обращения и экономической жизни.

Археологический контекст монетных находок помогает установить сроки выпадения из обращения медных (бронзовых) монет.

Раскопки последних лет Пенджикента дали новые материалы, характеризующие обращение разменной монеты в первой четверти VIII в. Наиболее ценны

¹ Первая публикация: Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С. 15–26.

² Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 152–153, 271, 274–275.

³ Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1949–1956 гг.). М., 1963; Распопова В. И. Один из базаров Пенджикента VII–VIII вв. // СНВ. Вып. X. 1971. С. 67–75.

⁴ Фрейман А. А. Согдийские документы с горы Муг. Вып. I: Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. М., 1962; Согдийские документы с горы Муг. Вып. II: Юридические документы и письма / Чтение, пер. и коммент. В. А. Лившица. М., 1962 (далее — СДГМ-2); Согдийские документы с горы Муг. Вып. III: Хозяйственные документы / Чтение, пер. и коммент. М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой. М., 1963 (далее — СДГМ-3)

⁵ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

в этом отношении комплекс монет из торгово-ремесленного центра (расположенного вдоль улицы, ведущей от южных ворот города к площади перед храмами) и клады. Поверх остатков лавок-мастерских, которые погибли от пожара 722 г., на отдельных участках проходят горизонты с монетами Тургара (после 738 г.) На полах мастерских и лавок базара, а также мастерских, находившихся к югу от базара, было найдено 106 бронзовых монет, кроме тех, которые не могут быть определены из-за плохой сохранности. Состав их следующий: 1 монета деградировавшего типа у-шу; 4 — Вархумана (около 650–675 гг.); 1 — Урка (Укара) (вторая половина VII в.); 5 — Тархуна (700–711 гг.); 19 — Бильге (Бидйана)⁶; 27 — пенджикентской царицы; 43 — Гурака (711–738 гг.) II типа; 1 — анэпиграфная типа № 741⁷; 1 — с изображением коня на л. ст. типа № 734; 1 — Сатачари; 1 — вариант типа № 777–781; 1 — нового типа с согдийскими надписями на обеих сторонах.

Монет, имеющих твердую дату VII в., всего 6, т. е. 5,5 % общего числа. Это свидетельствует о том, что в первой четверти VIII в. основу денежного обращения составляли монеты недавних выпусков, среди которых примерно поровну пенджикентских и самаркандских монет. Интересно отметить, что монеты одного правителя Гурака составляют 40 % общего числа всех определимых, причем все они только одного типа — с изображением квадратного отверстия.

Аналогичное хронологическое распределение самаркандских и пенджикентских монет прослеживается и по кладам. В районе базарчика и прилегавших к нему мастерских было найдено три клада бронзовых монет. Два из них под полом мастерской (помещение 41 объекта XVI), неподалеку один от другого. Они, вероятно, были спрятаны кузнецом, который работал в этой мастерской. Оба клада состоят в основном из монет пенджикентских правителей.

Напротив базарчика, на другой стороне улицы, в помещении 62 объекта XVI, которое, видимо, было мастерской, в юго-западном углу на полу, неподалеку от небольшой ниши в западной стене, было найдено 20 монет Гурака с изображением квадратного отверстия и 1 монета Тархуна. Видимо, эти монеты входили в один клад, который вывалился из ниши. Пол, на котором найдены монеты, стратиграфически соответствует полу базара и прилегавших к нему мастерских.

В мастерской, остатки которой перекрыты поверхностью, соответствующей поверхности пола базарной площади и полам помещений, прилегавших к базару с юга, обнаружены два клада бронзовых монет (оба XVI/72). Клады, найденные в мастерских, являются, скорее всего, дневной выручкой ремесленника⁸.

Клады серебряных и медных монет в хронологическом отношении распределяются неравномерно. К V–VI вв. относится только один клад серебряных монет⁹, к VII в. — три клада медных монет, к первой четверти VIII в. — семь

⁶Чтение имен по В. А. Лившицу. В скобках указаны традиционные чтения (см.: Смирнова О. И. Каталог монет...).

⁷Номера аналогичных монет даны по: Смирнова О. И. Каталог монет...

⁸Распопова В. И. Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа VII–VIII вв. // КСИА. Вып. 147. 1976. С. 45–46.

⁹Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки Пенджикенте // АО 1974 г. 1975. С. 534.

кладов медных монет и два клада медных монет с небольшой примесью серебра, к 40-м годам VIII в. — один клад серебряных монет¹⁰, к 60–70-м годам VIII в. — два клада фельсов и два клада серебряных монет¹¹.

По составу клады медных согдийских монет делятся на пенджикентские — пять кладов, самаркандские — три и смешанные — четыре клада. При этом почти во все клады входят в небольшом количестве монеты редких типов. В Самарканде пенджикентские монеты вообще не обращались. Необходимо отметить, что клады фельсов — без примеси согдийских монет. Состав кладов как будто свидетельствует о том, что монеты в них специально подбирались. Это заставляет предполагать, что существовали какие-то различия в обращении этих групп медных монет, хотя все они, как показывают находки с полов помещений, имели хождение в Пенджикенте¹².

В кладах первой четверти VIII в. монеты ранних самаркандских правителей (до Тукаспадака) и пенджикентского правителя Гамаукяна (Амогйана) очень редки. Таких монет в кладах не более 17, тогда как монет Бильге (Бидйана), пенджикентской царицы, Тукаспадака и Гурака 565. Монет Вархумана в слоях городища довольно много, но в кладах первой четверти VIII в. их почти нет (всего семь штук). Это, как и монеты базара, показывает, что пенджикентские и самаркандские монеты, которые составляли основу розничного обращения в Пенджикенте, почти полностью выходили из обращения через несколько десятилетий после их выпуска. Поэтому нам кажется маловероятным, чтобы сравнительно редкие монеты каких-то более отдаленных центров сохранялись в обращении дольше, чем местные — пенджикентские и самаркандские. Из этого следует, что монеты Рамчитака, самитанские и другие, скорее всего, были выпущены во второй половине VII — начале VIII в.

Надо отметить, что в шести кладах согдийских монет из двенадцати наблюдается небольшая примесь самитанских монет. Видимо, эти монеты территориально имели широкое хождение, так как пять таких монет найдено в Вахшской долине¹³, а две — в Чилеке.

Быстрое выпадение из обращения монет старых выпусков, возможно, связано с какими-то правительственными мерами по регулированию хождения старой и новой монеты.

Серебро в кладах бронзовых монет было только в двух случаях. В большом кладе пенджикентских монет (XVII/11) встретилась одна монета типа «бухархудатов» (типа № 7–8). Интересно отметить, что этот клад монет был найден в глиняном водоносном кувшине. Все остальные клады были, вероятно, завернуты в тряпочки, следы которых в ряде случаев видны на монетах. В другом

¹⁰ Беленицкий А. А. Клад серебряных монет из Пенджикента // ЭВ. Вып. XVII. 1966. С. 92–100.

¹¹ Смирнова О. И. Клад аббасидских драхм с Пенджикентского городища (Третья четверть VIII в.) // ЭВ. Вып. XV. 1963. С. 58–72.

¹² Е. А. Давидович, анализируя текст Ибн Фадлана, установила, что в Бухаре в 921 г. за два бухарских фельса принимали три самаркандских фельса того же веса и состава (Давидович Е. А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах // Нумизматика и эпиграфика. Т. VI. М., 1966. С. 103–113).

¹³ Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье: автореф. ... канд. дис. Л., 1969. С. 5.

большом по численности монет и очень разнообразном по составу кладе (XX/11) найдены три серебряные драхмы: Пероза последнего периода его правителя, Хосрова I и монета, относящаяся к эмиссии 295, по Р. Гёблю¹⁴.

Заметно, что в VII — начале VIII в. существовал дефицит серебряной монеты. Это как будто подтверждается и сведениями, содержащимися в документах с горы Муг, о которых пойдет речь ниже.

При обилии монет Гурака (типа II) на городище (40 % на базаре) их нет в больших смешанных кладах (только одна находка на 173 монеты четырех кладов). Возможно, в Пенджикенте их невыгодно было накапливать. Есть лишь один клад, состоящий из самаркандской меди с 20 монетами Гурака (типа II) и одной монетой Тархуна, но это, возможно, сумма денег, привезенная из Самарканды и спрятанная в Пенджикенте. В кладах первой четверти VIII в. 77 % монет (530 штук) — пенджикентская медь (см. таблицу).

Многочисленны монеты Тургара [738–750 (?) гг.], но как будто вообще нет кладов монет этого правителя. Всего лишь два клада фельсов (в обоих вместе — 23 монеты), хотя вообще меди этого времени на городище много¹⁵. Зато именно к этому времени относятся клады серебра.

Приведенные данные показывают, что археологические наблюдения позволяют в значительной степени детализировать картину денежного обращения путем сопоставления материалов из кладов и из надежно выделенных слоев. Таким путем впервые удается заметить признаки государственного регулирования обращения медной разменной монеты в условиях мелких княжеств раннесредневекового Согда. Но, конечно, из-за одностороннего характера археолого-нумизматических источников мы пока еще далеки от понимания социально-экономической сущности многих наблюдаемых нами явлений.

На горе Муг найдено большое число хозяйственных документов. Еще до их полного перевода и издания Б. Я. Ставиский пытался использовать этот архив как исторический источник¹⁶. Позднее комментирование документов, естественно, перешло в руки согдологов, переводивших и публиковавших тексты. Между специалистами возникли споры по весьма существенным вопросам толкования документов. Многие и сейчас остается неясным как из-за филологических трудностей, так и из-за недостаточного знания ситуации, к которой относятся мугские тексты. Однако обойтись без них, анализируя историю пенджикентского владения, невозможно, и поэтому археологи, сознавая всю некомпетентность в вопросах согдологии, пытаются все же дать историко-археологический комментарий к мугскому архиву, опираясь на изученные ими реалии согдийской жизни¹⁷.

¹⁴ Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Bactrien und Indien. Bd. 1–4. Wiesbaden, 1967.

¹⁵ Около одной пятой всех монет из раскопок Пенджикента в 1949–1956 гг. (см.: Смирнова О. И. Каталог монет...).

¹⁶ Ставиский Б. Я. Дворцовое хозяйство пенджикентского владетеля // СВ. 1957. № 1. С. 86–94.

¹⁷ Якубов Ю. Кожевненное дело в Бутамане в начале VIII в. (по археологическим и письменным материалам из замка на горе Муг) // ИООН. 1973. № 1. С. 18–23; он же. Паргар в VII–VIII вв.: автореф. ... канд. дис. М., 1969.

Таблица. Распределение монет в кладах меди из Пенджикента

Наименование типов монет	XXI 10	XIV 11	XVI 72	XVI 72	XVI 62	XIV 5	XX 11	VI 11	XVII 11	II 5	XVI 41	XVI 41	XXIII 1	XX 7	Всего
Вархуман				1		5		1							7
Урк (Укар)	5	2		1		1	3	1							13
Мастич Унаш (Мастан-Навийан)		6				2	1								9
Тукаспадак				12			5			1					18
Тархун					1	2	2								5
Гурак (тип II)					20		1								21
Гамаукйан (Амогйан)								1							1
Бильге (Бидйан)			16			14	9	6	73	125	19	30			292
Пенджикентская царица			8			1	6	10	139	1	23	41			229
Пенджикентское литье							3		5						8
«У-шу»							2								2
Рамчитак				12		1	11								24
Самитан				1		2	4	1	1			2			11
Типа № 689									4			1			5
Сатачари								2							2
Типа №747–774						2									2
Новый тип						2	7		1						10
Серебро							3		1						4
Самарканд, 761–762 гг.													2	7	9
Балх, 766–767 гг.														2	2
Бухара, 768 г.													2		2
Самарканд, 770 г.														7	7
Новый тип фельсов													1		1
Неопределенные согдийские с квад- ратным отверстием				4		15	13	3	7	2	2	12			58
Неопределенные фельсы													2		2
Всего монет в кладе	5	8	24	31	21	47	70	25	23	129	44	86	7	16	744

П р и м е ч а н и е: в числителе — № объекта, в знаменателе — № помещения.

Хозяйственные документы фиксируют поступления и выдачи, но в них нет указаний на то, как собирали продукты, поступавшие правителю Пенджикента Деваштичу через посредство местной администрации и управляющего его домонов — фрамандара. Очень редки и сведения о том, почему производятся выдачи. Есть указания на привоз тех или иных предметов из того или иного селения. Иногда можно предположить, что они только находились на складе в этом селении, но не были в нем произведены. Так, в горном Хшикате не было виноделия¹⁸, и поступившее оттуда вино¹⁹, видимо, было до того привезено в Хшикат откуда-то с равнины. Так же надо понимать и перевоз из селения в селение таких редких и дорогих ремесленных изделий, как, например, металлический котел²⁰. Однако когда речь идет о зерне, фруктах и овцах, можно думать, что, как правило, они поступали из данных селений в качестве натуральной ренты. В документах очень неравномерно представлены разные селения, что объясняется случайным характером небольшой выборки хозяйственных текстов, сохранившихся на горе Муг. Поэтому нельзя говорить о специализации отдельных селений²¹. В документах не только специально сказано о выдаче из Исходара фруктов для некоего Литпира, там есть и упоминание о привозе зерна из этого селения²². Видимо, Деваштич и его управляющий, отдавая распоряжения о выдачах, учитывали состояние запасов и предстоящие расходы в том или ином селении. Администрация и дружина Деваштича получали провиант с его складов, причем велся подневный учет израсходованных продуктов²³, в Пенджикенте его люди, видимо жившие в цитадели, съедали в среднем немногим менее чем полторы туши овцы в день, а на новогоднем празднике — целую корову²⁴. В горном домене Деваштича овец собирали в селениях посланные туда чиновники²⁵. Один из них, Спадак, однажды отправил к фрамандару из Звадка 63 овцы. В другой раз он не смог найти овец для отправки. Как он получал овец, не сообщается. Между тем за корову, очевидно, в Пенджикенте было уплачено 11 драхм. Характерно, что фрамандар, управляющий имениями Деваштича в горах, ни разу не упомянут в денежных документах²⁶. Очень малочисленны и монетные находки в горных селениях. Мука поступала к фрамандару наряду с зерном. Мукой выплачивали арендную плату за мельницы.

Фрамандар играл важную роль в операциях со шкурами (в документах упомянуты сотни шкур)²⁷. Шкуры не называются в составе поступлений из того или иного селения. Их не надо было специально заготавливать, так как собирали живых овец. После забоя скота шкуры поступали в специальное кожевенное

¹⁸ Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973. С. 167.

¹⁹ СДГМ-3. С. 30 (док. Б-2).

²⁰ СДГМ-2. С. 154–155 (док. Б-3).

²¹ Ср.: Якубов Ю. Паргар в VII–VIII вв. С. 18.

²² СДГМ-2. С. 144, 149 (док. Б-13, Б-11).

²³ СДГМ-3. С. 29–31 (док. Б-2), с. 31–32 (док. Б-8), с. 36 (док. В-11).

²⁴ Там же. С. 36 (док. В-11); СДГМ-2. С. 182–185 (док. А-5).

²⁵ СДГМ-2. С. 144–151 (док. Б-13, Б-11, Б-15).

²⁶ Там же. С. 135.

²⁷ СДГМ-3. С. 57–64 (док. А-10, В-5, В-19, А-4, А-8, В-3, А-7); СДГМ-2. С. 73–74, 61, 73, 72, 183, 71.

предприятие во главе с неким Вгашмариком. Поступали они от отдельных лиц, в том числе и от фрамандара, на обработку²⁸. Упомянуто, что фрамандар хранил у себя не только принадлежавшие ему самому шкуры, но и шкуры, принадлежавшие другому лицу (уже упоминавшемуся чиновнику Спадаку), выполнявшему в горных селениях поручения Деваштича. В своем письме Спадак просит фрамандара о присылке не только всех шкур, принадлежавших ему, но и половины тех, которые были собственностью фрамандара²⁹. Видимо, он же³⁰ послал фрамандару кольчугу, пару каких-то сапог, седло и еще какой-то предмет³¹. Об этой пересылке он пишет, закончив писать о поручении государя. Судя по набору предметов, здесь вряд ли идет речь о перевозе со склада на склад и тем более о сборах с селений. Скорее всего, Спадак выступает как контрагент фрамандара в деле реализации шкур (кож) и снабжения его продукцией городского ремесла. В руках феодалов и их помощников оказывались большие запасы сырья, необходимого городским ремесленникам. В частности, кожи были нужны сапожникам, мастерам, изготавливавшим панцири, щиты, пояса, конскую сбрую. Вероятно, именно в городе для самого Деваштича постоянно заготавливали изделия домашних промыслов³². Упомянуты веревки, какие-то *ruḍmz* (вид веревок или ремней), иногда называемые с определением шерстяные, какие-то одежды, «прислоненные стрелы», *ʾšruwḍ pts'd* или просто *pts'd* и, кажется, седла. По-видимому, *ruḍmz* — это подпруги, которые на живописи, как правило, изображаются в виде узкой полосы грубой ткани с несложным рисунком, а неоднократно упоминаемые *pts'd* — попоны, поскольку согдийские живописцы, подробнейшим образом прорисовывавшие всевозможные доспехи и предметы снаряжения, никогда не изображали конских панцирей, хорошо известных по памятникам других народов той эпохи, но всегда изображали чепраки и попоны. Кроме того, поразительно велико количество упомянутых в документе Б-12 седел. Там указано, что в один день в одном селении Зравадк было взято пять попон, 20 шерстяных подпруг, 250 (?) стрел и 150 седел³³. Как показывает документ Б-18, по крайней мере, попоны и подпруги заготавливались в самом Зравадке местной администрацией для Деваштича.

Наряду с платежами продуктами сельского хозяйства и домашних промыслов, видимо, существовала и отработка. Между феодалами даже заключались сделки на поставку работников. Так, владелец Кштута послал работников владельцу Матчи³⁴, от которого он вряд ли мог зависеть, поскольку территория Фальгара, находившаяся между их землями, принадлежала Деваштичу.

Хозяйственная деятельность Деваштича протекала в двух зонах — Пенджикенте и Фальгаре. Однако владел он ими не на одинаковых основаниях.

²⁸ СДГМ-3. С. 62–63 (док. А-8 и В-3).

²⁹ СДГМ-2. С. 147–149 (док. Б-11).

³⁰ Там же. С. 152–153 (док. Б-19).

³¹ Там же.

³² Там же. С. 150–151 (док. Б-15). С. 153–156 (док. Б-18).

³³ О. И. Смирнова и М. Н. Боголюбов читают здесь не *swyʾz* — седло, как В. А. Лившиц, а *swy'n*, что, впрочем, очень сходно пишется по-согдийски (СДГМ-3. С. 48–49).

³⁴ СДГМ-2. С. 172–173 (док. Б-7).

Арабские географы традиционно относили Фальгар к Уструшане, а Пенджикент — к Согду³⁵. Этнография также показывает, что связи с районами к северу от шахристанского перевала были для Фальгара более важными, чем связи с Пенджикентом³⁶. Деваштич, который не был сыном предыдущего пенджикентского правителя, Чакин Чур Бильге, судя по мугским документам, получал доходы именно с селений Фальгара, а не с округи Пенджикента. Вероятно, при фальгарском феодале Деваштиче установилась личная уния этих двух владений. Потомки Деваштича считали своим предком не только его самого, но и его предшественника, царя Чура, которого они принимали за отца Деваштича³⁷. Такая путаница была бы объяснима, если бы Чур действительно был их предком, но не как отец, а как тесть Деваштича. Это объяснило бы и то, что во время правления Деваштича монета выпускалась не от его имени, а от имени Наны (?), госпожи Панча, которая могла быть дочерью Чура и женой Деваштича. В Пенджикенте Деваштич тратил то, что он получал из горных селений.

Внимание исследователей давно привлекла двойная титулатура согдийских государей: царь Согда, господин (MR'Y) Самарканда. Казалось, что эта формула отражает такую ситуацию, когда царь большой страны был одновременно господином своего домена, одним из нескольких «господ» страны³⁸. Однако В. А. Лившиц недавно показал, что аналогичный титул Чура — Бахтский царь, пенджикентский господин — означал, что Чур был царем не в обширном государстве, а лишь в одном округе (рустаке), находившемся к северу от Пенджикента на границе Согда с Уструшаной³⁹.

При этом доменом тюрка Чура мог бы быть как раз не Пенджикент, где до него был государем согдиец, а обильный пастбищами предгорный район, где в XIX в. жили полукочевые тюрко-язычные группы⁴⁰. Традиционное объяснение двойной титулатуры не соответствует ситуации с Чуром. Попытаемся дать иное объяснение. Пенджикент и Самарканд как города, имевшие гражданскую общину (n'β), подчинялись государям, но на особых условиях, не как полновластным царям. В документах и на согдийских монетах упомянуто много разных владетелей (ywbw), но гетерограмма MR'Y применена по отношению к правителям согдийских городов Пенджикента и Самарканда. Хотя тенденция к наследованию власти в Согде, несомненно, существовала, но в условиях могущества городской знати эта тенденция редко осуществлялась. В Пенджикенте, как отметил В. А. Лившиц, вообще неизвестны государи, которые унаследовали бы власть от своего отца⁴¹.

³⁵ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М., 1963. С. 144–145, 225.

³⁶ Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. С. 136–137.

³⁷ Лившиц В. А. Правители Пенджикента VII — начала VIII в. // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР (26–31 августа 1977 г.). Душанбе, 1977. С. 45.

³⁸ Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970. С. 24, 49–66.

³⁹ Лившиц В. А. Правители Пенджикента... С. 44–45.

⁴⁰ Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976. С. 222.

⁴¹ Лившиц В. А. Правители Пенджикента... С. 45.

Где кончались владения пенджикентской городской общины, сейчас сказать трудно. В нескольких километрах к востоку от города граница могла проходить по р. Зеравшан. Там, около современного моста Дупули, — единственное удобное место, где недалеко от города при тогдашней строительной технике мог быть построен мост, за пользование которым взимал плату городской сборщик *баджа* (пограничной пошлины?) от имени пенджикентского народа⁴².

Своим управляющим в Фальгаре Деваштич сделал чуждого местному населению тюрка — фрамандара Утта⁴³, который мог, не считаясь ни с кем, защищать интересы правителя. Однако сам Деваштич выступал в роли великодушного благодетеля. Сохранившиеся личные письма Деваштича по хозяйственным вопросам касаются только выдач⁴⁴. При этом не раз специально подчеркивается его забота о том, чтобы люди не голодали. Деваштич красноречиво попрекает фрамандара за невыдачу зерна, приказывает не делать промедления. В этом проявляется несколько демагогически подчеркнутая необходимая стабилизирующая роль запасов феодала в условиях слабо развитого сельскохозяйственного производства раннего средневековья.

В мугских документах есть данные о денежных расходах Деваштича, но нет ничего о его денежных доходах. Скорее всего, он получал их, реализуя на городском рынке прибавочный продукт, собранный в качестве феодальной ренты. Снабжение города хлебом и отчасти сырьем было в значительной степени в руках феодалов, мобилизовавших прибавочный продукт тех районов, в которых еще господствовало натуральное хозяйство. Прямой обмен между городом и деревней также существовал, но он не имел больших масштабов. Горожане приобретали, видимо, непосредственно у крестьян изделия домашних промыслов, из которых мы находим только хорошо сохранившуюся в земле керамику ручной лепки, составляющую до одной пятой всей керамики. В горном селении Мадм, входившем в домен Деваштича, найдена станковая керамика и другие изделия городского ремесла. Это владельческое селение, целиком раскопанное Ю. Якубовым, показывает, как далеки от горожан по своему образу жизни были крестьяне Фальгара и как тесно был связан с городом их господин, обитавший во дворце на вершине холма⁴⁵. Возможно, не все селения были так прочно освоенные феодалами. Сельские общины (п'б) упомянуты как раз в тех селениях, о которых ничего не говорится в связи с поставками зерна и продукции домашних промыслов⁴⁶.

В пригородной зоне товарно-денежные отношения были, видимо, более развиты. Деваштич платил деньгами не только за постройку крыши, но и за полив, за корову, за лошадь⁴⁷. Если покупки он мог сделать и у других предста-

⁴² СДГМ-2. С. 69–70 (док. А-13).

⁴³ Там же. С. 133–136, 219.

⁴⁴ Там же. С. 136–140 (док. А-2, А-3, А-16).

⁴⁵ Якубов Ю. О работах Зеравшанского отряда на поселении Гардани Хисор // АРТ. Вып. XIII (1973 г.). 1977. С. 137–154; он же. Дворец Гардани Хисор и его родное дерево // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1976. М., 1977. С. 363–371.

⁴⁶ СДГМ-3. С. 83–84 (док. Б-6).

⁴⁷ СДГМ-2. С. 181–185 (док. А-5), 221.

владельцев земли, то за полив и постройку крыши он платил трудовым людям. Покупал он и ремесленные изделия. За мельницы Деваштич получал арендную плату мукой, за городские лавки и мастерские феодалы взимали арендную плату деньгами⁴⁸.

В замке на горе Муг были найдены остатки архивов нескольких знатных и незнатных людей, оказавшихся вместе с Деваштичем в его последнем убежище. Явно частному лицу принадлежала сводная запись, в которой зафиксированы денежные доходы за 34 месяца. Всего за это время была получена сумма в 41 драхму (в том числе 5 драхм за пшеницу или вместо пшеницы)⁴⁹. Один или двое из плативших — это служащие Деваштича, но за что они платили, не указано. Вся сумма для такого срока совсем невелика. Было бы странным, если бы все доходы данного лица почти за три года состояли только из этих платежей нескольких случайных людей. Возможно, в документе фиксируются поступления реальных серебряных монет, которых во времена Деваштича не хватало, о чем явно свидетельствуют пенджикентские нумизматические находки. Другие доходы автора записи могли поступать в товарах, даже если они и исчислялись в драхмах. При малом количестве серебра, находившегося в обращении, были развиты своего рода банковские операции.

Как показал В. Б. Хеннинг, налоговые суммы от пошлины, взимавшейся городской общиной Пенджикента, хранились у двух банкиров-компаньонов⁵⁰. Если налог брали не только серебром, но и медью и товарами, то без таких банкиров городские власти не могли бы в нужный момент получить значительную сумму именно серебряными драхмами. Характерно для согдийской отчетности, что в документе не указывается, за что банкирами должна быть выплачена какому-то человеку сумма в 150 драхм. Есть в одном из документов и распоряжение частного лица относительно совсем небольшой суммы (4 драхмы), которая хранилась у двух поименно названных людей в другом городе⁵¹. Это, скорее всего, тоже банкиры-компаньоны. Денежные доходы (или расходы?) какого-то мелкого торговца или ремесленника за несколько дней подряд зафиксированы в сводной записи. Только в этом документе речь идет о медной монете — 26, 40, 30 и т. д. медных монет в день до 130 в самый удачный (если это доход) день⁵². Эта величина того же порядка, что и размеры кладов в пенджикентских лавках-мастерских.

Наиболее загадочными остаются ведомости на выдачи денег и вещей. В отличие от отработанного стиля юридических документов согдийская бухгалтерия была очень слабо развита. Тексты сбивчивы, в одних и тех же записях то с мотивировкой, то, чаще, без нее перечисляются разные платежи⁵³. Можно выделить плату за службу⁵⁴ и за труд (за полив, за постройку крыши), плату

⁴⁸ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 312–314.

⁴⁹ СДГМ-2. С. 186–187 (док. Nov. 6).

⁵⁰ Henning W. B. A Sogdian God // BSOAS. Vol. XXVIII/2. 1965. P. 249.

⁵¹ СДГМ-2. С. 165–168 (док. B-7).

⁵² Там же. С. 182–183 (док. B-27); СДГМ-3. С. 55–56.

⁵³ СДГМ. Вып. 2; 3. Док. А-5, А-11, Б-1, Б-4, Б-20, Nov. 1, В-9R, В-9V, В-6 и др.

⁵⁴ СДГМ-2. С. 181–185 (док. А-5, стк. 5, 22, 23).

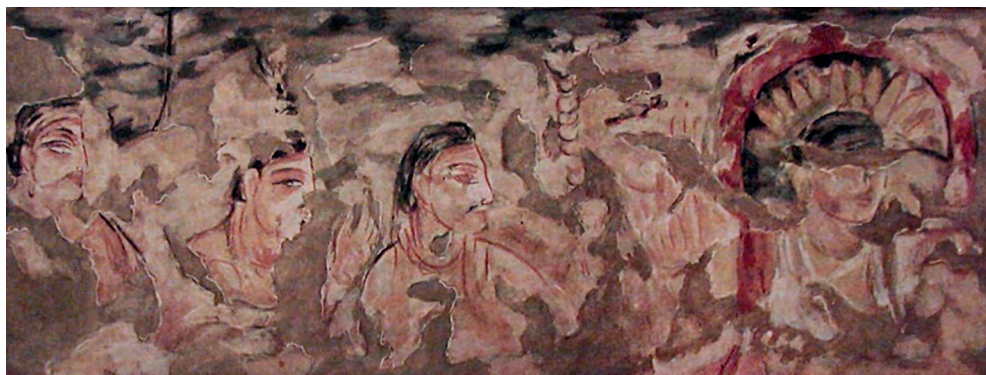
за некоторые покупки Деваштича (конь, пара быков, корова, шапка, сапоги и т. д.). Но это отнюдь не все виды выдач. Со складов Деваштича почему-то отпускались кольчуги и единичные предметы воинского снаряжения не только каким-то мелким владетелям, но и такому лицу, как тохарский царь, получивший четыре «нагрудника» или плащ⁵⁵. Возможно, речь идет не только о пожалованиях, но и об уплате вещами в погашение долгов по каким-то сделкам. В документе Б-1 упомянуты как получатели вещей какие-то «наемники» мелких владетелей, т. е. их приказчики, которые заменяли своих господ в отношениях с Деваштичем.

В целом, если свести воедино археологические материалы⁵⁶ и довольно отрывочные данные мугского архива, то можно проследить основные «потоки» ремесленной продукции, изделий домашних промыслов, продуктов сельского хозяйства и денег. Наряду с самообеспечением деревни наблюдается сбыт в город не только сельскохозяйственной продукции, но и изделий домашних промыслов. Однако обмен с городом был неразвит, а потребности деревни в деньгах и городских ремесленных товарах были невелики. Ремесленники же лишь в небольшой степени покрывали свои потребности в сельскохозяйственной продукции за счет собственных хозяйств и прямого обмена с деревней.

Снабжение городского населения продовольствием и сырьем обеспечивалось запасами знати, пополнявшимися за счет феодальной ренты. Знать получала доходы и с ремесла в виде денежной арендной платы. Снабжение ремесленников продовольствием и сырьем и сбыт их продукции осуществлялись в основном через городской рынок, но необходимые для них товары и свободные деньги были главным образом у знати и у крупных купцов, хотя, конечно, ремесленники также покупали ремесленные изделия. Таким образом, мы видим, что в городе в отличие от деревни экономическое господство феодальной знати выступало не в форме прямого принуждения, а в форме товарно-денежных отношений.

⁵⁵ СДГМ-2. С. 27, 39, 40, 53, 72, 113, 134, 151, 154–156, 159, 176–178, 219 (док. Б-1); СДГМ-3. С. 43–47.

⁵⁶ Им был посвящен в основном наш доклад на Бартольдских чтениях 1976 г.

Цв. вклейка 1. Пенджикент. Роспись в помещении 5 объекта 1 [Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. Табл. VI]

Цв. вклейка 2. Пенджикент. Сцена жертвоприношения из помещения 10 объекта I [Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. Табл. VIII]

Цв. вклейка 3. Пенджикент. Пирующие дехканы. Роспись на северной стене помещения 10 объекта I [Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. Табл. IX]

Цв. вклейка 4. Пенджикент. Пирующие дехканы. Роспись на восточной стене помещения 10 объекта I [Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. Табл. X]

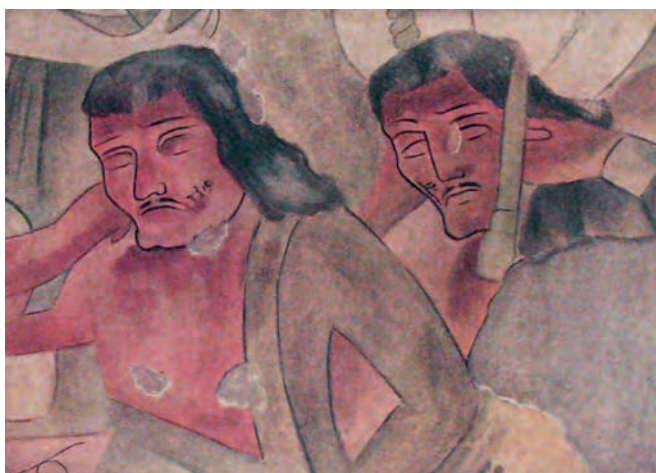
Цв. вклейка 5. Пенджикент. Часть росписи простенка А объекта II [Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. Табл. XVI]

Цв. вклейка 6. Пенджикент. Сцена оплакивания. Простенок В объекта II [Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. Табл. XX]

Цв. вклейка 7. Пенджикент. Сцена оплакивания. Деталь росписи с простенка В объекта II [Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. Табл. XXI]

Цв. вклейка 8. Пенджикент. Сцена оплакивания. Деталь росписи с простенка В объекта II [Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. Табл. XXII]

Цв. вклейка 9. Пенджикент. Богини. Деталь росписи с простенка В объекта II
[Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. Табл. XXIII]

Цв. вклейка 10. Пенджикент. Поединок пеших воинов. Роспись на южной стене (Г)
помещения 1 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. III]

Цв. вклейка 11. Пенджикент. Сцена у ворот. Роспись на южной стене (А) помещения 1 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. IV]

Цв. вклейка 12. Пенджикент. Фрагмент с изображением повозки. Роспись в северо-восточном углу (И) помещения 1 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. V]

Цв. вклейка 13. Пенджикент. Поверженный воин. Деталь росписи западной стены (Д) помещения 1 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. VI]

Цв. вклейка 14. Пенджикент. Подношение даров. Роспись северной стены помещения 8 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. IX]

Цв. вклейка 15. Пенджикент. Орнаментальный декор сводов помещений объекта VI. Реконструкция В. Л. Ворониной. А — помещение 26, В — помещение 10 [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. XXV]

Цв. вклейка 16. Пенджикент. Музыканты. Деталь росписи северной стены помещения 13 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. XI]

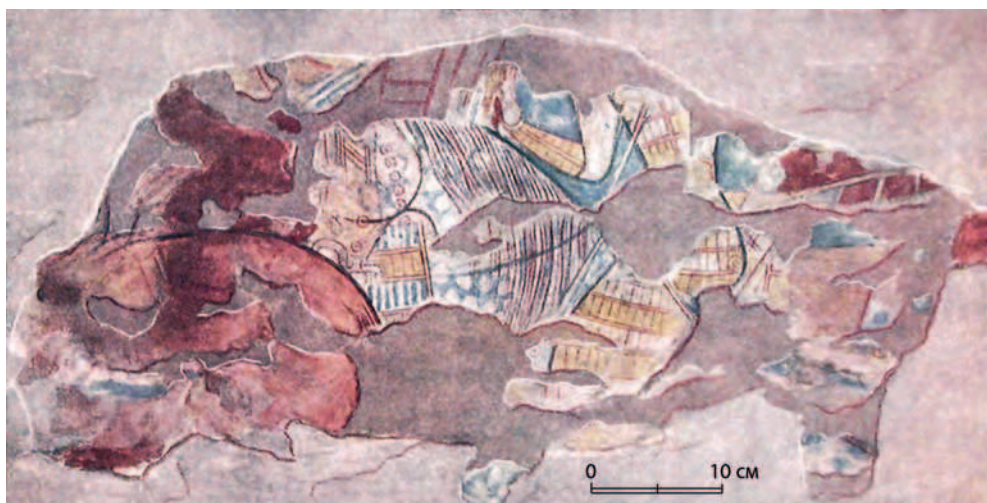
Цв. вклейка 17. Пенджикент. Играющие в нарды. Левая часть композиции на западной стене помещения 13 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. XIII]

Цв. вклейка 18. Пенджикент. Играющие в нарды. Правая часть композиции на западной стене помещения 13 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. XIV]

Цв. вклейка 19. Пенджикент. Играющие в нарды. Роспись на западной стене помещения 13 объекта VI. Цветная фотография с подлинника после реконструкции [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. XV]

Цв. вклейка 20. Пенджикент. Всадник в доспехах. Фрагмент росписи западной стены помещения 13 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. XVI]

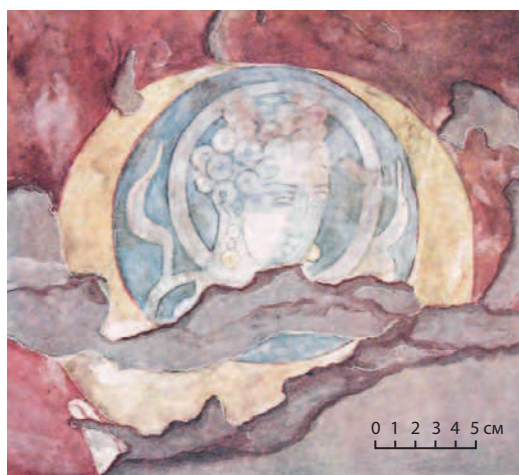
Цв. вклейка 21. Пенджикент. Пленник со связанными руками. Фрагмент росписи из завала у западной стены помещения 13 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. XVIII]

Цв. вклейка 22. Пенджикент. Голова в крылатой короне. Фрагмент росписи из завала у западной стены помещения 13 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. XVII]

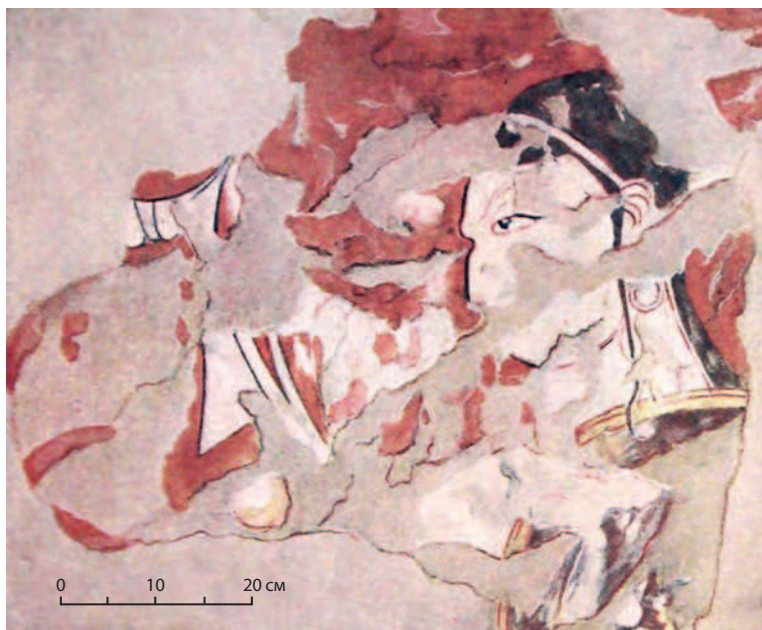
Цв. вклейка 23. Пенджикент. Голова божества с солнечным и лунным дисками. Деталь росписи южной стены помещения 26 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. XXI]

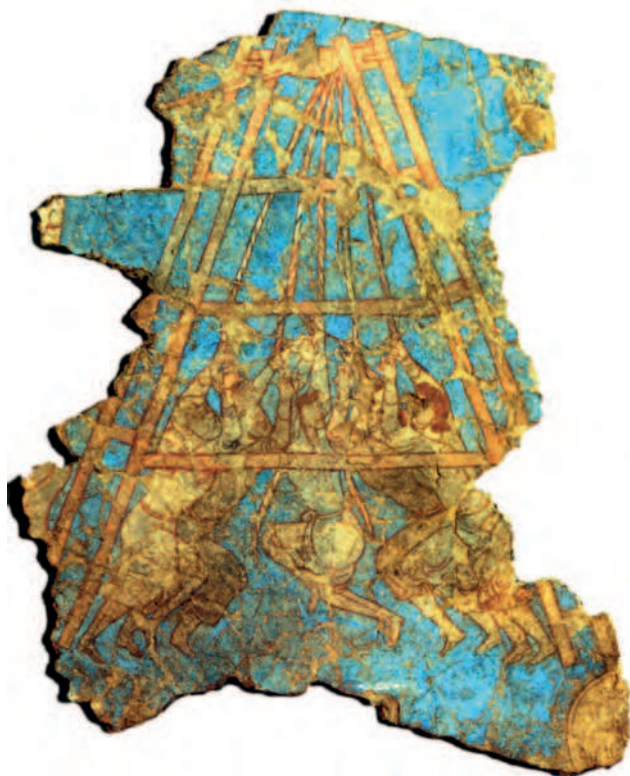
Цв. вклейка 24. Пенджикент. Лунный диск. Деталь росписи южной стены помещения 26 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. XXII]

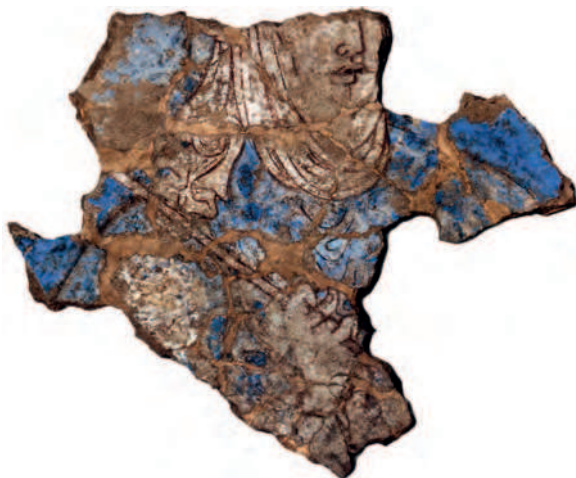
Цв. вклейка 25. Пенджикент. Щит. Фрагмент росписи восточной стены помещения 26 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. XXIII]

Цв. вклейка 26. Пенджикент. Мужская голова. Фрагмент росписи восточной стены помещения 26 объекта VI [Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. XXIV]

Цв. вклейка 27. Пенджикент. Камнеметное орудие *манджаник*. Фрагмент росписи из помещения 5 цитадели [Expedition Silk Road. Journey to the West: Treasures from the Hermitage. Amsterdam, 2014. P. 187, Cat. No. 120]

Цв. вклейка 28. Пенджикент. Голова араба. Фрагмент росписи из помещения 5 цитадели [Expedition Silk Road. Journey to the West: Treasures from the Hermitage. Amsterdam, 2014. P. 182, Cat. No. 114]

Цв. вклейка 29. Согдийское серебряное блюдо VII в., найденное в деревне Кулагыш (Пермский край) в 1893 г. [Маршак Б. И. Искусство Согда. СПб., 2009. С. 61]

Цв. вклейка 30. Пенджикент. Роспись с изображением демонов из помещения 41 объекта VI [Маршак Б. И. Искусство Согда. СПб., 2009. С. 46]

Цв. вклейка 31.
 Деталь изображения
 на цв. вклейке 30
 [Маршак Б. И. Искусство Согда.
 СПб., 2009. С. 47]

Цв. вклейка 33. Деталь изображения
 на цв. вклейке 32 [Marschak B.
 Silberschätze des Orients:
 Metallkunst des 3. — 13.
 Jahrhunderts und ihre
 Kontinuität.
 Leipzig, 1986. Abb. 210]

Цв. вклейка 32. Серебряное
 блюдо IX–X вв., найденное в деревне
 Большая Аникова (Пермский край) в 1909 г.
 [Маршак Б. И. Искусство Согда. СПб., 2009. С. 60]

ДРЕВНЕЙШЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ОСАДНОЙ МАШИНЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак

С 1967 г. на городище древнего Пенджикента раскапывается дворцовое здание, которое находилось на территории цитадели и погибло в связи с событиями арабского завоевания². Владетелем дворца, во всяком случае последним, был, очевидно, правитель Пенджикента Деваштич, известный главным образом как один из предводителей крупного антиарабского восстания в 721–722 гг. С его именем и ролью в этом восстании наука познакомилась благодаря открытию в 1932 г. знаменитого архива с горы Мут, большая часть документов которого принадлежала дворцовой канцелярии Деваштича.

Раскопки говорят о том, что дворец, как и многие постройки самого города, был разрушен во время подавления восстания. Все парадные помещения погибли в огне пожара. Но еще до того, как здание сгорело, помещения подверглись, вероятно, намеренному разгрому. Особенно пострадали стенные росписи в тронном зале. Ни в одном другом помещении на городище штукатурка с росписью не оказалась в таком состоянии, как здесь. Сдранная со стен, она была вдобавок растоптана и в виде многослойного крошева была обнаружена на полу и на суфах под толщей завала.

Только благодаря исключительно трудоемким усилиям группы сотрудников реставрационной мастерской Государственного Эрмитажа³ удалось собрать из мелких и часто мельчайших кусков штукатурки с росписью более крупные фрагменты, по которым стало возможным судить об отдельных фигурах, а отчасти и о сюжетах живописных сцен.

К числу последних относится и сравнительно крупный, собранный из мелких кусков, фрагмент росписи с сюжетом, который является предметом настоящей статьи.

¹ Первая публикация: Культура Востока. Древнее и раннее средневековье. Л., 1978. С. 215–221.

² См.: *Исаков А.* Дворец правителя древнего Пенджикента // СНВ. Вып. X. 1971. С. 76–82.

³ В состав группы входили М. П. Винокурова, Г. И. Тер-Оганьян, Т. С. Василенко и Л. П. Гаген. Окончательную расчистку, подбор фрагментов в реставрационной мастерской и прорисовку выполнила Т. С. Василенко.

Фрагмент, о котором идет речь, был извлечен из завала в юго-восточном углу тронного зала. Здесь же ранее попадались фрагменты росписи с изображениями отдельных участков крепостной стены, зубцов, бойниц и прочих аналогичных деталей. На некоторых кусках были изображены и части фигур воинов, то цепляющихся за веревки, то стоящих на перекладине лестницы (рис. 1).

Еще во время полевых работ 1970 г. было высказано предположение, что сюжетом этой росписи является изображение осады или штурма крепости с помощью камнеметных машин.

В результате исследований последующих двух лет (1971 и 1972 гг.) это предположение подтвердилось. Интересующий нас фрагмент живописи как раз и показывает, что при осаде использовались камнеметные орудия.

На этом фрагменте (рис. 2, 3; цв. вклейка 27) сохранилось изображение весьма характерного по устройству сооружения — со станиной в форме усеченной пирамиды и другими деталями и приспособлениями, в котором без труда узнается известное по поздним изображениям камнеметное орудие, в арабо-персидских источниках упоминаемое обычно под именем *манджаник*⁴.

Изображение камнеметного орудия показано в действии — пять фигур «прислуги» представлены в момент энергичного натягивания канатов, свисающих с одного конца «стрелы», на другом конце которой находилась праща с ядром (к сожалению, этот последний конец утрачен) (рис. 4). Кроме этого фрагмента, из других кусков удалось собрать фрагмент росписи с изображениями шаровидных ядер, который, очевидно, примыкал к фрагменту с изображением *манджаник*⁵.

До арабского завоевания в известных письменных источниках не имеется никаких указаний о применении в Средней Азии камнеметов. Первые сообщения о них относятся к военным действиям арабов в Средней Азии, наиболее раннее — к 91 г. х. (709/710 гг.). В нем говорится о захвате известным арабским военачальником Кутейбой ибн Муслимом крепости Шуман (современный Гиссар в Южном Таджикистане). В хронике Табари об этом сохранился рассказ в двух вариантах. Кутейба, согласно одному из них, находясь на левом берегу Амударьи в районе Балха, послал своего брата Салиха к царю Шумана с предложением о мирной сдаче. Ответ царя передан в следующих словах:

...Не пугайте меня Кутейбой. У меня самая сильная недоступная крепость. Я наиболее сильный стрелок из лука. И у меня наиболее крепкий лук. Когда я сильнее всего натягиваю его, то и тогда моя стрела не достигает середины моей крепости. Не боюсь я Кутейбы». И направился Кутейба из Балха, и, перейдя реку, подошел к Шуману. Царь заперся в крепости. И установил [Кутейба *манджаники*]. И обстрелял его крепость, разрушил ее⁶.

⁴ Средневековые источники, главным образом арабские, наиболее полно приведены в специальной работе финского востоковеда: *Huuri K. Zur Geschichte des mittelalterlichen Geschützwesens aus orientalischen Quellen. Helsingforsiaae, 1941 (Studia Orientalia. Vol. IX/3).*

⁵ По-арабски слово *манджаник* — женского рода.

⁶ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879–1901 (далее — Tabari). Ser. II. P. 1228.*

Рис. 1. Фрагменты
сцены осады. Роспись.
Пенджикент, дворец
правителя

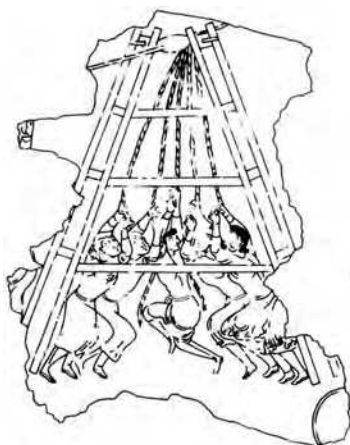

Рис. 2. Изображение манджаник.
Пенджикент, дворец правителя.
Прорисовка

Рис. 3. Изображение манджаник.
Пенджикент, дворец правителя.
Фотография

Другой рассказ гласит: «Осаждал Кутейба царя Шумана. И установил он против его крепости манджаники. Одну из манджаник называли ал-Фахджа (т. е. «с широко расставленными ногами»). И первый камень попал в стену. Другой камень попал в город. Затем камни падали один за другим в город.

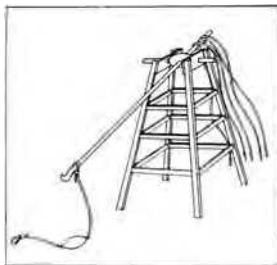

Рис. 4. Вариант реконструкции манджаник, изображенной в Пенджикенте

А один камень упал в царское собрание и попал в одного человека и убил его»⁷. После этого царь Шумана сдал крепость.

Об осаде Самарканда и о применении Кутейбой большого количества камнеметных орудий сохранилось сообщение как у Табари⁸, так и в китайской хронике. В ней приводится текст письма самаркандского царя Гурека китайскому императору с просьбой о помощи, причем автор письма сообщает, что арабский военачальник обстреливал стены Самарканда 300 камнеметами⁹. О применении манджаник арабами при осаде Ходжента¹⁰ сообщается также под 104 г. х. (722/723 гг.).

Наш главный источник по истории завоевания арабами Средней Азии — хроника Табари сообщает о применении манджаник и *аррада* также и во время похода на Шаш (Ташкент) в 121 г. х. (738/739 гг.). Вскоре после этого во время вспыхнувшей в арабском лагере (Мерве) межплеменной борьбы также упоминается о применении враждующими сторонами камнеметной артиллерии. Стоит при этом отметить приводимое Табари упоминание некоего «бухарца», который потребовал от одного из военачальников плату за установку манджаник¹¹. В этом рассказе также упоминается наряду с манджаник и *аррада*.

В арабских источниках названия камнеметных орудий часто сопровождаются своеобразными эпитетами или прозвищами. Выше одно из них упоминалось. Характерное прозвище манджаник — «густоволосая» или «длинноволосая» (буквально «мать волос») — приводит Табари при описании осады Мекки в 683 г.¹²

В одном древнем арабском стихотворении манджаник названа «ведьмой», с головы которой свисают канаты»¹³.

Одновременно с завоеванием Средней Азии арабы вели военные действия в северной Индии, где они также применяли свою камнеметную артиллерию.

Так, в 90 г. х. (708/709 гг.) при осаде Дайбула (современный Карачи) была установлена манджаник, названная «Невеста» (*ал-Арус*), которую обслуживало 500 человек.

Белазури в рассказе об этой осаде приводит технический термин, указывающий на весьма важную деталь конструкции. По словам автора рассказа, в Дайбуле был высокий храм, над которым развевался красный флаг, служивший для

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 1243, 1245.

⁹ См.: Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 382. Ср.: Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux. St.-Petersbourg, 1903 (Сборник трудов Орхонской экспедиции. VI). P. 205.

¹⁰ Tabari. Ser. II. P. 1443.

¹¹ Ibid. P. 1931.

¹² Ibid. Ser. I. P. 2889.

¹³ Huuri K. Zur Geschichte... S. 142.

обороняющихся добрым предзнаменованием. Об этом сообщили наместнику халифа Хаджаджу, направлявшему военные действия арабов на Востоке.

Хаджадж приказал сбить флагшток с флагом с помощью *манджаник* «Арус». При этом он рекомендовал «укоротить в ней опору» (*ка'има*). Прямым прицельным выстрелом флагшток был сбит¹⁴.

Ряд интересных терминов, касающихся устройства камнеметов, мы находим у среднеазиатских авторов X и XI вв.

Так, в известном словаре «Ключи знаний» ал-Хорезми (X в.) приводятся следующие специальные термины, связанные с конструкцией *манджаник*, сопровождаемые краткими пояснениями:

ал-курси — вид его подобен предмету, по которому в мечетях взбираются для подвешивания ламп;

ал-хинзри — это нечто похожее на блок [*ал-бакра*], но несколько длинней;

ал-сахм [стрела] — это деревянный стержень, длинный, прямой, подобный стволу дерева;

ал-астам [крюк] — это железный предмет, находящийся на конце стрелы, к которому привешивается [праща] для бросаемого камня¹⁵.

В любопытной стихотворной загадке персo-таджикского поэта газневидского круга ал-Лахури (XI в.) о *манджаник* говорится:

Что это за предмет, у которого с одной стороны лестница,
Другая сторона подобна ноге шайтана,
Верх колена в виде вилки [на конце древка] стрелы.
Свисает с нее хобот слона.
Две кошки железные на нем.
Насажены те кошки на ногах дэвов.
На том хоботе ты видишь сто кос,
Все они заплетены, подобно косам красавицы.
Когда соберется к ней много любовников,
Каждый берет за одну из кос.
Выбрасывает она нечто подобное [по тяжести] наковальне.
От страха и испуга каждый дрожит¹⁶.

В связи с *манджаник* географ X в. Мукаддаси упоминает металлическое «кольцо» или «колесо» (*ал-халка*)¹⁷.

В персидско-таджикском словаре XI в. Асади приводится название камнеметного орудия «балган», о котором говорится как о способном выбрасывать ядро весом в «слоновую ношу». В этом же сочинении говорится о *манджаник* под названием *калкан*, но без пояснений¹⁸.

¹⁴ Ibid. P. 143.

¹⁵ Liber Mafātih al-olūm: explicans vocabula technica scientiarum tam arabum quam peregrinorum auctore Abū Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jūsuf al-Kātib al-Khowarezmi / Ed., indices adjecit G. van Vloten. Lugduni Batavorum, 1895.

¹⁶ The Lubābu 'l-Albāb of Muḥammad 'Awfi. Pt. II / Ed. in the Original Persian, with Preface, Indices, and Variants, by E. G. Browne. London; Leide, 1903. P. 58.

¹⁷ BGA. Vol. III. 1906. P. 364.

¹⁸ Асади Туси. Китаб-и-лугати Фурс. Тегеран, 1319/1941 г. (на перс. яз.).

Большинство этих терминов, обозначающих детали камнеметов-манджаник, мы находим и в наиболее раннем по интересующему нас вопросу специальном сочинении XII в., составленном для знаменитого египетского султана — врага крестоносцев Салах-ад-дина¹⁹. Автор его некий Тартуси раздельно характеризует арабские, персидские и византийско-франкские *манджаник*.

Сопоставляя приведенные данные с изображением камнемета на пенджикентской живописи, можно с достаточной уверенностью утверждать, что художник нарисовал весьма близко к натуре именно камнеметное орудие — *манджаник* — блиду натяжного действия²⁰. Что же послужило поводом для изображения этого орудия и, как можно полагать, всей композиции, а именно осады крепости?

Как выше отмечено, мы не имеем никаких данных, говорящих о применении в Средней Азии осадных орудий типа *манджаник* до появления арабов.

Представляется вполне вероятным предположение, что поводом или толчком для изображения такого сюжета могло послужить именно впечатление от тех случаев применения *манджаник* в Средней Азии, сообщения о которых были выше приведены. Особо большое впечатление на художников Пенджикента должна была произвести осада соседнего Самарканда в 712 г. Если это так, то изображение осады с применением *манджаник* на стене тронного зала пенджикентского дворца может быть датировано отрезком времени не больше десятилетия, прошедшего между этой последней датой и упомянутой выше датой гибели дворца (722).

Вполне вероятно, что и все строительство дворца произведено именно в это время и что оно связано с именем Деваштича. Однако этот вопрос выходит уже за рамки настоящей статьи.

Каково же значение пенджикентского изображения осадной машины с точки зрения истории военного дела?

Прежде всего, надо отметить, что хотя до сих пор изображения такого рода устройств не встречались на памятниках старше XII в., наиболее раннее описание подобной машины связано с событиями конца VI в., когда в 597 г. при осаде Фессалоник аварами и славянами осаждающими были применены такие орудия.

Они же были четырехугольные на широких основаниях, заканчивающиеся более узкой верхней частью, на которой имелись барабаны очень толстые, с железными краями, и в них были вбиты деревянные брусья (как балки в большом доме), имеющие пращи, поднимая которые бросали камни и большие, и многочисленные, так что ни земля не могла выносить их попаданий, ни человеческие сооружения. Но к тому же только три из четырех сторон баллисты были обнесены досками, так что находящиеся внутри были обеспечены от попадания стрел, пущенных со стен²¹.

¹⁹ О камнеметальных осадных орудиях в этом сочинении см.: *Cahen Cl. Un Traité d'armurerie composé pour Saladin // Bulletin d'Études Orientales. T. XII (Années 1947–1948). Beyrouth, 1948. P. 141–143.*

²⁰ Об этой машине и ее истории см.: *Кирпичников А. Н. Метательная артиллерия древней Руси (из истории средневекового оружия VI–XV вв.) // МИА. № 77. 1958. С. 10, 32, 40, 51.*

²¹ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 98.

А. Н. Кирпичников, который впервые привлек «Сказание о чудесах св. Дмитрия», содержащее приведенное описание как источник по истории оружия, считает, что эти машины столь подробно описаны потому, что они казались грекам необычными, и что речь бесспорно идет о механической праще²². На пенджикентской росписи изображены и станина в виде усеченной пирамиды, и толстый горизонтальный деревянный вертлюг с узкой, видимо железной, осью, торчащей из его концов, и плотная балка, рычаг, и воины, находящиеся внутри пирамиды-станины. Для лучшего понимания конструкции надо учитывать, что пирамида показана в системе обратной перспективы. К сожалению, конец рычага, на котором висела праща, в росписи не сохранился, но зато хорошо виден короткий конец с веревками, за которые дергают воины. Нет только обшивки машины досками.

В древности ни в Европе, ни в Передней Азии механические пращи не были известны. В Китае же подобный тип орудия был выработан в результате многовековой эволюции местных метательных машин. С. А. Школяр, специально исследовавший историю китайской артиллерии, пишет, что в эпоху Тан (VII–X вв.) появились машины на станине в виде усеченной пирамиды, различавшиеся по числу шестов в рычаге²³. Наиболее сходна с нашим изображением и с описанием «Сказания о чудесах св. Дмитрия» одношестовая машина *дань шао пао* (рис. 5). Эти машины кидали камни весом не менее 7 кг, тогда как большие многшестовые машины иногда кидали камни весом до 100–150 кг. Дальность стрельбы обычно держалась в пределах 75–150 м. Механическая праща уже в VII в., бесспорно, была освоена арабами. Дальнейшее усовершенствование механической пращи произошло только в XII в. на Ближнем Востоке²⁴, когда появились комбинация из пращи и лука и противовес вместо тянущих за веревки толп воинов, которые, как отмечает С. А. Школяр, несли очень большие потери²⁵.

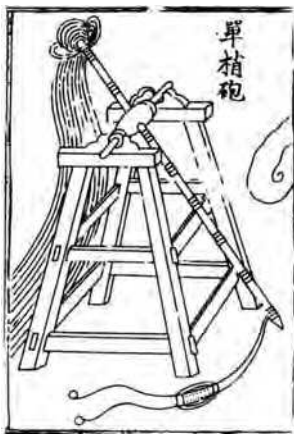

Рис. 5. Китайская метательная машина *дань шао пао* (трактат «У цзин цзун яо», 12/37 а).

По С. А. Школяру

²² Кирпичников А. Н. Метательная артиллерия... С. 10.

²³ Школяр С. А. Каменетная артиллерия и начальный этап развития порохового оружия в Китае: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1970. С. 8–10; он же. Военный трактат «У цзин цзун яо» как источник // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (проблемы истории и экономики). М., 1969. С. 115–127.

²⁴ Cahen Cl. Un Traité...

²⁵ Школяр С. А. Каменетная артиллерия... С. 10.

В VI–VIII вв., в эту эпоху больших завоеваний, арабы и китайцы применяли орудия весьма схожих конструкций, с поразительной быстротой распространившихся от Тихого океана до Средиземного моря. Вполне вероятно, что именно выходцы из Азии, авары, занесли в Европу такую новинку дальневосточной техники, как механическая праща, подобно тому как они помогли распространению на запад и другого восточного изобретения — железных стремя. Хотя, как правило, кочевые отряды не умели осаждать города, однако большие объединения кочевников, подобные Аварскому каганату или Монгольскому государству (а иногда даже не столь могущественные половцы²⁶), во время завоевательных войн имели осадные машины и искусных военных специалистов.

Вполне возможно, что и Средняя Азия еще до прихода арабов знала орудия типа *манджаник*, однако их роль в войнах не могла быть сколько-нибудь значительной, поскольку в мелких среднеазиатских владениях не было больших людских ресурсов, а широкое и успешное применение *манджаник* доступно только для многочисленных армий, подобных арабской.

Чтобы нанести серьезный ущерб крепости, нужно было или сосредоточить множество *манджаник*, как это было при осаде Самарканда, или применить огромные *манджаники*, которые, как это было при осаде Дайбула, обслуживались сотнями людей. На росписи пенджикентского дворца было показано не менее трех *манджаник*, но хорошо сохранилось лишь одно из этих изображений. Здесь, видимо, отражено именно массивное применение этого вида оружия. Одну *манджаник*, если доверять росписи, обслуживало пять стрелков и по меньшей мере один заряжающий. Триста *манджаник* Кутейбы должны были, таким образом, иметь около 1800 человек прислуги, не говоря уже о мастерах и об обозе, который должен был быть огромным, поскольку каждая машина весила около 4 т.

События, изображенные в росписях пенджикентского дворца, как отмечалось выше, скорее всего связаны с арабо-согдийскими отношениями. Среди персонажей есть арабы в их характерной одежде с пропущенным под подбородком концами чалмы (цв. вклейка 28)²⁷ (так позднее изображали бедуинов), однако воины с обнаженными головами, которые стреляют из *манджаник* — не арабы и, скорее всего, не согдийцы. Из пяти стрелков двое левых — это курносые блондины (их волосы оставлены незакрашенными), тогда как другие имеют более темные волосы (переданные сплошной красной краской, которой нанесены и все контуры), изогнутые длинные усы и горбатый нос. Видимо, изображены неарабы — *мавали*, которых охотнее, чем своих сородичей, ставили под обстрел осаждаемых арабские эмиры. *Манджаник* стреляла примерно на такое же расстояние, как и лук, а прислуга, судя по росписи, доспехов не носила. Чтобы обеспечить интенсивность разрушения, *манджаники* придвигали ближе к врагу.

²⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908. Кол. 634, 635 (1184 г.).

²⁷ Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973. Табл. 37 [см. также: Expedition Silk Road. Journey to the West: Treasures from the Hermitage. Amsterdam, 2014. P. 182, Cat. No. 114].

19. Древнейшее изображение осадной машины в Средней Азии

Кутейба, угрожая согдийцам, даже заявил, что он не заключит мира, пока *манджаники* не будут «размахивать» над головами осажденных самаркандцев.

Манджаники арабов проделали бреши в стене Самарканда, которую осажденные закрыли мешками с просом. Судя по Пенджикенту и другим крепостям Согда, именно арабские походы стимулировали усиление стен, достигших толщины до 9–10 м и более у основания. Такую толщину едва ли было возможно пробить с помощью *манджаник*. Однако верхние тонкие части стен, защищавшие согдийских стрелков, вполне могли быть разрушены при массированном применении нацеленных на небольшие участки орудий, метавших множество камней весом 7–10 кг. (О применении при осаде Самарканда особо крупных *манджаник* в источниках ничего не сообщается.)

Замечательное по своей достоверности пенджикентское изображение *манджаник* — новый источник по истории военного дела, который позволяет яснее и полнее представить развитие метательной артиллерии в начале средневековья.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ЖИВОПИСИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СОГДА¹

А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак

Проблема датирования настенных росписей достаточно сложна. Многие особенности живописи, которые сначала казались надежными основаниями для датировки, позднее потеряли свое определяющее значение. Например, считалось, что белый грунт и применение ультрамарина характерны только для росписей VII–VIII вв.² Однако позднее выяснилось, что ультрамарин широко применялся уже при Кушанах³, а белый грунт есть в ранних росписях Пенджикента. Кроме того, отсутствие грунта — это, как правило, не особенность техники, а результат сильного размывания живописи, когда грунт растворялся, тогда как красочный слой, частично тоже размытый, все же сохранялся, но уже не на грунте, а непосредственно на глиняной обмазке. Нельзя датировать и по такому стилистическому признаку, как наличие (или отсутствие) моделировки объемов тоном. Дело в том, что тоновая моделировка часто исчезает в ходе разрушения росписи, остается только линейный рисунок с остатками цвета. Обычно при этом сохраняется только предварительный рисунок, наносившийся до цвета. Поскольку очень часто разную сохранность принимали за различия в технике или стиле, то приходится согласиться, что технико-стилистические признаки не должны играть главную роль при датировании росписей. Остаются археологические методы, из которых наиболее строгим является стратиграфический, хотя определенное значение сохраняет и датировка по изображенным реалиям.

Последовательность слоев подробно исследована только в Пенджикенте.

В постройках Пенджикента среди находок были тысячи монет, которые позволили почти по всему городищу выделить слой, отложившийся в первых десятилетиях VIII в. В нем наблюдаются многочисленные следы пожара.

С достаточным основанием можно считать, что пожары связаны с известным походом арабов против пенджикентского государя Деваштича в 722 г. Выше, как правило, лежал слой продуктов размыва стен и сводов. Еще выше в ряде домов находился слой с монетами самаркандского царя Тургара, вступившего на престол

¹ Первая публикация: УСА. Вып. 4. 1979. С. 32–37.

² Костров 1954: 173–188.

³ Ставиский 1974: 103–107, рис. 80–81.

в 738 г. Тогда были восстановлены многие дома, причем некоторые из ремонтных стен и обмазок старых стен были расписаны⁴. В части зданий выделяется еще один слой с арабскими монетами. В их легендах указаны даты выпуска,ходящие до 770 г. Для этого слоя характерны как отсутствие новой живописи, так и следы нарочитого уничтожения росписей на ранее построенных стенах. Восстановление домов, видимо, связано с упоминавшейся выше примирительной политикой Насра ибн-Сейяра — примерно 740 г.⁵, а особенности последнего слоя отражают исламизацию населения в эпоху посла Абу-Муслима (третья четверть VIII в.). Конечно, есть и такие дома, в которых слои выражены слабо, и тогда не удастся установить до или после 740 г. выполнены росписи. Постройку зданий, сгоревших в 722 г., ранее относили к VII в., что и отразилось в опубликованных датах их росписей. Теперь, однако, удалось выяснить, что очень многие из домов построены примерно за 10 лет до пожара, а некоторые даже оставались незавершенными в момент пожара (объект XXI). Иногда под стенами и полами домов находили монеты конца VII в., и это помогало датировать постройки. Целый квартал (объекты III, VII), в котором сохранились росписи (неоднократно издавались), как оказалось, был полностью перестроен после сноса проходившей по его длинной оси первоначальной восточной городской стены⁶. Эта стена, построенная в момент основания города, превратилась с возведением еще восточнее новой линии укреплений во внутреннюю стену. Но и оказавшись внутри города, она сохранила оборонительное значение: ее несколько раз ремонтировали и укрепляли (рис. 1). Последний ремонт датируется монетами из швов кладки. Это монеты Вархумана, правившего в третьей четверти VII в., и пенджикентского правителя Чакин-чур-Бильга, вступившего на престол не позднее 690 г.⁷

Таким образом, все росписи объекта III, вошедшие в науку как принадлежащие VII — началу VIII в.⁸, теперь должны быть датированы не ранее первой четверти VIII в. По ряду причин ко времени Деваштича должна быть отнесена и постройка дворца на цитадели, в росписях которого, видимо, отражены события второго десятилетия VIII в.⁹

Для хронологии раннего Пенджикента большое значение имеет клад из 26 мелких серебряных монет с изображением лучника. Клад найден в одной из бойниц первоначальной городской стены. По определению Е. В. Зеймалья, монеты относятся к самым поздним сериям выпускавшихся на протяжении нескольких столетий монет с лучником. Поздние серии отделены несколькими этапами типологического ряда от монет с легендами, почерк которых близок к почерку «Старых согдийских писем» (начало IV в.). Зеймаль на этом основании находил возможным предполагать¹⁰, что позднейшие выпуски относятся к VI и даже VII в. Итак, монеты не позволяют датировать ранний этап жизни Пенджикента.

⁴ Беленицкий, Маршак 1973а: 61–63; Беленицкий 1973а: табл. 23–34.

⁵ Большаков 1984: 116–119.

⁶ Беленицкий, Маршак, Распопова 1975: 534.

⁷ Лившиц 1973: 257.

⁸ Живопись... 1954: табл. XXIV–XXXIII.

⁹ Исаков 1971; 1975; Беленицкий, Маршак 1973б: 57, рис. 5–6.

¹⁰ Зеймаль 1972.

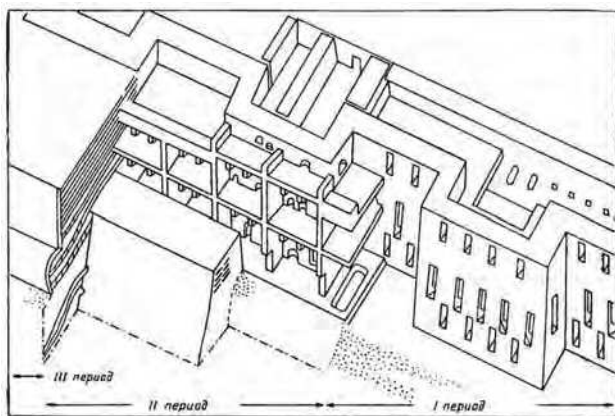

Рис. 1. Пенджикент. Ранняя городская стена. Реконструкция объектов III, VII. I период — V в.; II период — 500 г.; III период — последняя четверть VII в.

Однако приобретает особое значение то, что они были найдены в надежном археологическом контакте вместе с керамикой комплекса I.

Как же датируется ранняя пенджикентская керамика?

Если объединить близкие, но все же различимые керамические комплексы, то они образуют три хронологические группы: комплексы I–II, III–V и VI¹¹. Обычно археологи отводят не менее века на каждую из подобных этим группам «керамических эпох». В таком случае мы получим даты: комплекс VI–VII в., комплексы III–V–VI в. и комплексы I–II–V в. Степень различия между керамикой слоев середины VII и первой половины VIII в. была принята за примерный масштаб перемен на протяжении 60–70 лет. Если приложить такие мерки к различиям между более ранними комплексами, то окажется возможным отнести комплекс II не к V в., а к рубежу V–VI вв., но и в этом случае комплекс I приходится на V в. Конечно, подобные выкладки, несмотря на применение статистических методов, остаются неточными, однако если учесть толщину слоев с керамикой ранних комплексов и множество перестроек зданий (в частности, на время до VII в. приходится пять строительных периодов храмов и три-четыре строительных периода на разных участках городских стен)¹², то станет очевидным, что большее сокращение хронологически уже невозможно. Следовательно, позднейшая допустимая археологическая дата для клада — вторая половина V в., что, по мнению Е. В. Зеймаля, оказывается наиболее ранней допустимой нумизматической датой. Основание города произошло несколько

¹¹ Маршак 1964: 227–243; Распопова 1969: 181.

¹² Маршак 1964: 184–216; 1975; Беленицкий 1973б: 106–108; 1975: 121–126.

раньше, поскольку и клад, и комплекс I относятся не к моменту основания первой городской стены, а лишь ко времени ее функционирования.

Наиболее ранние росписи Пенджикента, получившие стратиграфическую дату, — это живопись на восточной и западной стенах первоначальной северной капеллы во дворе храма II¹³. Эти росписи были закрыты кладками более поздней стены и суфы (рис. 2) с керамикой комплекса II. Сама живопись, следовательно,

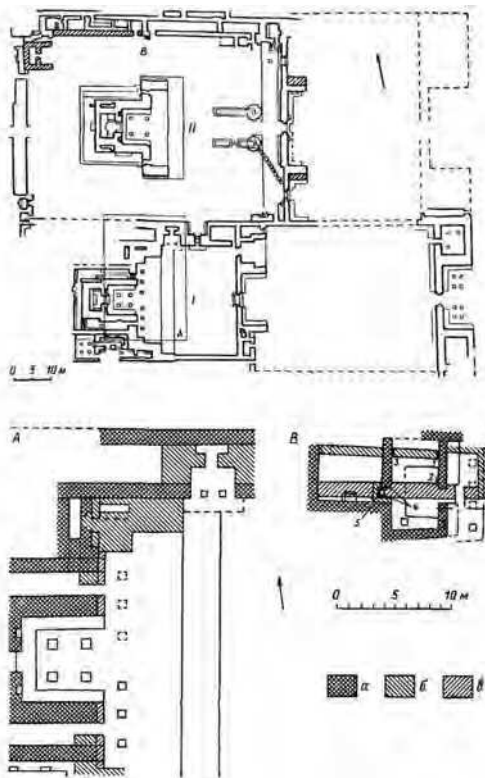

Рис. 2. Пенджикент. Схематический план храмов I и II. Расположение росписей: 1 — богиня на троне с «сэнмурвами»; 2–4 — донаторы; 3 — богиня на львином троне (?); 5 — богиня на драконе. Строительные периоды: а — V в.; б — VI в.; в — VII в.

¹³ Беленицкий, Маршак 1973а: 58–61.

Рис. 3. Пенджикент.
Роспись южной стены
главного портика храма I. VI в.

относится примерно к концу V — началу VI в. Росписи главного здания по сходству костюмов изображенных персонажей с костюмами росписей V–VI вв. в северной капелле надо отнести к тому же времени. Интересно, что живопись в храме имеет следы подновления; правда, оно произведено не позже VI в. Предполагалось, что во II храме были изображены тюрки¹⁴, с которыми согдийцы познакомились только в VI в. Однако теперь в согдийской живописи найдены подлинные изображения тюрков¹⁵, и можно утверждать, что в иконографии храма II нет ничего подобного.

Более поздние росписи — в северной капелле храма II (в прямоугольной нише, встроенной в проход в западной стене при перестройке капеллы V в.)¹⁶, в главном портике храма I (рис. 3)¹⁷, в пом. 41/42 объекта VI (рис. 4) и др. — были закрыты кладками стен, функционировавших в VII в. Стратиграфическая дата этих росписей — не позднее первой половины VII в., однако сходство изображенных на них костюмов, тканей и украшений с реалиями самых ранних росписей очень велико.

Среди узоров на тканях нет еще сасанидских кругов из перлов, обрамляющих медалионы, которые широко распространяются с конца VI в. Кроме того, со второй половины VI в. костюм народов Средней Азии сильно изменился. Его мы видим на согдийцах, изображенных на рельефах третьей четверти VI в., выполненных по согдийскому рисунку¹⁸. Таким образом, анализ реалий позволяет уточнить стратиграфическую дату и отнести перечисленные пенджикентские росписи уже не к VI–VII в., а только к VI в.

Хуже всего исследована в Пенджикенте живопись VII в. Наиболее определенно

¹⁴ Якубовский 1951: 252, 255–256.

¹⁵ Альбаум 1975: 29–34, табл. VII, IX–XI, XXXII.

¹⁶ Беленицкий 1973а: 12–13, табл. 1, 2.

¹⁷ Беленицкий, Маршак 1973б: 55–57, рис. 3–4.

¹⁸ Scaglia 1958.

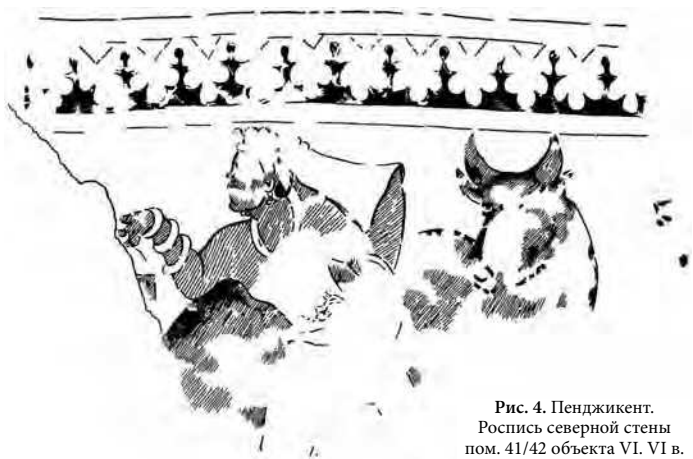

Рис. 4. Пенджикент.
Роспись северной стены
пом. 41/42 объекта VI. VI в.

к этому времени можно отнести сцены охоты из росписи зала жилого дома (пом. 26 объекта XXIII) (рис. 5). После планировки произошел пожар 722 г., и весь дом сгорел. Мы не знаем, за сколько времени до 722 г. зал был перестроен, но можно утверждать, что живопись была нанесена задолго до этого ремонта.

Археологические даты пенджикентской живописи помогают в какой-то мере уточнить хронологию других росписей Средней Азии. На Афрасиабе росписи найдены в нескольких залах домов аристократического квартала VI–VII вв.¹⁹ Был ли в этом квартале царский дворец, пока остается неясным, ибо планировка и детальная стратиграфия всего участка не до конца исследованы. Ничего специфически дворцового здесь нет. Правда, в одном из залов есть изображение приема послов царем Самарканда, но было бы упрощенным считать, что изображение царя могло находиться только в его собственном дворце. Роспись объекта XI²⁰ может быть датирована VII в. по аналогии с пенджикентскими росписями: костюм и меч мужского божества и орнамент из фестончатых листьев весьма сходны с зафиксированными на ранних росписях главных зданий храмов I и II²¹, а также пом. 41/42 объекта VI, хотя по сюжету афрасиабская живопись ближе к пенджикентским росписям VIII в. из пом. 2 и 13 объекта XXIV, где также изображена чета богов (рис. 6). Живопись пом. 1 датируется по надписи временем правления упоминаемого в ней

¹⁹ Альбаум 1975: 11–14.

²⁰ Там же: табл. I, II.

²¹ Якубовский 1950: табл. 57; Живопись... 1954: табл. XVII; Беленицкий, Маршак 1973б: 55–56, рис. 3–4)

Рис. 5. Пенджикент. Южная часть восточной стены пом. 26 объекта XXIII.
Сцена охоты. VII в.

самаркандского царя Вархумана²², ставшего царем до 655 г. (не позже этого года он получил утверждение от танского императора). После 675 г. в Самарканде какое-то время не было царя. Кроме его непосредственного преемника,

²² Альбаум 1975: 52–56.

Рис. 6. Пенджикент. Пом. 13 объекта XXIV. Чета богов. VIII в.

другие цари Согда в конце VII — начале VIII в. не относились к династии Вархумана²³. Поэтому позже едва ли был смысл создавать в память этого царя «мемориальные» росписи. Распространенное мнение, что Вархуман правил до 696 г., не основано на источниках, так же как и обязанное своим возникновением ошибке в переводе мнение, что согдийский царь, вступивший на престол в 698 г., был сыном Вархумана²⁴. Дата росписей пом. 1 — время правления Вархумана, т. е. третья четверть VII в. К VI–VII вв. относятся и сцены охоты, открытые за последние годы еще в двух залах²⁵.

Росписи пом. 1 существенно отличаются от пенджикентской живописи первой половины VIII в. и известных росписей Варахши. Не останавливаясь на оружии и костюмах, отметим, что здесь, несмотря на тщательность прорисовки многочисленных и разнообразных узорных тканей²⁶, нет ни одного изображения полихромного танского шелка с орнаментом в виде сложных розеток, тогда как решительно преобладают шелка с сасанидскими кругами перлов. Между тем в первой половине VIII в. танские шелка со сложными розетками приобретают огромную популярность²⁷. Их изображения очень часто встречаются в Пенджикенте²⁸, а также в Варахше (на пополах слонов²⁹) и Аджины-Тепе³⁰.

²³ Лившиц, 1973: 25–26.

²⁴ Смирнова 1970: 170–171.

²⁵ Ташходжаев 1973: 472.

²⁶ Альбаум 1975: 60–73, табл. IX, XXXV, XXXVIII, XXXIX.

²⁷ Akiyama, Matsubara 1969: 217–218, tab. 49, 52–55.

²⁸ Беленицкий 1973a: 32, табл. 26, 30.

²⁹ Шишкин 1963: табл. XIV)

³⁰ Литвинский, Зеймаль 1971: 96.

Еще более популярны были в Согде VIII в. одноцветные шелка с тканым узором в виде больших розеток, обрамленных двойным или тройным бордюром. Узоры этих шелков напоминали узоры известных полихромных тканей зенданахи, производившихся в Согде³¹. Такие ткани очень часто изображали в Пенджикенте VIII в.³² Их рисовали и в Варахше³³, но отнюдь не в Афрасиабе. Такое различие реалий, видимо, объясняется не отличием самаркандской школы от пенджикентской, а хронологическим разрывом.

Итак, и по манере, и по реалиям росписи Варахши близки не афрасиабским третьей четверти VII в., а пенджикентским первой половины VIII в. Это особенно отчетливо видно по узорам изображенных тканей. Прежде живопись Варахши относили к VII в. Теперь эта дата представляется слишком ранней. Слишком ранняя дата (V–VI вв.) была предложена и для Балалык-Тепе³⁴. Археологические находки там не имеют четких датировочных признаков, а изображенные ткани, как показала А. А. Иерусалимская, относятся к концу VI–VII в.³⁵ Ни стратиграфия, ни изображенные реалии не помогают уточнению хронологии Шахристана. Исследователи отмечают, что росписи коридора близки по манере к пенджикентской живописи первой половины VIII в., тогда как росписи «малого» зала весьма своеобразны по стилю³⁶. Считают, что росписи «малого» зала относятся уже ко второй половине VIII или к первым десятилетиям IX в. Около 822 г. династия Уструшаны, по крайней мере официально, принимает ислам³⁷. После этого в приемном зале дворца уже не могли рисовать изображения богов. Если допустить вслед за О. Г. Большаковым³⁸, что Шахристан — не столица Уструшаны, как это считает Н. Н. Негматов³⁹, то возможная дата создания росписей «малого» зала продлится еще на два-три десятилетия — до окончательной исламизации страны.

При всей неразработанности хронологическая шкала согдийских росписей все-таки точнее, чем хронология росписей Тохаристана или Восточного Туркестана. Можно наметить только несколько сопоставлений. Так, опубликованные И. Т. Кругликовой росписи Дильберджин-Тепе в Северном Афганистане, происходящие из капелл около городской стены⁴⁰, по реалиям близки пенджикентским росписям V–VI вв., а росписи Какрака⁴¹ — пенджикентской живописи начала VIII в. В Восточном Туркестане росписи Пещеры художников и пещеры 15 в Кумтуре сближаются с пенджикентскими V — начала VI в.

³¹ Иерусалимская 1972: рис. 24.

³² Живопись... 1954: табл. XXXIX; Беленицкий 1973а: табл. 19–21.

³³ Шишкин 1963: табл. XIV.

³⁴ Альбаум 1960: 125.

³⁵ Иерусалимская 1972: 34–38.

³⁶ Негматов 1973а; 1973б: 21–23; Соколовский 1974; Воронина, Негматов 1975.

³⁷ Негматов, 1957: 138–140.

³⁸ Беленицкий, Бенатович, Большаков 1973: 191.

³⁹ Негматов, Хмельницкий 1966: 191–195.

⁴⁰ Кругликова 1974: 54–76, табл. 6–18.

⁴¹ Hackin, Carl 1933: pl. XII–XIV; Auboyer 1968: Taf. 77.

Цитированная литература

- Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.
- Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
- Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973а.
- Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пенджикента (1970 г.) // АРТ. 1973б. Вып. X.
- Беленицкий А. М. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1971 г. // АРТ. 1975. Вып. XI.
- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Беленицкий А., Маришак Б. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 году на городище древнего Пенджикента // СГЭ. 1973а. Вып. XXXVI.
- Беленицкий А., Маришак Б. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 году // СГЭ. 1973б. Вып. XXXVII.
- Беленицкий А. М., Маришак Б. И., Распопова В. И. Раскопки в Пенджикенте // АО 1974 г. 1975.
- Большаков О. Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III // МИА. 1964. № 124.
- Воронина В. Л., Негматов Н. Н. Открытие Уструшаны // Наука и человечество. Международный ежегодник. М., 1975.
- Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
- Зеймаль Е. В. Тали-барзинский клад монет с изображением лучника // СГЭ. 1972. Вып. XXXIV.
- Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
- Исаков А. Дворец правителей древнего Пенджикента // Страны и народы Востока. М., 1971.
- Исаков А. Раскопки дворца правителей древнего Пенджикента // АРТ. 1975. Вып. XI.
- Костров П. И. Техника и консервация росписей древнего Пенджикента // Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
- Кругликова И. Т. Дильберджин (раскопки 1970–1972 гг.). Ч. I. М., 1974.
- Лившиц В. А. Правители Согда и «цари хуннов» китайских династийных историй // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX годич. науч. сессия ЛОИВ АН СССР. Л., 1973.
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепе. Архитектура, скульптура, живопись. М., 1971.
- Маришак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. // МИА. № 124. 1964.
- Маришак Б. И. Городская стена V–VII вв. в Пенджикенте // Новейшие открытия советских археологов (ТД конференции). Ч. II. Киев, 1975.
- Негматов Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Душанбе, 1957.
- Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны (Предварительное сообщение) // СА. 1973а. № 3.
- Негматов Н. Н. Эмблема Рима в живописи Уструшаны и древневосточная мифологическая традиция // ИАН Таджикской ССР. 1973б. Вып. I.
- Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан // МКУ. Вып. I. 1966.

Часть I. Избранные научные статьи

- Распопова В. И. Квартал жилищ рядовых граждан Пенджикента VII–VIII вв. // СА. 1969. № 1.
- Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970.
- Соколовский В. О живописи «малого» зала дворцового комплекса городища Калаи-Каххаха I (Шахристан, Таджикская ССР) // СГЭ. Вып. XXXIX. 1974.
- Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии. Древний период (VI в. до н. э. — VIII в. н. э.). М., 1974.
- Таиходжаев Ш. С. Работы на Афрасиабе // АО 1972 г. 1973.
- Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
- Якубовский А. Ю. Итоги работ Согдийско-Таджикской экспедиции в 1946–1947 гг. // МИА. № 15. 1950.
- Якубовский А. Ю. Древний Пянджикент // По следам древних культур. М., 1951.
- Akiyama T., Matsubara S. Arts of China. Buddhist Cave Temples. New researches. Tokyo; Palo Alto, 1969.
- Auboyer J. Afghanistan und seine Kunst. Prague, 1968.
- Hackin J., Carl J. Nouvelles recherches archéologiques à Bâmiân // MDAFA. T. III. 1933.
- Livshitz V. A. A Sogdian Alphabet from Panjikant // W. B. Henning Memorial Volume. London, 1970.
- Scaglia G. Central Asians on a Northern Ch'i Gate Shrine // ArtAsiae. Vol. XXI/1. 1958.

ИЗОБРАЖЕНИЕ БЫКА НА ПАМЯТНИКАХ ИСКУССТВА ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА (К истории зооморфизма в древнем изобразительном искусстве Средней Азии)¹

А. М. Беленицкий

С. П. Толстов является пионером в разработке проблем, связанных с зооморфизмом на материалах Средней Азии. Еще в 1935 г. в работе «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен»² он установил тотемистическое происхождение родовых зооморфных названий у туркмен, одновременно указав на дуальную организацию родовых отношений, связанную с тотемной идеологией. В значительно более углубленной форме проблема зооморфизма анализируется С. П. Толстовым в одном из его экскурсов в книге «Древний Хорезм»³. В обеих этих работах, особенно в последней, им уделено значительное внимание образу быка. Для темы настоящей статьи особый интерес представляет привлечение им находок мелкой пластики при исследовании археологических памятников древнего Хорезма. С. П. Толстов справедливо видит в них важный материал «в качестве источника для изучения историко-культурных связей древнего Хорезма, проблемы этногенеза хорезмийцев и особенно истории хорезмийской религии»⁴. В распоряжении исследователей среднеазиатских древностей в тот же период стал накапливаться археологический материал и по другим районам Средней Азии.

Для темы настоящей заметки особо большое значение имела находка во время раскопок Г. В. Григорьевым на известном городище Тали-Барзу в 1939 г. фрагмента крупного сосуда с процарапанным изображением гибридного существа с туловищем быка и головой бородатого человека⁵. Интерпретации этой незаурядной находки посвящена обширная статья К. В. Тревер⁶. К. В. Тревер

¹ Первая публикация: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 88–94.

² Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1935. № 9–10.

³ Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 281–338 («Экскурс III»).

⁴ Там же. С. 196.

⁵ Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу: Краткий очерк // ТОВЭ. Т. II. 1940. С. 87–104.

⁶ Тревер К. В. Гопатшах — пастух-царь // ТОВЭ. Т. II. 1940. С. 71–87.

обратилась главным образом к авестийским текстам, в последних она обнаружила и название этого гибридного существа, широко ныне вошедшее в обиход науки, — гопатшах. Значение этого термина в трактовке К. В. Тревер — царь-пастух. Хотя при анализе истории возникновения этого образа К. В. Тревер исходила из слишком углубленной даты слоя, в котором памятник был найден (даты, предложенной Г. В. Григорьевым⁷), что не могло не отразиться и на самой интерпретации образа, тем не менее работа в целом сохраняет свое значение и по настоящее время.

Отметим прежде всего, что в приводимых авестийских текстах географическая номенклатура определенно связана со Средней Азией. Таковы, например, термины: Эранведж, Гава; р. Дайтия. В авестийском мифе именно на берегу р. Дайтия (как полагает К. В. Тревер, р. Зеравшан) гопатшах наблюдает за быком Ходайаш. Этот мифический бык при жизни имеет прямое отношение к водной стихии, а после смерти вместе с хаомой дает бессмертие.

В авестийских текстах ярко выступает образ первородного быка, из тела которого вырастают злаки и лечебные растения, а из семени — все виды полезных животных. Местом обитания первородного быка является область Эранведж⁸. Создатели мифа о первородном быке как о гопатшахе связывают его с водной стихией, что дало им повод к сложению сложной генеалогии мифологических и эпических героев древней Средней Азии. Так, «водяной демон» — гандарва — становится предком Афрасиаба и Агрерата, а последний приравняется к гопатшаху — царю Согда.

К. В. Тревер приводит мнение некоторых ученых о связи человека-быка с образом Энкиду — помощника знаменитого персонажа месопотамской мифологии Гильгамеша. Отмечает автор и то, что этот образ полубыка-получеловека-полубога восходит и к тотемическим представлениям, а затем в процессе эволюции — к таким полужольторным-полужисторическим персонажам, как Буха-Наин (у бурят), Буха-хан (у монголов), Бо-Хан (у калмыков). В первой части эти имена означают «бык». Такой анализ эволюции образа человека-быка позволил автору сделать общее заключение о том, что «образ гопатшаха прошел тотемную, мифическую и историческую стадии».

С. П. Толстов в упомянутом экскурсе значительно расширил круг привлеченных источников, придав исследованию почти глобальный характер. Но и он опирается главным образом на письменные источники и лингвистические соображения. Нельзя не отметить, однако, что у него для этой темы собственно среднеазиатских археологических материалов было мало.

В настоящее время положение существенно изменилось. За годы, прошедшие с момента опубликования книги С. П. Толстова в 1948 г., объем археологических материалов увеличился, и именно эти последние позволяют углубить исследование хронологически до эпохи палеолита и доместикации этого животного и одновременно расширить исключительно разнообразный круг культурно-исторических

⁷ О датировке Тали-Барзу см.: *Ставиский В. Я.* О датировке ранних слоев Тали-Барзу // *СА. 1967. № 2. С. 22–28.*

⁸ Точная локализация Эранведжа, как и других приведенных выше географических названий в авестийских текстах, является предметом дискуссии, но то, что их следует отождествлять с районами Средней Азии, представляется сейчас достаточно твердо установленным фактом.

21. Изображение быка на памятниках искусства древнего Пенджикента

проблем, связанных с образом быка, и особенно идеологических представлений, носителем которых выступает последний⁹. Следует также подчеркнуть, что в последние десятилетия значительно расширились и этнографические исследования, важные для интересующей нас темы¹⁰.

Целью настоящей заметки является характеристика серии предметов изобразительного искусства, представляющих рассматриваемое животное, из находок на городище древнего Пенджикента. Серия эта в определенной степени может служить показательной для раннего этапа средневековья Средней Азии, к которому принадлежит само городище древнего Пенджикента, т. е. двух-трех веков, предшествующих арабскому завоеванию (VI–VIII вв.).

Из числа отдельных предметов, изображающих быка, назовем, прежде всего, терракотовые статуэтки быков. Правда, с уверенностью мы можем признать быка с характерным горбом, т. е. породы зебу, только в одном экземпляре (рис. 1). Но очевидно, что именно бык был изображен и на других статуэтках, которые дошли до нас в сильно разбитом состоянии. Такое положение характерно для

Рис. 1. Фигурка быка. Терракота

⁹ Из обобщающих работ, в основу которых положен археологический материал, большой интерес представляют две статьи: *Грязнов М. П.* Бык в обрядах и культах древних скотоводов (в печати); *Хлопин И. Н.* Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии (в печати). За любезное предоставление мне рукописей этих статей для ознакомления приношу обоим авторам искреннюю благодарность. Ср. также весьма содержательную статью: *Piggot S.* Heads and Hoofs // *Antiquity*. Vol. XXXVI (No. 142). 1962. P. 110–118.

Примеч. отв. редактора. Статьи М. П. Грязнова и И. Н. Хлопина, с которыми А. М. Беленицкий ознакомился еще в рукописи, позднее были опубликованы: *Грязнов М. П.* Бык в обрядах и культах древних скотоводов // *Проблемы археологии Евразии и Северной Америки*. М., 1977. С. 80–88; *Хлопин И. Н.* Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии // *Древний Восток и мировая культура*. М. 1981. С. 26–30, 149.

¹⁰ Из этнографических работ см.: *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья). Вып. I–II. Сталинабад, 1953–1958 (ТИИ. Т. 7; LXI); *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 308–315; *Рахимов М. Р.* Некоторые обычаи и обряды, связанные со скотоводством, у таджиков Каратегина и Дарваза // *Памяти Михаила Степановича Андреева: Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии*. Сталинабад, 1960 (ТИИ. Т. СХХ). С. 181–187; *Сухарева О. А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // *Домусульманские верования и обряды в Средней Азии*. М., 1975. С. 5–93.

Рис. 2. Глиняные сосуды

зооморфных терракот едва ли не повсеместно в археологии Средней Азии: их находят в сильно фрагментированном виде.

Из числа глиняных предметов, изображающих быка, особенно характерны для Пенджикента многочисленные находки глиняных сосудов с носиками, оформленными в виде голов быка (рис. 2), между рогами которых встречаются изображения звездчатых кружков — очевидно, символов солнца или звезды.

Такие сосуды известны и по находкам на Афрасиабе и в Хорезме, но в единичных экземплярах¹¹. В Пенджикенте найдены также две глиняные головки быков от ритонов. Среднеазиатским — согдийским по происхождению — является и замечательный серебряный ритон Кливлендского музея. Опубликовавшая его Д. Шеперд в специальной статье¹² привела много других памятников с изображениями быкоголовых ритонов, среди которых исключительный интерес представляет каменное надгробие из местности Чань-то-фу в Северном Хонане (Китай), воздвигнутое, несомненно, согдийскими колонистами¹³. Среди многочисленных ритуальных сцен, связанных с погребальным обрядом, на этом памятнике изображена и

группа пирующих (заупокойная тризна), причем в руках главного персонажа — ритон с бычьей головой¹⁴.

Для суждения о культово-ритуальном значении образа быка большой интерес представляет найденный в Пенджикенте в 1962 г. фрагмент крупного сосуда, на котором процарапан после обжига бык (или корова), стоящий перед жаровней (жертвенником) с языками огня над ним (рис. 3). Рисунок этот сделан весьма грубо, неумелой рукой, но то, что он имеет определенный культовый смысл, подобный изображениям коней перед алтарями на ряде серебряных

¹¹ Афрасиабский сосуд с носиком в виде головы быка: *Лугачева Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1965. Ил. 179. О хорезмийском таком сосуде см.: *Толстов С. П.* Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 году // *СА. Т. XIX.* 1954. С. 257.

¹² *Shepherd D. G., Ternbach J.* Two Silver Rhyta // *The Bulletin of the Cleveland Museum of Art.* Vol. 53/8. Cleveland, 1966. P. 289–317, fig. 3.

¹³ См.: *Scaglia G.* Central Asians on a Northern Chi' Gate Shrine // *ArtAsiae.* Vol. XXI/1. 1958. P. 9–28.

¹⁴ *Scaglia G.* Central Asians... P. 16–18, fig. 4; *Shepherd D. G., Ternbach J.* Two Silver Rhyta. P. 294, fig. 14c.

блюд Грузии¹⁵, мне кажется совершенно несомненным.

Профессионально более умело вырезана матрица, с помощью которой были отгиснуты изображения быков на уникальном сосуде из Тали-Барзу, ныне хранящемся в музее при кафедре археологии Ташкентского университета¹⁶. На тулове сосуда, датируемого XI–XII вв., изображены три пары быков, стоящих на задних ногах в геральдической позе. Между каж-

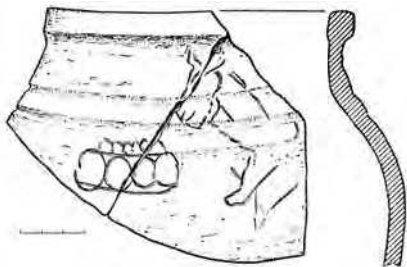

Рис. 3. Глиняный сосуд

дой парой помещено схематическое изображение дерева. Фигурные изображения сделаны на фоне, усеянном кружками и рельефными звездочками. Над каждой парой коров помещен полумесяц.

Отметим еще одну деталь, правда, на изображении не совсем ясную. Как можно судить по фотографии, между животными видно контурное очертание, как мне кажется, сосуда, похожего на жаровню на пенджикентском черепке. В изображении быков на сосуде из Тали-Барзу мастер соединил два сюжета: псевдогеральдическое изображение животных у дерева жизни с адоративным изображением животных перед жаровней-жертвенником. Имели ли в виду в XI–XII вв. мастер-резчик матрицы и те, для кого сосуд был предназначен, придать определенный культовый или ритуальный смысл этому изображению, сказать трудно. Однако в пользу живучести таких представлений свидетельствует обильный этнографический материал, связанный с культом этого животного.

В Пенджикенте на объекте XII Б. И. Маршаком был найден серебряный перстень с сердоликовой геммой-печаткой с тщательно вырезанным изображением быка-зебу¹⁷ (рис. 4).

Аналогичные изображения быка имеются на группе глиняных булл, найденных вместе с документами из известного архива пенджикентского царя Деваштича, открытого на горе Муг¹⁸.

¹⁵ Эти хорошо известные блюда опубликованы неоднократно. См.: Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909. Табл. СХХI, 305. В последнее время аналогичные предметы с изображением коня перед алтарем найдены в Грузии при археологических работах. См.: Сангулашвили Д. М. Материалы к истории быта и культуры грузинского народа. Тбилиси, 1964. С. 224–241, табл. XVI, XVII.

¹⁶ Лунина С. Б. Сосуд со штампованной орнаментацией из Тали-Барзу // ТСАГУ. Вып. LXXXI. 1956. С. 157. Ср.: Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960. С. 120, рис. 122.

¹⁷ См.: Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. // МИА. № 124. 1964. С. 242.

¹⁸ См.: Согдийские документы с горы Муг. Вып. II: Юридические документы и письма / Чтение, пер. и коммент. В. А. Лившица. М., 1962. С. 136, примеч. 1.

Рис. 4. Серебряный перстень с сердоликовой печаткой

Резные камни-печатки с аналогичными изображениями быка-зебу, а также их оттиски на глиняных буллах известны сейчас и по находкам на археологических памятниках, и по музейным коллекциям, происходящим из других районов Средней Азии¹⁹.

В 1973 г. на объекте XIV В. И. Распоповой были найдены вместе два бронзовых предмета среди обломков крупного хума, в котором они были спрятаны. Один из них представляет собой крупный сосуд типа водолея, изображающий быка породы зебу. Причем горбом служит широкая трубка с крышкой. Другой предмет — небольшая чашечка-светильник (рис. 5). Представляется вероятным, что оба эти предмета входили в один «гарнитур» ритуального назначения, о распространенности в Средней Азии накануне арабского завоевания такого типа зооморфных металлических предметов хорошо известно по письменным источникам²⁰.

Наряду с отдельными предметами, изображающими быка, в Пенджикенте это животное представлено и в монументальной стенной живописи. Здесь оно играет определенную роль в сложных многофигурных композициях, к ним относятся живописная сцена на южной стене помещения 1 объекта VI, иллюстрирующая некое событие, происходящее у открытого проема ворот. Изображен молодой человек в шлеме, очевидно, убегающий от разъяренного быка, головка которого протунута в проем ворот. К воротам слева направляются одетые в доспехи пешие воины, а справа — всадник с копьем-знаменем в руках (цв. вклейка 11)²¹. Сцена эта иллюстрирует, как можно полагать, эпизод определенного эпического сказания, которому была подчинена, очевидно, вся живопись на стенах этого помещения.

Изображение быка, к сожалению плохой сохранности, может быть реконструировано на подножии одного из жертвенников, представленного на стенной росписи помещения 6 объекта III. Впереди животного помещено четверорукое божество²². Перед нами, очевидно, реплика хорошо известной шиваистической иконографии. В помещении 41 объекта VI, в котором сохранились особенно интересные в культурно-историческом отношении сюжетные стенные росписи, изображение быка встречено в двух различных по своему характеру композициях. На одном из участков живописи нижнего яруса (рис. 6) бык изображен

¹⁹ См.: Пугаченкова Г. А. Мервские геммы-инталии // ТЮТАКЭ. Т. XII. 1963. С. 204–205.

²⁰ См.: Дьяконов М. М. Бронзовая пластика первых веков хиджры // ТОВЭ. Т. IV. 1947. С. 155 сл.

²¹ См.: Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959. Табл. IV, VII.

²² См.: Беленицкий А. М. Об археологических работах Пенджикентского отряда в 1958 г // АРТ. Вып. VI (1958 г.). 1961 (ТИИ. Т. XXVII). С. 96–97, рис. 7.

Рис. 5. Бронзовые светильники и водолей

дважды (к сожалению, живопись здесь плохой сохранности) в сцене, иллюстрирующей один из эпизодов, заимствованный из знаменитого индийского сборника притч «Панчатантра» (известного в средние века на Ближнем Востоке под названием «Калила и Димна»). В этом эпизоде рассказывается о ссоре льва с быком, происшедшей по наговорам шакалов²³; их именами назван весь сборник — «Калила и Димна». Пенджикентская сцена является, насколько известно, самой ранней живописной иллюстрацией к этому сборнику.

В более удовлетворительном виде сохранилась живописная сцена во втором снизу ярусе росписи этого помещения. Сцена эта изображает схватку группы всадников с демонами (цв. вклейки 30, 31)²⁴. Последние изображены с чертами бычьими и человеческими, у них туловище, руки и общий облик лиц — человека, ноги с бычьими копытами, а на голове — бычьи рога. Выразительно передана общая свирепость их облика. По всей вероятности, такое изображение демонических существ является поздней иконографической репликой образа гопатшаха. Но придание этим существам демонического облика является необычным, поскольку бык, как правило, выступает в качестве благодетельного животного (мне известно только одно упоминание в этнографической публикации, относящееся к Самарканду, в котором демон рисуется в виде коровы²⁵).

В этом же помещении в 1975 г. был открыт участок живописи, на котором сохранилось частичное изображение стоящего вправо быка с характерным поворотом головы в фас к зрителю. Сбоку рядом с животным изображена неполностью сохранившаяся фигура человека (рис. 7). Иконографическая трактовка

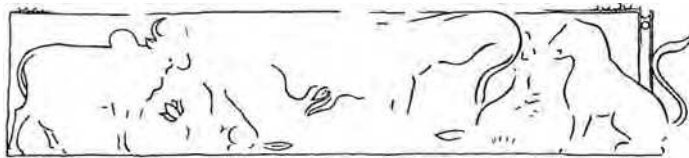

Рис. 6. Фрагмент стенной росписи

²³ См.: Панчатантра / Пер. с санскрита и примеч. А. Я. Сыркина. М., 1958. С. 17 сл.

²⁴ Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973. С. 24–25, табл. 14 [см. также: Маршак Б. И. Искусство Согда. СПб., 2009. С. 46, 47].

²⁵ Сухарева О. А. Пережитки демонологии и шаманства... С. 44.

Рис. 7. Фрагмент стенной росписи

головы быка выдает влияние буддийско-шиваистических композиций, хорошо известных по памятникам Средней Азии и соседнего Афганистана²⁶. Но сам сюжет полностью вследствие фрагментарности живописи едва ли может быть восстановлен.

Наконец, отметим одну деталь в живописной сцене на западной стене помещения 13 объекта VI: на голове одного из персонажей надет трехрогий шлем (рога бычьи) (цв. вклейки 17, 19)²⁷. Близкой аналогией этому шлему может служить такой же шлем предводителя воинов, осаждающих замок, на знаменитом аниковском блюде (цв. вклейки 32, 33)²⁸. Отметим также, что в этой сцене изображен замок, многими деталями перекликающийся с замком на этом блюде. Культурно-исторический интерес перечисленных памятников определяется, прежде всего, тем, что все они хронологически относятся к сравнительно ограниченному отрезку времени — VI — началу VIII в. Они характеризуют один из элементов культуры Согда накануне арабского завоевания и исламизации населения Средней Азии, оказавших отрицательное влияние и на идеологию, связанную с зооморфизмом в изобразительном искусстве.

В этом отношении пенджикентские памятники являются последним звеном в непрерывной цепи памятников искусства Средней Азии, рисующих развитие представлений, связанных с быком, начиная с палеолита до раннего средневековья. В заключение отметим только, что для анализа этого обширного круга представлений работы С. П. Толстова, и в первую очередь его упомянутый экскурс в «Древнем Хорезме», окажут большую помощь.

²⁶ См.: Скульптура и живопись древнего Пенджикента. Табл. IV, VII. Ср.: Кругликова И. Т. Дильберджин (раскопки 1970–1972 гг.). Ч. 1. М., 1974. С. 45, рис. 30, табл. 4; Ставиский Б. Я. Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961–1964 гг. // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1963–1964 гг. Надписи, терракоты, каменные рельефы. М., 1969. С. 159 сл., рис. 39.

²⁷ Скульптура и живопись древнего Пенджикента. Табл. XIII, XV.

²⁸ Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл: Художественные изделия из золота, серебра и бронзы. М.; Л., 1935. Табл. 20. Ср.: Толстов С. П. Древний Хорезм... С. 198, примеч. 5–8, табл. 86 [см. также: Маршак Б. И. Искусство Согда. СПб., 2009. С. 60; Marschak B. Silberschätze des Orients: Metallkunst des 3. — 13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. Leipzig, 1986. Abb. 29–211].

СОГДИЙСКИЕ «ЗОЛОТЫЕ ПОЯСА»¹

А. М. Беленицкий, В. И. Распопова

«И прибыл Кутейба в окружении родных и двоюродных братьев к воротам Самарканда. И там встретил его Гурек, сын ихшида, и поклонился он ему (Кутейбе). Затем он (Кутейба) пошёл дальше, пока не дошёл до дома огня. И сел он в нем. Затем прибыл Гурек и остановился перед ним без меча. И посмотрел Кутейба на гулямов Гурека, опоясанных золотыми поясами, инкрустированными драгоценными камнями. И это вызвало его яростный гнев, так что глаза налились кровью (стали красными). И захотел он нарушить [договор] с Гуреком. И это стало видно по его лицу. Но затем, считая это неблагоприятным, он оставил в силе то, на чем помирился с Гуреком»².

В этом красочном рассказе, сохранившемся в сравнительно недавно открытом раннеарабском историческом труде ал-Куфи, передающем один из эпизодов, имевших место после захвата арабами в 712 г. Самарканда, обращает на себя внимание то, что причиной ярости арабского полководца явились «золотые пояса» на гулямах из окружения самаркандского царя Гурека. Пышно одетая свита побеждённого Гурека являла собой резкий контраст с окружением арабского полководца, и особенно блестящие золотом и драгоценными камнями пояса.

О «золотых поясах» согдийской знати упоминают и другие авторы, писавшие о событиях того времени. Приведём некоторые из них.

Табари в связи с осадой Самарканда Кутейбой приводит рассказ о попавшем в засаду и перебитом арабами отряде молодых воинов, спешивших на помощь осаждённым из Шаша. При этом сообщается: «И среди убитых были только сын царя, и [сын] вельможи из их знати, и витязь из их витязей. И захватили мы превосходное оружие, дорогие одежды, золотые пояса и горячих коней»³.

Тот же автор в сообщении об известном восстании согдийцев в 721 г. упоминает о прибытии «из Байарката и Сабаската тысячи человек, на которых были золотые пояса»⁴.

¹ Первая публикация: СНВ. Вып. XXII. 1980. С. 213–218.

² Kurat 1948: 6.

³ Tabari 1881–1889: 1243.

⁴ Ibid.: 1441.

Неоднократные упоминания о «золотых поясах» в Бухаре мы находим у Наршахи. Так, сообщая о почётной страже известной Хатун, правительницы Бухары, Наршахи пишет, что «они были опоясаны золотыми поясами с подвешенными мечами»⁵.

Золотые и иногда серебряные пояса являются принадлежностью одежды и экипировки героев «Шахнаме». В некоторых местах имеются интересные детали. Так, говорится: «Пояс у него был из чистого (блестящего) золота и изумруда (забарджаб)». Или: «На золотом поясе в каждой накладке (бляшке) был вставлен драгоценный камень»⁶.

В глазах Фирдоуси пояс являлся одним из признаков царской власти. В предсказании о том, что младенец Феридун станет царём, говорится, что когда он вырастет, то «будет добиваться (искать) пояса, короны, престола и кулаха»⁷.

Приведённые сведения говорят о том, что в домусульманское время среди знати было широко распространено ношение золотых или по крайней мере серебряных поясов.

О внешнем облике этих наборных «золотых поясов» дают представление памятники искусства, в особенности стенные росписи. В живописи Пенджикента знатные мужчины всегда изображены опоясанными жёлтым поясом; по-видимому, художник имел в виду пояс с золотыми накладными бляшками. Надо отметить, что детали пояса, как правило, тщательно не выписывались. Иногда пояс разделён на квадратики и треугольники с маленькими квадратиками внутри. Видимо, так передавались чередующиеся прямоугольные и полукруглые бляшки. В двух случаях мы имеем изображения поясов с тщательно проработанными деталями. Это в росписи помещения 10 объекта XVI и помещения 1 объекта XXIV. Изображения накладных бляшек хорошо согласуются с обнаруженными при раскопках бронзовыми. В Пенджикенте и на других памятниках Средней Азии найдены части наборных поясов, которые в сочетании с живописным материалом дают достаточно оснований для реконструкции пояса согдийского воина. Детали наборных поясов, происходящие из раскопок, в подавляющем большинстве бронзовые, единичные экземпляры изготовлены из серебра. Письменные источники, как мы видели, свидетельствуют о ношении согдийской знатью «золотых поясов».

У нас пока имеется лишь одна золотая бляшка, некогда украшавшая, как можно полагать, пояс. Очень интересно устройство этой бляшки. Она состояла из тонкой золотой фольги, наложенной на медную основу. Внутри обкладки имелись зеленые окислы меди. Бляшка была рельефной, подтреугольной формы, с каплевидными концами. Эта бляшка найдена в завале одного из хозяйственных помещений дворца правителя Пенджикента. Бляшки такой же формы и техники изготовления — золотая фольга на бронзовой основе — найдены в погребениях VII в., в могильнике Кишкёрёш-Вагохид в Венгрии. Все бляшки найдены в разграбленных погребениях, и точное место их на костюме покойного не было

⁵ Наршахи. 1904: 10; Лыкошин 1897: 15; ср.: Бартольд 1963: 238.

⁶ The Shah Nameh... 1829: 1801, 1840.

⁷ Фирдоуси 1960: 56.

зафиксировано. Д. Ласло на основании аналогий в скифском материале предполагает, что эти бляшки украшали шапочки⁸.

Бляшки того же типа найдены вместе с частями поясного набора VI–VII вв. в Северной Монголии. Похожие по форме бронзовые бляшки происходят из погребения конца VI — начала VII в. в Кудыргэ⁹.

Наряду с золотой фольгой в Пенджикенте для обкладки бронзовых частей наборных поясов использовалась серебряная фольга. Обломки двух щитков — как можно предполагать, от пряжек, изготовленных из бронзы, — имеют обкладку тонкой серебряной фольгой. Один из таких щитков найден в слое первой четверти VIII в.

С вопросом о применении согдийскими мастерами техники тиснения связан вопрос о матрицах. Этот вид производства в Европе эпохи переселения народов изучен Й. Вернером¹⁰. Согдийские мастера также были хорошо знакомы с техникой тиснения. Найдены бронзовые матрицы, на которых производилось тиснение тонкого листа металла. В Пенджикенте, в слое VII в., найдена бронзовая матрица для тиснения поясных наконечников. Она удлинённой формы, с килевидным концом и слегка вогнутыми боковыми сторонами. Верхняя сторона покрыта рельефным растительным орнаментом. Матрица массивна и не имеет приспособлений для крепления. Эта матрица по своим пропорциям и очертаниям, с вогнутыми сторонами и приострѐнным концом, а также сложным рельефным орнаментом напоминает аварские поясные наконечники.

В фондах Самаркандского музея хранится массивная, орнаментированная схематически изображенным цветком матрица для тиснения из тонких листов металла поясных наконечников. Эта матрица напоминает центральноазиатские наконечники, изготовленные из тонкого листа золота на медной подкладке¹¹.

В Пенджикенте кроме уже упоминавшейся матрицы для тиснения поясных наконечников найдена матрица для тиснения бляшек. Она подквадратной формы, с вогнутыми сторонами и квадратным углублением на верхней стороне.

Отметим также ещё одну бронзовую матрицу. Она найдена в завале помещения 111 объекта III. Матрица массивная, округлой формы, с рельефным изображением морды льва. По краю идет бордюр из перлов, прерывающийся в верхней части.

Помещение, в котором была найдена эта матрица, представляет собой изолированное от жилого массива и открытое на улицу небольшое помещение торгово-ремесленного назначения. Помещение относится, вероятно, к середине VIII в., так как в первой четверти VIII в. помещения этого района имели другой план.

В связи с пенджикентскими находками следует упомянуть, что на городище Сиркап в Таксиле в мастерской раннего кушанского периода был найден целый набор медных матриц для тиснения¹².

⁸ László 1955: 25, pl. I, IV, XVII.

⁹ Гаврилова 1965: 25, табл. XX, 14.

¹⁰ Werner 1970.

¹¹ Евтюхова, Киселев 1940: рис. 34.

¹² Marshall 1951: 195, 582; pl. 179, 37–102.

Рис. 1. Прорисовка пояса из росписи южной стены помещения 1 объекта XXIV городища древнего Пенджикента

В. А. Булатова отмечает находку «трёх медных обтяжек для медальонов или пуговиц с выбитым профилем» при раскопках жилого комплекса VII–VIII вв. в Куве¹³.

В Пенджикенте кроме матриц найдены вещи из цветных металлов, изготовленные техникой тиснения. Таким же образом изготовлены тонкие золотые обкладки. Такова округлой формы с тиснением в виде розетки золотая бляшка, найденная на полу помещения 1 объекта XXII. Толщина золотого листа — 0,06–0,1 мм. Диаметр — 1,5 см, вес — 0,81 г. Таковы четыре золотых брактеата, найденные в Пенджикенте.

Из тонкой медной (?) пластины оттиснута бляшка диаметром 2 см, орнаментированная кружками по краю и гротескным изображением лица в профиль. Бляшка найдена на полу помещения, датированного монетами серединой VIII в.

Таким образом, приведенные материалы показывают, что согдийские мастера VII–VIII вв. хорошо были знакомы с техникой тиснения металлов. Части наборных согдийских поясов изготавливались из различных металлов — бронзы, серебра и, конечно, золота. В то же время нам известны части наборных поясов из бронзы, покрытых серебряной фольгой, а также бляшки из золотой фольги, изготовленные техникой тиснения.

«Золотые пояса», как видно из приведенных выше сведений письменных источников, были признаком сословной принадлежности среднеазиатской знати. Отношение к поясу как к знаку отличия вообще характерно для эпохи раннего средневековья. Как показывают рунические эпиграфии, материал, число и форма поясных украшений служили знаком отличия.

Д. Ласло на основе анализа погребений аварских могильников установил, что рангу воина соответствовал определенный металл — золото, серебро с золочением, бронза с серебрением, бронза, а также форма и число поясных украшений.

¹³ Булатова 1970: 24.

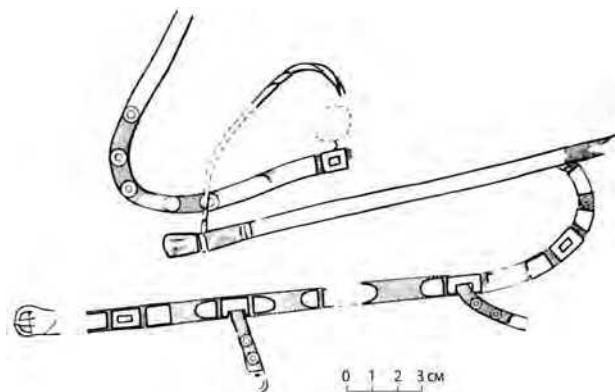

Рис. 2. Прорисовка снятого пояса из росписи южной стены помещения 1 объекта XXIV городища древнего Пенджикента

С. А. Плетнева по материалам Дмитровского могильника салтово-маяцкой культуры пришла к выводу, что пояс отражает место его владельца в воинской среде¹⁴.

Такое же положение было и в Согде. Здесь мы также видим употребление различных металлов для изготовления деталей наборных поясов, что должно было соответствовать рангу их владельцев. У какой-то части согдийских дехкан, несомненно, были «золотые пояса», украшенные вставками из драгоценных камней. Но те «тысячи человек, на которых были золотые пояса», скорее всего носили «золотые пояса», бляшки которых были лишь покрыты тиснёной золотой фольгой. В этой связи надо отметить, что детали наборного золотого пояса из перещепинского погребения также изготовлены на медной основе. Украшение бронзовых частей пояса золотой фольгой засвидетельствовано в аварских¹⁵ и кыргызских¹⁶ древностях.

Цитированная литература

- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М., 1963.
- Булатова В. А. Археологические работы в рабаде Кувы VII–VIII вв. // Средневековые города Средней Азии и Казахстана (Тезисы к совещанию в г. Фрунзе 24–29 ноября 1970 г.). Л., 1970.

¹⁴ Плетнева 1967: 162–166.

¹⁵ László 1955.

¹⁶ Евтюхова 1948: 34–36.

Часть I. Избранные научные статьи

- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
- Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-тас у села Копены // ТГИМ. Вып. 11. 1940.
- Лыкошин Н. Мухаммад Наршахи. История Бухары / Пер. с перс. Н. Лыкошин под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897. С. 15.
- Наршахи. История. Персидский текст (по литографии, напечатанной в 1904 г. в Новой Бухаре).
- Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967 (МИА. № 142).
- Фирдоуси. Шāх-нāме. Критический текст. Т. 1 / Под ред. Е. Э. Бертельса. М., 1960.
- Kurat A. N. Kuteybe bin Müslim'in Hvārizm ve Semerkand'ı Zabti (Hicrī 93–94 — Milādī 712) // Ankara Üniversitesi dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. Ankara, 1948. No. 4.
- László Gy. Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars. Budapest, 1955 (Archaeologia Hungarica. Series nova. XXXIV).
- Marshall J. Taxila. An Illustrated Account of Archaeological Excavations carried out at Taxila under the Orders of the Government of India between the Years 1913 and 1934. Vol. I–III. Cambridge, 1951.
- The Shah Nameh. An Heroic Poem... by Abool Kasim Firdousee / Carefully collated... by T. Macan. Vol. IV. Calcutta, 1829.
- Tabari. Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis / Ed. M. J. de Goeje. Ser. II. Lugduni Batavorum, 1881–1889.
- Werner J. Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wanderhandwerk-Handel-Familienverbindung) // Antikvariskt arkiv. 38. Stockholm, 1970.

СОГДИЙСКИЙ ГОРОД В НАЧАЛЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ (Итоги и методы исследования древнего Пенджикента)¹

А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак, В. И. Распопова

В археологии Средней Азии древний Пенджикент занимает особое место. Он находится близ географического центра этого региона. Его хронологический диапазон охватывает почти четыре века — V–VIII вв., т. е. период, завершающий древность и начинающий средневековье. Это один из наиболее изученных памятников, что придает ему значение эталона².

А. Ю. Якубовский поставил задачу на материале Пенджикента определить тот уровень социального и культурного развития, который послужил базой для расцвета городской культуры Средней Азии IX–XII вв.³ Методика изучения была определена поставленной целью. При этом упор был сделан не на стратиграфию, а на широкое исследование застройки верхнего горизонта. Параллельное изучение цитадели, храмов, жилой застройки как на территории древнего города, так и в пригороде, а также некрополя позволило постоянно корректировать работу, не теряя из виду основных поставленных задач.

В этой статье мы хотим остановиться на результатах работ на городище древнего Пенджикента в основном за последнее десятилетие⁴. В эти годы исследование застройки шахристана VIII в. проводилось главным образом на обширной ранее не раскапывавшейся территории, примыкающей с юга к улице, идущей с запада на восток от цитадели к храмам. Здесь расположены объекты XVI, XXIII–XXV. Наряду с этим шло изучение жилых кварталов на северо-западе города (объекты XXI, XXII), на востоке (объект XXVI) и на юге (объект XXVII).

¹ Первая публикация: СА. 1981. № 2. С. 94–110.

² Массон В. М., Акишев К. А., Аскаров А. А., Атагарьев Е. А., Кожомбердиев И. К., Негматов Н. Н. Археология Средней Азии и Казахстана в свете новейших исследований // Советская археология в 10-й пятилетке. Всесоюзная конференция: Тезисы пленарных докладов. Л., 1979. С. 34.

³ Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии // Труды Таджикского филиала АН СССР. Т. XXIX. Сталинабад, 1951. С. 3–17.

⁴ О работах более ранних лет на городище Пенджикент см. обобщающую статью: Беленицкий А. М. Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента // СА. 1965. № 3. С. 178–195.

Исследование внешнего двора первого храма (объект I и X) позволило прийти к выводу о несравненно большем, чем это предполагалось ранее, значении храмов в городской застройке. На цитадели, внешней городской стене (объекты XII, XXVIII) и внутренней городской стене (объекты III, VII) исследовалась эволюция городской фортификации, начиная от времени основания города (рис. 1). О ранней истории храмов дали возможность судить работы на объектах I и II⁵, а о ранних жилищах — на XII и VI объектах⁶. В последнее десятилетие полевые работы на городище планируются таким образом, чтобы, продолжая изучать город VIII в., получить возможность выявлять, что в его структуре обусловлено исторической ситуацией последних десятилетий перед арабским завоеванием, а что было предопределено более ранним развитием — в V–VII вв. Идеи синхронного среза и комплексного изучения городища остались основой пенджикентского метода исследования города.

А. Ю. Якубовский поставил по-настоящему значительную задачу, вся сложность которой стала раскрываться лишь с течением времени. Он справедливо указал, что в Пенджикенте можно изучать социальную структуру города на определенный исторический момент — первая четверть VIII в. Однако в ходе исследования оказалось, что для изучения слоя первой четверти VIII в. надо научиться в весьма разнообразных стратиграфических условиях вычленять этот синхронный срез.

На рис. 2 приведен схематизированный типичный разрез, показывающий, как вычленяются в Пенджикенте датированные наслоения, постройки и комплексы керамики, которые позволяют с максимальной строгостью синхронизировать материалы, открываемые на разных участках городища. Помещения копаются по частям с обязательной фиксацией разрезов напластований. Керамика и другие находки в каждом помещении берутся по отдельным прослойкам. Отдельно учитывается материал каждого припольного слоя, каждого слоя свалки, каждого массива сырцового завала, а также материал из конструкции здания (главным образом из заполнения пазух сводов и из стен). Разрез читается как серия последовательно сменявшихся состояний помещения за время его жизни и запустения.

Материал из заполнения одного помещения может относиться и ко времени более позднему, чем время жизни здания (слой свалки в развалинах), и частично к более раннему, чем это время (завал свода и стен). При этом в том же завале можно выделить и материал, непосредственно предшествующий моменту

⁵ Беленицкий А. М., Гуревич Л. Л., Маршак Б. И. Пенджикентские храмы и развитие согдийского культового искусства в V–VII вв. // ТД сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973. С. 157–160; Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 году на городище древнего Пенджикента // СГЭ. Вып. XXXVI. 1973. С. 58–61; *они же*. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 году // СГЭ. Вып. XXXVII. 1973. С. 54–57; *они же*. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (Древность и средние века). М., 1976. С. 76–78.

⁶ Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. // МИА. № 124. 1964. С. 182–243; Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки в Пенджикенте // АО 1975 г. 1976. С. 561.

Рис. 1. Пенджикент. Раскопы с постройками и слоями V–VI вв.:

1 — участки со слоями V–VI вв.; 2 — стены с башнями V в.; 3 — крепостные стены V–VI вв. (разрезы и зачистки); 4 — контуры стены внутреннего города и главного здания цитадели; 5 — наружные контуры рвов

запустения дома, в частности, эта могут быть целые и собирающиеся из фрагментов сосуды, упавшие со второго этажа. Расчленив материал из каждого помещения на такие дробные комплексы, мы в дальнейшем объединяем комплексы одинакового происхождения по целому многокомнатному жилищу и получаем таким образом, не снижая стратиграфической расчлененности материалов, достаточно обширные наборы находок для статистического сопоставления. Особое значение для установления даты *post quem* получает материал из шурфов под полами жилищ. Нередко один такой шурф позволяет уточнить время возведения нескольких домов.

Монеты, которых в Пенджикенте найдено около 4500, как и другие находки, учитываются по стратиграфическим комплексам из каждой комнаты и сводятся затем в таблицы по жилищам⁷. Далеко не в каждой комнате слои могут быть датированы монетами, но для строительных периодов жилища в целом, как правило, удается получить достаточно узкие даты. При этом не даты отдельных монет сами по себе, а распределение датированных монет в свите слоев определяет датировку строительных периодов.

⁷ Таковую таблицу см. в статье: Распопова В. И. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII–VIII вв. // СА. 1969. № 1. С. 175, табл. 1.

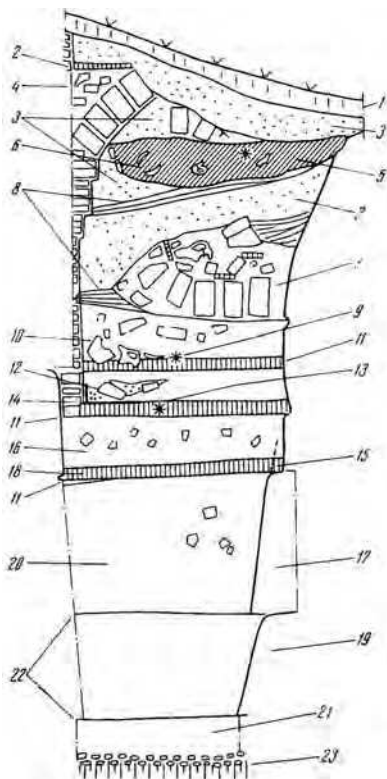

Рис. 2. Пенджикент. Разрез с характерной для Пенджикента последовательностью наслоений:

1 — пахотный слой; 2 — пол второго этажа; 3 — надувной слой; 4 — пазуха свода (в ней керамика VI–VII вв.); 5 — фельс 770 г. (место находки обозначено звездочкой); 6 — свалка с керамикой третьей четверти VIII в.; 7 — завал свода и второго этажа. Фрагменты керамики VIII в., из которых собираются целые сосуды, со второго этажа. Разрозненные фрагменты сосудов VI–VII вв., главным образом из разрушенных кладок; 8 — натеки; 9 — монета Тургара (738 — ? гг.); 10 — раздавленный кувшин; 11 — пол и припольные наслоения; 12 — следы пожара; 13 — монета пенджикентской царицы (до 722 г.) в припольном слое; 14 — ремонтная сырцовая стена; 15 — подрубленная пахсовая стена; 16 — сырцовый завал; 17 — пахсовая стена с мелкими фрагментами керамики V — начала VI в.; 18 — желтый припольный слой с керамикой конца VII в.; 19 — пахсовая стена; 20 — плотная глинистая забивка с керамикой VI–VII вв.; 21 — лесс; 22 — полы без находок, между ними аморфный слой с керамикой V — начала VI в.; 23 — галечный слой (материк)

Выделение достаточно обширных комплексов керамики, разделенных промежуточными временными порядками десятилетий, изменило и обработку керамического материала. Появилась возможность проверить датировочную значимость не только так называемых ведущих форм, но и отдельных признаков, свойственных «почерку» той или иной мастерской и даже того или иного мастера. Типология керамики, основанная на учете множества признаков, и статистическая проверка достоверности различий керамических комплексов явились логическим следствием уточнения стратиграфии (рис. 3).

Если для слоев VII–VIII вв. основным датировочным материалом остаются монеты, то для периода V — середины VII в. монеты играют меньшую роль, чем керамика. Надо отметить, что ряд монетных эмиссий V–VIII вв. получил уточненные даты на основе пенджикентской стратиграфии⁸.

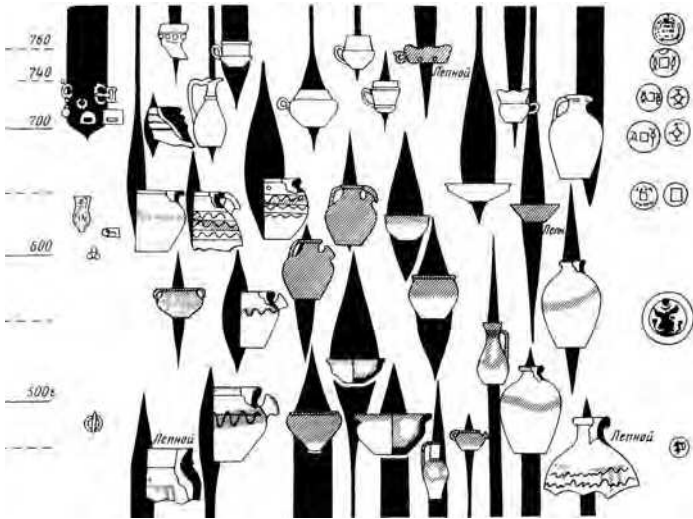

Рис. 3. Пенджикент. Основные датировочные находки. Черные «линзы» показывают изменения в степени распространенности тех или иных разновидностей в последовательности contemporaneous слоев

⁸ Большаков О. Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III // МИА. № 124. 1964. С. 118; Зеймаль Е. В. Тали-барзинский клад монет с изображением лучника // СГЭ. Вып. XXXIV. 1972. С. 74; Маршак Б. И. Городская стена V–VII вв. в Пенджикенте // Новейшие открытия советских археологов. ТД конференции. Ч. II. Киев, 1975. С. 116; Распопова В. И. Квартал жилищ... С. 174; она же. Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа VII–VIII вв. // КСИА. Вып. 147. 1976. С. 39–48.

Все это позволило в полной мере применить к археологии среднеазиатского города тот принцип комплексности, который господствует в археологии могильников, где каждое погребение представляет собой отдельный комплекс. У нас городище рассматривается как иерархия комплексов. На нижней ступени иерархии комплексов — материалы из отдельных наслоений в отдельных помещениях, на следующей ступени — синхронные материалы по целому многоквартильному жилищу и, наконец, на верхней ступени — синхронный срез по всем раскопам на целом городище.

Постепенно совершенствуя методику, разрабатывая более тонкие стратиграфические и статистические приемы, в Пенджикенте удалось сочетать разработку поставленной А. Ю. Якубовским задачи с задачей выявления развития и изменения социального и культурного облика города. Наметились синхронные срезы по V в., рубежу V–VI в., VI в., концу VI — началу VII в., середине VII в., последним десятилетиям VII в. — 712 г., 722 г., 740-м гг., 750–770-м гг.⁹ В результате вместо неподвижной картины мы увидели ту конкретную действительность, с которой имели дело сменявшие друг друга поколения.

На рис. 1 показана степень изученности Пенджикента V–VI вв. Исследуются прежде всего узловые участки: цитадель, храмы, внутренние и внешние городские стены. Слои этого времени в шурфах встречаются по всему городищу, но жилища V–VI вв. открыты пока лишь на объектах XII и VI. Труднее всего пока поддаются исследованию слои VII в., которые в жилых кварталах, как правило, перекрыты постройками VIII в. Однако этот период достаточно хорошо прослеживается при раскопках крепостных сооружений шахристана и цитадели.

Крепостные сооружения V в. прослежены на цитадели и шахристане. Город V в. в восточной части был на 60 м уже города VI–VIII вв. К первоначальному городу относятся оба храма. На рубеже V–VI вв. город на востоке достигает своего окончательного предела. Однако постройка восточной стены не приводит к уничтожению первоначальной стены. Напротив, она неоднократно перестраивалась вплоть до конца VII в., превратившись во внутреннюю линию обороны.

Слои VIII в. показывают, как отражались на жизни города перипетии длительной борьбы Согда с арабскими завоевателями. Внутренняя стена была снесена в правление пенджикентского князя Деваштича (не позднее 708–722 гг.), чтобы освободить место для жилой застройки. Мы не знаем укреплений и храмовых зданий, построенных этим государем, но прослеживаем очень большое жилищное строительство, приходящееся на годы его правления. Возможно, размах строительства связан с переселением в Пенджикент какой-то части самаркандцев, выселенных арабами в 712 г. из шахристана Самарканда. Можно думать, что это

⁹ Большаков О. Г. Отчет... С. 114–120; Зеймаль Е. В. Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище // МИА. № 124. 1964. С. 257–259; Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977; Маршак Б. И. Отчет... С. 227–243; Распопова В. И. Один из базаров Пенджикента VII–VIII вв. // СНВ. Вып. X. 1971. С. 74; Ставиский Б. Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951–1959 гг. // МИА. № 124. 1964. С. 120.

и сделало Деваштича «деханом жителей Самарканда», как он назван у Табари. С 718 г. Деваштич начал претендовать на общесогдийский престол¹⁰.

На плане (рис. 4) строительство этого времени скорее преуменьшено, чем преувеличено, поскольку из домов, заселенных к 722 г., здесь учтены только те, дату постройки которых удалось установить с полной определенностью. По всему городу прослеживаются следы запустения, а местами и пожаров, что связано, по-видимому, с походом арабов против Деваштича в 722 г. Однако вскоре восстанавливается большая часть жилого фонда города (рис. 5). Восстановление датируется монетами Тургара, вступившего на самаркандский престол в 738 г. О. Г. Большаков, впервые проследивший запустение и восстановление домов на объекте III, связал возобновление жизни в древнем городе около 740 г. с возвращением согдийских эмигрантов по договору с Насром ибн Сейяром¹¹. Около 740-х гг. согдийцы восстанавливали свои жилища по старым образцам, частично с живописью и с изображениями языческих богов.

Лишь позднее в связи с успехами ислама в Согде при Абу Муслиме росписи и алтари намеренно уничтожаются. Тогда же жилища знати частично пустеют

Рис. 4. Пенджикент. Строительство времени Деваштича.
Постройки этого времени на рисунке заштрихованы

¹⁰ Лившиц В. А. Правители Пенджикента VII — начала VIII в. // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР (26–31 августа 1977 г.). Душанбе, 1977. С. 47.

¹¹ Большаков О. Г. Отчет... С. 119.

Рис. 5. Пенджикент. Здания, восстановленные около 740-х гг. (заштрихованы)

или превращаются в рядовые дома. Таким становится Пенджикент в 750–760-е гг., чтобы окончательно запустеть в 770-е гг. и возродиться уже на другой территории.

Для периода первой четверти VIII в. накопленный материал позволяет со значительной степенью полноты реконструировать социальную структуру населения города. Мы получили возможность судить о городском ремесле, о взаимоотношениях господствовавшей в городе знати и торгово-ремесленного населения¹².

Если рассмотреть топографию древнего Пенджикента с историко-экономической точки зрения, то мы прежде всего должны будем отметить многочисленные лавки-мастерские на торговых улицах и базарах (рис. 6). Большинство этих лавок и мастерских принадлежало городским землевладельцам, получавшим с них денежную ренту. Ремесленники нередко жили довольно далеко от места работы. Основной доход рядовому населению доставляла продажа ремесленных изделий. Зернохранилищ в рядовых домах немного, и они по своим объемам не идут ни в какое сравнение с зернохранилищами одновременных крестьянских домов. Зато зернохранилища на 1000 и более пудов товарного

¹² Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 113–118, 148 сл.; Распопова В. И. Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда // СА. 1972. № 4. С. 145; Беленицкий А. М., Маришак Б. И., Распопова В. И. Социальная структура населения древнего Пенджикента // Бартольдские чтения. 1976. Год третий. ТД и сообщений. М., 1976. С. 14–16.

Рис. 6. Пенджикент. Распределение помещений различного назначения на территории городища:

1 — дворы храмов; 2 — базары; 3 — лавки и мастерские; 4 — места находок товарного железа; 5 — парадные помещения (как правило, с живописью); 6 — крупные зернохранилища

хлеба встречены в богатых домовладениях, а на базаре открыты лавка, где развешивали зерно для продажи, и лавка-пекарня, в которой выпекался хлеб¹³.

Город показывает несравненно более высокий уровень развития товарного хозяйства, чем одновременная деревня, представление о которой дает почти полностью раскопанное Ю. Якубовым поселение Гардани Хисор в верховьях Зеравшана¹⁴, Гардани Хисор входил в домен Деваштича.

В условиях, когда в деревне в основном сохранялось натуральное хозяйство, обмен крестьянского хлеба на ремесленные изделия не мог обеспечить для ремесла платежеспособный спрос. Знать, получавшая в деревне зерно и сырье для ремесленного производства в качестве феодальной ренты, могла продавать ремесленникам необходимые для них товары. Знать с ее воинскими отрядами и многочисленными домохозяевами (наряду с потребностями внешней караванной

¹³ *Ракматуллаев И.* Раскопки XXIII объекта на городище древнего Пенджикента // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана... С. 56, 57; *Распопова В. И.* Отчет о раскопках XVI объекта городища древнего Пенджикента в 1970 г. // АРТ. Вып. X (1970 г.). М., 1973. С. 137; она же. Новые данные о мастерских Пенджикента // Новейшие открытия советских археологов. ТД конференции. Ч. II. Киев, 1975. С. 117, 118.

¹⁴ *Якубов Ю.* О работах Зеравшанского отряда на поселении Гардани Хисор // АРТ. Вып. XIII. (1973 г.). 1977. С. 137; он же. Поселение Гардани Хисор // АО 1974 г. 1975. С. 546.

торговли) обеспечивала спрос на ремесленную продукцию, и она же эксплуатировала ремесленников путем взимания ренты за построенные на принадлежавшей ей земле мастерские и лавки.

В городе, в отличие от деревни, отношения знати и рядового торгово-ремесленного населения не имели характер неприкрытого господства и подчинения. Господство знати осуществлялось в форме товарно-денежных отношений.

На схеме (рис. 7) показаны все «потоки» продуктов труда и денег, о которых позволяют судить археологические материалы и документы с горы Муг¹⁵. Наряду с производством для себя и обменом мы видим феодальную ренту: натуральную с сельского хозяйства и денежную с ремесла, при этом деньги слабо проникают в деревню.

Такая экономика в сочетании с отсутствием политической централизации в Согде приводила к мощному развитию общественной жизни города. На плане древнего Пенджикента наиболее разительно выглядит сочетание крайней земельной тесноты, с одной стороны, когда даже над переулками нередко возводили вторые этажи, и с другой — множество просторных залов и обширные парадные дворы, предназначенные для обрядов, собраний и пиров (рис. 6). Совокупная площадь этих помещений заметно превышает площадь торгово-ремесленной застройки. Самыми значительными зданиями города были именно общественные здания — два храма с громадными дворами, все стены которых были покрыты росписью.

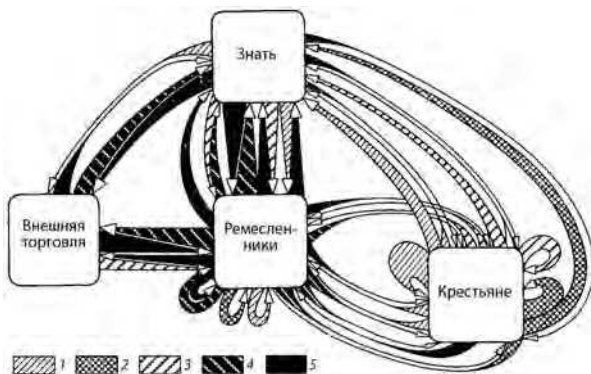

Рис. 7. Схема экономики Пенджикентского владения в первой четверти VIII в.:

1 — продукция сельского хозяйства; 2 — продукция домашних промыслов; 3 — сырье для ремесла и для домашних промыслов; 4 — ремесленная продукция; 5 — деньги

¹⁵ Фрейман А. А. Согдийские документы с горы Муг. Вып. I: Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. М., 1962; Согдийские документы с горы Муг. Вып. II: Юридические документы и письма / Чтение, пер. и коммент. В. А. Лившица. М., 1962; Согдийские документы с горы Муг. Вып. III: Хозяйственные документы / Чтение, пер. и коммент. М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой. М., 1963.

городской общины, существование которой весьма существенно ограничивало власть феодальных князей. Становится понятным, почему из трех известных владетелей Пенджикента ни один не был родственником своего предшественника¹⁷. Можно думать, что именно эти восходящие к древности общинные традиции сплачивали согдийцев на защиту своих городов от арабов, что и привело к затягиванию более чем на целое столетие арабского завоевания Средней Азии.

После завоевания начала бурно расти за счет малых городов, подобных Пенджикенту, Самарканд и Бухара. В социальном отношении это был процесс падения местных городских общин в условиях централизации государственной власти. Комплексное исследование древнего города позволяет и вопросы духовной культуры рассматривать прежде всего в контексте социальной жизни. Для того чтобы дать представление о разнообразии культурных явлений, с которыми сталкивается археолог в Пенджикенте, достаточно сказать, что здесь найдены надписи на шести языках, в том числе сирийский христианский текст, среднеперсидский зороастрийский текст, видимо, буддийский (?) текст, написанный письмом брахми, и, наконец, согдийский документ, начинающийся написанной по-арабски исламской формулой. Со всей наглядностью выступают широкие культурные связи согдийского города, соответствующие размаху хорошо известной международной торговли согдийцев.

Пенджикентские настенные росписи стали уже массовым материалом¹⁸. Стратиграфия дала возможность создать первую хронологическую шкалу согдийской живописи, выделить росписи V — начала VI в., VI, VII вв. и первой половины VIII в. Появилась возможность выявить общность и специфику в размещении росписей в согдийских зданиях.

Каждая сколько-нибудь зажиточная пенджикентская семья представляла собой коллектив со своим культовым и общественным центром — парадными залами дома. Аналогичным центром всей городской общины были храмы. Комплексы росписей отдельных домов по набору и размещению сюжетов подобны храмовым. В зале дома и в храме на торцевой стене или в особой нише помещали культовую сцену с изображением богов и предстоящих согдийцев, тогда как другие стены по большей части были заняты иллюстрациями к сказаниям и изображениями пиров. Это сходство, по-видимому, свидетельствует об известном уподоблении в сознании людей городской общины, называвшейся *наф*, и отдельных патронимических групп, каждая из которых также именовалась *наф*¹⁹. Хотя в Пенджикенте жили и христиане, и, возможно, буддисты, все росписи оставлены адептами местной религии. Нередко в одном помещении есть изображения нескольких богов, но на главном месте — напротив входа изображали в большом масштабе одного или двух божественных патронов, которые, входя в общесогдийский пантеон, в то же время были своими у каждой семьи.

¹⁷ Лившиц В. А. Правители Пенджикента...

¹⁸ Живопись древнего Пенджикента. М., 1954; Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959; Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973; Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения...

¹⁹ Периханян А. Г. Агнатические группы в древнем Иране // ВДИ. 1968. № 3. С. 28–53.

Массовый пенджикентский материал позволяет понять центральные сцены росписей ряда парадных залов Афрасиаба²⁰, Варахши²¹ и Шахристана²² как изображения поклонения таким божественным патронам. Естественно ожидать, что у родственных семей, входивших в один патронимический *наф*, будут общие божественные патроны. Действительно, некоторые из изображений такого рода повторяются в нескольких домах. Иногда подобное совпадение имеет место у соседей, но в целом по городу не наблюдается компактного расселения почитателей того или иного божества (рис. 9). Видимо, в сложной реальности согдийского города сохранившиеся с глубокой древности коллективы родичей не влияли на вошедшие в них семьи при выборе места для жилища.

Среди богов, которым поклонялись согдийцы, выделяются иконографически подобный Шиве Вешпаркар, четверорукая Нана с солнцем и лунной в руках, чета богов с символами в виде верблюда и горного барана и некоторые другие.

Городской, а не узкоаристократический характер пенджикентской живописи проявился в широчайшем распространении росписей в домах не только верхних, но и средних слоев населения. Он сказался и в необыкновенном разнообразии светских, прежде всего литературных, сюжетов росписей. Среди них выделяются росписи главных ярусов со сценами пира, охоты или иллюстрациями к эпическим произведениям и росписи второстепенного нижнего яруса с иллюстрациями к басням, сказкам и, возможно, к произведениям лирической поэзии.

Характерно, что пенджикентские художники иллюстрировали прежде всего те сюжеты, которые выбирали потом и позднейшие миниатюристы. Это сказание о Рустаме и сказание о Заххаке (царе со змеями, растущими из плеч), вошедшие позднее в «Шахнаме», и притчи из «Панчатантры», включенные потом в известный арабо-персидский сборник «Калила и Димна». В их числе притча об ученых, воскресивших тигра, который потом съел их, и притча о зайце, обманом заставившем льва кинуться на свое отражение в колодце. Связь сюжетов пенджикентских росписей с основными сюжетами таджикско-персидской литературы X в., когда Рудаки перелагал в стихи «Калилу и Димну», а Фирдоуси писал «Шахнаме», подчеркивает культурную преемственность двух эпох в истории Средней Азии, разделенных арабским завоеванием.

Среди многочисленных сохранившихся отрывков согдийской литературы есть и эпизод из сказания о Рустаме, и притчи из «Панчатантры», и басни Эзопа. И здесь мы находим полную перекличку с пенджикентским репертуаром, где наряду с упомянутыми сценами подвигов Рустама и иллюстрациями к «Панчатантре» есть и иллюстрация к басне Эзопа о гусыне, несущей золотые яйца. В целом репертуар сюжетов пенджикентской живописи несравненно богаче того, что известно по письменным источникам. Он включает в себя целый ряд неизвестных науке сказаний и множество сказок.

²⁰ Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.

²¹ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.

²² Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны (Предварительное сообщение) // С.А. 1973. № 3. С. 183–202; Воронина В. Л., Негматов Н. Н. Открытие Уструшаны // Наука и человечество. 1974. М., 1975. С. 51–71.

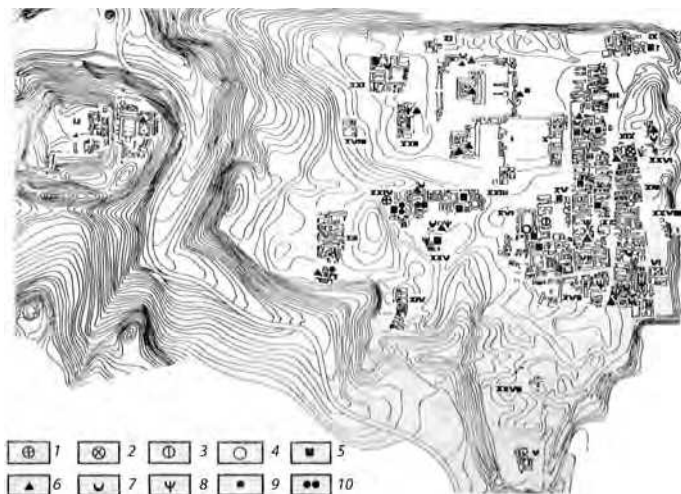

Рис. 9. Пенджикент. Распределение культовых изображений и текстов:

1 — христианский текст; 2 — мусульманский текст; 3 — иранский зороастрийский текст; 4 — буддийский (?) текст; 5 — пристенные камины-алтари; 6 — различные культовые изображения; 7 — богиня с солнцем и луной; 8 — бог, подобный индийскому Шиве; 9 — бог на троне в виде верблюда; 10 — чета богов на троне с протомами верблюда и горного барана

Изредка согдийские художники передавали конкретные события истории. Так, например, в пенджикентском дворце, по-видимому, была изображена сцена осады Самарканда арабами, применявшими осадные машины — *манджаники*²³. При всем разнообразии сюжетов росписей Согда в них очень слабо проявилась официальная династийная прокламативность, столь характерная для великих монархий Востока. В этом также сказался городской характер согдийского, прежде всего пенджикентского, искусства.

Стиль пенджикентской живописи находится в прямом соответствии с характером ее излюбленных сюжетов. Стремление к полной и занимательной передаче повествования сочетается с напряженным динамическим ритмом. По своей стилистике пенджикентские росписи близки к стилистике тех литературных жанров, сюжеты которых они передают. В них есть как лаконизм и насыщенность действием притч, так и обстоятельность эпоса. Богатство одежд и разнообразие вооружения героев, которые раньше считали признаками феодального аристократизма пенджикентской живописи, в действительности

²³ Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Древнейшее изображение осадной машины в Средней Азии // Культура Востока. Древнее и раннее средневековье. Л., 1978. С. 216.

полностью соответствуют обычным приемам характеристики богатырей в любом народном эпосе.

Новый подход к пенджикентскому искусству как искусству городскому и в какой-то степени демократическому принципиально важен для понимания значения искусства Средней Азии во всем средневосточном регионе. Этот новый подход заставляет рассматривать заново вопросы о том, как относились пенджикентские художники к проблеме правдоподобия изображений, к передаче объема и пространства, к повторам одинаковых элементов, к фиксации конкретного мгновения действия и ко многим подобным стилистическим моментам. У нас нет возможности подробно останавливаться на этих искусствоведческих вопросах, которые лишь недавно начали специально разрабатываться. Мы только хотим показать, что комплексный метод изучения городского организма требует нового подхода не только к изучению стратиграфии, планировки города и вещевых находок, но и к изучению произведений искусства.

Назовем еще два важных вопроса. Первый из них — это значение точно датированных вещей из Пенджикента для археологии обширных районов Средней Азии и всей степной зоны. Лучше всего документированный в Пенджикенте VIII в. относится, как показал А. К. Амброз²⁴, к наиболее спорным моментам хронологии Евразии. Между тем в сибирских, прикамских и других памятниках находят серьги, пряжки, поясные накладки и другие вещи, которые часто представляют собой прямые аналогии пенджикентским.

Другой важный вопрос — это проблема преемственности эпохи древности и средневековья в Средней Азии. Время возникновения Пенджикента — это время, когда завершается жизнь ряда древних городов северного Тохаристана, это время поздних слоев Топрак-калы в Хорезме. Степень изученности социальной структуры этих городов да и степень изученности ранних слоев Пенджикента пока еще недостаточны для историко-социальных выводов. Однако в архитектуре, живописи, керамике раннего Пенджикента древние традиции выступают ярко и отчетливо. В частности, пенджикентская живопись конца V — начала VI в. по пропорциям фигур, способам передачи объема и изображенным реалиям близка к позднеантичной живописи Топрак-калы²⁵, Кара-тепе²⁶, Дальверзинтепе²⁷ и Дильберджина²⁸. Одна из основных задач дальнейшего изучения Пенджикента — комплексное исследование ранних этапов истории города, которое должно обнаружить, как складывалась та картина социально-экономической и культурной жизни, которая засвидетельствована в Пенджикенте VIII в.

²⁴ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. С. 96–123; 1971. № 3. С. 106–134.

²⁵ Толстой С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. Рис. 46.

²⁶ Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии. Древний период, VI в. до н. э. — VIII в. н. э. М., 1974. Рис. 80.

²⁷ Пузаченкова Г. А. Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Л., 1978. Рис. 13, 14; она же. Дальверзинтепе и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии // Пузаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. Рис. 153.

²⁸ Круликова И. Т. Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия: материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1976. Рис. 54–60, 63.

Раздел 2

РАЗВИТОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

24

ИЗ ИСТОРИИ УЧАСТИЯ РЕМЕСЛЕННИКОВ В ГОРОДСКИХ ПРАЗДНЕСТВАХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В XIV–XV вв.¹

А. М. Беленицкий

Быт городского населения Средней Азии в средние века является одним из тех сюжетов, которого меньше всего до сих пор коснулась историография этой страны. В значительной мере это обстоятельство объясняется общим характером наших источников о Средней Азии, в подавляющем своем большинстве состоящих из хроник, посвященных главным образом политическим событиям. Источники эпохи Тимура и его потомков, к каковому периоду относится наша тема, в основном также посвящены событиям политического характера. В источниках этих мы встречаем в большом количестве описания многих моментов придворной жизни — царских охот, приемов и придворных празднеств. Особенностью последних является широкое участие в них городского населения. Феодалные верхи в целях придания большей пышности и размаха празднеству, как мы увидим, даже принуждали население города участвовать в нем.

Описание этих празднеств приобретает особый интерес, прежде всего вследствие того, что участие в них ремесленников и торговцев придавало им весьма своеобразный колорит. В празднествах этих нашла свое отражение и производственно-профессиональная сторона деятельности горожан, и не в малой степени строй ремесла — его цеховой характер в эти века.

Описания самих празднеств в этой заметке мы не собираемся давать. Их характер в общем хорошо известен, хотя бы по Клавихо², который имел случай присутствовать на одном из самых пышных празднеств, устроенных Тимуром.

¹ Первая публикация: ТОВЭ. Т. II. 1940. С. 189–201.

² Рюи-Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. / Подлинный текст с пер. и примеч., сост. Под ред. И. И. Срезневского. СПб., 1881 (далее — Клавихо. Дневник...); ср.: Якубовский А. Ю. Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Л., 1933;

Нижеприведенный материал касается исключительно участия в этих празднествах ремесленников и базарных торговцев.

Первым по времени упоминанием об участии ремесленников в празднестве является описание Хафиз-и Аbru встречи в Герате в 1379 г. Кутлуг-Аки, племянницы жены Тимура, которую последний выдавал замуж за Пир-Мухаммеда, сына гератского мелика Гияс-ад-дина. «Каждый цех (*фирка*), — пишет Хафиз-и Аbru, — в соответствии со своей профессией приготавил удивительное зрелище (атракцион). (Так) хлебопеки построили высокий павильон (*кэшк*) из хлеба, а чистильщики хлопка соорудили минарет из хлопка. Ткачи камки несли передвижной ткацкий станок, на котором тут же производили работу»³. В том же роде были, как сообщает далее автор, зрелища, устроенные ремесленниками других профессий. Несмотря на свою краткость, описание это представляет значительный интерес. Прежде всего, из него явствует, что ремесленники делятся по профессиям или цехам. Правда, термин здесь примененный не совсем обычен. «Фирка» для понятия ремесленного цеха редко встречается. Более часто, как известно, употребляется слово *аснаф* (форма множ. числа от *синф*). Однако характер зрелища, которое было устроено, свидетельствует о том, что оно могло создаться в условиях традиций цехового строя. Чрезвычайно любопытно, что первое упоминание об устройстве этих своеобразных «атракционов» относится к Герату, городу, находящемуся на стыке культурных влияний трех стран — Ирана, Индии и Средней Азии. Здесь больше всего можно ожидать отражения и цеховых традиций этих стран.

Следующим по времени упоминанием участия городского населения в подобном празднике является описание встречи, устроенной жителями городов Средней Азии, главным образом самаркандцами, сыну Тимура Шахруху. В 1394 г. последний прибыл в Среднюю Азию из Закавказья, где находился в то время Тимур. Торжественная встреча началась с момента перехода его через Амударью. Начиная от переправы, как рассказывает Шерефаддин⁴, на каждой остановке жители Мавераннахра выходили ему навстречу с подарками, рассыпая по пути его следования монеты.

Торжественна была встреча в Кеше. Однако наибольший интерес представляет описание Самарканда, пышно украшенного в честь прибытия туда Шахруха. Шерефаддин описывает эту встречу в стихотворной форме:

«Самарканд так был украшен, — начинает наш автор, — что смог бы вызвать похвалу и у мудрецов. Все ремесленники поголовно, каждый по-своему, показали свое мастерство. Подобно раю разукрашен весь город и кварталы, начиная от Железных ворот⁵; от развешенных на стенах украшений превратились в цветные луга

он же. Образы Старого Самарканда (время Тимура) // Восток: Журнал литературы, науки и искусства. Кн. 5. М.; Л., 1925. С. 140–163.

³ Рукопись Ленинградской государственной публичной библиотеки по каталогу Дорна № 29. Л. 280.

⁴ The *Zafarnámah* by Mauláná Sharfuddín 'Alí of Yazd. Vol. I–II / Ed. by M. Ilaḥdád. Calcutta, 1887–1888. (Bibliotheca Indica. 82–83). Vol. I. P. 728.

⁵ В печатном тексте *بر آهنین*. Полагаю, что следует читать *بر آهنین* — Железные ворота (двери). Так назывались ворота в северной стене Самаркандской крепости.

его базары. Златотканые кафтаны, шлемы и пояса точно знамена на всех воротах. От городских ворот до царского дворца путь устлан парчой и атласом. Весь город в золоченых украшениях. Золото и серебро разбросаны под ноги лошадей»⁶. Прибытие самого Тимура в 1396 г. было отмечено еще большей торжественностью. Автор «Зафарнаме» посветил ему несколько страниц в прозе и стихах. Не останавливаясь на рассказе о приемах и пирах, устроенных Тимуром в честь феодальной знати в Кеше и Самарканде, отмечу лишь описание того, что было приготовлено самим населением. «Население того места (Самарканда), — начинает автор прозой, — раскрыв объятия веселья и радости, приступило к украшению города и повсюду построило привлекательные павильоны, в которых разместило приятно-голосых певцов». Затем переходя к стихотворной форме, он продолжает:

Весь мир наполнился весельем,
Всюду расположились музыканты.
Поверхность земли от рассыпанных драгоценностей —
Точно покрывало, вышитое алмазами.
Множество павильонов (*чор-ток*) так разукрашены, что
каждый из них мог бы соперничать со сводом лазоревым.
.....
Как на улицах, так и на базарах
стены (зданий) увешаны украшениями.
Все базары от края до края
украсили люди ремесла⁷.

В обоих приведенных случаях центрами внешнего украшения города явились самаркандские базары, где ремесленники играли при этом первенствующую роль. Однако о характере украшений говорится в самых общих выражениях.

О том, как выглядели павильоны и в чем выражалось «искусство ремесленников», наиболее полное представление дают рассказы источников, посвященные празднествам, устроенным в 1404 г. Тимуром по его возвращении из индийского похода.

Почти все авторы по истории Тимура, в том числе и Клавихо, отводят определенное место именно этим празднествам, так как они по своему блеску превосходили все предыдущие увеселения, у восточных авторов в данном случае описание полнее, чем у кастильского дипломата. Прежде всего, следует отметить одну незначительную деталь, которой отличается описание первых от описания Клавихо Празднества были устроены в честь свадьбы не одного «внука», как об этом пишет Клавихо⁸, а нескольких, именно — Улугбека, сына Шахруха, Ибрагим Султана и Иджиль, сыновей Мираншаха, и двух сыновей Омар шейха-Ахмеда и Байкары⁹. Наиболее важные подробности интересующей нас стороны праздника, а именно участие ремесленников, мы находим у Шерефаддина и у Ибн-Арабшаха. К сожалению, описание Шерефаддина, благодаря стихотворной форме,

⁶ The Zafarnámah... Vol. I. P. 729.

⁷ Ibid. P. 796.

⁸ Клавихо. Дневник... С. 282.

⁹ The Zafarnámah... Vol. II. P. 605.

24. Из истории участия ремесленников в городских празднествах...

сильно растянуто. Растянуто оно и у Ибн-Арабшаха, все сочинение которого написано белыми стихами, тем не менее картина получается достаточно яркая.

Начну с описания Шерефаддина.

«Так как, — пишет он, — августейшая мысль его величества Сахиб Кырана обратилась на веселье и радость, а согласно изречению: “Корни обогащаются за счет ветвей”, изобилие радость и счастье стало всеобщим и лучи благоденствия и ликования проникли в мысли и великих и малых, “(в том числе) все цехи (*аснаф*) ремесленников и мастеровых раскрыли руки способностей, и каждый из них (*тайифа*) изобрел зрелище, достойное своего ремесла”». Само описание устроенных зрелищ Шерефаддин дает в стихотворной форме:

Задумали люди каждой профессии, — начинает он, —
Устроить зрелище, подобающее их ремеслу.
Люди всех классов — простые и благородные,
Каждый по-своему показали нечто привлекательное.
Продавцы драгоценностей красиво
развесили нити из драгоценных камней.
Царский кулах (головной убор) они разукрасили
бесчисленным числом дорогих камней.
— Рубинами цвета граната, благородным лалом,
Сверленным и цельным (несверленным) жемчугом.
Какими словами привлечь мне взоры
людей к хрусталу, кораллу и яшме!
От блеска ожерелий устыдились пляды.
Близнецы (звезды) в смущенье от чистых камней.
Искусные мастера по золоту
превратили Кани Гиль¹⁰ в рудник золотой.
От обилия колец, браслетов, серег
Старый мир стал подобен молодой невесте.
А ряды, отведенные продавцам материй,
(Казались) цветущим входом в мир.
По решению этих достойных людей
вознесся ввысь высокий павильон,
Обтянутый сверху донизу
парчой плотной и шелком.
Разостланы в нем шелковые ковры —
Красавцы заняли свои места.
Везде музыканты поют и играют.
Их голоса приводят в волнение Венеру.
Обладают они голосами соловьев и речью попугаев.
Кокетством пленяют сердца и мужчин, и женщин.
Станом — кипарисы, лицом — (полные) луны.
То песню поют, то сказ ведут, то шуткой народ веселят.
(Так) и другие из ремесленных цехов
украсили каждый отдельный павильон.

¹⁰ Здесь у автора игра слов: Кани Гиль — название известной местности к северо-востоку от Самарканда, где происходили празднества, — обозначает рудник глины.

Каждый из них стал местом сбора чарующих сердца
певцов солнцеликих.
От разнообразия напевов и прелести (певцов)
глаз, точно нищий, полон мольбы.
Фисташки (губы) луноликих сладкие как сахар,
(Извлекают) из каждого *руд*¹¹ иной мотив.
Таких павильонов было около ста четырех,
Вознесли они свои главы к 9 сводам.
Вокруг толпа продавцов фруктов
(играет) на зурнах, барабанах. Шум и крик.
Высокие, кипарисоподобные станом юноши
стояли у корзин с различными фруктами.
В каждой из них иной плод
уложен умело, привлекательно.
Айвам, фисташкам, орехам, грушам, яблокам
порядок раскладки придает красоту.
Об их укладке столь же заботились,
Как при нанизывании жемчуга на нитке.
Раскрытый гранат со смеющимся ртом
точно шкатулка, в которой рубины.
Что сказал я! — Нет, не шкатулка, а курильница из золота,
Каждое зерно блестит подобно звезде.
От запаха фруктов и вблизи, и вдали
весь пирующий народ благоухает.
Плодам порядок придает красоту,
блеск, яркость и очарование.
Затем все мясники на свой лад
устроили множество редкостных зрелищ.
Искусством превращен человек в барана,
Одет он в шкуру без изъяна.
Козлы, говорящие, золоторогие,
шествовали один за другим.
По виду (они) подобны козлам, но под оболочкой
периподобные, способные очаровать и сердце и душу людей.
Пери умеют иногда волшебством
менять свой внешний вид.
(И здесь) периликие обрели новый образ,
То в слоноподобных обратясь, то в баранов.
Таким же способом ловкие скорняки
превратились (одни) в гепардов, (другие) в тигров,
В шкуры различных зверей, облившись,
Сами в них прятались, точно душа в теле.
Обращали себя и по форме, и цвету
в лисиц, гепардов, гиен и барсов.
По виду хищный зверь, но на деле пери.
.....

¹¹ Руд — название струнного музыкального инструмента.

24. Из истории участия ремесленников в городских празднествах...

Что мне сказать об искусных мастерах веревок,
способных расщепить и волос.
Они вывели много верблюдов,
Сделанных из дерева, камыша, веревок и паласов.
Умело сделали они остов верблюда
и спрятались в нем, дабы наглядно показать
свое мастерство жителя мира.
.....
А сейчас, дабы речь не затянулась,
Обратимся от мастеров веревок к чистильщикам хлопка.
Они, совершенные в своем искусстве,
Сделали из хлопка множество птиц с оперением и крыльями.
Легко построить минарет из кирпича и глины,
Но трудно (соорудить) его из очищенного хлопка.
Посмотри, как умело они это решили!
Они предпочли минарет из хлопка и камыша.
Минарет, который они воздвигли,
Смог бы служить лестницей на самое небо.
Это был минарет, подобный кипарису, стану красавицы,
Который передвигался с места на место.
Сверху донизу он был красиво разукрашен,
Весь его корпус из окрашенного хлопка.
На верхушку его неподвижно посадили аиста,
Оттуда он смог бы перекликаться с ястребом в поднебесье.
А если спросишь о кожевниках,
Было иным их сооружение.
Искусными руками их были устроены
два переносных паланкина, прикрепленных к верблюду.
Когда верблюд с паланкином были готовы,
В них сели двое юношей,
Ловкостью, грацией, красотой и блеском
один превосходил другого.
Щеки каждого из них устыдили луну.
Их кокетство — опасность для веры и сердца.
Каждый из них держал в руках по бубну¹².
Каждый удар уносил сердце друга.
Играя на бубнах, притоптывали ногами,
Тем выметали покой из сердца.
Их игра и танцы
подымали смуту среди собравшихся.
(Мастера циновок) удивительные плели циновки.
Столь искусные в своем ремесле, что смогли бы
расщеплять волос подобно камышу.
В одной полосе двумя почерками — куфи и ма'кали —
Вплетали письмена красивые и трудные.
От тех узоров превосходных

¹² В оригинале — *пуст* — «шкура».

Дух Мани устыдился бы за свой Арзанг¹³.
Таким же образом каждый (цех) ремесленников и мастеров
на свой манер показал свое искусство.
Прослушал ты рассказ о ремесленниках.
А теперь я начну сказ о базигарах¹⁴.
Удивительно было их хождение на канатах.
От изумления люди побросали свои дела.
Конец каната так (высоко) укрепили,
Что верх его терся о небесной свод.
Со всех сторон опускались веревки столбов —
Сверху вниз, справа и слева.
Ты бы сказал, что тот столб достигал неба,
(А на нем) канатоходец был подобен не луне, а солнцу,
Его щек блестящая луна устыдилась.
Конец столба вознесся выше небесного свода.
Качаясь на веревках, он был столь прекрасным,
Что ты сказал бы — появились два солнца на небе.
Он так легко и ловко взбирался по канату,
Точно блестящая звезда по небесному куполу.
Канатоходство было (все же) самым незначительным,
Но если перечислить (все) подробности, то рассказ удлинится.
Поэтому скажи каляму: вернись к прерванному рассказу.

Это же празднество описывает другой современный автор — Ибн-Арабшах, который был, вероятно, и очевидцем их¹⁵.

Его описание по своему характеру сходно в основном с данными Шерефафдина. Особый интерес представляет конкретное описание нескольких предметов, сооруженных ремесленниками, которые не перечислены Шерефафдином. «И приказал он (Тимур) жителям города, — рассказывает Ибн-Арабшах, — чтобы они приготовили украшения... и чтобы они вынесли их к месту, находящемуся на расстоянии около мили от Самарканда, называемому Кани Гиль... и извлекли жители города то, что у них было приготовлено из предметов убранства и украшения, и расположили их в порядке. Палатки заняли всю площадь на пространстве, пока хватал глаз. Каждый из жителей города выставил все, что он имел красивого. А ремесленники выказали старание (в показе того), что было связано с их ремеслом. Каждый из них усердствовал (в сооружении) зрелища, подобающего их профессии. Так, мастера циновок устроили всадника с полным вооружением. Был он крайне тщательно отделан вплоть до ресниц и копыт. Полностью до мелочей снарядили его (всадника) оружием вроде лука, меча и другого вооружения, все это было сделано из камыша, и возвышался он (всадник) на своем месте без опор и подставок.

¹³ Мани — основатель религиозной секты манихеев (III в. н. э.) — как известно, считается в средневековье изобретателем миниатюрной живописи. Арзанг или Аржанг — название сочинения Мани, по преданию украшенного миниатюрами его работы.

¹⁴ Базигарами называются вообще базарные комедианты, по преимуществу канатоходцы.

¹⁵ The Zafarnámah... Vol. II. P. 605.

24. Из истории участия ремесленников в городских празднествах...

А качи хлопка устроили павильоны (مدينة) из хлопка, устойчивые, превосходные, по пропорциям — привлекательные, устройством — крепкие, по виду — прекрасные, белизной превосходили белки глаз черноокой (красавицы), совершенством устоев превосходили дворцы.

Когда они были установлены, то своей красотой притягивали к себе взоры прохожего. А над всеми, (павильонами) высился минарет. Таковы же были сооружения ювелиров, кузнецов, кожевников, мастеров луков и ремесленников других цехов. (Показали свое искусство) и мастера увеселений. (В то время) Самарканд являлся местом сбора для искусных мастеров и стоянкой для людей совершенных. Каждый цех установил в своем ряду все, что соорудили его мастера. Позади же разместились, базары, где музыканты громко трубили в трубы, били в барабаны. Слоны были (пышно) украшены, а породистые лошади были покрыты горделивой сбруей»¹⁶.

Хафиз Абру в своем продолжении сочинения Низамаддина Шами «Зафарнаме» также посвящает целую главу описанию этих пиров и празднеств, и в его описании также не обойдено молчанием участие в празднестве ремесленников. О них он пишет следующее: «А ремесленники и мастерские всех климов окраин и стран мира в разнообразных одеяниях, согласно обычаям своей страны, отдельно по цехам (фаудж) приготовили разнообразные украшения и привлекательные убранства в виде венков и уборов, редких вещей и праздничных нарядов, тканей и (других) произведений своей области, каждая группа соответственно своему положению.

А певцы прекрасноголосые и музыканты сладкозвучные играли и пели на мотивы по образцам персов, на мелодии арабов, по обычаям турок, на голоса моголов, по законам (пения) китайцев и размерами алтайцев»¹⁷.

Хафиз Абру, таким образом, подчеркивает разнородный в национальном отношении характер участников праздника, что для Самарканда, конечно, имело фактическое основание, так как сюда были собраны Тимуром ремесленники из всех завоеванных стран.

В заключение приведу рассказ об этих празднествах Клавихо, также бывшее их очевидцем. Вот что он пишет по этому поводу: «Для большого веселья царь велел объявить по всему городу Самарканду, чтобы все городские торговцы, менялы, продавцы тканей, так же как и жемчуга и разных других вещей и всевозможных товаров, повара, мясники, хлебники, портные, башмачники и всякие другие ремесленники, какие только были в городе, собрались на поле, где стояла его орда, поставили свои палатки и продавали свои товары здесь, а не в городе; и кроме того, чтобы в каждом ремесле устроили игру и ходили с нею по орде, чтобы забавлять народ и чтобы не смели уходить оттуда без его позволения и приказания. По этому объявлению все торговцы вышли из города со всем своим товаром и с работниками и расположились в орде, каждое

¹⁶ Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад ибн Арабишах. Аджаиб ал-макдур фи ахбар Тимур. Каир, 1887–1888. С. 159 сл.

¹⁷ Continuation du Zafarnāma de Nizāmuddīn Šāmi par Hāfiz-i Abrū / Éd. d'après les manuscrits de Stamboul par F. Tauer // Archiv Orientalní. Vol. VI/3. Praha, 1934. P. 429–465.

ремесло в отдельной улице, которую разделили по порядку; в каждом ремесле устроили свою игру, с которой ходили по всей орде и забавляли народ»¹⁸. В другом месте, возвращаясь к празднику, он пишет. «В этот день было устроено много разных игр; и, кроме того, раскрасили слонов, которые были у царя, зеленым и красным цветом и на разные другие лады, поставили на них беседки и делали с ними большие представления. Частью от этих представлений, частью от барабанов, на которых играли во время их, был такой шум, что на удивление. В павильоне, где был царь, было также много музыкантов, которые играли»¹⁹. Специально о канатоходцах Клавихо сообщает:

Перед царем были подавлены столбы с веревками, на которые люди лезли и делали разные представления. Слонов у царя было четырнадцать; на каждом из них была деревянная беседка, покрытая шелковой тканью, с четырьмя желтыми и зелеными флагами на каждой, в беседках было по пяти и по шести человек²⁰.

После смерти Тимура, когда столица империи перешла в Герат, правившие здесь потомки Тимура перенесли и устройство богатых и пышных празднеств в этот город. Источники сообщают довольно часто об их устройстве, во многих случаях давая более или менее подробные их описания, и здесь, почти без исключения, все подобные празднества проходили с участием ремесленников. Иногда это участие шло индивидуальным порядком, когда каждый ремесленник или базарный торговец украшали на свой вкус свою мастерскую и лавку. Так, например, по случаю прибытия в Герат в 1412 г. китайских послов Шахрухом был издан указ, предлагавший населению украсить город в целом и его базары и «чтобы каждый ремесленник показал совершенство своего таланта и украсил бы свой дуكان»²¹. Но чаще ремесленники принимали участие в этих событиях корпоративно. Так, уже во второй половине XV в. при Султан-Хусейне по случаю прибытия его сестры Беди'уль Джемаль Бегум были устроены празднества в одном из самых больших садов Герата — Баг-я-Заган (Сад ворон). Празднества длились около двух месяцев, и здесь ремесленники приняли очень заметное участие. «Ремесленники, — пишет Мирхонд, — заняли правую сторону дороги, начиная от входа до центрального хауза. Они построили удивительные дуканы и киоски, по своим украшениям (подобные) китайским картинным галереям и способные вызвать зависть у звезд Зодиака.

Были показаны разного рода удивительные зрелища и (изобретены) занимательные выдумки. Каждый цех в соответствии со своим ремеслом смастерил редкостные зрелища и невиданные фигуры»²².

Имеются и другие, правда, еще более краткие указания подобного порядка.

¹⁸ Клавихо. Дневник... С. 282.

¹⁹ Там же. С. 292.

²⁰ Там же. С. 298.

²¹ Абдарреззак Самарканди. Матла'ас-саадейн ва маджма'ал бахрейн. Рукопись ЛГУ № 157. Л. 1924-в.

²² Раузат ас-сафа. Литогр. изд. Бомбей, 1854. Кн. VII. С. 35.

24. Из истории участия ремесленников в городских празднествах...

Особо стоит рассказ о таком празднике в Герате, в котором дается чрезвычайно любопытное описание вазы, специально к празднику изготовленной — с изображением на ней главных ремесел. Празднество было устроено по случаю рождения царевича в 1469 г.

Об участии ремесленников сообщается следующее:

Ремесленники силой природного (дара) и тонкости таланта изобрели и соорудили разнообразные забавы.

...Искусные мастера со всех стран мира, а в особенности богом охраняемых областей, прибыли к высочайшему двору, и все они силой своего разума показали диковинки и редкостные (предметы), в том числе Ходжа Али, исфаганский мастер по ганджу, изобразил на сосуде для розовой воды 32 группы ремесленников — число, равное количеству их в мастерской мира. Причем каждый из ремесленников всех 32 мастерских (дуканов) был занят своим ремеслом. А некоторых из ремесленников, которые по характеру их ремесла нуждаются в движении, как, напр., портного, чистильщика хлопка, столяра, кузнеца, он изобразил в состоянии движения так (искусно). Что и в зеркале фантазии лучшую картину показать было (невозможно). Другие находились в открытых разукрашенных дуках. Они спиной покоя опирались на ложе почета, а слуги перед ними стояли, готовые к услугам. Все так превосходно было изображено и с такой пышностью исполнено, что разум людей терялся в пустыне размышлений. Когда его величество, убежище халифатства, осмотрел тот удивительный сосуд, он сильно удивился этой редкостной вещи, проявляя крайнее внимание и заботу, он велел (сосуд) отнести в гарем, и действительно, эта картина ремесел мира и содержание профессий человечества могли удивить открытую шка-тулку неба и стеклоделательную мастерскую сферы небесной²³.

Из этого сообщения хотелось бы выделить факт проникновения в изобретательное искусство производственно-ремесленной тематики, что, безусловно, представляет крупный интерес. Что это было не единичным и не случайным явлением, доказывают относящиеся к тому же времени известные миниатюры знаменитого Бехзада и других художников, изображающие трудовые процессы.

В виде заключения приведу выдержку из рассказа Абдарреззак о празднике в Самарканде, устроенном Абу-Сеидом в 1462 г. «Абу-Сеид, — пишет Абдарреззак, — приказал, в ознаменование совершения над царевичами обряда обрезания приготовить на поле (Кани Гиль) все необходимые материалы для сооружения киосков и предметов украшений. Были построены павильоны и палатки, ограды, шатры с куполом, достигавшим солнца и луны, а шнуры и веревки навесов потянулись до вершины Сатурна. Ремесленники устроили разнообразные забавы. Из парчи китайской, франкских тканей и других материалов ремесла они соорудили различные диковинки и разнообразные, редкости. А талантливые мастера и знаменитые художники разукрасили столько разнообразных фигур, что ум бесилен описать все совершенство их мастерства»²⁴.

²³ Абдарреззак Самарканди. Матлас-ас-саадайн. Л. 336-а.

²⁴ Там же. Л. 329-в.

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМЕСЛА В САМАРКАНДЕ XV–XVI вв.¹

А. М. Беленицкий

Уже при Тимуре Самарканд превратился в крупнейший ремесленный центр Средней Азии. Ремесло и впоследствии играло преобладающую роль в экономической жизни города. Однако вопросы ремесла и жизни ремесленного населения в Средней Азии для этой эпохи освещены еще слабо. Наша статья посвящена двум вопросам, касающимся истории ремесла в XV и XVI вв., — видам ремесел и тенденции их развития, а также общественному положению и организации ремесленного населения. Важный материал в отношении первого из указанных вопросов дает топонимика города, которая сохранилась в большом количестве для этих двух веков.

Многие пункты города Самарканда XVI в., в первую очередь базары, а также кварталы, носят названия отдельных видов ремесла. Такие названия для города феодальной эпохи, конечно, не случайны. Каждый такой пункт в действительности был занят ремесленниками данной профессии. Подтверждение этому мы находим между прочим у Бабура, писавшего о Самарканде конца XV в. Он специально отмечает эту особенность города и пишет, что в нем «каждый вид ремесла имеет свой особый базар»². Список таких базаров мы можем составить по сборнику казийских документов XVI в.³, в котором мы находим следующие названия: базар ткачей (*баззозон*), базар мастеров палаток, базар мастеров веревок, базар столяров, базар кузнецов (*кольбандон*-подковщиков), базар медников, базар седельщиков, базар мастеров верблюжьих седел, базар валяльщиков кошм, базар drogистов (*аттарон*).

Следует отметить, что приведенный список далеко не исчерпывает общее число базаров, известных в это время. По меньшей мере еще столько же упоминается в источниках, однако чаще всего они названы по именам отдельных

¹ Первая публикация: КСИИМК. Вып. VI. 1940. С. 43–47.

² The Bābur-nāma in English (Memoirs of Bābur) / Translated from the original Turki text of Zahiru'd-dīn Muhammad Bābur Pādshāh Ghāzi by A. S. Beveridge. Vol. I. London, 1922. P. 81.

³ Казийские документы XVI века. Ташкент, 1937. В этом издании воспроизведены только образцы отдельных категорий документов. Автор пользовался самой рукописью, хранящейся в Ташкентской Государственной публичной библиотеке Узбекской ССР. Не привожу пагинации для отдельных названий, так как это сделано мною для другой работы.

лиц или различных религиозных учреждений, ничего не говорящих о виде ремесла, которое сосредоточено на данном базаре.

Столь же характерными являются названия кварталов по профессии заселявших их ремесленников. К таким кварталам относятся следующие: квартал золотойшей, квартал мастеров сафьяна, квартал кузнецов, квартал литейщиков котлов, квартал каменотесов, квартал сапожников, квартал мясников, квартал боев, квартал пекарей.

К ним можно отнести квартал *хумдонак* (обжигательной печи), где, по-видимому, жили керамисты.

Приведенный список названий ремесел является сам по себе показательным. Далеко не для всякого другого периода истории Средней Азии мы смогли бы привести подобный перечень. Однако в этих названиях отразилась небольшая часть ремесленных профессий, которые знало ремесло Самарканда и о котором имеются сведения в источниках. Здесь нет возможности привести списки всех тех профессий, которые мы находим в источниках. Остановлюсь лишь на одной особенности ремесленного производства рассматриваемого времени. Эта особенность заключается в тенденции к узкой специализации ремесленных профессий. Так, в строительном деле наряду с мастерами-строителями существует целый ряд других специальностей, занимающихся изготовлением различных строительных материалов. К ним относятся мастера ганджа, кирпичники, плотники, каменотесы, штукатуры, глазурувщики и др.⁴

Еще более характерными являются отрасли производства, продукция которых идет на широкий рынок. В этом отношении весьма характерно ткачество. Термин «ткач» заметно вытесняется названиями мастеров, изготавливающих отдельные виды материи, как, например, ткач *алачи* (грубая ткань, известная в русском переводе под названием пестряди), ткач *футы*, ткач *чита* (ситец), ткач *камхо* (камка), ткач *касаба* (шелковая ткань), ткач *тесем*, ткач платков. Следует также отметить выделение профессии набойщика тканей — *чимгара*.

То же самое наблюдается и в кожевенном производстве, где имеются четыре различные профессии по изготовлению обуви и столько же по выработке сбруи. К последним относятся седельщики, мастера уздечек, мастера верблюжьих седел и мастера нагаек. Кроме того, отдельно упоминаются мастера по изготовлению кожаных колчанов и мастера кошельков.

Из числа других крупнейших отраслей производства необходимо отметить перечень мастеров, занимавшихся обработкой металлов, где специализация тоже подчас весьма узка. Не считая тех профессий, которые уже упомянуты в списке названий кварталов и базаров, здесь встречаются следующие специальности: литейщики чугуна (*чугун-гарон*), золотых дел мастера, тянульщики золотой и серебряной проволоки, золотобойи, чеканчики, резчики печатей, мастера

⁴ Помимо казийских документов, перечень профессий, связанных со строительным делом, мы находим в одном указе, сохранившемся в неизданном сборнике копий и образцов официальных документов XV–XVI вв., хранящемся в рукописном отделе Института востоковедения АН СССР под шифром А 210 (далее — ИВАН. А 210).

иголок, мастера напильников, гвоздильщики. Сюда же относятся и мастера по выделке железного оружия: стрел, копий, ножей, доспехов и др.⁵

В основе этой тенденции ремесла к специализации лежит, безусловно, стремление к увеличению производительности труда в связи с требованиями обширного рынка и нажимом купцов, державших в своих руках как местную, так и караванную торговлю.

При благоприятных условиях в дальнейшем углубление специализации могло привести к образованию мануфактурного способа производства. Однако в результате упадка экономической жизни, наступившего в XVII и XVIII вв., происходит значительная деградация ремесла.

Новые данные мы находим в источниках и в отношении общественного положения и организации ремесленного населения. Монгольская эпоха характеризуется проникновением в городское ремесло рабских или полурабских отношений. Ремесленники, работавшие в казенных мастерских, известных под названием *корхона*, приравнивались к рабам, так же как и те группы ремесленников, которые обслуживали хозяйства крупных феодалов.

В эпоху Тимура эти отношения исчезают далеко не сразу. Многочисленные группы ремесленников, переселенные из завоеванных стран в Самарканд и другие города Средней Азии, находились на положении, близком к рабскому. Известно, насколько тяжелы были условия труда этих переселенных ремесленников на крупных строительствах, предпринимавшихся Тимуром и членами династии. В какой-то мере Тимур воспользовался и системой *корхона*. Об этом говорит известный рассказ Клавихо о мастерах по производству оружия, безвыходно работавших в цитадели⁶.

Есть основания полагать, что казенные мастерские сохранились в городах тимуровских государств вплоть до конца XV в., при этом предметы их производства служили одновременно монополией казны⁷. Однако можно утверждать, что *корхона* все же широкого распространения уже не имели. Более характерной в этот век является феодальная зависимость ремесленников от дворцовых ведомств, вернее от лиц, их возглавлявших. Эта зависимость нашла свое выражение в форме одного из распространенных, но мало изученных феодальных институтов — *дербеста*. С отношениями, в которые становились ремесленники, находившиеся в *дербесте*, знакомят нас образцы документов-указов этого времени. Так, одним из таких указов, выданным начальнику оружейной палаты, были пожалованы «под приказ и усмотрение» ряд групп (цехов) ремесленников, занятых в производстве оружия. В его обязанности входит, как говорится в указе, «наблюдение за работой этого племени и каждого [ремесленника] в соответствии с его способностями и умением использовать, ни одного мелочного упущения и ошибки не пропуская». Однако наиболее важной является часть указа, обращенная к чинам государства, где говорится, что последние должны

⁵ Подавляющее большинство приведенных названий взято из сборника казийских документов.

⁶ *Рюи Гонзалес де Клавихо*. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. / Подлинный текст с пер. и примеч., сост. Под ред. И. И. Срезневского. СПб., 1881. С. 330.

⁷ *Абдарреззак Самарканди*. Матла'ас-саадейн ва маджма'ал бахрейн. Рукопись ЛГУ № 157. Л. 251-в.

считать «мастеров стрел, луков, мечей и доспехов находящимися в его [начальника оружейной палаты] *дербесте*», в связи с чем сборы от ремесла и посевов⁸ ремесленников становились его «неоспоримым владением». Одновременно устанавливается налоговый иммунитет находившихся в *дербесте* ремесленников. Они называются *иериками* — термином, которым обычно обозначались феодально-зависимые крестьяне⁹. Таким образом, судя по этому указу, мы имеем дело с категорией ремесленников, находившихся в производственном и общественном отношениях в ярко выраженной феодальной зависимости от представителя государственной власти.

Институт *дербеста* представлял собой наиболее открытую форму проникновения феодальных отношений в городское ремесло, но, видимо, распространялся на ограниченную группу ремесленников, представляющую особую важность для государственной власти, в данном случае на мастеров оружия.

Меньшей зависимостью характеризуется положение других категорий ремесленников, занятых обслуживанием дворцовых ведомств, но на которых не распространялся статут *дербеста*. Во главе таких корпораций ремесленников ставился в качестве старшины один из мастеров, тем или иным путем заслуживший доверие власти. На него возлагается, прежде всего, наблюдение за качеством работы. В указе о назначении старшины цеха мастеров палаток говорится¹⁰, что всякую палатку, «сшитую узкой или короткой, [старшина] пусть разрежет на куски и мастера хорошенько проучит». Через старшину же проходит привлечение на работу членов корпорации.

Однако указы ничего не говорят о более глубоких сторонах отношений, возникавших между корпорациями ремесленников и казной или соответствующими ведомствами. Есть основание думать, что работы по обслуживанию двора являлись формой натуральной трудовой повинности, заменявшей налоговое обложение.

Те же указы знакомят нас с третьей категорией корпораций ремесленников, которая непосредственно к обслуживанию двора и казны не привлекалась, а работала на рынок. Однако, несмотря на это, характерно, что и в таких корпорациях назначение старшин является прерогативой государственной власти. Одной из главных обязанностей такого старшины были раскладка и сбор налогов внутри цеха¹¹. Другой весьма важной его функцией, особенно характерной для цехового строя, являлось установление цен на товары данного вида производства¹². При этом старшинами устанавливались цены не только на товары местного производства, но и на привозные изделия.

К сожалению, другие стороны ремесленной жизни города слабо отражены в наших документах, как и вообще в источниках. Однако некоторые дополнительные небезыңтересные моменты организации ремесла мы можем уловить.

⁸ Факт владения ремесленниками участками земли в пригородах для этого времени известен и по другим источникам.

⁹ ИВАН. А 210. Л. 45-а.

¹⁰ Там же. Л. 72-а.

¹¹ Там же. Л. 116-в.

¹² Там же. Л. 116-в, 117-в.

Главными фигурами в ремесленном производстве являлись мастер-*устад* — хозяин мастерской и *шагирд* — ученик. Насколько позволяют судить имеющиеся данные, среднеазиатское городское ремесло не знало подмастерья, фигуры, столь характерной для европейского средневековья. Но наряду с мастером и учеником упоминается *коргар*¹³ — рабочий, положение которого определить, впрочем, трудно.

Что касается взаимоотношений между мастером и шагирдом, то они в достаточной мере четко определяются рядом документов (*васика*), сохранившихся в сборнике казийских документов¹⁴. По своей форме эти документы представляют собой расписки, которые давал сам ученик или его родственник мастеру в том, что он, ученик, «отдает себя в наем» мастеру за определенную плату на весь период ученичества. В свою очередь он же берет в наем того же мастера для своего обучения — обычно за меньшую сумму¹⁵.

Разница идет якобы в уплату за харчи и одежду ученика. Таким образом, работа ученика в продолжение всего ученического периода не оплачивается, и мастер должен лишь кормить и одевать его. В каждом документе-расписке особо оговаривается, что мастер обязан обучить ученика искусству данного ремесла и всему, что связано с ним, настолько, чтобы мастера этого цеха одобрили его работу. Данное требование *chef d'oeuvre* а с обязательной общественно-корпоративной оценкой его является обычным, как известно, также для европейского средневекового ремесла.

Сроки обучения разнообразны для отдельных видов ремесла и колебались от 1 до 5 лет.

Даже для одной профессии период ученичества мог значительно варьировать. Так, обучение у ткача *алачи* продолжалось от 1 до 4 лет. Средняя продолжительность ученического периода в большинстве случаев составляла 3–4 года.

¹³ Там же. Л. 72-а.

¹⁴ Образцы таких документов см.: Казийские документы... С. 24–25.

¹⁵ Лицемерная форма сделки направлена в обход формальному запрещению шариата пользоваться бесплатным трудом.

К ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИРАНЕ В ТИМУРИДСКУЮ ЭПОХУ (XIV–XV вв.) (Образование института «суюргал»)¹

А. М. Беленицкий

Монгольское нашествие и последовавшее образование монгольских государств являются поворотным моментом в истории развития феодальных отношений у оседлых народов завоеванных монголами стран. Старые, веками славившиеся институты сходят со сцены, другие сильно меняют свое содержание; появляются новые установления, ранее неведомые. Особенно глубоки были изменения в области феодального землевладения. Свое внешнее выражение эти изменения находят в появлении новой терминологии — или монгольского происхождения, или же заимствованной из языков тюркского, по преимуществу уйгурского корня. В этом отношении достаточно назвать такие термины, как «тархан», «копчур», «инджу» и др.

Но далеко не все новые институты, обязанные своим появлением монгольскому завоеванию, имели одинаковую историю. Каждый из них имел свою особую судьбу и свой путь развития. Так, ряд институтов появляется буквально на второй день после завоевания, но с падением власти монголов исчезает. Другие институты, наоборот, в период монгольского владычества едва начинают оформляться и лишь в последующее время приобретают значение социального фактора, подчас чрезвычайно крупное. Именно к этой категории и относится институт «суюргал», хотя до настоящего времени господствовало мнение, будто суюргал принадлежит к числу рано сложившихся институтов монгольских государств. Это ошибочное, на наш взгляд, мнение возникло благодаря тому, что авторы, высказывающие его, не дифференцируют источников по времени, а также недостаточно внимательно относятся к некоторым деталям, главным образом терминологического порядка.

¹ Первая публикация: Историк-марксист. 1941. № 4. С. 43–58.

В европейской исторической науке суюргал давно уже привлек к себе внимание. Еще Э. Катрмер² в своем издании текста из «Собрания летописей» Рашидаддина, в примечании к слову «суюргамыши», приводит целый ряд примеров из источников, дающих объяснение этому слову, и переводит его: «faveur, bienveillance». Там же он разбирает значение и слова «суюргал». На основании данных поздних словарей («Supplement du Borhani kati») и записок европейских путешественников (Ж. Шарден и др.) он определяет его как «un fond de terre que le roi concède a un homme et qui se transmet par heritage».

И. Березин в «Очерке внутреннего устройства улуса Джучиева», касаясь землевладения у монголов, говорит, между прочим, следующее: «Кроме того, хан мог жаловать землю в потомственную аренду, что называлось суюргал»³. При этом он делает ссылку как на упомянутое место из Катрмера, так и на изданный Катрмером же перевод текста из Абдарреззак Самарканди⁴. Поскольку Катрмер нигде не говорит об аренде, а других примеров Березин не приводит, то толкование Березиным суюргала как аренды является, по сути дела, произвольным, если понимать аренду в нашем смысле слова. Позже, в 1871 г., К. Патканов в переводе армянской «Истории народа стрелков (монголов)» Магакии⁵ безоговорочно переносит значение слова «суюргал» и на «суюргамыши». Толкование значения «суюргамыш», или «суюргатмыш», как пожалование леном, т. е. как термин, равнозначный «суюргалу», без оговорок принято и в советской науке. Суюргал как институт, как ферму феодального землевладения, склонны считать присущим монгольским государствам уже в начальный период их существования. Так, академик Б. Я. Владимирцов в посмертном своем труде «Общественный строй монголов» без оговорок пишет: «Известно, что в западных улусах монгольской империи ханы и царевицы жаловали земли в “потомственное пользование” (souyrgal — “пожалование”) разным лицам»⁶. При этом он ссылается на названные выше Катрмера, Березина и Магакию. Б. Я. Владимирцов не приводит примера употребления этого термина (суюргал) в монгольских источниках⁷. Повидимому, этот термин там отсутствует, как отсутствовал и сам институт, который этот термин призван был впоследствии обозначать. И. П. Петрушевский в интересной работе о Хамдаллахе Казвини пишет: «Известно, что ленные жало-

² *Quatremère É.* Histoire des mongols de la Perse, écrite en Persan par Raschid-Eldin; publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur... Paris, 1836 (Collection orientale: Manuscrits inédits de la Bibliothèque royale. T. 1). P. 216.

³ Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч. VIII. СПб., 1864. С. 28.

⁴ См.: *Quatremère É.* Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre: *Matla-assaadeïn ou-madjma-albahrein*, et qui contient l'histoire des deux sultans Schah-rokh et Abou-Saïd (Manuscrit persan de la Bibliothèque du roi, no 106; man. persan de la bibliothèque de l'Arsenal, no 24) // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale du roi et autres bibliothèques. T. XIV/1. Paris, 1843. P. 1–514.

⁵ История монголов инока Магакии, XIII века / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1871. С. 80–81, примеч. 36.

⁶ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 115, примеч. 2.

⁷ Об этимологии в корне слова «суюргал» ср.: *Pelliot P.* Sur la légende d'U'ğuz-khan en écriture ouïgoure // T'P. Vol. XXVII/4–5. 1930. P. 302.

вания, обозначавшиеся монгольским термином *soyurğal* (пожалования), давались еще Чингис-ханом, как и Хулагуханом⁸.

А. Ю. Якубовский в первом издании своей книги «Золотая Орда» утверждает следующее: «Положение полукочевых феодалов, имеющих крупные земли в оседлых районах и огромные стада скота в степи, лучше всего выражается в той системе суюргалей (ленных владений), которые в эпоху монголов являются господствующей формой крупного феодального землевладения»⁹.

Последними двумя авторами, помимо названных выше источников и литературы, использованы и другие указания источников, которые, однако, мало чем отличаются от приведенных материалов Катрмера, и на него, по существу, все вышеназванные работы и опираются.

Таким образом, все перечисленные авторы рассматривают суюргал и суюргамыши как понятия равноценные, обозначающие институт наследственного лена, существование которого предполагается уже с начального периода образования империи Чингис-хана. Однако в действительности дело обстоит далеко не так. Прошел длительный период времени, прежде чем в обиход твердо вошло слово «суюргал» в качестве определенного термина и прежде чем кроющийся за этим термином институт нашел распространение в завоеванных монголами странах на Западе.

Для правильного решения вопроса о суюргале следует прежде всего четко установить разницу между словом «суюргамыши» и «суюргал»¹⁰. Хотя оба эти слова и имеют в основе один и тот же корень и в свое время, возможно, употреблялись лишь как различные грамматические формы с одинаковым семантическим значением, однако в процессе их исторического бытования лишь второму из них суждено было приобрести значение определенного термина. «Суюргамыши» же, как видно из источников, не вышел за грань своего обычного, общего значения.

Надо сказать, что уже Катрмер уловил разницу в употреблении этих слов и в своем определении их значения, как мы видели, вполне отчетливо их разделил. Березин и Патканов спутали их и тем самым дали основание для неправильных заключений последующих историков.

Рассмотрим ближе значение этих двух слов. Основным источником для суждения относительно значения их остаются персидские исторические хроники эпохи хулагидов и сочинения послемонгольского времени, главным образом среднеазиатского происхождения. Собственно говоря, значение слова «суюргамыши» не вызывает особых сомнений. Во всех известных мне случаях¹¹,

⁸ Петрушевский И. П. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья // ИАН СССР. Отделение общественных наук. 1937. № 4. С. 883–884.

⁹ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). Л., 1937. С. 102.

¹⁰ Помимо этих двух форм, как видно из тарханных ярлыков золотоордынских ханов, в употреблении были и другие формы того же корня, как, например, «суюркап». См.: Радлов В. В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // ЗВОРАО. Т. III. 1888/1–2. С. 28.

¹¹ Ср., например, у Джувейни: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I: Тексты. СПб., 1898. С. 108.

включая и те, которые приведены всеми вышеупомянутыми авторами, как было сказано, слову «сюргамыш» нигде не придается специального значения земельного ленного пожалования. Оно приводится в самом общем значении: «оказать милость», «одарить», «обрадовать» и т. п. При этом объекты дарения часто вовсе не перечисляются. В тех же случаях, когда упоминаются конкретные предметы, авторы находят для этого другое выражение. В этом смысле чрезвычайно любопытный рассказ мы находим в «Собрании летописей» Рашидаддина. Рассказывая о старосте одной из деревень Хорасана, оказавшем в свое время услугу Газан-хану, Рашидаддин пишет:

«Когда Газан укрепился на троне султанства, он в знак благодарности его, старосту, обласкал и выказал (к нему) полное благоволение (*сюргамыш* *тамом фармуд*), ввел его в число приближенных его величества, а деревню Зир-Абад, бывшее инджу, ему подарил (*бахшид*) и дал ему тарханный ярлык»¹².

Здесь, как мы видим, чрезвычайно выпукло выражено, как понималось слово «сюргамыш». Автор избегает прилагать его к конкретному предмету пожалования. А то обстоятельство, что в данном случае предметом пожалования была деревня, представляет для нас особый интерес. Будь слово «сюргамыш» в какой-либо степени связано специально с земельным пожалованием, Рашидаддин, безусловно, применил бы его. Еще более существенным свидетельством в пользу сказанного является то, что Рашидаддин в своем изложении известной реформы Газан-хана о наделении войска земель нигде не применяет слова «сюргал», пользуясь для этого старым термином — «икта».

Внимательное рассмотрение и всех других известных мне случаев убеждает в том, что это слово в монгольский период, по крайней мере, на территории Ирана, специального отношения к «ленному пожалованию» не имеет, хотя, быть может, не исключены и случаи, когда предметом пожалования были и земельные участки.

Что касается термина «сюргал», то следует, прежде всего, отметить его отсутствие в сочинениях по истории хулагидского Ирана.

Впервые с этим термином мы сталкиваемся в сочинениях, составленных на рубеже XIV и XV вв. и относящихся к истории государства Тимура. Здесь следует подчеркнуть то обстоятельство, что после падения хулагидов в историографии на персидском языке имеется значительный перерыв, примерно в полстолетие, после чего центр летописания был перенесен с Западного Ирана в Среднюю Азию и соседний Хорасан. Поэтому, говоря относительно появления термина «сюргал» в источниках конца XIV в., я отнюдь не хочу утверждать, что начало его бытования относится именно к этому времени. Уже по одному тому, что термин этот авторами исторических сочинений тимуровского времени употребляется в достаточной мере часто и определенно, можно с уверенностью утверждать, что он появился раньше. И действительно, как мы увидим, историки впервые его применяют к эпизодам более ранним (почти на два десятилетия), чем время составления самых сочинений.

Но само собою понятно, что и даты, к которым приурочиваются первые рассказы о пожалованиях сюргалом, не могут рассматриваться как безуслов-

¹² Рукопись Института востоковедения АН СССР Д 56. Л. 320-а.

но начальные моменты появления суюргала. Нам кажется возможным высказать здесь предположение, что начало применения термина «суюргал» для обозначения земельных пожалований следует отнести к 1340-м гг., когда в Средней Азии власть ханов из потомков Чагатая фактически была низведена на нет и полное преобладание получили предводители тюрко-монгольских племен¹³, заинтересованные в территориально-земельных владениях. Появление и распространение суюргала как института впервые именно в Средней Азии и в соседней Золотой Орде является фактом, пожалуй, несомненным.

Первое упоминание суюргала относится к 1377–1378 г. (779 г. хиджры). Рассказывая о переходе Тохтамыша к Тимуру, Низамаддин Шами называет золотоордынского военачальника Урук Тимура, который вместе с Тохтамышем ушел от Урус-хана. При этом последний «иль и вилает» (Урук Тимура) пожаловал в суюргал некоему Тайге (*суюргал карда-буд*)¹⁴.

Шерефаддин Езди, пересказывая этот эпизод, говорит лишь о «тысяче» (*хазора*), переданной в суюргал. При этом добавляет, что когда впоследствии Урук Тимур вернулся к сыну Урус-хана, Тимур Мелику, тот его хотя и простил, но на просьбу вернуть «людей и иль» ответил отказом¹⁵.

Последующие упоминания суюргала в наших источниках связаны главным образом с именем Тимура, хотя, как мы увидим, раздача подобных пожалований приписывается и другим современным Тимуру феодальным владельцам Ирана. Наиболее ранним из таких суюргальных пожалований при Тимуре была, по видимому, передача округа Радкан в Хорасане известному военачальнику Тимура — Шейх-Али-бехадуру. Последний в походе против хорасанского эмира Али-бека в 1381–1382 г. (783 г. х.) проявил особую храбрость, за что, по словам Шерефаддина, «(он) был удостоен взгляда милости и заботы, и (Тимур) приказал (передать) ему в суюргал Радкан»¹⁶.

При таких же обстоятельствах было передано в суюргал местечко Говкуриш, недалеко от Нисы, в 1384–85 г. (768 г. х.) другому военачальнику — Мубашир-у. Низамаддин при этом отмечает, что оно было пожаловано как «вечный»¹⁷ суюргал.

По-видимому, это же самое, т. е. вечность пожалования, имеет в виду и Шерефаддин, когда применяет не совсем ясное выражение (*ба хуват-бари*)¹⁸.

¹³ Ср.: Бартольд В. В. Улугбек и его время. Петроград, 1918 (Записки РАН по Историко-филологическому отделению. Т. XIII/5). С. 9 и др.

¹⁴ Histoire des conquêtes de Tamerlan, intitulée Zafarnāma, par Nizāmuddin Šāmi, avec des additions empruntées au Zubdatu-t-Tawāriḥ-i Bāysunguri de Ḥāfiz-i Abrū. T. I: Texte Persan du Zafarnāma. Praha, 1937 / Éd. crit. par F. Tauer. Praha, 1937 (Monografie Archivu Orientalního. Vol. V) (далее — Šāmi). P. 77.

¹⁵ The Zafarnāmah by Maulānā Sharfuddīn 'Alī of Yazd. Vol. I–II / Ed. by M. Ilaḥdād. Calcutta, 1887–1888 (Bibliotheca Indica. 82–83) (далее — Yazdī). Vol. I. P. 289. Имя Урук Тимура передано в нескольких вариантах. Тайга вовсе не назван, а сказано «муддати» («на некоторое время»).

¹⁶ Yazdī. Vol. I. P. 352.

¹⁷ Šāmi. P. 95 — «ба суюргал-и-абади».

¹⁸ Yazdī. Vol. I. P. 382. В. Ф. Минорский транскрибирует это выражение в форме «huwa abadī» — «он [документ] вечный» (Minorsky V. A *Soyūrghāl* of Qāsim b. Jahāngir Aq-qoyunlu (903/1498) // Bulletin of the School of Oriental Studies // Vol. IX/4. London, 1939. P. 933, 944, 960). Однако следует отметить, что в этой форме выражение это нигде не встречается, и поэтому,

К этим же годам относятся и сообщения Абдарреззак о раздачах суюргалов и в Иране. Так, говоря о современнике Тимура Султане Ахмеде из династии Джелаиридов, Абдарреззак под тем же 784 г. сообщает, между прочим, что «он отправился в Ардебильский булюк, который был его суюргалом»¹⁹.

Другое сообщение того же автора относится к Фарсу. В 1384–1385 г. (786 г. х.) Зейн уль-Обидейну, правителю из династии Музаффаридов, удалось захватить известный город Козирун. По этому случаю, по словам нашего автора, «(он) снова обласкал эмиров и сановников, роздал им собственные халаты, украшенные драгоценными камнями, пояса, барабаны и знамена, а (также) пожаловал им в качестве суюргала (*ба расм-и-суюргал*) булюки (районы) и вилайеты в областях Фарса и Кирмана»²⁰.

Однако, говоря об этих ранних упоминаниях суюргала у Абдарреззак, следует помнить, что он писал уже в XV в. и, возможно, применил термин своего времени взамен какого-либо другого термина источника, которым он пользовался.

В дальнейшем, поскольку области, о которых пишут наши авторы, входят постепенно в состав Тимуровской империи, упоминания о пожаловании суюргалов связываются исключительно с именем Тимура. Тимур, по-видимому, продолжал применять и в дальнейшем суюргал в качестве прежде всего вознаграждения за проявленную храбрость. Наиболее примечательные подвиги, которые зафиксированы источниками, как правило, сопровождаются пожалованиями в виде суюргала. Отменим два характерных случая. При одном из набегов монголов Семиречья на Фергану было уведено в плен значительное число жителей Ходжента. Некому Куча Мелику с незначительным отрядом удалось в результате ночного нападения отбить пленных и вернуть их на родину. За этот отважный поступок Тимур, по словам Низамуддина, «дал ему суюргал и пожаловал тарханной грамотой». Одновременно суюргалами и другими милостями был награжден и сын Тимура Омар-шейх, также выказавший мужество в борьбе с отрядами монголов²¹. За военную храбрость был награжден и другой военачальник — Джелал-бахадур, сын эмира Хамида, которому в качестве суюргала был пожалован «крупный (доходный) вилайет»²².

Наряду с приведенными случаями раздачи суюргалов в источниках встречаются рассказы, где суюргалом называются те владения, которые Тимур оставлял за прежними феодальными владельцами, если последние добровольно ему подчинялись. Таких мест в источниках можно найти довольно много. Ограничусь несколькими примерами. Так, в 1388–1389 г. (791 г. х.) Тимур оставил по статусу суюргала (*ба расм-и-суюргал*) Музаффаридам часть их прежних

возможно, мы здесь имеем дело с иной формулой, хотя и имеющей, видимо, то же значение, см. ниже с. 462–463.

¹⁹ Абдарреззак Самарканди. Матла'ас-саадейн ва маджма'ал бахрейн. Рукопись ЛГУ № 157 (далее — Абдарреззак). Л. 77-а.

²⁰ Там же. Л. 82-в. Можно указать и на упоминание суюргала в отношении Фарса еще под 1373–1374 г. (775 г. х.) у этого же автора (Л. 67-а), однако, что именно было пожаловано, из текста неясно.

²¹ Šāmī. P. 107.

²² Ibid. P. 122.

владений, а именно Исфаган, Керман и Сирджан с его крепостью²³. На Кавказе Тимур передал в суюргал вилайет Ахлат прежнему его владельцу — эмиру Адиль Джужу²⁴. В Мосуле в качестве суюргала была отдана крепость Каркук эмиру Али — прежнему ее владельцу²⁵. Так же поступил Тимур и с хакимом крепости Айдин, Баязидом, которого, по словам Низамуддина, Тимур «отличил суюргалом и лаской и передал ему крепость»²⁶.

Во время второго похода на Иран Тимур специально вызвал из Фарса одного из противников упомянутого выше Султан Ахмеда, «пожаловав ему суюргалы и дары, передал в его ведение дела областей Султани и Табриза»²⁷. Во время похода в Малую Азию Тимур пожаловал ряд областей (Конья, Аксарай и др.) в суюргал эмиру Мухаммеду, сыну Карамана, находившегося в течение 12 лет в заточении у Баязида. При этом, как прибавляет автор этого сообщения, «области эти долгие годы (после) находились в его и его детей полном владении»²⁸.

Выше приводился случай, когда в числе лиц, получивших суюргалы, были сыновья самого Тимура. В источниках упоминаются и другие случаи пожалования царевичей суюргалами. Так, во время похода против Тохтамышша сын Тимура Мухаммед-султан добровольно вызвался пойти со своими воинами в передовое охранение. Тимур, приняв это за доброе предзнаменование, «облакал его высочайшими суюргалами»²⁹. К сожалению, при этом не упоминаются объекты пожалования. Также не упомянуты они и в сообщении относительно пожалования Хусейна, мятежного внука Тимура. Как передает Низамуддин, Тимур, «освободив его от оков, отличил почетной одеждой и суюргалом»³⁰. К этой же категории пожалований относится и передача в суюргал (ба расм-и суюргал) в 1403–1404 г. (806 г. х.) округа Дуджейль, вблизи Багдада, невестке Тимура — жене его внука Абу-Бекра, сына Мираншаха³¹. При этом небезынтересно отметить, что Абу-Бекр правил в это время всей областью в целом — факт, бросающий определенный свет на объем власти правителей отдельных областей при Тимуре, если даже они были и царевичами.

Как известно, сыновья и внуки Тимура еще при его жизни назначались правителями отдельных, подчас громадных областей. В Бартольд повсюду называет такие владения царевичей уделами³². Источники в большинстве случаев, рассказывая о подобных назначениях царевичей, не придерживаются определенной терминологии. Лишь в одном случае для обозначения такого пожалования один из наших авторов пользуется термином «суюргал». Речь идет о передаче

²³ Yazdi. Vol. I. P. 444.

²⁴ Šāmi. P. 153.

²⁵ Yazdi. Vol. I. P. 661.

²⁶ Šāmi. P. 156.

²⁷ Ibid. P. 97.

²⁸ Абдарреззак. Л. 139-в. Помимо приведенных наиболее четко выраженных случаев таких суюргалов см. также: Šāmi. P. 101 (в отношении гиланских меликов) или *ibid.* P. 164 (относительно жителей Пишканда) — о последних ср.: Абдарреззак. Л. 105-а.

²⁹ Šāmi. P. 119.

³⁰ Ibid. P. 233.

³¹ Yazdi. Vol. II. P. 575.

³² Бартольд В. В. Улугбек... С. 43–44.

областей Фарса Омар-шейху в 1392–1393 г. (795 г. х.). Низамуддин, рассказывая об этом назначении, пишет: «4-го Джумади I был издан указ, чтобы их всех (Музаффарилов) схватить и заключить в оковы, а эту область пожаловать в суюргал эмир-заде Омар-шейху, сделав (его) полновластным правителем (*хаким-и-мутлак*)»³³.

Небезынтересно отметить, что Музаффариды получили, как выше об этом говорилось, области Фарса в виде суюргала же. Однако рассмотрение других случаев назначения Тимуром своих потомков в качестве правителей показывает, что термин «суюргал» в смысле удельного владения царевичей не употребляется, и в этом отношении рассказ Низамуддина является исключением.

В большинстве приведенных случаев суюргалы жаловались отдельным лицам. Но, по-видимому, Тимуром раздавались суюргалы и в массовом порядке. Такие раздачи обычно приурочивались к торжественным случаям. Так, после возвращения с последнего в жизни Тимура похода, согласно Хафизу Абру, «его величество Сахыб-кыран пожелал, чтобы в знак благодарности по поводу возвращения из столь великого похода в столицу счастливым и здоровым вместе с детьми и эмирами устроить великий праздник (и) эмиров войска и бекадуров двора убежища мира дарениями возвеличить и (каждого), в соответствии с его чином и поведением, пожаловать суюргалом и джилдун»³⁴. После описания устроенных празднеств этот автор пишет: «И всех предводителей войска и сановников двора убежища мира (Тимур) суюргалами и дарениями отличил и возвеличил»³⁵.

Как нетрудно заметить, в приведенных примерах раздачи суюргалов или, вернее, применения источниками этого термина самый объект суюргала в достаточной мере не определен. Если во многих случаях мы, безусловно, имеем дело с земельными пожалованиями, то немало и таких случаев, когда благодаря неопределенности текста можно в этом сомневаться. Сомнения эти тем более основательны, что в источниках встречаются рассказы, где словом «суюргал» прямо обозначается пожалование ценных вещей. Так, Низамуддин Шами, рассказывая о прибытии к Тимору во время его похода на Индию Шейха Нураддина, бывшего даругой в Фарсе и привезшего с собой множество разнообразных даров в виде убитых на охоте животных, оружия, боевых лошадей, верблюдов, почетной одежды, драгоценных камней и пр., специально отмечает, что Тимур «из тех даров пожаловал суюргалы» случившимся в это время при нем послам от китайских монголов и Золотой Орды³⁶. Здесь, безусловно, суюргал никакого отношения не имеет к земельно-территориальному пожалованию. Следует еще отметить, что источник, откуда

³³ Šāmi. P. 135.

³⁴ Continuation du Zafarnāma de Nizāmuddin Šāmi par Hāfiz-i Abrū / Éd. d'après les manuscrits de Stamboul par F. Tauer // Archiv Orientální. Vol. VI/3. Praha, 1934. P. 443. Не разбирая подробно здесь вопроса о термине «джилдун», обозначающего также пожалование за проявленную храбрость, следует отметить, что впоследствии и этим термином в Средней Азии стали обозначать пожалование земель.

³⁵ Ibid. P. 445. Цитирую по первоначальной редакции; в другой редакции сказано более обще: «ба хал'ат ва ин'ом ва таширф ва икром».

³⁶ См.: Šāmi. P. 172.

Низамаддин заимствовал свой рассказ, — Гиясаддин — в данном случае слово «суюргал» не применяет³⁷.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно сделать следующий вывод. К концу правления Тимура в Иране и Средней Азии пожалования под титулом «суюргал» получили весьма широкое распространение. Хотя в подавляющем большинстве случаев объектом пожалования являются тех или иных размеров территориальные единицы, тем не менее термином «суюргал» могло обозначаться и пожалование просто ценных предметов, что свидетельствует об определенной неустойчивости в применении этого термина.

Каков же был статут суюргальных пожалований в период правления Тимура? К сожалению, на этот вопрос в полной мере ответить трудно. Лишь некоторые общие очертания этого института могут быть выяснены на основании наших источников. При Тимуре в качестве суюргала передавались преимущественно или отдельные деревни, или же целые районы. Будучи наградой за те или иные заслуги — главным образом военные, — такой суюргал не обуславливался обязательной службой со стороны пожалованного лица. Наследственное пожалование специально, видимо, отмечалось в дипломах. Об этом говорят приведенные выше случаи пожалования «вечного суюргала».

Хотя и в остальных случаях пожалований прямо не говорится относительно временного характера суюргала, тем не менее эти пожалования, по-видимому, нуждались в постоянных (погодových) подтвердительных дипломах. Так, Абдаррезак, отмечая в качестве одного из характерных моментов деятельности Тимура практику раздачи различных видов пожалования, в том числе и суюргалов, пишет, что он одновременно «лично (*ба-худ*) проверял и осведомлялся о них, и после осведомления издавался приказ о возврате или оставлении их (за владельцами), а для всех суюргалов требовал ежегодно (получения) из дивана нового указа (*хукм-и-муджаддад*), за исключением тех, что были (навечно) за ним (владельцем) закреплены (*магар он ки бар-у мукайад буди*)»³⁸.

* * *

В царствование Шахруха (1405–1447) происходит дальнейшее развитие института суюргала, который приобретает уже чрезвычайно крупное значение во всей системе феодальных отношений. В соответствии с этим в исторических сочинениях этого времени мы встречаем довольно часто упоминания о нем, что позволяет установить основные контуры его содержания. Так, первые упоминания о суюргале относятся к тем годам правления Шахруха, когда он еще не был общепризнанным главой империи. Уже в 1405–1406 г. (808 г. х.), когда борьба за престол между отдельными потомками великого завоевателя была в самом разгаре, мы находим у Абдаррезака рассказ о таком пожаловании. Лицом, получившим этот суюргал, был влиятельный военачальник эмир Сулейман-шах,

³⁷ Дневник похода Тимура в Индию Гияс-ад-дина Али / Изд. Л. А. Зимина под ред. В. В. Бартольда. Петроград, 1915 (Тексты по истории Средней Азии. Вып. 1). С. 57.

³⁸ Абдаррезак. Л. 18-а.

которому был пожалован Шахрухом один из богатых районов Хорасана — Серахский вилайет³⁹. От имени Шахруха же немного позже, в 1407–1408 г. (810 г. х.), в качестве суюргала Дамганский вилайет получил сейид Изаддин Хазарджериский⁴⁰. В том же году округ Андхуд — также в качестве суюргала (ба расм-и-суюргал) — был пожалован эмиру Сейид Ахмед-тархану, брату жены Шахруха, известной Гаухаршад-Ака⁴¹.

В борьбе за укрепление власти Шахруха наиболее крупную роль сыграл один из виднейших военачальников Тимура — эмир Шах-Мелик. В частности, области Хорезма были присоединены к владениям Шахруха в результате похода под начальством Шах-Мелика в 1413 г.⁴² В награду за его заслуги ему и был пожалован Хорезм в качестве суюргала. Рассказ об этом приведен у Абдарреззак несколько позже, под 1426–1427 г. (829 г. х.). В связи со смертью Шах-Мелика и передачей его владений сыну наш автор попутно рассказывает и о пожаловании Шах-Мелика суюргалами и Тимуром.

«Милости его величества (Тимура), — пишет Абдарреззак, — по отношению к нему были так велики, что он изволил (однажды) изречь: “Из каждой завоеванной области любая избранная им деревня да будет его суюргалом”. И в течение всей жизни он продолжал беспрерывно получать суюргалы. Он оставил множество благотворительных заведений — медресе, ханака, мечетей, рабатов, водоемов — и завещал им в вакф хорошие амляки (земельные участки) и превосходные доходные статьи... А его величество хакан счастливый (Шахрух) был к нему столь милостив, что область Хорезма целиком⁴³ сделал его суюргалом. И он в той стране установил превосходные порядки»⁴⁴.

Время и условия, при которых раздавались эти суюргалы, объясняют и цели, преследовавшиеся раздачей областей в суюргал. Шахрух явно имел в виду привлечение на свою сторону влиятельных военачальников: такие пожалования, безусловно, были гораздо более притягательны чем, допустим, те щедрые раздачи казны, которые практиковал Халиль-Султан в Самарканде. Характерно, что к этому же методу привлечения сторонников стали прибегать и противники Шахруха. Так, о Кара-Юсуфе Кара Куюнлу, после смерти Тимура возобновившем борьбу за восстановление своей власти на западе Ирана, сообщается следующее: «Эмир Кара-Юсуф... каждого, кто становился его другом, крайне (большим) суюргалом отличал от равных ему». Некому Баба-Хаджи Каварди Кара-Юсуф в качестве суюргала (*ба расм-и-суюргал*) пожаловал крепость Ковард со всей прилегающей округой и еще 600 деревень и земельных участков (*карья ва мазра'а*)⁴⁵.

³⁹ Там же. Л. 169-в.

⁴⁰ Там же. Л. 176-в.

⁴¹ Там же.

⁴² Бартольд В. В. Улугбек... С. 73.

⁴³ В тексте употреблено выражение «дар-баста», которое в словарях переводится «целиком», «полностью». Однако следует отметить, что начиная с конца XV в. выражение это приобрело значение определенного термина, обозначавшего одну из форм феодально-ленных владений. Не применено ли оно уже здесь в этом значении?

⁴⁴ Абдарреззак. Л. 232-в.

⁴⁵ Раузат ас-сафа. Литогр. изд. Бомбей, 1854. Кн. VI. С. 218.

В первые же годы своего правления, в качестве главы всего государства, Шахрух пытался привлечь на свою сторону часть из своих родственников, главным образом племянников. Это получило отражение и в практике суюргальных пожалований. Из таких пожалований отмечу следующие. В 1409 г. (812 г. х.) Шахрух по возвращении из Самарканда назначил область Хисар в суюргал Мухаммед Джихангиру, сыну Мухаммед Султана, которого Тимур предназначал в качестве наследника своего престола⁴⁶. Тогда же Ахмеду, сыну Омар-Шейха, Шахрух в суюргал пожаловал Фергану с главным городом Узгендом⁴⁷. Под 817 г. Абдарреззак рассказывает о пожаловании в суюргал брату Ахмеда Мухаммеду Байкаре обширных областей на западе Ирана — Хамадан вместе с прилегающими крепостями и Луристан⁴⁸. Из другого сообщения того же автора мы узнаем, что Кум был также на правах суюргала у Джихангира Саад-Ваккаса, брата упомянутого Мухаммеда⁴⁹.

Однако судьба этой категории суюргалов была в достаточной мере эфемерной. Вскоре же начинается их систематическая ликвидация. Шахрух заменяет своих племянников собственными сыновьями. Для нас это обстоятельство представляет особый интерес в том смысле, что источники, как правило, применяют к владениям, полученным последними, тот же термин — «суюргал». Больше того, с распространением этого термина на владения царевичей источники перестают упоминать (для времени правления Шахруха) о пожалованиях суюргалов другим представителям господствующего класса и под суюргалом начинают, по-видимому, понимать по преимуществу удел — владение царевича.

Первым таким пожалованием Шахруха в пользу собственного сына Шахруха явилась передача в суюргал Ибрагим-султану областей Фарса, которые в 1414–1415 г. (817 г. х.) были в результате военной экспедиции отобраны у Искандера, сына Омар-Шейха⁵⁰, владевшего этой областью с 1409–1410 г. Такая же участь постигла через 4 года и Кайду, сына Пир-Мухаммеда, владевшего от имени Шахруха также начиная с 1409–1410 г., обширнейшими областями Восточного и Южного Афганистана — Кабулом, Газной, Кандагаром и др. В 1418–1419 г. его обвинили в попытке объявить себя независимым (он будто бы предлагал вассальным владетелям Дели провозгласить хутбу и чеканить монету от его имени), и он был лишен своих владений, которые также в качестве суюргала (*ба расм-и-суюргал*) были переданы Суюргатмышу, другому сыну Шахруха⁵¹.

Под тем же годом Абдарреззак сообщает, что вышеупомянутый Саад-Ваккас «без причины» оставил свой суюргал и бежал в Азербайджан⁵². Владения же его вместе с другими областями Ирака, как видно из позднейших сообщений, были переданы в суюргал Мухаммеду Джуки, также сыну Шахруха.

⁴⁶ Абдарреззак. Л. 182-в.

⁴⁷ Ср.: Бартольд В. В. Улугбек... С. 65.

⁴⁸ Абдарреззак. Л. 201-а.

⁴⁹ Там же. Л. 210-в.

⁵⁰ Там же. Л. 211-в.

⁵¹ Там же. Л. 210-в.

⁵² Там же.

В свою очередь, Улугбек в результате военных действий изгнал из Ферганы Ахмеда, который бежал в Герат к Шахруху. Хотя он и был сперва принят милостиво последним, однако практических результатов он здесь так и не добился. Вскоре он вынужден был отправиться в хадж, откуда и не вернулся⁵³.

Наряду с областями, отобранными у родичей, Шахрух раздает в суюргал своим сыновьям и ряд других крупных областей государства. В самом центре своих владений — в Хорасане — он выделяет крупнейший район, включавший вилайеты Тус, Мешхед, Абиверд, Ниса, Байлякан, Джармаган, Хабушан, Астрабад и Кабуджама, в качестве суюргала знаменитому своему сыну Байсанкуру⁵⁴. Таким образом, если к этому добавить владения Улугбека, то окажется, что почти вся территория государства Шахруха оказалась разделенной на крупнейшие суюргальные владения — уделы между сыновьями Шахруха.

Вышеприведенные данные источников, таким образом, рисуют в достаточной мере наглядно внешнюю сторону развития суюргала при Шахрухе. С одной стороны, складываются суюргальные владения военачальников в виде отдельных вилайетов, а с другой стороны, суюргалы жалуются в качестве уделов членам семьи Шахруха.

Относительно юридического статута суюргальных владений при Шахрухе данных дошло мало. Прежде всего, можно установить, что суюргал, безусловно, рассматривается как владение наследственное. В случае смерти лица, получившего суюргал, последний переходит к сыну. Выше приводился рассказ о передаче Хорезма сыну Шах-Мелика. Об округе Радкане, бывшем суюргалом эмира Шейх-Али-бехадура, Фасихи рассказывает, что он перешел сперва к сыну этого эмира, а затем — к его внуку⁵⁵.

Обладатель суюргала прежде всего получал право на сбор доходов с области в свою пользу и своими средствами. Так, Абдарреззак в рассказе о передаче мирзе Мухаммеду Джехангиру Хисарского вилайета прибавляет: «и сбор доходов с того вилайета передал его наibaм»⁵⁶. Этим самым в условиях феодальной системы управления того времени в руки обладателя суюргала переходила и вся полнота административной власти. Иногда и самое пожалование формулируется как передача управления. Так, относительно суюргала Султан Мухаммеда Байкары, сына Омар-Шейха, говорится, что «управление (*айялят*) вилайета Хамадана и крепостей Варджирда и Нихавенда и всего Луристана сделал его суюргалом»⁵⁷. Любопытно отметить, что позднейшие историки делают попытку разграничить эти два понятия: отдачу области в суюргал и передачу управления областью. Так, Мирхонд, передавая только что приведенное сообщение Абдарреззака о суюргале Султан Мухаммеда Байкары, формулирует его следующим образом: «Его величество... обратив взгляд милости и заботы в сторону мирзы Баккары, управление (*хукумат*) вилайетом Хамадана, крепостями

⁵³ Бартольд В. В. Улугбек... С. 74.

⁵⁴ Муджмил-и-Фасихи. Рукопись Института востоковедения АН СССР В 709. Л. 405; ср.: Абдарреззак. Л. 202-а.

⁵⁵ Муджмил-и-Фасихи. Л. 725-а.

⁵⁶ Абдарреззак. Л. 182-в.

⁵⁷ Там же. Л. 201-а.

Варджирд и Нихавенда и всем Луристаном тому господину пожаловал, а всю страну (*маджму'и-мамлякат*) в суюргал ему отдал»⁵⁸.

Обычно свои сообщения о разделе подобных суюргалов Абдарреззак сопровождает рассказами об «отечественных наставлениях», которые при этом делал Шахрух. По-видимому, в них в той или иной мере отражено содержание соответствующих дипломов. Не останавливаясь на общих моментах в наставлениях, отмечу рекомендацию «не вносить изменения в налоговую систему». Так, при пожаловании Хисара Мухаммеду Джехангиру, Шахрух, со слов Абдарреззака, «врата отечественных наставлений открыв, приказал, чтобы... (Мухаммед Джехангир) сборщикам налогов велел блюсти равенство между подданными, не пренебрегать интересами слабых ради благоденствия сильных и не позволял им уклоняться от правил обычных и законов известных и не вводил новых поборов (*русум-и-мухаддас*)»⁵⁹.

Насколько можно судить, это — единственное ограничение в статуте суюргала. Понятно, что на практике даже с этим ограничением не всегда считались, надо отметить, что, как мы увидим ниже, при Шахрухе нарушения этого ограничения наказывались, даже если нарушителем являлся сын самого Шахруха.

Что касается суюргальных владений царевичей — уделов сыновей Шахруха, — то при нем и эти владения рассматривались как наследственные уделы. Так, Ибрагим-султану в Фарсе наследовал его сын Абдулла⁶⁰. После смерти Суюргатмыша его обширный удел был передан его «истинному преемнику», т. е. старшему сыну мирзе Султан-Мас'уду⁶¹.

То же самое было и после смерти Байсанкура. Источник наш по этому поводу рассказывает следующее: «Его величество приказал, чтобы наследство царевича (Байсанкура) разделили между наследниками, согласно с повелениями аллаха... области, бывшие суюргалом мирзы Байсанкура, пожаловать его старшему сыну мирзе Аллааддауля... а мирзе Султан Мухаммеду и мирзе Абуль Касым Бабуру назначить кормление (*алюфа*)»⁶². В Мавераннахре Улугбеку фактически наследовал также его старший сын Абдаллятиф, хотя для осуществления своего права ему пришлось обогреть свои руки кровью отца.

Объем власти царевичей в их уделах был весьма велик. В. В. Бартольд в «Улугбеке...»⁶³ рассмотрел этот вопрос в разрезе взаимоотношений центрального правительства в Герате с Улугбеком. По мнению В. Бартольда, при Улугбеке Мавераннахр фактически был как в административном, так и в финансовом отношении почти полностью независимым от гератского правительства. Царевичи и в других владениях обладали значительной самостоятельностью. Так, в очень интересном сообщении Абдарреззака о передаче Байсанкуру в суюргал Хорасана приводится копия диплома, из которого явствует, что при царевиче были образованы диван с визирем и эмирами, была свита из ученых, поэтов, выдающихся людей. Всем

⁵⁸ Раузат ас-сафа. Кн. VI. С. 217.

⁵⁹ Абдарреззак. Л. 182-в.

⁶⁰ Бартольд В. В. Улугбек... С. 129.

⁶¹ Абдарреззак. Л. 233-а.

⁶² Раузат ас-сафа. Кн. VI. С. 244.

⁶³ Бартольд В. В. Улугбек... С. 70 и др.

чинам государства, знати и населению предлагается считать царевича «падишахом и повелителем своим... всю область подчиняющейся его приказу». Взымание налогов передается в распоряжение его наивов и чиновников.

Но наряду с этим мы имеем и сообщения, говорящие об ограничениях власти владетелей уделов; при них находились поставленные центральным правительством чиновники, ответственные перед Гератом; финансовая автономия была также далеко неполной: часть доходов должна была вноситься в виде ежегодных взносов в общегосударственную казну. Нерадение и своеволие царевичей в своих уделах могло даже повлечь за собой лишение суюргала в целом или части его. В этом отношении большой интерес представляет рассказ Абдаррезака о положении в Фарсе, одном из главных уделов государства. Из всего рассказа, изобилующего, кстати, чрезвычайно любопытными деталями, приведу лишь места, относящиеся к положению Фарса как суюргального владения. При царевиче в Фарсе находился в качестве управителя некий шейх Абуль-Хайр, которому, собственно, весь рассказ и посвящен. Вот что пишет Абдаррезака: «Знать и эмиры Фарса посылали челобитные к опорам государства, извещая их о том, что все подданные от зла (причиненного) Абуль-Хайрем дошли до крайнего предела (терпения) и нож подступил к самой кости, и что мирза Султан-Абдулла, чим суюргалом была эта страна, не может распоряжаться и единым динаром. А шейх Абуль-Хайр не допускает ни падишаха, ни эмиров ни до каких дел, касающихся власти и доходов. Его величество хакан-счастливый (Шахрух), услышав об этом, тут же повелел сместить шейха Абуль-Хайра, а эмира Сейиди, который был одним из самых известных эмиров, назначил на управление этой областью». Этот последний, по словам Абдаррезака, был человеком крутых мер и правил так же полновластно, но вскоре умер. Вслед за тем из Герата же был назначен ходжа Муиззадин Мелик Симнани. Что касается шейха Абуль-Хайра, то он внешне как будто примирился со своим смещением и даже оказывал разные услуги новому правителю. Однако втайне он принимал меры для восстановления своей власти. Благодаря богатым подаркам ему удалось привлечь на свою сторону влиятельных сановников из придворных кругов в Герате. Их стараниями он был вызван в столицу, где он новыми подарками, от которых «разум мудрецов пришел бы в удивление», по словам нашего автора, «так обработал вельмож государства и сановников его величества, что все они в один голос доложили: “Пребывание шейх Абуль-Хайра в Фарсе крайне важно; лишь он может упорядочить дела островов, Хувейзы, Шуштара и вилайетов Хузистана, Багдада и других областей и что для ведения дел дивана он (единственно) подходящий человек. Налоги Фарса он готов взять в откуп (иджорат) за 1000 туманов”. Его величество речи эмиров одобрил и власть над доходами и (управление) областью передал в руки его (Абуль Хейра) могущества»⁶⁴.

В отдельных случаях суюргальные владения у царевичей сокращались. Так, например, было с мирза Мухаммед-Султаном (Мухаммед Джукки), сыном Шахруха. Под 1443–1444 г. (847 г. х.) у Абдаррезака мы встречаем следующий рассказ: «В это время до слуха августейшего дошло, что мирза Мухаммед-Султан,

⁶⁴ Абдаррезака. Л. 255-в сл.

суюргалом которого были отдельные области Ирана, простер руки насилия и население испытывает страдания от (притеснений) его чиновников, не довольствуясь установленными налогами, он взыскивает больше обычного. Его величество приказал, чтобы Султану и Казвин оставить в качестве его суюргала, а в остальные местности он не вступал бы. И ходжа Шемсадин Мухаммед Бахри был назначен правителем областей, отобранных у царевича»⁶⁵.

Аналогичные сообщения имеются и в отношении других царевичей. Таким образом, в распоряжении Шахруха, безусловно, находились средства для действительного контроля над суюргальными владениями как своих сыновей, так и военачальников. Однако именно в практике суюргальных раздач следует видеть одну из важнейших предпосылок, приведших к смуте в государстве Шахруха, вспыхнувшей после его смерти. Тем не менее и в дальнейшей истории отдельных владений Тимуридов суюргал продолжает занимать весьма существенное место. В этом отношении нельзя не отметить время правления Абуль-Касыма Бабура, при котором снова на первом месте выступают суюргальные пожалования представителям военной верхушки господствующего класса.

Придя к власти с помощью ряда присоединившихся к нему военачальников, Абуль-Касым Бабур щедро награждает последних суюргалами. Так, после похода на Самарканд в 1454–1455 г. (858 г. х.), согласно Абдарреззаку, Абуль-Касым Бабур роздал в суюргал военачальникам следующие вилайеты: Балх был отдан эмиру Хусмаддину Шир-Хаджи; вилайеты Сон и Чарак были пожалованы эмиру Али Фарису из рода Барлас; вилайет Аидхунд получили два брата: эмиры Зулнун и Ахмед Мушток; вилайет Шапурган стал суюргалом эмира Баба-Ку-кельташа; Кундуз и Баклан были отданы эмиру Пир-Султану. «И таким образом, — заканчивает наш автор, — каждый вилайет и окраину (*нахийат*) он (Абуль-Касым Бабур) пожаловал эмиру или сердару (предводителю)»⁶⁶. Принявшая в это время широкие размеры раздача суюргалов военно-феодальным элементам сопровождалась усилением политической роли последних. Сам Абуль-Касым Бабур очень мало занимался государственными делами, если не считать военных походов и строительной деятельности. Как видно даже из лыстивой придворной хроники Абдарреззака, вся полнота власти при нем фактически перешла в руки эмиров⁶⁷. Это политическое преобладание военно-феодальной верхушки должно было отразиться и на характере суюргала, ставшего экономической основой их могущества.

Характерным в этом отношении является чрезвычайно ревнивое отношение держателей суюргалов к своим владениям. Любопытен следующий рассказ Абдарреззака, приведенный под 1456–1457 г. (801 г. х.): «В это время между эмиром Мухаммедом Худадодом и эмиром Хасаном Шейх-Тимуром, суюргалы которых были смежны, вспыхнула ссора из-за ничтожного участка земли». В результате оба они отправились в Мешхед с челобитиями — сперва в диван, а затем и к самому Абуль-Касыму. Ссора настолько разгорелась, что они проявили

⁶⁵ Там же. Л. 260-в.

⁶⁶ Абдарреззак. Л. 300-в.; ср.: Раузат ас-сафа. Кн. VI. С. 272.

⁶⁷ Абдарреззак. Л. 289-а, 305-в.

дерзость в присутствии самого султана, и последний, выведенный из терпения, одного из них во время приема избил палкой⁶⁸.

Общее усиление и расширение прав суюргалодержателей из военного сословия является характерным и для последующего времени.

Изданный В. Ф. Минорским замечательный суюргалный диплом конца XV в. (1498 г.) из Западного Ирана рисует суюргалодержателя почти независимым наследственным владетелем, обладателем всей полноты власти над находящейся в его ведении областью, при этом без всяких твердо фиксируемых обязательств⁶⁹.

Нет оснований сомневаться в том, что и в тимуровских государствах военно-феодалные суюргалодержатели добились такой же полноты владения. Однако здесь наряду с суюргалами — владениями военачальников — начиная с 70-х гг. (судя по первым сведениям хроник) складывается и другой тип суюргалов, владельцами которых выступают как представители гражданской администрации, так по преимуществу и представители духовенства и связанных с ними групп господствующего класса. Первые раздачи таких суюргалов связаны с именем Султана-Хусейна, последнего из Тимуридов — правителей Герата.

Вот что пишет Хондемир об этом: «А в отношении заботы о великих сейидах и ученых ислама, знаменитых людях своего времени и поэтах красноречивых, он никогда не проявлял нерадения и не делал упущений. Что же касается (удовлетворении) их просьб и раздач суюргалов и (других) милостей этому классу предводителей религии, (то он) принимал соответствующие решения»⁷⁰. У Хондемира же мы находим и конкретные рассказы о подобных раздачах суюргалов.

Перечисляя знаменитых людей царствования Султан-Хусейна, он упоминает, между прочим, о сейиде Асильаддине Абдаллахе ал-Хусейни, переселившемся из Шираза в Герат, — авторе нескольких книг и трактатов по религиозным вопросам и проповеднике в одной из соборных мечетей города. После его смерти в 1476–1477 г. (881 г. х.) «Хакан победоносный обратился с утешениями к его потомкам и суюргалы покойного сейида им пожаловал»⁷¹.

Аналогичное сообщение мы находим у того же автора и в отношении другого лица, именно казия Нураддина ал-Имами. После кончины последнего в 1486 г. (891 г. х.) его детям были переданы «суюргалы и обеленные владения» (*суюргалат ва ма'афийат*) их отца⁷².

У нас имеется возможность установить статут этой категории суюргалов. В этом отношении мы находимся в достаточно благоприятном положении. Дело в том, что от этого времени до нас дошел ряд образцов современных суюргалных документов, сохранившихся в сборниках «инша»⁷³ и зачастую представляющих собою копии действительно выданных документов. Из таких сборников мною

⁶⁸ Там же. Л. 304-в.

⁶⁹ См.: Minorsky V. A *Soyürghäl...*

⁷⁰ Раузат ас-сафа. Кн. VII. С. 3.

⁷¹ Там же. С. 86.

⁷² Там же. С. 87.

⁷³ «Инша», собственно, обозначает искусство составления официальных документов. В средние века искусство это высоко ценилось. Составлялись документы в крайне высокопарном стиле, и лучшие, по мнению современников, образцы становились предметом подражания.

привлечены: 1) «Тарассуль-аль-Мерварид», содержащий копии с разнообразных документов, написанных Абдаллахом аль-Мервариди, известным секретарем султана Хусейна⁷⁴; 2) анонимный рукописный сборник образцов разнообразных документов без названия, вывезенный В. В. Бартольдом из Средней Азии⁷⁵. Хотя последний сборник составлен в середине XVI в., однако, как нетрудно установить, он содержит в большом количестве копии документов XV в. В частности, составитель включил в него ряд документов из сборника Мервариди и из двух сборников, составленных на рубеже XV и XVI вв., а именно «Бадайи'-уль-инша» Мунши-Юсуфи и «Нома-йи-номи» Хондемира.

Сюда же следует отнести и суюргальный документ, включенный в мемуары Васифи⁷⁶.

Не останавливаясь на разборе отдельных документов, что должно стать предметом особой работы, попытаюсь дать суммарные очертания статута суюргалов духовенства, чиновничества и других представителей землевладельческих классов общества.

Категории лиц, получавших суюргалы, были в достаточной мере разнообразны. Здесь мы находим шейх-уль-ислама⁷⁷, шейха дервишского скита⁷⁸, казия⁷⁹, сейида⁸⁰, мухтасиба⁸¹, мунши⁸², арбоба⁸³, «ученого (?) обладателя совершенств»⁸⁴. Суюргал был дан и просто какому-то Хасану Джами⁸⁵ ввиду «его приверженности к исламу и державе» и, наконец, придворному музыканту⁸⁶.

Объектами пожалования являются прежде всего земельные участки точно определенных размеров. Так, в суюргал даются участки размером в 15 парных тяг⁸⁷, в 6 парных тяг⁸⁸, в 500 джерибов⁸⁹, в 300 джерибов⁹⁰, в 120 джерибов⁹¹, в 200 танапов⁹² и т. п. Эти участки могли представлять собой земли культурные, засеваемые — мазру⁹³, сады⁹⁴, но одновременно и земли-пустоши

⁷⁴ Списки этого сборника имеются во многих рукописных собраниях. Автор пользовался рукописью Института востоковедения АН СССР. Л. 333 (далее — Тарассуль).

⁷⁵ Рукопись Института востоковедения АН СССР А 210 (далее — Рукопись Бартольда).

⁷⁶ Васифи. Бадайи'-уль-вакойи'. Рукопись Института востоковедения АН СССР В 652. Л. 516-в.

⁷⁷ Рукопись Бартольда. Л. 32-в.

⁷⁸ Там же. Л. 80-а.

⁷⁹ Там же. Л. 34-а.

⁸⁰ Там же. Л. 177-а.

⁸¹ Там же. Л. 38-в.

⁸² Там же. Л. 36-в.

⁸³ Там же. Л. 35-а.

⁸⁴ Там же. Л. 175-а.

⁸⁵ Там же. Л. 36-в.

⁸⁶ Тарассуль. Л. 79-а.

⁸⁷ Рукопись Бартольда. Л. 36-в.

⁸⁸ Там же. Л. 80-а.

⁸⁹ Там же. Л. 176-а. Джериб равен приблизительно $\frac{1}{4}$ га (около 2400 м²).

⁹⁰ Там же. Л. 38-в.

⁹¹ Тарассуль. Л. 48-в.

⁹² Бадайи аль-Инша. Рукопись Государственной публичной библиотеки Узбекской ССР № 286. Л. 106-в.

⁹³ Рукопись Бартольда. Л. 32-в.

⁹⁴ Там же. Л. 36-в.

(бойис)⁹⁵, пригодные к возделыванию (с имеющейся оросительной системой)⁹⁶. Объектами суюргального пожалования могли быть и земли, известные под названием «харим»⁹⁷, — запретные, заповедные, обычно находившиеся в общественном пользовании. Этот термин (харим) прилагается, между прочим, к дорогам, к берегам арыков. Однако земли харим называются также и мамляке⁹⁸, т. е. государственными; во всяком случае, государство захватывает право распоряжаться этими участками.

Вместе с земельным участком в суюргал давалась и вода, орошавшая данный земельный участок⁹⁹. В качестве суюргала отдавались и целые деревни¹⁰⁰. Интересно отметить, что деревни эти обычно отдавались выходцу из данной же деревни, тем или иным путем заслужившему пожалование. Примером является упоминавшееся пожалование в суюргал деревни (придворному) музыканту.

В суюргал обычно передавался вполне определенный участок земли, местонахождение которого точно указывалось. Тем более любопытно отметить, что в одном случае в суюргал было передано хотя и определенное количество земли, но выбор участка был предоставлен усмотрению жалующего лица¹⁰¹.

В виде исключения в суюргал давались и копи, но, видимо, те, которые в момент пожалования не эксплуатировались¹⁰².

Объем прав и привилегий, предоставлявшихся суюргаловладельцам всей рассматриваемой группы, в общем одинаков. Однако формулировка их в наших документах зависит как от объекта пожалования, так и от общественного положения его получателя. Диплом шейхуль-ислама, конечно, составлялся в гораздо более выпретенных выражениях и значительно подробней чем, положим, диплом музыканта. Общим для всех видов суюргала является отказ государственной власти в пользу получателя суюргала от тех доходов, что прежде шли в казну. В дипломах это выражается обычно или путем перечисления налогов и повинностей, от которых государство отказывается, или просто стандартной формулой обеления, в которой говорилось, что данный участок земли становится «неподлежащим обложению, находящимся в беспорном владении и изъятым из записей» (*ма' аф, мусаллам, ва марфу' уль-калам*).

В большинстве суюргальных дипломов так или иначе подчеркивается бессрочность пожалования, наследственный его характер. Бессрочность выражается весьма разнообразно, чаще всего формулой «хувад-бари», которую В. Ф. Минорский читает «хува-абади» («он вечен»)¹⁰³. Однако, видимо, гипотетическая

⁹⁵ Там же. Л. 176-а.

⁹⁶ Там же. Л. 176-а (замин-и-бойис-и-обдор).

⁹⁷ Там же. Л. 34-в.

⁹⁸ Там же. Л. 34-в.

⁹⁹ Там же. Л. 80-а.

¹⁰⁰ Там же. Л. 177-а.

¹⁰¹ Там же. Л. 36-в.

¹⁰² *Васифи*. Л. 516-в; ср.: *Болдырев А. Н.* Мемуары Зайн-ад-дина Вусифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV–XVI веков // ТОВЭ. Т. II. 1940. С. 268.

¹⁰³ Тарассуль. Л. 79-а; Рукопись Бартольда. Л. 36-в; ср.: *Minorsky V. A Soyürghāl*... P. 933, 944, 960.

возможность отнятия суюргалов не была исключена. И поэтому в некоторых из дипломов специально отмечается, что если по какому-либо экстраординарному случаю будет издан указ о возврате суюргалов, то на данный суюргал не должен распространяться этот указ¹⁰⁴.

В большинстве суюргальных документов весьма выразительно устанавливаются иммунитетные права (налогового порядка) владельца суюргала. Вот что говорится в одном из наших документов о деревне, отданной в суюргал: «Ни одно создание не вправе что-либо требовать от (жителей!) упомянутой деревни. Путь в нее для хакимов, даруг, визирей и чиновников дивана, арбабов, калантаров... [и др. закрыт]»¹⁰⁵. Так же определенно иммунитет выражен в грамотах, относящихся к отдельным земельным участкам, которые, как предполагалось, будут обрабатываться зависимыми от владельца суюргала земледельцами. Так, в одной из грамот говорится: «Когда обмер будет произведен, то после этого чиновник, ведающий обмером (во владении хозяина суюргала), да не вступает и не подвергает притеснениям издольщиков и земледельцев (*мазори'он ва корандахо*) его суюргала»¹⁰⁶.

В принципе, пожалование суюргала являлось актом милости и благоволения со стороны главы государства по отношению к тому или иному лицу. Обычно грамота отмечает те или иные заслуги на том или ином поприще или достоинства получателя суюргала, наградой чему и являлся суюргал. В этом смысле суюргал являлся бенефицием, независимым от выполнения тех или иных функций. Однако одновременно можно отметить, что суюргал иногда являлся вознаграждением и за чисто служебную деятельность. Так, встречаются грамоты на имя мухтасиба, мунши, а в одном случае и казия, которые получили суюргалы одновременно с назначением их на соответствующие должности¹⁰⁷. Это сближает суюргалы с церковными бенефициями западноевропейского феодализма. Однако в отличие от них владение суюргалом не ограничивается временем состояния на службе. Суюргалы остаются в принципе в их «вечном пользовании».

Таковы в самых общих чертах наши сведения о суюргале интересующего нас времени. Они, на наш взгляд, являются достаточно убедительными для того, чтобы говорить о суюргале как о весьма важном институте феодального землевладения Средней Азии и Ирана, путь развития которого представляет и общий интерес для истории феодальных институтов на Востоке, до сих пор так слабо изученных в деталях. Приведенный материал одновременно затрагивает и целый ряд других проблем, рассмотрение которых, однако, выходит за пределы поставленной в этой статье задачи.

¹⁰⁴ Рукопись Бартольда. Л. 42-в.

¹⁰⁵ Там же. Л. 177-а. Конца фразы недостает, однако смысл ее не вызывает сомнения.

¹⁰⁶ Там же. Л. 32-в. Характерно, что эти категории названы «мута алякон» — слово, которое, безусловно, обозначало в это время юридически зависимых лиц.

¹⁰⁷ Там же. Л. 34-в.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ГЕРАТА XV в.¹

А. М. Беленицкий

Возникновение города Герата, как и его славного собрата Самарканда, теряется в глубине веков. Средневековая историческая традиция связывает его возникновение с именами мифических героев древности Ирана и в том числе с именем окруженного легендами Александра Македонского — великого строителя городов. Превосходная долина Герируда, на среднем течении которого расположен этот город, должна была обратить на себя внимание прославленного македонца, и поэтому не лишено достоверности предание, что и здесь им была заложена одна из многочисленных его Александрий. Как бы то ни было, Герат безусловно может быть отнесен к числу древнейших городов Переднего Востока.

Как и о многих других городах Ирана и Средней Азии, более или менее подробные сведения о Герате мы начинаем получать лишь в мусульманскую эпоху. Богатая средневековая литература этой эпохи сохранила немало сведений о структуре города, об исторических судьбах его, о жизни населения и т. д. К сожалению, весь этот материал до сих пор не собран воедино. как это сделано, например, для Самарканда В. В. Бартольд². Задача этой статьи — показать топографию Герата в конце XV в., ко времени жизни Алишера Навои, — исключает возможность заполнить этот пробел. Сведения относительно Герата до эпохи Тимуридов будут привлекаться поэтому лишь в отдельных случаях, при характеристике отдельных элементов городской топографии.

В отличие от Самарканда, который в эпоху монгольского владычества оставался без городских крепостных стен, Герат не знал периода их полного исчезновения. Монголы, почти поголовно истребив жителей, опустошили и разграбили Герат, ушли из него и как будто забыли о существовании этого города, считая его, как видно, совершенно вымершим. Однако в действительности дело было не так. Жизнь теплилась в городе. После страшной бойни, учиненной в 1220 г. монголами, небольшая горсточка людей, около 40 человек в основном ремесленников, которым удалось спасти жизнь, вернулась в город и, несмотря на страшные лишения,

¹ Первая публикация: Алишер Навои: Сборник статей. М.; Л., 1946. С. 176–202.

² См. краткие сведения о топографии Герата в кн.: Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903. С. 33–43.

не оставляла его в течение 15 лет. Рассказ о жизни этих людей в Герате, сохранившийся в наиболее полном виде у Исфизари³, является, быть может, одной из наиболее драматических повестей эпохи монгольского завоевания.

Монгольским ханом Угедеем (1229–1239) в Герат была возвращена значительная партия ремесленников-гератцев, в свое время уведенных в Монголию, после чего возрождение города пошло быстро вперед. Полностью восстановил свое былое значение Герат при Куртах — династии, бывшей в вассальной зависимости сперва непосредственно от великих монгольских ханов, а затем от ханов династии Хулагидов. При них Герат снова стал одним из крупнейших центров Хорасана. Больше того, Герат и его район оказались единственной областью Хорасана, сравнительно рано освободившейся от монгольского наместника и гарнизона.

Зависимость от монгольской власти в конце концов оказалась почти исключительно внешней, и попытки вмешательства в дела Герата хорасанских наместников, которым официально принадлежала высшая власть над владениями куртов, наталкивалась на успешное вооруженное сопротивление со стороны правителей Герата. Не в малой степени успех этот был обусловлен тем, что куртским правителям удалось восстановить и даже усилить городские укрепления Герата. Сообщение о восстановлении гератских укреплений мы находим у Исфизари. Вот что он пишет об этом: «А в 699/1298 г. он [Фахр-ад-дин Курт], укрепил башни, стены, ров и насыпь [вал] Герата. Стены обложил [слоем] глины, [замешанной] на соломе. Башни он поднял на четырнадцать газов (газ — мера длины, примерно равная размеру локтя), а между обоими валами (*фасиль*)⁴ вынул шесть газов земли, поднял насыпь (*хак-рез*). И город сильно был [этим] укреплен»⁵.

Из этого рассказа Исфизари вполне ясно вытекает, что речь идет только об укреплении городских стен, крупном ремонте и, следовательно, их направление по сравнению с домонгольским периодом не изменилось.

Городские стены Герата во время куртов, как видно, так же как и в X в., имели всего четверо ворот, названия которых таковы: ворота Фирузабада⁶, ворота Ансари⁷, ворота моста Инджиль⁸, ворота Хуш⁹.

Названия ворот Фирузабад и Хуш сохранились еще со времени арабского географа Истахри (X в.), который помещает их соответственно в южной и восточной стенах¹⁰. Следовательно, ворота Ансари и моста Инджиль должны быть помещены в западной и северной стенах крепости. Поскольку канал

³ Исфизари. *روضات الجنات في اوصاف مدينة الهراة*. Рукопись Института востоковедения АН СССР С 474. Л. 185-а.

⁴ Термин «фасиль» употребляется очень часто в источниках, однако точное его значение выяснить трудно: какой именно элемент городских укреплений кроется за ним, не всегда ясно. В данном случае как будто имеются в виду валы, которые тянулись, по всей вероятности, параллельно насыпи, на которой стояли стены.

⁵ Исфизари. Л. 128.

⁶ *Фасихи*. *مجلد قصیدی*. Рукопись Института востоковедения АН СССР В 709. Л. 322-а.

⁷ *Абдарреззак*. *مطلع السعدین*. Рукопись ЛГУ № 157. Л. 74-в.

⁸ Там же. Л. 75-а.

⁹ Исфизари. Л. 131.

¹⁰ BGA. Ps. I. 1870. P. 264, 265.

Инджил протекал с севера, следует полагать, что и ворота моста Инджиль находились именно в северной стене крепости. Таким образом, четвертые ворота Ансари находились в западной стене крепостного рва.

Очень важные изменения произошли в системе городских укреплений при другом куртском правителе — Му'изз-ад-дине (1330–1370). Правитель этот, ввиду угрозы со стороны эмира Мавераннахра-Казагана, в спешном порядке возвел добавочную стену, которая окружала город с двух сторон — с востока и с севера. По словам Исфизари, она тянулась от известной равнины Кахдастан до деревни Буй-и-мург¹¹.

Тот же автор в другом месте говорит, что она начиналась от моста Инджилля до ограды (*дербенд*) мазара (?) Шейх Харем и от края деревни (?) Мула-Сабан до моста Хаймадузон («мастеров палаток»). Общая протяженность ее равнялась фарсаху, т. е. 7,8 км¹².

Опираясь на эту стену, Му'изз-ад-дин в течение 40 дней сдерживал атаки среднеазиатских монголов, которые в конце концов вынуждены были заключить мир и уйти обратно за Амударью.

Впоследствии именно под этой второй стеной пришлось и Тимуру простоять довольно долгое время, прежде чем ему удалось овладеть ею¹³.

О постройке цитадели мы имеем лишь краткие сообщения Хафиз-и-Абру, который сообщает, что цитадель была построена у северной стены крепости меликом Фахр-ад-дином Куртом во время Газан-хана Хулагида (1295–1306). Стены цитадели были выложены из сырцового кирпича непосредственно на поверхности земли¹⁴.

Таковы сведения о системе укреплений Герата к моменту Тимуровского завоевания. Завоевание Герата Тимуром (1381) имело существенное значение и для судьбы всей системы городских укреплений города. Политика Тимура в отношении этого города определялась двумя противоположными соображениями политического характера. Как показали события, гератцы не были склонны выносить безропотно иго завоевателя и подняли восстание против оставленного Тимуром наместника. Но вместе с тем из всех городов Хорасана Герат в то время являлся наиболее подходящим центром управления этой области, и если первое соображение диктовало Тимуру необходимость уничтожения крепостных стен, то второе, наоборот, требовало их укрепления. Победило в основном первое соображение. Опасение восстания жителей, для которых стены представляли главный оплот, и определило политику Тимура.

Прежде всего им была разрушена вся внешняя стена Герата, построенная Му'изз-ад-дином¹⁵. Что касается главной крепостной стены, окружавшей город, то она, как видно, не была снесена целиком, но ворота были разрушены, при этом, как известно, одни из них — железные — были отправлены в Шахрисябз, на родину завоевателя.

¹¹ Исфизари. Л. 162.

¹² Там же. Л. 27-в.

¹³ Абдаррезак. Л. 74-в, д.

¹⁴ Хафиз-и-Абру. Рукопись Ленинградской Государственной Публичной библиотеки [без названия] № 290. Л. 153-в.

¹⁵ Исфизари. Л. 27-в.

Особенно наглядно вырисовываются соображения, руководившие Тимуром в его отношении к цитадели города. Последняя была, как видно, полностью пощажена. Абдарреззак сообщает, что Тимур, завоевав Герат, разрушил стены города, но цитадель (قلعه) передал доверенным лицам. Помимо того, как продолжает тот же автор, «после некоторого времени он приказал между цитаделью и крепостной стеной создать пространство (فاصله), дабы [городская стена] не могла служить для цитадели угрозой, [для чего] с восточной стороны 50 газов стены сровняли с землей»¹⁶.

Таким образом, обезопасив цитадель, Тимур в отношении городской стены ограничился уничтожением ворот и сносом части ее. В таком состоянии она оставалась до самой смерти Тимура.

Шахрух сразу же по своему воцарении (1405) занялся ремонтом стен. В 807/1405 г., согласно кратким сообщениям наших источников, по его повелению «стены, насыпи, ворота и бойницы (مقاتله) были настолько укреплены, что во много раз превосходили постройку предшествующих правителей»¹⁷. В 818 г. х. были предприняты крупные работы по укреплению главным образом цитадели. Как видно, после этого существенных перестроек гератских укреплений ни сам Шахрух, ни его преемники не предпринимали, и в этом состоянии они оставались до самого конца существования династии, служа весьма солидным оплотом не только для правителей, но и для населения в частых смутах второй половины XV в.

В отличие от самаркандских стен, о которых существуют лишь случайные заметки современных авторов, гератские укрепления XV в. описаны весьма точно современниками. Наиболее интересным является описание, оставленное Хафиз-и-Абру и Исфизари.

К сожалению, сочинение Хафиз-и-Абру, содержащее описание Герата в دستпуной рукописи, обладает дефектами, и его интересные данные, как видно, переписчиком извращены. Вследствие этого не всегда ясен смысл отдельных мест, в этом отношении более благополучно обстоит дело с сочинением Исфизари. Согласно последнему, укрепления (шахрбанд) состояли из двух рядов валов (фасиль), расстояние между которыми было равно 10 газам. Длина стен равнялась 7300 шагам — цифра, установленная по поручению автора его учениками. Ширина рва, который окружал стены, равнялась 20 газам¹⁸.

Согласно описанию Хафиз-и-Абру, ширина стен в прежнее время, когда они были заложены, была равна 60 газам, высота — 30 газам. Впоследствии насыпь (хак-рез) отделили от вала с бойницами (фасиль ва макатали). Каждая стена имела в длину 2000 с лишним газа. За стенами тянулся ров длиной в 1 фарсах¹⁹.

Городская стена после перестройки имела пять ворот — на одни ворота больше, чем в прежней крепости. Их названия были следующие: в северной

¹⁶ Абдарреззак. Л. 203-а. В тексте употреблен известный термин «сар-куб», обозначающий противокрепостную насыпь или возвышение, откуда удобно бомбардировать как стены, так и сам город.

¹⁷ Хафиз-и-Абру. Л. 152-в. Ср.: Фасихи. Л. 394-в; Абдарреззак. Л. 163-в.

¹⁸ Исфизари. Л. 27-а.

¹⁹ Хафиз-и-Абру. Л. 153-а.

стене двое ворот — ворота Мелик и ворота Кипчак. Последние находились вблизи восточного края стены. Ворота Мелик находились ближе к западному краю этой стены. Ворота западной стены назывались Иракскими, южной — Фирузабадскими, сохранив свое старое, название. Также сохранили свое прежнее название ворота восточной стены — Хуш²⁰. Хафиз-и-Абру приводит для ворот Мелика еще два названия, а именно Бараман и Майдан. Движение с северной стороны, с его слов, происходило именно через эти ворота, а не через Кипчакские²¹.

Как пишет Исфизари, самих дверей ворот в каждом проходе стены было, за исключением ворот Мелика, по три, в последних же было двое дверей, при этом все они были железными. Между отдельными воротами проход имел форму «шеи верблюда», у каждых ворот через ров был перекинут мост²². По крайней мере некоторые из этих мостов были подъемными, которые назывались специальными терминами — *пул-и-равон*. Такой мост был, например, у ворот Мелик²³. Боеспособность стен была усилена целой системой башен. По словам Исфизари, всего было 149 башен²⁴. Но автор не делает различия между крупными башнями и полубашенками, игравшими, главным образом, как видно, роль контрфорсов. Текст Хафиз-и-Абру, где говорится о башнях, не совсем ясен по вине переписчика. Вот что мы читаем у этого автора (в дословном переводе): «А между воротами до угла были поставлены башни. Над стенами²⁵ [выдаются] четыре башни на четырех устоях (*аркан*). Башни восточной стены, та которая [находится] на севере, называется башней Али-Асада, а та, которая на юге, — башней Харина, и [еще?] две башни называются башнями Али-Асада²⁶, и две башни, которые на западной стороне, [называются] башнями Баба-Ахмада. И та, которая на северной стороне, называется башней Шам'ониян²⁷, а та, что на южной, — башня Хакистар»²⁸.

Весьма интересные данные мы находим у тех же авторов и в отношении цитадели, какой она стала после ее перестройки Шахрухом. Цитадель была построена на том же месте, что и прежде, в северной части города, и была включена в черту городских стен. Площадь новой цитадели была расширена. В отличие от цитадели Куртов, построенной из сырцового кирпича прямо на земле, стены новой цитадели возвышались на насыпи, были сложены из камня и из жженого кирпича, скрепленных ганджем. Цитадель имела двое ворот: одни — в северной стене и другие — в южной²⁹.

²⁰ Исфизари. Л. 26-в. О названии последних ворот. BGA. Ps. I. P. 265.

²¹ Хафиз-и-Абру. Л. 153-а.

²² Там же. Л. 152-в.

²³ Абдарреззак. Л. 309-в

²⁴ Исфизари. Л. 26-в.

²⁵ В тексте: *بر روی دیوار*.

²⁶ Не ошибочное ли это повторение переписчика?

²⁷ Как видно, по ошибке переписчика у Абдарреззака (Л. 282-в) она названа *شوانین*.

²⁸ Хафиз-и-Абру. Л. 153. Название последней башни, имеющее значение «зола», со слов Исфизари, является искажением выражения *хак-бар-сар*, т. е. «покрытая землей», что, конечно же, более вразумительно (Исфизари. Л. 184-в.).

²⁹ Исфизари. Л. 26-в; ср.: Ferrier J. P. Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan, and Beloochistan; with Historical Notices of the Countries lying between Russia and India. 2nd ed. London, 1857. P. 170.

Сам Хафиз-и-Абру посвятил постройке цитадели стихотворение. Часть этого стихотворения была запечатлена в мозаичной надписи (*каши*)³⁰, на одном из углов крепости, где говорится о пяти башнях круглой формы в цитадели³¹.

Под 844 г. Фасихи сообщает о прокопке специального рва вокруг цитадели³².

Ж. П. Ферье, который застал цитадель Герата сохранившейся со времени Тимуридов, пишет о ней следующее: «Крепость (Герата) прямоугольная, имеет большие башни на углах и построена из жженого кирпича. Она стоит на искусственном холме, превышающем стены города, и окружена, как и внешние валы, большим и глубоким рвом, через который переброшен подъемный мост, поднимающийся по желанию»³³.

В условиях своего времени Герат являлся безусловно первоклассной крепостью, и тот, кто владел ею, мог считать себя в значительной мере хозяином Хорасана. В время частых междоусобиц второй половины XV в. Герату не раз приходилось видеть под своими стенами осаждающие армии. Зачастую дело обороны города брало в свои руки само население и тем самым громко заявляло о своих политических симпатиях или антипатиях. Крепостные стены в момент опасности давали убежище не только, горожанам, но и жителям пригородов и примыкающих к городу районов³⁴.

Значительный интерес представляет описание современных авторов организации обороны города в тимуридскую эпоху. Они дают наглядное представление о том, как использовались стены в то время. Один из рассказов Абдаррезака рисует приготовления к обороне Герата населением в 865–1461 г. против тогда мятежного мирзы (принца) Сул-тан-Хусейна, будущего государя Хорасана.

«Город, — рассказывает автор, — был настолько укреплен, что мысль овладеть им казалась фантазией. Ворота и башни были распределены [таким образом, что] при каждой башне [и воротах] был назначен имам махаллы, или староста (*калантар*) деревни, или пользующееся доверием лицо общины [или цеха] и на каждом из пунктов [ответственных] был поставлен кто-нибудь опытный и знающий [военное дело] из эмиров и [?] турок и даруг. А на стенах было приготовлено все, что необходимо для сражения, как-то: копыя, стрелы, кирпич и др. Над воротами же были сооружены домики в виде сундуков, которые были выдвинуты вперед на один-два газа от стены, в сундуки помещалось 5–6 человек воинов. Со всех сторон были проделаны [в сундуках] отверстия для пуска стрел, откуда и стреляли. Сундуки были так прилажены [на] бревнах, что при желании их можно было передвигать, а внизу сундука была прилажена доска так, что когда ее удаляли, каждого, кто оказывался под сундуком, можно было

³⁰ См.: Byron R. Timurid Monuments in Afghanistan // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград, сентябрь, 1935. М.; Л., 1939. P. 35.

³¹ Хафиз-и-Абру. Л. 153-в.; Абдаррезак. Л. 203-а.

³² В целом сообщение Фасихи гласит: «Начало проведения рва вокруг цитадели города Герата, вал и стены [были] 16 сафара (844–1442)». Здесь, как мне кажется, «вал и стена» попали по ошибке, так как, безусловно, стены цитадели и вал были возведены в 1415–1416 гг.

³³ Ferrier J. P. Caravan Journeys... P. 170; ср.: Абдаррезак. Л. 312-в.

³⁴ См.: Абдаррезак. Л. 348, где дано описание осады Герата.

видеть и все, что угодно, ему на голову бросать, а затем доску можно было вернуть на место»³⁵. Всякий раз, когда организация обороны проводилась заблаговременно, городские стены Герата оказывались недоступными для осаждающих.

Внутригородская топография

Приведенные выше данные относительно городских стен Герата позволяют утверждать, что городские стены при Тимуридах своего прежнего направления не изменяли, несмотря на перестройки, которым они подвергались. Это свое направление стены Герата сохранили и до последнего времени³⁶, и сам город остался на прежнем месте, занимая ту же площадь, как и прежде. Рост происходил в основном за счет пригородов.

Площадь, которую занимал Герат при Тимуридах, определяется благодаря обмеру, произведенному Исфизари. Диаметры города от ворот Мелика до Фирузабадских в одном направлении и от ворот Хуш до Иракских были равны по 1900 шагов, что дает площадь равную около 2,5 кв. км. Это приблизительно совпадает с данными, приводимыми «Британской энциклопедией», согласно которой площадь Герата равна 1600 × 1500 ярдов³⁷.

Общий план его, как видно из указанных данных, очень близок к квадрату, и это полностью подтверждается имеющимся у нас планом современного города. Что касается площади, занятой цитаделью, то мы имеем о ней лишь сообщение европейского путешественника второй половины XIX в., в котором сообщается, что внутренняя населенная часть ее имеет 110 ярдов в длину и 60 в ширину, т. е. около 5,5 тысяч кв. м³⁸.

Однако если в тимуридскую эпоху внешний план города не подвергается большим изменениям, то внутренняя планировка его стала совершенно иной. При этом, в подражание Тимуру, перепланировка города была проведена в очень четких линиях. Главные работы в этом направлении были проведены в 813/1411–12 г. Шахрухом, о котором один из источников прямо говорит, что он «набросал новый план перестройки города»³⁹. Так же как и в Самарканде, перепланировка сконцентрировалась вокруг коренной перестройки базарных рядов. Согласно Истахри, базары Герата в X в. находились у ворот⁴⁰ за городом. По всей вероятности, расположение базаров осталось и позже таковым. Лишь при вышеупомянутом мелике Фахр-ад-дине, строителе цитадели, был построен и базар у самого подножия последней, на территории

³⁵ Абдарреззак. Л. 326-в.

³⁶ В «Encyclopaedia Britannica» (13th ed. Cambridge, 1926. P. 1027, s. v. «Herat») говорится об «арк-и-нау», т. е. новой цитадели, находящейся у основания возвышения, на котором стоит цитадель Ихтияр-ад-дин и благодаря которой контур северной стены получил неправильную форму. Но это постройка самого позднего времени.

³⁷ Encyclopaedia Britannica. P. 1027.

³⁸ Yate Ch. E. Northern Afghanistan, or Letters from the Afghan Boundary Commission. Edinburgh; London, 1888. P. 26.

³⁹ Абдарреззак. Л. 203-в.

⁴⁰ BGA. Ps. I. P. 265.

города. Базар этот был известен под именем базара Мелика⁴¹. Согласно плану, выработанному при Шахрухе, прямые базарные улицы были проведены перпендикулярно друг к другу, через весь город, и пересекались в самом его центре, где был чарсу. Шли они с севера на юг от ворот Мелика к воротам Фирузабадским и с востока на запад от ворот Хуш к воротам Иракским. Постройка этих базаров была для современников столь примечательным фактом, что почти все историки Тимуридов так или иначе отмечают его. Хафиз-и-Абру даже приложил их план к своему сочинению, который, к сожалению, в нашей рукописи переписчиком не воспроизведен⁴². Кроме того, к месту перекрещивания указанных базарных улиц, к центру города, была проведена базарная улица от цитадели, где находился базар Мелика⁴³. Таким образом, мы можем восстановить основные магистрали города совершенно ясно. Делили они, прежде всего, весь город на четыре крупных района. При этом северо-восточный район, в свою очередь, был разбит базаром Мелика также на две части, более или менее одинаковые. Эти крупные районы города делились на более мелкие кварталы. Так же, как и в отношении Самарканда, источники XV в. в подавляющем большинстве для обозначения городского квартала применяют термин «ку» или «куй»⁴⁴. Из других названий внутригородской топографии встретилось только название «куча» («улица»). К сожалению, сохранилось очень мало названий кварталов и улиц. Частично, как видно, названия переходили от дотимуровского времени. Так, Фасихи в одной из своих кратких заметок о 737/1337 г. упоминает Куи-и-Дженабон («Квартал господ»)⁴⁵. Автор интереснейшей в бытовом отношении антологии начала XVI в. Васифи в одном из своих рассказов называет «Квартал чтецов Корана» и упоминает улицу этого квартала, которую называли Куча-йи-Шафтолу («Улица персиков»)⁴⁶.

Большой интерес представляет описание тем же автором одной специфической улицы — гератского Пикадилли, где были сосредоточены увеселительные заведения. Улица эта находилась где-то между Иракскими воротами и воротами Мелика. Рассказ идет от первого лица. «...[Так] бродил я по дороге, которая привела меня в Квартал увеселений, являющийся “подворьем приятного” для всего Хорасана и кабаком для города. Ни один из путешественников ни в одной из частей населенного мира не может назвать подобного этому места скопления веселья, и так я дошел до улицы, длина которой равна миле. По обеим сторонам стояли двухэтажные здания с дверьми и решетками [на улице] и с резными рамками, покрытыми золотом и лазурью. И из каждого дома доносились звуки барабана, флейты, литавр, скрипки, бербета, бубена

⁴¹ Исфизари. Л. 128-в.

⁴² Хафиз-и-Абру. Л. 152-в: *چنانچه بر صورت کشیده آمده است*.

⁴³ Исфизари. Л. 26-в.

⁴⁴ Вместе с тем иногда употребляется и название «махалля», при этом зачастую параллельно, см. ниже.

⁴⁵ Фасихи. Л. 359-а. Следует оговориться, что хотя начертание в общем и достаточно ясно, но возможно и другое чтение.

⁴⁶ Васифи. *بدایع الوقایع*. Рукопись Института востоковедения АН СССР В 653. Л. 315-в, 316-а.

и тамбура»⁴⁷. У Хондемира в его перечне примечательных построек Герата назван «Квартал детей» (?) (Махалля-йи-Туфлягон)⁴⁸. Этим, собственно, и ограничивается внутренняя топонимика Герата, которую мы находим в источниках.

Никогда ни до, ни после в Герате не было так много прекрасных зданий, как в XV в. Почти все Тимуриды, с легкой руки основателя династии, отличались особой любовью к строительству, и вслед за царской семьей и знать, и богатое купечество не жалели средств на возведение построек. Со слов Хафиз-и-Абру: «Население его [Герата] от низов до знати, каждый в соответствии со своими средствами, прилагал усилия к возведению построек. [Особенно] столпы государства, [т. е. высшие военачальники и гражданские чиновники], были увлечены постройкой домов и дворцов, вилл (کاخ), садов и возведением арок и портиков для удовольствий и развлечений»⁴⁹. Среди них одно из первых мест, бесспорно, принадлежит Алишеру Навои. Одновременно производились ремонт и перестройка монументальных построек, дошедших от предшествующей эпохи.

Одним из крупнейших строительных предприятий, выполненных в начале XV в. в первые годы правления Шахруха, была постройка в 813/1411 г. крытых базаров Герата, о плане его сказано было выше. Краткое описание Герата Хафиз-и-Абру, которое в основном повторено и Абдарреззаком, дает представление о нем как об архитектурном комплексе. «Проходные дороги базаров, — пишет Хафиз-и-Абру, — в прежнее время вовсе не были крытыми, и базарный люд много терпел от пыли и дождей⁵⁰. [Шахрух] издал указ, [согласно которому] возвели [стены] базаров из жженого кирпича на ганджа и покрыли высокими сводами. А концы базаров (سر) соединили вместе. И везде, [где было нужно], оставлены отверстия для света...⁵¹ Дуканы его [базара], которые ласкали глаза наблюдателей, состояли из суф и... (?) и верхних худжр⁵². Базары были для глаза мира картиной, а для oka времени — весной. [Кроме того], был построен чарсу в форме квадрата, равными сторонами покоящийся на круглом основании. Был он [чарсу] лучшим из благотворительных памятников, и все четыре базара доходили до этого пункта, так как это начертано на рисунке. Подобного чарсу [четырёхстороннего здания] во всех четырех странах мира ни глаз не видел никогда и ни ухо человеческое не слышало»⁵³.

Ж. П. Ферье описывает эти базары, оставшиеся в почти нетронутом виде со времени их постройки, следующим образом: «Помещения (the houses)

⁴⁷ Там же. Л. 386-в.

⁴⁸ Хондемир. خلاصة الاخبار. Рукопись Ленинградской Государственной Публичной библиотеки № 282. Л. 266-а.

⁴⁹ Хафиз-и-Абру. Л. 152-а.

⁵⁰ Абдарреззак добавляет здесь фразу, которой нет у Хафиз-и-Абру: انهارا شكافند, что можно перевести как «их расширили».

⁵¹ У Абдарреззака это место излагается иначе: «И в разных местах были оставлены отверстия для света, а остальное было соединено».

⁵² У Абдарреззака этой фразы нет.

⁵³ Хафиз-и-Абру. Л. 152-в.; Абдарреззак. Л. 187-в. Текст Хафиза-и-Абру в некоторых местах дефектен и не поддается расшифровке, что обозначено в переводе многоточием.

в этих четырех улицах построены из жженого кирпича и покрыты куполами. С каждой стороны имеются лавки, и четыре конца улицы соединяются вместе в круглом здании, с верхушки купола которого видна панорама всего города»⁵⁴.

Именно эти базарные ряды и являлись центром всей торгово-производственной жизни Герата. Однако помимо них были и другие базары. Так, Исфизари пишет, что кроме главных базаров в каждом квартале имелся небольшой базар, состоявший из разнообразных дуканов⁵⁵. В городе были и специализированные для отдельных видов торговли и ремесленного производства торговые здания, так называемые тимы и тимчи. Так, Васафи упоминает специальный тим продавцов тканей и ткачей⁵⁶.

В литературной обработке Алишера его собственного вакуфного завещания автор упоминает Тим-и-Токийа-фурушон («Тим продавцов головных уборов-тюбетеек»), примыкавший к базару Мелика. Там же упоминается Тимча-йи-Кумош и еще тимча без определенного названия и без указания местоположения⁵⁷. Специальная тимча для мастеров тюбетеек упоминается и у Абдарреззак⁵⁸. Исфизари пишет, что в городе было несколько тимов⁵⁹.

Вследствие, с одной стороны, традиций кочевнического быта, которые очень ясно заметны в быту тимуридских правителей, а с другой — и особенностей самого города (отсутствие в достаточном количестве проточной воды — см. ниже), Тимуриды, правившие Гератом, а также придворная знать предпочитали строить жилища за городом, среди садов. В самом городе, насколько можно судить по нашим источникам, как частных жилищ знати, так и дворцовых построек было мало. Центром правительственных зданий внутри города был Баг-и-Шахр («Городской сад»), являвшийся резиденцией еще прежних династий⁶⁰. В 801/1400 г. по приказу Тимура в этом саду для наместника Хорасана Шахруха был построен дворец. Как видно, именно этот дворец впоследствии, при Абу Са'иде (1460–1469), стал главным правительственным зданием⁶¹. Этот дворец наряду с двумя другими гератскими дворцами, Баг-и-Хан и Баги-Са'ид, автор «Тарих-и-Рашиди» считает одним из самых больших дворцов мира⁶². Современные авторы не указывают на местоположение этого сада. Европейские путешественники XIX в. называют резиденцию правителей Герата Chahar-bagh, но при этом помещают его в разных местах: Ж. П. Ферье⁶³ — в центре города,

⁵⁴ Ferrier J. P. Caravan Journeys... P. 173.

⁵⁵ Исфизари. Л. 26-в.

⁵⁶ Васафи. *دكان الوقایع*. Рукопись Института востоковедения АН СССР В 653. Л. 387-в.

⁵⁷ Алишер Навоӣ. *کلیات*. Рукопись Ленинградской Государственной Публичной библиотеки № 558. Л. 720-в.

⁵⁸ Абдарреззак. Л. 234-в.

⁵⁹ Исфизари. Л. 26-в.

⁶⁰ Абдарреззак. Л. 310-а; ср.: Исфизари. Л. 246-в.

⁶¹ Васафи. Л. 466-в.

⁶² The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlát: A History of the Moghuls of Central Asia / An English Version ed., with Commentary, Notes, and Map by N. Elias; the Translation by E. D. Ross. London, 1895. P. 429.

⁶³ Ferrier J. P. Caravan Journeys... P. 147.

Ч. Э. Йэт⁶⁴ — в северо-восточном углу города, западнее соборной мечети. Созвучие в словах Баг-и-Шахр и Чар-баг могло легко привести к замене одного термина другим, и Chahar-bagh XIX в., по-видимому, то же самое что и Баг-и-Шахр тимуридской эпохи. Более вероятно, что он находился в указанном Ч. Э. Йэтом месте, так как именно здесь, вблизи главной мечети города, где, кстати, были и другие здания, построенные еще при предшествующей династии, естественнее было ожидать постройку дворца правителя, кроме того, здесь же были наиболее благоприятные условия для проведения проточной воды. Исфизари, рассказывая о ряде построек, возведенных меликом Гияс-ад-дином Хусейном, из которых, по его словам, «некоторые сохранились, а другие исчезли» (не указывая, к сожалению, какие именно), упоминает о двух дворцовых зданиях — Боргох и Кушк; первый был построен в северной части цитадели, а второй — в восточной. При этом он сообщает, что Боргох был построен «по удивительному плану и необычных пропорций, подобного которому никто не видел». На западной и восточной стенах его были картины, исполненные с «силой и мощью», на них с одной стороны были изображены войска последнего хулагидского хана Абу Са'ида, а на другой — поражение шаек известного разбойного царевича — джагатаида Ясавура⁶⁵. По-видимому, именно эти картины послужили прообразом для будущей стеной живописи дворцов Тимура. Тот же автор рассказывает о дворце (بارگاه) другого куртского мелика, также находившемся в цитадели⁶⁶. В описании одного из народных движений времен Султан-Хусейна говорится, что народ окружил здание, которое названо «Дом справедливости Мирзы Шахруха»; как видно, это было специальное здание, построенное при Шахрухе⁶⁷.

Исфизари рассказывает, что в «эти дни», т. е. во время составления книги, Султаном Ахмед Мирзой было построено какое-то величественное здание между воротами Кипчак и Хуш, достигавшее высотой башни Али Асад (так я перевожу выражение *بر بالای برج علی اسد*), с которого можно было видеть весь город и окрестности (*رباض و خیاض بیرون و درون شهر*)⁶⁸.

В северо-восточной части города, вблизи моста Туляк (см. ниже), находился дворец, известный под названием Давлят-хона, как видно, построенный известным Меджд-ад-дином, везиром султана Хусейна⁶⁹. О других гражданских зданиях внутри города в источниках сохранилось очень мало сведений. Упомянутый выше куртский мелик построил на берегу рва цитадели баню, о плане которой говорится, так же как и о дворце. Что он имел удивительную форму, «подобной которой никто не видел», и два караван-сарая в районе базара Мелика⁷⁰. Однако и об этих зданиях неизвестно, сохранились они до второй половины XV в. или нет.

⁶⁴ Yate Ch. E. Northern Afghanistan... P. 28.

⁶⁵ Исфизари. Л. 152-а.

⁶⁶ Исфизари. Л. 131-в.

⁶⁷ Мирхонд. *روضة الصف*. Литогр. изд. Бомбей, 1854. Кн. VII. P. 16 (далее — Раузат ас-сафа).

⁶⁸ Исфизари. Л. 27-в.

⁶⁹ Раузат ас-сафа. Кн. VII. С. 4, 31.

⁷⁰ Исфизари. Л. 152-в.

На основании наших данных мы можем дать, по-видимому, в достаточной мере полный перечень более или менее выдающихся зданий религиозно-культурного назначения Герата, сохранившихся ко второй половине XV в. Список их, составленной Хондемиром в его сочинении «Хулосат ал-ахбар», дает возможность прокорректировать разбросанные сообщения других источников.

Бесспорно, самым величественным зданием внутри города была старая соборная мечеть, сохранившаяся до сих пор и находящаяся в северо-восточной части города, между воротами Хуш и Кипчак. История этого здания является как бы историей самого Герата, династий, правивших в нем в течение более трех столетий. Постройка была заложена в 597/1200 г., при гуридском правителе Гияс-ад-дине. Исфизари сохранил, как видно, устное предание⁷¹ относительно способа выбора места для этой постройки. Чтобы определить наиболее подходящее в отношении водоснабжения место, были устроены в разных местах города, в том числе и в центре его, на месте чарсу, цветочные клумбы, и так как цветы, посаженные на месте, где впоследствии была построена мечеть, не увядали дольше, чем в других местах, то и было решено именно здесь построить мечеть, а не в центре города, как это обычно делается. И действительно, это — единственное место в городе, где удалось провести проточную воду и обнаружить родник⁷². Султану Гияс-ад-дину Гуриду постройку довести до конца не удалось. Брат его, султан Шихаб-ад-дин, продолжал постройку, однако и он ее не закончил. Лишь его сын Гияс-ад-дин Махмуд довел ее до конца. При Фирузшахе, преемнике последнего, как видно, была произведена не то перестройка, не то ремонт⁷³. После монгольского погрома, как видно, в течение целых десятилетий мечеть эта была в запущенном состоянии, и лишь при неоднократно упоминавшемся куртском мелике Гияс-ад-дине были проведены крупные работы по возобновлению мечети, причем, по словам Исфизари, здание стало более солидным, чем раньше. Кроме того, оно было украшено изящным орнаментом с удивительными надписями (نقوش) и прекрасными фигурами (شکول)⁷⁴.

Через 40 с лишним лет, во время землетрясения упал пештак (фасадная арка мечети)⁷⁵. В таком состоянии мечеть оставалась до царствования Султан-Хусейна, когда в 1498 г., под наблюдением Алишера, она была восстановлена и заново украшена. Описание характера проведенных работ сохранилось у Хондемира⁷⁶ и представляет значительный интерес.

Сперва был вскрыт купол за аркой максуры, которая была разрушена землетрясением. Затем, после укладки фундамента (بنیاد), возвели на ней арку (طاق), на которой была вписана хронограмма даты ремонта.

«После этого резчики *каши* (глазурованных плиток), талантливые мастера надписей (*наккаш*), мастера-камнерезы были заняты декорровкой здания,

⁷¹ Там же. Л. 27-а.

⁷² Там же. Л. 27-а.

⁷³ Хулосат ал-ахбар. Л. 265-в.

⁷⁴ Исфизари. Л. 152-а. Фасихи (л. 353-а) дает точно год производства работ, а именно 720/1319–20 г.

⁷⁵ Фасихи. Л. 375-в.

⁷⁶ Хулосат ал-ахбар. Л. 265-в.

на что потратили целый год, при этом произвели работу, на которую обычно тратят не меньше 5 лет».

По этому поводу в одной поздней вставке в сочинении Исфизари рассказывается, что пока мастера и рабочие были заняты ремонтом, Алишер ежедневно приходил на место работ и работал вместе с ними, платя вдвойне против обычного. При этом он все время твердил: «Старайтесь хорошо укрепить [здание], ибо оно — здание богоугодное»⁷⁷.

Одновременно был вытесан из мрамора, привезенного из хафского вилайета, мастером Шемс-ад-дином, резчиком по камню, великолепный минбар, вместо прежнего из орехового дерева, пришедшего в ветхость.

О плане этого здания в целом можно иметь представление по следующим данным. «Эта благородная мечеть состоит из 403 куполов, 30 арок (*ривок*), 44 *пирайа*. Ее длина, не считая ширины стен, 350 локтей, а ширина 150 локтей; длина северной суфы 29 локтей, при ширине в 15 локтей; южной суфы длина 22 локтя и ширину 13,5 локтей, а [главный] купол меликов имеет в длину 24 локтя и ширину [глубину?] 23 локтя. Двор мечети (**صحن**) имеет в длину 114 локтей и в ширину 84 локтя. В мечеть ведут 6 ворот»⁷⁸.

В настоящее время, как видно, это — единственное здание, уцелевшее от прошлых веков внутри города. По свидетельству путешественников, оно и до сих пор производит глубокое впечатление на зрителя. В длинном списке культово-культурных учреждений, которые приводит дальше наш автор, дается перечень учреждений, группировавшихся вокруг соборной части, как видно, в северо-восточном секторе города. Из них следует отметить, прежде всего, медресе Гиясийа — постройки мелика Гияс-ад-дина Курта и здание ханака (скита) под названием Джадиди, построенное Му'изз-ад-дином Хусейном, которые стали процветать также благодаря заботам Алишера. Вблизи соборной мечети было купольное здание гробницы того же мелика Хусейна⁷⁹.

В самом начале своего царствования Шахрух украсил город двумя смежными зданиями, медресе и ханака, которые были воздвигнуты к югу от цитадели, в северной части города. Хондемир только упоминает об этих зданиях, у Абдарреззака имеется их краткое описание. Посередине медресе имелся обширный двор, высокие суфы и арка, а с двух сторон (фасада) высились два высоких стройных минарета. Блеск золота и лазури переливался на стенах и воротах медресе⁸⁰.

По словам Хафиз-и-Абру, специалисты утверждали, что более стройного по пропорциям и по тонкости работы и прочности деталей здания не строилось. Сверху донизу здание было облицовано мрамором и покрыто надписями на разных языках. Упоминает он и мастеров (декоровки?), а именно — знаменитого Кавам-ад-дина и Хаджи Али-Хафиза Табризского⁸¹. Эта мечеть в течение всего XV в. являлась рассадником официальной идеологии, которая столь характерна для Герата тимуридской эпохи⁸².

⁷⁷ Исфизари. Л. 31-в.

⁷⁸ Там же. Л. 10-в.

⁷⁹ Абдарреззак. Л. 62-а.

⁸⁰ Там же. Л. 187-в.

⁸¹ Хафиз-и-Абру. Л. 153-а.

⁸² Бартольд В. В. Улугбек и его время. Петроград, 1918 (Записки РАН по Историко-филологическому отделению. Т. XIII/5).

Из остальных перечисленных в списке Хондемира зданий следует выделить следующие медресе: медресе мастеров свечей — Шам'резон, медресе Хаджи Мелика Заргара («золотых дел мастера»). Эти медресе были связаны с ремесленными цехами Герата. Можно упомянуть еще мечеть Баг-и-Шахр и медресе Пиль-банд⁸³, местоположение которых определяется их названием.

Хондемир упоминает также медресе больницы (*дар уш-ишфа*). Из этого названия медресе узнаем о существовании внутри города в это время больницы. Другая больница, как мы увидим, была в пригороде. Не перечисляя в отдельности остальные религиозные учреждения, укажу на их количество, а именно: 12 медресе, 3 мечети, 5 ханака, 3 больших мавзолея (2 купольных) и, наконец, специальная библиотека.

В других источниках упоминается также целый ряд городских культурно-религиозных учреждений, к ним относится бывшее наиболее крупным, после медресе Шахруха, медресе Шейхульислама, построенное одним из наиболее известных в этот век мусульманским ученым Тафтазани, которое находилось вблизи соборной мечети⁸⁴.

В сборнике документов этого времени, известном под названием «Тарассуль-аль-Марварид», сохранился указ на назначение мудариса в «Султанское подворье сейидов» (*دار السیاده سلطانی*). Построенное вблизи чарсу, по всей вероятности, Султан-Хусейном, здание это, во всяком случае, в одной части своей также служило в качестве медресе⁸⁵.

По всей вероятности, внутри города помещалась и медресе, построенная известным вельможей времени Тимура и Шахруха, воспитателем последнего, богачом Алейка Кукельташ, который известен своими постройками и в других крупных городах Хорасана и Средней Азии⁸⁶.

В заключение нашего обзора топографии города следует сказать несколько слов и относительно его водоснабжения. В отличие от Самарканда, обильно снабженного проточной водой, Герат в черте городских стен, как видно, не имел развитой системы каналов-арыков, которые бы охватили город в целом. Однако проточная вода безусловно в город была проведена.

О наличии таковой сообщает еще Истахри⁸⁷. По его словам, проточные воды входили в город с северной стороны, беря начало в известном канале Инджиль, вблизи Кушки-и-Маргани (см. ниже), где был сосредоточен квартал постройки Алишера⁸⁸.

По входе в город вода направлялась в сторону соборной мечети. Однако из того, что поток этот называется арычек (*جويچه*), видно, что он не был особо многоводным. При этом, как видно из слов Исфизари, вообще проточная вода

⁸³ Пиль-банд был построен у самой крепости, одновременно с последнею, великом Фахр-адином Куртом.

⁸⁴ Раузат ас-сафа. Кн. VII. С. 78.

⁸⁵ Рукопись Института востоковедения АН СССР С 333. Л. 29-а. Случаи постройки таких, специально предназначенных для сейидов, потомков пророка, зданий в городах мусульманского Востока известны. Такое специальное здание было построено Газан-ханом Хулагидом в Тебризе (1295–1306).

⁸⁶ Фасихи. Л. 423-в.

⁸⁷ BGA. Ps. I. P. 87.

⁸⁸ Исфизари. Л. 173-в.; Хафиз-и-Абру. Л. 154-а; Фасихи. Л. 312-а.

имелась только в районе мечети⁸⁹. Исфизари и Хондемир — оба гератца — утверждают, что, помимо этого арыка, в городе проточной воды не было⁹⁰. Действительно, в источниках очень мало указаний относительно наличия арыков. Лишь Васифи в своих рассказах, связанных с Гератом, упоминает о более крупных арыках. Так, в рассказе о гератском квартале развлечений (см. выше) он говорит об арыке проточной воды, который там проходил⁹¹. В другом месте, говоря об упомянутой улице Шафтолу, он так же упоминает о «крайне большом арыке», от которого отходила водопроводная труба⁹². Однако главными источниками водоснабжения были колодцы. Как видно, многие из них имели значение общегородских или общеквартальных водоемов и имели собственные имена. Так, Васифи называет колодцы Гозурон («прачек») и Динарон⁹³.

В интересной заметке о крупных ремонтных работах, произведенных в Герате в 1237/1822 г., которую мы находим в одной из рукописей Исфизари, переписчик рассказывает о ремонте указанного арыка, протекавшего через двор соборной мечети, и хаузе, находящемся там. По его словам, цементная (ساروج) обмазка арыка потрескалась и потому пропускала воду, которая заполнила весь хауз, отчего его водой нельзя было пользоваться⁹⁴. Дальше в той же заметке говорится о ремонте разрушенного хауза на Фирузабадском базаре (см. выше), который назывался «Хаузом везира», по всей видимости, оставшимся также от XV в.⁹⁵ В заключение можем упомянуть название одного моста в Герате — Пули-Туляк, как видно, устроенном через упомянутый арык в северо-восточной части города⁹⁶.

Пригороды Герата

Основные моменты топографии пригородов Герата XV в. наряду с топографией самого города нашли также свое отражение в современных источниках.

Жизнь пригородов была теснейшими узами связана с жизнью собственно города. Больше того, в глазах современников вся населенная часть долины Геррируда у Герата рассматривалась как единый населенный комплекс. Исфизари всю полосу пригородных поселений прямо называет городом. Так, рассказывая о разрушении Тимуром стены, построенной Му'изз-ад-дином, в свое время окружавшей с севера и с востока пригороды Герата, автор замечает: «А сейчас площадь города (шахр) в несколько раз по сравнению с тем увеличилась, так что [сейчас] пространство, шириной в два фарсаха, от ущелья Бродарон (*sic!*)⁹⁷ до моста Молон застроено памятниками благотворительности (بقاع), [жилыми] зданиями и [населенными] кварталами (ارباع). Больше того, от упомянутого

⁸⁹ Исфизара. Л. 27-а (см. выше).

⁹⁰ Хондемир. Л. 265-а.

⁹¹ Восифи. Л. 387-в.

⁹² Там же. Л. 316-а.

⁹³ Там же. Л. 318-а.

⁹⁴ Исфизара. Л. 32-в.

⁹⁵ Там же. Л. 32-в.

⁹⁶ Раузат ас-сафа. Кн. VII. С. 4.

⁹⁷ См. ниже, с. 480, примеч. 110.

ущелья до горы Искальджи и Кализхан, на расстоянии 4 фарсахов, тянутся непрерывно постройки, сады, деревни и булюки»⁹⁸. Последний термин — «булюк» — обозначал в XV в. пригородный район Герата. «Все то, что расположено в долине Герата и примыкает к городу, то называют булюками»⁹⁹, — пишет Хафиз-и-Абру. В конце XV в. таких булюков насчитывалось девять.

«Население пяти ворот и девяти булюков»¹⁰⁰ являлось для жителей Герата вполне установившимся выражением, которым обозначали совокупность всего населения города и его предместий.

Название пригородных булюков Герата соответствовало названию главных каналов, которые орошали долину Герата. «[Долину] каждого *джуибара* (канала), — пишет Хафиз-и-Абру, — называют булюком»¹⁰¹.

И Хафиз-и-Абру, и Исфизари приводят их названия, которые сохранились до последнего времени¹⁰². Последний из указанных авторов дает их перечень в следующем порядке: 1) Туран-у-Туниян; 2) Гуриван-у-Боштон; 3) Кумбаран; 4) Себакур; 5) Хиябан; 6) Гузара; 7) Инджиль; 8) Алинджам; 9) Удван-у-Тизан¹⁰³. Хафиз-и-Абру, писавший раньше Исфизари, приводит название десятого булюка — Парвона-у-Хаводаштак¹⁰⁴, который, по всей вероятности, к концу XV в. как самостоятельный булюк исчез, слившись с соседними.

Из названных булюков шесть (или по Хафиз-и-Абру — семь) были расположены к северу от Герируда, непосредственно примыкая к самому городу. Три остальных булюка, хотя и были отделены от первых руслом Герируда, но благодаря мосту, перекинутому через реку, были тесно связаны как с булюками северного берега, так и с самим городом.

Из булюков к северу от реки лишь один, а именно булюк Алинджан, был расположен к югу от города. Булюк этот был один из самых густо населенных предместий. По словам нашего автора, в нем было поселений больше, чем в каком-либо другом булюке¹⁰⁵. Остальные примыкали к северной и восточной сторонам города.

Сам город и значительная часть пригородных кварталов к северу от него входили в состав булюка Инджиль. Этот булюк представлял собой наиболее аристократический район гератских пригородов. «По причине близости к городу в этом булюке много зданий, дворцов и садов», — пишет Хафиз-и-Абру¹⁰⁶.

К булюку Инджиль, к северу от него, примыкал булюк Хиябан («Аллея»). Здесь, как видно, издавна находился наиболее почитаемый некрополь Герата. К концу

⁹⁸ Исфизари. Л. 27-в.

⁹⁹ Хафиз-и-Абру. Л. 154-а.

¹⁰⁰ Васифи. Л. 283-а.

¹⁰¹ Хафиз-и-Абру. Л. 154-а.

¹⁰² Ср.: Артамонов Л. К. По Афганистану. Гератская провинция (Гератский театр): Опыт военно-статистического исследования Генерального штаба подполковника Л. К. Артамонова. Асхабад, 1895. С. 86 сл.

¹⁰³ Исфизари. Л. 28-а.

¹⁰⁴ Хафиз-и-Абру. Л. 154-в.

¹⁰⁵ Там же. Л. 154-в.

¹⁰⁶ Там же.

XV в. именно с этим булюком слился и бывший самостоятельным во время Хафиз-и-Абру булюк Парвона-у-Хаводаштак, в центре которого находилась гора Гозургах¹⁰⁷. В отношении остальных трех булюков, Гуриван-у-Боштон, Туран-у-Туниян и Себакур, Хафиз-и-Абру отмечает лишь, что они находились «к северу от реки [Герируд], нынче города»¹⁰⁸, т. е. к востоку от последнего.

Из булюков южного берега Герируда первым был булюк Казора. По имени главного селения этого булюка — Молон — булюк этот иногда назывался булюк Молон. Так же назывались канал и знаменитый мест через Герируд¹⁰⁹.

Далее, на юг, шли булюки Букрак и Удван-у-Тизан.

Крайним пунктом культурной полосы к северу от города считались горы Занджир-гах с проходом Баророн¹¹⁰, через который шла дорога на север, в долину Серхаса. Согласно Исфизари, от моста Молон на Герируде до этого ущелья было 2 фарсах, следовательно, от города до ущелья было немногим больше¹¹¹ фарсах. К югу от горы простиралась равнина (*сахро*) Баулигах, заселенная лишь во второй половине XV в.

К западу или, точнее, к северо-западу от города культурная полоса замыкалась степью Сак-и-Салмон, которая находилась на расстоянии 2 фарсах от города¹¹².

Крайним пунктом культурной полосы долины с юга считалась гора Искаль-джа или, как она еще называлась, Аман-Кух.

Дальше всего тянулась культурная полоса гератских пригородов на восток, границей которой служила известная р. Баштан, приток Герируда. К востоку же очень часто упоминается в источниках XV в. равнина (Маргзар или Оланг) Кахдастан¹¹³. Этим же именем называлось и пригородное селение¹¹⁴, а также канал, который протекал на расстоянии одного фарсах от города¹¹⁵. Равнина эта служила обычно последним привалом для войск, наступавших на город с восточной стороны.

Хондемир, последний из авторов тимуридской эпохи, давший систематическое описание гератских пригородов, называет следующие крайние пункты их, а также разделявшие их расстояния. «От деревни Боштон, — пишет он, — до местечка Сак-и-Салман на пространстве 6 фарсах равнины и горы покрыты

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Название этого прохода иногда передается и в форме *پاروران* («Ущелье братьев»); ср.: Исфизари. Л. 27-в. Однако это начертание является или опиской, или конъектурой переписчика, см.: Marquart J. *Erānshahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenacci. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen*. Berlin, 1901 (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philosophisch-historische Klasse. NF. Bd. III/2). S. 77.

¹¹¹ Абдарреззак. Л. 342-в.

¹¹² Васафи. Л. 433-в, 503-а; Абдарреззак. Л. 328-с.

¹¹³ Из многочисленных упоминаний этой местности отмечу: Абдарреззак. Л. 315-а; Исфизари. Л. 162-в. А. С. Беверидж в переводе записок Бабура транскрибирует это название *Kahad-stān*, см.: *The Babur-nāma in English (Memoirs of Babur) / Transl. from the original Turki text of Zahiru'd-din Muhammad Babur Pādshāh Ghāzi by A. S. Beveridge*. Vol. I. London, 1922. P. 305.

¹¹⁴ Хафиз-и-Абру. Л. 153-в.

¹¹⁵ Васафи. Л. 434-в.

садами, оградами и цветниками, [больше того], от [местечка] Оба до Кусуйа, между которыми 30 фарсахов, тянутся непрерывно сады и постройки, деревни и булюки этого подобного раю города»¹¹⁶.

В отличие от домонгольского времени, когда рост гератских пригородов шел в основном к югу от города¹¹⁷, при Куртах и в особенности при последних Тимуридах — Абу Са'иде и Хусейне, особо бурно разрослись северо-восточные пригороды.

Оросительная система. При перечне пригородных районов (булюков) отмечалось, что они располагались вдоль отдельных магистральных каналов, ответвленных из Герируда. Названия этих каналов, за небольшим исключением, были те же, что и булюков. Главные из них были проведены в дотимуровское время. Во всяком случае, такой канал как Инджиль был известен еще в X в.¹¹⁸ Ко времени монгольского завоевания в пригородах Герата известны, помимо канала Инджиль, каналы Алиджан, Молон и Сабкар, о восстановлении которых после разгрома города монголами сообщает Исфизари¹¹⁹. В источниках, повествующих о куртской династии, упоминаются, собственно, два новых канала — Джуй-и-Нау («Новый канал»)¹²⁰ и канал Кор-у-Табор¹²¹. Первый из них продолжал существовать и в тимуровское время и протекал у подножия упоминавшейся горы Гозургах. Второй из названных каналов в описаниях Герата тимуридского времени уже не встречается.

Что касается ирригационных сооружений Герата, обязанных своим возникновением Тимуридам, то известен лишь один канал, который был проведен по приказу Султана Абу-Са'ида в 1458–1459 г. Краткий рассказ об его проведении мы находим у Абдарреззак. По приказу Абу Са'ида, передает наш автор, «начальник дивана провел канал к востоку от города, среди гор и скал. Во многих местах [пришлось] прорезать скалы и прорыть в них тоннели в виде кяризов, а во многих местах и перекинуть арки [виадуки] и мосты и по сторонам раздробить большие камни. По прошествии нескольких месяцев было проведено много воды к склону горы Мухтар и к северу от города Герата, [после чего] на равнинах у Мазара Козиргах и в степях Баулигах [многие] земли стали обрабатываться»¹²². Исфизари пишет о значении этого канала следующее: «И вдоль Султанского канала, являющегося [одним] из новых строителей султана-мученика Султана Абу Са'ида, проведенного из реки Боштан по склону горы Занджиргах, стараниями того [падишаха] от окрестностей Газургах до источника Махиян, что равно почти фарсаху; больше того, от ущелья Боштан до селения Сак-и-Салман, на пространстве, равном шести фарсахам, вся равнина и подножие горы превратились в сады и луга, усадьбы [ограды] и цветники»¹²³. Именно

¹¹⁶ Раузат ас-сафа. Кн. VII. С. 48.

¹¹⁷ Ср.: BGA. Ps. I. P. 265 sq.

¹¹⁸ Idid. P. 266.

¹¹⁹ Исфизари. Л. 209-а, 210-в.

¹²⁰ Там же. Л. 170-а.

¹²¹ Там же. Л. 194-в.

¹²² Абдарреззак. Л. 342-в.

¹²³ Исфизари. Л. 28-в.

этому каналу и был обязан своим расцветом пригородный район Газургах, ставший в период правления Султан-Хусейна одним из наиболее густо населенных пригородов Герата.

Помимо упомянутых каналов, в источниках встречаются названия ряда, как видно, более мелких водных ирригационных артерий. Так, упоминается канал (*нахр*) Хальвайи в булюке Туран-у-Туниза¹²⁴, проток (*об*) Кахдастан¹²⁵ на равнине того же названия и некоторые другие.

Безусловно, что в пригородных районах Герата была развита и кяризная система водопроводов. Однако в источниках встретилось лишь одно название кяриза, а именно Кяриз-и-Мухтар¹²⁶, у одноименной горы к северу от города. Помимо того, отмечается наличие кяризов, без упоминания их названия, в булюке Казара¹²⁷.

Через реки и каналы, протекавшие в окрестностях Герата, были в большом количестве перекинuty мосты. Однако далеко не все названия мостов сохранились в источниках. По-видимому, большинство из них и не являлись значительными сооружениями.

Самыми крупными, понятно, были мосты на р. Герируд. В эпоху Тимуридов на Герируде известны два больших моста. Наиболее древний из них, находившийся к югу от города, на расстоянии 1 фарсаха, известен под названием Молон. О нем имеются сообщения у географов X в.¹²⁸ В рассматриваемое нами время, согласно Исфизари, мост Молон состоял из 28 арок¹²⁹.

Другой мост назывался Пул-и-Мияна. Находился он значительно западнее первого. Фасихи передает под 705/1305–06 г. о постройке моста следующее: «[А в этом году] закончен был постройкой Пул-и-Мияна. Говорят, построила его женщин. Состоит он из 44 арок. Его длина 428 газов, а ширина десять»¹³⁰. Другие мосты, перекинuty через каналы, были менее значительными. Впрочем, источники сохранили, собственно, только их названия. Из подобных мостов в северной части пригородов упоминаются мост Инджиля¹³¹, мост Дилькаро на канале Кор-у-бор¹³², мост Кор на том же канале¹³³. На канале Хиябан был мост Идгах («Место празднества»)¹³⁴. К востоку от города упоминаются мосты Рикина-у-Чакан¹³⁵ и Хайма-дузон («Мастеров палаток»)¹³⁶. О наличии многочисленных мостов к западу от города говорит упомянутая заметка переписчика Исфизари, что в его время были отремонтированы от 20 до 30 мостов. При этом он отме-

¹²⁴ Хафиз-и-Абру. Л. 154-в.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Исфизари. Л. 218-в.

¹²⁷ Хафиз-и-Абру. Л. 154-в.

¹²⁸ *Descriptio imperii moslemici auctore... al-Mokaddasi // BGA. Ps. III. 1877.*

¹²⁹ Исфизари. Л. 98-а.

¹³⁰ Фасихи. Л. 347-в.

¹³¹ Исфизари. Л. 189-в.

¹³² Там же.

¹³³ Абдарреззак. Л. 261-а.

¹³⁴ Исфизари. Л. 38-а.

¹³⁵ Абдарреззак. Л. 261-а.

¹³⁶ Исфизари. Л. 21-в.

чает, что все они были кирпичными¹³⁷. Нет основания сомневаться в том, что эти последние мосты являлись памятниками именно XV в., так как последующие века были столь неблагоприятны для монументального строительства, что о массовой постройке мостов не приходится и говорить. Впрочем, известно, что во время правления Аббаса I Сефевида дорожное строительство в районе Герата производилось в широких размерах.

Торгово-промышленные пункты пригородов. Точно так же, как и внутри города, так и за его стенами, в планировке пригородов, особенно тех, что примыкали непосредственно к городу, центральное место занимали базарные улицы и ряды. Интересно отметить, что главные из них являлись продолжением городских базаров, которые, как мы видели, оканчивались у ворот крепостной стены. «С внешней стороны каждых ворот, — пишет Исфизари, — имеется также базар, который тянется до края культурной полосы (*савад*) города, что равно почти одному фарсаху¹³⁸. Самым крупным базаром считался северный, начинающийся у ворот Мелика. На нем было построено даже особое здание — *нарсу*, которое носило имя мирзы Алааддауля, одного из сыновей Султан-Хусейна, но построено было Алишером¹³⁹.

Помимо того, на отдельных улицах и в кварталах имелись и другие более или менее значительные базары, к пригородам относятся и вышеприведенное замечание Исфизари, что «в начале каждой улицы и квартала имеется базарчик, состоящий из разнообразных дуканов»¹⁴⁰. Некоторые из этих пригородных базаров достигали весьма значительных размеров. Так, о пригородном базаре квартала Зияратгох говорится, что он насчитывал «почти тысячу дуканов разного рода»¹⁴¹.

В пределах пригородов упоминаются и отдельные специализированные базары. Так, у подножия крепости, у северной стены, находился специальный конский базар¹⁴². У ворот Мелика, сразу же за подъемным мостом, был расположен базарчик сапожников¹⁴³. Также к северу от города, вблизи ворот Мелика, находился какой-то базарчик под названием «Базарчик Шейх-Джадуша»¹⁴⁴. В оживленном международном и внутреннем торговом обмене, которым отмечен для Герата почти весь XV в., безусловно, его пригородам принадлежало весьма видное место.

Пригородные сады. Особо выдающееся место в топонимике пригородов Герата в XV в. занимали многочисленные сады-парки. Тимуриды, правившие здесь, отличались большой любовью к загородным паркам, следуя в этом отношении за своими знаменитыми предками, украсившими самаркандские

¹³⁷ Там же. Л. 34-а.

¹³⁸ Там же. Л. 21-в.

¹³⁹ Хулосат ал-ахбар. Л. 266-в; ср.: Васифи. Л. 314-а.

¹⁴⁰ Исфизари. Л. 26-а.

¹⁴¹ Там же. Л. 28-в.

¹⁴² The Bábar-Náma, being the Autobiography of the Emperor Bábar, the Founder of the Moghul Dynasty in India, written in Chaghatáy Turkish / Now reproduced in Facsimile from a Manuscript belonging to the Late Sir Sálár Jang of Haydarábád, and ed. with a Preface and Indexes by A. S. Beveridge. Leyden, 1905 (GMS. Vol. I). L. 206-а.

¹⁴³ Рашахат *تحفة عن الحيات*. Литогр. изд. Ташкент. С. 129.

¹⁴⁴ Хулосат аль-ахбар. Л. 266-в.

пригороды целым рядом превосходных садов. Впрочем, и до Тимура местными правителями был устроен вокруг города целый ряд превосходных парков. Однако они уступали тем садам, что были устроены в XV в. Из садов дотимуровского времени известен сад под названием Баг-и-баланд («Высокий сад»), который был расположен за воротами Мелика¹⁴⁵. Другой сад назывался Баг-и-Заган («Сад ворон»). Сад этот находился также в северных от города предместьях. Он служил постоянной резиденцией Шахруху в течение его долголетнего правления. Был он и местом наиболее пышных праздников и увеселений, устраивавшихся так часто представителями тимуридской династии¹⁴⁶. В празднествах этих зачастую принимали участие многочисленные слои городских ремесленников и торговцев, которые придавали этим празднествам особый колорит производственно-цеховых карнавалов. Представление о характере этих празднеств дает следующий краткий рассказ Хондемира: «Ремесленники заняли правую сторону дороги, начиная от входа до центрального хауза. Они построили удивительные дуканы и киоски, по своим украшениям [подобные] китайским картинным галереям и способные вызвать зависть у звезд зодиака. Были показаны разного рода удивительные зрелища и занимательные выдумки. Каждый цех в соответствии со своим ремеслом соорудил редкостную забаву и невиданные фигуры»¹⁴⁷.

К северо-востоку от города был расположен Баг-и-Сафид («Белый сад»), который принадлежал также к числу садов, унаследованных от прежней эпохи. В самом начале правления Шахруха сад этот был значительно расширен. Одновременно в саду был воздвигнут дворец, который так восторженно описан историком Шахруха — Хафиз-и-Абру: «Арки разукрашенного портика, — пишет он, — достигали выпуклого свода неба, а зубцы величественного замка касались пояса Юпитера. По бокам и сторонам его были устроены суфы (صفها) и арки с привлекательными балконами (منظرها) и галереями. И [под] куполом, и на галереях, которые вызывали ревность галереи вселенной, и потолка возвышенного [неба] колонны каменные и пилястры (اضلاع) прочные тянулись по сторонам, и разнообразные пышные украшения и картины (نمايش) были [на стенах] нарисованы. Панели (ازار) стен и площадка двора были выставлены яшмой и мрамором, а художественные фигуры и талисманы, талантливо [выполненные], были в них вставлены и нарисованы. А художники ловкие в каждой комнате события [Кор-нома] изобразили и в каждой нише создали картину, подобную [картинам] китайской картинной галереи»¹⁴⁸.

Не случайно этот художественно украшенный дворец был специально предназначен для Байсункара, сына Шахруха, знаменитого покровителя искусств¹⁴⁹.

Султаном Абу Са'идом к западу от Герата был построен сад, получивший название Баг-и-Зубейда («Сад Зубейды»); к сожалению, в источниках не при-

¹⁴⁵ Фасихи. Л. 355-а.

¹⁴⁶ Хулосат аль-ахбар. Л. 268-а.

¹⁴⁷ Раузат ас-сафа. Кн. VII. С. 25.

¹⁴⁸ Хафиз-и-Абру. Л. 315-а.

¹⁴⁹ Хулосат аль-ахбар. Л. 268-а.

водятся подробности об его устройстве, хотя он и упоминается у целого ряда авторов¹⁵⁰.

Однако самым большим из царских садов был сад, устроенный Султан-Хусейном. Последний, по словам Абдарреззак¹⁵¹, «не довольствуясь упомянутыми садами, приказал устроить сад и дворец, которые были бы больше всех других». Местом для нового сада была избрана стоянка лагеря Султан-Хусейна во время захвата им Герата, «откуда воссияла счастливая звезда успеха падишаха», к северо-востоку от города. Согласно Хондемиру¹⁵², здесь был до того, как видно, небольшой сад под названием Баг-и-Мурад. Новый сад был разбит на площади в 440 джерибов, что приблизительно равно 1 кв. км. В центре сада был воздвигнут высокий дворец¹⁵³. Кроме того, были построены четыре павильона вокруг большого хауза в северной стороне сада¹⁵⁴. Специальное здание в этом саду было предназначено для тира (*садоф-хона*), где проходили упражнения и соревнования в стрельбе из лука¹⁵⁵. Абдарреззак дает перечень родов деревьев, которые были посажены в виде аллей по четырем сторонам сада. Здесь были различные фруктовые деревья, виноградные лозы, кипарисы, пихты, ивы и чинары. Кроме того, в саду были разбиты самые разнообразные цветники.

Сад этот был назван Баг-и-Джехан-ара («Сад, украшающий мир»). Абдарреззак замечает, что для устройства сада и построек внутри него были привезены из округов все необходимые материалы, взятые в счет налоговых поступлений¹⁵⁶.

Недалеко от Баг-и-Заган сыну Султан-Хусейна Бади'-аз-заману принадлежал сад под названием Баг-и-нау («Новый сад»)¹⁵⁷. Автор «Тарих-и-Рашиди» Мирза Мухаммед Хайдар упоминает сад, называвшийся ханским, дворец которого, по его словам, был самым большим в мире¹⁵⁸. Однако он не упоминает местонахождения его. Помимо того, Хондемир к числу царских садов причисляет сад Чаман-ара («Украшение луга»), сад Бейт-туль-Омон («Дома безопасности») и парки (*тахт*) Остона («Порога») и Сафар¹⁵⁹.

Высшие представители феодальной знати и в устройстве садов старались подражать царской семье. Многие сады-парки, принадлежавшие крупнейшим сановникам государства, как видно, мало чем уступали упомянутым садам членов династии. При Султан-Хусейне садостроительство вокруг Герата крупными феодалами и сановниками приняло особо широкие размеры. Не случайно, что среди последних первое место принадлежит двум виднейшим деятелям

¹⁵⁰ Абдарреззак. Л. 261-а; Хулосат ал-ахбар. Л. 268-а. Ср.: The Bâbur-nâma in English... P. 306. Предположение А. С. Беверидж о том, что сад назван по имени известной жены Харун-ар-Рашида (ibid. P. 306, п. 1) и, следовательно, существовал с IX в., ни на чем не основано.

¹⁵¹ Абдарреззак. Л. 346-в.

¹⁵² Раузат ас-сафа. Кн. VII. С. 13.

¹⁵³ Абдарреззак. Л. 346-в.

¹⁵⁴ Хулосат ал-ахбар. Л. 37; ср.: The Bâbur-Nâma... L. 191-b.

¹⁵⁵ Васифи. Л. 279-в.

¹⁵⁶ Абдарреззак. Л. 346-в.

¹⁵⁷ Васифи. Л. 474-в. — Хулосат ал-ахбар. Л. 268-в.

¹⁵⁸ The Tarikh-i-Rashidi... P. 429.

¹⁵⁹ Хулосат ал-ахбар. Л. 267; ср. рукопись ЛГУ № 1049. Л. 471.

этой эпохи Меджд-ад-дину и Алишеру. Первому из них приписывается постройка четырех крупных садов, названия которых мы находим у современных авторов и в первую очередь у Хондемира¹⁶⁰. Названия этих садов следующие: Баг-и-Назаргах, Баг-и-Мухтар, Баг-и-К-р-п-ф-л (?), Баг-и-Хиябан. Местоположение этих садов, за исключением третьего, устанавливается по их названию. Местность Мухтар находилась к северу от города¹⁶¹. По дороге в Нерейту, в северо-восточном от города направлении известна и местность Назаргах¹⁶². Расположение Хиябана («Аллеи») также хорошо известно. Это была одна из наиболее известных местностей к северо-западу от города. Васифи упоминает о саде Меджд-ад-дина в пригородном селении Зарра, находившемся на расстоянии полфарсаха от Герата¹⁶³. К сожалению, мы не находим в источниках никаких подробностей относительно устройства этих садов.

Хондемир приводит перечень садов, устроенных вблизи Герата Алишером. По словам нашего автора, «в начале правления обладателя счастливого созвездия [Султан-Хусейна] приближенный султана [почетный титул Алишера] занялся устройством сада Маргани, и сейчас та радующая сердце местность достигла крайних пределов процветания»¹⁶⁴. Местоположение этого сада весьма точно определяется самим Алишером в составленном им вакуфном документе¹⁶⁵. Тот же автор сообщает, что Алишер вблизи упомянутого сада построил еще несколько других садов и парков, из которых он называет только два. Это — сад-парк моста Сангакшон («Таскающих камни») и садик Шукия («Привлекательный»). О первом автор говорит, что это — «станция, обладающая райскими свойствами и что другого подобного ему места для прогулок во всем Хорасане нельзя указать»¹⁶⁶.

В лучшем из северных пригородов, Гозургахе, Алишеру принадлежал сад (*богча*), который, как пишет Хондемир, «в отношении приятности климата не только в Хорасане, но и в большей части населенной четверти мира [не имеет себе равного]»¹⁶⁷. Севернее этой местности был разбит парк Баба-Сухта¹⁶⁸. По всей видимости, в том же районе находился сад Азизон, хотя прямых данных о месторасположении этого сада автор не приводит¹⁶⁹.

В источниках приводятся названия садов и парков, принадлежавших и другим крупным феодалам этой эпохи. Так, Бабур, перечисляя достопримечательности Герата, называет сад Ходжи-бека, сад Бахауддин Омара, сад шейха Зейн-ад-дина. Помимо того, он называет сад Заркар, сад Ни'мат Абад¹⁷⁰, но без

¹⁶⁰ Хулосат-ал-ахбар. Л. 268-а.

¹⁶¹ Исфизари. Л. 241-а.

¹⁶² Раузат ас-сафа. Кн. VII. С. 17.

¹⁶³ Васьфи. Л. 245-а.

¹⁶⁴ Хулосат-ал-ахбар. Л. 267-в; ср.: Исфизари. Л. 173-а.

¹⁶⁵ См. ниже.

¹⁶⁶ Хулосат-ал-ахбар. Л. 268-а.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ The Babur-nāma in English... P. 305.

указания имен их владельцев. К сожалению, Бабур не указывает и их местонахождение. В источниках встречается довольно часто название сада Баг-и-Шамоль («Северный сад» или «Сад ветров»)¹⁷¹.

В заключение перечня садов и парков пригородов Герата следует упомянуть и замечательную аллею Хиябан, которая окаймляла одну из главных дорог, ведущих из Герата в сторону Мешхеда, т. е. в северо-западном от города направлении. Местность эта с доисламских времен являлась главным некрополем и культовым центром Герата. Исфизари, в выпрєнных выражениях отмечая превосходные климатические условия этой местности и святость мазаров, расположенных справа и слева от аллеи, пишет: «Как со времени язычества, так и в дни ислама всегда [местность эта] была счастливой и благословенной. Она являлась и явится местом [кибла], куда народ обращается с молитвой в своих нуждах. Во все времена и эпохи [Хиябан] был местом поклонения и празднеств, погребений и увеселения знати и простолюдов и сейчас является мусаллой и местом прогулок для мусульман». По словам того же автора, «в прежнее время [Хиябан] называли Куй-и-Худайоган, а на языке персов [Худайоган] обозначает царя»¹⁷². «Начиналась аллея у крепости, вблизи башни, называвшейся Дервиш-Мунис. Как видно, аллея тянулась до окраины пригородов и заканчивалась вблизи плотины Карун, по дороге к упомянутой равнине Сак-и-Салман»¹⁷³.

К концу тимуридской эпохи местность вдоль этой аллеи стала одним из наиболее примечательных пунктов гератских пригородов, и здесь появились лучшие постройки этого времени.

Источники XV в. наряду с вышеприведенными данными по топографии гератских пригородов дают значительное число названий архитектурных комплексов и ансамблей или отдельных зданий, которые были расположены в предместьях города, и в этом отношении наиболее обильные данные мы имеем для кварталов, расположенных к северу от города. Здесь, по-видимому, находились лучшие из построек, воздвигнутых в этот век, столь знаменательный вообще в истории архитектуры Средней Азии и Хорасана.

Наиболее полный перечень крупнейших построек пригородов мы находим в сочинении Хондемира «Хулосат-ал-ахбар»¹⁷⁴. Автор, по всей видимости, дает их список в том порядке, в котором они были расположены на месте, в качестве исходного пункта автором взяты северные ворота крепости — ворота Мелика. К сожалению, не все приведенные в доступных мне двух рукописях названия и термины по причине дефектности отдельных мест поддаются чтению.

Как видно, первым значительным зданием по выходе из города через ворота Мелика, около упомянутого базарчика Шейх-Джоудуша, была больница (*дар уш-шифа*) Сабзараман. Вслед за нею автор помещает мечеть эмира Фирузшаха.

¹⁷¹ Васифи. Л. 276-в.

¹⁷² Исфизари. Л. 29-а.

¹⁷³ Васифи. Л. 433-в.

¹⁷⁴ Хондемир. Л. 276-в сл.

Военачальник этот хорошо известен в истории Тимура. Им было построено, между прочим, и медресе в Самарканде. В числе многочисленных зданий, перестроенных и отремонтированных Алишером, было и это здание. Дальше за этой мечетью помещались два медресе, из которых одно было построено, по-видимому, Султан-Хусейном¹⁷⁵, а второе одной из цариц — Мульк-ага. След за ними автор называет чорсу мирзы Ала-ад-даулэ, построенный Алишером¹⁷⁶. Часть доходов с этого чорсу являлась вакфом упомянутой мечети эмира Фирузшаха, против которой он был построен¹⁷⁷.

Дальше Хондемир называет знаменитые медресе и ханака, построенные Гаухар-Шад, женой Шахруха. Эти два здания, по свидетельству современников, являлись лучшими памятниками зодчества XV в. Абдаррезак Самарканди под 836/1432–33 г., рассказывая о завершении их постройки, пишет, что «во всей населенной четверти мира они не имеют ни подобных, ни равных»¹⁷⁸. Бабур также включает эти здания в число наиболее достопримечательных построек Герата: при этом он одновременно называет три здания — ханака, мавзолей и соборную мечеть¹⁷⁹.

Как видно, в качестве соборной мечети во время пребывания там Бабура служило медресе. Единственным памятником, который остался до настоящего времени от этой группы построек, является мавзолей¹⁸⁰. От остальных зданий не осталось и следа. Однако еще в середине XIX в. здесь высились величественные руины этих зданий. Ансамбль этот был расположен на самом берегу (левом) канала Инджиль.

На противоположном берегу канала Инджиль, против построек Гаухар-Шад, Алишером был выстроен его знаменитый квартал, включавший целый ряд самых различных по назначению зданий. Перечень отдельных зданий, входивших в состав этого квартала, мы находим у разных авторов и в том числе в вакуфном документе — завещании, составленном самим строителем. Бабур, которому во время пребывания в Герате было отведено здание в квартале Алишера, перечисляет следующие группы построек: 1) жилые здания, которые в народе называли *унсия* («дружба»); 2) мечеть и мавзолей, которые назывались *кудсия* («место святости»); 3) медресе и ханака, которые называли *халасия* («искренность»); и, наконец, баня и больница, названные *сафайя* («чистота») или *шафайя* («здоровье»)¹⁸¹.

Текст Хондемира, посвященный зданиям Алишера, не совсем ясен. Он перечисляет после построек Гаухар-Шад у моста Инджиль следующие постройки: одну мечеть, построенную «незаменимым эмиром», т. е. Алишером, о которой он говорит, что «по крайней своей красоте и украшению она не имеет равных».

¹⁷⁵ Автор именует строителя титулом Сахиб-кыран, одинаково применяемым и к Тимуру, и к Султан-Хусейну; здесь имеется в виду последний.

¹⁷⁶ См. выше.

¹⁷⁷ В тексте: *در برابر هم*.

¹⁷⁸ Абдаррезак. Л. 241.

¹⁷⁹ The Bābur-nāma in English... P. 305.

¹⁸⁰ Byron R. Timurid Monuments... P. 36.

¹⁸¹ The Bābur-Nāma... L. 191-v; The Bābur-nāma in English... P. 306.

Затем он называет медресе и ханака, также расположенные у моста Инджиль. Однако кто являлся их строителем, по Хондемиру не совсем ясно: был ли это Алишер или сам Султан-Хусейн. Вслед за этим он снова называет «соборную мечеть — одно из величественных зданий», построенных «приближенным султана» (Алишером) в «своем квартале». Автор особо отмечает, что с двух сторон мечети, «справа и слева», возвышались два минарета, круглых (*паркор*), облицованных поливным кирпичом. Помимо того, автор отдельно упоминает «Дом чтецов Корана», находившийся к северу от этой мечети¹⁸².

Красочное описание медресе Ихласийе и группы построек, окружавших ее, мы находим у самого Алишера Навои в его «Вакфийе». Считаю нелишним привести это место:

«Одно из тех благотворительных зданий — это [земельный] дар покорному слуге от его святейства [Султан-Хусейя] в 881/1476–77 г. для возведения здания и подворья возле Кушки-Мургана, где покорный слуга и занялся строительством. И в самом деле, земли эти были украшены райским садом столичного Герата и находились на северной стороне знаменитого города, равного по достоинству Мекке, именно у горы Газургах, щебень коей является упреком рубиновому руднику и оманским жемчугам и черная земля ее поношением ароматнейшим мускусу и амбре. У подножия этой горы, на южной стороне, что между этой горой и [городом] находились постройки покорного слуги. Воздух этих мест по своей бодрящей силе напоминает воздух рая, и ветерок по своей живительности является символом дуновения райских садов. Со стороны горы течет речка (*جوى نو*), громкий гул которой достигает слуха жаждущих губ как радостная мелодия жизни. Со стороны города протекает канал Инджиль, чистая вода его, словно райский источник, соответствует вкусу естества.

Некоторые из прежних султанов возводили на этом месте постройки в целях устроения садов. Люди эмирского рода и даже ударявшие в литавры султанства люди царского происхождения сажали здесь молодые деревца намерения, но не нашли плодов стремления, сеяли кусты розового дерева желания, но не раскрылись тут цветы одобрения. Итак, сей покорный слуга окружил здесь тридцать джерибов земли стеною, возвел здания и постройки, в саду вокруг рассадил много различных деревьев и на всех лужайках развел разного рода ароматные цветы, превратив это место щедрости высокого рая старого свода небесного, это место убежища в расписной узорами китайский павильон. Надежда моя заключается в том, чтобы место это было постоянно достойным этой державы, и я, недостойный, был бы вечным слугой его милости [Султан-Хусейна]. Слава Всевышнему, Мурган-и-Кушк находился между южной и западной сторонами этой ограды подворья.

Постройки не были заложены в прежнее время и построены раньше. Постройки были из камня. Камень этот, по-видимому, вывозили с горы страдания. Стены были из сырцового кирпича, кирпич этот, казалось, был замешан из земли скорби и воды горя. Расположены были строения двумя ярусами. Нижний был из-за мрачности сумерками праха и служил местопребыванием сов

¹⁸² Хулосат-ал-ахбар. Л. 266-в.

несчастья и летучих мышей мучения, верхний — из-за разрушенности — был целью чаяний отверженных и представлял из себя гнездо сычей безнадежности и голубей несчастья, несомненно, что [месневи]:

Ливень заблуждения дворец сложил,
И потекла со стен его печали пыль.
Там утро темное, что вечерний мрак.
Когда солнце проникает туда — не найти света.
Там было местопребывание укрывающихся тайно,
Помыслом развратных и порочных было это место.
Запало в сердце: окажется, если под силу,
С землей его надо сровнять вровень,
И здание построить, чтобы постоянно
Народ совершал там за шаха молитву.

Когда мечта эта, заслуживающая одобрения, устроилась в сердце и эта разумная мысль нашла утверждение разума, то здание, напоминавшее монастырь, было сровнено с землей и на месте его было построено медресе, и здание то, основанием коего было подобие церкви, было разрушено, и на месте его была заложена мечеть [бейт]:

Могуществом шаха вместо этих монастыря и церкви
Построены были мечеть и медресе.

Западная сторона была обращена в сторону киблы. И были определены имамы с приятным голосом и благозвучные чтецы Корана, дабы они стояли на молитве с населением здешнего квартала и молились за его священство [Султан-Хусейна]. Напротив медресе, на северной стороне, была воздвигнута арка (**كنبد**), дабы здесь читались суры и стихи Корана и происходило пение Корана соловьями цветника чтецов, и сладкоголосое исполнение горлиц сада толкования Корана, и каждодневно читалась часть святого писания за священную духовность его святейшества, убежища писания, и превозносились молитвы за его святейшество. И этот купол (**كنبد**) был назван “Домом благоволения” (Дарул-Хифаз). На восточную и западную половины [площадки] медресе назначены были два мударриса с тем, чтобы один толковал методы и принципы фикха, а другой — методы и принципы хадисов. В каждый классный кружок определено было одиннадцать учащихся. Этому медресе, построенному из искренней преданности (*ихлас*), дано было наименование “Ихласийе”. Снаружи этого медресе “Ихласийе”, с южной стороны, протекал канал Инджиль; и к югу от него берегом шла большая проезжая дорога и помещалось медресе, построенное его святейшеством, арка которой своей высотой достигала небесного свода, и каждый купол возвышался вершинами над голубым сводом небес... [рубайи]:

Здание это было воздвигнуто,
Освободился народ от нужды и забот.
Дервиш и богач были той милости рады,
И названо было оно посему «Ни’матабад».

От этой большой проезжей дороги и медресе Ни'матабад, вдоль дороги и берега канала Инджиль, находится медресе величайшей государыни Гаухар-Шад-ага, да освещает бог могилу ее. От изразцовой облицовки этого медресе приходит в изумление ум архитектора, и от блеска позолоты пронизательный строитель теряет голову.

Напротив медресе Ихласийе, что на южной стороне упомянутой выше дороги, построена ханака, где, согласно установленному порядку, каждодневно должна была выдаваться пища беднякам и неимущим во имя продления державы его святейшества и постоянства его султанства и ежегодно раздаваться одежда нуждающимся.

Напротив этой ханаки, на южной стороне, воздвигнут купол (کنبد) ввиду того, что здешний район, благодаря правлению его святейшества, стал благоустроенным и население его многочисленным и обеспеченным, а расстояние между этим районом и соборной мечетью было значительным, почему некоторые, ссылаясь на холод и грязь зимой и на пыль и жару летом, не посещали ее. Решил я, чтобы в этом здании (کنبد) совершался пятничный намаз, дабы население этого квартала под различными предложениями не осталось лишенным этой благодати и совершенства. Были назначены еще, в соответствии с этим повелением, тещы Корана и имамы, и этой ханаке, что напротив медресе Ихласийе, построение коей было чисто от какого бы то ни было лицемерия и притворства и освободило (*халас берда*) помышление от многих беспокойств, я дал наименование "Хуласийе"¹⁸³.

По всей видимости, недалеко от указанных зданий Алишера находилось медресе, построенное сыном Султан-Хусейна — Беди'азземаном, о котором Хондемир пишет, что «поистине это здание было построено с совершенным [соблюдением пропорций] и [украшено] крайне пышно и красиво»¹⁸⁴.

Дальше автор перечисляет более четырех десятков отдельных построек, как видно, в большинстве случаев возникших во второй половине XV в.

Ниже приводится полный список их:

1. Хазира¹⁸⁵ Ситти Холья Биби.
2. Хазира эмира Султан Ахмад Чуканци, напротив упомянутой крепости.
3. Строения у мазара Фахр-ад-дина Рази.
4. Медресе четырех минаретов постройки Ханым-Бек.
5. Строение фируза Султан-Бегум.
6. Медресе эмира Фирмана шейха Хали.
7. Медресе эмира Чакмака Шахи.
8. Мечеть и общежитие у мазара Мауляна Мухаммеда Истодагоши.
9. Ханака Султана А'они.
10. Ханака у края Хиябана, из построек мелика Хусейна Курта.

¹⁸³ *وَقَلْبِهِ عَلَى شَيْءٍ نَوَاسِي*. Баку, 1926. С. 41–45 (перевод сделан проф. А. К. Боровковым, которому автор приносит свою благодарность).

¹⁸⁴ Хулосат-уль-ахбар. Л. 267-а.

¹⁸⁵ Термином этим, как видно, обозначались постройки, окруженные оградой.

11. Медресе Султан-Хотун.
12. Медресе (и?) ханака эмира Алла-ад-дина Алейка Кукельташа.
13. Соборная мечеть.
14. Медресе святого Махмуда.
15. Постройки у мазара Махдума.
16. Ханака у мазара Мухаммеда Хош.
17. Здание айвана Идгаха Герата, из построек Султана Абу Са'ида.
18. Хазира шейх Баха-ад-дина Омара.
19. Здание у источника Махиян, входившее в состав зданий эмир-Мекана.
20. Жилые здания рабата, входившие в число зданий его высочества.
21. Рабат у начала Хиябана — одно из числа благотворительных зданий, предназначенных для путешественников.
22. Хазира Султан-Ахмад Мирза.
23. Ханака у мазара Абдалла Ансари.
24. Минар-месджид, из числа величественных построек справедливого и богобоязненного султана.
25. Строения у мазара Шейх-Ходжи-Али Муваффака.
26. Медресе эмира Гияса Бахши, построенное в дни владычества Сахиб-Кыр'ана.
27. Медресе Сейид Гияс-ад-дина Богбон.
28. Соборная мечеть у моста Кор, из числа построек эмира.
29. Гумбез¹⁸⁶ эмира Мухаммеда Султан-шаха.
30. Соборная мечеть моста Диль-Каро, из построек эмира, обладателя достойными качествами.
31. Рабат у начала улицы Алама, из числа построек эмира высокого заботой.
32. Соборная мечеть Зияратгоха, также из построек Великого эмира.
33. [Другая] соборная мечеть Зияратгоха, из построек Сахиб-Кыр'ана, положением [равного] Джемшиду.
34. Здание у Мазара эмира Абдуллы.
35. Соборная мечеть Хаджи Фазл-ад-дина Мухаммара.
36. Здание Ходжи Майуса.
37. Мечеть Маулана Лутфулла Седра.
38. Здание у Иазара святого Ходжи Абуль Валида Ахмеда, который входит в число зданий Сахиб-Кыр'ана. В этом месте по четвергам происходят многочисленные собрания, и здесь же люди проводят пятничную молитву. Путешественники здесь останавливаются.
- В университетской рукописи того же сочинения перечисляется еще несколько зданий, а именно:
39. Медресе Пеш-бара.
40. Медресе Туфляго.
41. Дом чистоты [баня?] и мечеть Абдалла Амира, [которые] по приказу Мирзы Ала-ад-даула были перестроены.

¹⁸⁶ Купольное здание (мавзолей?).

42. Купольное здание Мазара Биби Сити, из числа памятников эмира Низам-ад-дина Ахмад Фируз-шаха.

43. Дом Сейидов, из числа построек Сахиб-Кыр'ана [Султан-Хусейна].

Кроме того, в другом месте упоминаются:

44. Гунбез у Мазара Ходжи Таразу-дар.

45. Мечеть у ограды базара Ирак, постройки эмира Гияс-ад-дина Шах-Мелика.

Хондемир, к сожалению, ничего почти не сообщает относительно их устройства. В других источниках мы также не встречаем об этом никаких подробностей. Лишь в отношении здания, воздвигнутого у могилы знаменитого патрона (*нира*) Герата, поэта-мистика XII в. Ходжи Абдалла Ансари, в упоминутном предместье Газургах мы находим любопытное описание плана (*тарх*) этого здания-мавзолея у Абдарреззак. Здание это было начато постройкой в мухарраме 829 (конец 1425 г.) по приказу Шахруха. Вот что пишет о нем наш автор: «И план этого величественного здания... таков: у его фасада (*неш гох*), образующего восточную сторону и обращенного к мазару, устроена высокая суфа, крайне величественная и совершенная по изяществу. А по обеим сторонам этой суфы [устроены] меньшие суфы (*суфча*), а под теми — другие. Помещения нижние и верхние достигают высотой почти айвана. Также с северной стороны суфы находятся помещения, а посередине ее [северной стороны] — высокая суфа. Также в южной стороне имеются помещения, а посередине ее — высокая суфа. На западной же стороне, открывающей врата счастья, — высокая суфа, обращенная к мазару, излучающему сияние. А посередине его [здания] — проход, и по обеим сторонам его — коридоры (*дахлиз*) — северный и южный, и общежитие (*джамоатхоло*), построенное с крайним изяществом. А снаружи великого мазара, на западной его стороне, сложена величественная эстрада (*курси*) и возвышается айван, достигающий неба. Все это здание, после того как было выстроено крайне изящно из камня и жженого кирпича, было украшено [облицовано] глазурованными плитками (*каши*), покрытыми расплавленным золотом и ладжвардом («лазурью»). И письмена, и фигуры [орнамент] в стиле ма'кали, куфи и фарси с большой пышностью были выведены по бокам и сторонам [здания]»¹⁸⁷. Особый интерес этого детального, но терминологически не всегда ясно определяемого описания заключается в том, что здание это существует и поныне, не подвергшись за долготелее свое существование особым перестройкам. К сожалению, насколько мне известно, детального научного описания его не имеется. Ж. П. Ферье дает следующее краткое описание этого здания: «Двор главного здания по форме продолговат и [выложен] жженым кирпичом. Входят через превосходный портал, бока которого глазурованы и покрыты многочисленными орнаментами очень хорошего вкуса. Внутри [здание] состоит из тридцати кольцеобразных помещений, которые занимают все четыре стороны его, и в каждой из них имеются от двух до трех надгробий с останками правителей Герата, главным образом,

¹⁸⁷ Абдарреззак. Л. 232.

Тимуридской династии»¹⁸⁸. Р. Байрон в упомянутом докладе на III Международном конгрессе по иранскому искусству о памятниках эпохи Тимуридов в Афганистане кратко касается и этого здания. По его словам, «главный айван, который обращен неожиданно на восток вместо запада, имеет около 70 футов высоты, а также аркаду вдоль своей верхней части»¹⁸⁹. По мнению этого же автора, в орнаменте поливных плиток, в облицовке внутренней стороны айвана чувствуется китайское влияние. При этом за образец были будто бы взяты мотивы шелковых материй.

Над самой могилой Ансари был установлен памятник из белого мрамора султаном Абу-л-Касымом Бабуром.

Памятник этот в виде обелиска (*миль*) имел в высоту 9 газов (около 7,5 м). По словам Абдаррезака, «на нем были высечены фигуры мусульманские, китайские и франкские, исполненные с тонкостью и изяществом»¹⁹⁰.

Ж. П. Ферье еще видел этот памятник. «Пьедестал, верх и грани его, — пишет он, — покрыты великолепной скульптурой»¹⁹¹. К сожалению, он не отметил характера его орнамента. Однако отмеченное Абдаррезаком в орнаменте этого замечательного памятника наличие элементов трех важнейших культур того века весьма символично. Памятник этот как нельзя лучше характеризует те обширные культурные связи, которые поддерживал в этот век Герат, — город, для расцвета которого столько плодотворных усилий приложил Алишер Навои.

¹⁸⁸ Ferrier J. P. Caravan Journeys... P. 177.

¹⁸⁹ Byron R. Timurid Monuments... P. 35.

¹⁹⁰ Абдаррезака. Л. 301-а.

¹⁹¹ Ferrier J. P. Caravan Journeys... P. 177.

О ПОЯВЛЕНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИРАНЕ В XIV–XVI веках¹

А. М. Беленицкий

Европейская литература об огнестрельном оружии в Иране и Средней Азии крайне бедна. В новейшем обширном своде «A survey of Persian Art» этому вопросу посвящена лишь краткая заметка. Автор ее, Stöcklein, не касаясь времени появления огнестрельного (порохового) оружия, замечает лишь, что в Персии огнестрельное оружие «вошло в общее употребление очень поздно, в XVI в., и оно невысоко ценилось вследствие того, что пешее войско в стране, столь обильной пустынями, не играло особой роли»². В этой же заметке приводится факт отправки венецианцами Узун-Хасану Ак-Койунлу в 1473 г. нескольких пушек и 100 артиллеристов. В остальном заметка коротко рассматривает факты XVII и последующих веков (ibid. P. 2584–2585).

В. Ф. Минорский в одной из своих работ также приводит факт отправки венецианцами тому же Узун-Хасану в 1471 г. 6 бомбард (*bombarde*), 600 аркебуз (*spingarde*), ружей (*schiochetti*) и 200 стрелков «со своими офицерами», сопровождающими этот груз³. Вот то небольшое, что мне известно из европейской и русской литературы по интересующему нас вопросу. Обходится он молчанием и в общих трудах, посвященных Средней Азии и Ирану.

Весьма любопытно, что в местных хрониках XIV и XV вв., когда, как увидим, стали применять огнестрельное оружие, мы не находим никаких прямых указаний, которые свидетельствовали бы, что новый вид оружия привлек к себе особое внимание современников. Это следует объяснить тем, что огнестрельные орудия по своей эффективности вначале мало отличались от прежде известных камнеметов, тем более что снарядами для тех и других одинаково служили каменные ядра. Поэтому установить точно время появления интересующего нас вида оружия весьма затруднительно. Тем большее значение приобретают

¹ Первая публикация: Известия Таджикского филиала АН СССР. № 15. История и этнография. Сталинабад, 1949. С. 21–35.

² Stöcklein H. Arms and Armour // SPA. Vol. III. 1939. P. 2584.

³ Minorsky V. La Perse au XVe siècle entre la Turquie et Venise. Paris, 1933 (Publications de la Société des études Iraniennes et de l'art persan. N° 8.). P. 12–13.

косвенные указания по данному вопросу, содержащиеся в письменных источниках. О появлении новых видов оружия прежде всего говорит новая терминология, изменение которой является, пожалуй, на данном этапе изучения единственной руководящей нитью исследования. Настоящая статья и является попыткой усмотреть затронутую проблему, пользуясь, главным образом, терминологическим материалом.

В источниках на арабском и персидском языках в течение длительного периода, начиная от самых ранних и вплоть до сочинений монгольского времени и даже более поздних, наблюдается устойчивая терминологическая номенклатура для обозначения метательных орудий. Например, такие термины, как *манджаник* и *аррода*, служат общенарицательными словами, которыми обозначаются известные в этот длительный период метательные артиллерийские орудия. То же можно сказать о терминах *камон*, *чарх*, *таххи* и проч. для метательного ручного оружия. Термины эти удерживаются и позже, в течение всего XIV и XV вв.

Из известных нам сочинений по истории Ирана и Средней Азии первым источником, в котором упоминается новый род артиллерийского орудия, является «История Вассафа». В одном из рассказов, в котором описываются приготовления к походу 712/1313 г., автор, между прочим, передает, что было истрчено на материалы для изготовления моста (?), *кушканджиров* и *манджаников* 55 тысяч динаров. Новым интересным для нас термином является здесь *кушканджир*. Дальше автор пишет, что было изготовлено семнадцать таких *кушканджиров* и характеризует их в обычной своей риторической манере в виде орудий «разбивающих и пронизывающих крепости, по виду своему слоноподобных и громоподобных (по звуку)»⁴. К сожалению, других упоминаний этого вида орудий ни у этого автора, ни у других, близких ему по времени, нам не встречалось.

Еще одно упоминание *кушканджира* имеется у автора конца XV в., Давлят шаха Самарканди⁵. Последний не дает особой его характеристики, но называет его при перечне других артиллерийских орудий наряду с *манджаником* и с другим, безусловно огнестрельным орудием. Пояснение этого термина мы находим лишь в позднем толковом персидском словаре «Бурхан-и-кати», составленном в Индии в XVII в. О слове *кушканджир* там сказано: «Так называют большую пушку (*тун*), которой пробивают и разрушают крепостные стены. Некоторые же говорят, что это ядро пушки, а другие, что так называют камень, который применяется для *манджаников*»⁶.

Автор словаря дает и объяснение этого слова. Он считает, что оно состоит из двух слов: *кушк* и *анджир*; первое из них обозначает башню, второе якобы «пронизывающий». Другие известные нам словари такого значения второму слову не дают. Первое же хорошо известно. Представляется более вероятным

⁴Тарих-и Вассаф. Литогр. изд. Бомбей, 1853. С. 554.

⁵The Tadhkiratu 'sh-Shu'arā («Memoirs of the Poets») of Dawlatshāh bin 'Alā' u 'd-Dawla Bakhtishāh al-Ghāzi of Samarqand / Ed. in the original Persian, with prefaces and indices, by E. G. Browne. London, 1901 (Persian Historical Texts. Vol. I). P. 535.

⁶Borhāni Qātiū. Calcutta, 1818. P. 724.

другое происхождение этого термина, а именно, что во второй своей части слово это является испорченным начертанием известного итальянского названия одного из ранних видов огнестрельного оружия — *Espingarda*⁷. Сближение с последним напрашивается еще и потому, что в рукописях Вассафа слово это пишется зачастую раздельно. Вполне возможно, что начальное начертание было более близким к итальянскому оригиналу. Такая конъектура представляется для арабского шрифта вполне законной. Остается неясным происхождение первой части термина — *кушк* («башня»). Имелось ли в виду им подчеркнуть, что это оружие применялось на крепостных стенах и башнях («крепостное ружье»), утверждать трудно.

Для определения *кушканджир* как огнестрельного орудия весьма важное значение имеет приведенный выше Вассафом при описании его эпитет «громopodobный по звуку». Сравнение выстрела и огнестрельных орудий с громом, как увидим, является постоянным в средневековых персидских источниках, так же как и в источниках на других языках, например в русских летописях.

В дальнейшем этот термин исчезает из обращения, что скорее всего объясняется его иноземным происхождением. Он звучал чуждо местному населению и мог замениться в обиходе более близким и понятным термином. Это тем более могло иметь место, что орудия такого типа с течением времени, вероятно, подверглись значительным изменениям. Как бы то ни было, при исследовании вопроса о появлении огнестрельного оружия термин этот обойти нельзя.

Указанное сообщение Вассафа относится к Ирану. Что касается Средней Азии, то от этого периода, т. е. от начала XIV в., как известно, у нас местных источников нет, и что-либо положительное поданному вопросу сказать трудно. Все, что известно о военных действиях на территории Средней Азии в течение первой половины XIV в. и даже позже, до прихода к власти Тимура в 1370 г., говорит против того, что в этой стране применялось огнестрельное оружие. Военные столкновения носили по преимуществу характер полевых сражений. Главные города Средней Азии не имели крепостных стен. Как известно, всякие попытки к их возведению встречали энергичное противодействие со стороны руководящих слоев местных феодалов, вследствие чего инициаторы таких мероприятий оказывались не в состоянии их осуществить⁸. Вот почему в дошедших рассказах о военных столкновениях мы ничего не находим об осадах городов. Весьма характерно, что во время сербедарского восстания в Самарканде в 1365 г. монголы оказались неподготовленными для преодоления даже импровизированных заграждений, устроенных горожанами в виде баррикад на дорогах у входа в город⁹. Таким образом, особых стимулов для применения огнестрельного оружия в Средней Азии до прихода Тимура, видимо, не было.

⁷ Об *Espingarda* см.: Boeheim W. Handbuch der Waffenkunde: das Waffenwesen in seiner historischen Entwicklung vom Beginn des Mittelalters bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Leipzig, 1890 (Seemanns kunstgewerbliche Handbücher. VII). S. 441.

⁸ Ср.: Бартольд В. В. Улугбек и его время. Петроград, 1918 (Записки РАН по Историко-филологическому отделению. Т. XIII/5). С. 12.

⁹ Бартольд В. В. Народное движение в Самарканде в 1365 г. // ЗВОРАО. Т. XVII. 1907. С. 09, 010 сл.

Приход к власти Тимура ознаменовался большими переменами в области военного дела. Тимуру приходилось осаждать многие города. Естественно, что он не мог не обратить внимание на огнестрельное оружие, о котором и до него должны были дойти слухи. Действительно, первые более или менее определенные данные относительно применения огнестрельного оружия мы находим именно в источниках, относящихся к истории походов Тимура. Одним из первых рассказов, обращающих на себя наше внимание, является сообщение автора мало изученной хроники XV в., Натанзи, об осаде Тимуром Хорезма в 781/1379 г. Здесь, между прочим, сообщается следующее: «После (других приготовлений) начали воздвигать *манджаники* и *аррода* (и) устанавливать — (прилаживать) *рағд* и *кара-бугра*»¹⁰. Из приведенных здесь наименований разных орудий для нас важен термин *рағд*, прежде всего своим значением. Слово *рағд* (арабское) значит гром. Такое наименование орудий до того ни к одному из видов оружия в источниках по истории Ирана и Средней Азии, насколько известно, не применялось. Появление его можно объяснить лишь впечатлением, произведенным именно огнестрельным оружием.

Начиная с указанного сообщения, в хрониках, посвященных Тимуру, упоминание о *рағде* встречается неоднократно. Орудие это применяется как войском Тимура, так и его противниками. По времени написания наиболее ранним из сочинений, посвященных походам Тимура, в котором фигурирует это орудие, является «Дневник похода Тимура в Индию» Гияс-ад-дина Али. Согласно его рассказу, во время сражения под Дели противники Тимура имели, между прочим, и стрелков из *рағда*. Говоря о построении их войск, он пишет: «А стрелки из *тахша* (арбалетов) и *рағда* стояли с края ряда слонов»¹¹. Низам-ад-дин Шами, а вслед за ним и Шереф-ад-дин Езди, сочинения которых составлены несколько позже, неоднократно сообщают о применении *рағдов* Тимуром. Так, в рассказе об осаде Уника в 797/1394–1395 г. Низам ад-дин Шами сообщает следующее: «Его Величество Сахиб-кыран издал приказ, чтобы эмиры туманов каждый оставался на своем участке и установил бы *манджаники*, а другие орудия по штурму крепостей (как-то) *аррода*, *рағд* и *тир-и-чарх* (арбалет) имел наготове»¹². Упоминание об этом приводится в интересном рассказе об осаде Дамаска в 803 г. Как известно, перед осадой города к правителю Египта, которому принадлежала верховная власть над городом, Тимуром был отправлен посол для переговоров о мирной сдаче. Чтобы произвести впечатление на посла, специально с этой целью был устроен парад — смотр стрелков из *рағда* и разных арбалетов¹³. «А они не знали, — прибавляет при этом автор, — что в Орде эмира Сахиб-кырана имелось больше 10 тысяч опытных, знающих дело

¹⁰ Рукопись Института востоковедения АН СССР С 381. Л. 274-а.

¹¹ Дневник похода Тимура в Индию Гияс-ад-дина Али / Изд. Л. А. Зимины под ред. В. В. Бартольда. Петроград, 1915 (Тексты по истории Средней Азии. Вып. 1). С. 115.

¹² Histoire des conquêtes de Tamerlan, intitulée Zafarnāma, par Nizāmuddīn Šāmi, avec des additions empruntées au Zubdatu-t-Tawārīḫ-i Bāysunğuri de Ḥāfiz-i Abrū. T. I: Texte Persan du Zafarnāma. Praha, 1937 / Éd. crit. par F. Tauer. Praha, 1937 (Monografie Archivu Orientálního. Vol. V). P. 155.

¹³ Ibid. P. 231.

людей этого рода (оружия)»¹⁴. Это, насколько известно, единственное указание на количественный состав такого рода специальных войск.

Что касается действия *рабда* во время взятия Дамаска, то автор говорит лишь о горожанах, которые во время штурма цитадели оборонялись разного рода метательными орудиями, в том числе и *рабдом*. О применении последнего в войске Тимура при этом ничего не говорится.

Из сообщений Шереф-ад-дина Езди, который повторяет сообщения Шами, следует особо выделить рассказ о применении *рабда* во время военных действий у Смирны в 807/1404 г. Из этого орудия обстреливались корабли союзников города, стоявшие на рейде. Здесь, в отличие от других приведенных сообщений, это орудие названо *камон-и-рабд*, т. е. «лук-*рабд*»¹⁵. Этим, собственно, исчерпываются данные главных источников по интересующему нас вопросу для времени Тимура.

Для времени правления его преемника — Шахруха (1404–1447), когда интенсивность военных действий значительно понизилась, мне встретилось лишь два рассказа, в которых упоминается *рабд*. Первый относится к походу мятежного царевича Султан-Мухаммеда в 1446 г. против Шираза. При штурме последнего участвовали и метатели из *рабда*. О них говорится, как и о стрелках из арбалетов, что они «наложили тетивы на луки»; таким образом и здесь с *рабдом* связывается представление о лукоподобном орудии. Но одновременно автор подчеркивает, что «гром» выстрела из *рабда*, смешиваясь с боем барабанов и криками атакующих воинов, усиливал устрашающий шум штурма¹⁶. Другой рассказ принадлежит известному историку Мирхонду. В части своего труда, посвященной Шахруху, под 838/1434–1435 г. он рассказывает: «Однажды Его Величество отправился верхом на осмотр *камон-и-рабда*, который был изготовлен Фаррухом литейщиком (*rextagar*) и который выбрасывал камень весом в 400 менов. Происходило это в местности Базигахи¹⁷, бывшей полигоном для метания в цель камней. Туда собралось много народа. Его Величество изволил наблюдать (за происходившим). Вдруг появился принц Йор-Али, юноша предельно изящный и грациозный, с лицом прекрасным и внешностью, душу улаждающей. Народ отвернулся от зрелища (стрельбы из) *камон-и-рабда* и обратился в сторону турка-арбалетчика. Когда его Величество, счастливый Хакан, увидел эту картину, его (настроение) изменилось и, вернувшись во дворец, он приказал взять под арест царевича Йор-Али и отравить в Самарканд»¹⁸. К сожалению, рассказ этот в интересующем нас отношении не закончен, так как для автора весь интерес заключен во второй части его, касающейся царевича Йор-Али. Тем не менее и в незаконченном виде рассказ имеет определенное значение. Прежде всего, поскольку изготовлением орудия был занят литейщик,

¹⁴ Ibid. P. 232.

¹⁵ The Zafarnamah by Maulana Sharfuddin 'Ali of Yazd. Vol. II / Ed. by M. Ilaahdad. Calcutta, 1888 (Bibliotheca Indica. 83). P. 477.

¹⁶ Бартольд В. В. Новый источник по истории Тимуридов // Записки Института востоковедения АН СССР. V. М.; Л., 1936. С. 40–41.

¹⁷ Видимо, следует читать Козиргах — известный пригород Герата.

¹⁸ Пауэрт ас-сафа. Литогр. изд. Бомбей, 1854. Кн. VI. С. 212.

можно считать, что оно было металлическим. Кроме того, мы узнаем, что рядом для него служили каменные ядра очень крупного размера и веса.

В последней части Раузат ас-Сафо, написанной Хондемирком, мы находим сообщения о применении *рағда* при осадах городских крепостей и во второй половине XV в., главным образом, во время правления Султана Хусейна (1470–1509). При этом автор, описывая действия этими орудиями, неизменно применяет эпитеты и сравнения, весьма важные для определения характера этого оружия. Так, говоря об обстреле города Кундуза из *камон и-рағда*, он пишет: «Гром *камон-и-рағда* доносил до слуха влюбленных звук разлуки»¹⁹. В другом месте при описании осады той же крепости автор пишет: «С обеих сторон стали (с помощью) огня метать камни из *рағда*»²⁰. Во время сражения под Балхом в 908/1502–1503 г., по словам Хондемира, «ухо неба оглохло от (выстрелов) из *камон-и-рағда*» и «камнями *рағда* вместе с «кровожадными стрелами» (из луков) было убито около 500 вражеских воинов»²¹.

Все приведенные сообщения вместе взятые не оставляют сомнения в том, что *рағд* или *камон-и-рағд* был огнестрельным орудием, снарядам для которого служили каменные ядра; хотя орудия применялись главным образом при осадах крепостей, но предназначались и для поражения живой силы противника. К сожалению, для более конкретной характеристики орудия сведения авторов-современников недостаточны.

В главных источниках, посвященных Тимуру и его преемникам, мы других названий орудий, которые можно было бы принять за огнестрельные, не встречаем. Единственным известным мне исключением является упомянутое сообщение Давлятшаха Самарканди. Согласно этому сообщению, перед походом на Балх Султан Хусейном «был послан по всем областям указ о присылке меди, дабы мастера *манджаников* и стрелки из арбалетов посредством *аррода*, *манджаников* и *кушканджиров* дух мятежа из характера жителей Балха истребили. И были изготовлены высокие *деги* (котлы) и *хараки* (тараны) и прочие стенобитные орудия, (которые) были направлены из областей в сторону Балха»²². В этом рассказе для нас интерес представляют два термина — *кушканджир* и *дег*. О первом говорилось выше. Дег мы встречаем здесь впервые. Данные о нем мы находим лишь в источниках следующего, XVI в.

Для изучения артиллерийского дела в XVI в. мною использованы записки Бабура, составленные в первой трети XVI в., и исторический труд Хафиз-и-Таныша — «Абдулла-наме», написанный в конце века.

Правда, записки Бабура в той части, которая касается применения огнестрельного оружия, относятся главным образом ко времени пребывания Бабура за пределами Средней Азии, тем не менее связи со среднеазиатской (хорасанской) практикой устанавливаются несомненно. Об этом говорит прежде всего то, что именно во время своего пребывания в Средней Азии он имел

¹⁹ Там же. Кн. VII. С. 35.

²⁰ Там же. С. 40.

²¹ Там же. С. 58.

²² The Tadhkiratu 'sh-Shu'arā... P. 535.

возможность наблюдать за действиями этого орудия и оценить его эффективность. Кроме того, можно констатировать почти полное совпадение названий огнестрельного оружия, бывшего у Бабур, с теми, которые мы обнаруживаем в XVI в. в Средней Азии. Крайне интересно, что и те влияния извне, которые оказывали определенное воздействие на развитие огнестрельного оружия как в основанной Бабуrom державе, так и в Средней Азии, исходили из одной и той же области, именно из Малой Азии.

Из рассказов Бабур наиболее для нас интересны сообщения, касающиеся *дега*. Именно с этим орудием он познакомился, еще будучи в Средней Азии. В рассказе о походе Султан-Хусейна против владельца Хисара (нынешний Таджикистан) Бабур пишет об осаде этой крепости следующее: «Ни днем ни ночью не приостанавливались подкопные работы, метание (удары) камней и действия *казанов*»²³. Последней термин — *казан* — является точным переводом на узбекский (чагатайский) язык названия артиллерийского орудия *дег*.

Для характеристики этого орудия и техники его изготовления мы впервые у Бабур находим очень любопытное сообщение в рассказе о приговлении к походу против Бияну в 933/1526–1527 г. Приказ об изготовлении большого *казана* был отдан часто упоминаемому в его записках мастеру Али-Кули. Сам Бабур присутствовал во время его отливки. Вот что он пишет: «Когда печи и все необходимые приспособления были готовы, он (Али-Кули) послал за мной. В понедельник 15-го Мохаррема мы отправились для наблюдения за ходом отливки. Вокруг форм (*калыб*) *казана* было сложено 8 печей, в которых находился расплавленный металл. От каждого из горнов к форме *казана* были отведены каналы. Когда мы прибыли, он открыл выходные отверстия. Расплавленный металл, точно вода, устремился по всем каналам в форму. Через некоторое время, до того как вся форма оказалась заполненной, металл перестал течь по каналам. Не то в горнах, не то в самом металле оказался какой-то изъян. Мастер Али-Кули настолько был этим расстроен, что готов был броситься в форму с расплавленной медью. Однако я его успокоил и пожаловал ему халат, чтобы он забыл неудачу. После этого мы отправились назад. Через несколько дней, после того как форма остыла, ее открыли. Мастер Али-Кули в большой радости прислал сказать, что ствол (*таш-уй*) получился без изъяна, а изготовить камеру для пороха (*дорухона*) будет легко. После этого извлекли (из формы) ствол и назначили людей для его отделки. Сам же (Али Кули) занялся отливкой камеры для пороха»²⁴. Ниже Бабур рассказывает, что когда камера полностью была готова, то был сделан пробный выстрел, причем камень пролетел 1600 шагов²⁵.

²³ The Bábar-Nāma, being the Autobiography of the Emperor Bábar, the Founder of the Moghul Dynasty in India, written in Chaghatáy Turkish / Now reproduced in Facsimile from a Manuscript belonging to the Late Sir Sálár Jang of Haydarábád, and ed. with a Preface and Indexes by A. S. Beveridge. Leyden, 1905 (GMS. Vol. I). L. 34-a; англ. пер.: The Bábur-nāma in English (Memoirs of Bábur) / Transl. from the original Turki text of Zahiru'd-din Muhammad Bábur Pádsháh *Ghāzī* by A. S. Beveridge. Vol. I-II. London, 1922. Цит. по оригиналу; пагинация последнего указана на полях английского перевода.

²⁴ The Bábur-nāma... L. 302-в.

²⁵ Ibid. L. 309-a.

Благодаря этому рассказу мы с достаточной определенностью можем говорить о конструкции *казана*, основной особенностью которого являлось наличие отдельной от ствола камеры для порохового заряда. Не совсем лишь ясно, являлась ли эта камера вставной или прикладной. Само название орудия («котел») говорит о том, что оно являлось орудием типа мортиры, видимо, аналогичной тем европейским орудиям, которые назывались *бомбардами*. В этом отношении замечательно то, что наиболее старинные европейские названия *бомбард* — итальянское *vasa* и немецкое *Krug* в какой-то степени соответствует нашим терминам, хотя о прямом заимствовании навряд ли можно говорить.

Для характеристики состояния техники производства этого вида орудий важен другой рассказ Бабура об отливке, видимо, еще большего *казана* тем же мастером Али-Кули. *Казан* этот, однако, при первом же выстреле разорвался, но, как добавляет автор, «камень летел далеко», причем осколками разорвавшегося орудия было убито восемь человек²⁶. Предназначались *казаны*, как это видно из приведенного рассказа, для осады крепостей. Но они могли применяться и при иных обстоятельствах.

Так, при устройстве моста через Ганг, которое проводилось в условиях оживленных боевых действий, мастеру Али Кули было поручено обеспечение саперных работ. Отзываясь с обычной похвалой о его расторопности в качестве артиллериста, Бабур сообщает между прочим и о количестве выстрелов, которые делались в течение дня. «В дни, когда проводились работы по наведению моста, мастер Али Кули, — пишет Бабур, — успешно вел стрельбу (из *казана*), дав в первый день 8 выстрелов, во второй — 16 и так же хорошо продолжал стрельбу в течение последующих трех дней»²⁷. Относительно большого значения, которое придавал Бабур именно этому виду артиллерийских орудий, говорит тот факт, что один из *казанов* был назван «Победителем» (Гази) в честь победы, одержанной над одним из противников Бабура — Рана-Санга²⁸.

О количестве лиц (расчете), обслуживающих *казан*, Бабур ничего не говорит. Однако характерно, что стрельба из *казана*, как правило, производилась под его руководством. Об одновременном действии нескольких *казанов* Бабур как будто ничего не упоминает.

Помимо *казанов*, в войске Бабура применялись и другие виды огнестрельного оружия. К ним относятся *туфак* или *туфанг*, *туп*, *зарбзан*, *фиринги*, а также *рагд*. Особо широко применялись *туфак* или *туфанг*, который у Бабура чаще всего и упоминается. Характерный рассказ о действии *туфака* Бабур передает при описании осады крепости Баджаур: «Жители Баджаура не обращали никакого внимания на звуки выстрелов из *туфака*. На выстрелы они отвечали насмешками и непристойными движениями. В этот день мастер Али-Кули своим *туфаком* поразил пять человек. Вали казначей вывел из строя двух. Остальные стрелки из *туфака* так же смело действовали и хорошо стреляли, пробивая щиты и доспехи, и поражали одного за другим вражеских воинов.

²⁶ Ibid. L. 337-в.

²⁷ Ibid. L. 337-а.

²⁸ Ibid.

Должно быть 6, 7 или 8 баджаурцев было таким образом уничтожено стрельбой из *туфака*. После этого они не смели и голову высунуть (из-за стен)»²⁹. На стрелков из *туфака* в известной битве при Панипате была возложена определенная тактическая задача. На совете было решено, как сообщает Бабур, что в то время, как одно крыло должно будет опираться на селение Панипат, «другое крыло должно быть прикрыто арбами и турами за которыми должны разместиться пешие воины и стрелки из *туфаков*...»³⁰. В подробном манифесте-реляции по поводу победы над Рана-Санга в 933/1527 г., которую Бабур включил в свои записки, говорится, что стрелки из *туфаков* и *рагддов* находились впереди войска, причем они «по обычаю румейцев» были прикрыты рядом арб, соединенных между собой канатами. Автор реляции, Шейх-Зайн, характеризуя действия отдельных частей, очень высоко оценивает и роль огнестрельных орудий, во главе которых на разных флангах стояли упомянутый мастер Али-Кули и его соперник «румиец» Мустафа, который и был инициатором установки арб в качестве оборонительного сооружения. В реляции об участии в сражении этого «чуда века» Мустафы говорится, что он «арбы выдвинул вперед и разбил ряды войска неверных, как и их сердца, *туфаками* и *зарбзанами*»³¹.

В упомянутой операции по форсированию Ганга стрелки из *туфака* также принимали активное участие, прикрывая работу саперов и поражая живую силу противника. В данном случае они также действовали за прикрытием в виде насыпи³².

Рассказ Бабура о выработке плана форсирования Ганга во время операции в Бенгалии в 934/1528 г. рисует также большую роль, которая отведена была и другим видам огнестрельного оружия, имевшимся в распоряжении Бабура. Артиллерия должна была не только прикрывать переход основной массы войска через реку, но и отвлекать противника, навязывая ему бой. В этой операции, помимо *казанов* и *туфаков*, участвовали *туп*, *зарбзан* и *фирунги*³³. К сожалению, об этих орудиях в записках Бабура данных имеется очень мало; можно лишь отметить, что *зарбзан* помещался на специальной повозке (*ароба*), видимо, колесном лафете³⁴. Остальные орудия только упоминаются³⁵. Роль, которую сыграло огнестрельное оружие в завоевании Индии, была, безусловно, очень велика. Эффективность его усиливалась тем, что противники Бабура огнестрельное оружие, по-видимому, почти вовсе не применяли. Во всяком случае, при описании военных действий в Северной Индии об этом нигде не говорится. Лишь под 1528 г. Бабур однажды упоминает о действии артиллерии со стороны бенгальцев, о которых пишет: «Бенгальцы пользуются славой в качестве артиллеристов. Но они не метят по определенной цели, а стреляют наугад»³⁶.

²⁹ Ibid. L. 317-a.

³⁰ Ibid. L. 264-a.

³¹ Ibid. L. 316-b.

³² Ibid. L. 336 в sq.

³³ Ibid. L. 370-a.

³⁴ Ibid. L. 336-b, 363-b.

³⁵ Ibid.; см.: The Bābur-nāma in English... Т. II. P. 861 (s. v. Fire-arms).

³⁶ Ibid. L. 372-b.

Не вызывает сомнения, что знакомство с артиллерией Бабур вынес из самих скитаний по Средней Азии и Хорасану, когда он сумел оценить ее значение. Главный помощник Бабура в области производства и действия огнестрельным оружием, мастер Али-Кули, по всей вероятности, был по происхождению или из Средней Азии, или из Хорасана. Вместе с тем благодаря другому бывшему у Бабура на службе артиллеристу — мастеру Мустафе, малоазиатцу по происхождению, и было налажено производство таких орудий, как *туфак*, *туп* и *фиринги*. О европейском происхождении последнего орудия говорит само название. Мустафе же Бабур был обязан отдельными тактическими приемами в деле применения огнестрельного оружия во время боевых операций. Очень характерна взаимная вражда Али-Кули и Мустафы, которые жестоко соперничали между собой, так что Бабур в связи с этим был даже вынужден держать их во время сражений на разных флангах своего войска³⁷.

Бабур, изгнанный узбеками из пределов своих наследственных владений в Средней Азии, напряженно следил за событиями на своей родине. Когда до него дошли известия о поражении узбеков в сражении с иранцами (кизыл-башами) в Хорасане у Джама в 1528 г., он записывает эти известия в свой дневник. В этой записи он между прочим отмечает и действие артиллерии, которая была на стороне иранцев. При этом он называет *зарбзан* и *туфак*³⁸ — два новых вида орудий, которые к этому времени появились на полях сражений Хорасана, входившего в большей своей части в состав владений среднеазиатских ханов.

Относительно состояния артиллерийского дела в Средней Азии во второй половине XVI в. главным нашим источником, как указывалось, является сочинение Хафиз-и-Таныша «Абдулла-наме»³⁹.

Наиболее крупным видом артиллерийских орудий в это время оставался дег, о применении которого упоминается почти во всех рассказах нашего автора, где говорится об осадах городов. Весьма характерны сообщения о доставке *дегов* к месту назначения и о трудностях их транспортировки, особенно во время дальних походов. Так, во время военных действий под Ташкентом большие затруднения вызвала переправа *дегов* через Сырдарью, что казалось, по словам Хафиз-и-Таныша, «почти фантазией»⁴⁰. Доставленные к месту назначения *деги* были встречены с большой торжественностью. Еще более характерно сообщение об осаде Саурана, которая вначале велась без участия *дегов*. Но когда первые штурмы окончились неудачей, специальный посланец был, согласно рассказу Хафиз-и-Таныша, отправлен в Бухару с тем, чтобы «доставили в самом срочном порядке к победоносному стану *дег* Джехангир и другие

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid. Л. 354. В известной персидской исторической хронике «Тарих-и алем арай-и 'Аббаси» Искандера Мунши (Литогр. изд. Тегеран. С. 40) о применении артиллерии иранцами в этой битве говорится: «Знатком дела мастером Шейхи-бек Тупчи-баши были расположены повозки (арбы), полные франкских *зарбзанов* (возможно, следует читать: *зарбзанов* и *фиринг*)». Указанием на это место я обязан Н. Д. Миклухо-Маклаю, которому выражаю свою благодарность.

³⁹ Рукописи этого важнейшего для истории Средней Азии сочинения весьма редки. В Ленинграде имеется лишь один экземпляр в Институте востоковедения АН СССР, № Д 84 (далее — Абдулла-наме).

⁴⁰ Абдулла-наме. Л. 301-в.

(орудия)⁴¹. Когда же они прибыли, им была устроена торжественная встреча с барабанным боем и трубными звуками»⁴².

В связи с трудностями транспортировки этих орудий в отдельных случаях их изготовление производилось даже на месте у осаждаемой крепости. О подобном случае передает наш автор в рассказе об осаде Герата в 1585 г. Здесь было изготовлено семь *дегов*. Местом их отливки был выбран двор знаменитого медресе Гаухар-шад, находящегося в непосредственной близости к северу от крепости. В качестве материала послужили при этом «медь и бронза», собранные среди войска в размере их жалования (*алюфа*), надо думать, в виде монет⁴³.

В том же рассказе о Гератском походе передается, что *деги* перевозились посредством «цепей»; это указывает на то, что орудие не имело колесного лафета.

В качестве снарядов для *дегов* служили каменные ядра, наиболее крупные из которых имели вес в 2½ и 3 мена «бухарского» веса⁴⁴.

Количество одновременно действовавших *дегов* было различно. При осаде Саурана говорится о двух *дегах*⁴⁵. Во время осады Самарканда действовали три орудия⁴⁶. Под Гератом сперва были установлены два *дега*, а затем к ним прибавились еще семь орудий, отлитых на месте⁴⁷. Устанавливались *деги* в наиболее ответственных пунктах линии осады — против цитадели⁴⁸, башен⁴⁹, против ворот⁵⁰, причем, помимо непосредственно обслуживающего орудия расчета, назначались военачальники для охраны их⁵¹.

В характеристике самих орудий автор, к сожалению, ограничивается обычной риторикой. Постоянным для них сравнением, как и для других видов огнестрельного орудия, был дракон. «Он — по виду дракон, когда открывает пасть, то мир и эпоху поражает огнем»⁵².

Характерно для этого времени наличие прозвищ отдельных экземпляров орудий. У Бабура приводится лишь одно прозвище *дега* — Гази («Победитель»). В «Абдулла-наме» встретились следующие названия *дегов*: Джехангир — «Миропокоритель»; Кара-Гази — «Черный победитель (?)»; Кара-бахалур — «Черный богатырь»; Кара-бутра — «Черный верблюд»; Кутля — значение мне неизвестно (возможно, следует читать *кутас* — «горный бык»)»⁵³.

Появление таких имен в XVI в. не является исключительным для Средней Азии. Они известны и в других странах. В Московском государстве во второй

⁴¹ Там же. Л. 343-а.

⁴² Там же. Л. 348-в.

⁴³ Там же. Л. 469-а.

⁴⁴ Там же. Л. 482-а.

⁴⁵ Там же. Л. 355-в.

⁴⁶ Там же. Л. 212-а.

⁴⁷ Там же. Л. 469-а.

⁴⁸ Там же. Л. 348-в.

⁴⁹ Там же. Л. 469-а сл.

⁵⁰ Там же. Л. 212-а.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Л. 482-а.

⁵³ Там же. Л. 212-а, 343-а, 348-а, 355-в и др.

половине XVI в. названия для отдельных артиллерийских орудий были разнообразны — в виде имен животных, птиц или фантастических зверей. Так, например, в Башмаковской разрядной книге о походе Ивана Грозного в Ливонию в 1577 г. читаем: «Да в тот же похот поместил государь наряду пищаль Орел ядро полпуда три пуда, пищаль Индрог ядро 70 гривенок, пищаль Медведь ядро пуд, пищаль Волк ядро пуд, пищаль Соловей Московской ядро пуд, пищаль Аспид ядро 30 гривенок, 2 пищали Девки ядро по 20 гривенок, 2 пищали Геклик да Ястреб ядро по 15 гривенок, 2 пищали Кобец да Деркин ядро 15 гривенок и т. д.»⁵⁴. Такие же названия известны и в европейских странах. Что касается Средней Азии, то прозвища давались, по крайней мере в XVI в., только *дегам*.

Из других видов огнестрельного оружия в качестве осадного орудия, стрелявшего каменными ядрами, назван *зарбзан*, который был меньшим по величине в сравнении с *дегом*. Описывая поход Абдулла хана на Андхой и осаду последнего в 978/1571 г., Хафиз-и-Таныш сообщает: «Талантливый мастер Рухи изготовил *зарбзан*, в ствол (“пасть”) которого закладывался камень весом в один мен бухарского веса. Следовавшими один за другим выстрелами из него были разбиты башни и стены города»⁵⁵. Последнее замечание свидетельствует о том, что *зарбзан* был более скорострельным орудием, чем *дег*. Упоминает наш автор неоднократно и *камон-и раъд*, о котором он по стандарту пишет, что оно «подобно дракону; когда раскрывает пасть, то сжигает мир»⁵⁶. Оно также является произведением мастера-литейщика.

Во второй половине XVI в. на одно из первых мест выдвигается орудие под названием *туп*. Лицо, ведавшее артиллерией, получает звание *туп-баши* или *тупчи-баши*⁵⁷. Впоследствии в Бухарском ханстве, как известно, это звание получал высший чин в военной иерархии. *Туп* наряду с впервые в «Абдулла-наме» упоминаемым *занбураком*⁵⁸ стал в последующие века основным видом артиллерийского орудия для всех местных владений Средней Азии, в то время как другие названия постепенно исчезают.

Из ручного огнестрельного оружия чаще всего упоминается *туфак*. Проник он в Среднюю Азию, как и в государство Бабур, из Малой Азии (Рум), что видно из сообщений нашего автора. Так, в рассказе о междоусобице 961/1559 г. говорится, что один из участников борьбы, Бобо-Султан, во время сражения «поместил большой отряд из румейцев — метателей нефти — стрелков из *туфака* по правую руку»⁵⁹. Несколько позже, в 964/1562 г., во время осады Бухары, большой отряд «около 2000 человек румейцев-грешников, профессия которых стрельба из *туфака*... верхом на лошадях в золоченых доспехах стояли готовые к бою». Тут же говорится и о том, как действовали этим оружием:

⁵⁴ Цит. по кн.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. II. СПб., 1864. С. 48–49.

⁵⁵ Абдулла-наме. Л. 153-а.

⁵⁶ Там же. Л. 469-а.

⁵⁷ Там же. Л. 303-а, 349-а, 469-а.

⁵⁸ Там же. Л. 355-в.

⁵⁹ Там же. Л. 73-а.

«положив *туфак* на ладонь и вскинув арбалеты на плечо (*бозу* — предплечье), они устремлялись в бой»⁶⁰.

Автор при описании действия *туфаков* ограничивается более или менее стандартными сравнениями, иногда в стихотворной форме; тем не менее они дают общее представление об этом оружии. Наиболее частым сравнением для *туфака* является «дракон» или «змей»⁶¹. В одном месте он почему-то сравнивает *туфак* с двуглавым драконом⁶². Стрельба из *туфака* сравнивается с вспышкой молнии⁶³.

Ядро из *туфака* называлось *мухра* или *тир*⁶⁴ и в отличие от снарядов *дегов* было, по-видимому, металлическое. Возможно, из *туфака* стреляли и картечью. «Дым от *туфака*, — пишет автор, — (подобен) туче, но изливает (эта туча) ядра»⁶⁵. Все это намекает на то, что *туфак* представлял сравнительно небольшое ручное огнестрельное оружие.

Туфаки предназначались главным образом для поражения живой силы противника. Они одинаково применялись и в условиях полевых действий и при осаде крепостей. В последнем случае *туфаки* могли быть и на стороне осаждавших, и на стороне осажденных. Так, в рассказе об осаде Хисара в 982 г. автор пишет, что «ядрами *туфаков* и *занбураков* (защитники) отгоняли людей от стен крепости»⁶⁶. О применении *туфаков* наряду с легкими типами артиллерийских орудий на стороне осаждавшего войска говорится в рассказе об осаде Ташкента. Для помещения орудий соорудились специальные насыпи, так называемые *саркубы* и *мукобилькубы*⁶⁷.

Таким образом, все эти данные говорят, что *туфак* занял в среднеазиатской военной практике к концу XVI в. весьма видное место в качестве одного из важнейших родов оружия с широким тактическим диапазоном применения.

В качестве особого названия ручного огнестрельного оружия в этот же период появляется и *милгик*⁶⁸ — термин, сохранившийся в Средней Азии до настоящего времени и обозначающий дробовое охотничье ружье. Одновременно за порохом закрепилось название *доруи милтик* — ружейное зелье⁶⁹.

Производство всех видов огнестрельного оружия было в это время налажено в Средней Азии. Хафиз-и-Таныш называет ряд мастеров-литейщиков, безусловно, среднеазиатского происхождения. К ним относятся Устод Рухи, Мир (или Миран) *рехтазар* (литейщик), Мирак — *тун-баши*, Мир Касым *рехтазар*, Ходжа Курбан⁷⁰. Первые два пользовались громкой известностью. Хафиз-и-Таныш, говоря об Устоде Рухи, неизменно называет его «талантливым»

⁶⁰ Там же. Л. 94-а.

⁶¹ Там же. Л. 472-а.

⁶² Там же. Л. 94-а.

⁶³ Там же. Л. 368-в.

⁶⁴ Там же. Л. 197-а, 349-а.

⁶⁵ Там же. Л. 299-а.

⁶⁶ Там же. Л. 197-а.

⁶⁷ Там же. Л. 483-а.

⁶⁸ Там же. Л. 333-в: *милтыкчийон* — стрелки из милтыков.

⁶⁹ Там же. Л. 450-в.

⁷⁰ Там же. Л. 301-в. Упоминаются последние два мастера, об остальных говорилось выше.

и применяет особо изощренные гиперболы при характеристике меткости его стрельбы⁷¹. Ему было пожаловано звание *туп-баши*, которое после его смерти перешло к не менее искусному мастеру Мираку *туп-баши*⁷².

Таким образом, несомненно, что к концу XVI в. развитие огнестрельного дела достигло в Средней Азии весьма высокого уровня. Об общей роли артиллерии в военных операциях бухарских войск к концу XVI в. можно судить по весьма любопытному свидетельству современника — посла Московского царя Федора Ивановича к персидскому шаху, князя Васильчикова. В отчете о посольстве он пишет: «А как Бухарский был под Ерью (Гератом) и шах ходил против его в Хорасан, и был в Хорасане половину лета, и под Ерь людей своих посылал, и Ери не учинил ничего, потому что у шаха вогненного бою нет никого, а у бухарских людей вогненный бой, пушки и пищали есть»⁷³.

Подводя итог приведенным материалам, мы видим, что история развития рассматриваемой отрасли военного дела имела в Средней Азии длительную традицию. Народы Средней Азии использовали опыт соседних народов, одновременно влияя на распространение огнестрельного оружия далеко за пределы Средней Азии (Индия). Средняя Азия и теснейшим образом связанный с ней соседний Хорасан были родиной замечательных для своего времени мастеров огнестрельных орудий. Такие из них, как Усто Фаррух, Али-Кули, Усто Рухи, Мир (Миран) *тупчи-баши* и другие, достойны занять почетное место в истории огнестрельного оружия у народов нашего Союза наряду с первыми прославленными «огненного дела» мастерами Московского государства.

⁷¹ Там же. Л. 153-а.

⁷² Там же. Л. 349-а.

⁷³ Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. I: Царствование Федора Иоанновича. СПб., 1890. С. 110.

ГЕОЛОГО-МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ ИБН СИНЫ¹

А. М. Беленицкий

Предлагаемый перевод трактата по минералогии и геологии назван трактатом условно, если под этим словом подразумевать отдельное самостоятельное сочинение. Оригинал данного трактата представляет собой один из разделов известного энциклопедического труда Ибн Сины — «Книги исцеления» (Китаб аш-Шифа'). Последний написан около 1023 г. В нем автор излагает комплекс философских наук того времени, в число которых входили и науки естественные. Последние выделены в особую часть под названием «Таби'йат», т. е. науки о природе или физические науки. Имя автора обеспечило книге известность как на Востоке, так и в средневековой Европе. В начале XVI в. ряд разделов в латинском переводе был печатно издан в Венеции, в средневековой Европе судьба интересующего нас раздела книги Ибн Сины сложилась особо, независимо от книги в целом. Уже в XII в. этот раздел оказался переведенным на латинский язык и в последующее время находился в обращении в виде самостоятельного трактата под названием «Liber de mineralibus Aristotelis». Кроме того, в полных латинских переводах сочинения Аристотеля «Метеорологика» оказались включенными главы с текстом, частично аналогичным тексту данного трактата. Факт этот не представляет ничего исключительного. Аристотелю нередко приписывались сочинения восточных средневековых авторов. Но вместе с тем и в средние века ряд ученых называют Авиценну автором названного сочинения. Таким образом, перед европейской наукой XIX и XX вв. возникла проблема установления имени настоящего автора этого сочинения.

Для исследователей вопрос осложнился вследствие еще одного обстоятельства. Когда стала известна в науке «Метеорологика» Аристотеля в греческом оригинале, то оказалось, что в ней отсутствовали главы по минералогии. Между тем сам Аристотель в этом сочинении пишет вполне определенно о том, что он намеревается осветить и эти вопросы. Это дало основание большинству европейских исследователей XIX в. придерживаться того мнения, что упомянутый латинский текст «Liber de mineralibus...» и является обещанным сочинением

¹ Впервые опубликовано: ИООН. Вып. IV. 1953. С. 41–54.

Аристотеля. При этом одним из добавочных доводов служило то, что трактат настолько мастерски написан, что может принадлежать только Аристотелю. Сторонников принадлежности трактата Аристотелю в первое время не смущал тот факт, что латинский текст являлся, как это было очевидно, переводом с арабского. Выход был найден в том, что последний был объявлен переводом с греческого. Однако при более близком знакомстве с текстом обнаружилось, что в нем имеется ряд собственных арабских имен и географических названий, которые никак не могли принадлежать греческому автору. На основании этого факта известный историк средневековой химии М. Бертело определенно высказался в пользу того, что автором трактата является Ибн Сина. Но почти одновременно другой французский ученый, Ф. Де-Мели, опубликовал специальную работу, в которой он доказывает, что «ядро» арабского текста является переводом греческого сочинения Аристотеля и что арабским переводчиком были сделаны лишь более или менее обширные интерполяции. Он даже пытается восстановить собственный текст Аристотеля. Де Мели опубликовал свою работу в 1894 г., и хотя его точка зрения и не была общепринятой, тем не менее в течение более трех десятилетий вопрос оставался окончательно не решенным. Одни высказывались за авторство Аристотеля, другие считали автором трактата Ибн Сину. Было очевидно, что на основании одного латинского текста решить вопрос окончательно невозможно. Требовалось привлечь арабский оригинал. Эту задачу выполнил известный современный историк средневековой науки (химии) Холмьярд, который совместно с другим ученым — Мандвилем — опубликовал специальную работу, в которой издан арабский текст раздела по минералогии из «Книги Исцеления» с переводом на английский язык, а также латинский текст трактата «*Liber de mineralibus...*» Предисловие и ценные комментарии, сопровождающие текст, знакомят с историей вопроса, которая кратко была изложена выше, и помогают понять достаточно трудный арабский текст².

Благодаря этому изданию, вопрос об авторе латинского минералогического трактата может считаться окончательно решенным. Им, бесспорно, является Ибн Сина. Сейчас, таким образом, историки науки получили в доступном издании новый весьма интересный труд знаменитого бухарского ученого, который позволяет судить о собственных взглядах его автора и одновременно об уровне теоретических представлений, достигнутых в области геологии и минералогии средневековой наукой.

В советской литературе, как востоковедной, так и специальной, геолого-минералогический труд Ибн Сины до сих пор не подвергся, насколько нам известно, специальному разбору.

Можно, однако, отметить с удовлетворением, что в общих работах по минералогии, вышедших в свет в Советском Союзе за последние годы, как переводных, так и оригинальных, имя Ибн Сины (в латинской форме — Авиценна)

² Avicennae de congelatione et conglutinatione lapidum, being Sections of the Kitāb Al-Shifā'; the Latin and Arabic Texts / Ed. with an English translation of the Latter and with Critical Notes by E. J. Holmyard and D. C. Mandeville. Paris, 1927.

упоминается систематически. Но вместе с тем совершенно очевидно, что приводимая в этих общих работах характеристика ученого является совершенно недостаточной. Нами просмотрены четыре труда по минералогии³. Все они отметили лишь один момент из сочинения Ибн Сины, а именно: данную им новую классификацию минералов. Так, в вышедшем в 1950 г. труде профессора А. Г. Бетехтина мы читаем: «Он (Авиценна) в своем трактате о минералах дал классификацию известных в то время минералов, разделив их на четыре класса: 1. Камни и земли; 2. Горючие и сернистые ископаемые; 3. Соли; 4. Металлы»⁴. Подчеркивается, что наиболее положительным достижением этой классификации является то, что Ибн Сина выделил в качестве самостоятельной группы сульфидные материалы.

Однако уже при первом знакомстве с трактатом в целом становится очевидным, что указанной классификацией содержание и интерес его далеко не исчерпывается. Он включает целый ряд других положений, которые имеют не меньшее историко-научное значение, чем классификация минералов.

Отмечу прежде всего тот внешний факт, что классификация минералов дается Ибн Синой во второй, меньшей по объему, части трактата. Первая его часть посвящена более широкому кругу вопросов чисто геологического порядка. Но именно эта часть трактата, насколько мы можем судить, в специальной советской литературе не нашла вовсе своего отражения. Укажем на «Курс исторической геологии» акад. А. А. Борисяка, 1934 г., с. 7, а также на исторический раздел статьи в «Большой Советской Энциклопедии» (1-е изд.) «Геология», где имя Ибн Сины вовсе не упоминается.

Трактат Ибн Сины сравнительно невелик. Он занимает 16 страниц печатного текста и делится на две главы. Как указывалось, первая часть посвящена вопросам геологии, вторая глава трактует вопрос об образовании минералов. С точки зрения истории науки, на наш взгляд, наибольший интерес представляет именно первая часть. Дело заключается в том, что до Ибн Сины средневековая наука не знала специальных работ, посвященных вопросам геологии. Отдельными учеными выдвигались лишь попутно вопросы, имеющие отношение к этой науке⁵. Попыток связного их рассмотрения не было сделано, и в этом вопросе Авиценна явился в полном смысле слова пионером, новатором. Несомненно, Ибн Сина в своем труде, как и в ряде других сочинений, принимает некоторые теории античной натурфилософии, в частности, он принимает теорию о четырех стихиях в аристотелевском изложении. По всей

³ Уклонский А. С. Минералогия. М.; Л., 1940. С. 88; Бэтман А. М. Промышленные минеральные месторождения. М., 1949. С. 16; Крук Т. История учения о рудных месторождениях с главой о развитии петрологии. М.; Л., 1938. С. 18; Бетехтин А. Г. Минералогия. М., 1950.

⁴ Бетехтин А. Г. Минералогия. С. 11.

⁵ Об этом см.: Carra de Vaux B. Les penseurs de l'Islam. T. II: Les géographes, les sciences mathématiques et naturelles. Paris, 1921. P. 352. Отмечая, что в средневековой арабской науке геологии как науки не было; автор этого сочинения приводит некоторые более или менее любопытные выписки из разных сочинений. Труд Ибн Сины был автору неизвестен. Характерно, что, приводя цитату из сочинения Закарии аль-Казвини (XIII в.), Б. Карра де Во не распознал в ней выписку из сочинения Ибн Сины, чем она в действительности является.

вероятности, из знакомства с сочинениями Аристотеля ему были известны и некоторые представления античной науки по геологии, а также и те наблюдения, на основании которых они были сделаны. Так, вероятно, Ибн Сине было известно сделанное в древности наблюдение о нахождении в горах остатков морских животных, на основании чего был сделан вывод о том, что на месте гор некогда были моря. Но вместе с тем вся эта часть трактата выделяется именно потому, что она строится преимущественно на собственных наблюдениях и опыте автора или же на наблюдениях, реальность которых в большинстве случаев не вызывает сомнения. Отметим его собственные наблюдения над залежами особого вида глины на берегу Амударьи; его опыты с плавлением метеорита, которые он проводил в Хорезме; рассказ о метеоритах в Джуджане и Табаристане. Эту общую тенденцию — исходить из живого опыта и наблюдения — нельзя не признать замечательной, учитывая время, когда писал Ибн Сина.

В связи с такой особенностью общего подхода к вопросам геологии некоторые выводы, к которым пришел Ибн Сина, звучат убедительно и в наше время. Так, нельзя не отметить его рассуждений об образовании горных долин и ущелий в результате эрозионной деятельности вод и ветров или его замечаний относительно длительности геологических процессов. Эти последние особенно интересны еще и потому, что они шли вразрез с религиозными представлениями о земле как результате одновременного акта творения.

В этом смысле рядом с Ибн Синой может быть поставлен лишь его современник, также выходец из Средней Азии, хорезмиец Бируни, который высказал, независимо от первого, поразительно сходные мысли. Позволим себе привести одно место из сочинения Бируни «Индия», в котором говорится о прошлом полуострова Индостана, хорошо дополняющее трактат Ибн Сины. Бируни пишет: «Вообрази на настенной части⁶ (земной поверхности) непрерывную цепь высоких гор, которая тянется наподобие сплошного хребта вдоль средних широт ее с востока на запад и проходит через Китай, Тибет, страну турок, а затем Кабула, Бадахшана, Тохаристана, Бамиана и Гура, Хорасана, Азербайджанского Джибала, Рума (Малая Азия), стран франков и Джалалики (Галиция-Испания). Вместе со своей протяженностью она (цепь) велика и по ширине своей. От нее (цепи гор) отходят отроги гор, к которым примыкают пустыни и населенные территории, и по обе стороны ее (горной цепи) спускаются (многочисленные) реки. (Когда-то) пустыней была и страна Индусов, с юга ее омывают воды морей, а с остальных трех сторон она окружена упомянутыми высокими горами. На нее изливаются с гор речные потоки. Если при виде ее (страны) своими глазами (примешь в соображение): обкатанные камни, которые находят на почве на разной глубине, до которой докапывались, и то, что они (камни) велики вблизи гор и что здесь течение (горных) рек стремительно; что по мере удаления от гор камни становятся меньше и течение (рек) ослабевает; (и, наконец), что песок оседает там, где вода (почти) неподвижна, а именно, вблизи дельты и берега

⁶ Средневековые географы делили всю поверхность земного шара на две части: «населенную» и «ненаселенную». Под первой практически подразумевались известные тогда населенные области Азии, Африки и Европы.

моря, — то неизбежно представишь себе их (индусов) страну в древности морем, которую заполнили те наносы, что принесли потоки»⁷. На основе аналогичных наблюдений, в сопоставлении их с древнейшими историческими известиями, Бируни высказал аналогичный взгляд на аллювиальное происхождение земель Хорезма⁸.

Отмечая факт, что одновременно с Ибн Синой сходные идеи по вопросам геологии были высказаны и Бируни, необходимо подчеркнуть то, что именно первому принадлежит заслуга связного изложения целого комплекса проблем, связанных с этой наукой, в то время как Бируни свои идеи по этим вопросам излагал лишь попутно.

Вторая глава трактата, как указывалось, посвящена вопросу образования минералов. Вначале Ибн Сина дает вышеприведенную классификацию минералов. Современная наука высоко оценила значение этой классификации, отметив ее как одну из всех в становлении минералогии как науки. Оставляя специалистам возможность судить о содержании остального текста этой главы в целом, мы хотели бы здесь выделить то место в данной главе, в котором Ибн Сина выступает очень определенно против алхимиков. Значение этого факта трудно переоценить в условиях средневековья, когда вера в алхимию была всеобщей, сам факт выступления Ибн Сины, а также форма, в которой он изложил свой взгляд, представляют исключительно большое значение. Чрезвычайно характерно, что и в этом вопросе с Ибн Синой полностью солидаризуется и Бируни. Так, в своей «Минералогии» Бируни пишет: «Что касается того, что изготавливается людьми из металлических веществ, то природные (всегда) превосходят искусственные, и это закон обязательней, как бы не пытались алхимики им пренебрегать. Они (доходят до того), что считают золото, видимое ими в мечтах, (в) путанных сновидениях, превосходящим природное золото. По их утверждению, оно способно превратить все то, что в него привносит, в чистое золото, и что природное в этом бессильно»⁹. Еще более определенно свое отрицательное отношение к химии Бируни высказал в «Индии». Говоря о склонности индусов ко всякого рода колдовству и фокусам, Бируни замечает, что последние никоим образом нельзя назвать «наукой» и добавляет: «К этой категории (т. е. к фокусам) относится и алхимия, хотя ее и не называют так. Разве ты не видишь, как (фокусник) извлекает кусок хлопка, а показывает его в виде куска серебра. Но это приписывается фокусам, и вот между этим и тем и кто берет серебро и заставляет видеть в нем золото (т. е. в манипуляциях алхимиков) нет, по сути, никакой разницы»¹⁰.

Заканчивая на этом свои краткие замечания, мы можем с полным правом, как нам думается, сделать тот вывод, что трактат Ибн Сины представляет собой

⁷ Alberuni's India: An Account of the Religion, Philosophy, Literature, Chronology, Astronomy, Customs, Laws and Astrology of India about A.D. 1030 / Ed. in the Arabic Original by E. Sachau. London, 1887 (далее — Alberuni's India). P. 96–97.

⁸ См.: Волин С. К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1. С. 193–194, а также: Гулямов Я. Бируни об исторической гидрографии низовьев Аму-Дарьи // Бируни — великий узбекский ученый средневековья. Ташкент, 1950. С. 85 сл.

⁹ Китаб ал-джамахир фи ма'рифат ал-джавахир. Хайдарабад, 1936–1937. С. 247.

¹⁰ Alberuni's India. P. 92.

труд, для своего времени, безусловно, замечательный. Это труд оригинальный и вполне самостоятельный.

Основная ценность его заключается в том, что по своему подходу к явлениям природы он для своего времени вполне научен и базируется в целом ряде случаев на реальных и опытных данных. Эта тенденция делает его особо важным и определяет его значение в истории науки.

Что касается оценки отдельных деталей, изложенных в сочинении Авиценны, то она, надеемся, будет дана специалистами — историками геолого-минералогической науки, к числу которых автор данного перевода не принадлежит.

КНИГА ИСЦЕЛЕНИЯ¹¹

Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

Пятый раздел (науки) физики¹² касается метеорологических явлений¹³. Две главы этого раздела содержат (рассуждения) о причинах образования неодушевленных тел как-то минералов и (происхождения) метеорологических явлений и о том, что сходно с ними.

Глава I. О явлениях, происходящих на поверхности земли

Подраздел 1. О горах

Мы начнем сперва с исследования условий образования гор и тех соображений, которые необходимо учитывать в отношении этого.

Первое (что надо знать) — это условия образования камня (вообще)¹⁴, и второе — условия образования камней¹⁵ больших размеров (скал) или их скоплений; и в-третьих — условия образования того, что имеет высоту и глубину (пиков, ущелий).

И мы скажем. В большинстве случаев чистая земля не подвергается окаменению, т. к. преобладание сухости на земле не содействует ее уплотнению, а, наоборот, приводит к распылению.

Образование камней в большинстве случаев происходит двумя путями.

Один из них — в результате высыхания глины¹⁶, а второй — в результате отвердевания (воды). Многие камни образовались из субстанции¹⁷, в которой преобладает элемент земли. Многие же из субстанции, в которой преобладает элемент воды.

¹¹ Примечания, помеченные буквами «Х. М.», принадлежат издателям текста.

¹² В тексте буквально: пятая наука из (отдела) физики (табийат).

¹³ *Осор ал-'алавийа* — «небесные явления».

¹⁴ В тексте употреблено слово *хиджара* — собирательное множественное (Х. М.).

¹⁵ См. примеч. 6.

¹⁶ В тексте: *тафхир* — слово, которое означает «спекание, обжиг» (вероятно, имеется в виду высыхание в результате действия солнца).

¹⁷ *Джаухар* — слово, имеющее ряд значений, в том числе: «элемент», «сущность», «субстанция», [как противоположность акциденции] (Х. М.).

Многие глины, высыхая, превращаются сперва в нечто среднее между глиной и камнем. Это мягкий камень. Затем он превращается в камень твердый. Для этого наиболее подходят те из глин, которые обладают вязкостью¹⁸.

Если же глина не вязкая, то она чаще всего рассыпается, прежде чем окаменеет.

В детстве мы видели на берегу р. Джейхуна¹⁹ места, в которых находилась глина, употребляемая для мытья головы.

Затем через некоторое время мы ее видели снова, и она (глина) оказалась окаменелой, но камень был мягкий, и это произошло через промежуток времени в 23 года²⁰.

Из текучей воды камень образуется двумя способами. Один из них — когда вода отвердевает по мере того, как падает капля за каплей или стекает непрерывной струей. Второй — когда из нее (воды) в протоке оседает то, на что воздействует поверхность его русла, и затем это каменеет.

Так, имеются свидетельства о текучей воде, часть которой, падая каплями на определенное место, окаменеет (в виде сплошной массы) или превращается в отдельные камни разного цвета.

Имеются свидетельства о воде, падающей каплями, которая не отвердевает, если ее набрать в сосуд, но если она падает на каменистую поверхность вблизи места своего протекания, то она отвердевает и тут же превращается в камень²¹. Мы узнаем, таким образом, что такая земля обладает силой, (способствующей) минерализации и отвердеванию, превращающей текучее вещество в твердое.

Исходным элементом для образования камня служит или глинистый вязкий элемент, или элемент (*джаухар*), в котором преобладает водная субстанция²². И можно полагать, что этого рода отвердевание происходит благодаря особой минерализующей силе, приводящей к отвердению. Но возможно, что при этом одержала победу субстанция земная, подобно тому, как отвердевает соль, в которой земная субстанция победила благодаря особой силе, независимо от ее количества. И если качество этой земной субстанции в ней и не таково, как в соли, а иное, то все же оба они сходны в том, что превращение происходит с помощью тепла и что воздействие тепла делает их твердыми.

Однако возможно, что здесь участвует другая сила, нам неизвестная. Можно допустить, что дело происходит и наоборот и превращение в земную субстанцию произошло благодаря собственной силе холода и сухости²³.

¹⁸ В тексте употреблен термин *лазадж*, означающий липкий, клейкий. Переводчик передает это понятие на английском языке словом «agglunative».

¹⁹ Джейхун — древнее название Амударьи.

²⁰ В латинском переводе «33 года» (X. М.).

²¹ В географической литературе средних веков рассказы о такого рода источниках весьма часты. См.: Zakarija ben Muhammed ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. T. II: Die Denkmäler der Länder, aus den Handschriften des h. Dr. Lee und der Bibliotheken zu Berlin, Gotha und Leyden / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1849. S. 332: «На берегу (озера Урмии) имеются источники, вода которых на воздухе окаменеет».

²² В тексте *ал-маййат*.

²³ Согласно представлениям средневековой науки, каждая из так называемых стихий (земля, вода, огонь и воздух) обладают внутренне им присущими «субстанционными» свойствами — сухостью и холодностью, влажностью и горячностью, и проч.

Короче, как ты знаешь, вода по природе своей превращается в земную субстанцию благодаря победе в ней силы земной субстанции. Так же и Земля, как ты знаешь, по природе своей способна превратиться в водную субстанцию, если в ней победит сила водной субстанции.

Отсюда и происходит вещество, добытое некоторыми лицами, заблуждающимися в своих фантазиях, которое они называли молоком девственницы²⁴. Оно состоит из двух (жидких) веществ, которые затвердевают в виде твердого тела, и это указывает на истинность того (что я сказал), у них имеется множество веществ, при помощи которых они разлагают и соединяют его (молоко девственницы?), что также подтверждает эти положения.

Таким образом, камень образуется или в результате отвердения вязкой глины на солнце, или же в результате отвердения воды благодаря земной сухой природе (заключенной в ней) или же по причине высушивания посредством (другого источника) тепла.

Если то, что рассказывают относительно окаменения животных и растений истинно, то причина этого заключается в крайне большой силе минерализации, которая присуща некоторым каменистым местам. Оно (окаменение) может произойти и благодаря (жару), который мгновенно вырывается из земли во время землетрясений и внезапных провалов, когда все, что падает в них (провалы), превращается в камень.

Превращение животных и растительных тел в каменные не далеко (по своей сути) от превращения воды (в камень). Тело сложное не включает ничего, что мешало бы победе над ним силы одного элемента, в который оно превращается. Это происходит потому, что каждый из элементов, входящих в его (тела) состав и не принадлежащих к данному элементу, неизбежно превращается в этот элемент. По этой причине все тела, попадающие в соли, превращаются в соль, а тела, подвергающиеся горению, — в огонь.

Что касается быстроты или медленности превращений, то это процессы, которые могут быть и различными вследствие различия самих действующих сил. Если сила чрезвычайно велика, то превращение происходит в короткое время.

Так, в стране арабов имеются *харры*²⁵, которые окрашивают в цвет свой каждого, кто там поселяется, а также любой предмет, который туда попадает.

Я видел лепешку в виде испеченного *рагифа*²⁶, тонкую в середине и со следами ударов; она превратилась в камень, сохранив свой цвет. На одной из двух

²⁴ Молоко девственницы — «Условное или символическое название разных веществ, употреблявшихся в алхимии. Часто относилось к ртути. Согласно Бертело, это могло быть хлористой ртутью». Кажется несомненным, что Ибн Сина имеет в виду два вида жидких тел, которые, смешиваясь, дают белый (твердый) осадок, как-то: окись свинца и углекислый калий, что было известно и Джабиру ибн Хайану» (X. М.).

²⁵ *Харра* происходит от слова «харр» (жара). Это название лавы, состоящей из пористого базальта, шлаковых обломков вулканического происхождения, зеленокаменной породы (gruntone) шифера (schist) и других камней изверженных пород. Слово это употребляется также для обозначения горного выступа или горы такого образования (X. М.).

²⁶ *Рагиф* — название хлеба особой формы.

ее сторон имелись следы полос печи. Нашел я ее валяющейся на горе, расположенной вблизи одного из городов Хорасана, называемом Джаджерм²⁷, и некоторое время возил с собой. Такие предметы вызывают удивление из-за редкости их нахождения, причины (их образования), однако, естественные и явные.

Некоторые камни образуются от огня, когда он гаснет. Таковы многие из железных и каменных тел, которые рождаются от молний. И происходит это благодаря одной из причин, присущей огненной субстанции, которая, потухая, становится сухой и холодной.

В стране тюрков во время гроз с молнией падают медные тела в виде наконечников стрел с выступом, загнутым вверх.

Подобные им падают и в стране Гиляна и Дейлема²⁸. И когда они падают, то они зарываются в землю²⁹. Субстанция их является медной и сухой.

В Хорезме я потратил много усилий на расплавление подобного наконечника, но он не плавился. Он непрерывно выделял зеленоватый дым до тех пор, пока не превратился в золотистое вещество.

Для меня благодаря неоднократным (наблюдениям) является истинным то, что произошло, как мне передавали, в наше время в области Джузджанан³⁰.

Кусок железа, весивший, вероятно, около 150 менов³¹, упал с воздуха. Он сперва врезался в землю, а затем появился на поверхности один или два раза подобно тому, как отскакивает мяч, которым ударяют о стену. Но, наконец, он снова зарылся в землю. Люди слышали в связи с этим ужасающе громкий удар.

И когда они (жители) расследовали дело, добыли его и доставили правителю Джузджана, а он написал об этом теперешнему султану Хорасана, Йамин ад-давла ал-Музаффару ал-Мугалибу³², который приказал прислать его к нему целиком или же часть его. Перевозка его оказалась невозможной из-за его тяжести. Тогда начали отрубать кусок от него. Но инструменты действовали с большим трудом. Сверла и ломы, которыми его раскалывали, ломались, в конце концов кусок от него отделили и отослали к нему (султану). Он намеревался выковать из него меч, но это оказалось невозможным. Рассказывают, что

²⁷ Джаджерм — известный в средние века город в северной части Хорасана.

²⁸ Гилян и Дейлем — области Ирана, лежащие на южном берегу Каспийского моря.

²⁹ Аналогичные сообщения мы находим в «Минералогии» Бируни. Так, рассказывая о находках в стране Гузов медных наконечников стрел, а в Табаристане — медных (наконечников) копий и дротиков, он добавляет: «и те, и другие (гузы и жители Табаристана) считают эти наконечники упавшими с неба посредством молний» (Китаб ал-джамахир фи ма'рифат ал-джавахир. С. 246). В другом месте (там же. С. 250) Бируни пишет: «Говорят об огне молнии, что он прожигает землю и проникает в глубь ее. И если копнуть по следу ее (молнии), то извлекают из земли (кусок) железа, из которого выделяются мечи».

³⁰ Джузджанан — средневековое название области на левом берегу Амударьи, к западу от Балха.

³¹ Слово *мен*, судя по тому, что пишет об этом метеорите Ибн Сина, здесь означает крупную меру веса, вероятно, равную позднему батману (6–8 пудов).

³² Известный султан Махмуд Газневидский. Правил с 998 по 1030 г.

вещество его состояло из просовидных крупинок мелких и круглых, спаянных одно с другим³³.

Все это лично видел мой приятель-*факих* (законовед. — А. Б.) Абу Убейдулла Абу-л-Вахид ибн Мухаммед ал-Джудджани³⁴. Мне рассказывали, что многие из превосходных йеменских мечей изготовлены из подобного вида железа. Поэты арабов воспевают их в своих стихах. Это один из путей образования железа.

Один из заслуживающих доверия шейхов княжества Исфакхана — Абу Мансур Хормуз'яр Ибн Мушкзар, человек, приближенный к эмиру Абу-Джафару Мухаммеду ибн Душманзару³⁵, да помилует его Аллах! — рассказал, что в горах Табаристана с воздуха упало (тело), описание падения которого совпадает с описанием падения железа (из Джудджанана) (с той разницей), что это был камень, и это вкратце то, что относится к образованию камня.

Что касается образования массивов камней, то оно происходит или сразу (мгновенно) под воздействием сильного жара, который сплавляет много вязкой глины, или же в течение долгого времени, если он (жар) невелик.

Что касается возвышенностей (гор), то их образование происходит в результате (различных) причин. Одна внутренняя причина³⁶ обнаруживается во время сильных землетрясений, когда благодаря ветру, вызывающему землетрясение³⁷, поднимаются большие массы земли, и таким образом сразу же появляется высота. Другая — случайная³⁸ причина (заключается в следующем): на одних участках земли появляются углубления³⁹, не затрагивающие другие участки. Это происходит в результате разрушительного действия ветра и воды, уносящих одни части (поверхности) земли и оставляющих на месте другие. Там, где проходит (поток), образуется углубление; местность, где поток не проходит, остается в виде возвышенности. Затем потоки продолжают неперестанно углублять первоначальные русла, пока они не образуют глубокие ущелья, а местность (по сторонам) превращается в высокие горы.

Этот (взгляд) на образование гор и того, что между ними, как-то долин и ущелий, как будто истинный. Но часто вода и ветер были бы бессильны, если бы отдельные участки земли не отличались один от другого. Одни из них рыхлые, а другие каменистые. Мягкая, рыхлая земля размывается, а каменистая остается в виде возвышенности. Затем проложенное русло непрерывно, с тече-

³³ О железном метеорите из Джудджанана рассказывает и Бируни (Китаб ал-джамахир фи ма'рифат ал-джавахир. С. 251), который отмечает, со слов не названного им лица, что железо его было низкосортным и что будто бы по своей форме он похож на морской якорь.

³⁴ Ал-Джудджани — ученик Ибн Сины.

³⁵ Основатель династии Каквахидов (или Какуйидов), владевший центральными областями Ирана. Правил с 1007 по 1041 г.

³⁶ *Сабаб би'н зат*.

³⁷ Этот взгляд на землетрясения как результат действия подземных бурь высказан Аристотелем в его «Метеорологике» (Х. М.).

³⁸ *Сабаб би'н 'ард*.

³⁹ *Инхифар* — букв. «разрытое (место)», «углубление».

нием времени, углубляется и расширяется, а поднятые части остаются неизменными, и по мере того как углубляется первый участок, соседний становится все более высоким, и это главные причины, которые приводят к трем указанным явлениям.

Горы образуются (кроме того), вследствие одной из причин образования камней, и в большинстве случаев они образуются из вязкой глины, которая высыхает в течение длительного времени и превращается в камень. Это происходит в течение целых эпох, длительность которых мы не знаем.

И кажется, что современные населенные области в прошлом были нечитаемыми, погребенными под морем⁴⁰. И окаменение произошло или после того, как они освободились от воды постепенно в течение эпох, даты которых не поддаются определению, или же под водой, в результате действия громадной силы подземного жара. Более вероятно, что это (окаменение) происходит после того, как (суша) поднялась и глина ее, будучи вязкой, оказалась способной к окаменению. По этой причине во многих каменных породах после их размельчения находят части водяных животных, как раковины и другие⁴¹. И недалеко от истины, что минерализующая сила была порождена там (в каменеющей глине) и способствовала этим процессам. Тогда же мог происходить и процесс превращения воды в камень.

Следует предположить, что начало образования гор происходит (именно) указанным выше путем. Обилие камня в них (горах) обязано обилию в морях глины, которая впоследствии обнажилась. А (само) появление (букв. «поднятие») высот произошло вследствие прокапывающей деятельности потоков и ветров между ними (высотами), и если ты поразмыслишь над большинством гор, то ты увидишь, что углубления, их разделяющие, произошли от потоков. Но этот процесс, если он закончился, то совершался в течение долгого времени.

Что касается самих потоков, то не от каждого из них остался след. Видны следы лишь тех, которые по времени близки к нам.

В настоящее время горы подвергаются распылению и распаданию и это потому, что их рождение и образование после обнажения из воды произошло лишь недавно, и сейчас они под властью сил разрушения. Исключение составляют те горы, которые по соизволению Аллаха продолжают расти вследствие окаменения воды или же потому, что протоки приносят к ним много глины, которая каменеет. Мне известно, что это наблюдалось в некоторых горах. Что касается того места, которое я наблюдал на берегу Джейхуна, то оно не заслуживает названия горы.

⁴⁰ «Гипотеза, которая восходит к Ксенофону из Колофона (614 г. до н. э.) и была принята Геродотом, Страбоном и Аристотелем» (Х. М.).

⁴¹ До Авиценны такое же наблюдение было проведено греческими учеными (см. примеч. 2). Был сделан и соответствующий вывод. Однако после Авиценны только Леонардо да Винчи осмелился об этом заявить громко (Х. М.). Следует заметить, что и Бируни, говоря о геологическом прошлом Хорезма, пользовался этим наблюдением. См.: *Волин С. К истории...* С. 193: «Мы находим подобные этим (аравийским) камни, внутри которых находятся плавники рыб, в песчаной пустыне между Джурджаном и Хорезмом, (где) было как бы озеро».

А те из обнаженных (мест), глина которых обладала большей твердостью и более сильно окаменела или была больше по своей массе, то они после разрушения вне их лежащих участков, остались в виде возвышенностей и гор.

Что касается пластов (букв. «жил») глины, находимых в горах, то можно полагать, что эти пласты произошли не из материи, способной к окаменению, а из (продуктов) разрушения гор.

Они превращались в прах, который заполнял низины и расщелины. Затем над ними протекали потоки, увлажнившие его. (Одновременно) он (прах) покрывался слоями, состоящими из (обломков) гор или же прославился их (гор) природной («хорошей») глиной⁴².

Можно также полагать, что в древности глины не были по своей природе однородными. В ее (глины) состав входило то, что поддавалось сильному окаменению, равно и то, что не каменело, а также и то, что в процессе окаменения размягчалось благодаря (внутреннему) качеству, которое в ней преобладало или же по какой-либо из множества других причин.

Возможно также допустить, что море постепенно покрывало сушу, состоящую (обычно) из равнин и гор, и затем оно отступало, и вот поверхность низины превратилась в глину, в то время как с горами это не произошло. Глина эта оказалась способной к окаменению после того, как обнажилась, и такое окаменение ее бывает окаменением полным и сильным.

Когда же обнажилось то, что окаменело (на дне моря), то возможно (следующее): древнее окаменение находится на грани того, что способно распадаться. В таком случае возможно, что с ним произойдет обратное тому, что происходит с прахом: в то время как первое, увлажняясь и размягчаясь, превращается в прах, последний оказывается способным к окаменению.

Так бывает с кирпичом, землей и глиной, размоченными в воде. Если затем поместить кирпич и хорошую глину в огонь, то окажется, что сильно размоченный кирпич, будучи вторично подвергнут обжигу, может рассыпаться. Глина и земля, если они способны к окаменению, становятся более крепкими.

Возможно также, что суша поднялась из моря и после этого глина ее затвердела. Так, можно видеть, что некоторые горы как будто сложены из (разных) слоев. И, вероятно, это произошло вследствие того, что в свое время их глина отлагалась слоями. Сперва образовался один слой, а затем в течение другого периода времени появился другой слой, перекрывший (первый). Над каждым слоем отложилось нечто (вещество), отличное по своей природе от этого слоя, и оно (вещество) оказалось промежуточным между этим и следующим слоем.

Когда же материя окаменела, то могло случиться, что промежуточный слой растрескался и рассыпался, образовав пустоту между слоями. Что касается дна морей, то там глина или осадочная, или более древнего образования, не осадочная.

Возможно и то, что промежуточные слои гор бывают осадочными. Так образуются горы⁴³.

⁴² Текст первой фразы этого абзаца, как отмечают издатели, сомнительный.

⁴³ Дальнейшие главы этого раздела авторами издания опущены.

Глава об образовании минералов

Сейчас настало для нас время рассказать относительно обстоятельств образования минеральных тел.

И мы скажем, что минеральные тела могут быть разделены приблизительно на четыре категории: камни, плавящиеся вещества (металлы), серные (вещества) и соли⁴⁴. Из минеральных веществ некоторые по своей субстанции (*джаухар*) слабые по составу и структуре («смеси» — *мизадж*), рыхлые. Другие же крепкие по своей субстанции. Одни поддаются ковке, а другие нековки, к (минералам), слабым по субстанции, относятся соли, которые растворяются с легкостью в жидкостях, как, например, квасцы, купорос, нашатырь, калканд⁴⁵. К ним же относятся маслянистые (вещества), которые не растворяются с легкостью одной жидкостью, например, красная сера (*кибрит*) и мышьяк (*зарних*)⁴⁶. Что касается ртути, то она относится к числу (веществ) второй категории, так как она — вещество⁴⁷ ковкое или подобна ковким веществам.

Все ковкие минералы одновременно являются и плавкими, хотя бы посредством особых ухищрений.

А большинство из тех, которые не поддаются ковке, не плавятся обычной плавкой и поддаются смягчению лишь с трудом.

Материя ковких минералов (металлов) состоит из водной субстанции, находящейся в неразрывной смеси с земной субстанцией, настолько прочной, что она не может от нее освободиться⁴⁸. Из-за нее (земной субстанции) водная субстанция его (металла) отвердела. Произошло это после того, как на нее действовало тепло и сделало ее для этого готовой («зрелой»).

К ним (металлам) принадлежат и те вещества, которые еще живы, поскольку они не отвердели благодаря их маслянистости, и поэтому они поддаются ковке.

Что касается природных каменных минеральных пород, то их материя также водная. Однако их отверждение произошло не только от холода, но и от сухости, которая и превратила, их водную субстанцию в земную. И в них нет живой

⁴⁴ Другая классификация минералов, имевшая распространение до этого, принадлежит предшественнику Ибн Сины, известному ученому медику и автору сочинений по другим отраслям наук Ар-Рази (около 865 — около 925). Он подразделил минералы на шесть категорий:

1. Спирты («духи») (*арвах*): сера, ртуть, нашатырь.
2. Тела (*аджсад*): металлы.
3. Камни (*ахджар*): такие минералы как лазурит, бирюза и проч.
4. Купоросы (*заджат*): (5 видов).
5. Бура (*бурак*): 6 видов.
6. Соли (*амлах*): 11 видов.

И, наконец, группу веществ, помимо этих шести категорий, как тинкар (пирит), калийная соль и проч. (Х. М.).

⁴⁵ Калканд, $\text{FeSO}_4 \cdot 7\text{H}_2\text{O}$ (Х. М.).

⁴⁶ *Зирних* — реалгар, As_2S_2 и As_3S_3 (Х. М.).

⁴⁷ *Ансар*.

⁴⁸ Ибн Сина в вопросе об образовании минералов излагает теории, восходящие к учению античных авторов и современных ему алхимиков. Они содержат мало оригинального. Теория о том, что металлы состоят из двух субстанции, заимствована у Аристотеля (Х. М.).

маслянистой влаги. По этой причине они не ковки. А поскольку их отвердевание в большинстве случаев произошло от сухости, они не плавятся иначе, как посредством применения каких-либо особых ухищрений, способствующих их плавлению. Что касается квасцов и нашатыря, то они принадлежат к категории солей. Но в нашатыре огненного элемента больше, чем земного. Поэтому он поддается полной возгонке. Это вода, смешанная с горячим дымом, крайне нежным, обладающим очень большой огненной субстанцией. Он твердеет благодаря (заклученной в нем) сухости.

Что касается серы, то ее водная субстанция подверглась сильному окислению от земной и воздушной субстанций через средство окисляющего действия тепла, так что она (водная субстанция) стала маслянистой и затем отвердела благодаря холоду.

Купоросы — это сложные тела, (состоящие) из (элементов) соли, серы и камня. Некоторые обладают силой плавящихся веществ (металлов).

Что касается принадлежащих к их (купоросов) числу веществ, как калканд и калкатар⁴⁹, то они образовались в результате разложения купоросов. Из них выделились (букв. «разложились элементы») соли вместе с заключающейся в них серой и затем при их (купоросов) отвердении они включили в себя минеральную силу одного из рудных веществ. Тот, который включил силу железа, становится красным и желтым, как (напр.) калкатар. Тот, который включил силу меди, становится зеленым.

Это (свойство) делает возможным их искусственное (букв. «в алхимии») изготовление.

Ртуть это как будто вода, находящаяся в смеси с крайне нежной земной и серной (субстанцией), в смеси столь неразрывной, что от нее нельзя отделить поверхностный слой без того, чтобы ее (ртуть) не покрыла сразу же сухость. Поэтому она не пристает к руке и не принимает в точности форму сосуда, в котором она находится. Она сохраняет свою форму, если на нее не воздействует внешняя сила. Ее белизна зависит от чистоты водного элемента, белизны тонкого земного элемента, которые в ней заключены, а также от примеси в ней воздушного элемента.

К особенностям ртути принадлежит то, что она твердеет от воздействия паров серы. Поэтому возможно сделать ее очень быстро твердой посредством олова⁵⁰ или паров серы. Похоже на то, что ртуть или то, что на нее похоже, — это исходный элемент всех плавких веществ. Ведь все они при плавлении переходят в нее⁵¹, но большая часть их плавится при высокой температуре, и потому ты видишь их ртуть красной. Что касается олова, то вид его в расплавленном состоянии не вызывает сомнения в том, что это ртуть, так как оно (олово) плавит до того, как раскалится.

Если же его раскалить, то его цвет становится таким же, как (цвет) других расплавленных (веществ), — подразумеваю то, что оно приобретает красный

⁴⁹ По определению средневековых источников — желтый купорос.

⁵⁰ *Rasac* — термин этот применяется как для обозначения олова, а также нередко и свинца.

⁵¹ Таково было всеобщее представление в алхимии (X. М.).

цвет огня. По этой причине ртуть целиком соединяется со всеми этими веществами и (металлами), так как она принадлежит по своей субстанции к их числу. Эти вещества отличаются от нее лишь по своему образованию, вследствие различия самой ртути или того, что занимает ее место, а также различия того, что к ней примешано и привело к отвердению.

Если же ртуть чистая и то, что к ней примешано и привело ее к отвердению, состоит из силы серы белой, не пережженной и без загрязнений, иначе говоря, если она (сера) превосходит ту, которой пользуются алхимики, то образуется серебро.

Если же сера по своей чистоте превосходит эту и обладает большей чистотой и, кроме того, обладает красящей тонкой, но не сжигающей силой огня, то есть, если она превосходит ту, которую применяют алхимики, то она (сера) может превратить ее (ртуть) в золото.

Затем, если ртуть по своей субстанции хороша, а сера, которая ее делает твердой, загрязнена и обладает сжигающей силой, то от нее образуется (один из) видов меди. Если же ртуть низкого сорта, грязная, землистая, а сера также загрязненная, то из нее образуется железо. Что касается калайского олова, то кажется, что его ртуть высшего качества, но сера низкого. Смесь их слабая и, как будто, отдельные элементы в нем располагаются послойно. По этой причине оно кричит⁵². Что касается свинца, то кажется ртуть его загрязненная, тяжелая, глинистая, а сера в нем низкосортная, вонючая и слабая. Поэтому его отверждение неустойчиво.

Недалеко от (истины), что алхимики в состоянии изобрести хитрость, которая сделала бы условия отверждения ртути при помощи серы для чувств (человека) ощутимыми. Однако искусственные условия не сходны с естественными по своему совершенству. Они бывают лишь похожими и приближающимися к ним. Следует помнить, что процесс образования их (веществ) в природе таков же или близок к нему⁵³. Однако средства алхимии ограниченнее природных, и даже при затрате больших усилий алхимики не в состоянии приблизиться к ним.

Что касается претензий алхимиков, то необходимо знать, что в их руках нет средств изменить виды (веществ) истинным изменением. Они в состоянии лишь производить красивые подобы (имитации). Так, они умеют окрасить красного цвета вещество настолько глубокой белой краской, что оно делается сильно похожим на серебро. Они (умеют) окрашивать его желтой краской, делающей его крайне похожим на золото. Они окрашивают белое вещество любой краской, которой они пожелают, так что оно становится сильно сходным с золотом или медью. Они в состоянии освободить олово от большей части его пороков и недостатков. Однако субстанция их (веществ) остается неизменной. Правда (случается), что в них (искусственных веществах) получают

⁵² Феномен «крика» олова хорошо известен, в современной химии он объясняется трением кристаллов (Х. М.).

⁵³ Текст здесь весьма сложный. Ибн Сина этим хочет сказать, что алхимики в состоянии готовить искусственно вещества лишь внешне похожие на металлы, но что «внешние свойства, воспринимаемые чувствами, не идентичны субстанциональным» (Х. М.).

преобладание полезные качества, и в отношении их можно легко ошибиться. Так, люди могут принять (искусственные) соль, калканд, нашатырь и др. (за естественные продукты), и я не возражаю против того, что они (алхимики) могут достигнуть в тонкости изготовления такой степени, чтобы совершенно скрыть это. Но что касается устранения или скрятия (существенных) различий между отдельными видами веществ, то возможность этого для меня неясна. Больше того, я полагаю это невозможным, поскольку нет пути к превращению одной смеси в другую. Что касается свойств, воспринимаемых чувствами, то кажется, что они не относятся к тем отличиям, которые характеризуют эти тела как виды. Они важнейшие и случайные. Существенные различия неизвестны. Если же что-либо неизвестно, то как можно ставить цели создания или же уничтожения?

Что касается уничтожения окрасок и других внешних признаков, как-то: запаха или веса или (наоборот) придания их, то они принадлежат к тем фактам, которые не заслуживают того, чтобы мы на них упорно настаивали, дабы тем не уронить достоинства науки. Однако явных доказательств их невозможности нельзя выставить.

И кажется, что отношение, которое существует между элементами в составе каждого из перечисленных веществ, различное, и если это так, то нельзя превратить один металл в другой без того, чтобы его сперва не разложить, а затем соединить в желаемый состав. Но это невозможно сделать с помощью одного плавления, которое не нарушает единство (букв. «связь»), а лишь примешивает к нему инородные тела или инородную силу. Мы имеем многое, что сказать по этому поводу. Если бы пожелали, то сказали бы. Но пользы в этом мало. Необходимости же для данной главы в этом нет.

ИБН СИНА И БИРУНИ (Опыт сравнительной характеристики)¹

А. М. Беленицкий

Попытаться сопоставить между собой Ибн Сину и Бируни — задача, которая как бы напрашивается сама собой. Действительно, оба они земляки, выходцы из Средней Азии. Оба они сверстники. Разница в их возрасте меньше одного десятилетия. Они творили в одну эпоху, отражая ее наиболее характерные духовные устремления. Оба они в науке — в полном смысле слова энциклопедисты, стремившиеся с наибольшей полнотой овладеть всеми научными достижениями своего времени и давшие мощный импульс развитию основных для того времени отраслей науки. Вместе с тем каждый из них оставил глубокий след в разных областях науки, тем самым дополняя друг друга. Нельзя также не отметить, что они были знакомы друг с другом, сначала по переписке, а затем и лично. И хотя в переписке они выступают в качестве оппонентов, личное знакомство между ними отнюдь не повлекло за собой разочарования. Можно только пожалеть, что до нас не дошли характеристики, данные ими друг другу. Но нам известен, хотя и лаконичный, но вполне определенный отзыв одного из них о другом, свидетельствующий о взаимном уважении².

Когда в конце прошлого века было опубликовано печатное издание сочинения Бируни «Индия», оно вызвало самые восторженные отзывы. Одна из рецензий на эту работу, принадлежащая знаменитому русскому арабисту В. Р. Розену, занимает особое место. В ней дана исключительно высокая оценка труду Бируни как сочинению, не имеющему себе равного в средневековой арабоязычной и вообще восточной письменности. Эта оценка часто приводится в нашей литературе, и ниже мы также воспользуемся ею. В ней, безусловно, отражена сама суть научного подвига хорезмийского ученого. Однако одно место в этой

¹ Первая публикация: Абуали Ибн Сино и его эпоха (К 1000-летию со дня рождения). Душанбе, 1980. С. 161–180.

² О переписке Ибн Сины с Бируни см.: Завадовский Ю. Н. Ибн Сина и его философская полемика с Бируни // Ибн Сина. Материалы научной сессии Академии наук УзССР, посвященной 1000-летию юбилею Ибн Сины. Ташкент, 1953. Бируни упоминает об этой дискуссии в своей «Хронологии», где он называет Ибн Сину «достойным юношей» — см.: Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения. Т. I: Памятники минувших поколений. Ташкент, 1957 (далее — Бируни. Хронология). С. 281.

рецензии осталось не замеченным авторами, привлекавшими ее. Имеется в виду следующее: «А что такое произведение, — пишет В. Р. Розен, — могло явиться в то время, когда оно появилось, что такой автор мог выйти из той среды, из которой он вышел, что такой памятник мог быть написан на том языке, на котором он был написан, — вот в чем заключается громадный общесторический интерес бируниевой “Индии”»³.

Удивление, высказанное В. Р. Розеном, можно истолковать следующим образом: как случилось, что именно в Средней Азии появился ученый, в сравнение с которым не может быть поставлен ни один из его современников в мусульманском мире, давшем так много выдающихся деятелей культуры? Для времени, когда была написана рецензия, недоумение, которое сквозит в словах ее автора, в сущности, вполне понятно. Действительно, в то время, когда писалась рецензия, Средняя Азия воспринималась как отсталая в культурном отношении страна и появление здесь таких ученых мирового значения казалось необъяснимым феноменом.

В наши дни представляется, что такой недоуменный вопрос едва ли мог возникнуть. Достижения советской исторической и археологической науки в области исследования древней и раннесредневековой истории Средней Азии показали, как далеко в глубь веков уходят корни высокой культуры народов Средней Азии и что именно здесь появление таких ученых, как Бируни, является фактом вполне закономерным, подготовленным всем предшествующим развитием культуры.

Из биографий Ибн Сины и Бируни

В советской литературе, посвященной Ибн Сине и Бируни, накопилось в настоящее время достаточно сведений биографического характера, рисующих жизненный путь наших прославленных ученых. В настоящем очерке нет нужды касаться их биографий в целом. Отметим лишь одну общую черту в биографиях Ибн Сино⁴ и Бируни⁵, а именно — очень рано пробудившуюся у них жажду знания.

Вот что рассказывает о себе Ибн Сина: «Когда мне исполнилось десять лет, я кончил Коран и изучение большинства словесных дисциплин, так что вызывал удивление...»

«Какой бы вопрос учитель не выдвигал, я проникал в суть лучше его самого, пока не изучил у него все начатки логики, ибо в тонкости ее он и сам не разбирался. Потом я занялся чтением книг по логике, и тонкости этой науки изучил уже самостоятельно. Прошел я также с ним 5–6 теорем Евклида, а остальные понял самостоятельно и разобрался в их трудностях. Затем мы перешли к “Альмагесту”. Когда мы закончили вводную часть и перешли к геометрическим

³ См.: ЗВОРАО. Т. III/1–2. 1888. С. 146–162.

⁴ Об Ибн Сине см.: Семенов А. А. Абу-Али ибн-Сина (Авиценна) [2-е изд., доп.] Сталинабад, 1953.

⁵ Биография Бируни подробно изложена в кн.: Булгаков П. Г. Жизнь и труды Беруни. Ташкент, 1972.

формулам, Натили оказался не в силах обучить меня. Он сказал: читай сам, решай теоремы, а затем приходи ко мне и показывай итоги, а я тебе объясню, что правильно, а что не правильно».

«Тогда я посвятил себя чтению в продолжение полутора лет... В то время я недосыпал ни одной ночи, да и в течение дня не занимался ничем иным, кроме наук... Ночью у себя при светильнике я читал и писал, а когда меня начинало клонить ко сну и я чувствовал, что слабею, я выпивал для подкрепления кубок вина и опять брался за чтение. Засыпая, я чувствовал, что и во сне мой ум бредил изучаемым предметом, и, просыпаясь, я чувствовал, что некоторые темные вопросы прояснились. Такую жизнь я вел до тех пор, пока не усвоил диалектику, физику и математику настолько, насколько вообще доступно человеку».

Короче, но так же выразительно рассказывает о себе и Бируни. «По своей натуре я с молодости был наделен чрезмерной жадностью к приобретению знания, соответственно (своему) возрасту и обстоятельствам... В нашей земле поселился один грек, и я приносил ему зерна, семена, плоды растений и прочее, расспрашивал, как они называются на его языке, и записывал это»⁶.

«Неукротимая тяга к знанию», по словам одного из исследователей⁷, и удивительная трудоспособность не оставляли ни Ибн Сину, ни Бируни на протяжении всей жизни.

Но обратимся к их трудам.

Ибн Сина и Бируни — энциклопедисты-философы

Стремление познать мир в его целостности нашло выражение в энциклопедической научной деятельности многих ученых средневековья. Эта черта с особой полнотой проявилась в творчестве наших ученых. Научные дисциплины, в которых они оставили глубокий след, охватывают едва ли не все науки своего времени. Вместе с тем о них, особенно об Ибн Сине, мы вправе говорить прежде всего как о философах.

История философских наук в странах Ближнего Востока, в том числе и Средней Азии, ко времени выступления Бируни и Ибн Сины имела уже сложившуюся традицию. Интерес к философии был весьма велик. Ряд философов приобрели широкую известность. Достаточно упомянуть знаменитого ал-Кинди, известного под почетным званием «философа арабов», ал-Фараби, группу философов, составивших знаменитую философскую энциклопедию «Братья чистоты».

Об интересе в молодости к философии обоих ученых свидетельствует дошедшая до нас переписка между ними⁸. По словам И. Ю. Крачковского, эта переписка одинаково свидетельствует о больших философских познаниях

⁶ Петров Б. Д. Ибн-Сина — творец «Канона» // *Абу Али Ибн Сина (Авиценна)*. Канон врачебной науки. Кн. 1. Ташкент, 1954. С. XIX–XX.

⁷ Семенов А. А. Абу-Али ибн-Сина...

⁸ *Абу Райхан Беруни*. Избранные произведения. Т. IV. Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-Сайдана фи-т-тибб). Ташкент, 1973. С. 139 (далее — *Беруни*. Фармакогнозия).

авторов переписки и резком характере одного из них, запальчивости, с которой она велась⁹.

Но бесспорно, пальма первенства в разработке философских вопросов принадлежит Ибн Сине. По исследованию Ю. Завадовского¹⁰, Ибн Сине принадлежит 185 работ по философии, логике и богословию. Он был непререкаемым авторитетом как на Востоке, так и на Западе в течение всего средневековья. Исследователи отмечают раннее знакомство с философскими трудами Ибн Сина на Западе, в частности, знаменитого философа Р. Бэкона (XIII в.). В латинском переводе было известно главное философское сочинение Ибн Сины — «Книга исцеления» (Китаб аш-шифа). По словам А. Е. Крымского, «Огромный свод "Книга исцеления" ибн-Сины и по объему, и по своему значению есть для средних веков то, чем был для мира классического аналогичный свод Аристотеля... и если вся "Книга исцеления" является вообще лучшим воплощением средневековой научной мысли X–XI века, то в частности для естествознания она является лучшей картиной тогдашнего серьезно-научного уровня»¹¹.

При оценке философских трудов Ибн Сины можно встретить, однако, ограниченную характеристику их значения. Так, А. Я. Борисов писал: «Авиценна не создал оригинальной философской системы. Он примкнул к своим предшественникам, образовав очередное звено в цепи общего развития философии на мусульманском Востоке»¹².

Однако более справедливой представляется характеристика философского учения Ибн Сины, данная А. А. Семеновым. По его словам: «Неверно было бы представлять Ибн-Сину лишь распространителем и комментатором учения Аристотеля. Продолжая и развивая ходившие на Востоке идеи греческой философии, Ибн-Сина создал собственную оригинальную философскую систему»¹³.

Пропагандируя прогрессивные положения Аристотеля и одновременно создавая свою оригинальную философскую систему (цель ее — достижение полноты бытия), он разрабатывал три категории философских наук: метафизику, физику, логику. Главный прогрессивный элемент в его философии — это учение о вечности материи. Вместе с тем, как указывает А. А. Семенов, «в философской концепции Ибн-Сины весьма явно чувствуются дуалистические и пантеистические тенденции»¹⁴.

Но именно прогрессивные идеи Ибн Сины, изложенные в «Книге исцеления», вызвали особенно яростные нападки на него со стороны реакци-

⁹ Крачковский И. Ю. Бируни и его роль в истории восточной географии // Бируни. М.; Л., 1950. С. 57; он же. Избранные сочинения. Т. IV. М.; Л., 1957. С. 245–246.

¹⁰ Завадовский Ю. Н. Абу 'Али Ибн Сина (опыт критической биографии): АКД. Ташкент, 1958. С. 5.

¹¹ Крымский А. История арабов и арабской литературы, светской и духовной (Корана, фикха, сунны и пр.). Новое, перераб. изд. Ч. I: I–V. М., 1911. С. 127.

¹² Борисов А. Я. Авиценна как врач и философ // ИАН СССР. Отделение общественных наук. Вып. 1–2. 1938. С. С. 64.

¹³ Семенов А. А. Абу-Али ибн-Сина... С. 16.

¹⁴ Там же. С. 18.

онных философов, связанных с ортодоксальным исламом. Так, Газали (1058–1111) в своем трактате «Опровержение философов» пытается доказать несостоятельность взглядов Ибн Сины на вечность и несотворенность мира. Под влиянием взглядов Газали в 1160 г. в Багдаде по приказу халифа был публично сожжен многотомный философский трактат Ибн Сины «Книга исцеления»¹⁵.

В научном наследии Бируни, если не считать упомянутую выше переписку между ним и Ибн Синой, специальных философских сочинений, подобных трудам Ибн Сины, не обнаружено. Однако общеполитические положения постоянно встречаются в его работах. К сожалению, они не стали еще в полной мере предметом специального исследования.

О нем как о философе наиболее определенно пишет арабский историк XIII в. Абу-л-Фарадж, отметивший наряду с его заслугами в различных областях естественных наук также и заслуги в философии. По его словам: «В те годы прославился в науках древних (т. е. античных) ученых... ал-Бируни, пересекший моря греческой и индийской философии. Он специализировался в математических науках и оставил по ним важнейшие сочинения. Он прибыл в страну Индию, остановился там на несколько лет, учился у (индийских) философов их искусству и обучал их методам греческой философии, произведения его многочисленны, совершенны и предельно надежны. Одним словом, не было ни среди его коллег, в его время, ни после него, вплоть до рубежа сего, ученого более искушенного в науке астрономии и более сведущего как в ее главных положениях, так и в тонкостях»¹⁶.

В советской литературе также привлекли к себе внимание философские взгляды Бируни, высказанные им в его «Индии». Так, М. Баратов, анализируя отношение Бируни к различным философским школам индийцев, отмечает, что главное внимание Бируни уделял прогрессивным материалистическим и рационалистическим тенденциям в индийской философии¹⁷.

Авторы предисловия к русскому переводу «Индии» называют имена греческих философов, на которых Бируни ссылается, черпая материал для сопоставления с индийской философской мыслью. Ими приводятся следующие имена философов и их сочинения: Платон («Федон», «Тимей» и «Законы»), Аристотель («Физика», «Метафизика» и «Письмо к Александру»), Иоанн Грамматик («Опровержение Прокла»), Александр из Афродиссии, Аполлоний Тианский, Порфирий («Книга о воззрениях самых выдающихся философов» (?))¹⁸.

Ограничившись приведенными замечаниями относительно философских сочинений Ибн Сины и Бируни, обратимся к их трудам по естественным наукам.

¹⁵ Петров Б. Д. Ибн-Сина... С. XXXI–XXXII.

¹⁶ См.: Булгаков П. Г. Жизнь и труды Бируни. С. 366–367. Абу-л-Фарадж — автор сочинения «Та'рих мухтасар ад-дувал».

¹⁷ См.: Булгаков П. Г. Жизнь и труды Бируни. С. 389.

¹⁸ Халидов А. Б., Эрдман В. Г. Предисловие // Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения. Т. II: Индия. Ташкент, 1963 (далее — Бируни. Индия). С. 37.

«Медицинский Канон» Ибн Сины и «Масудиев Канон» Бирони

Каждый из этих двух «Канонов» характеризует главное направление научной деятельности их авторов. Первый — в медицинской науке, второй — в области астрономии. Эти сочинения как бы подвели итог развитию науки предшествующих эпох и послужили фундаментом и руководством для последующего времени. «Каноны» — научные памятники, обессмертившие имена их авторов в истории мировой науки. Но они отнюдь не единственные их сочинения, и тот и другой «Канон» как бы обрамлены многими исследованиями, посвященными проблемам, в той или иной степени соприкасающимся с медициной и астрономией.

В отзывах средневековых авторов, как и в исследованиях, посвященных этим «Канонам» в современной науке, им дана самая высокая оценка. Привести все отзывы заняло бы слишком много места, поэтому ограничимся лишь некоторыми наиболее обобщающими из них: в предисловии к изданию «Канона» Ибн Сина на русском языке В. Н. Терновский пишет: «Этот колоссальный свод медицинских знаний представляет собой одну из вех на пути развития подлинных идей гуманизма, связанных с борьбой за охрану здоровья и процветания человека. Величайшие памятники человеческого ума, к которым принадлежит “Канон”, как факелы, освещают исторический путь, по которому идет человечество»¹⁹.

Б. Д. Петров, характеризуя «Канон», отмечает следующие моменты: «На основании собственных наблюдений и открытий, собственного клинического опыта Ибн-Сина строит собственную систему неоднократно полемизирует с Аристотелем, Гиппократом, делает поправки к утверждениям Галена... Клиника — другая сильная сторона “Канона” — наряду с диететикой... В лекарствоведении Ибн-Сина оставил очень заметный след»²⁰.

«Канон» Ибн Сины пользовался непререкаемым авторитетом на протяжении всего средневековья на Востоке вплоть до Нового времени. Особое место принадлежит «Канону» в истории европейской медицины.

«Прошло всего 150 лет, — пишет В. Н. Терновский, — после того, как Ибн Сина закончил свой обширный труд, а его “Канон” был уже переведен на латинский язык Герардом Кременским. Это было далеко не совершенное по передаче подлинника издание “Канона”. В течение шести веков “Канон” служил источником медицинских знаний на Западе. За это время неоднократно издавался его латинский перевод. Кроме перевода, в Риме в 1593 г. был впервые опубликован арабский текст “Канона”, напечатанный по рукописи, хранящейся во Флоренции»²¹.

«Канон» — не единственное сочинение Ибн Сины. Исследователи указывают на наличие от 20 до 40 других медицинских его трудов²². Особый интерес среди

¹⁹ Терновский В. Н. Предисловие // Ибн Сина. Канон врачебной науки. Кн. I. Ташкент, 1954. С. VII.

²⁰ Петров Б. Д. Ибн-Сина... С. XL сл.

²¹ Терновский В. Н. Предисловие. С. 8.

²² Семенов А. А. Абу-Али ибн-Сина... С. 11; Завадовский Ю. Н. Абу 'Али Ибн Сина... С. 5.

них представляет написанное в стихотворной форме медицинское сочинение под названием «Урджуз», о причине написания которого сообщает сам Ибн Сина. Она изложена А. А. Семеновым следующим образом: «Ибн-Сина жалуется на отсутствие в современном ему обществе интереса к медицине, не являющейся, как прежде, темой споров или дискуссий ни в ученых собраниях, ни в больницах. Он сетует на то, что заниматься врачебной практикой позволяют себе люди, абсолютно ничего в медицине не понимающие. Ввиду этого, — говорит далее Ибн-Сина, — он, по примеру ученых старых поколений, в целях популяризации медицины решил изложить основы медицины в стихотворной форме. Трактат этот делится на две части: теоретическую и практическую, в последней видное место отводится уходу за здоровьем и гигиене, в частности — гигиене ребенка, начиная с утробного возраста, и гигиене выздоравливающих»²³.

Как и «Канон» Ибн Сины, «Канон» Бируни приобрел мировую славу. Последний состоит из 11 книг, в которых дается описание картины мира. Подробно разработаны основы сферической астрономии, вопросы, связанные с движением солнца и луны, учение о затмениях. Предложен новый метод определения окружности земли — метод, повторенный в Европе только в XVI в. Особенно значим вклад Бируни в математическую географию (приведены координаты около 600 населенных пунктов), в картографию и др.²⁴

«Канон» Бируни затмил все прежние сочинения по астрономии, как пишет один из средневековых авторов: «Книга «Масудов Канон» стерла следы всех написанных до того книг по астрономии или математике»²⁵.

Помимо «Канона», Бируни оставил ряд других сочинений, связанных с его работой над астрономическими проблемами. Их изучение современной наукой свидетельствует об их научной важности. Не касаясь их в настоящем очерке, нам представляется необходимым отметить, что сам Бируни для проведения астрономических наблюдений создал ряд специальных приборов и инструментов. Ниже приводятся некоторые из них.

Одним из таких приборов является полуглобус («полусфера»), впервые примененный им в мировой астрономической практике. По его словам, «это было полшарие диаметром в 10 локтей, чтобы определять на нем долготу из расстояния».

Им же был изготовлен «круг с гномом» диаметром 7,5 м и квадрант диаметром 3 м.

Коллегам по астрономическим наблюдениям Бируни рекомендует два оригинальных инструмента собственной конструкции, не сложных по устройству: один для определения географической широты по незаходящим звездам, другой (в двух вариантах) — по солнцу²⁶.

²³ Семенов А. А. Абу-Али ибн-Сина... С. 12.

²⁴ См.: Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV. С. 256 сл. Подробнее см.: Булгаков П. Г. Жизнь и труды Бируни. С. 239–277.

²⁵ The Irshād al-Arib ilā ma'rifa al-Adib or Dictionary of Learned Men of Yāqūt. Vol. IV / Ed. by D. S. Margoliouth. Leyden, 1927. P. 312.

²⁶ Об этих инструментах см.: Булгаков П. Г. Жизнь и труды Бируни. С. 180; Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения. Т. III: Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами (Геодезия). Ташкент, 1966 (далее — Бируни. Геодезия). С. 52, 111, 138, 144, 151.

Вот собственный рассказ Бируни, характеризующий его как изобретателя: «Я не мог (однажды) найти инструмента для (измерения) высоты, и у меня не было никакого материала, из которого можно было бы его изготовить. Тогда я начертил на тыльной стороне счетной доски дугу окружности, градусы которой делились на 6 долей, каждая из которых — 10 минут, и при подвешивании выверил ее положение отвесами»²⁷.

Говоря об инструментах, изобретенных Бируни, нельзя не отметить особое его детальное техническое описание замечательного астрономического инструмента — секстанта Фахри, изобретенного его предшественником — среднеазиатцем Абумахмудом Худжанди²⁸. Секстант Фахри стал главным инструментом при знаменитой обсерватории, построенной в Самарканде при Улугбеке в 1440-х гг. Несомненно, строители обсерватории имели перед собой техническое описание секстанта, данное им Бируни²⁹.

В целом значение «Канона Масуда» для истории астрономии столь же велико, как и значение «Канона» Ибн Сины для медицины.

«Оба гения среднеазиатской науки, — пишет П. Г. Булгаков, — жившие и творившие в одно время и хорошо лично знавшие друг друга, подвели каждый в своей области исчерпывающий итог развития соответствующих наук; оба они при этом отправлялись от прогрессивной научной античной традиции; оба они, наконец, прибавили к этому итогу замечательные собственные теоретические и практические достижения»³⁰.

Из приведенных выше данных о «Канонах» можно было бы заключить, что ни Ибн Сина, ни Бируни не вторгались в сферу главных специальных направлений научной деятельности друг друга. Однако в действительности дело обстояло по-иному. Исследования научного наследия обоих ученых показали, что их научные интересы перекрещивались: Ибн Сина проявлял определенный интерес к астрономии, а Бируни — к медицине, хотя, как мы увидим, и выражал этот интерес по-разному.

Так, Ю. Н. Завадовский указывает, что одним из учителей Ибн Сины был Кушьяр б. Лабан — «хранитель заветов согдийской астрономической науки». Под руководством Ибн Сины была создана обсерватория в Исфагане, и им самим изобретен особый астрономический прибор³¹.

Согласно Б. Д. Петрову, Ибн Сина проводил специальные наблюдения над падением и составом метеоритов, а также над прохождением Венеры и Меркурия через диск Солнца³².

Заметку об одной астрономической работе Ибн Сины оставил Бируни: «Видел я послание Абу Али ал-Хусейна ибн Абдаллаха ибн Сины к Зарин-Гис, дочери Шамса ал-Ма'али, посвященное уточнению долготы г. Джурджана. Он сообщает в нем, что она повелела ему это, но ему не удалось заранее договориться с жителями городов с известной долготой, равно как в том году не было лунно-

²⁷ Бируни. Геодезия. С. 144.

²⁸ Там же. С. 133.

²⁹ Булгаков П. Г. Жизнь и труды Бируни. С. 46 сл.

³⁰ Там же. С. 267.

³¹ Завадовский Ю. Н. Абу 'Али Ибн Сина... С. 6.

³² Петров Б. Д. Ибн-Сина... С. XXI.

го затмения, которым могли бы воспользоваться два сговорившихся. Поэтому он попытался решить эту задачу с помощью Луны (в момент ее нахождения) на меридиане... Во всяком случае, это — один из путей для стараний найти искомое с помощью того, что легко или возможно в данное время. Однако Абу Али, несмотря на его проницательность и искушенность, — тот, на кого не следует полагаться, а особенно (ему) это дело, — в вопросах, где необходимо (привлечение) традиционных данных»³³.

Подобно тому, как Ибн Сина не был чужд астрономической науке, так и Бируни оставил определенный след в медицине. Речь идет о последнем сочинении, составленном при жизни Бируни, известном под названием «Сайдана» и посвященном фармакогнозии — описанию лекарственных веществ.

В этом сочинении, как отмечает И. Ю. Крачковский, Бируни «отказывается рассматривать медицинское действие лекарств». Что же касается фактических сведений, заключенных в книге, то, по словам И. Ю. Крачковского, «они были известны позднейшим ученым, но талантливые идеи и открытия оставались без практического применения»³⁴.

Недавно был осуществлен полный русский перевод этого интереснейшего сочинения³⁵.

Отметим, что фактические сведения о лекарственных веществах, заключенные в «Сайдане», вполне сопоставимы по научному интересу с данными по фармакогнозии в «Каноне» Ибн Сины.

Что касается практической медицины, Бируни, насколько известно, на звание лекаря никогда не претендовал. Впрочем, некоторые попутные интересные рассказы, связанные с действиями лекарственных веществ, все же приводятся в его «Минералогии»³⁶.

Место Ибн Сины и Бируни в истории других естественных наук

Ибн Сина и Бируни оставили глубокий след также в истории других естественных наук. По словам А. А. Семенова, значительную часть «Книги исцеления» Ибн Сины занимает изложение «всех естественных наук: геологии, геофизики с метеорологией, физики с оптикой, химии, ботаники, зоологии и проч.; остальные пять частей излагают математические дисциплины, среди которых имеет место и музыка»³⁷.

А. А. Семенов приводит мнение одного из выдающихся французских химиков XIX в. Бертелло, который признает за Ибн Синой огромные заслуги в области химии, находя, что его работы проливают свет на ряд явлений чисто химических и пополняют немало пробелов в истории органической химии³⁸.

³³ Бируни. Геодезия. С. 202, ср. 239.

³⁴ Крачковский И. Ю. Бируни и его роль... С. 72.

³⁵ См. примеч. 8.

³⁶ См., например, раздел о «Мумийо» в «Минералогии»: Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. М., 1963 (далее — Бируни. Минералогия). С. 191–194.

³⁷ Семенов А. А. Абу-Али ибн-Сина... С. 46.

³⁸ Там же. С. 19.

Интерес ко всем естественным наукам присущ и Бируни.

Ограничившись этим приведенным общим замечанием, ниже мы остановимся на одной из отраслей естествознания, а именно, геолого-минералогической науке, которая может служить показателем их заслуг в других естественных науках.

Геологии Ибн Сина посвятил специальный раздел (трактат), включенный в его «Книгу исцеления». Трактат состоит из двух частей. Первая часть посвящена весьма широкому кругу геологических вопросов. Особый интерес первой части трактата заключается в том, что основные положения автора опираются на наблюдения и опыты, проведенные им самим. Отметим его наблюдения над залеганием особых видов глин в Хорезме, на берегу Амударьи. Ибн Сина также проводил опыты плавления метеоритов.

Основываясь на личных наблюдениях, Ибн Сина высказывает обоснованные соображения относительно образования горных долин и ущелий в результате эрозионной деятельности воды и ветра. Следует также выделить его утверждение о длительности геологических процессов, что шло в разрез с представлениями о земле как акте одновременного творения.

Во второй части трактата дается классификация минералов, которая положительно оценивается в современной специальной геологической науке³⁹.

Вопросов, связанных с геологией и царством минералов, Бируни касается в ряде сочинений. Специально минералогии посвящено одно из его последних крупных сочинений — «Собрание сведений о драгоценных камнях» (сокращенно «Минералогия») ⁴⁰.

Подробное исследование Г. Г. Леммлейна «Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни» исчерпывающе характеризует значение этого труда в истории мировой науки⁴¹. Отсылая читателей к этой работе Г. Г. Леммлейна, мы ниже ограничимся лишь несколькими общими замечаниями.

«Минералогия» Бируни состоит из двух частей: первой — посвященной минералам, главней образом драгоценным камням, и второй — металлам. В первой части помимо подробного, основанного на собственных наблюдениях описания отдельных драгоценных камней, специальный интерес представляют заметки, касающиеся их обработки — шлифовки, сверления и т. д.

Особенно интересны в этом отношении главы о яхонте, горном хрустале, алмазе. Много ценных технологических данных заключено в последних главах этой части сочинения Бируни, посвященной искусственным минеральным продуктам: стеклу, эмали, фарфору, искусственным камням. Отметим также перечень красителей, употреблявшихся при изготовлении разноцветных полив, с образцами которых так часто приходится сталкиваться в археологии средневекового Востока.

³⁹ См.: Беленицкий А. М. Геолого-минералогический трактат Ибн-Сины // ИООН. Вып. IV. 1953. С. 41–54 (перевод, с. 45–54).

⁴⁰ Бируни. Минералогия.

⁴¹ Леммлейн Г. Г. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни // Бируни. Минералогия. С. 292–402.

Очень важны по своему содержанию главы из второй части книги, посвященной металлам, в особенности главы о железе и золоте. Описание технологии изготовления знаменитой дамасцированной стали («фиринд») уже нашло высокую оценку в советской литературе. Это описание приобретает особое значение для истории древней Руси в связи с тем, что оно сопровождается и описанием приемов изготовления мечей русов. До публикации текста Бируни эти мечи были известны лишь по названию.

Наконец, следует отметить, что исключительно большой исторический интерес представляют сведения, приводимые Бируни о ценах на отдельные виды драгоценных камней. В этом отношении особо важны главы о яхонте, жемчуге и изумруде, в которых приводятся целые таблицы цен. Не меньший интерес представляют и приводимые цены на отдельные уникальные драгоценные камни.

Весьма содержательны экскурсы, посвященные способам добычи золота, которые практиковались в Средней Азии. В этой части книги читатели найдут немало и других интересных замечаний, важных для восстановления истории металлургии в средние века.

Это сочинение чрезвычайно ценно тем, что так же, как в области астрономии, Бируни опирается на опыты-эксперименты и собственные наблюдения. Например, Бируни с помощью им самим изобретенного приспособления установил удельный вес многих минералов и других веществ с точностью, почти равной современной.

В заключение укажем, что в другое замечательное сочинение «Геодезия» Бируни включил экскурс о геологическом прошлом Хорезма, привлекавшем к себе внимание историков науки⁴². Об этом И. Ю. Крачковский пишет, что высказанные Бируни соображения обнаруживают «большую широту и редкую смелость мысли»⁴³.

Роль Ибн Сины и Бируни в гуманитарных науках

В полной мере охарактеризовать заслуги Ибн Сины и Бируни в гуманитарных науках (помимо философии) в данной статье невозможно, поэтому мы остановимся лишь на значении их трудов в истории таджикского языка и исторической науки. При этом в отношении таджикского языка придется говорить главным образом о заслугах Ибн Сины, а в отношении исторической науки — о Бируни.

Основные научные труды Ибн Сины и Бируни написаны на арабском языке, являвшемся в то время международным языком науки. Этот язык в мусульманской мире имел такое же значение, как латынь в средневековой Европе. В условиях средневековья единый научный язык, несомненно, сыграл положительную роль в прогрессе науки, обеспечивая распространение научных знаний и обмен ими между учеными разных стран. Обстоятельство это в условиях эпохи, когда очаги научного творчества были редкими, в целом являлось фактором весьма

⁴² См.: Бируни. Геодезия. Т. 8. С. 95, 282, примеч. 148.

⁴³ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV. С. 256.

важным. Вместе с тем общая лингвистическая ситуация в Средней Азии отличалась значительной сложностью. Арабский язык не стал общенародным языком. В X–XI вв. в Средней Азии еще были живы такие древние народные языки, как согдийский, хорезмийский, имевшие и определенную литературную традицию. Но эти языки постепенно затухали, и особенно в городской среде происходил процесс успешного становления нового языка, получившего название «дари», — новотаджикского или новоперсидского. Процесс становления и утверждения этого языка обстоятельно исследован и освещен в целом ряде специальных исследований и касаться его здесь нам нет необходимости⁴⁴.

Отношение к новому языку Ибн Синой решается вполне однозначно. Уже тот факт, что Ибн Сина являлся одним из создателей блестящей поэзии на таджикском языке, достаточно красноречиво характеризует признание им его достоинств. При этом нельзя не отметить, что он был одним из первых авторов, которые внесли в поэзию глубокое философское содержание — черта, столь характерная для поэзии на таджикско-персидском языке и последующих веков⁴⁵.

Однако, на наш взгляд, особо большой заслугой Ибн Сины в истории развития таджикско-персидского языка является написание им ряда прозаических философских и научных сочинений на таджикском языке. Главное из них — энциклопедический труд «Книга знания», в которой изложены философские науки: логика, метафизика, богословие, с одной стороны, и основы наук о природе — с другой⁴⁶.

Значение трудов Ибн Сины на языке дари для приобщения нового языка к науке трудно переоценить, в меньшей степени они приобрели значение для популяризации и самих наук. Недаром один из ранних авторов, сообщающий о написанных Ибн Синой сочинениях на языке дари, подчеркивает его собственные слова о цели их написания: «Чтобы польза от них стала общей»⁴⁷.

Более сложен вопрос об отношении к таджикскому (персидскому) языку Бируни. Вопрос этот привлек к себе внимание тем более, что в своих произведениях сам Бируни высказывается по этому поводу вполне определенно. Бируни дает высокую оценку достоинствам арабского языка, как особенно пригодного, с его точки зрения, для научного творчества. «На язык арабов, — пишет Бируни, — переложены науки из всех стран мира. Они украсились и стали приятны сердцам, а красоты языка от них распространились по артериям и венам, хотя каждый народ считает красивым свой диалект»⁴⁸.

К персидскому языку как языку науки Бируни относился отрицательно и даже саркастически. Как отмечает И. Ю. Крачковский: «Ал-Бируни не призна-

⁴⁴ См.: *Бертельс Е. Э.* История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. 110 сл.; *Оранский И. М.* Введение в иранскую филологию. М., 1960. С. 265 сл.

⁴⁵ См.: *Бертельс Е. Э.* История... С. 118 (s. v. Ибн Сина [особенно с. 118]); *Семенов А. А.* Абу-Али ибн-Сина... С. 21 сл.

⁴⁶ Полное название — «Даниш намайи Алай» — см.: *Бертельс Е. Э.* История... С. 118.

⁴⁷ См.: *Оранский И. М.* Введение... С. 271.

⁴⁸ См.: *Крачковский И. Ю.* Бируни и его роль... С. 65.

вал за персидским языком права быть языком науки; однако факты даже в его эпоху говорили обратное, и он, вероятно, их не знал или не хотел замечать⁴⁹.

Действительно, в это время уже существовали различные научные сочинения на языке дари, да и сам Бируни оставил научные работы на этом языке. В частности, как полагают, Бируни принадлежит перевод на персидский язык одного из его научных сочинений по астрономии.

Неодинаковы роли Ибн Сины и Бируни в исторической науке. Насколько известно, Ибн Сина к истории как науке не проявлял определенного интереса. Во всяком случае, в его трудах не обнаружены данные, которые свидетельствовали бы о написании им собственно исторических сочинений.

У Бируни же интерес к истории ярко выражен. Например, один из первых его замечательных трудов, дошедший до нас, — «Следы, оставшиеся от минувших поколений» (сокращенно — «Хронология»).

Ряд исследователей дали высокую оценку этому сочинению. Приведем сокращенно общую характеристику, данную «Хронологии» И. Ю. Крачковским и С. П. Толстовым.

«В основном, — пишет И. Ю. Крачковский, — эта книга — свод технической или гражданской хронологии, дающей описание всех эр и праздников известных ал-Бируни народов и религий: греков, римлян, персов, согдийцев, хорезмийцев, харранцев, коптов, христиан, евреев, доисламских арабов, мусульман. Источники его по этим вопросам очень разнообразны: с одной стороны, это специальные работы, которые в настоящее время утрачены, с другой — богатая устная традиция, в некоторых случаях исключительно ценная. Достаточно, например, отметить, что он, мусульманин, дал первое систематическое описание иудейского календаря».

Приведем также характеристику значения «Хронологии» и для географической науки, данную И. Ю. Крачковским: «В области математической географии, — продолжает он, — важны здесь не только материал, но и самостоятельные приемы ал-Бируни: детальный анализ высказанных им соображений о картографических проекциях заставил современного специалиста признать, что он в равной мере обладал и полнотой знания, и большой научной фантазией»⁵⁰.

В своей характеристике «Хронологии» С. П. Толстов подчеркивает следующие моменты: «В центре внимания “Ал-Асар” (“Хронология”) — и этим он отличается от большинства историков его времени — стоит не история деятельности царей и героев, не история политических событий, а история культуры народов, их обычаи и нравы. Поэтому “Ал-Асар”, как и “Индия”, может рассматриваться не как историческое в привычном смысле слова, а как историко-этнографическое исследование... Наряду с письменными источниками им... широчайшим образом привлекаются источники этнографические: устная традиция, устная информация и личное наблюдение»⁵¹.

⁴⁹ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV. С. 261.

⁵⁰ Там же. С. 252.

⁵¹ Толстов С. П. Бируни и его «Памятники минувших поколений» // Бируни. Хронология. С. 15.

Кроме «Хронологии» известны и другие исторические работы Бируни, к сожалению, до нас не дошедшие. По кратким извлечениям известно его сочинение по истории Хорезма и первых Газневидов⁵². По собственному замечанию Бируни, им была написана книга о движении «людей в белых одеждах и карматах в Средней Азии»⁵³. В его сочинениях сохранились ценные замечания о зороастризме, буддизме и так называемых сабеях⁵⁴.

Об особом сочинении упоминает известный Иакут, называя его «Уложение» и характеризуя его, пишет, что в нем Бируни «собрал лучшие качества лучшего». П. Г. Булгаков, впервые в советской литературе указавший на это сочинение, полагает с полным основанием, что, «по-видимому, это была книга типа “зерцал”, морально-этического характера»⁵⁵.

По всей вероятности, некоторые максимы именно из этого сочинения включил в свой биографический очерк о Бируни Шахразури. В качестве примера приведем одну из них, которая гласит: «Слишком возвышенно положение царей, чтобы мстить ради мести, они не должны завидовать ничему, кроме (как) прекрасным делам и правильной политике»⁵⁶.

В заключение необходимо отметить, что вышесказанным далеко не исчерпывается значение Бируни как историка. Очень много исторически важных соображений высказывает Бируни и в других своих сочинениях, как, например, в «Индии».

П. Г. Булгаков указывает, что «Геодезия» — единственный дошедший до нас труд Бируни, содержащий оставшиеся до сих пор неизвестными его взгляды на развитие человеческого общества, в которых он вплотную подходит к материализму. По Бируни, люди, отличающиеся от животных наличием разума, объединились в общество по двум причинам: «...ради поддержки друг друга для отражения различных опасностей и ради распределения общественно-полезного труда»⁵⁷. По поводу приведенного П. Г. Булгаковым указания отметим лишь, что и помимо «Геодезии» близкие по характеру взгляды Бируни весьма обстоятельно изложены им в его предисловии к «Минералогии»⁵⁸.

Ибн Сина и Бируни — борцы за научную истину

Прославленные ученые, новаторы Ибн Сина и Бируни еще при жизни пользовались широким признанием. Вместе с тем именно их новаторство в философии и естественных науках сделало, как известно, столь тернистым их жизненный путь. К ним вполне применимо звание «мученики науки».

⁵² Абу-л-Фазл Байхакй. История Мас'уда (1030–1041). Изд. 2-е, доп. М., 1969. С. 25, 587–589.

⁵³ Бируни. Хронология. С. 217.

⁵⁴ Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских хравов // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 50, 56, 57, 74.

⁵⁵ Булгаков П. Г. Жизнь и труды Беруни. С. 312.

⁵⁶ См.: Chronologie orientalischer Völker von Albérûni / Hrsg. von C. E. Sachau. Leipzig, 1878. S. LIH.

⁵⁷ Булгаков П. Г. Жизнь и труды Беруни. С. 183.

⁵⁸ Бируни. Минералогия. С. 7–33; ср.: Die Einleitung zu al-Birunis Steinbuch / Mit erläuterungen Übersetzt von Taki ed Din al-Hilali. Leipzig, 1941 (Sammlung orientalistischer Arbeiten. 7).

Но они отнюдь не были пассивными «страстотерпцами». Острую неприязнь к их научным открытиям выражали консервативно настроенные их коллеги-ученые или считавшие себя таковыми. Но особенно враждебно к ним было фанатичное духовенство, которое не зря усматривало в их учении, в их свободомыслии опаснейшее идеологическое орудие против религиозных догм. Борьба, которую им пришлось выдержать с враждебными элементами, достаточно выразительно отражена в их собственных трудах. Объем настоящего очерка не позволяет в полной мере привести их высказывания в адрес своих противников. Ограничимся лишь наиболее характерными местами из их сочинений.

Ибн Сина, как отмечает А. А. Семенов, в своих научных сочинениях избегал полемики⁵⁹. Однако это не совсем так. Правда, он более сдержанно polemизировал, чем Бируни. Вот, например, что пишет Ибн Сина по адресу алхимиков в своем геолого-минералогическом трактате: «Недалеко (от истины), что алхимики в состоянии изобрести хитрость, которая сделала бы условия отвердения ртути при помощи серы для чувств (человека) ощутимыми. Однако искусственные условия несходны с естественными по своему совершенству... Однако средства алхимии ограниченнее природных, и даже при большой затрате усилий алхимики не в состоянии приблизиться к ним. Что касается претензий алхимиков, то необходимо знать, что в их руках нет средств изменить виды истинным изменением. Они в состоянии лишь на красивые подобию (имитации)»⁶⁰.

Однако в своих стихотворениях Ибн Сина достаточно резок. Так, в одном он говорит:

С этими двумя-тремя невеждами, которые полагают
По своему невежеству, что они-то и есть мировые ученые,
Будь ослом, ибо эта компания из излишка своих ослиных качеств
Всякого, кто не осел, считает безбожником.⁶¹

Что же касается Бируни, то он в своих научных сочинениях отнюдь не скрывает своего мнения о невеждах-оппонентах, претендующих на ученость. Ниже-приводимая пара примеров говорит об этом достаточно выразительно.

Вот, например, рассказ Бируни о его споре с заносчивым астрологом в Рее: «Однажды я увидел одного человека, который считал себя знаменитым и ученым в искусстве предсказания по звездам... Он искренне верил, по своему невежеству, в соединение светил, в воздействие их (светил) на человека и события (на земле), пытался видеть результат их связи. Я хотел было удержать его от ложного пути и дать ему правильное направление, но он не оставил своих неправильных мыслей, несмотря на то, что по своим познаниям во всех дисциплинах стоял ниже меня. Он даже вступил со мной в словоперения в совершенно недопустимой и ругательной форме потому, что он был богат и имел

⁵⁹ Семенов А. А. Абу-Али ибн-Сина... С. 46.

⁶⁰ Беленицкий А. М. Геолого-минералогический трактат Ибн-Сины. С. 54.

⁶¹ Дословный перевод А. А. Семенова.

положение, что давало ему возможность восхвалять все осуждаемое, а я был беден и ничтожен, ввиду чего им порицалось всякое мое превосходство»⁶².

В более общей форме о своих противниках он пишет: «Воспылали они враждой к обладающим достоинствами и стали преследовать каждого, кто отмечен печатью науки, причиняя ему всяческие обиды и зло... и можно видеть в их среде лишь протянутую руку, которая не брезгует подлостью и которую не удерживает ни стыд, ни чувство достоинства... (и) пользуясь (всеми) возможностями и для приумножения (подобных дел), что привело их в конце концов до отрицания наук и ненависти к их служителям. Неистовый из них относит науки к заблуждениям, дабы сделать их ненавистными для подобных себе по невежеству, и клеймит их клеймом ереси, чтобы открыть перед собою врата для уничтожения ученых и скрыть свою сущность под гибелью ученых и крушением наук».

Ибн Сина и Бируни и проблема «Мусульманского Ренессанса»

Углубленное изучение культурного состояния так называемого мусульманского мира в эпоху, к которой принадлежат Ибн Сина и Бируни, привело к представлению об этом времени как о эпохе, во многом сходной с европейским Ренессансом.

Впервые понятие «Мусульманский Ренессанс» было введено в науку немецким ориенталистом А. Мецем, книга которого под этим названием была издана 1922 г.⁶³ Этот «титул» для данной эпохи в советской литературе был поддержан И. Ю. Крачковским⁶⁴. Несколько более сдержанно к нему отнесся В. В. Бартольд, который, однако, в рецензии на книгу А. Меца показал особое место, которое занимают в культуре этого времени среднеазиатские ученые⁶⁵.

В последнее время проблема «Ренессанса» на Востоке в целом поставлена академиком Н. И. Конрадом. По его словам, «эпоха Возрождения, по-видимому, отнюдь не принадлежит к одной истории итальянского народа, то есть это не частный случай исторической жизни человечества; это — один из этапов истории древних народов, имевших в прошлом свою древность и свое средневековье. Эпоха Возрождения у них особая историческая полоса, лежащая на грани между ранним и поздним средневековьем, то есть один из этапов феодального периода»⁶⁶.

Приводя это определение «Возрождения», П. Г. Булгаков вполне справедливо замечает, что оно может быть «приложено к культурному движению в Средней Азии в IX–XI вв.»⁶⁷

⁶² Семенов А. А. Бируни — выдающийся ученый средневековья // Бируни — великий ученый средневековья. Ташкент, 1950. С. 212.

⁶³ Русск. пер.: Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966 [2-е изд. М., 1973].

⁶⁴ Об оценке И. Ю. Крачковским книги А. Меца см.: Бертельс Д. Предисловие // Мец А. Мусульманский Ренессанс. 2-е изд. М., 1973. С. 7–8.

⁶⁵ Бартольд В. В. Ученые мусульманского «Ренессанса» // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 617–629.

⁶⁶ Конрад Н. И. Запад и Восток: Статьи. М., 1966. С. 507.

⁶⁷ Булгаков П. Г. Жизнь и труды Бируни. С. 16.

Говоря конкретно об Ибн Сине и Бируни как о деятелях этого времени, мы вправе и к ним отнести известные слова Ф. Энгельса о европейском Возрождении: «Это была эпоха, которая нуждалась в титанах и породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености»⁶⁸.

Последние слова из приведенной цитаты Ф. Энгельса применимы как к Ибн Сине, так и к Бируни; к ним также может быть отнесено и другое замечание Энгельса об эпохе Ренессанса, а именно о том, что с нее «начинает свое летоисчисление освобождение естествознания от теологии»⁶⁹.

Роднит наших ученых с деятелями эпохи европейского Возрождения и отношение к греческой учености, которое иначе не назовешь, как глубочайшее уважение и пиетет. Этим буквально пронизаны все их труды, что отнюдь не помешало им сказать новое слово в науках, которыми они занимались. Есть полное основание считать, что популярность Ибн Сины у ученых, и не только ученых западного Возрождения, в значительной мере определялась именно общей глубокой приверженностью к античной учености. Уже такой ранний предшественник Возрождения, как Данте, называет в «Божественной комедии» наряду с Птолемеем, Евклидом, Гиппократом и Галеном и другими мудрецами греческой науки также и Ибн Сину. Правда, он помещает его вместе с античными мудрецами в ад⁷⁰.

По словам советского исследователя В. К. Чалояна, у Роджера Бэкона любимым его чтением был Фараби в латинском переводе, «а рядом с ним на столе лежали книги Авиценны»⁷¹.

Изучал труды Ибн Сины Леонардо да Винчи, а Микеланджело не без вызова утверждал: «Лучше ошибаться, поддерживая Галена и Авиценну, чем быть правым, поддерживая других»⁷².

По-видимому, небезытересные результаты дала бы разработка вопроса сопоставления утопических сочинений от эпохи Ренессанса до Руссо с рядом сочинений Ибн Сино⁷³.

Выше были приведены имена античных авторов, на которых ссылается Бируни только в «Индии»⁷⁴. В других сочинениях их не меньше. У Бируни мы находим исключительно интересные замечания, в которых дается общая оценка заслуг греческих ученых в науках. Вот некоторые из них. В «Сайдане» («Фармакогнозии») он пишет: «Греки до христианства превосходством в старательных исследованиях и развитии разнообразных вещей, поднимая их на самую высокую ступень и приближая их к совершенству»⁷⁵.

В «Хронологии», противопоставляя своих греческим ученым, он указывает, что последние «если от них требуют доказательств, они не станут прибегать

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М., 1961. С. 346.

⁶⁹ Там же. С. 347.

⁷⁰ Борисов А. Я. Авиценна... С. 70.

⁷¹ Булгаков П. Г. Жизнь и труды Бируни. С. 11.

⁷² Петров Б. Д. Ибн-Сина... С. LXI.

⁷³ Об этих сочинениях Ибн Сины см.: Семенов А. А. Абу-Али ибн-Сина... С. 48–49.

⁷⁴ См. примеч. 18.

⁷⁵ Бируни. Фармакогнозия. С. 137.

к рассказам тех, кто основывают свои слова на божественном откровении и вдохновении»⁷⁶.

В таком же духе Бируни противопоставляет индийских ученых греческим: «Только немногие индийцы заняты подобно греческим натурфилософам точным научным исследованием комет и сущности небесных явлений, ибо и в этих вопросах индийцы не способны освободиться от слов своих религиозных руководителей»⁷⁷.

Заканчивая на этом данный краткий очерк, следует подчеркнуть, что имеющиеся в настоящее время издания и переводы сочинений Ибн Сины и Бируни и большое количество специальных исследований по различным отраслям знания из их научного наследия более чем достаточны для написания обширной монографии, которая, надо надеяться, будет составлена советскими исследователями.

Автором очерка только намечена эта задача, причем он не касался целого ряда важных сочинений Ибн Сины и Бируни, в частности, в такой важной отрасли, как математика, которая столь успешно исследуется советскими специалистами⁷⁸.

В заключение вернемся к упомянутой в начале очерка рецензии В. Р. Розена, в ней он приводит слова Э. Захау — немецкого издателя сочинения Бируни, который писал о Бируни «как об одиноко стоящей горной вершине в океане арабской литературы». По этому поводу В. Р. Розен пишет: «Мы можем, правда, признать Бируни горною вершиною... но мы должны вместе с тем признать, что эта вершина не стоит в одиноком величии среди голой пустыни и не появилась вдруг из бездны океана... Совсем напротив: эта высшая вершина окружена целым рядом пиков, гор и холмов...»⁷⁹

Придерживаясь этого сравнения, мы, как представляется, вправе говорить об Ибн Сине и Бируни как о «двуглавой вершине», возвышающейся на фоне горных хребтов культуры эпохи.

⁷⁶ Бируни. Хронология. С. 66; ср.: Булгаков П. Г. Жизнь и труды Беруни. С. 96 сл.

⁷⁷ Бируни. Индия. С. 358.

⁷⁸ См., например: Сираждинов С. Х., Матвиевская Г. П. Абу Райхан Бируни и его математические труды. М., 1978.

⁷⁹ ЗВОРАО. Т. III/1-2. 1888. С. 152.

Часть II

ЭССЕ (ЗАМЕТКИ)

О «ЗАМЕТКАХ» ОТ АВТОРА

Свидетелем Господь меня поставил...

А. С. Пушкин. Борис Годунов

Каждый житель Земли является чему-либо свидетелем. К счастью, не всякого Господь «книжному искусству вразумил». Иначе давно бы, вероятно, исчезло и само «книжное искусство» под горами книжности. И хотя книжные хребты уже заняли значительную часть поверхности планеты, все же еще существуют свободные от них пространства. Вот автор и решил воспользоваться последним обстоятельством и своими «Заметками» принять участие в «горообразовании» планеты... Автор хочет лишь отметить, что решился на такое дело только потому, что считает важным показать, как мир, в котором он жил и продолжает жить, отражается в его сознании, проникает в сердце. Будучи в какой-то степени причастным к историографии, он обнаружил, что современные ее формы поразительно безличны, в подавляющем большинстве сочинений историки опираются на чужие свидетельства, заимствованные из книг. Но может ли нынешний автор на самом деле обходиться без таких заимствований? Увы, теперь такое свидетельство о современности невероятно. Не избежал обращения к книгам и автор нижеследующих «Заметок». Что же является его собственным «свидетельством»? А вот что. Каждая из заметок — это некий след, явный или скрытый, того, что прошло через его сознание, след переживания непосредственного или опосредствованного. Именно в личных переживаниях автор видит тот важный в историко-научном аспекте материал, тот реальный исторический факт, достоверность которого неоспорима. Иначе говоря, лишь то, что в сознании пишущего отложилось как реальное, и является достоверным материалом. Убеденный в справедливости своего видения, автор вправе обращаться и к тем книжным или иным свидетельствам, совпадающим с его собственными представлениями. Именно с этой позиции автор и привлекает литературные свидетельства. Не будучи, однако, в состоянии привлечь хоть сколько-нибудь исчерпывающую литературу, он ограничился лишь тем, что достаточно доступно.

Предлагаемые «Заметки» могут быть названы «Записки из угла». Такое заглавие, как нетрудно догадаться, подражает «Запискам из подполья». Однако автор заявляет со всей определенностью, что с «подпольем» они ничего общего не имеют.

Автор рано обнаружил в своем характере отсутствие способностей к «подпольной» деятельности и никогда не ставил цели ни практического, ни отвлеченного «подполья». Реалистически оценив свои данные, он более или менее

спокойно прошел круг своей жизни в достаточно ограниченной сфере работы по «специальности», неожиданно оказавшейся сравнительно «престижной», и благополучно добрался до почтенного возраста. Никакой личной неприязни ни к обществу, ни тем более к властям он не питает. Однако некоторые обстоятельства на раннем этапе жизненного пути определили склонность к «инакомыслию», которое он не рекламирует, но и не прячет за семью замками.

А суть обстоятельств, о которых идет речь, такова: мое (автора) раннее детство прошло в глухой деревне, но в весьма специфической обстановке. Кажется, я адекватно воспринял внутренний пафос российского крестьянства, цели которого столь же кратко, сколь и верно передал первый декрет советского правительства — «Земля крестьянам». Первые послереволюционные годы убедили меня в том, что крестьяне не только одобрительно встретили этот лозунг-декрет, но и с достаточной готовностью шли на жертвы ради его закрепления. Я присутствовал на бесчисленных сходках в первые годы революции, утверждавших разверстки как хлебом, так и скотиной. Отдавали пуды ржицы и телков без особого надрыва и, как кажется, по справедливости. Делили и помещичью землю также по примитивному пониманию справедливости, исходя из принципа — «по едокам». Как мобилизация людей, так и гужевая повинность вначале не встречали сопротивления. Однако когда власти слишком стали усердствовать в деле продразверсток и прочих мероприятий, настроение крестьян сильно изменилось. Началось движение, названное «зеленым» (в нашем краю, впрочем, не слишком интенсивное). Были эксцессы — убийства, поджоги, дезертирство и соответственные расправы — расстрелы, но чаще «шомпольные внушения». Часть деревни, в том числе наше хозяйство, сгорело. Так как семья состояла из малолеток-сирот, или, как говорили крестьяне «безбатьковцев», то об отстройке сгоревшего думать не приходилось. Пришлось перебраться в город. О жизни в городе рассказывать не буду.

Перейду сразу к годам НЭПа — 1924–1927 гг. Для меня это были годы, которые по желанию можно назвать или «годы странствий», или «годы беспризорничества». Странствий в одиночестве, вне «беспризорных банд». Я успел побывать и пожить в Закавказье, недолго на Украине, более основательно на Дальнем Востоке...

Многочисленные впечатления глубоко отпечатались в сознании. Был я грамотен, читал все, что попадалось, но, главным образом, то, что печаталось повседневно. Довольно рано проникся убеждением о частом несоответствии провозглашаемых целей революции народному, крестьянскому сознанию, об их чуждости последнему, больше того — глубокой враждебности ему.

Но увы, эти представления отложились где-то в «заднем кармане» сознания. Реальная жизнь так или иначе устраивалась, а кривая судьбы выносила на протяжении полу столетия и привела... к углу, из которого я сейчас и смотрю на мир...

Хочу подчеркнуть отличие взгляда «из угла» от взгляда «из подполья». Угол в комнате — один из четырех. Из одного видны остальные три. Поэтому такой «угол зрения» представляется мне более объективным, чем «из подполья». Во всяком случае, панорама более широкая...

При всем разнообразии тематик мои «заметки» в наибольшей мере их, пожалуй, объединяет одна сквозная мысль — мысль о неотвратимой силе *традиций*, о неизбежном их влиянии на все то якобы новое, что пришло с революцией.

О ТРАДИЦИИ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Далекое прошлое. Годы 1912–1916. Зимние месяцы посещения церковно-приходской школы в деревне Егорово, что в трех километрах от нашей деревни. Ватажное, веселое хождение в школу и еще более веселое возвращение в зимние дни из школы домой. От школьных занятий, быть может, самое яркое воспоминание — рассказы о войнах и военных событиях по истории, слитые с именами царей и цариц. На всю жизнь запомнились походы Суворова, переход через Чертов мост. Суворов велит выкопать себе могилу — живым он не отступит... Он же, Суворов, будит солдат петушиным ку-ка-ре-ку. А вот и Кутузов, который приехал бить французов... А еще раньше — Иван, или Иоанн III топчет ногами басму татарского хана. А до того — татары под Киевом, когда от рева верблюдов и ржания коней не слышно человеческого голоса... А после захвата татарами города, в храмах божьих — стояла для их коней...

А еще дальше, в глубь веков, — рассказ о княгине Ольге, о том, как она свирепо расправляется с племенем, убившем ее супруга. Привязывает к верхушкам согнутых берез захваченных пленных. А березы, распрямляясь, разрывают этих несчастных. Жутко... Или, она же, приказывает ловить воробьев, привязывает к ним зажженную паклю. Отпущенные воробьи, вернувшиеся в осажденный город, под крыши домов... Весь город в огне. Город взят.

А вот рассказ о Куликовом поле. Разумеется, рассказ о схватке отважных монахов Пересвета и Осляба со свирепым татарским богатырем. По татарскому полчищу ударяет полк Боброка, стоящий наготове в засаде. Бежит без оглядки хвастливый Мамай.

Все это — в замечательной хрестоматии — не то «Живая речь», не то «Живой родник». В ней, помимо рассказов, — раскрашенные карты, показывающие, как при том или ином царе ширились русские владения, портреты самих царей и многое другое.

Жаль расставаться с воспоминаниями. Но заглавие заметки обязывает обратиться к иному материалу, к иным источникам. Два автора заслуживают того, чтобы начать именно с них, хотя, собственно, к нашей ограниченной теме они имеют лишь косвенное отношение. Первый — Аристофан, сказавший о тех, кому война по душе, что это «вояки души, облаченные в семь воловых шкур». Это те носители войны, души которых защищены от человеческих чувств непробойными шкурами щитов. Второй — Гегель, написавший о знаменитом вояке Аттиле: «Аттила — мировой дух верхом на коне». Кажется, Гегель так же отзывался и о другом вояке — Наполеоне, имевшем в своем распоряжении, кроме коня, еще и пушки. Между аристофановским воякой и гегелевским

«мировым духом» и могут быть расположены все те, кто во все времена творил войны, кому казалось, что они исполнители воли духа истории — люди бездушные, какие бы мотивы им ни приписывались.

Но обратимся к истории России. В современной советской историографии нетрудно установить тенденцию связывать этногенез славян-русских со скифами, этими весьма «браннолюбивыми» племенами южнорусских степей. Вероятно, не совсем случайны в этом плане блоковские «Скифы». Правда, с этим мнением согласны не все. Разбирать, кто прав, кто не прав, здесь не место. Но очевидно, что скифский период, как и следующие периоды истории южнорусских степей, с их владыками от сарматов и гуннов до монголо-татар, не многими отличавшимися от скифов в своем отношении к войне, оказали влияние и на историю русского военного мировоззрения. Что касается скифов, то недалеко от истины сказанное о них Боденом: «Скифы, столь же богатые физической силой, сколь бедные разумом, сделали военную доблесть первой из всех добродетелей». Все, что известно о них по рассказам историков, достаточно убедительно подтверждается столь ныне богатой скифской археологией. Трудно оспаривать и другое высказывание Бодена, отмечавшего, что скифы не произвели ни юристов, ни ораторов, ни историков и еще меньше великих купцов. Во всяком случае, это высказывание Бодена не оспаривается в труде, изданном в Москве в 1970 г., откуда оно взято.

На этом оставим скифов и других степняков. Перейдем к уже вполне исторически документированным периодам сложения русского государства — сперва Московского царства, а затем и Петербургской империи.

Экспансия Руси, по словам Герцена, началась еще со времени Киевской Руси. Однако едва ли события военной истории того времени можно рассматривать в качестве осуществления кем-либо из великих князей стольного града Киева определенной государственной программы.

Иная картина рисуется с начала образования Московского царства — в конце татарского ига и, особенно, с момента его свержения. Нельзя сомневаться, что на первую пору сложения Московского царства немалое влияние оказали традиции империи Чингис-хана и тех государственных образований, которые возникли после ее распада, в первую очередь Золотой Орды. Не могла не оказать влияния, прежде всего, сама военная организация татаро-монгольских государств, с которой московские великие князья были хорошо знакомы. В частности — главная ударная сила монгольской военной машины — их конница. Мне представляется особенно показательным образование в Московском царстве при Иване Грозном опричнины, прообразом которой были черики — тысячный корпус гвардии Чингис-хана. Именно опричниной была заменена унаследованная от прежних времен княжеская дружина. И так же, как у Чингис-хана гвардия поставляла основной командный состав войска, так и опричнина Ивана IV была призвана к замене прежней аристократической верхушки («хребта», по слову Курбского) военной машиной. Как бы то ни было, уже при первых московских государях сложилась новая военная сила, определившая в значительной мере и главную черту — «идеологию» Московского государства: отказ от прежних правовых установлений как Ки-

евской Руси, так и Удельного времени. Это обстоятельство точно охарактеризовал В. Ключевский: «Великие московские князья действовали во имя силы, а не права».

Экспансия в разных направлениях с приобретением земель силой наиболее целеустремленно осуществлялась при Иване Грозном. Сторонний наблюдатель состояния этой силы во времена царствования Ивана Грозного, знаменитый Ченслор, дважды посетивший Москву, писал, что эта сила была использована даже не в полной мере. В своих записках о Московии он писал: «Если бы русские знали свою силу, никто не мог бы бороться с ними, и от их соседей сохранились бы только кой-какие остатки». Впрочем, в отношении недостаточного в Москве «сознания своей силы» Ченслор едва ли прав. Как показывает ход военной экспансии, например Ливонский поход Ивана Грозного, быть может, следует говорить об обратном — об определенной переоценке своих сил. Что же касается соседей, то если и не при Иване IV, то позже судьба их была предопределена: от них мало что осталось, правда, уже в следующую эпоху истории России — в период Петербургской империи, прямой наследницы Московского царства. Сошлюсь по этому поводу снова на Герцена: «Одна-единственная мысль служила связью между Петербургским периодом и Московским — мысль о расширении государства».

В этом смысле наиболее характерным свидетельством являются слова создателя Петербургской империи, Петра Великого, сказанные своему послушному «непотребному» сыну — Алексею, противнику безудержной экспансии: «Россию именно война вывела из тьмы в свет».

Войны XVIII в., особенно второй его половины — при Екатерине II, которая постоянно обращалась к заветам Петра, являются осуществлением его идей. В этом плане интересно замечание наблюдательного Стендаля: «Со времени Петра Россия твердо верила, что в 1819 г., если только хватит энергии на это, она будет владычицей Европы». Писал он это после Наполеоновских войн, когда, по словам Пушкина, «мы очутились в Париже, а русский царь — главой царей».

Но обратимся подробнее к XIX в., представляющему для нас наибольший интерес. Благодаря войнам этого века выкристаллизовались идеологические представления не только вершителей государственной политики, но и общественного мнения культурного слоя общества.

Две «кампании», как военные историки любили писать о войнах, приобрели особенное влияние на ход развития общественного самосознания русского народа. Это, прежде всего, Наполеоновские войны, завершившиеся кампанией 1812 г. с ее победным апофеозом, а затем — Крымская война 1855–1856 гг., в которой Россия потерпела поражение.

Не касаясь собственно истории этих войн, отметим лишь влияние, которое они оказали на самосознание русского общества, ограничившись самыми краткими, наиболее емкими высказываниями современников. Ни одна оценка войны 1812 г., по мнению автора, по своему лаконизму и вместе с тем по своей полноте и сути не идет в сравнение с пушкинскими строфами, посвященными 1812 г.

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?

Но Бог помог, стал ропот ниже.
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
А русский царь главой царей...

Моря достались Албиону...

Авось аренды забывая,
Ханжа запрется в монастырь,
Авось по манью Николая
Семействам возвратят Сибирь.

Авось дороги нам исправят...

Я всех уйму с моим народом, —
Наш царь в конгрессе говорил...

Исчерпывающий комментарий к словам Пушкина занял бы, наверно, целый том, если не тома. В каждой строфе, строке и даже в слове заключены темы, которые могли бы стать предметом специального исследования. Но уже в всего лишь в двух последних строках первой из приведенных строф определена вся проблематика, связанная с причинами победы русских в войне, проблематика, которой посвящена необозримая литература. Не являются ли, например, слова «остервенение народа» самой внутренней сутью толстовской эпопеи? А слова «Авось по манью Николая семействам возвратят Сибирь» не заключают ли в себе и трагедию и надежды, связанные с декабристами? Не останавливаясь на множестве других тем приведенного отрывка, отмечу только еще строчку: «Авось, аренды забывая». Несомненно, с этими словами связана кровотокающая проблема реформы крепостного права, которая была поставлена в «Дни Александра прекрасное начало». В качестве небольшого комментария к этим словам Пушкина приведу слова некоего сапожника, ставшие известными по архивным данным совсем недавно, сапожника, который был на Сенатской площади 25 декабря: «Господа офицеры требовали волю народу за двенадцатый год». Еще более интересны писания Герцена о двенадцатом годе и о целях, которые ставили перед собой декабристы. Для нас здесь достаточна следующая выписка из его сочинения «О развитии революционных идей», где подчеркивается роль крестьянства в войне: «Спустя шесть месяцев после оставления Москвы на границах Азии появились толпы вооруженных людей, спешивших на защиту столицы...» В связи с этим Герцен задает вопрос о том, что же получило в награду русское крестьянство? И вот ответ: «Что же до нашего крестьянина... ничего для него не изменилось, ему не пожаловали никаких льгот в благодарность за победу, купленную его кровью. Александр подготавливал в награду чудовищный проект военных поселений».

Коснувшись положения крестьянства, было бы уместно привести полностью и всю «Деревню» Пушкина, которая ярко иллюстрирует его положение в период после двенадцатого года. Однако это стихотворение слишком хорошо известно со школьной скамьи и нет нужды его цитировать.

Но если результаты победоносной войны двенадцатого года для крестьянства оказались отрицательными, а крепостничество только усилилось, то какими они были для других слоев населения? Интеллигентное дворянство, если не считать тонкой его прослойки, настроение которой с наибольшей определенностью выражено в западничестве различных оттенков (от Чаадаева до Герцена), в своей основной массе вполне примирилось с реакционным курсом правительства во внутренней политике, с внешним экспансионизмом царской власти, уверенностью в успехе которого была внушена победоносной войной двенадцатого года.

Не буду здесь касаться хорошо известного факта эволюции взглядов Пушкина в сторону примирения с политикой Николая как по внутренней политике, например в вопросе о цензуре, так, в особенности, во внешней — в отношении завоевательного движения на Кавказе, в подавлении Польского восстания 1831 г. Особенно характерными в данном аспекте представляются политические высказывания другого выдающегося поэта николаевской эпохи — Тютчева, в первую очередь относительно экспансии царского правительства. Уже в 1829 г. Тютчев в стихотворении «Олегов чит» писал:

Глухая полночь! Все молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула —
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.

А в 1831 г. в стихотворении «На взятие Варшавы» он же писал:

Да купим сей ценой кровавой
России целость и покой!..

Другая мысль, другая вера
У русских билася в груди!..

Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленников рать...

Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода
Как феникс зародится в нем.

Но в полный голос о целях российского экспансионизма Тютчев высказывается в 1840-х и начале 1850-х гг. Приведем отдельные отрывки из ряда его стихотворений.

Русская география

Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? И где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не пройдет век,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

1848 г.

Рассвет

Четвертый век уж на исходе, —
Свершится он — и грянет час!
И своды древние Софии,
В обновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь.
Пади пред ним, о царь России, —
И встань как всеславянский царь!

1850 г.

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим крылом, —
Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России —
Нет, вам ее не запрудить!..

1850 г.

Обратимся теперь ко второй из главных «кампаний» XIX в. — Крымской войне, закончившейся, в отличие от войны двенадцатого года, тяжелым поражением Николая I и его самоубийством. Шоковым ударом это поражение отозвалось и на сознании тех, кто поддержал экспансионизм Николая, того слоя общества, о котором выразительно писал Чернышевский: «Виновен не только царь, но и большинство публики — персона, устроившая войну». Состояние шока этой «персоны» выразил также Тютчев, который, впрочем, переложил вину за поражение на персону (без кавычек) собственно царя, говоря:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Все было ложь в тебе,
Все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

1856 г. 10 июля

Что касается себя самого, то Тютчев писал:

Все, что сберечь мне удалось,
Надежды, веры и любви,
В одну молитву все слилось:
Переживи, переживи!

1856 г.

Впрочем, Тютчев, «переживший» тягостный момент поражения, сам сохранил и прежние надежды, правда, в несколько модифицированной форме. Но оставим лирические настроения поэта.

Поражение царского правительства в Крымской войне явилось бесспорно поворотным моментом и столь важным историческим фактом, что не могло не всколыхнуть глубочайшим образом общественное мнение страны. В литературе реакция на него достаточно хорошо выяснена. В первую очередь следует назвать известный труд академика Е. В. Тарле «Крымская война 1855–1856 гг.». Прочитируем некоторые из приведенных в этой книге высказываний относительно войны и факта поражения в ней николаевского режима наиболее видных современников. Выразительно и кратко высказывался Герцен: «Бельмо снято с глаз человечества». О самом Николае Герцен писал, что наконец он отправился «по ведомству химии». Тарле, обобщая сказанное по поводу поражения Чернышевским и Добролюбовым, заключает: «Они видели в поражении царского самодержавия исходный момент для подъема революционного и демократического движения в России». Жена С. Аксакова сообщает об Аксакове и его близких: «Все невольно чувствуют, какой пресс снят с каждого, какой-то камень, как-то легко стало дышать». Известный славянофил Кошелев, говоря о неудачах в войне, писал: «Они нас не слишком огорчили, ибо мы были убеждены, что поражение России сноснее для нее и полезнее того, в чем она находилась в последнее время». Так писал и молодой Бакунин: «Катастрофа в Крыму была большим счастьем для России». Значительный интерес представляет общая оценка значения для России этой войны, данная историком С. М. Соловьевым: «Приходилось расплачиваться за 30-летнюю ложь, 30-летнее давление всего живого, духовного, подавление народных сил, превращение русских людей в палки... Некоторые утешали себя так: тяжело! Всем жертвует для материальной, военной силы; по крайней мере мы сильны. Россия занимает важное место. Нас уважают и боятся. И это уважение было отнято... С одной стороны, наше патриотическое чувство было страшно оскорблено поражением, унижением России, с другой — мы были убеждены, что только бедствие и именно несчастная война могли произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение... успех войны затянул бы еще крепче наши узы, окончательно утвердил бы казарменную систему».

Приведенные высказывания современников-публицистов, историков, деятелей оценивают события с идеологической позиции, приверженцами которой они выступали. Значительный интерес представляют также воспоминания о Крымской войне представителя естественных наук, известного химика В. В. Морковникова, которыми он поделился в речи, посвященной памяти знаменитого Бутлерова. Приведем интересующую нас часть его речи в несколько сокращенном

виде: «Большинство уже забыли, как жил культурный русский человек 30–50-х гг. XIX в., успокаиваемый признаками внешней силы своего отечества и не замечая, как он все более и более покрывается плесенью. Мы так долго жили в удушливой спертой атмосфере, что тяжесть атмосферного давления перед бурей переносилась совершенно спокойно до тех пор, пока не прогремели севастопольские громы. Гроза сразу очистила воздух... нам захотелось дышать полной грудью, упиться до конца этим ошеломляющим воздухом свободы, и мы надыхались им до одурения. Высокая стена, отделяющая нас, Россию, от Запада сразу была разрушена. Теперь нам постоянно твердили: смотрите на Запад, дома вы ничего не найдете, кроме мерзости запустения. Привыкли слушаться команды, мы повернули налево кругом, и нашим глазам представилась туманная картина культурного Запада. Помогла литература: все, что изображало жизнь Запада, освещалось ярко, цветисто, а рядом с этим для контраста показывались картины из русской жизни, где все уродливое при вечернем освещении давало еще более крупные тени. Особенно привлекательно была выставлена западная наука, и мы устремились к ней со всем пылом юношеской страсти, тем более что сзади нам вдогонку раздавались тысячи голосов: «Помните, что вы далеко отстали! Спешите наверстать упущенное время». Когда тут было разбирать и осматриваться, и мы упивались идеями этой науки, не успевая отличить созревшее от незрелого с привычной нам самоуверенностью, что русский желудок все переварит. Однако он оказался обыкновенным желудком и не переварил сразу массу пищи, внесенной в него после предварительного голодания. Начались спазмы. Дальнейшее все известно». Приведенный отрывок из речи В. В. Морковникова был опубликован в специальном советском серийном издании «Труды Института теории естествознания и техники» за 1956 г. (том XII). Уже после выхода в свет книги Тарле, из которой выше было приведено большинство вызвавших современных войну.

Возвращаясь к труду Тарле, отметим приведенные им соображения Ф. Энгельса, важные для понимания общей ситуации в связи с Крымской войной. Энгельс писал: «Чтобы самодержавно властвовать внутри страны, царизм должен был во внешних сношениях быть не только непобедимым, но и непрерывно одерживать победы... должен был вознаграждать подданных угаром побед, все новыми и новыми завоеваниями... Наступило небывалое отрезвление». И в заключение — еще два весьма существенных замечания самого Тарле. Касаясь мировоззрений Николая в отношении войны, он пишет, что, по мнению Николая, «Россия создавалась завоеваниями и будет держаться, пока будет в состоянии сохранять старые завоевания и предпринимать новые». Другое замечание Тарле характеризует настроения крестьян во время Крымской войны в сопоставлении с таковым в 1812 г.: «В 1855 г., как и в 1812-м, среди крестьян и среди ратников бродила мысль, что, освободив русскую землю от вторгнувшегося неприятеля... участники не вернутся под крепостное право».

Мы не будем останавливаться на военных событиях второй половины XIX в. После поражения в Крымской войне наступило некоторое «отрезвление» в царской политике. Да и внутренние проблемы, вызванные реформами 1860-х гг., отвлекли царское правительство от задач внешней экспансии. Впрочем, экспан-

сионистские устремления целиком не были погашены. Достаточно указать на завоевания Туркестанских ханств в Прикаспии, а также на военное участие России в освободительном движении славянских народов на Балканах. В связи с событиями на Балканах вспомним, что в поддержку (и даже в подталкивание) царского правительства снова встала значительная часть влиятельных кругов. В качестве их выразителя мы снова встречаемся с Тютчевым. Его стихотворение «К славянам» даст представление об этих настроениях:

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмем!»
Ну как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!..
Да, стенка есть — стена большая, —
И вас нетрудно к ней прижать.
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.
Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...

Однако в целом экспансионистские устремления России второй половины XIX в. не идут ни в какое сравнение с николаевским временем. В этом отношении наиболее характерно царствование «миротворца» Александра III.

Итак мы вступаем в новый, XX в. Двум войнам начала века судьбой было предрешиено покончить с экспансионизмом царской России — войне с Японией 1904 г. и Первой мировой войне 1914–1917 гг. Экспансионистский характер войны 1904 г. со стороны России не является предметом дискуссий. В этом смысле война 1904 г. может рассматриваться как продолжение войн предшествующего века. Но, в отличие от них, в этой войне плацдармом служили не западные границы империи, а Дальний Восток. Перенесение войны в противоположную часть страны, конечно, далеко не случайно. Даже при самом поверхностном знакомстве с материалами о вступлении России в эту войну бросается в глаза определенная несамостоятельность царской политики. Создается впечатление, что царское правительство было «заманено» в эту войну западными державами. Достаточно напомнить о знаменитой телеграмме кайзера Вильгельма императору Николаю, присланной накануне войны, — телеграмму, в которой кайзер от имени Атлантического адмирала поздравлял адмирала Тихоокеанского. Хорошо известна заинтересованность в этой войне Англии, стремившейся отвлечь Россию от ее традиционной экспансии в сторону Индии и направить в сторону Дальнего Востока.

Последствия поражения России в этой войне известны. Царскому правительству пришлось иметь дело с революцией 1905 г. — этой грозной предвестницей революции 1917 г.

Что касается названных выше западных стран, то для них следствия поражения России, которую они «заманили» в войну, были различными.

Немцы получили выгодный торговый договор с Россией, благодаря которому, в частности, германские аграрии стали откармливать дешевым русским сахаром своих породистых свиней.

Для Англии же, активно содействовавшей Японии, ее победа обернулась «пирровой».

В чем тут дело, станет ясно из устного рассказа, которым делился с автором профессор А., долго живший в Индии и общавшийся с влиятельными кругами английской администрации в этой колонии. Согласно его рассказу, англичане в один голос утверждали, что знай они о том, как отзовется на Востоке победа японцев над Россией, они, англичане, никогда не допустили бы вспышки самой войны. Именно эта победа азиатской страны над западной послужила мощным толчком к началу и антианглийского движения против колониального владения в собственных Британских владениях, и в первую очередь в Индии. Подтверждения этому мнению, полагаю, можно без труда найти в документальных источниках Великобритании. Впрочем, сомнительно, что английские «мудрецы» от политики в полной мере извлекли урок из обстоятельств войны 1904 г. Правда, так же как и политики других европейских держав, что нашло свое выражение в самоубийственном для них развязывании Первой мировой войны.

В небольшой заметке автор, разумеется, не может затронуть даже в общей форме «узлы», завязанные самим ходом войны 1914–1917 гг. Война, справедливо названная империалистической, с таким же основанием может быть названа и экспансионистской. Не касаясь экспансионистских устремлений западноевропейских держав — участников мировой драки, заметим, что экспансионизм царской России снова направился в старое русло. Возродилось стремление овладеть проливами — наследством «второго Рима». Увы, история распорядилась по-своему. Царская Россия стала Советской республикой, со всеми трагическими последствиями для прежней государственной системы России и народа в целом.

Октябрьская революция 1917 г., как известно, победила в значительной мере благодаря торжественному обещанию вырвать с корнем само семя войны. Это обещание было закреплено не только в бумажных декретах и плакатах, но и в камне. До сих пор на камнях памятника первым жертвам революции с сердечным волнением прохожими читаются слова: «По воле тиранов друг друга терзали народы. Ты встал трудовой Петербург и первым начал войну всех угнетенных против всех угнетателей, чтоб тем убить само семя войны».

Однако история, как всегда, внесла свои коррективы. Революция отнюдь не покончила с войнами. С нее начались, может быть, самые убийственные войны в мире. Сперва стране пришлось пережить ужасающую по своей жестокости Гражданскую войну, из которой молодая республика вышла, однако, победительницей. Инструментом победы явилась вновь образованная Красная армия. По поводу этого удивительного и даже невероятного феномена — победы Красной армии в войне с опытными в военном деле белогвардейскими армиями и с такими же опытными армиями интервентов — в историях войн высказано немало самых разнообразных соображений. Не станем их разбирать. Но позволим и себе высказать одно соображение, интересное тем, что оно связано с главной идеей наших «Заметок» — идеей преемственности традиций. Речь идет о связи

организации Красной армии с традициями прежней царской армии. С какой основательностью, казалось, Октябрьская революция разделилась с традициями, сложившимися в царской армии. Как будто полностью была изменена структура офицерского корпуса, по крайней мере в характере званий, начиная от наименования «офицеры» и их знаков отличия. В первые годы исчез из обращения и сам «солдат». Было введено звание «командир» для офицеров вплоть до генерала, а солдат стали называть «красноармейцами». Разумеется, не могло быть и речи о погонах и эполетах. На всю жизнь врезался в память эпизод (1917 г.) срезания погон у офицера бандой пьяных моряков. Офицер, плача, кричал: «Я кровью их добыл!» Был введен институт комиссаров. Радикально были переработаны уставы. Но все это хорошо известно... Именно этими и другими переменами обычно объясняют причины победы Красной армии в Гражданской войне. Но так ли это? Насколько я могу судить, один момент в истории хода Гражданской войны, особенно в деле создания Красной армии как боеспособной силы, явно остается в глубокой тени. Имею в виду роль массы перешедших на службу в Красной армии высших офицеров царской армии, их организаторские роли в генеральном штабе. Для того чтобы убедиться, какое реальное значение имел такой переход высшего офицерства на сторону советской власти, лучше всяких книг демонстрирует замечательная экспозиция фотографий генералов, полковников и других чинов царской армии, служивших в Красной армии, экспозиция, занимающая целую стену в Военном музее Суворова в Ленинграде. Там можно увидеть фотографии таких прославленных во время Первой мировой войны генералов, как Брусилов, Алексеев, печально известный еще со времен японской войны Куропаткин, не говоря о Каменеве, позже долгое время занимавшем пост начальника генерального штаба Красной армии, офицеров вроде Тухачевского и пр. Без их опытной организаторской роли трудно себе представить превращение анархических (напомню «Двенадцать» Блока) отрядов Красной гвардии в боеспособную армию. Вспомним, что роль высшего офицерства императорской армии в создании Красной армии была отмечена и вождем революции. Напомню похвалу Ленина в адрес Троцкого за умелое привлечение им в создание Красной армии старых военных специалистов. В связи с этим позволю себе вообразить ход переговоров, которые вел Лев Давыдович с генералами царской армии:

Троцкий: Предлагаю вам, господа генералы, перейти на службу в создаваемую нами — большевиками — новую армию, я должен особенно подчеркнуть следующее: только мы, большевики-коммунисты, советская власть являемся той силой, тем обручем, который способен сохранить единство и целостность русского государства, если хотите «единую неделимую империю». И только ваш опыт, господа, может помочь нам создать реальную силу для осуществления этой задачи. С полной ответственностью заявляю вам, что ваша заслуга в этом патриотическом деле не будет забыта, как и не будут игнорированы ваши личные интересы...

Один из генералов: А наши звания будут сохранены?

Другой генерал: А погоны, лампасы, кресты, ордена?

Троцкий: Мы думали над этим. В полной мере пока, в сложившихся условиях со всем этим придется подождать... Ведь вам, господа, хорошо известны настроения

солдатской массы именно в отношении офицерских знаков отличия. Когда наша общая задача будет осуществлена и все наладится, мы к этому вопросу вернемся...

Трудно судить о том, кого мог иметь в виду Троцкий, говоря «мы», думал ли он, что именно ему предстоит рассматривать вопрос о званиях, погонах, лампахас и пр. Во всяком случае, не ему было суждено осуществить пожелания генералов... История поручила их выполнение другому персонажу исторической драмы.

Разумеется, приведенный воображаемый разговор Троцкого с генералами является плодом «чистой фантазии» автора, однако, то, что Троцкий мог апеллировать к патриотическим чувствам генералов, могло иметь место в действительности. В этой связи представляется не безынтересным приведенные в воспоминаниях реэмигранта Любимова слова наиболее непримиримого врага советской власти генерала Деникина, сказанные им, когда фашистская Германия напала на Советский Союз: «Нет, не побежит Красная армия от немцев. Храбро отстоит она русскую землю». Правда, при этом Деникин высказал и надежду на то, что «затем повернет она штыки против большевиков». Теплилась ли такая надежда у генералов, привлеченных Троцким в Генеральный штаб Красной армии, можно только предполагать, но это вовсе не исключено.

Тот же автор (Любимов) приводит и слова бывшего лейб-гвардии Павловского офицера, попросившего его о следующем: «Скажите советским военным, что традиция проходить церемониальным маршем с ружьями на руку у нас, павловцев, заимствована». Как ни анекдотично звучит забота офицера о приоритете царской армии в практике Красной (Советской) армии, рассказ этот добавляет любопытный штрих к интересующей нас теме живучести старых традиций в нашем современном военном деле, традиций, к которым руководство нашей армии вынуждено было обратиться в гораздо более сложных условиях войны 1941–1945 гг.

КОСМОС И ВОЙНА

Запуск первого спутника, потом — посылка в неведомый космос собак Белки и Стрелки, позже — полет первого человека Ю. А. Гагарина, с его восхитившей весь мир очень «мирной» улыбкой — все как будто не предвещало угрозы превращения Космического океана в арену возможного столкновения. Во всяком случае, так могло показаться обывателю с его ограниченной информированностью. Впрочем, уже запуск первого спутника, очевидно, все же вызвал на Западе некоторые подозрения такого рода. Автору заметок известно, что уже в 1957 г. Аденауэр высказал в связи с запуском первого спутника подозрение, что в руках широкой украинской рубахи Хрущева скрыты некие опасные «фокусы». После полета Гагарина опасения, видимо, усилились. Но откровенно, насколько я могу судить, обывательской публике об этом не говорилось.

Конечно, программу Кеннеди начала 1960-х гг. с ассигнованием космических исследований в США в 20 миллиардов долларов можно было толковать именно как вызванную неким чувством угрозы с нашей стороны. Но ее можно толковать

и как проявление присущего американцам спортивного соревновательного духа, а-ля шолоховского задиристого парня Мишку, заявившего: «А я своего Белогоного обогнать не дам!» Дальнейший ход соревнования между нами и американцами известен. Высадив своего космонавта на Луну, американцы могли с ухмылкой, а-ля упомянутый парень, самодовольно утверждать, что обогнать себя не дали. Понятны и наши официальные и неофициальные поздравления американским космонавтам.

Во всяком случае, пришлось считаться с фактами и пришедшему на смену Хрущеву другому нашему лидеру, Леониду Ильичу Брежневу. Ему не оставалось ничего иного, как договориться с США об общей разрядке, которой он и добился блистательно в Хельсинки в 1975 г.

Между тем космос отнюдь не был оставлен в покое. Один за другим мы посылали на околоземную орбиту свои экипажи космонавтов, которые, возвратившись и «отчеканив шаг» перед невидимым (нам, телезрителям) наземным руководителем полета (его по телевидению никогда не показывали, так же как и главного конструктора), получали высшие звания героев и самые высокие ордена.

Разумеется, заинтересованность военных в космосе была секретом полицинелия и у нас, и в США. Для них космос стал «рассадником» военных чинов вплоть до самых высоких. Но в пропагандистских комментариях для публики все же подчеркивались лишь научные цели космических программ.

Однако не будем вдаваться в хронику космической эпопеи. Надо полагать, что и в США происходило нечто похожее. Там в космос оказались втянутыми не только военное ведомство Пентагон, но и весь т. н. военно-промышленный комплекс. Именно ему, если судить по нашей информационной службе (кажется, в этом вопросе близкой к действительности), и принадлежит инициатива борьбы за прекращение разрядки (по-ихнему — «детанта»), как-то мешавшей военным целям исследования космоса. И вот ныне, в 1983–1984 г., человечество оказалось перед зрелищем цинично откровенного превращения космоса в арену подготовки военного столкновения («конфронтации»). Подозрения противной стороны в такой нашей подготовке может, очевидно, вызвать посылка одного за другим экипажей космонавтов на т. н. постоянную орбитальную станцию «Салют», на которой космонавты дежурят и отработывают программы в течение сотен дней (самое длительное пребывание в космосе 211 дней).

Ясно, что автор заметки, будучи лишь обывателем-хроникером, не может, по доступным данным нашей информационной службы, судить о том, насколько верны подозрения противной стороны о военном содержании наших космических программ. Но, исходя из того же источника информации, он (автор) вполне может судить о военном назначении космических исследований в США. Техническим сосредоточием, «фокусом» этой программы сейчас является запуск т. н. «Шаттлов» («корабли многоразового использования»). Небольшая подборка репортажных заметок о полетах этих самых «Шаттлов» вполне адекватно говорит как об их военном значении, так и о реакции «озабоченности» нашей стороны по их поводу. О последнем непосредственно свидетельствует и наша дипломатическая акция сразу после первых их полетов все же достаточно успешных, хотя и не полностью удовлетворительных. Речь идет об обращении

нашего правительства (через МИД) с предложением отказаться от превращения космоса в арену военных действий. Но, пожалуй, еще более определенно и «доходчиво» о нашей реакции (обеспокоенности) говорят упомянутые репортажи. Вот некоторые из них — в том виде, как они опубликованы в газете «Правда». Сообщив 05.II.84 г. о неудаче одного из экспериментов, проведенных во время полета «Шаттла», газета назавтра, 6 февраля, с явным, скажем, удовлетворением напечатала под заголовком «Опять неудача» более длинную заметку. В ней ТАСС сообщает следующее: «В процессе заполнения азотом... лопнул пластиковый баллон, который должен был служить мишенью для отработки маневров космического корабля при сближении со спутником... Неудача этого эксперимента уже второй серьезный срыв в ходе нынешнего полета...»

А 7 февраля ТАСС передало: «Неудачи продолжают преследовать американский корабль... при попытке вывести на геостанционную орбиту спутника связи... связь с ним была потеряна... стоимость (его) оценивается в 75 миллионов долларов... Ранее из-за неполадок... не удалось вывести на орбиту аналогичный спутник связи». Почти во всех сообщениях ТАСС говорится о военном назначении полетов «Шаттл». Ниже приводится список таких сообщений ТАСС и репортажей, опубликованных в газете «Правда» (за полноту не ручаюсь):

25.X.82 г. О «Шаттле» и его вреде.

27.VI.83 г. Космос и Пентагон.

10.XII.83 г. Колумбия приземлилась (со злорадством).

19.XII.83 г. Против милитаризации космоса.

6.II.84 г. Пути милитаризма.

8.II.84 г. Цепь неудач.

11.II.84 г. Шаг никуда (о потере спутника связи).

27.II.84 г. Космические планы Японии.

28.II.84 г. Планы по милитаризации космоса.

14.IV.84 г. Полет закончен.

30.IV.84 г. Академик Велихов. Космические амбиции США.

25.V.84 г. Противоспутниковое оружие — под запрет!

О том, что пишут США и Запад о своих космических исследованиях, мне, по имеющимся публикациям, точно ничего не известно. Но вот что я увидел, проходя мимо консульства ФРГ и США (оба на улице Петра Лаврова в Ленинграде) в специальных витринах, выставленных для обозрения публики. В витрине немецкого консульства — информация о европейской космической лаборатории «Скайлэб», изготовленной в ФРГ, переправленной в США и помещенной в «Коламбии». Физик, немец из ФРГ, в ней производил эксперименты по исследованию металлов. Вес «Скайлэба» 5,5 тонны. Работа без скафандра.

В витрине американского консульства — эксперименты по ремонту в космосе спутников с помощью того же «Шаттла». Показаны цветные фотографии космонавтов: вполне собой довольные. Военные они или нет — не знаю. Ближе к витрине подойти нельзя. Подход к витрине оцеплен шнуром с красными флажками (как на волчьей ораве). Издали прочитать текст не смог.

НАРОД-ДИТЯ

Мир — не дитя. Он зрелый муж отныне.

Шандор Петефи

Так звучит в русском переводе строчка стихотворения венгерского поэта XIX в. Точно ли она передана — не знаю. Но было бы вернее, как кажется, вместо «мира» говорить о «народе». Во всяком случае, для русского сознания речь должна идти о «народе-дитяти» — представлении, внушенном ему (народу) с очень давнего времени. Соответственно власть, и в первую голову — верховная власть в лице царя, была для народа «отцом», вернее «батюшкой». Корни такого представления уходят в глубь веков. Как известно, римский сенат почетный титул «отца отечества» преподнес императору Августу. В такой же форме это звание было поднесено сенатом и Петру I. Однако в народной форме — «царь-батюшка» — титул этот вошел в официальный протокол как будто еще в Московской Руси. Вполне вероятно, однако, что он был известен и в еще более раннее время. Едва ли случайно имя знаменитого предводителя гуннов — Атиллы — означает именно «батюшка». Возможно, что и звание «атаман» (ата — отец) для предводителя казацкой вольницы является реминисценцией гуннского имени. В Киевской Руси до принятия христианства ничто не говорит о том, что сложилось представление о князе как об «отце». Характерен эпитет Владимира — «Красно Солнышко». Однако, именно начиная с Владимира, после принятия христианства, вместе с молитвой «Отче наш» распространялась и идея о «всеобщем отце небесном». Но такое представление сначала, видимо, встречало в общественном сознании сильное сопротивление. Оно находилось в явном противоречии с прежним бытовым представлением об отце семейства. Как пишет историк, «Христианство отняло у отцов семейства прерогативу жречества, которые им были присущи в эпоху язычества. Да и вообще, как известно, взрослое население туго поддавалось воздействию нового вероучения». Обстоятельство это и было учтено проводниками христианства — иерархами церкви. Согласно свидетельству источников, как пишет С. М. Соловьев: «Епископ Ростовский Леонтий, видя невозможность действовать на взрослое население, окрепшее в язычестве, обратился к детям, став привлекать их лаской и учить вере». Но еще при Владимире и Ярославе отбирали детей у лучших граждан, учили их грамоте и догматам новой веры. Результаты вскоре обнаружались. Были объявлены святыми сыновья Владимира: Борис, Глеб и Ярослав.

Церковь взяла женщину под свое покровительство и блюла особенно ее нравственность, возвысила ее значение, подняв мать вровень с отцом.

Как бы то ни было, ко времени сложения Московского государства обращение «царь-батюшка» стало официальным. Оно подчеркивалось и усиливалось по своему непосредственному патерналистскому смыслу тем, что обращавшиеся к царю-батюшке себя называли уменьшительными «детскими» именами, присовокупляя к собственному имени еще и эпитет «раб», слово — этимологически и по смыслу близкое «ребенку». Едва ли потребовалось много времени

для утверждения представления о всем народе, как о «рабе» — «ребенке» — «дитяти». Такое представление — царь-отец, народ-дита — дошло до второй половины XIX в., когда впервые была сделана попытка освобождения от этой патерналистской опеки. Так, известный публицист Мельгунов писал: «Надо понемногу снимать с русского народа строгую опеку... не то он вечно останется ребенком, а так как этот ребенок даровитый, то он, пожалуй, расшалится». Замечание Мельгунова об опасности шалости со стороны ребенка не было простой метафорой. Народно-революционное движение второй половины XIX в. со стороны казалось делом рук чуть ли не детей. Вот что писал один из активных участников народнического движения С. Степняк-Кравчинский в 1862 г.: «Почти все действующие лица принадлежат... к студенчеству, английский читатель может вообразить, будто политическую борьбу в России ведут чуть ли не дети. Это не так». И далее о быстром созревании молодежи.

Представляется уместным привести еще одно замечание упомянутого Мельгунова о конкретном обстоятельстве, делающем «детское» состояние народа особо нетерпимым. Речь идет о цензуре, отсутствии гласности, по поводу чего Мельгунов пишет: «Русскому уму тесно и душно в детских пеленках секретных дополнений к цензурному уставу... недопущением гласности правительство отнимает у себя возможность знать правду... вокруг него все молчит или вторит». Однако взгляду об опасности рассматривать народ как младенца в русском общественном мнении противопоставлялась идея о благотворности младенческого состояния народа, больше того, — о великом преимуществе такого народа перед всеми другими народами Запада. С наибольшей выразительностью высказался в этом духе Ф. М. Достоевский, говоря о будущем претворении в жизнь в русском обществе идеи свободы в целом. Он утверждал, что свобода зиждется на детской любви народа к царю как к отцу, ибо детям можно многое такое позволить, что немислимо у других, у договорных народов... ибо не изменят дети отцу своему». Так, собственно, практически и идейно — с идеей «народ-дита» — русское общество вступило в XX век.

Вот что писал такой авторитетный автор, как Ю. К. Витте, в отношении подавляющего большинства населения России — крестьянства: «На крестьянское население установился взгляд, что они полудети, которых следует опекать. Государственная власть считала для себя удобнее держать три четверти населения не в положении граждански равноправных, а в положении детей».

Мнение, близкое к взгляду государственной власти на крестьянство как на детей, высказывалось в определенных кругах русской интеллигенции и в отношении той части народа, которая была втянута в революционное движение. Философ Н. Бердяев, современник Витте, говоря о революционном движении, обозначил его термином «педократия», подразумевая, таким образом, что в нем господство принадлежало «детям», и, подчеркивая, что именно молодежь является наиболее благоприятной средой для максимализма.

Не станем рассматривать, в какой мере ход исторического развития России соответствовал установкам государственной власти на крестьянство как на детей и на «педократизм» как господствующую черту революционного движения XX в. Скажем лишь, что судьба России на протяжении вот уже более

шести десятилетий определяется Октябрьской революцией, и историкам еще предстоит установить, какова была роль «детей» в лице крестьянства и «детей», втянутых в революционное движение; в какой мере они были самостоятельны, а в какой — служили игрушкой в руках тех, кто вершил это движение.

Но мутантус мутанта: именно идея патернализма вождей революции как «отцов», причем «родных» отцов, вполне сопоставима с традицией царской России. Пожалуй, наиболее близка она «царю-батюшке» Московский Руси. Без всяких околичностей добились этого звания Ленин и Сталин, второй в большей мере — в дифирамбах и славословиях, которыми так обильна уже написанная и общедоступная «лениниана» и, вероятно, составленная, но не опубликованная (из-за непредвиденного хода истории) «сталиниана».

«НАРОД-ДИТЯ» (вариант 2)

Едва ли когда-нибудь и где-нибудь была выражена в большей степени идея и представление о народе как о ребенке или даже младенце в такой полноте, как в практике советской системы власти. Когда зародился культ царя-батюшки, точно не могу сказать. Вероятно, в Московской Руси. Какие-то смутные реминисценции, видимо, восходят к гуннам. Недаром же имя Атилы и означает именно «батюшка». Оно же ясно выражено и в казацких «атаманах», как и в партизанских «батях». Киевская Русь как будто не знала их. Владимир — «Красно Солнышко». В удельные века — не знаю. А в Московской Руси «царь-батюшка» вошел прямо в официальный бюрократический протокол, усиливаясь уменьшительными собственными «детскими» именами взрослых, обращающихся к «царю-батюшке». Правда, в Московской Руси к представлению о ребенке в нарастающей степени была введена идея «раба». Народ — это «раб-ребенок», не связан ли «ребенок» с «рабом» и этимологически? Как обстояло дело с «царем-батюшкой» при Петре? Вероятнее всего, при таком обращении к нему Петр реагировал бы непристойностью... Понадобилось решение сената для объявления Петра «отцом отечества». Но вот величать Екатерину «матушкой» не возбранялось, и, вероятно, ей это нравилось.

Идея «отец-отечества», вероятнее всего, восходит к императору Августу, которому это звание было также поднесено сенатом.

Когда в русском обществе была сделана попытка выйти из-под такой непосредственной «отцовской» опеки, осознать себя уже не ребенком-младенцем, а повзрослевшим? Мне ничего похожего на такой «бунт» до XIX в. неизвестно.

К середине этого века уже ясно чувствуется осознание необходимости выйти из ребячливого состояния. Вот что писал около середины XIX в. известный публицист Мельгунов: «Надо понемногу снимать с русского народа строгую опеку... Не то он вечно останется ребенком, а так как этот ребенок даровитый, то он, пожалуй, расшалится». Он же в связи с более позитивным требованием необходимости гласности и освобождении литературы от цензуры (институт

чисто патерналистский) пишет: «Русскому уму... тесно и душно в детских пеленках секретных дополнений к цензурному уставу». Итак, освобождение от «детского состояния» связывается с идеей гласности — быть может, важнейшим требованием освободительного движения в России. Но об идее гласности требуется говорить особо. Вернемся, однако, к теме.

Mutanda mutandis... XX век, после величайшей революции народ, целый народ, снова оказался укутанным в таких пеленках, которые раньше и представить было трудно. Правда, экс-официо, не протоколно, как в Московской Руси. Прибавилась опека довольно заметно в быту. БАТЯ — очень распространенное прозвище самого Сталина. Едва ли он сам не знал об этом его «звании». Во время войны постоянно приходилось слышать, особенно от близких к крупным военачальникам офицеров, вместо имени или звания военачальника наименование его «батей». Как же удалось вернуть целый народ к состоянию младенчества в государстве, построенном на революционной, самой передовой технологии? Тема, заслуживающая специального монографического исследования. Как представляется, главное в этом процессе сыграла идея Ленина о роли «партии, как авангарда сперва рабочего класса, а затем всего народа», идея, которая как-то незаметно превратилась в культ вождя. Народ всем обязан партии, ее ЦК и, конечно, Генсеку (раскройте любой номер газеты и речение «от имени ЦК или еще какой-нибудь высшей интонации и обязательно: и лично товарища...»). И вот у целого народа, кажется, только процесс дыхания не контролируется еще государством — батюшкой-матушкой или приставленными мамками-няньками под неусыпным надзором Генсека, сиречь батюшки, от века до века данного ему — Народу — в попечители.

В XIX в. такая форма «патернализма» из официального протокола исчезает. Одновременно исчезает и нарочито уменьшительные — детские прозвища в подписях лиц, официально обращающихся к верховной власти с приставкой «раб». Последнее заменяет «верноподданный», в широком бытовом обращении — «слуга» или «слуга покорный». Вполне осознанное общественным мнением требование освободиться от «патернализма» государственной власти и представления о народе как «дитяти-ребенке» имеет место во второй половине XIX в. В достаточно определенной форме это требование выразил известный общественный деятель этой эпохи Мельгунов: «Надо понемногу снимать с русского народа строгую опеку... не то он вечно останется ребенком, а так как этот ребенок даровитый, то он, пожалуй, расшалится».

Замечание Мельгунова об опасности того, что ребенок «пожалуй, расшалится» было, разумеется, не просто метафорой половины XIX в., а явилось делом если не «детей», то деятелями, недавно вышедшими из детского состояния. Приведу лишь одно замечание известного деятеля — участника движения народничества Степняка-Кравчинского о последнем: «Почти все действующие лица принадлежат... к студенчеству, английский читатель может вообразить, будто политическую борьбу в России ведут чуть ли не дети. Это не так».

Позже, в начале XX в. о «педократии» как наиболее характерной черте русского революционного движения писал Бердяев, указавший на то, что именно молодежь является «наиболее благоприятной средой для максимализма».

Но вне зависимости от революционного движения, в начале XX в. в правительственных кругах не освободились от взгляда на большую часть народа — крестьянства как детей. Убедительно свидетельствует об этом никто иной, как Витте: «На крестьянское население установился взгляд, что они полудети, которых следует опекать. Государственная власть считала для себя удобнее держать три четверти населения не в положении граждански равноправных, а в положении детей».

Вместе с христианством стал распространяться и культ «отца небесного». Насколько известно, дохристианское язычество на Руси не знало этого культа. Во времена язычества земное положение отца семейства в культе не было совместимо с представлением о всеобщем «отце небесном». Как пишет историк, христианство отняло у отцов семейства прерогативы жречества, которое им было присуще в эпоху язычества (Соловьев). Эпитет языческий Владимира «Красно Солнышко» в этом отношении характерен. Идеино-символический смысл его не имеет ничего общего с представлением христианским об «отце небесном». Известно также, что взрослое население туго поддавалось воздействию нового христианского вероучения. В связи с этим показательны следующие меры принимавшихся к распространению последнего в народе. Вот что пишет С. М. Соловьев: «Епископ Ростовский Леонтий, видя невозможность действовать на взрослое население, окрепшее в язычестве, обратился к детям, став привлекать их лаской и учить вере».

Прошло много веков, и ныне при глубоко иной ситуации мы являемся свидетелями того, как при введении нового культа ставка делается главным образом на детей и не в малой степени на женщин. Больше того к инфантильному уровню низводится и само «новое учение». С запасом представлений о нем, приобретенным в детских домах и в начальной школе, стремятся оставить человека на всю его будущую жизнь, что и обеспечивает успех учения. Но вернемся к историческому более близким к нам векам, когда представление об отце небесном было перенесено на всеобщего земного отца. Такое представление пышно расцвело в Московской Руси. «Царь-батюшка» становится формой обращения к царю, едва ли не в обязательной для всего народа, обращение, вошедшее в официальный протокол. Такое обращение усиливалось.

Видимо, менее всеобщим было обращение к Петру как «царю-батюшке». Но зато после его смерти ему было сенатом посмертно присвоено звание «Отца отечества», что явилось заимствованием такого же звания присвоенного римскому императору Августу. После Петра, насколько можно судить по общелитературным источникам, Екатерина II охотно позволяла именовать себя «матушкой-царицей», хотя в официальном протоколе такое обращение, вероятно, уже не было обязательным.

Отец наш, отец небесный — царь-батюшка — царь кремлевский — это одна традиционная линия. С этой идеологией патернализма связана и привычка народа себя осознать «дитятей» отца, права которого абсолютны. И когда говорят о правах дитяти, то для русской традиции — это просто непонятные слова. Отец-кормитель, он же воспитатель, он же дает билет на зрелище, одним словом, читай Конституцию от Ильича до Ильича. Конечно, дитя растет... но женить еще рано... пусть отслужится царю-батюшке (если удастся, завоеует

мир и приструнит тех, кто вышел из-под власти своих отцов, — смотреть тошно...). Потом посмотрим, как поведут себя невестки. В крайнем случае, можно выделить наиболее сварливую пару. Но до этого еще далеко.

К педократии и феминократии на Руси. Епископ Ростовский Леонтий, видя невозможность действовать на взрослое население, окрепшее в язычестве, обратился к детям, стал привлекать их ласкою и учить вере. При Владимире и Ярославле отбирали детей у лучших граждан, учили их грамоте и догматам веры. Результаты обозначились (Глеб, Борис, Ярослав). Церковь взяла под свое покровительство женщину и блюла особенно ее нравственность, возвысила ее значение, подняла мать в уровень с отцом (Соловьев. История России).

О ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

У колыбели развития современных естественных наук стоит Ф. Бэкон. Ум этого удивительного человека сочетался с замечательным художественным воображением. Объявив, что противники естественных наук желают угождать богу ложью, иначе говоря, что церковная средневековая схоластика является лживой, он как бы начертал для народившейся новой науки программу, придав последней образную форму. Бэкон сумел различить в ней три направления: эмпирическое, которое он сравнил с деятельностью муравьев, ограничивающейся собиранием готового, без особого разбора; рационалистическое — его он сравнивал с пауками, которые ткут паутину из себя; и истинных ученых, образ которых он видел в пчелах, перерабатывающих собранное. Говоря о человеческом разуме, Бэкон предупреждал, что ему — человеческому разуму — надо придать не крылья, а, скорее, свинец и тяжесть, чтобы они сдерживали всякий прыжок и полет, — совет, который основательно забыт современной наукой. В XVIII в. развитие естественных наук шло в фарватере, указанном Бэконом. Этот «век просвещения» со стороны схоластики почти не принимало во внимание. Однако сложившаяся в этот век культура, включая и научные достижения, нашла своего влиятельного критика в лице Ж.-Ж. Руссо, который увидел в движении цивилизации причину человеческих бедствий. Влияние, оказанное им на общественное сознание, в немалой степени было обусловлено красноречивой формой, в которую его критика была облачена. Представление о взглядах Руссо могут дать следующие цитаты: «Науки, литература, искусства обвиняют гирилами цветов оковывающие людей железные цепи, заглушают в них естественное чувство свободы... заставляют их любить рабство, создают цивилизованные народы... Необходимость воздвигла троны; науки, искусства их утвердили. Сильные мира сего, любите таланты, покровительствуйте их обладателям! Наши души развращались по мере того, как совершенствовались науки и искусства... Народы, знайте раз и навсегда, что природа хотела уберечь нас от наук, подобно матери, вырывающей из рук младенца опасное оружие. Все тайны, скрываемые от нас природой, являются злом. Люди испорчены, но они были бы еще хуже, если бы имели несчастье родиться учеными».

Разумеется, критика цивилизации Руссо не осталась без ответа. Самым остроумным откликом на писания Руссо следует признать ответ Вольтера на книгу, присланную ему самим Руссо. В ответном письме Вольтер писал: «Никогда не было употреблено более ума на то, чтобы вселить в нас желание стать животными; хочется ходить на четвереньках, читая ваш труд. Однако вот уже более 60 лет, как я оставил эту привычку и чувствую, что мне, к несчастью, невозможно вернуться к ней» (1755 г.).

Идеи европейского просвещения и их влияние не обошло и Россию. Властителем дум образованного слоя русского общества XVIII в. стал прежде всех Вольтер. Но не без внимания оказались и сочинения Руссо, во всяком случае до французской революции. Оценка французской революции наиболее адекватно сумел дать всего одной стихотворной строкой А. С. Пушкин, определив ее идеи и практику как «союз ума и фурий». Если начальный этап революции воплощал идеи ума и просвещения, то последующий был олицетворен фигурой «фурии» — Робеспьера — приверженца Руссо.

Обратимся к отношению в XIX в. русского общественного мнения к науке и шире — к просвещению и образованию. Имя Пушкина по праву должно быть и в данном случае поставлено на первое место. Его знаменитая здравница во славу разума может служить поистине исчерпывающей характеристикой увлечения идеями просвещения — порождением «разума» — молодого поколения русского образованного общества первой четверти XIX в. Не будем развивать это положение: именно эта сторона воззрений передовых людей того времени освещена достаточно полно в специальных и общих исследованиях. Но, говоря о Пушкине как выразителе настроений передовых людей начала XIX в. следует указать на то, что после восстания декабристов он, размышляя о реальном движении просвещения в России, писал: «... нельзя не заметить, что со времени возведения на престол Романовых от Михаила до Николая I правительство у нас всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно. Вот что составляет силу нашего самодержавия. Не худо было бы иным европейским государствам понять эту простую истину. Бурбоны не были бы выгнаны вилами и каменьями, и английская аристократия не принуждена была бы уступить радикализму».

Восхваляя роль правительства, Пушкин тем самым отказывается от радикализма своих увлечений юных лет. На необходимость такого отказа от них ему, между прочим, прямолинейно указывал постоянный посредник между поэтом и Николаем, его царственным цензором, Бенкендорф. Последний в официальном письме Пушкину писал: «...принятое вами правило будто бы просвещение и гений служат исключительно основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия... Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному, бесполезному».

После Пушкина, уже в конце первой половины XIX в. с общим осуждением наук выступал Гоголь, приводя весьма странный мотив к своему утверждению. Так, он писал: «Науки не сделали своего дела уже потому, что множеством своим отвлекли от жизни, набили головы множеством терминов, увлекли их

в философию...» Книга Гоголя «Выбранные места...», из которой взята приведенная цитата, вызвала, как известно, беспощадную оповедь Белинского, отразившую отношение передовой части общества к науке. Да и собственно само состояние науки, ее достижения, несмотря на все препятствия, свидетельствовали о необратимости научного прогресса. Однако и во второй половине XIX в. и даже в начале XX в., когда русская наука, в том числе и ее естественные области, развивались столь успешно, антинаучные выступления, иногда с оговорками, а то и огульно, звучали в литературе в полный голос. Факт этот знаменателен тем более, что голоса эти принадлежали величайшим писателям эпохи — Достоевскому и Толстому. Отношение к наукам во второй половине XIX в. определялось представлением, что именно науки призваны обеспечить человечеству изобилие материальных благ. И именно в этом усмотрел Достоевский главную опасность для человеческого духа. Олицетворением могущества наук для Достоевского был Великий демон, явившийся Христу в пустыне и обещавший превратить «камни в хлебы». С наибольшей полнотой опасения эти Достоевский высказал в легенде о Великом инквизиторе: «Что вышло бы, если бы черти показали свое могущество и подавили бы человечество своими открытиями? Вот вдруг бы все знания так и свалились на человечество и, главное, даром совершенно, в виде подарка. Чтобы тогда стало с людьми? О, сперва — восторг! ... они вдруг почувствовали бы себя, так сказать, осыпанными счастьем, зарытым в материальных благах, ходили и летали бы по воздуху, пролетали бы чрезвычайные пространства в десять раз скорее, чем теперь по железной дороге, извлекали бы баснословные урожаи, создавали бы химией организмы, как мечтают наши специалисты. Словом, ешь, пей, наслаждайся. Нет лишений, нет заедающей “среды”, нет непрерывного труда... Теперь настала высшая жизнь... Завопили бы в общем гимне: “Кто подобен зверю сему? Хвала ему...” Но вряд ли и на одно поколение людей хватило бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже более нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них украл разом все. Исчез человеческий лик и настал образ раба, образ скотины с тою разницей, что скотина не знает, что она скотина, а человек узнал бы, что он стал скотиной. И загнали бы человечество... увидя, что жизнь у них взята за хлеб, за “камни, обращенные в хлебы”. Поняли бы люди, что нет счастья в бездействии... Прав ты, господи: не единым хлебом...»

Сама направленность науки того времени казалась Достоевскому односторонней, недостаточной и потому неприемлемой: «Наука не объемлет того, что для нас всего важнее, всего существеннее, не объемлет жизни. Вне науки находится главная сторона нашего бытия, то, что составляет нашу судьбу, то, что мы называем Богом, совестью, нашим счастьем и достоинством... иная грубо придуманная сказка может заключать в себе более доступный и сильный интерес, чем превосходнейший курс физики».

Но едва ли не главная отрицательная сторона науки заключалась, по Достоевскому, в следующем: «Наука, познавая законы, в том числе и человеческие, посягает на свободную волю человека и тем самым стремится превратить человека в фортепианную клавишу».

Критически относиться к науке вообще и имея в виду, прежде всего, западную науку, Достоевский находит добавочные резоны и против «поклонения» ей у себя на Родине: «...Нам еще рано поклоняться науке: в самой Европе наука не является панацеей от всех бед, ...даже наука не в силах их (европейцев) объединить». Тем более сомнительна, по Достоевскому, положительная роль науки в русских условиях. Достоевский противопоставляет науку цивилизации: «Мы же не цивилизацию приняли, а науку» и добавляет: «...за что благодарны... но плоды науки зависят от национальных особенностей, т. е. от почвы». Видел Достоевский некоторую существенную отрицательную черту и в характере восприятия научных идей Запада русскими. Говоря о новейших идеях «Миллей, Дарвинов и Штраусов», Достоевский писал: «Разве может русский юноша остаться индифферентным к влиянию этих предводителей европейской мысли... и в особенности к русской стороне их учений!» Состоит она в тех выводимых из этих учений несокрушимейших аксиом, которые делаются только в России (в то время как в Европе эти теории подвергаются сомнениям).

Отмечая отрицательное отношение Достоевского к науке своего времени, небезынтересно отметить, что и на Западе раздавались предупреждения, созвучные идеям писателя. Так, никто иной, как Маркс, говоря о техническом прогрессе, писал: «Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, по мере того, как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества... человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы» (цитата по Фридлендеру).

К сказанному нелишне добавить, что в самом характере поэтического мышления Достоевского было заложено недоверие к методике естественных наук, что прозорливо отмечено М. М. Бахтиным: «Предел точности в естественных науках — идентификация ($a=a$). В литературоведении важна глубина. Точные науки — это монологическая форма знания... Здесь только один субъект... Ему противостоит только безгласная вещь, ...но познание субъекта может быть только диалогическим».

И все же при всей критичности Достоевского в отношении науки общее кредо писателя было не столь отрицательным. Так, говоря о грамотности и науке в России как о назревшей задаче, он писал: «Мы уверены... что грамотность улучшит народ и придаст ему чувство собственного достоинства. Не беспокойтесь, наука не наложит пут на народ наш; она только расширит его силы, и он скажет в ней свое слово».

О просвещении вообще Достоевский писал: «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получить высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться в мраке. Я не хочу жить и мыслить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или сколько их там народится) будут все когда-нибудь образованы, очеловечены и счастливы. Я знаю и верую твердо, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может. Верую даже, что царство мысли и света способно водвориться у нас в России еще скорее, может быть,

чем где бы то ни было, никто не захочет стать за идею необходимости озверения одной части людей для благосостояния другой части, изображающей собой цивилизацию, как это везде, во всей Европе. У нас же добровольно самим верхним сословием во главе с царем волею разрушено крепостное право».

Много общего с Достоевским в отношении к науке и у Л. Н. Толстого. А некоторые отрицательные суждения звучат еще более радикально. Толстой отрицал в науке прежде всего нравственные начала, то, что наука, по крайней мере, не содействует нравственному состоянию народа. По его мысли, практические результаты науки не содействуют ни повышению нравственного состояния народа, и более того, ни общему его благосостоянию: «...и искусство, и пахота, и общение людей, — записал один из его собеседников, — дошло до необычайной легкости, и, несмотря на это, т. к. нравственное состояние низко, благосостояние народа ухудшается». Интересно замечание Джеймса Курильена: «Граф обрушился на американское представление, что изобретения и массовое производство промышленных товаров являются важными целями человеческой деятельности». Само богатство, обещаемое наукой, казалось ему помехой на жизненном пути человека. «Думать, что богатство облегчает жизнь, все равно что думать, будто с ношей идти легче». Но не только в этом видел Толстой отрицательную сторону богатства. В нем он усматривал едва ли не главное зло в истории человечества. Именно «безумством» богачей он объяснял причину войн в капиталистическом обществе. Университетские ученые кажутся Толстому сплошь дураками: «Что ни профессор, то дурак». Как бы переключаясь с замечанием Шопенгауэра: «Опытное знание — деревянная очевидность, не требующая особого участия ума», Толстой пишет: «Способность отдаваться занятиям наукой и искусством вовсе не отличает выгодно человека». Ответ ученого, что он верует в науку, кажется Толстому ответом сумасшедшего: «А разве не безумный этот знаменитый ученый, как его — Мечников?..» (Толстой наводил разговор с ним на нравственные вопросы, а Мечников сводил его к разговору об аппендицитах и гигиене). «Я совсем не верю в медицину», — записал со слов Толстого его секретарь Гусев. Отрицательное отношение к науке вызвалось у Толстого тем, что вместе с религией и искусством она была в его время достоянием небольшой горстки людей. «Религия, искусство и наука одной сотой человечества не могут быть истинными». В занятиях наукой Толстой видит «подобное употребление» оставшейся без употребления умственной деятельности порабоощающих классов, которое выразилось в играх, скачках и...

Современному ему представлению о науке Л. Н. Толстой противопоставлял свое науке, говоря: «Наука только одна: знание, что я такое, и как должно жить, чтобы исполнить свое назначение».

И все же абсолютное отрицание науки и Толстому не было свойственно. На вопрос, признает ли Л. Н. в науке, помимо прикладного, самостоятельное теоретическое значение для решения таких вопросов, как, например, открытия в астрономии, Толстой отвечал: «Я их никогда не отрицал. Я только говорил, что в наше время этот интерес невозможен. Знание должно развиваться равномерно (иначе оно уродливо, ненормально). Но в другое время, я не отрицаю, все эти параллаксы и комета Галлея будут иметь значение».

СВОБОДА

Идея политической и гражданской свободы возникла и была осознана в античном мире. В древней Греции — истинной ее родоначальнице — она стала основой «образа жизни». Идея имела своим фундаментом экономическую независимость отдельных граждан, независимость, которая базировалась на праве владения рабами — человеческими существами, полностью лишенными свободы и экономической независимости. Не станем углубляться в вопрос о парадоксальности и противоречивости, с нашей точки зрения, сосуществования свободы одной части населения с рабским состоянием другой. Для самосознания античного человека оно казалось вполне естественным. До поры до времени такое положение не вызывало «рефлексии» — душевного раздвоения. Также естественным представлялось античному миру, что только он является обладателем и носителем свободы, в отличие от «варварского» мира, лишеного самого этого понятия. Замечательной иллюстрацией сказанному является рассказ Геродота о сатрапе персидского царя в Лидии Гидарна, пригласившего спартанцев на службу к персам. Вот как передает Геродот предложение Гидарна: «Лакедемоняне! Почему вы избегаете царской службы? Вы можете видеть на моем примере, какое я занимаю положение, — как царь умеет воздавать честь доблестным мужам. Так и вы, если предадитесь царю, то он поставит каждого из вас, спартанцев, властителем области в Элладе». Ответ спартанцев ахменидскому сатрапу гласил: «Гидарн!.. Тебе прекрасно известно, что значит быть рабом, а о том, что такое свобода — сладка она или горька, — ты ничего не знаешь. Если бы тебе пришлось отведать свободы, то, пожалуй, ты дал бы нам совет сражаться за нее не только копьем, но и секирой».

Идеальное представление о свободе разрабатывалось и греческой философией. По учению Платона, «свобода выбора есть акт души, принадлежащей к идеальному миру, не вступившей в связь с телом». Стоики отождествляли понятие свободы с разумностью: «Чем разумнее человек, тем он свободнее». Однако в общественном сознании античного мира представления об абсолютной ценности свободы все же не было. Рефлексию в отношении свободы, насколько я могу судить, впервые высказал Платон, у которого можно прочесть: «Излишняя свобода должна приводить как частного человека, так и город... к рабству, тирании; ...она возбуждает войны».

Под влиянием греков идея свободы сложилась в римском обществе. Воспользовавшись недавно опубликованным трудом советского историка, в котором проблема свободы исследуется с большим знанием «соответствующих» источников, приведем общее положение автора о сути свободы в античном мире: «Античные общества, начав с идеала государства, обеспечивающего существование политически равноправного свободного, экономически независимого гражданина... по существу, это был идеал общества независимых граждан-землевладельцев». Такое положение сохранялось в эпоху республики до образования Римской империи, в которой, по словам исследователя, экономическая независимость (гражданин) оказалась утраченной, идея свободы перенесена из области

реальной жизни в область моральную, духовную и трактовалась как «свободное предположение добродетели пороку, свободное выполнение долга».

Конкретное представление о том, как рассматривалась идея свободы в имперское время, отражено у ряда авторов этой эпохи.

Наиболее яркие сочинения, как отмечает историк, принадлежали представителям оппозиции, выступавшим под флагом борьбы за утраченную свободу в эпоху республики. Однако такое отношение в империи было далеко не всеобщим. Если римские императоры, пишет цитируемый нами историк, и «жаловались на ограничение политических свобод, ...то у провинциалов из имущих классов, особенно из народов Востока, позиция была иной». Характерны слова Аппиана: «Свобода — слово всегда привлекательное и всегда пустое». Тацит подчеркивал, что злоречие имеет фальшивый вид свободы». Общим местом у многих представителей общественной мысли того времени становится мысль о том, что «спокойствие под сильной властью лучше, чем свобода, влекущая своеволие черни». Впрочем, говоря о приверженности «черни» к свободе, следует учесть, что в общественном мнении римского общества существовало и иное суждение. Так, Тит Ливий писал о «толпе»: «Она либо рабски пресмыкается, либо свирепо властвует, свобода же, которая лежит посредине между тем и другим, не может ни принять, ни воспользоваться ею».

Особое место в истории императорского Рима занимает эпоха правления Антонинов. Тацит говорит, что они смогли «примирить единовластие со свободой», именно они дали возможность, по его словам, «думать, что хочешь, и говорить, что думаешь». Любопытной конкретной иллюстрацией к представлениям в этом плане может служить рассказ Страбона о каппадокийцах, которые взамен существовавшей у них свободы «просили у римлян назначить им царя». Послы их, как пишет Страбон, «отказались от свободы, так как она, по их словам, им не по плечу»... Римляне удивились, что может «существовать народ... столь изнуренный свободой». Надо отметить, что в данном случае, как и в приведенном в начале заметки рассказе Геродота, отношение к идее свободы на Востоке противопоставляется собственному, римскому. Проблема свободы в императорском Риме особо занимала общественное мнение в связи с состоянием ораторского искусства. Но об этом отдельно.

В средние века в христианском мире идея свободы рассматривается в богословском облачении. «Абсолютная свобода может быть приписана Богу, а не человеку», «средневековые философы решали вопрос о том, в какой мере предвидение Бога и его благодать соединены с идеей свободы и с фактом зла в мире». Характерно учение блаженного Августина: «Человек не свободен в добре, т. к. в нем действует благодать, но свободен в зле, т. к. зло не может входить в намерения общества, а есть свободный продукт человека».

В Новое время, начиная с эпохи ренессанса, западный мир обратившийся к культурному наследию античности, разумеется, не остался безразличным и к идее свободы. Вот лишь краткие высказывания Спинозы и Гете, отражающие господствующее настроение в западном мире ко времени великих политических перемен XVIII в. — провозглашения независимости Северной Америки и французской революции.

Спиноза дает следующее философское обоснование идеи свободы: «Свободно то, что может существовать по своей собственной природе, и предназначено к деятельности только благодаря себе» или более кратко: «Свободный человек тот, кто поступает только по повелению своего разума». Другая важная мысль Спинозы: «В свободном обществе человек отказывается отчасти своей практической свободы, дабы в части таковой обрести большую свободу». И дальше: «Человек, который руководствуется разумом, более свободен в государстве, где он живет согласно общественному мнению, нежели когда он живет в одиночестве, повинаясь только самому себе». Развивая эти положения, Спиноза утверждает, что «брошенный камень, если бы мог сознавать, сознавал бы себя во время полета свободным», «законы целого определяют все явления в мельчайших подробностях». Комментируя эти слова, один из исследователей учения Спинозы пишет: «Детерминист не станет отрицать различия причинной связи явлений, т. е. не подведет психическую связь явлений под механическую, следовательно, признает различную степень несвободы человека».

Взгляды Гете на свободу в общем отражают философию Спинозы. Их выражают краткие афоризмы: «Свобода — способность при всех обстоятельствах действовать разумно» или: «в том, чтобы поступать как должно».

На развитие понятия свободы на Западе большое влияние оказала немецкая идеалистическая философия, и в первую очередь Кант. Исследователь философии Канта излагает его учение следующим образом: «В практическом понимании свобода — независимость своеволия от необходимости предъявляемой чувствительностью. Она — казуальность Разума при требовании воли, причем идеи становятся действительными причинами. Кант называет трансцендентной казуальность, посредством которой нечто происходит без того, чтобы эта причина была бы зависима от других предшествующих причин, определяемых необходимыми законами». Иначе говоря — «способность действовать независимо от законов природы». Этой трансцендентной идеей Кант основывает практическое понятие «свободы». В целом свободу воли немецкая идеалистическая философия рассматривает как «свойство человеческого духа», выводя ее из нравственной природы человека.

Приведенные данные по истории развития идеи свободы на Западе хронологически относятся к эпохе, когда в русском обществе вопросы свободы впервые становятся на повестку дня общественного сознания и сразу находят своих выдающихся провозвестников. До этого, т. е. до второй половины XVIII в., мы не можем назвать автора, в сочинениях которого идея гражданской политической свободы нашла бы литературное выражение. Важной предпосылкой для этого была, разумеется, деятельность Петра, его всесторонние реформы. В особенности те мероприятия, которые были направлены на установление культурных связей с Западом, в первую очередь посылка для обучения за границу значительного количества молодых людей — практика, которая продолжалась и после его смерти. В определенной мере в качестве такой предпосылки следует признать и направление культурной политики Екатерины II, с именем которой связано распространение вольнодумства вольтерьянского пошиба, в частности, и ее собственная переписка с Вольтером и энциклопедистом Дидро.

Впрочем, именно Екатерина обрушилась тяжелыми карами на тех авторов, для которых вольнодумство стало не просто литературной забавой, каковым оно было для просвещенной монархини, а глубоким идеологическим убеждением. Но, так или иначе, именно в период ее царствования появляются два замечательных деятеля, которые сыграли огромную роль в развитии русского освободительного движения. Ими были Н. И. Новиков и А. Н. Радищев, в особенности последний. Значение удивительной по своему размаху деятельности Новикова как «просветителя», основателя новой, независимой от государства вольной типографии, и издателя достаточно полно отражено в истории русской культуры. И именно за свое вольнодумство он был заключен Екатериной в Шлиссельбургскую крепость. Несколько подробнее остановимся на Радищеве. Радищев был одним из тех, кто получил образование за границей, будучи студентом Лейпцигского университета, где в той или иной форме он познакомился с идеями свободы. Из многочисленных сочинений, написанных им по возвращении на родину, главными в интересующем нас плане являются ода «Вольность» и составленная в виде путевых очерков книга «Путешествие из Петербурга в Москву». В этой книге впервые было показано в истинном свете положение крепостного крестьянина, его бесправие, рабское состояние, угнетение, которому оно подвергается как помещиками и иными владельцами, так и царской властью. При этом Радищев указывает на право крестьян на восстание и против помещиков, и против царской власти, выдвигая идею народной революции. Екатерина недаром увидела в этой книге призыв «исторгнуть у нее трон», и Радищев по ее приказу был арестован, приговорен к смертной казни, которая была ему заменена вечной ссылкой в Сибирь. Книгу же было повеле-но сжечь.

Общепризнанно, что сочинения Радищева сыграли выдающуюся роль в развитии освободительного движения в России в следующем веке, сам Радищев по праву рассматривался как идейный предшественник прежде всего декабристов, а через них — и революционных демократов в XIX в., к которым мы и переходим.

С наибольшей полнотой зигзаги эволюции идеи свободы нашли выражение в сочинениях Пушкина. «Пушкин и идея свободы», насколько мне известно, в «Пушкиниане» в специальных исследованиях не отражена, хотя в общих работах ее касались, разумеется, многие. Автор, никоим образом не ставя целью заполнить этот пробел, ограничивается лишь приведением высказываний поэта, главным образом в стихах, в которых он выразил свое отношение к идее свободы. Удивительна полнота, с которой, при лаконизме формы, отражены как собственное лирическое восприятие поэта, так и идеи, вдохновлявшие его передовых современников.

Отношение Пушкина к идее свободы, как и общее его политическое мировоззрение, не было прямолинейным. Два резко отличных друг от друга этапа имеют своим рубежом восстание декабристов, связь Пушкина с которыми хорошо известна. Своеобразие отношений поэта заключается в том, что у него отвлеченная идея свободы переплетается с лирическими переживаниями:

А свобода, мой кумир,
За столом законодатель...

Он одновременно «верный сын Свободы Вакха, а также поклонник Венеры: Свободы, Вакха верный сын, Венеры набожный поклонник».

Для своего вдохновения Пушкин видит и более глубокий источник, а именно положение народа:

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Пушкин, однако, не только считает себя эхом народа, но видит своим долгом и назначением призвать других присоединиться к его порывам:

Мы ждем с томленьем упования
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Но наиболее поразительны стихи поэта, где он излагает программные требования, которые вырабатывались его друзьями-предшественниками и участниками декабрьского восстания. Восемнадцатилетним молодым человеком он предлагает целую «теорию» о «духе законов»:

Лишь там над царскою главой
Народов не легко страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетание...

Молчит Закон — народ молчит...

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Ни верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

1817 г.

Известную картину крепостного состояния крестьянства Пушкин в «Деревне» сопровождает словами надежды, которая теплилась в груди многих его друзей:

И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Впрочем, откликнулся он и на меры, предлагавшиеся и более радикальными деятелями, не слишком надевавшимися на «мание царя».

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

События, связанные с 14 декабря 1825 г., в которых Пушкин по случайным обстоятельствам лично не был участником, стали переломным моментом в его сознании. По его собственным словам, «в сердце бурями смиренным» произошли глубокие перемены. И не только в его сознании и сердце.

Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, все стало тенью —
Все было предано презрению,
Как ветру предан дольний прах.

С горьким пессимизмом он судит об отношении к свободе и народа в целом:

Вы правы, мудрые народы,
К чему свободы вольный клич!
Стадам не нужен дар свободы,
Их должно резать или стричь,
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич.

Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.

Пушкин и сам разочарован в тех свободах, которые он видел у других народов:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это видите ль слова, слова, слова
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царей, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.

Здесь оставим Пушкина-поэта. С еще большей определенностью он выразил свое отношение к той «свободе», которую он видел в «действии» на опыте самой свободолубивой страны того времени — Северной Америки.

ТРАДИЦИЯ В СУДЬБАХ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Недавно пришлось услышать, что в советском обществе ныне интеллигенция исчезла. Как бы растворилась. Разумеется, в широкой печати само слово это встречается нередко, но как-то двусмысленно. Интеллигентность — как бы и положительная черта, но, с другой стороны, в этом понятии присутствует некая неполноценность, неприспособленность или какие-то внешние черты, не согласованные с внутренним содержанием. Читателям «Литературной газеты» особенно часто приходится сталкиваться с материалами, в которых прямо или косвенно с намеками говорится об интеллигентах именно в последнем смысле. Авторы обличительных статей, в которых рассказывается о неблагоприятных поступках отдельных лиц, так или иначе непременно подчеркнут не то со злорадством, не то с «ухмылкой», что, несмотря на внешние признаки интеллигентности, герой статьи — мошенник. Таково же самое обычное отношение у массовой публики.

Пробирающегося к выходу в переполненном автобусе, наступающего на ноги или просто толкающегося обычного гражданина обзовут «ненормальным» или «психом», но если он в шляпе или при галстукe, то неизбежно прибавят: «а еще в шляпе», или «а еще в галстукe», подразумевая — «интеллигент». Но, конечно, наиболее характерно то, что в официальной социальной классификации населения, будь то в переписях или еще показательнее в «анкетах» или «личных карточках», которыми охвачено поголовно все население, полностью отсутствует понятие «интеллигент» в качестве социальной категории. Нет, и суда как бы нет! Мало ли социальных слоев исчезает в ходе исторических перемен, особенно во время таких социальных катаклизмов, какими обернулась Октябрьская революция. Исчезло «благородное» дворянство, исчезло «степенное» купечество и мало ли кто еще! И все же этот вопрос об исчезновении русской интеллигенции не так прост. Предложено заменить слово «интеллигенция» словом «образованщина». Объясняется исчезновение понятия интеллигенция тем, что исчезает разница между умственным и физическим трудом. Не то все трудящиеся превращаются в интеллигенцию, не то наоборот — интеллигенты теряют признаки интеллигентности. Казалось, тут и дело с концом. Вопрос решен. Ан нет! Видим же мы, как исподволь вылезает новое понятие — «интеллектуалы». Как ни ограничивай его значение, а есть в нем нечто от прежних интеллигентов... Значит, не совсем покончено с интеллигенцией. Живущим оказалось понятие? Перед нами явная контроверза. Не разрешит ли ее история русской интеллигенции? Этому и посвящена заметка.

С понятием «интеллигенция» мне пришлось познакомиться сравнительно поздно, а именно во время обучения на рабфаке. До того, в деревне, не припомню

этого слова. Но помню двух представителей этой категории людей — учителя церковно-приходской школы и фельдшера, который от времени до времени наезжал к нам в деревню. Первый запомнился в некой «униформе» — в синем, с блестящими пуговицами, и в фуражке с кокардой. Второй — толстяком, приехавшим на крупной лошади в возке-санках зимой, а летом на дрожках. Вполне определенное понятие об интеллигенции было внушено нам, слушателям рабфака. При «четком» представлении о классовой структуре общества, которое давалось на лекциях, да и в рекомендованных книжках, например в «Азбуке коммунизма», а именно, что общество состоит из буржуазии, пролетариата и крестьянства, об интеллигенции говорилось как о некой аморфной «прислужнической группе», которая обслуживает «господствующий класс общества». К интеллигенции складывалось не то враждебное, не то презрительное отношение. «Интеллигент» стало кличкой презрительно-насмешливой. Внешним признаком «интеллигента» почему-то был галстук. Студента рабфаковца в галстуке я не припомню. Но некоторые преподаватели ходили в галстуке, к чему относились снисходительно, может быть, благодаря портретам Ленина, неизменно в галстуке. В годы НЭПа отношение к галстуку стало более либеральным, что бросалось в глаза. Позже застегнутый до подбородка сталинский френч цвета хаки, как и полувоенная фуражка, стали основополагающей модой. «Интеллигентный» галстук явно исчезал, во всяком случае, в обиходе бюрократии. Что касается отношения к интеллигенции в теории, оно мало изменилось по сравнению с тем, что нам было внушено в начале 20-х гг. на рабфаке. Передо мной энциклопедический словарь, выпущенный в 1955 г., но составленный еще в последние годы культа Сталина. Вот что там говорится: «Интеллигенция — социальная прослойка, состоящая из лиц специально занимающихся умственным трудом... В капиталистическом обществе интеллигент формируется почти исключительно из представителей имущих классов и в своем большинстве служит интересам буржуазии. Лишь наиболее передовая часть интеллигенции буржуазных стран переходит с ростом революционной борьбы на сторону пролетариата, поддерживает борьбу демократического лагеря против империализма. В СССР создана совершенно новая интеллигенция, выросшая из среды рабочего класса и крестьянства, верная интересам социалистического общества». Это наиболее существенная для нас часть статьи. Добавлю однако и заключительную ее часть: «В ходе строительства коммунизма в СССР успешно решается задача ликвидации существенных различий между умственным трудом и физическим на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда и подъема культурного уровня колхозного крестьянства».

В постсталинское время теоретическая прямолинейность характеристики «интеллигенция» модифицируется. В томе Большой советской энциклопедии, опубликованном в 1972 г., становление в России интеллигенции рассматривается в историческом аспекте. Так, первым интеллигентом объявляется автор «Слова о полку Игореве». В XIV–XV вв. Рублев и др. В XVII в. — строитель-архитектор Барма. В XVIII–XIX вв. рассадником интеллигенции становятся университеты, причем уменьшается удельный вес дворянской интеллигенции

за счет «разночинской» (от Ломоносова до Сурикова), подчеркивается борьба интеллигенции с царизмом (декабристы, Герцен). К концу XIX в. фигурируют уже первые цифровые данные: по переписи 1897 г. среди самодельного населения интеллигентов насчитывается 870 тыс. человек (2,7%), занятых «в сферах материальной и духовной культуры». Переходя к XX в., отмечается «буржуазный либерализм» как господствующая идеология в среде интеллигенции, и что она, участвуя в революции 1905 г., «шла за пролетариатом». После поражения революции «интеллигенция» снова оказалась под влиянием «либеральной буржуазии». В 1917 г. интеллигенция поддержала Февральскую революцию, но после Октябрьской революции только 1–1,5% боролись за советскую власть, а в составе партии интеллигентов было 5,7%. В отношении послеоктябрьского времени говорится, главным образом, о подготовке студентов из рабочей-крестьянской среды и приводятся соответствующие цифры для отдельных периодов. Не приводя всех этих данных, отметим крайние из них: в 1914 г. — 127 тыс.; в 1971–1972 гг. — 4421 тыс. научных работников: в дореволюционной России — 11 660, в 1971–1972 гг. — 110 990 тыс.

В заключение отметим, что в статье подчеркивается появление самого слова «интеллигенция» именно в России (впервые употреблено писателем Боборыкиным), а уже из России оно распространилось на Запад.

Едва ли необходим критический анализ приведенных данных по истории интеллигенции.

С общеисторической точки зрения, мне кажется, может быть предложена следующая периодизация:

I период — от Киевской Руси до образования Московского государства.

II период — от Ивана Грозного до Петра Великого.

III период — послепетровское время до Екатерины II.

IV период — первая половина XIX в.

V период — вторая половина XIX в.

VI период — начало XX в. до Октябрьской революции.

VII и последний период...

Автор, никоим образом не претендуя на достаточное знание материала по всем периодам и на соответственное его изложение, делает попытку наметить основную линию в процессе сложения русской интеллигенции, в выяснении, главным образом, той традиции, которая привела к современному ее положению. Иначе говоря, ставит перед собой ту же задачу, что и в других своих «заметках»

Первый период может быть охарактеризован как время появления «интеллигентов»-одиночек, проявивших себя в качестве авторов литературных произведений или же деятелей в разных областях искусства. Иногда они анонимны, но многие известны и по имени. Большая их часть — церковные деятели и представители княжеского рода Рюриковичей. К числу поименованных в БСЭ лиц можно добавить составителей «Правд», Владимира Мономаха, Ярослава, авторов летописей, как, например, Нестор, безымянного автора «Задонщины», художника Грека и немало других выдающихся лиц.

Совсем иным рисуется положение со времени образования и укрепления Московского царства. Важнейшим, с нашей точки зрения, обстоятельством

явились образование так называемых Приказов — высших административных бюрократических государственных учреждений во главе с «дьяками» и соответствующим штатом писцов. Решающую роль в организации этого аппарата власти сыграл Иван Грозный, хотя его зачатки стали появляться еще при его предшественниках. Что касается Ивана Грозного, то так же, как в военном аппарате при образовании «опричины» прообразом была взята практика Монгольской империи, так и при организации приказов определенную роль сыграла бюрократическая система монгольской империи, в свою очередь заимствованная от мусульманских стран и Китая. Как бы то ни было, в этой системе консолидировался влиятельный слой общества образованных людей, «дельцов», независимых от прежней родовой иерархии. Потребности государственного управления предъявляли достаточно высокие требования в отношении общей образованности (особенно в Посольском приказе, ведавшем связями с иноземными государствами). Замечательным памятником являются грамоты-наказы послам, как и их донесения царю о результатах своих миссий.

Уничтожение при Алексее Михайловиче местнических книг знаменует собой несомненно важный этап в консолидации и осознании своего значения и этого образованного слоя общества.

В Московском царстве рост образованного слоя происходил не только за счет бюрократического государства. Настоятельную потребность в образованных людях испытывала и церковь. Материалы Стоглавого собора и, в еще большей степени, открытие в Москве Славянской греко-латинской духовной академии тому свидетельство. Все это вело к расширению «ноосферы» в русском обществе. Нельзя не связывать с этим фактом и появление такого «абарта» образованности, как «диссидентство», инакомыслие, а по терминологии своего времени — еретичество, сперва так называемых «жидовствующих», а затем раскола в главе с удивительным «литератором» протопопом Аввакумом.

На этом мы оставим Московское царство. Перейдем к Петербургской императорской России, к ее создателю — Петру Великому. Роль Петра в сложении русской интеллигенции трудно переоценить, хотя несомненно, что в его реформах в данном аспекте устанавливаются определенные связи с предыдущим временем. В полной мере задуманные им реформы не были осуществлены из-за безвременной смерти. Но и то, что им было осуществлено, определило основное направление в процессе становления интеллигенции в последующее время. Главным в этом отношении, разумеется, было то, что Петр, употребив незамысловатый каламбур — «прорубив окно в Европу», широко открыл двери европейской образованности в знаменательную эпоху просвещения, которую Европа переживала. О прогрессивной роли ориентации Петра в сторону Запада нет необходимости говорить. Сложение интеллигентского слоя общества в России, в современном смысле слова, стало возможным едва ли не исключительно благодаря необратимым связям с Западной Европой. Но столь однозначно прогрессивными в интересующем нас плане едва ли могут быть названы все реформы Петра. Речь прежде всего идет о введении Петром при переустройстве бюрократического общества так называемого «Табеля о рангах». Если в общесоциальном аспекте этой «табелю» предусматривалось преодоление сословных

преград в сложении аппарата власти, то в истории собственно интеллигенции ее роль следует признать отрицательной. Однако об этом ниже.

Также, очевидно, следует оценить и другую реформу Петра, а именно — образование Синода вместо Патриаршества, что подчинило государственной бюрократии духовную деятельность церкви.

В послепетровское время, в XVIII в., важными событиями было открытие Московского университета, Петербургской Академии наук. В идеологическом аспекте вторая половина XVIII в. знаменуется образованием особого культа — культа разума. Этому содействовали объявленные Екатериной «Вольности дворянские». Одним из парадоксов истории России этой поры было параллельное усиление крепостничества и одновременно с ним — распространение среди дворянства, во главе с императрицей, «вольнодумства» или равнозначного ему «вольтерианства». Несовместимость духа вольнодумства с крепостничеством нашла свое отражение в литературном творчестве Радищева, что не на шутку напугало верховную поклонницу Вольтера и Дидро Екатерину, и она поспешила запрятать автора «Путешествия из Петербурга в Москву» в Сибирь, заявив, что он намеревался с помощью своей книги «исторгнуть у нее трон». Возвращенный из ссылки при преемнике Екатерины, Радищев стал одним из деятелей недолговременных «дней Александра прекрасного начала». Несмотря на трагическую неудачу Радищева в качестве деятеля той эпохи, его следует рассматривать как одного из тех, кто «светильник разума», зажженный в прошлом веке, передал веку новому.

Не отвлекаясь на перипетии исторических событий первой четверти XIX в. (Наполеоновские войны, годы послевоенной реакции, умственное брожение общества, вылившееся в восстание декабристов), следует сказать о несомненно наиболее ярком провозвестнике «культа разума» — А. С. Пушкине. О нем, как о певце разума, многое написано и еще многое можно написать. Позиция Пушкина до декабрьского восстания прямолинейна и, как все его творчество, прозрачно ясна. К его «да здравствует разум, да скроется тьма!» можно многое присовокупить. Ограничусь, однако, лишь его замечательной формулой, выраженной в одной стихотворной строчке о французской революции, как о «союзе ума и фурий» — самой краткой и яркой характеристике ее.

Отношение Пушкина к бюрократическому началу в общественном устройстве с интересующей нас точки зрения также выражено вполне определенно. Относительно обобщенного носителя чина он говорит: «Он чином от ума извавлен» и с явным осуждением: «чины сделались страстью русского народа». Драматическая борьба Пушкина за собственную независимость, его стремление к освобождению от чиновничьей карьеры, ставившее поэта в конфликтные ситуации, вызывавшее более чем неудовольствие «самого» Николая, переход его на положение «пролетария от пера» — все это делают Пушкина по праву предшественником будущих интеллигентов-разночинцев. В 1831 г. Пушкин писал: «Десять лет тому назад литературой занималось у нас весьма малое число любителей. Они видели в ней приятное благородное упражнение, но еще не отрасль промышленности». Самого себя он считал одним из работников этой «отрасли промышленности». В качестве «умопоклонников» Пушкин, разумеется, был

не одинок. Достаточно назвать Грибоедова и Чаадаева. При всем скептическом настрое комедии первого, само ее название — будь то «Горе от ума» или «Горе уму» — и противопоставление хотя и не очень умного носителя «ума» Чацкого носителям чиновного начала Фамусову и Скалозубу, более чем показательно как демонстрация разрыва между чиновным пафосом идеологии «табели о рангах» и рационализмом. Тем более характерна в данном плане деятельность Чаадаева, острейшая критика которым существующего строя направлена в первую очередь против чиновно-бюрократической системы. В недавно опубликованной статье Г. Волкова «Пушкин и Чаадаев», статье чрезвычайно интересной, обобщены данные, характеризующие идеологические искания и настроения этих двух близких по духу, хотя и не во всем между собой согласных, самых выдающихся культурных деятелей эпохи.

Отсылая читателя к этой статье, я позволю себе привести лишь взятые из нее слова Пушкина, имеющие отношение к нашей теме, но выраженные в понятиях своего времени. Речь идет об «аристократии ума и таланта», значение которой, по словам Пушкина, превосходит собственно аристократию «по природе и богатству», а также: «мысль — великое слово... составляет величие человека. Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек».

В годы после смерти Пушкина трещина между бюрократией и появившимся независимым слоем общества в еще большей мере проявилась в движении западников и славянофилов. Несмотря на их идейные расхождения, оба эти движения родственны между собой. Как писал Герцен, «западничество и славянофильство подобны двуликому Янусу с одним сердцем». Их объединяло отрицательное отношение к бюрократической системе, созданной петровской «табелью о рангов».

Тем не менее если рассматривать все выше сказанное в плане социальном, пока не приходится говорить об образовании интеллигенции в качестве общественного слоя с осознанной программой; об интеллигенции как о самостоятельной общественной группировке, независимой от господствующего крепостническо-бюрократического класса.

Важный этап в становлении самосознания интеллигенции наступил позже, во второй половине XIX в., уже в пореформенную эпоху. О решающем значении 1860-х гг. в истории русской интеллигенции говорит прежде всего тот факт, что сам термин «интеллигенция» именно в пореформенные годы входит в литературный обиход. Его изобретение, как уже отмечалось, приписывается плодотворному романисту этого времени Боборыкину. Прежде этот термин не был известен в употреблении ни в России, ни на Западе. Факт этот, разумеется, не случаен. Прежде оформилось смутное представление о некоей самостоятельности и независимости деятелей умственного труда в обществе.

И если провозвестник независимости умственного труда от государственной бюрократии — Пушкин — еще только имел в виду себя и ограниченный круг литераторов, социально его не выделяя, то в предложенном литератором Боборыкиным термине найдено именно то слово, которое выразило саму сущность этого слоя общества в социальном его смысле. Решающим обстоятельством в этом аспекте стало то, что после реформ 1860-х гг. интеллигентный

слой стал «разночинным». Соответственно стала несравненно более радикальной и критика бюрократической системы, которая сохраняла свои позиции еще достаточно прочно. Замечательная критика бюрократизма дана признанным вождем разночинной интеллигенции Чернышевским: «При бюрократическом порядке совершенно бесполезны ум, знание, опытность людей, которым поручено дело. Люди эти действуют как машины, у которых нет своего мнения. Они ведут дело по случайным догадкам о том, как думает про это дело то или другое третье лицо, совершенно не занимающееся этим делом».

Радикализм разночинной интеллигенции в плане критики государственно-бюрократического строя после Чернышевского нашел выражение в идеологии анархизма Бакунина и в народничестве — идеологии служения народу, под которым понимали едва ли не исключительно крестьянство. Неудача народничества, как известно, подготовила почву для новой идеологии интеллигенции — марксизма с навязанным культом уже не аморфного социально «народа» (крестьянства), а народившегося слоя — рабочего класса-пролетариата.

Русский вариант марксизма, в наиболее чистой форме нашедший выражение в идеологии большевизма, а в практическом выражении достигший кульминации в революции 1905 г., потерпел здесь неудачу. И впервые после этой неудачи русской интеллигенцией была сделана попытка осмыслить свое истинное положение в обществе, свое назначение. Знаменитый сборник «Вехи» — уникальный в своем роде памятник, отражающий самосознание интеллигенции, ее самооценку. Излагать здесь, даже в самом обобщенном экстракте, содержание этого сборника, разумеется, невозможно. Остановимся лишь на тех моментах, которые имеют непосредственное отношение к теме настоящей «заметки».

В статьях сборника «Вехи» представляют интерес замечания по истории сложения русской интеллигенции. Место интеллигенции в допетровское время определено как мало значимое. Интеллигенция, по словам одного из авторов, приходит на смену казачеству. Со времени Петра, по мнению автора (С. Булгакова), судьба России оказалась в руках интеллигенции, имея в виду бюрократию, которая находилась в подчинении полицейской власти. По его же словам, «душа интеллигенции — ключ к грядущим судьбам русской государственности и общечеловечности...» Следующий автор (Гершензон) тоже пишет, что русская бюрократия в значительной мере «плоть от плоти русской интеллигенции». Эта связь интеллигенции с бюрократией привела к тому, «что интеллигенция стала рабом политики», и «масса интеллигенции была безлична со всеми свойствами стада». Но, что особенно важно, эта связь интеллигенции с бюрократией и стала «причиной вражды народа к интеллигенции». Правовед, автор одной из статей «Вех» (профессор Кистяковский) особенно подчеркивал «слабость правосознания русской интеллигенции. Правосознание заменили полицейские правила, что характерно для полицейского государства». Отсюда, в частности, неуважение к суду. Им же подчеркивалось, что «русская интеллигенция никогда не уважала права» и что основа правопорядка — «свобода личности и ее неприкосновенность».

Характеристике идейной сущности русской интеллигенции посвящен и ряд других статей сборника. Парадоксальным образом эта идейная сущность

интеллигенции оказалась в определенном противоречии с ее «генезисом», с ее связью с «бюрократией». По словам философа Франка, «Морализм — утилитарный цвет умственного развития. Для интеллигенции характерно непризнание объективных ценностей. Ее одушевляла ложная идея — благо народа, служение народу. Враждебность истинной культуре — еще одна черта интеллигенции, а противокультурная тенденция ведет к уравнительству».

В определенной связи с приведенной характеристикой находится замечание П. Струве, который пишет: «Идейной формой русской интеллигенции является отщепенство, ее отчужденность от государства и враждебность к нему. Проявляется в абсолютной форме в анархизме, в относительной — в радикализме».

Приведенная характеристика, очевидно, является далеко не полной, отражая идейные настроения, главным образом, лишь той части русской интеллигенции, которую условно можно назвать «гуманитарной», сложившейся за полстолетие после реформ 60-х гг. XIX в. Между тем эти реформы послужили толчком к образованию другого слоя интеллигенции, которую, также условно, можно назвать «технический, научной», слоя, выдвинувшего выдающихся деятелей науки и техники, занявших передовые позиции в мировой науке. Достаточно назвать лишь Д. И. Менделеева или И. П. Павлова.

Пишущему эти строки трудно охарактеризовать господствующее в этой среде настроение. По всей вероятности, надо признать верной именно для этой части интеллигенции приведенную выше ее характеристику как «либеральную, буржуазную». Несомненно прав автор статьи в БСЭ в том, что интеллигенция в целом поддерживала Февральскую революцию 1917 г.

Что же происходит после Октябрьской революции?

С теоретической марксистской точки зрения приведенная характеристика интеллигенции почти совершенно не отражает отношение к интеллигенции в советское время, по крайней мере до середины 50-х гг.: отношение, которое может быть определено как глубоко враждебное и уничижительное, поскольку это относилось к интеллигенции, унаследованной от дореволюционного времени.

Такое отношение с наибольшей «холуйской» прямоотой широко отражено в советской литературе у прислужнических авторов, но в наиболее отвратительной форме у Горького, в его газетных, а также художественных писаниях, и прежде всего в «Климе Самгине», сочинении столь же бездарном, сколь и зловредном.

Вместе с тем нельзя утверждать, что как теоретическая характеристика интеллигенции, так и практическое отношение к ней тенденциозно надумано и совершенно беспочвенно. История сложения русской интеллигенции даже при самом поверхностном рассмотрении многое объясняет в таком положении дел.

Враждебное отношение большевиков к интеллигенции как носительнице либеральной идеологии было взаимно враждебным. Голодное существование в городах, в Москве в особенности, переход части интеллигенции на сторону белых армий, а затем эмиграция на Запад привели к тому, что в стране в первые годы после революции осталась лишь часть ее, которую всяческими правдами и неправдами удалось привлечь на службу новой власти. Осуществить такую задачу было тем легче, что, в сущности, большевизм как идеология был делом

интеллигенции, а главные деятели его были выходцами из разнородной интеллигентной среды. Быть может, наиболее важным обстоятельством явилось то, что во время Гражданской войны советской власти удалось перетянуть на свою сторону значительную часть военной интеллигенции, в конечном счете обеспечившей «грамотное» управление Красной армией и тем самым победу над белыми армиями и определенную общую стабилизацию положения в стране. Однако затаенная враждебность к прежней интеллигенции вскоре после Гражданской войны выплеснулась наружу в форме «спецеедства», в форме судебных преследований и бытового натравливания толпы на интеллигентов. Формы такого преследования были разнообразны, но крайне чувствительны; например, избивания врачей, квартирные уплотнения и пр.

Одновременно осуществлялась широкая программа массовой подготовки новых специалистов как через старые высшие учебные заведения, так и путем создания новых, в частности рабфаков, чему благоприятствовала проснувшаяся в самых широких слоях населения, в первую голову в среде крестьянской молодежи, тяга к образованию. Упорство, с каким молодежь преодолевала тяготы существования и свою общеобразовательную неподготовленность к овладению науками в 1920–1930-х гг., — явление беспрецедентное. Недаром был тогда популярен лозунг «грызть гранит науки молодыми зубами». При всей бессмысленности этой метафоры (грызть гранит зубами — занятие, едва ли обещающее успех) лозунг этот отражает положение дела.

С точки зрения власти, немаловажным являлось то, что прием в вузы осуществлялся с жесткими ограничениями по социальному признаку.

Тем не менее в течение менее чем двух десятилетий в 1920–1930-х гг. была создана громадная армия если не интеллигентов, то специалистов разных градаций, совершенно не схожих по своему духовному облику с таковыми к моменту революции.

Материально — полностью зависимый от государства, духовно — в жесточайших тисках официальной идеологии, новый слой образованных людей фактически превратился в послушную бюрократизированную массу, чуждую всем признакам, которые были свойственны дореволюционной интеллигенции. В первую голову — самостоятельного мышления, независимости суждения, всего того, что может быть названо «либерализмом», самой потребности свободы, свободомыслия и свободолюбия.

Мне представляется, что именно такое положение дела и обеспечило Сталину дикое манипулирование созданным им же слоем образованной бюрократии, к которому очень подходит термин «образованщины» (вместо интеллигенции), свидетелями чего современники были как в течение предвоенных лет, так в особенности в годы войны до самого не то долгожданного, не то преждевременного, по выражению Герцена, перехода Сталина «по ведомству химии».

Говоря об отношении Сталина к новой интеллигенции, нельзя не вспомнить и слова Тараса Бульбы, сказанные им сыну Ондрию: «Я тебя породил, я тебя и убью».

Как бы то ни было, в истории русской интеллигенции круг исторической традиции эволюции интеллигентности, начавшейся с Московской Руси,

продолженной при Петре, инициируемой потребностями государственной бюрократии, почти замкнулся при Сталине. И все же — только «почти» замкнулся. Сама возможность «оттепели» после смерти Сталина показала, что целиком — «до конца» — уничтожить приобретенную независимость от бюрократического начала Сталину не удалось. Как бы мало благоприятны они ни были для возрождения интеллигенции — в истинном значении этого слова — в последующие времена, ростки ее пробились и произрастают с цепкостью даже неожиданной. Кажется, прав был индийский поэт и мыслитель Р. Тагор, писавший при посещении Советского Союза, что само распространение образования явилось залогом свободы будущей. Вероятно, сбудется пророчество отечественного автора, появившееся за два десятилетия до Тагора, что будущность России в руках интеллигенции. Что касается сроков осуществления сказанного, то предусмотреть его ни тот ни другой, разумеется, не могли, да и не пытались. Муза истории о точных сроках будущих событий заботится мало.

О СПОКЕ, ДОСТОЕВСКОМ И ТОЛСТОМ

Величие и падение Бенджамина Спока в США знаменательно. От всеобщего поклонения до объекта проклятий еще при жизни — вот путь его педагогической карьеры. В период восхождения его звезды у нас о нем как будто мало писали, во всяком случае в широкой публицистике. Однако стоило его звезде закатиться на его родине, как он определенно стал персоной грата у нас. Обстоятельство это для нашей печати не неожиданное. То, что порицается «там», восхваляется у нас, и наоборот. Сам Спок как будто бы у нас ищет «утешения» по поводу злключения своей карьеры в США. Он приезжает к нам, знакомится с «образцовым» нашим Артеком. Его «основополагающую» книгу «Ребенок и уход за ним» переводят на русский язык. О нем пишут статьи и печатают в популярных журналах. Однако, насколько я могу судить, интерес к Споку все же вызван не только тем, что его ругают в США. Мне кажется, что главная педагогическая идея, или, вернее, педагогическая система, еще задолго до Спока начала разрабатываться именно у нас в так называемой «педологии» — отрасли педагогики, судьба которой весьма сходна с судьбой учения самого Спока. После самого широкого увлечения педологией в один прекрасный день она вдруг была признана наукой «еретической», противоречащей «истинно марксистской» педагогике и задачам коммунистического воспитания. Говорю о судьбе педологии по памяти, не имея под рукой соответствующих материалов, и, к особому сожалению, — того знаменитого постановления, которым она, педология, была «отменена».

Я не удивился бы, если бы было установлено, что сама система Спока возникла под влиянием советской «педологии» 20-х гг., идеи которой так или иначе дошли до Америки. Впрочем, утверждать это категорически я, разумеется, не могу. Из того, что мне известно о Споке, наиболее интересной является

статья профессора Азарова, напечатанная в двух номерах журнала «Новый мир» — десятом и одиннадцатом за 1979 г. В ней излагаются как характер практических рекомендаций Спока, так и «теоретические» основы его учения. Не углубляясь в те практические рекомендации, которые дает Спок в своей книге (рекомендации, воспринятые в Америке с таким же энтузиазмом, как и религиозные заповеди), приведу один момент из американской практики обращения с младенцем в родном доме, который был показан у нас по телевидению. Наиболее поразительным кадром было то, что только что народившегося младенца помещали под герметически закрытый стеклянный колпак с искусственной воздушной атмосферой. Таким образом, первые глотки воздуха, которые вдыхал младенец, были по сути «аквой дистиллятой», т. е. с первых мгновений для будущего жителя «грешной земли» создавалась искусственная среда. Не знаю, применяют ли в наших родильных домах герметически закупоренные стеклянные колпаки, но другая рекомендация американского «педолога» — отказ от пеленания ребенка — нашла у нас широкое распространение, что «теоретически» имеет целью привить ребенку полную «свободу» проявления его инстинктов. Иначе говоря, по «теории» Спока, как я ее понимаю, ребенку, с одной стороны, рекомендуется создавать искусственную среду, а с другой — дается полная свобода проявления инстинктов. Но что же получилось в США в результате всеобщего применения «теории» Спока? В статье Азарова положение рисуется достаточно ярко, им приводятся, в частности, высказывания самих американцев по поводу его теории. Именное Спок оказывается повинным в том, что и молодежь, с детства воспитанная по его книге, оказалась недисциплинированной, разболтанной, безответственной и т. д. И наконец — ее обвиняют в вандализме. Азаров приводит и выдержки из некоторых писем, обрушившихся в последнее время на голову Спока. Один из авторов обращается к Споку с такими словами: «Вы погубили целое поколение, стыдитесь!» Другой: «В том, что мой сын стал преступником, повинны вы». «Я сжег твою книгу, я изорвал ее на мелкие кусочки», — пишет третий. Из переведенных на русский язык американских книг, посвященных состоянию школы в Америке, советский читатель действительно узнал о невероятно низком уровне нравственного состояния американского юношества. И в том, «что американская школа плохо воспитывает, виноват Спок», — заявляет, например, мэр Чикаго. Да и сам Спок признает: «В том, что молодежь распустилась, есть и доля моей вины».

Не будем углубляться в вопрос, почему именно в самые последние годы в Америке произошла такая резкая перемена в отношении к Споку. Тем более что главная причина вполне очевидна. Это — поражение США во вьетнамской войне, которое нанесло тяжелый урон не только военному, но и, главным образом, нравственному престижу заокеанской державы, вина за что также прямо или косвенно возлагается и на Спока.

Но все сказанное относится к практической стороне педагогического «учения» Спока. Обратимся к философской основе его теории. Вот что говорит об этом Азаров: «Спок — прагматик. Но его прагматизм, основанный на здравом смысле и на человеческой мудрости трудовой Америки, разумен. Общая гуманистическая позиция Спока четко просматривается в любом, казалось бы,

прагматическом методе или приеме. Спок — ниспровергатель тех ценностей, которые против человека. Поэтому его гуманизм действителен. Гуманизм — его идеал, его вероисповедание». Азаров сравнивает учение Спока с теорией Сухомлинского. «Оба они создали хорошие педагогики». При такой смягченной оценке прагматизма Спока, его «здорового смысла» и «разумности» невольно встает вопрос, почему же практика педагогики, основанная на этих «семантических принципах», дала такие плачевные результаты. Профессор Азаров практически обходит этот вопрос. Со стороны советского профессора, оперирующего понятием «здоровый смысл», понятием, столь излюбленным в прагматизме современного западного мира, особенно США, представлялось бы уместным указать на весьма ехидную оценку, данную ему основоположниками марксизма: «Но здоровый человеческий рассудок, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отваживается выйти на широкий простор исследования». Именно это и произошло со «здравым смыслом», когда, руководствуясь им, Спок вышел на простор воспитательской практики. Выше, при характеристике результатов, полученных при практическом применении прагматической педагогики Спока, уже отмечалось, что она привила юношеству безответственность, вседозволенность, склонность к вандализму и прочие отрицательные черты. И все это было достигнуто с помощью таких, основанных на «здравом смысле» рекомендаций, как создание искусственной среды в момент появления младенца на божий свет, а в дальнейшем — предоставление ему свободы проявления инстинктивных побуждений.

Рассматривая в целом историю Спока, или, точнее, его педагогической «теории», мы невольно обнаруживаем нечто очень знакомое в истории русской общественной мысли. Речь идет о проблемах, которые около столетия назад так волновали многих выдающихся деятелей культуры, проблемах, выраженных почти в тех же терминах, что и только что приведенные, а именно о «среде» и «вседозволенности».

Опираясь на «здравый смысл», спокские рекомендации предусматривают основополагающий принцип ухода за ребенком, справедливо обозначенный как «вседозволенность»: ребенку не следует препятствовать при проявлении его инстинктов. Этот принцип сочетается с представлением об окружающей ребенка среде, которая вместе с полной свободой проявления инстинктов призвана, очевидно, образовать гармоничный облик будущего человека. Ба! Какие знакомые понятия для каждого, кто хоть немного знаком с общественной мыслью России столетней давности. «Среда» и «вседозволенность» — сколько публицистических копий было поломано в сражениях по поводу этих понятий (теорий) и сколько чернильной «крови» было пролито. Восстанавливать историю сражений, которые велись вокруг них в русской публицистике во второй половине века, едва ли необходимо. Представляется достаточным ограничиться соображениями, которые были высказаны по этому поводу Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым.

Напомним, что в русском общественном сознании второй половины XIX в. получила распространение теория, объяснявшая все неурядицы в обществе

воздействием «среды». В плане личностном популярным стало выражение «среда заела». Само состояние умов всецело определялось, по мнению сторонников этой теории, воздействием «среды». Именно против такого перенесения ответственности за состояние сознания человека постоянно возражал Ф. М. Достоевский. В частности, по мнению писателя, теорией «среды» особенно злоупотребляли в современной ему судебной практике, и, прежде всего, адвокаты, охотно апеллировавшие к этой теории. В этой связи он рассматривал ряд судебных дел, которые привлекли к себе общественное внимание. Разбирая в качестве примера дело матери, поднесшей ручку ребенка под кран кипящего самовара, Достоевский пишет: «Вот тут вертелся бы адвокат: “случай нельзя назвать вполне гуманным, но... представьте среду”». Или другой случай: «Муж подвешивает жену вверх ногами. Адвокат: “неразвитость, тупость, пожалейте, — среда”».

Ф. М. Достоевский обращался к проблеме преступности и в полемике с воззрениями социалистов, указывая, что для последних «преступление есть протест против ненормальности социального устройства и только... все у них потому, что “среда заела” и ничего больше... Если общество устроить нормально, сразу все преступления исчезнут... Социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит все человечество, в один миг сделает его праведным и безгрешным, без всякого исторического и живого опыта...» Так Достоевский писал в «Дневнике писателя». С еще большей силой он выступал против сторонников идеи «среды», главными носителями которой он считал социалистов, в романе «Братья Карамазовы». По словам одного из героев романа, социалисты «...объясняя все беды человечества влиянием среды, видели в будущем строе, когда “заедающая среда” изменит свой лик... и жизнь станет иной, несоизмеримо лучшей». На эти видения Достоевский ответил в легенде о Великом инквизиторе. В том же плане в фантастическом рассказе «Бабок» Достоевский писал, что «делая человека зависимым от среды, доводят его до совершенной безличности, до совершенного освобождения от всякого нравственного долга, от всякой самостоятельности, доводят до мерзейшего рабства». Полемика с теорией «среды» в конечном счете и привела Достоевского к острейшему осуждению так называемой «вседозволенности», которой писатель ответил так много ярких страниц как в художественных произведениях (например «Преступление и наказание»), так и публицистических. В том же «Дневнике писателя» в связи с темой «все дозволено» Достоевский пишет: «Нет табака, почему не убить?.. Что-то носится в воздухе, полное материализма и скептизма: началось обожание даровой наживы, наслаждения без труда, всякое злодейство совершается хладнокровно, убивают, чтобы вынуть хоть рубль из кармана».

Не буду касаться подробно идеи, которую Достоевский противопоставляет теории «среды» и, следовательно, «вседозволенности». По Достоевскому, она заключена в христианстве, в религии. Делая человека ответственным за свои деяния, христианство тем самым признает и свободу его. Иван Карамазов ставит именно так вопрос: «Или есть бог и бессмертие души, или все позволено».

В иной форме, но по сути в том же, что и Достоевский, русле, критику теории «среды» развивал Толстой. Говоря о тех, кто во всем зле обвиняет среду, Толстой писал: «Попал я в дурную наследственность и среду — буду злой; попал

в хорошую — буду добрый. Я думаю, что это не так. Я думаю, что каждый человек обладает свободной творческой божественной силой». И в более развернутой форме: «Человек отличается от прочих животных лишь своим разумом. Иные развивают его, но многие пренебрегают им: они словно хотят отречься от того, что отличает их от скота... Но у человека есть разум, который он может употреблять на усиление внутренней жизни, при котором является большое равнодушие к этим условиям, или наоборот — направить его на создание наибольшей чувствительности к этим условиям».

В связи с этими размышлениями Толстой приводил полюбоившиеся ему и постоянно повторяемые слова его приятеля — мужика Сютеева: «Все в тебе».

Приведем еще одно замечание Толстого: «Хотят без усилия мысли и даже без ума достигнуть тех результатов, которые достигаются умом».

Но вернемся еще раз к Споку. Как бы предвидя именно педагогику Спока, Достоевский писал о «некой математической голове», из которой выйдет рецепт, который в один миг сделает человечество праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса. Что получилось от этого «рецепта», показал на практике «случай Спока» в Америке.

ТРАДИЦИИ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ, ИЛИ К ИДЕЕ «ТРЕТЬЕГО РИМА»

Смогут другие создать изваянья из бронзы,
Или обличье мужей повторить в мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней,
Вычислят иль назовут восходящие звезды —
Не спорю.
Римлянин! Ты научись править народами державно,
В этом искусство твое! Полагать условия мира.
Милость покорным являть и смирять войною
Надменных.

Вергилий. Энеида VI, 847–853

Ныне Советский Союз — единственная держава, которая не утратила глобальной масштабности политики. Об утрате этой идеи в Западной Европе (Англии, Франции, Германии и прочих государствах) не приходится и говорить. Так измельчены их государственные идеи в политике, что даже противно следить за ними. Настолько погрязла их политика во внутренних неурядицах, что только дивиться приходится. Но скажете: США! Одержимые потребительством, они никогда не знали и ныне непригодны для глобальной имперской политики. Америка не усвоила той мысли, что империю создают солдаты, а не доллары, кока-кола и плейбой. И даже не торговля.

На Западе не понимают реального положения в устремлениях нашей политики. Они все еще видят в нашей политике международную тенденцию комму-

нистического интернационализма со ставкой на мировую революцию. Они воображают, что как-то изнутри им удастся побороть коммунизм. Правда, наша пропаганда ловко и, надо сказать, умело поддерживает их заблуждение насчет нашего экспансионизма, будто цели его — мировой коммунизм.

Быть может, некогда, в первые годы после революции, когда аналогичные нашей революции перевороты пробудились и в Западной Европе, это и было так. Но этого не произошло. Еще более важно то, что вопреки нашим ожиданиям Октябрьская революция не привела к нашему превосходству над Западом в технике, материальной мощи и особенно в материальном уровне жизни народа. В этом отношении мы безнадежно сейчас отстаем, что стало особенно очевидным после Второй мировой войны.

Те, кто реально направляет нашу политику, поняли, что в настоящее время тягаться с Западом, особенно с США, в «искусствах», в наш век означающих экономику и технику, мы не можем, и что, следовательно, мы не можем в этом отношении стать образцом для подражания другим народам на Западе. Как когда-то римляне оставили заботу в развитии «искусств» на долю «других», имея в виду, разумеется, греков — «гречишек», так и сейчас мы оставляем на долю западного мира заниматься техническим прогрессом, особенно в области сферы «потребительства». Разумеется, в современном мире дело обстоит не так просто, как это изобразил Вергилий, однако по сути положение именно таково. Потоку образцов потребительских товаров мы открыли достаточно широкие шлюзы, начиная с джинсов и до строительства кораблей торгового флота и компьютеров. Своей долей мы сделали заботу о военной машине, «главном звене» (по ленинской терминологии) всей нашей деятельности во имя того, чтобы «править народами державно».

И поскольку главная идея Октября — «мировой коммунизм» — оказалась неосуществимой, на наших глазах, опираясь на учение марксизма, из-под его руин с нарастающей силой пробивается традиционная национально-великодержавная идея, говоря модным термином — идея «гегемоническая», восходящая к идее «Третьего Рима».

В советской исторической литературе мы сейчас почти не встречаем никаких реминисценций об этой идее. По крайней мере, ни в одном из просмотренных советских энциклопедических словарей нет соответствующей статьи.

Трудно сказать, приходила ли эта идея в голову нашим творцам политики. Однако не исключено, что она запала в голову Сталина, особенно учитывая его бесспорный интерес к фигуре Ивана Грозного, к начальной истории Московской Руси.

Некоторые важные моменты относительно распространения идеи «Москва — Третий Рим» приводятся в краткой, но весьма содержательной статье замечательного энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (66 том). Позволю себе привести основные данные, приводимые в ней. Восходит эта идея к представлению о Риме как о вечном городе. На христианском Западе это представление контаминировалось с христианской идеей о единой вечной империи, как отражение «Царства небесного». В Западной Европе эта идея приняла форму «Священной Римской империи». В Московскую Русь она пришла

через Византию. Константинополь после утраты Римом мирового значения стал его преемником в качестве «Второго Рима». Такое представление на Руси о Константинополе держалось до захвата его турками в 1453 г. «Сосуд был разбит, — как говорилось в одном литературном сочинении, — но его содержимое не иссякло».

Падение Константинополя по времени совпало с началом освобождения Руси из-под татарского ига при Иване III. Одновременно в Московскую Русь нахлынули «обломки» Второй Римской империи. Софья Палеолог со своим окружением в Москве, Великий князь Московский принимает царский титул — титул римских цезарей. Двуглавый Византийский орел становится гербом Московских царей. Сама Софья венчается как московская царица. Инок Филофей в послании преемнику Ивана III — Ивану IV убеждает последнего, что именно Русь должна «хранить правую веру и бороться с ее врагами». Не удивительно, что именно при Иване IV и оформляется идея — «Москва — Третий Рим». И что Четверто-му не бывать со всеми вытекающими отсюда претензиями.

К сожалению, в статье, которую мы выше изложили, о дальнейшей истории самой идеи говорится очень бегло. Отмечается, что до конца XII в. она теплится в сфере отвлеченных идей, не получив форму определенного программного понятия. С большей определенностью она выступает во время освободительных войн на Балканах и «более сильно в воззрениях славянофилов».

К тому, что сказано в статье энциклопедического словаря (ЭС), небезынтересно добавить заметку в книге Виппера «Иван Грозный», имеющей прямое отношение к теме. По-видимому, прав автор статьи из ЭС, повторяя, что после XVI в. идея Третьего Рима в качестве определенной политической программы официально не фигурировала, однако в завуалированной форме именно эта идея лежит в основе едва ли не наиболее ярко выраженной идеологии русской общественной мысли XIX в. Имею в виду всеохватывающий вопрос об историческом назначении России в мировой истории, о чем писали не только славянофилы. Отнюдь не претендуя на исчерпывающее освещение столь злободневного для XIX в. вопроса, приведу только некоторые, кажущиеся мне весьма показательными материалы.

Уже на самом рубеже XVIII–XIX вв. Радищев в стихотворении, озаглавленном «Осьмнадцатое столетие», писал:

Выше и выше лети ко солнцу, орел ты Российский,
Свет ты на земле снеси, молнии смертельны оставь.
Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона...

Программа, мало чем отличающаяся от программы Вергилия. Об особой роли России, независимой от трона с его эмблемой орла, писали Пушкин и Чаадаев, по крайней мере в отношении Европы. Чаадаев писал: «У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникающих в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество. Я часто говорю и повторяю охотно: «Мы предназначены быть настоящим со-

вестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великим трибуналом человеческого духа и человеческого общества»).

В связи с писаниями Чаадаева Пушкин, хотя с ним и полемизировал, в сущности, высказал аналогичное мнение: «Освобождение Европы придет из России... История России требует другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотиом из истории христианского Запада. К истории России неприменимы теории о прогрессе и понятии о свободе».

Но, пожалуй, не менее интересно, чем приведенная выше собственная заметка Пушкина, которая как будто не была известна до совсем недавнего времени, будет представление об идеях Пушкина о назначении русского народа, которое выражено в знаменитой речи Достоевского на Пушкинских празднествах в Москве при открытии памятника поэту. «Что такое сила духа русской народности, как не стремление в конечных целях своих к всемирности и человечности. Да, назначение русского человека есть бесспорно всемирное, всеевропейское. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть и значит только (в конце концов это подчеркните) стать братом всех людей, всех человеков, если хотите... Для настоящего русского Европа и удел арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как удел родной земли... что наш удел есть всемирность. Стать настоящим русским и будет именно значить — внести примирение в европейские противоречия... Ко всемирному, всечеловеческому братству верде русское, быть может из всех народов наиболее предназначенное».

Я не могу судить о том, подписался бы Пушкин под этим суждением Достоевского. Но именно так идея Пушкина о назначении русского народа была с великим энтузиазмом воспринята наиболее влиятельными кругами русской интеллигенции. Как выразился С. Аксаков на том же собрании, к сказанному Достоевским о Пушкине нечего прибавить.

Выше уже было отмечено, что в XIX в. идея Третьего Рима в своей непосредственной форме была возрождена славянофилами. Могу проиллюстрировать трактовку ими этой идеи лишь случайными имеющимися у меня заметками. Так, например, Хомяков писал: «Русский народ не помышляет о священной войне». И в этом же духе, но с другим акцентом писал С. Аксаков о войне, которая должна привести к упадку Англии и Австрии — т. е. европейских империй, являющихся главной преградой на пути будущей гегемонии России. Однако в теоретически обоснованной форме идею о назначении России и русского народа как преемника Рима разработал Н. Я. Данилевский в получившей широкую известность книге «Россия и Европа». Привожу изложение его теории по книге, изданной в 1979 г. Вместо, по его мнению, нелепого деления истории всемирной на древнюю, среднюю и новую, он предложил другую схему, основанную на смене культурно-исторических типов. Согласно этой схеме, культурно-исторический тип проходит, подобно живому организму, свой цикл развития — детство, юность и зрелость, старость и смерть. Таковы были циклы развития греко-римского античного мира и следующего за ним «германо-романского мира Западной Европы». Ныне этот мир достиг старости; его законным преемником является еще юный славянский мир — новый культурно-исторический тип во главе с царской Россией.

Заметим, что этот взгляд на историческую роль «юного славянского мира» во главе с царской Россией был высказан в 1859 г. Небезынтересно указать, что Достоевский еще до произнесения им речи на Пушкинских торжествах 1879 г. в частном письме в 1868 г. писал в духе будущей своей речи следующее: «Все понятия и цели русских выше европейских — выше европейского мира. У нас больше непосредственной и благородной веры в добро, как в христианство, а не как буржуазное разрешение задач и о комфорте. Всему миру готовится великое обновление через русскую мысль, которая плотно спаяна с православием».

С более «приземленной» идеей о всемирном назначении России носился и Л. Н. Толстой: «Всемирно-народная задача России, — писал он, — ввести в мир идею общественного устройства без земельной собственности».

При всей неполноте приведенных нами данных из той или иной сфер (политической, духовной), связанных с идеей «Третьего Рима», они свидетельствуют, что традиции этой идеи в общественном сознании русского народа, безусловно, чрезвычайно глубоки.

И пусть это не покажется беспочвенным парадоксом, мысль о том, что другая «мировая идея» — идея марксистского интернационализма, победно проникнув в русское общественное сознание и приняв благодаря удивительным зигзагам исторического пути в XX в. форму «ленинизма», приобретает ныне у нас на глазах глобальные формы «Третьего Рима» — «первого Рима». Вслед за которым, очевидно, «четвертому Риму» не бывать... Ибо вообще-то неизвестно, способно ли человечество выдержать эксперимент с идеей «третьего Рима» в его современных формах.

Уже после того, как заметка была написана, мне случайно стали известны слова Бердяева о том, что русский социализм — мессианство пролетариата — это мессианство русского народа, и что идея «Третьего Рима заменена у нас Третьим интернационалом». Писал об этом Бердяев в 1930-х гг. ...

ПОСЛЕДНИЙ АКТ

Драмы, трагедии? Или просто угасание — смерть, исчезновение с лица страны крестьянства, того почвенного слоя Земли, на котором и благодаря которому создавалась тысячелетняя история (хаотическая смесь трагедии, драмы, комедии, водевиля) Руси, России, Русского государства. То, что это происходит ныне, в последние десятилетия XX в., очевидно, не случайно. Близится тысячелетний «юбилей» принятия христианства на Руси. Тысячелетие — универсальный срок, по которому многие народы измеряли свое прошлое и, отчасти, будущее. Но особенно он вошел в сознание христианских народов в идее Хилиазма, Апокалипсиса.

Речь идет об окончательном уничтожении русской деревни, не метафорически говоря, а именно той, реальной, из дерева строившейся избяной деревни, жившие в которой так долго олицетворяли само понятие Народа, неотличимого от понятия Крестьянства.

Крестьянство питало не только самое себя, но и все остальные слои, назовем их «трутневыми», населения, строило для них и «храмы, палаты», и города, оставаясь в своих бедных селениях, деревянных избах. На своих плечах, своей кровью оно создавало само государство, империю по своей грандиозности не сопоставимую ни с какими другими образованиями, ни в прошлом, ни в Новое время.

Бывало, что когда «трутневые» слои уж совсем безжалостно высасывали жизненные соки крестьянства, оно вступало в борьбу с ними, активно им сопротивлялось, правда, неумело, и терпело поражения, однако, сам факт борьбы бесследно не пропадал.

Известны и времена, когда из среды «трутней» выходили одиночки или небольшие группы лиц, которые вставали на защиту крестьянства, содействуя его борьбе.

И вот ныне, когда разыгрывается последний акт — конец крестьянства, никаких признаков сопротивления, борьбы его за свое существование нельзя обнаружить. Только причитания плакальщиков в лице десятка так называемых «деревенских» писателей.

Но о чем конкретном хочет поведать пишущий (отстукивающий на машинке) эти строки сегодня — 31.V.84 г. — автор? Что дало повод к его полуаматации на предыдущей машинописной странице?

Таким поводом, зацепкой послужили два «материала» (говоря газетным языком) в одном, последнем, номере «Литературной газеты» (от 30.V.84 г.).

Первый «материал», озаглавленный «И малому поселению жить!», помещен в рубрике «ЛГ в деревне». Этот материал подан в форме беседы дамы — журналистки-корреспондентки ЛГ Капитолины Кожевниковой — с ученым мужем, имеющим отношение к деревне. Его полный титул: доктор географических наук, профессор МГУ, председатель комиссии по вопросам расселения научно-технического Совета Минвуза СССР Б. Хорев (в дальнейшем — К. и Х.). Относительно К. говорить что-нибудь, касаясь нашей темы, нет необходимости. С такими же познаниями и душевным настроением она завтра может «беседовать» по любому вопросу, который ей поручит газета. Несколько иное впечатление вызвало имя второго собеседника — это ученый муж, украшенный званиями, специалист по интересующему нас делу. Касаться его «душевного настроения» также не буду (не исключено, что он сходен с таковым у К.). Я обратил внимание на его фамилию Хорев. Ба, не потомок ли он тургеневского Хоря? Как увидим, кое-что от здравомыслия последнего, т. е. Хоря, чувствуется в его репликах во время беседы. Но сказать, что в нем, как у тургеневского героя, чувствовалось и сходство с Петром Великим, не могу.

Итак, обратимся к беседе К. с Х. К сожалению, нам придется делать выписки из их речей в большей мере, чем это желательно для реферативной передачи газетного «материала». Но они введут нас в суть вопросов. Начинает беседу К.

«...Наша газета, — говорит она, — много раз выступала по поводу переустройства современного села... хотелось бы, чтобы вы изложили свою точку зрения, — и продолжает, не без литературной кокетливости, — самый яростный сыр-бор, конечно, разгорается из-за деления сел на “перспективные”

и не “перспективные”». Х., соглашаясь с последними словами К., говорит: «Деление это началось тогда, когда задумано было концентрированное строительство в колхозных и совхозных центрах. Схема районной планировки составлялась на 20–25 лет... как бы предписывала районным властям, где им сосредотачивать, а где прекращать строительство, и заранее определяло, где должно жить сельское население».

И тут несколько неожиданно для автора данной заметки К. был задан вопрос, впрочем, вполне уместный: «А кто конкретно это решал и определял?» Ответ ученого вполне «конкретен»: «Инструкции на этот счет составляет Госкомитет по гражданскому строительству и архитектуре СССР. Он и вырабатывает научно-техническую политику в области расселения, — добавляя, что упомянутые термины (перспективный и неперспективный) он — этот Комитет, унаследовал от НИИ Госстроя при Министерстве сельского хозяйства и охотно пользовался ею в своей практике». Здесь мы прервем ненадолго ученого и зададим ему вопрос: именно «политику» всего дела определял составитель «инструкции», названный Госкомитетом? В реплике ученого мы не найдем ответа. Кажется, мы вправе предположить, что «политика» определялась в более высоких инстанциях, но мы воздержимся, не будучи учеными специалистами, от их названия. Пусть наше предположение останется нашей гипотезой. Вернемся к прерванной нами реплике Х. Ученый вслед за последними приведенными словами продолжает: «Которая впоследствии привела к массовому селению жителей малых деревень». И дальше сам задает вопрос: «Как все происходило в жизни?», — после которого рисует поистине удивительную картину того, от чего зависят судьбы сотен тысяч людей.

Вот как это происходило: «В район приезжал проектировщик, обычно молодой специалист, только что окончивший вуз, вооруженный инструкциями. Он спрашивал руководителей района, какое поселение — одно или несколько — считали бы нужным оставить. Так судьбы людей в один миг решались в ту или иную сторону. Быть или не быть? — вопрос вставал перед каждым». Тут К. вступает с репликой — рассказом о письмах, которые получила редакция от отдельных лиц или целых групп. Так, в одном автор его спрашивает: «Правомочны ли местные руководители решать судьбы сельских поселений без согласия тех, кто живет в них?» А вот письмо, которое подписали 50 человек из селения (названо по имени), которое находится рядом с другим таким же селением. Их решили объединить. В первом проживает 1000 человек. Дальнейшее приведем дословно: «В каждом селении есть клуб, магазин. А новую школу построили в соседнем, посеяв настоящий раздор между соседями... (жители первой) утверждают, что закрывая их школу, их силой гонят из села. И куда? Да в город!..»

Что-то вроде эмоции проснулось у ученого. Вот что он сказал: «К сожалению, как правило, мнения жителей не спрашивают... Райисполкомы составляют списки, которые определяют, каким деревням жить, а каким нет. Конечно, все становится тут же известно людям. Да и как не узнать, если вскоре начинали закрывать клубы, школы, магазины, словом, свертывали всю инфраструктуру (словечко-то не простое — ученое). Наконец просто запрещали строительство

домов». Тут ученому некто пришло на ум и он гасит эмоцию: «Казалось бы, из лучших побуждений действовали. Концентрировалось сельскохозяйственное производство, концентрировались и поселения. В центральных поселках хозяйств создавались лучшие жилищные и бытовые условия». И все же ученый вынужден сказать: «А привело это к негативным явлениям. Закрыли не только клубы и школы, “закрывали” саму жизнь людей в старых родовых гнездах» (снова как бы вспыхнула эмоция).

К. интересуется: «Как же следовало сделать с самого начала, когда приступили к переустройству сел?» Ответ столь же краткий, как и глубокомысленный: «Строить жилье, создавать предприятия соцкультбыта там, где удобно людям. А уж тогда потом они сами потянулись бы туда, где им лучше» (вспомнила ученая бабушка Юрьев день...). Беседа продолжается. К. в форме полумонолога выдвигает несколько запоздало здравую идею о том, что надо было устраивать сельские сходы как демократическую форму, что позволило бы «крестьянам высказать свою точку зрения» (вместе с точкой зрения было бы очевидно сказано и другое). Развивая идею схода, К. считает, что на них следовало бы пригласить и «пожилых людей с очень убедительно звучащим обоснованием». Ведь у них тут «состоялись жизнь, судьба, родились дети» и что это «их малая родина». Затем корреспондент добавляет, что миграция населения происходила от разных причин и при этом «черные списки деревень сыграли не последнюю роль». Х. в ответ прочел почти пол-лекции о том, что «отток сельского населения в города после войны происходил очень быстро», о чем много написано. Этот процесс урбанизации идет стремительно. Идет он и у нас, и в других странах. Города требуют все новых и новых рабочих рук. Дальше шли рассуждения специальные, которые мы опустим. Отметим только упоминание профессором огромных территорий Российского нечерноземья и Сибири и «именно в тот момент, когда повели речь, чтобы каждый регион производил у себя как можно больше продуктов сельского хозяйства», деление деревень на две категории «породило новую волну оттока селян».

Дальнейшее в речи Х. посвящено разъяснению благих целей идеи сселения. Но они же («селяне») поступили неожиданно: подались в массу своей прямотой в город. Профессор задает односложный вопрос: «Почему?» Его же пространный ответ пусть желающий прочтет в газете. Он и верен, и наивен. Я приведу лишь конец тирады: «Массовое сселение малых деревень, отток людей в города явилось большим противовесом всем позитивным мерам, которые принимались для подъема сельского хозяйства и в Нечерноземье, и в других районах страны».

Беседа продолжается. К. рассказывает о письмах в редакцию, авторы которых упрекают газету в консерватизме и даже «с возмущением пишут: чего вы оплакиваете обреченное на неминуемую гибель? Старая деревня, мол, отжила свой век, нужны новые агрогорода». К. приводит имена таких авторов и место их жительства. Х. отвечает: «Знакомая точка зрения». Отвечает пространно. Сокращенно его речь сводится к тому, что «концентрация ... процесс прогрессивный. Но масштабы должны быть не чрезмерными, оптимальными». Вспыхивает эмоция, и он говорит: «Нельзя человека, корнями вросшего в землю, враз

отрывать от нее» и что «это не проходит безнаказанно». Лаком следовало бы покрыть эти слова. Дальнейшее, где говорится о собственных рекомендациях профессора и о примерах «позитивных» в деле концентрации, мы опустим. Х. сообщает о неких совещаниях, имевших место в названных выше научных и административных учреждениях, на которых он присутствовал. На них были приняты новые предложения, и что теперь остается «изменить инструкции и нормативы».

К. не успокаивается и задает новый вопрос: «А что повлияло на перемену в отношении политики расселения в сельской местности?» Х. в ответ хвалит прессу, «в основном поддерживавшую нашу (профессора) позицию», выделив особенно ЛГ. Одновременно упоминает Х. и некоторые местные органы власти, которые сопротивлялись указанной практике сселения. Приводит слова, сказанные ему председателем крайисполкома: «Не (следует) разрушать сложившуюся систему расселения, а закрепить ее на новом уровне». (Рекомендую прочесть полностью все сказанное здесь Х.)

Происходит и дальнейший обмен вопросами и ответами на темы о необходимости считаться с географическими особенностями отдельных районов, о процессе стирания граней между городом и деревней, о нелегальности психологической перестройки людей, о необходимости дать местным органам возможность самим решать вставшие проблемы. Некоторые формулировки столь же интересны, сколь и банальны. Мы все это вынуждены опустить. И так уж сильно разросся наш пересказ. Еще раз порекомендуем читать саму беседу наших публициста и ученого. Приведу лишь итоговое заключение разговора, с небольшим сокращением. К.: «Вероятно, надо подчеркнуть, что речь идет не о том, что возобладали чья-то точка зрения в многолетних дискуссиях, а о том, чтобы расчистить путь неоспоримому». Х.: «Конечно. Ни одна группа специалистов не обладает монополией на истину. Но то, что стало очевидным, надо назвать своими именами... Сельское хозяйство решает большие задачи, поставленные нашей партией. На местах созданы агропромышленные объединения. Они должны самостоятельно решать и весь комплекс вопросов, связанных с переустройством современной деревни». Точка. Странно отсутствие цитаты, подходящей к сему случаю... Наверное, она где-то имеется...

Заклучим и мы несколькими словами наш реферат. Грустно быть современным и зрителем драмы, с начала и до финала сыгранной на глазах нашего поколения. На заре его крестьянство России составляло большинство населения страны. Именно ему был обязан утверждением и сохранением тот строй, который и привел крестьянство к печальному финишу — окончательной ликвидации деревни посредством сселения. Пройдет ли это безнаказанным для страны, и, быть может, для всего мира? Кто знает?

На этом кончаю свою печальную повесть о нынешней судьбе крестьянства. Да и о чем еще писать? Из собранных мною до сегодняшнего дня выстриженных из газет и журналов заметок — пачка их, правда, еще осталась неиспользованной. Дойдет ли до них, дотянутся ли руки? А в будущем ожидать что-либо новое едва ли приходится. Ну еще некий досужий писатель или журналист обнаружит затерянную деревушку из четырех хатенок, с четырьмя старухами — облада-

тельницами на всех двух зубов... Вполне возможно, что любители русской старины вместе с представителями «деревенской литературы» — поэтами и прозаиками устроят пышный выезд в ту деревеньку, устроят фестивальное «шоу» с участием ансамбля народной старинной песни и пляски, в которое, разумеется, войдут все народы нашей страны многонациональной. Будут их, «участников ансамбля», разумеется, по ТВ показывать, но мне это уже не интересно — ведь этот же ансамбль я (если почию телевизор) смогу увидеть и не вместе со старухами (а может быть, и с ними) под Новый год по время «Голубого огонька»... Что еще сказать? Ничего вроде «исполнен долг» перед детскими и ранне-юношескими годами, прожитыми в деревне, да и перед временными, отрывочными, не очень длительными отрезками времени, проведенными в других «всех» страны.

К ПЬЯНСТВУ

Середина 1920-х гг., точнее 1924 г. Летние месяцы удалось так или иначе перебыть в южных районах Украины. Но вот начала являть себя осень. Постоянного пристанища не предвидится. Кто-то восточный подсказал — «подайся к абхазцам, там и зимы-то настоящей нет. Там нашего брата не прогоняют, работорг будешь — пообещают платить, но на червонцы не надейся, а мамалыги с вином будет вдоволь, да и крыша над головой будет».

Вот и Сухуми. Город — а ночевать приходится на скамейке в прибрежном парке. Не то что холодно, но зябко. Не мне одному не спится в парке. Кто-то подсказал идти в Гудауту, километров с полсотни. По дороге — Новый Афон, пустой монастырь — можно переночевать. И то. Дорога на Новый Афон. Слева море, справа горы. То и другое красиво даже на голодный желудок. Трудно определить, что красивее — синяя трепетная ширь моря или склоны гор с разными зонами растительности от пышных субтропиков до полос северных хвойных. А еще — голые скалы, не помню — покрытые ли снежной шапкой. Позже, в зимние месяцы именно такой представлялась горная гряда, ограждающая узкую прибрежную долину Абхазии. Монастырские постройки у подножия холмов, покрытых незнакомыми деревьями с сизыми, шарообразными кронами — маслинами. Переночевал в одной из келий бывшего монастыря. На нарах словоохотливый сосед делился воспоминаниями о появлении вблизи одного из городов южного Крыма немецкого крейсера в 1916 г., когда рассказчик служил лакеем в самой богатой гостинице того города. «Крейсер выпустил один или два снаряда. Что тут началось! Жили в номерах все богатые женщины (бабы) с детишками. Мечутся, суется. Каждая тащит к себе — помощи вещи снести. Деньги суют без счета. Ну и нахватали мы этих николаевских разных — все больше красненьких, были и катки, и четвертные... Эх и пожили, и попили мы после...»

Назавтра снова в путь в сторону Гудаут. По дороге остановил всадник в великолепном башлыке со «смит-весомом» на боку. Работать хочешь? — Разумеется! Иди, в Гудаутах не задерживайся, а прямо в Лыхны. Там спроси

Д. — скажи — Степан прислал. В доме Д. пробыл с осени 1924 г. по весну 1925 г., когда и познакомился со всем циклом работ по сбору винограда, давления вина, а также гонкой виноградной водки — чачи, ну и питьем того и другого. Но прежде чем рассказать об этом, не могу не сказать хотя бы пары слов об абхазах. Поистине благодатная страна Абхазия — «страна души», как ее называют сами абхазы, часть Колхиды — страны мечты древних греков. Абхазец верхом на коне, в бурке и башлыке — картинка — заглавенье! Какая гордая посадка! Недаром, когда абхазец говорит (или говорил тогда) «человек», он подразумевает только абхазца. Все остальные, я бы сказал сейчас, — этнографические понятия. В Абхазии живут (или жили) греки, русские, грузины, мингрелы, армяне, где-то поселились эстонцы, есть и болгары. Для всех на первом месте работа. С представлением об абхазце понятие «работа» как-то не вяжется. Конечно, свой сад, свой участок, пашни под кукурузу, огород приходится обработать, присмотреть за скотиной — овечками, козами, курами, индюками. Но не это составляет предмет постоянных забот и дум настоящего мужчины, «человека». Во-первых, в доме всегда есть женщины, которые вполне способны управлять со значительной частью названных работ. А те работы, которые для женщин не с руки, выполняют те, кто ищет работы, из числа названных выше племен, которые всегда оказываются под рукой. Правда, было бы неверно утверждать, что мужчины уж совсем не причастны к работам по хозяйству. Ни женщине, ни наемному работнику не доверит абхазец уход за конем. Уж если работник войдет в полное доверие (скажу из своего опыта), то ему доверит хозяин напоить коня или засыпать ему порцию кукурузы. Конечно, сам хозяин отвезет на продажу в город арбу с бочками вина. Конечно, полностью уклониться и от непосредственной работы по винограднику в процессе производства вина хозяин тоже не может.

В хозяйства Д. я попал как раз к началу сбора винограда. Виноградники абхазцев демонстрировали собой одновременно и благодатность почвы, и экономность затрат человеческого труда на выращивание виноградной лозы. Черенок лозы сажали около подходящего дерева, чаще всего пряморастущей ольхи, реже ореха или какого-нибудь другого. Об основном заботилась сама природа. Лоза прихотливо вилась вокруг ствола дерева, а затем переходила по своему усмотрению на ветви и сучья кроны. С них и свешивались гроздья спелого винограда. Искусство сборщика состояло в том, чтобы с привязанной к плечам остродонной корзинкой подобраться к гроздьям и заполнить ее, а затем по веревке спуститься вниз, где ее опорожняли, а сборщика поднимали обратно вверх. Надо сказать, что с непривычки достаточно трудно добираться до гроздьев, которые свисают с тонких ветвей дерева. Впрочем, труд сборщика, к которому абхазцы охотно привлекают наемных работников, не самый тяжелый. Более тяжелой была промывка бочек для молодого вина. Много часов приходилось катать и перекачивать тяжелую бочку с залитой внутрь горячей водой, прежде чем полностью исчезнет ввевшийся в стенки запах прошлогоднего вина. А именно полное удаление старого запаха требуется при промывке бочек. Другие работы менее трудоемки. В недавнее время давление производилось топтанием босыми ногами гроздьев, заложенных в большой желоб-корыто. Но в тех хозяйствах, где мне приходилось

работать, имелись специальные давяльные станки, в которых виноград пропускался между валиками. Дальше за процессом брожения и очистки виноградного сока следил хозяин. После очистки молодое вино сливалось в бочки, где оно хранилось до потребления. Наемный работник допускался еще до одной операции — гонки виноградной водки из выжимок с помощью примитивной установки в виде котла с отводной трубкой, покрытого крышкой. Сооружение это устанавливалось на простом очаге-костре. Обычно гонка производилась по ночам, часто ночь напролет. Работа заключалась в том, чтобы не дать потухнуть очагу и менять бутылки по мере их наполнения, а также отделять первые бутылки от последующих, крепость которых менялась. Чача из первых бутылей великолепна. Но от хозяина следят, чтобы работники не сильно «прикладывались» во время гонки. Позже работникам почему-то тоже не очень охотно ее подносили. Зато молодого вина было вдосталь. Мамалыга и вино, собственно, главная еда. Однако в «погреб» — сарай, где стояли бочки, работников не пускали. Но были случаи, забирался бедолага в погреб, прилипал к бочке и тут же отдавал богу душу, а вино из бочки все и вытекало. И для самого хозяина, и для его домочадцев вино — продукт питания постоянный, но с очень заметным ритуальным оттенком. Зимние месяцы проходили едва ли не в ежедневных выпивках по ночам, почти всегда в «компании». Гостями были и соседи-родственники, и очень часто приезжие гости. Закуска — мамалыга с лобio и домашней выделки сыры. А когда бывал гость, то резали куренка, которым довольствовались человек 10–15. Пили из одинаковых граненых стаканов — едва ли не главное, что занимало участников «компании». Видимо, было негласное соревнование в масштабе района, а может быть, и всей Абхазии. Имена победителей, насколько помню, — выпивавших много больше двух десятков стаканов. Сам я достиг лишь «низкой» нормы в 15 стаканов за «компанию».

Разговоры о количестве стаканов постоянны. Вот едет кавалькада очень почтенного вида всадников. Впереди «белобородые», ни дать ни взять — точные мудрецы. Громкий говор. Если вы успели хоть немного усвоить этот удивительный абхазский язык — прислушайтесь, о чем говорят. Зацепитесь за слово «компания». И сразу разберете слова, означающие количество стаканов, выпитых ими рек на «компанию» у имя рек. Но вот что любопытно. Я не встретил ни одного абхазца, который был бы похож на русского пьяницу. Не видел валяющегося где попало пьяного абхазца. А во время «компаний» я не уловил ни сквернословия, ни объяснения в «уважении». До этого, или, по крайней мере, до конца первой четверти века в Абхазии «культура» пьянства русского образца не дошла.

Несколько позже, в те же 1920-е гг., автору пришлось столкнуться с пьянством на другом конце страны — на Дальнем Востоке, в иной, уже чисто русской среде.

Уссурийский край. Край не менее благодатный, чем Абхазия. И здесь пили много. Пили, однако, водку, а чаще — спирт, разбавленный водой, иногда «медууху». Водку тогда называли «рыковской», но она считалась дорогой. Несравненно дешевле обходилась спиртная смесь более высоких градусов, чем казенная «рыкавка». Спирт тогда доставляли из Маньчжурии. Из Уссурийского края

ездили за спиртом «запросто» целыми обозами. Бутылка смеси градусов 50–60, а иногда и более, обходилась, как говорили, в 5–10 копеек. Ну и глушили ее теми же, как и в Абхазии, гранеными стаканами. Знатная тогда в крае была и закуска. Большой частью — горбуша, да и мяса хватало, как от домашней скотины, так и от охотничьей дичи. А поводов для выпивки было достаточно. Но зимой главный повод были свадьбы. Пили жестоко, но, в отличие от Абхазии, поистине без счета, пока из «застолья» не попадали в «подстолье». Но о том, как и сколько пили в русской среде, когда водки вдоволь, едва ли стоит писать. Это хорошо известно. Но вот о чем стоит в связи с пьянством рассказать: в Уссурийском крае мне пришлось наблюдать продолжение подлинно народного движения, начало которого восходит к XVI веку. Я имею в виду переселение старообрядцев. По соседству с деревней, в которой я провел зиму 1925–1926 годов, издавна в нескольких деревнях жили старообрядцы. Богато жили. Постройки — одна к одной, из кедровых звонковых бревен. Неоднократно заходил я в эти деревни. Казалось, что жители прочно обосновались, пустили глубокие корни. Старообрядцы промышляли охотой, но весьма своеобразной. Китайцы из соседней Маньчжурии занимались сбором лечебного корня жень-шеня, а старообрядцы охотой на китайцев, причем за убийство одного китайца достаточно было сделать 40 земных поклонов, чтобы снять с себя грех. Примерно таким же образом промышляли они и на пушного зверя.

И вдруг по зимней дороге мимо деревни, в которой я учительствовал, пошли одни за другими сани и обозы с домашним скарбом, со скотиной. Картина народного «исхода». Старообрядцы из соседних деревень, как оказалось, оставив обжитые места, двинулись в глубь горного хребта Сихоте-Алиня и дальше, по другую сторону горной гряды, к тогда еще безлюдному побережью океана.

Уходили из-за табака и, главным образом, водки, которые пришли в край вместе с «хохлами», а особенно из-за начавшегося проникновения этих самых «хохлов» в деревни, до того заселенные одними староверами. Об этом удивительно для XX в. движении, быть может, расскажу когда-нибудь более подробно, а здесь ограничусь сказанным.

Третий край пьянства, с которым пришлось познакомиться, — Средняя Азия. Открытое пьянство пришло в этот край вместе с русскими. Накануне русского завоевания водка в мусульманских государствах была под запретом. Насколько запрет был действенен? В народном сознании, учитывая популярность воспеания вина и восторгов от опьянения в поэзии (Омар Хайям и Хафиз), с запретом едва ли считались, но в публичном обиходе вместо водки были распространены наркотики (гашиш и опиум). Сейчас все обстоит наоборот. Последние под запретом, зато водка и вино приобрели полное право гражданства, как в домашнем обиходе, так и в общественных обрядах — т. н. «туях». В последнее время ни один «туй» по случаю обрезания, свадьбы и даже поминок не обходится без водки или иных крепких напитков (коньяка). Менее популярны как будто вина, особенно не крепленные («сухие»). И все же прежние запреты как-то еще чувствуются. Бутылки на виду на достархане стараются не ставить, вместо них «добродетельные» чайники с водкой, а вместо граненых стаканов — симпатичные и «невинные» чайные пиалки.

Четвертый край моих наблюдений — город Ленинград, а точнее — угловой дом на перекрестке двух улиц в одном из районов города. В этом доме, в нижнем этаже — крупный гастрономический магазин с бойко торгующим вино-водочным отделом. На дворе в подвале — пункт приема пустой стеклянной тары, главным образом бутылочной, по преимуществу вино-водочной. Пункт этот, как и названный отдел гастронома, бойко работает. Дом этот — шестизэтажный, многоквартирный, густо заселенный. Квартиры — коммунальные, по крайней мере, в подавляющем своем большинстве. В одной из таких квартир на шестом этаже живет вот уже более двух десятилетий автор заметок.

Как видно из вышесказанного, дом ординарный, и наблюдения, которые автор имел возможность сделать, также могут считаться ординарными, пригодными для обобщения в социологическом исследовании, в частности, по теме настоящей заметки.

Автор, в качестве съемщика, в квартире — «сам третий» занимает одну комнату. Две другие занимали до недавнего времени две семьи. Сейчас осталась одна семья. Одну семью обозначим литерой К., другую — литерой Ф. В последней семье трое взрослых: мать, сын с женой и малолетний ребенок — мальчик. Мать — служащая, сын и его жена — рабочие, одним словом, семья трудящаяся. Комната, которую они занимали, площадью не то больше, не то немного меньше 8 кв. м. Кажется, не менее десяти лет они самым наизаконнейшим образом «стояли» на очереди в списке претендующих на большую жилплощадь. Но их очередной номер как-то не спулся ниже нескольких тысяч.

И вот тут и пришла на помощь водка. Сын запил, да так, что через него, заходя в комнату, часто приходилось перешагивать — это то, что приходилось видеть соседям. Что делалось у них дома, т. е. в восьмиметровой комнатке, оставим на долю воображения того, кому захочется это вообразить. Первой не выдержала мать. С помощью депутата она получила отдельную комнатку в коммунальной квартире, затем не выдержала и жена сына — подала на развод и... каждый из супругов получил по отдельной комнатке. Сработало некое постановление, сперва одно, потом другое — дело в том, что комнатка, которую занимала семья Ф., некогда была частью кухни, отгороженной глухой стеной, а согласно одному из постановлений, предполагалось восстанавливать первоначальные площади разгороженных кухонь. И вот не без помощи депутата и самого райисполкома каждому из разведенных супругов дали по комнате где-то в других коммунальных квартирах, а загородку кухни решили снять. На этом оставим семью Ф.

Сложнее сложилась история семьи К. Когда автор вселился в свою комнату, семья К. состояла из супругов — отца, матери и двух детей — старшей девочки и младшего сына. Судьба их всех так или иначе связана с темой нашей заметки. Для облегчения ориентации в нашей повести дадим им также литературные обозначения: отцу — К., супруге — Р., дочери — С. и сыну Ш. С. и Ш. — пока школьники младших классов. К. — что ни на есть — пролетарий, по-нынешнему «гегемон» — машинист-железнодорожник. Насколько могу судить — хорошо зарабатывает. Р. — сиречь супруга, — домашняя хозяйка, по-своему весьма привлекательная. Увы, именно в этом надо видеть начало драмы. Первые годы

после моего вселения, однако, ничего драматического не происходило. Но вот Р. поступила на работу. И тут-то начались в их семье скандалы с рукоприкладством. Причина скандалов, по ее версии, — его скупость, хотя по ее собственным словам: «Я в его деньгах и не так нуждаюсь... зарплата моя небольшая, правда, но каждый день после сдачи кассы (она работала кассиршей в булочной) рубля три, а то пять набегают». Причем это было сказано вполне простодушно, а значило обычный, принятый обсчет покупателей.

Скандалы учащаются. Из разговоров К. по телефону (общему, коммунальному), повышенной нервозности, становится очевидным, что причины скандалов не только в скупости... Налицо «треугольник». Выясняется и острый «угол». Им оказывается курсант военной школы, размещенной на нашей же улице. Начавшаяся романтическая драма подогревается участвующимся пьянством. Чем дальше, тем в большей степени разрастается скандал. На сцене появляются родственники с обеих сторон, как и сами супруги — татары. Приходится слышать слова вроде: «У нас (т. е. где-то в Татарии) ее давно бы убили». Или «убить ее мало» Но пока дело обходится драками. В такой обстановке автор, будучи в экспедиции, из письма узнает, что К. умер в больнице, а по приезду выясняется, что в квартире появился новый жилец. А, как не трудно догадаться, именно тот «острый угол», но уже «бывший» курсант (в связи с «треугольной» историей его уволили). Этот А. поистине «золотые руки» и без всяких скидок превосходный парень. Время в своем беге не останавливается. Появляется младенец — младенец, через пару лет превращающийся в поистине прелестного ребенка — девочку Н. Сильно подросли и дети С. и Ш. С. унаследовала от матери внешнюю, в том же определенном вкусе, привлекательность и т. к. к наукам особо яркой склонности она не обнаружила, то после седьмого класса школу бросила и поступила на работу на фабрику. И тут-то начинается новая драматическая повесть. Шлейф поклонников С. длинный. Вместе с друзьями появляются и подруги. Молодое общество вместе со старшим поколением, как видно и слышно, проводит вечера и выходные весело и громко, и, разумеется, пьяно. Естественно, один из шлейфа явно начинает выделяться своим постоянством и поселяется в нашей квартире, дав С. новую фамилию. А время продолжает свой бег. И снова автор узнает из письма в экспедицию, что А. зарезан кухонным ножом во время веселой пирушки, а молодой супруг С. получил 12 лет... К этому времени С. становится матерью младенца, мальчика Ю. Потребовалось бы слишком много времени, чтобы наблюдать за дальнейшей жизнью этой семьи. Р. зашла по-настоящему. И не только зашла. Судя по посетителям, у Р. появилась соответствующая клиентура. Шлейф С. восстанавливается. Бытовая обстановка явно приближается к «подоночной». Именно в это время появляются признаки того, что в обиходе вместе с водкой употребляются и наркотики. Все это привлекает внимание бдительной милиции нравов, представителям которой часто приходится открывать входную дверь.

Долго ли, коротко ли тянулось такое положение, но все же не до бесконечности. Р. за тунеядство выслали за 101 км от города. Ее дочку Н. поместили в детский дом, лишив Р. прав материнства. С. с сыном осталась одна хозяйкой. Внешне мало что изменилось в ее жизни. Но вот однажды ночью за окном необычный шум.

Подъезжает пожарная машина, а вокруг нее группа любителей ночного гулянья. Именно кто-то из них вызвал пожарников. А причина следующая. В открытом окне шестого этажа на подоконнике стоит ребенок. Еще один шагжок или толчок в спину, и он стал бы ангелочком... Этого шагжа он не сделал. Был это Ю., сын С. Разумеется, квартира вся на ногах. Составлен протокол, все как полагается. Вскоре происходит обыск в комнате... С. получает шесть лет тюрьмы. Ю., как и его тетюшку Н., забирают в казенное воспитательное заведение. На этом мы и остановимся в своей семейной хронике, хотя главные действующие лица по прошествии «положенных» лет пребывания за пределами квартиры снова появятся в поле зрения хроникера, и в это новое время, относящееся уже к эпохе что ни на есть зрелого состояния нашего общества, водка, главным образом, занимающая нас, продолжает играть свою роль, как и прежде.

Но пока коснемся еще одного вопроса, связанного с собственными наблюдениями автора. Как мы помним, в доме, в котором происходили описанные события, во дворе бойко работает пункт по приему вино-водочных бутылок. Бутылочная эпопея. Вернее, «пустобутылочная». Но иначе, как эпопеей, ее не назовешь, наблюдая за потоком мужчин и женщин, старых и малых, текущим в будни и выходные дни к пункту приема стеклянной тары. Уж по одному тому, сколько человеко-часов тратится на сдачу пустых бутылок, проблема эта приобретает некую социально-экономическую важность. Тащат пустые бутылки мешками, тащат в сетках, в торбах, тащат в набухших портфелях, тащат целыми чемаданами. К пункту направляются и граждане, несущие всего по несколько бутылок, рассованных по карманам. Создается впечатление, что сдача и дальнейшая обработка пустых бутылок даже до их использования (погрузка и перевозка на громадных грузовиках, вплоть до «Камазов» с прицепами) — это некий целый экономический комплекс, которым занимается бесчисленное количество трудящихся, причем в расцвете сил. В прошлые десятилетия как будто это явление не так бросалось в глаза. Приносили пустую бутылку в магазин, давали за нее жетон и, уплатив соответствующую добавку, получали бутылку с заполнением. Когда началась «эпопейная» стадия сдачи бутылок, трудно сказать. Некоторые утверждают, что с тех пор, как пошли слухи о служителях стадионов, что они, мол, стали богачейшими людьми в городах, когда после очередных матчей отвозили на тачках сдавать тысячи опорожненных болельщиками бутылок. Управиться магазинам с этим потоком уже стало нелегко. Тут и появилась сеть специальных пунктов. Как бы то ни было, но сейчас пустобутылочная эпопея вполне заслуживает социологического исследования. Отнюдь не претендуя на таковое, я попытаюсь поведать о том, что сам наблюдаю едва ли не ежедневно, поскольку иногда приходится отправляться к пункту и самому, ну, хотя бы с пустыми бутылками из-под молока, да и, что греха таить, не только молока...

Ранние утренние часы. Спускаешься во двор с мусорным ведром. До открытия пункта еще добрая пара часов. И будь-то лето или любое другое время года, будь-то будни или выходной, а у спуска в подвальчик выстроилась очередь гораздо раньше, чем у гастрономического магазина, что расположен у нашего же дома. А между тем, говорят, что утром что-то «выбросят». Наш двор с «удобствами».

Он полон пустыми ящиками из магазина. На них можно посидеть и даже прикурнуть. Впрочем, поутру больше стоят или расхаживают. Встречаются знакомые. Начинают образовываться «тройки», главным образом среди мужчин. Эти тройки уже не уйдут до 11 часов, до тех пор, когда откроется «вино-водочный» отдел магазина. Трудно сказать, кому приходится дольше ждать момента сдачи. Тем ли, которые пришли спозаранку, или тем, кто пришел к открытию, когда уже приходится становиться за тем, «кто последний». Если последнему повезет, он может успеть сдать до перерыва в 13 часов. А не то перед самым твоим носом дверь закрывается «на обед». А приемщица свято соблюдает этот «перерывный» узаконенный час. Конечно, можно дольше живописать быт этой очереди. Дотошный наблюдатель — «хроникер», по слову Достоевского, записал бы много любопытного, относящегося прежде всего к тому, как и при каких обстоятельствах бутылки стали порожними, чему эти бутылки были, так сказать, молчаливыми свидетелями; или о попытках проникнуть без очереди, о взаимоотношениях некоторых сдатчиков с приемщицей. Но этот «фольклор» известен и по другим видам очередей. Не будем здесь касаться этой его стороны. Но вдруг, наблюдая, или стоя в очереди, подумаешь: ведь большинство граждан, проводящих время в этой очереди, трудящиеся, и тратят они на это стояние часы, и много часов, не то из трудового бюджета времени, не то из «законного отдыха», особенно в выходные дни. Неужто в стране, где так прославляется труд и где так охраняется право на «заслуженный» узаконенный отдых, часы, проводимые в этой гнусной очереди, так дешево ценятся, а по сути, и вовсе не ценятся. Ведь только жалкие копейки получит большинство за сданные несколько бутылок.

Вспоминаются почему-то сетования писателя прошлого века, правда иностранного печальника, который писал со слезами на глазах — как мало остается трудовому люду времени на отдых. И вот прошло более ста лет. Трудовой люд обрел столько времени для отдыха, и как бездарно он его тратит...

О ПЬЯНСТВЕ НА РУСИ

Пьянство в нашем современном быту поистине одна из важнейших проблем, можно сказать, проблема проблем. Проблема, с которой связаны многие насущные вопросы быта, да и не только быта нашей страны. Впрочем, разумеется, не только нашей, но именно для нас наиболее острая. О пьянстве пишут предостаточно. Не перечить заметок в повседневной печати об этом «зеленом змие». Но, насколько известно, все писания состоят именно из «постановлений», журнальных статей, более или менее случайных очерков. Серьезного монографического исследования — специальной книги в наше время как будто не написано. Да и то, появившись такая книга, она немедленно потребовала бы таких тиражей, с которыми не могли бы сравниться никакие другие сочинения, даже «Малая земля», «Целина» и т. п., на которые как будто не жалеют бумаги...

Пьянство — проблема важная и с практической точки зрения, и с научной — интереснейшая. Она связана с использованием человечеством наркотически

опьяняющих веществ поистине с незапамятных времен. По словам исследователя-этнографа, — это «универсальный культурный институт». Уже у самых примитивных народов мы находим употребление наркотических веществ, и почти все народы умеют приготовить опьяняющие вещества.

Список таких веществ весьма солиден. Назовем если не все, то наиболее известные. Это вино, пиво, опиум, гашиш, сомахаома, напитки из таких растений, как бетель, мухомор, кока, кава, алоэ, хмель, березовый сок и т. д. Со всеми этими веществами связаны древнейшие религиозные представления. Многие из названных рассматривались как божества, которым поклонялись, а следы этих культов далеко не изжиты и по настоящее время. Некоторые из этих божеств и культы, им посвященные, занимают почетные места в древнейших дошедших до нас религиозных сочинениях. На двух таких божествах, олицетворяющих опьяняющие напитки, стоит остановиться. Это божество Сомы — древнеиндийских Вед и соответствующее ему божество Хаома — древнеперсидской Авесты. Особенно интересны гимны ведийских книг, посвященные божеству Сомы. Божество рисуется так: это — верховое божество, владыка всего сущего, праотец людей, праотец шаманства, ясновидец среди жрецов, исцелитель болезней, первый певец, творец гимнов. Сомы — божество, олицетворяющее священный напиток «сома», дарующий бессмертие. Сомы принадлежит к божествам земной сферы, куда он был принесен с неба похитившим его великим богом Индрой. Индра прибегает к этому напитку для возобновления своих сил.

Как и Сомы, авест. Хаома представлялось божеством. Одновременно это первое из деревьев, которое росло в «море жизни». Оно давало здоровье, силу и бессмертие.

Не будем останавливаться на обожествленных растениях, дававших у многих современных первобытных народов аналогичные напитки. Об этом можно найти интереснейшие данные в этнографической литературе. Говоря о верованиях, связанных с обожествлением опьяняющих напитков, нельзя не упомянуть греко-римские божества Диониса-Вакха. Эти божества плодородия особенно тесно были связаны с виноградной лозой, виноградным вином. Памятники искусства скифского времени свидетельствуют о том, что распивание пьянящих напитков было чрезвычайно широко распространено и что с питьем были связаны различные культовые представления. Греки удивлялись тому, что, в отличие от них самих, распивавших виноградное вино, смешанное с водой, скифы предпочитали вино не смешанное. Грекам было известно, что скифы употребляли какие-то дурманящие растения, или их зерна, которые они вдыхали в распаренном виде и тем приводили себя в состояние транса.

Обратимся к материалам, относящимся к древнейшим периодам истории нашей страны. К дохристианской языческой эпохе восходит культовое отношение к хмелю. Само название «хмель» связывается исследователями с авестийской хаомой и соответственно с ведийской сомой. Хмель — растение, связанное, согласно памятникам фольклора и этнографии, с божеством плодородия Ярилом. Хмель изображался в антропоморфном образе. Хмелю были посвящены празднества, т. н. «хмелевые ночи». С ним связано колдовство,

в частности, с его помощью насылались такие бедствия, как моровые поветрия. Главный напиток, который производили с помощью хмеля, — пиво. Но, кроме пива, в качестве опьяняющего напитка у древних славян был распространен и березовый сок, черты обожествления которого выявлены достаточно определенным образом. Пиршества киевских князей с дружиной, надо полагать, не обходились без распивания по крайней мере меда, пива, которые не только по усам текли, но и в рот попадали.

Мне неизвестно, как отразилось принятие христианства на употребление опьяняющих напитков до татарского нашествия. При монголах, несомненно, широчайшее распространение получил кумыс. Отъявленными пьяницами рисуются некоторые великие ханы-Чингисиды.

Остановимся на некоторых наиболее важных моментах истории «питейного дела» Московской Руси. Начиная с середины XVI в. государственная власть проявляет в питейном деле особую заинтересованность. Правительство приступает к организации «кружесных дворов» — кабаков, с определенной финансовой целью — пополнить царскую казну. Практика, приобретающая, по словам исследователя, особую остроту в следующем, XVII в. Как говорится в дошедших указах, держатели кабаков — целовальники — были обязаны «перед прежним прибыли искать, ...действовать бесстрашно, за прибыли ожидать государева милости ...питухов не отгонять, и в том приборе никакого опасения себе не держать». Указанные распоряжения держатели кабаков воспринимали вполне адекватно. В дошедшем письме царю одного из целовальников, датированному 1618 г., говорится: «Я, государь, никому не норовил, правил твои государевы доходы нещадно, побивал на смерть». Как не трудно предположить, целовальник, наряду с заботами о государевых доходах, не забывал и о собственных доходах, о собственном кармане, что также нашло отражение в официальном правительственном документе, в котором говорилось: «Объявилось многое воровство, в питейной казне кража, и во многих городах недоборы».

В XVIII в. винокурение было объявлено казенной монополией. Под страхом жестоких наказаний запрещались частные винокурения. Ниже мы увидим, к каким поистине тяжелейшим для народа последствиям привели кабаки. Население обращается к властям с челобитными «свести» «кружесные дворы». Замечательным документом XVII в. является сатира на кабаки, в которой зло обсуждались бедствия, принесенные ими. Самой занимательной является сатира под названием «Служба кабаку». Безымянный автор сатиры приводит перечень завсегдаев кабаков: «Каждый человек различны дары тебе приносит с усердием сердца своего: поп и дьякон — чернецы, ... дьячки, ... мудрые философы — мудрость свою на глупость переменяют, служилые люди... князе и бояре и воеводы за еду место величаются; пушкар и солдаты тоску на себя купили; сабельники... лекари и обманщики... тати и разбойники веселятся, а холопы спасаются... жонки блуд и скарредство приносят... мужни жони... зернщики и костари... ростовщики и скупщики... купцы, десятники и доivotчики... пономари... и простые искусники... Всякий человек тя проклиняет, только тебя не лишатся. Повары... лесники... кузнецы... Егда же достигша

юношеского возраста... начаша ходить на вечера и на вино многое»... Заканчивается перечень словами: «Аще бы такие беды Бога ради терпели, воистину бы были новые мученики».

Чрезвычайно любопытно то, как автор ставит вопрос об ответственности родителей и «друзей своих» за то, как человек становится пьяницей: «Исперва неволею нудимыми бывают от родителей или от друзей своих ближних». Приведем красочные описания завсегдатая, его собственные злосчастия: «...в три дни очистится еси от нага... Без воды на суше тонет. Был во всем, а стал ни с чем». А когда все свое пропито: «А буде что найдешь или украдеши, то понеси на кабак. Пьяницы на кабаке пропити... яко на корчме всякое воровство бывает». И не только воровство. Пьяница идет ради выпивки и на прямой грабёж. Вот слова, которые вкладывает автор в уста пьяницы: «Подождем до вечера, да пока ограбим в уповании меду на ведро». Разумеется, все это не проходило пьянице безнаказанно. После пьяной ночи: «...целовальник... очистит его донага, на них же утром бесчести правит кропивным венцом увязе главу свою... в тюрьму вселился еси и тамосушую мзду трудов своих приеми». Попутно характеризуется кабатчик: «Радуйся кабаке непотребный, ненасытная утроба... радуйся корчмо несытая... хто с тобою не знаетця, тот от тебя ох нет. Что ты ныне кабаке, нареку? Дурна или безумна? ...купца ли яко инекий зверь при горах... ни паче воеводы». Красочно описывается положение дома, семьи: «Дом пустеет, голодом изнавашен, ребята пищат, ести хотят... (или)... пришед домой, детей своих разгонял». Путь спившегося, как уже отмечено, ведет в тюрьму. Но даже если тюрьма его минует: «...с сорому чужую сторону спознавает... взявши кошел и под окна пошел». Любопытно в этой сатире и то, что автор собственно само вино не обвиняет в злосчастии пьяницы: «Невинно бо есть не вино, но проклято есть пьянство с неудержанием. Создан бо есть хмель умному на честь, а безумному на погибель... в разуме... в разумие хмелем обзавеляхуся».

Второе сатирическое сочинение, связанное с пьянством, относящееся также ко второй половине XVII в., «Повесть о бражнике», в социальном аспекте несомненно менее острое, но тем не менее также представляющем определенный интерес. В нем говорится о бражнике в жизни, который после смерти настоятельно стучится во врата рая. Ряд обитателей рая, появившихся перед ним, как-то апостолы Петр, Павел, царь Давид, Соломон, Святой Николай, указывая на евангельское изречение «пьяницы царства небесного не наследят», говорят ему, что в раю ему не место. Бражник парирует запрет каждого из них, указывая, что они ничуть не больше его заслужили «царство небесное», а свой грех бражник считает гораздо менее заслуживающим наказания, чем их прижитенные прегрешения. Только Иван Богослов впускает бражника в рай по велению самого господина Бога, указывающего «онеже он имя мое славил за каждой чашею, и аз прославлю его во царствии небесном во веки веков аминь». Приведем комментарий издателя этой повести. В ней, по его словам, присутствует «несомненный отзвук» вольномыслия и сатирического изображения формального благочестия, а не защита бражников — основная цель этой повести. Вся острота повести заключена в репликах бражников. Собеседники отходят от бражника посрамленные.

От XVII в. сохранилось еще одно сочинение под названием «Сказание о роскошном житии и веселии». Вот описание некоего пиршества, интересное по своим реалиям: «Стоят велики чаны меду, сороковы бочки вина, стоновые делвы ренскова и рамонеи, балсамов и тентинов, а иных заморских питий моложе твомного, и браги, и бузы и квасу столь множество, что и глядеть не хочется... Да там же есть озеро недобе велико, исполнено вина двойнова. И кто хочет испивай, не бойся, хоть вдруг по две чаши. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк пришел пей, да и на голову лей, хотя ковшем, или ставцем припадкою, или горстем, бог в помощь напивайся. Да близко ж тово целое болото пива. И кто изволит до таких тамошних утех и прохладов, радостей и веселия ехать, и повез бы с собою чаны и чанчики, чанцы, бочки и бочерочки, ковши и ковшички, братины и братиночки, блюдца и блюдечки, торелки и торелочки, рюмки и рюмочки, чашки...»

Сатира петровского времени, по словам исследователя, выросла на основе предшествующего. Однако весь пьяный обычай был усложнен европейскими элементами в большей степени, чем в предыдущем веке. Но что отличает наступивший век от предыдущего, так это то, что тон в пьянствующем чине задавал по преимуществу двор, дворянство. Коротко и выразительно охарактеризовал положение к концу века Н. И. Карамзин: «Нравы, — пишет он, — более развратились в палатах и хижинах — там от примеров двора любострастного, здесь от выгодного для казны умножения питейных домов».

Если тема пьянства в XVII в. была одной из тем народной сатиры, то в XIX в. она овладела высокой художественной литературой, прежде всего поэзией и публицистикой. Для первой четверти века первое слово, разумеется, отведено Пушкину. Превосходные стихи поэта, в которых он воспекает вино, хорошо известны, поэтому ограничимся небольшими отрывками:

Ах ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук,
И сколько чаш, подъятых к небесам!
И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Не помня зла, за благо воздадим.
Полней, полней! И сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? О други, угадайте...
Ура, наш царь, так выпьем за царя!

19 октября 1825 г.

В полунасмешливом тоне «воспел» вино и молодой Тютчев в стихотворении «Противникам вина»:

О суд людей неправый,
Что пьянствовать грешно!
Велит рассудок здравый
Любить и пить вино...
Так станем же запоем

Из набожности пить,
Чтоб в Божье вместе с Ноем
Святилище вступить.

1820 г.

Оставляя на этом авторов высокой поэзии, для которых вино служило источником вдохновения, обратимся к другим литераторам XIX в., которые в той или иной форме — в стихотворной или прозаической — высказали свое отношение к вину и пьянству.

И. А. Крылов пустил в ход строку, ставшую наряду со столь многими его строчками расхожей поговоркой: «По мне — хоть пей, да дело разумеи». Н. В. Гоголь, говоря о чиновниках, не преминул отметить, что «палатские чиновники приносили частые жертвы Бахусу, показав, таким образом, что в славянской природе есть еще много остатков язычества», перечеркнув тем самым глубоко уходящие в глубь веков корни зла. В ином тоне об этом говорит поэт А. К. Толстой, который с явной симпатией воспеваает пиршества славян языческой эпохи:

Гости сели вокруг столов,
Мед и брага льются,
Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу...
И ковшей славянских звук
Немцам не по сердцу!

Ему же принадлежат строчки: «Коли пир, так пир горой... Выпьешь чару — отуманишься». Или, как бы оправдывая сопутствующее пьянству сквернословие, мягкосердечный герой его драмы, царь Федор Иоаннович говорит: «Да кто же слов не говорит негодных, когда он пьян». Как о самом обычном занятии своих героев-мужчин пишет Н. С. Лесков: «Время провождение было, разумеется, — картеж и поклонение Бахусу».

В том же духе писал А. П. Чехов: «Любили они муху зашибить. Бывало, мимо кабака проехать нет возможности: зайдут, выпьют стаканчик и — унеси ты мое горе», — пустив в оборот сразу две полупоговорки.

М. Е. Салтыков-Щедрин, впервые (?) вводя в литературу образ так называемого «чумазого» в качестве главного или одного из главных разорителей крестьянства деревни в пореформенную эпоху, пишет о нем: «Чумазый внедрился в самую деревню в виде кабатчика, прасола, кулака, мироеда».

Свое слово о водке сказал, разумеется, и Л. Н. Толстой, и неоднократно. Ограничимся, однако, следующим кратким его замечанием: «От ней все качества, все катастрофы от алкогольных напитков».

Не будем здесь касаться писаний литераторов XIX в., которые сами стали жертвами «зеленого змия», как, например, Глеб Успенский. Это потребовало бы уж слишком много места. Закончим наш краткий очерк о проблеме пьянства в XIX в. сокращенным изложением того, что писал о пьянстве Ф. М. Достоевский в публицистических выступлениях, где с наибольшей яростью и глубиной рисует положение дела во второй половине XIX в., что во многом вполне

может быть перенесено на положение и в наш столь славный XX в. Ф. М. Достоевский говорит о пьянстве как поистине всенародном бедствии. По словам писателя: «Матери пьют, дети пьют, церкви пустуют, отцы разбойничают». В качестве причины зла он указывает на заинтересованность правительства в доходах от водки. «Чуть ли не половину нашего теперешнего бюджета оплачивает водка, то есть по теперешнему — народное пьянство и народный разврат — стало быть, народная будущность... Мы подсекаем дерево в самом корне, чтобы достать поскорее плод». И продолжает: «Что же будет через пятнадцать лет? Кто же будет оплачивать бюджет?» Отражая распространенные в пореформенной публицистике надежды на промышленное развитие страны, Достоевский восклицает, отвечая на поставленный им вопрос: «Труд и промышленность, но какой же труд при таких кабаках?» Как и безымянный автор XVII в. «Службы кабаку», в кабаках Достоевский видит главный источник зла. Так, говоря о народных развлечениях и обращаясь к обществу, он пишет: «Развлекли ли (народ), научили чему-нибудь? Теперь повсеместно только кабак... который окупается народным развратом, воровством, укрывательством, ростовщичеством, разбоем, разрушением семейства, стыдом народным».

Заканчивая на этом обзор общих размышлений писателя относительно пьянства, приведу пару живых зарисовок, которые представляют, как и приведенные выше высказывания, далеко не только исторический интерес: «Отчего в Петербурге гораздо грустнее по воскресеньям, чем в будни? Оттого что пьяные мужики валяются и спят на Невском... среди белого... вечера». «Всего более люблю я последние дни Масленицы, когда черный народ допивается до последней степени своего безобразия... Вот двое остановились на улице, один уверяет, что он генерал, а другой ему: «врешь!». Тот бесится и ругается, а этот: «врешь!» и так до 200 раз...» В связи с этим наблюдением, Достоевский не преминул бросить камень и в сторону литературного «цеха»: «То же в литературе нашей — какая-то бесконечная пьяная бестолковая масленица».

В заключение заметок о XIX в. небезынтересно упомянуть замечание исследователя по экономическим вопросам Бабста, который писал: «Когда избытки народа так малы, что и копить их нечего, где же тут бережливость... лучше пропить последнюю копейку».

Переходя к XX в., надо, очевидно, считать, что важнейшим фактором истории пьянства в России явилось законодательное установление водочной монополии при последнем царе дома Романовых. Это был акт, который во многом определил финансово-экономическую политику правительства. Монополия впервые в России дала, правда ненадолго, устойчивую «золотую валюту». На доходы от монополии проложена великая Транссибирская железнодорожная магистраль.

Один ставший в наши дни весьма популярным, хотя и мало симпатичный, исторический романист пишет в пользу водочной монополии, правда, с определенными оговорками, следующее: «При каких обстоятельствах винная монополия может считаться явлением прогрессивным? — Только при условии, когда правительство, обеспечив себя колоссальной прибылью от продажи вина, отменит в стране все другие налоги». Автор при этом или по незнанию, или

исходя из своей концепции, не учел существенное указание писателя-экономиста XIX в., что «каждая монополия есть зло, потому что это как налог на промышленность в пользу лениности или воровства».

И не эта ли монополия послужила прообразом будущей «монополизации» государством всей экономической структуры СССР, а вместе с ней — и всей духовной жизни народа, которая стала реальной базой социализма-коммунизма.

С некоторым основанием я (автор «Заметок») могу считать себя сверстником почти всего текущего XX в. Правда, с определенной натяжкой. Век XX появился «на свет божий» на четыре с небольшим года раньше меня. Да и то, могу ли я претендовать на роль свидетеля даже и с момента моего появления на свет. Это только у таких редких персонажей мира сего, каким был Л. Н. Толстой, воспоминания о прошлом восходят почти к первым дням своего младенчества. Я же, увы, не могу причислить себя к подобным. Как свидетель событий века я вправе выступить на суде истории, как ни напряги свою память, лишь для значительно более поздних годов. И все же некие смутные воспоминания в связи с пьянством, которые можно отнести к весьма ранним годам моей жизни, всплывают в памяти. Как будто видится наяву знакомый старик, идущий в раскачку по улице и горланящий песню. Именно с этим эпизодом остались в памяти слова его дочки: «Ахти мне, батька песни запел...» Помнятся повторяющиеся рассказы о «ярманках», которые неизбежно заканчивались пьяными драками, очень нередко со смертным исходом для драчунов. Запомнился некий богатый крестьянин из соседней деревни, который приезжал в нашу деревеньку, страшно буянил и грозился всех подчистую прикончить. При этом сопровождавшие его дочка или жена все время твердили: «Брось, бать, дурить...» Значительно позже о мужике, который «дурил» напившись, я прочел в рассказе Чехова, рассказе, который мне и напомнил того мужика. О мужике моих воспоминаний говорили, что он разбогатеет, найдя какой-то клад. Сейчас я уверен, что речь шла об археологическом кладе. Нередко пьяные молодые люди из соседних деревень по праздничным дням почему-то развлекались тем, что ломали изгороди. С ним как-то связалось и воспоминание о «казенке», как называли всем известный дом с высоким крыльцом в соседней деревне. Все эти мелкие события происходили, безусловно, еще до Первой мировой войны. В годы войны самогонная волна дошла и до нас.

Несколько большее значение автор придает приводимым ниже рассказам из более позднего собственного опыта, в которых зафиксированы некоторые не отраженные в литературе черты быта, связанные с темой пьянства. Ими же предполагаю закончить текст заметки, полагая, что в ней можно увидеть элементы и явления, восходящие к традициям отдаленного прошлого, что и является главной целью «Заметок» в целом. Что касается «писменных источников», то их использование в полной мере оставляю на долю других авторов. Их число настолько велико, что управиться с ними в пределах «заметки» автор оказался не в состоянии. Одно только замечание автор позволит себе еще сделать здесь. XX в. при всех переменах, которые он принес, в отношении пьянства полностью и даже с лихвой продолжает и «углубляет» традиции, унаследованные от предшествующих веков русской истории в еще большей мере, чем в явлениях,

рассмотренных в других заметках. Тем самым оправдываются многочисленные эпиграфы, в сущности, повторяющие изречение Экклезиаста: «Ничто не ново под луной». Все же приведу еще несколько кратких замечаний из письменных источников. Одно из них принадлежит едва ли не главному автору и проводнику водочной монополии Ю. С. Витте, который не то с сожалением, не то с огорчением отмечает: «У нас мало пьют, но много пропивают». Другое принадлежит справедливо забытому в истории литературы XX в., но занимавшему много места в газетах своими стихотворениями и потому широко известному Д. Бедному, который отвел пьянству роль одного из китов, на которых покоится Россия: это «кит рабства, кит темноты и кит — пьянство». Могу привести цитированного автора исторических романов, который в одном из них, посвященном последнему царствованию в России, пишет: «Почему ныне царствующий император согласился стать в стране главным кабатчиком? — Помещика Винокура не могла удовлетворить система, при которой он зависел от сбыва вина в частные руки. Это грозило ему неприятными последствиями. На частного предпринимателя перекупщика всегда труднее воздействовать, нежели на казенного».

ДИССИДЕНТСТВО НА РУСИ И ТРАДИЦИИ БОРЬБЫ С НИМ

Русский язык, столь приспособленный к адаптации иноязычных слов, в последние годы обогатился примечательными новыми терминами, среди которых выделился термин «диссидентство». Слово это вошло в обиход как-то вдруг. Как понятие, пришедшее извне, оно, наподобие много другого, иноземного, воспринято с определенным враждебным оттенком, особенно в официальной печати. Изредка встречающееся, равнозначное диссидентству, исконно русское словообразование «инакомыслие» употребляется явно неохотно. Очевидно, как более точное понятие по смыслу, в широкий обиход оно не пускается из опасения, как бы не вызвало нежелательные размышления. Инакомыслие — такое ли оно одиозно-дурное понятие, и не возбуждает ли оно представление о наиболее характерной черте в развитии русской общественной мысли?

И действительно, обратившись к историческому прошлому, мы без труда обнаруживаем, что традиции современного «инакомыслия», сиречь диссидентства, в своем общем направлении, поскольку оно находило отражение в литературе, насчитывает уже четыре с лишним столетия. В каждом из этих столетий мы обнаруживаем одного или несколько литераторов, инакомыслие которых направлено в совершенно определенную сторону — против носителей «такомыслия» в лице верховной государственной власти. Последняя обычно на такое инакомыслие отвечает определенным «делом» — свойственными для данной эпохи мерами борьбы с ним, изредка выступая и в качестве литературного оппонента по отношению к писанию диссидента.

Первым таким диссидентом в истории России мы должны по праву назвать князя Курбского, а его оппонентом Ивана Грозного. Суть инакомыслия Курб-

ского, как и ответное «такомыслие» Грозного, вполне однозначно выяснено в русской историографии. Курбского можно считать и первым избравшим эмиграцию за пределы страны, откуда он мог беспрепятственно излагать то, что имелось у него на душе. Грозному ничего не оставалось, как в свою очередь высказать в литературной форме то, что он думал о корреспонденте в выражениях гневных. Доступные же средства непосредственного удовлетворения своего гнева Грозный направил на тех, кто прислушивался к мыслям Курбского. Эти средства были для той эпохи вполне определенными и нашли свое выражение в литературном памятнике, составленном самим Грозным, — его Синодике, с перечнем сотен казненных им лиц. Таким образом и были заложены едва ли не основные черты традиции, связанной с диссидентством эмиграция за пределы государства — со стороны носителя инакомыслия и методы борьбы с ним — со стороны государственной власти.

Знаменитейшим диссидентом XVII в. (по терминологии того века «раскольников») выступает поразительный по силе литературного таланта и одновременно по силе характера протопоп Аввакум. В отличие от Курбского, он пренебрег возможностью эмиграции, и потому его главному оппоненту, патриарху Никону, не составило особого труда сослать неумного протопопу сперва в предсибирский Обдорск, а затем и отправить на костер. «Литературным» ответом Никона была «вечная анафема» своему противнику. Намерение Никона указанными средствами искоренить самое «инакомыслие» Аввакума явно потерпело неудачу. В этой неудаче уничтожения раскольничества в немалой степени был повинен и сам Никон, тем что он украсил голову Аввакума венцом мученика — ореолом слишком соблазнительным для человеческой души... Ниже мы столкнемся с фактом, когда ошибочный акт Никона был учтен.

Но перейдем к последним десятилетиям восемнадцатого века. Мы снова встречаемся с инакомыслием в лице литераторов Новикова и, особенно, Радищева, оппонентом которых выступает Екатерина Вторая. В сей просвещенный век сама монархиня, причастная к просветительству, хотя и напуганная плодами Просвещения, которыми ознаменована французская революция, не решилась все же в полной мере обратиться к традиции прошлого века. Она отравила и того и другого в ссылку в Сибирь. Что касается главного литературного сочинения диссидентства — книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», то в «литературном» ответе на него Екатерина явно обошла молчанием идейную сторону содержания книги. В своем рескрипте она обвиняет автора в стремлении «исторгнуть у нее трон», а самую книгу велит предать сожжению.

История диссидентства в XIX в. — тема обширно разработанная, так что наметим только традиционные приемы борьбы с инакомыслием в практике государственной системы, упомянем важнейшие движения, связанные с инакомыслием в этом веке и назовем наиболее выдающихся проповедников-идеологов его.

Разумеется, говоря о диссидентстве XIX в., прежде всего следует упомянуть декабристов. И хотя знаменитый историк О. В. Ключевский говорит о восстании декабристов как о явлении незначительном, лишь обросшем большой литературой, но именно последняя, т. е. литература, посвященная декабристам, в том

числе и та, что появилась в советское время, как по своему объему, так и по значению как раз говорит, наоборот, о чрезвычайной важности его в истории русской общественной мысли. Отослав читателя к обобщающим работам неустоимого исследователя академика Нечкиной, мы только напомним, что государственная власть в лице Николая I ответила на попытку претворить в жизнь идеи, воодушевлявшие декабристов 14 декабря 1825 г., виселицей для пяти наиболее видных предводителей восстания и ссылкой в сибирскую каторгу 120 других его участников.

Можно отметить, что в самое недавнее время опубликованы материалы, согласно которым в обществе принято муссировать разговоры о том, что монарх по своему «великодушию» наказал только тех, кто был замешан непосредственно в бунте, но не преследовал за их взгляды и теории. Этим «великодушием» Николая как будто объясняют и его отношение к Пушкину, связь которого с декабристами и то, что он разделял их идеи, не было тайной. Кажется, и у самого Пушкина можно найти намеки на это. Единственное, что можно сказать, — что двенадцать лет жизни и творчества Пушкина после декабря 1825 г. были великим даром судьбы истории русской культуры. Но сам Пушкин расплатился за эту милость царя достаточно тяжелыми идейными испытаниями, а в конце концов самой жизнью. Как бы то ни было, в традиции борьбы с инакомыслием была вписана новая черта — массовая сибирская каторга и виселица. Но и на этот раз ни той ни другой мерой потушить самое инакомыслие не удалось.

После подавления восстания декабристов в первой половине XIX в. два глашатая инакомыслия выступают на первый план. Это Чаадаев и Герцен. Инакомыслие первого обложено в такую отвлеченно философскую тогу, что для государственной власти было трудно подвести его под наказуемую статью закона. И вот в чьей-то государственной голове впервые в истории борьбы с инакомыслием родилось предложение объявить Чаадаева сумасшедшим, «идея», которую с успехом будут применять и позже. Вот как пишет об этом «Современник»: «На Чаадаева смотрели как на смутьяна, умника и сумасшедшего — понятия синонимы. Чаадаев высочайше был объявлен сумасшедшим». (Не был ли сам Николай изобретателем этой «идеи»?) Как известно, Пушкин, отнюдь не считавший Чаадаева таковым, а, наоборот, высоко ценивший его ум, счел нужным заметить не без упрека, что его писания хотя и справедливы, «но зачем об этом говорить вслух?» Нельзя не отметить, что Грибоедов, сделав Чаадаева прообразом Чацкого, рисует ум последнего не очень высоким или, во всяком случае, делает ум его причиной горя.

Сам Чаадаев ограничился замечанием, «что сказать человеку — ты с ума сошел — не мудрено». Известно, что Чаадаева вынудили к освидетельствованию врачом. Впрочем, после освидетельствования Чаадаев вернулся к светской жизни. Такой результат освидетельствования нужно отнести на счет несовершенства психиатрической медицины того времени. При современном уровне этой науки последствия освидетельствования имели бы для пациента иные последствия...

«Случай» Чаадаева не прошел бесследно в русской литературе. Гоголь жалует: «Почти в глаза автору (знаменитых “Выбранных мест из переписки с дру-

зьями») стали говорить, что он с ума сошел, и приписывал ему рецепты от умственного расстройства». Говоря о Гоголе в связи с объявлением его сумасшедшим, нельзя пройти мимо его «Записок сумасшедшего», мимо Поприщина. Совсем недавно в одном из сборников «Вопросов литературы» (№ 6, 1979 г.) напечатана любопытная статья Г. Макогоненко «Медный всадник» и «Записки сумасшедшего». Евгений из «Медного всадника» припилен к Поприщину, герою «Записок», несколько механически. Нельзя, однако, согласиться с трактовкой сумасшествия Поприщина как проявление болезненного честолюбия, как мания величия. Для него, Поприщина, дело не в званиях, не в происхождении. Главное — человек. «Мне подавайте человека! Я хочу видеть человека!» — записывает Поприщину. Макогоненко не без основания продолжает: «В тридцатые годы проблема сумасшествия становилась и проблемой социально общественной. Гоголь, по его мнению, показывает... трагедию пробудившегося свободного сознания, и что трагизм судьбы человека не только в том, что окружающие его мучители гонят, преследуют, отнимают свободу, растаптывают личность, а прежде всего в том, что нет выхода, нет надежды вырваться из этого сумасшедшего дома — России». Г. Макогоненко, углубившись в анализ этого образа, оспаривает некоторые прямолинейные суждения о Поприщине как о социальном бунтаре и протестанте-обличителе и приходит к выводу, что в лице Поприщина Гоголь показывает... трагедию пробудившегося свободного сознания человека, и что перед нами «комплекс сознания восходящий к Сократу, но с иной судьбой. В конце концов, как известно, Поприщин действительно сошел с ума, чему не в малой степени, правда, содействовала "терапия", примененная к нему в сумасшедшем доме того времени — битье палкой и струя холодной воды над обритой головой...» Мелькнувшее выше имя Сократа не случайно оказалось связанным с вопросом о сумасшествии Поприщина. В также недавно опубликованной статье исследователя античной письменности С. Аверинцева, посвященной Сократу, автор пишет о нем как о «вечном символе прав уединенного ума, ответственного только перед истиной и в невольном отщепенстве додумывающего свою мысль до конца». Действительно, мы ниже встретимся с фактами, когда умственное расстройство сопряжено с понятием отщепенчества. Но об этом позже.

Возвращаясь к собственной истории диссидентства, остановимся на имени Герцена. И в данном случае мы вынуждены особо оговориться, что здесь не может быть и речи о полноте характеристики значения Герцена в истории русского инакомыслия. Герцен с его «колокольным» набатом в истории общественной мысли XIX в. занимает такое большое место, а литература, посвященная ему, столь обширна, что ограничимся лишь наиболее важными аспектами его значения. Сейчас можно считать общепризнанным, что Герцен является основоположником революционного движения в России, которое с такой силой развернулось во второй половине XIX в. Это движение отмечено, в частности, именами таких ярких представителей инакомыслия, как Чернышевский, Бакунин, Плеханов, Ленин. Деятельность последних трех, как известно, также протекала в течение многих лет в эмиграции. Разумеется, что направление и характер инакомыслия названных лиц прямолинейно выводятся из идеологии Герцена не приходится. Также далеко не одинаково и их отношение к Герцену.

Тем более, что практическая сторона их революционной деятельности отличается несравненно большим радикализмом, чем деятельность Герцена. Однако выдающаяся роль Герцена признавалась всеми и весьма единодушно. Отметим еще один момент в связи с именем Герцена. Герцен — первый из инакомыслящих, кто при жизни своей увидел осуществленной главную цель, которой была посвящена его деятельность, освобождение крестьян от крепостной зависимости.

Мы не можем здесь касаться деятельности других названных выше представителей инакомыслия второй половины XIX в. Отметим лишь одну сторону биографии Чернышевского, относящуюся непосредственно к сути нашей темы. Процесс над Чернышевским завершился приговором к ссылке подсудимого в Сибирь. Как известно, приговор был встречен общественным мнением с возмущением. И вот среди верхушки царской администрации нашелся человек, который, надо полагать, учел невыгодность для власти предложенной судом мер наказания и предложил Чернышевскому вместо Сибири эмиграцию за границу. Этим деятелем был петербургский губернатор А. А. Суворов. Об этом эпизоде рассказывает сам Чернышевский, называя генерал-губернатора «единственным здравомыслящим человеком царской администрации». Чернышевский решительно отказался от его предложения, добавляя, что «эмиграция дело вздорное, недостойное, бессмысленное». Эпизод этот надо признать весьма знаменательным. Государственная власть в лице видного своего представителя напустила меру для борьбы с инакомыслием посредством выдворения из страны своих противников, меру, которая должна была нейтрализовать нежелательную реакцию либерального общественного мнения. Будучи с этой точки зрения безусловно удобным средством борьбы, выдворение, однако, таило в себе и немалую опасность, поскольку умножало и без того все увеличивающийся поток политических эмигрантов за границу, в среде которых оттачивалось как идейное оружие диссидентов, так и организованные формы их борьбы. Кроме того, появление за границей больших групп враждебных правительству элементов должно было привлечь к себе внимание, склоняя общественное мнение западных стран не в пользу русского правительства, к чему царская власть была весьма чувствительна. В этом отношении достаточно характерна деятельность эмигранта Степняка-Кравчинского и американского публициста Кенана. В связи со сказанным укажем на недавно вышедшую работу, посвященную первому, и на нашумевшую книгу второго, опубликованную в 1888 г.

Начиная с 1880-х гг., в истории русского инакомыслия на передний план выдвинулась фигура графа Толстого, однако, это было инакомыслием совсем иного порядка — инакомыслие, направленное против всех форм «такомыслия»: и всего политического, и церковного, и научного, а в немалой степени и против самого «инакомыслия». В связи с инакомыслием Толстого приведем только несколько эпизодов, характеризующих те средства борьбы с Толстым, к которым прибегала государственная власть, оказавшиеся, впрочем, мало эффективными. С самого начала, как можно полагать, именно со стороны государственной власти или близких к ней кругов общества начала распространяться версия о сумасшествии писателя. Вот запись в дневнике Достоевского (за 1880 г.): «Слыш-

но, — писал он, — что Л. Н. Толстой совсем помешался». Однако версия оказалась, разумеется, мертворожденной. Правительством предлагались и более действенные меры против Толстого.

Однако глава государства Александр III понимал, что привычные меры в данном случае неприменимы. И соответствующие донесения о «вредных» деяниях писателя он лаконично надписывал: «оставить без последствий». И еще более выразительно заявил, что Толстой «не получит от него мученического венца». Правительству не оставалось иных средств борьбы с Толстым, как запретить печатать его сочинения и перенести карательные меры на тех, кто эти сочинения распространял подпольно, оставив самого автора в покое. Несуразность и жестокость этих мер остро переживал прежде всего сам Толстой. Характеризует положение известный эпизод посещения Толстым московского генерал-губернатора Закревского после ареста и ссылки одного из распространителей очередного запрещенного сочинения Толстого. Обратившись к генерал-губернатору с просьбой о пересмотре дела ссыльного, Толстой указывал на несуразность такого положения и определенно высказал желание самому нести ответственность и наказание. На это он получил в ответ следующее: «Ни одна наша тюрьма не сможет вместить, граф, вашу всемирную славу». Известно также, что правительством рассматривался вопрос о высылке Толстого за границу. Но такое решение не было принято. Более того, Толстому был запрещен даже кратковременный въезд в Швецию для участия во всемирном конгрессе. Правительству даже пришлось через посредство высшей церковной власти — святейшего Синода — прибегнуть к «анафеме» Толстого, как отступника от православия. Но вопреки намерению анафема только увеличила славу всемирно известного «диссидента».

С именем Л. Н. Толстого мы вступаем в историю русского диссидентства XX в. Главные общеисторические события первых двух десятилетий привели к тому, что весь прежний характер диссидентства изменился самым существенным образом. На смену индивидуальным диссидентам пришло организованное партийное «диссидентство» — личностей, выступающих отныне уже в качестве не просто инакомыслящих, а в роли вождей массовых движений. Общеисторические события — это Русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая мировая война, сопровождавшиеся тремя революциями. Из трех революций поистине роковой для истории страны стала Октябрьская 1917 г., изменившая едва ли не весь ход мировой истории. И вот не то парадокс, не то (вернее) гримасы истории: революция, которая, казалось, осуществила самые высокие цели и идеи инакомыслия и, как казалось, была призвана отменить существовавшие формы борьбы с ним, обернулась таким образом, что именно прежние методы расцвели невиданно пышным цветом и в невиданных масштабах.

Главной формой борьбы с инакомыслием становится каторга, переименованная в «концлагеря», с тем отличием от прежней каторги, что вместо ограниченного числа осужденных концлагеря стали поглощать миллионы. Еще одной формой борьбы советской власти можно считать вольных или невольных эмигрантов, рассеянных ныне по всем континентам если не миллионами, то сотнями тысяч. Сейчас принято говорить о трех «волнах» эмиграции — о первой,

начиная с Октябрьской революции и до Второй мировой войны, о второй — целиком вызванной Второй мировой войной, и третьей — уже непосредственно связанной именно с диссидентством. О «диссидентстве» в прежнем значении этого понятия в течение полувека после Октябрьской революции говорить не приходится. В широком обиходе стали доминировать совсем другие понятия, к которым прежнее «диссидентство» никак не подходит. Их заменили такие понятия как «классовый враг», «враг народа» и соответствующие классово-враждебная или антинародная идеология или что-то еще в этом же роде. Не берусь сказать, когда в советской печати впервые стали применять так называемые «новые» понятия — «диссидентство» или «инакомыслие». Рубежом, надо полагать, явились XX и XXI съезды КПСС, когда были объявлены «неудобными» ранее употреблявшиеся понятия, такие, например, как «враг народа» и др. Период этот известен под названием «оттепели». И хотя последняя оказалась отнюдь не предвестницей «весны» с ее теплом, все же вслед за ней не вернулись и прежние «морозы» в их полной силе. Правда, продолжалось провозглашение идеологической непримиримости, отвергалась «идеологическая конвергенция», но вместе с тем постепенно возвращались и знакомые понятия. Чтобы определить более или менее точно начальную дату применения в нашей печати самого слова «диссидент» или «инакомыслящий», потребовались бы специальные розыски. Вероятно, когда-нибудь будет установлено, кто же первым был украшен титулом «диссидент», скорее всего, это был один из тех, кто первым предстал перед судом за свое инакомыслие.

Но так или иначе сейчас «синодик» с именами «диссидентов» столь обширен, что привести его, разумеется, нет возможности. Поэтому мы ограничимся именами двух замечательных людей, которые по праву возглавляют современное русское «диссидентство».

Ими являются Александр Исаевич Солженицын и Андрей Дмитриевич Сахаров. О втором — в отдельной заметке. А здесь — об Александре Исаевиче Солженицыне.

Солженицын — автор, знакомый советской читающей публике прежде всего своей повестью «Один день Ивана Денисовича» и рассказом «Матренин двор» — о той Матрене, «на которой земля держится». Ленинская премия, которой он был удостоен за «Один день» также немало способствовала его популярности. Можно полагать, что очень многим в Советском Союзе известен его «Раковый корпус» в виде толстого тома полунапирисной бумаги, на которой он был «издан» посредством пишущей машинки — «самиздат». Как известно, знакомство с сочинениями Солженицына у нас вдруг оборвалось (как и само его пребывание на советской земле). Но превратить Солженицына, как это обычно практиковалось в нашей печати, в «несуществующего» не удалось. Какими бы нежелательными ни были упоминания о нем, просто обойти его молчанием оказалось невозможным. Недостаточными оказались и обычная ругань и обличения. Две его книги, напечатанные типографским способом, хотя и не у нас, стали предметом «квази»-литературоведческого разбора. Это «Август 14-го» и «Архипелаг ГУЛАГ». Две обширные статьи, посвященные первой, авторами которых выступили историки — поляк и более или менее известный

историк Яковлев, доступны советскому читателю. Уже при самом поверхностном чтении этих статей недобросовестность их авторов вполне бросалась в глаза. Они оспаривали те главные установки Солженицына, которые явно совпадали или даже зависели от оценок, данных большевистской критикой Первой мировой войны. Их мы, однако, касаться не будем.

Ниже приводится неопубликованное письмо автора «Заметок» — его отклик на книгу «Раковый корпус», книгу, ставшую особо известной на Западе.

Итак, из неопубликованного письма по поводу «Ракового корпуса»:

«Уважаемый Александр Исаевич! Пишет Ваш современник и больше того, возможно, сверстник. Из галереи персонажей “Корпуса” мне ближе всего Шулубин, хотя, в общем, моя личная судьба сложилась более благополучно, чем у Шулубина. Я не попал в те 10–15% от общего числа человеческих душ нашей страны (без военных потерь), которые были обречены не то слепой судьбой, не то злой волей одного человека на физическое и нравственное истребление. К сожалению, мне не удалось изучить досконально или попросту внимательно прочесть Ваш “Корпус”. Более 500 страниц, напечатанных на папиросной бумаге, внимательно прочитать в бывший в моем распоряжении один вечер оказалось невозможным. Но, кажется, кое-что из главного я уловил, и именно как сверстник хотел бы высказаться по поводу Вашей книги. Я уже сказал, что моя судьба сложилась лучше (внешне), чем у Шулубина. Добавлю, что я считаю ученым, но в другой области, а именно в исторической науке, в разделе ее, в котором хотя и бушевали страсти, и “боги жаждали”, но в области находящейся как-то в стороне от “большака”, по которому неслась колесница судьбы. И я оказался в числе “вундеркиндов”, дотянувших до знакомства с Вашей книгой, пребывая, в общем, на поверхности. Для успокоения собственной совести иногда вспоминаются и одна-другая “луковицы” (см. грешницу Достоевского), которые если и не обеспечат мне пропуск в райскую обитель, возможно, задержат где-то поверх кругов ада. Но довольно о себе. Ваша книга — документ целой эпохи, документ с большой буквы, и она таковым и станет для историков. Достоинств или недостатков чисто литературных едва ли стоит касаться, тем более что читать пришлось в аллюре, для такого разбора неблагоприятном. Уж так сложилась история духовной жизни России, что художественная литература оказалась доминирующим фактором, фактором всеобъемлющим в интеллектуальном и даже в политическом развитии народа в последние два века. Например, философская мысль, как самостоятельная отрасль в истории русской духовной жизни, едва начала складываться в конце прошлого и начале нынешнего века и была придушена под корень революцией. Но что самое интересное, так это то, что и наиболее крупные философствовавшие русские писатели, по существу, были художниками. В Вашей книге мелькнуло имя В. Соловьева. Этой действительно крупнейшая фигура в истории русской философии, но, вообще-то, он был прежде всего поэт. И даже историк Ключевский — это едва ли не прежде всего художник слова. Характерен ведущий философский журнал России XX в. Его название “София” — слово, обозначающее “мудрость”, но не собственно философию, науку, общо говоря, рационалистическую, имеющую дело с ограниченной научной сферой познания. (Это не совсем точно, но я не хочу углубляться

в дефиниции.) Дело в том, что в понятие “София” вкладывалась вся духовная жизнь человека без ограничения отдельных ее сфер. Но, увы, без ограничений нет науки, или, вернее, нет возможности вести исследования, дающие т. н. “научные” результаты. Поясню сказанное: можно высказать мудрейшие положения (ср. восточные мудрости, сентенции — их мириады, или поговорки, пословицы, в которых бездна той же мудрости), но это не философские системы, которые убеждают, которые обладают обаянием научной значимости, достоверности, по крайней мере временной. В отличие от России на Западе доминировала именно философия в ограниченном понимании слова.

И крупные писатели-художники Запада шли в фарватере вослед за философской мыслью. Конечно, философская мысль Запада оказала влияние, как это хорошо известно, и на русскую литературу. Извините, если это вам покажется азбучно известным: в первой половине XIX в. — влияние Гегеля и Шеллинга, в начале шестидесятых — Фейербах, ну и, конечно, марксизм и... А вот недавно вышла книжечка, очень интересная, “Кант и Достоевский” (или наоборот). Впрочем, стиль Достоевского, по моему мнению, это художественное воплощение диалектики Гегеля. Но все это влияние философской мысли Запада не было органически усвоенным. “Что немцу здорово, то русскому ... октябрь”. Многие было воспринято поверхностно, многое дало трагические результаты. Ни одна мысль, во всяком случае, не была доведена до конца. Новая идея накатывалась на предыдущие, оставляя предшествующую непереваренной. Идеи, мысли сталкивались в хаотическом водовороте. А в горниле художественной литературной переработки все они приобрели в совокупности какое-то колдовское обаяние. Но увы, колдовство не ведет к действию, оно ведет к путаным, противоречивым поступкам и неразберихе. Именно таким и оказалось влияние таких художников слова, какими были Достоевский и Толстой. Конкретно об идеях. После французской революции основная идея XIX в. — идея демократии, политической всеобщей свободы. Свободы, якобы, позволившей (или долженствовавшей позволить) отдельному человеку проявить себя, выдвинуться в любой сфере деятельности. Задал тон в овеществлении этой идеи не кто иной, как Наполеон. В литературе XIX в. этот отдельный человеческий индивидуум и стал “героем” романа. Указывая на влияние, которое оказала идея “человека” на русский роман, я позволю себе ограничиться, назвав Достоевского (Раскольников и Наполеон, Подросток и Ротшильд). В экономике идея воплотилась на Западе в классическом капитализме. К счастью, а может быть, и к несчастью, Россия этапа настоящего классического капитализма так до конца и не пережила. Период двух-трех поколений с 1862 по 1914 гг. оказался слишком коротким для того, чтобы сложилось буржуазное общество, устойчивое и законченное (об отсутствии законченности форм в русском обществе очень сокрушался Достоевский, ища их в отживших феодальных формах (см. “Идиот”, “Бесы”).

Но вот что произошло на Западе. Гегель был не дурак. Он видел диалектику не только в идеях, но и в истории. XIX век предельно наглядно подтвердил эту диалектику. Вместе с буржуазным “человеком” (теза) начало все больше и больше о себе заявлять нечто противоположное “человеку” (антитеза) — “масса” — не нация в старом понимании, а масса — класс, с интересами, диамет-

рально противоположными “человеку”. Не преминул появиться у Гегеля и талантливый ученик (надеюсь ясно, о ком идет речь). Разумею автора “Пролетарии всех стран...”. Должен сказать, что в идейной истории XIX в. Карл Маркс оказался не единственным. Запад дал и Дарвина с происхождением видов — “идеей прогресса”. И вот на далеко непереваренную идею “человека” нахлынули в русскую общественную мысль новых идей. И тут пошла неразбериха, в которой и пробахталась русская литература конца XIX — начала XX в. Октябрь окончательно утвердил истину идеи “масс”. И какой эта идея оказалась поистине бесценной находкой! “Опираясь на массы”, “во главе масс”, “прислушиваясь к голосу масс”, “по требованию масс”, “в интересах масс” — провозглашая такие слова-лозунги, чего только нельзя сделать? И действительно, чего только ни вытворяли, прикрываясь “заботами о массах”. И как можно отказаться от такого безотказного оружия и орудия, как “массы”? Здесь маленькое примечание: собственно понятие “массы” не единственное. Когда фашизм противопоставил “массе” слово “нация” в качестве мифа (идеи) XX в. — это слово было с успехом применено. Так же и слово “народ”. “Народ требует”, “враг народа” — как-то даже с оттенком “благородной старины” — сравните пушкинское “народное мнение” — это, конечно, тебе не “буржуазное общественное мнение” — газетопорожденное. В великом единоборстве “народного СССР” с нацистской Германией победил первый. А что он получил, этот народ, за “народный подвиг” (можно без кавычек), про то Вы знаете и без меня. Но вовсе не эссе об истории общественной мысли в России я собирался Вам доложить. Я имел в виду оценку Вашей книги с точки зрения историка (а я, как отметил, считаю себя принадлежащим к этой категории граждан), Вашей книги — как исторического документа. Ваша книга написана с позиции идейных “пережитков” XIX в. У Вас все время перед глазами отдельная личность, человек, сохранивший, к своему несчастью, способность страдать и — что равносильно страданию — думать. Именно это делает Вас неприемлемым для нашего общества, а Ваше сочинение неподходящим для того, чтобы быть напечатанным нормальным типографским способом, т. е. в виде “массовой” книги. Я просто не представляю себе, как миллионный тираж Вашей книги войдет в рубрику “Наши великие культурные достижения”. Ведь именно многомиллионные тиражи книг наших “корифеев” от литературы — главный показатель “высокого” положения литературы в нашей стране. При таких тиражах разве имеют значение литературные качества и содержание книги? Кроме того, Вы пренебрегаете и неизбежным нашим методом “социалистического реализма”, а ведь он истинная находка для писателя. Утром получил зарядку, прочтя передовицу любой газеты (перепечатку из “Правды”), и строчи себе до обеда, а по написании и одобрении — подсчитывай тиражи. Конечно жизнь (и передовицы) заставляют иногда пересмотреть кое-что в напечатанном, требуют заменить кое-какие имена, ситуации и т. д. Но в целом благодаря социалистическому реализму нигде писателю — “члену союза” не живется так вольготно, как сейчас у нас — ни в прошлом у нас же, ни теперь в остальном мире. И вот на этом великолепном фоне общего благополучия литературы появляется Вы со своим “человеком”, выходцем из реализма XIX в., думающим, сопереживающим, критикующим и, заметим,

не “пережитки”, а очень существенные черты настоящего, да и как критикующим... пускающим такую критику, по которой много “человеков” могут подписаться. Но могут возразить: а напечатали ведь “Ивана Денисовича”, а что в нем “социалистического”? Подумаешь, открыл “перегибы”, “культ”. Да мы же сами с самой высокой трибуны признали, что это было “нехорошо”. А реабилитация? Ведь напечатали же “Матренин двор”, хотя как-то странно читать в эпоху построения коммунизма, что весь мир так и держится на “Матрене”. “Матрена” что ли запускает в космос, и, заметьте, первой, спутников. Даже смешно. Но и мимо Матрениных остатков можно пройти и даже шляпу снять. Но “Корпус” — это дело серьезное. Ну как можно такое написать? Кто мог бы подумать до 1955 г., что у нас существует вообще нечто подобное? Да у нас лучшее в мире медобслуживание. Нет нигде в мире столько больничных коек, как у нас (на 100 или 1000 человек). Спросите у любой африканской делегации. А обстановочку он нарисовал! И подумать только, такое ответственное лицо, как Павел Николаевич, наметили в общий корпус! Как будто у нас нет правительственных лечебных заведений? Вот и сразу видно, что автор реального положения дел не знает. Он не только не социалистический реалист, но и вообще же реалист. С одним положительным героем не справился. Что и говорить об остальных персонажах? Все какие-то ущемленные, на людей нашего здорового общества не похожие типы. Больше того, с каждой страницы так и проглядывают длинные уши идеала самой густой окраски. В незабываемых тридцатых годочках, да и в конце сороковых — начале пятидесятых его бы за один его идеализм познакомили с телятами Макара, пасущимися в достаточно отдаленных местах. Конечно, сказанное можно и парировать, например соображением, что и независимо от идеализма и сам автор “Корпуса”, и многие другие знакомились с местом пребывания Макаровых телят и дальше. Разумеется, на этом воображаемый диалог не кончился бы. Павел Николаевич нашел бы, что ответить. К примеру, чем плох был бы столь испытанный ответ: “Зато у нас нет расовой дискриминации”.

Но пора кончать. Что же все-таки представляет собой “Корпус” в качестве исторического документа? Это сочинение, ратующее за “человека”, представленного даже с самой слабой стороны его сущности, подверженного болезням тела и души, как существа мыслящего, а иногда даже мечтающего о синеи птичьего счастья, нуждающегося в любви и в нравственном оправдании своего бытия — т. е. как раз в том самом, что не без успеха разрабатывалось литературой XIX и частично в XX вв., но никак не созвучно эпохе развернутого строительства коммунизма. Но поскольку книга написана именно в эту эпоху, она и является потрясающим по силе документом о неистребимости этих “слабых сторон” человеческих душ и тем самым позволяет усомниться в том, что коммунизм — идея, предназначенная для человека, а если копнуть глубже, то и в нужности коммунизма для “масс”. Ведь и “массам” хорошо бы сохранить душу, способную откликнуться на призыв к добру и, наоборот, противостоять злу. Но не могу я в памяти своей отыскать случая, когда “массы” наши проявили порыв к доброду. А ведь столько раз представлялась такая возможность. А случаи наоборот все мы знаем. Лично я не могу забыть 1935 г., когда из Ленинграда высылали эшелонами безусловно безвинных, чаще всего престарелых “бывших”.

И за что? За темное убийство Кирова, в котором они, “бывшие” уже, безусловно, не были замешаны. А вот массовые собрания на заводах не заступились, наоборот, единодушно требовали очистить “колыбель революции” от нечисти. Да и репрессии в отношении военнопленных уже, кажется, задевшие и сами “массы”, остались без протеста со стороны этих “масс”. Но и об этом Вы осведомлены лучше, чем я. Позволю себе еще одно маленькое замечание к вопросу о реагировании масс по другому случаю. Имею в виду свирепые репрессии против части самих “начальников” — руководителей и воспитателей “масс”. Ничего иного, кроме как: “Чего им не хватало? Пайки-то какие получали! На машинах разъезжали!”, и прочее в этом роде. Вот как обернулась, в частности, воспитательная роль нашей художественной литературы. Вы как-то упоминали стихи некоего немецкого поэта, воспевающего “ненависть и любовь”. Советскому читателю более памятли “подвалы” в газетах основоположника “социалистического реализма” и одновременно “гуманиста” М. Горького, в которых он призывал к ненависти, к воспитанию этого чувства, не учитывая, что ненависти и обучать-то нет нужды.

Но меня, кажется, несколько “занесло”. В целом тому, что Ваши герои говорят, тем иллюстрациям, которые они приводят, я мог бы провести и многие другие параллели, как, впрочем, и очень многие другие Ваши сверстники. Но сказали об этом Вы, и так сказать едва ли кто другой сумел бы. Это и делает Вашу книгу таким важным историческим документом, с которым, думаю, человечеству придется или, вернее, следовало бы считаться. Будущие историки, во всяком случае, включают его в число важнейших источников по истории нашего времени. Современники же должны быть благодарны Вам за то, что они по крайней мере не остались перед лицом истории безмолвным стадом животных, спокойно пережевывающих жвачку, в то время как часть стада угоняют на бойню. Вы от имени многих и многих сказали нужное слово.

С искренним уважением.

P. S. Уже после того, как было написано письмо, я прочел в книге издания 1967 г. (Ж. Видаль. “Куда ведет Китай группа Мао-цзе-Дуна”) — книгу очень интересной, которую следует прочесть для того, чтобы понять, как мало значит для “истории ее собственный опыт”, а также многое другое — на стр. 272 и следующее: “Марксисты, основывающие свою теорию на материализме, не могут рассматривать личность как фактор, определяющий состояние общества. Наоборот, уровень материального развития общества, состояние производительных сил обуславливает суть личности. Сознание зависит прежде всего от материи...” и т. д. Это писал “просвещенный” француз. При таком утверждении — какое значение может иметь писк отдельной личности? А Ваша книга — это пренебрежительнейший писк личности, который (писк) хотя и мало значит, но все же раздражает “материю”... Вот вам и цитата в обоснование “научности” моих соображений по поводу Вашего “Корпуса”.

P. S. S. Ваша книга буквально животрепещущая: принесли “Правду” со статьей “Демократия, свобода и ответственность личности”. Ну никак от этой “личности” не отделяешься... Даже скучно...

ИЗ ИСТОРИИ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА

Еще в годы Первой мировой войны какие-то «сполохи» ораторского искусства начали доходить до глубокого захолустья, в котором я провел детские и отроческие годы. Помню книгу о деле Бейлиса, которая ходила по рукам. В ней были напечатаны речи адвокатов, имена которых застряли в памяти, например, Маклаков, Карабчевский, Розенберг, хотя содержание их речей едва ли было осознано. Тот факт, что именно благодаря их защитным речам обвиняемый Бейлис был оправдан, оставил некое впечатление о высоком значении ораторского искусства адвокатов. В те годы осели в памяти какие-то смутные представления об ораторах в последней Государственной думе, выступления которых обсуждались взрослыми, поскольку им был знаком один из деятелей Государственной думы, выходец из наших мест. Но с политическим красноречием пришлось непосредственно познакомиться летом 1917 г., в медовые месяцы российской свободы, когда я, тогда 13-летний парень, попал в небольшой, но весьма оживленный город Н., как раз в те месяцы, когда шли активные баталии между политическими партиями перед выборами в Учредительное собрание. Мы, подростки, без усталости целыми днями толкались на митингах. Из числа ораторов, сотрясавших воздух, некоторые имена всплывают в памяти, но, вообще, сейчас они прочно позабыты и едва ли занесены на скрижали письменной истории. Но, пожалуй, стоит упомянуть о горячей ораторше, прибывшей из крупного центра (Минска) партии «Бунд», по фамилии Горелик Геня. На одном митинге, где она выступала, я стоял рядом и слышал все ее слова, произносившиеся с большой экспрессией, но, признаться, до сознания мало что доходило, во всяком случае, ничего не запомнилось.

Но позже мне, как обычно говорят, «посчастливилось» слышать некоторых ораторов по тому времени самого крупного калибра — Троцкого, Бухарина и Луначарского. Первого я видел на двух митингах в Смоленске, куда он приезжал во время советско-польской войны. На одном митинге я его только видел (он выступал в закрытом помещении и голос не доходил до того места, где я стоял), а на втором я его и видел и слышал, стоя близко от грузовика-трибуны. Запомнилось начало речи, в которой он говорил об исторической роли Смоленска в борьбе с Россией и Польшей. В Смоленске в это время находился штаб фронта. Поразила редкость произносившихся им слов — паузы между отдельными словами, что разъяснялось как особый митинговый прием, дабы слова доходили до всех присутствующих на большой площади. Кроме того, оратор все время поворачивался, делая почти полный круг «вокруг своей оси», также с целью сделать свою речь слышимой повсюду, а заодно и самого оратора отовсюду обозримым. Впечатление от его речи было сильное. Но ораторское искусство Троцкого известно и по письменным источникам. Укажу на хвалу, воздаваемую Троцкому как оратору, Луначарским, который сравнивал его с Жоресом.

Раз я слышал, будучи студентом рабфака в Смоленске, Бухарина. Он возвращался из набухавшей революцией Германии и, кажется, настаивал на слож-

ности и неопределенности общей ситуации (революционной). Невысокого роста, очень просто одетый, брюки заправлены в сапоги, он обращал на себя внимание общим строением головы «редькой вверх», по Гоголю, — с остренькой бородкой, с общим умным обликом.

Луначарского я слышал дважды. Сейчас, вспоминая его речь, впрочем, как и речи других названных ораторов, не могу не отметить, что в руках у них не было никаких бумажек. Они именно говорили, а не читали, как теперь. В этом отношении Луначарский особенно выделялся своей феноменальной способностью говорить без записей. Председательствуя на многодневном совещании в качестве наркома просвещения, он почти по памяти отвечал десяткам выступавших, не заглядывая в бумажки (здесь я ссылаюсь на участника совещания Виталия Ананьева). Первое его выступление, которое я слышал, было речью, обращенной к молодежи и посвященной германским событиям, в то время, когда накал их достиг точки апогея. «А вы, молодые люди, — закончил он свою очень эмоциональную речь, — храните жар сердец при холодной голове». Аудитория приняла его речь очень горячо. Еще раз я его слышал совсем по иному поводу. Он говорил о Пикассо, именно говорил, не читал. Запомнилось, как он благодушно отзывался об одном женском портрете Пикассо, даме с торсом-виолончелью (у которой вместо внутренних органов нарисована виолончель)... Но больше привлекала внимание слушателей очень красивая дама, сидевшая позади оратора, одетая в шикарное меховое пальто и откровеннейшим образом зевавшая... Кажется, она недавно опубликовала воспоминания о Луначарском.

Эти и некоторые другие впечатления стали причиной обостренного интереса к ораторскому искусству в учебном заведении, в котором я обучался. И когда, кажется в 1929 г., организовался ораторский кружок, я также стал одним из его членов. Руководителем его был некто Ш., по всей вероятности, в прошлом адвокат, человек с отточенной четкой речью, превосходный педагог и знаток русского судебного красноречия, насколько я могу по прошествии более чем полстолетия об этом судить. К сожалению, мне запомнилось от занятий в этом кружке не слишком много, помимо общего его духа и общей интересности занятий. Ш. предлагал участникам для разработки различные темы, главным образом литературные или связанные с литературой судебные случаи. Одной из таких тем было убийство молодой девушкой собственной матери, которую она заподозрила в том, что та будет препятствовать ее любовной связи с красивым молодым приказчиком, жившим в соседней квартире. Важным эпизодом было то, что совершила девица убийство после прочтения ночью «Преступления и наказания». Взяв деревянный топор, лежавший около печи, она нанесла им по голове матери несколько смертельных ударов. Событие это было недавнее и привлекло внимание в научных юридических кругах как психологический феномен. Девушку демонстрировали на заседании юристов. Присутствовали и члены кружка. Случай этот в качестве объекта для проявления ораторского искусства живо обсуждался. Запомнилось одно занятие кружка, на котором руководитель рассказывал об известном адвокате Плевако и зачитал конспект его речи к одному из выступлений, состоящий из считанных пунктов. Особенно запомнился один пункт в конспекте — «а теперь фейерверк». По словам Ш.,

чего только ни было в этом «фейерверке» — и цитаты из речей античных знаменитых судебных ораторов, и Библия, и, конечно, Шекспир, и Пушкин, и т. п.

Выше я упомянул незаурядных ораторов — высокопоставленных деятелей коммунистической партии и советского правительства, большинство из которых я сам слышал. Но не их таланты определили дальнейшую печальную судьбу ораторского искусства в советское время. Его судьбу определили два других деятеля — Ленин и Сталин. «Живых» выступлений ни того ни другого мне слышать не пришлось. Получив юридическое образование, Ленин в качестве частного поверенного, вероятно, мог бы стать и судебным оратором, однако в этой сфере он себя как будто никак не проявил. О Ленине как о политическом ораторе, обладавшем даром убеждения, митинговым демагоге, умело воздействующем на массы, в источниках можно найти немало свидетельств. Вместе с тем определенные факты говорят о том, что Ленин еще в дооктябрьские годы относился если не враждебно, то пренебрежительно к ораторскому искусству — как к искусству приемов красноречия как таковых. Характерно в этом отношении его мнение о Троцком как об ораторе. Обзывая Троцкого «Ворошиловым-Балалайкиным», он говорил: «Эти ораторы-краснобаи, недоучившиеся семинаристы, приват-доценты и паскудничающие адвокаты. У Троцкого частицы от всех». Но особенную ненависть он испытывал к адвокатам, которых обычно называл «аблакатами...» Именно их он обвинял в пользовании «адвокатским умением сочинять фальшивые доводы и засорять массам глаза песком». Называл их «политическими мошенниками».

Если не ошибаюсь, то именно Лениным очень скоро после Октябрьской революции была уничтожена самостоятельность, независимость от государства «коллегии адвокатов», чем он повторил деяние далекого своего предшественника — императора Юстиниана.

Но окончательно задушить ораторское искусство — как политическое, так и судебное адвокатское, по крайней мере на ряд десятилетий, — выпало на долю Сталина. Первые годы его абсолютной власти в качестве генсека были временем острых дискуссий в партии по поводу различных весьма важных общегосударственных и партийных проблем. Эти дискуссии могли послужить поводом к проявлению ораторского красноречия. Однако, видимо, именно благодаря в первую очередь Сталину, дискуссии велись с догматических позиций, с цитированием высказываний «основоположников», которые заменили живую собственную мысль, собственное ее оформление. Риторическим красотам в речи «диспутов» стало тесно. Стиль выступлений стал совершенно иным. Вместо «речей» в прямом смысле слова на публику обрушились «доклады», испещренные цитатами. Сталин должен был подавлять всякое проявление ораторского красноречия, поскольку сам он и по уровню образования, и по речевым природным данным (грузинский акцент) не мог состязаться с признанными ораторами того времени, подобными уже упомянутым — Троцкому, Бухарину и др.

Я не слышал ни разу его выступлений, но читал его доклады и не сомневаюсь, что они не произносились «спонтанно», а читались по написанному заранее. Общий характер всего стиля его литературного наследия может быть обозначен как катехизисно-долбежный, усвоенный им в духовной семинарии, суть кото-

рого в том, чтобы через повторы или разъяснения вдалбливать в сознание слушателей, способностям которых схватывать мысли на лету не доверяют, выдвигаемые «тезисы». Замечательно характерно для его стиля излюбленное выражение «стало быть», которым точно вбивается свая в грунт. Этот долбежный стиль он применял и в своих лекциях. Я знал несколько его слушателей в Свердловском коммунистическом университете, которые в один голос утверждали «доходчивость» его лекций, отсутствие внешних красот и прочего в этом духе.

Но совершенно непоправимый удар по ораторскому искусству в судебной практике был нанесен при Сталине знаменитыми процессами над «уклонистами» (они же — «враги народа») в 1930-е гг. Говоря об этих процессах, нельзя не упомянуть о той роли, которую сыграл в них печально прославленный прокурор, а затем нарком юстиции А. Я. Вышинский. Именно ему принадлежит «заслуга» возрождения в судопроизводстве традиций татаро-монгольской практики, согласно которой «презумпцией виновности» подсудимого является его собственное признание и только оно. А для получения этого самого признания, разумеется, были дозволены все мыслимые (да и немислимые) способы...

«Теоретически» обосновав этот принцип, А. Я. Вышинский низвел судебный процесс до того состояния, в котором он находится до настоящего времени, когда обвиняемый еще до разбирательства его дела уже фактически осужден им самим. Добыть же само признание становится делом «техникой» следственной службы, с чем она обычно «блистательно» справляется. При таком положении судопроизводства роль адвокатуры становится беспредметной. А обращение адвокатов к «красноречию» абсурдным.

Итак, понадобилось не более двух десятилетий для уничтожения такого яркого явления культуры, как ораторское искусство. Случайно ли, что оно, это столь старательное уничтожение, было осуществлено без сопротивления со стороны общественного мнения? Мне представляется, что причина этого кроется в слабости корней красноречия в русском обществе. Мне неизвестны обобщающие работы по истории русского ораторского искусства. По всей вероятности, будущий историк в качестве наиболее ранних представлений публичного красноречия назовет имена церковных «златоустов». Мне известно, что имелись сборники произведений, которые рекомендовались рядовым священникам в качестве образцов для их собственных очередных проповедей. Не буду подробно останавливаться на политическом, публичном «вечевом» красноречии в русских городах-республиках (Новгород, Псков). По всей вероятности, на вечевых сборищах отдельные партии не только дрались между собой, но и выдвигали своих «трибунов». Что касается Московской Руси, то можно привести представляющееся мне характерным замечание исследователя истории крепостного права (Энгельгарда), в котором говорится, что московское правительство «вообще не думало о праве, не ценило его ради него, пренебрегало всяким правом во имя пользы, что единственной обязанностью московских судей было блюсти не право и правду, а близоруко рассчитанный казенный интерес, что московские чиновники понимали закон только в смысле произвольного мероприятия, направленного к удовлетворению минутных потребностей».

Не было благоприятным для развития красноречия и состояние судебного дела (см. народную повесть о «Шемякином суде»). Многие говорят о нем замечательные строчки Пушкина, посвященные Пущину, дворянину, принявшему звание судьи:

В глазах общественного мнения
Ты возвеличил темный сан,
Ты правосудие блюдешь!

Разумеется, образованным людям пушкинской эпохи были известны имена многих и православных и античных ораторов, но общее отношение к ним передают, вероятно, точно слова того же Пушкина:

Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал.

До реформ 1860-х гг. существенных перемен в области правосудия, особенно по политическим делам, и тем более проявлений судебного красноречия едва ли можно заметить. Так, исследователь дела декабристов М. В. Нечкина пишет: «Никакого суда не было, это была пародия на суд». Вместе с тем нельзя не отметить, что опубликованные материалы как по делу о декабристах, так и по другому громкому политическому делу о петрашевцах, говорят о тщательности проведения «следствия над отдельными лицами».

В целом же об ораторском искусстве как элементе судопроизводства в первой половине XIX в. говорить не приходится. Вместе с тем эта половина столетия бесспорно займет определенное место в истории русского общественно-го красноречия благодаря блестящему началу русской историографии, заложенному Карамзиным.

Напомним, что знаменитый оратор республиканского Рима Цицерон считал именно исторические произведения по преимуществу ораторскими. Так же относился к историческим сочинениям и Тит Ливий. И тот и другой относили историографию к ораторскому искусству потому, что история дает примеры, которые звучиваются как моральные уроки. С этой точки зрения, очевидно, следует отнести к числу первых публичных ораторов таких университетских профессоров, как Погодин и, в особенности, Грановский. Но это были первые ростки собственно публичного красноречия.

Решительный перелом произошел в результате судебных реформ 1860-х гг., когда едва ли не решающая роль была возложена на ораторов, будь то прокуроры или адвокаты, последние преимущественно. И естественно, сразу же выдвинулись замечательные «ораторы-златоусты».

Воспоминания А. Ф. Кони дают яркое представление о положительной роли судебного красноречия в эту пору. А конкретной иллюстрацией к нему может служить политическое дело В. Засулич, стрелявшей в царского министра и тем не менее оправданной судом присяжных заседателей. Однако либеральные законы 1860-х гг. в области судопроизводства вскоре начали подвергаться сильным ограничениям со стороны царской власти. О характере этих

ограничений и о реакции на них общественного мнения дают представления недавно опубликованные материалы по делу Чернышевского. Вот как сам подсудимый характеризует судебный процесс: «Неслыханное и циничное надругательство над правосудием... государственная машина, система обнаружила свою беспомощность, а точнее — бессилие (моральное и юридическое)». О следствии по его делу Чернышевский пишет: «Боже мой, как все неловко и неуместно шалит над людьми». На предложение А. А. Суворова (петербургского генерал-губернатора) выехать за границу Чернышевский отвечает, что «эмиграция дело вздорное, недостойное, бессмысленное». После приговора по делу Чернышевского Никитенко и Соловьев писали: «Что же это такое... без всякого ясного повода берут, сажают в тюрьму, держат года, никому ничего не известно, судят каким-то секретным судом, совершенно не компетентным...» Герцен в связи с делом Чернышевского обрушился не только на правительство, но и на авторов газетных статей; он писал: «Да падает проклятьем это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, покупную журналистику... Сослали невинного, получили мученика». Это — один из примеров, в нем гнев Герцена. А историк Костомаров в поддержку осуждения судом Чернышевского писал: «Чернышевский — это яркий апостол безбожия, материализма и ненависти ко всякой власти... Моисей пророком социалистов, бесом искусителем...»

Однако настроение консервативных кругов, их неприятие независимого от государства суда в большей степени характеризуют писания Достоевского — как его художественные сочинения, так и публицистика. Для нас Достоевский особенно интересен потому, что он избрал мишенью своих стрел, главным образом, ораторов-адвокатов. Как известно, Достоевский в своей публицистике неоднократно обращался к конкретным судебным процессам, за которыми он следил с обостренным вниманием. Приведу примеры из современной ему криминалистики. Вот дело о матери, поднесшей ручку ребенка под кран кипящего самовара. Достоевский так представляет себе тут роль адвоката: «То-то, должно быть, вертелся бы тут адвокат: господа присяжные, конечно, случай этот нельзя назвать вполне гуманным, но возьмите дело в его целостности, представьте среду». От своего имени Достоевский добавляет: «О, конечно, я понимаю всю полезность, всю высоту адвокатского звания, всеми уважаемого... (но)... какова иногда их должность каторжная... вертится, изворачивается как уж, лжет против своей совести, против собственных убеждений». Но, разумеется, наиболее ярко все, что было у него на душе против судебного ораторства, Ф. М. высказал в знаменитейшем своем «репортаже» о судебном процессе над Дмитрием Карамазовым и, прежде всего, в речи «столичной знаменитости» адвоката Фетюсевича.

В связи с шумевшим делом Кронберга, на котором в качестве адвоката выступал Спасович, Федор Михайлович писал: «В какое фальшивое и нелепое положение может быть поставлен иной известный талантливый и честный человек единственно лишь фальшью постановки самого дела».

В приведенных цитатах обозначаются те философско-психологические основания, которыми Достоевский обосновывает свое отрицательное отношение к адвокатуре.

Главное из них — это вопросы о «среде», которая, по мнению Достоевского, служит для адвокатов одним из главных козырей в их защитных речах, и о значении их талантливости, т. е. степени их красноречия. Вопрос о среде в качестве общеправовой проблемы, как известно, является одной из главных спорных проблем в публицистике 1860-х гг. и последующих десятилетий XIX в. К этой проблеме Достоевский обращался не только в своих публичных выступлениях, но и в главных художественных произведениях. Неприемлемость теории «среда заела» была характерна для всего мировоззрения Достоевского. Но этот вопрос в литературе достаточно полно разработан, да и мы его касаемся в других заметках, так что здесь больше не будем развивать. Остановимся несколько подробнее на рассуждениях Достоевского о значении таланта специально в судебной практике. Замечательно прежде всего то, что ко времени выступлений Достоевского прошло всего полтора десятилетия или около того с момента судебной реформы, когда была введена адвокатура. И за этот короткий срок адвокатура выдвинула выдающихся адептов, сыгравших благодаря своим талантам немалую роль в общественном сознании. Талант адвоката, по мнению Достоевского, едва ли не главное зло адвокатуры. Говоря о свойствах таланта, он пишет: «Свойства таланта иногда несносны». «Талант ли обладает человеком, или человек своим талантом». Благодаря таланту адвокат, по Достоевскому, бывает отзывчивым. Таланту же адвокат обязан и тем, что ему для достижения цели все средства хороши. Именно благодаря отзывчивости таланта «чрезвычайно трудно оставлять честным человеком, иногда через эту самую излишнюю и разбалованную отзывчивость, принуждающую нас лгать беспрерывно». Разбор конкретных судебных дел позволяет Достоевскому с иронией писать: «В высшей степени нравственно и умирительно, когда адвокат употребляет свой талант и труд на защиту несчастных, он заведомо защищает и оправдывает виноватого и тем самым выступает как друг человечества». По степени воздействия Достоевского на общественное мнение, в смысле отрицательного отношения к судебному красноречию, особенно адвокатов-защитников, надо полагать, не имеет себе равных в мировой художественной литературе уже упоминавшийся репортаж о судебном процессе над Митей Карамазовым. При всем блеске речей как прокурора, так и «столичного» адвоката (один из разделов речи которого назван «блудеи мысли»), тот и другой оказались не в состоянии: первый — доказать виновность обвиняемого, второй — его невиновность.

Все сказанное выше не значит, однако, что Достоевский был «ретроградом» в отношении адвокатуры, прямолинейным отрицателем ее значения и полезности. Слишком «диалектично» постоянно работала его мысль. И вот что мы читаем в одной из его статей. «Но я все-таки восклицаю невольно: да, блестящее установление адвокатуры, но почему-то и грустное... Что же, неужто я посягаю на адвокатуру, на современный суд? Сохрани меня Боже, я всего только хотел бы, чтобы все мы стали немного лучше... Не могу жить без святынь, но все же я хотел бы святынь хоть капельку посвятее, не то стоит ли им поклоняться?»

К адвокату, как к судебному институту, отрицательно относился и Л. Н. Толстой. Красноречиво об этом говорит эпизод в романе «Анна Каренина», живописующий посещение Алексеем Александровичем адвоката, к которому он

обратился по поводу затеянного им бракоразводного дела с женой. Не останавливаясь на общей характеристике адвоката, как бы торжественно радующегося несчастью клиента, Л. Н. подчеркнул два момента в практике адвокатов, которые несомненно вызвали у него осуждение. Одно — это легкость, с которой ловкий адвокат, руководствуясь «антецедентами» (прецедентами), способен обойти закон. А второе — не мог Толстой вместе с Карениным согласиться и на меры, предложенные адвокатом, «допущению которых мешали его религиозные требования». И тем более было неприемлемым для Толстого требование адвоката предоставить ему «выбор тех мер, которые должны быть употреблены». Ибо, согласно воззрению адвоката, «кто хочет результата, тот допускает и средства». Иначе говоря, объявление адвокатом допустимости любых средств, которые ведут к цели. В еще большей степени характеризует отношение Толстого к адвокатам записанная им поговорка «адвокат — купленная совесть».

При всем влиянии на общественное мнение Достоевского и Толстого, к которым присоединил свое перо и Чехов (рассказ «Ионыч»), развитие судебного ораторства-адвокатуры оказалось процессом необратимым, по крайней мере, до Октябрьской Революции.

Однако той легкости, с которой именно Ленину удалось положить начало концу его в России, он был не в малой степени обязан названным «властителям дум» русской интеллигенции. К ним следует добавить еще и Горького, который, рисуя в «Климе Самгине» главного героя — адвоката и других представителей этого сословия в весьма неприглядном свете, в еще большей степени оправдал уничтожение этих «носителей красноречия» в русском обществе.

О ЛЖИ

Ржа ест железо, лжа — человеческое сердце.

Л. Н. Толстой

Когда человек начал отличать ложь от правды? Вероятно, один из древнейших мифов, в котором Гений правды противостоит Князю лжи — миф о рождении Ахура-Мазды и Ахримана — этих близнецов, рожденных одновременно, но олицетворяющих собой один — правду, другой — ложь. Почему выпали на долю каждого из них столь противоположные функции, наивная мысль создателей мифа объясняла тем, что Ахура-Мазда появился в мир первым, а Ахриман явился вслед за ним. Из зависти второй стал противоборствовать первому. Документом реального противоборства этих двух начал — правды и лжи является знаменитейшая на скальной надпись персидского царя Дария, высеченная 2400 лет тому назад на Бегистунской скале: «Провозглашает Дарий царь ... да защитит Ахура-Мазда эту страну от голода, от лжи... да не придет в эту страну ни враждебная армия, ни голод, ни ложь». В этой надписи, по словам новейшего исследователя, дана (употребляя модный ныне термин) «модель»

идеального государя, религиозная основа божественного права царя царей. «Царь царей — средоточие добра, его враги — орудие дьявола; царь царей — провозвестник правды, а все его враги — приверженцы лжи». Не лишено практической значимости попутное замечание отца истории Геродота, жившего несколько позже Дария, утверждавшего, что «многих людей легче обмануть, чем одного». Как известно, некоторые библейские рассказы рисуют «прагматическое» отношение к обману. Например, способы, с помощью которых наш праотец Иаков ухитрился увеличить свои стада за счет стад своего будущего тестя; или способ, который он же применил для получения благословения первородства от отца в обход своего старшего брата Исава. Быть может, протестом к такому отношению к правде псалмопевец восклицает: «Я сказал в опрометчивости своей: всякий человек ложь». Суровым предупреждением, к которому следовало бы прислушаться и человечеству нашего времени, звучат слова Овидия о гнев Юпитера на поступки народа, который «долгался донельзя»; «всех превратил их в животных, уродливых и не похожих на человека, и с ним не лишенных однако же сходства».

Иное отношение ко лжи, правда, в ограниченной сфере поэзии, рисует средневековое литературоведение арабов, согласно которому поэтические сочинения «чем лживее, тем прекраснее».

В Новое время созвучно словам вышеприведенного псалмопевца звучат слова Байрона: «Все люди лгут, и лгут без всякой цели». А в самое новейшее время популярный английский драматург Пристли предлагает устами одного из героев в пьесе «Опасный поворот» «правду закопать в землю как можно глубже», предпочитая ей, очевидно, ложь, с помощью которой автору пьесы удастся разрешить острый конфликт, возникший в ходе драматического действия.

Но обратимся к литературным источникам, рисующим отношение ко лжи, обману в нашей стране, что нас, главным образом, и интересует. Любопытно замечание английского купца Ченслора, побывшего в XVI в. в Московии, имея дело с московскими купцами. Он пишет: «Московские (или русские) купцы — тонкий народ, не всегда говорят правду и думают, что другие люди им подобны». Последние слова особо характерны для русского человека, его отношение к людям вообще — всех мерить «на свой аршин».

Перешагнем через несколько столетий и обратимся к наиболее влиятельным писателям русским — Пушкину и Достоевскому. Тонким слухом уловив народное отношение ко лжи, которое можно обозначить как весьма и весьма человеческое, Пушкин обессмертил его своим стихом: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Более развернуто о лжи говорил Достоевский. В одном из воспоминаний о писателе записаны следующие его слова: «Женщины меньше лгут; мужчины — все лгут». Созданный колоссальной фантазией Достоевского Великий инквизитор утверждает: «Само счастье человеческое может быть построено на обмане, тайне и авторитете». В фантастическом «Бобке» до конца обнажившиеся мертвецы «для смеху ничего не стыдятся», «решают для смеху только не лгать».

Нет нужды подчеркивать, что нельзя отождествлять слова героев Достоевского с его собственным отношением ко лжи. Однако мнения героев Достоев-

ского при сопоставлении их с приведенными его собственными словами невольно вместе напоминают как слова псалмопевца, так и Байрона.

Оставляя поэта и прозаика, дадим слово весьма известному публицисту середины XIX в. Кошелеву, писавшему в связи с Крымской войной: «Перед Россией стоит враг — опаснее всех соединенных англо-франков и сардотурок, это — ложь, которая владела всем и всеми».

Сделаем еще один шаг в смене столетий и обратимся к нашему XX веку. Снова упомянем, быть может, самого прославленного поэта начала XX в. А. А. Блока:

Я люблю эту ложь, этот блеск,
Как ты лжива и как ты бела!
Мне ж по сердцу белая ложь...

Мой друг влюблен в луну —
живет ее обманом...

Известный философ Н. Бердяев, характеризуя господствовавшую в среде интеллигенции социалистическую идеологию, писал, что в ней «любовь к справедливой справедливости парализовала любовь к истине», иначе говоря, лжи отдавалось предпочтение.

Итак, начало века «идейно» по традиции вполне подготовило общественное мнение к примирению со «лжой», которая так пышно расцвела в наше время, когда вот уже более шести десятилетий ложь чувствует себя так привольно во всем мире, и увы, особенно в нашей стране. Кажется, все стороны жизни прошпигованы насквозь ложью и обманом. Поистине вся эпоха и все человечество изолгалось до предела, будто наступило царство Князя лжи — древнего Ахримана. И поэтому такой наивностью отдает призыв одного из лучших людей эпохи начать борьбу с царящей ложью личным воздержанием от участия в ней. А куда денешься?

Призыв благородной души! Но автор призыва в своем красноречивом обличении лжи, ее гибельности, не учел не менее красноречивых восхвалений и доводов в пользу традиции, вековечного спутствующей истории человечества.

Из Бехистунской надписи. Говорит царь Дарий: «Человека, который был верен мне, я вознаграждал. Человека, который был вероломен, я строго наказывал... Ахура-Мазда потому помогал мне... что я не был вероломным, лжецом или злодеем, ни я, ни род мой. Согласно справедливости поступал я. Я не делал зла ни слабому, ни сильному... Страны эти, которые стали мятежными, ложь сделала их мятежными. Ты, который будешь царем впоследствии, берегись от лжи крепко». Согласно Геродоту, «Персидские юноши учились только стрельбе из лука и говорить правду. В политической: жизни правдой считалась преданность царю»¹.

Из «Гат». Зороастр спрашивает своего Бога, как он может отличить праведных от неверных? — «Кто отвергает пророка, тот является сторонником зла. Ахура-Мазда — единственный всемогущий и вездесущий бог добра, который олицетворяет свет, жизнь и правду...» Но с самого начала наряду с Ахура-Маздой существовал и дух зла Ангра-Майный (Ариман), который олицетворял

¹ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 128.

мрак, смерть, творил зло... Ахура-Мазда олицетворяет добромыслие, правду и бессмертие... Человек свободен в выборе между добром и злом и поэтому доступен воздействию духов зла.

Зурванизм. Добрый дух Ахура-Мазда и злой дух Ангра-Майнью являются сыновьями-близнецами «бесконечного времени» Зурвана. Каждый из этих духов обладает равной силой и поэтому правит миром по три тысячи лет, после чего в течение следующих трех тысяч лет между ними будет происходить борьба... Мировая история длится 12 000 лет. Первые 3000 лет были «золотым веком», когда не было ни холода, ни жара, ни болезней и смерти, ни старости — век Ахуры-Мазды. Но после Ангра-Майнью создал голод, болезни и смерть. Но затем явился спаситель из народа Зороастра, и в конечном счете добро одержало полную победу над злом, возникло идеальное царство Ахура-Мазды на небе и земле... исчезнет всякое зло.

В «Гатах» дух зла противопоставлен доброму духу, а дэвы — Ахуре-Мазде, т. к. они путем сознательного выбора примкнули к злому духу.

Аристотель. Главный момент в учении магов был дуализм (Оромсд и Ари-ман). Ахемениды восприняли дуализм зороастризма: ложь и правда противопоставляются друг другу; хотя и в политическом, не в религиозном смысле Дарий I обращается к будущим царям с призывом беспощадно наказывать лжецов. Он имеет в виду ложь не в моральном смысле, а мятеж против законной власти.

Антидэвровская надпись Ксеркса. Арта — персонификация правды противопоставляется лжи (*драуга*) — в политическом, а не в моральном плане.

Плутарх. Персидский царь молится, чтобы «Ариманий» внушил его врагам изгонять из своей страны лучших людей (в связи с бегством Фемистокла в Персию); в другом месте Плутарх говорит о поклонении персов Ариману².

Ксеркс: «Там, где прежде почитались дэвы, я благочестиво поклонился Ахуре-Мазде и Арте. Человек, который следует закону, который установлен Ахура-Маздой и почитает Ахура-Мазда и Арту по бразманийскому (обряду), он при жизни будет счастлив, а после смерти будет (принадлежать) *арте*³».

Дарий упрекает правителя Малой Азии за то, что он пренебрегает указаниями относительно богов: «Ты собрал подать со священных садовников Апполона и приказал им обработать нехрамовую землю, не ведая о моих чувствах к этому богу, который сказал персам всю правду...»⁴

Ложь за подписью академика. «На наших глазах совершается акт становления на земле нового типа цивилизации... черты которой зримо предстают перед человечеством в облике реального социализма...»

О понятии «цивилизация»... «В качестве важнейшего критерия исторических типов... образ жизни людей.

Преимущества социалистического образа жизни... социализм обеспечива-ет реальную свободу и социальные права личности, делает труд единственным

² Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 323.

³ Там же. С. 337.

⁴ Там же. С. 349.

источником и мерой благосостояния, ставит на службу человека труда достижения материальной и духовной культуры...

Для изучения характерных черт коммунистической цивилизации в процессе ее становления важное значение имеет анализ таких проблем, как соотношение социалистических и общечеловеческих ценностей...

Обогащение в современных условиях категориального аппарата марксистско-ленинской теории...

Перед социалистами стоит немало задач... от взаимодействия культур... проблема соотношения советского народа и социалистической цивилизации... только на путях становления коммунистической цивилизации разрешаются социально-классовые и общечеловеческие проблемы нашего века»⁵.

К «Лжи», или Почему так тошно читать многое в наших литературных журналах и еще более в газетах. Вот «Новый мир» 1980 года. Очерк Александра Левикова «Что останется людям?» Тема как будто интересная. Об АСУ. И на первой странице читаем: «Идея выборности руководителей — один из основополагающих принципов социалистической демократии — утвердилась в деятельности партии, общественных организаций, местных и высших органов государственной власти. Выбирают у нас и председателей колхозов (но не в промышленности), «командиров производства» назначают».

И вот, прочтя этот зачин очерка, дальше уже читать просто не могу. А по-видимому, очерк дельный, но зачем начинать с явной лжи? Едва ли редакция принудила его к написанию этого изнутри лживого абзаца.

Какая жалкая роль выпала на долю дикторов ТВ! Читать изо дня в день с чувством, с поддельной искренностью, вибрируя голосом, слова и фразы, в которых нет ничего, кроме словесной шелухи и внутренней лживости. Правда, все изолгались до предела. И вся-то их сила во лжи, от которой ни убежать, ни укрыться некуда. И неужели этой лжи еще предстоит господство и победы?

Дикторши, вероятно, испытывают удовлетворение, демонстрируя прически и гардероб, но дикторов искренне жаль.

Но как растленны так называемые обозреватели. Сейчас особенно часто в обозрениях по Востоку выпускают Сейфулмулюкова — лжеца не без способностей. Какое удовлетворение он получает? Неужели всего только в денежной компенсации? Он, кажется, прошел востоковедную школу.

Истина — правда. Н. А. Бердяев. «Философская истина и интеллигентская правда». Народничество — утилитаризм вместо настоящего понимания философии. Отношение к философии не со стороны истинности, а с точки зрения полезности для господствующей теории (ленинизма. — А. Б).

Бердяев: «Нужно видеть, на чьей стороне больше правды, хотя бы и не вся правда. Мы думаем, что больше правды на стороне трудящихся (из «Вех»)

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,

⁵ Рец. академика Ю. В. Бромлея на кн.: Мчледов М. Н. Социализм — становление нового типа цивилизации. М., 1980 // Правда. 29.VI.80.

И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

Александр Блок, 18 октября 1905 г.)

Герцен об истории России: «История императоров — канцелярская тайна, она была сведена на дифирамбы побед и риторику подобострастия... правительство открыто лжет в официальных рассказах и потом заставляет повторять свою ложь в учебниках».

«Стыд за чужую ложь в обществе живучем ложью испытываемый Мышкиным в связи с выдумкой генерала Иволгина о своем приближении к Наполеону в осажденной Москве» (Ф. М. Достоевский. Идиот).

ОБ УЧЕНИИ ПАВЛОВА

В 1920-х гг. был весьма популярен испанский фантастический роман под названием «Священный журавль», в котором повествовалось о стране Эбония, ставшей центром мировой цивилизации после того, как западная цивилизация окончательно погибла вследствие очередной мировой войны. Поскольку мужчины были признаны неспособными к мирной жизни, они были низведены на положение трутней, а деятельную жизнь в Эбонии осуществляли женщины. Ими было установлено, что непосредственной причиной мировой войны, приведшей к гибели Европы, была «статистика», которая лежала в основе идеологии западного общества. Поэтому не только наука статистика была запрещена, но и произнесение самого этого слова было подвержено строжайшему табу. Автор настоящей заметки склонен думать, что если после третьей мировой войны, к которой мир ныне так охотно приближается, оставшимися все же где-либо в живых людьми будет создана новая цивилизация, то по примеру Эбонии в ней прежде всего будет запрещено произнесение имен двух ученых — Павлова и Эйнштейна и соответственно их теорий — «рефлексологии» и «относительности».

Давайте пофантазируем. О том, как наша тогда уже погибающая цивилизация шла к своему трагическому концу, впоследствии будут, естественно, высказаны различные соображения. Но один из моментов этого процесса выявится, вероятно, вполне отчетливо. А именно, что двумя главенствующими в аппарате той эпохи государственными ведомствами были взяты на вооружение теории упомянутых ученых. Это — министерства «обороны» и «государственной безопасности». Об опасности, грозящей со стороны теории Эйнштейна, современники говорили много и даже кричали (правда, с их воплями не считались). Что же касается опасности со стороны первой, то о ней говорили мало. И лишь один документ, составленный «неведомым» автором, указывает на то, что опасность теории этого ученого, т. е. Павлова, все же осознавалась. Надо отметить, что этот документ составлен автором-дилетантом, как говорили в те времена. Тем не менее, по сути, им была уловлена главная — гибельная — сторона учения.

Ниже приводится этот документ, являющийся черновым наброском; в нем много шероховатостей стилистических, да и назвать его полным нельзя.

Учение И. П. Павлова приобрело в первой трети XX в. всемирную известность. Гордилась им его родина. Его имя символизировало высочайший уровень науки, достигнутый в стране. В будущих спецхранилищах запрещенных (ко времени гибели) книг его собственные сочинения и горы статей и книг, написанных о нем займут, как в Эбонии книги по статистике, целые комнаты. Несколько страничек интересующего нас документа, напечатанных на так называемой машинке, на плохой тонкой бумаге, — это пылинка в горе песка. Только чистой случайностью объясняется его обнаружение.

В Советской России в первые годы после революции именем Павлова хотя и гордились, однако отношение к нему и к его учению было несколько двойственным. Само учение было вполне приемлемым и находящимся в согласии с провозглашенным официально философским учением материализма и марксизма. Однако фигура самого ученого была несколько одиозной. Павлов открыто объявлял себя «верующим», он даже был старостой одной из петербургских церквей (по происхождению он был сыном священника). Неприятным было для властей то, что одну из книг он посвятил «расстрелянному большевиками своему сыну».

В конце 1920-х или в начале 1930-х гг., точно не помню, один из наиболее видных тогда теоретиков марксизма Бухарин выступал даже с определенной критикой учения Павлова, обнаружив в нем некоторые черты идеализма. Говорю о статье Бухарина по памяти, сейчас она заключена в спецхранилищах и мне недоступна. Еще помню отголоски разговоров о Павлове в определенных сферах, которые формулировались приблизительно следующим образом: «Утверждают, что учение Павлова — великое, ну а что оно дает нам практически, для нашей практики строительства социализма?» Ответ обычно был негативным. И вдруг в печати имя Павлова стало превозноситься до небес. Для строительства в Колтушах, говорят, был отпущен миллион. Был разрешен созыв в Ленинграде знаменитого всемирного конгресса физиологов в 1934 г., где председательствовал Павлов, конгресса, на котором слава его достигла своего апогея. В речах самого Павлова, например в его обращении к молодежи, лейтмотивом было прославление великой могущественной Родины, которая столь заботится о процветании науки, и т. п. Именно эти выступления Павлова были взяты на вооружение официальной пропагандой. Их действенность и влияние на подъем престижа советской власти во всем мире трудно переоценить.

В чем причина этой неожиданной метаморфозы? Имею в виду, главным образом, метаморфозу в отношении властей к Павлову и его учению. Разумеется, творцы советской пропаганды не могли игнорировать повальное в эти годы увлечение рефлексологией на Западе, в особенности в США. Об этом увлечении именно в США многое можно было бы сказать. Однако ограничиться лишь общим, но, как кажется, главным. Учение Павлова вполне гармонизировало с основным примитивно-философским мировоззрением, господствовавшим тогда в США, — прагматизмом. Подхватив учение Павлова, американцы быстро спаяли его с прагматизмом, провозгласив истинно американскую теорию

«бихевиоризма», с которой они носились, как с писаной торбой. В общем, примерно таким же, хотя и с оговорками, было отношение к теории Павлова и в других странах Европы. Однако, не только мировая слава Павлова определила изменение отношения к нему со стороны нашего государственного руководства. Полагаю, что не ошибусь, высказав следующее предположение. Никто иной, как «лично» Сталин, по-видимому, усмотрел в учении Павлова очень важный инструмент для проведения намеченной им внутренней политики в отношении к человечеству, «человеческому материалу» (т. е. программы, говоря словами Ивана Грозного, «перебрать людишек»), с которым приходилось ему иметь дело прежде всего в собственной стране, ну а затем, в перспективе, и в мировом масштабе как призванному Великому пролетарскому вождю. С точки зрения Сталина, не было необходимости особенно глубоко вникать в учение Павлова. Нужная Сталину суть учения Павлова была высказана достаточно доходчиво и недвусмысленно. Вот одно из доступных всем, в том числе, разумеется, и Сталину, положений учения Павлова: «Приведенные факты и основанные на них наши соображения, очевидно, должны вести к теснейшей связи физиологии и психологии... Я убежден, что приближается важный этап человеческой мысли, когда физиологическое и психологическое, объективное и субъективное действительно сольются, когда фактически разрешится или отпадет естественным путем мучительное противоречие или противопоставление моего сознания моему телу... когда объективное изучение высшего животного, например собаки, дойдет до такой степени — а это конечно произойдет, — что физиолог будет обладать абсолютно точным предвидением при всех условиях поведения этого животного; то, что останется для самостоятельного, отдельного существования его субъективного состояния, которое, конечно, есть и у него, но свое, как у нас наше. Не превратится ли тогда обязательно для нашей мысли деятельность всякого живого существа до человека включительно, в одно нераздельное целое?»

В более сжатом виде суть учения Павлова изложена в краткой фразе одного из его учеников: «Общие закономерности высшей нервной деятельности, установленные Павловым и его сотрудниками в опытах на собаках, свойственны и людям».

При общей склонности Сталина к «катехизисным» формулировкам, думаю, что учение Павлова «отложилось» приблизительно в виде следующего краткого, но вполне достаточного «положения» (или условия) — «Стало быть, общие закономерности высшей нервной деятельности, установленные Павловым в опытах на собаках, свойственны и людям». Вероятно, к этому он добавляет уже себя: «Это очень важно для нас в современных условиях обострения классовых противоречий и т. п.».

Итак, благодаря учению Павлова, «научно установлен непоколебимый факт, что человек ничем не отличается от собаки». Отсюда и «научно точный» вывод, что с человеком можно обращаться как с собакой — с помощью павловских методов воздействия на его условные и безусловные рефлексы. Причем не обязательно только те конкретные методы, которые применялись в лабораториях Павлова и его учеников, хотя и они вполне убедительны. Например, электрический ток и прyanик. Сталин рекомендовал, несомненно, на практике проявлять в отношении к человеку — индивиду и особенно к человеческим массам — «твор-

ческое начало». Эти творческие методы или опыты, осуществляемые Сталиным на протяжении почти четверти века его единовластия на основе неизбежной теории Павлова, хорошо известны, и с его, Сталина, точки зрения вполне себя оправдали. Недаром чуть ли не весь мир в один голос твердил: «Он, Сталин — гениальнейший человек всех времен и народов».

На этом документ обрывается. Автор не дожил до полной гибели цивилизации, в которой он жил. Но из всего, что он написал, вытекает с полной очевидностью, что именно в учении Павлова следует искать истоки, или один из истоков, утраты человечеством той цивилизации, на которой оно жилось: утраты представления о духовном начале в природе человека, отличающих человека от собаки, того начала, которое лежало в основе погибшей цивилизации.

О ГОЛОДЕ

«Любовь и голод правят миром» — так закончил Ф. Шиллер свое стихотворение «Мировая мудрость». Стихотворение написано в конце XVIII в., а в начале XX в. М. Горький, приводя слова немецкого поэта, добавил к ним: «И мы все выполняем повеления этих двух основных сил». Оставим в стороне «любовь». Приоритет все же в управлении миром, к сожалению, принадлежит «голоду». И разумеется, помимо Шиллера, о голоде немало было сказано мудрецами прошлого, а также в Новое и в новейшее время. Древний китайский философ Мэн-цзы, полагая, что человек по природе своей существо доброе, видел причину зла в голоде. В Новое время проблеме голода был придан социальный аспект. Влиятельный философ Сен-Симон писал, что «неимущие создали голод». Другой социальный философ, Фурье, полагал, что равнозначная голоду бедность рождается из самого изобилия, имея в виду цивилизованные общества. Как известно, идеи, проповедовавшиеся последними двумя философами, явились одними из тех «корней», которые питали социалистическую идеологию марксизма, искавшего и, как ему казалось, открывшего «законы» преодоления бедности-голода. Соответственно голубой мечтой социалистических учений стала идея о всеобщей сытости. Правда, не только социалистических. Параллельно с ними в западном мире сложилась философия т. н. прагматизма, учения, видевшего главную пружину человеческого прогресса уже не только в сытости, но и в неудержимом потреблении материальных благ.

Как материализмом, так и марксизмом было не то забыто, не то сознательно отброшено предупреждение человеку, высказанное также достаточно давно, а именно: «не хлебом единым жив человек». И едва ли ошибусь, сказав, что только на русской почве с наибольшей непримиримостью столкнулись эти две идеологии — идеология всеобщей сытости и идеология «не единым хлебом жив человек».

Самым ярким палладином последней и неутомимым опровергателем первой выступил Ф. М. Достоевский. По его определению, главное в западноевропейском материализме, будь то учения социализма или прагматизма, сводится к фразе: «сперва накорми человека, а потом и требуй от него нравственного совершенства».

Но именно с такой постановкой проблемы в непримиримом противоречии и находится, по Достоевскому, откровение, данное человеку в Нагорной проповеди, когда Христом было сказано «не единым хлебом жив человек», в ответ на искушение князя тьмы: превратить камни в хлеба, с тем чтобы извечную мечту человека об общей сытости претворить в действительность.

Один из исследователей Достоевского пришел к заключению: «Как идеалист Достоевский был убежден, что без глубокого нравственного изменения людей... никакое уничтожение бедности... не спасет человечество». Сказанное с теми или иными вариациями, повторялось в писаниях и других русских литераторов. Так, уже во время, когда обнаружилось, что в реальной действительности, в революциях XX в. в России стала воплощаться идеология отнюдь не защищавшаяся Достоевским, а, наоборот, идеология материализма, против которой Достоевский боролся, — в это время Розанов писал: «Все социально-демократические теории сводятся к тезису “хочется есть”». Особый интерес слов Розанова, прежде всего его «тезиса» о социал-демократических теориях, заключается в том, что они взяты из его письма к Горькому, дружественно тогда к нему (Розанову) относившемуся и начертавшему на письме: «Тезис-то ведь прав».

Другим автором, высказавшимся по проблеме сытости, была З. Гиппиус. «...продолжаю думать, — писала она, — что большая ошибка и безнадежная потеря времени “жалеть” народ и стараться прежде всего и только накормить его досьята хлебом без мякины. Вот когда будут сыты, тогда наступит время подумать о духе — мне просто кажется расчет этот неверный, а задача отнюдь не недостойная, но невыполнимая».

Невыполнимость такой задачи казалась очевидной многим. И вот выдвигается «компромиссный» тезис, автором которого был никто иной, как Ю. С. Витте, который в начале века писал в форме вопроса: «Что важнее: сытое стадо или сытый пастух?», полагая, что проблема будет решена сытыми пастухами. Именно с таким решением мы встречаемся и в Новейшее время.

Когда в результате Октябрьской революции восставший мир «голодных и рабов» провозгласил лозунг очень доходчивый и предельно простой: «Кто не работает, тот не ест», предполагалось вначале, что он приведет к сытости, по крайней мере, «работающих».

Однако история и тут внесла свой корректив. Начало 1930-х гг. Годы «великого перелома», который, казалось, окончательно принесет сытость тем, кто работает; ан, не тут-то было! Этот «перелом» сопровождался, как известно, и головокружением от успехов», и невиданным голодом 1932 г., охватившем, прежде всего тех, кто именно работал.

Едва ли ошибусь, если скажу, что этот голод и заставил отказаться от лозунга «кто не работает, тот не ест» и вспомнить слова мудрого Витте о пастухах и стаде. Где письменные доказательства такому повороту? Уверен, что их без труда обнаружат будущие историки, которым станут доступны секретные архивы того времени. А пока поведаю то, что говорили изустно. К Сталину, автору «перелома» и устроителю голода, прибыла группа крупных партийных начальников (сиречь — пастухов) с Украины с докладом о голоде, причем они имели неосторожность заметить, что не только народ, но и они сами голодают.

На это им ответили ясно, что «от не умеющих самих себя обеспечить как можно ожидать, что они обеспечат хлебом народ?» Эти слова, повторяю, передавшиеся изустно, подтверждаются тем, что именно тогда была сменена партийная верхушка голодающих областей. Новые начальники вполне адекватно поняли слова главного «пастуха», и с этого момента они поставили себе за правило «Сперва себя обеспечить, и только потом...» И началась эра закрытых распределителей для всех уровней «пастухов». Тем самым был найден ключ для решения всей проблемы голода, безотказно действующий и до наших дней. Мудр был Юлий Сергеевич и «разумным» надо признать того, кто прислушался к его мнению. Но, естественно, о таком решении объявить во всеуслышание представлялось явно неудобным. Была найдена другая форма, а именно соответствующие разделы в конституциях, в которых были провозглашены многие «права» трудящихся. Не углубляясь в историю смены отдельных «конституций» на протяжении существования советской эпохи, остановлюсь на последней из них, названной «брежневской» (1977), в которой наряду с другими «правами» конституционным правом провозглашено «право на труд», долженствующее наконец обеспечить не что иное, как всеобщую сытость. Анализ этой статьи представляет немалый интерес. Эта статья 40 помещена первой в главе 7, озаглавленной «Основные права, свободы и обязанности граждан». Начало статьи звучит так: «Гражданин СССР имеет право на труд — то есть на получение гарантированной работы, с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера». Бесспорно, это превосходное право — «право на труд». Но вдумавшись, можно отметить, что право-то юридически очень и очень двусмысленно. Как сказано выше, в послереволюционные годы был популярен лозунг «кто не работает, тот не ест». Это значило — «хочу есть — буду работать», но и означало, что за мной оставалось право не есть и не работать. Затем фактически действовало узаконение трудовой повинности независимо от того, хочу или не хочу трудиться, а ныне действующий закон о тунеядстве как будто на практике не очень «увязан» с социалистической законностью. И вот взамен этих экспериментальных узаконений конституцией торжественно объявлено «право на труд». Но почему кто-то, будь это само государство, дает мне право трудиться? Ведь никогда и никто этого права у человека не отнимал... Другое дело «право на чужой труд». История слишком хорошо знает, что именно это право определяло собой целые исторические эпохи, как, например, «право на труд раба», и мало чем от этого «права» отлично «крепостное право». Так вот, насколько удалено от «крепостного права» провозглашенное новейшей конституцией «право на труд»? В России промежуток между последним и крепостным правом — всего одно столетие с небольшим. Промежуток не такой уж длительный. И потому не к традициям ли крепостного права восходит узаконение права на труд. Ведь на практике право на труд оборачивается правом государства на ... Стоит посмотреть постоянно вывешиваемое в учреждениях и на заводах списки сотрудников, которые по «постановлению» местных органов власти направляются на те или иные, главным образом, сельские работы — сбор урожая, прополки и прочие. Правда, практический эффект от таких работ крайне низок, но и крепостной труд не был

слишком эффективен... Итак, не означает ли конституционное право на труд некоей модификации крепостного права? На этот вопрос должна была бы дать ответ современная юридическая наука. Ответ от нее мне не попадался. Его (ответ), надо полагать, даст «история». Но сколько времени понадобится для этого исторической науке в будущем — трудно сказать. Вот ведь и до сих пор еще пишут исследования об истории крепостного права и, в частности, об отмене так называемого права Юрьева дня, которым со стороны государственной власти была захлопнута дверь к свободе крестьянства, к праву стать «свободным».

А ведь со времени установления закрепощения крестьянина к земле, ему не принадлежащей, прошло значительно более 300 лет. Не присутствуем ли мы, современники, при акте, сопоставимом с отменой Юрьева дня, акте, зафиксированном в конституции, датированной точно 1977 г., в главе 40, в параграфе «Право на труд».

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО — РИТОРИКА В РОССИИ ДО 1861 г.

Если придерживаться жанров риторического искусства античного мира, а именно политического, судебного и торжественного, то будущему историку в отношении истории русской риторики до реформы 1862 г. придется ограничить свои изыскания жанром торжественной риторики, причем не только устной, как письменной. В эту историю, вероятно, войдут проповеди церковных златоустов, «похвальные слова», например слово о Петре.

В античном мире в качестве произведений ораторского искусства рассматривались как ораторские. Цицерон считал, что история — единственное произведение по преимуществу ораторское. Также считал ораторским произведением исторические сочинения и Ливий. И тот и другой из истории извлекают моральные уроки, и именно поэтому они историю относят к произведениям ораторским. С этой точки зрения заслуживает быть отнесенным к жанру ораторскому исторический труд Карамзина, университетских историков вроде Погодина или Грановского.

О судебном ораторстве-адвокатуре, очевидно, не приходится до реформ 1861 г. говорить. Да и самое положение судебного дела на Руси рисуется в достаточно неприглядном виде. Один из авторов, писавший о состоянии судебного дела в допетровской московской Руси, пишет: «...единственной обязанностью московских судей было блюсти не право и правду, а близоруко рассчитанный казенный интерес, что московские чиновники понимали закон только в смысле произвольного мероприятия, направленного к удовлетворению минутных потребностей. Собственно никто не стоял на защите закона. О характере судопроизводства наглядно свидетельствует сатира о Шемякинском суде да народные поговорки вроде “закон что дышло, куда повернешь туда и вышло”».

О знаменитом суде над декабристами исследователь этого движения М. В. Нечкина пишет, что, собственно, «никакого суда не было, что это было пародией на суд».

Вместе с тем именно в николаевское время некие проблески в отношении упорядочения судебного дела были предприняты. Это нашло выражение в составлении знаменитого свода законов, так и не завершенного. Более важным представляется сознание общественного мнения...

Замечательно точно и предельно кратко выразил это настроение Пушкин в связи с принятием Путиным должности судьи. В стихотворении, посвященном Путину, поэт пишет:

В глазах общественного мнения
ты возвеличил темный сан
Ты правосудие блюдешь.

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО В РОССИИ

Написана ли такая книга — неизвестно. В современном значении этого понятия едва ли были условия для возникновения ораторского искусства до реформ 1861 г. в русском обществе. Разумеется, с амвонов церквей произносились красноречивые проповеди, но могли не выделяться церковные златоусты. А с появлением университетов, вероятно, с самого начала появлялись и одаренные профессора, читавшие свои лекции красноречиво. Риторика преподавалась и в духовных академиях. Переводились сочинения церковных византийских златоустов. Но дореформенные суды не знали в России судебного ораторства (как будто?) То же, очевидно, положение было и с трибунным ораторством.

Подготовленность общества к появлению судебного красноречия обнаружилась сразу после судебных реформ 1861 г. Очень скоро появились, несомненно, замечательные ораторы юристы. Недолгая история русского парламентаризма выдвинула также сразу многих политических незаурядных организаторов. Но история и судебного, и политического красноречия еще ждет своего историка. Когда она будет написана — кто ведает. Интересны факты враждебного отношения к этому искусству. Одним из наиболее ярких фактов в этом отношении, мне известный, это злой фарс на судебное ораторство — гениальное описание Достоевским в «Братьях Карамазовых» речей прокурора и, особенно, адвоката. Надо полагать, что к этой злой сатире на судебное красноречие («прелюбодей от слова») в общественном мнении тогдашней России отношение было двояким. Было, вероятно, немало людей, которые сочувственно отнеслись к инвективе Д-го (исследовать этот вопрос было бы весьма любопытно).

Крайне показательно то, что в неприязни к адвокатам по духу ближе всего оказался никто иной, как Ленин, который иначе, как «аблакаты», их не

называл. Именно ему в первую очередь и обязано почти полное задушение судебного адвокательства после революции 1917 г. И тем не менее именно последняя послужила совершенно беспрецедентному в истории России, по крайней мере количественному, половодью политического красноречия, для которого самым подходящим сравнением является «силовой поток».

ТРАДИЦИИ. К «АДВОКАТУРЕ»

Кратковременная история адвокатуры в России. От реформы 1861 г. по Октябрь. Когда «аблакатство», по любимому словечку Ленина, было низведено до жалкого «юрисконсульства» или средневекового «стряпчества». Во всяком случае за 60 лет не выдвинулся ни один адвокат, заслуживающий это наименование, а между тем едва ли не с первых шагов после судебных реформ 60-х гг. адвокатское или юридическое красноречие — ораторство — выдвинуло замечательных адептов — Плевако, до него Кони и др. Но вместе с популярностью адвокатского красноречия стало проявляться недоверие к адвокатуры и нескрываемая враждебность к ней. Наиболее ярким выразителем такого отношения выступил не кто иной, как Ф. М. Достоевский, заклеивший ее «словоблудием» (речь адвоката на суде Д. Карамазова (Раскольников)). Добавил и Л. Н. Толстой (адвокат в бракоразводном процессе Карениных), а затем и холуйские выпады Горького (Клим Самгин). Таким образом, сложилась антиадвокатская традиция в русском общественном мнении, оправдывающая и то унижение, которому оно подверглось в государственном масштабе после Октября, начиная с «частного поверенного» В. И. Ленина. Однако враждебность к адвокатуры государства восходит к традиции куда более древней, чем подготовленная литературой. И тут истоки этой традиции мы обнаруживаем в том же «Втором Риме» — Византии, когда Юстиниан одним из первых своих деяний осуществил уничтожение коллегии адвокатов.

К ораторству в России. Достоевский. «Дневник» 1876. Февраль // *Достоевский Ф. М. Полное собрание соч.* 3-е изд. СПб., 1888 («По поводу дела Кроненберга». Об адвокате Спасовиче).

59. Цель Д.: «Обозначить, в какое фальшивое и нелепое положение может быть поставлен иной известный талантливый и честный человек, единственно лишь фальшью первоначальной постановки (им самим. — А. Б.) самого дела».

61. Д. считает наивным для себя распространяться «о том, какое полезное и приятное учреждение адвокатура». Как адвокат сбивает с толку прокурора и «вот — невинный — оправдан. Нет — это полезно».

62. «В высшей степени нравственно и умирительно, когда адвокат употребляет свой труд и талант на защиту несчастных, он заведомо защищает и оправдывает виновного, что это друг человечества». ... «Избежать фальши и сохранить честность и совесть адвокату так же трудно..., как и всякому человеку до-

стигнуть райского состояния». ... «Народное словцо — адвокат — нанятая совесть».

63. О свойствах таланта. Свойства таланта иногда... несносны... Талант ли обладает человеком, или человек, или человек своим талантом.

64. Об отзывчивости таланта. «Белинский в разговоре с Д.: о блудодейственности таланта» (ср. «блудодей слова» в «Братьях Карамазовых») ... «чрезвычайно трудно оставаться честным человеком иногда именно через эту самую излишнюю и разбалованную “отзывчивость”, принуждающую нас лгать беспрерывно».

65. О политическом ораторстве Ламартина — этого — «это не человек: это лира» (см. Д.).

66. О таланте и капитале и совести (! см.).

67. Талант и «всякие средства хороши, если ведут к прекрасной цели».

69. «Мы, русские... не любим мы как-то немцев сердечно, хотя умственно готовы их уважать».

72. О присяжном заседателе: «Рассудить ему некогда, он под впечатлением неотразимого давления таланта».

176. Об адвокатах и теории «среды». «Да неужели не прислушивается к голосам авокатов: конечно, дескать, нарушен закон, конечно это преступление... но, господа присяжные, примите во внимание и то...»

180. За границей я с горечью наблюдал наших абсентеистов... под конец половина их обратится в эмигрантов... столько может быть лучших людей...

184. Снова об адвокатах. Дело о матери, поднесшей ручку ребенка под кран кипящего самовара. Представьте суд по этому делу: «То-то, должно быть, вертелся бы тут адвокат: “Господа присяжные, конечно, случай этот нельзя назвать вполне гуманным, но возьмите дело в его целостности, представьте среду...”» (не судебное дело, а факт).

О, конечно, понимаю всю полезность и всю высоту адвокатского звания, всеми уважаемого... (но) «какова иногда их должность каторжная... вертится изворачивается как уж, лжет против своей совести, против собственного убеждения».

185. Другой факт: муж привешивает жену вверх ногами. «Неразвитость, тупость, пожалейте, среда, настаивал адвокат...»

194. О Чернышевском: «Его уме и таланте никто никогда не сомневался» (в связи с обвинением Д. в том, что его «Крокодил» — пасквиль на Ч. — см.).

195. Не названный «уважаемый высоко» Д. сказал ему: «Я только что прочел статью В. “О среде”. Я с В. вполне согласен, но статья В. может произвести неприятное впечатление. Подумают, что Вы за отмену суда присяжных... Неужели так можно истолковать мою статью! После этого ни о чем нельзя говорить. Экономическое и нравственное состояние народа по освобождению от крепостного ига — ужасно... Падение нравственности, дешевка, жида-кабатчики, воровство и дневной разбой — все это несомненные факты, и все растет, растет... неужели закричат, что он крепостник и стоит за обратное закрепощение крестьян?»

201. Рассказ старца о случае богохульства — предложение выстрелить в икону. О психологической стороне факта: «Тут появляются перед нами два народных типа русского народа в его целом: I. Это потребность хватить через край, потребность отрицания... но и с такою же жаждою самосохранения». Мне едва ли есть необходимость углубляться в исследование причин, позволивших одному человеку оказать столь глубокое влияние, какое оказал Сталин на ораторское искусство на протяжении столь длительного времени. Безусловно, нечто аналогичное имело место почти за две тысячи лет до нашего времени и превосходно освещено в знаменитом «Диалоге об ораторах» Тацита, кстати сравнительно недавно изданном у нас (1969) в великолепном переводе, делающем честь как самому автору, так и переводчику. И пусть послужит извинением мне за длинные выписки, которые я ниже приведу, прекрасный русский текст как в отношении художественного изложения, так и по существу. Во всяком случае, автор этих строк ничего более убедительного в объяснении указанного феномена предложить не может.

Итак, обратимся к «Диалогу».

80. Да, искусный защитник есть предел всему.

85. О семье. Спасович: «Государство только тогда и крепко, когда оно держится на крепкой семье». См. Д. рассуждения о русских как народе молодом, для которого «святыни» ценны не сами по себе, а когда что они святы. «Святыни наши не из полезности их стоят, а по вере нашей».

86. «Мы любим святыню семьи, когда она в самом деле свята, а не потому что на ней крепко стоит государство».

Говоря о том, о случаях оправдания виновного, Д. не мог не коснуться знаменитой теории «Среды», к которой особенно охотно прибегали адвокаты. Так, в нашумевшем деле о матери, поднесшей ручку ребенка под кран кипящего самовара, Д. пишет: «Представьте себе суд по этому делу: то-то должно быть вертелся бы тут адвокат: “Господа присяжные, конечно, случай этот нельзя назвать вполне гуманным, но возьмите дело в его целостности, представьте среду...”»

Или другой факт: муж привешивает жену вверх ногами. Что говорит адвокат? — «Неразвитость, тупость...»

Закончим некоторыми общими сентенциями об адвокатах самого Д. «Избегать фальши и сохранить честность и совесть адвокату так же трудно... как и всякому человеку достигнуть райского состояния».

Писания Достоевского об адвокатуре, несомненно, оказали немалое воздействие на общественное мнение в плане отрицательном. Д. неоднократно касается адвокатуры в своих публицистических выступлениях («Дневники писателя»), а также в художественных произведениях. В публицистических своих выступлениях достаточно четко изложены соображения писателя для обоснования своего в общем отрицательного отношения к этому, по его собственным несколько ироническому выражению, «полезному и приятному учреждению».

У Д. речь идет исключительно о судебной адвокатуре, и касается он ее в связи с конкретными судебными делами.

АПОКАЛИПСИС

Это слово на протяжении веков овеяно зловещими представлениями, хотя в его первоначальном значении ничего подобного не было заключено. Появилось это слово почти на заре новой, нашей, эры, будучи т. о. ее сверстником. Однако сами настроения, которые в современном восприятии могут быть обозначены как апокалиптические, являются значительно более древними. Связаны они, насколько можно судить, прежде всего с кризисными явлениями в природной окружающей среде — с теми, к которым приложимо современное понятие «экологические», ныне включающая, однако, более широкий ряд явлений, прежде всего, кризисы социального порядка, вызванные ходом развития самой цивилизации.

Апокалиптические явления знает уже письменность Древнего Востока. Один из ныне наиболее авторитетных знатоков, И. М. Дьяконов, говоря о мифах Древнего Востока и не употребляя самого слова «Апокалипсис», пишет о таких явлениях следующее: «Трудно объяснимыми являются мифы о периодической гибели и возрождении мира». К таким мифам Дьяконов относит универсальный миф о мировом потопе. «Боги, как он поясняет, по разным причинам разгневались на людей и решили залить мир водами мирового океана. Однако пара людей все же была спасена. Но не только миф о потопе. «Место потопа иногда занимает всемирный пожар или мор и другие бедствия», которые приурочиваются к мифическому прошлому или к будущему. В итоге намечается концепция сменяющих друг друга мировых и множественных миров, смыкающихся с социальным мифом о будущем спасителе мира от гибели, и людей от их горькой судьбы в мире».

Из дошедших до нас собственно восточных письменных источников особенно большой интерес для нашей темы представляют религиозные тексты древних иранцев, заключенные в Авесте. На них мы остановимся подробнее.

Уже в древнейшем тексте авестийского кодекса говорится о «пришествии», о воскресении и Страшном суде, притом — в ближайшем будущем. В более поздних текстах Авесты фигурирует понятие о мировых периодах, которые исследователь их комментирует так: «Понятие о мировых периодах — позднейшее приспособление к исторической действительности. Политические судьбы усилили ожидания, подняв их на степень страстного хилиазма» (о хилиазме см. ниже). И далее: «Последние времена с их эсхатологическими событиями — три последних тысячелетия из девяти тысячелетий великой мировой борьбы (сил добра со злом)... сила зла победительна...».

Происходят бедствия, насылаемые духом зла... появляются знамения на Солнце и на Луне, происходят землетрясения, ветры превращаются в бури, умножаются скорбь и страдания, отовсюду выступают враги... С Востока появляется демон с распущенными волосами... а также появляются дьяволы «с кожаными поясами».

Однако общее заключение всемирной истории, по Авесте, оптимистичное. В ней речь идет о достижении всем миром добра; зло будет уничтожено

с «установлением владычества Ахура-Мазды — (божества добра), в котором праведные будут жить с ним вечно».

На последнем этапе борьбы со злом в качестве главного героя выступает пророк Заратустра — сын Вистаспа и его сын Гушедар, герой первого тысячелетия. На помощь им Ахура-Мазда посылает божество Сраоша с ангелами. Сраоша — этот авестийский вестник Бога побуждает к борьбе сына Вистаспы, «чтобы он посвятил писанию огонь и воду и снова восстановил владычество веры. В результате победы языческие капища уничтожаются. Время волка прошло, наступило время агнца».

В борьбу вступает и другой сын Заратустры — Гушедар-Мах, властитель второго тысячелетия. Он сражается со змеями и демонами. Он приносит мир, во время которого люди делают такие успехи во врачевании, что человека нельзя убить ни мечом, ни ножом, а пищи требуется так мало, что постепенно он вовсе отвыкает от нее. Замечательно, к чему ведет последнее благо. Оно ведет к отпадению от веры, чем немедленно пользуется Ахриман (демон зла). С помощью Ажи Дахака истребляет он треть людей, губит растения и совершает другие преступления. Но против него выступает герой Керешаспа, убивающий Ажи Дахака, после чего наступает благое тысячелетнее царство.

Между тем от семени Заратустры рождается Саошианта — Спаситель, приносящий «окончательную мировую победу» с воскресением мертвых. Суд над последними. Злого человека будет легко отличить как черную овцу в стаде белых. Праведный пойдет на небо, злой грешник — в ад. Опустим некоторые другие подробности о происходившем в связи с воскрешением мертвых.

Наконец происходит борьба между духами добра и зла. Последних бросят в огонь. Остальные станут совершенными, бессмертными. К авестийской мифологии относится и миф о Йиме (Ям в ведийской мифологии, Джемшид по «Шах-наме»), с именем которого связано представление о «золотом веке» человечества. Вот как он рисуется:

В царстве великопного Йимы
Не было ни холода, ни жары, ни старости, ни смерти,
Ни созданной девами болезни. Словно 15-летние ходили каждый,
И отец и сын.

На этом мы оставим древневосточную мифологию с ее апокалиптическими представлениями.

Определенные осязуемые нити связывают приведенными апокалиптическими мотивами таковые в библейской письменности, включая и пророческие книги, к которым мы и переходим.

С древневосточной мифологией связан знаменитый библейский рассказ (в книге «Бытие») о всемирном потопе и Ноевом ковчеге, в котором спаслись «пары всех видов животных и сам Ной с сыновьями».

Мотивы Апокалипсиса в более осязаемо угрожающих выражениях звучат в книге «Второзаконие»: «Пошлет на тебя (на Израиль), — говорится в ней, — проклятие, смятение и несчастье во всяком деле рук твоих, какое не станешь делать, доколе не будешь истреблен». Или: «И не будет места покоя для ноги твоей,

и Господь даст тебе там трепещущее сердце, истаивание очей и изнывание души; жизнь твоя будет висеть перед тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей». Экологически-апокалиптически звучат слова: «Сера и соль, пожарище — вся земля; не засеивается и не произрастает она, и не выходит на ней никакой травы, как по истреблении Содома и Гоморры».

А в отношении самих людей: «До сего дня не дал вам Господь сердца, чтобы разумыть, очей, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать».

К исторически достаточно определенным временам (к векам и даже к точным датам) приурочены книги пророков, в которых особенно многочисленны прорицания апокалиптического звучания. Ими можно было бы заполнить много страниц. С полным основанием их можно считать прямыми предшественниками Апокалипсиса Евангелических текстов, в которых впервые прозвучало само это слово и через которые оно дошло до наших дней.

Все профетические прорицания апокалиптического содержания, разумеется, привести здесь не представляется возможным. Остановимся лишь на наиболее ярких из них.

В исторической науке пророки делятся на так называемые великие и малые.

Из представителей старших пророков (VIII–VI вв. до н. э.) назовем следующих. Древнейшим считают пророка Илию, которого именуют «пророком пустынь». Во имя Иеговы он поражает страну засухой, как следствие «мести Иеговы», не признающего установившейся государственной власти (?). Антикультурная проповедь звучит в пророчествах Амоса — противника занятия земледелием, призывавшего к возвращению к жизни в шатрах. Знаменитейшими «великими» пророками выступают Исайя и Иеремия. В их прорицаниях особенно ярко отразились возникшие в народе социальные неурядицы и бедствия, связанные с агрессивными выступлениями внешних врагов. Страстно осуждается «нравственный упадок». Пророчества Исайи, хотя и обращенные непосредственно к израильскому народу, носят ярко выраженный универсальный характер, разумеется в пределах географического и политического горизонта того времени. Вот характерные примеры его пророчеств: «Истощатся воды в море, и река иссякнет и высохнет, и оскудеют реки, и каналы египетские обмелеют; камыш и тростник завянут. Поля при реке, по берегам и все посеянное при реке засохнет, развется и исчезнет».

Или о Ливане: «И посетит чашу леса железом, и Ливан падет от Всемогущего».

Люди, обуюнные гордостью, уповая на мощь стен и башен стеречь свои богатства, окажутся бессильными. «Ибо грядет день Господа на все гордое и высокомерное и на все превознесенное — и оно будет унижено...

И на всякую высокую башню, и на всякую крепкую стену, и на все корабли фарсиские, и на все выделенные украшения их. И падет величие человеческое, и высокое людское унижится».

То было время острых военных международных столкновений. Точно предвидя такую обстановку, пророк восклицает: «Враждуйте народы, но трепещите и внимайте все отдаленные земли. Вооружайтесь! Вооружайтесь, но трепещите! Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится».

Но Исайя не пессимист. Спасение он видит в мессианской идее, основоположником которой он по праву признается.

Картина миропорядка, рисуемая пророком с приходом Мессии, на века запечатлелась в человеческом сознании. Приведем небольшой знаменитый фрагмент ее: «Тогда волк будет жить вместе с ягненокм, барс будет лежать вместе с козленком, и молодой лев и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. Не будут делать зла и вреда на всей горе моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море».

Глубокой скорбью и страстностью пронизаны пророчества («плачи») Иеремии. Обличая греховность и зло, творимые людьми, он обращается в первую голову к тому общественному слою, который несет ответственность за нравственное состояние народа. О них он говорит: «Ибо от малого до большого, каждый из них предан корысти. От пророка до священника все действуют лживо; врачуют раны народа моего легкомысленно, говоря: „мир“, „мир“, а мира нет». Обращаясь к более широкому слою высшего класса, Иеремия вещает: «Ибо между народом моим находятся нечестивые: сторожат, как птицеполовы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей. Как клетка наполненная птицами, дома их полны обманом: через это они возвысились и разбогатели». И вот как следствие для всей земли прорицает: «Смотрю на землю — и вот она разорена и пуста, на небеса — и нет на них света. Смотрю на горы, и вот они дрожат, и все холмы колеблются. Смотрю — и вот нет человека, и все птицы небесные разлетелись». И в который раз повторяет: «Пути твои и деяния твои причинили тебе это: от твоего нечестия тебе так горько, что доходит до сердца твоего».

Вещая о мрачном будущем стран земли, пророк восклицает о себе: «Утроба моя! Утроба моя! Скорбю во глубине сердца моего, волнуется во мне сердце мое, не могу молчать, ибо ты слышишь, душа моя, звук трубы, тревогу брани».

С подобными прорицаниями выступал и ряд других пророков. Их мы, однако, приводить не будем. Остановимся лишь на одном из великих пророков — Иезекииле, в видениях которого апокалиптические черты выступают особенно ярко и рельефно. Его прорицание по праву считается прямым предтечей Евангелическому Апокалипсису, наполнив содержанием само понятие. К нему мы и перейдем.

Пророка Иезекииля называют «отцом позднейшей эсхатологии», имея в виду и христианскую. Сам пророк называет себя «сыном человеческим» — понятием, вошедшим важным элементом в понятийные категории христианского учения. С представлением о месте человека связано в профетике И. и оптимистическое начало самой эсхатологии — спасения после апокалиптических катаклизмов, которые обрушиваются и будут обрушены на заблудившихся в греховности людей. Вот одно из примечательных мест в его пророчествах: «Если бы какая земля согрешила предо мной, — передает он слово Бога, — вероломно отступила от Меня, и Я простер на нее руку мою, истребил в ней хлебную опору, и послал на нее голод, и стал губить на ней людей и скот... Или, если бы Я послал на эту землю лютых зверей, которые осиротили бы ее, и она по причине зверей сделалась бы пустынею и непроходимой... Или, если бы Я навел

на эту землю меч и сказал: “меч, пройди по земле!” и стал истреблять людей и скот... Или, если бы я послал на ту землю моровую язву и излил бы на нее ярость Мою и кровопролития, чтобы истребить на ней людей и скот... и тогда останется остаток ... и вы увидите поведение и дела их, и вы утешитесь о том бедствии, которое я навел...”

Для пророчеств Иезекииля особенно характерен их глобальный характер. Его плачи обращены к народам Тира, Дамаска, Дедана, Аравии, Ливана, обращается также к Персу и Лидянину.

Вот, например, плач о Тире: «И было ко мне слово Господне: и ты сын человеческий, подними плач о Тире, и скажи Тиру, поселившемуся на выступах в море, торгующему с народами на многих островах: так говорит Господь Бог: Тир! Ты говоришь: “Я совершенство красоты!” Пределы твои в сердце морей, строители твои усовершеншили красоту; из Сенирских кипарисов устроили все помосты твои; брали в Ливане кедр, чтобы делать на тебе мачты; из дубов Васанских делали весла твои, скамьи твои делали из букового дерева, с оправою из слоновой кости с островов Киттимских; узорчатые полотна из Египта употреблялись на паруса твои и служили флагом; голубого и пурпурового цвета ткани с островов Елисы были покрывалом твоим. Жители Сидона и Арвада были у тебя гребцами; свои знатоки были у тебя, Тир, они были у тебя кормчими. Старшие из Гевалы и знатоки его были у тебя, чтобы заделывать пробойны твои. Всякие морские корабли и корабельщики их находились у тебя для производства торговли твоей. Перс, и Лидянин, и Ливиец находились в войске твоём и были у тебя ратниками, вешали на тебя щит и шлем; они придавали тебе величие. Сыны Арвада с собственным твоим войском стояли кругом на стенах твоих и гамадимы были на башнях твоих; кругом на стенах твоих они вешала колчаны свои; они довершали красоту твою».

Но вот финал всей этой успешной торговли. «Гребцы твои завели тебя в большие воды; восточный ветер разбил тебя среди морей. Богатство твое и товары твои, все склады твои, корабельщики твои и кормчие твои... и распоряжающиеся торговлею твоею, и ратники твои... и все множество народа в тебе, в день падения твоего упадет в сердце морей... и зарыдают о тебе громким голосом, и горько застенают, посыпав пеплом головы и валяясь в прахе, и острогут по тебе волосы догола, и опояшутся вретischem, и заплачут тебе от душевной скорби горьким плачем; и в сетовании своем поднимут плачевную песнь о тебе, и так зарыдают о тебе: “Кто как Тир, так разрушенный посреди моря!”

Все обитатели островов ужаснулись о тебе, и цари их содрогнулись изменились в лицах. Торговцы других народов свистнули о тебе; ты сделался ужасом, — и не будет тебя вовеки».

Вещание о Тире пророк заканчивает указанием и на причины гнева Божьего на него: «Говорит Господь Бог: за то, что вознеслось сердце твое и ты говоришь: “Я бог, восседаю на седалище божием в сердце морей” и будучи человеком, а не Богом, ставишь ум твой наравне с умом Божьим, — вот ты премудрее Даниила, нет тайны, сокрытой от тебя; твоею мудростью и твоим разумом ты приобрел себе богатство и в сокровищницы твои собрал золота и серебра; ...и ум твой ставишь наравне с умом Божьим, вот, Я приведу на тебя иноземцев, лютейших

из народов, и они обнажат мечи твои против красоты твоей мудрости и помрачат блеск твой; низведут тебя в могилу, и умрешь в сердце морей смертью убитых. Скажешь ли ты перед твоим убийцею тогда: “я бог”, тогда как в руке поражающего тебя ты будешь человек, а не бог?»

И еще говори пророк: «И было ко мне слово Господне: сын человеческий! Плачь о царе тирском и скажи ему: так говорит Господь Бог: ты печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. Ты находился в саду Едеме, в саду Божьем... От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою; за то Я повергну тебя на землю, перед царями отдам тебя на позор. Множеством беззаконий твоих и несправедной торговлей твоей ты осквернил святостище твое; и Я извлеку из среды тебя огонь, который и пожрет тебя, и Я превращу тебя в пепел, на земле перед глазами всех видящих тебя. Все знавшие тебя среди народов изумятся о тебе; ты сделаешься ужасом и не будет тебя вовеки».

Аналогичны, хотя и с неодинаковой «картинностью» и плачи о других странах, например Сидона, Египта. Но, разумеется, прорицания пророка обращены больше всего на царство Израиля, переживавшее глубокий внутренний кризис и находившееся в сложной угрожающей самому существованию его обстановке внешних враждебных сил.

Исследователей особенно привлекло и интриговало указание И. на наличие среди выступавших против Израиля народов, таких как Египет или Ассирия, неведомого народа — Гог и Магог. Были высказаны разные гипотезы по их идентификации, которые перечислять не будем. Но именно с их появлением пророк связывает глубокие апокалиптические порясения «В тот день, — пророчествует И., — произойдет великое потрясение на земле Израилевой, и вострепещут от лица моего рыбы морские, и птицы небесные, и звери полевые, и пресмыкающиеся, ползущие на земле, все люди, которые на земле, и сокрушатся горы и упадут утесы и все стены упадут на землю».

В то же время пророк вещает и о глубоких внутренних (социальных) боре-ниях, которые вспыхнут в самом царстве Израильском. «И по всем горам моим призову меч против него... меч каждого человека будет против брата его. И буду судиться с ним моровою язвою и кровопролитием». Дальше не совсем ясно (для автора заметки), о ком говорит пророк — об Израиле или о народах Гог и Магог, как будто о последнем, но теми же апокалиптическими выражениями: «и пролью на него и на полки его и на многие народы, которые с ним всепоглощающий дождь и каменный град, огонь и серу».

Впрочем, далее пророк уже прямо называет Гога, которого Бог подвергнет бедствиям, в выражениях, подобных только что приведенным. Не станем их здесь повторять.

Как выше отмечено, Иезекииль помимо апокалиптических прорицаний выступил и с эсхатологическими пророчествами, изложенными им в весьма «натуралистической» форме.

Вот как звучит пророчество об этом: «была на меня рука Господа и Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, и обвел меня кругом посреди них, и вот весьма много их на поверхности поля,

и вот они весьма сухи... И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: кости сухие! слушайте слово господне! ...вот я введу дух в вас и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожей, и введу в вас дух, и оживете и узнаете, что я Господь».

АПОКАЛИПСИС. ХРИСТИАНСКАЯ ЭРА

Оставляя мифологию Древнего Востока и писания Ветхого Завета, обратимся к новой, христианской, эре. Картина апокалиптических представлений (без упоминания самого слова «Апокалипсис») дана уже в первом каноническом Евангелии от Матфея, в передаче проповеди самого Христа на Елеонской горе.

На слова Иисуса о разрушении Иерусалимского храма, когда «не останется камня на камне», ученики его задают вопрос: «Когда это будет и каков признак твоего пришествия и кончины века?» Предостерегая их, Христос отвечает: «Берегитесь, чтобы никто не прельстил вас. Многие придут под именем моим и будут говорить: "Я Христос" и многих прельстят».

Пророчество о разрушении храма сопровождается предсказанием о наступлении войны и других катастрофических явлений.

«Также, — говорит Иисус, — услышите о войнах и военных слухах. Смотрите и не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это начало болезней».

Проповедник осознает (предчувствует), что его проповедь новой веры неизбежно вызовет со стороны власть предержащих преследования и предупреждает о преследовании уверовавших. Не все сохранят силу духа. «И когда соблазняются многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга... и по причине беззакония, во многих охладеет любовь». Такое состояние, однако, всеобщим не будет. «Претерпевший же до конца спасется». Ради последних сократятся и те дни бедствий. «И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть».

Появление самого слова «апокалипсис» связано с именем апостола Иоанна Богослова, прорицания которого вошли в состав канонических евангелий под названием «Откровения». Слово это и передано по гречески «апокалипсис». Апостол обозначил место и год изреченных им откровений. Это происходило на острове Патмос в год 68-й христианской эры. Проследим за ходом его откровений, которые легли в основу апокалиптических представлений на протяжении всех последующих веков христианской веры. Отсылая читателей к полному тексту «Откровений», передать который здесь нет возможности, остановимся на наиболее ярких отрывках его, имеющих непосредственное отношение к апокалиптическим представлениям в их понимании последующими веками.

Для их текстуального понимания необходимо привести начало «Откровений», как их передает апостол: «Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя

громкий голос, как бы трубный», повелевающий написать в книгу то, что он видел, и послать семи церквам, находящимся в Азии, каждой в отдельности. Сами эти послания, изобилующие символами, таинственными образами, знаменаниями, ставшие, как известно, предметами многих толкований, в том числе, например, Ньютона, или почти нашего современника, известного народовольца Н. А. Морозова, посвятившего их истолкованию десятилетия своего пребывания в Шлиссельбургской крепости и опубликовавшего их в конце 1920-х гг. После изложения своих посланий к церквам апостол продолжает: «После сего я взглянул, и вот дверь отверста на небе, и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мной, сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего».

Видения в форме фантастических и реальных животных, ангелов, запечатанных книг и прочими образами и символами призваны раскрыть события, ожидающие человечество, мир, землю в целом, занимающие многие страницы печатного текста мы приводить не будем, ограничимся лишь следующими отрывками. Вот книга о семи печатях, снять которые никто не может, кроме Агнца. «И я видел, — говорит апостол, — что ангел снял первую печать... Я взглянул, и вот конь белый и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец, и вышел он как победоносный, и чтобы победить». После снятия Агнцем второй печати вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга, и дан ему большой меч. Когда была снята третья печать, «и вот конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. И слышал голос, называвший цены на меру пшеницы и ячменя, елея и вина». Агнец снял и четвертую печать. «И вот конь бледный и на нем всадник, имя которому “смерть”, и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертой частью земли — умерщвлять мечом и голодом и мором и зверями земными».

После снятия пятой печати увидел апостол «души убиенных за слово божье» возопивших, требуя суда за их кровь. Но им были даны каждому одежды белые, «и сказано было чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их, и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число».

За шестой печатью апостол взглянул, «и вот произошло великое землетрясение и лицо стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь. И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих. И цари земные и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор, и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица сидящего на престоле и от гнева Агнца, ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?»

Завершив свое повествование о виденном им по снятии шестой печати с «Книги», апостол переходит к рассказу о виденных им ангелах. Сперва о четырех ангелах, «стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на море, ни на землю, ни на какое дерево». Видел он и «иного ангела, восходящего от Востока солнца и имеющего печать бога живаго». Именно этот ангел удерживает первых ангелов восклицая: «Не делайте

вреда ни земле ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего». Таких праведников, запечатленных из всех колен сынов Израилевых», как он слышал, было 144 тысячи.

После сего видел он «великое множество людей, которого никто не мог перечсть из всех племен и колен, и народов и языков, которые стояли перед Престолом и Агнцем, вознося им славословия. Это были те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. За это они пребывают ныне перед престолом Бога» ... «Они не будут уже ни алкать, ни жажжать, и не будет палить их солнце и никакой зной», ибо Агнец «будет пастить их и водить на живые источники вод; и отрет бог всякую слезу с очей их».

Возвращаясь к «Книге», апостол повествует о виденном им по сятии Агнцем последней, седьмой печати с ней. Сперва «сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса». Затем появляются семь других ангелов, и «дано им семь труб» и еще иной Ангел с золотой кадильницей и с «множеством фимиама» ... «и наполнил ее огнем ... и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и молнии и землетрясения».

Между тем те семь ангелов с трубами приготовились трубить. Вот что произошло после того, как протрубил каждый из ангелов. После первого сделался град и огонь, смешанные с кровью» и пали на землю; и третья часть деревьев стореда, и вся трава зеленая стореда».

После второго ангела «как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море, и третья часть моря сделалась кровью, и умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла».

После того как третий ангел вострубил, «упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на треть часть рек и на источники вод. Имя сей звезды «Полынь», и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки».

Четвертый ангел вострубил «и поражена была третья часть солнца, и третья часть луны, и третья часть звезд ... затмилась, и третья часть дня на свете была — так как в ночи». В то же время апостол услышал еще одного ангела, говорившего: «Горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов остальных трех ангелов».

Так, после пятого ангела апостол увидел «падшую на землю звезду и дан ей ключ от кладезя бездны», отворив его, вышел дым из кладезя «и помрачилось солнце и воздух ... И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы».

И было сказано ей, чтобы не делала вреда траве земной, никакой зелени и никакому дереву, а только одним людям, «которые не имеют печати Божией на челах своих», притом «только мучить их пять месяцев... подобно мучению от укуса скорпиона... В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее...»

Минует описание вида саранчи, подобной гибриднему фантастическому животному, но с лицом «как лица человеческие» ... «Царем над собою она имела ангела бездны. Имя ему по-еврейски Авваддон, а по-гречески — Аполлон».

«Одно горе прошло, — продолжает вставку апостол, — вот идут за ним еще два горя».

Когда протрубил шестой ангел, были освобождены четыре ангела, которые до того были связаны при великой реке Евфрате, ангелы, приготовленные для того, чтобы умертвить третью часть людей». Это осуществляет «конное воинство (числом) две тьмы тем, всадники, имевшие на себе брони огненные, гиацинтовые и серные, головы коней, как головы львов, изо рта их выходил огонь, дым и сера. От этих трех язв, от огня серы и дыма... умерла третья часть людей. Вредили кони также хвостами, которые были подобны змеям».

Несмотря на эти казни, остальные люди не покаялись, упорствуя в своих грехах.

После сего апостол увидел еще одного ангела «сильного, сходящего с неба, облеченного облаком; над головой его была радуга, и лицо его как солнце, и ноги как столпы огненные, в руке у него была книжка раскрытая. И поставил правую ногу свою на море, а левую на земле». Ангел воскликнул громовым голосом... «тогда семь громов проговорили голосами своими».

Апостол намеревается записать их слова, но ангел сказал: «Скрой, что говорили семь громов и не пиши сего». Ангел же, стоящий на море и земле возвестил, что времени уже не будет, но в те дни, когда возгласит седьмой ангел, когда он вострубит, свершится тайна. «...И когда он вострубит раздалися на небе громкие голоса, говорящие: Царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков...»

Апокалиптические видения, как составная часть христианского учения, сопутствует ему на протяжении всей многовековой истории распространения христианства. Ими освещаются, к ним прибегают с особым постоянством в моменты кризисных ситуаций, выпадавших на долю человечества в изобилии в последующие века.

Обращаясь к векам раннего христианства и средневековья, мы ограничимся следующим общим замечанием современного исследователя, специалиста-историка христианства.

«Раннее христианство жило не прошлым, но будущим, не историей, но эсхатологией и апокалиптикой», что передалось и средневековью. Так, например, в таких популярных для умонастроения третьего века учениях, как герметизм, гностицизм и им подобным было «распространение учений о неизбежной кончине мира. Боги покинут людей, воцарится нечестие и беззаконие, земля покроется трупами, моря и реки наполнятся кровью... Бог очистит состарившийся мир наводнениями, чумой, войнами». Так передает исследователь описание судьбы мира в одном из герметических трактатов. Правда, оно заканчивается пророчеством о возрождении благочестия и светлого начала, но оно менее ярко и детально, чем картина упадка и разрушения мира.

Что касается распространенности апокалиптических представлений в раннем средневековье в народной среде, то об этом свидетельствуют появившиеся во множестве апокрифические «откровения» вроде «Хождений по мукам» и «Книги Еноха», которые были исключены из канонических сочинений.

Нельзя сомневаться в том, что из христианства перешли и в ислам эсхатолого-апокалиптические представления. Вот как они передаются в известной суре Корана, озаглавленной «Воскресенье» (VII в.).

«Клянусь днем Воскресения. Клянусь душою, саму себя упрекающей. Ужели человек думает, что нам не собрать костей его? Напротив, Мы можем правильно сложить даже концы пальцев его, а человек спрашивает: “Когда день воскресения?” Тогда, когда зрение помрачится и луна затмится и солнце с луной соединится... Истинно человек будет верным обличителем самого себя, хотя бы желал привести извинения за себя».

Как нетрудно установить, в этом тексте Корана присутствуют прямые намеки, аллюзии на вышеприведенные пророчества христианского апокалипсиса. Но надо сказать, что в Коране находятся и некоторые независимые от евангелистских образные видения, как, например, в суре 101, названные «поражающие». «Что такое поражающие? О если бы кто вразумил тебя, кто это поражающие! Это день, в котором люди будут как бабочки разогнанные, горы как шерсть расщипанная».

К АПОКАЛИПСИСУ. РОССИЯ XIX в.

Говоря об апокалиптических настроениях в России в первой половине XIX в., мы не будем касаться церковных или околоцерковных кругов, которые отталкивались от библийско-евангелических текстов. Такие настроения, как увидим ниже, нашли отражение в светском общественном сознании, достаточно независимом от церковных кругов. Одним из первых известных мне авторов, упоминающих об апокалипсисе, был поэт Федор Глинка. Им был написано большое стихотворение, навеянное грандиозным лесным пожаром, который он наблюдал в Карелии («Кариоландии»). Не приводя полностью красочного описания пожара, ограничимся последними несколькими стихами:

...и нам

Тогда казалось, уж настала
Кончина мира, гибель дней
Давно на Патмосе в виденьи
Предсказанные. Все в томленьи
Съедалось жадностью огней,
Порывом вихрей разнесенных,
И глыбы камней раскаленных
Трещали. Этот лес, сей жар
И вид дымящегося мира...

Впрочем, закончил поэт оптимистически:

Но осень нам дала и тучи,
И ток гасительных дождей;
И нивой пепел стал зыбучей,
И жатвой радовал людей.

В десятилетия середины XIX в. распространены ожидания катастрофических явлений природы в духе апокалипсиса. Это были теории западноевропейских, подчас весьма крупных ученых-естественников разных специальностей — математиков, астрономов, геологов. Обычно очень скоро они становились известными в России широкой публике посредством журналистики. Из авторов, которые обращались к этой теме, самый известный — это А. И. Герцен. Приводимые ниже отрывки из его статей и писем дают если не полное, то характерное представление о его отношении к угрожающим природным явлениям. В связи с открытием астрономами солнечных пятен Герцен пишет: «Кто поручится за то, что какая-нибудь перемена на солнце не вызовет катаклизм на всей поверхности земного шара, и тогда мы со зверьем и растениями погибнем. И на наше место явится новое население, прилаженное к новой земле? Страшная вещь, а отвечать нельзя». Характерно и заключение к этой цитате: «Одно настоящее — наше, а его-то ценить не умеем».

В таком же духе Герцен пишет и в другом месте: «Мало ли что может быть! Энкиева комета зацепится за земной шар, геологический катаклизм пройдет по поверхности... Какое-нибудь преобразованное испарение сделает на полчаса невозможным дыхание — вот вам и финал истории... Смерть одного человека не менее нелепа, чем гибель всего рода человеческого. Кто нам обеспечит вековечность планеты?.. Она так же мало устоит при какой-нибудь революции в солнечной системе как гений Сократ. ...для природы... ее не убудет... и она с величайшей любовью, похоронивши род человеческий, начнет опыт с уродливых папоротников и с ящериц».

В одном из писем, составляющих его публицистические сочинения «Концы и начала», Герцен, говоря о дурной погоде, стоящей на дворе, продолжает в характерном для него стиле: «Пора бы погоде исправиться, а то я начинаю опасаться уж не социального переворота, и геологического; я так и ждал, что след за дурной десятимесячной погодой Европа даст трещину и вулканической мерой разрубит гордый узел современных вопросов и тупиков, приглашая желающих начать не то что с азбуки, а с Адама». Дальше, обращаясь к адресату, Герцен пишет: «Ты... должно быть не веришь такой чепухе, а Ламэ в качестве одного из величайших математиков нашего времени не того мнения. Ему кажется, что равновесие скучившихся материков очень непрочное и что, взяв к тому же в расчет движение в одну сторону и кой-какие факты передвижения масс в Исландии, того и смотри, что шар земной даст трещину в Европе. Он даже составил ряд формул, сделал ряд вычислений...» Заканчивает он это рассуждение так: «Ну да что тебя пугать, до Орловской губернии трещина не дойдет».

В другом месте Герцен пишет: «Куда же человечество идет... Видно не туда, куда мы думали. Оно и в самом деле трудно знать, куда попадешь, ехавши на шаре, который несколько месяцев тому назад чуть не угодил под комету. А не нынче-завтра даст трещину... Но не только поэтому... а потому, что мы несемся в поезде со странными товарищами и не можем выйти на полдороге, ни остановиться, ни направить путь... захватило и несет».

Во второй половине XIX в. среди авторов, обращавшихся к апокалиптическим представлениям, наиболее влиятельными были Достоевский, Соловьев

и Федоров. Хотя и они в том или ином аспекте отталкивались от достижений науки своего времени, само их отношение к ней было резко отлично от Герценовского, приближаясь к толкованию апокалипсиса в духе библейско-евангелических «откровений».

В особенности это относится к Достоевскому. На такой характер отношение Достоевского от «апокалипсиса» в последнее время обращалось внимание и советскими исследователями. Так, один из исследователей, исследуя роман «Бесы», пишет, что этот роман «самое набатное предупреждение». Достоевский придал ему самую современную форму, сочетая библейские апокалиптические черты с газетными. Как и откровения от Иоанна, «Бесы» — тоже хроника конца света».

По словам другого исследователя, для Достоевского вся история — это «род длящегося апокалипсиса, в котором бог и дьявол борются между собой».

В художественной форме апокалиптическая картина, ожидающая мир, нарисована Достоевским в известном описании горячечного бреда Раскольникова в тюрьме. В этом описании прежде всего привлекает внимание удивительная «трихина», одаренная умом и волей. Вполне очевидно, что Достоевский заимствовал само представление о таких существах из современных ему медицинских теорий о распространении заразных болезней через посредство микробов или бактерий, которых позже Л. Н. Толстой назовет «козявками», но наградив их «умом и волей». Замечательно, что Достоевский, говоря об этих существах в 1860-х гг., когда было написано «Преступление и наказание», вспомнил снова о них более чем через десять лет, когда он сочинил фантастический рассказ «Сон смешного человека». На этот раз трихину рассказа видит не в бредовом состоянии, а мы бы сказали в «нормальном» сновидении, правда, увиденном при не совсем нормальных обстоятельствах.

Роль этих трихин, как они рисуются во «сне», представляет для нас особый интерес именно в плане апокалиптических видений Достоевского. Мы приведем рассказ об этом эпизоде, связанном с трихиной вместе с толкованием его по пересказу известным литературоведом Ю. Карякиным в работе, опубликованной совсем недавно (в 1984 г.), в несколько сокращенном виде: «Во сне Смешной попадает на другую планету, где живут “дети солнца”. К ним он принес в себе некую трихину, с помощью которой погубил “среду”, в которой обитали инопланетяне. Что это такое? В “Преступлении и наказании” о ней говорится, как об обладательнице “ума и воли”. Во “Сне” она разъяснена подробнее. “Скверная трихина”, “атом чумы” — это и есть самолюбие ума, проникшее в самое сердце и развратившее его. Человек с такой трихиной, с таким атомом не может любить без ненависти, не может и ненавидеть без любви. Собственно “самолюбие ума” началось с атома, но это “атом лжи”, который проник в сердца и понравился им (т. е. инопланетянам). С этого и началась история инопланетян, история, грозившая им гибелью».

Несколькими годами раньше (в 1979 г.) весь бредовый сон Раскольникова был полностью перепечатан в монографии, посвященной Достоевскому. Автор исследования Ю. Г. Кудряцев в комментарии к содержанию сновидения предваряет текст утверждением, что в нем «наиболее ярко проявляются “идеи нигилизма”,

а в заключении он пишет: «Здесь нигилист, видимо, подводит предварительные итоги своей теории и своей жизни...» Общий итог изображенного Достоевским нигилизма — гибель цивилизации, на формирование которой затрачены тысячи лет».

Не вдаваясь в рассмотрение предложенного толкования сна как выражения идеи нигилизма и отождествления Раскольникова с нигилистами, отметим лишь, что такое истолкование крайне слабо аргументировано. Однако с замечанием автора, что «сон настолько значителен, что нельзя не привести его полностью» можно целиком согласиться.

Наконец, отметим замечания В. Я. Киркотина по поводу апокалиптических представлений Достоевского — одного из старейших в советском литературоведении авторов. В изданных им «Избранных работах» в трех томах (т. III, 1978 г.) о пьянстве на Руси он пишет лаконично и от своего имени, что «ему (Достоевскому)» чудился конец света, нечто аналогичное тому, о чем рассказывается в Апокалипсисе».

Более важны приводимые им слова самого Достоевского: «В самом деле, что ожидает мир не только в остальную четверть века, но даже (кто знает это?) в нынешнем, может быть, году (1877)... видно подошли сроки уж чему-то вековечному, тысячелетнему, тому, что приготовлялось в мире с самого начала».

Одновременно В. Я. Кирпотин ссылается на очень интересный отрывок из воспоминаний Тимофеевой, сотрудничавшей одно время с Достоевским.

Весь отрывок передан в форме обмена репликами между Достоевским и автором воспоминаний:

«— Они и не подозревают, что скоро конец всему... всем ихним прогрессам и болтовне! Им и не чудится, что ведь антихрист-то уж родился... и идет!

Он произнес это с таким выражением в голосе и в лице, как будто возвещал мне страшную и великую тайну, и затем, окинув меня быстрым взглядом, строго спросил:

— Вы мне верите или нет? Я вас спрашиваю, отвечайте! Верите или нет?

— Я вам верю, Федор Михайлович, но я думаю, что вы увлекаетесь и потому сильно преувеличиваете...

Он стукнул рукой по столу так, что я вздрогнула, и, возвысив голос, прокричал как мулла на своем минарете:

— Идет к нам антихрист! Идет! И конец мира близко, ближе, чем думаете».

К Апокалипсису. В. С. Соловьев

В последние десятилетия XIX в. на русское общественное сознание большое влияние оказал В. С. Соловьев. По крайней мере, в среде высшей интеллигенции он был во всеобщем почитании. Его слава оборвалась после революции 1917 г., и он был надолго забыт. Отношение к Соловьеву в советское время, до середины 1950-х гг., коротко, но выразительно передано в заметке, помещенной в Энциклопедическом словаре (1955). Приведу полностью текст заметки: «В. С. Соловьев, русский реакционный философ-мистик, богослов, публицист и поэт-символист, стремившийся соединить философию

с религиозным откровением». При сверхлаконизме характеристика в своей практической части вообще-то верная, вполне достаточна, чтобы им не слишком интересоваться. По обсуждаемой проблеме в текущем литературоведении каких-либо оценок или просто упоминаний имени Соловьева до недавнего времени автору обнаружить не удалось.

В самое последнее время мы очевидно присутствуем при начале возрождения интереса к Соловьеву. В 1983 г. вышли из печати сборник его избранных трудов и краткий биографический очерк. В это очерке несколько строк отведено сочинению Соловьева, имеющему отношение к теме апокалипсиса. В них говорится следующее: «В самом конце своей жизни он (Соловьев) заговорил о конце всей человеческой истории и о пришествии антихриста. Это предчувствие близости собственного конца в связи с изданием книги “Три разговора” о предстоящем всеобщем конце, не случайно».

Напомню, что один из разговоров назван «Краткая повесть об антихристе».

Приведем выдержки из повести, попытаюсь передать наиболее существенные моменты этого необычного сочинения.

Предварительно следует особо подчеркнуть, что в молодые годы, будучи студентом (в 1860-х гг.), Соловьев был увлечен естественными науками, хотя он и не завершил полный курс университетского образования. Выступал он и как публицист, откликаясь на политические проблемы, а также на литературные движения своего времени. Это и нашло отражение в «Краткой повести».

Автором ее назван некий инок Пансофий.

Тексту предпослан эпиграф (двустистишье) самого Соловьева. Оно весьма характерно:

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.
Как бы предвестием судьбины
Божией полно.

Текст начинается с рассказа о Японии, ставшей во главе азиатских народов. Первой страной, в которой Япония «утвердилась», был Китай. Оккупировав его, Япония устанавливает там новую династию. Первым богдыханом стал японец по отцу, а по матери китаец. Сразу же начинаются дальнейшие завоевания, распространяющиеся на суше по Евразийскому континенту, и одновременно морские походы в Америку и в Австралию.

При вступе первого богдыхана в Европе во главе с Россией начинается восстание против гегемонии Японии. Оно приводит к объединению европейцев и созданию соединенных штатов Европы. В Америке в это время цивилизация и демократия делают замечательные успехи. Что же происходит во внутреннем сознании всевропейского общества? «Предметы внутреннего сознания — о жизни и смерти, об окончательной судьбе мира и человека осложнились и запутались множеством новых научных и психологических открытий».

И вот в эти условиях на сцену выходит герой повести — антихрист. Фигура вполне апокалиптическая. Он гениален, себялюбив, объявляет Христа своим предтечей. Он утверждает: «Я буду представителем настоящим того Бога,

который возводит солнце над добрыми и злыми, дождит на праведных и неправедных. Христос принес меч, я принесу мир».

Затем происходит его встреча с «Князем Зла», внушающим ему: «Сын мой возлюбленный, в тебе мое благоволение. Зачем ты не взыскал меня? Зачем почитал того, дурного, и отца его? Я бог и отец твой. А тот нищий, распятый — мне и тебе чужой. У меня нет другого сына, кроме тебя. Ты единственный, единственный, равный со мной. Я люблю тебя и ничего от тебя не требую... (в отличие от Бога-отца, потребовавшего от сына беспредельного послушания)... Прими дух мой. Как прежде дух мой родил тебя в красоте, так теперь он рождает тебя в силе».

Герой повести публикует сочинение «Открытый путь к вселенскому миру и благоденствию», в котором излагает свое учение, которое встречено всеобщим ликованием. Триумф автора — героя <...>ся тем, что он избирается сперва президентом Сое<...>, а затем становится вселенским императором. Он осуществляет реформу по «желанию бедных, без ощутимой обиды для богатых». Проводятся «филантропические» мероприятия, например вводится надзор за боянями, запрещается вивисекция и пр. В мире воцаряется равенство «всеобщей сытости».

В империи действует еще одно лицо — Чудодей Аполлоний, ставший в ней вторым по значению. Под его руководством происходит небывалый расцвет науки и техники, благодаря которому, в частности, люди обретают господство над атмосферным электричеством — «сводят огонь с небес».

При кажущемся всеобщем удовлетворенном состоянии умов в империи на деле положение оказывается иным. Христиане сперва колеблются в отношении созданного положения. Но на третий год у многих христиан разных толков стали возникать различные опасения. Предчувствуя опасность, император созывает собор всех церквей в Иерусалиме. Участвуют в нем Папа Петр III, старец Иоанн — православный и Эрнст Паули — лютеранин-профессор, немец. В пышной обстановке открывается собор, на котором император выступает с призывом к объединению. Согласных — большинство. Только три названных иерарха выражают свое несогласие с небольшими группами своих единомышленников. Аполлоний, чудодействуя с помощью грозовых молний, умертвляет двух пастырей. Но Паули скрывается. Он выкрадывает покойников, увозит их в Иерихон, где они оживают. Оживший старец Иоанн напоминает молитву Иисуса о единении. В ночи происходит великое знамение: появляется жена, облеченная в солнце, с луной под ногами и на главе у ней венец из 12 звезд. «Вот наша хоругвь!», — раздается клич. Все направляются к божьей горе — Синаю. На этом обрывается повесть Пансофия. На этом остановимся и мы, хотя известно, что Соловьев продолжил повествование в том же духе от своего имени, но не придал ему окончательной формы.

При всей фантастичности повести она вся проникнута духом евангелического апокалипсиса. И вместе с тем она животрепещуща для времени ее написания (конец столетия).

К тому, как объясняет автор биографического очерка Лосев, надо, однако, прибавить ее остро-конкретную публицистическую направленность. Вполне

очевидно, что идея «панмонголизма», как и агрессия Японии отражают для конца века проблему так называемой «желтой опасности», обсуждавшейся очень широко в политическом плане.

Однако «Повесть» представляет главный интерес в идеологическом аспекте. Фигура самого антихриста имеет вполне определенный прообраз в лице Л. Н. Толстого, правда, нарисованный в гипертрофированном облике, как передано его учение. Против последнего «Повесть» и направлена. Здесь сделаем небольшое отступление.

В 1919 г. художник Л. Пастернак написал тройной портрет Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева и Н. Ф. Федорова. Нам неизвестны побудительные мотивы для объединения в одной картине этих трех лиц. Можно полагать, что художник хотел увековечить трех наиболее выдающихся корифеев русской культуры на рубеже XIX и XX вв.

Не исключено, однако, что в картине Пастернак интуитивно, если и не сознательно, изобразил их как представителей русской апокалиптики. Быть может, вернее было бы сказать, что объединение всех троих в групповом портрете результат именно смутных ассоциаций в сознании художника. Но как бы то ни было, во всяком случае двое в этой групповой картине — именно Соловьев и Федоров могут вполне служить художественной иллюстрацией к очеркам о них, как авторах по занимающей нас теме. С первым мы только что расстались. Обратимся теперь ко второму.

К Апокалипсису. Н. Ф. Федоров

В последние десятилетия XIX в. в кругах интеллигенции, особенно московской, наряду с Соловьевым пользовался популярностью Н. Ф. Федоров. По положению он был скромным библиотечным служащим, но при этом замечательным библиографом. За справками к нему обращались ученые чуть ли не всех специальностей и, главным образом, студенты высших учебных заведений. Справки были далеко не формальными, а включали компетентную оценку и критику рекомендуемых книг. Он делился и собственными мыслями по затрагиваемым научным вопросам. Был он известен также постоянной готовностью оказать и материальную помощь нуждающимся, насколько позволяли его собственные средства, ограниченные скромным жалованием. Жизнь он вел предельно аскетическую, тратя на себя минимум. Многим он был известен как автор и проповедник необычного учения, над которым он трудился в течение 50 лет. И хотя сам он при жизни ничего из этого учения не опубликовал, он в устных беседах делился со многими. Главная идея внешне была эсхатологической — о воскресении мертвых предков человечества. Но, в отличие от религиозной догматической идеи спасения, веры в Мессию, второе пришествие Христа, его учение являлось проповедью, призывом к осуществлению воскресения в качестве общего дела человечества, как его долга, причем опирающегося на достижения естественных наук.

Это учение интересовало многих в начале XX в., но после революции 1917 г., в советское время было почти полностью забыто. И вдруг, уже почти

в последние годы, снова проявляется живой интерес к личности Федорова и к его учению. Помимо журнальных статей о нем, в 1982 г. был опубликован объемистый том его сочинений. Можно предполагать, что память о нем была возрождена в определенной степени благодаря тому, что Федоров был знаком с Циолковским и оказывал ему материальную помощь.

Однако независимо от подобных внешних обстоятельств, многие его размышления, относящиеся к развитию науки, техническому прогрессу и его последствиям, высказанные почти сто лет назад, оказались созвучными и актуальными многим проблемам современного мира. Едва ли не первым в русской научной публицистике он серьезно затрагивал вопрос о выходе человека в космическое пространство и о космонавтике. Остается не решенным вопрос о том, в какой мере можно говорить о влиянии Федорова на молодого Циолковского, который студентом поддерживал с ним контакты. Не исключено, что во время бесед затрагивались и идеи, относящиеся к овладению космосом.

Но обратимся к интересующей нас здесь теме — к апокалипсису. Нельзя считать неожиданным, что Федоров при разработке своего более чем оригинального эсхатологического учения о воскрешении предков обращался к библейско-евангелическому апокалипсису. Ниже мы приведем несколько выдержек из его сочинений, созвучных последнему. Но в сочинениях Федорова главное место занимает его анализ данных по всем отраслям наук и оригинальное их толкование. Из естественных наук он особенно выделял астрономию. Он писал: «Первые мудрецы — астрономы. Астрономия обнимала все божеское и человеческое, небесное и земное, умершее и живое... она поит не только ту стихию, в которую все возвращается, но и силу которой все держится, управляется».

По Федорову, естественные науки (в своем оригинальном их толковании) — лишь выделенные из небесной, отвлеченной от науки вселенной... Астрономический календарь интегрировал все силы природы. Именно астрономическая наука, в качестве некоей интегральной дисциплины, должна стать орудием главной идеи — воскрешения мертвых.

В наше время бесспорно привлекают к себе внимание и размышления Федорова о космосе — о необходимости и неизбежности овладения человеком космическим пространством, переходе человека в другие миры. Мы не будем останавливаться на тех сторонах его идей о космосе, которые являются составной частью его собственного учения. Но нельзя не отметить его предупреждения об угрозе, ожидающей человечество в нравственном отношении, если оно пренебрежет самой задачей освоения космоса. «Ибо, — как он пишет, — не будет естественного, реального перехода в иные миры, будут фантастические, эстатические хождения, будут упиваться наркотиками, да и самым обыкновенным пьянством, как результатом (отсутствия) более широкой всепоглощающей деятельности». Саму необходимость выхода человека в космос, выхода в «иные миры» он усматривает в научных наблюдениях своего времени о состоянии нашей планеты и Солнца. Здесь выступают и апокалиптические черты. Так, он пишет: «Наше солнце меркнет, это грозное предостережение. Истощение земли, истребление лесов, извращение метеорологических процессов, проявляющихся в наводнениях и засухах... Не наступит ли внезапная катастрофа землю?»

Далее Н. Ф. Федоров продолжает: «Мир идет к концу, а человек в своей деятельности даже способствует приближению конца».

Последнее замечание о деятельности человека особенно примечательно. Оно сопровождается следующим и поныне животрепещущим реальным указанием-предупреждением, о самом опасном направлении деятельности человека. И следует признать наиболее поразительным в этом последнем его предвидении то, что он увидел и непосредственную причину.

Вот его слова: «Сциентическая битва с дальнобойными и скорострельными орудиями, с бездымным порохом... в битве на земле, на воде, над землей и под водой, в воздушной высоте, днем и ночью при свете электрических солнц. Не побледнел бы пред этой действительностью самый фантастический апокалипсис».

К этой безумной картине «сциентической битвы», реальной уже в XIX в., двадцатому веку выпало на долю добавить применение атомно-водородных бомб и битвы в космосе. Но до последних предвидение Федорова еще не дошло.

К Апокалипсису. Рахметов

Сочинения трех вышеназванных авторов в своей совокупности позволяют судить о том, в какой мере во второй половине XIX в. в среде образованных русских людей апокалиптические представления занимали определенное место в их идейных исканиях. Сказанное было бы не полным, если не привлечь еще одно лицо, которое проявило живой интерес к апокалипсису в его исходной форме, и библейско-евангелическом изложении.

Правда, в этом случае речь идет о «персонаже», или герое литературного произведения. Может быть, в нашем очерке следовало бы прямо назвать имя сочинителя этого персонажа, но автор оказался в затруднительном положении при решении вопроса, достаточно обычного в литературоведении, — насколько сочинитель литературного персонажа ответствен за взгляды его. Поэтому назовем их обоих. Это Чернышевский и герой его романа «Что делать?» Рахметов. Но как бы и не решать контрверзу между героем сочинения и писателем его придумавшим, а в данном случае можно сказать определенно, что герой — Рахметов выступает в качестве характерного (хотя и идеализированного) типа целого слоя образованных людей — интеллигентов-разночинцев, получивших «звание» «новых людей». Мы за последними и оставим ответственность за взгляд по поводу занимающей нас темы. Рахметову в романе, как известно, отведено много страниц, в которых черты его облика обрисованы достаточно подробно. Отметим только одну из них — стремление овладеть познаниями во всех отраслях науки. Достигнуть этого ему казалось возможным потому, что, как он говорит: «По каждому предмету капитальных сочинений очень немного; во всех остальных только повторяется, разжигается портится...» Это же правило он применил и к вопросу об апокалипсисе. Таким капитальным трудом о нем, по мнению Рахметова, явилось сочинение Ньютона «Замечания о пророчествах Даниила и Апокалипсисе святого Иоанна». И когда оно попало в руки к Рахметову, он воскликнул: «Вот оно! Вот оно!» И замечает: «Да, эта сторона знания до сих пор оставалась у меня без капитального основания».

А вот рассуждение Рахметова после беглого или основательного знакомства с трудом знаменитого естествоиспытателя, не о сочинении а об авторе его: «Ньютон наполовину помешан. Классический источник по вопросу о смещении безумия с умом. Ведь вопрос всемирно-исторический. Это смещение во всех без исключения событиях, почти во всех книгах, почти во всех головах».

Этот столь же немногословный, как и решительный человек для нас представляет то бесспорное значение, что в части, касающейся апокалипсиса, он характеризует отношение целого вышеназванного общественного слоя русской интеллигенции во второй половине XIX в., слоя социально отличного от тех ее представителей, выразителями которых были три вышеназванных автора.

АПОКАЛИПСИС. XX в.

В начало наступившего нового столетия носители русского общественного сознания вступили, обладая обширным наследием, полученным от века предыдущего. Это вполне относится и к настроениям апокалиптическим. Потрясения, пережитые в связи с Русско-японской войной, а затем, и в особенности, с революцией 1905 г. не могли не усилить подобные настроения. Их выразителями и резонаторами стали виднейшие писатели и поэты — представители передового эшелона интеллигенции. Об устрашающих катаклизмах в обществе и природе писали поэты Валерий Брюсов и Александр Блок.

У Брюсова тема апокалипсиса нашла отражение в книге «Земная ось», изданной в 1907 г. Ее содержание, изложенное ниже по рецензии А. Блока, передает и общий дух эпохи, в которой книга была создана. Вряд ли можно сделать это лучше и непосредственней, чем это сделано у Блока — самого чуткого к голосу современной ему эпохи.

А потому приведу собственные слова Блока, с которых он начинает рецензию: «“Историческая среда”, в которой возникла эта книга, — безумный мятёж, кошмар, охвативший сознание передовых людей всей Европы, ощущение какого-то уклоня, какого-то полета и неизведанные пропасти; оглушенность сознания, обнаженность закаленных нервов, которая превратила человеческий мозг в счетный аппарат, мозг человеческий в гулах вселенной исчисляет и регистрирует удары молота по наковальне истории с безумной точностью, которая не снилась науке. Более чем когда-нибудь интуиция опережает науку, и нелепый с научной точки зрения факт налицо; восприятие равно мышлению и обратно. Земная ось — фикция механического мышления, эта вымышленная для каких-то вычислений линия, — представляется данной в магическом восприятии, пронзительным лучом, ударяющим в сердце земли».

Эта тирада, которой мы бы несколько не удивились, прочтя ее и ныне в последней четверти текущего столетия, была написана в самом начале века далеко не случайно, а «историческая среда», с характеристики которой рецензия начинается, подразумевает конкретные события 1904–1905 гг. — война России с Японией и гл. обр. революция 1905 г., названная адекватно «безумным мятёжом».

А теперь обратимся вкратце к содержанию самой книги Брюсова, придерживаясь текста рецензии. Речь идет о космическом кризисе, вызванном «вихрем, образуемым поворотами земли вокруг своей оси», явлением, мы бы сказали, вполне апокалиптическим. Действующие лица под влиянием предчувствия вот-вот услышат медленный и оглушительный «визг земной оси». Сохранить при этом равновесие умеет только стоящий у кормила власти в вымышленной республике Южного Креста Орас Дивиль. Сама республика представляет собой «чудовищный звездный город». «Это город будущего (близкого будущего, почти уже настоящего), обреченный на гибель». Его обреченность вызвана и внутренними причинами, из которых главная та, что он заражен «повальной болезнью противоречий, страшной до дьявольского судорожного хохота». Дальше описывается штурм обезумевшей от приближающейся гибели толпой ратуши.

В ином регистре, чем у Брюсова, свои собственные предчувствия надвигающейся катастрофы нарисовал сам Блок. Да и вызваны они были не фантастическими картинами, а реальной картиной страшной стихийной катастрофы на юге Италии в 1908 г. На это поистине апокалиптическое стихийное бедствие А. Блок откликнулся в статьях «Стихия и культура» (декабрь 1908 г.) и «Горький о Мессине» (октябрь 1909 г.).

В первой — о самой катастрофе — он пишет кратко, придерживаясь телеграфных сообщений газет, причем самых первых. «Еще не известно, — пишет он, — где произошло событие, какое событие». Через день телеграф приносит сообщение, что уже не существует Калабрии и Мессины — двадцати трех городов, сотен деревень и сотен тысяч людей. Нахлынувший океан и проливной дождь затопили все, чего не поглотила земля и не выжег огонь... «Что можем мы?.. Мы можем облекаться только в траур, праздновать свою печаль перед лицом катастрофы... Ученые сказали, что югу Италии и впредь угрожают землетрясения». Пишет Блок и о том, что «мы делаем все, что можем» и между прочим и о том, что «русские матросы — «народ героев» (как их называют итальянцы) — являют чудеса самоотвержения, копаясь в миазмах заразы, в которые в десять секунд превратились человеческое мясо и морской ил.

Во второй статье, напечатанной через год, А. Блок, отметив, что по поводу катастрофы «хор голосов быстро прошумел и умолк», указывает, что «сицилийское и калабрийское землетрясение — событие мировой важности, и оценить его доселе мы не в состоянии», что «оно изменило нашу жизнь... оно отозвалось и еще отзовется на событиях нашей жизни, нашей внешней и особенно внутренней жизни. Просто нужно быть слепым духовно, незаинтересованным в жизни космоса и нечувствительным к ежедневному трепету хаоса, чтобы полагать, будто формирование земли идет независимо и своим чередом, никак не влияя на образование души человека и человеческого бытия». В отзыве о книге, написанной М. Горьким в соавторстве с профессором В. Мейером, Блок подчеркивает, что в ней приводятся многочисленные факты, рисующие «все виденное в Мессине и Калабрии без всяких прикрас, и потому (они) производят неизгладимое впечатление». Книгу эту А. Блок называет «доброй и простой». Приведем часть заключительного абзаца из этой статьи: «Так вот каков человек. Беспомощней крысы, но прекрасней и выше самого прозрачного, самого бесплотного

видения. Таков *обыкновенный человек*... Он поступает страшно просто, и в этой простоте только сказывается драгоценная жемчужина его духа. А истинная ценность жизни и смерти определяется только тогда, когда дело доходит до жизни и смерти. Нам до того и другого далеко».

Последняя фраза дает повод вернуться в первой статье А. Блока, большая часть которой посвящена именно «нам», т. е. русскому обществу, точнее, русской интеллигенции, ее «культуре», на которую бросило апокалиптический ответ мессинско-калабрийское землетрясение. Отсюда и название «Культура и стихия». О последней сказано выше. В чем же выражено отношение «культуры» к «стихии»? Стихия и культура метафорически сравниваются Блоком с русским народом и русской интеллигенцией. Этой теме Блок посвятил доклад, озаглавленный «Народ и интеллигенция». О сути его содержания говорят следующие выдержки: «Я думаю, что в сердцах людей последних поколений залегло неотступное чувство катастрофы, вызванное чрезмерным накоплением реальнейших фактов, часть которых — дело свершившееся, другая часть — дело, имеющее свершиться... Словом как будто современные люди нашли около себя бомбу...» Дальше, изображая реакцию людей разного темперамента на эту бомбу, Блок между ними называет и тех, кто считает эту бомбу просто чьей-то шуткой, и продолжает: «Однако никто не шутил, никто не хотел напугать, ни позабавить. История взяла и подложила нам на стол настоящую бомбу. И бомбу не простую, а усовершенствованную...» Знаменательные слова для того времени и одновременно пророческие для будущего, уже нашего настоящего времени (последняя четверть века). Что касается самой бомбы, о ней он пишет, что она «вроде той сверлящей и образующей аккуратные трещины пульки, которую англичане придумали для умирения индусов. Эта пулька уже приведена в действие; пока мы рассуждали о цельности и благополучии, о бесконечном прогрессе — оказалось, что выверлены аккуратные трещины между человеком и природой... (и что) во всех нас заложено чувство болезни... катастрофы, тревоги, разрыва... (а в более обобщенной форме) разрыва между народом и интеллигенцией».

Александр Блок предвидит, что против его настроений и размышлений о надвигающейся катастрофе непременно выступят «люди науки», у которых всегда в запасе панацея, а именно сама наука, способная лечить от всех бед. Возражая ученым, Блок, снова обращаясь к мессинской катастрофе, пишет: «Если скажешь, что наука бессильна перед провалом Южной Италии, сейчас же поднимется геолог и заявит, что в Калабрии не отвердела земная кора и что наука если и не совсем еще победила природу, то через три тысячи лет победит». Еще более выразительно в том же духе он говорит в образной форме о науке и стихии: «Но бывало и бывает уже так, что всю ночь напролет стоит стража на башнях, охраняя сон своих... Они стояли высоко и думали высокую думу, но тех, во имя которых они не спали всю ночь, уже нет на лице земли; их похитила стихия — подземная ночь. Астрономы наблюдали звезды из горных обсерваторий, человеческие умы работали неустанно, и ни одна машина не ошиблась в ту ночь, когда побережья Южной Италии стерлись с лица земли».

Приведем еще один абзац на размышление поэта по поводу итальянской катастрофы: «Не раз уже потрясала землю подземная лихорадка. И не раз мы

праздновали свою немощь перед мором, трусом, градом и мятежом. Какая же страшная мстительность должна была накопиться за столетия в нас? Человеческая культура становится все более железной, все более машинной; все более походит на гигантскую лабораторию, в которой готовится месть стихии; растет наука, чтобы поработить землю; растет искусство — крылатая мечта — таинственный аэроплан, чтобы улететь от земли; растет промышленность, чтобы люди могли расстаться с землей».

АПОКАЛИПСИС И НТР

Предварительные краткие тезисы.

1. Уже на начальном этапе народившегося раннего христианства прослеживается его противопоставление научной идеологии. Христос об астрономии и «знамениях времени»; письмо Ап. Павла римской церкви.
2. Победное движение христианской идеологии и «абсорбция» ее античного мировоззрения: Платона в неоплатонизме и Аристотеля в томизме.
3. Роль Ренессанса: показал истинное лицо античности. Образ покрывала майи (по Герцену).
4. У колыбели новой науки. Предшественники — Коперник, Галилей, Ньютон и др.; «кормилицы» новой науки — Ф. Бэкон и его «Новый органон», Р. Декарт, «Опыт и рационализм». Победное трехсотлетнее движение научного знания.
5. Апокалипсис и его место в идеологии средневековья и Нового времени.

За приведенными выше тезисами кроется знаменательная идеологическая драма, одна из тех, которые определяли ход мировой истории. Представить эту драму в отдельных ее «актах» — задача столь же интересная, сколь и многотрудная. Попытки автора настоящей заметки по осуществлению этой задачи в рамках предложенных «тезисов» только намечены, и он далеко не уверен в своей возможности привести ее в законченную форму. Оставляя ее, попытаемся рассмотреть важнейшие моменты последнего действия «драмы», проходящие у нашего поколения, у современников перед глазами, когда ее ареной стала вся планета, со всем живым на ней, и, прежде всего, самим человечеством. Тем самым как бы осуществляется и весь смысл апокалипсиса, а инструментом, средством для этого стала научно-техническая революция (НТР).

Как это произошло? Нижеследующие страницы дадут посильный для автора ответ, если далеко и неполный, то в основных чертах кажущийся ему вполне основывающимся на данных всем доступных и достоверных.

НТР и апокалипсис. Нет ничего более противоположного между собой, чем кроющиеся за этими словами понятия в самом широком их значении. Говоря метафорически, РТР — это венец движения науки за последние три столетия. Или применяя другую метафору — цвет, или еще точнее — плод, зреющий у нас

на глазах. Каков он окажется, этот «плод» — ныне главная забота человечества. Вопрос об этом — та фата-моргана — кошмар, окутывающий наше сознание. НТР вошла в широкий обиход совсем относительно недавно, а именно вскоре после Второй мировой войны, т. е. всего около четырех десятилетий. Едва ли обозримы все литературные писания и исследования, которые имеют отношение к этим «трём» роковым буквам. В настоящей заметке я прежде всего исключаю зарубежную «литературу вопроса». Я коснусь только того, что мне известно (и, конечно, это далеко от полноты) из написанного русскими исследователями, вернее, из книг и статей из текущей информационной публицистики.

За рубежом (на Западе) поток писаний об НТР начался очень скоро после Второй мировой войны. По моим наблюдениям за нашей публицистикой, к термину «революция», входящему в состав НТР, отнеслись более чем сдержанно, точнее негативно. В нашем идеологическом багаже термин «революция» связывался прежде всего с переворотами гл. образом социального порядка. Журнальные статьи, газетные писания первых послевоенных лет, касающиеся вопросов развития науки, вполне подтверждают сказанное. На Западе поток писаний об НТР открыли, насколько я могу судить, взрывы атомных бомб над японскими городами. Не случайно, что в нашей информационно-пропагандистской публицистике значение появления этих бомб, как и «мрачный эффект» осуществленных взрывов в Японии, очень определенно пытались приуменьшить и притушить. Особенно их военное значение. Если в США этим акциям придавала решающее значение для исхода войны, то у нас писали как о неоправданных и по эффекту преувеличенных.

Вполне понятно, что подобная оценка была предназначена гл. образом для широкой публики. В высших эшелонах наших властей к атомным бомбам отнеслись с должным смирением. Как сейчас известно, к созданию у нас самих своих атомных бомб приступили очень скоро после Второй мировой войны. Постепенно входит в общей, и особенно в научной среде — специальных отраслей наук — и понятие НТР.

Ныне, когда пишутся эти строки, последнюю (НТР) можно считать вполне освоенной нашим общественным сознанием. Ныне выяснилось, что в различных аспектах у нас имелись предшественники грядущей НТР. Так, вспомним слова поэта А. Белого, сказавшего еще в 1920-х гг.: «Мир рвался в опытах Кюри атомной лопнувшей бомбой». Но, разумеется, большее значение ныне придается целой научной теории, созданной мыслителем-геологом В. Вернадским о ноосфере — геологической сфере, творимой деятельностью человека. Хотя ни тот ни другой само слово НТР не применяли.

Но мы несколько отвлечлись от собственно темы нашего очерка или, вернее, заметки, обозначенной в ее заголовке, в которой вместе с НТР значится и апокалипсис.

В писаниях на Западе, насколько позволяет мое ограниченное знание литературы, все чаще в связи с понятием НТР начинает звучать и тема апокалипсиса, так что нередко мотив апокалипсиса полностью диффонически сливается с НТР, а отчасти даже заглушает его. В связи с музыкальной аналогией не могу

не вспомнить известный рассказ о музыкальной пьесе, придуманной и исполненной одним из героев романа Липутиным «Бесы» Достоевского. В ней в первоначально высокий торжественный мотив «Марсельезы» врывается, постепенно заглушая его, пошлый мотив мещанской немецкой песенки «Майн либер Августин». К несчастью, мотив апокалипсиса, так сильно звучащий ныне в торжественной музыке НТР, далеко не так безобиден...

В Советском Союзе понятие НТР пришло с Запада. Если обратиться к нашей газетно-журнальной публицистике времен Второй мировой войны, нельзя не отметить более чем сдержанное, вернее, даже враждебно-отрицательное отношение к НТР почти до самой смерти Сталина. Понятие «революция» в нашем восприятии по учению марксизма-ленинизма в годы господства сталинизма могло относиться только к социальному перевороту, в наше время — к перевороту, руководимому коммунистами. НТР же выдвинула на передний план научно-техническую интеллигенцию. В этом усматривалась как бы кровная обида нашей господствующей идеологии. Но одной «обидчивостью» дело, однако, не ограничивалось.

Начался поход против всех категорий интеллигенции — от гуманитарной до деятелей технических и естественных наук. Их обвиняли в чем угодно — от антинародности, антипатриотизма до идеализма, ставшего главным «жупелом» устрашения.

Поход это вылился в форму отдельных «кампаний». И против кого они только ни были направлены! Весь мир был поражен ими.

На Западе, полагаю, написаны целые обобщающие труды, посвященные этому удивительному феномену — проявлению поистине «мракобесия» в нашей стране с ее, как казалось, «культом науки». В нашей стране я не могу назвать такого серьезного труда. Но материалы в печати того времени имеются в достаточном количестве. Да и в памяти пока живущих они сохранились. Но здесь автор, которому многое памятно, не будет их касаться. Стоит лишь отметить, что пиком указанных «кампаний» следует признать знаменитейший «труд» И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», труд, позже дополненный его же «исследованиями» по вопросам экономики.

Однако эта вакханалия не могла долго продержаться.

Наступило 5 марта 1953 г., когда было объявлено о смерти Сталина, а через непродолжительное время был созван XX съезд КПСС. Вместе они стали решительным поворотным пунктом и в отношении к НТР в Советском Союзе, которой был открыт врата со стороны Запада, хотя и с установлением «контрольно-пропускных пунктов», которые как бы фильтровали возникавшие там негативные стороны НТР.

Так, на Западе, начиная с 60-х гг. возникает и все больше набирает силу «экологический бум», в немалой степени направленный против НТР. В этом буме, очень шумном, нарастают и апокалиптические звучания. В нашей же стране экологические проблемы игнорируются официальной печатью почти в течение двух десятилетий. Только в последние годы, т. е. в конце 1970-х — начале 1980-х гг., хотя и слабое, эхо апокалиптических аллюзий, как и сам термин, начинает пробиваться в печати.

И все же в самое последнее время, чуждое нашему мировоззрению слово «апокалипсис» стало пробиваться на страницы нашей массовой печати. И если ранее это слово появлялось в основном «закавыченным», в контексте цитат западных авторов, то ныне мы его уже встречаем в писаниях и наших авторов. Из встреченных мной таких упоминаний наиболее интересными являются стихи А. Вознесенского. Они же и новейшие. Примечательно, что эти стихи напечатаны в самой официальной нашей газете — «Правде», и как бы долженствуя приучить слух и глаз советского человека к этому слову, причем без кавычек. При этом фигурирует оно в контексте, относимом к ситуации, нас самих касающейся.

Первое стихотворение напечатано 19.IX.83 г. под заголовком «Сон». Это рассказ в стихах о сновидении, приснившемся поэту в Москве, но вся обстановка, весь фон происходящего не городской. Картина рисуется на лоне природы, что делает ее особенно впечатляющей. Сновидение поэта вполне сопоставимо с пророческими «видениями» авторов древних апокалипсисов, хотя, разумеется, словесное звучание сновидения — современное.

Стихотворение довольно длинное, но вполне заслуживает приведения его полностью, без сокращений, тем более что оно написано очень просто, ясно, в отличие от многих других поэтических творений этого автора, на восприятие которых часто приходится тратить немало усилий. Вот оно:

Мне снилось — посреди страны
Я шел тропинкой луговой,
Шел за секунду до войны,
В которой сгниет все живое.

Я шел по берегу реки,
Я селезню шел параллельно.
Я шел по берегу любви.
И вслед дерева мне ревели.

И параллельно плачу рек,
Лишенных лаянья собачьего,
Финально шел двадцатый век,
Крестами окна заколачивая.

И в городах, и в хуторах
Стояли Инги и Устиньи,
Их жизни, словно вурдалак,
Слепая высосет пустыня.

Кричала рыба из глубин:
«Возьми детей моих в котомку,
Но только реку не губи!
Оставь хоть струйку для потомства!»

Я шел меж сосен голубых,
Фотографируя их лица,
Как жертву, прежде чем убить,
Фотографирует убийца.

Стояли русские леса,
Чуть-чуть подрагивая телом.
Они глядели мне в глаза,
Как человек перед расстрелом.

Дубы глядели на закат.
Ни Микельанджело, ни Фидий,
Никто их краше не создаст.
Никто их больше не увидит.

«Окстись, убийца человек!» —
Кричали мне, кто были живы.
Через мгновение их всех
Погубят ядерные взрывы.

«Окстись, палач зверей и птиц
Развившаяся обезьяна!
Природы гениальный смысл
Уничтожаешь ты бездарно».

И я не мог найти тебя
Среди абсурдного пространства
И я не мог найти себя,
Не находил, как ни старался.

Я понял, что не будет лет,
Не будет века двадцать первого,
Что времени отныне нет —
Оно на полуслове прервано...

Земля пустела, как орех.
И кто-то в небе пел про это
«Червь, человечек короед,
Какую ты сожрал планету!»

Потом мне снился тот порог,
Где, что прикончить землю скопом,
Как в преисподнюю звонок,
Дрожала крохотная кнопка.

Мне не было пути назад.
Вошел я злобно и неробко —
Вместо того, чтобы нажать,
Я вырвал с проводами кнопку!

Концовка сна особенно примечательна, и, как кажется, не без намека, что именно сновидец является тем лицом, которое призвано спасти землю от нависшей угрозы уничтожения. А так как этим сновидцем является поэт, то можно идти и дальше, предположив, например, что поэт имел в виду искусство в целом, что, в свою очередь, ведет нас к хорошо известному взгляду на искусство (напомню хотя бы Достоевского), как призванное спасти мир.

Второе стихотворение Вознесенского, имеющее отношение к апокалипсису, названо «Щенок по имени Авось». Оно также опубликовано в «Правде» несколько позднее первого (15.V.1984 г.). Из него приведем только конец:

Авось все образуется,
Исчезнут все абсурдности.
Хоть палец апокалипсис
Над кнопкою занес.
Но все безуспешно,
Покуда вдоль манежа
Бежит потертый нос (или пес?).

Оно также со скрытой значимостью. Исторически в русском обиходе слово «авось» издавна популярно и многозначимо. См., например, посвященный ему почти целый столбец в словаре Даля. Из приводимых Далем поговорок отметим только две: «Авось — великое слово», «Авось — вся надежда наша». Авось отнюдь не чуждо и нашему времени. На его применении в нашем быту на более чем хорошо известном предмете — авоське стоит задержаться. До эпох и широкого распространения портфелей, ныне, правда, несколько вытесняемых «дипломатами», наверное, 90%, а может быть, и больше мужчин и женщин, выходя из дома, обычно пользовались авоськами. В самое последнее время их также вытесняют полиэтиленовые сумки, раскрашенные до умопомрачения разнообразными «художественными» картинками, что вполне демонстрирует эстетический рост широких масс населения всего мира.

Само слово «авоська» в нашем обиходе, помимо непосредственного обозначения реального предмета, несет еще и оптимистичный настрой, а именно заключает надежду на то, что, будучи пустой по выходе из дома, чем-нибудь да наполнится по приходе домой. Как правило, надежда эта так или иначе оправдывается.

Итак, если в первом стихотворении спасителем выступает сам поэт, вырывающий с проводами роковую кнопку, то проснувшись и, очевидно, не очень

надеясь на себя, связывает спасительную надежду уже со щенком по имени «Авось».

Как известно, некогда Рим был спасен гусями, так почему бы ныне предстателю всегда дружелюбного человеку вида животных — собаке не спасти весь мир. Недаром же тому щенку, которому должно выполнить эту задачу, присвоено связанное с надеждой имя «Авось».

Так и хочется воскликнуть: «Аминь!»

О САХАРОВЕ

Сравнительно недавно уже его имя не упоминалось в нашей печати. Во всяком случае, мне оно не попадалось. Давно не слушаю по радио ничьих «голосов». Дико заглушаемые — ловить их нет уже никакого желания. Сам факт глушения отвратителен, да и физически раздражает слух и нервы. Но вот совсем недавно (05.05.1984) в «Правде» вдруг посвященное ему сообщение ТАСС под заголовком «Подоплека провокации» на трех полустолбцах газетной полосы.

Сообщение предваряет преамбула: о реакционных кругах на Западе, которые, когда «хотят осложнить международную обстановку... прибегают к развязыванию грубых и оголтелых компаний», при этом «используют разного рода отщепенцев, запродавших свою совесть, отрекшихся от своего народа». После этого «введения», напомнившего более чем столетней давности статью знаменитого Каткова против Герцена (если не ошибаюсь, в них и термин «отщепенцы» фигурирует), ТАСС переходит к сути дела. Речь идет об известном «антисоветчике», занимающем среди «отщепенцев» особое положение, — о Сахарове и его супруге Елене Боннер. Последней в сообщении отведено даже больше места, чем самому Сахарову. Именно она «подталкивает» Сахарова и служит «посредником» между ним и «реакционными кругами на Западе». Ее «промысел» — при этом «не бескорыстный» — снабжать антисоветские центры «беспардонной клеветой и злобными пасквилями, чернящими нашу страну, наш строй и советских людей». Для осуществления своих деяний Боннер «пользовалась услугами сотрудников американского посольства», что доподлинно установлено «компетентными» органами и доведено до сведения «американской стороны».

Вот и сейчас, как установили эти органы, замышлялась очередная провокационная компания: Сахаров объявляет очередную голодовку, а Боннер получит убежище в посольстве США для встреч с иностранными корреспондентами и передачи через них клеветнических, фальшивых материалов, в частности, о положении ее мужа Сахарова. Именно последнее и должно стать «сигналом к очередной антисоветской кампании, в первую очередь в США».

Также предполагается, что Боннер «под надуманным предлогом» — «состояния здоровья» — попытается выехать за границу, с тем чтобы стать «лидером» антисоветского отребья, находящегося на содержании западных спецслужб (мотив тоже катковский).

Но наши «правоохранительные органы» оказались на высоте, и в результате принятых мер «организаторы это провокации» оказались «застигнутыми врасплох».

Их попытки вывернуться из неловкого положения под «гуманными мотивами», лия «крокодиловы слезы... по поводу тяжелой участи Сахарова, разумеется, никого не введут в заблуждение». Затем идут два абзаца о Сахарове. Там, на Западе, умалчивают, «что пытаются поднимать на щит человека, который втаптывает в грязь свой народ, открыто призывает к войне, к применению ядерного оружия, проповедует человеконенавистнические идеи» (выделено мною. — А. Б.).

Концовка несколько вялая: нет, не гуманными соображениями руководствуются организаторы провокации, они «ослеплены животным антисоветизмом», стремятся «посеять недоверие между народами» ...пора «им понять, что это путь не принесет им славы. Так было в прошлом, так будет и впредь».

В недавнее время, полагаю, выразились бы куда более энергично... Еще большее удивление вызывает то, что во все печати не поднята кампания против Сахарова и Боннер. Ведь в «Сообщении ТАСС» дан такой убедительный материал» для общенародного возмущения против названных отщепенцев. Нет даже необходимости начинать выступления, как это делалось раньше, протестующих против них — тех, которые, конечно, не читали писания Сахарова, но которым ясно, кто он такой... Особенно, казалось бы, своевременно поднять такую кампанию сейчас, когда идет глобальная борьба за мир», и т. д.

Итак, снова Сахаров напомнил о себе, или, вернее, снова о нем вспомнили.

Кто же он такой? Риторический вопрос. Весь мир, именно весь мир, знает о нем. По-видимому, то, что о нем писалось и говорилось на всех языках народов планеты, составило бы тома и тома...

Но что о нем известно у нас? Если провести столь популярный ныне в мире опрос общественного мнения, почти уверен, что ответ большинства опрошенных был бы однословным: «отщепенец». У пишущего эти строки, который вошел бы в ничтожно малое меньшинство, все же подобрался некоторый, хотя и очень незначительный материал из наших публикаций и немногих иных данных, и сложился свой, «несколько» иной, чем у подавляющего большинства, образ Сахарова.

Вот мои материалы. Под руками Энциклопедический словарь, изданный в 1953–1954 гг. в Москве. Сахарову отведена небольшая заметка. Приведу ее полностью. «Сахаров Андрей Дмитриевич (р. 1921) — советский физик, академик. Работы Сахарова относятся к области теоретической физики». Судя по заметке, Сахарову, которому в момент ее напечатания исполнилось всего 33 года, ничто не предвещало того, что будет говорить о нем в 1984 г. Обращало на себя внимание, да и то не особенное, разве только то, что он уже в 33 года академик. Академики-физики, к тому же теоретики, в наш век, когда они в таком «почете», далеко не редкость. Таланты их проявляются обычно рано, и они, соответственно, становятся академиками в молодые годы.

Прежде чем обратиться к справкам, передам распространившийся анекдот об упоминании имени Сахарова в беседе Сталина с Курчатовым. Речь шла

о возможности создания у нас термоядерной бомбы. Курчатов якобы сказал, что у нас теоретические исследования по этой проблеме ведутся, и, между прочим (или между прочими — учеными) был назван не то аспирант, не то кандидат наук Сахаров. Тут Сталин вспылil: «Как кандидат (или аспирант)? Академик Сахаров», и тот незамедлительно стал академиком...

Так вот, что касается изданий более поздних справочных, то в них имеются и некоторые более подробные сведения о Сахарове, вмянится даже, что в одном из них дан и миниатюрный портрет его. Но сейчас этих справочников у меня под руками нет. То, что мне известно, исходит совсем из других источников. По времени они относятся к эпохе так называемой «оттепели», когда среди прочих ослаблений было доступно слушать радиопередачи по разным «волнам и голосам». Именно из них я узнал, что Сахаров стал трижды «Героем Труда», лауреатом премий и пр. И что он был наречен «отцом советской термоядерной бомбы». Записал я на слух и якобы его собственные слова-записи, а также слова его оппонента в лице тогдашнего главы государства Н. С. Хрущева. Поскольку эти сведения чрезвычайно важны, я привожу их в полном объеме, как их удалось тогда записать.

Речь идет о совещании Хрущева с группой ведущих ученых-атомщиков, в том числе и Сахаровым, имевшем место летом 1961 г. На этом совещании, якобы по словам самого Сахарова, он подал Хрущеву записку следующего содержания: «Возобновление испытаний после трехлетнего моратория подорвет переговоры о прекращении испытаний и разоружении, приведет к новому туру гонки вооружений». Хрущев кладет записку в нагрудный карман и приглашает присутствующих отобедать. За накрытым столом, продолжает Сахаров, Хрущев произносит импровизированную речь, памятную мне своей откровенностью... Он говорит приблизительно следующее: «Сахаров хороший ученый, но предоставьте нам, специалистам этого хитрого дела, делать внешнюю политику. Только сила, только дезориентация врага. Мы не можем говорить вслух, что ведем политику с позиции силы, но это должно быть так. Я был бы слюнтяй, а не председатель Совета министров, если бы слушался таких, как Сахаров».

Дальнейшее принадлежит самому Хрущеву, записано якобы в его «Записках», опубликованных где-то за границей (в США?): «Это был крупный ученый (Сахаров), который был предан науке и добрым идеям мира и процветанию между людьми, сохранению всех возможных условий для лучшей жизни людей с тем, чтобы не только не уничтожать, но и не загрязнять атмосферу... Я говорю: "Товарищ Сахаров, ну что я могу вам сказать, я по политическому и государственному положению не имею права отказаться сейчас от испытаний"». Сахаров настаивает. Хрущев: «Товарищ Сахаров, при всем моем сочувствии вашему мнению и вашей просьбе, я человек, который отвечает за состояние обороны нашей страны, и я не имею права отказаться от испытаний, это было бы преступлением перед нашим государством, перед нашим народом. Прошу вас, поймите меня правильно, я с вашей просьбой не могу согласиться, потому что согласиться с нею означает обречь страну на то, что она будет вооружена слабее, чем США и другие союзники США, которые проводят политику, направленную против нашего государства, нашего советского народа, поэтому мы будем продолжать

взрывы... Мы обсудили просьбу Сахарова в правительстве и решили, что должны произвести испытания и взорвали водородную бомбу. Она выводила нас на совершенно новую ступень по вооружению». И снова слова Сахарова: «Срок испытаний был перенесен на более ранний срок. Бомба была взорвана... Чувство бессилия и ужаса, охватившее меня в тот день, запомнилось на всю жизнь, и многое во мне изменилось на всю жизнь, изменилось на пути к моему сегодняшнему мировосприятию». Дата этой записи у меня отсутствует. Советский «фольклор» сохранил анекдот о взрыве термоядерной бомбы, осуществленном под руководством тогдашнего маршала авиации (Понедельника?). На банкете по случаю успешно прошедшего испытания бомбы маршал, обращаясь с поздравлением к присутствующим атомщикам, в своем тосте якобы сказал: «Вы сделали свое дело, остальное за нами — военными». Таков был общий смысл его слов. Буквально же он придал своим словам форму не совсем приличного полупоповско-полуказарменного анекдота. Я воздержусь от его передачи.

Между тем история развивалась по своим неисповедимым «прихотям». К концу 60-х гг. имя Сахарова исчезло из известных мне советских справочных изданий. Так, например, в Советской исторической энциклопедии, в томе, изданном в 1969 г., имя Сахарова вообще отсутствует.

Но зато по «голосам и волнам» его имя повторяется с нарастающей силой на всех языках по всему миру. Его величают «Совестью человечества», о нем говорят как «о духовном примере для современников», а о его словах как «о вещем поучении для потомков», его жизнь нарекают «житие». В городах Запада спешат называть улицы и площади его именем. Эпитет «святой» сопутствует упоминанию его фамилии... Какая-то неслыханная триумфальная слава по всему миру, исключая СССР. Я записал слова некоего польского философа, сказавшего: «Само существование Сахарова вдохновляет мир. Слово его как шип разрывает завесу штампованных фраз и умолчаний, которыми прикрываются на Западе многочисленные фокусники публичных выступлений, не желающие видеть то, от чего прежде всего зависят судьбы мира».

Что касается наших средств массовой информации, то распространявшиеся время от времени ими сведения о Сахарове превратили его в одиозную фигуру, злобного врага страны, народа, и прежде всего советской власти, — одним словом, в «отщепенца», как он и назван в приведенном сообщении ТАСС.

Из этих же данных нашей публике стало известно, что, по постановлению советского правительства, Сахаров был «перемещен» из Москвы в Горький, где ему была предоставлена благоустроенная 4-комнатная квартира и прочие блага.

Из-за чего все это произошло? Предположить, что в эволюции положения Сахарова — превращения Трижды Героя Социалистического Труда в фактически ссыльного начальной причиной послужило несогласие между ним и Хрущевым относительно проведения взрыва термоядерной бомбы — как будто нет основания. До конца правления Хрущева признаки преследования Сахарова не прослеживаются.

Из того, что известно пишущему эти строки, реальной изначальной причиной представляется документ (записка), ныне известный во всем мире (кроме

широкой советской публики), — обращение Сахарова к советскому правительству, поданное им в начале 1969 г. и названное «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

Этот важнейший документ эпохи заслуживает того, чтобы его здесь изложить по возможности полностью. Ныне эта записка фигурирует в виде отдельной брошюры. Знакомству с ней я обязан неоднократно слышанным мною передам-чтениям ее различными голосами, но наиболее четко — «Немецкой волне». Передаю ее текст в том виде, как я сумел ее записать.

Начинается брошюра известным эпиграфом из Гете:

Лишь тот достоин жизни и свободы
Кто каждый день идет за них на бой.

В кратком введении автор брошюры говорит о научном методе руководства политикой, экономикой, искусством, образованием и военным делом. Научный метод — изучение фактов, бесстрашие в выводах, непредвзятость, открытое обсуждение. Говорит о возможностях и опасностях НТР.

В брошюре два тезиса:

1. Разобщенному человечеству угрожает гибель. Термоядерная война, голод, дурман «массовой культуры», бюрократизированный догматизм, массовые мифы, бросающие народ во власть демагогов, гибель и вырождение в результате быстрых изменений существа.

2. Человеческому обществу нужна интеллектуальная свобода: получение и распространение информации, обсуждения, свобода от давления авторитетов.

Угроза свободе мысли от массовой культуры, от трусливой мещанской эгоистической идеологии со стороны догматизма, бюрократические олигархии, идеологической цензуры. Это задача не только интеллигенции, но и рабочего класса.

Опасности.

Аспекты термоядерного оружия: разрушительная сила, дешевизна, нет эффективной защиты.

К счастью для стабильности мира, различия в технико-экономическом уровне СССР и США невелики.

Чтобы отойти от края опасности, необходимо преодолеть разобщенность.

Современная обстановка.

Положение во Вьетнаме. От американского народа пытаются скрыть соображения личного и партийного престижа, цинизм и жестокость; бесперспективность, неэффективность антикоммунистических задач американской политики во Вьетнаме (не эти ли мотивы развязали в США противоправительственную кампанию).

Ближний Восток. Безответственное поощрение «арабского единства» и израильского экстремизма.

Возрастающая угроза всеобщего голода... Избыток рождаемости... Улучшение экономического положения разрешит проблему рождаемости без варварской стерилизации.

Техника меняет облик планеты. Экологические проблемы.

Антибиотики в птицеводстве ведут к появлению «болезнетворных микробов».

Глобальные проблемы. Расизм, национализм, милитаризм.

Полицейско-диктаторские режимы. Сталин, Гитлер, Мао.

Мещанская мифология. (Расы, земля, крови.) Культ Сталина и преувеличение противоречий с капиталистическими странами. Использование демагогии.

Общие черты сталинизма, гитлеризма. Есть и отличия. У Сталина — социалистическая идеология — ширма для обмана рабочих.

Результаты сталинизма — удар по советскому народу: у нас прообразы фашистских лагерей смерти. Временщики — Ягода, Ежов и др. Сталин — собрат Гитлера. Преступная ограниченность. Политика в деревне преступна. Репрессии против военнопленных (наших). Мещанско-зоологический антисемитизм.

Самоочистка от Сталинизма: «по капле выдавливают из себя раба».

Приостановка разоблачения Сталина. О неосталинистах — Трапезников.

Угроза интеллектуальной свободе. Угроза интеллектуальной свободе — угроза смыслу человеческой жизни. Война, нищета, террор.

Оболванивание человека (превращение в серую массу). Массовая культура. Снижение интеллектуального уровня. Упор на развлекательность.

Утилитарность, цензура.

Проблема образования. Обратная сторона — унификация, общие программы (гуманитарные и естественные).

Система экзаменов. В Китае привела к умственному застою и к реакционному конфуцианству.

Нельзя отказаться от новых методов, нельзя положить запрет на развитие науки и техники, но надо понять опасность основным человеческим ценностям, смыслу жизни и возможность злоупотреблений технических и биохимических методов.

Из Виннера: «В кибернетике нет устойчивых человеческих установочных критериев». Автоматические помощники — коварные ловушки в искусственном мозгу.

О цензуре. Позор не печатать А. И. Солженицына. Позорные наши явления приближаются к маккартизму.

Интеллектуальная свобода — ключ к прогрессивной перестройке. Это поняли в Чехословакии. Их надо поддержать.

Из примечаний. Эффективно первое применение нового технического и тактического оружия.

— О самообмане рассматривать ядерное оружие как «бумажного тигра».

— В 1936–1939 гг. арестовано 1,2 миллиона членов ВКПб (половина состава). Только 50 000 выпущено на свободу. Расстреляно 600 000, остальные погибли в лагерях. Призывы не сыпать соль на раны — со стороны тех, у кого не было ран. Бюрократическая номенклатурная элита. Ныне в лагерях 30 000 человек.

Основа надежды

Проблемы: сделать социализм в большей степени привлекательным, чем капитализм. Значение патетики труда. Важность нравственных Факторов.

В деле развития производительных сил социализм и капитализм сыграли вничью (?).

Образ — два лыжника. Кто сильнее? Русский революционный размах или американская деловитость.

В новой технике у нас отставание. Мы идем по проложенной лыжне.

Но мы жизнеспособны. Социалистический путь принес огромные достижения. Однако капитализм не приводит в тупик производительные силы, не приводит к абсолютному обнищанию рабочего класса. Факт развития производительных сил при капитализме приобретает принципиальное теоретическое значение. В нем основа теории мирного сосуществования. Капиталистические страны не будут вынуждены из-за экономического тупика броситься в военную авантюру. И капиталистический и социалистический строй имеют возможность длительного развития, черпая друг у друга положительные черты (фактически в ряде случаев имеет место сближение). Альтернативы этому положению нет.

Проблема личного дохода и потребления в Советском Союзе и в США. Революция невыгодна трудящимся. Неравенство у нас и в США. Проблема негров. У нас: о зарплате в конвертах, закрытом снабжении. Тайные преимущества (коррупция, подкуп).

Экономические рекомендации. Экономическое регулирование посредством рыночного ценообразования. Рынок и план. Роль конкуренции (при или между?) социализмом и капитализмом. О социалистическом соревновании: кто сейчас будет говорить о его большой роли?

Капиталистический мир не мог не породить социалистический. Но социалистический мир не должен разрушить методом вооруженного насилия породившую его почву. Это было бы самоубийством человечества. Необходимо сближение, но не в виде сговора верхушек (Сталин и Гитлер).

Рабочий класс и интеллигенция заинтересованы в свободе и безопасности.

О необходимых реформах. 1-й этап. В СССР. Необходимо двигаться к многопартийной системе. Идеологическую борьбу вести методом дискуссий. Мирное сосуществование приведет к укреплению демократии и расширению экономических реформ.

2-й этап. СССР и США. Решение проблемы бедности в отстающих странах за счет (совместного?) строительства заводов минеральных удобрений.

3-й этап. Социальная конвергенция приведет к интеллектуальной свободе. Основа: использование ядерной энергии и космонавтики. Техническая революция возможна только при интеллектуальном мировом руководстве.

Надежды основываются:

- на общемировой заинтересованности преодолений разобщенности;
- на научном подходе к политике;
- на отсутствии препятствий в развитии производительных сил в обоих системах.

Рекомендации:

- Стратегия мирного сосуществования.
- Осуществление программ борьбы с голодом.
- Ликвидация безответственной идеологической цензуры.
- Уничтожения законов нарушающих права человека.
- Провозглашение амнистий.

- До конца довести разоблачение сталинизма.
- Углубить экономические реформы.
- Принятие законов о гигиене (проблемы экологии).

Автор размышлений указывает, что он учитывает возможную спорность многих положений. Его цель — открытое, откровенное осуждение его статьи в условиях гласности, и чтобы варианты ее обсуждались среди его коллег.

Автор записи текста размышлений по чтению их по радиопередаче «Немецкой волны» и др. радиостанций не может ручаться ни за текстуальную полную точность, ни за общую полноту содержания. Но кажется, общие положения записаны верно. Передачи не заглушались.

Вскоре после записи автор ее начал писать заметку «Размышления по поводу размышлений А. Д. Сахарова», но не закончил ее. Ниже это начало прилагается.

Что мог узнать из повседневной печати советский гражданин о Сахарове? Передо мной вырезка из «Комсомольской правды» от 07.09.1973 под названием «Решительное осуждение». Два письма-заметки — одно подписано ученым, доктором медицинских наук, профессором Э. Н. Ванцяном, в котором автор выражает только свои эмоции по поводу действий академика Сахарова, которые им квалифицируются как «элементарное предательство».

Второе подписано группой рабочих, состоящей из двух токарей, фрезеровщика, каменщика, — все четверо «кавалеры орденов», а один «Герой Социалистического Труда», т. е. «кистых гегемонов». Они выражают свое возмущение одновременно как Сахаровым, так и Солженицыным. В отличие от Ванцяна, не указывающего ни оснований для своего возмущения, ни какие действия Сахарова он имеет в виду, авторы второго письма пишут, что они поддерживают письма членов АН СССР и советских писателей, в которых те осуждают поведение Сахарова и Солженицына, но также не называют, какие именно действия они осуждают. Строго говоря, пишущему эти строки следовало бы навести справку о том, что же пишут «члены академии и писатели». Но, «подзревая», что эти писания «академиков» против Сахарова, как и все другие, не содержат ничего конкретного против Сахарова и сомневаясь в том, что и читатели «Комсомольской правды» проявили к ним особый интерес, автор стал разыскивать эти письма академиков. Из рассматриваемых же писем в «Комсомольскую правду» очевидно, что ее читатели мало что узнали криминального против Сахарова. До поры до времени этого казалось достаточно. При том абсолютном доверии, которое советский человек питает к советской печати, большего, казалось, и не нужно бы. И все же в высшем эшелоне власти, вероятно, решили, что дальше ограничиваться заявлениями и высказываниями разного калибра «трудящихся» на фоне того, что говорится о Сахарове во всем мире, включая и коммунистическую печать, было недостаточно. И вот по прошествии нескольких лет в той же газете появляется статья, занимающая больше половины газетной полосы, целиком посвященный Сахарову.

Статья эта под названием «Цезарь не состоялся» помещена в газете от 15.11.1980. Можно было бы высказать ряд более или менее правдоподобных догадок, почему же именно в молодежной газете и в указанное время статья опубликована.

Не будем, однако, распространяться в догадках. Отметим лишь, что факт этот имел место во время афганского кризиса, наша роль в котором получила широкий общественный резонанс, что несомненно отразилось и на судьбе Сахарова. Статья, о которой идет речь, подписана двумя неизвестными (мне) авторами, — Петровым А. и Ефремовым А. Имена эти в истории сохраняются именно благодаря Сахарову, наподобие имен многих подлецов, ложь, клевета и наветы которых история сохраняет в связи с именами их жертв — общественных и культурных деятелей, становившихся впоследствии гордостью русского народа, да и других наций тоже. Но все это хорошо известно даже из нашего самого недавнего прошлого. Кто бы вспомнил, например, Павлова и Сосновского, если бы они не приложили свои грязные руки к «делу» поэта Пастернака. Но обратимся к самой статье. Что же узнает из нее читатель о Сахарове? Написана статья в ответ на письмо, адресованное «дорогой редакции» группой из семи студентов известного московского вуза (МВТУ), имена их не привожу, но надо думать, что история помянет и их. Письмо было написано молодыми людьми в связи с опубликованием в советской печати («Известия») сообщения о лишении академика Сахарова звания «Герой Социалистического Труда», правительственных наград и лауреатских званий (не стоит упрекать студентов в том, что они не отмечают, что Сахаров ТРИЖДЫ Герой Социалистического труда, не называют они и каких именно наград и премий он лишен), а также о высылении его за пределы города Москвы. Ссылаясь на газету «Известия», в которой говорится, «что это мера исключительная, но справедливая», студенты добавляют уже от своего имени «более того, долгожданная». Дальше в оправдание принятого решения они пишут о том, что они знают о Сахарове, ведь «антисоветские заявления и подстрекательские выходки Сахарова уже не первый год вызвали законное возмущение советских людей». Поэтому, продолжают они: «В принятом решении мы видим еще одно твердое и решительно подтверждение того, что наше руководство позволит отщепенцу, независимо от его прежних заслуг, безнаказанно клеветать на любимую Родину, нарушать законы нашего государства, втапывать в грязь высокое звание гражданина Страны Советов, и тем самым оскорбить каждого, кто с гордостью носит его». Письмо, таким образом, свидетельствует о том, что молодые люди, подписавшие его, «достаточно осведомлены» о деятельности Сахарова и что дополнительных сведений им, собственно, и не требуется. Их эмоции, судя по их словам, являются общими для всякого, носящего звание «гражданина Страны Советов». И поэтому из приведенного пересказа и цитат из недлинного письма не вполне ясно, зачем же они обратились к «дорогой редакции». Хотя цель их все же разъяснена в последнем абзаце: «еще раз показать, как лжет Запад, защищая лжеца и отщепенца».

Если бы авторы Ефремов и Петров ограничились тем, о чем «просят» их студенты, то, пожалуй, не было бы и необходимости в нижеследующем разборе этой дрянной их инвективы. Пусть бы сам Запад ответил, если бы нашел нужным полемизировать и оправдываться. Однако, помимо того, о чем «просят» студенты, в статье заключаются и некоторые важные моменты, новые в нашей печати о Сахарове, ранее как будто не отмеченные. Именно поэтому автор этих

строк и решил их по возможности кратко прокомментировать. Статьи начинаются с эпиграфа, состоящего из цитат, взятых из собственных сочинений Сахарова, но не поименованных по источникам, они помечены лишь датами и приведены без кавычек.

Позволю себе маленькое отступление в связи с кавычками. Многим хорошо известно, с какой строгостью в недавнем прошлом относились редакции к точности цитирования. Достаточно длительное время авторам корреспонденций предъявлялось неукоснительное требование, помимо точнейшего указания источника и заключения цитат в кавычки, еще и визирование их на полях рукописи собственной подписью. Подпись автора рукописи должна была, таким образом, подтверждать абсолютную точность, вплоть до последней запятой цитаты. Малейшее отклонение могло иметь нежелательные для автора последствия, самое малое — отвергалась вся работа. В данном случае проверить точность передачи приводимых (без указания источника) слов Сахарова я не в состоянии. А жаль.

Поэтому не приводя эпиграф статьи, перехожу к тексту. А он начинается с характеристики эпиграфа. По мнению авторов, «этот эпиграф, в сущности — эпитафия, произнесенная в последние годы Сахаровым по академику Сахарову». И как бы в ответ на запрос студентов они продолжают: «И как могильная плита лежит на нем бремя всемирной славы», имея в виду известность Сахарова на Западе. При этом причина обозначена однозначно: «за содеянное после того, как оборвался путь ученого». Продолжим тему о Западе и Сахарове. Отметим его заслуги в первые годы научной деятельности, авторы пишут: «Много лет спустя на Западе была создана легенда о Сахарове сверхчеловеке» — первая ложь «Запада», судя по авторам статьи. Многое можно сказать по этому поводу, но вроде бы очевидно, что не на Западе Сахаров в возрасте 27 лет получил звание профессора, а в 32 года стал действительным членом Академии наук СССР. Далее авторы объявляют, что на Западе у Сахарова появились друзья и что на него обратили внимание западные спецслужбы, в том числе и Г. Киссинджер, по своей должности при президенте США — шеф ЦРУ (?), которому и приписывается изречение по поводу одного из документов, составленных Сахаровым: «Документ А. Сахарова — это один из самых важных документов по коммунистическим делам в последние годы». В этом документе, как считают авторы, по замыслу Сахарова, роль Запада сводилась «к обеспечению иммунитета для лиц СССР занятых подрывной работой». Далее отмечается, что «хотя в штабквартирах западных спецслужб, надо думать, немало посмеялись над претензиями академика и не приняли их всерьез, но предложенные им методы стали использовать для практически подрывной работы против Советского Союза...»

С 1973 г. Сахаров вступает в преступные контакты с иностранцами в Москве — раздает направо и налево антисоветские интервью, вручает различные «протесты», обивает пороги западных посольств. Коль скоро он отдался на милость Запада, тамошние службы поспешили извлечь из него... сведения, составляющие государственную тайну. В то же время оказывается, что Сахарову «нужна валюта», и вот «она вручается Сахарову под приличным предлогом — Нобелевской премии». Но ее явно недостаточно. И на сцену появляется

некая авантюристка Мэрфи из США, которая призывает американцев помогать Сахарову, переправляя ему через посетителей СССР джинсы, колготки, шариковые ручки. Ее Сахаров достойно вознаградил своими антисоветскими пасквилями, которые она благополучно доставила в США, спрятав их под свою одежду, скрыв от таможенников. Авторы, сообщая об этом, подчеркивают с умилением, что этот случай «свидетельствует о высокой нравственности советских таможенников», которые исходят из презумпции порядочности лиц, приезжающих в СССР, и не шарят под дамским бельем». Оставив на совести авторов справедливость их полухвалы-полуупрека в сторону высоконравственных советских таможенников, удивимся, пожалуй, лишь тому, что ни авторы статьи, ни таможенники не учли опыт Чичикова, который без всяких презумпций не пропустил бы ни одну даму с сахаровским пасквилом. Но джинсов и прочего оказалось недостаточно, и на сцене появляется отечественный рецидивист Рубан, который в погоне за валютой изготавливал из краденой государственной собственности сувениры, в том числе и обложку для книги с изображением статуи свободы для Картера, предназначенной американскому народу к 200-летию юбилею США. Не продолжая пересказывать эту дикую галиматью, отметим только, что авторы заканчивают эпопею про Рубана и Сахарова следующими словами: «Ворюги и спекулянты, вы можете смело возлагать надежды на дуэт Картер — Сахаров». Тут авторы явно недооценили советского читателя. Ведь не так много прошло времени с тех памятных дней, когда в Вене Картер выступил в дуэте с другим партнером — Л. И. Брежневым, в дуэте, сопровождавшемся взаимными лобызаниями. Будь я редактором газеты, я бы вряд ли пропустил этот бесспорно красивый музыкальный термин, вызывающий в таком контексте столь нежелательные ассоциации...

Но достаточно на тему «Сахаров и Запад», хотя тут есть еще что прибавить. Полагаю, что любознательные студенты получили достаточную информацию по собственно интересующему их вопросу.

Перейдем к другой категории сведений о Сахарове, о которых информируют авторы своих читателей. Возвратимся снова к началу статьи. Оно предназначено для воссоздания портрета «несостоявшегося Цезаря».

Отрывочные сведения из его биографии должны, по мнению авторов, показать тот путь, «который привел Сахарова к краху общественному и интеллектуальному». Этот путь начался в пресловутой «башне из слоновой кости». Так авторы характеризуют семью его родителей. Отец — профессор физики. Чем же плоха семья? А вот чем. От старого мира подростку досталась гувернантка-немка (в гувернантку превратилась, правда, преподавательница немецкого языка, у которой подросток брал уроки). Не будем пересказывать те места в статье, в которых говорится о его учебе в МГУ, в них только подмигиванием и намеками указывается на некую неблагоприятность поступков Сахарова (на то, что он не участвовал в войне, и о его практической работе в качестве ученого-физика-теоретика). С соответствующей «глубиной» авторы выясняют психологические предпосылки, приведшие Сахарова к «падению». Речь идет об участии Сахарова в создании водородной бомбы. С одной стороны, мощь термоядерного оружия, в создании которого он участвовал, создала у него определенный

«синдром», обернувшийся желанием единоличного обладания ядерной бомбой. Именно это, по мнению автора статьи, «первопричина процесса, погубившего физика-теоретика и породившая того Сахарова, каким он теперь известен».

Дальнейшее содержание статьи наиболее интересно, поскольку оно содержит названия работ Сахарова и ряд цитат из них, о чем советский читатель узнает впервые. Так, названа впервые брошюра «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». По словам авторов, «это манифест воинствующей технократии». Из брошюры приводятся следующие собственные слова Сахарова: «С появлением термоядерного оружия были созданы средства тотального разрушения, способные потенциально уничтожить человеческую цивилизацию, но я заметил, что рычаги контроля находятся в руках других». «Успехи в биологических науках (в этот и последующий периоды) дадут возможность контролировать все жизненные процессы на биохимическом, клеточном, организменном, экологическом и социальном уровнях, от рождаемости, старения до психических процессов и наследственности включительно... Такая революция, возможно, и безопасна лишь при очень интеллигентном правительстве».

Сообщают авторы и о другой брошюре Сахарова «Моя страна и мир в 1975 году». Приведем цитаты из нее: «Только сильнейшее давление, к которому так уязвимы советские власти, имеет шансы на успех... Самое важное — единство западных держав, единая стратегия при подходе к все расширяющимся проблемам в отношениях с социалистическими странами... Единство требует лидера. Таким лидером, как по праву, так и в силу своей величайшей ответственности являются Соединенные Штаты... Я опасюсь, что в настоящее время западные страны не оказывают достаточного давления на социалистические страны». Приведенные цитаты дополняются цитатой из беседы с американским сенатором Бакли в 1974 г.: «Страны Запада должны быть готовы на определенные жертвы для достижения тех задач, которые поставила перед ними история, в особенности глобальный вызов социализма. Давить на СССР, ограничивая его в импорте продовольствия, давить в политике цен... Необходимо использовать все возможные рычаги давления — тайную и явную дипломатию, прессу, демонстрации, другие действенные средства: временный отказ от сотрудничества в той или иной области, законодательные ограничения торговли и контрактов».

Сказанное выше сенатору Сахаров, по словам авторов статьи, почти буквально воспроизводит в книге «Тревоги и надежды», вышедшей в 1978 г. в США. Но ради чего все это нужно? Цель свою Сахаров объясняет в еще одной брошюре «Моя страна и мир» (где и когда издана?). Из нее приводится следующая цитата: «Я считаю, что цели социалистических стран (в особенности послевоенное укрепление границ) не соответствуют полностью будущему Европы». Из этой же брошюры проводится еще одна цитата относительно реформы, которую, по словам автора статьи, собирается осуществить Сахаров, когда он в качестве Цезаря дорвется до власти: «Частичная денационализация всех видов промышленной и общественной деятельности, может быть, исключая тяжелую промышленность, главные виды транспорта и связи... Частичная деколлективизация... Ограничение монополии внешней торговли...»

Авторы статьи приводят еще пару высказываний Сахарова без указания источников, из которых они взяты. Одно касается судьбы Гесса: «Судьба Гесса не может не потрясти. Я пишу о Гессе, зная о его соучастии в преступной системе нацизма». Вторая цитата касается Вьетнама: «Я считаю, что это трагическое развитие событий (т. е. победа вьетнамского народа. — А. Б.) можно было предотвратить, если бы Соединенные Штаты действовали более решительно в военной и, особенно, политической сферах. Политическое давление на СССР, чтобы он прекратил поставки оружия Северному Вьетнаму, быстрая отправка больших экспедиционных сил, включая ООН, более эффективная экономическая помощь, вовлечение других стран Азии и Европы, все это могло бы повлиять на ход событий».

Приведенные выписки и составляют тот фонд из писаний Сахарова, по которому советский читатель (во всяком случае, пишущий эти строки) может судить о содержании работ Сахарова. Они составляют и для авторов статьи основу комментирования. Приводить сами комментарии нет смысла, учитывая приемы советской публицистики при комментировании того, что ей не нравится. Приведем лишь ту характеристику, которая дается авторами статьи самому Сахарову: «Сахаров, прежде всего, политический авантюрист и антисоветчик». Он благодетель лиц с темным прошлым и настоящим и «как магнит притягивает уголовные и антиобщественные элементы». Но при этом для него роль «радетеля уголовников — приятная, но не главная». Главная — провокаторская, предательская. Он «патологически бесчеловечен», «Сахаров приветствовал реакцию, где бы она ни поднимала голову в мире, восхищаясь, к примеру, кровавым приходом к власти клики Пиночета в Чили. Он проникнут ненавистью к социализму». «Он, не дрогнув, пишет эти каннибальские строки» (см. цитату о Вьетнаме).

А в обобщающем абзаце как бы подводятся итоги: «Духовный отщепенец провокатор Сахаров всеми своими подрывными действиями давно поставил себя в положение предателя своего народа и государства».

При такой характеристике даже самый юный читатель молодежной газеты, не говоря уже о пожилых читателях, к которым принадлежит и пишущий эти строки, ни минуты не сомневаются в реакции тех органов власти, которым подведомственны такие «типы». А именно, что на его, Сахарова, голову давно должен бы обрушиться «карающий меч революции» и не менее, чем меч, «ведь то, что проделывал Сахаров против своей Родины, против своего народа, злоупотребляя его терпением, по законам любой современной страны является тяжким преступлением». Например, США: согласно их кодексу, такого рода преступления «караются штрафом в 20 000 долларов или тюремным заключением до 20 лет, или обоими видами наказания». Во всяком случае, нет сомнения, пишут авторы статьи, «что если бы Сахаров был гражданином США и занимался такой же деятельностью, он неизбежно оказался бы за решеткой». И вдруг передовой читатель, готовый встретить, как обычно, с аплодисментами самую суровую кару, с совершенным недоумением в предпоследних абзацах читает следующее: «Административные меры, принятые в отношении Сахарова (т. е. высылка в Горький), направлены к тому, чтобы пресечь его подрывную

деятельность. Эти меры полностью одобрены советской общественностью. Они могут оказаться полезными и для самого Сахарова, если он найдет возможность критически оценить свое падение». Ну и ну! Поистине гора преступлений родила мышь. Неужто заржавел карающий меч в руках соответствующих органов? В чем тут дело? Мне кажется, авторов статьи подвел ими самими придуманный заголовок. При чем тут «Цезарь»? Глупому указанию в статье, что будто в 2002 г., т. е. когда ему исполнилось бы 80 лет, Сахаров метил стать подобием «Цезаря», явно даже самый молодой читатель не поверит. По всей вероятности, «броскость» заголовка должна была прикрыть скудость и лживость текста статьи.

ВОСТОК — ЗАПАД

1. Немного истории

Передо мной книга — солидный том под названием «Запад и Восток». Автор — весьма известный востоковед, академик Н. К. Конрад. Такое деление мира представляется ему столь очевидным, что и само его возникновение не требует пояснения. И действительно, понятие «Восток — Запад» или, наоборот, «Запад — Восток» настолько общеупотребительно, что, кажется, и в самом деле не предполагает никаких особых разъяснений. Но при ближайшем к нему обращении все оказывается не так уж просто. Ни по времени возникновения, ни по реальному содержанию такое деление мира далеко неоднозначно.

Несомненно, представление о четырех странах мира (света) возникло в незапамятные времена на заре зарождения сознательной жизни, каждой из них уже в глубокой древности придавалось некое определенное значение как в смысле местоположения, так нередко и символическое. Примем за древнейший факт, зафиксированный в письменности одним из составителей индийских Вед, в одной из которых автор приписывает богу Агни следующие слова: «Именно делите мир не по северу и по югу, не по западу и востоку, но всюду различайте старый мир от нового». В этой сентенции чувствуется отражение спора с предшествующими представлениями, которые вкладывались в понятия о странах света. Не углубляясь в суть этих представлений по другим дошедшим до нас письменным источникам древнего Востока (например — Ассиро-Вавилонским), или древнеегипетским, обратимся к нашим учителям из древнего мира — к мудрецам греко-римской античности. В ранней греческой письменности деление мира по странам света было вполне обиходным». Однако специальное деление эйкумены на Восток и Запад все же как будто не использовалось. А вот деление мира на Европу и Азию (Асию) известно.

Характерно высказывание Аристотеля, интересное не только в географическом отношении. Обсуждая связи истории отдельных народов с географической средой, Аристотель замечает: «Холодный климат Европы содействует сохранению военных доблестей, но делает невозможным развитие культуры. Наоборот, жаркий климат Азии благоприятен для культуры, но делает невозможным

сохранение военных доблестей и качеств. Эллины, живущие в пограничных областях, предназначены для господства над миром».

Собственно понятия «Восток» и «Восточный» применительно к Азии впервые использовали римские историки Трог, Помпей и Тацит. Под Азией, таким образом, стали понимать «Восток» — часть света, расположенную к востоку от Африки и Европы.

Мы же унаследовали от эпохи античности две пары терминов, воспринимаемых как синонимы (или почти как синонимы): Восток — Азия, Запад — Европа. В Новое и новейшее время истории, благодаря научному востоковедению, эти два понятия вошли в научный обиход именно как синонимы, хотя их объем совершенно не соответствует античному. Характерно, что ориенталистика охватывает все страны от Испании до Дальнего Востока. В том же фарватере до самого недавнего времени шло и русское востоковедение. Как замечает Н. И. Конрад, «Востоковедная филология, т. е. научное востоковедение, в своем первоначальном виде, — детище Запада, т. е. тех стран, для которых существовал «Восток» как особый мир, противостоящий их собственному миру «Запада»». При этом синонимом Запада выступает Европа.

Здесь уместно привести некоторые установившиеся в Европе представления о тех особенностях, которые отличают Восток от Запада. Известный итальянский путешественник XVII в. Барбаро первым указывает на более культурные условия жизни в Европе, нежели на Востоке. Согласно В. В. Бартольд, «в XVII веке культурное превосходство Европы вполне определилось», и долгое время (до XVII в.) под «всемирной историей» понимали только историю европейских народов. Народы же Востока не имели своей истории. Многие писали об общем упадке Востока и рассуждали о его причинах. Например, известный французский путешественник Бертье видел причину упадка Востока в отсутствии частной земельной собственности. Историк Вольней объяснял его дурным управлением и влиянием мусульманской религии. Обобщено писал об этом Фр. Шлоссер в своей истории XVIII в.: «Коренное различие между историей Востока и историей Европы в том, что государства Востока с их деспотическим и иерархическим устройством, ...религия, обряды, литература, светское государственное устройство, искусство основаны на том, чтобы все оставалось неизменным, ...не допускалось влияние культур иноземцев». Соответственно установилось и пренебрежительное отношение к культуре стран Востока. Вот что писал об этом, например, Седилло: «...надежды европейцев найти богатые сокровища мысли в Индии и Китае не осуществились... Только арабы по своим научным заслугам могут соперничать с греками. Другой науки, кроме греческой и арабской, никогда не было».

Но по мере более углубленного знакомства с культурным наследством Востока наряду с указанными взглядами стали раздаваться совсем другие голоса. Так, уже с конца XVIII в., по словам одного исследователя, имеет место «чрезмерное увлечение Индией». В санскрите стали различать «предка» европейских языков. О индийских мудрецах писали как об «учителях» греков и т. д.

А в начале XX в. Р. Киплинг, которому принадлежат знаменитые слова о «несходимости» Востока и Запада, утверждал: «Кто услышал зов с Востока, вечно помнит этот зов».

На этом мы пока оставим Западную Европу и обратимся к восприятию проблемы Восток — Запад в России, русским общественным сознанием, и к оценке места в ней России.

В киевский период истории Руси, насколько можно судить, термины «Восток» и «Запад» как будто еще не вошли в повседневный обиход. Однако само географическое положение Киевской Руси обусловило интенсивные ее взаимоотношения как с Западом, так и с Востоком. По словам одного исследователя, географическое положение страны еще до образования Киевской Руси определило влияние на нее Востока, а в X в. — воздействие с трех сторон — со стороны Византии, Западной Европы и мусульманского мира. До принятия от Византии христианства преобладало влияние Востока, что выразилось в зависимости от хазарского каганата. В частности, ряд киевских князей, так же как и правители хазарского царства, официально именовались «каганами». Однако с принятием христианства культурная ориентация Киевского государства сместилась в сторону Византии. В отличие от прежнего экспансионистского движения Киевской Руси против Византии, оно обратилось на Восток, в сторону волжских народностей. В целом Киевская Русь до монгольского завоевания, по мнению В. В. Бартольда, которому принадлежат и вышеупомянутые утверждения, не была европейской страной и в культурном отношении была более отсталой, чем Западная Европа, что, впрочем, оспаривается и не без основания другими исследователями. В еще большей степени расходятся исследователи в оценке последствий монгольского завоевания и двухсотлетнего татаро-монгольского ига. Если, по мнению большинства русских историков, именно монгольское иго надолго приостановило на Руси развитие культурного и общественного прогресса, по сравнению с западными странами, то по мнению других положение рисуется по-иному. Так, по словам того же В. В. Бартольда «несмотря на опустошения ... в период монгольского владычества было положено начало политическому возрождению России, дальнейшим успехам культуры». Тот же автор отмечает, что еще до свержения монгольского ига северо-западные республики — Новгород и Псков вошли в состав Ганзейского союза и именно через русские области из Европы с Монголию и Китай проходил путь европейских посольств. С XV в. через Московское царство был проложен путь из Европы в Персию.

Трудно переоценить значение освобождения Руси от монгольского ига при Иване III (XV в.). С этого времени начинается успешное завоевательное продвижение русских на Восток, одним из решающих вех явилось покорение при Иване IV, во второй половине XVI в., Казанского и Астраханского царства, а также, благодаря движению казачества, — присоединение значительных территорий Приуралья и Западной Сибири. Начинаются сношения со Средней Азией и Персией. Из Индии прибывает в Москву посол от основателя государства Великих моголов Бабур. Менее успешно протекает экспансия Московского царства на Запад в сторону Балтийского и Белого морей. Падение Константинополя (1453 г.) и образование могущественного турецкого Османского султаната на месте Византии оказало глубокое влияние на Московскую Русь (см. «Москва — Третий Рим») и в значительной мере определило главное

направление восточной политики как Московского царства, так и Петербургской империи. В XVII в. при первых Романовых делаются попытки проникнуть на Дальний Восток во владения китайских императоров.

Новая эпоха, начало которой положило царствование Петра Великого, ознаменовалась важнейшими переменами и во взаимоотношениях России как с Западом, так и с Востоком.

Основание Петербурга дало повод итальянскому писателю Альгаротти (1712–1764) сказать: «Петербург — это окно, через которое Россия смотрит в Европу», а благодаря Пушкину это выражение стало крылатым, отразив новые отношения, установившиеся между Россией и Западом.

Что касается отношения со странами Востока, то их характеризуют следующие главные факты. Хотя военные акции Петра на Востоке имели, по замечанию одного из военных авторов, в основном временный успех, их значение едва ли следует преуменьшать, учитывая, что именно они придали движению русских в течение XVIII и XIX вв. восточное направление. При Петре были совершены военные походы в сторону Балкан против Османской империи (1711), военная экспедиция по Каспийскому морю в Среднюю Азию, была сделана попытка утвердить русскую власть в Средней Азии с помощью т. н. киргиз-кайсацких орд (1717); с помощью каспийской морской флотилии были заняты северные прикаспийские области Персии (Гиляна); успешно развивалось движение России на Дальнем Востоке в сторону Китая.

После преждевременной смерти Петра при власти «временщиков» общее направление восточной политики России проходит в целом в предначертанном Петром русле. В 1730-е гг. был предложен план обширных завоеваний и против Турции, и против среднеазиатских ханств (т. н. план Кириллова). Однако они были осуществлены только частично (взятие Очакова). Но в то же время России пришлось вернуть персам (Надир-шаху) Гилян. Крупных военных успехов Россия достигла во второй половине XVIII в. при Екатерине II. Главным из них было присоединение Северного побережья Черного моря, включая Крымский полуостров, занятие Измаила в устье Дуная. На Дальнем Востоке к русским владениям была присоединена Аляска. На западе в результате раздела Польши границы России примкнули к Германии и Австрии. Таково было политическо-географическое положение России на Европейском континенте к началу XIX в.

В культурном отношении, бесспорно, преобладающими стали связи со странами Запада. И недаром еще в начале века Лейбниц писал Петру: «Провидение, по-видимому, хочет, чтобы наука обошла кругом весь земной шар и теперь перешла в Скифию и потому избрало Ваше Величество орудием, так как Вы можете и из Европы и из Азии взять лучшее и усовершенствовать то, что сделано в обоих частях света» (по Ключевскому, т. VIII).

Еще больше связи с культурой Запада углубились во второй половине XVIII в.

В начале XIX в. решающую роль в становлении общественного сознания, естественно, сыграли Наполеоновские войны. Весьма важным представляется одно любопытнейшее известие, согласно которому Наполеоном в Тильзите

сделано Александру I предложение поделить мир: себе он оставлял Запад (Европу), Александру же — Азию (Восток). Как известно, ход событий оказался совсем не таким, каким он представлялся Наполеону. Позже Ф. М. Достоевский выразил сожаление, что «в двенадцатом году, выгнав от себя Наполеона, мы не помирились с ним под условием, чтобы у нас был Восток, а у него Запад».

Не распространяясь о политике Александра на Западе, отметим, что на Восток военное продвижение после 1812 г. как в сторону Ближнего Востока, так и Дальнего продолжало направления XVIII в. Вот как представляется политика русского правительства при Александре I, затем в царствование Николая I. Борьба с Турцией рассматривалась в качестве наиболее важного направления. По мнению С. М. Соловьева, «Россия не добивалась при Александре I территориальных приращений за счет Турции». Однако Николай I начал проводить в «восточном вопросе» более «твердую политику», завершившуюся весьма выгодным миром в 1827–1829 гг., когда значительная часть Кавказа вошла в состав Российской империи. Продолжалось продвижение русских на Дальнем Востоке. Когда флотилия Невельского вошла в устье Амура, подняв там русский флаг, Николай заявил, что там, где поднят русский флаг, он уже не будет спущен. При общем бурном росте русского общественного сознания после 1812 г. неминуемо должна была встать проблема положения России и по отношению к Западу. И действительно, русская литература об этом свидетельствует достаточно ясно. Обратимся к Пушкину и Чаадаеву. У Пушкина эта проблема нашла отражение, естественно, прежде всего, в чисто литературном аспекте. В связи с появлением перевода на русский язык романа английского писателя Мура «Лола Рух» Пушкин писал: «Что Жуковскому понравилось в этом Муре? Чопорном подражании безобразному восточному воображению? Вся Лола Рух не стоит десяти строчек Тристана Шанди... ..и в упоении восточной роскоши европейцу должно сохранять взор и вкус европейца. ...Мур подражает ребячеству и уродливости Сади Гафиза и Магомета».

Ратуя за то, что «европейцу должно сохранять взор и вкус европейца» и противопоставляя ему «безобразное восточное воображение», Пушкин выдвигает и положение о противоположности в историческом пути России по сравнению с Западом. Так, он пишет: «История России требует другой формулы, как мысли и формулы, введенные Гизотом из истории христианского Запада... К истории России неприменимы теории о прогрессе и понятия свободы...» Вместе с тем Пушкин видит назначение России, по отношению к Европе, в качестве «освободителя» — «Освобождение Европы придет из России», — пишет он. В этом он солидаризируется с Чаадаевым, который излагает свои взгляды в развернутом виде: «...у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и повторяю охотно: мы ...предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великим трибуналом человеческого духа и человеческого общества». В другом месте Чаадаев писал: «Россия должна была соединить в себе духовные начала Китая и Европы. ...и что мы призваны обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого». Правда, надо

сказать, что общий пессимизм Чаадаева в отношении России и ее прошлого сказался и в его определении роли России. Так, говоря, что Россия призвана «соединить в себе духовные начала Китая и Европы», Чаадаев продолжает: «...но ничего этого не произошло. Русские пришли в мир подобно незаконным детям, без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас... В нашей крови есть нечто враждебное истинному прогрессу. Кто может сказать, когда мы обречем себя среди человечества и сколько бед суждено нам, прежде чем исполнится наше предназначение?»

Пушкин и Чаадаев, высказывавшие свои довольно близкие взгляды, были не единственными деятелями, размышлявшими над этими проблемами. Так, поэт Одоевский писал, что «будущее Европы принадлежит России». Интересны также соображения таких авторитетных писателей, какими заявили себя в первой половине XIX в. Тютчев и Киреевский. Согласно Тютчеву: «России суждено великое назначение, и никогда она не выказывала своего могущества в такой полноте как теперь (1829 г.)... Европейский Запад только одна половина великого органического целого; претерпеваемые Западом трудности — по-видимому, неразрешимые, обретут разрешение только в другой половине». В том же аспекте рассматривал проблему «Восток — Запад» Киреевский. Он видел в обще-европейском просветительстве основу сближения русской и европейской культур, обозначив это движение как «союз Востока и Запада».

В приведенных размышлениях нельзя не усмотреть истоки тех идей, которые привели к поляризации русского общественного сознания, к идеологическому его размежеванию на «западничество» и «славянофильство». Приведем высказывания виднейших и наиболее влиятельных деятелей XIX в. по поводу общей проблемы Запад — Восток (или Азия — Европа). Герцена можно назвать первым из тех, кто с особенной глубиной рассматривает эту проблему. Положение в Европе рисуется ему как гибельное: «Я вижу неминуемую гибель старой Европы и не жалею ничего из существующего. В дверях старого мира не Катилина, а смерть». В подтверждение этому Герцен приводит высказывания знаменитого английского писателя Д. Милля о господствующем положении, которое заняло в европейском обществе «мещанство», приравнивая тем самым Европу к Китаю. Излагает Герцен идеи Милля следующим образом: «Мещанство — это та самая самодержавная толпа сплоченной посредственности, которая всем владеет, — толпа без невежества, но и без образования... с отчаянием смотрит на подавляющие массы какой-то паюсной икры... Он не преувеличивает, говоря о суживании ума, энергии, о стертости личности... об исключении общечеловеческих интересов... о мещанском благосостоянии... Англия сделается Китаем». Сам Герцен вполне солидарен с Миллем, однако все же возражает последнему, что, может быть, какой-нибудь кризис и спасет от китайского «маразма».

Касаясь более непосредственно положения в области идеологического состояния Европы после французской революции, Герцен пишет: «С такой снисходительной церковью, с такой ручной революцией западный мир стал отстаиваться, уравниваться... движение вперед делалось тише и тише, пока наконец не наступила последняя тишина Китая». «Европа сделается Китаем». Но особенно замечательной представляется характеристика Герценом философии

позитивизма, овладевшей умами европейцев: «Последний предел современной культуры — научный реализм (позитивизм). Позитивизм ... вырос в бессознательную религию... в Европе позитивизм только делается — в Китае он уже сделался религией. Учение Конфуция и Лао-Цзы — совершенный позитивизм... Серединная империя — царство вечной середины, вечной посредственности... Китайское поклонение прошлому — предкам. Китайцы — совершенные желтолицые позитивисты; европейцы — пока еще несовершенные белолицые китайцы... американцы совершеннее европейцев. Тут крайний Запад сходится с крайним Востоком». Герцен в своем осуждении положения Европы выступал с позиции «западников». Славянофилы, разумеется, осуждали Запад (Европу) еще более резко. Именно в среде славянофилов было сформулировано представление «о гнилом Западе», ставшее таким популярным вплоть до нашего времени. Вот как писал об этом в самом начале 1840-х гг. известный славянофил С. П. Шевырев: «В наших искренних дружеских тесных сношениях с Западом мы не примечаем, что мы имеем дело с человеком, носящим в себе злой заразительный недуг, окруженный атмосферою опасного дыхания. Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьем чашу чувства и ... не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым уже пахнет». Шевырев не остался без ответа. Кажется, именно о нем писал Белинский: «Он помешан на гниющем Западе». Сам Белинский отвергает мысль «о нравственном гниении Запада». «Европа больна — это правда, но не бойтесь, чтобы она умерла. Это болезнь временная. Это кризис внутренней подземной борьбы старого с новым». Он же замечает иронически: «У людей гниющего Запада мышинные натуры, а у нас чисто медвежьи». Белинский упрекает славянофилов в том, что, по их представлениям, «все русское может поддерживаться только дикими и невежественными формами азиатского быта».

2. Первый вызов

Кто первым сделал вызов в мировой исторической драме, которую мы вправе назвать конфронтацией между Западом и Востоком? Если согласиться с общепринятой в исторической науке точкой зрения, то следует признать, что первым сделал вызов Запад Востоку в лице так называемых ариев — бесспорных выходцев откуда-то с Запада, которые вдруг громогласно заявили о своем «присутствии» на обширных просторах восточных стран.

Как и когда это произошло? Проблема эта встала перед исторической наукой давно. Много «баррелей» чернил израсходовано историками на освещение ее, много перьев и иных инструментов письма истрчено при этом. Признаемся, что нам, пожалуй, и не под силу даже перечислить все то, что написано по этому поводу. Поэтому мы остановимся лишь на более или менее общепринятых взглядах, отраженных в литературе последнего времени.

Проблема об ариях на Востоке ныне распалась на следующие темы:

1 — индоевропейская: о появлении арийцев в Индии; 2 — иранская: о распространении тех же (?) ариев в Иране; к ней примыкает и движение ариев в сторону Ближнего Востока.

Рассмотрим названные темы отдельно.

О появлении ариев в Индостане. Густым туманом разных теорий окутан вопрос как об исходной территории, откуда это движение началось, так и о путях, по которым племена двигались. Всех теорий касаться не станем. Дадим слово лишь одному из последних компетентных историков Индии А. Бэшему: «Около 2000 г. до н. э. обширные территории, простиравшиеся от Польши до Средней Азии, населяли полукочевые варварские племена; это были высокие, довольно светлокочие люди, в большинстве длинноголовые. Они приручили лошадей и впрягали их в легкие повозки на колесах со спицами... В начале II тысячелетия до н. э. либо из-за перенаселения, либо из-за засухи, поразившей пастбища, либо вследствие обеих причин, эти народы пришли в движение. Они мигрировали группами в западном, восточном и южном направлениях... Некоторые племена переместились на территорию западной Европы... Некоторые двинулись на юг, к Кавказу и к Иранскому плоскогорью». Далее рассуждения автора о судьбах этих племен, в частности, об их смешении с аборигенами тех территорий, которых они достигли. Опустим их.

Что касается Индии, то на севере этого «субконтинента» (Индостана) арии появились в пределах второй половины II тысячелетия до н. э. По словам цитируемого нами автора, если опираться на письменные источники, «история Индии начинается с ариев». Действительно, древнейшие письменные источники были созданы в среде ариев. Эти источники изучены довольно досконально, и нет необходимости их анализа. Назовем лишь два древнейших сочинения, приписываемых ариям. Прежде всего — знаменитую «Ригведу». Именно из нее А. Бэшем приводит отрывок, который ярко характеризует то главное средство, с помощью которого племенам ариев удалось пройти из своей родины до Индии и здесь обосноваться. Этим орудием был их степной конь. Этот отрывок А. Бэшем по праву считает гимном, который принадлежит «к числу лучших поэтических описаний коня в мировой литературе». Вот он:

Стремящийся к славе, к добыче стад,
Низринувшийся на врагов как голодный сокол,
Он мчится, жаждущий быть первым, среди рядов колесниц,
Счастливый, как жених, готовящий гирлянду
Для свадьбы. Конь, победоносный и верный,
Чье тело повинуется колесничьему в битве
Устремляющийся прямо на врагов,
Вздымает пыль, оседающую на его голову.
И от ржания, подобно грому небес
Враги трепещут в страхе,
Когда он сражается с тысячами, и никто
Не может противостоять его грозному натиску.

Другое древнее сочинение, вышедшее из арийской среды, правда, более поздней, чем «Ригведа», знаменитая «Махабхарата». Это колоссальное по объему эпическое сказание — памятник чрезвычайно важный для восстановления исторической обстановки, сложившейся в Индии после утверждения в ней власти

ариев в так называемый поздневедийский период. В ней повествуется о великой битве, которая произошла между двумя, очевидно, родственными племенами — пандавами и кауравами — в глубине Индии на равнине Курукшетре (вблизи современного Дели). В народной памяти, по словам историка, эта война оставила след, как война, в которой приняла участие вся Индия.

Названные два памятника, особенно последний, важны ввиду того, что в период длительного освоения арийскими племенами территории субконтинента их встреча с местным населением «характеризовалась взаимной отчужденностью и враждебностью», что привело к «барьеру недоверия и способствовало сохранению строгой изоляции». Иначе говоря, привело к образованию кастовой системы, определившей на века социальную историю Индии. Следует отметить и засвидетельствованные этими памятниками эпизоды крайней жестокости, с которой велась война как межплеменная, так, в особенности, и между арийцами и туземными народностями (их загоняли в леса и сжигали живьем).

Как бы то ни было, завоевание Индии ариями-пришельцами с Запада можно считать началом «первого вызова» Востоку.

Арии в Иране. Перейдем ко второй теме поставленной нами проблемы — о распространении ариев в Иране. Само слово «Иран» в качестве официального названия страны (ранее «Персия») — совсем недавнего происхождения. Оно введено правительственным актом персидского правительства только в 1935 г. Характерно, что «Иран» является модификацией древнего термина «ариянам», к которому содержится само племенное название «ариев».

Обширная литература и соответствующие различные теории о времени и путях проникновения ариев на территорию этой страны подытожены в новейшем труде советского историков древнего Востока М. А. Дандамаева и В. Г. Луконина⁶. Ученные с большой полнотой археологические исследования на территории Ирана, а также и ассирио-вавилонские письменные источники привели авторов к выводу о том, что появление ариев (иранцев) на территории нынешнего Северо-Западного Ирана имело место в «железном веке» (его начало для этой территории датируется временем около 1300 г. до н. э.). В качестве наиболее вероятного пути миграции был так называемый северо-кавказский, со стороны причерноморских степей. Некоторые авторы указывают в качестве конкретного пути Дербентский горный проход.

То, что первое государство (Мидийское) основано иранцами именно на северо-западе Ирана, а также известные контакты этого государства с причерноморскими степными племенами (киммерийцами и скифами), засвидетельствованные надежными письменными источниками, говорит в пользу именно этого пути.

Однако существует и другая теория о путях продвижения ариев в сторону Иранского нагорья — на запад, со стороны Средней Азии. Время появления иранцев на территории Ирана, согласно этой теории, датируется временем около 1000 г. до н. э. Их движение шло поначалу по тому же направлению, по которому двигались и племена, занявшие Северо-Западную Индию. Однако на этом пути индоевропейцы не смогли преодолеть горные цепи Гиндукуша.

⁶ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

Переправиться через них, по мнению историков, помешали индоиранские же племена, до того овладевшие его горными склонами (Пенджаб, Арахозия), и потому эта волна арийцев направилась на Запад в сторону иранского плоскогорья. На западе Иранского плоскогорья для этих племен в течение около двух-трех столетий барьером оказалась горная гряда Загроса, господство над которой принадлежало мощным древневосточным государствам Вавилону и Ассирии. Археологические наблюдения, как и свидетельства о последующих событиях, показывают, что арийцы не были поглощены туземным населением, и уже в VIII в. до н. э. (последняя четверть века) оказались в состоянии образовать на Северо-Западе Ирана собственное Мидийское государство, сложившееся на основе племенного союза, существовавшего еще с IX в. до н. э.

Мидийское государство сыграло весьма видную роль в качестве сперва партнера названных выше древневосточных государств, а затем и в борьбе с ними. Следует отметить, что самоназвание индоиранских племен в мидийское время было также «арии».

Здесь же следует указать, что одновременно с консолидацией иранских племен на северо-западе Ирана шел аналогичный процесс и на юго-западе Иранского плоскогорья. Отсюда и вышла династия Ахеменидов, которой суждено было сперва сменить династию мидийскую, а затем создать мировую империю иранцев — Ахеменидскую.

Мы не будем здесь более детально углубляться в рассмотрение данного вопроса. Стоит, однако, подчеркнуть бесспорное этническое родство между индоарийцами и арийцами, овладевшими территорией иранско-персидского нагорья. Их родство давно доказано европейской наукой по многим данным: языковому, религиозному и другим.

Уместно подчеркнуть, что и при овладении землями на западе основным средством явился конь, как верховой, так и упряжный в боевой колеснице. Выше была приведена живописная характеристика роли коня при завоевании арийцами Индии. Близкое описание боевого значения коня дает письменный источник, изображающий появление арийцев на западе Иранского нагорья. Речь идет о библейских книгах Иова и пророка Наума.

Пророк Наум — современник захвата Ниневии мидийцами, восклицает: «Огнем сверкают колесницы... и лес копьев волнуется... Слышны хлопанье бича и стук крутящихся колес, ржанье коня и грохот скачущей колесницы. Несется конница, сверкает меч и блестят копья».

Более пространно, созвучно приведенному гимну из «Ригведы», говорится и в книге Иова:

19. Ты ли дал коню силу и облек шею его гривой?

20. Можешь ли ты испугать его, как саранчу? Храпение ноздрей его — ужас!

21. Роем ногою землю и восхищается силою; идет навстречу оружию.

22. Колчан звучит над ним, сверкает копьё и дротик.

23. Он смеется над опасностью, и не робеет, и не отворачивается от меча.

24. В порыве ярости он глотает землю и не может стоять при звуке трубы.

25. При звуке трубы он издает голос: «Гу! Гу!» и издалека чует битву, громкие голоса вождей и крик.

3. Двадцатый век

В XX век Запад вступил с полным убеждением в своем превосходстве над Востоком. На карте планеты большая часть того, что относилось к Востоку, было окрашено в условные цвета европейских монополий. Высокомерие Запада выражалось по-разному. Так, Великобритания похвалялась, что в ее владениях никогда не заходит солнце. Не без гордости отмечалось при всяком удобном случае, что сплошной массив Российской империи занимает одну шестую часть планеты. Почти весь Восток лежал под «кованой пятой» Запада. Военное превосходства, а вслед за ним и политическое преобладание Запада в мире было бесспорным. Также бесспорным казалось и культурное превосходство Запада.

Россия, одержимая надменностью, вступила в самом начале века в войну с Японией — тогда еще единственной страной Востока, решившейся по примеру западных стран урвать от своего ослабленного восточного соседа — Китая — кусок территории. Официальной России в ее высокомерии казалось достаточным солдатских шапок, чтобы закидать ими японских «макак». Однако японцы в этой войне оказались победителями.

Победа восточной страны над столь казавшейся могущественной Российской империей, причислявшейся к Западу, нисколько не открыла Западу глаза на его внутреннюю уязвимость... Казалось, что ничего существенного в миропорядке не изменилось. К прежним властителям мира присоединился еще один сочлен с теми же заносчивыми претензиями, как и сами западные страны. Япония на равных правах включилась в разбойничий «клуб» стран-колонизаторов. Одновременно на повестку дня в мировой политике стал вопрос о перекройке планеты, раздел колониальных владений на ней. Как известно, в разбойничьих бандах при дележе добычи постоянно возникают передраги. Не прошло и десятилетия, как планета стала свидетельницей схватки, окрещенной «Первой мировой войной». Исход этой войны известен. Одни державы объявили себя победителями и шумно праздновали победу, другим пришлось испытать горечь поражения. Но для Запада в целом, по слову философа, наступила пора «заката», как бы оправдывающая тем самым географическое положение Европы на планете. Слова эти были сказаны сразу после войны. А через десяток лет это было подтверждено стихами поэта:

Час за часом приходит к закату Европа
Это будет, пожалуй, почище потопа.

Но среди участниц войны была страна, к которой неприменимы ни «победа», ни «поражение». Это — Россия. Для нее война обернулась тем, что она, отбросив свое прежнее имя, превратилась в набор безгласных букв; сперва — РСФСР, а несколько позже — СССР. Или сперва — Совдепия, а затем — Советская Россия.

Недоброму гению истории было угодно избрать именно Россию в качестве главного инструмента или орудия для осуществления своей цели превращения Европы в истинный континент «заката». Мы не будем останавливаться на том, как это происходило. В конце концов, происходило это на глазах у всех выживших моих сверстников. Отмечу только, что произошло это не сразу.

Понадобилась четверть века и еще одна мировая война, которую где-то называют «Второй мировой», а где-то — «Великой Отечественной».

Именно в аспекте темы нашей заметки эта последняя война привела к поразительным изменениям в содержании самых географических понятий — Запад, Восток. Кажется, никогда прежде эти понятия не были столь популярными, как именно сейчас, во второй половине XX в., и особенно в начале последней его четверти. Стоит развернуть ныне любую газету за любое число, послушать любую передачу по радио или ТВ, когда речь идет о мировых событиях или проблемах, и мы, прежде всего, сталкиваемся с этими понятиями «Восток — Запад».

Но где же, наконец, спросите вы, проходит между ними граница? Как мы видим, на всем обозримом историческом прошлом особой ясности в этом вопросе не было. Правда, в XIX в. по меридиану Уральских гор учеными была проведена некая условная граница, отмеченная даже памятной стелой, с одной стороны которой начинался Восток, а с другой — Запад, с одной — Азия, с другой — Европа. Казалось — все достаточно ясно. Но спросите ныне у любого гражданина, читающего газеты, где же сейчас проходит эта граница? И он вам ответит: «Да по речкам Одеру и Нейсе». Вот аж куда она передвинулась. Правда, стелла для ее обозначения не установлена. Однако некий участок ее обозначен еще более наглядно целой сплошной стеной...

Разумеется, ни этими речками, ни стеной граница между Западом и Востоком «не ограничивается». Но дальше — как к северу, так и на юг — линия разграничения настолько изломана, что проследить ее, во всяком случае словесно, трудно. Весьма компетентный деятель указал на крайние пункты пограничной линии Штеттин — Триест. Но как бы то ни было, прослеживая эту границу по карте, вполне наглядно обнаружим, насколько сократился континент, раньше известный под названием «Европа» и каким незначительным «аппендиксом» выглядит он сейчас по отношению к тому, что ныне называют Востоком, или Азией.

Но мы слишком ударились в географические дефиниции, которые по сути дела нас не так уж интересуют и которые к тому же столь запутаны и изменчивы. Обратимся к проблеме Запад — Восток в политическом и идеологическом ее аспектах. Вспомним, какое большое место занимали именно эти аспекты в русском общественном сознании в XX в.

Сначала — о переменах в политической ситуации. Что же произошло в связи с передвижкой между Востоком и Западом? Запад, оказавшись в своем географическом «аппендиксе», потерял «гегемонию» во всех остальных частях света. Прежняя колониальная система канула — не будем гадать: навеки или же на время, во всяком случае — надолго. О военно-политическом превосходстве Запада, которым он, Запад, так кичился в начале века, сейчас не приходится упоминать. Что же представляет собой мир в военно-политическом отношении сегодня? Картина, надо сказать, удивительная или на удивление запутанная. Коротко ее не опишешь. В главных своих картах мир отражен в политической терминологии — в тех терминах и понятиях, с которыми приходится иметь дело современнику. Мы приведем их, не расшифровывая, предполагая, что они всем современникам понятны. Итак, прежде всего ООН, включающая в себя почти

все государства или государственные образования планеты — сто пятьдесят или около того. Из их числа выделяются две державы, которые именуются «сверхдержавы», стоящие во главе блоков НАТО и СЭВ. Затем образовалась рыхлая организация под названием «не присоединившиеся к блокам государства». Из числа государств, входящих в последнее объединение, одни склоняются к одному блоку, другие — к другому. Некоторые ухитряются, правда, склоняться то к одному, то к другому, напоминая того ласкового телю, которому удается двух маток сосать. И вот в этой, казалось, совершенно новой геополитической ситуации, в которой казалось бы проблема «Запад — Восток» является анахронизмом, мы сталкиваемся на каждом шагу. Посмотрим, что, в сущности, понимают наши современники под этим понятием. Для западного человека, особенно политического деятеля, произносящего слова «Восток» или «Восточная политика», они означают, прежде всего, Советский Союз вместе с находящимися под его эгидой восточноевропейскими — т. н. социалистическими государствами. К ним присоединяют и некоторые государства, расположенные вне Европы, как, например, Вьетнам, Южный Йемен, Куба, Ангола, а до недавнего времени и Китай. Все они связаны с Советским Союзом военно-политически и экономически. Однако, несомненно, в глазах западного человека едва ли не главное, что их объединяет, — это идеологическая общность. Их общая идеология, названная марксистской, социалистической, коммунистической. Именно в этом идеологическом факторе и кроется проблема Запад — Восток в нынешнем ее узловом аспекте.

Каким же образом понятие «Восток» стало сопровождаться этими эпитетами? Разумеется, что этот вопрос относится прежде всего к России, к истории идеологических движений в ней.

По убеждению автора «Заметок», существует универсальный закон в истории культуры планеты — как материальной, так и духовной, а именно: каждое крупное явление, зародившееся в одном месте, имеет тенденцию распространяться по всей планете, глобально. Грубо этот закон был сформулирован, кажется, еще в конце прошлого века в совсем ином звучании, а именно: дважды не изобретают велосипед. С точки зрения теории сохранения энергии существование такого закона вполне оправдано и в области духовной деятельности человека. Однако все было бы просто в истории культуры, если бы закон сохранения энергии не сопровождался другим законом — энтропии (второй закон термодинамики). А именно: по мере распространения культурного явления в пространстве и времени неизбежно происходило его искажение. Такое искажение иногда, по желанию, можно назвать прогрессом, но все же чаще оно проявляется как «порча, регресс».

Разумеется, что характер искажений многообразен и обуславливается предшествующими особенностями развития того общества, куда приходят новые культурные явления.

В истории культуры человечества, прослеживаемой со времени палеолита, действие этих двух законов проявляется постоянно. Случилось так, что именно на западе (в широком значении этого термина) большей частью возникали новые культурные явления, которые оттуда с большей или меньшей

интенсивностью распространялись по поверхности планеты. Именно так — случилось и с понятиями и представлениями о Востоке — Западе. Проследим кратко их пути и судьбы.

1848 год. Западная Европа, точнее — Германия. Два еще молодых, но уже тогда бородатых человека выпустили манифест под названием «коммунистический». И вот уже без малого полтора столетия призрак, провозглашенный этим манифестом, бродит по планете. Авторы манифеста, правда, видели этот призрак только в пределах Европы. Однако еще при их жизни он — этот призрак — перешагнул за границы той Европы, которую имели в виду творцы манифеста. И не удивительно, что первой страной, куда этот призрак направился, явилась Россия, страна к востоку от центра зарождения призрака. История того, как бродил этот призрак сперва по стране, а затем и дальше по Востоку, стала, по сути дела, одним из решающих моментов исторического процесса.

Так, в России «призрак» был воспринят определенной частью общественного сознания более или менее адекватно тому, как он представлялся творцам манифеста (Чернышевский, Плеханов, Лавров).

Однако очень скоро обнаружил себя закон искажения, когда идея, заложенная в «призраке коммунизма», революционном движении, сперва заложенная на русской почве в учении Бакунина, а затем — учении Ленина. Последний и стал роковым для истории России, а затем и для народов других стран, по преимуществу стран Востока, которые постарались исказить его уж почти до полной неузнаваемости. Не в этом ли и сущность Востока, в его особой предназначенности (предрасположенности) к искажениям, часто невероятным? Говоря о приходе призрака в России, уместно упомянуть и о восприятии его в среде, враждебной идеологии творцов «призрака». Снова приходится обратиться к Ф. М. Достоевскому. Ему этот призрак представился в образе мелких бесов, которые, согласно евангелическому тексту, вошли с тела стада свиней и, вместе с последними, утонули в морской пучине. В этом последнем представлении и крылась ошибочность оценки «призрака» Достоевским. Ему казалось, что с гибелью «бесов» проблема решена. Насколько такая оценка несостоятельна, показал XX век, который по праву может быть назван поистине «бесовским».

Именно в этом веке и обнаружил себя в полной мере исторический закон, который был нами назван «законом искажения».

Имя Ленина, которым ныне в мире обозначено учение, неразрывно связано с именами творцов коммунистического манифеста. Совершенно несомненно, что уже в сочинениях Ленина наличествуют искажения первоначальной теории марксизма. Однако хотя эти искажения и были замечены современниками, они все же не выпирали настолько, чтобы отлучить Ленина от учения «основоположников». Да и при жизни Ленина его «учение» не было еще оскрещено его именем.

Демону, ведающему историческими судьбами России, было угодно, чтобы именно Ленину было поручено превращение Русской империи в совершенно неслыханное государственно образование, носящее ныне название СССР, в котором вместо государственной религии — православного христианства — было провозглашено учение марксизма-ленинизма. Но это произошло позже. Трудно

сказать — к счастью или к несчастью страны случилось так, что вскоре после провозглашения нового названия Ленин умер. Вероятно, в какой-то мере был прав наиболее тонкий враг Ленина Уинстон Черчилль, когда он писал по поводу преждевременной смерти Ленина: «Великим несчастьем для России было рождение Ленина, но еще большим несчастьем была его преждевременная смерть». Но именно вскоре после смерти Ленина его писания были окрещены «ленинизмом» со знаком равенства с марксизмом. Крестным отцом наименования этого учения стал, как позже его прозвали, великий соратник Ленина — Сталин. Именно при последнем и произошло полное искажение марксизма, определившее собой идеологический облик едва ли не большей части планеты на протяжении вот уже более полстолетия. И не случайно именно ему удалось произвести операцию по окончательному искажению. Его — Сталина-Джугашвили — интеллект, образовавшийся из восточных природных инстинктов, полученный по наследству от родителей и определенным образом отшлифованный катехизисом восточно-православной духовной семинарии, был вполне подходящим для указанной роли идеального исказителя. Уже одно название главного теоретического труда Сталина «Вопросы ленинизма» знаменательно. Именно в виде «вопросов», на которые полагалось давать непререкаемые «ответы», составлялись церковные катехизисы.

Точно так составлено и все названное сочинение Сталина. Автор ставит один за другим вопросы и как в катехизисе дает ответы, от которых не полагается уклоняться ни «вправо», ни «влево». Ответы, которые были провозглашены генеральной линией партии. К великому несчастью, на осуществление этой «генеральной линии» на протяжении четверти с лишним века и был осужден целый народ.

Итак, ленинизм в передаче Сталина стал новым катехизисом. В этой чисто восточной форме он и был воспринят. Свидетельствовать может хотя бы чашушка, сложенная в конце 1930-х гг.:

Я на камне, на камушке сию.
В изложении Сталина Ленина учу.
И никто не может того мне запретить
В изложении Сталина Ленина учить.

Именно полнейшее отсутствие «запрета» на «изложение» учения Ленина казалось тогда особенно привлекательным.

Маркс, говоря о распространении в мире капитализма, как-то заметил, что по мере продвижения на Восток он — капитализм — становится все подлее и отвратительнее. Иначе говоря, искажается в худшую сторону. Но это, увы, с еще большим основанием можно сказать и о распространении в ту же сторону самого марксизма и, особенно, его практического «приложения» в виде Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., провозглашенной под знаменем марксизма. Вот уже седьмое десятилетие «призрак» коммунизма облекается в плоть и кровь, вернее, в окровавленную плоть нации.

В главном эпитете Октябрьской революции — «социалистическая» — заключалась и главная провозглашаемая ее цель — построение социализма. Разумеется,

при этом не было недостатка в выражениях, что подобная цель противоречит учению основоположников марксизма, согласно которому победа социалистической революции должна произойти отнюдь не в «отсталой» с малочисленным пролетариатом России. Одним из софизмов, с помощью которого худо ли, хорошо ли парировалось такое возражение, была выдвинута «теория» о слабом звене: мол, Россия — это самое слабое звено капиталистической системы, и поэтому именно здесь пролетариату удалось победить (именно так нам объясняли причину победы революции на лекциях на рабфаке). Более существенными были надежды на «заварухи», начавшиеся вскоре в Венгрии и Германии (венгерская и баварская революции), с которыми связывались надежды на распространение социалистических революций в Европе... Поражения революций советского образца на Западе не очень обескуражили теоретиков марксизма. Надежды на революции в европейских странах снова вспыхнули, когда разразилась всеобщая забастовка в Англии в 1926 г. и гоминдановская революция в Китае. Главным теоретиком, провозгласившим, что именно через знаменитую забастовку английского пролетариата и революцию в Китае социализм начал распространяться в мире, был Бухарин (одно из его выступлений на эту тему я помню). Поражение английской забастовки и чанкайшистский переворот в Китае явились поворотными моментами в искажении марксистской теории социалистической революции и, увы, в ее практическом осуществлении. Тут на сцену в полный рост выступил Сталин, оседлавший теорию «построения социализма в одной стране». Само собой разумеется, что эту теорию он объявил самой что ни на есть ленинской, мало заботясь о том, насколько она, эта теория, потревожит тени основоположников марксизма. Впрочем, возможно, что некие зацепки для своей теории он выискивал и в их писаниях. Как Сталину удалось на практике доказать правоту своей интерпретации этой роковой теории построения социализма в одной стране его современникам более чем хорошо известно. О злодейски-кровавых перипетиях пути, по которому повел Сталин страну, немало написано и еще будет написано. Я позволю себе коснуться двух моментов в практическом осуществлении Сталиным «построения социализма» в СССР, имеющих к теме данной заметки — Запад и Восток.

Тут придется снова вернуться к тому документу, который выше уже был упомянут — «Коммунистический манифест», с его главным лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» С этим лозунгом на устах трибунов Октябрьской революции и на ее знаменах революция и народилась. И до сих пор этот лозунг, провозглашенный на Западе и воспринятый после Октябрьской революции как символ веры, как будто не был отменен. Не отменил его и при построении социализма в одной стране и Сталин. Но именно ему — Сталину — должна быть приписана «заслуга» превращения этого лозунга в пустую фразу, которую почему-то до сих пор не удосужились снять с первых страниц газет или с официального государственного герба, но которая уже абсолютно мертва. И действительно, этот рожденный на Западе лозунг оказался явно подходящим при построении социализма в одной стране. Совершенно иная «идея», по сравнению с выраженной в лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», руководила Сталиным при осуществлении им своей задачи.

Но случилось так, что не он сам придумал символическое обозначение своему «предприятию», название ему дал не кто иной, как уже упомянутый Уинстон Черчилль, обозначив его «железный занавес». Никто, полагаю, не будет спорить, что в этом главная заслуга принадлежит Сталину, опустившему «железный занавес» вокруг «лагеря социализма», как стали именоваться владения этого некоронованного «царя». Но откуда родилась эта столь противоречащая марксизму-ленинизму идея изоляции? Автор представляет, что ответ имеется. Сталин, унаследовавший «восточные» гены, безусловно кое-что знал и из истории стран Востока, в том числе, конечно, и историю Китая. А именно в Китае в самую блестящую пору китайской истории была воздвигнута Великая китайская стена, в которой мы должны признать прообраз «железного занавеса».

Другой момент в практике построения социализма в одной стране, в котором прослеживаются идущие с Востока импульсы, заключен в решении Сталиным т. н. «аграрного», или крестьянского, вопроса, безусловно самого кардинального для осуществления задуманного Сталиным «дела». Одной изоляции страны от остального мира было — и Сталин это понимал — недостаточно. И тут мы снова должны вернуться к первым дням Октябрьской революции и к Ленину. Одновременно с провозглашением советской власти вместе с декретом «Вся власть Советам» был опубликован декрет «О земле», объявивший, что именно с помощью этого декрета и была осуществлена победа революции. Декрет о земле представлял для нас интерес и в плане настоящей заметки. Сейчас, по прошествии более шести десятилетий с момента опубликования ленинского декрета, вполне четко обнаружилось, во что он обратился. Прежде всего для самого крестьянства и тем самым для всей страны, для всего народа. Подобно рыбе, пойманной жестяной блесной, русское крестьянство было уловлено этим декретом и очутилось на грани полной гибели. Некоторые моменты в этой страшной истории физического и духовного уничтожения основного класса тогдашнего общества автор попытался показать в заметке «о крестьянстве». Не повторяя сказанного в последней, в том числе о роли собственно русской исторической традиции, послужившей предпосылкой к коллективизации (крепостное право, общинное землепользование...), здесь мы остановимся на общности аграрной политики, осуществленной в Советской России с идеологией и практикой Востока. Речь идет об отношении государств Востока к земле. В идеологии ислама это отношение выражено с наибольшей определенностью и лаконизмом. В краткой формуле «ал-мулк ли-Ллахи» — т. е. аллаху принадлежит право владения, что главным образом относилось к земле, к землевладению. Разумеется, что это право главным образом было перенесено и передано в руки наследника аллаха — халифа, т. е. государственной власти. Значение, которое в мусульманском мире имела эта формула, хорошо известно. И не случайно едва ли не на всех бесчисленных религиозных сооружениях ислама (мечетях, мавзолеях, медресе и проч.), украшенных арабскими надписями, прежде всего присутствует это изречение.

Превращение всей земли в государственную собственность, и тем самым полное лишение ее крестьянства, таким образом мы можем (должны?) приписать влиянию Востока. И то, что орудием в осуществление этой адской задачи

история избрала Сталина, выходяща с Востока, кажется далеко не случайным, как не случайна и та безоглядная жестокость, примененная им при проведении ее на практике. Вместе с тем требуется ли более наглядный пример тому, как идеология Востока приводит к искажению, а вернее, извращению идеи, рожденной мировоззрением Запада?

К ЭНТРОПИИ МАРКСИЗМА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Ленин. Он, разумеется, знал марксизм «назубок», но он его «творчески переработал». Ленинизм — как он стал называться — это марксизм эпохи не то финансового капитализма, не то капитализма «монополистического», т. е. учения, относящегося к миру в целом, точнее к Западу, что было воспринято, например, Троцким (о чем ниже). Но это с одной стороны. С другой, Лениным было заложено марксистское учение в применении к России. В этом аспекте о ленинизме очевидно можно говорить как о гибриде марксизма с бакунизмом. Разработать этот вопрос было бы крайне интересно. Вероятно на Западе он исследован, но мне неизвестно.

Сталин. Выкопанные Берием сталинские статейки на грузинском языке свидетельствуют, применяя словечко самого Сталина, что он «забавлялся» марксизмом в свои молодые годы, не то еще будучи семинаристом, не то в пост-семинарские годы. Тогда, по словам Ленина (если эти слова были сказаны самим Лениным), он — Сталин — был «орлом». Однако позже, в «зрелые» годы, он не столько марксист, сколько ленинист (уже во втором ленинском обличье), когда он продвигался, а затем и полностью взшел на престол верховного вождя Советского государства и заложил фундамент строительства социализма в одной России. Правда, Сталин претендовал на роль вождя «мирового пролетариата» и главы мирового коммунизма. Но зарубежные компартии его интересовали больше в качестве инструмента для достижения своих особых внутренних целей. Не задумываясь, он отбрасывал этот «инструмент», когда тот становился неудобным (пример тому — роспуск Коминтерна и отдельных партий). Впрочем, кое-что из «инструментария» все же на всякий случай он держал в запасе и впоследствии достаточно ловко этими остатками воспользовался, сумев не в малой степени с их помощью создать соответствующие режимы в Восточной Европе. Разумеется, Сталин в своих «основополагающих» творениях так или иначе цитирует и основоположников марксизма. Например, в одном из последних своихopusов — «Марксизм и вопросы языкознания» — сочинении, которое не в малой степени послужило основанием назвать его автора «корифеем науки». Как бы то ни было, по свидетельству, вероятно достоверному, свои сочинения писал сам Сталин (см., например, Барбюс о Сталине).

Троцкий, Сталин и ленинизм. Насколько известно, в своей ожесточенной полемике со Сталиным Троцкий особенно настаивал на том, что Сталин искажил учение Ленина. Спор разрешился, как известно, тем, что Троцкий

получил сперва пинок и вылетел из страны, а позже и ледорубом по голове, «и тут пришел ему конец».

Хрущев. Новый этап в истории марксизма в Советском Союзе начинается со времени Хрущева. Насколько я могу судить по известным мне событиям его биографии, основы его теоретических познаний в марксизме были заложены во время его обучения в каком-то провинциальном рабфаке. Хрущев с симпатией где-то вспоминал тогдашнего своего учителя-математика, но как будто ни словом не обмолвился о преподавателях общественных наук. Выходец из крестьянской среды, он едва ли «внутренне» особенно был расположен к теоретическим проблемам. Не очень уверен, что позже в качестве слушателя какой-то хозяйственной академии, уже будучи партийным практиком, он многое усвоил из таких трудов Маркса, как, например, «Капитал», для восприятия которого ему явно не хватало ни подготовки, ни времени. Все, что известно о его высказываниях о теории как таковой, говорит именно о его весьма прохладном отношении ко всяким ее видам. И это понятно. Крестьянину теоретическая «муть» — «ни к чаму». Как человек от природы безусловно обладавший незаурядным практическим умом, он считал «практику» важнее разных там теоретических разлагольствований. И собственно сам об этом заявил, видимо, в ответ на намеки о его теоретической «недостаточности», дошедшие до него. В практике строительства социализма — вот где настоящая теория, — заявлял он, как помнится, неоднократно.

Вероятно, в значительной степени этому обстоятельству страна обязана за поворот во внутренней жизни: за так называемую «оттепель» в культурной жизни, за разоблачение культа Сталина и последующие реабилитации его невинных жертв. Его ли персональная вина, что и то и другое было прервано в самом начале? В чисто практической сфере громадной заслугой Хрущева явился, полагаю, перевод городского строительства от неимоверно дорогого разорительного «высотного» и псевдоклассического «коллоновидного» фасадного «излишества» на ячеисто-индустриальный, позволивший задыхавшемуся в коммуналках городскому люду вздохнуть чуть-чуть свободнее. Поэтому так глупо и несправедливо выглядит сейчас столь частое осуждение этих массовых жилых построек хрущевской эпохи. Разумеется, теперь забывают и то, что именно при Хрущеве на приземной орбите запищал первый «спутник», а затем и совершил свой полет Юрий Гагарин — события эпохальные. Недаром на банкете Хрущев истосно кричал: «Юрочка, дай я тебя поцелую!»

Разумеется, «мужик» в Хрущеве давал себя знать. Не то под влиянием алкоголя, не то под влиянием каких-то обстоятельств стала проявляться истинно мужицкая дурь (ср. чеховский рассказ о разбогатевшем мужике) и непродуманность. Если дурь ярко проявлена им, например, в известном эпизоде в ООН, то непродуманность обнаружилась в «целинной» эпопее.

Но все же общий баланс, думается, будет в его пользу. И пусть ему простит-ся его «марксистская недостаточность».

Брежнев. Вот при ком энтропия марксизма достигла очень низкой точки. Едва ли представляет особый интерес выяснить, когда и где он приобщался к марксизму. Я не читал его «автобиографию», которая сейчас распространяется на всех языках. Уже то, что он при жизни публикует ее, говорит о жалком

эпигонстве, если так можно выразиться, его характера. Ясно, что прообразом для этого сочинения послужила «Краткая биография» Сталина. К Брежневу очень подходит знаменитое выражение Маркса о событиях, которые поначалу имеют характер трагедии, но затем превращаются в фарс. Волей-неволей приходится и слушать и читать его бесконечные выступления при всяком удобном, в еще большей мере — неудобном случаях. Они, как правило, пестрят цитатами по преимуществу из Ленина, изредка из Маркса. Ничто не производит такого поистине мертвенного и неуместного впечатления в контексте его речей, как приводимые им цитаты. Особенно если учесть всю политическую практику, проводимую возглавляемой им властью. При этом совершенно очевидно, что все эти цитаты, как и речи в целом, составляются не им самим. Их авторы для всех очевидны. Это группа каких-то безвестных специально натренированных типов. Собственно, в наличии референтов у деятелей, вознесенных волею судьбы на вершину власти, нет ничего предосудительного. Главное в том, что в его «творениях» нет и намек на его индивидуальность ни по форме ни по содержанию его выступления — предельно банальны. Даже в его программных выступлениях, например по внутреннеэкономическим вопросам, выпирает отсутствие собственных мыслей и идей.

Однако наиболее замечательным показателем состояния «марксистской теории» (ведь именно руководители партии претендуют на роль теоретиков такой) — это переход «генерального секретаря» в цех «художников» слова с явной заявкой на звание «корифея» в области «изящной словесности».

Только при полном отсутствии чувства комизма, можно было при жизни и под своим именем публиковать отдельными книжками «Малая земля» и «Возрождение». Глупейшая шумиха вокруг этих творений, грозящая перечеркнуть всю до сих пор литературу о Второй мировой войне (после публикации маршалов Жукова, Василевского и многих других) и не в малой степени — вообще о всей русской художественной литературе... Художественная брежневiana (переводы, печатание во всех газетах, чуть не написал «критические», в самом деле восторженные песнопения в их адрес литераторов и нелитераторов, часовые выступления по радио и телевидению). Все это, мягко выражаясь, более чем сомнительная услуга автору!!!

Остается под вопросом — войдут ли эти сочинения в сокровищницу советской теории марксизма?

Кто идет вслед? По всей видимости, на первый план выдвигается фигура Кириленко. Трудно сказать — какие идеи теоретические в области марксизма бороздят его интеллект? После марксизма–ленинизма–сталинизма–хрущевизма–брежневизма что можно сделать с фамилией «Кириленко» для обозначения теоретического учения? А кого из когорты предложить? Суслов — стар, большинство остальных принадлежат к той же возрастной категории, да и фамилии не подходящие какие-то для «изма». Остаются Романов, Андропов, Устинов, как наиболее вероятные кандидаты в престолонаследники. Не сойдутся ли на «алфавитном» принципе решения или разыграть в кости — престол... Как решались такие проблемы, если исключить силу, у «пэров» средневековья? И тут энтропия достигнет предела дойдет до нуля... Господи, помилуй нас, и аминь...

ИСТОРИЯ И НТР

История некогда была занятием литераторов, рассказчиков-романистов, поэтов — не «ученых». До Нового времени едва ли кому приходило в голову говорить о законах истории, о закономерностях исторического развития, т. е. о том, что теперь и называется собственно научным подходом. Едва ли не первым Гегель ввел в исторический процесс представление о логизме развития в соответствии с диалектическим развитием мысли. Но подлинным творцом законов истории стал Маркс. Принципиально новое в методике исторического исследования — выдвижение на первый план не личности, не события, а «проблемы». Тем самым был введен всецело субъективный подход, поскольку «сочинение» проблемы целиком является делом ученого-исследователя. «Капитал» — главный труд, в котором этот новый метод нашел свое воплощение. Адам Смит и физиократы — робкие предтечи этого принципа.

«Проблематичность» историографии создает иллюзию научности. А это, как показывает весь ход истории, сопряжено с величайшими опасностями. Иллюзия научности, как и всякая идея, когда она овладевает общественным сознанием, становится грозной силой. При таком «проблемном» подходе возможно доказать все, что угодно, а при содействии государственной идеологии и заставить уверовать в это, то есть принять за науку некую систему измышлений.

Человек искусственно убеждает себя в том, что он стал иным, перестроился в соответствии с условиями жизни, особенно городскими условиями, созданными НТР.

Человек стал человеком не тогда, когда он впервые взял в руки камень, а лишь на следующий день, когда он рассказал об этом, т. е. стал историком.

Реальной историей является лишь история человечества на протяжении всего периода его существования. Частные истории отдельных народов, отдельных эпох — это не наука, а роман. Но настоящую историю написать невозможно, и ее закономерности — мифы.

Удивительно, что я, считая, что история ничему не может научить человечество, я все же хотел бы передать человечеству свои мысли и наблюдения с целью чему-то научить.

История враждебна человеческой природе. Иначе чем объяснить, что она так поздно зародилась. Миф — легенда вместо трезвой записи — вот с чего началась историография. Да и сейчас люди содрогнулись бы, если каким-то образом была написана реальная история.

Античный мир — замкнутый цикл. Исчерпав себя, он умер с тем, чтобы оплодотворить Новое время.

Цивилизация античности не анонимна, что отличает ее от современной, стремящейся к этому.

Почему историю относят к разряду наук и обязательно равных физикоматематике? Рассказы о человеческой цивилизации.

История не наука — история это то, что остается поверх удовлетворения человеческих потребностей — цвет цивилизации.

Цивилизация — это то, что остается после удовлетворения необходимых потребностей. Животные также умеют удовлетворять свои потребности. Следы сверхдеятельности после удовлетворения — в искусстве и письменности.

Ума холодного наблюдения и сердца.

Вера в науку истории — востоковедение. Крачковский. Героический этап в востоковедении. Критика источников. — Пафос. Ореол славы вокруг «издателей», переводчика с примечаниями.

История жалкая тень филологии: «Я их знаю, я один из них».

А в результате — слепой фасад, никуда не ведущий. Иногда великолепный портал.

Броуди и Давлят Шах Самаркандский.

История мусульманских стран после Абуль Фид.

Научная ценность современной историографии очень близка к нулю. Но если то или иное историческое сочинение написано de Bone Ridae — это документ культуры современности, как любой роман. Однако когда историк пишет, принуждаемый заранее внушенной «концепцией или теорией, то его «сочинения» уже поистине абсолютно бесполезны. И недаром, если историки современности только и делают, что цитируют «делателей» истории, сами «делатели» едва ли когда-нибудь устаивают историка вниманием к его трудам.

Современным историкам поневоле приходится удовлетворяться цитированием, восхвалением или поругиванием друг дружки, и очень скоро — самовосхвалением.

Характеристика конкретного исторического явления, данная признанным историком, входит составным элементом явным или подразумеваемым при анализе последующих событий истории. Но когда эта оценка явления пересматривается, то едва ли представляется возможным пересмотреть и то место, которое оно занимает в последующей истории. И таким образом, получается тот хаос, который и являет собой историческую науку.

После прочтения книги Д. С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» становится особо ясным, насколько расширение наших знаний об одной эпохе мало значимо для понимания последующей, которая развивается независимо от предыдущей.

Социологические методы исследования, обращенные к прошлому, — по сути бессмысленны. Современные методы (статист.) имеют определенную цель — указать на необходимость каких-то перемен. В прошлом же такие данные, восстанавливаемые аналитическими приемами, совершенно бессмысленны (прим.: демографич. динамика).

Статистические методы отучают молодых людей от внимания к сути, к содержанию.

Проекты спасения человечества.

1 Регулирование доходов в сторону снижения («нужда» — лекарь).

2. Регулирование занятости «25–50 лет».

3. Укрепление (жесткие семьи).

Пока человечество не объединено, опасность встречи с будущим не страшна. Вся история человечества показывает, что при достижении кризисного развития

общественной группы в одном месте кризисная ситуация разрешается за счет окружающего вакуума. Пока есть такой вакуум — опасности уничтожения нет. Самое большое, что происходит, — центры цивилизации переходят в другие места.

Высокие цивилизации древнего Востока были сняты, говоря языком Гегеля, образованным на их основе Ахеменидским царством. Само это царство было снято греческим античным обществом, достигшим в своем развитии апогея к IV в. до н. э., а эллинистические государства, которые явились результатом распада Македонской империи, были, в свою очередь, сняты Римом. Превосходство Западной Европы над остальным миром стало возможным начиная с эпохи Возрождения, благодаря вакууму в старом мире и, главным образом, благодаря открытию нового пустого пространства — Америки. Но сама Америка стала частью Западной Европы, и со времени ее открытия по настоящее время западный мир в целом является активным субъектом истории. Остальной мир представляется вакуумом — объектом воздействия исторического опыта Запада во всех областях — социальной, культурной и, в особенности, технико-экономической. Однако роль и значение вакуума отнюдь не нулевое. Собственно, именно благодаря этому вакууму и могла сложиться та активно-деятельная зона планеты, субъекта истории.

Промышленная революция в Западной Европе и Америке.

Применять к истории методы естеств. наук — занятие бесполезное и неосуществимое. История человеческой деятельности — постоянное стремление к свободному волеизъявлению, стремление, не поддающееся математическому анализу.

Когда не проявляется индивидуальная воля — исторический процесс приостанавливается. Отсюда сохранение первобытных племен до наших дней.

История человека — история пешехода, ставшего всадником. Последний вынужден думать не только о себе, но и о своем верховом.

Экология почти сверстница НТР. «Осанна» не смогла ее задуть с самого начала. И ее (НТР) голос становится все громче, и волей неволей к нему приходится прислушиваться.

Продолжая аллгорию с «колесницей», пришлось подумать о спуске с перевала — вернуться до стоила до дома, что в долине, иначе — спуститься с перевала.

А спуск казался не простым, коварным, опасным. Тормозное устройство в колеснице — стертым, ненадежным.

И вот что случилось при спуске. Тут я дам слово или, вернее, отошлю читателя (если когда-нибудь таковой окажется) писателю Лескову. Имею в виду эпизод, описанный в его рассказе. Колесница, оказавшаяся на самом краю пропасти без тормозов, была все же задержана мальчишкой-форейтером⁷, и пассажиры были спасены. За свое спасения они расплатились подаренной форейтеру гармошкой.

Быть может, также произойдет и с человечеством, которого НТР привело к краю пропасти. Ведь странный сын плотника обеспечил людей на 15 столетий

⁷ Форейтор — кучер, сидящий верхом на одной из передних лошадей, напряженных цугом. — *Примеч. ред.*

своим незатейливым учением... почему бы не сыграть аналогичную роль играющему на гармошке мальчику-форейтеру, разыгрывающему примитивные мелодии...

Ну а ересь экологическая в это время сыграет роль «тормоза»

(Напечатано назавтра после того, как сообщено было о кончине одного, если не главного жреца НТР, но безусловно верующего в это самое НТР.)

А ЧТО СКАЖУТ ИНОСТРАНЦЫ?

Эти слова Гоголя вы привели в одном из эпиграфов не зря и уместно. Целый ряд мест в вашей статье прямо или косвенно имеют отношение к теме поднятой Николаем Васильевичем. Впрочем, не только им. Для всего XIX в. она (эта тема) была весьма актуальной. Тем более она «животрепещуща» в текущем веке, и особенно в наши дни.

Действительно, иностранцы много писали и говорили о нас. Иногда дело говорили, с пониманием, иногда их «говорение» вызывало улыбку. Ну что стоит одна знаменитая «развесистая клюква», о которой писал один весьма известный чужестранец после вояжа по всеям российским, под чьей сенью он представил в воображении романтических влюбленных. Русские люди вообще прислушивались к их (чужеземцев) словам. Некоторые сетовали, что они нас не понимают, некоторые — что они нас не знают. Но как писал Ф. М. Достоевский, некоторые соседи даже очень серьезно и внимательно нас изучают. Впрочем, тема эта имеет значительную литературу. Для XIX в. она наиболее интересно разработана историком В. О. Ключевским в книге «Сказания иностранцев о Московской Руси». При случае, если не читали, прочтите. Интересная книга! Интересен и общий вывод: они — иностранцы (главным образом европейцы) — не так уж плохо нас знали. И... «не любили, но боялись». Это в прошлом. Увы, приходится признать, что такое заключение может быть отнесено и к нашему времени, впрочем с вариациями, часто весьма существенными. Разрешите рассказать вам кое-что из собственного опыта. Я встречался с известным у нас ученым-американцем. Его у нас печатали, издали даже объемистую книгу. Правда, не совсем о нас — о Востоке, который он знал обстоятельно. По его словам, Восток неминуемо «вестернизируется». Это было до китайской «культурной революции» и, тем более, до последних иранских событий. В этой части он, как вообще американские знатоки, дал маху.

«Ну а мы», — задал я ему вопрос (т. е. Советский Союз). Ответ был неожиданный: «Да вы те же американцы!» По-видимому он считал свои слова великой похвалой.

Но я несколько отвлекся в сторону от тем вашей статьи. Вернемся к ней, оставив в покое «иностранцев». А сами мы что скажем? Прежде всего — ПОЧЕМУ???

— При том, что мы занимаем $1/6$ часть планеты.

— При том, что 130 миллионов гектаров находится под зерновыми и пр. культурами (130 000 000!!!).

— При наличии тракторов и других сельскохозяйственных машин едва ли не больше, чем у любой другой страны мира.

— При наличии степных и горных пастбищ.

При наличии бесчисленных внутренних водоемов и мощнейшего океанического флота.

И ГЛАВНОЕ:

— При наличии стольких постановлений съездов, пленумов и т. д., бумажная масса которых, составленных на основе самой передовой науки, очевидно далеко превышает Монблан или другой пик.

ПОЧЕМУ?

— Мы покупаем миллионы тонн зерна у американцев, канадцев и прочих аргентинцев и австралийцев.

— Покупаем масло у французов, бельгийцев, датчан и т. д.

— Покупаем мясо у аргентинцев и тех же австралийцев.

— Покупаем курятину и утятину у голландцев и сирийцев (!!).

— Покупаем яйца у финнов.

— Не имеем в продаже селедки обыкновенной.

— Сыр продается с перебоями.

И прочее, и прочее, и прочее...

Кто ответит? Кто отвечает? Кто несет ответственность?

Неужели прав известный анекдот: «не справляется транспорт». Но и тут можно повторить то же вопрос: почему отстаёт транспорт???

Пытаясь ответить на эти «почему» я вспомнил разговор о политике и сало-не баронессы Бетти в «Войне и мире». Там высказывались различные мнения, суждения и осуждения, но как только речь, казалось, могла коснуться Самого (Александра I), вырастало табу опасения, что выскажи свое мнение — «замаяли бы». Собственно, небезопасны и более мелкие инстанции, о непогрешимости которых напомнили бы всегда стоящие на страже Пономаревы. Вельможепочитание не со вчерашнего дня повелось. Но это вы скажете в области бюрократической — без авторитета невозможно. Солдату, или чинам пониже, не положено делать замечания генералу.

Не то ли происходит и в научной среде, где, казалось бы, царит один авторитет — наука. Вы не совсем обошли эту сторону — упомянули имя достопамятно-го Лысенко. Но ни словом не обмолвились ни о Вавилове, ни о Докучаеве. О последнем было бы уместно слово сказать, особенно когда касались целины. Имею в виду — ее почвы. Если не ошибаюсь, именно к нему восходит замечательное сравнение почвы с бочкой, склепанной из клепок разной величины. Об этом нам рассказал в начале 1920-х гг. преподаватель биологии: В бочку можно влить жидкость до уровня самой низкой клепки. Применительно к почве — от нее можно требовать урожая по наличествующей в почве, необходимой для растения, культуры элементов в количестве именно наименьшем.

И если в казахстанской целине этих элементов хватает именно на травостой, который и использовался кочевниками в течение тысячелетий, то не следовало бы, по крайней мере с налета, «на ура», или по тактике «навались» требовать от почвы урожая зерновых... Но об этом позже, кажется, писали.

Я напомнил о бочке Докучаева в связи с вашими справедливыми замечаниями о машине, которая будет работать в полную силу только при условии полного соблюдения всех параметров, предусмотренных ее изобретателем. На уровне самого слабого ее звена, а не среднего.

Вы весьма обстоятельно пишете про систему ОТК на заводе комбайнов, ее громоздкость, очень малую эффективность, в частности о выборочной системе проверки готовности машин.

Вот «байка», которую мне рассказал «коллега» из Азербайджана, о применении этой системы в довоенной время в практике торговли с иностранцами. Этот «коллега» был хорошо знаком с купеческим бытом.

В Баку действовал крупный оптовый купец, который вел дела с Германией по изюму. Дело процветало. Поставлял он изюм высшего сорта. Оценка этой сортности производилась выборочно. Из партии изюма один мешок открывали при получателе. По этому мешку и оценивалась вся партия. Длительное время дела купца шли хорошо. Пока плутоватая купеческая натура не взяла верх, и он не решил надуть доверчивых немцев. Про проверке очень большой партии он подсунил для проверки один (или несколько) мешок с высокосортным изюмом, в большей же части мешков был изюм низкого качества. Купец, по словам рассказчика, полагал: «Ну обнаружат, ну вернут, ну уменьшат цену за низкую сортность, а скорей всего “пройдет”». Но не тут-то было. На самом деле на немецких биржах, в соответствующих газетах поднялся такой «хай», так обесславили купца, что вся его торговля с Германией кончилась. Купец разорился. Мораль: и «выборочная проверка» может стать эффективной, если качество определяется не по «знаку качества», а по реальной заинтересованности в нем «контрагентов».

И еще одно замечание к тому, «что скажут иностранцы».

Вы пишете о том, что некоторые наши машины, например «Беларусь», пользуются заметным спросом на зарубежных рынках благодаря их высокому качеству. Реальная заинтересованность покупателей в качестве машин понуждает поставщика, т. е. наших торговых представителей, следить за этим весьма внимательно. Но только ли в этом успех машин? Про «Беларусь» ничего сказать не могу, но не бросилось ли вам в глаза — многие это заметили, — почему на многих, курсирующих по стране, легковых автомашинах марки «Москвич» — эта самая марка начертана «<...>». Ведь не для обучения же латинскому алфавиту. Это те машины нашего производства, которые приобретены советскими гражданами, работавшими за границей. Со слов этих обладателей «<...>» распространены разговоры о низкой стоимости там этих наших машин. (Это не относится к тем машинам, которые привозят из-за границы наши советские люди. Расчеты с последними какие-то иные, более сложные, их стоимость ближе к той, на которых начертано название русским шрифтом.)

Правда, это тема специальная, если называть ее по-иностранному, то она относится к категории «демпинг», вообще говоря, малопочтенной категории с точки зрения «высокой политэкономии», но может быть вам следовало ее коснуться.

ПОДЕННЫЕ ЗАПИСКИ

1977 г.

ФЕВРАЛЬ

7.II.77. К сумасшедшему миру: в Родезии черные террористы расстреляли семь белых миссионеров — трех священников и четырех монахинь. Интересно, что в «Правде» об этом ни слова. Зато — о том, какой нехороший Садат. Интересные репортажи из Индии, где назревает египетская ситуация. Дикая неосведомленность о Востоке — от Китая до Египта — дает о себе знать. Наша политика строилась на том, что хотели видеть, на то и ориентировали наших мальчишек-журналистов. Последние писали о том, что хотелось знать Москве. Неужто у московских делателей политики не было каналов информации, кроме безмозглых сообщений наших журналистов, предназначенных только для оболванивания так называемых граждан?

11.II.77. Англия обвинила Советский Союз и другие социалистические страны в торговле с Родезией через подставную швейцарскую компанию.

В Москве арестовали Юрия Орлова, Комитет по наблюдению за выполнением хельсинкского соглашения.

Референдум в Египте одобрил мероприятия Садата.

Куныль в Риме выступил против поддержки диссидентов в Чехословакии, что приведет к регрессу в социальном развитии общества.

Интервью с Буковским. В психушках требуют отказа от своих взглядов. Самое тяжелое в психушках — неизвестность сроков заключения. Сколько заключенных в СССР? Ответ — 250 миллионов. Что Корбут, Евтушенко, Ойстрах — тоже заключенные? Ответ — да, даже сам Брежнев не свободен. Вопрос — а не чокнутый ли вы действительно?

Умер президент Индии. Что-то они часто помирают.

Из Родезии вывозят табак и другие продукты сельского хозяйства.

Из Москвы выслан американский корреспондент. Из Америки — корреспондент ТАСС.

Антииндировская коалиция в Индии. Шансы на успех оппозиции (американские газеты). Интересно, чем окончатся выборы в Индии?

ТАСС подтвердил арест Орлова. Григоренко: аресты будут продолжаться. Арестованы: Александр Гинзбург, украинец Николай Руденко.

Валерий Николаевич Челидзе — о распространении информации в провинции Советского Союза. Редактор «Хроники защиты прав».

Академик Федосеев, «Правда»: Терпят полный крах клеветнические вымыслы мелкобуржуазных экстремистов о распространении социализма путем войны: для каждого здравомыслящего человека ясно, что авантюристические методы несовместимы с принципами марксизма-ленинизма. Переход на социалистический путь осуществляется в силу законов развития каждой страны,

по воле народных масс, во главе которых идет рабочий класс». Так-то. Именно этому учит опыт истории...

Марксизм привлек к себе своим сходством с религией, своим фанатизмом.

По поводу шумихи вокруг «прав человека» на Западе со стороны «Правды» от 11.П. 77 ярость — вполне понятна. Действительно, так называемым диссидентам — чего надо? Иначе как сумасшедшими их не назовешь. Любопытно, что и на Западе к диссидентам относятся в массе именно как к взбесившимся от жира (см. вопрос американского журналиста Буковскому — а в действительности вы вполне нормальны?). Из всей этой истории стремятся извлечь некоторый политический профит. С точки зрения англо-американцев русским и, особенно советским, «права личности» ни к чему будто, да и всемирной демократии все это самое «ни к чему».

19.П.77. Замечательно, как на Западе совершенно не понимают «нашу» психологию. Все время ломают голову над вопросом: почему так опасаются в Советском Союзе так называемых диссидентов, этого совершенно ничтожного, по мнению западных наблюдателей, движения; почему против них принимаются столь суровые меры, стреляют по воробьям из ракет с атомными боеголовками? А ведь ответ-то очень простой: бояться искры, бояться ничтожных по своей видимости жалких брошюр а-ля «Что делать?», которыми столь ловко удалось уничтожить такую махину, как императорская Россия. Им-то доподлинно известно, насколько ничтожными по своей сущности были и эта, и ей подобные брошюры — писания на жалкой желтой бумаге. А вот к чему привела недооценка их, в марксизме-ленинизме усвоили вполне. Вот и решили в корне задушить движение, если это слово подходит.

19.П.77. Сегодня в «Правде» замечательная бесподписная статья о мемуарах Садата, направленных против Советского Союза. И весь наш «роман» с Египтом происходил после «развода» с Китаем. Куда же девалась наша мудрость, не говоря уж об уроках Истории, к которой мы так охотно апеллируем?

Интересная передача о Г. Киссинджере — З. Бжезинском, об их соперничестве как профессоров, сходство первых шагов (оба эмигранты, оба близки к братьям Рокфеллерам). Один восемь лет заправлял внешней политикой США. Сколько лет предстоит этим заниматься второму? Поляк обошел еврея. Не любят американцы сами ворочать мозгами. Проще позаимствовать это серое вещество у иностранцев, тем более что они довольно доступны. Повторяется история с атомной физикой. Да и вообще с теоретическими науками.

Ленинградский киношник Выгодский (?) в Италии.

Убийство в Уганде Черного архиепископа, первого в таком сане.

МАРТ

12.П.77. Некрасов: знал, где ложь, не знал, где правда.

Курдский поэт Гасан: пока жив язык, народ не мертв.

Отурский: проблемы национальных движений в СССР. Самое трудное — русское национальные движение.

Песков (телепрограмма «В мире животных»). Встреча с американским ученым по вопросу охраны белого гуся. Луч света в темном царстве повседневной внутренней и внешней политики. Значит, могут пробиться какие-то человеческие начала в этой дикой варварской среде, в этой затхлой, пронизанной ложью атмосфере.

Новая внешняя политика США — отказ от жонглирования Киссинджера.

Картер поднял новое оружие в политике — элементы морали. Шмидт и Жискар — против.

Анти-ФРГовская и антисемитская кампания в Польше.

Антисемитское выступление чехословацкого радио (некий Кригель — Иуда из племени иудиного). Сравни «Известия» от 5.III. с. г. о «жиденьких» группках фарцовщиков и туенядцев в связи с письмом Липавского. При всех вариантах трудно придумать что-либо более гнусное — в год шестидесятилетия...

МАЙ

Мир — сумасшедший дом продолжается.

27.V.77. В Голландии мулукские террористы захватили школу с сотней детей и преподавателей и держат их дольше недели. Только что сообщили, что дети освобождены, так как началась дизентерия. Эти же молодцы захватили и поезд с более чем полусотней пассажиров.

Некий 32-летний инженер — не то белорус, не то латыш — захватил рейсовый самолет АНТ-24 (?) и заставил его приземлиться в Швеции. Захватчик при этом не имел при себе никакого оружия.

В Гаване разбился советский лайнер с пассажирами. Сколько погибло — неизвестно.

В Анголе подавлен антиправительственный мятеж.

Мир гадает, почему выведен из состава Политбюро Подгорный. Закат украинцев? Русификация? Задача превращения советского люда в единую народность? Африканское болото? А мы сами и не гадаем даже. Вывели — так вывели, а тебе какое дело? Мало ли что ты голосовал за него! Подумаешь!

Первый секретарь ЦК комсомола назначен главой Отдела агитации и пропаганды ЦК партии. Он недавно наградил самого себя золотым жетоном комсомола. Интересно, насколько он по уровню своей «подкованности» превосходит среднего пионервожатого?

Скоро будет обнародован текст новой конституции на всенародное обсуждение. А что изменится? И все же...

Бирман будет выступать в Испании в предвыборной кампании в пользу испанских коммунистов. Тоже зрелище для богов.

30.V.77. Мир — сумасшедший дом. 200 человек сгорели во время пожара в ночном клубе в одном из штатов США.

Мятеж в Анголе — убиты пять из новых деятелей. Африка верна себе.

Авария нашего воздушного лайнера в Гаване, погибло более 60 человек.

Прибытие в Москву Живкова — объятия без Подгорного.

Дикое злордство китайцев по поводу подавления заирской авантюры.

Жупел «права человека» и реакция нашей печати на выступление Бжезинского. Оказывается, мы не поняли его английский — он говорил о духе разрядки, а ТАСС его обложил (Гольдберг).

Доклад дипломата из нашего посольства в Германии студентам-немцам: в Советском Союзе нет инакомыслия, это все выдумка западной пропаганды. Сплошное талдычанье о вмешательстве во внутренние дела.

Албания недовольна Китаем.

Трогательное единодушие Тито и Шмидта по поводу Белградской предстоящей конференции — не следует де трогать вопрос о правах человека.

Торговля наша с Японией. За сталь и железные изделия мы будем поставлять лес, руду, хлопок и еще что-то в этом роде. Чем не колониальная торговля?

Родезия огрызается — рейды против баз террористов на территорию Мозамбика (?).

Судьбы человеческие: Виктор Герман, парень в 16 лет приехал в Советский Союз в 1930 г. строить Горьковский автозавод. Был чемпионом по авиаспорту и пр. Затем был арестован, провел в лагерях 18 лет, в прошлом году вернулся в США 60-летним человеком. Его родители с Украины эмигрировали в США. Пишет книгу о своей лагерной жизни.

Ливия порвала отношения с Португалией за то, что та признала Израиль.

Садат требует от Израиля 4 миллиарда в возмещение потерь в войне.

Интервью с пианистом Ашкенази по шведскому радио. Я помню один его концерт в Ленинграде, может быть, в конце 50-х или начале 60-х, тогда совсем еще молоденького пианиста. Больше запомнились его летающие по клавиатуре руки. Сейчас всемирно прославленный маэстро, дает в пользу чего-то в столице Карла XII концерт, женат на исландке-певице, поющей под его аккомпанемент, отец четырех детей. По всей вероятности, из одесситов...

30.V.77. В «Правде» опубликовано выступление Л. И. Брежнева по телевидению — к советским и французским телезрителям; вчера я слышал это выступление сам и видел впервые произнесение, а не чтение речи. Если это не кинофокус?..

Трафаретность мыслей. «Мы на связи, мы за то, чтобы больше и лучше знать друг друга» (в начале четвертой четверти XX века!!! — сказано французом, видимо, только что открытому племени). О гонке вооружений и разоружений — «мы предлагали»... и т. д. Но замечателен переход к ключевой проблеме о правах человека. «Упрочение мира — одна из важнейших гарантий величайшего права человека — права на жизнь. Но жизнь мы понимаем не просто как существование, а как существование, достойное человека». Итак, именно это подразумевалось, когда подписывалось Хельсинское соглашение??

Из выступления Л. И. (газетный текст):

«Упрочение мира — одна из важнейших гарантий величайшего права человека — права на жизнь. Но жизнь мы понимаем не просто как существование, а как существование, достойное человека. Разумеется, разные социальные слои

и разные политические силы придерживаются различных общественных идеалов. Наш народ 60 лет назад всерьез и бесповоротно определил свой путь — путь социализма и коммунизма.

О результатах, достигнутых на этом пути, можно судить по многим показателям, беря в расчет цифры, факты, сопоставления. Обо всем этом пришлось бы долго говорить. Поэтому позвольте взять одну мерку — положение человека в обществе. А взяв ее, мы можем сказать: ныне каждый советский человек уверен в том, что он никогда не станет безработным, что он получит необходимое образование, что его дарования и таланты найдут применение, что он не будет брошен на произвол судьбы в случае болезни, что обеспечен на старости лет, что он может быть спокоен за судьбу своих детей. Думается, что это не так мало. Но это и не все, чего мы добились, а тем более, к чему мы стремились...»

ИЮНЬ

3.VI.77. Трагический финал недолгой истории инакомыслия как будто уже наступил. «Волна» говорит о полном разгроме этой горстки удивительных людей, не побоявшихся сделать вызов дракону власти. Но факт разгрома едва ли кого-нибудь удивит. Примечателен тон сообщения об этом — чувствуется определенное, если не удовлетворение, то какое-то сознание правоты обывателя — «а чего можно было ожидать? Аники-воины нашлись...» Кроме того, нет-нет да и нащептывает подленькое — а чего они хотели? Чего им не доставало? Но наиболее интересное во всей этой истории — та невысказанная «идея» официального Запада, — собственно, все то, что они, т. е. «диссиденты», смогли сделать для Запада, они сделали. Вместо компартий сталинского пошиба сейчас на Западе достаточно прирученный «еврокоммунизм», а с ним уж как-нибудь столкуемся. Что касается самого СССР, то пусть там останется так, как оно есть. В конце концов, торговать с ним ведь можно и не без profits.

4.VI.77. История моряка Агапова, оставшегося в Швеции и бессильного выручить свою семью — мать, жену и 12-летнюю дочь. В Москве обещали Пильме выпустить их и обманули. Сейчас Агапов обратился с письмом к Тито. Запись переговоров Агапова с его женой по телефону — это, очевидно, довольно простецкий парень. «Тут тебя, Люда, в карикатурах пропечатывают. Ты маленькая, а они, Брежнев и другие, огромные, и ты для них страшна. Да мы о них и не думаем, пускай, если хотят, строят свой коммунизм, пусть бы мою семью выпустили».

Но в чем причина злобного издевательства непосредственных исполнителей по отношению к такого рода типам — явно не «инакомыслящим»? Очевидно, в ненависти к тем, кто захотел быть умнее других — этого не может вынести русский характер. (Ср. Марченко и его насмешки над возвращавшимися из плена русскими же — «что, хотели быть умнее?»)

5.VI.77. Заметки о переговорах между американцами и Вьетнамом. Переговоры об участии американцев в восстановлении страны и возвращении «останков

военнослужащих» американцев. Речь идет о сделке: американцы выплачивают какую-то сумму, а Вьетнам разрешает забрать «останки», именно об этом идет торг... и это в последней четверти XX в. Почти так же идет торг между ФРГ и Польшей — первая вносит Польше 2 миллиарда марок, Польша разрешает 200 тысячам немцев переселиться в ФРГ. Итак, действительно Восток и Запад сошлись довольно близко друг с другом...

Народ ликует... Новая конституция... шутка ли? А если бы текст под шапкой «Конституция» состоял из отрывков «Тараса Бульбы», «Поваренной книги», «Расписания поездов» и т. п. — было бы меньше ликование публики? было бы замечено? Ведь вот представил некто в качестве докторской диссертации перепечатанную на пишущей машинке «Анну Каренину», и никто не заметил...

Народ ликует по поводу обнародования проекта новой конституции (см. сегодняшнюю «Правду»). Действительно, мы почти уже вошли в светлую храмину «коммунизма», социализм уже полностью «созрел». Обо всем это говорится на полном серьезе... а может быть, это действительно так... во всяком случае, для тех, кто об этом говорит и пишет? Быть может, они даже уверовали в это? Но интересно бы выяснить — в какой мере такую веру сохранили, например, Шелест, Мдживан, а совсем недавно Подгорный?.. А народ — ему — что? Что социализм, что коммунизм — все едино... было бы на выпивку, ну а если в одиночку не хватает, то завсегда можно организовать «на троих». Ну а если «на троих» закрыто, есть пиво... есть квас... и всегда поблизости есть лифт, когда приспичит... (один из адресов — Каляева, 16, парадный вход с Каляева).

11.VI.77. Сумасшедший дом.

Наконец, драма с заложниками в Голландии закончилась. Как сейчас передала подробно (Би-би-си), утром на рассвете начался штурм поезда с воздуха и «суши», атака длилась 15 минут. В результате перестрелки два заложника убиты, все (?) террористы убиты (6 человек?) и двое морских пехотинцев ранены. Атака школы, где находились 4 учителя, обошлась без кровопролития. Атака проведена с помощью броневика. Террористы захвачены врасплох.

Закончились переговоры с Фахми — зам. Садата. Переговоры Фахми с Брежневым не иллюстрированы в «Правде» фотографией — душевные терзания по этому поводу, видимо, весьма сильные. В космический век — дипломатический прокол на уровне лучших времен феодальной эпохи... Египет задолжал нам четыре миллиарда долларов. Во что обойдется следующая улыбка «потомка фараонов»? Сговор, ясно, за счет «кузенов» арабов. Наша ненависть к этому релейному семени неистребима и за его уничтожение — ничего не пожалеем. А молодчики из них снова бесчинствуют на улицах Нью-Йорка. «Требуем освободить Ширанского!!!» Ну и храбрецы в Америке!.. Передавали интервью лорда Чалптона (?) с уголовником Буковским по ВВС... Не очень умно отвечал на вопросы (сами вопросы интересны в том отношении, что отражают настроения Запада, для которого диссидентство становится «величиной нулевой», очевидно). В это отношении особенно характерна позиция ФРГ — явное стремление последней заглушать проблему «прав человека» в восточноевропейских странах и выпячивание роста торговли и др. аспекты Хельсинки.

После угона самолета латышом в Швецию и отказа выдачи его нам новый эпизод — с рыболовного судна прыгнул в воду наш моряк и был поднят на норвежский катер в то время, когда капитан этого катера находился на нашем рыболовном судне. Наши моряки попытались задержать норвежца и принудить вернуть моряка, который де упал в воду. Однако до драчки дело не дошло, капитан вернулся на свой катер, а моряка увезли в Норвегию... Неужели все, что делается — этот удивительный процесс бегства из «рая», — ничему не научит Кремль? Ведь яснее ясного, что в «королевстве Датском не все в порядке».

16.VI.77. Разумеется, то, что не Л. И. Б. является автором тех писаний и речений, которые ему приписываются, — это всем ясно и понятно. Не всем политикам по плечу ораторский талант Черчилля или даже первых деятелей революции. На как же все же ему удалось вытолкнуть из Политбюро деятелей коллективного руководства?! — Это, по-видимому, должно свидетельствовать о незаурядной хватке и коварстве византийского пошиба. Кто непосредственно стоит за его спиной — сказать трудно. Видимо, сейчас — серый монах — Суслов. Сегодня опубликовано его интервью с журналистом «Монда». Обычный набор противоречивых «положений», беззаботных в отношении логики да и фактического положения в мире. Но так или иначе, мир направляется «вождями» такого пошиба. Интересно, кто или что кого преодолает — рутина, называемая «исторической закономерностью», или то направление, которое придадут миру деятели вроде...

17.VI.77. Показывали первое заседание Верховного Совета под председательством Л. И. Б-ва. Выступал не по бумажке — на уровне председателя месткома заштатного учреждения, одарив присутствующих набором серятины и избитых слов, что не помешало ему «сорвать аплодисмент», хотя чему аплодировали, было совершенно непонятно. А между сидевшими были люди с нормальными и даже интеллигентскими физиономиями. В общем, что-то мистическое в его карьере. Но, по всей вероятности, предельно самоуверен, как это характерно для ограниченных людей.

Он явно себе нравится. Чичиков. Это несомненно. Иначе он не позволил бы себя так постоянно показывать... Не гены ли Нерона заблудились?..

Не следствие ли появления оппозиции в роли Политбюро? Или предупреждение оппозиции всевластность Генсека?

20.VI.77. 21 час. Телевидение показывает отправление Брежнева в «далекий» вояж, а именно из Москвы в Париж на встречу с Жискаром д'Эстеном. Зрелище для богов, конечно, если боги не потеряли чувства юмора и способности смеяться... Итак, проводы в течение трех, а то и больше часов взрослых дядей, каждый не ниже министра, и всех их диктор поименно перечисляет, и у всех этих провожающих на физиономии одинаково благостное выражение... «По просьбе журналистов» становятся по ранжиру для фотографирования. И приступают к главному действу — обцеловыванию друг друга и все по три раза. Облобызавшись, направляются к лайнеру. Л. И. поднимается по трапу — ну, ни дать,

ни взять — Сашка Керенский из одной кинокомедии. Пролетают над Данией, ФГР, Бельгией, с борта посылаются приветствия королеве, президенту и пр., и все за подписью ЛЕНИ — ну и хват же наш Леня... Но вот и Вечный Париж приветает Высокого гостя — президент с министрами, почетный караул, отряд военных самолетов. Гимн Советского Союза и «Марсельеза» (ну как не вспомнить «Майн либер Августин» и ту же «Марсельезу»). И никто не смеется этому фарсу. Только самому приходится криво ухмыляться... Да и французский президент как-то не улыбается. Не вспомнился ли ему усмехающийся, допустим, Вольтер... Глава государства Российского на выезде...

Сегодня же передавали по какому-то «голосу», что бывший президент республики Центральная Африка отныне решил называться Императором вся..., и что при его обращении к кому-либо запрещено отвечать «нет», «да» — можно, лишь присовокупив — «Ваше величество». На коронацию Е. В. выедет в золоченой карете, запряженной 37 (?) белыми конями. Мундир Е. В. должен быть длиннее мундиров всех остальных государственных чинов. Ордена на мундире в семь рядов, но когда журналист присмотрелся к орденам, один, по крайней мере, оказался значком какого-то французского курорта. А сам монарх — бывший капрал франц. армии... А ведь, наверное, ходил в «прогрессивных»... но хватит, а то гляди — и лопнешь ненароком от смеха...

21.VI.77. Сумасшедший дом продолжается...

Исчез Иди Амин, тот самый прогрессивный президент, который... Полагают, военный переворот: не то убит он, не то его заместитель, не то какой-то вариант «счастливого суверенитета» одного из африканских государств.

Американский журналист — тот, который познакомился с Лефортовской, — рассказывает о своих «переговорах» с офицерами МГБ. Как мы не опасаемся попадать в глупейшее положение...

Телеинтервью Фиделя Кастро с американской журналисткой.

Вслед за певцом Бирманом бежал из ГДР Круг, очень крупный актер...

22.VI.77. Сорок лет тому назад началась Вторая мировая война. Не удивительно ли картина сегодняшнего мира? Фантазмагоричны последствия и результаты войны... Но ничто не изменилось — миром правит ограниченность и предельная глупость, такие же как испокон веков. Случайные государственные образования, случайные невесты откуда вынырнувшие люди, играющие роль деятелей... И даже не слышно смеха записного насмешника — черта! А ведь нет-нет да и появляются понимающие всю бессмысленность происходящего в мире. Но никто ничего не в состоянии изменить, во всяком случае у нас. Ожидать перемен у нас — то же самое, что «стоять на берегу Волги и ждать, когда она потечет на север» (из англ. газеты). Всех обведут вокруг пальца (Хельсинки, переговоры, встречи), а все останется по-прежнему, и ничем не отличается «бабушка СССР от матушки Руси» (тоже какой-то «голос»). И откуда подуть ветру перемен? Весь народ пуще всего боится каких-либо перемен, не только не ожидает от них ничего хорошего, но безусловно уверен в неизбежном ухудшении...

В бюрократически-тоталитарном государстве весь народ, все его прослойки неизбежно становятся объектом сатиры. Недаром так страстно хотелось нам иметь своих гоголей и салтыковых. Более благодарной для сатиры обстановки, чем у нас, придумать трудно. Как мы 28 и 29.VI отправляли экспедиционный контейнер — уже после того, как все формальности были преодолены: два дня человек 7–8 без всякого толку торчали в институте, ожидая, когда Вася привезет со станции контейнер. Но к концу дня он прибыл, оповестив, что его прогнали: «Нет контейнеров и все! Иди куда хочешь, жалуйся! Может быть, если завтра утром будут, дам контейнер». Завхоз стал снова добывать машину. Обещала некая Яковлевна — завтра утром будет машина. Все счастливы. Все явились к 9-ти. И, увы, шофера не выпустили на линию... И только 25 руб леваку помогли все же отправить...

Хочешь верь, хочешь нет. А вот читай и попробуй не соглашаться: «Наша страна уже находится на стадии развитого социализма, зрелого социализма». Что улыбаешься? — Не веришь, так вот попробуй возрази, — об этом говорил Л. И. Б. в своей замечательной речи на XVI съезде профсоюзов». Так пишет достаточно известный писатель Вадим Кожевников. И чтобы придать особый вес, он добавляет: «Вдуваемся в этот факт», — а против факта кто станет спорить?.. Тут же и портрет писателя, но почему-то с весьма кислой физиономией... (Иностранная литература. 1977/6. С. 237).

Бесстыдство продолжается. Сообщается об обмене чилийского коммуниста — сенатора Хорхе Монтеса — на 11 заключенных в тюрьмах ГДР. ГДР, как оказывается, ведет весьма выгодную торговлю этим товаром (живым). ГДР ежегодно продает ФРГ более 1000 политзаключенных. Средняя цена — более 20 тысяч долларов за голову... Так-то самый гуманистический строй в гуманном XX в. вернулся к работорговле.

ИЮЛЬ

5.VII.77. Умер В. Набоков. Вчера «Голос Америки» передал некролог. Символическая фигура русской культуры XX в. Сын одного из лидеров кадетов, петербуржца, рафинированного интеллигента (юриста), англомана, убитого в эмиграции (буквально грудью защитил Милюкова). В. Н. сразу после революции оказался за границей — сперва в Европе, затем в Америке. Умер в Швейцарии. Мне попало только его «Приглашение на казнь». Его самое известное произведение — «Лолита». О любви пожилого мужчины к 12-летней девочке. Я слышал по радио рассказ «Посещение музея». Набоков писал как по-английски, так и по-русски, переводы делались то с одного, то с другого. Считается одним из наиболее выдающихся писателей США XX в. То, что мне известно (очень мало), все же дает довольно определенное представление о его духовном облике и его отношении к миру, в котором он жил. Это неприятие современного мира. Видимо, чудом выскользнув из болота политических и социальных передраг юношеских лет, он не хотел об это мире ничего знать — он о нем, очевидно, и думал с предельной брезгливостью — это относится как к России, так и к загранице, ко всей современности. Будучи свидетелем и в немалой

степени объектом воздействия диких событий своего времени, диких, и для него, как видно, предельно грязных, он писал только о сугубо интимных психологических переживаниях своих героев — вне времени и пространства. И это на фоне политизации всей послереволюционной литературы и дореволюционной России!.. Помимо прочего, он написал книгу о бабочках на профессионально уровне. Интересно, в нашей лит. печати откликнутся на его смерть?

Сумасшедший дом не успокаивается. Очередной переворот в Пакистане. Власть в стране взяла армия. Бхутто и его противники взяты под арест. Вот сейчас передает какой-то «голос» или «волна»: у генералов давно уже лопнуло терпение... Третий мир обрел независимость и... счастливую жизнь...

В США какой-то террорист захватил самолет. После перестрелки террорист и кто-то в самолете были убиты... Царствие небесное...

В Москве запретили американскому послу выступать по радио, т. к. в его выступлении упоминалось о «правах человека». Это точно красная тряпка для быка... Дух Ивана Грозного радуется, следя за политикой сидящих на его троне в Кремле — через чetyреста лет с лишком...

В Каире тоже похитили бывшего министра и требуют освобождения кого-то и, кажется, сколько-то денег и, конечно, самолет для доставки молодцев в Ливию. А если не выполнит правительство их требование к таким-то часам 00 минут, то убьют незадачливого экс-министра, и точка. Но, кажется, все же не убили пока.

6.VII.77. К «сумасшедшему дому». А ведь несчастного египетского министра террористы все же убили...

— А в Чили тоже угнали самолет в Перу, но обошлось, кажется, без кровопускания.

— А у нас, а у нас — все тишь да гладь, только слышны славословья, да поют, поют, поют фальцетом, да поют и басом, и все ноты перевирают, но зато и гонорару полны пригоршни забирают — и все довольны, вольны, ой-люли-люли, ой люлюшки, но без трепан...

Вчера по телевидению очень хорошо читала Анфимова (?) рассказы Шукшина «Балалайка» и «Сапожки» — аж слезы потекли — какой замечательный мастер! Деревня, даже жалкие ошметки ее, нет-нет да и выдвигает замечательных писателей, а вот город с его хаосом и пьяным бытом так и остается вне настоящей литературы — во всяком случае, что касается так называемого гегемона.

Телепередача «Тагильская находка». Составил и читал И. Андроников. Находка сенсационная.

9.VII.77. Вчера показывали по телевидению прием в Кремле дипломатического корпуса Л. И. Б-ым по случаю избрания его президентом... До этого я слышал по радио передачу речей, которыми обменялись «Дуайн» и Л. И. Б. Речь последнего была составлена замечательно, и диктор прочел ее превосходно. Но до чего жалким было зрелище по телевизору! Старик в состоянии маразма пытался безуспешно бороться с текстом, дабы передать его выразительно.

Но особенно жалкой выглядела его фигура рядом с несколькими очень хорошо упитанными «товарищами» — по всей вероятности, крупными работниками МИДа. Именно в руках таких типов, видимо, и находится реальное дипломатическое руководство страны. Умело, но с трудом скрывали они свое впечатление от неумелого чтения текста ответного выступления президента. Дряхлый старик с нечесаными бровями... Вот почему он так любит любоваться своими газетными ретушированными фотоперсонами, где он выглядит еще достаточно прилично... Поистине, «пуппен-президент» — подставной председатель. В руках какой группировки?..

10.VII.77. К «сумасшедшему дому». Вчера снова передавали об очередном угоне воздушными пиратами самолета из Бейрута с более чем 50 людьми на борту. Посадку сделал самолет в Кувейте. В результате переговоров пока выпустили половину захваченных... требуют отправки их на самолете в самую «прогрессивную» на арабском востоке страну НДРЙ (Йемен) — и освобождения дружков. Пираты — деятели палестинцев.

В Каире арестовано что-то около 150 человек, членов мусульманской организации, причастной к убийству бывшего министра. Ведь там тоже — «прогрессивные» товарищи.

В разных концах планеты — страшные ливни с жертвами (Южная Корея, Швейцария и пр.)

Воскресенье. Очень теплый июльский день. В Таврическом парке. Пригороды отсосали все молодое и более или менее сносно здоровое. На скамьях, как на подбор, выставка дряхлости и уныния — бессмысленности человеческих карьер и вообще жизненной суеты. Жалкое зрелище... Ну а если бы сам сел среди них — изменилась бы картина хоть на йоту? Увы! Картина бы несколько не изменилась. Так-то, приятели!..

16.VII.77. Очередная передача по телевидению на тему о положении в Китае. Ведущий — журналист Зорин (кажется, пятая графа неблагополучна). Участники: Бовин — больше чем толстяк, может служить хорошей натурой для портрета бессарабского помещика начала века, но не неумная физиономия, очевидно, большой любитель вкусной еды; и Делюсин Лев Петрович (насчет графы V см. Зорин). Трудно подобрать слова для характеристики их внутреннего цинизма и презрения к телезрителям. Неясно для меня только, считают ли они всех телезрителей абсолютными идиотами в самом прямом смысле слова, или же с наличием какого-то процента нормальных они считают себя вынужденными примириться, полагая, что с этими «нормальными» особо считаться нет нужды. (Хрен с ними. 99,99% принимают нас такими, какими мы хотим). Бульшую растленность трудно придумать: три несомненно образованных «интеллигента», двое (?) — доктора наук, один — известный журналист-международник, ведут беседу по объявленной теме, причем каждый из них знает, что он врет в главном, и также знает, что оба других знают об этом. И в течение почти целого часа они миллион людей оболванивают самым отвратительным откровенно циническим образом — все, что они говорят о Китае —

это зеркало того, что было у нас, а вернее, это наш лик, наше добро с китайской скрупулезностью перенятое. Эта борьба за власть кучки проходимцев, полное презрение к народу, абсолютный культ главаря банды, свирепый танец дикарей над побежденной стаей, и эта манипуляция безнаказанными миллионами и миллионами двуногих существ... Показывали куски хроники с записью демонстрации против «четверки», постройки мемориала Мао. Этот единогласный «согласный» рев, вырывающийся из миллионов глоток, — все взято у нас, но китайскими масштабами приумножено. Это извечная все одобряющая безликая масса. И между прочим, как можно судить по физиономиям, более или менее сытым — не это ли позволяет любой банде творить любые безобразия?! — Накорми и делай что хошь! (Точная запись этой беседы была бы бесценным документом...)

20.VII.77. История учит... черта с два она учит. В «Правде» опубликовано интервью Жискара д'Эстена о разрядке. Не понимает, что это то же, что некогда Мюнхен. Что он принес Франции — целиком забыто... Примитивизм нашей пропаганды поразительный, не считающийся ни с явной ложью, ни с вызывающей тошноту повторяемостью одного и того же. И все же она, эта пропаганда, поразительно действенна... Секрет действенности, разумеется, известен — это полное отсутствие альтернативной начинки для пустых мозгов публики, потребителей этой пропаганды. Бездна, как репа, если ею кормить изо дня в день...

23.VII.77. Вчера по радио передавали обзор Сейфулмулюкова о переговорах Бегина с Картером. После передачи — о перестрелке на ливийско-египетской границе. С пеной у рта обозреватель говорил о переговорах и о сговоре между Израилем и США, о лобби произраильском и прочем в том же духе, точно ничего не существует для нас и для арабского мира кроме палестинской проблемы. С точки зрения самих палестинцев и даже арабов — все это вполне возможно... Но наше собачье дело на Ближнем Востоке! Чего мы добиваемся? На одном антиизраильстве — неужели там, наверху, воображают — можно исправить провал нашей политики на арабском Востоке? Это не наш козырь, а козырь, который мы передали в руки арабам на случай, если арабам не удастся в полной мере привлечь на свою сторону Запад. А козыри Запада неизмеримо сейчас крупнее наших. Нефтяные арабы усвоили, что настоящая для них полезная политика — в западной ориентации. Именно оттуда к ним притекают миллиарды, которые и делают их значимыми в мировой политике, а не Советский Союз с его сателлитами, с их опасной для арабской элиты и арабской идеологии — ислама — политикой. Во всяком случае, сейчас наш козырь в руках арабов не больше как про запас, не больше. Пожертвовав собственным народом ради химеры мирового господства, властители Кремля сейчас пожинают плоды своей политической глупости. Потеряв доверие США, заигрываем с Францией и ФРГ. Глупейшая игра в соперничество между отдельными странами Запада снова начинается. Нет, история не научила западных политиков ничему.

В Цейлоне произошло то же самое, что в Индии — выборы принесли полное поражение Бандаранаике. В общем, первый этап матриархата на Востоке приходит к концу. Замечательно, как недолговечны режимы, которые мы поддерживаем... И в основе всего — истинно восточное неумение видеть не то, что есть, а то, что хочешь видеть — некий султанский волюнтаризм... Сбили с толку Восток «социалистическим» раем, обернувшимся столькими несчастьями как для самих народов, так в конечном счете и для нас, т. е. нашего народа.

Замечательная статья министра внутренних дел Щелокова по поводу новой конституции. Образец «теоретической» бессмыслицы — начинается с утверждения о том, что у нас почти исчезли правонарушения, но... полицейская власть...

26.VII.77. Третий раз занимаю очередь для сдачи пустых бутылок. Первый раз еще не было 10 часов. В 11 подъехала машина для забора уже принятых. Около часа принимала. Очередь, понятно, без движения. Состав очередников — весьма представительный разрез «демократии»: старики-пенсионеры, краснолицые крепыши с мешками, полными бутылок — видимо, собиратели, «капиталисты». Но есть и принесшие несколько бутылок — на пиво, не больше. Но мало чисто гегемонов, которых вполне можно встретить на первых страницах; есть и очкарики, представители НТР; конечно, много женщин — разнокалиберных, начиная с тех, которых любят изображать писатели — несколько отцветшие, но очень некогда красивые; старухи — выпивохи явные; совсем молодые парни; ну, конечно, и «троячники», а в одной тройке — уже в кармане бормотуха... Многие дольше «развитого социализма» уже не дотянут, но кое-кто дотянет и до перезрелого... Не исключено, что и очереди доживут до той окончательно светлой эпохи, когда с тоской будут вспоминать о поре еще недозрелого, или, как чаще говорят теперь, недоразвитого социализма. Поразительно, сколько человеко-часов терется на эти идиотские очереди по сдаче стеклотары. По всей вероятности, наша страна — единственная, где производится купля-продажа пустой тары с такой затратой труда и времени...

Как обычно, пишут о наводнениях и прочих стихийных бедствиях где-то там, в США и других капстранах. И в то же время — почти ничего, как обычно, не было сообщено о бедствиях, причиненных в Фергане страшными силами селевыми потоками, о которых рассказывают приехавшие из Ферганы археологи (называют цифру — 600 человек погибших, не говоря о разрушениях...).

Поразительный наплыв так называемых туристов в Ленинград. Объясняют приезд стремлением закупить товары, продукты, которых нет в провинции. Последняя, кажется, совершенно не снабжается ни товарами, ни продуктами, особенно мясом. В Средней Азии — килограмм мяса до восьми рублей. На это фоне последнее постановление «о дальнейшем улучшении торговли» звучит особенно издевательски...

ОКТАБРЬ

3.X.77. Не выдержал характера Джим Картер. Пошел на сделку с Ленией за счет, конечно, «прав человека». Сник президент перед новоиспеченным «председателем». Газеты пишут о неких компромиссах — и в наших газетах уже нет о нарушении прав человека в США. Чем же купили американца?

Пушкинское: Своих царей великих поминают...
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

Сравни: Стихотворение к годовщине Лицея в 1825 г.:
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

9.X.77. Что же все-таки происходит в мире? Возможен ли какой бы то ни было прогноз? У нас принята конституция, названная «основной закон развития социализма». Я полагаю, что 99,99% СССРовцев так же реагировало бы на это определение, если бы вместо слова «социализм» стояло «коммунизм». Показателем «развитости» строя все равно остается — есть ли в продаже колбаса или репчатый лук. Ведь все равно, какова бы ни была «конституция», она ни к чему не обязывает власти и ни в чем не меняет положения граждан. И все же остается абсолютно непонятным — кому это пустопорожнее «писание» нужно? Зачем этот невиданный камуфляж, в котором занято столько людей, тратится столько времени? кому втираются очки? кто эти смеющиеся фигуры? Ведь среди принимающих конституцию есть же люди, ставящие перед собой вопрос: а кому это все надо?

Не определяется ли вся эта возня международной обстановкой? Положением в мире, о котором членораздельно ничего не говорится советскому человеку эпохи «развитого социализма».

Можно ли что-нибудь выудить из газет? Предо мной «Правда» за сегодняшнее число. Международная информация на части предпоследней страницы. Очень скудная, если не считать поздравления и отклики на принятие «конституции». Или все же кое-что характерное или, вернее, «указующее» есть? Вот заметка о неудавшемся перевороте в Бангладеш и еще меньшая о нашей безвозмездной помощи через Красный Крест Эфиопии — они очень характерны для хаоса на Востоке, который объявлен нами «прогрессивным», «идущим по социалистическому пути». Кое-что говорит и заметка об итогах переговоров между тремя левыми партиями Франции: переговоры временно прерваны, как говорится в газете. Это косвенно характеризует отношение к нашей политике партий «Еврокоммунизма», в конце концов, хаоса в ком. движении на Западе.

Чуть больше, но тоже очень немного можно извлечь из двух заметок: одна — «Углублять разрядку» — о происходящей в Белграде встрече по безопасности и сотрудничеству в Европе. Все якобы говорят о необходимости «продолжать и углублять» процесс разрядки международной напряженности... «Инициатива» на форуме принадлежит активной дипломатии государств социалистиче-

ского содружества. Советский Союз (и др.) изложили программу мер по дальнейшему оздоровлению политического климата на континенте. Но Европа встревожена по поводу опасности возобновления гонки вооружений, главным образом, проектом американской «нейтронной бомбы». Мысли подавляющего большинства участников встречи устремлены в будущее. Но есть, увы, здесь и такие, кто предпочитает смотреть только назад (голландец говорил об «отсутствии прогресса в важнейших областях». Тактический прием — сетовать на медленные темпы и «тратить впустую время на фарисейские проповеди в защиту «прав человека»). По мнению корреспондентов, эта тактика потерпела крах, «белградская встреча взяла деловой старт».

Другая заметка названа «Вылазки реакции». О чем? — Две противоположные тенденции в американской политике последних дней: шаги администрации на урегулирование ближневосточного кризиса, более реалистический подход к переговорам по ограничению стратегического вооружения — и активизация реакционных кругов. Истерика по поводу Ближнего Востока. В американской печати: «США предали Израиль», «Сговор с русскими», «Действия правительства ошибочны» (Джексон: «Картеру будет дан отпор в Капитолии»).

Еще более злобны отзывы на советско-американские переговоры об ограничении и сокращении стратегических вооружений. И вновь появилась тема — «советская угроза». Речь идет о «возросшей советской способности поражать американские спутники». Под этой дымовой завесой начинают новый виток гонки вооружений. А в связи с белградским совещанием «в здешней печати начал вновь муссироваться надуманный вопрос о «правах человека» в Советском Союзе».

Смысл очевиден — сорвать налаживание полезного сотрудничества, но трезво мыслящие американцы и т. д.

Итак, все сказанное как-то разъясняет нашу хитроумную политику и цели ее. Совершенно очевидно, что в мире не на кого опереться. Только на собственную силу, которую кует военно-промышленный комплекс. Ни в коем случае не задеть военный аппарат. Мы к этому вынуждены всей обстановкой. Рассмотренные статьи — дымовые шашки, окутывающие дымом обстановку: ну скажите, какое значение имеют «надуманные права человека» — какие там права нужны при новой конституции — «законе развитого социализма»!

Но каков результирующий прогноз на близкое или не очень близкое будущее? Можно ли в прошлом видеть указания на будущее?

«Дней Александра прекрасное начало» привело к триумфу 1812 г., который, в свою очередь — к декабрю 1825 г., а затем — к николаевскому крепостничеству, с одной стороны, и к западничеству во главе с Герценом — с другой. Проверкой всему стала Крымская война. Поражение николаевщины привело к 1861 г. Итак, победа 1812 г. усилила крепостничество, а поражение 1856 г. привело к проблескам свободы. В этом суть как будто русского опыта первой половины XIX в.

Можно ли уловить на основании опыта XIX в., к чему приведет в конце концов (но бывает ли «в конце концов»?) опыт XX столетия? Поражение

в японской войне как будто привело к бесшабашной свободе на протяжении нескольких месяцев 1917 г. А затем — к дикой, вот уже 60-летней, тоталитарной диктатуре с ростками либерализма под название «диссидентство», или «инакомыслие», в последние полтора десятилетия. Делают ли в Кремле ставку на мир или на войну, учитывая гадательность исхода войны? Мир будет использован для всемерного завинчивания гаек тоталитаризма и в первую очередь для создания совершенно невиданной военной машины. А затем осмелятся ли подвергнуть ее проверке на «практике» новой мировой войны, как с нашей стороны, так и с противной стороны. Наша победа означает поистине всемирный тоталитаризм. Поражение? Ныне живущие поколения едва ли доживут до какого-нибудь определенного решения...

22.X.77. В «Правде» публикуются материалы о визите в Москву индийского премьера Десаи. Событие столь обычное в дипломатической практике приобретает значительный интерес ввиду того, что приезд вскоре после знаменательного переворота или поворота Индии от «прототалитаризма» Индиры Ганди к «продемократизму» западного образца. И это очень популярно разъяснил в своей речи Десаи на обеде в его честь. Эта часть речи премьера метила и, кажется, попала не в бровь, а в глаз нашего председателя. Индия не захотела дальше терпеть единовластия одной партии и совершила «мирную революцию» с помощью «тайнства голосования».

Л. И. Б., защищая наш опыт 60-летнего правления одной партии, решил парировать словами Махатма Ганди о благородстве советского большевистского идеала. Что бы ему стоило попытаться проверить, а что думает по этому поводу советский народ, предложив ему ответить с помощью того же «тайнства голосования»...

Было бы любопытно сопоставить этот визит с визитом Индиры в Москву, имевшим место сравнительно недавно. В общем, наши политики опять оказались жертвами лжеинформации, идущей к нам с Востока (информирует о желанном, а не о действительном положении дела, ср. Индонезия, Египет и пр.).

Интересны фотографии встречи и переговоров — замечательно «злые» или энергичные физиономии индусов (выражения лиц очень необычные), и наоборот, весьма кисло или растерянно выглядят физиономии наших руководителей (понятно, насколько можно судить об этом по газетной фотографии).

Соответственные и весьма скупые сообщения о поездке по стране индусов, не в пример обычной информации такого рода.

Во что добавочно по сравнению с прошлым обойдется наступающий этап «дружбы» с Индией?

НОЯБРЬ

5.XI.77. Поистине великое торжество Князя лжи! Начиная со второго ноября по радио и по телевидению и, разумеется, через газеты по всему миру и в первую очередь по СССР на слушателей, зрителей и читателей изливаются

неисчерпаемые каскады серой однообразной лжи по случаю 60-летия Октябрьской революции. Сотни людей извергают слова, в которых или нет смысла, или смысл заведомо подхалимский. В этом хоре соединились представители всех континентов, всех рас. И похоже, что долго человечество не освободится из-под обрушивавшейся на него лавины обмана и лжи! Когда же будут произнесены слова правды?

7.XI.77. Все сроки блуждания по пустыне во искупление поклонения тельцу коммунизма прошли уже двадцать лет тому назад! 60 лет прошло с того поистине хмурого октябрьского дня, когда мир сошел с человеческой колеи и вступил на пули дьявола. Может ли кто-нибудь сказать, что происходит в мире? У миллионов и миллионов людей мозги усыплены и сознание покрывается все более толстым слоем словесного пепла. И неведомо, теплится ли искра мысли, живого чувства человеческого? Едва ли можно представить себе более ужасающее положение и зрелище, чем то, которое показывали на торжественных собраниях по поводу 60-летия в Кремле или парада на Красной площади, где тысячи и тысячи людей сливаются в одну безликую массу, готовую по единому слову растоптать и уничтожить все, на что будет указано, хлопая при этом в ладоши... Было ли когда-либо нечто подобное в истории?

15.XI.77. Только что по телевидению зачитали Заявление правительства по поводу требования Сомали отозвать из страны наших специалистов (разумеется, в первую очередь военных). Значит, драка между Сомали и Эфиопией, видимо, разворачивается по-серьезному. Итак, после английского триумфа несомненно очень чувствительный удар по нашей африканской политике. Из Судана, из Йемена, а теперь и из Сомали, да и в Заире — конфуз. Что-то ставим мы на проигрышных лошадок! Это в позитивном направлении. И только без устали и без смысла продолжаем негативную политику: антиизраильскую, антиюаровскую, не говоря уж об антиродезийской. Концентрируя нашу пропаганду и дипломатическую активность против этих стран, по сути, не играющих уж такую важную роль, мы упустили возможность направить энергию освобожденных колониальных стран Африки в полезном для них направлении — серьезного экономического и культурного развития. Подталкивая их всячески к милитаризации, искусственно подготавливаем кадры для постоянных переворотов. А наша собственная корысть в этой нацеленной на заварушки политике оборачивается, как видно, крупным проигрышем... И в политике, как в быту, желание зла другому не приносит добра самому себе — максима, давно усвоенная многими. Геронты с их окостенелыми мозгами!

16.XI.77. Параноизм: Л. И. Б-у — золотая медаль К. Маркса. Сцена по ТВ полна комизма. Президент зачитывает, как дьячок — акафист, послание по бумажке...

17.XI.77. На первых страницах газет — о вручении Л. И. Б-у медали Маркса. Разумеется, вполне заслуженно, и место еще есть на груди... Но все же — одно! Не следует ли наградить, например, медалями заслуженного деятеля

науки одновременно всех республик?! Можно прихватить и медали заслуженного деятеля искусства по всем республикам. Как-то получается кустарщина — одна медаль... По одной медали — жизни не хватит все получить — кустарщина...

Асфальтируется наша улица Каляева. Дорожные машины — сила... на машинах ловкие мужики, присматривает на обочине, видимо, мастер, тоже мужчина, в шляпе. Руки в карманах. Но почему-то с лопатами и ломами — бабы в оранжевых жилетах... Пока останутся бабы при лопатах и ломах и их не заменят мужики, разрядка — блеф. Да!

17.XI.77. По ТВ: строительство газопровода с помощью социалистических стран. Строительство грандиозного аэропорта ГДР (?) в Шереметево. И торжественное собрание по случаю ракетных войск. Все вместе символично отражает то, что завтра ожидает планету. Пока нашу «гражданку» обслуживает Запад, мы готовим такой бронированный кулак, пустить в ход который, видимо, вопрос только времени. Решится ли ЛИБ увенчать свою невероятную карьеру военной акцией глобального масштаба? Маршал ракетных войск, выступивший на собрании, уровню таких задач, судя по его чисто крестьянской физиономии, едва ли соответствует, но по линии «чего изволите?» тип, бесспорно, подходящий. Сидевший в президиуме Епишев обладает физиономией, вполне родственной Аракчееву, — каким его можно представить по характеристике наших историков.

Вступал телекомментатор Дружинин — вот растленный тип!

Американец Холл (секретарь и пред. компартии) выступал против Карильо, читавшего лекции в одном американском университете (Йельском?), назвав его штрейкбрехером, так как в университете забастовка технических служащих. Картина для богов!

Фахми подал в отставку в связи с решением Садата посетить Иерусалим. Удастся ли африканцам вытеснить из Африки нас? И с Ближнего Востока? Весь мир — сплошной узел! Удастся ли его кому-нибудь разрубить? Над всем и всеми довлеет близорукая корысть и куриная слепота.

1978 г.

*Новогодние передачи BBC,
«Немецкой волны» и «Голоса Америки»*

1 января. Мир находится накануне каких-то совершенно непредставимых изменений, о которых мы не имеем никакого представления. Густой серый туман закрывает их от нас столь непробиваемой пеленой, через которую ни один луч не может пробиться.

BBC: Англичане об Октябрьской революции и о первых годах после нее. Стихи Окуджавы («Бумажный солдатик»), стихи Бродского, отрывок из «Зияющих вершин».

Немецкая волна: Раймон Арон: О еврокоммунизме французской компартии (по поводу разрыва французских коммунистов с социалистами). Проблема

«Север — Юг», вместо «Восток — Запад» и ее возможные последствия. Чтение потрясающего рассказа Куприна «Убийцы» (о полковнике Блекпуле и старике, явившемся последнему в образе Каина), вечно блуждающего по местам кровопролитий (проснитесь, полковник!).

Голос Америки: О парапсихологии, лекция Шарыгина (?) «О марксизме, не имеющем ничего общего с Марксом». (И верно и не верно — ведь Маркс не только философ, но и учредитель первого Интернационала.) Что такое СССР — нечто совершенно непонятное. История только до капитализма (по Марксу).

Истинный социализм только в США (Книга американского профессора о пенсионном обеспечении в США.)

Сопоставление цифровых данных СССР — США. Расходы на космос: США — 5 миллиардов, СССР — 15 миллиардов.

Поездка Картера по некоторым странам. В Индии совместное заявление о приверженности демократии.

2 января. «Правда» впервые публикует сообщение о столкновении между Вьетнамом и Кампучией. Обе они, насколько известно, промарксистские образования, но драться им, видимо, охота. А в еще более марксистском Лаосе, что делается, может быть, Аллаху и ведомо; но безусловно Маркс не предвидел, что его именем назовут идеологию этих полудикарей. Не предвидел он и то, что его крылатое выражение «чем дальше на восток, тем капитализм подлее» можно легко переделать: «Чем дальше на Восток, тем марксизм бессмысленней или того хуже...»

5 января. По телевидению снова показывали Л. И. Б-а, после якобы гриппа, в связи с награждениями высших чинов. Я застал конец Рашидова, затем Демичева. Последний **зачитывал** свое слово благодарности прежде всего «Ему», затем уверения в приложении всех сил и т. п. банальности и пошлости, выслушивать которые предельно тошно и стыдно, но еще более тошнотворно смотреть, как после вручения он целуется с награжденными, причем обряд лобызания происходит строго по ранжиру — с одними трижды, а с попроче — единожды. При этом все Политбюро стоит по стойке «смирно», но какие у некоторых были... сказать постные — мало. У Громыко на физиономии было написано такое уныние... Кисло и стыдно... И только у самого на лице упрямо тупое, если не самодовольное выражение. Неужели никого из телезрителей не стошнило? Поразительное зрелище.

По «Немецкой волне» передавали газетные отзывы на книгу Копелева и о встречах с ним швейцарского писателя Фриша. По «Голосу Америки» передавали беседу с Андр. Амальриком. Слышимость плохая. Говорил о полученных сведениях о якобы готовящейся ликвидации инакомыслия. Опасения за судьбу Сахарова.

В Лондоне арабские террористы убили представителя ООП Хаммами. Недавно были убиты какие-то сирийские дипломаты и др. (к теме «Мир сошел с ума»). Война между Вьетнамом и Кампучией — зрелище для богов,

поощряемое и с нашей, и с китайской стороны (мы поддерживаем Вьетнам, Китай — Кампучию).

ВВС передавало отрывки из «Собачьего сердца» М. Булгакова.

Мусолят инцидент в Париже. Картер, вопреки традициям, не посетил Ратушу. В Чили Пиночет на референдуме получил 75% голосов в поддержку своей политики. В «Правде» о референдуме, естественно, как о фальсификации. ВВС о довольстве Пиночетом средних слоев. Процветание и стабильность.

6 января. Слабому мозговому аппарату политиков третьего мира впору выйти из строя. Они вынуждены прислушиваться к советам своих старших «друзей», в первую очередь «сверхдержав» и, конечно, Китая. И вот одни убедительно советуют не вооружаться, как занятие бесполезное. Да и денег не хватит. (Это наш совет.) Но вот голос Китая: Только вооружаясь, можно сохранить независимость и выдержать поползновения просто империализма, а еще в большей степени «социал-империализма», который особенно стремится их всех прибрать к рукам. Только что передавали беседу с радиокомментатором, смысл которой сводился к следующему: переговоры в США дело хорошее, но поскольку неизбежно овладение Китаем ядерным и др. вооружением, а также средствами его доставки, наш долг быть наготове. Как будто это вопрос ставится впервые?..

РОССИЯ И США. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.

В начале 1850-х гг. отношение в России к Северной Америке в официальных и близких к ним кругах общественности определялось международной обстановкой, вызванной назревающим военным кризисом в Европе — Крымской войной. Ситуация несколько напоминала положение перед наполеоновскими войнами, когда Северная Америка была на стороне России.

Так, по словам С. Т. Аксакова, война приведет к упадку Англии и Австрии и превращению их в незначительные государства, в чем он рассчитывал на содействие со стороны Америки.

В недавно опубликованном специальном исследовании, посвященном экономическим, культурным и дипломатическим связям России и США, также указывается, что общее противодействие «крымской системе» Англии и Франции, выгоды экономические и дипломатические сближали США с Россией.

Вся обстановка внутренней жизни России, радикально изменившаяся после неудачного для России исхода войны, отразилась существенным образом и на отношениях русской общественности к Соединенным Штатам. Дали о себе знать новые важные факторы, причем не только в России, но и в Америке.

Главные из них — отмена крепостного права в России, известные реформы государственного аппарата и другие перемены, происшедшие в 1860-х гг.

Не могли не оказать своего влияния и те перемены, которыми ознаменовалось и в Америке это десятилетие, как то: падение рабства, гражданская война между Южными и Северными штатами — события, которые нашли живой отклик в русском обществе.

Здесь необходимо особо указать, что характер общественных настроений в так называемое пореформенное время становится иным, чем прежде. Идеиные направления публицистики и художественной литературы резко поляризуются. В них складываются два противостоящих лагеря, идеологически враждебных друг другу, отражающих, в свою очередь, углубившуюся социальную дифференциацию общества.

С одной стороны, это консервативные слои общества, а с другой — выступившая на арену общественной жизни т. н. разночинная интеллигенция, или «новые люди».

Идейный водораздел обозначился между ними в интересующем нас вопросе об отношении к Америке, прежде всего в художественной литературе. С необходимым фактическим материалом знакомит нас упомянутая книга А. Н. Николюкина «Литературные связи России и США».

В главе «Пушкин и американская литература» им выделена особая тема русской классической литературы, которую автор обозначил «бегством в Америку». Здесь можно сделать следующее замечание. К пушкинской эпохе, да и к первой половине XIX в. целиком, это название едва ли применимо. Более подходит в данном случае термин, пущенный Достоевским в его знаменитой пушкинской речи — «скитальчество». Что касается собственно «бегства», то этот феномен более применим лишь ко второй половине века. Бегство, в частности в Америку, было вызвано в последней эпохе совершенно иными обстоятельствами, чем то «скитальчество», о котором говорит Достоевский. Да и сам Николюкин называет авторов, у которых эта тема отражена, принадлежащих именно ко второй половине XIX в.

Для нас главный интерес представляют сочинения Чернышевского и Достоевского. Именно в них четко выражены настроения тех двух лагерей, о которых говорится выше. Обратимся к ним.

Чернышевский свое отношение к Америке вполне определенно высказал в романе «Что делать?» Два главных героя романа привлекают наше внимание прежде всех. Это Лопухов и Рахметов. Лопухов — это истый представитель разночинной русской интеллигенции. Начав после окончания университета практическую карьеру в Петербурге как медик, причем вполне успешно, он по ходу развития фабулы романа вдруг решает уехать в Америку. Он своеобразно обставляет свой выезд, имитируя самоубийство. Нет необходимости останавливаться на подробном пересказе обстоятельств, приведших к этому решению. Как бы то ни было, сбежав в Америку, Лопухов остается там в течение нескольких лет. Затем он инкогнито возвращается в Петербург под именем Бьюмонта, в качестве агента промышленной фирмы. Вернувшись, он придумывает «автобиографию», помогающую ему снова сблизиться с оставленными им близкими людьми, к чему он и стремился. Прежде чем стать служащим фирмы, которая вела дела с Россией, он был простым клерком в Нью-Йорке.

Там он вполне усвоил т. н. «аболиционистские» политические взгляды, которые от открыто высказывает и вернувшись в Петербург.

Об американцах он высказывается как о «лучшем в мире народе», но это свое отношение он адресует только к американцам Северных Штатов. О южноамериканцах он говорит, что они «такие же североамериканцы, как и эмигранты-французы», имея в виду эмигрантов из Франции после Великой французской революции.

Себя он представляет в соответствии с духом американского образа мышления главным образом как «человека дела» (бизнесмена). Соответственно его отношение к людям. Так он говорит: «Забываю о людях совершенно, когда заинтересован делом». Или «Интерес могут иметь для меня только личности, которым обязан своим успехом, — это дело».

Характерно отношение Бьюмонта-Лопухова к Полозову, с которым он вступает в деловые отношения, этому типу русского делового человека.

В молодости Полозов промотал богатое наследство, но затем сам, «своим умом» нажил миллионы, которые снова потерял в неудачных операциях. По этому поводу автор романа говорит: «По американской привычке не видеть ничего необыкновенного в быстром обогащении... Бьюмонт не имел охоты ни восхититься величием ума, нажившего было три-четыре миллиона, ни скорбеть о таком разорении».

Характерно отношение Полозова к Бьюмонту. Вот как он о нем судит: «Он человек основательный: в 30 лет вышедший из ничего имеет хорошее место... у них в Америке, — продолжает он, — человек — ныне работник у сапожника или пахарь, завтра генерал, послезавтра президент, а там опять конторщик или адвокат. Это совсем особый народ, у них спрашивают о человеке только по уму и по деньгам. Это и правильно, — продолжал думать Полозов, — я и сам такой человек».

Отметим, что Катерина Васильевна, дочь Полозова, мечтавшая о деле для себя, выслушав сказанное Бьюмонтом о возможностях для женщин, обращается к отцу: «Папа, поедem в Америку... я там буду что-нибудь делать». На это Бьюмонт, впрочем, ответил: «Можно найти дело и в Петербурге».

На этом оставим Бьюмонта-Лопухова. Обратимся к другому действующему лицу романа — Рахметову. В ходе обширного повествования о нем, подробности которого приводить здесь нет необходимости, укажем только, что этот «странный» человек, даже «чуждак» вдруг также, наподобие Лопухова, «пропадает». Известно только, что он отправился в длительное заграничное путешествие и предположительно должен посетить и Америку. По рассказу некоего русского путешественника, встретившего Рахметова за границей, «ему нужно быть уже в Североамериканских Штатах, изучить которые ему более нужно, чем какую-нибудь другую землю и что там он останется долго, может быть навсегда, если он там найдет дело; но, вероятнее всего, что года через три он возвратится в Россию, потому что, кажется, в России — не теперь, а тогда, года через три-четыре — «нужно» ему там быть». Это все, что сообщается о его предполагаемом пребывании в Америке.

Приведенными высказываниями самих героев романа «Что делать?», или тем, что в них говорится, высказывания об их отношении к Америке ограничиваются. Несмотря на общую их лаконичность, они определенно показывают, что в 1860-х гг. в той среде, которую эти герои представляют, сложилось вполне положительное отношение к Америке. Главные черты, характеризующие самих американцев, особенно их деловитость, показаны как вполне приемлемые и для русского человека.

Больше того, в определенной степени уже стали присущи ему. И что необходимо особо подчеркнуть, нет и намека на отрицательное отношение к американской действительности, к разочарованию в ней. Опыт Америки — этого «Нового света» — следует изучать и тем «новым людям», которые стали героями «Что делать?»

Таковой представляется и главная мысль автора романа — самого Чернышевского.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести. СПб.
- АДД — Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук.
- АКД — Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
- АН — Академия наук.
- АО — Археологические открытия. М.
- АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад / Душанбе.
- ВАН — Вестник Академии наук СССР. М.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВЛГУ — Вестник ЛГУ. Л.
- ДАН — Доклады АН Таджикской ССР. Сталинабад.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
- ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.
- ИАК — Известия Археологической Комиссии. СПб.
- ИАН — Известия АН.
- ИБМАИКЦА — Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.
- ИООН — Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Сталинабад / Душанбе.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
- КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
- Л. — Ленинград.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет. Л.
- М. — Москва.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МКУ — Материальная культура Уструшаны. Душанбе.
- НС — Новая серия.
- ОНУз — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
- ПВ — Проблемы востоковедения. М.
- ПТКЛА — Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.
- РАН — Российская АН. М.
- СА — Советская археология. М.
- СВ — Советское востоковедение. М.
- СВН — Серия востоковедческих наук.
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
- СИФ — Серия истории и философии.
- СНВ — Страны и народы Востока. М.
- СОН — Серия общественных наук.
- СПб. — Санкт-Петербург.
- СЭ — Советская этнография. М.
- ТАКЭ-I — Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Ташкент, 1940 (Труды Узбекстанского филиала АН СССР. Сер. I: История, археология. Вып. 2).

- ТАКЭ-II — Термезская археологическая экспедиция. Т. II. Ташкент, 1945 (Труды АН Узбекской ССР. Серия I: История, археология. Вып. 4).
- ТАН — Труды АН Таджикской ССР. Сталинабад.
- ТИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
- ТД — Тезисы докладов.
- ТИИ — Труды Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша АН Таджикской ССР. Сталинабад / Душанбе.
- ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.
- ТОВЭ — Труды Отдела истории, культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Л.
- ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент.
- ТТашГУ — Труды Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина. Ташкент.
- ТТАЭ — Труды Таджикской археологической экспедиции. М.; Л.
- ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
- ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
- УЗЛУГ — Ученые записки ЛГУ. Л.
- УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
- ЭВ — Эпиграфика Востока. М.; Л.
- ААs — Arts Asiatiques. Paris.
- АРАW — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Berlin.
- ArtAsiae — Artibus Asiae. Ascona.
- BEFEO — Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. Paris.
- BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum / Ed. M. J. de Goeje. Pt. I–VIII. Lugduni Batavorum, 1870–1894.
- BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.
- GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series. London; etc.
- JA — Journal Asiatique. Paris.
- JRAS — The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.
- MDAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris; etc.
- NF — Neue Folge.
- NS — New Series.
- RAA — Revue des Arts Asiatiques. Paris.
- RE — Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, fortgeführt von W. Kroll und K. Mittelhaus, unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen hrsg. von K. Ziegler. Stuttgart.
- SKAW — Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. Wien.
- SPA — A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present / Ed. by A. U. Pope and Ph. Ackerman. Vol. I–VI. London; New York, 1938–1939.
- SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin.
- Syria — Syria: Revue d'Art Oriental et d'Archéologie. Paris.
- T'P — T'oung Pao. Leiden.
- YCS — Yale Classical Studies. New Haven.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig.

Научное издание

Беленицкий Александр Маркович

**ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

**ЭССЕИСТИКА РАЗНЫХ ЛЕТ
(ОБЩЕСТВО, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА)**

Под общей редакцией В. П. Никонорова

Корректор — *Н. П. Дралова*

Технический редактор — *Е. М. Денисова*

Подготовка иллюстраций — *С. В. Лебединский*

Подписано в печать 23.05.2019. Формат 70 × 100^{1/16}.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 60,125 + 1,3 цв. ил. Заказ № F-2756

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.

191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

115093, г. Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58, стр. 3, пом. 11

Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com